

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

100

100

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА
(1703 - 1861 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 5 5

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. П. ВЯТКИН

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

 Ленинград, прежде Петербург — Петроград, сыграл выдающуюся роль в истории нашей Родины.

Почти два века Петербург наряду с Москвой стоял во главе экономического и культурного развития России, являлся передовым форпостом ее обороны на северо-западных границах.

С Петербургом — Петроградом связаны замечательные революционные традиции русского народа от Радищева и декабристов до первых революционных организаций рабочего класса. Здесь великий Ленин закладывал основы партии нового типа — славной Коммунистической партии, создание которой положило начало революционной перестройке всего мирового рабочего движения в эпоху империализма.

Ленинград дорог советскому народу и всему прогрессивному человечеству как колыбель Великой Октябрьской социалистической революции. Залпы «Дворцы» открыли новую эру мировой истории.

Петроградские рабочие вместе с солдатами гарнизона и матросами Балтийского флота первыми стали под знамена Коммунистической партии, под знамена Октябрьской революции.

Петроград стал первой столицей первого в мире социалистического государства. Здесь в Смольном был принят II съездом Советов исторический декрет о мире, здесь было образовано первое правительство социалистической державы,

возглавленное В. И. Лениным. Отсюда Советское правительство провозгласило «Декларацию прав народов России», сплотившую трудящиеся массы национальных окраин вокруг великого русского народа.

Коммунистическая партия превратила Петроград в несокрушимый бастион пролетарской революции.

Рабочие Петрограда совместно с частями молодой Красной армии отстояли свой город от белогвардейцев и иностранных интервентов. Добрую славу оставили по себе петроградские рабочие на всех фронтах гражданской войны, на всех участках социалистического строительства молодой советской республики.

В период мирного строительства, наступивший после окончания гражданской войны, на Ленинград были возложены почетные задачи по восстановлению и реконструкции народного хозяйства страны.

По воле Коммунистической партии Ленинград в годы первых пятилеток был превращен в важную базу технического прогресса всего народного хозяйства страны, в один из важных центров подготовки технических кадров. Ленинград дал социалистической промышленности первые в нашей стране блюминги, мощные турбины и генераторы, сельскому хозяйству — первые тракторы.

Из Ленинграда вышло много рабочих двадцатитысячников — организаторов колхозной деревни и руководителей МТС, немало талантливых строителей гидростанций и заводов, командиров промышленности и транспорта.

Величайшим испытанием для советского народа явилась Великая Отечественная война. С честью выдержал суровое испытание Ленинград, почти 900 дней находившийся в осаде. Непреклонное мужество ленинградцев, несокрушимая доблесть советских войск сделали город неприступным. При могучей поддержке матери-Родины город-герой преодолел огромные трудности, отбил все атаки врага. Фашистские армии были отброшены и разгромлены.

Благодаря помощи всего советского народа, неустанной заботе Советского правительства и Коммунистической партии Ленинград быстро залечил тяжелые раны, нанесенные ему войной и блокадой.

Один из прекраснейших городов мира Ленинград попрежнему является ныне одним из важнейших центров культуры, науки и технического прогресса в СССР.

Славное историческое прошлое Ленинграда близко и дорого советским людям, ценящим выдающиеся революционные и культурные заслуги русского народа.

«Очерки истории Ленинграда» ставят своей целью осветить важнейшие этапы экономической, общественно-политической и культурной жизни города. Первый том «Очерков» посвящен истории Петербурга в эпоху феодализма — от первых сведений о территории, занимаемой городом, до падения крепостного права в России. Второй том охватывает историю города в эпоху промышленного капитализма, третий — эпоху империализма. Четвертый том, который выйдет позднее, будет посвящен истории социалистического Ленинграда.

Хронологические даты первых трех томов приводятся по старому стилю.

Петербург был основан на земле, издавна принадлежавшей русскому народу. Еще на заре русской государственности по Певе шли киевские и новгородские ладьи, на островах невского устья селились русские люди.

Документальные материалы, использованные в I томе «Очерков», вновь подтверждают неоспоримые права русского народа на балтийские берега.

В «Очерках» объясняется экономическая и политическая закономерность возникновения на Балтике в начале XVIII в. крупнейшего торгово-промышленного города России. Авторский коллектив ставил своей задачей показать, что своим рождением и возвышением Петербург был обязан ратной и трудовой отваге русского народа, могуществу Русского государства, сумевшего сплотить все силы Руси для разгрома войск ее северного недруга Карла XII.

Развитие и рост Петербурга были неотделимы от жизни всего отечества. Самое возникновение Петербурга явилось следствием экономического укрепления Русского государства, было подготовлено огромной хозяйственной, политической и культурной работой русского народа, объединенного вокруг великой его столицы Москвы. Хозяйственная жизнь Петербурга определялась экономическим развитием всей страны, его народонаселение пополнялось выходцами из разных районов России, общественная, политическая и культурная жизнь столицы отражала борьбу прогрессивных и реакционных сил на всем пространстве огромной державы. В этой тесной связи города со всей страной заключались истоки его жизнеспособности, его постоянного роста.

В XVIII—XIX вв. в Петербурге, как и во всей стране, шел непрерывный процесс развития торговли и мануфактурной промышленности. Привлеченные авторами материалы позволяют проследить процесс складывания буржуазных отношений, нарастание противоречий между господствующими феодально-крепостническими производственными отношениями и новым характером производительных сил. Особенно остро эти противоречия проявлялись в Петербурге как передовом экономическом центре страны.

История Петербурга того времени — это история созидательного труда десятков и сотен тысяч крепостных и рабочих людей в самых тяжелых условиях.

Авторы «Очерков» старались возможно полнее использовать скудные порою данные источников, чтобы более обстоятельно и всесторонне обрисовать условия жизни и быта трудового населения столицы, темного и забытого, подавленного нищетой, эксплуатацией, голодом.

Вместе с развитием общественно-политической и хозяйственной жизни города росла его территория, вырастали его неповторимые архитектурные шедевры.

В главах по архитектуре выявляются передовые принципы русского градостроительства, примененные при планировке и застройке Петербурга, и отмечается связь архитектуры Петербурга с лучшими традициями московского зодчества. Одновременно подчеркивается разительный контраст между парадным центром города, где жили правящие классы, и жалкими окраинами, где ютились рабочие.

В XVIII—XIX вв. Петербург становится крупнейшим центром русской культуры. В Петербурге жили и творили такие великие корифеи русской науки, литературы, искусства, как Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Глинка, Гоголь, Брюллов, Федотов.

Авторы «Очерков» стремились на материалах Петербурга обрисовать могучий подъем русской культуры в XVIII—XIX вв., осветить развитие принципов критического реализма в русском искусстве и литературе, показать творческие достижения русской научной мысли.

С конца XVIII в. Петербург становится во главе освободительного движения в России.

Революционные традиции русского народа близки и дороги трудящимся всего мира, поэтому авторы «Очерков» считали особым своим долгом более подробно рассказать об исторических заслугах таких замечательных борцов против самодержавия и крепостничества, как Радищев и декабристы, Белинский и Герцен, как великие предшественники русской социал-демократии Чернышевский и Добролюбов.

* * *

Авторами I тома «Очерков истории Ленинграда» являются: В. Н. Бернадский, С. С. Волк, М. П. Вяткин, А. И. Гегелло, А. А. Елисеев, А. Л. Каганович, Ю. В. Келдыш, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, С. П. Луппов, И. И. Любименко, В. В. Мавродин, В. И. Макаров, Г. Е. Павлова, Н. Н. Петров, В. И. Пилявский, А. В. Предтеченский, К. Н. Сербина, А. Е. Сукновалов, М. П. Троянский и В. Ф. Шилков.

При составлении тома учтены критические замечания А. И. Андреева, Н. М. Дружинина, Е. И. Заозерской, П. Я. Канн, Н. В. Киреева, Т. К. Крыловой, А. Г. Манькова, М. В. Нечкиной, А. С. Нифонтова, Н. Е. Носова, С. Б. Окуня, М. К. Рожковой, К. В. Сивкова, И. И. Смирнова, Р. А. Соминой, А. В. Станиславской, С. А. Фейгиной, Л. В. Черепнина, С. С. Черникова, И. П. Шаскольского, В. К. Яцунского.

Подбор иллюстраций и карт осуществлялся В. К. Макаровым и Н. Н. Петровым. Бригадир тома Н. Е. Носов. Техническую подготовку текста выполняли В. Е. Бондаревский, Э. Э. Крузе, Т. М. Новожилова, З. Н. Савельева, В. И. Садикова, Э. А. Хрящева. Указатели составлены Т. М. Новожиловой и Э. И. Савельевой при консультации В. А. Петрова и К. Н. Сербиной.

Редакция I тома принадлежит М. П. Вяткину. В редактировании отдельных глав принимали участие С. С. Волк, Б. М. Кочаков и Ш. М. Левин.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ПЕТЕРБУРГ
В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ
РОССИЙСКОГО
АБСОЛЮТИЗМА
ДО СЕРЕДИНЫ 60^Х ГОДОВ XVIII В.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ALLEN T. BROWN
1900-1980
POCUMTUCKET
CONNECTICUT
A MEMORIAL VOLUME

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИКО - ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЙОНА ПЕТЕРБУРГА ДО ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

 Местоположение Ленинграда определяется географическими координатами в $59^{\circ}57'$ северной широты и $30^{\circ}19'$ восточной долготы от Гринвича.

Ленинград расположен в восточной части Финского залива на островах, образуемых дельтой реки Невы, и на прилегающей к ней территории.

Нева (длина 74 км), соединяя Финский залив с обширным внутренним бассейном, состоящим из озер Ладожского, Онежского, Ильменя и других, пререзает Ленинград на протяжении 13 км, образуя ряд разветвлений, из которых главными являются Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невки.

Кроме пяти названных разветвлений, Нева образует в своей дельте еще ряд более мелких протоков — Фонтанку, Мойку, Карповку, Смоленку, Пряжку и Екатерингофку.

Ряд каналов — Грибоедова, Крюков, Обводный и другие — дополняет водную систему Ленинграда.

В черте города в Неву впадает несколько речек: Охта, Черная и др.

Все эти реки, речки и каналы образуют свыше сотни плоских и низменных островов, которые затопляются при подъеме воды в реке. Наиболее значительными из них являются Васильевский, центральный остров Петроградской стороны и Крестовский остров.

Ширина Невы в пределах города колеблется от 300 до 600 м, средняя глубина — от 10,5 до 18 м, высота берегов — от 5 до 12 м.

Скорость течения Невы в отдельных частях ее различная: от 3,5 до 6 км в час, а в порогах 8,5 км в час.

При впадении Невы в Финский залив происходит резкое снижение скорости движения воды, вследствие чего илстые частички, которые везут невисские воды, осаждаются на дно и образуют на взморье обширные отмели, делающие невозможным проход в устье Невы судов со значительной осадкой.

Из-за скорости течения Нева не замерзает до тех пор, пока ее не закроет озерным ладожским льдом. Средняя продолжительность периода, когда Нева свободна от льда и пригодна для судоходства, равняется 218 дням в году.

Штормовой западный ветер, замедляющий мощное течение реки, приводит к наводнениям. В сильной степени этому способствуют и низкие берега, особенно у устья Невы. Размеры наводнения зависят от продолжительности и силы западного ветра, скорость которого иногда достигает больших размеров, например в 1924 г. ветер дул со скоростью 16 м в секунду, а отдельные порывы его достигали 35—40 м. Чаще всего значительные подъемы воды бывают в сентябре — декабре, большинство же их приходится на ноябрь. Зимой и весной наводнения бывают очень редко. Особенно опасны зимние наводнения, так как к разрушительной силе воды присоединяется еще и лед.

За два с половиной века (XVIII—XX вв.) зарегистрировано 142 наводнения,¹ из них наиболее катастрофическими были: наводнение в 1824 г., когда подъем воды был наибольшим, и наводнение 1924 г., когда вода поднялась так, что покрыла 65 кв. км суши Ленинграда. Но не проходит ни одного года, чтобы вода по нескольку раз в год не поднималась выше ордынара, угрожая новыми наводнениями. Некоторые годы отличались особенно большим числом наводнений, например в 1863 г. их было 10, а в 1875 г. — 13.

За время существования Ленинграда в результате векового поднятия суши площадь города увеличилась более чем на 5 кв. км. Особенно интенсивно поднятие суши происходило до середины прошлого века.

Территория Ленинграда и его окрестностей — слегка возвышенная низменность с обилием заболоченных мест — была занята в заключительную стадию последнего оледенения приледниковым водоемом — Древнебалтийским морем. Обмеление водоема шло довольно медленно, и море оставило этот район примерно за 2400 лет до н. э., потому-то в районе Ленинграда геологи и встречают свежие следы деятельности моря.

Ленинград и его окрестности расположены на Пригневской низменности, образовавшейся в результате деятельности Древнебалтийского моря, граница которого проходила в центре современного Ленинграда; интересно, что границы моря совпадают с границами больших наводнений, как, например, в 1924 г. Рельеф города

¹ Эта цифра несомненно преуменьшена, так как в XVIII в. регулярной регистрации наводнений не было.

Ленинграда делится на две части: более высокую материковую и низменную часть, которая находится на территории, некогда занимаемой Древнебалтийским морем.

Река Нева возникла на месте ледникового водосма. Дельта Невы и островов, лежащих в ней, образовалась не в результате наносов реки Невы, а в результате векового поднятия суши в этом районе.

Река Нева в геологическом отношении — крайне молодая река, ей не более 4000 лет. Она значительно моложе рек Охты и Тосны, протекающих в этом же районе. Человек несомненно был свидетелем образования и формирования реки Невы и ее дельты.

Можно думать, что река Нева сначала была широким проливом, соединявшим Балтийское море с Ладожским озером. Дальнейшее поднятие материка сузило пролив между Ладожским озером и Финским заливом, что послужило началом превращения пролива в реку.

Свое название Нева получила от древнего наименования Ладожского озера — Нево-озеро.¹

Вся восточная часть Финского залива вплоть до XVIII в. носила название Котлина озера.

Невская дельта менялась буквально на глазах. Изменения, переживаемые Невской дельтой, зафиксированы на сохранившихся картах и могут быть прослежены на протяжении почти 300 лет. Перемены выражались в изменении течения отдельных речек и в появлении новых островов; так, например, переписная книга 1500 г. называет в Невской дельте три населенных острова: Васильев, Фомин и Сандуй; сколько было всего островов — остается неизвестным. На карте 1674 г. показано 24 острова, 1756 г. — 31, 1777 г. — 48, 1840 г. — 80 и 1950 г. — свыше 100. Впрочем, следует иметь в виду, что ряд островов после основания Петербурга образовался путем искусственного прорытия каналов. Размеры отдельных островов также менялись — одни из них росли, а другие, наоборот, размывались.

Территория внешнего Ленинграда и его окрестностей много раз изображалась на картах XVI и XVII вв.² Подробно был изображен этот район и на первой общей карте Русского государства, данные которой сохранились в «Книге Большому чертежу».³

¹ Река Нева известна в шведских источниках под названием реки «Ну», что значит в переводе из русской язык «Новая». Под этим же названием упоминалась Нева и в 1269 г. в договорах Новгорода с немецкими городами (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 58—59, 61).

² В росписи чертежей «разных государств», хранящихся в Посольском приказе, в 1614 г. упоминался чертеж Карельского и Ореховского рубежей и ряд других (Чтения Общ. ист. и древн. российск., № 3, 1894, стр. 16).

³ Книга Большому чертежу. Л., 1950, стр. 153, 156—157.

Северное побережье Невской губы и Финского залива было заселено в глубокой древности.

Ближайшие окрестности Ленинграда богаты следами культуры каменного века. Все они, кроме неолитической стоянки в Разливе, относятся ко времени 1800—2000 лет до н. э. Стоянка в Разливе является самой древней и может быть датирована на основании геологических и археологических данных IV тысячелетием до н. э. Не менее обитаем был этот край и в более позднее время, о чем красноречиво говорят сестрорецкие курганы, датируемые X—XIII вв., и большой клад арабских монет IX—X вв., найденный на территории Васильевского острова. Большое оживление на водных путях Восточной Европы наблюдалось уже в VIII—XI вв., когда народы и племена, жившие в районе Балтийского моря, поддерживали оживленные торговые сношения со Средней Азией, Ираном, Ближним Востоком, Византией, пользуясь при этом рекой Волгой и «великим водным путем из Варяг в Греки». Часть этого пути шла по северо-восточному берегу Финского залива, а затем по реке Неве и Ладожскому озеру. Таким образом, Нева являлась началом великих водных путей, Волжского и из «Варяг в Греки».

Племена, жившие в районе Финского залива, в том числе воли и ижоры, издавна находились в тесных сношениях с ильменскими славянами и вместе с ними вошли в IX в. в состав Новгородского государства.

Перечисляя состав владений Великого Новгорода, летописец в 1270 г. писал: «Вся волость Новгородская — Плесковичи, Ладосжане, Карела, Ижора, Вожане».¹ Тот же перечень мы встречаем в летописи и под 1316 г.² Ижорская земля входила в состав Вотской пятины.

Территория нынешнего Ленинграда в новгородские времена находилась на землях Никольского Ижорского и Спасского Городенского погостов Ореховского уезда, входившего в состав Вотской пятины, причем южный, левый, берег Малой Невы относился к Никольскому Ижорскому погосту, а правый, северный, к Спасскому Городенскому. Таким образом, вся местность нынешнего Ленинграда причислялась к Ижорскому погосту, кроме Охты и Петроградской стороны, которые относились к Спасскому погосту.

Побережье Финского залива на север от устья Невы относилось к Карбосельскому погосту, а южнее — к Дудуровскому погосту того же Ореховского уезда.

Почти все население Ижорского и Спасского погостов жило в деревнях и занималось сельским хозяйством, о чем свидетельствуют археологические исследования, произведенные в этом крае. В курганах XI и XII вв. были найдены горшки с зерном и сельскохозяйственные орудия — серпы, косы.³ А уже в начале XIII в.

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 62.

² Там же, стр. 71.

³ Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Обработал для издания А. Спицын. Материалы по археологии России, № 29, СПб., 1896, стр. 11, 12, 35.

густонаселенная Ижорская земля была цветущим земледельческим краем, привлекавшим к себе жадных до грабежа рыцарей, которые, например, в 1221 г. захватили здесь богатую добычу и произвели страшное опустошение.¹ Земледелие и отчасти скотоводство оставались основными отраслями хозяйства этого края и в позднейшие столетия.

Писцовая книга 1500 г., давая подробное представление о жителях Ижорской земли, свидетельствует, что в состав «старого дохода», шедшего с крестьян восьми погостов Ореховского уезда, входили рожь, овес, ячмень и лен. Развито было и скотоводство, продукты которого — мясо, баранина, масло, сыр — взимались с крестьян также всех восьми погостов. В некоторых погостах существенную роль играла охота, результаты которой в виде беличьих и зайчих шкурок также шли в уплату «старого дохода», первые — по трем, а вторые — по четырем погостам.

Рыбная ловля была развита в местностях, лежащих по берегам реки Невы. Здесь были расположены поселки рыболовов, для которых земледелие являлось лишь подсобным занятием.²

С Невой же был связан и другой вид занятий — судовой промысел. В число судовщиков включались не только лица, делавшие суда, и владельцы их, но и лоцманы, хорошо знавшие «речной ход» как по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, так и по Финскому заливу.

Из промыслов в Ижорской земле были особо развиты железодобывающий и железоделательный. Они были сосредоточены в погостах Никольском Ярвосоельском и примыкающих к нему Егорьевском Лопском, Спасском Городенском и Никольском Ижорском. Во всех 4 погостах было 11 домниц с 11 печами и столько же домников; кузнецов же было только 8 человек. Что касается других промыслов, то в погостах Лопском, Дудоровском, Ижорском и Ярвосоельском заметна специализация крестьян в области льноводства и обработки льна.³ Отсюда и уплата «старого дохода», отмеченного в переписной книге 1500 г., полстном, холстом, льняной прилкей, утиральниками и убрусами.

Переписная книга 1500 г. в известной мере отражает не дошедшую до нас переписную книгу конца XV в., поэтому, сравнивая имеющиеся в ней данные «старого письма» (конца XV в.) и данные «нового письма» (1500 г.), можно говорить об увеличении количества населенных пунктов, о значительном росте числа дворов и населения в них по Спасскому Городенскому и Никольскому Ижорскому погостам.

¹ С. С. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. Исторические записки, т. 6, 1940, стр. 129.

² Временник Московск. общ. ист. и древн. российск., кн. 11, М., 1851, стр. 372—373.

³ С. С. Гадзяцкий, ук. соч., стр. 143.

Данные «старого и нового письма» сведены в нижеследующую таблицку.

Дата	Городенский погост ¹			Ижорский погост		
	Количество			Количество		
	нас. пункт.	дворов	людей ²	нас. пункт.	дворов	людей
Конец XV в.	70	162	230	348	582	981
1500 г.	71	218	290	338	864	1226

Таким образом, на территории нынешнего Ленинграда и прилегающего к нему района (старые погосты Ижорский и Городенский) в конце XV в. населенных пунктов было 419, дворов 744 с населением в 1191 человек, а в 1500 г. — деревень 410, дворов 1082 с населением в 1516 человек. Данные писцовой книги Вотской пятинны 1539 г. свидетельствуют о том, что рост населения продолжался и в 30-х годах XVI в.: рядом со старыми деревнями упоминаются новые починки.

Самым населенным пунктом в Спасском погосте было село на «Фомине острове на Неве у моря». Оно состояло из 37 дворов, из них 4 двора принадлежали непашенным людям и 1 двор был устроен на случай приезда тиуна;³ населения было 36 человек, из них 4 были непашенными. Наличие здесь двора тиуна говорит о том, что это село являлось центром погоста.

На Никольском погосте находились церковь, 3 двора церковнослужителей и 1 двор торгового человека, который платил «с редовичи, что у Клетей».⁴ Кроме того, был рядок Клетей с 8 дворами с населением в 20 человек,⁵ а на «Васильеве острове» были дворы великого князя рыбных ловцов — по «старому письму» их было 14 дворов с населением в 17 человек, а по «новому письму» 16 дворов с населением в 16 человек.⁶ Все это многочисленное крестьянское население жило в волостях, принадлежавших сначала новгородским землевладельцам, а затем московским. В числе землевладельцев были бояре, своеземцы, монастыри и церкви. Боярам и другим крупным светским владельцам принадлежало 66,7% всей земли, своеземцам — 14,7%, на долю остальных категорий владельцев, в том числе монастырей и церквей, приходилось всего лишь 18,6% общего количества земли. Внутри Ореховского уезда резко различаются 2 района — границей между ними служила река Нева. В погостах, расположенных на север от Невы, было сосредоточено

¹ Без центра самого Спасского погоста, так как описание его из-за утраты листов в писцовой книге 1500 г. отсутствует.

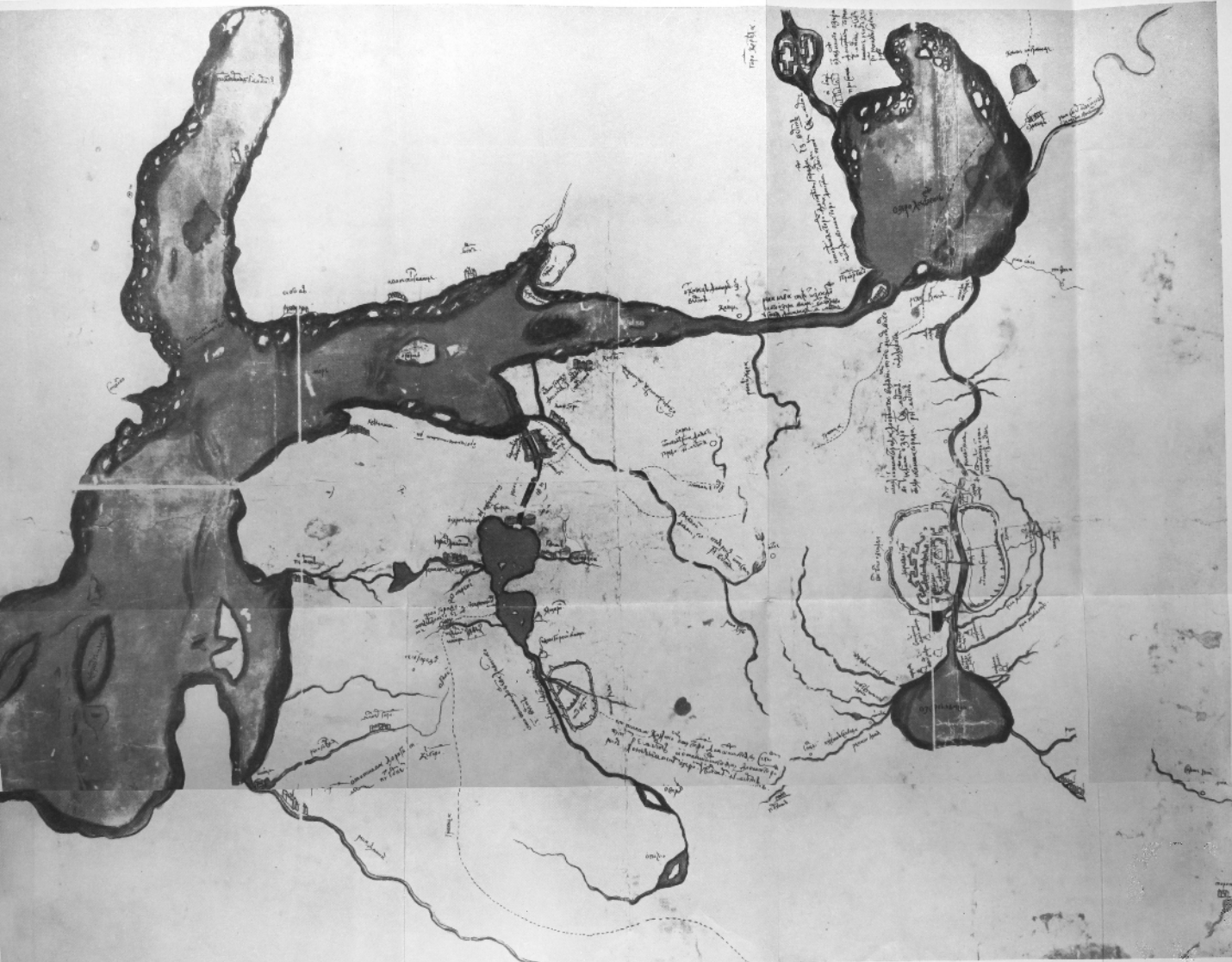
² В данном случае и далее приводится количество только лишь мужского населения, следовательно, всего жителей было значительно больше.

³ Название древнерусского должностного лица.

⁴ Временник Мясоедов. общ. ист. и древн. российск., кн. 11, М., 1851, стр. 341.

⁵ Там же, стр. 344.

⁶ Там же, стр. 344—345.

Старинная рукописная карта XVII в. с обозначением русских и шведских гарнизонов в районах, прилегающих к Финскому заливу.

своеземское землевладение; на юг от Невы — крупное, по преимуществу боярское землевладение, составлявшее 88% ко всему частному землевладению.

В течение XII—XV вв. крепил, увеличивались и расширялись экономические, политические и культурные связи Ижорской земли с Новгородом, а через него и с северо-восточной Русью, с которой Новгород был тесно связан, особенно с конца XIII в., когда новгородскими князьями считались великие князья Владимирские. Чрезвычайно важное значение для этих связей имело происходившее в XII—XV вв. переселение широких масс крестьянства из центральных областей на север. К концу XV в. в среде местного крестьянского населения русское крестьянство составляло подавляющее большинство; местная земельная знать также уже полностью ассимилировалась с новгородскими вотчинниками.

В XVII в. в Ижорской земле крестьянство составляло 95% населения края. Среди крестьян шведские писцовые книги различают три группы. Первая группа — «достаточные крестьяне», которые составляли 61%, причем термин «достаточный» свидетельствует не столько о степени их «прожиточности», сколько о их тягелоспособности. Эта группа крестьян по своему имущественному положению была далеко не однородна, так как одни из них имели одну лошадь, а другие — семь. Вторая группа — «обедневших крестьян», т. е. нетягелоспособных, составляла 22%; третью группу составляли бобыли, их было 17%. Кроме того, шведские писцовые книги отмечают значительное количество багранов — наемных сельскохозяйственных рабочих.

Как в XVI, так и в XVII в. крестьянское население несло повинности в пользу государства — сначала Русского, затем, после Столбовского мира 1617 г., и Шведского, а также в пользу землевладельцев. Повинности были как денежные, так и натуральные.

Кроме сельского населения, в Ижорской земле было и городское население, сосредоточенное в городах и поселениях городского типа. В Новгородской области XVI в. находилось 9 городов, из которых в Вотской пятине было 6 городов-крепостей: Ивангород, Ладога, Корела, Ям, Копорье и Орешек; 4 из них — Ивангород, Ям, Копорье и Орешек — находились в Ижорской земле. Орешек (Ореховая крепость, или Орехов; на месте его теперь находится г. Петрокрепость), построенный в 1323 г. у истоков Невы на «Ореховом острове», являлся центром Ижорской земли. По количеству дворов и населения Орешек занимал третье место среди городов Вотской пятин.

Город Орешек быстро развивался и уже в 40-х годах XIV в., помимо крепости, имел посад с значительным торгово-ремесленным населением,¹ поэтому о нем можно говорить как о городе — центре ремесла и торговли. На территории нынешнего

¹ В 1500 г. в нем было 152 двора, 2 монастыря и 4 церкви (Временник Московск. общ. ист. и древн. российск., кн. 11, М., 1851, стр. 111—115), а в 1545 г. в Орешке было уже 165 дворов (ААЭ, т. I, № 203, стр. 189).

Левинграда находились два поселения торгово-ремесленного типа — это «рядок» «на реке на Ижоре, от Невы 7 верст», описанный в переписной книге 1500 г.,¹ и торговый поселок в устье Невы, впервые упомянутый под 1521 г.²

О первом из них — рядке Клетн — в переписной книге 1500 г. сказано: «Живут в нем торговые люди, пашни у них нет, а дворов 8, а торговых людей 20».³ Вокруг рядка было расположено 5 деревень с семью дворами. Совершенно очевидно, что зарождение этого поселения — рядка Клетн — произошло значительно ранее составления переписной книги 1500 г. Этот тип поселения (рядок) чрезвычайно интересен, так как он являлся поселением переходного типа от села к городу. Интересен и комплекс селений, окружавший рядок Клетн. Жители этих селений частично были уже непашенными людьми и, таким образом, стояли на том пути, который только что прошел рядок Клетн.

Последнее известие о рядке Клетн относится к 1545 г. и находится в «разрядном и разметном списке» о сборе с Новгорода и Новгородских пятин ратных людей и пороха для Казанского похода.⁴ Этот список содержит данные, относящиеся не только к 1545 г., но и к 1500 г. В 1500 г. в рядке Клетн значилось «тяглых 10 дворов», а в 1545 г. — только 7 дворов «живущих» и 3 двора «пустых».

Второе торговое поселение, находившееся в устье Невы и впервые названное торговым поселением в 1521 г., несомненно возникло значительно ранее 1521 г., ибо уже в писцовой книге 1500 г. говорится о «сельце» в устье реки Охты, населенном «непашенными» людьми, которых в 1500 г. было 15 дворов. Это поселение продолжало развиваться в течение всего XVI в., и торговля в нем процветала. Не прекращалась она и в тяжелые годы шведской интервенции начала XVII в. Так, под 1610 г. в одном источнике сообщается о том, что Делигарди захватил здесь несколько тысяч бочек соли, хранившихся в складах, и 2 судна с солью. Подробные сведения об этом торговом поселении и торговле, происходившей здесь, сообщает «Записная книга сбора таможенных пошлин» в Невском устье от 1615 г. В ней говорится о том, что в мае 1615 г. подьячий Аф. Бражник «збирал на Невском устье государеву таможенную пошлину с торговых с немецких и русских людей, которые ездил с Невского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкие и русские торговые люди стоя торговали на Невском устье».⁵

Торговое русское поселение в устье Невы, получившее в XVII в., во времена шведского владычества, название Ниен (Канцы русских источников, от построенного при нем земляного шведского укрепления — шанца — Невский шанец),

¹ Временник Московск. общ. ист. и древн. российск., кн. 11, М., 1851, стр. 334—345; ААЭ, т. 1, № 205, стр. 189.

² Писцовые книги Ижорской земли, т. 1, отдел 2. СПб., 1862, стр. III—IV.

³ Временник Московск. общ. ист. и древн. российск., кн. 11, М., 1851, стр. 344—345.

⁴ ААЭ, т. 1, № 205, стр. 180—191.

⁵ К. Я к у б о в. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. Чтение Общ. ист. и древн. российск., кн. 4, М., 1890, стр. 76, № 104.

развивалось очень быстро и в 1632 г. получило от шведского правительства права города.¹ К концу XVII в. Ниен, ежегодно посещавшийся не менее чем 50 купеческими кораблями, по своему торговому значению равнялся такому городу, как Нарва, а купечество Ниена в конце того же века славилось своим богатством.

К началу Северной войны (1700 г.) здесь была небольшая шведская крепость, сторожившая устье Невы, и посад с 450 дворами. В числе жителей Ниена было много русских, число которых росло. В 30-х годах XVII в. в городе был образован специальный православный приход, обслуживавший не только русских жителей города, но и «обретающих» у реки Невы «земледелателей».

Итак, в Ижорской земле по течению реки Невы одновременно существовало 3 торгово-ремесленных центра — город Орешек, основанный в 1323 г., рядом Клетв, описанный в книге 1500 г., но появившийся безусловно ранее, и торговые поселения в устье Невы, впервые упомянутые в 1521 г., но возникшие бесспорно значительно раньше.

Значительному и быстрому развитию городов и торгово-промышленных поселений в Ижорской земле и особенно на реке Неве способствовало то, что они были не только торговыми и ремесленными центрами своего уезда, но имели большое значение и во внешней торговле всего Русского государства. В XVI и XVII вв. несколько важных путей, по которым шла русская торговля с Западом, пролегало через Ижорскую землю. Один из них шел по Волхову, Ладожскому озеру, через Орешек вниз по Неве в Финский залив. Особенно важным отрезком этого пути была Нева, так как здесь происходила перегрузка товаров с морских на речные суда.

* * *

Ижорская земля, по которой пролегалли пути, связывавшие Русь с Западной Европой, и которая прикрывала Русь от нападений немцев и шведов, на протяжении многих веков была ареной многочисленных войн. Объектом ожесточеннейшей борьбы было устье Невы, имевшее совершенно исключительное стратегическое и торговое значение сначала для Новгорода, а позднее для всего Русского государства.

С конца XI в. начинается продолжительная и упорная борьба Новгорода со Швецией за выход из Невы в Финский залив.

В 1240 г. в Водскую пятину вторглись прочно обосновавшиеся к этому времени в Прибалтике немецкие рыцари. Здесь ими был построен замок Конорье. Однако вскоре они были вынуждены оставить захваченные русские земли, а 5 апреля 1242 г. Александр Невский разгромил немецких рыцарей на льду Чудского озера. Эта битва вошла в историю под названием «Ледового побоища».

¹ А. И. Гинн и г. Нева и Ниешанц, ч. II. СПб., 1909, стр. 42 и 150.

Первые отраженные летописью походы «свеев» (шведов) относятся к 60-м годам XII в. Шведская агрессия в сторону Новгорода успеха не имела. В 1240 г. крупные силы шведов появились на Неве у устья реки Ижоры, но 15 июля 1240 г. были разбиты Александром Невским. Разгромив шведов на Неве, Александр оказал неоценимую услугу не только Новгороду, но и всей Руси.

Победы Александра Невского отразили первый натиск агрессоров, стремившихся захватить русские земли. Но на этом борьба не прекратилась. Только в течение 40 лет (с 1283 по 1323 г.) Новгородская летопись отмечает 15 крупных военных столкновений русских со шведами.¹ Обе стороны — и Новгород и Швеция — пытались укрепить свое положение постройкой сильных крепостей на важнейших путях, ведущих из Ладожского озера в Финский залив, и в первую очередь на реке Неве. Так, под 1300 г. Новгородская летопись рассказывает о том, что пришли в Певу из Заморья «свеи в силе велице», привели с собой мастеров и поставили на устье реки Охты город, назвав его гордым именем «Венец земли», или Ландскрона.² Во вновь построенном городе был оставлен сильный гарнизон. Шведские отряды, действовавшие по Неве, грабили и убивали население, жгли деревни. Русское население края, а также местные нерусские племена начали ожесточенную борьбу с захватчиками. Гарнизон Ландскроны оказался в осаде. Это облегчило вел. кн. Андрею Александровичу борьбу с вторгнувшимися в Ижорскую землю шведами.

В 1301 г. соединенные новгородские, ладожские и ижовские полки под командой вел. кн. Андрея Александровича взяли и разрушили Ландскрону.³ Так была ликвидирована попытка шведов закрепиться на Неве. Но борьба продолжалась, и одно нападение шведов следовало за другим. Маркс так говорит о походах шведов этого времени: «Военные походы против русских стоили шведам больших потерь людьми и не дали положительных результатов».⁴ Чтобы предотвратить опасность захвата Невы шведами, русские в 1310 г. строят город Корелу (Кексгольм) на месте старого карело-русского поселения, возникшего еще в XIII в., а в 1323 г. великий князь московский Юрий Данилович строит крепость Орешек.

Построенный для укрепления северо-западного рубежа Новгородской земли, Орешек закрыл выход из Невы в Ладожское озеро и таким образом затруднил шведам доступ во внутренние русские области. В том же 1323 г. в Орешке был заключен между Новгородом и Швецией «вечный мир», в котором впервые была определена и зафиксирована более или менее точная граница между новгородскими и шведскими владениями. Граница проходила по острову Котлина и рекам Сестре и Сае (правый приток реки Вуоксы) и шла далее в северо-восточном направлении. Граница, установленная в 1323 г., оставалась в основном неизменной до конца XVI в.

¹ ПСРЛ, т. III, стр. 64—73.

² ПСРЛ, т. III, стр. 67.

³ ПСРЛ, т. III, стр. 67—68.

⁴ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938, стр. 338.

Ореховский договор 1323 г. явился базой для всех позднейших дипломатических переговоров между Россией и Швецией вплоть до XVII в., но «вечного» мира он не дал. Время от времени борьба за Неву вспыхивала с новой силой. В 1348 г. шведский король Магнус захватил Орешек,¹ Новгородцы вскоре же вернули Орешек обратно и постарались укрепить его, поставив там «каменный город».² В конце XIV и в XV вв. можно отметить только отдельные нашествия шведов, во время которых шведские рыцари проникали в Неву и Ладожское озеро, грабили купеческие суда, разоряли и жгли расположенные по берегам села, а население убивали или уводили в плен. Эти набеги шведов имели своей целью подорвать русскую торговлю на Неве и сделать невозможным торговое мореплавание в Финском заливе.

Кроме шведов, на берегах Невы время от времени появлялись и отряды немецких рыцарей (как, например, в 1446—1448 гг.), которые также производили здесь большие опустошения.

Новгород Великий сыграл огромную роль в отражении немецких, шведских и других западных агрессоров, нападавших на Русскую землю.

Возникновение в середине XV в. централизованного Русского государства, к которому в 1478 г. был присоединен Новгород, а в 1510 г. Псков, резко изменило обстановку в Прибалтике. Старая псковско-новгородская граница стала теперь русской государственной границей. На защиту ее от Швеции и Ливонии Иван III обратил самое серьезное внимание. Новгородские порубежные городки были укреплены и снабжены гарнизонами, а в 1492 г. Иван III строит в Прибалтике новую крепость Ивангород, которая, доводя линию старых новгородских укреплений на подступах к морю, преграждала проход между Чудским озером и морским берегом и поэтому играла большую роль в обороне принадлежащей Русскому государству юго-восточной части Финского залива и прилегающей к нему территории — Вогской пятны.

Поход русской рати в 1496 г. к Выборгу свидетельствует о настойчивом намерении Русского государства выйти к морю на широком фронте между Невой и северным побережьем Финского залива, но эта попытка, как и другие, была неудачной. Мирный договор 1537 г. восстановил старые границы Ореховского мира 1323 г.

Таким образом, одна из главнейших задач внешней политики Ивана III осталась неразрешенной.

В XVI в. начинается новый этап борьбы за Балтийское море. С середины 50-х годов XVI в. все внимание русского правительства обращается на северо-запад, в сторону Балтийского моря, ибо экономическое развитие России требовало свободного доступа к морю. Отрезанное Литвой и Ливонией от Балтийского моря,

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 58; т. V, стр. 227.

² ПСРЛ, т. III, стр. 227.

Русское государство в своих сношениях с Западом всегда зависело от этих государств, которые из страха усиления России волячески стремились не допустить развития этих сношений и фактически держали Русское государство в блокаде.

Стремясь полностью отрезать Русское государство от выхода к морю, шведский король Густав Ваза устремлял большие усилия к тому, чтобы создать союз против России из Швеции, Дании, Польши и Литвы. Ближайшей целью шведского короля был захват бассейна Невы, Ладожского озера и Финского залива. Прорвать блокаду, в которой фактически находилось Русское государство, и прочно закрепиться на выходах к морю русское правительство могло лишь путем войны с Ливонским орденом, захватывавшим еще в XIII в. ливонские и эстонские земли. Поэтому в 1558 г. Иван IV начал войну с Ливонией. Победа в этой войне предотвратила бы великие неожиданности для Русского государства со стороны Швеции. Ливонская война преследовала цель дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой.¹ В Ливонской войне русский народ, выступавший защитником всего не немецкого населения Прибалтики, нес освобождение прибалтийским народам от тяжелого ига поработителей. Победы, одержанные Иваном Грозным в первые годы войны, вызвали вмешательство в ливонские дела других держав, заинтересованных в балтийском вопросе. В войну вмешались Литва, Дания и Швеция. Это сильно осложнило положение Ивана IV, которому вместе с слабой Ливонией пришлось воевать с тремя могущественными в то время державами. Кроме того, Турция и ее вассал крымский хан вместе с поганами, действуя в союзе со шляхетской Польшей, систематически отвлекали на себя большое количество русских войск. Это имело большое значение в ходе Ливонской войны и особенно в последний ее период.² Теснимый польским королем Стефаном Баторием и шведами, Иван Грозный вынужден был заключить перемирие в 1582 г. с Польшей и в 1583 г. со Швецией. По Псковскому перемирию 1583 г. русские города Ям, Копорье, Ивангород и Корела вместе с уездами отошли к Швеции. Орешек с уездом оставался в руках русских.

Таким образом, не только южный, но и северный берег реки Невы, ее устье и морское побережье, входившее в состав территории Ореховского уезда, оставались в пределах Русского государства.³ Во время русско-шведских переговоров 1585—1586 гг. шведы настойчиво домогались получения Ореховского уезда, предлагая за него в два раза большую территорию в Коперском и Ямском уездах. Русские послы, отлично понимавшие то большое стратегическое и экономическое значение, какое имели река Нева и ее устье для Русского государства, категорически

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, М., 1946, стр. 165.

² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 18—23.

³ В 1583—1590 гг. государственная граница проходила по реке Сестре и по реке Стрельне.

отказались от обмена. В результате новой войны со Швецией, начавшейся в 1590 г., временно захваченные русские области с городами Копорьем, Ямом и Ивангородом были возвращены России, чему во многом способствовало население этого района, которое не примирилось с оккупантами и все время вело с ними партизанскую войну. Вернуть город Нарву с уездом не удалось. Война была закончена Тязинским миром 1595 г. Сохранившиеся источники говорят о том страшном разорении, которое причиняли шведы жителям Новгородского уезда даже в годы «мирного постановления», т. е. в годы перемирия (1588—1590 гг.): шведы «многих людей побили», многих «в полон поймали», «живогы» (имущество) пограбили, а села и деревни «ожгли».¹

В годы польско-шведской интервенции в начале XVII в. шведы воспользовались временной слабостью Русского государства и захватили весь Невско-Ладонский бассейн вместе с Новгородом. Но удержать за собой Новгород и Новгородскую землю оказалось невозможным.² Население на захват откликнулось непрекращающейся партизанской борьбой, которая изнуряла силы шведов, и шведы должны были заключить мир с Русским государством в деревне Столбово в 1617 г. Возвращая русским Новгород, Швеция сохранила за собой широкую стратегически важную полосу от Нарвы до Ладонского озера. Русское государство оказалось наглухо отрезанным от моря. Шведский король Густав-Адольф хорошо понимал значение Столбовского договора и в своей речи на сейме в 1617 г. так оценивал результаты его: «Благодаря уступке шведам Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга и Кенсгольма шведы теперь могут руководить по своей воле нарвскою торговлею... А области, теперь уступленные шведам, отличаются плодородием, в них много рек, богатых рыбою, много лесов с изобилием дичи и пушных зверей, меха и шкуры которых высоко ценятся».³

Таким образом, Швеция достигла, наконец, цели, к которой стремилась в течение более трех веков. Почти на целое столетие старая русская область, какой был Невский край, была захвачена шведами и получила название Ингерманландии.

После Столбовского мира Ижорская земля вошла в состав Нарвской губернии Шведского государства и была разбита на 4 лена. Нева вместе с Ижорским и Ореховским уездами вошла в состав Нотебургского (Ореховского) лена. Внутренняя же организация уездов (деление на погосты) оставалась старой.

Учитывая важное стратегическое значение Невы, шведы сразу же по овладении ею составили план сооружения здесь целого ряда укреплений. Целиком этот

¹ Из «записки» русским послам кн. Ив. Туренину с товарищами (1594 г.), приводимой в работе: Г. А. З а м я т и н. Походы шведов в Поморье в начале XVII в. Ученые записки Молотовского Гос. педг. инст., вып. 8, Молотов, 1947, стр. 58—59.

² См. переписку шведского короля Густава-Адольфа и других 1611—1615 гг.: Сб. Новг. общ. люб. древн., вып. 5, Новгород, 1911, стр. 15—112.

³ Г. В. Ф о р е с т е н. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II. СПб., 1894, стр. 149—150.

план осуществлен не был, но в первой четверти XVII в. в устье реки Охты было построено небольшое укрепление Нисшанц вблизи упоминавшегося выше русского торгового пункта в устье Невы.

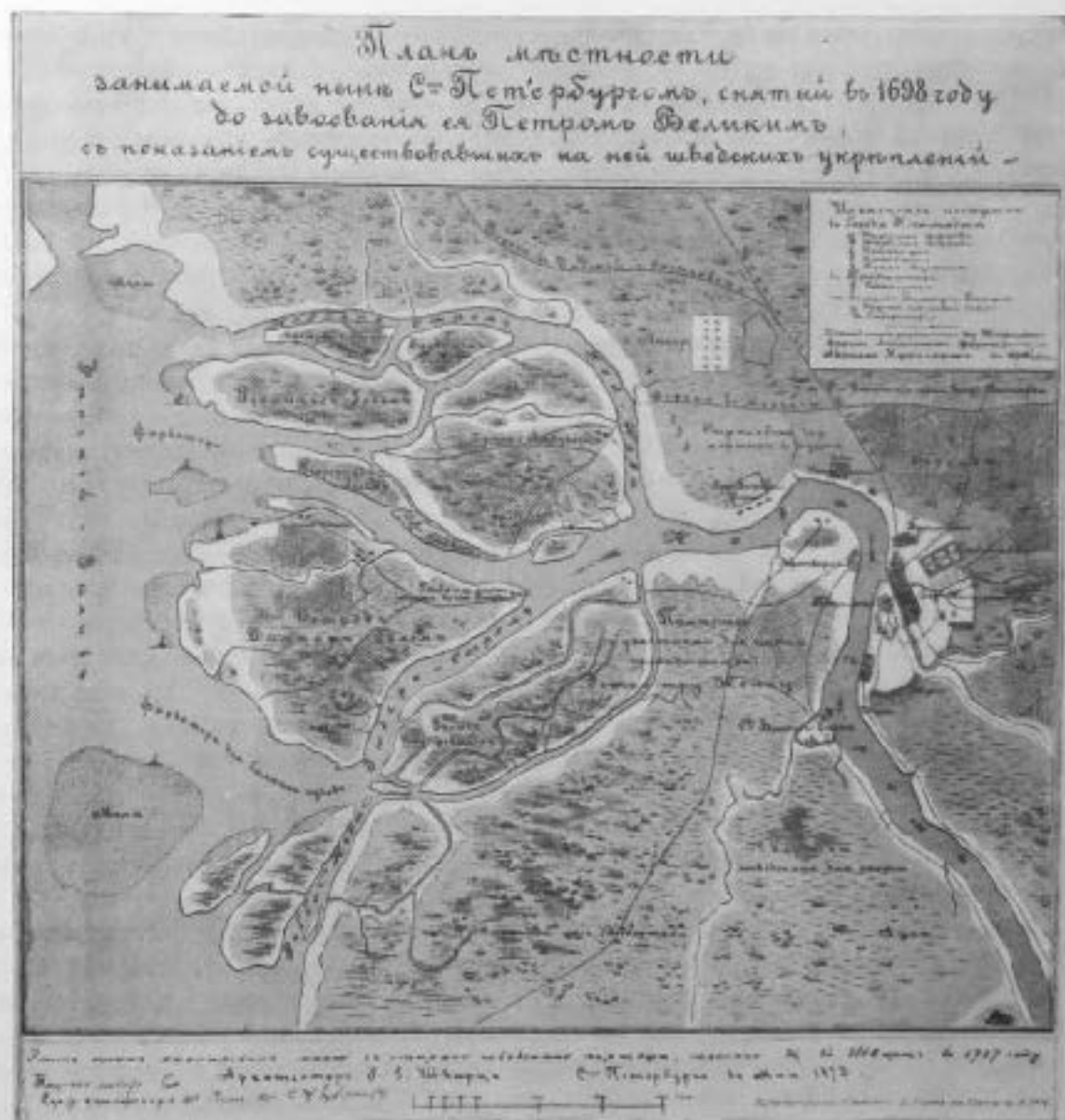
Тотчас же по заключении Столбовского мира началась колонизация Невского края в соответствии с политическими интересами Швеции. Особым манифестом шведское правительство приглашало сюда шведских подданных, преимущественно дворян, а также и иностранцев, главным образом немцев. Для привлечения колонистов шведское правительство предоставляло им целый ряд льгот и привилегий. Нашлось достаточное количество желающих, особенно среди обедневшего немецкого дворянства, получить покинутые поместья, селения, земли. Получил здесь земли и возглавлявший шведское вторжение в Россию в начале XVII в. Я. Делягарди, одно из нигерманландских имений которого находилось в устье Невы на Васильевском острове.

Наряду с этим, шведы привлекли сюда крестьян-переселенцев — выходцев из Финляндии. Именно к этому времени относится появление здесь финского населения. С этой категорией переселенцев, осевших преимущественно в Ораховском уезде, надо связать ряд финских названий местностей, расположенных вблизи Ленинграда и отсутствующих в новгородских писцовых книгах XVI в.

В результате этой строго продуманной и систематически проводимой шведами политики вместо новгородских и московских помещиков владельцами земли оказались шведские и немецкие дворяне. Крестьянство же, сидевшее на этих землях, в массе своей состояло из русских и ижор.

По условиям Столбовского мира служилые люди с их семьями и слугами, городское население и монахи имели право в течение двух недель перейти в пределы Русского государства. Сельское население должно было остаться на своих старых местах. Однако шведы нарушили это условие и всеми мерами, вплоть до грубого насилия, препятствовали выходу русского населения из Ижорской земли.

После окончания войны на русское крестьянство легло тяжелое бремя податей и повинностей, в том числе и содержание расквартированных в крае шведских войск. Тяжесть налогового бремени усугублялась тем, что в Ижорской земле шведы отдали взимание всех государственных доходов частным лицам. Положение колонизуемой шведами далекой окраины, какой была Ижорская земля для шведов, создавало для коренного населения, всячески притесняемого, невыносимые условия. К жестокой эксплуатации присоединялся религиозный и национальный гнет. Особенно он усилился в 80-х годах XVII в., когда с чрезвычайной энергией принялись за насаждение здесь лютеранства. Русское население не примирилось с иноземным гнетом. Оно массами потянулось в пределы России. Число переселенцев достигало 50 000 человек. Устраивавшиеся на границе заставы не могли остановить движения в русские земли русских крестьян и посадских людей, страдавших под гнетом иноземных захватчиков. Выходы из-за «Свейского рубежа» начались

План Невской дельты 1698 г. с показанием в ней шведских укреплений. Снят со стороны шведского чертежа.

сразу же после Столбовского мира 1617 г. и все время росли, несмотря на то, что за переход шведы грозили смертной казнью.¹ Несмотря на массовый уход русского населения из-под шведского господства, русские и иноры составляли самую

¹ Архив ИИ АН СССР, Порубежные акты №№ 49, 53, 58, 85, 99, 110, 617, 783 и др.

значительную часть населения Ингерманландии как в деревнях, так и в торгово-ремесленных центрах ее, сохраняя при этом свой язык, религию, обычаи.

В целях усиления шведского влияния на русское население оккупированной шведами территории в Стокгольме была организована специальная типография, где печатались книги на русском языке. Однако эти меры успеха не имели.

Настроения населения захваченного шведами края нашли свое яркое выражение в «Плаче о реке Нарове», датированном 1665 г. Это произведение народной поэзии населения, временно подпавшего под власть Швеции,¹ проникнуто чувством жгучей тоски и горячей любви к родной русской земле.

Несмотря на оккупацию Невского края шведами, старая тесная связь его населения с Русским государством продолжалась в течение всего того периода, когда этот край был в руках шведов. Это были прежде всего торговые связи. Русские купцы не только Приладожья и Прионежья, но и «московских городов» регулярно и в большом количестве продолжали бывать в Орешке, Канцах и пользоваться Невой для своих торговых поездок «за рубеж» в «Свейскую» землю.²

Ежегодно «по первой внешней распутой воде», в мае—июне, целые караваны судов, принадлежавшие русским торговым людям, со своими «товаренны» отправлялись «за Свейский рубеж в Стокгольм».³ Плыли они по реке Сяси, Ладожскому озеру, реке Неве, проходили через Канцы, где часть русских торговых людей оставалась для своих торговых дел, а другая, выправив «насы», переплывала Финский залив, Балтийское море, проходила у Аландских островов и, наконец, достигала Стокгольма. Этим же путем приезжали в Россию и «свейские немцы» (шведы), жители Канцев, Орешка, Выборга и других городов, которые после Кардисского мира (1661 г.) могли свободно торговать в Москве, Новгороде Великом, Пскове, Ладого, Ярославле, Переяславле Залесском, Холмогорах, Тихвине и Александровой пустыне.⁴

Кроме торговых связей, были и другие. Так, например, «зарубежные» русские ремесленники продолжали приходить на заработки в Москву, Новгород Великий, Вологду, Белозеро и другие города. Причем приходившие в эти города для «плотничьего промысла» насчитывались не единицами и даже не десятками, а сотнями человек.⁵ Любопытно, что и крестьяне как русской, так и шведской стороны продолжали ездить «за рубеж» косить сено и пашню пахать.⁶

Мысль о возвращении захваченного шведами края — земли «наших отчич и дедич», «государской земли» — все время не покидала русское правительство.

¹ Труды Отд. древнерусской литературы, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 333—338.

² К. Н. С е р б и н а. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 257—295.

³ Архив ИИ АН СССР, Тихвинский фонд, столбец 1697—1698 гг.

⁴ ДАН, т. IV, №№ 115 и 117.

⁵ Архив ИИ АН СССР, Порубежные акты, № 496 и др.

⁶ Там же, № 482 и др.

В 1656 г. была сделана попытка освободить от шведов все побережье от Риги до Выборга. В начавшейся в 1656 г. войне со Швецией поводом было обвинение шведского короля в том, что он стремится овладеть всем Балтийским морем и подорвать торговлю на нем.

Русские войска одновременно двинулись в трех направлениях: главные силы пошли в Ливонию, один отряд начал действовать в Карелии и другой — в Ингерманландии, где русские войска безуспешно пытались взять хорошо укрепленные Орешек и Корелу, слабый же Ниеншанц был взят и разрушен.

Один из русских отрядов действовал в море, где «русским ратным людям у Котлина острова с немецкими людьми был бой и у Котлина острова, — говорится далее в документе, — полукорабль взяли и немецких людей побили и наряд и знамена поймали».¹ Русское население Ингерманландии встретило русские войска с великой радостью и оказывало всемерную помощь: присоединялось к отрядам, помогало строить укрепления и т. д. Там же, куда не доходили русские войска, крестьяне сами справлялись с иноземными порабощителями, нападая на поместья, принадлежавшие шведским и немецким помещикам.

Не добившись прочного успеха, русские войска оставили Ингерманландию. Под прикрытием русских войск жители Ореховского уезда и других массами уходили на русские земли. Оставшееся население сильно пострадало от карательных экспедиций шведов, расправлявшихся с ними за помощь, оказанную русским войскам.

Война закончилась Кардисским миром 1661 г., восстановившим прежние границы.

Русское государство оставалось отрезанным от моря, а русское население Ингерманландии продолжало страдать от насилий иноземных порабощителей.

После войны 1656—1658 гг. было сделано две попытки (первая в 1676 г., а вторая в 1684 г.) путем дипломатических переговоров вернуть Ижорскую землю России, но они окончились неудачей. Единственным средством воссоединения Ижорской земли с Русским государством, а следовательно и возвращения выхода на морские пути, становилась новая война со Швецией. Эти задачи и должна была разрешить начавшаяся в августе 1700 г. Северная война.

¹ Ф. Ф. В е с е л а г о. Очерки русской морской истории, т. I. СПб., 1875, стр. 57.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА В 1703—1725 гг.

трага земель, расположенных в районе Ладожского озера и Невы, нанесла серьезный ущерб политическому и экономическому развитию России. К концу XVII столетия необходимость овладения берегами Балтийского моря стала настолько острой, что нельзя было медлить с разрешением этой важнейшей политической задачи. Начатая Петром Северная война имела целью возвращение России тех ее земель, обладание которыми являлось абсолютно необходимым для ее дальнейшего развития. Маркс так говорит об этом: «Никто не мог себе представить великую нацию, оторванную от морских побережий и устьев ее рек... Россия уже не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции северной России... Петр завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны».¹

Возвращение России приневских и приладожских земель было необходимо для преодоления ее экономической, политической и культурной отсталости. Необходимость ликвидировать отсталость ясно осознавалась передовыми людьми эпохи. Они уже давно понимали важность выхода России на мировые просторы, укрепления военной мощи государства, развития всероссийского рынка, ликвидации экономических пережитков феодальной раздробленности. В представлении о путях преодоления отсталости России они были ограничены служением интересам дво-

¹ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, стр. 87.

ряинства и нарождавшегося класса купечества. Их деятельность в этом направлении была только попыткой «высочить из рамок отсталости», как указывал И. В. Сталин 19 ноября 1928 г.¹ Попытка эта в целом не увенчалась успехом, но принесла известные результаты на пути преодоления отсталости национального государства помещиков и купцов.

В наброске программы торжественной оды по случаю празднования третьей годовщины Ништадтского мира, которым закончилась тяжелая и упорная борьба со шведами, Петр I указывал на враждебную политику европейских государств как на одну из главных причин тяжелого международного положения России. Западно-европейские державы, воспользовавшись политическим и экономическим кризисом, пережитым Россией на рубеже XVI и XVII вв., оттиснула ее в восточный угол Европы и зорко наблюдали за всякой ее попыткой вырваться из искусственно созданной изоляции.

В «Рассуждении» о причинах Северной войны, написанном в 1716 г. по поручению Петра I одним из ближайших его сотрудников П. П. Шафировым и напечатанном с поправками и вставками самого Петра, говорилось о том, что война с Швецией идет за обладание исконными русскими землями. «Что провинции Карелия и Ингрия или Карельская и Ижорская земли, — так писал автор, — со всеми принадлежащими ко оным уездами, городами и местами издревле ко Всероссийскому империи принадлежали, то не могут и сами шведы отрести».²

Когда 11 октября 1702 г. под ударами русских войск пала шведская крепость на Неве Потебург (старый русский Орешек), Петр приказал выбить по этому случаю медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет», а в объяснительном тексте к чертежу осады Потебурга, написанном самим Петром, говорилось: «Таковым образом, чрез помощь божию, отечественная крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 92 (года)».³

Петр, начиная подготовку к войне, прежде всего стремился добиться союза с теми европейскими государствами, которые подобно России испытывали на себе тяжесть политического и экономического господства Швеции в северной Европе.

В 1698 г. в польском городе Раве Русской произошло свидание Петра с польским королем Августом II, который одновременно был и саксонским курфюрстом. На этом свидании было положено начало русско-польскому союзу, оформленному в следующем году. В 1699 г. в Москву приехал уполномоченный польского короля Карлович, в результате переговоров с которым 11 ноября 1699 г. был заключен между Петром и Августом II «наступательный союз противу Швеции», к которому в том же году присоединилась и Дания. Вопрос о войне с Швецией был решен. В августе 1700 г. из Москвы, направляясь к Нарве, выступил первый русский

¹ И. В. Сталин, *Сочинения*, т. 11, стр. 248—249.

² *Рассуждение, какия законныя причины его величество Петр Великий ... к началу войны противу короля Карла XII шведского 1700 году имел...* СПб., 1722, стр. 1.

³ *Письма и бумаги имп. Петра Великого*, т. II, стр. 110, 423.

отряд под командованием И. И. Бутурлина, вслед за которым двинулись остальные войска. К концу сентября сосредоточение русских войск под Нарвой закончилось, и в ночь на 2 октября обстрелом русского лагеря шведами из Нарвы было положено начало военным действиям. Сражение под Нарвой закончилось победой шведов.

Шведский король Карл XII, уверенный в том, что с Петром покончено, не только не перенес войны на территорию России, что надолго сковало бы силы Петра, но даже не оставил в Ижорской земле войска, достаточного для ее обороны, если бы Петр решился возобновить наступление. Эта ошибка Карла XII облегчила Петру I ликвидацию последствий нарвского поражения.

По мысли Петра, центром военных действий должна была стать Нева. С начала 1702 г. на Сяси началась постройка кораблей, без которых нечего было и думать о каких-либо успехах на Ладожском озере и Неве. В августе 1702 г. флотилия Ивана Тыртова атаковала шведскую эскадру в Ладожском озере и вынудила ее уйти Невой в Финский залив в Выборг. Отряд Б. П. Шереметева летом 1702 г. был послан в Лифляндию, где он успешно действовал против шведов. Сам Петр отправился в Архангельск с целью принять ряд мер оборонительного характера против возможного появления шведских сил на севере. После возвращения оттуда он начал концентрировать войска около Ладоги. Эти мероприятия обеспечивали безопасность русских военных сил с запада, севера и со стороны Ладожского озера. Теперь можно было предпринимать наступление.

Начало его увенчалось блестящим успехом: 11 октября 1702 г. пал Нотебург, тогда же переименованный в Шлиссельбург (ныне Петрокрепость). Значение этой победы заключалось в возможности для русских войск двигаться вниз по Неве, не опасаясь за свой тыл. Но развить немедленно свой успех русские войска не могли. Надо было привести в порядок армию, понесшую немало потерь во время Нотебургской операции. Кроме того, Нева находилась накануне ледостава. Эти причины заставили Петра отложить поход вниз по Неве до весны следующего года.

Едва весной 1703 г. Нева очистилась от льда, как русские войска потянулись походным порядком и на судах к невольскому устью. Главной их задачей стало теперь овладение шведской крепостью Ниеншанц, находившейся при впадении реки Охты в Неву. К концу апреля русские войска приблизились к Ниеншанцу. 30 апреля вечером началась артиллерийская стрельба по Ниеншанцу, а 1 мая утром шведский гарнизон сдал крепость.

Легкость, с какой пал Ниеншанц, ни в какой мере не означала, что Нева уже прочно закреплена за русскими. Угроза со стороны моря продолжала висеть над русскими войсками. На следующий же день после взятия Ниеншанца на заморье появилась шведская эскадра. 6 мая от нее отделились два судна, направившись к Неве и ставши недалеко от ее устья. На рассвете 7 мая русский отряд на 30 лодках под командованием Петра и А. Д. Меншикова приблизился к этим судам и вступил с ними в бой, в результате которого оба судна были взяты в плен. Это была

первая морская победа в Северной войне. Успех русских заставил шведов быть осторожными и не предпринимать новых активных действий. Однако шведская эскадра не ушла со взморья, и ее присутствие создавало угрозу для русских войск. Кроме того, у реки Сестры находился шведский отряд, который в любую минуту мог появиться на Неве. Это заставило Петра принять меры к тому, чтобы Нева оказалась укрепленной сильнее, чем она была укреплена шведами. На берегах Невы было решено построить новую крепость.

В единственном официальном и авторитетном источнике по истории Северной войны¹ так говорится о закладке новой крепости на Неве:

«По взятии Капец [Ниеншанца] отпращен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от ятуры), в котором положено искать нового места, и по несколько дней найдено к тому удобное место остров, который назывался Люст-Еланд (т. е. Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санктпетербург...»²

В «Истории императора Петра Великого», автором которой в первом ее издании 1773 г. обозначен Феофан Прокопович, соображения в пользу выбора места для постройки новой крепости приводятся те же, что и в «Журнале». Отмечается также, что размеры острова наилучшим образом удовлетворяли требованиям постройки крепости: территория его целиком могла быть отведена под крепость, так что «лишней земли» на нем не оставалось бы, и в то же время эта территория не была настолько мала, чтобы крепость не могла быть построена. Кроме того, остров, как пишет автор, «вокруг себя глубину имеет».³

¹ В 1711 г. было начато собирание материалов по истории войны. Тогда же ближайшие сотрудники Петра (П. П. Шафиров, А. В. Макаров и др.) приступили к ее написанию. В результате их длительного и кропотливого труда (составленное или сочиненное насчитывало восемь редакций), в котором ближайшее участие принимал сам Петр, появилась история Северной войны в двух частях под названием «Журнал или Поденная записка... Петра Великого...».

² Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира, ч. I. СПб., 1770, стр. 69.

³ История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии... сочиненная Феофаном Прокоповичем... СПб., 1773, стр. 67.

Медаль на взятие Ниеншанца 1 мая 1703 г.
Вронова. (Уса.).

Государственный Эрмитаж

Медаль на основании Петербурга
16 мая 1703 г. Бронза.
Государственный Эрмитаж.

Для целей обороны Невы место постройки крепости было очень удобно. Остров находился у самого разветвления реки на два рукава, и крепость могла держать под обстрелом шведов, откуда бы они ни появились. Остров с трех сторон был окружен широкими просторами Невы, с четвертой его отделял от соседнего Березового острова (будущей Петербургской стороны) пролив, хотя и узкий, но могущий служить оборонительным рубежом. Стратегические выгоды острова были, повидимому, оценены Петром сразу же, и он немедленно приказал начать работы по возведению на нем крепости.

Крепость была заложена 16 мая 1703 г., как свидетельствуют документы, относящиеся к этому событию. 16 мая 1703 г. и является датой основания Петербурга. Крепость первоначальное свое название Санкт-Питербурх получила 29 июня того же года в церковный праздник Петра и Павла. Позднее, когда в крепости был построен собор в честь Петра и Павла, она стала называться Петропавловской, название же Санкт-Петербург закрепилось за городом, возникшим вокруг крепости. В начавшей выходить при Петре первой русской печатной газете «Ведомости», в номере от 4 октября 1703 г., было напечатано: «Его царское величество по взятии Шлотбурга¹ в одной миле оттуды, ближе к восточному морю, на острове новую и zelo угодную крепость построить велел, в ней же есть 6 бастионов, где работали 20 тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именованье, прозванием Питербурхом, обновити указал».²

Работа по постройке крепости велась с быстротой, подсказывавшейся напряженной военной обстановкой на Неве. К работам были привлечены прежде всего солдаты, находившиеся в лагере под Шлотбургом. Кроме того, в постройке крепости приняли участие работные люди, занятые укреплением Шлиссельбурга. Но этого было недостаточно. Были немедленно разосланы указы о посылке на Неву рабочих из разных мест России, и скоро около строящейся крепости раскинулся целый городок работных людей. Это было первое гражданское население будущей столицы империи.

Между тем к Неве приблизился, став у реки Сестры, шведский отряд, имея явное намерение начать активные действия против русских. Петр I не стал дожидаться этого и сам перешел в наступление. 7 июля он во главе восьмитысячного отряда пехоты и конницы разбил шведов и заставил их уйти к Выборгу.

¹ Так был переименован Петром Ниеншанд.

² Ведомости времени Петра Великого, вып. 1, 1703—1707 гг. М., 1903, стр. 82.

*Петр I (1672—1725). Мозаика работы М. В. Ломоносова 1754 г.
Государственный Эрмитаж.*

Получив уверенность, что на ближайшее время шведская угроза со стороны Финляндии устранена, Петр энергично взялся за завершение строительства судов на Лодейнополской верфи, начатого еще за несколько месяцев до того. Там было заложено 15 новых судов. Губернатором Петербурга и Шлотбурга был назначен А. Д. Меншиков. Ему было поручено наблюдать за постройкой гереда и крепости. Меншиков действовал быстро и энергично, понимая, какую важность имеет закрепление достигнутого успеха. К осени 1703 г. постройка крепости была почти закончена.

Присутствие на Неве только что спущенных на воду судов делало положение русских более устойчивым. Однако шведская эскадра продолжала находиться на взморье, запирая выход из Невы. Русские не могли отважиться на активные действия против нее, имея для этого слишком мало сил, а поэтому выжидали, как раз-

вернутся дальше события. В октябре шведская эскадра снялась с якоря и ушла в Выборг. Воспользовавшись этим, русские вышли на взморье, чтобы найти место для морской крепости, которая могла бы преградить неприятелю вход в Неву. Остров Котлин наилучшим образом отвечал этой цели. Но в короткий срок (нужно было опасаться того, что шведы весной снова появятся на взморье) не представлялось возможным построить крепость на Котлине. Петр ограничился тем, что отдал распоряжение соорудить батарею на одной из мелей недалеко от южного берега Котлина. Эта батарея, имевшая вид трехъярусной деревянной баптии, вместе с батареей, возведенной на Котлине, закрывала единственный фарватер, по которому шведы могли подойти к Неве со стороны Финского залива. Сооружение батареи на мели продолжалось всю зиму. Весной 1704 г.

САНКТЪ ПЕТЕРБУРХЪ.

В Ъ Д О М О С Т И.

Полученные сего Июля въ 18 день, 1711.

Изъ Лагару изъ волоской земли,
изъ заднестра за мѣсяцъ, 31 дня
мая.

Его Царское Величество изволилъ
сюда принести изъ яворова 22 дня,
тогожъ мая, которого дня и
королев-

Первый лист «Ведомостей» 1711 г. с гравюрой А. Зубова.

*А. Д. Меншиков (1670—1729). Гравюра
Ж. Симона 1717 г.*

произошло ее торжественное освящение. Она была названа Кроншлотом. Значение Кроншлота для защиты входа в Неву было очень велико. Недаром Петр в инструкции коменданту Кроншлота от 3 мая 1704 г. писал: «Содержать сию ситадель с божиею помощию, аще случится, хотя до последнего человека».¹

Итак, к маю 1704 г., т. е. через год после закладки крепости на Неве, самые важные и срочные мероприятия по защите Невы и очищению от неприятеля ее окрестностей были закончены. За этот год на берегах Невы успел вырасти город.

Однако угроза захвата отвоеванной территории шведами продолжала оставаться чрезвычайно серьезной. Дважды летом 1704 г. на суше и в 1705 г. с моря шведы делали попытки нападения на Петербург. Но нападения были отбиты. Эта

¹ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. III, стр. 55.

Кроншлот, Гравюра П. Шкарта начала XVIII в. с чертежа 1704 г.

удача отнюдь не ослабила забот об укреплении нового города. В 1706 г. началось сооружение каменных бастиев Петропавловской крепости (завершено оно было лишь в 1740 г.), а в следующем году приступили к постройке кронверка по другую сторону протока, отделяющего крепость от Березового острова. Одновременно шли работы по укреплению Котлина. На нем были возведены постоянные сооружения, заменившие собой существовавшие до того временные.

В течение 1706 и 1707 гг. шведы не решались на сколько-нибудь активные действия в районе Петербурга, хорошо представляя себе силу обороны города.

Только в августе 1708 г. шведы двинулись из Выборга на Петербург. В то же время у Котлина появился шведский флот. Петербургу стали снова угрожать сухопутные и морские силы шведов. Командовавший русскими силами Ф. М. Апраксин, не решаясь ввиду численного превосходства шведов вступить с ними в генеральный бой, ограничился мелкими стычками, сильно задерживавшими продвижение шведов к Петербургу. К тому же у них обнаружился острый недостаток продовольствия. Это заставило шведов принять решение отступить от Петербурга. Тогда

Апранси павал на уходявшие неприятельские войска и нанес им сильное поражение.

Этот поход шведов на Петербург оказался последним. 1709 год принес России Полтавскую победу, резко изменившую весь ход войны; до самого ее конца шведы удерживались от попыток даже приблизиться к Петербургу. Когда же в 1710 г. русскими войсками был взят Выборг, безопасность Петербурга можно было считать окончательно обеспеченной. Теперь открывалась возможность без серьезных помех продолжать строительство нового города, не прекращавшееся даже в самое опасное для него время. Энергия, в которой русские люди взялись за это дело, позволила Петербургу в скором времени занять выдающееся место среди городов Европы.

Материалы, относящиеся к основанию Петербурга, не дают возможности установить все обстоятельства, связанные с превращением нового города в столицу. Но уже 28 сентября 1704 г. Петр I в письме А. Д. Меншикову с Олонецкой верфи писал: «Мы чаем кончаш во втором или третьем числе будущего месяца отсель поехать, и чаем, аще бог изволит, в три дни или четыре быть в столицу (Петербург)».¹ Это было первое и единственное упоминание о новой столице в документах эпохи. Петр, строго регламентировавший жизнь государства во множестве указов, которые обычно сопровождалось разъяснениями необходимости их издания, не издал указа о перенесении столицы.

Из современных Петру I авторов один только Гавриил Бужинский посвятил Петербургу особое сочинение, названное им так: «Слово, в похвалу Санктпетербурга и его основателя, государя императора Петра Великого, говоренное ... при поднесении его величеству первоизрезанного на меди плана и фасада Петербургу».² В этом «Слове» Бужинский отмечает, что Петр прежде всего желал иметь крепость в устье Невы и приступил к ее постройке сразу же после завоевания ее берегов. Но эти намерения Петра не ограничились. На Неве он «не токмо крепости, но и самому престолу царскому благорассудил быти угодно».

Бужинский восхваляет местоположение нового города, указывает на его стратегическое и экономическое значение, напоминает о славной истории невских берегов. Вместе с тем он стремится защитить новую столицу от тех нападок, какие слышались по ее адресу. Враги преобразований утверждали, что Петербург далеко отстоит от центра страны, что сводит на нет его значение как столицы; Бужинский опровергает эти мысли, распространяемые, по его образному выражению, «ядовитыми ехиднами, изострившими своя аспидные зубы». Однако в этой полемике он не расширяет, как можно было бы ожидать, причины перенесения столицы из Москвы в Петербург.

¹ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. III, стр. 162.

² Полное собрание поучительных слов, сказываемых в высочайшем присутствии государя императора Петра Великого просвещенным Гавриилом Бужинским. Изданаем Н. Новикова в К^е, М., (б. г.), стр. 1—36.

Русский военный флот у Броншладна. Гравюра П. Пикарты 1715 г.

Петербург в 1764 г. Гравюра П. Пикарта начала XVIII в.

Не раскрываются они и в таком важном документе, как «Журнал или поденная записка». Молчит о них и Феофан Прокопович, в своих сочинениях несколько раз затрагивавший тему Петербурга. Вовсе не касается вопроса о причинах перенесения столицы Петр в своей переписке, всегда служившей ему одним из средств пропаганды его преобразовательной деятельности.

Не осмеляют вопроса о переносе столицы и иностранные авторы, хотя они и понимали, что в жизни Русского государства наступает какой-то новый этап, начало которого они не могли не усмотреть в возникновении нового столичного города. Отсутствие указа о перенесении столицы из Москвы в Петербург, умолчание о причинах этого крупного в истории государства события в современных ему источниках несомненно не было случайным. Несмотря на то, что Петр называл Петербург столицей еще в 1704 г., все правительственные учреждения, двор, дипломатические представительства продолжали оставаться в Москве. Сенат был первоначально учрежден также в Москве и был переведен в Петербург только в конце

*Вход в Петербурга шведских военных судов, взятых в бою при Гренгаме 27 июля 1720 г.
Гравюра А. Зубова 1721 г.*

1713 г. Двор переехал в новую столицу в 1712 г. Дипломатический корпус переезжал на берега Невы постепенно, и этот переезд был завершен только к 1718 г. Центральные правительственные учреждения — приказы — оставались в Москве. По мере проведения в жизнь реформы центрального управления 1718—1721 гг. новые учреждения — коллегии, за исключением трех: Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской — формировались и первое время функционировали в Москве. Ряд из них — коллегии, ведавшие финансами, — оставался и впоследствии в Москве. То же следует сказать о Мануфактур-коллегии и Ветчинной коллегии (с 1727 г.). Главный магистрат до 1723 г. также находился в Москве. В старой столице оставалась и Юстиц-коллегия. Один из двух высших следственных органов — Преображенский приказ — постоянно оставался в Москве. С образованием коллегий в Москве была организована контора Правительствующего сената. Таким образом, Москва и после превращения Петербурга в столицу империи продолжала

оставаться второй столицей не только по названию, но и фактически. Тем не менее центр политической жизни перемещался в Петербург. И это явилось следствием не только личного желания Петра, но всей системы преобразований первой четверти XVIII в. и прежде всего необходимости укрепления абсолютистского государства, национального государства помещиков и нарождавшегося класса купечества. Перенесение столицы было актом, осуществлявшим классовые интересы помещиков и купечества. Поэтому попытка Петра II, внука Петра I, в конце 20-х годов снова вернуть столицу в Москву и не могла увенчаться успехом.

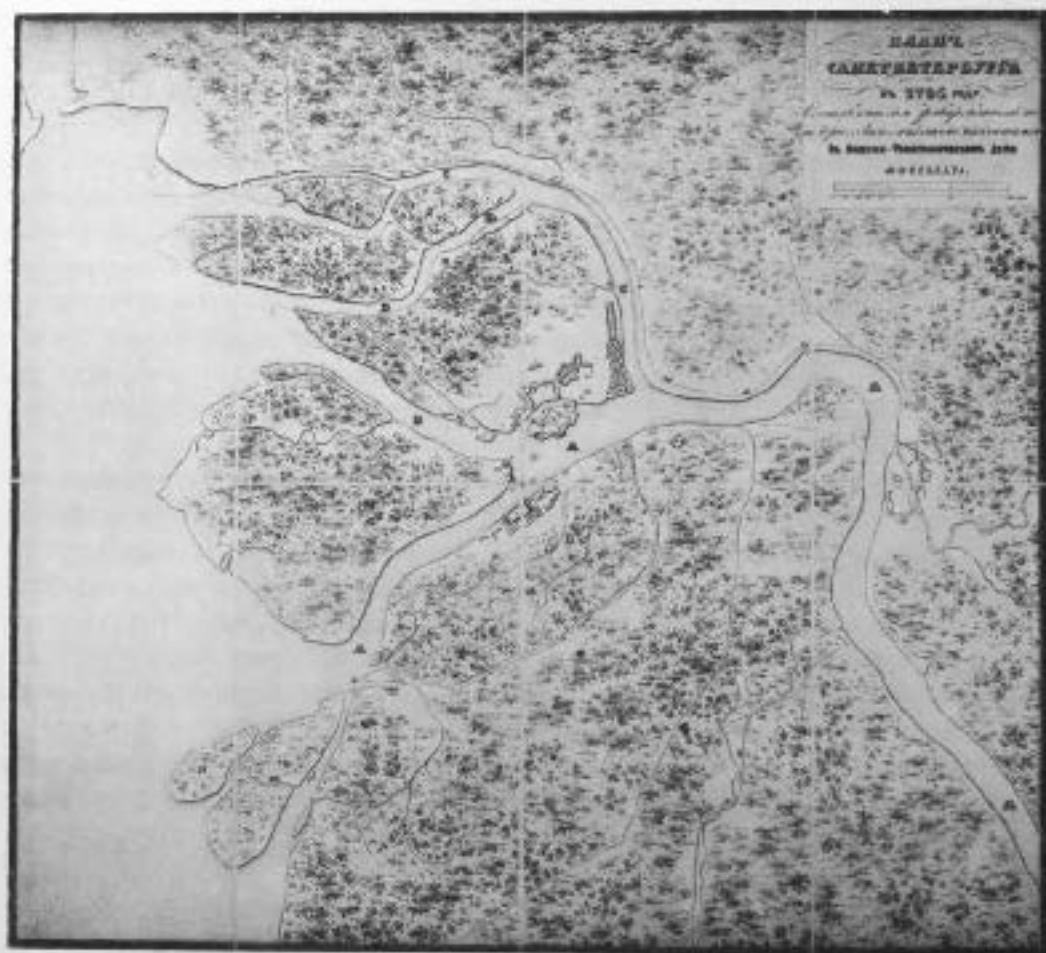
Преобразования первой четверти XVIII в. не могли изменить и не изменили социально-экономической основы Русского государства. Но при всем том масштабы и результаты петровских преобразований были столь значительными, что о петровском времени можно говорить как о новом этапе в экономическом, политическом и культурном развитии Русского феодально-крепостнического государства.

В самом деле, такие события и явления в жизни страны, как победоносная Северная война, значительно расширившая международные связи России, создание регулярной армии и военно-морского флота, организация централизованного бюрократического государственного аппарата, начало широкого развития крупных мануфактур, серьезные сдвиги в области культуры, открывали новую страницу в истории Русского самодержавно-крепостнического государства, вели к укреплению абсолютизма в России.

Перенесение столицы государства на берега Невы было такой же реформой, как и все другие реформы петровского времени, сливаясь с ними в единое целое.

Перенесение столицы именно в Петербург, означало превращение страны в морскую державу. Для достижения этого эффективным средством казалась не просто постройка на Балтийском море военно-морского порта, но и превращение его в столицу. Так заранее определялось местоположение новой столицы — она должна была быть расположена у моря. Через Ладожское озеро, Неву и Финский залив шел старый торговый путь из Русского государства в Западную Европу. Путь этот был хорошо знаком русским людям. Петр, перенеся столицу к устью Невы, остановил свой выбор на месте, являвшемся в течение столетий важным экономическим и стратегическим районом Русского государства.

Перенесение столицы на берега Невы позволило более удачно разрешить задачу укрепления авторитета России в Европе. Возникновение новой столицы у моря делало более легким общение всей страны с европейскими государствами, а ее правительство получало возможность быстрее и решительнее воздействовать на ход дел в Европе. Петербург с первых же лет своего существования стал военно-морским портом. Балтийский флот всегда мог явиться и в действительности являлся веским аргументом в пользу решения некоторых международных вопросов в желательном для России духе. Значение Петербурга как военно-морского порта и его

План Невской дельты 1705 г., изданный Военно-топографическим депо в 1846 г.

командное положение в восточной части Балтийского моря было полностью оценено современниками. В «Истории императора Петра Великого», приписываемой Феофану Прокоповичу, автор предложил назвать Финский залив Петербургским морем. Он писал, что Котлин расположен «на море Петербургском (так бо уже Финляндскому заливу нарицатися достоит)».¹

Огромное значение для новой столицы имело основание в ней морского порта. Создание на берегах Балтийского моря порта, который по своему географическому положению и оборотам далеко оставил бы за собой Архангельск, входило

¹ История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии ... сочиненная Феофаном Прокоповичем..., стр. 75.

в качестве важнейшего элемента в плане преобразований. Значение Архангельска начало падать, тогда как обороты петербургского порта возрастали из года в год.

Порт, биржа, гостиный двор начали строиться одновременно с Петропавловской крепостью. В постройке порта и расширении его коммерческих оборотов Петр принимал деятельное участие, придавая этому делу значение не меньшее, чем оборонным мероприятиям. Успехи внешней торговли через Петербург делали удельный вес города в экономической жизни страны значительным и вместе с ростом петербургской промышленности укрепили положение новой столицы. Известную роль в перенесении столицы на берега Невы сыграла и задача борьбы с оппозицией боярства и высшего духовенства, имевших немалые основания для недовольства преобразованиями Петра. Эта оппозиция особенно сильна была в Москве.

Люди, приезжавшие в Петербург через 10—15 лет после первого посещения его, дивились быстроте, с какой росла столица. На их глазах происходило превращение заболоченной, покрытой густым лесом местности в город, через два-три десятка лет после своего основания занявший место рядом с крупнейшими городами Европы. Для этого потребовалась работа многих десятков тысяч людей. Собранные специальными указами Петра со всех концов страны рабские люди прорубали просеки, осушали болота, рыли каналы, возводили земляные насыпи, забивали сваи, строили военные укрепления, жилые дома, заводы. Работать приходилось в тяжелых условиях: болотистая почва и частые наводнения (первое наводнение в истории Петербурга произошло в августе 1703 г.) заставляли людей прилагать гигантские усилия, чтобы в борьбе с природой сохранить плоды своего сверхнормативного труда.

Застройка города была сделана повинностью населения всей страны. Указ 3 июня 1714 г. вменял в обязанность постройку домов в Петербурге определенным категориям населения, причем определялось и число лиц, которые должны были строить дома в столице. Эта обязанность распространялась на:

- 1) 350 дворян, имеющих свыше 100 крестьянских дворов,
- 2) 300 кушцов из «первостатейных» и «среднепожиточных»,
- 3) 300 «мастеровых всех художеств».¹

Таким образом, указ обязывал построить в Петербурге 950 домов, при этом закончить постройку требовалось в течение лета, а осенью переехать жить. Застройка Петербурга с самого начала связывалась с принудительным заселением города.

Каждой группе населения предназначалась определенная часть городской территории. На Адмиралтейском острове должны были селиться адмиралтейские служащие, на Московской стороне (восточнее и южнее Фонтанки) — служащие

¹ ПСЗ, т. V, № 2817.

дворцовых конюшен и Партикулярной верфи, гвардейские полки, на Васильевском острове — основное население города (дворянство, купечество, разночинцы), на Городском острове (Петроградская сторона) — мастеровые, солдаты.

Однако этот принцип не соблюдался, расселение шло самотеком, слободами. С 1718 по 1724 г. один за другим следуют указы с требованием переселения на Васильевский остров хозяев домов, не по праву живущих на Московской стороне и Адмиралтейском острове.

Несмотря на все угрозы и предписание ломать крыши домов ослушников,¹ дело с переселением не ладилось. Указы приходилось повторять с новыми угрозами и установлением новых сроков переселения, но все оставалось по-старому.

Последний из известных петровских указов на эту тему — указ 14 февраля 1724 г.² предписывает всем не имеющим права проживания на Адмиралтейском острове и Московской стороне очистить места под угрозой конфискации дворов. Все освободившиеся места должны быть переданы соответствующим командам (адмиралтейской, артиллерийской, Партикулярной верфи и т. д.), служащим которых строжайше запрещалось предавать кому-либо свои дворы, кроме представителей своих же команд.

Таким образом, закреплялось исключительное право ведомства на известную часть города. Однако, требуя переселения всех, кому не положено жить в данном месте, указ делает исключение для хозяев домов по набережным, для «вышних персон» и для местного духовенства. Таким образом, даже по букве закона принцип не выдерживался до конца.

Потерпела неудачу и другая идея Петра — создать центр нового города на Васильевском острове. Уже при жизни Петра городская застройка стихийно начала перемещаться на противоположный левый берег Невы. Тем не менее ни один свой замысел в отношении города Петр не проводил в жизнь с такой настойчивостью, как план создания центра города на Васильевском острове, который должен был стать средоточием дворянства и купечества столицы.

С апреля 1716 г. раздача мест под застройку дворянам и купцам производилась лишь на Васильевском острове.³ Начиная с 1719 г., один за другим следуют указы о принудительном строительстве домов на Васильевском острове. Размер участка, отводимого под застройку, и тип здания определялись указами, исходя из числа крестьянских дворов, числящихся за дворянами, а для купечества по величине тягла с десятой деньги.⁴ Дворяне, имевшие 500—700 крестьянских дворов, строили каменные дома на участке шириной 8 сажень, имевшие 300—500 дворов —

¹ ПИНАЛ, ф. 1329, оп. 2, л. 20, лл. 1—10 (1721 г.).

² ПСЗ, т. VII, № 4474.

³ ПСЗ, т. V, № 3019.

⁴ «Десятая деньги» — налог на городское население, введенный при Петре I в 1701 г.

на участке в 5 сажен и имевшие 100—300 дворов строили мазаеки или деревянные дома.¹

Несмотря на угрозы конфискации имущества ослушников, дела с застройкой Васильевского острова шли очень плохо.

Большинство даже не начинало строить, а те, кто начали, строили очень медленно. В 1723 г. приказано было принудительно выслать из провинции в Петербург всех тех, кому положено было строить дома в столице, а строить не начали.² Однако перелома не наступало, ослушники не приезжали и людей для строительства домов не присылали.

Согласно указу 1724 г., размеры и типы домов, которые должны были строить в Петербурге помещики, определялись исходя уже не из числа крестьянских дворов, а из числа душ крестьян, числящихся за дворянами. Купцы были обязаны построить 50 каменных зданий по разверстке магистрата. Этот указ требовал начать строительство домов в 1724 г. и закончить отделку в 1726 г.³

Из общего числа 1758 мест, подлежащих застройке на Васильевском острове, 967 (55%) даже не было роздано, а из розданных мест было застроено всего 463 (по другим данным — 489, около 28%), при этом деревянные дома составляли 75%.

Несмотря на неудачу с Васильевским островом, основная цель Петром была достигнута: за короткое время на пустом месте был построен большой город.

На набережных Невы вырастали большие каменные здания. Обозначались направления будущих крупнейших городских магистралей (нынешних проспекта Майорова, Большого проспекта Васильевского острова, Невского); однако за пределами основных магистралей застройка Петербурга продолжала еще оставаться стихийной. Улицы, заселенные мастеровым людом (слободы Морские, Пушкарская, Переведенские и др.), были узки и тесно застроены деревянными домишками. Предстояла еще большая работа по регулированию городской застройки.

* * *

Государство направляет жизнь страны во всем ее многообразии, начиная от дел подлинно государственной важности и кончая мелочами быта. От наблюдения и контроля государства ничего не ускользает. Власть государства безгранична. Она распространяется не только на жизнь и имущество людей, но и на их волю и сознание. Государство предписывает людям не только образ их действия, но и образ мысли. Оно не терпит никакой силы, противостоящей ему или хотя бы сосуществующей рядом с ним.

¹ ИСЗ, т. V, № 3332.

² Указы Петра Великого с 1714 по 1726 г. СПб., Акад. Наук, 1739, стр. 39—40 (указы 1723 г.).

³ ИСЗ, т. VII, №№ 4405, 4439.

Так думали идеологи дворянства и купечества петровского времени, игравшие руководящую роль в государстве. Непоколебимое убеждение в правильности этих положений отразилось в целом ряде их высказываний по вопросам, имеющим как теоретическое, так и практическое значение. В наиболее законченной форме идея абсолютистского государства была развита Феофаном Прокоповичем в его трактате «Правда воли монаршей». Петровский проповедник и публицист определяет верховную государственную власть как такую, которой «по бозе больше нет». Она не ограничивается никакими законами. Никак и ничем не ограничены права носителя верховной власти — монарха. Народ должен беспрекос-

Феофан Прокопович (1681—1736). Грессора середины XVIII в.

ловно выполнять все веления монарха. Обязанности монарха сводятся к охране правосудия, укреплению военной мощи государства и насаждению просвещения. Таких же взглядов на объем и силу государственной власти держался и Посошков. Правда, он допускал существование наряду с органами государственной власти органов дворянской и купеческой общественности, но предоставлял им очень ограниченную компетенцию. Таков проект Посошкова о созыве собора из представителей всех сословий для составления «Уложения». В «Книге о скудости и богатстве» Посошков выступал в качестве защитника экономических интересов купечества, ратуя за предоставление ему всякого рода льгот.

Сам Петр всецело разделял точку зрения на государство, высказанную с наибольшей полнотой Феофаном Прокоповичем. Выразил он ее не в философско-теоретических рассуждениях, к чему склонности он не испытывал, а в отдельных высказываниях по разным поводам. Наиболее красноречивыми в этом отношении документами являются петровские указы. Внутренний смысл их заключался в глубоком убеждении в том, что власть монарха абсолютна и сфера его надзора

не имеет никаких границ. Только до конца проникнутый идеей всемогущества государственной власти законодатель мог издавать указы, подобные петровским, которые регламентировали не только жизнь и поведение подданных, но и их образ мыслей.

Причины того, что идеи абсолютной власти монарха стала одной из руководящих идей русского дворянства, кроются в тех экономических и социально-политических условиях, в которых происходили реформы Петра. Она выражала сознание необходимости всемерного укрепления дворянского самодержавного государства в условиях напряженной международной обстановки и нараставших внутренних противоречий.

Такова была идеология, которая разрабатывалась правящими кругами. Она противостояла идеям, сохранившимся еще в среде старого боярства, о независимости и даже преобладании церкви над государством и преимущественных правах родовитого боярства на управление страной, на его особое положение в государстве, дающее ему право разделять власть с царем.

Новая идеология абсолютистского государства разрабатывалась и претворялась в жизнь в практике государственного строительства в новой столице. В Петербург было переведено из Москвы большинство новых центральных учреждений, основание которых знаменовало собой наступление нового этапа в развитии абсолютистского государства, — Сенат и значительная часть коллегий.

В Петербурге начал свое существование Синод. Его основание обозначало окончательное закрепление за государством власти над той организацией, которая никак не хотела мириться с неизбежностью потери своей бывшей самостоятельности, т. е. церковью. Петр и ее прибрал к рукам, установив над ней с помощью Синода повседневный и бдительный контроль. Церковь полностью переходила в зависимость от самодержавной власти.

Но, борясь с притязаниями церкви на власть, Петр в то же время понимал, какую крупную роль может сыграть церковь в укреплении абсолютистского государства. Методами религиозного воздействия он стремился укрепить авторитет новой столицы в сознании народных масс. Этой цели должно было служить основание в Петербурге Александро-Невского монастыря.

В «Журнале» Петра рассказывается, что в 1710 г. Петр, осматривая Петербург, обратил внимание на место впадения Черной речки в Неву и приказал строить здесь монастырь во имя Троицы и Александра Невского. Архимандрит будущего монастыря Феодосий на указанном Петром месте водрузил крест с надписью о том, что здесь будет сооружен монастырь. Монастырь начал свое существование с 1713 г.

Основанием монастыря в память одного из наиболее чтимых в народе людей, с чьим именем была связана первая победа на Неве над шведами, Петр хотел придать новому городу особое значение. Вероятно тогда же Петр задумал и перенесение «мощей» Александра Невского в Петербург, хотя осуществлено это было только

в 1723 г. Основание Александро-Невского монастыря сыграло свою роль в деле укрепления положения Петербурга как столицы.

Элементы новизны находившихся в Петербурге центральных государственных учреждений не могли не отразиться на характере их деятельности. Негородские темпы жизни московских приказов и боярской думы и весь их веками установившийся обряд мало подходили к тем задачам, какие стояли перед только что возникшими Сенатом, коллегиями и Синодом. Вероятно, не без некоторого сожаления вспоминали петербургские чиновники всех рангов о московских временах, читая знаменитый указ Петра 1722 г., в котором царь требовал точного и неуклонного выполнения законов всеми государственными учреждениями и устанавливал пределы компетенции Сената. Было от чего прийти в смущение, если указ заканчивался такими красноречивыми словами: «Буде же кто сей наш указ преступит под какою отговоркою ни есть ... тот ... казнен будет смертию без всякие пощады, и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели и сию нику ипадете».¹

Деспотические приемы управления Петра государством находили свое выражение в подробнейшей регламентации жизни подданных царя. Из Петербурга шел целый поток указов, предписывавших жителям России, как они должны одеваться, как стричь жилища, жать хлеб, выдывать кожи, развлекаться, как они должны отнестись к предстоящему солнечному затмению или как вести себя в церкви, и т. д. и т. п. Русское законодательство еще не знало такого мелочного и всеобъемлющего регламентирования, какое вносили в жизнь страны указы Петра. Жители Петербурга в полной мере испытали на себе силу петровской регламентации. Известные барабанным боем о выходе нового указа, они собирались для выслушивания его на площади перед зданием, где помещались коллегии. Отступать от всех предписаний и заповестей Петра петербуржцам было труднее, чем жителям других российских городов, так как зоркие глаза цари и его многочисленных фискалов мгновенно замечали всякие уклонения от установленного порядка, и тогда обитатели «спарадиза» (рай — так Петр называл Петербург) на собственном опыте убеждались, что строить новое государство — дело нелегкое.

Очень велико было значение новой столицы в деле развития русской культуры.

Культурные учреждения столицы воплотили в себе черты новой культуры, освобождающейся от церковных традиций и отвечающей практическим нуждам. Петербург стал местом пребывания некоторых новых для России учебных заведений (Морская академия, Артиллерийская и Инженерная школы, Медицинская школа и др.). Они готовили столь необходимые для страны кадры военных, врачей, учителей и т. д. Люди, получившие образование в этих учебных заведениях, работали над перестройкой армии и флота, государственного аппарата, над организацией промышленности и других отраслей экономики, несли дипломатическую

¹ ПСЗ, т. VI, № 3978.

службу, разрабатывали научные проблемы и т. п. Легко представить, какое большое политическое и культурное значение приобретала в силу этого новая столица. В петербургских типографиях печаталось много книг. В Петербург в 1711 г. было перенесено издание первой русской печатной газеты. Первый русский публичный музей — Кунсткамера — возник также в Петербурге. В петровское время было подготовлено открытие в Петербурге Академии Наук. Одним из примечательных культурных учреждений новой столицы явился публичный театр.

Культурные учреждения Петербурга возникали одновременно с тем, как строились в нем дома, проводились улицы, намечались площади, сооружались пристани, возводились укрепления и т. д. Контуры города еще только намечались, а уже в нем жили интенсивной жизнью учебные заведения, типографии, музей, театр и другие культурные учреждения.

Жители петровского Петербурга имели возможность наблюдать обставленные со всем возможным великолепием зрелища приема чрезвычайных посольств. Торжественные аудиенции послам Петр давал обычно в мекшиковском дворце, по своим размерам и богатому убранству более подходившем для этой цели, чем скромные здания, выстроенные Петром для себя. Деловые же свидания царя с послами происходили в самой разнообразной обстановке. Датского посла, например, Петр однажды принял на строящемся корабле, чем привел его в немалое смущение.

Петровские преобразования наталкивались на сильное сопротивление в боярских кругах и среди части духовенства. Эти социальные группы боролись, как могли, с вводимыми царем новшествами. Интересы старого боярства были ущемлены петровскими преобразованиями: оно теряло свое руководящее положение, вынужденное мириться с появлением на командных постах людей, которые были поставлены на эти посты деспотической властью самодержца. Одинаково сильно были задеты Петром интересы высшего духовенства, утратившего в результате реформы по управлению церковью свое прежнее влияние и власть. Старые традиции тяготели над боярством и высшим духовенством, крайне неодобрительно относившимся к обновлению политического строя и общественного и даже семейного быта.

В Петербурге оппозиция Петру этой социальной среды не получила заметного развития. Петербург был новым городом, и это одно уже создавало мало благоприятную обстановку для распространения оппозиционных настроений в нем. Но новая столица стала местом, где разыгрался самый драматический эпизод в истории боярской оппозиции Петру. В Петербурге закончилось дело царевича Алексея Петровича, тайно казненого в 1718 г. в каземате Петропавловской крепости.

Если источники достаточно полно отразили политические стремления господствующих слоев петербургского общества, от которых они и исходили, то чаяния и стремления трудящихся столицы в существующих источниках, конечно, не могли быть выражены. Эти чаяния и надежды были одинаковыми с теми, которыми жили народные массы остальной России в петровское время. Протест широких народных

масс против усиления тягот нашел свое выражение в крестьянских восстаниях, происходивших на протяжении царствования Петра. Успехи развития самодержавно-крепостнического государства могли быть достигнуты, как указывал И. В. Сталин, только за счет крестьянства, «с которого драли три шкуры». К личности самого Петра отношение народных масс, если исключить часть старообрядческого населения, было положительным, как свидетельствуют народные песни о нем. Народ ценил личную храбрость царя, его простоту, умение работать, но народ тяжело страдал от непосильного бремени. Отчетливое представление народа о характере петровской политики сказалось в следующем обращении к царю в одной из сложившихся о нем песен: «Ты зачем, государь-царь, чернят разоряешь? Ты зачем больших господ сподобляешь?». Разорение народа при ясно видимом им «сподоблении больших господ» и приводило к тем волнениям, которыми отмечено петровское царствование.

Классовая борьба велась на протяжении всей первой четверти XVIII в. в различных районах государства с различной степенью напряжения. Особенной остроты она достигла, как известно, на Дону и в Поволжье. Петербург отнюдь не был таким местом петровской империи, где господствовал классовый мир. Открытых народных выступлений в петровском Петербурге не происходило, но случаи сопротивления зарегистрированы в летописях города. Дошедшие до нас документальные следы этой борьбы немногочисленны. Но можно с уверенностью сказать, что количество выступлений в Петербурге против петровской политики значительно больше, чем число сохранившихся официальных документальных свидетельств об этом.

До нас дошел список 22 арестантов, присланных 19 сентября 1717 г. в Петропавловскую крепость. Это были первые из известных до сих пор узников крепости, открывшие собой ее скорбную летопись. Они принадлежали к личному составу корабля «Резоль». В чем заключалась их вина, остается неизвестным. Можно предполагать, что они были арестованы за какое-то выступление на корабле. Так заставляет думать тяжесть постигшего их наказания: один из арестованных был казнен, несколько человек наказаны кнутом и сосланы на каторгу.¹

События, подобные тем, которые произошли на корабле «Резоль», заставляли Петра обращать особое внимание на политический розыск. И Преображенский приказ и Тайная канцелярия занимались расследованием дел, направленных против «персоны его величества», а также дел, связанных с «бунтами и возмущениями». Деятельность обеих канцелярий заслужила острую ненависть в народе. Хорошо известно, с какой жестокостью подавлялись Петром всякие попытки протеста народа против тех безмерных тягот, которыми он был задавлен. Действовавшие под непосредственным наблюдением Петра обе канцелярии имели задачей пресекать в самом корне попытки открытых выступлений бесшадными и жестокими

¹ М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. I. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 130.

мерами. Кровь, обильно проливаемая в петровских застенках, вызывала чувства ужаса и страха, часто сновывавшие волю тех, кто пытался поднять руку против деспота-самодержца.

В поле зрения как Преображенской, так и Тайной канцелярии попало все, заслуживавшее, с точки зрения их руководителей, внимания. Оба розыскных учреждения были завалены множеством всяких, даже совершенно ничтожных по своему характеру дел. Но страх самодержавно-крепостнического государства перед возможностью народных выступлений был так велик, что в глазах лиц, ведавших розыском, всякое дело было значительно. Поэтому-то сакраментальная формула «слово и дело государево», с которой начинался розыск, получила в петровские времена такое широкое распространение. Тайная канцелярия вела розыск по делам, возникавшим на всей территории России. Многие ее дела имели прямое отношение к Петербургу.

В 1722 г. в Петербурге разнеслись слухи о каких-то таинственных явлениях в Троицкой церкви, носивших зловещий характер. Начавшиеся среди священнослужителей толки об этом быстро распространились по городу и вызвали в народе «непристойные разговоры». «Питербурху быть пусту» — таков был наиболее заинтересовавший Тайную канцелярию мотив этих разговоров. Молва о неизбежном запустении Петербурга не раз возникала и в самом городе, и в других местах России. К этим слухам вершители розыскных дел относились с особенной остороженностью, справедливо усматривая в них форму протеста против петровских реформ, рождавшегося прежде всего в среде боярской и церковной оппозиции. Дело о таинственных явлениях в Троицкой церкви кончилось тем, что диакон церкви, первый разнесший слух о запустении Петербурга, был приговорен к трем годам каторги, «чтоб на то смотря, впредь другим таких непотребных слов говорить было неповадно».¹

Возникали в Тайной канцелярии дела о сказанных в Петербурге иностранцем Питером Вилькином словах, будто царь не проживет более трех лет, о разговорах по поводу того, что мужики преображенских солдат не любят, называют их самохвалами и железными носами, о том, что царь — не русский человек, а иностранец, что он подменен в Швеции, что он антихрист, сына «убил до смерти», что царь «весь народ погубит», и т. д. и т. п. Людей, распространявших такие слухи, хватили, надергивали на дыбу, пытали огнем, били кнутом и приговаривали к жесточайшим наказаниям, а нередко и к смерти.

Протест против петровских преобразований в раскольниковской и боярской среде питался реакционными стремлениями к сохранению старины. Нередко эта среда использовала в своих реакционных целях протест народных масс против непосильных тягот, которые налагало на них абсолютистское государство. В Петербурге в 1720 г. была предпринята попытка покушения на Петра. О ней расска-

¹ М. П. Семеновский. Слово и дело! 1700—1725. Изд. 3-е, СПб., 1885, стр. 95.

зал в своих «Любопытных и достопамятных сказаниях об императоре Петре Великом» Штелин, слышавший об этом происшествии от девицы Петра гр. А. Б. Бутурлина через десять лет после смерти Петра. Некто человек (сведений о его имени и дальнейшей его судьбе не сохранилось), пробравшись в Летний дворец Петра, пытался напасть на царя с ножом в руках. Его постигла неудача. Схваченный на месте, он, оказавшийся раскольником, объяснил свой поступок тем, что Петр сделал много зла «нашей братии и нашей вере».¹

Скупые сведения, сообщенные Штелиным, нуждаются в проверке. Однако нет ничего невероятного в том, что кто-либо из наиболее фанатично настроенных раскольников мог взять на себя задачу убить царя.

* * *

К концу первой четверти XVIII в. Петербург прочно занял свое положение как политический центр страны, главный военный и торговый порт, центр нового светского просвещения, подчиненного интересам укрепления российского абсолютизма. Российское самодержавие переживало период своего расцвета. Но и тогда на борьбу с самодержавно-крепостническим строем стихийно поднимались народные массы страны. Отзвуки этой борьбы, пока еще слабые, находили свое место и в петровском Петербурге. Трудящиеся массы новой столицы жили общими надеждами и чаяниями с трудящимися всей страны. Эти выступления в дальнейшем будут нарастать, принимая новые формы. Петербург станет превращаться в революционный центр страны. Но это произойдет позднее — в условиях разложения крепостничества, с появлением Радищева и декабристов.

¹ Там же, стр. 342.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

 В конце XVII и в первой половине XVIII в. в России происходило дальнейшее укрепление основы феодально-крепостнического строя — феодальной собственности на землю — и в связи с этим дальнейшее усиление крепостнических отношений, крепостнической эксплуатации. В то же время в экономической жизни России все большее развитие получало общественное разделение труда, усиливалось товарное обращение, усиливался процесс слияния небольших местных рынков в один всероссийский рынок, т. е. все в большей степени проявлялись и действовали те социально-экономические факторы, которые характеризовали начавшийся еще ранее — в середине XVII в. — «новый период русской истории». В связи с этим барщинное хозяйство начинало все заметнее втягиваться в товарно-денежные отношения и приспособляться к ним. Все более развивавшееся отделение промыслов от земледелия постепенно приводило к более высокому развитию ремесла, к более дробной его специализации, создавало новые благоприятные условия для дальнейшего развития мелкого производства и мануфактурной промышленности. Выход в победоносной Северной войне на Балтийское море также способствовал более быстрому экономическому развитию России. Происходило не только дальнейшее развитие ремесла, промышленности и торговли в старых экономических центрах страны — Москве и других, но, вместе с тем, возникали и развивались и новые экономические центры, как Петербург. Более высокое развитие товарного производства и формирование единого

всероссийского рынка создавали уже в XVII—в первой половине XVIII в. и некоторые условия для зарождения и постепенного развития в недрах феодально-крепостнического строя России новых буржуазных связей. Эти объективные условия экономического развития сказывались и на экспансионистской политике феодального государства.

Как известно, при Петре I обращалось большое внимание на экономическое развитие страны. В условиях резкого обострения классовой борьбы вся экономическая политика правительства была направлена прежде всего на дальнейшее укрепление оформлявшейся в России абсолютной монархии. В то же время длительная и тяжелая война со Швецией и все более явно выступавшая угроза агрессии со стороны Англии заставляли торопиться с проведением ряда мероприятий, направленных на усиление обороноспособности страны, укрепление ее могущества. Эту цель в значительной степени преследовало и захороночное строительство в стране крупных мануфактур в размерах, не известных предшествующему времени. То была, как указывал товарищ Сталин, своеобразная попытка России выскочить из рамок отсталости. Речь идет об относительной экономической, прежде всего промышленной, отсталости сравнительно с некоторыми наиболее передовыми в этом отношении странами Западной Европы.

Все большее развитие общественного разделения труда, все более растущие требования формирующегося единого внутреннего рынка, накопление частных, преимущественно купеческих капиталов, рост мелкого ремесленного производства при наличии огромных природных ресурсов в стране — все это вместе взятое создавало условия, облегчавшие правительственную инициативу в строительстве мануфактур. Осложнялось же это строительство главным образом отсутствием достаточного количества свободной наемной рабочей силы, так как процесс разложения крестьянства — основного поставщика рабочей силы — был еще слаб. Отсюда дороговизна наемных рабочих, отсюда, в большинстве случаев, применение в промышленности труда подневольных, зависимых рабочих людей, собираемых со всей России.

За первую четверть XVIII в. в России было основано свыше 200 новых мануфактур. Значительные предприятия, прежде всего в судостроительной промышленности, в производстве оружия и ряде других отраслей, возникли и в Петербурге. Как и во всей России, в Петербурге проводилось самое разнообразное промышленное строительство, как казенное, так и частное. Широкая система покровительственных мероприятий, проводившаяся петровским правительством в экономической жизни страны, отражала не только интересы господствующего дворянского класса и купечества, но и общенациональные интересы государства. Эта экономическая политика в тех конкретно-исторических условиях была поэтому, несмотря на классовую ее ограниченность, несомненно прогрессивной.

Во второй четверти XVIII в., особенно в период деятельности Верховного тайного совета и тем более в мрачный период так называемой бироновщины,

в экономической политике правительства происходят нередко колебания. Проводятся мероприятия, отражающие интересы той или иной правящей клики, наносящие ущерб общенациональным государственным интересам. Отражалось это в значительной степени и на состоянии и развитии всей экономической жизни Петербурга. Не случайно поэтому период быстрого в первой четверти XVIII в. экономического подъема Петербурга сменяется периодом замедленного развития.

Заметное оживление экономической жизни Петербурга происходит только с середины XVIII в. уже в значительно изменившихся условиях при наличии все более ощутимых элементов капиталистического развития.

Промышленность Петербурга возникала и развивалась одновременно с возникновением и развитием самого города и отражала в первой половине XVIII в. условия его возникновения и развития. Начальная база Балтийского флота и арсенал действующей в Северной войне армии, крупнейший по торговым связям с Западной Европой порт, столица самой крупной в мире империи и один из наиболее значительных ее городов — таким стал основанный Петром I Петербург.

Наибольший удельный вес в Петербурге и его окрестностях получили те отрасли промышленности, которые обслуживали нужды флота и армии, а также вызваны были к жизни самим строительством города и его ростом; значительное развитие получали также и отрасли промышленности, удовлетворявшие потребности царского двора и столичной аристократии. Массовый спрос удовлетворялся в основном быстро развивавшимся малким товарным производством, а также работой ремесленников на заказ и привозными товарами. Промышленные предприятия мануфактурного характера, работающие на широкий, массовый рынок, в Петербурге в первой четверти XVIII в. развиты были относительно слабо; их заметное развитие происходит в последующее время.

Относительно быстрое строительство и развитие петербургской промышленности в начальный период истории города определялось в значительной степени необходимостью быстрее освоить этот район и окончательно закрепить его за Россией. Лихорадочность промышленного строительства проявлялась здесь поэтому особенно резко.

Промышленные предприятия в Петербурге возникали преимущественно как предприятия мануфактурного типа — с широким техническим разделением труда, с достаточно высоким по тому времени уровнем технического оснащения. Это были главным образом централизованные мануфактуры, в ряде случаев весьма значительные по своим размерам.

С самого своего возникновения Петербург стал крупнейшим центром судостроения. Последнее было затем долгое время ведущей отраслью промышленности города.

Самым крупным и верным по времени возникновения предприятием в судостроительной промышленности была Адмиралтейская верфь, или, как она обычно называлась, Адмиралтейство. Спешное создание в устье Невы крупной судостроительной верфи диктовалось неотложностью строительства Балтийского флота,

без чего невозможно было ни ведение успешной войны со Швецией на море, ни закрепление за Россией возвращенной от шведских захватчиков территории.

Место для верфи было намечено как можно ближе к морю, но в то же время на таком расстоянии от Петропавловской крепости, чтобы верфь могла быть под защитой пушек последней. Кроме того, сама верфь должна была служить крепостью, какою она несколько лет и была действительно.

Строительство верфи было начато 5 ноября 1704 г.

Для строительства были присланы рабочие люди с Олонецкой верфи, плотники из Ростова и других мест, подводчики из Белозерского, Пошехонского, Каргопольского и Новгородского уездов.¹

Выполнение в короткий срок значительных по объему работ нередко затруднялось нехваткой рабочей силы и строительных материалов — «безлюдьем и безлесьем», а также диверсиями шведских отрядов вблизи Петербурга. Однако уже к концу 1705 г. основные работы были выполнены.

Адмиралтейство с самого начала своего возникновения становилось комплексом предприятий, необходимых для строительства флота. Вокруг собственно верфи возникали «чертежные анбары», кузницы, прядильное, канатное, парусное, блоковое, мачтовое производства, в некотором отдалении — смолокурни, лесопильни и пр. Поэтому и сам остров между Невой и Мойкой долгое время назывался Адмиралтейским.

Уже весной 1706 г. на верфи было начато строительство мелких военных судов. В том же году было спущено на воду 18-пушечное бомбардирское судно и яхта «Надежда».

После разгрома шведов под Полтавой начинается перестройка верфи: замена деревянных сооружений каменными, устройство корабельных эллингов. Строительство большого линейного флота стало абсолютно необходимым.

В ознаменование Полтавской победы уже в декабре 1709 г. на верфи был заложен по проекту Петра I и Федосея Складина — одного из лучших русских кораблестроителей того времени — первый линейный 54-пушечный корабль «Полтава». А в год спуска «Полтавы» на воду (1712) на верфи строилось уже 6 линейных кораблей. Позднее верфь могла строить корабли любого ранга: были спущены на воду 90-пушечный «Лесное», 92-пушечный «Гангут»; в 1723 г. был заложен по проекту самого Петра 100-пушечный корабль.

В связи с началом строительства на верфи линейных кораблей постройка галер и полугалер была с 1712 г. перенесена на специально созданный для этого Галерный двор. Строительство галер и полугалер получило в Петербурге большое развитие. Это объяснялось исключительно важной ролью, какую играли они при боевых действиях со шведами в финских и шведских шхерах.

Ф. Ф. Веселого. Очерк русской морской истории, ч. I. СПб., 1875, стр. 500.

В 1711 г. началось создание на берегу Фситапки (против Летнего сада) так называемой Партикулярной верфи для строительства за счет казны мелких судов преимущественно частного («партикулярного») назначения. Выстроенные суда передавались в пользование Сенату, Адмиралтейской, Иностранной и другим коллегиям, Полцеймейстерской канцелярии и прочим учреждениям, а также отдельным лицам из петербургской знати. Розданные суда должны были, согласно указу, служить в качестве легкого водного транспорта: «...как на сухом пути кареты и коляски, а не как навозные телеги».¹ Из судов этого рода составлялся речной, так называемый «Невский флот». Это было следствием того, что Петр I стремился всемерно развить водное сообщение в городе (ни запрещалось даже строительство крупных мостов). В основном деятельность Партикулярной верфи развернулась с 1716 г. На ней производился также ремонт и осмотр торговых судов, как русских, так и иностранных.

Несколько позднее, в 1723 г., Сенатом был дан указ об отводе места на Выборгской стороне для постройки небольшой частной верфи для ремонта мелких судов.

С начала второго десятилетия XVIII в. возникла также и судоремонтная верфь на Котлине.

Сугубое внимание обращалось на обеспечение молодой петербургской судостроительной промышленности мастерами и квалифицированной рабочей силой.

Значительную роль в строительстве корабельного флота на Адмиралтейской верфи сыграли, кроме Петра, такие русские мастера кораблестроения, как Федосей Склаев, Гаврила Мешиков, подмастерье Пальчиков и др., мастера парусного, мачтового, блокового дела Иван Кочет, Тихон Лукин, Фаддей Попов, Алесий Моляр и др. Деятельность многих из них имела и непосредственное отношение к Галерному двору, так как последний был по существу своеобразным «дочерним» предприятием корабельной верфи. Из мастеров и подмастерьев Партикулярной верфи видное участие в строительстве мелких речных и морских судов принимал изобретатель-самоучка Алексей Бурдев.

Видную роль в петербургском судостроении, особенно корабельном, сыграл и ведавший этим делом Иван Михайлович Головин. Недаром Петр I называл нередко корабли, построенные на Адмиралтейской верфи, «семенем Ивана Михайловича», а Балтийский флот его «семейством»; нередко спуск на воду корабля отмечался как рождение «сынка» у Ивана Михайловича, а выход корабля из ремонта как выздоровление его «сынка».

В судостроительной промышленности Петербурга, несмотря на все трудности, были созданы твердые кадры мастеров, подмастерьев и квалифицированных рабочих людей, полюбивших свое дело. Адмиралтейская, или, как она просто называлась, Корабельная, Партикулярная и Галерная верфи стали крупнейшими центрами передовой технической мысли в судостроении. Петр, Склаев и другие

¹ Ф. Ф. Весселаго, ук. соч., стр. 526.

*Корабль «Шалман», построенный в петербургском Адмиралтействе в 1712 г.
Гравюра И. Шкарта 1718 г.*

корабельные мастера были во многих отношениях новаторами в судостроении. Расчеты их и других русских мастеров для линейных кораблей были основанием для постройки этого рода судов в России в течение всего XVIII в. В 1719 г. плотником Адмиралтейства Ефимом Никоновым был предложен проект постройки «подводного судна» (подводной лодки). Построенное в 1724 г., оно было повреждено при спуске на воду.¹ Мастер Партикулярной верфи Алексей Бурцев предложил в 1713 г. проект постройки колесных судов, которые могли, по идее изобретателя, ходить как по ветру, так и против ветра «без замедления и без всякой остановки». Им же была предложена в 1716 г. Петру модель деревянного моста «на великих дугах» (арках) через Неву, длиною в 523 сажени, шириною и высотой в 30 сажен.²

¹ В. В. Данилевский. Русская техника. Л., 1947, стр. 131.

² ЦГА ВМФ, ф. № 315, д. № 491, лл. 22—29.

В Адмиралтействе работали и некоторые иностранные мастера из тех, что могли удовлетворять высоким требованиям, предъявляемым к ним в России.

Адмиралтейская верфь была самым крупным предприятием в промышленности Петербурга. Уже в самом начале ее деятельности на ней вместе с вспомогательными предприятиями работало свыше 500 человек, а в 1709 г. — около 900. Производственный процесс разбивался на 30 специальностей. Это последнее обстоятельство свидетельствовало о значительном развитии технического разделения труда. В 1710 г. указом Петра велено было выслать из различных губерний в Петербург «для адмиралтейских и городских работ» как можно скорее 4720 рабочих людей.¹

В 1712 г. в связи с переходом к строительству линейных кораблей и с переводом части рабочих людей на Галерный двор было прислано с Воронежской верфи еще 2000 человек. В 1713 г. Сенат постановил «набрать 1000 плотников, самых добрых, лучших», и выслать в Петербург в распоряжение Адмиралтейства на «вечное житье». К 1715 г. число рабочих людей, обслуживающих весь комплекс предприятий Адмиралтейства, достигло 10 000. В 1715 г. была прислана на постоянную работу в Адмиралтейство новая партия квалифицированных работников, людей из самых различных мест России: кузнецы из Казани и Архангельска, Старой Руссы и Новгорода, из Киевской и Рижской губернии; плотники из Торонца, Ярославля, Углича, Холмогор, Великого Устюга, Архангельска, Звенигорода, Владимира, Ростова, Казани, Киевской и Московской губерний, Переяславля Рязанского; столяры и резчики из Таврова, Казани; прядальщики из Рижской губернии.² Строительство русского флота подлинно было делом рабочих людей всей страны. «Для всякие корабельные работы» к Адмиралтейству были присланы города Олопец, Каргополь, Белозеро, Устюжна, дворцовая волость Чаронда да «волость Сермане с иными волостями» Новгородского уезда. Квалифицированные кузнецы и плотники должны были обычно в принудительном порядке поселиться в Петербурге с семьями. Но принудительно набранных рабочих рук не хватало, приходилось часто прибегать и к вольному найму: так, например, в 1716 г., когда строилось 9 кораблей, нанято было на «некоторое время» 2150 человек, а в 1717 г. еще 200. Одновременно стали отбирать специалистов — плотников, кузнецов и из рекрутов (в 1717 г. — 479 человек, в 1718 г. — 1500).³

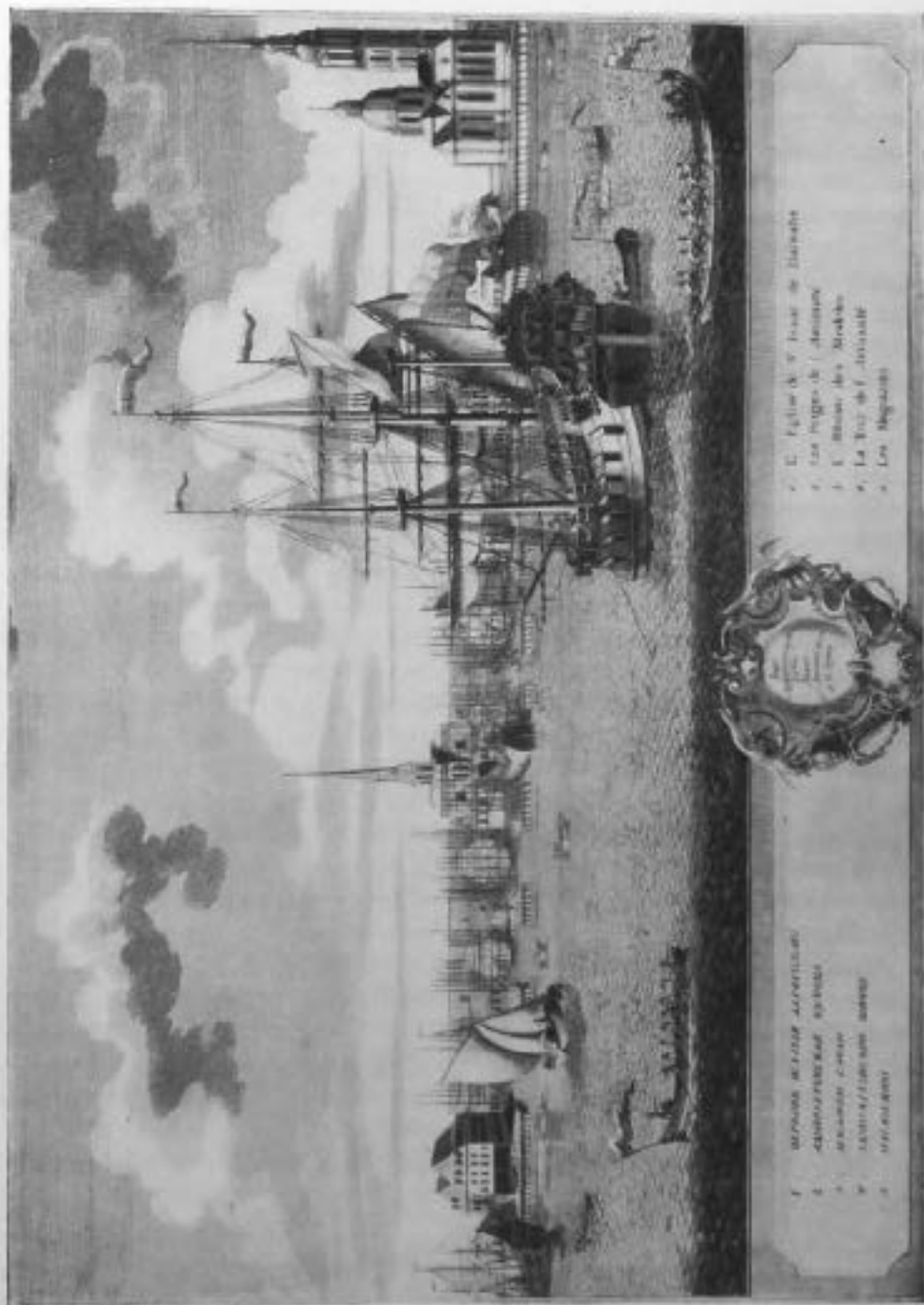
Еще ранее стали отбирать специалистов, годных к корабельному и галерному делу, из солдат. Их присылали на работу и за провинность. Так, например, еще в 1710 г. Петром велено было сыскивать беглых солдат, вешать четвертого из пойманных, а остальных присылать в Петербург.⁴

¹ Архив Правительствующего сената, т. I, СПб., 1872, стр. 7.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. I, СПб., 1877, стр. 388—389.

³ В. Г. Гейман. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сб. «Петр Великий», М.—Л., 1949, стр. 253—255.

⁴ Описание дел Архива Морского министерства, т. I, стр. 480.

Г. ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛЪ
 Д. АДМИРАЛТЕЙСТВО
 А. МОРСКОЙ СБОРНИК
 В. ТАКОЖЕ И ДРУГОЕ
 З. ПЕРВОУГОЛЪ

G. Eglise de l'Évangile de Jérusalem
 D. Les Prisons de l'Amirauté
 A. Le Musée des Mers
 V. La Tour de l'Observatoire
 Z. Les Magasins

Адмиралтейство и церковь Исаака. Гравюра первой половины XVIII в.

Кроме того, на заготовку и доставку строительных материалов, прежде всего леса, принудительно набарались значительные партии крестьян из Петербургской и смежных с нею губерний.

К концу первой четверти XVIII в. петербургская Адмиралтейская верфь стала одним из самых крупных судостроительных предприятий в Европе.

Было бы неправильным объяснять производственные успехи петербургского судостроения только принудительными мерами. Оно опиралось прежде всего на широкое развитие ремесленного производства в России. Без огромной армии квалифицированных ремесленников невозможен был бы широкий размах судостроения в Петербурге.

Принудительно мобилизуемой и в значительной мере принудительно нанимаемой на судостроение в Петербург квалифицированной рабочей силы со всех мест России все же не хватало. Поэтому пришлось завести обучение кораблестроению, галерному строительству и различным адмиралтейским «художествам» при самом Адмиралтействе через ученичество. До 1717 г. в адмиралтейские ученики набирали преимущественно из московской математико-навигационной школы; с этого же времени стали брать также из открытой в 1715 г. в Петербурге Морской академии; кроме того, брали из петербургской «Русской» школы, в которой обучались грамоте и арифметике дети адмиралтейских мастеровых людей. Обучение на верфи организовано было на чисто практических началах: ученики работали на стройке судов, осваивая предназначенную им специальность. Более подготовленные в математике занимались, кроме того, в чертежных мастерских, вычерчивая корабельные «члены». Наиболее способные выходили по прошествии нескольких лет в подмастерья. Обучение вели адмиралтейские мастера Федосей Скляев, Гаврила Меншиков, Иван Кочет, Тихон Лукин и др. Обязанность мастеров обучать учеников была специально оговорена «Регламентом о управлении Адмиралтейства и верфи» 1722 г.¹ В 1718 г. в Адмиралтействе было 97 учеников, из них обучались корабельному и галерному строительству 34. В последующие годы при Петре I число учеников в Адмиралтействе всегда было не менее 100, а в отдельные годы поднималось до 120 и даже до 180.²

Условия труда на Адмиралтейской верфи и на ее подсобных предприятиях были очень тяжелыми. Указами 1708 г. и ряда последующих лет рабочий год был разделен на две половины: «светлую» — с 25 марта по 15 сентября и «темную» — остальное время. Соответственно продолжительность рабочего дня по половинам года была не менее 14 и 12 часов (с перерывом для еды); по субботам с работы отпускались раньше. Работные люди из принудительно мобилизованных получали не более трех копеек в день с добавлением хлеба и соли; наемные получали

¹ ПСЗ, т. VI, № 3937.

² Материалы для истории Русского флота, т. III, № 210; Рукоп. отд. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание Помыловского, № 55, лл. 785—788, 792—795.

больше — до 3 руб. 50 коп. в месяц. Только корабельные мастера и подмастерья оплачивались высоко: например Федосей Скляев получал 200 руб., Гаврила Меншиков — 180 руб. в год.¹ Процветала система штрафов и телесных наказаний. За неявку на работу на один час удерживалось однодневное жалование, за один день — семидневное. Штрафовали приставленные к этому делу фискалы, в пользу которых шла четверть штрафа, три четверти — в казну.

По «Регламенту о управлении Адмиралтейства и верфи» строго были определены обязанности мастеров и подмастерьев, запрещалось переводить рабочих людей одной специальности на другую. Мастера, подмастерья и рабочие люди должны были ежемесячно давать отчет в израсходованных материалах, трижды в год при выдаче жалования организовывались осмотры рабочих людей. Надзор за работой и вообще за рабочими людьми возлагался на особых «дзорщиков». Введена была форма для работающих в Адмиралтействе. Короче говоря, «Регламентом» вводилось полувойское положение. Это стало распространяться и вообще на все казенные предприятия, в первую очередь оборонного значения.

Еще хуже были условия труда на Галерной верфи, которая палалась при Петре I и одним из мест отбывания каторжных работ. Сюда присылались даже дворянские недоросли за неявку на смотр, за побег из школы, за укрывательство от службы. Сюда же присылали иногда и тех, за кем числились недоимки по налогам; на подобные к Адмиралтейской и Галерной верфям предприятия (арядный двор и др.) присылали нередко и «виных [провинившихся] баб и девок».²

Рабочие люди нередко бросали работу. Бегство с работы на Адмиралтейской и Галерной верфях было, несмотря на суровые последствия, частым. Иногда имели место случаи массового бегства. Так, например, в 1712 г. сбегало сразу 250 плотников, присланных из Таврова на корабельные работы.³ Многие нередко бежали еще на пути в Петербург. Количество рабочих людей, занятых на Адмиралтейской и Галерной верфях, по отдельным годам поэтому заметно колебалось.

Правительство, не облегчая положения рабочих людей, старалось драконовскими мерами пресечь их бегство. Так, например, еще в 1707 г. дан был указ «...взамен бежавших ... брать отцов их и матерей, и жен, и детей или кто в доме их живет и держать в тюрьме, покамест те беглецы сысканы и в Петербург высланы будут».⁴ Жесточайшие наказания вплоть до смертной казни применялись к пойманным беглецам.

По мере развития в Петербурге судостроения все более сложной становилась проблема снабжения его высококачественными материалами, особенно корабельным

¹ Ведомости разных лет, хранящиеся в делах Адмиралтейства-совета (ЦГА ВМФ), № 6, лл. 13—16, 21—24, 28.

² ИСЗ, т. V, №№ 3140, 3306.

³ Описание дел Архива Морского министерства, т. I, стр. 356.

⁴ Там же, стр. 295.

лесом. Первоначально лес заготавливали по берегам Невы и ее притокам и даже в самом Петербурге. Но эти источники сырья, когда приступили к строительству линейных кораблей и галер, быстро стали иссякать. Под страхом высокого денежного штрафа (5—10 руб. за срубленное дерево), кнута и даже смертной казни (за сруб дуба) запрещалось рубить корабельный лес не по назначению кому бы то ни было. Указы объявлялись с барабанным боем. Для подтверждения их действительности в Петербурге в некоторых местах заранее ставились виселицы. Снисхождения делались редко. Так, например, когда один отставной солдат (инвалид) «посечку учинил малую» березе в Петербурге, то был бит «вещадно» батгами тут же у селга подрубленной березы. От кнута его спасло лишь то, что он имел боевые заслуги. За розыск мачтовых деревьев объявлялось вознаграждение от 1 до 5 руб. за дерево.

Меры, принимаемые правительством Петра по охране корабельного леса, хотя и не всегда давали должный эффект, все же помогали его сохранению. Так, по описи 1718 г. на Васильевском острове (в самом Петербурге) корабельные деревья были учтены и переписаны до единого) числилось 88 деревьев, годных для кораблестроения, а на Петербургской стороне — 302.

Только с 1723 г. жителям Петербурга разрешена была свободная рубка леса на своих участках.¹

Со второго десятилетия XVIII в. одним из самых значительных районов по заготовке корабельного леса (дуб и др.) для петербургских верфей становится Казань. Заготавливаемый лес стали подвергать первичной обработке на месте заготовок. В ряде случаев по приказу Петра I насаждались корабельные рощи в окрестностях Петербурга, как, например, рощи лиственниц на Карельском перешейке.

В конце концов удалось обеспечить корабельное строительство высококачественным лесом и другими материалами.

Всего в первой четверти XVIII в. в России было построено около 900 военных судов, в том числе в Петербурге — 262. Из 48 линейных кораблей, имевшихся в русском флоте в конце царствования Петра I, 23 были построены в петербургском Адмиралтействе, а из 305 галер и полугалер 203 построены на Галерном дворе в Петербурге.²

Русский флот к концу царствования Петра I стал, несмотря на незавершенность его строительства в объеме, необходимом для России, одним из сильнейших в мире.

Русские линейные корабли были, по всеобщему признанию, «превосходны по конструкции и по добротности материала».³ Недаром английский посланник,

¹ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. I, СПб., 1859, стр. 123—124; Ф. Ф. Веселаго, ук. соч., стр. 473—476.

² Ф. Ф. Веселаго, ук. соч., стр. 505.

³ Сб. РИО, т. 52, СПб., 1885, стр. 147.

матерый шенси и диверсант Джефферис, которого никак нельзя заподозрить даже в малейшей симпатии к России, сообщая в 1719 г. английскому правительству, что «корабли строятся здесь [т. е. в Петербурге] не хуже, чем где бы то ни было в Европе», добавил с беспокойством: «Если он [Петр] теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш?». Сообщения Джеффериса и разного рода другие сведения о строительстве Российского флота, особенно о деятельности Адмиралтейской верфи, собираемые английским правительством, совпали с резким ухудшением англо-русских отношений. Английское правительство, всячески стремившееся сорвать строительство флота России, добилось издания специального парламентского билля и королевского указа. В последнем (1719 г.) предписывалось всем английским подданным, находившимся на русской службе, и, в частности, корабельным мастерам немедленно покинуть Россию.¹ Однако высокая оплата и различные льготы, даваемые в России корабельным мастерам, в том числе и английским, оказались сильнее королевского указа: никто из них не выполнил его.

Впрочем, упомянутый выше Джефферис не знал, как в том же 1719 г. смотрел сам Петр на выстроенный к этому времени в Петербурге Балтийский флот. В указе кн. Голицыну относительно десантных операций на территории Швеции Петр писал, намекая на английский флот, что надо «показать шведам, что мы на английские грозы не смотрим».²

Таков был результат деятельности Адмиралтейской и Галерной верфей в первой четверти XVIII в. в создании материальной части Балтийского флота.

После смерти Петра I масштабы и темпы работ в судостроении в Петербурге, в частности в Адмиралтействе, значительно сократились. Это видно и по количеству занятых в Адмиралтействе рабочих, и по годовой продукции. Так, по подсчетам обер-секретари Сената Кириллова, в 1727 г. в адмиралтейском комплексе было занято уже только 4872 человека.³ За все время с 1725 по 1730 г. было спущено на воду только 6 кораблей, в том числе заложенный в 1723 г. по проекту самого Петра 100-пушечный корабль и 1 фрегат. Вновь было заложено лишь 2 корабля, 1 фрегат и 2 бомбардирских судна. Несколько большее внимание обращалось на галерное строительство: спущено было 80 галер. Позднее, с 1740 г., оно переносится в район Галерной гавани на Васильевском острове.

На Партикулярной верфи строились в это время преимущественно мелкие грузовые суда. К ней приписаны были Охтенские плотничьи слободы. Числилось в 1727 г. на ней около 500 рабочих людей.⁴ Деятельность Партикулярной верфи

¹ Сб. РИО, т. 61, СПб., 1888, стр. 516, 523, 536—538, 561—565.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. II, СПб., 1879, стр. 368.

³ И. Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, М., 1834, стр. 15—16.

⁴ Ф. Ф. Веселого, ук. соч., стр. 525, 529.

в дальнейшем была невелика. Деятельность Кронштадтской судостроительной верфи, на которой в 1727 г. занято было 1156 человек,¹ также была незначительна.

Еще больший упадок судостроения наблюдался в темные годы бирюзовщины. Балтийский флот стал приходить в упадок. Сузда ветшали, не ремонтировались, а новые строились в недостаточном количестве, и то больше мелкие, пригодные лишь для прибрежного плавания. Мало изменилось дело и лучшему и в 40-е годы.

За все двадцатилетие царствования Елизаветы (1741—1761) на петербургской Корабельной верфи было построено всего 10 кораблей и несколько мелких судов (меньше, чем в Архангельске). Только за 1740—1747 гг. было выдано Адмиралтейству на нужды кораблестроения около миллиона рублей.

Всего в середине XVIII в. в Петербурге и его районе насчитывалось 5 судостроительных и судоремонтных верфей.

Заметное оживление в судостроительной промышленности Петербурга наступило только во второй половине XVIII в., когда вновь должным образом была оценена в правящих сферах необходимость сильного флота для России.

Очень близкими к судостроению по принципам организации производства и по своим задачам были и другие отрасли оборонной промышленности, основанные в Петербурге в первой половине XVIII в.

Артиллерийское производство в Петербурге было сосредоточено при Петре I в основном на Литейном дворе, называвшемся обычно Арсеналом.

На развитие артиллерии обращалось исключительное внимание: «Враг не словами, а оружием побеждается», — говорил Петр.

Пушечно-литейный двор был основан в 1711 г. Строительство начато было на берегу Невы, в начале нынешнего Литейного проспекта, в стороне от жилых районов тогдашнего города. Строительство осуществлялось в начальный период наемными работными людьми.

Общее руководство и надзор за строительством возложены были на начальника артиллерии Брюса.

Пушечный двор уже в 1713 г. вводится в действие: были отлиты первые медные пушки.

Вокруг основного пушечного цеха с самого начала возникновения Литейного двора вырастали подсобные мастерские: чертежная, инструментальная, кузница, слесарная, токарная, столярная, валяная, лудильная, колесная и др. Литейный двор подобно Адмиралтейству, являлся комплексом предприятий.

Значительное расширение производства произошло в 1715 г. Тогда возник новый пушечно-литейный цех («Новый пушечный двор») и ряд подсобных мастерских, а также различного рода склады для хранения материалов и готовых

¹ И. Кириллов, *ук. соч.*, стр. 24—25.

изделий («Деловой двор»), а в 1716 г. и специальная пристань у Литейного двора для подвоза материалов и вывоза готовой продукции.¹

Основным назначением Литейного двора было производство медных пушек. Первоначально (до 1717 г.) отливка стволов производилась в формах со стальным каналом. С 1717 г. перешли на литье так называемых «глухих пушек», т. е. на стливку тела орудия без ствольного канала. Для сверления канала пользовались сверлильными станками, приводимыми в движение конной тягой. Попытка использовать водную энергию не увенчалась успехом.

В первые годы деятельности Литейного двора продукция его была невелика. «Самодувные» медеплавильные печи — первоначально их было две — давали за одну плавку до 700 пудов. Плавка продолжалась около 12 часов. В дальнейшем производство непрерывно расширялось. Пушки производились и для армии, и для строившихся в Адмиралтействе кораблей.

По своим масштабам Литейный двор был значительно меньшим предприятием в сравнении с Адмиралтейством. В январе 1714 г. там было занято всего 37 человек. Но уже в том же году в Арсенал было переведено с московского Литейного двора значительное количество квалифицированных рабочих людей самых разнообразных специальностей: литейщики, кузнецы, лафетчики, сталочники, медники, печники, токари, слесари, шорники и т. д. — всего до 25 специальностей, в результате чего общее число занятых людей возросло до 200. Вскоре, в 1716 г., была переведена «на вечное житье» для работы в петербургском Литейном дворе партия тульских оружейников в 50 человек.² Из Тульской оружейной слободы неоднократно присылались специалисты в Петербург и на временную работу. Рабочие люди подсобных специальностей (колесники и пр.) брались и из других мест (Солецкой колесной слободы Новгородского уезда и др.). Кроме того, как это было и в Адмиралтействе, и на Галерном дворе, присылались на работу на Литейный двор солдаты и каторжники. В редких случаях рабочих людей набирали по найму.

Проблема обеспечения кадрами артиллерийского производства в Петербурге могла быть решена опять-таки прежде всего потому, что это производство имело в центральной России (Москва, Тула). Более или менее точных сведений о количестве разного рода лиц, занятых в Арсенале в 20—30-е годы XVIII в., к сожалению, нет. Судя по отрывочным сведениям, их число превышало 200.³

С развитием артиллерийского производства в Петербурге с самого начала встал вопрос и о постановке на практическую ногу подготовки специалистов артиллерийского дела. Как и в Адмиралтействе, в Арсенале введено было ученичество. Число учеников, впрочем, было значительно меньше, чем в Адмиралтействе.

¹ В. Родзевич. Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования. СПб., 1914, стр. 63—65.

² Там же, стр. 95—96, 98; В. Г. Гейман, *указ. соч.*, стр. 258—259.

³ И. Кириллов, *указ. соч.*, стр. 11—13, 20—21.

Условия труда в Арсенале, в частности в меденплавильной и литейной, были значительно тяжелее условий труда в Адмиралтействе, тем более что долгое время рабочий день вообще никак не нормировался. Широко практиковались штрафы и всякого рода наказания. С 1728 г. действие адмиралтейского регламента распространено было и на Арсенал. Регламентом вводился адмиралтейский распорядок дня с той же системой штрафов и надзора.

Оплата рабочих людей, за исключением наиболее квалифицированных, была ниже, чем в Адмиралтействе. Некоторое повышение жалования произошло лишь с 1738 г., когда мастера стали получать от 100 до 360 руб. в год (ранее до 100), а подмастерья — до 84 руб. Лицам, получавшим менее 30 руб. в год, полагалась небольшая добавка хлебом и солью.¹

Принудительный труд и каторжные его условия вызывали и здесь нередко бегство рабочих людей. Одно время приказано было даже клеймить («пятнать») руки рабочим людям, посланным на постоянную работу в Арсенал, раскаленным железом, чтобы легче было отыскивать беглых. Но, несмотря на тяжкие условия, здесь, как и в Адмиралтействе, складывалось ядро квалифицированных специалистов, любивших свое дело и всячески развивавших его.

В послепетровское время Арсенал хотя и медленно, но непрерывно расширял свое производство. Основное здание Арсенала было в 1733—1738 гг. перестроено в каменное. Тогда же, в 1738 г., был установлен и постоянный штат Арсенала в 260 человек, в том числе 10 мастеров, 10 подмастерьев, 38 учеников. С 1747 г. весь комплекс арсенальных предприятий получил название «Главного арсенала» в связи с тем, что в то время в Петербурге было уже несколько «карсеналов»: в Кронверке Петропавловской крепости, на Петроградской стороне (Оружейный двор), в Кронштадте, где производился ремонт оружия и имелись склады для его хранения.²

Артиллерийское производство в Петербурге в послепетровское время наряду с артиллерийским производством в других районах страны обеспечивало русскую армию и флот высококачественной артиллерией, что сыграло виднейшую роль в победах русской армии в войнах XVIII в. с Турцией, Швецией, Пруссией.

В развитии военной промышленности, в обеспечении армии и флота огнестрельным и холодным оружием сыграл важную роль и казенный Сестрорецкий завод. Строительство его начато было в 1721 г., основные работы были завершены в 1723 г.

Место на реке Сестре было выбрано не случайно: плотина давала возможность использовать водную энергию, что было необходимо в трудоемком металлообрабатывающем производстве. Этот завод при Петре I был одним из лучших по оснащению техникой.

¹ В. Родзевич, ук. соч., стр. 102—107; В. Г. Гейман, ук. соч., стр. 258.

² Г. Богданов и В. Рубан. Историческое, географическое и топографическое описание С.-Петербурга... СПб., 1779, стр. 71—72.

Завод должен был производить самые разнообразные изделия: ружья, багивены (штыки), пистолеты, кортики, шпаги, якоря, проволоку, гвозди, жесть и многое другое.¹ Сталью для изготовления оружия завод снабжался главным образом с уральских заводов.²

С самого начала своего возникновения Сестрорецкий завод стал одной из наиболее крупных централизованных мануфактур Петербургского района. В 1727 г. количество специальностей здесь доходило до 50. Разного рода мастеров, подмастерьев, учеников и рабочих людей на заводе насчитывалось 683 человека.³

Рабочая сила набиралась главным образом принудительным путем, прежде всего за счет присылки на постоянную работу и житье вместе с семьями специалистов из старых центров оружейного производства страны — Тулы и Москвы, а также с Олопецких заводов.⁴ Условия их труда были в основном те же, что в Адмиралтействе и Арсенале. Некоторое различие заключалось в том, что семьям рабочих начиная с 1725 г. стали отводить дополнительно к назначенному платному продуктовому пайку участки под огороды.

Производство оружия в Сестрорецке было дорогостоящим. Именно вследствие этого завод в 1727—1735 гг. приходит в упадок; началось даже распределение занятых на нем мастеров и рабочих людей по другим предприятиям. Но уже в 1735 г. решено было восстановить деятельность завода в прежних масштабах. Начальником завода был назначен инженер Геншин. Завод был частично перестроен, произведен капитальный ремонт плотины и строений. Кроме того, в помощь заводу создается в 1735 г. специально для снабжения его и других оружейных заводов металлом Чернореченский завод, выплавка чугуна на котором из местных руд доходила до 30 тыс. пудов в год. Геншину разрешалось брать на Сестрорецкий завод мастеров и рабочих людей из Тулы в любом количестве, необходимом для пуска завода на полную мощность. Ему же было дано право устанавливать им жалованье по своему усмотрению. Тогда же Геншиным была введена сдельная оплата за выделку оружия, как это практиковалось на Тульских заводах: за ружье и карабин 2 руб., за пистолет 1 руб. 94 коп.⁵ Кроме того, для удешевления производства в 1737 г. к заводу были приписаны государственные крестьяне Выборгского округа для добычи руды, выжигания угля и других подсобных работ. Впрочем, эта мера мало достигала цели.

В 1737 г. был установлен новый штат завода: 326 человек всех специальностей. В середине XVIII в. число мастеров и рабочих людей на заводе было обычно не менее 400.

¹ И. Кириллов, ук. соч., кн. I, стр. 23.

² А. Семенов, ук. соч., стр. 121.

³ И. Кириллов, ук. соч., кн. I, стр. 21—23.

⁴ А. Семенов, ук. соч., стр. 121.

⁵ Крепостная мануфактура в России, ч. VI, Л., 1934, стр. 138—141.

Следует отметить также, что при Петре I некоторое время действовал небольшой железодельный завод в Ладозе, обслуживавший нужды флота. В 1722 г. завод был переведен в Кронштадт, а с 1724 г. слит с Сестрорецким заводом.¹

Из других предприятий оборонной промышленности заметную роль играли пороховые заводы: один в самом городе на Петербургской стороне против Крестовского острова, другой на реке Охте. Кроме того, выработка пороха производилась при Арсенале и на Сестрорецком заводе.

Завод на Петербургской стороне выделку пороха начал в 1714 г. Для этого сюда переведены были с порохового завода в Москве 1 мастер и 17 учеников. Жалованье им было повышено на $\frac{1}{4}$ сравнительно с Москвой «для петербургского житья».²

Попытка использовать на этом заводе водную энергию не увенчалась успехом, поэтому «толчен» пороха производилась при помощи конной силы, а «кручение» — вручную. В первые годы существования завода здесь производилась главным образом переработка старого испортившегося пороха. Производительность завода не превышала 2000 пудов в год.

Видную роль в развитии порохового производства на этом заводе и в улучшении техники дела и качества пороха сыграли бывший канцелярист Иван Леонтьев, с 1725 г. управлявший заводом, и подмастерье Афанасий Иванов.

В 1723 г. завод производил до 4 тыс. пудов пороха в год. В штате его числось 65 рабочих людей всех специальностей. Число рабочих быстро возрастало, и уже в 1727 г. их было вместе с охраной 564 человека. С 1729 г. началась перестройка завода.

К середине века производство пороха на Петербургском заводе вследствие расширения Охтенских заводов значительно сокращается. Так, уже в 1748 г. на нем занято было всего 85 человек рабочих людей и мастеров.

Память о пороховом заводе на Петербургской стороне сохранилась до настоящего времени в названии Зеленой («зеленой», т. е. пороховой) улицы.

В 1715 г. начато было строительство порохового завода на реке Охте, в стороне от жилой части города. Завод был по обыкновению обнесен палисадом. В 1716 г. основные работы были завершены. Еще в конце 1715 г. на завод были посланы из Москвы 2 пороховых мастера и 28 учеников. Жалованья мастерам полагалось 25 руб. в год, ученикам — до 11 руб.³

Река Б. Охта была перегорожена плотиной, и на заводе применялась водная энергия, но производительность завода первоначально была невелика. В 1717 г. было произведено нового пороха всего лишь 601 пуд.

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. II. СПб., 1879, стр. 563.

² В. К а м е н е в. Историческое описание Охтенского порохового завода. Период первый. СПб., 1891, стр. 7.

³ Там же, стр. 10—12, 17—20.

С 1718 г. стали применять для «кручения» пороха (т. е. для переработки пороховой массы в зернистый порошок) особую систему грохотов, работавших на водной энергии (до этого «кручение» шло вручную). Это было изобретение модельного мастера сержанта Якова Батищева, который ранее работал на Тульских заводах. С 1719 г. начата была и перестройка всего завода для замены «толчения» пороховой массы размолкой ее при помощи специальных жерновов. По предложению того же Батищева была предпринята попытка использовать вместо каменных медные жернова. В 1720 г. велено было изготовлять порох уже только этим способом.¹

Тогда же при заводе возник и ряд подсобных предприятий: кузница, лесопильня, мукомольня, а с 1723 г. — молотовая кузница. Управлял заводом с 1720 г. в течение долгого времени Батищев.

На «старом» Охтенском заводе в 1721 г. было занято 90 рабочих всех специальностей. Производство пороха достигало 5000 пудов в год.²

С 1734 г. начата была перестройка «старого» Охтенского завода, а с 1738 г. и перестройка плотин.³

К середине XVIII в. на 12 пороховых «мельницах» производилось в год от 2 до 6 тысяч пудов пороха. Общее количество рабочих людей и охраны составляло в 1752 г. 224 человека. Вокруг завода была слобода, населенная охтенскими рабочими людьми.⁴

Производству пороха в Петербурге и его окрестностях при Петре I уделялось серьезное внимание. Это производство непрерывно расширялось. В 1723 г. одновременно с перестройкой порохового завода на речке Лунье начато было строительство порохового завода и в Сестрорецке при железоделательном заводе. Закончена постройка была в 1725 г. На заводе было 8 пороховых вододействующих «мельниц». Всего было занято в производстве пороха 75 человек, в том числе 1 мастер, 1 подмастерье и 2 ученика. В первый год пуска завод дал 125 пудов пороха, затем его производительность быстро возросла и достигла в 1727 г. 7000 пудов, т. е. больше Охтенских и Петербургского заводов, вместе взятых.⁵ Это был завод, оснащенный по последнему слову тогдашней техники. Основным назначением его было производство пороха для флота. После смерти Петра I в связи с сокращением строительства флота завод постепенно стал приходить в упадок, и правительственным указом 1740 г. он был перенесен на Охту.⁶ В том же году с Охтенским заводом объединены были в один комплекс все пороховые заводы Петербургского района.

¹ Там же, стр. 45—49.

² Там же, стр. 62—64.

³ Там же, стр. 80—102.

⁴ Там же, стр. 109, 131—132, 144—146.

⁵ Там же, стр. 106—119.

⁶ Описание дел Архива Морского министерства, т. IV. СПб., 1884, стр. 61.

Петербург первой половины XVIII в. был вторым после Москвы центром по производству пороха в России.

Судостроение и производство оружия и пороха было главными отраслями в оборонной промышленности Петербурга. Все остальные отрасли, так или иначе связанные с военными нуждами, имели подсобное значение. К числу их следует отнести, например, производство медицинских, главным образом хирургических, инструментов. В начале XVIII в. это производство было сосредоточено в двух местах: в мастерской при Сестрорецком железоделательном заводе и в специальной мастерской в Петербурге на Аптекарском острове, основанной в 1718 г. Первоначальный штат ее был очень невелик: 1 мастер и 1 подмастерье. Эта мастерская явилась зародышем довольно значительного впоследствии специального завода (ныне «Красногвардеец»).

Чеканка монеты велась в первой четверти XVIII в. в ряде городов России. Одним из крупнейших монетных дворов в России стал петербургский.

Чеканка серебряной монеты, а в дальнейшем и золотой, на петербургском Монетном дворе началась с 1724 г., когда с московских денежных дворов сюда была переведена часть мастеров, квалифицированных «работных людей» и оборудования. Первоначально он помещался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, позднее в Нарышкинском бастионе.¹

В 1728 г. чеканка монеты в Петербурге прекратилась. Рабочая сила, оборудование и материалы — медь, серебро и золото — были переправлены в Москву. Деятельность Монетного двора в Петербурге возобновилась только через 10 лет — в 1738 г. С 1740 г. на него начали набирать рабочих и по вольному найму, правда с особым поручительством.

Количество монетчиков до середины XVIII в. не превышало 60—70 человек. Кроме них, работали и лица подсобных специальностей: кузнецы, токари, резчики, инструментальные мастера и др. Монетные мастера получали высокую оплату — до 500 руб. в год, ученики — до 72 руб.; наемные рабочие люди, организованные в артели, получали по «задельной оплате» от 8 до 15 руб. с пуда переработанного серебра.²

В техническом отношении петербургский Монетный двор до второй половины XVIII в. отставал от московского: попытка применить водяной двигатель не удалась, поэтому все операции производились на станках вручную; только плющильная машина приводилась в действие «ковными махинами».³

На Монетном дворе шла переделка и старой монеты. Кроме того, здесь же изготавливались медали, жетоны и т. п.⁴

¹ И. С п а с с к и й. Петербургский Монетный двор. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1949, стр. 3—28.

² Там же, стр. 35—36, 39—43.

³ Там же, стр. 31—35.

⁴ Там же, стр. 29.

Теснота, сырость, — отчего ржавели и портились весы, механизмы и инструменты — делали Трубецкой бастион меньше всего пригодным для монетного производства. Условия труда были даже худшими, чем на Литейном дворе. Смены работали по недельно; рабочие где работали, там и ели, и спали. По недельно нес службу и караул. Выход за ворота после тщательного обыска разрешался только по окончании недельной смены. Квартировали монетчики на Б. Монетной улице (ныне улица Скороходова).¹

Однако и в этих каторжных условиях создавались, как и в других отраслях промышленности, кадры мастеров, любивших свое дело, стремившихся всячески улучшить его. Уже в первой половине века русскими мастерами был сделан ряд изобретений для усовершенствования производства. В частности, многое сделали для усовершенствования литья серебра московский мастер Иван Монеев (30-е годы) и бывший одно время начальником петербургского Монетного двора Иван Марков (50—60-е годы). Одно из самых значительных его изобретений — стоячие «изложницы» (вместо лежачих) — для вертикальной отливки не было реализовано, а затем и вообще было скрыто немцем Шлаттером, возглавившим в 60-е годы Монетный двор. Это изобретение под видом «английского» вошло в производство только в середине XIX в.² Значительного развития деятельность петербургского Монетного двора достигла в середине XVIII в. Так, за годы 1755—1759 было начеканено золотых монет 97-й пробы на сумму около 900 тыс. руб., серебряных — 19,5 млн руб., медных — 700 тыс. руб.

За первую половину XVIII в. Петербург и его район стали одним из наиболее значительных в стране центров промышленности в области судостроения, производства вооружения, военных материалов и металлообработки. К середине века здесь насчитывалось до 20 предприятий названных отраслей, в том числе 5 крупных.

Некоторое замедление развития промышленности в самом Петербурге и в ближайших его окрестностях в середине XVIII в. объяснялось в известной мере своеобразной «промышленной политикой» правительства. Последнее начинает уже с 30-х годов выводить из города некоторые предприятия, как, например, стекольный завод и др. Позднее, в 1759 г., специальным указом (Елизаветы) было запрещено строить фабрики и заводы в окрестностях города. Часть мелких предприятий была тогда же закрыта. Сестрорецкий завод намечалось также перевести на другое место. Подобного рода указы давались и Екатериной II. Правительство объясняло эти запрещения опасением истощения местных запасов топлива. Но несомненно, что одной из причин появления подобного рода указов было и опасение правительства скопления в Петербурге большого количества «работных людей» и их волнений.

¹ Там же, стр. 29—31, 44.

² Там же, стр. 45—49.

Петербургские промышленные предприятия, располагавшиеся главным образом по берегам Невы, ее рукавов и притоков, а также по многочисленным каналам, имели удобные пути для подвоза сырья и вывоза готовой продукции. Однако от подобного размещения промышленности в устье Невы и казна, и частные предприятия несли порою серьезные убытки от наводнений, тем более что должных мер борьбы с ними не проводилось.

Строительство Петербурга привело к очень значительному развитию промышленности строительных материалов: пиломатериалов, кирпича, черепицы, цемента, извести и пр. Для развития лесопильной промышленности большое значение имело строительство Балтийского флота.

Первоначально многие из лесопильных и кирпичных предприятий возникали в черте города. Позднее их стали переносить на окраины.¹ В дальнейшем предприятия строительных материалов заводились главным образом за городом, по Неве и ее притокам Ижоре, Тосне, а также по речкам Славянке, Стрельне, Нази, на Котлине, в Сестрорецке и других местах. Выбор места для их устройства определялся прежде всего наличием сырья, водных путей и возможностью использовать водную энергию. Большинство лесопилей были водяными.

Ижорские лесопилы были самыми крупными предприятиями в лесопильной промышленности. Они послужили началом Ижорского завода.

С 1719 г. при старой Ижорской лесопиле было основано производство галерных якорей и медных листов для обшивки подводной части кораблей. Якорное производство, впрочем, не наладилось. Медно-проволочный завод работал на водной энергии. В 1722 г. на нем было занято 18 рабочих. Однако уже с 1724 г. медно-проволочный завод на реке Ижоре прекратил существование; его оборудование было переброшено на Сестрорецкий завод.

В 1724 г. на Ижорской адмиралтейской лесопиле числилось 126 рабочих людей. Мастера получали от 240 до 300 руб. в год, рабочие люди от 1 до 5 руб. в месяц с небольшой надбавкой хлеба. В 1732 г. там работало уже 155 человек.² В начале 30-х годов здесь выполнялись не только казенные, но и частные заказы.

С 1753 г. на Ижоре вновь начинается строительство якорного и медного заводов для нужд флота; несколько позже при якорном заводе открывается молотовая мастерская.

Лесопильное производство в окрестностях Петербурга и ближайших к нему уездах непрерывно развивалось на протяжении всей первой половины XVIII в. Большинство лесопилей были казенными. На 1754 г. их насчитывалось 32.

Не меньшее развитие получило и кирпичное производство. Строительство города нуждалось в огромном количестве кирпича. На устройство и содержание кирпичных заводов собирались с губерний значительные суммы. Указом 1710 г.

¹ Г. Богданов и В. Рубан, *ук. соч.*, стр. 134.

² И. Кириллов, *ук. соч.*, стр. 23.

строжайше запрещалось кому бы то ни было тормозить или срывать работу кирпичных заводов; в противном случае, говорилось в указе, каждый «без рассмотрения персоны без всякой пощады будет повешен».¹

Кирпичные заводы были устроены в ряде мест на Неве, Ижоре, Тосне, Славянке, Черной речке, в Стрелье, в Ораниенбауме, Колтушах, на Котлине и даже в самом Петербурге. При некоторых из них производились, кроме того, кафель и изразец. В 1711 г. было произведено уже 11 млн штук кирпича. Большинство кирпичных заводов были казенные. С целью форсирования частного производства кирпича правительство предоставило владельцам кирпичных заводов ряд льгот, но в то же время оно требовало, чтобы на каждом заводе вырабатывалось не менее 1 млн штук кирпича в год, в противном случае заводы должны были платить штраф деньгами в размере стоимости 0,5 млн штук кирпича по рыночной цене.²

Оборудование кирпичных заводов было примитивным. Наиболее трудные операции, как разрез глины, производились конной тягой.

Число кирпичных заводов увеличивалось, тем более что неоднократно огромные пожары в 30—50-х годах еще более увеличили спрос на кирпич. Ежегодное производство кирпича в середине XVIII в. под Петербургом было около 15 млн штук; цена его за 1000 колебалась от 2 до 2 руб. 30 коп. В середине XVIII в. огромное количество кирпича шло на строительство Зимнего дворца.

Производство кровельных материалов, черепицы и гонта долго не налаживалось. Хотя при Петре I и был основан под Петербургом ряд заводов для их производства, все же черепицы и гонта не хватало; к тому же черепица высушалась низкого качества. Производство ее должным образом не развилось и позднее. В указе Елизаветы 1743 г. прямо отмечалось, что «черепичное дело в такую худобу пришло, что где... на кровли употребляют, то насквозь течет и трескается».³

Строительство города нуждалось в камне. Наиболее значительными каменоломнями и плитоломнями при Петре I и в последующее время были Путиловские, Петровские, Сокольские, Тосненские и др.

Вышег извести производился чаще всего на местах плитных разработок. Тогда же началось производство под Петербургом и цемента, так как привозного из Москвы не хватало. Цементные заводы были в Пудости и Красном Селе. В ряде мест под Петербургом, в Шлиссельбургском уезде и других местах добывались и естественные краски (охра и др.), нужные для строительства города.

Несмотря на значительное развитие в окрестностях Петербурга промышленности строительных материалов, последних никогда не хватало для обеспечения строительных и ремонтных работ, поэтому значительное количество

¹ Описание деп. Архива Морского министерства, т. I, стр. 266.

² Д. Деятельский. Фабрики и заводы в царствование императора Петра Великого. Сб. «Minerva», Киев, 1918, стр. 72.

³ Там же, стр. 72.

строительных материалов привозилось водным путем из отдаленных мест — Карелии и др.

Общее количество предприятий строительных материалов в Петербурге и его окрестностях к середине XVIII в. было не менее 50. Все они были, за исключением Ижорских лесопилей, мелкими предприятиями.

Производство разного рода тканей занимало небольшое место в петербургской промышленности.

В 1716—1717 гг. была основана шпалерная (гобеленовая) мануфактура. На ней были заняты французские мастера. Первоначально помещалась она в Екатерингофе.

С 1719 г. там было оставлено лишь 5 французских мастеров; тогда же было набрано для обучения гобеленовому делу 10 русских учеников. К концу царствования Петра I число их достигло 22. Сложное гобеленовое производство требовало длительной выучки; кроме того, французские мастера неохотно передавали свои навыки русским. Один из лучших русских мастеров Иван Кобыляков пробыв учеником 12 лет.

Однако при всем этом русские мастера добились уже в то время серьезных успехов: ими было выткано несколько ценных гобеленов, в том числе «Полтавская баталия» и др.

В начале 30-х годов производство гобеленов было переведено в бывший дом гр. Апраксина на улицу, получившую в связи с этим название Шпалерной (ныне улица Воинова). В то время это было предприятие в составе пяти мастерских: ткацкой, сновальной, прядильной и др. На нем работало 30 человек, в том числе один мастер и один живописец, а к концу 40-х годов число занятых в нем лиц достигло 60. В конце 50—начале 60-х годов на шпалерной мануфактуре работали 61 ткач и 117 учеников.¹

В 1719 г. возникает мануфактура по производству штофов, бархата, шелковой парчи и т. п. Ее основателями были три видных сподвижника Петра — три вельможи: Шафиров, Толстой и Апраксин. Их мануфактурная компания получила исключительные привилегии. Им была дана казенная ссуда около 37 тыс. руб. Производство штофов, парчи и т. п. и продажа их в России были объявлены монополией компанейщиков.² Кроме того, они получали дарственную рабочую силу; в 1719 г., например, велено было отдать для работы на их мануфактуру по 10 «винных баб» с прядильных дворов в Петербурге и Москве.

Однако наладить должным образом производство вельможи не смогли: с 1721 г. в их компанию были приняты московские купцы, а в 1724 г. они и вообще вышли из компании, забрав свои капиталы. В дальнейшем мануфактура переменила нескольких владельцев.

¹ Архив Воронцовых, кн. V, ч. 1, М., 1872, стр. 477—478; Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 29; В. Гейман, ук. соч., стр. 267—274.

² ПСЗ, т. V, № 3214; Описание дел Архива Морского министерства, т. II, стр. 456.

Недолговечными были и основанные в 1718 г. казенные коломянковая, полотняная и плетеночная мануфактуры. Они оказались убыточными и быстро закрылись. Коломянковая мануфактура в Екатерингофе была довольно значительным предприятием: в 1724 г. на ней работало 148 человек, в том числе 57 по найму.

Более долговечными оказались позументные мануфактуры. Одна из них была открыта царским истопником Милютиним в 1718 г., ему была дана монополия на производство позумента.¹ Монополия была уничтожена в 1733 г., когда в Петербурге открылась еще одна позументная мануфактура, принадлежавшая иностранцам. На первой мануфактуре в 40-х годах занято было около 50 человек, на второй около 150 человек. Продукция этих мануфактур шла на нужды двора, армии и флота и частично на широкий рынок. На последний работала и открытая в 1738 г. Милютиним же шелково-ленточная мануфактура.

В 1753 г. начинает работать первая в Петербургском районе Красносельская ситценабивная мануфактура.

Вообще же Петербург и его район не стали в первой половине XVIII в. центром текстильной и галантерейной промышленности.

К середине века здесь насчитывалось лишь 8 предприятий этого рода, причем почти все мелкие. Москва в этом отношении шла далеко впереди.

Значительное развитие в Петербурге получило канатно-парусное производство. Оно было тесно связано со строительством и содержанием флота и экспортом. Прядельные, канатные, парусные мануфактуры оказались устойчивыми. Среди них были два казенных (при Адмиралтействе и Партикулярной верфи) и два частных предприятия. В 1730—1750 гг. в столице возникает еще до 6 частных предприятий этого рода.

Большого развития в Петербурге достигло кожевенное производство. Кожевенные предприятия возникали одновременно и казенные и частные. Их продукция шла на нужды армии и флота, на экспорт и на внутренний рынок. Зарожденные их относятся к 1711 г.

Одним из наиболее значительных кожевенных предприятий был основанный в 1718 г. на Выборгской стороне казенный завод. В 1720 г. завод был передан на льготных условиях компании купцов во главе с вице-президентом Главного магистрата Исаевым. Этот завод служил и своеобразной практической школой подготовки специалистов нового способа выделки кож при помощи ворвани, а не дегтя. Отсюда бывшие ученики посылались на другие кожевенные предприятия уже в качестве мастеров. Завод этот существовал и в последующее время. В 20-е годы в Петербурге возник еще ряд частных заводов. Всего в 1727 г. было 4 кожевенных завода.² Позже открывается еще 2 кожевенных завода в самом Петербурге и замшевый в Стрельне.

¹ ПСЗ, т. V, № 3144; Архив Правительствующего сената (опись), т. I. СПб., 1872, стр. 46.

² И. К р и л л о в, ук. соч., стр. 23.

Бумажная промышленность, а также производство сургуча и т. п. также получили значительное развитие в Петербурге и его окрестностях. Предприятия этих отраслей промышленности обслуживали прежде всего нужды города как столичного, административного и все более растущего культурного центра.

Вскоре после основания Петербурга в нем возникли две бумажные мануфактуры: одна в самом городе, а другая, так называемая «Дудоровская», в 1712 г. в Красном Селе. До 1727 г. это были скорее два отделения одного и того же предприятия, так как окончательная обработка полуфабрикатов Красносельской мануфактуры производилась в Петербурге. В 1727 г. Петербургская, действовавшая при помощи ветряного двигателя (на Красносельской был водяной), была ликвидирована, и весь персонал ее был переведен в Красное Село. В Красном Селе работало 65 человек, в Петербурге число рабочих достигало иногда 120. После слияния Красносельская мануфактура стала одной из наиболее значительных в бумажной промышленности России.

Сырьем для бумажного производства служило не только тряпье, но и отходы канатного и парусного производства, а также солома, что было новостью в то время. Техника производства была довольно высокой. Применялись роллы особой конструкции, не известной до этого в Западной Европе. Производились все сорта бумаги от гербовой и александрийской до технической включительно, причем высокого качества. Три четверти всей продукции приходилось на разные сорта писчей бумаги. Быстрое развитие бумажного производства привело к значительному сокращению импорта бумаги.

Красносельская бумажная мануфактура была довольно устойчивым и доходным предприятием. Уже в начальные годы ее существования она давала прибыли до 25,5 тыс. руб. в год. С 1753 г. владельцем предприятия стал гр. Сиверс. Ему была дана своеобразная монополия: все государственные предприятия Петербурга должны были покупать бумагу только с Красносельской мануфактуры и сдавать туда же на переработку старую и драную бумагу.¹

Значительное развитие в Петербурге получила типографская промышленность. Это объяснялось необходимостью более широкого, чем прежде, издания учебной, технической, военной и военно-морской, научной и художественной литературы, а также церковных книг и всякого рода специальных изданий. В разные годы при Петре I в Петербурге было основано 4 типографии. Петербург стал крупнейшим центром книгоиздания. Первая по времени основания (1711 г.) типография находилась на Троицкой площади (ныне площадь Революции) — первоначальном центре Петербурга. Работала типография в основном на бумаге Красносельской фабрики. Кроме этой, так называемой Петербургской типографии, были типографии при Морской академии, Александро-Невском монастыре и Сенате. После смерти Петра I часть из них была упразднена, но возникли новые.

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. IV, стр. 293.

В конце 20-х годов в Петербурге было 3 типографии — при Сенате, Академии Наук и Морской академии. В середине 50-х годов были открыты еще две — при Сухопутном кадетском шляхетском корпусе (с 1757 г.) и вторая Академическая (с 1758 г.). Частные типографии стали возникать только с 60-х годов.

Царский двор, правительственные учреждения и знать, жившая в городе, потребляли много свечей. В связи с этим в Петербурге получили заметное развитие воскобелительные и свечные предприятия.

Первый воскобелительный казенный завод возник на Выборгской стороне в 1713 г. В 1719 г. на нем было занято 25 человек. В дальнейшем эта мануфактура стала основным предприятием по переработке воска и производству свечей в Петербурге. Только для нужд царского двора в 1744 г. завод давал до 500 пудов продукции.¹

С 1716 г. было начато строительство второго казенного свечного завода при Ижорской пильной мельнице.² Но этот завод существовал, видимо, недолго, так как уже с 1727 г. сведений о нем не встречается. В 1752 г. возникает еще один воскобелительный завод на Петровском острове.

Заметное развитие в Петербурге получило стекольное производство. Первый стеклынный завод был открыт в 1716 г. в Ямбургском уезде. Работал завод от 2 до 6 месяцев в году, позднее круглый год. В 1725 г. производство посуды с этого завода было переведено в Петербург на реку Фонтанку, а производство зеркал — на реку Лагу в Шлиссельбургский уезд.³ На обоих заводах работало до 45 человек. В середине века стекольно-хрустально-зеркальные предприятия выполняли уже сложные работы: оттаивались, например, зеркала площадью 2,5 × 1,5 аршина.⁴

В 1725 г. возникла в Петергофе шлифовально-гравельная фабрика. Работала она на водной энергии. Значительное расширение ее деятельности начинается с середины XVIII в. На ней производилась не только шлифовка и гранение стекла, но и драгоценных камней.

В 1744 г. в Петербурге возник и фарфоровый завод, на котором уже с 1748 г. начато было производство фарфора.⁵ Этот завод (ныне им. Ломоносова) получил впоследствии мировую известность.

Широко развито было в окрестностях Петербурга и производство глиняной посуды.

¹ Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 131; М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. 1. М., 1785, стр. 761; П. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. Госполитиздат, 1947, стр. 146—159.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. III. СПб., 1882, стр. 277.

³ Архив Воронцовых, кн. V, ч. 1. М., 1872, стр. 474—475.

⁴ Там же, стр. 474—475; П. Любомиров, ук. соч., стр. 195.

⁵ Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 130; Архив Воронцовых, кн. V, ч. 1, стр. 472.

Рост города, увеличение его населения привели к развитию предприятий пищевой промышленности. В Петербурге находилось большое число мукомолов, крупорушек, предприятий по выработке крахмала, растительного масла, пива, водки, табака.

Значительным было в Петербурге и производство сахара. В 1720 г. начал работать на Выборгской стороне частный сахарный завод. Сырьем служил привозной заграничный «сахар-сырец». Завод производил в основном «рафинад». Завод был невелик: на нем было занято 2 мастера, 4 подмастерья и 8 наемных работников с жалованием по 36 руб. в год. Производственная мощность завода позволяла выпускать сахара до 7000 пудов в год, хотя фактически производилось его вследствие затруднений сбыта около 600 пудов.¹

При заводе организовано было обучение учеников сахарному делу. Срок обучения был семилетний. Ученики набирались только из свободных людей и по найму; число их не превышало 10.

В 50-х годах в Петербурге открылось еще 2 сахарных завода.

Производство в Петербурге пива и спирто-водочных изделий вызвано было прежде всего нуждами флота; значительное количество этой продукции потреблял и сам город. Первоначально пиво ввозилось из-за границы. Но уже начиная с 1716 г. возникают на Выборгской стороне солодовые и пивоваренные заводы, сначала казенные, а потом и частные. Быстрое развитие пивоваренного производства с этого времени объяснялось в значительной мере тем, что в морском рационе заменяли кислые щи из шавеля, как противоцинготное средство, пивом. Пиво варилось и в Кренштадте; его расход только на флот достигал в 1721 г. 325 тыс. ведер.² В середине XVIII в. в Петербурге насчитывалось 4 пивоваренных завода, из них 3 частных.

Почти одновременно с пивоваренным появляется в Петербурге в 1718 г. казенный водочный завод. Позднее, в 1738 г., вступает в действие и частный водочный завод, на котором, кроме водки, производились и духи.

Табачное производство началось в Петербурге также с 1718 г., когда была основана табачная мануфактура.

В течение всей первой половины XVIII в. в области легкой промышленности Петербург и его район, несмотря на то, что число предприятий здесь было довольно значительным, заметно отставал от старых промышленных центров России, особенно Москвы.

Состояние учета промышленности в первой половине XVIII в. пока еще не дает возможности точно определить количество мануфактур в Петербурге. Разрозненные данные позволяют, однако, полагать, что в середине XVIII в. в Петербурге и его окрестностях насчитывалось до 80 разного рода промышленных пред-

¹ В. Г. Гейман, *ук. соч.*, стр. 277—279.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. II, стр. 369; Ф. Ф. Веселаго, *ук. соч.*, стр. 484—485.

приятий (исключая самые мелкие), в том числе около 60, относящихся к отраслям легкой промышленности. Это составляло примерно около 9% числа всех промышленных предприятий, имевшихся в середине XVIII в. в России.

Необходимо при этом подчеркнуть, что по количеству занятых рабочих преобладающее положение занимали отрасли тяжелой промышленности. В этом отношении Петербург в первой половине XVIII в. обгонял ряд других промышленных центров России. Это обстоятельство объясняется тем, что наиболее крупные предприятия столицы были казенными мануфактурами, доля частного капитала была еще невелика.

Как уже отмечалось, нужды основной массы населения города в предметах широкого потребления удовлетворялись главным образом предприятиями мелкого ремесленного типа, мелким товарным производством и привозом.

Контингент петербургских ремесленников создавался и пополнялся прежде всего выходцами из самых различных мест России как из крестьянского, так и из посадского населения. В столицу переселялись ремесленники из Ярославля, Москвы, Галича, Костромы и других мест России. Часть из них была насильственно согнана в Петербург. Среди ремесленников Петербурга насчитывалось в петровское время и некоторое количество иностранцев.

По переписи Главного магистрата 1722 г. в Петербурге было 1455 цеховых ремесленников (по другим данным — 1858), в том числе 188 иностранцев.¹

В Петербурге развивались самые разнообразные ремесла. Когда в 1722 г. в нем стали вводить цеховую организацию ремесла, то организовано было 44 цеха. Петровские цехи не имели стеснительной регламентации, свойственной цехам в Западной Европе. Среди мастеров, записавшихся в цехи в 1722 г., были кузнецы, часовщики, слесари, портные, сапожники и другие самых разнообразных специальностей мастера. В каждый цех входили мастера, подмастерья и ученики. Во главе цехов ставились старосты («альдерманы»)².

К концу царствования Петра I, в 1724 г., число действующих цехов значительно сократилось, осталось всего 24 цеха. Следует при этом учесть, что запись в цехи не была обязательной, следовательно, фактическое наличие ремесленников в Петербурге было большим, чем их число в цехах. Мастерские, набравшиеся на казенные предприятия, Адмиралтейскую верфь и другие, а также на «городовое» дело, т. е. строительство города, в цеховые организации не включались.

На первом месте по количеству занятых в производстве ремесленников были цехи, связанные с изготовлением продуктов питания, одежды и обуви; в общей сложности число людей, занятых в них, составляло до 75% всех цеховых ремесленников города. К 50-м годам XVIII в. число записавшихся в цехи ремесленников составляло 1041, т. е. было меньшим, чем в первой четверти XVIII в.

¹ Т. Гольдберг. Очерки по истории серебряного дела в России в первой половине XVIII века. Труды Гос. Исторического музея, вып. XVIII, 1947, стр. 37.

² Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 480—485.

Однако контингент нецеховых ремесленников, постоянно живущих в Петербурге, непрерывно возрастал по мере роста и развития самого города. Позднее Петербург стал одним из крупнейших центров ремесленного производства в стране.

Ремесленные предприятия Петербурга были чаще всего мастерскими, где работали сами их владельцы вместе с членами семьи. Наемные работники и ученики использовались мало. Источники не позволяют проследить для первой половины XVIII в. сколько-нибудь заметного расслоения мелкого товарного производства в Петербурге. Среди мануфактур Петербурга не известно ни одной, которая бы органически выросла из мелкого предприятия столицы. Казна или крупный купеческий капитал объединяли в крупных мастерских чаще всего принудительным путем, а не путем пайма мелких производителей, обычно крестьян, а также науперизованные элементы феодального общества (бродяг, нищих, и т. д.). Эти явления не были случайными. В стране господствовало мелкое товарное производство. Расслоение деревни было незначительно, то же следует сказать и о городском ремесле. Следовательно, достаточных условий для развития капиталистической мануфактуры не было. И. В. Сталин указывал, что «товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами.¹ Система эксплуатации наемной рабочей силы сложиться не могла без более или менее глубокого расслоения мелкого товарного производства, а этого в экономике России первой половины XVIII в. почти не было. Поэтому развитие мануфактурного производства в России в первой половине XVIII в. нельзя рассматривать как начальную стадию капиталистической индустриализации. Положение не изменит то обстоятельство, что на ряде петровских мануфактур, по преимуществу частных, применялся наемный труд. Помимо того, что широкого развития применение наемного труда в первой половине XVIII в. не получило, нельзя смешивать наемных рабочих петровских мануфактур с капиталистическими вольнонаемными рабочими. Подавляющая масса так называемых наемных рабочих были оброчными крепостными крестьянами. Они не были пролетариями, формально свободными наемными людьми. Кроме того, фактически положение таких наемных рабочих людей на мануфактурах первой половины XVIII в. напоминало положение крепостных, а не вольнонаемных рабочих.

Наемные рабочие люди на мануфактурах первой половины XVIII в., в частности в Петербурге, не могли свободно уйти с предприятия — такой уход считался за бегство, рабочие нередко подвергались суровым наказаниям со стороны владельца предприятия, будь то казна или частное лицо. Вся жизнь рабочих

¹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

людей находилась под непрерывным наблюдением администрации мануфактур. Вот почему мануфактуры Петербурга в первой половине XVIII в. нельзя считать капиталистическими предприятиями. Это были по преимуществу крепостные мануфактуры.

Развитие мануфактуры при Петре не изменяло в сколько-нибудь заметной степени феодального, крепостнического базиса общественной жизни России. В этом отношении экономическая жизнь Петербурга отражала состояние экономики всей страны. Тем не менее развитие экономической жизни Петербурга в первой половине XVIII в. сыграло большую роль в дальнейшей хозяйственной жизни России. Петербург становился крупным промышленным центром. Развитие в нем мануфактурного производства являлось показателем подъема производительных сил всей страны. Тем самым экономическая жизнь Петербурга уже в первой половине XVIII в. создавала условия для нарастания несоответствия между производительными силами и крепостническими производственными отношениями. Элементы капиталистического найма, крайне незначительные в первой половине XVIII в., уже во второй его половине получают значительное развитие и приведут к заметному обострению противоречий во всей экономической и общественной жизни страны.

Очень существенным элементом экономического развития города, помимо концентрации здесь мануфактур и ремесленного производства, являлась торговля. Петр I стремился превратить Петербург в «великий купеческий магазин»¹ и в то же время в основной торговый порт по связям со странами Западной Европы.

В только что основанном и быстро растущем городе, каким был Петербург при Петре I, внутренняя и внешняя торговля были очень тесно связаны между собой.

Само основание города на окраине России и его растущие внутренние потребности вызвали возникновение и быстрый рост торговых связей с остальной Россией, включение его в формирующийся всероссийский рынок. Важнейшую роль в этих связях стали играть водные пути сообщения, в частности соединяющие каналы.

Наиболее значительным по потоку товарных грузов был Вышневолоцкий путь, по которому волжские грузы водным путем могли попадать в Петербург. В строительстве Вышневолоцкого канала видную роль сыграл бывший новгородский мельник, затем купец Михаил Сердюков.

С 1718 г. начато было строительство обходного Ладожского канала, чтобы речные суда могли обходить Ладожское озеро с юга, так как, проходя по озеру, во время частых бурь они терпели аварии. Однако, несмотря на труд огромного количества согнанных со всех концов России людей, канал при жизни Петра закончить не удалось. Навигация на нем началась только в 1728 г. В первый же

¹ М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 1, стр. 11.

год эксплуатации канала по нему прошли 228 барок, а в следующем, 1729, году — уже 1240.

При Петре I городские власти всемерно заботились о развитии судоходства на Неве. Рядом указов жителям Петербурга под угрозой штрафа запрещалось выбрасывать мусор в Неву, в речки и каналы города, чтобы не засорять фарватера. Позднее с той же целью запрещено было славлять по рекам и каналам города неокоренный лес. Точно так же запрещалось выбрасывать сор с кораблей в Финском заливе в районе устья Невы под угрозой не только штрафа в 100 ефимков, но даже, при повторном нарушении, конфискации судна.¹ Берега Невы и ее рукавов укреплялись сваями. Во многих местах города были устроены причалы и пристани, главной из которых при Петре I была пристань, находившаяся у Троицкой площади (ныне площадь Революции). К середине XVIII в. пристаней насчитывалось свыше десятка. В то же время территория города прорезывается рядом каналов не только для осушки болотистой местности, но и для транспортных нужд.

Значительное внимание обращалось также и на развитие сухопутных дорог, связывавших Петербург с различными торговыми центрами страны. Прокладываются дороги на реку Волхов и в Новгород, Москву, Нарву, Ригу и в другие места.

Внутригородские перевозки не могли быть обеспечены только водным транспортом; это вызвало быстрое и значительное развитие извозного промысла. В середине XVIII в. в городе насчитывалось до двух десятков «извозчицких притонов»; в зимнее время в городе работало до трех тысяч извозчиков.²

Всеячески поощрялся подвоз в Петербург из России продовольствия, сырья и различных товаров как для внутреннего потребления города, так и для экспорта. Указом 1725 г. строгойше запрещалось кому бы то ни было перекупать на дорогах перевозимые в Петербург товары под угрозой конфискации купленного. За помеху купцам в их торговле с Петербургом объявлялось наказание: бить виновных морскими кошками на рынках «смотря по злеме».³ Запрещалось вести в городе розничную торговлю всем, кто не записался в купечество. Запрещалось иностранным купцам торговать друг с другом под угрозой штрафа до 1000 рублей, а при продаже товаров потребителям они должны были платить дополнительную 10%-ю пошлину с оборота. Кроме того, запрещено было продавать промышленные изделия с предприятий в розницу.⁴

Своеобразной мерой поощрения отечественного купечества был объявленный незадолго до смерти Петра I сенатский указ о пожаловании купцов за заслуги

¹ Архив Правительствующего сената (опись), т. I, стр. 59; ПСЗ, т. V, № 3382; П. Н. Петров. История С.-Петербурга. СПб., 1885, стр. 528; М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 1, стр. 862.

² Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 128—129.

³ М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 1, стр. 693—694.

⁴ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 432, 569—570.

в дворянское звание, поскольку «богатый купеческий человек государству для ради общенародной пользы полезнейшее есть, нежели десять убогих шляхтичей ... легионы попов, монахов и монахинь [если они не служат в церквях или школах] ... неостребных гуляльщиков ... туеядцев».¹

Внутренняя торговля Петербурга развивалась по мере развития самого города, роста его населения. В значительных количествах поступало из внутренней России продовольствие. В отдельные неурожайные годы разрешался даже ввоз хлеба из-за границы с уплатой 5%-й пошлины в ефимках.² Городское ремесло и мануфактурная промышленность нуждались в сырье; кроме того, ремесло, несмотря на значительное его развитие, и мануфактурная промышленность города не могли обеспечить потребность городского населения в товарах широкого потребления; все это вызвало подвоз из других мест.

Мелкая розничная торговля в ларьках и лавках размещалась по всему городу; в то же время возникают и центры городской торговли: рынки, торговые ряды и различные дворы — мытные и гостиные.

Первый городской рынок возник в центре только что основанного Петербурга, на Троицкой площади Петербургской стороны, недалеко от дома Петра I. С 1711 г. он был перенесен на Кронверк (где находится и в настоящее время) и получил название Сытного. Позднее возникают рынки на Адмиралтейской стороне, Васильевском острове (Андреевский), на Выборгской стороне, Охте и в других местах. В середине XVIII в. в Петербурге насчитывалось свыше десяти значительных рынков. Кроме того, по мере роста города возникали различные ряды — хлебные, мясные, рыбные, сениные, каретные, кузнечные, точильные и т. д. В середине века их насчитывалось несколько десятков.

Частное строительство в городе вызывало появление торговли строительными материалами. К середине XVIII в. в городе было до десятка мест, где продавались лес, кирпич, глина, песок и пр.

Первый гостинный двор в Петербурге возник, как и первый рынок, на Троицкой площади. Специализации торговли в нем не было. В одной и той же лавке продавались одновременно сапоги, холст, камка, сало, кожи, ножи, сунна и пр. В 1713 г. для гостинного двора на прежнем месте было построено двухэтажное мажоранское здание, оно просуществовало до 1737 г. Лавки помещались в нижнем этаже, кладовые в верхнем. Вскоре, в 1719 г., возникает и второй каменный гостинный двор — на Адмиралтейской стороне на углу Невского и Мойки (это здание сгорело в 1736 г.), а с 1722 г. начинается строительство каменного же гостинного двора на Васильевском острове. Законченный постройкой в 1735 г., он был превращен в склад экспортных товаров — Портовый гостинный двор.

По мере роста города центр его перемещался на Адмиралтейскую сторону, где население стало «умножаться», а на Петербургской стороне — «умалиться».

¹ М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 1, стр. 705—706.

² Архив Правительствующего сената (опись), т. I, стр. 125; ПСЗ, т. VII, № 4454.

Туда же переносится и центральный гостинный двор. После пожара 1736 г. начинается строительство на углу Невского и Б. Садовой «коштом всего купечества» большого каменного двухэтажного гостинного двора. На месте этого гостинного двора в 1761—1785 гг. было построено новое здание, которое в измененном виде существует и ныне.

В новом гостинном дворе торговля имела специализированный характер — по рядам. Были ряды: суконный, меховой, шерстяной, шубный, холщевый, суровский (голландские и немецкие полотна и т. п.), серебряный, сапожный, мелочной, табачный, мучные, мыльные, свечные, луковый (лук, хрен, чеснок, перец и т. п.) и другие. Всего в гостинном дворе было около 100 лавок.¹ Кроме того, имелось много лавок и не в рядах.

С самого начала основания Петербурга в нем развернулась значительная торговля спиртными напитками, приносящая казне немалый доход. «Питейные» заведения густой сетью покрыли город; в середине века их насчитывалось более 120, в том числе на Адмиралтейской стороне 48, на Петербургской 30.

В 1723 г. кабацкие доходы казны по Петербургу составляли 128 тыс. руб., а в 1752 г. «питейный» откуп по тогдашнему курсу дал более миллиона рублей.² Имело место и широко развитая тайная продажа вина. Из уличенных в этом деле в 1750 г. спекулянтов самым крупным оказался прусский посол, на квартире которого был сделан обыск и отобраено все еще не проданное вино.³

В то же время в городе возникает много постоянных дворов.

С самого начала возникновения Петербурга правительство пыталось как-то регулировать внутреннюю торговлю в нем: устанавливался порядок торговли и хранения товаров, регулировались цены, делались попытки ввести санитарный надзор. Правительство неоднократно приказывало продавать хлеб по «умеренной» цене, притом хорошего качества, нормируя даже прием (с 1 пуда муки не более 1 пуда 20 фунтов хлеба). Сырой хлеб и хлеб суррогат конфисковался и передавался в госпитали, а за его продажу грозило наказание батогами, кнутом, кошками тут же на месте торговли.⁴

Однако все эти меры мало достигали цели. Продажа недоброкачественных товаров и продуктов постоянно имела место. Дороговизна в Петербурге, сравнительно с остальной Россией, на протяжении всей первой половины XVIII в. и в последующее время возрастала. В 1730—1740-х годах цены на продукты питания были следующие: 1 пуд ржаной муки — около 27 коп., пшеничной — 40, крупчатки — 80, масла коровьего — 1 руб. 30 коп., козлячьего — 80 коп., лучшее говяжье мясо 1 фунт — около 2 коп., сало, ветчина, свинина — около 3, лучшая рыба (осетрина и т. п.) — около 4, судаки и щуки — 1½, семга — до 5 коп., сельди —

¹ Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 113—117.

² Там же, стр. 150—151, 524; М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 1, стр. 781.

³ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 524.

⁴ М. Д. Чулков, ук. соч., стр. 691—693.

от $\frac{1}{2}$ до 1 коп., икра 3—5 коп. К 1750 г. заметно повысились цены на хлеб и другие продукты.¹ Нужно не забывать при этом тогдашний курс рубля и размеры заработка; основная масса квалифицированных рабочих людей зарабатывала от 2 до 5 руб. в месяц; неквалифицированные получали, как уже отмечалось, значительно меньше.

В середине XVIII в. Петербург стал одним из самых крупных торговых центров в стране. Однако его торговля имела своеобразный характер: он больше потреблял привозимые из внутренних районов России товары и продукты, чем производил и отпускал сам.

Подвоз товаров и продуктов в Петербург из остальной России, как и вообще развитие внутреннего рынка в стране, тормозился наличием множества внутренних таможенных пошлин. Правда, привозимые в Петербург товары освобождались от ряда сборов в пути, однако общая конъюнктура товарооборота в стране продолжала сказываться на петербургской торговле. Только указом 20 декабря 1753 г. (вступил в силу с 1 апреля 1754 г.) мелкие таможенные внутренние пошлины в русских губерниях Европейской части страны были отменены. Тогда же началась и ликвидация внутренних таможенных границ в России.² Но последствия этого на внутренней петербургской торговле сказались уже во второй половине XVIII в.

Организация петербургского купечества с 20-х годов XVIII в. была общей для России. Крупные купцы входили в 1-ю гильдию, мелкие — во 2-ю. Купеческие гильдии имели свое самоуправление (старшины и старосты) и права сбора специальных сумм с купцов и расходования их. Петербургские гильдии имели и свое особое собрание — Гильдейский дом.

В области внешней торговли с Западной Европой Петербург в результате исключительных мероприятий Петра I, стремившегося превратить его в «пристанище коммерции», занял первое место в России.

В первый же год существования города (1703) туда зашло голландское торговое судно. Капитан и команда были щедро награждены. Вслед за голландским в следующем, 1704, году пришло и английское торговое судно. Награды и льготы купцам, суда которых прибывали в Петербург, имели место и позднее. Однако заметное увеличение числа иностранных торговых судов, прибывавших в Петербург, началось только после того, как в руках России оказались Рига, Ревель, Выборг и подступы к Петербургскому порту стали более безопасными от шведов. Развитие оборотов Петербургского порта тормозилось тем, что русские купцы, имевшие давние торговые связи с английскими и голландскими купцами в Архангельске, неохотно везли товары в Петербург.

Рядом строжайших мер ограничивалась экспортно-импортная торговля Архангельска. В 1710 г. запрещено было вывозить через Архангельск хлеб. Указ

¹ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 312, 437—438, 528.

² ПСЗ, т. XIII, № 10164; Описание дел Архива Морского министерства, т. IV, стр. 297; П. Мельгунов. Счерки из истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905, стр. 264.

1713 г. предписывал русским купцам привозить пеньку и юфть не в Архангельск, а в Петербург; это распространялось и на икру, клей, поташ, смолу, щетину и другие товары, составлявшие предмет государственной торговой монополии.¹ В 1716 г. купцам было приказано вывозить через Петербургский порт не менее $\frac{1}{6}$ отправляемых в Европу товаров, в 1718 — уже не менее $\frac{2}{3}$, а в 1722 г. вообще было запрещено возить товары в Архангельск, за исключением только подвоза их из ближайших к нему областей. Товары, направлявшиеся в Петербургский порт для экспорта, не облагались внутренними таможенными сборами, вывозная пошлина с них в 1720 г. была снижена на половину, причем уплачивать ее разрешалось русскими деньгами (по курсу 90 копеек за ефимок); в Архангельске же сохранялась полная пошлина с обязательной уплатой ее ефимками.²

Суровыми мерами, вплоть до переселения самих купцов из разных мест России, в том числе из Москвы и Архангельска, на жительство в Петербург, ломалось сопротивление части русского купечества, стремившегося торговать с Западной Европой попрежнему через Архангельск. Впрочем, купцы ближних к Петербургу городов — Пскова, Новгорода и других — охотно ехали сюда с товарами.

В то же время велась борьба с иностранными, прежде всего голландскими и английскими купцами, предпочитавшими Архангельск Петербургу. Обычная 5%-я пошлина была понижена в Петербурге до 3%. Усилилась борьба за безопасность торговли на Балтийском море; русский военный флот вполне обеспечивал это.

Постепенно преодолевалось и сопротивление иностранных правительств, особенно английского и голландского, боявшихся усиления России на Балтийском море и поэтому тормозивших торговлю своих купцов на Балтике с Россией. К 20-м годам XVIII в. в новой столице был открыт ряд иностранных торговых консульств, что содействовало перенесению основных торговых сделок в Петербург. В том же направлении действовали и русские консульства за границей.

Борьба петровского правительства за перенос внешней торговли с Западной Европой в Петербург в конечном счете дала свои плоды. Петербургский порт развивался быстрее Архангельского. Если в 1716—1720 гг. в Архангельск прибывало ежегодно в среднем около 140—150 торговых судов, то уже в 1721—1725 — лишь около 50. Зато, если в Петербург прибыло в 1718 г. всего лишь 52 торговых судна (в том числе 30 английских, 10 голландских, 1 французское), то уже в 1720 г. — 75, в 1722 — 114, в 1724 — 270, а в 1725—1726 гг. — 450.³ Об этом же свидетельствует и ценность экспортно-импортных операций при Петре I через оба порта. Если в 1717—1719 гг. сумма архангельского экспорта составляла около 2 млн 344 тыс. руб., импорта — около 598 тыс. руб., то уже в 1726 г. сумма

¹ Архив Правительствующего сената (опишь), т. 1, стр. 25; ПСЗ, т. V, стр. 2737; П. Мельгунов, ук. соч., стр. 246.

² А. Семенов, ук. соч., стр. 56; С. Огородников, Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890, стр. 148.

³ С. Огородников, ук. соч., стр. 147—148; П. Мельгунов, ук. соч., стр. 247.

экспорта составляла лишь 285 тыс. руб. и импорта — 36 тыс. руб. Обороты же Петербургского порта резко возрастали. Если в 1717—1719 гг. сумма петербургского экспорта равнялась 269 тыс. руб., импорта — 218 тыс. руб., то уже в 1726 г. экспорт составлял около 2 млн 403 тыс. руб., а импорт — около 1 млн 550 тыс. руб.¹

Хотя во второй четверти XVIII в. развитие Петербургского порта пошло несколько медленнее, все же он в середине века был самым крупным торговым портом России. На Петербургский порт приходилось в середине XVIII в. около половины всего оборота внешней торговли России.

Ассортимент товаров, проходивших через Петербургский порт, был весьма разнообразным. Об этом свидетельствуют следующие данные (см. таблицу на стр. 88).

Приведенные выше сведения об экспорте и импорте Петербургского порта являются, конечно, неполными. Так, например, через Петербург в Россию ввозилось значительное количество табака (уже в начале XVIII в. около 600 тонн ежегодно). Через Петербургский порт во все возрастающем количестве вывозился лес. В середине XVIII в. Петербургский порт был самым значительным по экспорту леса.²

Баланс внешней торговли России первой половины XVIII в., в частности через Петербург, был активным: экспорт значительно превышал импорт. Однако эта торговля велась не на русских судах, а на судах иностранных купцов — голландских, немецких и особенно английских. Около половины торговых оборотов Петербургского порта было в руках английских судовладельцев и купцов. Расходы на фрахт были весьма высоки и съедали значительную часть доходов, получаемых от вывоза товаров. Поэтому при расчете с заграницей часто общий баланс платежей оказывался пассивным: Россия должна была больше платить, чем получать из-за границы. Английские купцы и правительство Англии хорошо понимали выгоды торговли с Россией. Английское морское строительство и в начале XVIII в. в значительной мере продолжало нуждаться в русском сырье: корабли строились из русского леса, оснащались канатами из русской пеньки и парусами из русского полотна. Естественно, что Англия вела упорную борьбу со своими конкурентами (голландцами, немцами) за сохранение первого места в русской внешней торговле. Петр хорошо понимал невыгоды для России, вытекающие из слабого развития торгового флота. Поэтому он много забот уделал делу развития русского торгового судоходства. При его ближайших преемниках это дело было заброшено, и русская морская торговля надолго закрепилась в руках англичан.

¹ С. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 89. — Следует, впрочем, оговориться, что строго выверенных данных об обороте Петербургского и Архангельского портов, как и о количестве заходивших в них судов, к сожалению, нет. В специальных исследованиях по этому вопросу имеется значительное расхождение.

² П. И. Петров, ук. соч., стр. 547.

Вывоз

Названия товаров	1726 г.	1751 г.
Пенька	494 362 пуд.	1 175 604 пуд.
Лен	58 616 »	68 282 »
Сало	25 094 »	97 916 »
Железо	55 149 »	738 638 »
Юфть	169 137 »	154 440 »
Льняные ткани	9 600 307 арш.	—
Парусина	7 747 куск.	68 112 куск.
Воск	—	149 661 руб. сер.
Масло растит.	—	133 199 » »
Меха	—	116 087 » »
Медь	—	46 260 » »
Канаты и веревки	—	43 976 » »
Всего на сумму	2 403 423 руб. сер.	4 221 719 руб. сер.
	Кроме того, вывези- лось персидского шелка 21½ пуд.	Кроме того, выво- зились и другие товары.

Ввоз

Названия товаров	1726 г.	1751 г.
Спиртное	137 175 руб. сер.	454 089 руб. сер.
Сахар	11 289 пуд.	310 735 » »
Кофе	474 »	25 770 » »
Красильные вещества	268 280 руб. сер.	348 344 » »
Шелковые товары	15 372 » »	466 663 » »
Шерстяные ткани	662 492 » »	1 129 082 » »
Бумажные ткани	22 632 » »	321 080 » »
Льняные ткани	691 » »	
Галантерея	—	323 659 » »
Сельди	—	39 430 » »
Всего на сумму	1 549 697 руб. сер.	3 748 347 руб. сер. ¹ Ввозились и дру- гие товары.

¹ А. Семенов, ук. соч., ч. 3, стр. 23—25, 27—30; Сборник сведений по истории и статистику внешней торговли России, под ред. В. Покровского, т. I, СПб., 1902, стр. XXIV; С. Покровский, ук. соч., стр. 92.

Особенно невыгодным для России вследствие незначительности коммерческого флота был заключенный с Англией торговый договор 1734 г. К этому времени (на 1730 г.) Англия вывезла из России товаров на сумму в 258 800 фунтов стерлингов, ввозила их — на 46 300.¹ Договор позволял англичанам еще более расширить торговые отношения с Россией, прежде всего через Петербург.

Английские купцы, в отличие от купцов других стран, получили по договору право платить пошлину русскими деньгами и притом по выгодному курсу (1 руб. 25 коп. за ефимок); снижены были на $\frac{1}{2}$ пошлины с английских сукон и других тканей; английские купцы получили ряд привилегий в самом Петербурге — право строить и снимать дома с освобождением их от постоев; подсудными они становилась только Коммерц-коллегии и т. д. Договор был основан на принципе наибольшего благоприятствования и формального равенства сторон, но Россия, имевшая незначительный коммерческий флот, не могла использовать многих преимуществ и льгот этого договора. Фактически все преимущества доставались английским купцам.² Договор был подписан на 15 лет, а в 1742 г. продлен на такой же срок.

Петровская торговая политика, регулирование торговли существенно влияли на развитие и характер петербургской торговли, особенно внешней. Из мероприятий правительства по регулированию внешней торговли особо крупную роль для развития Петербургского порта играл таможенный тариф 1724 г., имевший явно выраженный протекционистский характер. Его значение для развития внешней торговли через Петербургский порт определялось тем, что для Архангельска таможенные ставки повышались сравнительно с Петербургским портом на 25%.

После смерти Петра I начинается отход от тарифа 1724 г. В 1731 г. был объявлен новый тариф, введенный в действие в 1732 г. По нему резко снижались ввозные пошлины на большинство товаров, особенно предметы роскоши (до 5%). В этом отношении он был противоположностью тарифа 1724 г. В результате заметно снизился активный торговый баланс России, в том числе Петербургского порта. Так, если экспорт на 1749 г. возрос сравнительно с 1726 г. на 64%, то импорт — на 171%.³

С небольшими изменениями тариф 1732 г. действовал до 1757 г., когда был введен в действие новый таможенный тариф в духе тарифа 1724 г. (в ряде статей размеры пошлины были даже повышены).

Перемены в тарифах вызывали серьезные изменения в структуре внешнего товарооборота Петербургского порта, однако на росте валового товарооборота Петербургского порта они в сущности отражались мало.

¹ С. Покровский, *указ. соч.*, стр. 98.

² Там же, стр. 98—101.

³ Там же, стр. 95.

Надзор за торговлей в Петербурге осуществляли таможи — внутренняя и портовая.

Основание Петербургской таможни произошло еще в 1703 г. Первоначально она находилась на Троицкой площади. Здесь производились все сборы с товаров. Специальные внутренняя и портовая таможни оформились несколько позднее, с 1713 г.; окончательная же их организация завершилась лишь в 1720 г.¹ Тогда же оформилась и Кронштадтская портовая таможня.

Первоначально купцы имели право после прохождения процедур в таможне выгружать товары даже в своих домах, что приводило к всевозможным злоупотреблениям. Позднее, в 1723 г., были построены на Троицкой площади специальные таможенные склады; впоследствии они были выстроены также на Васильевском острове, Выборгской стороне, Петровском острове, на острове Буяне и в ряде других мест.

В 1731 г. внутренняя таможня была объединена с портовой. С 1733 г. единая таможня находилась на Васильевском острове (район набережной у нынешнего Таможенного переулка).² В то же время сюда были переведены с Петербургской стороны торговая пристань и биржа. На долгое время стрелка Васильевского острова сделалась центром внешней торговли Петербурга.

В целях всемерного развития экспортной торговли и поддержки престижа русских купцов правительство вводило при таможне строгую бракировку товаров: пеньки, льна и пр. Однако эти меры не всегда достигали цели; обман имел место нередко как со стороны русских, так и иностранных купцов.

В первые годы деятельности таможни всеми делами в ней ведали выборные представители петербургского купечества. С 1720 г. был учрежден постоянный штат должностных лиц: оберцольнеров и цольнеров, различных досмотрщиков; впрочем, представители петербургского купечества привлекались к таможенным делам и после этого. Штат служащих Петербургской таможни уже в конце 20-х годов состоял из 153 человек.³ Таким он оставался и в середине XVIII в.

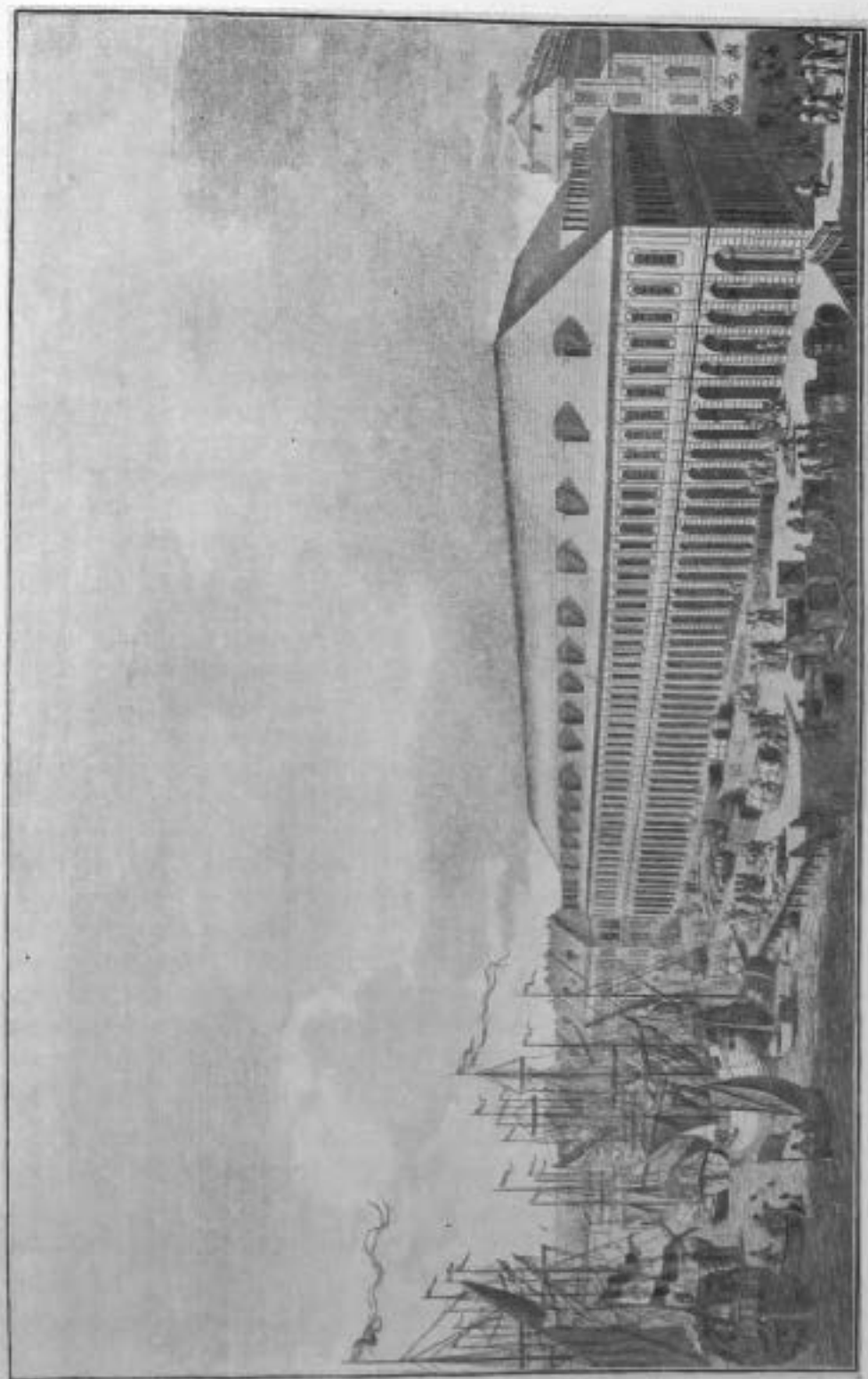
Неоднократная сдacha в первой половине XVIII в. казной таможенных сборов на откуп частным лицам отрицательно сказывалась на деятельности таможни: открывались возможности нарушать государственные интересы в целях частной наживы.

Быстрое развитие внутренней и внешней торговли Петербурга привело к созданию в столице не только гостиных дворов, таможен, но и к учреждению в ней биржи (раньше Парижской, Берлинской и некоторых других). Зародилась она в 1703 г. первоначально как собрание купцов у торговых рядов на Троицкой площади. С постройкой здесь в 1713 г. гостиного двора при нем же собирались

¹ Г. Богданов и В. Рубан, ук. соч., стр. 93—94; М. Д. Чулков, ук. соч., стр. 731, 742.

² М. Д. Чулков, ук. соч., стр. 739, 742.

³ Там же, стр. 677, 740—741.

Биржа и Гостиний двор на Васильевском острове. Гравюра И. Елкова 1753 г. с рисунка М. Магера.

купцы «для биржи». В 1724 г. на Троицкой площади было построено специальное каменное здание для биржи. Однако биржа просуществовала здесь недолго, с 1731 г. она была переведена на Васильевский остров в помещенные гостиного двора, а позднее — портовой таможни.¹ В 1755 г. она переместилась в специальное каменное здание против таможни.

Петербургская биржа была товарной. Здесь купцы могли договариваться о торговых сделках; кроме того, на бирже имелась возможность ознакомиться с рыночной конъюнктурой. С 1723 г. для Петербургской биржи представлялись уже специальные информации о ценах внутри России и за границей, что несомненно способствовало развитию биржевых сделок.

Деятельность биржи регулировалась правительственными распоряжениями. Определено было время собраний купцов и посредников (маклеров) — первоначально с 11 часов и до фактического ухода посетителей, позднее (с 1743 г.) до 2 часов дня.² Посредниками при заключении торговых сделок являлись штатные (присяжные) маклеры. Деятельность нештатных (неприсяжных) маклеров рядом указов была запрещена, хотя, впрочем, прекратить ее полностью не удалось. Постоянных жителей Петербурга было среди биржевого купечества немного — около двух десятков. В большинстве своем это были москвичи, ярославцы и др.³ Наиболее крупные из них — Иван Вихляев, вице-президент Главного магистрата Илья Исаев, Матвей Макаров и другие — имели и промышленные предприятия. К середине XVIII в. число таких крупных предпринимателей из купцов возрастает еще больше, да и сами капиталы становятся более значительными. Купец Савва Яковлев, выходец из крестьян, возведенный в 1758 г. во дворянство, взял вместе с организованной им компанией в 1759 г. на откуп все казенные сборы в Петербурге и Москве на 7 лет за 535 670 руб. Сам Яковлев с тремя своими сыновьями ввел в компанию 100 тыс. руб.⁴

Крупным тормозом, мешавшим развитию внутренней и внешней торговли Петербурга в первой половине XVIII в., являлась неорганизованность кредита. Вексельные операции были развиты слабо.⁵ Казенные ссуды купцам и предпринимателям не всегда достигали цели. Мало что менял в этой области и вексельный устав 1729 г., поскольку не был налажен учет векселей. Банкротства купцов и предпринимателей были частым явлением. Неслучайно именно в этой связи был

¹ Г. Богданов и В. Рубан, *ук. соч.*, стр. 126; М. Д. Чулков, *ук. соч.*, стр. 731, 739; Г. Немиров, *Петербургская биржа при Петре Великом*. СПб., 1898, стр. 27—30.

² М. Д. Чулков, *ук. соч.*, стр. 741.

³ *Опись дел Архива Правительствующего сената*, т. 1, стр. 115; ИСЗ, т. VII, № 4348; Г. Немиров, *ук. соч.*, стр. 12—26.

⁴ П. Н. Петров, *ук. соч.*, стр. 609.

⁵ С. Я. Боровой, *Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. Исторические записки*, 1953, № 33, стр. 93.

издан в 1740 г. «Устав о банкротах». Согласно ему, Коммерц-коллегия должна была по получении сведений о банкроте немедленно известить об этом население Петербурга в течение трехдневного срока с барабанным боем, чтобы кредиторы в течение двух недель могли бы предъявить свои претензии.¹

Серьезная попытка организовать коммерческий кредит была предпринята лишь в 1754 г. в связи с организацией Купеческого банка. Однако правительство, организуя дешевый кредит для дворянства, в области коммерческого кредита ввело ряд ограничений: Купеческий банк предоставлял кредит только петербургским купцам, торгующим через Петербургский порт под залог товаров, хранящихся в таможенных складах. Главное же — кредит предоставлялся только на 6 месяцев, что при медленности оборотов капитала в то время делало пользование кредитом банка фактически невозможным. Купечество ответило на организацию банка своеобразным бойкотом: оно отказалось пользоваться банковским кредитом на столь невыгодных условиях. Правительство было вынуждено пойти на уступки купечеству, и срок кредита был удлинен до одного года. После этого деньги из банка были быстро разобраны купечеством.

Однако, несмотря на ряд причин, тормозящих развитие внутренней и внешней торговли столицы, торговая жизнь города и его порта уже в середине XVIII в. достигла такого уровня, что Петербург занял по сумме торговых оборотов первое место в стране.

По уровню развития, по интенсивности экономической жизни — промышленности, ремесла и торговли — Петербург с середины XVIII в. стал одним из наиболее значительных центров крепостнической России.

¹ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 431.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

История строительства Петербурга, превращение его в столицу обширного государства, в крупный торговый и промышленный центр является вместе с тем историей трудовой деятельности его строителей и раскрывает процесс роста его населения.

С самого начала возникновения нового города надо было решить вопрос об обеспечении его строительства рабочей силой. Постройка крепостных сооружений — городов, так называемое «городовое дело», была одной из очень старых повинностей титлового населения Русского государства. Строительство Петербурга, исключительное по темпам, масштабу и разнообразию работ, ставилось правительством Петра I в особые условия как первостепенное, государственной важности дело. Летом 1703 г., в год закладки Петербурга, развернувшееся строительство крепости велось силами сосредоточенных здесь воинских частей и привлеченным для этого местным населением. Сюда же были переброшены люди, собранные для предполагавшегося обширного строительства крепостных сооружений в районе Ладожского озера и Невы — крепости Шлиссельбурга и др. В 1704 г. в Петербург для «городового дела» вызывается из разных губерний до 40 тыс. рабочих людей — крепостных помещичьих, государственных крестьян и др.¹ Эти 40 тыс. были распределены на

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 57 и Примечания, стр. 29.

три смены двухмесячной работы, с началом работы для первой смены 25 марта, для второй — 25 мая и для третьей — 25 июля. Такие распоряжения повторяются и в последующие годы, но с 1708 г. вызывались ежегодно две смены, причем работа для каждой смены была определена в три месяца с явкой на работу 1 апреля и 1 июля. Количество людей, ежегодно высылаемых на строительство, не опускалось ниже 24 тыс. На тяглое население падала вся тяжесть не только выделения рабочих людей, но и полного материального обеспечения их и в пути, и на работе. Выдаваемая этим рабочим людям плата за работу шла из денег, специально для этой цели собираемых правительством с тяглого населения тех же губерний — с людей, «которые в домах оставались».

«А хлеба и запасу тем рабочим людям взять с собою, — говорится в царском указе, — чем можно в дороге сытым быть до указанного места и до Санктпетербурга, а больше того хлебных запасов не иметь, для того в Санктпетербурге дано будет им ... хлебное жалованье и денег по полтине на месяц каждому...»¹ «Хлебное жалованье» было невелико: «полуосмина муки да круш по малому четверику».² Не приходится говорить, что для человека, занятого тяжелым физическим трудом, это «жалованье» было совершенно недостаточным. К тому же и выдавалось оно не всегда полностью. Сама казна уменьшала это содержание, да многое расхищалось и оставалось в руках чиновников.

Инструкции указывают и инструмент, с каким должны были отправляться рабочие люди: топор на каждого человека и на 10 человек долото, бурав, пазык и скобель. Полнота набора плотничьих инструментов указывает, что вызываемые рабочие люди наряду с черной работой должны были быть готовы для выполнения и плотничьих строительных работ.

Руководители строительства не проявляли никакой заботы о бытовых нуждах строителей, об обеспечении их жильем. Жизнь в землянках, в шалашах или в наспех сколоченных лачугах определяла эти бытовые условия. При тогдашнем бездорожье очень трудным и изнурительным был путь от дома до Петербурга, особенно для высылаемых из дальних губерний. Это хорошо показывает одно из донесений лица, ведавшего строительством города, о рабочих людях Московской, Смоленской, Казанской и Архангелогородской губерний, выполнявших сезонные работы в 1712 г.: из 6597 человек, принятых «приводцами» (назначаемыми для сопровождения рабочих людей в Петербург из дворян этих губерний) на месте отправки, 14 умерли в дороге, 387 человек заболели и оставлены в пути, а 441 — сбежал по дороге.³ Не дошло до Петербурга свыше 840 человек, или

¹ ИСЗ, т. IV, № 2240.

² Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра I, т. II, год 1712, кн. I. Изд. Акад. Наук, СПб., 1882, № 167, Приговор от 18 февраля 1712 г. В дальнейшем цитируется сокращенно: Доклады и приговоры Сената. — Полуосмина — около 2 пуд., или 33 кг, а четверик — около пуда, или 16,5 кг.

³ Доклады и приговоры Сената, т. II, год 1712, кн. I, № 410, стр. 299—300.

12,75%. Большой процент бежавших — показатель того, как тяжела была доля этих посылаемых людей, и в то же время это была форма протеста против все усиливающегося принудительного крепостного труда.

В 1718 г. заведывавший строительными работами кн. А. Черкасский указывал царю Петру на нецелесообразность использования рабочих людей в принудительном порядке. Он ссылался на ущерб, который терпело помещичье сельское хозяйство от массового отвлечения рабочей силы на строительство. Многие из привлекаемых на строительство крестьян оказывались в бегах, болели или использовались на непроизводительных работах. Петр учел соображения Черкасского. Со второй половины 1718 г. рабочие люди, высылаемые из губерний по указу правительства, заменяются людьми, набираемыми по найму. Но это не означало полного отказа от использования рабочей силы в принудительном порядке. Высылка на летний сезон рабочих людей — строителей — осталась на ближайшие годы в качестве повинности за С.-Петербургской губернией, которая должна была высылать прежним порядком 8 тысяч рабочих людей. В случае затруднений в выполнении работ людьми, набранными по найму, правительство и позднее прибегало к принудительной вербовке рабочих людей.

Собранные со всего обширного Русского государства для строительства новой столицы, эти тысячи рабочих людей, привычно и просто организованные в артели по областным землячествам вокруг артельных котлов-очагов, в первые 15 лет жизни Петербурга составляли очень важную часть населения нового города. Они выполняли наиболее трудоемкие и тяжелые работы по выкорчевке леса, осушке болот, подготовке грунта для строительства, по укреплению набережных. Они же выстроили и все возведенные в этот период здания. В гигантской по масштабу, исключительной по трудоемкости и тяжести работе, в результате которой «из тьмы лесов, из тьмы блата» родилась блистательная новая столица, решающим явился труд многих тысяч рабочих людей — создателей этой грандиозной стройки.

Условия феодально-крепостнического строя делали особенно сложным решение вопроса о мастерах и рабочих, необходимых для мануфактурных предприятий Петербурга, и о квалифицированных ремесленниках. Перенос столицы на берега Невы усилил приток переселенцев в новый город. Но этот приток населения ни по составу прибывающих, ни по их численности далеко не отвечал настоящим нуждам очень быстро увеличивавшегося города. В связи с переносом столицы в Петербург последовал ряд царских указов о принудительном переселении в новую столицу «на вечное житье» мастеровых людей, купцов, ремесленников, ямщиков и т. д. Указом от 18 августа 1710 г. предписывалось из всех губерний, из уездов и посадов переселить «на вечное житье» с женами и детьми в Петербург 4720 мастеровых людей. При этом из посадов, т. е. из городского населения, намечалось переселить 260 человек, а остальных — из уездов, т. е. из сельского, в основном крестьянского, населения. Из переселяемых 500 человек предназначались в распоряжение Канцелярии городских дел, а остальные —

в распоряжение Адмиралтейства. Указывались и специальности, какими должны были обладать вызываемые: 1900 каменщиков, 1741 плотник, 226 кузнецов, 200 кирпичников, 50 котельников, 48 пильщиков, 41 бочар, 10 слесарей, «174 — для назначения впредь к выучке в юношеских летах разным ремеслам и 70 молодых людей для выучки в придильщики». Ведавший Канцелярией городских дел Спявин писал, что к 6 июня 1712 г. из назначенных в его ведомство 2500 человек было выслано на вечное житье 2210 мастеровых людей. По прибытии на место в Петербург с работ бежало 365 человек, умерло 61, а 46 не могли быть использованы за дряхлостью. Кроме того, как указывал Спявин, в числе высланных имелось 629 мастеровых «наемщиков», в списках не значившихся, заменивших собою поверстанных.¹ С 1714 г. последовали новые указы о переселении мастеровых и работных людей «на вечное житье в столицу».

Сведения о строительстве Адмиралтейства, приведенные выше,² показывают, что в первые два десятилетия жизни Петербурга оно обеспечивалось главным образом принудительно набранной рабочей силой. Путем принудительного переселения получал мастеровых людей и Литейно-пушечный двор. Направлявшиеся в распоряжение Канцелярии городских дел или Канцелярии городских строений не все шли на строительные работы: часть их распределялась по различным предприятиям. Правительством обращалось большое внимание на набор постоянных рабочих для кирпичных заводов и для заготовки и обработки камня. Отбор их из числа рекрутов являлся обычным способом удовлетворения потребностей столицы в рабочих таких специальностей.³

Переселение мастеровых людей «на вечное житье» с семьями, естественно, требовало специальных мер для их устройства. Петр I приказывал Адмиралтейству заблаговременно строить дома для «переведенцев», но Адмиралтейство не торопилось выполнять эти приказания. Возникшие в 1712 г. на Адмиралтейском острове 10 слобод для переведенцев были выстроены ими самими. Помощь переселяемым «на вечное житье» оказывал лишь мир (сельская община — жителям деревень и посадская община — горожанам); мир обеспечивал их подводами в пути следования, питанием и деньгами для устройства на месте. Но эта помощь была очень скудной, так как и сам мир был очень беден.

Указы устанавливали содержание переведенцу на 1-й год: денег 12 руб. на жалованье да на хлеб 10 руб., сверх того детям от 5 до 15 лет муки по четвернику на месяц каждому. Высланным в распоряжение Канцелярии городских дел, т. е. самой многочисленной категории мастеровых и работных людей, выплачивали только половину указанного оклада. Высылку денег мастеровым людям местная администрация часто задерживала, отчего мастеровые и работные люди бегут

¹ Доклады и приговоры Сената, т. II, год 1712, кн. I, № 506.

² См. главу III.

³ Доклады и приговоры Сената, т. III, год 1713, кн. II. Изд. Акад. Наук, СПб., 1888, № 825.

и мрут с голоду».¹ Равнодушные петербургских и местных чиновников к судьбе переведенцев и прямые злоупотребления предназначенными для них деньгами вызывали большую задержку в выплате содержания и часто ставили на край гибели рабочих людей и их семьи.

Сравнительно благоприятные условия сложились для переведенцев Охтенской слободы. В начале 1720 г. был издан указ о построении на берегу Невы на Охтенской стороне пятисот изб. Через год, когда было построено 216 домов, в северные города — Белоозеро, Вологду, Шуйский городок, Каргополь, Устюг и Холмогоры — был послан офицер с поручением «взять с тех городов 432 добрых плотников», звающих судостроение, и выслать их в Петербург с женами и детьми, «я как привезены будут, дать им провианта муки по три четверти, да на то пашное строение денег по два рубля на семью, и огороды в построенных домах ... вспахать». В этот год удалось набрать и привезти только 91 семью.² В следующем году был дан указ о новом наборе 350 семей плотников. Послан тот же офицер с приказанием набрать плотников, где только возможно. Переведенцы Охтенской слободы поступили в ведение Партикулярной верфи. Практически было привлечено к работе около 150 человек, «наиболее обихших к судовому делу». Остальные охтенские поселенцы — «вольные плотники» — в последующие годы использовались в качестве наемных рабочих.

В 1749 г. для жителей Охтенской слободы, которых в это время было 864 семьи, отвели на прилегающей к слободе территории около 2300 гектаров земли.³ Слобода получила законченный облик пригородного поселка, поставлявшего для города наемную рабочую силу.

С принудительным переселением трудящегося населения в Петербург было связано возникновение и Ямской слободы. Обеспечение средств сообщения столицы со страной являлось делом первостепенной важности. В указе 1713 г. требовалось «выбрать губернаторам из ямщиков лучших и семейнистых и лошадных людей добрых и прожиточных в С.-Петербург 105 вытей. А на строение домов, и на подмогу, и на корм, и на годовое их содержание собрать для поселяемых в С.-Петербурге на выть по 60 рублей».⁴

Устройство Ямской слободы относится к 1714—1716 гг. В 1723 г. ямщикам была отведена пашня и сениные покосы на землях деревень Волковой и Кулчиной.

Многие из мастеровых и рабочих людей были крепостными помещиков, и распоряжаться ими считалось возможным лишь постольку, поскольку не затра-

¹ Доклады и приговоры Сената, т. II, год 1712, кн. II. Изд. Акад. Наук, СПб., 1883, № 700, Приговор от 12 сентября 1712 г.

² Б. М а л с у р о в. Охтенские адмиралтейские селения. СПб., 1855, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 41.

⁴ Доклады и приговоры Сената, т. IV, год 1714, кн. II. Изд. Акад. Наук, СПб., 1891, № 1158. — Ямская выть — ямщицкое хозяйство, условная окладная и тигловая единица при несении ямской службы.

гивались интересы помещиков. При переселении рабочих и мастеровых людей «на вечное житье» в столицу правительством Петра I было разъяснено, что каждый переселяемый приравнивается к рекруту и переселение его освобождало помещика от поставки рекрута при очередных наборах.¹ Другой формой компенсации помещиков была выплата им денег за каждого переселенца. В 1729 г., например, помещикам, по возбужденным ими просьбам, выплачивалось за переселенных в Петербург крестьян по 25 руб. за человека.

Петербург рос стремительно. На темпах его роста даже в начальном этапе истории города — в годы царствования Петра I — сказались не только меры принуждения к переселению в новый город, но и свободный приток сюда новооселенцев.

С самого начала строительства Петербурга в нем появились мелкие торговцы, маркитанты, ремесленники. Решительный перелом в ходе Северной войны после 1709 г. усилил приток сюда поселенцев, изменил отношение к новой столице тех, кто до этого времени сомневался в успехе создания нового города. Перепись дворов Городского острова,² проведенная в конце 1713 г., указывает на большое число изб и домиков мастеровых людей, ремесленников, мелких торговцев, добровольно обосновавшихся на постоянную жизнь в Петербурге. К 1717 г. число жилых домов в Петербурге по сравнению с 1713 г. увеличилось больше чем в 2,5 раза и достигло 2553 дворов.³ А в 1722 г. насчитывалось уже 4163 двора,⁴ кроме Васильевского острова, где в 1725 г. было 463 дома или по другим данным 489.⁵

Рост повинностей крестьян и частые неурожаи гнали крестьян на заработки в большие города. Голодные годы, 1723, 1743 и особенно 1747, 1748, вызвали местами повальное бегство крестьян в города. Крестьяне хорошо узнали дорогу в новую столицу, где был большой спрос на рабочие руки, и в голодные годы столичной полиции трудно было держать под своим контролем огромный поток направлявшихся сюда крестьян. Крестьянин мог уйти из деревни лишь по письменному разрешению помещика. Такими разрешениями были вначале «покорменные письма», с 1726 г. замененные паспортами, писавшимися на печатных бланках. Сс времени отмены в 1718 г. принудительного вызова строительных рабочих в Петербург, на протяжении всего XVIII в., крестьяне, отпускаемые помещиками на заработки в столицу, составляли основную массу строителей Петербурга. Они же скоро заняли важнейшее место и среди рабочих промышленных предприятий столицы. Руками таких крепостных крестьян создавались в это время многочисленные казенные здания в Петербурге, их трудом двигалась работа промышленных

¹ ИСЗ, т. V, № 2858. — Живальи с детьми приравнивался 2 рекрутам.

² Городской остров, или Петроградский остров, — нынешняя Петроградская сторона.

³ П. И. Петров, ук. соч., стр. 80; Статистические сведения о Санкт-Петербурге. Изданы при Мин. зн. дел, СПб., 1836, стр. 80.

⁴ П. И. Петров, ук. соч., стр. 183.

⁵ И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 20.

предприятий. Крестьяне, знавшие штукатурное дело, мастерство каменщика, каменотеса, столяра, в период строительного сезона всегда находили работу на строительстве дворцов, при сооружении набережных, прокладке улиц, на многочисленных дорожных работах и т. п. Этими же крестьянами производилась и заготовка строительных материалов.

С течением времени более четко определились районы, поставлявшие Петербургу строительных рабочих. Так, каменщики и каменотесы шли из Олонецкой губернии, каменщики — из Ярославской, Костромской, строители других специальностей — из Московской и т. д. При непрерывном строительстве и высоких его темпах на протяжении почти всего первого полувека ежегодный приток строителей в Петербург выражался в тысячах человек, а в некоторые годы даже в десятках тысяч. Особенно возросло число строителей в Петербурге в 40—50-е годы XVIII в. в связи с широким размахом работ, осуществлявшихся тогда казней и частными лицами.

Уже в первые десятилетия истории Петербурга здесь начала развиваться частная промышленность. Дошедшие до нас данные о промышленных рабочих первой половины XVIII в. позволяют говорить, что в 30-е годы крупные частные промышленные предприятия города имели свои постоянные рабочие кадры. Эти кадры как для всей страны, так и для Петербурга рекрутировались из четырех основных источников: из крестьян, детей посадских людей, солдатских детей и детей «фабричных» людей. Ряд законодательных мероприятий правительства облегчал предпринимателям поиски рабочей силы. Беглые крестьяне, крестьяне с просроченными паспортами после производившихся переписей и общих ревизий закреплялись за промышленными предприятиями. Правительство предписывало также направлять на мануфактуры осужденных за преступления женщин и негодных для военной службы «справдывающихся» мужчин. Трудные условия жизни заставляли рабочих людей отдавать «в учение» на фабрику своих детей. Предприниматели охотно брали таких учеников, и правительство поддерживало предпринимателей, закрепляя за ними право на использование этого вида рабочей силы. Поступали на предприятия в качестве учеников и солдатские дети, нередко направляемые туда распоряжениями правительства¹ из гарнизонных школ.

Ведомости регистрации цехов 1721 и 1724 гг. рассказывают откуда комплектовались ремесленники столицы; процент уроженцев Петербурга в эти годы был еще ничтожен.² Наибольшее число новолоселенцев-ремесленников дал Ярославль с уездом, за ним следует Москва с уездом, а дальше — Галич, Кострома, Романов, Пошехонье, Кашин, Ростов, Новгород, Осташков, Вологда и другие города и уезды.

¹ ПСЗ, т. IX, № 6858; т. XII, № 8963.

² А. И. Гайсикович. Цехи в России в XVIII в. Известия Акад. Наук СССР, Отд. общ. наук, VII серия, 1931, стр. 538—540.

*Петербург. Бронзовый барельеф 20-х годов XVIII в.
Государственный Эрмитаж.*

Любопытны сведения о специальностях ремесленников, прибывавших в столицу из различных местностей. Оставковцы состояли в рыбном цехе, все прибывшие из села Кимры были сапожниками, сапожниками же было и большинство кашинцев. В пищевом производстве преимущественно были заняты галичане, костромичи, романовцы и пошехонцы. Большинство прославцев были пирожниками.¹ Всего в пищевом деле была занята почти половина зарегистрировавшихся ремесленников. Другую значительную группу цеховых составляли лица, занятые изготовлением одежды и обуви. Очень немногочисленные цехи были представлены только иностранцами (они обслуживали исключительно или преимущественно дворянство); такими были цехи: золотой (17 чел.), парикмахерский (15 чел.) и позументный (6 чел.); все их члены составляли около 2,5% к общему числу зарегистрированных ремесленников.

¹ А. И. Гайсенович, ук. соч., стр. 540—541.

Одна из ведомостей 20-х годов дает сведения о социальном составе зарегистрировавшихся цеховых Петербурга. Из учтенных 1455 человек 838 человек, или 57,6 %, были крепостными крестьянами — помещичьими, монастырскими, дворцовыми и др.;¹ 269 человек были посадскими людьми, приехавшими из разных городов. Монастырских служек и церковных причетников было 14 человек, солдатских, стрелецких и казачьих детей и ямщиков — 9 человек, «гуляк» — 5 человек, 96 человек (6,6 %) были пришельцами из новозавоеванных городов, 188 человек (12,9%) являлись иностранцами. Иностранцы-ремесленники, как правило, все регистрировались в цеховых организациях. Таким образом, основным источником рабочих кадров Петербурга были крестьяне, за ними следуют посадские люди. К сожалению, ведомости этих лет охватывают лишь малую долю лиц, занимавшихся ремеслом в столице, и притом касаются очень ограниченного круга ремесел и профессий. А между тем в 20-е годы XVIII в. Петербург уже был вторым после Москвы крупным центром ремесла в России.²

Работные люди на казенных и частных предприятиях, строительные рабочие и ремесленники составляли основную массу населения Петербурга петровского времени.

Отсутствие статистических данных о населении Петербурга в первой четверти XVIII в. не дает возможности установить сколько-нибудь точно количество жителей столицы в этот период.

По позднейшим данным,³ число жителей Петербурга к 1725 г. определялось в 25—30 тыс. человек. Но это число нередко преумножалось. По подсчетам одного исследователя, число жителей столицы к этому году определяется в 70 тыс. Вероятнее всего предположить, исходя из числа домов в Петербурге и средней заселенности одного дома, что число жителей Петербурга в 1725 г. определилось примерно в 40 тыс. человек, из них не менее 20 тыс. было занято производительным трудом. После некоторого перебой в притоке переселенцев в Петербург в 1728—1730 гг., сознавшего с пребыванием двора в Москве, с 30-х годов население столицы снова стало быстро возрастать. Этот рост попрежнему был связан с неуклонным развитием промышленности и торговли в Петербурге.

Общая численность населения Петербурга на 1750 г. указана в ведомости генерал-полицеймейстера, представленной по приказанию императрицы в сентябре этого года.⁴ Дошедшая до нас переписка по поводу подготетски этой ведомости дает основание считать ее сведения сравнительно полными и достаточно надежными.

¹ А. И. Гайсикович, ук. соч., стр. 537.

² Е. И. Засеерская. О зарождении капиталистической промышленности России начала XVIII в. Вопросы истории, 1949, № 6, стр. 72.

³ «Городские поселения в Российской империи», т. VII, Издание Мин. внутр. дел, СПб., 1864, стр. XXIX; С. Князьков. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1914, стр. 592.

⁴ ЦГАДА, ф. XVI, 1750 г., д. № 459, л. 11.

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА

Численность взрослого населения Петербурга по этой ведомости определена в 74 283 человека, с разбивкой на следующие категории:

	Мужчины	Женщины
I. Обывателей с их семьями . . .	15 920	13 835
при них слушателей:		
русских	8 717	4 514
иноземцев	224	186
II. Жильцов: русских	10 386	6 975
иноземцев	1 251	1 309
III. Приезжих: русских	7 258	943
иноземцев	1 474	961
	45 230	28 813
Итого		74 043
«Чужестранных министров»	9	
При них служителей	168	63
Итого		240
Всего	74 283	

Так как при исчислении населения были исключены дети, то общая численность населения Петербурга в 1750 г. с дополнением 25—30% на детей будет около 95 тыс. человек, из них 61% составляли мужчины и 39% женщины.

Ведомость различает «обывателей» столицы от ее «жильцов», хотя и те и другие одинаково относятся к постоянному населению Петербурга. Разница между этими категориями определялась прежде всего различием их социального положения. «Обыватели» — свободные, полноправные граждане, владельцы домов и другой недвижимости в городе, дворяне, чиновники, духовенство и купцы, ремесленники, посадские люди, владельцы торговых и промышленных предприятий, мастерских и т. п. «Жильцы» — это постоянные жители города, но не владеющие недвижимостью или не входящие ни в одну из городских корпораций (цехи, гильдии), а поэтому неполноправные, т. е. не имеющие права принимать участие в выборах городских органов управления — магистратов. С прибавкой на неуценных детей численность «обывателей» с их семьями достигала 38½ тыс. человек, а «жильцов» — превышала 25½ тыс. со включением иностранцев. В число «приезжих» лишь в самой малой доле могли попасть временные сезонные рабочие. Немного среди них было и купцов, которые имели тесные деловые связи со столицей и подолгу там жили. Большая доля, до 2/3 или 3/4, из этих 10 тыс. «приезжих» были мастерами на крупных предприятиях, ремесленниками, имели мелкие предприятия, обслуживали торговлю столицы. Они были тесно связаны со столицей, скоро становились постоянными ее жителями, но для полиции все же долго оставались «иногородними» — ростовцами, ярославцами, кашинцами и т. п., если они были посадскими людьми; бездомными солдатскими детьми или тяглыми людьми различных сельских районов, если они были крестьянами.

Служители при «обывателях» и слуги иностранных посольств (численность их с детьми достигала 17 тыс. человек) — это прежде всего дворцовые крепостные слуги. Число свободных домашних слуг было очень небольшим. Возможно, в число слуг полиция включила низший обслуживающий персонал учреждений дворцового ведомства, т. е. тех, кто выполнял черную работу в царских конюшнях, прачечном дворе, служил в егерском охотничьем корпусе и т. п.

В ведомости 1750 г. обращает внимание значительное превышение численности мужского населения над женским. При этом соотношение мужчин и женщин в различных социальных группах было далеко несдинаковым. В процентном отношении оно было следующим:

	Мужчины	Женщины
«Обыватели»	53,5	48,5
«Служители»	65,9	34,1
«Жильцы»	59,8	40,2
«Презабие»	88,5	41,5

У привилегированного слоя населения столицы число мужчин лишь немного превосходило число женщин. Совсем иное соотношение у остальной части постоянного населения столицы. У «жильцов» число мужчин в полтора раза больше числа женщин, а среди слуг и служителей мужчин в два раза больше, чем женщин. Так называемые «приезжие», в основном трудовое население, были лишены возможности иметь семьи в Петербурге; число мужчин среди этих «приезжих» в 7,7 раза превосходило число женщин. Чем меньше обеспечены были жители столицы, тем труднее было для них обзаведение семьей.

Население росло в основном за счет трудящихся слоев. Продолжало развиваться ремесло. Для 50-х годов сохранился перечень 44 ремесленных цехов, существовавших в Петербурге,¹ но перечень этот неполон. Представляют интерес данные о социальных слоях, из которых выходили ремесленники в середине XVIII в. Среди 1041 человека ремесленников, о которых имеются сведения, из крестьян в крепостных дворцовых было 214 человек (20,5%), из купцов 316 человек (30,3%), из разночинцев, т. е. детей мелких служащих, солдат, церковников, 95 человек (9,1%), 83 человека помечены просто людьми «польской нации», 5 — «малороссиянами». Для коренного местного населения запись в цехи вызвала лишь неудобства, она связывалась с возможностью принудительного привлечения ремесленников к выполнению казенных работ. Все это не могло касаться иностранцев. Иностранцы, в противоположность коренному местному населению, считали запись в цехи выгодной и охотно записывались все, даже имевшие отдаленное отношение к ремеслу. Поэтому число цеховых ремесленников иностранцев (316 чел.) не соответствовало их действительному удельному весу.

¹ А. Богданов и В. Рубан. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... СПб., 1779, стр. 481—485.

Кроме увеличения в 30—50-х годах XVIII в. числа лиц, работавших на казенных и частных предприятиях, цеховых ремесленников и мелких товаропроизводителей-одиночек, рост численности населения города происходил за счет людей, занятых работой по обслуживанию коммунальных нужд и торговли. Пловучие, разводные мосты через Большую Неву и Малую Неву и разводные мосты через малые реки и каналы обслуживались специальными мостовыми командами. Существовало большое число перевозов. Легковые и грузовые извозчики вместе с лодочниками и перевозчиками обеспечивали внутригородской транспорт. Современник, автор описания Петербурга в начале 50-х годов, отметил, что в Петербурге было «около трех тысяч извозчиков или более в зимнее время».¹ Многочисленные рынки обслуживались массой мелких торговцев, огородниками, из которых многие арендовали землю в пригородах и являлись, таким образом, постоянными жителями городских окраин. Разносчики и лотошники торговали пирогами, калачами, сбитнем не только на рынках, но и по улицам и дворам. Тот же автор-современник обращает особое внимание на «маркитантские торги», обслуживавшие массы простого народа: «Сколько при Санктпетербурге находится рынков и прочих торговых мест, также по знатым улицам и перекресткам, всюду имеются маркитантские торги в избах, в лавочках и в разноску, оных множество и числить нужды нет, которые для всяких рабочих людей и для скудных приуготовляют съестные принасы следующие: 1) в харчевнях варят щи с мясом и рубцы, 2) уху с рыбой, 3) пироги пекут, 4) блины, 5) грешневики, 6) калачи простые и слобные, 7) хлебы ржаные и ситные, 8) квасы, 9) сбитень вместо чаю».² Приготавливали эти кушанья и торговали ими вразнос солдатские жены и вдовы, жены рабочих людей, а из мужчин ярославцы, ростовцы и другие, которые были перечислены в списках ремесленников, занятых в пищевом деле.

Материальная обеспеченность мелких производителей была очень различной и зависела в первую очередь от того, работали ли они непосредственно на потребителя-заказчика, продавали ли сами свой товар на рынке или работали на торговца-перекупщика. Широкое применение крепостного труда в условиях очень низкой его оплаты понижало оплату и вольнонаемного труда, а вместе с тем понижало и общий уровень материального обеспечения мелких производителей. Были ремесла более прибыльные, обслуживавшие потребности и запросы богатого дворянства, но спрос на таких ремесленников был очень ограничен. Оплата труда строителей, определявшаяся в первую очередь их квалификацией, существенно колебалась в зависимости от спроса на труд. Как правило, между заказчиком и артелью строителей стояли подрядчики. Подрядчики, нанимая артель, обычно брали на себя и обязательство обеспечивать строителей питанием. Подрядчики создавали тяжелые условия работы, плохо кормили рабочих, часто обманывали их при расчете.

¹ Там же, стр. 129.

² Там же, стр. 155.

Плотник. Офорт А. Дальстейна 40-х годов XVIII в.

Естественно, что конфликты между рабочими подрядчиками возникали постоянно.

И строители, и большая доля мастеровых и работных людей, так же как и ремесленники, состояли в основной своей части из крепостных крестьян. То, что зарабатывал крестьянин, лишь в некоторой и притом малой доле принадлежало ему. Значительную часть из своего заработка отпущенный на оброк крестьянин должен был отдавать помещику. Размер оброка определялся волей помещика. Столица привлекала оброчных крестьян прежде всего как наиболее емкий рынок рабочей силы всех специальностей. Оброчник — строитель, текстильщик, металлург и т. п. — находил здесь работу по специальности, повышал квалификацию, другие приобретали здесь специальность. Крестьян-оброчников гнали в столицу нужда и голод. Но нельзя забывать о заманчивости и притягательности ухода от взора барина, из-под придирчивого надзора крепостной администрации.

Этим преимуществом не обладали многочисленные крепостные дворовые слуги в Петербурге в дворянских домах: они всегда были на глазах барина.

В 30—50-е годы XVIII в. Петербург расширял свои пределы и уплотнялся на старой давно освоенной территории. Еще представленный Петру I Леблонем план строительства Петербурга предусматривал отнесение жилищ рабочих на окраины. В ходе строительства Петербурга на левом берегу Невы — на так называемой Московской стороне — появляются рабочие слободы. Правительство с усилением притока дворян в столицу с неудовольствием смотрело на это. Большие пожары 11 августа 1736 г. и 23 июня 1737 г. использовались как предлог для выселения рабочих на окраины, к этому были направлены и распоряжения правительства о необходимости строить в центре города только большие красивые здания. Лучшие районы города отводились дворянству. Рабочее население с его бедными жилищами оттеснялось на окраины города, или в предместья, где еще не были осушены болотистые трясины, или на захолустные улицы города с их непролазной грязью.

Слободы, населенные работными людьми, часто лицами одной профессии и даже одного предприятия, являлись поселениями, характерными для окраинных районов Петербурга. Особенно интенсивно слободы росли в 30—40-х годах XVIII в., когда шло усиленное вытеснение трудового населения из центра; рост их продолжался и во второй половине XVIII в. Больше всего слобод появилось на Охте. Кроме двух Охтенских слобод переселенцев-плотников, там возникли: Бочарная слобода, в которой жили люди, готовившие бочки для пивоваренных заводов, слобода Синявина батальона (по фамилии начальника Канцелярии городских дел), населенная рабочими и низшими служащими Канцелярии городских дел, Госпитальная слобода служителей двух расположенных там госпиталей, Компанейская слобода компанейщиков пивоваренного дела, Казачья слобода, населенная сначала казаками, а позднее отставными солдатами и другими бедными людьми. Жители этой окраинной слободы вызвали у полиции крайнее недовольство нарушениями полицейских порядков. Комиссия по строению постановила снести Казачью слободу и строить на освобожденном месте только «регулярное» строение. Но полиции не удалось осуществить это намерение. Казачья слобода осталась и во второй половине XVIII столетия такой же «нерегулярной» и приютом для беглых, преследуемых полицией и помещиками.¹ На Васильевском острове вблизи Галерной гавани существовала Галерная слобода, населенная находившимися на службе и отставными матросами с их семьями; с 1738 г. начали застраиваться слободки в западной части Малого проспекта. По Фонтанке, в нижнем ее течении, располагались слободы Калинкиной деревни, в рядом Матисова деревня. Здесь жили по большей части отставные солдаты. В Московской части возникла Ямская Московская слобода

Матрос. Эфорт А. Девяностые 40-е годы XVIII в.

¹ П. Н. Петров, ук. соч., стр. 381—382.

ямщиков-переведенцев, а за Аничковым мостом — Каретная, в которой жили ремесленники, производившие кареты, коляски, сани.

Рабочие Адмиралтейства в 40-х годах были вытеснены в район вновь появившейся слободы Новая Коломна на правом берегу Фонтанки, между устьями Мойки и Фонтанки.¹

Далеко не везде работные люди имели собственное жилье. На большинстве мелких и крупных предприятий считалось достаточным, если при предприятии предоставлялся какой-либо угол рабочему для сна; на многих предприятиях таким приютом служило помещенье мастерской.

Домики в слободах, в которых жило большинство трудового населения столицы, имели небольшие усадьбы с огородами. Ко всем окраинным слободам близко прилегали места городского выгона для скота. Молочный скот держали и в Галерной слободе, и жители Петербургского острова, и жители Охтенских и Ямской слобод. Домики-избы, наскоро выстроенные для переведенцев или построенные самими переведенцами, были малы и тесны. Убогими лачугами называли их правительственные строительные комиссии. Более просторными были дома у ямщиков, так как ямщикам приходилось иметь не меньше 4—6 лошадей и располагать помещением для проезжавших.

Жилище в «один покой» для семьи рабочего было обычным явлением. О такой обстановке жизни говорится в одном указе времен Анны Ивановны, касающемся воинского постоя у мастеровых людей. По этому указу «повелено: в Санкт-Петербурге у находящихся адмиралтейской и других команд мастеровых людей, на построенных в указанных местах дворах их, буде у кого имеется токмо по одному покою, а в нем живет хозяин и жена его и дети, постоя не ставить».² Часто в таком же «покое» жили еще и съемщики углов — работные или мастеровые люди.

При Петре I в слободах было еще много курных изб, и петровскими указами предписывалось «командам из солдат избы проверять и черные печи ломать». Судя по тому, что в позднейшее время такого вопроса не поднималось, курные избы, повидимому, исчезли. Освещались дома в слободах лучиной. Свечи были дороги и мало доступны бедноте. Лучина жила в быту жителей окраины столицы и позднее, во второй половине XVIII в.

* * *

Численно значительную и экономически важную и влиятельную группу населения Петербурга составляли купцы. Купечество в первой половине XVIII в. входило вместе с ремесленниками в число посадских людей. В начальный период истории Петербурга стремление Петра I ускорить развитие в нем торговли и промышленности вызвало меры по принудительному привлечению купечества в сто-

¹ Г. Богданов и В. Рубан, *ук. соч.*, стр. 187.

² Сборник РИО, т. 43, СПб., 1885, стр. 130.

лицу. Первым шагом на этом пути было переселение некоторых купцов из Архангельска. В 1710 г. на казенный счет переселяется ряд видных купцов из Москвы в других городов. За этим последовали указы от 1712 и 1714 гг. о принудительном переселении 300 купцов из числа «гостей» (т. е. самых богатых купцов) и «записанных в московские гостиные сотни», именно тех, «которые у портов и на ярмарках валовые [оптовые] торги или где какие заводы и промыслы имеют».¹ Указ выполнялся медленно. К лету 1716 г. из числа 300 купцов было выслано 186. Переселялись купцы из разных губерний: Московской, Киевской, Казанской, Архангелогородской (Архангельской). Принудительное переселение посадских людей происходило в условиях, не сравнимых с теми, в каких переселялись люди крепостного состояния. Для купцов строились в Петербурге за счет посадов хорошие дома. Для этой цели некоторые посады выделяли большие по тому времени суммы: посады Казанской губернии — по 1000 руб., а Смоленской губернии — по 500 руб.

К 1719 г. принудительное переселение в Петербург купцов было приостановлено, так как и без мер принуждения иногороднее купечество «своей охотой» устремилось в новую столицу. Но купечество Петербурга пополняло свои ряды не только за счет торговцев других городов страны. Оно росло за счет оброчных крепостных крестьян. Многие помещики за хороший оброк предоставляли своим крестьянам возможность заниматься подрядами, поставками, торговлей, откупами, заводить производственные предприятия. Конечно, не всем разбогатевшим крестьянам удавалось затем выкупиться у помещика, получить свободу и записаться в купеческое сословие. Многие из них, занимаясь подчас крупной торговлей, продолжали числиться крестьянами. В 1744—1747 гг. в Петербурге из общего числа посадского населения в 3471 человек купцов было свыше 2 тыс. В Окладной купеческой книге 1753 г. число купцов определялось в 1484 человека;² в этом списке значатся и 22 иностранца. На деле же как общее число купцов, так и число купцов из иностранцев, повидимому, было несколько большим.

В своей основной массе купцы оставались податным сословием; в продолжение всей первой половины XVIII в. они были обязаны давать рекрутов для армии. Правда, им разрешалось покупать рекрутов и поставлять их вместо себя. Купечество было очень разнородным по своему положению, определявшемуся в первую очередь размером капитала. Купцы-откупщики были одновременно и владельцами крупных торговых и промышленных предприятий. Наиболее крупным из них, например Ивану Исаеву, Савве Яковлеву, правительство жаловало чины и зачисляло их в ряды дворянства. Они жили в столице в лучших районах города, как и дворяне. Купцов не забывали приглашать на придворные торжества и праздники, на маскарады и т. д. Но наряду с богатыми первогильдейскими купцами были и малосостоятельные купцы третьей гильдии, ближе стоявшие к ремесленникам и

¹ ПСЗ, т. IV, № 2593; т. V, № 2788.

² П. И. Петров, ук. соч., Примечания, стр. 64—65.

массе посадского населения. Материальная неустойчивость часто приводила таких купцов к необходимости работать по найму, и дети купцов нередко пополняли ряды мастеровых и рабочих людей. В Петербурге наметились районы, где преимущественно жило купечество: таковы район Садовой улицы, ближе к Сенной площади и к вышедшему Гостиному двору, и район Каретной слободы.

Но первенствующую, руководящую роль в жизни Петербурга играло дворянство; эта особая роль дворянства в столице естественно определялась его положением как господствующего класса в Российской империи. Петр I после основания Петербурга и перенесения в него столицы принял ряд мер, понуждавших дворянство к более быстрому и массовому переселению в Петербург. Уже с первых лет существования Петербурга в нем было немало дворян, служивших при дворе и в армии. С основанием в Петербурге центральных правительственных учреждений к ним прибавилось значительное число чиновников. В 1725 г. только в гражданских центральных учреждениях было по штату около 1700 человек служащих,¹ подавляющее большинство которых принадлежало к дворянскому сословию. Еще при Петре дворянство поняло все выгоды службы в новой столице и без мер принуждения начало переселяться в Петербург.

Первые 6—7 лет после смерти Петра I внесли существенные перемены в отношение дворянства к новой столице. В годы царствования Петра II (1727—1730), когда и двор и центральные учреждения переехали в Москву, дворянство покидало Петербург. Время царствования Анны Ивановны (1730—1740) — время господства при дворе отзейских немцев — тяжело ударило по интересам русских дворян; в двух новых гвардейских полках, учрежденных в это время, — Измайловском и Конногвардейском — немцы заняли все командные должности. Дворцовый переворот 1741 г. и поцарение Елизаветы Петровны восстановили привилегированное положение русского дворянства в столице.

Жесткие требования Петра I к несению службы дворянами постепенно теряли силу и заменялись снисходительным отношением ко всем уклонениям дворян от службы. Сама служба делалась менее отягчительной, и жизнь дворян в столице с начала царствования Елизаветы Петровны стала особенно вольготной и привлекательной. Но правительства Анны Ивановны и Елизаветы Петровны не решились отменить обязательность службы для дворян. Они ограничили ее 25-летним сроком. Было разрешено и вошло в обычай записывать дворян в службу в воинские части с детских лет, чуть не с колыбели; открылась возможность в молодые годы завершать срок обязательной службы. Без труда можно было получить длительный — на полгода или даже на год — отпуск. Один из нескольких братьев в семье помещика мог для ведения хозяйства совершенно освобождаться от службы. В первой половине XVIII в. неслужащие дворяне были редким исключением в столице. Для

¹ И. Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1. М., 1831, стр. 34, кн. 2, стр. 108.

ищущих материальных выгод и карьеры обстановка в столице сделалась исключительно благоприятной. В то же время Петербург стал привлекать дворян как место, где их дети могли получить образование. К середине XVIII в. дворяне, прочно осевшие в Петербурге, стали владельцами крупных недвижимых имуществ в самой столице, а в ее окрестностях завели богатые дачи-имения. Недалеко от столицы многие из дворян получили большие земельные владения, превратившиеся за 30—40 лет в доходные имения. Щедрая раздача земель под дома, загородные дворцы и дачи привела к закреплению за дворянами огромных земельных участков в самом Петербурге. Правительство, не задумываясь, отнимало дворовую землю у ремесленников и переселяло их из центра на окраины, но земельные участки, розданные дворянам и даже принудительно за ними записанные, были неприкосновенны и превращались в их полную земельную собственность.¹

Широко развернувшееся в 1730—1750 гг. дворянское строительство сделало дворян главными собственниками недвижимостей в столице. Появляется ряд дворянских особняков, домов-усадьб с садами и большим числом служб. Громадные средства растрчивались на внешний блеск. Эту роскошь и расточительность поощрял царский двор, подражать которому стремилось дворянство в своем быту.

Но наряду с богатым и знатным дворянством в Петербурге жили дворяне, более скромно обеспеченные. Для дворян крупнопоместных жалованье за службу немного значило по сравнению с доходами от их имений. Мелкопоместный дворянин, живший на жалованье, не мог и думать о том, чтобы жить так широко, как жили дворяне-богачи. Жалованье офицера обеспечивало его необходимым, но не позволяло вести широкую жизнь с открытым для гостей домом, не позволяло иметь богатый выезд и многочисленных слуг.

В Петербурге, подобно другим городам, двор помещичьего дома в зимнее время обычно заполнялся подводами со всякими продуктами из собственных сел и деревень. При высоких ценах на продовольствие и фураж в Петербурге даровая продукция деревни практически стоила многого, и расчетливый помещик крепко держался за натуральный оброк.

Уже с первых лет основания Петербурга среди его гражданского населения появляются и иностранцы. В перестройке экономики, культуры, административно-государственного аппарата правительство Петра I стремилось использовать знание и опыт иностранцев, далеко не всегда проявляя при этом необходимую разборчивость. Наряду с действительно нужными людьми привлекались и лица, оставившие по себе печальную память. Число иностранцев возрастало по мере того, как укреплялись экономические связи Петербурга с границей. Много их переехало на берега Невы вместе с дипломатическими представителями, когда сюда была переведена столица государства. При преемниках Петра I, особенно в 30-е годы, когда при дворе господствовала немецкая партия во главе с Бироном, в Пе-

¹ ПСЗ, т. XV, № 10339.

Петербург хлынул особенно большой поток незваных иностранцев. Среди дворянства развивается пристрастие ко всему иностранному и укореняется пренебрежение к русскому. Входит в моду немецкий, а потом французский язык. Заезжие иностранцы находили покровительство при дворе и у многих знатных вельмож. Иностранцам дворяне часто поручали воспитание и обучение своих детей.

Значительную долю в населении Петербурга составляли военнослужащие. Сравнительно большой по численности военный гарнизон Петербурга состоял из гвардии, нескольких пехотных полевых (или армейских) полков и частей флота. Особую роль в жизни Петербурга стала играть после смерти Петра I гвардия. В 1725 г. военный гарнизон состоял из 4 пехотных полков численностью в 5469 человек при полном комплекте, из гвардии полков Преображенского и Семеновского численностью в 6630 человек, из частей флота: морского корабельного — 672 человека, галерного — 929 человек, адмиралтейского батальона — 748 человек, всего 14 448 человек.

Полевые армейские части, находившиеся в столице, часто сменялись, но всегда, как правило, в Петербурге расквартировывалось для несения гарнизонной службы от 2 до 4 полков. Расселяемые на короткий срок (1—2 года) среди обывателей города в их домах, они обременяли население этой отягощающей постоянной повинностью. С течением времени у полков появлялись специальные постройки (магазины для хранения имущества, здания для караулов, штаба и т. п.) в районах их обычного расквартирования. Обычным районом расквартирования была Петербургская сторона. В 50-е годы XVIII в. там были расположены солдатские слободы гарнизонных полков: С.-Петербургского, Колтовского,¹ Ямбургского, Копорского и Невского, а позднее еще Белозерского полка. На Васильевском острове была слобода Ингерманландского, а на Выборгской стороне — Софийского полка.

Два первых гвардейских полка — Преображенский и Семеновский — осенью 1723 г. были переведены из Москвы в Петербург, размещены на Петербургской стороне и с этого времени прочно осели в новой столице. В дальнейшем вся гвардия была сосредоточена в Петербурге, за исключением коротких периодов пребывания двора в Москве. Сформированные при Петре I два гвардейских полка занимали особое место в армии. Укомплектовываемые, как правило, дворянами, они при Петре I служили образцовыми частями и школой для подготовки офицерского состава армии. При преемниках Петра I устоялась особенно тесная связь между гвардией и императорским двором. Росли привилегии гвардии. Это существенно меняло ее облик. Из школы военной выучки гвардия превратилась в привилегированную часть армии с большими льготами при прохождении службы и с облегченными обязанностями для офицеров и солдат.

¹ Цели называлась по фамилии командира; еще до сих пор сохранились наименования Колтовской набережной по левому берегу реки Малой Невки и прилегающих к ней Большой, Средней и Малой Колтовских улиц; здесь когда-то располагался Колтовской волк.

В 1731 г. было сформировано два новых гвардейских полка: Измайловский и Конный. Штатная численность всех полков гвардии дошла до 9700 человек. Дворцовый переворот 1741 г., когда престол заняла Елизавета Петровна, особенно усилил роль гвардии. Новая императрица щедро вознаградила гвардейцев участников переворота. Гренадерская рота Преображенского полка была названа лейб-компанией и получила большие земельные пожалования. Всего лейб-компанцам было роздано около 14 тыс. душ крепостных крестьян. Унтер-офицеры и рядовые этой роты недворянского происхождения были возведены в потомственное дворянство. Все гвардейские нижние чины получили денежные награды. Приказано было с 1741 г. ежегодно каждому рядовому гвардейцу выдавать по 3 руб. именных денег, а впоследствии прибавлена выдача еще по 1 руб. крестинных денег на детей. С июля 1743 г. всем гвардейцам, несшим караулы в комнатах императрицы, была установлена выдача по 10 руб. в день. Если к этому добавить, что Елизавета Петровна и Екатерина II взяли за правило в дни полковых праздников посещать гвардейские полки и приглашать гвардейцев на торжества во дворец, то будет ясно, как дорожили обе императрицы близостью и хорошим расположением к себе гвардии.

Через гвардию царский двор оказывался тесно связанным с широкими массами дворянства, не исключая и дворянства отдаленных провинций. Служба в гвардии в основном сводилась к охране дворцов, к несению караулов внутри дворца, к охране царской семьи. Дворянин-гвардеец и в солдатском, и в унтер-офицерском званиях пользовался относительной свободой и не обременялся чрезмерной муштрой. Естественно, что дворянство стремилось служить в гвардейских частях.

В первой половине XVIII в. гвардейские части тоже размещались главным образом на обывательских квартирах и были тяжелой обузой для населения столицы. Правом постоя пользовался солдатский и унтер-офицерский состав вместе

Солдат. Офорт А. Дельтейна 40-х годов XVIII в.

с семьями. Военские власти и полиция, согласно законам о постое, требовали для военных не только хорошего помещения, но и предоставления дров и свечей. Постой всей тяжестью ложился на массы податного населения города.

Неудобства постоя резко выступали и с точки зрения чисто военной. Гвардейские полки были разбросаны в разных частях города, что при отсутствии постоянных мостов весьма затрудняло их сбор. Только в 1740 г. был издан указ о строительстве слобод для полков гвардии. Слобода Преображенского полка заняла пространство от нынешнего Литейного проспекта до Лиговского канала между современными улицами Салтыкова-Щедрина и Жуковского. Слобода Семеновского полка расположилась в районе между Загородным проспектом, Обводным каналом и улицами: Рузовской, Можайской, Верейской, Подольской, Серпуховской и Бронницкой; слобода Измайловского полка находилась в районе нынешних Красносармьских улиц, а слобода Конного полка — в излучине Невы, от Лиговского канала до Смольного монастыря. Устройство слобод для гвардейских полков смягчило тяготы постоя для населения, но не уничтожило его. Постой оставался обязательным в отношении других воинских частей.

Население Петербурга отражало общественный строй всей страны. Сравнительно немногочисленное привилегированное дворянство занимало господствующее положение. Многочисленные бесправные массы трудового населения новой столицы рекрутировались главным образом из крестьянства, основного производящего класса феодального общества. Руками крестьян, талантливых «умельцев», создавались замечательные архитектурные памятники невосковой столицы. Крестьяне же составляли основную массу рабочих людей петербургских мануфактур. Часть из них переселялась в город на вечное житье, превращалась в постоянные кадры рабочих людей. Немало было их и среди ремесленников столицы. В Петербурге приобретали все большее значение и силу новые предприниматели: люди, вкладывающие крупные капиталы в мануфактуры, промышленные заведения, в торговлю, в транспорт, строительство и т. п. Многие из них также выходили из крестьян. В составе населения Петербурга отражался процесс выделения крепостной Россией новых, пока еще немногочисленных представителей классов нарождающегося буржуазного общества. Но эти ростки нового в Петербурге, как и во всей стране, еще тонули в толще господствующих крепостнических порядков.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА ПЕТЕРБУРГА ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

 Исследования по истории русской архитектуры и градостроительства дают многочисленные доказательства того, что в Московской Руси строительство городов осуществлялось по «росписям», которые выполнялись в Москве и после одобрения царем рассылались воеводам для исполнения. В первые годы строительства Петербурга планировка города производилась по «росписи», по установившемуся порядку. Строительство Петербурга продолжало старые русские традиции градостроительства.

Одновременно с сооружением Петропавловской крепости, на ближайшем Березовом острове, отделенном от нее протоком Невы, началась постройка поселения. Вдоль южного берега Березового острова, названного Городским, был устроен порт, рядом с которым возникла торговая площадь со складами, амбарами и первым гостиним двором. Она получила название Троицкой по заложению на ней в октябре 1703 г. деревянному собору св. Троицы. Здесь же рядом с портом Петр построил свой первый «дворец», который сохранился до наших дней под названием домика Петра Великого.

Вначале жилая застройка располагалась тремя группами. Первая группа домов тянулась по берегу Невы вверх и шла дальше на север по восточному берегу острова вдоль Большой Невки до Карповки. Здесь жили «именитые люди». Вторая группа возникла к северу от Троицкой площади, в районе нынешней улицы Куйбышева, и третья — на северо-запад от крепости, в районе современного проспекта Добролюбова.

Так возникли характерные для старых русских городов слободы, заселявшиеся по сословным и профессиональным признакам, что нашло отражение в наименованиях образовавшихся позднее улиц: Большая и Малая Дворянские улицы, Пушкарская, Ружейная, Посадские, Монетные.

Другим центром застройки города явилось сооруженное на противоположном берегу Невы по рисунку Петра Адмиралтейство с судостроительной верфью.

Длинное П-образное здание мастерских и складов окружало выходявший на Неву прямоугольный участок земли, на котором располагались эллинги. В центре среднего южного корпуса возвышалась деревянная башня с высоким крытым железом шпилем. Со стороны суши здание было окружено земляным валом с шестью бастионами. Перед крепостью была создана широкая открытая площадь — гласис, которая по требованиям стратегии того времени не должна была застраиваться (впоследствии Дворцовая и Петровская площади).

Сооружение Адмиралтейской верфи вызвало застройку прилегающей к ней территории домами, складами, вспомогательными мастерскими. Так возникла Морская слобода — будущая Адмиралтейская часть столицы.

Характерной особенностью первоначальной застройки города является расположение зданий преимущественно по берегам Невы, ее рукавов и протоков. На берегу Невы возникла первая торговая, она же парадная Троицкая площадь (ныне площадь Революции). На набережных сосредоточиваются лучшие жилые здания — дворцы царя и знати. Первые парадные ансамбли столицы создавались по берегам Невы.

Первоначально здания Петербурга строились из дерева, так как лес был единственным в изобилии имевшимся под руками строительным материалом. Они повторяли традиционный тип городской жилой избы или развившийся из нее тип деревянных городских «хором». В угоду вкусам Петра фасады новых домов украшались фронтонами с островерхими башенками, по тесовой обшивке расписывались под кирпич и камень. Об этом характерном архитектурном облике петербургских домов раннего периода можно судить по домику Петра, построенному в 1703 г. Этот первый «дворец» Петра состоит из двух комнат-светелок, разделенных сенями и кухней. Планировка его повторяет планировку традиционной русской избы.

Границы города на первом этапе строительства (с 1703 по 1709 г., до Полтавской победы) на Петербургском острове шли по Большой Невке и Карповке, а на Адмиралтейском острове — по Мойке. Васильевский остров первоначально предполагалось отвести целиком под строительство домов Меншикова с садом. Однако характер заселения Васильевского острова вскоре был изменен.

Несмотря на принудительные меры переселения, строительство в городе до 1709 г. развивалось сравнительно медленно и только с устранением непосредственной военной угрозы темпы застройки значительно ускорились.

По указу Петра для жилых домов архитектор Трезини разработал типовые проекты, ярко отразившие классовую структуру феодального общества. Дома для

Петербург. Гравюра П. Шкарта 1716 г.

«именитых», «зажиточных» и «подлых» людей отличались друг от друга не только размерами, планировкой и этажностью (два этажа, этаж с мезонином, один этаж), но и богатством архитектурного оформления их фасадов.

Такое единообразие обеспечивало минимум архитектурных требований. Желающие строить дома по своим чертежам должны были апробировать эти чертежи у архитекторов. Лишь во внутренней отделке застройщики были свободны.

Учитывая большое международное значение перенесения столицы в Петербург и значение Невы как основной транспортной магистрали города, правительство указами обязывало на берегах Невы и ее главных протоков строить каменные здания. В связи с этим на набережной от Летнего сада до Адмиралтейства строилось после 1709 г. большое количество монументальных каменных и мазанковых зданий знати, далеко превосходящих «образцовые дома» Трезини.

Дома вельмож строились также на территории, расположенной от Летнего сада вверх по Неве.

Сооружение Литейного двора в начале нынешнего Литейного проспекта, Смоляного двора на месте бывшего села Спасского, где позже был выстроен Смольный монастырь, Партикулярной верфи, Александро-Невской лавры вызвало появление около этих зданий новых слобод.

Паряду с деревянным строительством развивалось и более огнестойкое — мазанковое и каменное. Границы города значительно расширялись: в них входили Петропавловская крепость, Городской остров (Петербургская сторона), Адмиралтейский остров, Выборгская и Московская стороны.

В связи с развитием судостроения появились подсобные сооружения в районе между Невой и Мойкой.

В период 1709—1717 гг. сложились ансамбли береговой застройки от Адмиралтейства до Смоляного двора и береговая застройка на Большой Неве Городского острова.

Представить себе общий облик города к концу второго десятилетия XVIII в. можно не только по описаниям, но и по дошедшей до нашего времени большой гравированной в 1716 г. А. Зубовым панораме Петербурга, дополненной одиннадцатью видами города и его окрестностей. К 1725 г. относится серия гравированных рисунков-панорам Петербурга, выполненных Х. Марселлусом. О характере архитектуры петровского Петербурга дают также представление сохранившиеся до нашего времени архитектурные памятники того времени.

К началу 20-х годов XVIII в. Петропавловская крепость уже значительно изменила свой первоначальный вид, как об этом можно судить по панораме Зубова. Земляные валы и бастионы начали заменяться — в первую очередь с Невы — кирпичными на каменном цоколе. С восточной стороны в крепость вели главные Петровские ворота, сооруженные архитектором Доменико Трезини в 1708 г. из дерева, а в 1717—1718 гг. выполненные по его же проекту из камня. Они сохранились до нашего времени с незначительными изменениями. Это — красивое и пышное сооружение, созданное в стиле итальянского и немецкого барокко. Одновременно с закладкой и началом работ по сооружению самой крепости (в 1703 г.) внутри нее была начата постройкой первая петербургская церковь апостолов Петра и Павла. Это была «крещатая» в плане, рубленая из дерева церковь, по одним данным — с тремя шпильми, а по другим данным — только с одним центральным куполом.

В 1712 г. в Петропавловской крепости началось строительство взамен деревянной церкви большого каменного собора по проекту, разработанному Доменико Трезини. Новый Петропавловский собор явился самым крупным и значительным архитектурным памятником петровского Петербурга. Трезини задумал его в отступление от традиционных канонических требований русской церковной архитектуры в виде так называемой трехнефной базилики, т. е. длинного зала, разделенного двумя рядами колонн на три части.

Архитектура собора, суховатая по рисунку и пластике деталей, не представляла бы собой ничего замечательного, если бы не была выполнена, по указаниям Петра, выразительная, прекрасная по силуэту башня-колокольня, увенчанная стройным золотым шпилем и парящим ангелом с крестом. Фигура ангела (6,5 м в поперечнике) служила грандиозным флюгером. Колокольня Петропавловского собора, высота которой до верхушки креста равна 106 м, была самым высоким зданием России. Грандиозный шпиль, часы с курантами, необычный силуэт башни придавали церковному сооружению светский характер. Собор был закончен только в 1733 г., но колокольня, постройку которой Петр особенно торопил, была завер-

*Петровские ворота Петропавловской крепости. Построены в 1718 г.
Архитектор Д. Трезини.*

шена уже к 1723 г. Над разработкой проекта вместе с Трезини работали русские «гезели» Устинов, а также Земцов и ученики Несмеянов и Зайцев.¹

Исключительный по богатству и композиции резной, деревянный, золоченый иконостас собора был выполнен русскими мастерами Трофимом Ивановым, Иваном Телогою и Петром Пузиковым по проекту московского архитектора Ивана Зарудного. Участие русских архитекторов и мастеров сказалось в том, что, судя по старинным изображениям собора, характеру архитектурных деталей, орнамента и т. п., он имел много общего с московской классической архитектурой, в частности с архитектурой Меншиковской башни. Собор, значительно поврежденный в 1756 г. пожаром, возникшим от удара молнии, был восстановлен во второй половине

¹ ЦГИАЛ, Гофинг. конт., ф. 470, оп. 5, протокола Канцелярии ст. строений, д. 19, л. 61.— Звание «гезели» в петровское время получали ученики архитектуры, когда заканчивалось их обучение у архитектора и они по существу делались его помощниками.

XVIII в., но со значительными искажениями и изменениями внешнего вида его деталей. Наименьшим искажениям подвергся восточный фасад собора. Он повторяет общий прием композиции Петровских ворот, но в иных пропорциях и другом, менее суровом, характере деталей. Возникшая по мысли и заданию Петра колокольня Петропавловского собора стала, как говорят архитекторы, «архитектурной доминантой» города, оживляющей спящую общую застройку, вносящей живописность в силуэт города. В ясные дни ее золотой шпиль виден из разных и далеких точек, в частности он замыкает новую, созданную в советское время перспективу Московского шоссе (ныне проспект имени И. В. Сталина), которая определяет направление Пулковского меридиана.

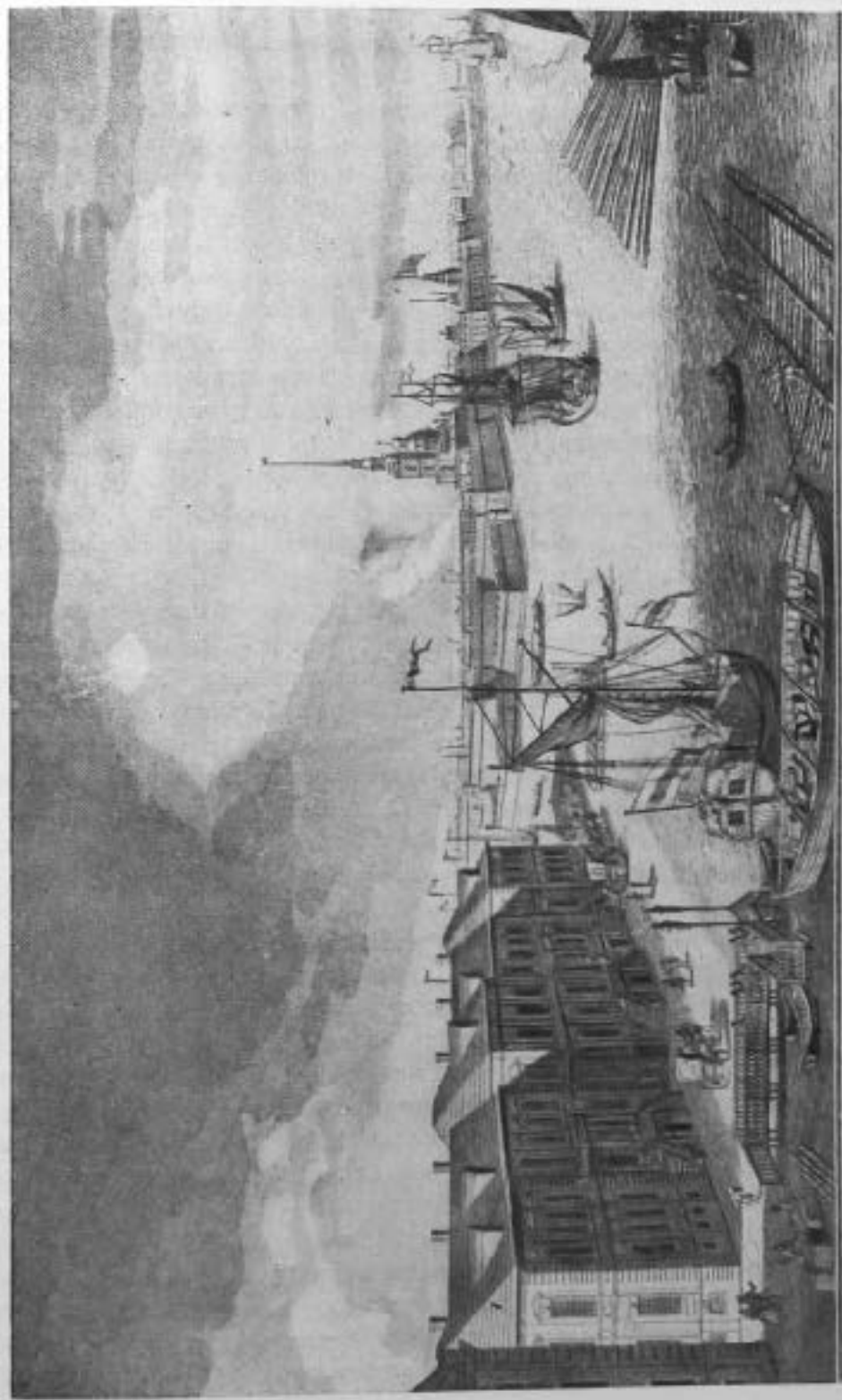
Соединенная мостом с Петропавловской крепостью, разместилась на Городском острове Троицкая площадь. У площади, как было указано, недалеко от берега стоял первый деревянный дом Петра I; в глубине, на месте нынешней мечети, находились мазанковые торговые ряды, построенные вместо сгоревших в 1710 г. деревянных рядов. Это был первый гостиний двор Петербурга, прямоугольное в плане двухэтажное здание с большим внутренним двором, пересеченным поперек каналом. Здесь же, на Троицкой площади, стояли также мазанковые здания таможи и правительственных учреждений Сената и Коллегий. Построенное архитектором Трезини в 1714 г. здание, в котором разместились учрежденные позже коллегии, состояло как бы из шести отдельных двухэтажных объемов, поставленных в одну линию вилотную друг к другу и перекрытых самостоятельными двухъярусными с переломом (на четыре ската) так называемыми зальмовыми крышами.

Перед ними на площади в 1714 г. была сооружена триумфальная пирамида. Между домиком Петра и гостиним двором стояла церковь св. Троицы.

Троицкий собор, если судить по старинной гравюре, был небольшим сооружением, крестовым в плане, с повышенной квадратной центральной частью, использованной под колокольню, завершенную пологим криволинейным куполом — шатром, с тонким невысоким шпилем.

Весь юго-восточный угол Петербургской стороны, ограниченный с суши нынешними Большой Вульфовой улицей, улицей Скороходова и Кировским проспектом, уже в то время был застроен. Эта застройка подходила с востока к Троицкой площади.

Крайним, ближайшим к Коллегиям, был двухэтажный, на высоком подвале, мазанковый, но самый богатый по архитектуре дом «светлейшего князя» Меншикова. В нем обычно происходили торжественные приемы иностранных послов, устраивавшиеся в «аудиенц камере» — парадном зале этого называвшегося иностранцами «Посольского» дворца. Меншиковский дом, построенный «пзкоем», в центре главного фасада имел высокое крыльцо; фасады его были украшены пилястрами и лепными золочеными оконными наличниками. Рядом с ним находился дом генерал-майора В. И. Гешина, большой по объему, с высокой черепичной кровлей, но простой по архитектуре, не имевший никаких декоративных деталей. Близок по ха-

Академия Наук (глава). Деталь гравюры Е. Винсерадова 1753 г. с рисунка М. Махеев.

рактору архитектуры был примыкающий к нему дом коменданта города генерал-майора Р. В. Брюса.

Следующие два дома отличались от предшествующих этажностью; они производят впечатление домов с мезонинами, первый — дом обер-комиссара У. А. Сивявина, в котором позже расположилась контора Канцелярии от стрелецкой, второй — дом стольника И. К. Пушкина.

Примерно такой же характер имели и остальные дома, стоявшие на набережных Городского острова, выстроенные в первое десятилетие жизни города.

Их особенности проявлялись не только во внешних архитектурных чертах, в строго симметричных приемах композиции, но и в новой планировке, обусловленной изменившимся бытовым укладом жизни петровских вельмож и знати. Большие окна второго этажа подчеркивали размещение в нем парадных комнат для приема гостей; первые этажи с меньшей высотой и меньшими размерами окон предназначались для служебных надобностей, в мезонинах были расположены жилые комнаты. Сам дом ставился открыто, на виду, по фронту набережной, что свидетельствовало о стремлении нарушить прежнюю замкнутость образа жизни.

На северо-запад от Петропавловской крепости существовала уже сетка улиц, почти радиально идущих от кронверка: будущих Гулярной, Съезжинской, Зверлинской, Блохина. У реки Ждановки, которая тогда называлась Болотным протоком и начиналась от самой Большой Невы, стоял большой прямоугольный «мытный двор» (давший наименование Мытнинской набережной).

На Адмиралтейском острове, начиная от взморья, первым значительным сооружением была Галерная верфь, созданная в 1712 г. Выше нее, на участке, соответствующем современной набережной Красного флота, берег был застроен складами кораблестроительных материалов, вспомогательными мастерскими, эллингами, для которых на территории Адмиралтейской верфи уже не хватало места.

На нынешней площади Декабристов, у Невы, в 1718 г. начала строиться каменная церковь Исаакия Далматского. Она была заложена вместо первоначально существовавшей деревянной церкви и к концу жизни Петра еще оставалась недостроенной (окончена в 1730 г.). Далее находилось Адмиралтейство.

Вокруг Адмиралтейства шла городская застройка. Она заполнила не только собственно Адмиралтейский остров, но и перекинулась на другой берег реки Мойки, доходя до речки, называвшейся Кривуши (позднее Екатерининский канал, ныне канал Грибоедова), в районе Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова). Здесь образовалось одиннадцать слобод; их названия — Большая и Малая Морские, Пушкарская, Прядильная, три Шневенских, Офицерская, Кузнечная — говорят о профессиях населения, связанного с Адмиралтейской верфью. К этому времени начали складываться многие из улиц этой части города, сохранившие свои наименования от слобод, по которым они проходили: Большая и Малая Морские (улицы Герцена и Гоголя), Кирпичный переулок, Галерная улица (Красная) и др. О ха-

рактуре застройки слобод говорить трудно из-за отсутствия достоверных материалов. В большинстве это были примитивные деревянные или мазанковые дома, в лучшем случае построенные по проектам «образцовых домов».

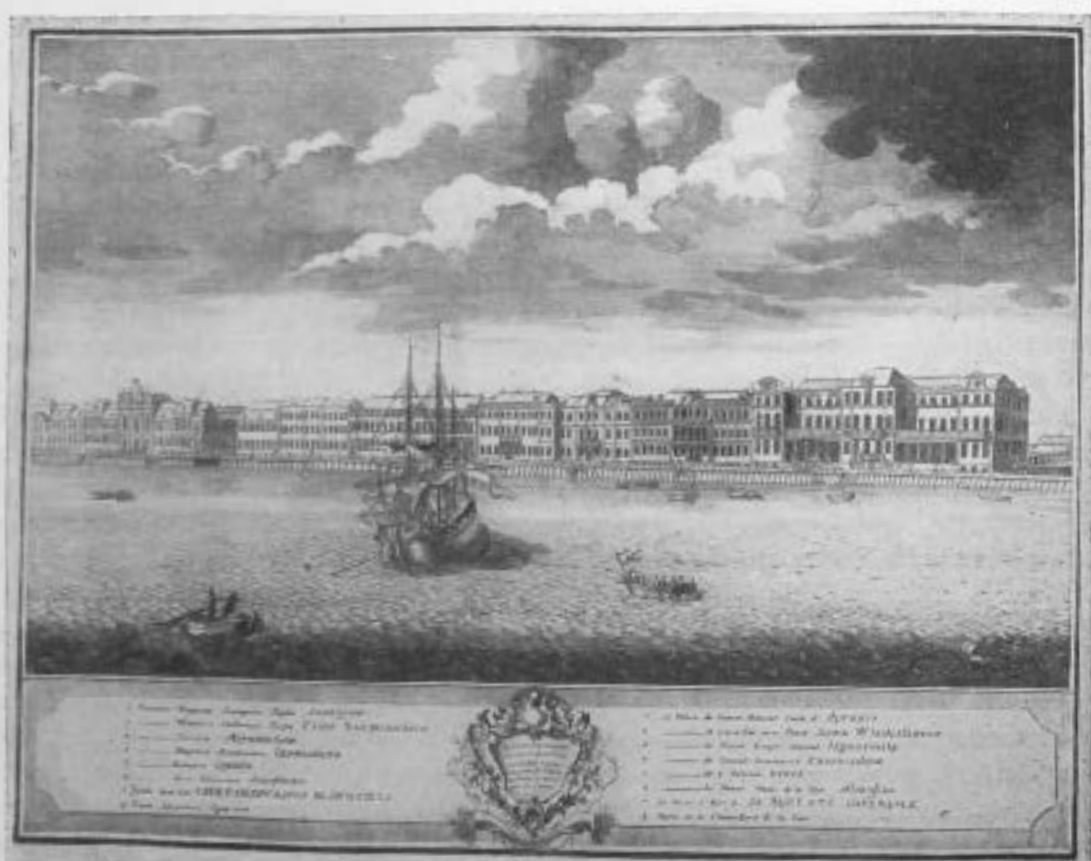
К 1716 г. начала складываться многолучевая композиция планировки улиц, ориентированных на башню Адмиралтейства.

Первым лучом явилась Миллисская улица (ныне улица Халтурина). Второй луч — Невский проспект — был проложен в 1711 г. для улучшения связи Адмиралтейского острова со старой дорогой, которая вела на Москву и Новгород к берегам Невы. Следующие три луча доходили только до реки Мойки. Последний луч (шестой) — будущий Вознесенский проспект — в то время доходил только до реки Фонтанки.

К этому времени началась также застройка Невского проспекта от его начала до реки Мойки. Здесь у Адмиралтейского луга на месте пересечения улицы Гоголя и Кирпичного переулка стояло здание Невского подворья, принадлежавшего Александро-Невскому монастырю. Это было скромное двухэтажное здание с двумя мезонинчиками с высокой мансардного типа крышей. У деревянного моста через Мойку стоял мазанковый двухэтажный гостинный двор с характерным для этого назначения зданий планом в виде замкнутого четырехугольника с внутренним двором и опоясывающей его фасад двухъярусной открытой галереей на арках. За гостинным двором, вдоль Кирпичного переулка и Мойки, располагались торговые мясные и рыбные ряды. По другую сторону Невской перспективы у луга возник Морской рынок с санными, деревянными и съестными рядами, а ближе к углу адмиралтейских укреплений стоял трактир «Петровское кружало». В 1705 г. достраивался на участке, выходящем на Невский, Мойку и улицу Герцена, дом адмирала Крюйса. Он интересен своей постановкой: фасады его двухэтажных флигелей выходили на Мойку и теперешнюю улицу Герцена, а к Невскому был обращен задний глухой фасад служебного одноэтажного здания. Это заставляет предположить, что в первые годы застройки города Мойка как водная дорога являлась более важной городской магистралью, чем Невская перспектива, возникшая сначала только как прагматическая дорога.

Остальная территория, ограниченная реками Мойкой, Фонтанкой и нынешним Невским проспектом (Невской дорогой), являлась собственностью Екатерины I, которой Петр подарил находившееся здесь шведское поместье «Перушина» (Перукасаари) с окружающими землями, покрытыми болотистым лесом, смесью низкорослых лиственных и хвойных деревьев. Примерно в середине этой территории было большое болото, из которого вытекали речки Кривуши (будущий канал Грибоедова) и Мойка. Екатерина начала застраивать этот участок после 1712 г., когда он был уже несколько осушен, для чего Мойка была соединена с Фонтанкой.

Для завершения картины Адмиралтейского острова следует вернуться к Адмиралтейству и представить себе часть города, раскинувшуюся от него вверх по левому берегу Невы. Незастроенная площадь на восток от Адмиралтейской

Дворцовая набережная. Гравюра первой половины XVIII в.

верфи (ныне Дворцовая площадь) долгое время просто называлась лугом, вдоль которого по берегу Невы начиналась застройка, образующая так называемую Миллионную линию. Здесь селились знатнейшие дворяне и мастера, имеющие отношение к морскому флоту. Ближайшим к Адмиралтейству был трехэтажный дом генерал-адмирала Апраксина, построенный Растрелли и стоявший на месте Зимнего дворца. Дом Апраксина считался современниками чуть ли не самым богатым и нарядным зданием новой столицы. Главным своим фасадом он выходил на Неву. Парадный второй этаж с высокими окнами был опоясан почти сливающимися в один балконами, которые в западающих частях фасада поддерживались спаренными колоннами. Ближайшие к углам окна центрального, несколько повышенного выступа фасада во всех трех этажах были обрамлены нишами. На всех углах здания стояли венчающие их скульптуры. Такими изображены эти «пышные», по представлению современников, хоромы на рисунке Марселлиуса 1725 г. Весь изображенный на этом рисунке отрезок набережной был застроен сплошь трех- и двух-

Летний сад. Гравюра А. Зубова 1716 г.

этажными домами, хотя и поироче видом. Они стояли вплотную один к другому. Это дома С. И. Рагузинского, П. И. Ягужинского, Г. П. Чернышева, вице-адмирала Брюйса, гоф-маршала Д. А. Шеншелева, шталмейстера Р. М. Кошелева, вице-адмирала Броуна, второй Зимний дворец. Кроме домов титулованной знати, на набережной имелись дома корабельных мастеров Меньшикова и Пальчикова.¹

На Миллионной линии находился первый Зимний дворец Петра, построенный в 1711 г. Расширенный в 1725 г. взамен уже не существовавшего к этому времени первого Зимнего дворца второй Зимний дворец, изображение которого дошло до нас на гравюре А. Зубова 1716 г., стоял на набережной сразу за каналом, получившим позже название Зимней канавки. На гравюре видно устье этого канала

¹ ЦГИАЛ, Мин. имп. двора, ф. 485, сп. 9, д. 470.

с перекинутым через него подъемным деревянным мостиком. За ним виднеется здание дворца, сложное по композиции и силуэту: два симметричных павильона с тройным фасадным делением, повышенной средней частью фасада, с ломаными двухъярусными высокими крышами сжимают более высокий центральный павильон с четырьмя объединяющими два этажа коринфскими колоннами. Деревянная набережная с наклонной стенкой, местами прорезанной спусками-лестницами, ограждена украшенными скульптурой каменными перилами. За этим выходящим на набережную рядом домов находился второй ряд, обращенный фасадами непосредственно на Миллионную линию. Первыми в этом ряду (за домом Апраксина) были каменные палаты Кикина.

Застройка вдоль набережной Невы и Миллионной линии тянулась до Царицына луга — современного Марсова поля — и заканчивалась у него мазаковым двухэтажным зданием Почтового двора, в котором приезжающие в Петербург могли останавливаться.

Вся территория между Адмиралтейством и Фонтанкой, Невой и Мойкой была освоена и застроена. Мойку соединили с Фонтанкой, а также с Невой, для чего были прорыты три канала, получившие наименования Лебяжьей канавки, Красного канала (позже засыпанного) и Зимней канавки.

Между Красным каналом и Лебяжьей канавкой простирался большой луг, получивший название Царицына луга. За лугом от Лебяжьей канавки до реки Фонтанки расположился Летний сад с Летним дворцом Петра.

В первые годы строительства Петербурга ближайшими помощниками Петра были наряду с Доменико Трезини русские зодчие Иван Матвеев и Федор Васильев. Особенной любовью Петра пользовался Иван Матвеев. К 1707 г. (год смерти Ивана Матвеева) благодаря его энергичной деятельности было осуществлено большое количество работ по планировке, посадке деревьев и устройству фонтанов в Летнем саду. Эти работы в основном определили будущий облик первой царской летней резиденции в Петербурге.

После смерти Матвеева постройку Летнего дворца осуществлял Доменико Трезини в характере, очень близком к проекту образцового дома «для именитых». Сам дворец поэтому получился скромным и простым, но весь комплекс Летнего сада все же был царской резиденцией — представительной и богатой. Летний сад стал третьей точкой, закрепившей вместе с Петропавловской крепостью и Адмиралтейством пространственный связанный с Невой архитектурный центр нового города.

Летний дворец, дошедший до нас почти без изменений, представляет собою крытый черепицей двухэтажный, в плане прямоугольный, каменный дом, в котором вокруг небольшого вестибюля с лестницей группируются семь-восемь помещений в каждом этаже. Архитектура его фасадов чрезвычайно скромна. Торцовые короткие фасады имеют по шесть окон в этаже, длинные параллельные Неве фасады по восемь и девять окон в этаже. Окна обрамлены наличниками простого

*Дворец в Летнем саду. Построен в 1710—1714 гг. Архитекторы Д. Трезини и А. Шлютер. Акварель К. Бессрола первой половины XIX в.
Государственный Русский музей.*

рисунка. Все богатство декора состоит в лепных украшениях карниза, в легких барельефах на мифологические сюжеты и превосходной скульптурной композиции из знамен, арматуры, гениев-амуров, помещенной над главным входом во дворец. На крыше находился металлический флюгер красивого рисунка, изображающий Георгия-победоносца на коне, поражающего копьём дракона. Простые и скромные внутренние помещения дворца чрезвычайно интересны. Особенно хороши лестницы и так называемая «зеленая комната» второго этажа, служившая кабинетом Екатерины I.

К отделке дворца, строительство которого продолжалось в течение нескольких лет, помимо Трезини, привлекались архитекторы Андреас Шлютер, М. Г. Земцов и Никола Микетти. Они не только наблюдали за строительством, но и улучшали архитектурный облик дворца своими творческими предложениями. Так же коллективно на протяжении почти двух десятилетий создавался весь ансамбль Летнего сада, который уже в 1712 г., по словам современников, производил впечатление благоустроенного и большого парка.

На значительных архитектурных сооружениях Летнего сада следует еще назвать грот и более поздние «зал славных торжествований» и «галерею на круглых столбах». Грот, постройка которого в 1724 г. была поручена Земцову,¹ состоял из одного зала, разделенного на три части двумя арками; боковые части были перекрыты довольно плоскими куполами, средняя часть перекрывалась высоким вытянутым кверху куполом, прорезанным четырьмя большими овальными окнами и завершенным световым барабаном с восемью окнами. Грот, как внутри, так и снаружи обильно украшенный скульптурой и лепкой, являлся первоклассным произведением садово-парковой архитектуры, характер которой уже предвещал пышные и живописные произведения мастеров середины XVIII в. Растрелли и Чевакинского. Земцов руководил расстановкой по аллеям скульптур, завершая облик Летнего сада петровского времени. В 1725 г. им были построены новый павильон — «зал славных торжествований» — и против него «галерея на круглых столбах», явившиеся его первыми вполне самостоятельными работами. «Зал славных торжествований» — прямоугольное в плане здание, состоящее из одного большого зала для празднеств и четырех небольших служебных помещений, размещенных в двух более низких пристройках. Композиция этого здания показывает Земцова как зрелого мастера, стремящегося к классической строгости и простоте, несмотря на близкое соприкосновение в работе с архитекторами-иностранцами — представителями западноевропейского барокко (Андреас Шлютер, Микетти и др.).

Михаил Григорьевич Земцов был одним из выучеников Петра и оказал своим творчеством значительное влияние на развитие русской архитектуры XVIII в. Он родился в Москве в 1688 г. и в 1710 г. стал учеником Доменико Трезини. В 1719 г. Земцов в качестве «гезеля» помогает архитектору Микетти и затем заменяет его на постройке Екатерининтальского дворца в Таллине. Петр, интересуясь ростом своих русских архитекторов, заметил Земцова и отправил его в Швецию ознакомиться со строительством в близких к Петербургу климатических условиях. По его возвращении в Россию Петр передал Земцову руководство всеми важными постройками, заменяя им постепенно кратковременных гастролеров-иностранцев. Земцов с честью выполнял эти поручения, все полнее включаясь в решение архитектурных, строительных и градостроительных задач, связанных с бурным развитием молодого города. Выросший в условиях зоренного русского быта, среди старинных московских памятников, он создал произведения, отличающиеся от сооружений мастеров-иностранцев. Умер Земцов осенью 1743 г.

Возникновение и развитие ансамбля Летнего сада способствовало застройке берегов Фонтанки. Однако главной причиной быстрого освоения этого района являлось создание Литейного двора, ставшего основной материальной базой артиллерии молодого русского флота и укреплений Петербурга. В 1711 г. были начаты

¹ Указ Петра I Земцову сделать грот новый от 18 октября 1724 г. ЦРНАД, ф. Канцелярии от строений, оп. 2, кн. 44, л. 1291.

подготовительные работы, а в 1714 г. постройка основных зданий Литейного двора уже закончилась. Место для Литейного двора было выбрано на берегу Невы, и от него была прорублена просека до Невской дороги, или «перспективы», получившая название Литейной перспективы. В 1714 г. вблизи Литейного двора, на восточной стороне Литейной перспективы, возник Пушечный двор. На участках обоих дворов с 1714 по 1717 г. расположились Литейная и Пушкарская слободы.

Из отдельных построек этого района (судя по гравюре А. Зубова) выделялся дом сына Петра Алексея. Это было довольно большое в двенадцать окон одноэтажное здание с мезонином, мавсардой и центральным входом, к которому вело высокое крыльцо с двумя фонарями по бокам. Рядом с ним находился каменный дом царевны Натальи Алексеевны. Убранство этого дома сводилось к орнаментальному фризу, идущему над окнами второго этажа по гладь стен, да к устройству двух крылец и палсадника перед домом. Архитектура этих домов близка к архитектуре домов Спассина и Пушкина на Городском острове.

Из несуществующих построек этого района на гравюре А. Зубова выделялось большое двухэтажное здание, состоявшее как бы из трех частей, средняя из которых была повышена в виде мезонина и три окна, увенчанного крутым фронтоном. Каждая часть дома перекрывалась самостоятельными двухъярусными с переломом высокими крышами. Гладкий оштукатуренный фасад оживлялся только легкими выступами боковых флигелей и живописным распределением окон. Отдельные архитектурные детали дома напоминают московскую архитектуру XVII в. Так, крутые фронтоны имеют общие черты с аналогичными фронтонами-закомарами московских церквей конца XVII в. (например церковь св. Петра в Петровско-Разумовском близ Москвы — около 1692 г.).

Дальше вверх по берегу Невы шли дом Голицына, Монетный двор, Мануфактурный двор, дом Головкина и Капеллярня дворцового строения. Еще дальше по дороге к Смольному двору стоял каменный дом одного из помощников Петра — Кикина. Это здание имело много общего с рядом дворцов царя и знати, построенных в петровское время в Петербурге и Москве. План его является почти точной копией Большого дворца в Петергофе. Каменный остов «Кикиных палат» в настоящее время реставрирован, и по нему можно составить представление о городских каменных палатах петровского времени.

Вблизи от дома Кикина находился устроенный им же Смольный двор, снабжавший смолою и дегтем Адмиралтейскую верфь и флот, а у проезда к Смольному двору в 1720 г. Петр I построил небольшой загородный дворец, получивший название Смольного дворца. Если не считать Александро-Невской лавры, то этим уже считавшимся загородным Смольным дворцом заканчивалась нельская панорама Петербурга.

В 1710 г. Петр приказал строить Александро-Невский монастырь. Уже в 1714 г. была построена деревянная церковь Благовещения, а в 1713 г. временные монастырские кельи.

Первоначальный проект Александро-Невской лавры был разработан Доменико Трезини в 1715 г., и в 1716 г. началось строительство. Трезини задумал строить лавру в виде единого здания, охватывающего большой прямоугольный двор с трех сторон с небольшими крыльями на четвертую сторону. Длинный параллельный берегу Невы корпус должен был состоять из шести одинаковых двухэтажных флигелей, попарно ступенчато отступающих внутрь к центру всей композиции — собору, увенчанному колокольней со шпилем, похожей на колокольню Петропавловской крепости. Со стороны Невы, перед зданием, Трезини предполагал устроить сад с шестью фонтанами, обнесенный затейливой монументальной оградой. Так выглядит замысел Трезини на гравюре А. Зубова. Придерживаясь первоначального утвержденного Петром проекта, в 1724 г. архитектор Швертфегер¹ закончил строительство нижней Благовещенской церкви, а также примыкающих к ней ступенчатых корпусов монастырских келий. Центральный собор и южные ступенчатые корпуса при Петре так и не были достроены. Собор же был построен по новому проекту архитектором Старовым во второй половине XVIII в.

Александро-Невская лавра является характерным и интересным памятником архитектуры петровского Петербурга. Очень сдержанно, просто и тонко нарисованная архитектура фасадов церквей, прекрасно найденные пропорции окон, обрамленных наличниками изящного рисунка, скромная, вносящая оживление лепка, двухцветная белая с голубовато-синим раскраска, общий живописный силуэт лаврских построек со стройными барабанами и куполами угловых церквей — все в целом является образцом жизнерадостной русской архитектуры XVIII в.

В районе нынешней Малой Охты вдоль берега была построена для переведенцев деревенька с ветряными мельницами и церковью. По обоим берегам Охты вглубь от берега Невы стояли остатки шведского городка Ниеншанца. Ниже по течению Невы находилась деревня Охта, за которой тянулся пустынный, незастроенный берег. Дальше, примерно в районе нынешней Тимофеевской улицы, раскинулась вдоль берега Козова слобода. За ней начиналась редкая новая застройка: восковые заводы и здание морского госпиталя. Морской госпиталь и госпитальная церковь начали строиться по проекту Трезини, но при его жизни так и не были закончены. На повороте берега у начала Большой Невки в 1709 г. была построена деревянная церковь св. Сампсония, на месте которой в 1728 г. началась постройка существующей в настоящее время каменной церкви. Вокруг церкви возникла Сампсониевская слобода, тянувшаяся до Фризова переулка; она вскоре слилась с возникшим рядом слободами для работников Канцелярии от строений. Вблизи устья новодеревенской Черной речки на одном из планов² показан загородный дом Краснова. Дальше по правому берегу Большой Невки

¹ ЦГАЛ, Гофшт. конт., ф. 470, оп. 5, л. 119, лл. 30—32 об.

² План П. Племинникова 1725 г., приложен к книге: А. В. Предтеченский. Петербург петровского времени. Л., 1948.

построек не было, и только у самого устья, чуть выше стрелки Елагинского острова, на том же плане показан чей-то загородный дворец.

Обзор панорамы Петербурга 20-х годов XVIII столетия позволяет сделать некоторые выводы. Город рос и развивался не из одного места, постепенно расширяясь концентрически, как это чаще всего бывало. В первые годы существования Петербурга в нем намечилось несколько центров развития на ближайшее столетие. Петропавловская крепость, Адмиралтейская верфь и Летний дворец с садом были этими центрами. Александро-Невская лавра, Смольный двор, Литейный двор, Морской госпиталь, слободы Выборгской стороны, острова, Галерная гавань, Галерный двор в Новой Голландии со всеми возникшими одновременно слободами, Невская перспектива определили основной, идущий с востока на запад, восьмикилометровый поперечник города.

Размещение населения происходило по классовому принципу. Правящая верхушка — вельможи — высшее офицерство и чиновничество сиделись вблизи царских резиденций и государственных учреждений. Это — прибрежные части Городского острова у Петропавловской крепости; это — береговая линия от Адмиралтейства до Летнего сада и далее вверх по Неве; это — набережная Невы у стрелки Васильевского острова. Чины поменьше солились во вторых и третьих линиях и трудящееся население — по своим слободам вблизи места работы.

Как можно судить по основным архитектурным памятникам петровского времени, характер архитектуры был прост, логичен и деловит. Задачи представительности и парадности новой столицы достигались не пышной архитектурной декорацией фасадов, свойственной архитектуре западноевропейского барокко, а использованием природных условий, умелым размещением архитектурных центров города, оживлением силуэта застройки, общим живописным духом, пронизывавшим архитектуру. Это были черты национального русского искусства, позволившие Петербургу, несмотря на участие в его застройке иностранных мастеров, не только сохранить национальное лицо русского города, но и влить новую, свежую струю в мировую архитектуру.

В первые годы существования молодого города его застройка была редкой и разбросанной. Преобладали мелкие, в массе одноэтажные дома, деревянные и мазанковые, бутафорски разделанные под кирпич и камень, с тесовыми или из деревянной черепицы крышами, часто покрытыми для предохранения от пожаров дерном. Церквей и крупных зданий было мало. Низменные и топкие берега еще не имели набережных. Однако уже и в эти годы город поражал, по свидетельству приезжавших из-за границы гостей, своей кипучей жизнью, энергичным строительством, оживленной Невой.

Для руководства строительством города во всем его многообразии нужна была армия архитекторов, техников, художников, мастеров разных специальностей. В Москве, конечно, имелись свои зодчие, но их было мало да они, с точки зрения Петра, и не подходили к разрешению тех задач, какие он перед собой ставил.

Поэтому Петр, желая создать город, не уступающий лучшим европейским столицам, выписывал из разных стран Западной Европы — Голландии, Германии, Франции и Италии — архитекторов, инженеров, строительных мастеров.

Однако иностранные мастера, принося с собой западные влияния, сами подчинялись традициям национальной русской архитектуры и создавали архитектурные произведения, по существу своему глубоко отличные от западноевропейских. Огромную роль в создании нового города сыграли русские зодчие. К их числу принадлежат: Иван Матвеев, Федор Васильев, Иван Устинов, Михаил Земцов.

Первый план города был разработан в 1716 г. итальянским архитектором Доменико Трезини, который по приглашению Петра приехал в Россию еще осенью 1703 г. и был привлечен к строительству только что основанного Петербурга. До 1712 г. Трезини был главным руководителем всех строительных работ, которые велись в Петербурге. Вместе с У. А. Свизинным Трезини возглавлял Канцелярию ст. строений, созданную в 1706 г.

Расположенный на морской границе государства, город должен был быть хорошо укреплен. Для этого вначале предполагалось его построить на Васильевском острове, изолированном от материка широкими водными протоками. Васильевский остров по проекту Трезини разбивался рядом поперечных каналов-улиц, связанных между собой продольными широкими каналами. Непрерывная цепь укреплений охватывала остров вдоль его берегов. В центре города были намечены две огромные квадратные площади, разрезанные посередине каналами. В районе острова Голодая по плану размещался парк — «общественное гульбище» с геометрической планировкой аллеи и площадок. В восточной части острова, у стрелки, были запроектированы второй, меньший по размерам, сад и площади для государственных и общественных учреждений. Вся планировка острова состояла из узких вытянутых кварталов. Этот план был принят Петром. Вместе с тем Петр пригласил в 1716 г. в Петербург французского архитектора Ж.-Ф. Леблон, уже получившего широкую известность в качестве теоретика архитектуры. Ему было предоставлено исключительное положение и власть над всеми архитекторами и строителями, работавшими в Петербурге, и присвоен титул генерал-архитектора. В связи с этим Леблон, не считаясь с проектом Трезини, принялся за разработку нового плана города. В 1717 г. проект был закончен и представлен Петру.

Проект представлял собой графически красивую геометризованную схему «идеального» города, схему, не считавшуюся с материальными затратами, не учитывавшую природных особенностей территории, существующих водных протоков, уже сложившихся направлений развития города и значительной застройки. По существу только Петропавловская крепость, да и то с уничтожением кронверка, и Адмиралтейская верфь входили составными композиционными элементами в новый план города и систему его крепостных сооружений, овальным кольцом охватывающих город.

Город, по мысли Леблена, располагался в виде правильного овала большей своей частью на Васильевском острове, на Петербургской стороне и Адмиралтейском острове. Территория города разрезалась на три части Большой и Малой Невой с выправленными по линейке берегами. Планировка внутри овала состояла из прямоугольной сетки пересекающихся каналов и улиц, вкрапленных в нее площадей, парков и водных бассейнов. Приморская территория Васильевского острова, северная часть Городского острова, район между Мойкой и Фонтанкой образовывали систему вынесенных за укрепления пригородов с радиально-кольцевой их планировкой.

Проект Леблена, являвшийся теоретическим развитием идей западных градостроителей-утопистов, был сугубо формальным, оторванным от жизни, построенным на предвзятой геометрической схеме. Петр его не утвердил. Только организация центра города на Васильевском острове, выдвигавшаяся уже в проекте Трезини, получила одобрение. И строительство на Васильевском острове началось в соответствии с его проектом.

При жизни Петра в столице начинает разворачиваться строительство каменных общественных зданий. К их числу следует отнести прежде всего здание Двенадцати коллегий, Кунсткамеру и каменный Гостиный двор на Васильевском острове.

На месте теперешнего здания Военно-транспортной академии с 1722 г. все тем же Доменико Трезини строится двухэтажный гостиный двор, имевший в плане форму трапеции. Это — протяженное здание с внутренним замкнутым двором, покрытое крутой крышей, с приземистой круговой галереей первого этажа. Над аркой первого этажа были прорезаны небольшие окна высокого второго этажа. Здание отличалось простой, немного суровой, четкой архитектурой сугубо военного сооружения.

Самой значительной постройкой петровского времени в районе стрелки Васильевского острова являлось дошедшее до нас здание Двенадцати коллегий (включая Сенат и Синод), в котором теперь помещается университет. Это одно из самых больших зданий петровского Петербурга, постройка которого была начата в 1722 г.¹ и закончена через десять лет. Ко времени смерти Петра стены здания едва только вышли из земли. Однако по своей архитектуре оно целиком относится к петровскому времени и является его интереснейшим архитектурным памятником. Его автор и строитель Доменико Трезини повторил, по указанию Петра I, основной композиционный замысел мазанковых коллегий на Троицкой площади, развил и обогатил его. Трехэтажное здание состоит из двенадцати, соответственно числу коллегий, отдельных частей, перекрытых самостоятельными, высокими с изломом крышами. Части эти в фасадном своем решении точно повторяют друг друга, за исключением большей длины обоих крайних павильонов. Большая протяженность здания (около 400 м), простой единый объем его могли бы вызвать ощущение

¹ ЦГИАЛ. Высочайшие повеления, ф. 466, оп. 36/1639, д. 476, л. 37.

однообразия, но расчлененная крыша, играющая большую роль в силуэте здания, умело найденное членение каждого павильона позволяют ясно читать его составные части. Фасады здания Двенадцати коллегий решены скромно и лаконично

Прямолинейность, строгость основных форм здания, сдержанность в декоративных деталях характеризуют классическую ясность, конструктивную логику, простоту и выразительность русской архитектуры петровского времени. Характерной чертой здания Двенадцати коллегий является его двухцветная окраска. Это типично русская черта, ставшая традицией в русской архитектуре. Для Петербурга с его климатическими особенностями — большим количеством серых, песчаных дней, туманами, белыми почками — эта двухцветность была особенно важна, она вносила живописность в однообразный, сероватый колорит города.

На берегу Большой Невы на Васильевском острове возникла значительная застройка. Первым от стрелки стоял дворец царицы Парасковьи Федоровны. На ближайшем к нему участке строилось здание Кунсткамеры, заложенное в 1718 г., к 1725 г. законченное лишь внешне. Проект Кунсткамеры был разработан немецким архитектором Георгом Иоганном Матарнови. В 1728 г. постройка перешла в руки Земцова,¹ закончившего здание только в 1734 г. и оформившего по своим чертежам и рисункам внешнюю и внутреннюю отделку его.

Трехэтажное на высоком подвале здание состоит из центрального объема — башни — и двух крыльев, заканчивающихся слегка образованными выступами. Башня с ее нарядным и богатым силуэтом прочно вошла в центральный невольский ансамбль города, укрепляя его еще одной вертикалью, оживляющей город. Фасады боковых крыльев решены очень сдержанно, не разрушая плоскости стены. Двухцветная окраска фасадов здания подчеркивала их архитектурную структуру. Здание Кунсткамеры, сохраняя типичные черты петровской архитектуры — ясность и «рационалистичность» планировки, простоту и сдержанность архитектурного декора, — участвовало в городском ансамбле.

За зданием Двенадцати коллегий начинался принадлежавший светлейшему князю Меншикову огромный участок земли, который вдоль Невы тянулся до нынешней Съездовской линии и в глубину доходил до Малой Невы.

Каменный дворец Меншикова начал строить в 1710 г. итальянский архитектор Джованни Марио Фонтана, а закончил его архитектор Шедель. После ссылки Меншикова дворец был передан в казну и в конце XVIII столетия перестроен для кадетского корпуса. При перестройке внешний вид здания был значительно изменен, поэтому его первоначальный облик можно представить по старым изображениям и малоизмененным боковым выступам центральной его части. Фасад поэтажно был расчленен по горизонтали на три части. Каждый этаж обработан нишами — мощными ионического ордера в первом этаже и все более легкими, переработанного коринфского ордера во втором и третьем.

¹ ЦГАЛ, Голланд. карт., ф. 470, оп. 5, д. 57, л. 179.

Четырехколонный, сильно вынесенный портик с балконом во втором этаже выявлял центральный подъезд. Центр здания завершался парапетом, украшенным фигурами. Двухцветная окраска здания усиливала живописность и жизнерадостность архитектуры. Внутри дворец был очень богато отделан, но от этой отделки, кроме парадной лестницы и частично сохранившихся обшивочных каравцов, ничего не осталось.

За Меншиковским дворцом вдоль берега Невы шла прерывающаяся застройка. Это были по преимуществу дома «для именитых». За ней, в глубину острова вдоль линий, тянулись постройки, определявшие планировку острова, дошедшую до нашего времени. Границы застройки проходили в районе, ограниченном Невой и Большим проспектом, от 1-й линии примерно до 26-й, а в районе между Большим и Малым проспектами — от 1-й до 13-й линии. На отлете, на север от Большого проспекта, представляющего собой дошедшую до взморья просеку, выросла слободка. На берегу взморья, рядом со слободкой, находилась Галерная гавань с закрытым бассейном.

После Полтавской победы начинается строительство в Петербурге загородных дворцов и домов знати.

За рекой Фонтанкой стал строиться в 1711 г. Екатерингофский деревянный дворец. Дворец имел вид небольшого прямоугольного здания, стройные фасады которого были декорированы пилястрами. На главном, обращенном к дороге фасаде была устроена открытая терраса с лестницей, которая вела в лежащий перед дворцом геометрического рисунка цветник. Цветник окружали обвитые растительностью решетки, которые заканчивались двумя ажурными беседками, образовавшими собою как бы въездные ворота. За дворцом шел парк с пререзавшим его каналом. Таким мы видим Екатерингоф на гравюре 1716 г.

В устье реки Фонтанки на маленьком островке Подзорном находилось каменное здание Подзорного дворца, начатое постройкой по приказу Петра I в 1722 г. фон Звитеном. Закончено оно было в 1731 г. Земцовым.¹ Это был скромный, простой архитектуры дворец, выстроенный «по-кссем» и напоминавший своим видом загородные голландские дома. На главном фасаде, обращенном к взморью, возвышалась восьмигранная башня с открытой террасой.

На правом берегу Фонтанки появляется ряд дач, в том числе Итальянский дворец с садом, построенный Земцовым, загородные дома Парасковьи Федоровны, Марфы Матвеевны (по проектам образцовых загородных домов архитектора Д. Трезини), столичного дворянства и зажиточных людей.

На южном берегу Финского залива началось строительство загородных царских резиденций и дворцов придворной знати. Это были ансамбли нового типа с симметричной композицией общей планировки, с дворцом, расположенным по главной оси ансамбля, с распланированным перед дворцом садом. Первой крупной

¹ ЦГИАЛ, Гофшт. конт., ф. 470, оп. 5, д. 94, лл. 11—12.

загородной резиденцией был Ораниенбаум (ныне г. Ломоносов), подаренный Петром Меншикову. Здесь всецельный князь построил себе великолепный дворец с большим парадным парком. Сооружение, начатое в 1710 г. архитектором М. Фонтана,¹ было закончено Г. Шеделем в 1725 г. Дворец, расположенный на приморской возвышенности, представлял собою двухэтажное здание, связанное дугообразными галереями с купольными павильонами по сторонам. Фигурные лестницы вели в парк с цветниками, фонтанами и прудами. По главной оси этой композиции была пробита широкая тропка с каналом, идущим от моря и заканчивавшимся бассейном-газавью перед дворцом.

Характерным примером пригородных дворцово-парковых ансамблей петровского Петербурга был Петергоф (ныне Петродворец), выстроенный Петром для себя. Первоначально Петр намеревался построить дворец с парком и фонтанами в Стрельне. Однако начатые здесь с 1705 г. работы велись медленно. Разработанный Леблонем в 1717 г. проект Стрельнинского дворца неоднократно изменялся. В переработке участвовали архитекторы Минетти, Земцов, Усов, Ершкни и др. В конце концов Стрельнинский дворец был построен по чертежам Т. Усова² (умер в 1728 г.). Это было большое двухэтажное здание с двумя боковыми корпусами парадной и пышной архитектуры, приближающейся к архитектуре дворцов середины века Растрелли, Квасоза и Чевакинского.

Первый «попутный» дворец в Петергофе, служивший местом остановок Петра на пути из Петербурга в Кронштадт, был построен в 1705 г. С 1710 г. началось строительство каменного дворца и разбивка большого парадного парка. В 1712 г. на приморской возвышенности строится верхний дворец, который стал композиционным центром создавшегося ансамбля.³ По главной оси от дворца к морю был проведен широкий канал с фонтанами на облицованных камнем берегах. Бассейн с фонтанной группой Самсона (1735 г.) в центре перед дворцом завершался Большим каскадом, состоящим из трога и двух боковых каскадов с семи ступенями, окаймленных фонтанами. В петровское время дворец был двухэтажным зданием, к которому примыкали галереи с павильонами на концах. Принадлежавший самому Петру композиционный замысел Петергофа, судя по сохранившимся рисункам, был чрезвычайно прост.⁴ Три параллельных перспективы от моря — центральная, завершающаяся Большим каскадом и дворцом, восточная от Монплезира к каскаду «Шахматная гора», западная от Марлиевского пруда к каскаду «Золотая гора» — связываются лучевыми аллеями, ориентированными на центр верхнего дворца и заканчивающимися одна у Монплезира, другая у Эрмитажа. Лучевые аллеи, идущие с востока на запад, скрещиваются у пруда Марли и завершаются павильоном. Нестделимыми садовыми частями замечательного петергофского

¹ ЦГИАЛ, Высочайшие повеления, ф. 466, оп. 36/1629, л. 477, л. 111.

² ЦГИАЛ, Гофлит. конт., ф. 470, оп. 5, л. 41, л. 38.

³ Доклады и приговоры Сената, т. III, кн. 1, СПб., 1887, стр. 132—134.

⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, кн. 57, лл. 580, 584, 572, 560.

дворцово-паркового ансамбля начала XVIII в. были три небольших, но характерных здания: дворец Монплезир, павильон Марли и Эрмитаж. Монплезир, расположенный на самом берегу моря, служил интимным дворцом Петра. Над созданием Монплезира (1714—1723 гг.) работали Шлютер, Земцов, Ерошкин, Леблон, Браунштейн, живописец Пильман и ряд талантливых русских мастеров, выполнявших внутреннюю отделку дворца. По чертежам Браунштейна построены павильон Марли (1721—1724 гг.) и Эрмитаж (1722—1724 гг.). Земцов, Микетти, Браунштейн и Усов создали каскады и фонтаны Петергофа. Совместной работой первоклассных мастеров и колоссальным трудом тысяч рабочих и солдат на тонких берегах Финского залива уже в петровское время была создана блестящая царская резиденция — мировой шедевр садово-парковой архитектуры.

Из года в год творчески-опытным путем формировались новые основы в архитектуре и градостроительстве.

Прогрессивность нововведений начала XVIII в., связанных в большей части с традициями русской архитектуры, заключалась в органическом сочетании эстетических требований с практической целесообразностью. В процессе их реализации главную роль играли правительство в лице Петра I, его ближайших помощников Меншикова, Апраксина, Брюса, Сизязина и русские архитекторы Иван Матвеев, Федор Васильев, Михаил Земцов, иностранцы Трезини, Шлютер. Особенно большая роль принадлежала Канцелярии от строений, которая объединяла русских и иностранных зодчих и была в петровское время техническим и художественным центром градостроительства.

В результате государственного регулирования градостроительства и творческой работы талантливых русских архитекторов в планировке и архитектуре Петербурга развивались традиции русского градостроительства.

В то время как в Западной Европе стиль барокко был лишен архитектурно-логической логики, отличался вычурными формами, а каждое здание решалось изолированно-локально, в русском барокко мы видим ансамблевый подход, простые композиционные решения, сохраняющие живописность, пластическое богатство и красочность допетровской архитектуры.

Прогрессивная в лучших своих проявлениях архитектура петровского времени положила начало новому большому этапу развития русской национальной архитектуры.

В то же время ее классовая ограниченность проявлялась в том, что она служила интересам господствующих классов — дворянства и купечества. Градостроительные мероприятия охватывали застройку и планировку центральных частей города, в то время как районы, населенные трудящимися — многочисленные слободы — по существу оставались вне градостроительных мероприятий, застраиваясь стихийно. Классовая направленность петровских градостроительных мероприятий проявлялась и в том, что богатство застройки новой столицы служило целям укрепления абсолютистского государства.

В ближайшие годы после смерти Петра не было внесено существенных изменений во внешний облик города, сложившийся к концу первой четверти XVIII в. Почти полное прекращение строительства в Петербурге объясняется временным переносом столицы в Москву, куда за императорским двором потянулось и дворянство.

Но уже в царствование Анны Ивановны строительство Петербурга, снова ставшего столичным городом, возобновилось, развивалось и расширялось по мере укрепления международного престижа Российской империи.

После двух больших пожаров 1736 и 1737 гг., от которых столица сильно пострадала, руководство всей застройкой и благоустройством города было передано специально созданному в 1737 г. правительственному органу — Комиссии о Санкт-Петербургском строении. В состав Комиссии вошли начальники крупнейших ведомств, между которыми распределялись районы застройки столицы. Среди членов Комиссии единственным специалистом в области архитектуры был Петр Михайлович Ерошкин. Основной задачей Комиссии явилось составление плана существующей застройки города и разработка нового «с обозначением, где должно быть какого рода строение также и где публичным площадям быть».

Специальные работы были возложены на П. М. Ерошкина, который для выполнения их затребовал в помощь техников для геодезической съемки и архитекторов, ведавших застройкой отдельных районов, для проектной работы. Среди последних были архитекторы М. Г. Земцов и И. К. Коробов.

На основании произведенной инженер-майором Зихгеймом геодезической съемки был составлен первый план, впервые отразивший действительно существовавшую застройку города (на всех предшествующих сохранившихся планах Петербурга наряду с имеющейся в действительности застройкой были показаны и существовавшие только в проекте объекты).

На плане Зихгейма видно, что к концу 30-х годов XVIII в. были частично застроены Васильевский остров и Петербургская сторона. На плане Адмиралтейской части около верфи и в сторону Новой Голландии показаны на погоревших местах пунктиром бывшие направления улиц. На Выборгской стороне в Литейной, Мсковской частях города и между Мойкой и Фонтанкой обозначены лишь отдельные слободы или сооружения, не объединенные планировкой в одно целое.

Первым решением Комиссии, представленным на рассмотрение правительства, было разделение города на пять частей.

В центральной, Адмиралтейской, части, сильно погоревшей в 1737 г., район бывших морских слобод было предложено построить только каменными домами. Планировка Адмиралтейской части с прокладкой новых улиц и разбивкой участков для застройки была выполнена Ерошкиным в первую очередь.

На плане части Адмиралтейского острова, подписанном П. М. Ерошкиным, намечены дошедшие до нашего времени трехлучевая система планировки, набережная по реке Мойке, будущая Морская улица (ныне улица Герцена) и будущая Исаа-

киевская площадь, которая предназначалась для торговли. Застройка этой части была произведена полностью в соответствии с проектом Еропкина.¹

На другом плане Еропкина видна детальная планировка участков застройки района от Торговой площади (ныне Исаакиевской) до Крюкова канала.²

Производственные и складские корпуса на Адмиралтейском острове, особенно опасные в пожарном отношении, Комиссия предполагала перенести за Фонтанку, в теперешний Кировский район, и на Петровский остров. Это предположение в последующие годы частично было осуществлено. В связи с этим для слобод «морских служителей», работавших на верфи, отводился район западнее Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова), ограниченный Фонтанкой и Мойкой.

Планировка этого района подчинялась направлению рек Мойки, Кривуши и Фонтанки. Основные улицы в новой планировке были связаны кольцевыми магистралями левобережной части Петербурга. Главная магистраль района — Садовая улица — связала этот район с главными лучевыми перспективами. На ней были образованы две основные площади. Одна из них — войсковой плац, расположенный перед фасадом Морского полкового двора, занимавшего всю территорию между Садовой улицей и Фонтанкой у Вознесенской перспективы.

На главной оси фасада Морского полкового двора предполагалось построить церковь, шпиль которой должен был замыкать перспективу (ныне улица Глинки) со стороны Адмиралтейского острова.

Вторая площадь (сейчас Тургеневая) намечалась несколько далее по Садовой. В центре площади предполагалось воздвигнуть храм с колокольней, шпиль которой замыкал бы перспективу Садовой улицы со стороны Невского. Вокруг площади образовывалась группа кварталов.

По проекту планировки района города в пределах Вознесенского проспекта, Мойки и Невского проспекта был запроектирован будущий Екатерининский канал и Садовая улица с Сенной площадью. Определялось также направление Царскосельской перспективы (ныне проспект имени И. В. Сталина).

Разбивка участков и размещение зданий внутри кварталов по этому проекту впоследствии были осуществлены почти полностью.

Таким образом, районы города между Мойкой и Фонтанкой, ранее разрозненные, планом Комиссии объединялись в единый городской комплекс с Адмиралтейской частью (между Большой Невой и Мойкой), имевшей старую застройку.

Предусматривалась застройка Невской перспективы домами на всем протяжении. Основные архитектурные ансамбли на Невской перспективе намечались у Фонтанки, где находилась Триумфальная арка (здесь предполагалось устройство площади и постройка гостиного двора), затем у церкви Рождества и, наконец, близ Адмиралтейства (торговые ряды и гостиный двор).

¹ ЦГАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 673, л. 1.

² Копия плана, Библиотека Академии Наук, Рукоп. озд., д. 3975 (777).

За Фонтанкой проектом предусматривалось продолжение Загородного проспекта до соединения его с Литейным проспектом и устройство здесь площади, в центре которой предполагалось воздвигнуть церковь, а самую площадь обстроить торговыми рядами (нынешняя Владимирская площадь). Система улиц, тяготеющих к Загородному проспекту, намечалась по проекту так, как она в основном существует ныне.

В центре поселения Семеновского и Измайловского полков устраивались учебные плацы, а на месте пересечения Загородного проспекта и Гороховой улицы проектировалась площадь с церковью, долженствующей замыкать Среднюю перспективу подобно тому, как Триумфальные ворота замыкали Невскую.

Планировка Выборгской части, своденной ко времени работ Комиссии лишь по берегу, была запроектирована на основе системы из пяти радиально расходящихся улиц. Центром этой интересной, но так и не осуществленной планировочной композиции должна была стать полукруглая площадь, расположенная за садом Морского госпиталя, обращенного фасадом на Неву. Три из пяти лучей ориентированы на центральный корпус госпиталя — церковь, увенчанную куполом.¹

На правом берегу Невы и реки Охты проектировался композиционный центр района с торговой площадью, церковью и кладбищем. Вверх по Охте по плану размещались мельницы, склады и места для строительства морской слободы.²

Приведенные проектные соображения показывают грандиозность работы, выполненной Комиссией. Специфической особенностью ее является учет реальных условий и возможностей развития города. Это определило реальность планировки, обеспечившую Петербургу в будущем одно из первых мест среди столиц мира. Намеченные в проекте Еропкина площади, каналы и улицы частично получили осуществление и сохранили свое направление и значение в современном плане Ленинграда. Но это относится только к центральным частям города, а не к его слободам.

Комиссия развивала и практически осуществляла градостроительные идеи петровского времени. Кроме этого, она разработала своеобразный строительный кодекс и одновременно теоретический трактат об архитектуре, строительном деле и планировке города — «Доляность архитектурной экседипии».

Этот трактат-кодекс сформулировал сложившиеся в петровское время идеи нового русского градостроительства. Важнейшей из них была идея создания города по заранее разработанному плану с системой прямых улиц и «публичных» площадей, образованных застройкой определенными зданиями на специально отводимых для них участках. Эта идея выражалась в установлении как типов строений, так и их размеров, в требовании «всякое каменное паличное к улицам строение строить в каждой улице одною пропорцією высоты, где как определены... чтобы

¹ Музей истории Ленинграда, Атлас Майера, ч. II, отд. II, л. 1.

² Там же, л. 4.

симметрия была и одною б высотой все строения были, отчего немалая красота городу придаетца.

Осуществление этой направляющей градостроительной идеи стало возможным только при государственном руководстве градостроительством и архитектурой, при признании государственной роли архитектора.

Автор проекта новой планировки города Петр Михайлович Ерошкин (1690—1740 гг.) был крупнейшим градостроителем и выдающимся теоретиком. Петр отправил его вместе с Исаковым, Колычевым и Усовым в Италию для изучения архитектуры. В 1723 г. Ерошкин и Усов, закончив свое учение в Риме у архитектора Чиприани, возвратились в Москву, где в виде испытания Петр поручил им выполнение дворца в Преображенском, на котором оба мастера смогли показать свою подготовку. В 1725 г. Ерошкин получил звание архитектора и в начале 1726 г. переехал в Петербург.

Сторонник классической архитектурной науки Ерошкин сделал перевод на русский язык книги Палладио. Как патриот он примкнул к группе Волынского, боровшейся против бюрократии, следствием чего явились его арест и казнь 27 июня 1740 г.

Во время бюрократии начал свою деятельность видный архитектор, другой продолжатель строительных традиций петровского времени, Иван Кузьмич Коробов. Он родился в 1700 г. в Переяславле Залесском.¹ Петр послал его для обучения в Голландию, откуда он возвратился в 1727 г. Работая в Адмиралтейств-коллегии, он построил церковь св. Пантелеймона в 1735—1736 гг. и церковь Богоявления в Кронштадте, закончил в течение 12 лет строительство Галерной гавани, начатое архитектором Трезини, построил комплекс Новой Голландии с деревянными складами, верфь на Охте, составил проект Морского полкового двора и других сооружений. Однако важнейшим произведением Коробова была перестройка Адмиралтейства (1732—1738 гг.). Сохранив общий план сооружения, он заменил мажорановы амбары каменными корпусами и возвел взамен деревянной каменную башню, увенчав ее шпилем с золоченым корабликом наверху. Это сооружение, одно из лучших в архитектуре первой половины XVIII в., свидетельствует о больших творческих дарованиях Коробова, заложившего основу главного ансамбля столицы.

С 1737 г. в ведении Коробова находились все постройки Морского ведомства на Адмиралтейском острове. Коробов был не только выдающимся зодчим, но и талантливым педагогом. Из его школы вышли такие крупные мастера, как Ухтомский, Кокоризов и Чевакинский. Коробов умер в 1747 г.

Последним из тройки ведущих мастеров и активных участников многообразной деятельности Комиссии был Земцов. В послепетровское время, работая в Комиссии, Земцов много занимался созданием проектов жилой застройки города.

¹ ЦГИАЛ, Гофшт. конт., ф. 470, оп. 5, л. 63, л. 88.

Среди этих работ известны по сохранившимся проектам выстроенные им в 1739 г. в Адмиралтейской части жилые дома для причта Исаакиевского собора. Это были типичные для того времени небольшие жилые дома для служивых людей среднего достатка. Одноэтажные на высоком подвале кирпичные дома состояли из средних сквозных сеней, по обе стороны которых располагались одно-, двух- и четырехкомнатные квартиры.

В постройке церкви Симеона и Анны (1728—1734 гг.) Земцов делает попытку сочетать национальные архитектурные традиции с наследием классицизма. Такого же типа и другая принадлежащая Земцову церковь Рождества на Невском проспекте (на месте будущего Казанского собора), начатая в 1733 г. и оконченная в 1737 г.

Кроме перечисленных зданий, Земцов построил церковь Исаакия Далматского, Коношенный двор, грот, галерею на круглых столбах, оранжерею и фонтаны в Летнем саду, Итальянский дворец на берегу Фонтанки, триумфальные ворота в Петербурге на Невском, сделанные к приезду Анны, а также создал проекты Аничковского дворца для гр. Разумовского (1741 г.).

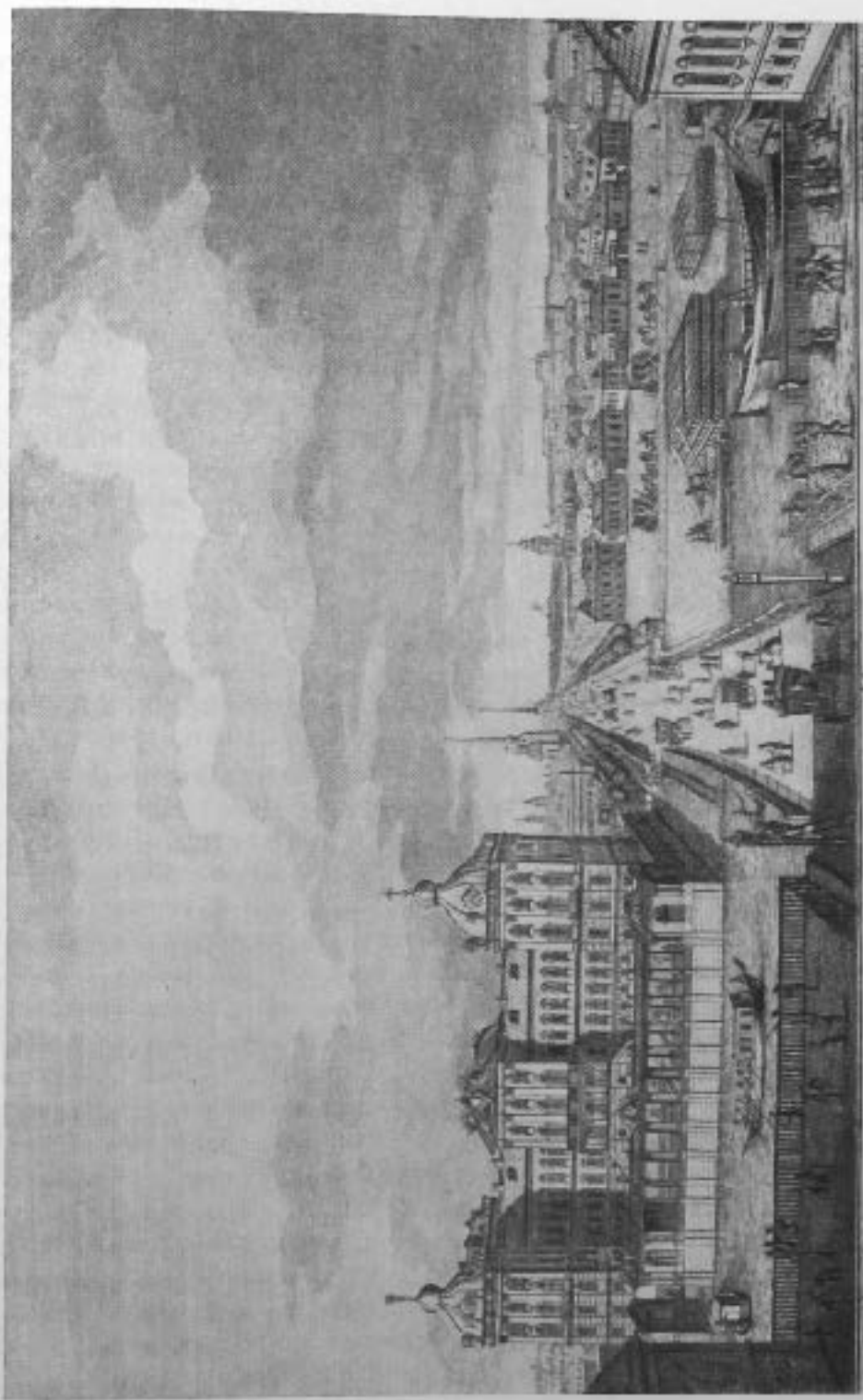
Заметное место среди русских архитекторов занимает Тимофей Усов. Важнейшей его работой было сооружение дворца в Стрельне. Прекрасный рисовальщик, он привлекался в комиссию по приемке живописных работ и для аттестации архитекторов, живописцев и мастеров отделочных работ. После смерти архитектора Зарудного Усову были переданы работы по незаконченным иконостасам Петропавловской и Исаакиевской церквей. Усов умер в 1728 г., успев закончить только иконостас для Петропавловского собора.

Простая, реалистическая архитектура петровского времени, отвечавшая вначале требованиям и задачам укрепления национального государства помещиков и нарождавшегося класса купечества, к середине XVIII в. перестала удовлетворять выросшие потребности правящих классов, их стремление к роскоши и великолению.

Главной темой архитектуры середины XVIII в. становятся городские и загородные дворцы с великолепными парками и пышные церковные сооружения. Архитектура фасадов и отделка внутренних помещений делались все богаче и изощреннее. С декоративной пышностью западноевропейского барокко сливается традиционная нарядность и теплая живописность московской архитектуры XVII в.

Национальные традиции, заново переосмысленные и творчески претворенные, прослеживаются уже в творчестве ученика Коробова — Саввы Ивановича Чевакинского.

Савва Иванович Чевакинский родился в 1713 г. в сельце Вешки Новоторжского уезда Тверского наместничества. Шестнадцатилетним юношей в 1729 г. он был отдан в Морскую академию в Петербурге. Обнаружившиеся художественные способности были причиной его перевода в 1734 г. в «архитекторские ученики». В течение семи лет С. И. Чевакинский практически и теоретически изучал основы гражданской архитектуры в мастерской Коробова. В 1739 г. С. И. Чевакинский

Аничковъ дворъ (построенъ въ 1741—1760 гг. Архитекторомъ М. Г. Земцовъ и Г. Д. Дмитриевъ) и Невскій проспектъ в сторону Адмиралтейства. Гравюра И. Васильева 1763 г. с рисунка М. Махитова.

«по достоинству» архитекторов Еропкина, Коробова и Земцова — трех корифеев петровской плеяды русских зодчих — был произведен в «архитектурии гезели» и начал работать самостоятельно по заданиям Адмиралтейств-коллегии и по заказам частных лиц.

Как архитектору Адмиралтейства Чевакинскому пришлось принять участие в планировке и застройке части города между Мойкой и Фонтанкой, к западу от Вознесенского проспекта, отведенной для служащих морского ведомства. План Петербурга 60-х годов XVIII в. дает представление о характере застройки кварталов этого района и об архитектуре отдельных зданий.

В этом районе Чевакинский построил Никольский морской собор — один из наиболее выдающихся памятников русского зодчества XVIII в., заложивший новый ансамбль. Разработанный Чевакинским проект был утвержден в 1752 г., а строительство началось в 1753 г. Сохранилось драгоценное свидетельство современника о том, что церковь Никольского морского собора «начала строиться по плану и образу Астраханского собора» (построен в 1698 г.). Таким образом, мы сталкиваемся здесь с прямым воздействием на русскую архитектуру середины XVIII столетия памятников старого русского зодчества.

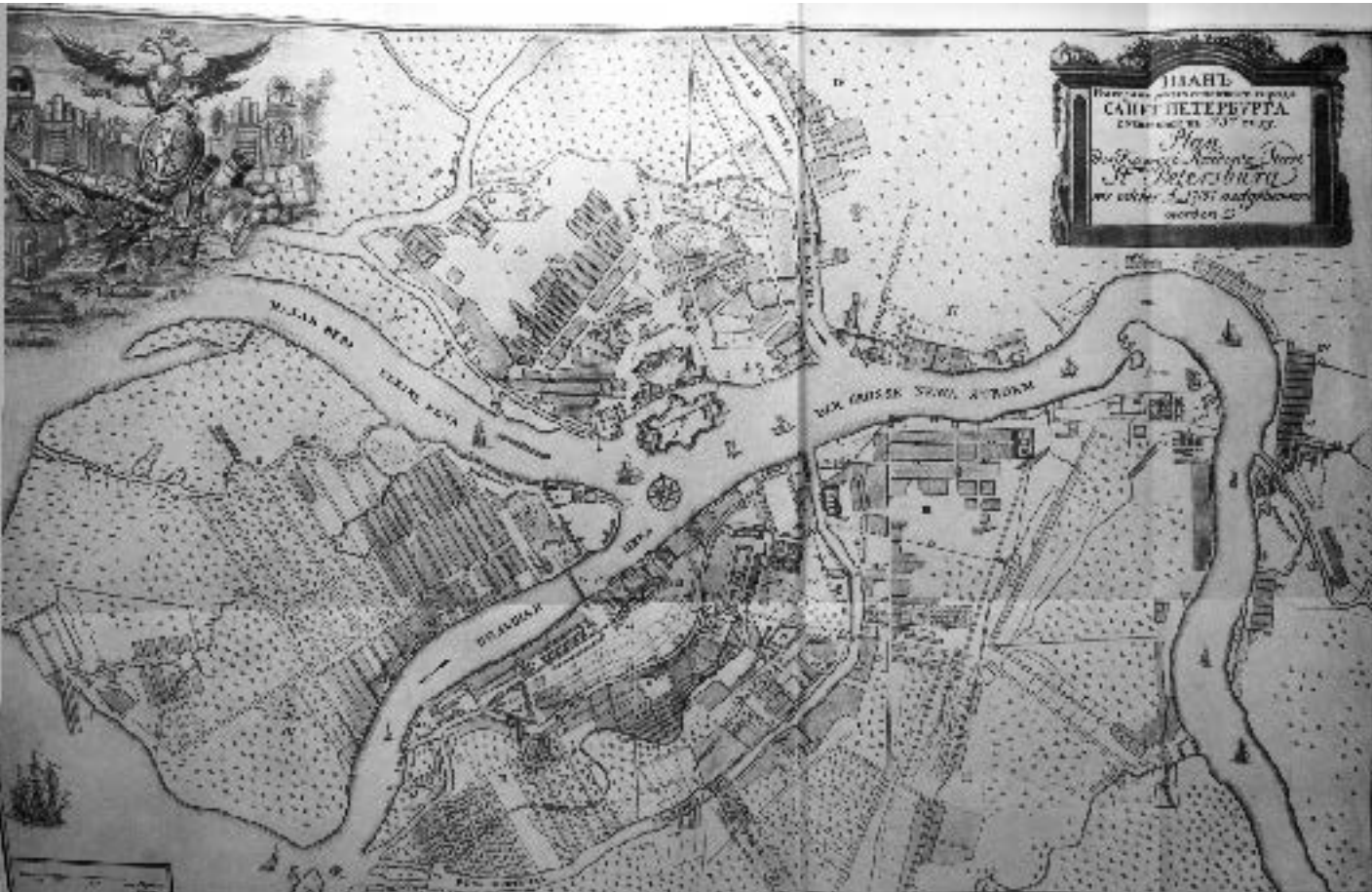
Никольский морской собор — прекрасный пример претворения национальных архитектурных форм. Двухэтажный, простой и ясный по плановому решению, увенчанный пятью широко расставленными куполами, он по мотивам декоративной обработки фасада близок к царскосельскому Эрмитажу. Все выступающие части здания декорированы группами колонн, стоящих на высоких постаментах.

Двухсветная верхняя церковь собора замечательна по разрешению внутреннего пространства, обилию света, легкости и нарядности лепной декорации стен и сводов и в особенности по совершенству замысла и качеству резьбы иконостаса — одного из лучших образцов русского декоративного искусства XVIII в.

Отдельно стоящая четырехъярусная колокольня собора по совершенству пропорций и красоте силуэта — достойная преемница древнерусских многоярусных колоколен. Три нижних яруса декорированы колоннами, верхний ярус трактован как барабан, увенчанный небольшим куполом и тонким, изящным шпилем. Близок по архитектурному замыслу к Никольскому собору Троицкий собор в г. Колпино, построенный Чевакинским в 1758—1760 гг.

Большой интерес представляют неосуществленные проекты Чевакинского перестройки Петропавловского собора, Исаакиевского собора, Морского госпиталя в Кронштадте. Проект Исаакиевского собора предусматривал перенос церкви, находившейся на берегу Невы, в центр площади, где она и была позднее построена архитектором Ринальди, а в XIX в. перестроена Монферраном. Таким образом, задача выбора места для этого сооружения, играющего важную роль в композиции архитектурного центра столицы, была решена Чевакинским.

Уже в 1745 г. Чевакинский получил звание архитектора и был назначен архитектором Царского Села (ныне г. Пушкин), где за пятнадцатилетний

ЦАРСТВО
 Императорской Высочайше повеленой
 САНКТ ПЕТЕРБУРГА
 1797 года
 План
 Санктпетербурга
 по плану 1797 года
 составленному
 генералом
 Шубертом

This section contains two columns of dense, small text, likely a legend or descriptive notes for the map. The text is written in a small, uniform font and is difficult to read due to its size and density.

*Никольский собор. Построен в 1758—1762 гг. Архитектор С. И. Чевакинский.
Литография 40-х годов XIX в.*

период своей деятельности провел большие строительные работы во дворце и парке.

Особое место в жизни и творчестве Чевакинского занимают его работы, связанные с Академией Наук. Здесь ему пришлось участвовать в восстановлении после пожара 1747 г. здания Кунсткамеры и руководить учениками, присланными для определения в Академию художеств и временно обучавшимися в академической гимназии. Среди них был В. И. Баженов. Из литературы известно, что В. И. Баженов участвовал в постройке колокольни Никольского морского собора.

Энергичная деятельность Чевакинского оборвалась в 1767 г., когда он, подав прошение об отставке, уехал из Петербурга. Дата его смерти не установлена.

Среди зодчих середины XVIII в. особенно видную роль играл В. В. Растрелли (1700—1771 гг.). Его отец, скульптор Карло-Бартоломмео Растрелли, автор известного памятника Петру I у Инженерного замка в Ленинграде и других выдающихся произведений, прибыл в Россию в 1716 г. Растрелли отец и сын принадлежали к числу тех художников-иностранцев, которые нашли в России свою вторую родину. Здесь перед ними открывалась возможность художественных работ такого

масштаба, какой был немислим ни в одной из стран Западной Европы. Это раскрывало перед ними широкие пути развития их художественных дарований.

Растрелли-младший был учеником своего отца, не только скульптора, но и архитектора. Непосредственное воздействие русской культуры и зодчества оказало могучее влияние на формирование Растрелли как художника. После поездки за границу для усовершенствования Растрелли-сын в конце 20-х годов XVIII в. возвратился в Россию и приступил к самостоятельной архитектурной деятельности, продолжавшейся более тридцати лет. После смерти Елизаветы Петровны Растрелли вышел в отставку и уехал из Петербурга в Митаву к герцогу Курляндскому Бирону, где вскоре и умер.

Кроме многочисленных сооружений, до нашего времени сохранились богатейшие проектные материалы, связанные с деятельностью Растрелли. Изучение этих материалов показывает, что Растрелли работал не один, а возглавлял обширный коллектив проектировщиков и строителей. Не только отдельные детали, но и целые замыслы, законченные художественные произведения создавались талантливыми помощниками Растрелли, оставшимися, к сожалению, безымянными. В результате этого многие сооружения, автором которых в действительности Растрелли не был, приписывались ему. В дальнейшем в результате углубленного изучения сохранившихся документов подлинная роль Растрелли в развитии русского зодчества будет уточнена. Однако несомненно она была очень значительной.

Первой самостоятельной работой Растрелли была постройка в 1730—1731 гг. дворцово-паркового комплекса в Москве в Лефортове на берегу Яузы, названного Анленгофом.

В 1734 г. Растрелли построил для герцога Бирона Летний дворец в Руентале близ Митавы. В 1736 г. в Митаве для того же Бирона Растрелли начал постройку огромного двухэтажного дворца, отличающегося растянутостью и однообразием обработки его фасадов.

В 1741—1744 гг. Растрелли строит в Петербурге Летний дворец императрицы Елизаветы Петровны на том месте, где теперь стоит Инженерный замок. Построенный из дерева, дворец был одним из самых удачных сооружений XVIII в. Этот интереснейший архитектурный памятник был сломан в конце XVIII в. Дальнейшие постройки Растрелли в Петергофе, а также достройка начатого Земцовым Аничкова дворца сделали имя его чрезвычайно популярным. Подражая царице, придворная знать поручает знаменитому архитектору строить свои дворцы. Так, для гр. Бестужева Растрелли сооружает великолепный загородный дворец на Каменном острове (1746—1750 гг.). В пестре города в начале 50-х годов по проектам Растрелли строятся дворцы для гр. М. И. Воронцова и бар. С. Г. Строганова.

Дворец М. И. Воронцова, хорошо сохранившийся до настоящего времени (Садовая улица, дом 26), — интересный пример богатой городской усадьбы середины XVIII столетия. Главный корпус расположен в глубине участка. Два сим-

*Архитектор В. В. Растрелли (1700—1771). Портрет маслом работы П. Ротари
около 1769 г.
Государственный Русский музей.*

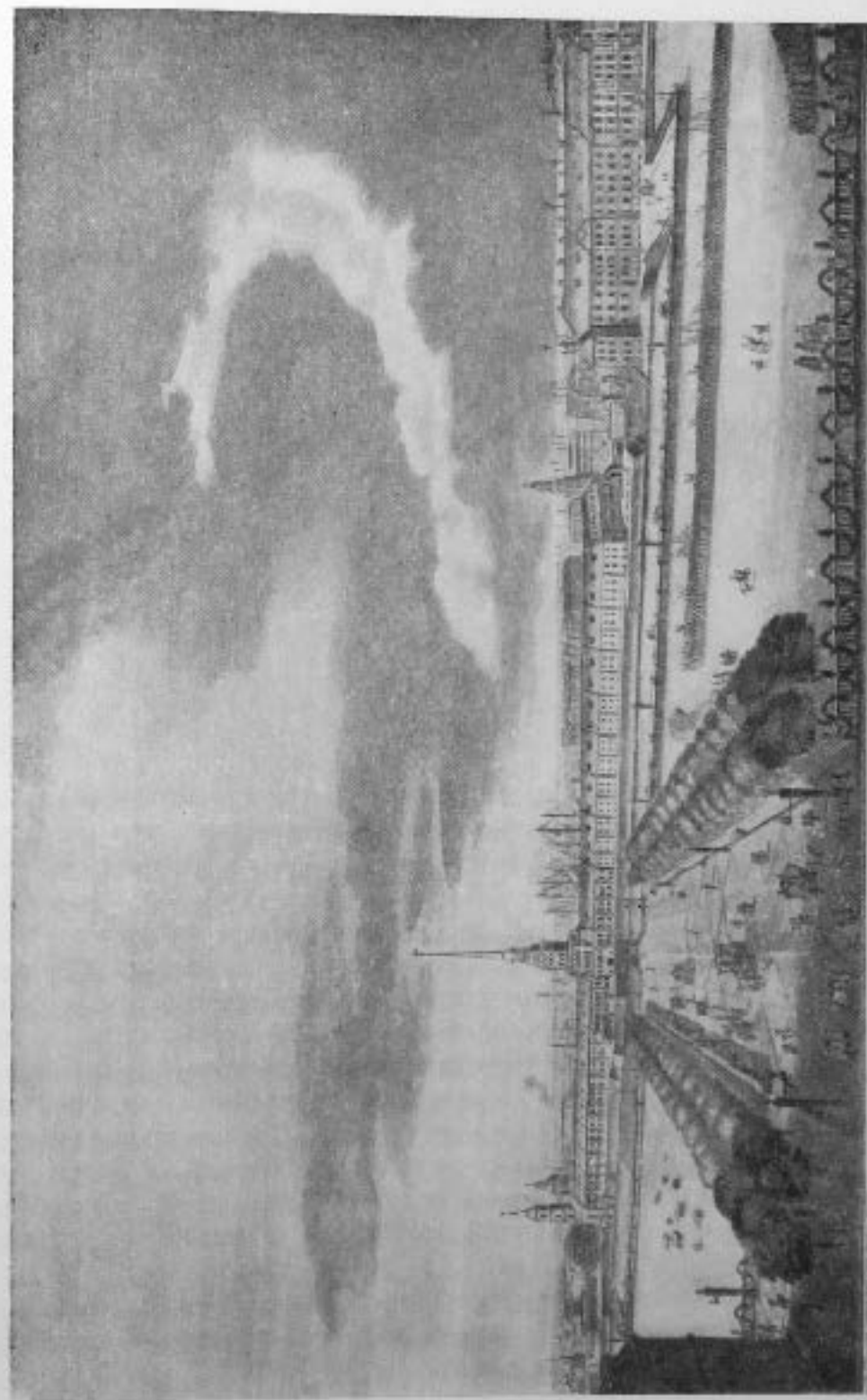
метричных флигеля обрамляют парадный двор, отделенный от улицы чугунной литой решеткой. В обработке фасада главного здания Растрелли применил мотив двоящихся колонн, создающий интенсивную игру света и тени на поверхности стен, прорезанных широкими окнами, обрамленными наличниками сложного рисунка. Задний фасад дворца был обращен в сад с прямыми аллеями, рощицами, узорчатыми решетками и бассейном геометрически правильных очертаний.

Дворец С. Г. Строганова — один из лучших образцов гражданского зодчества середины XVIII столетия. В отличие от Воронцовского дворца, Строгановский дворец — пример городского дома, построенного по красным линиям улицы. Фасады дворца, обращенные на Невский проспект и на набережную Мойки, различны по обработке. Особенно наряден фасад, выходящий на Невский проспект, с аркой-въездом в центре. Декоративное мастерство, присущее Растрелли, сказалось в особенности в композиции центрального выступа главного фасада, в которой важнейшую роль играют великолепные скульптурные детали.

Наибольшую художественную ценность из сооружений, осуществленных по проектам Растрелли, представляет ансамбль Смольного монастыря. Расположенный на берегу Невы, Смольный монастырь являлся как бы преддверием города при подъезде к нему вниз по течению реки. Величественный массив собора перекликался с центральным ансамблем столицы и архитектурно организовывал громадные пространства города. Тема монастыря находит в творении Растрелли новое решение — им создается своеобразный монастырь-дворец. Здание монастырского собора Растрелли поместил в центре большого двора, образованного жилыми корпусами, имеющими в плане очертания равностороннего креста. По углам четырехугольника жилых корпусов архитектор поставил четыре тождественных по архитектуре церкви-башни. Обширную территорию монастыря он обнес оградой, повторяющей в плане конфигурацию жилых корпусов.

Проект, разработанный Растрелли в 1746 г., был одобрен, после чего начались предварительные земляные работы. Но в 1749 г. Елизавета приказала переработать проект. Она потребовала, чтобы монастырский собор был построен по образцу Успенского собора в Кремле, а не по «римскому манеру». Кроме того, Елизавета потребовала сооружения отсутствовавшей в проекте Растрелли отдельно стоящей колокольни по типу Ивановской большой колокольни в Москве. Таким образом, зодчий был поставлен перед необходимостью следовать традиционным формам и приемам, разработанным в допетровской архитектуре. Переработка проекта велась коллективом талантливых русских мастеров, возглавлявшимся Растрелли. На основе нового проекта была исполнена знаменитая модель монастыря, сохранившаяся до нашего времени. Великолепная многоярусная стосорокаметровая колокольня не была построена. Таким образом, модель дает более полное и верное представление о блестящем архитектурном замысле, чем осуществленные сооружения.

По модели видно, что в ансамбле Смольного монастыря с наибольшей полнотой отображены художественные идеалы эпохи. Широкий, подлинно русский характер

Адмиралтейство и Звонный башня со стороны Невского проспекта. Гравюра Г. Кавалери 1753 г. с рисунка М. Маггера.

ансамбля, его жизнерадостность и яркая цветистость, возрождающая традиции русского зодчества XVII в., таковы черты этого выдающегося произведения русского архитектурного гения. Стены монастырских зданий — лазоревые с белым; декоративные детали в модели ярко вызолочены. Архитектурной доминантой ансамбля является не собор, а здание колокольни, задуманное в виде многоярусной башни, взлетающей ввысь и отличающейся исключительной легкостью и красотой силуэта. Нарядная и пышная обработка ярусов колокольни рассчитана на интенсивную игру светотени, на живописность использованных пластических форм. Здание собора в модели несколько отличается от осуществленного в натуре. Собор решен пятиглавым. Боковые башни, увенчанные луковичной формы куполами, в модели широко расставлены и воспринимаются как самостоятельные объемы, что было характерно для русских соборов XVI—XVII вв.

Великолепные по пропорции и силуэту угловые церкви-башни служат как бы переходным звеном от собора к двухэтажным зданиям келей, имевшим в прошлом со стороны двора открытые галереи, позднее застекленные.

Жизнеутверждающее начало нашло свое яркое и полное отражение в ансамбле Смольного монастыря, живом и радостном произведении русского искусства.

Важное место в развитии русской архитектуры занимает другое крупнейшее сооружение, созданное Растрелли, — Зимний дворец. Растрелли пришлось строить Зимний дворец дважды. В 1732—1739 гг. он начал постройку дворца на площади между Адмиралтейством и домом генерал-адмирала Ф. Апраксина на берегу Невы. Этот дворец, обращенный фасадом в сторону Адмиралтейства, Растрелли впоследствии включил в здание нового Зимнего дворца. В 1755 г. Растрелли приступил к разборке старых зданий и постройке нового большого дворца. Постройка его продолжалась более семи лет и потребовала огромных затрат и мобилизации строительных рабочих и мастеров всех квалификаций.

Перед Растрелли стояла новая по сравнению с его прежними работами задача. Сочетание дворца и парка было немыслимо в центре города, и Растрелли задумал дворец в виде замкнутого четырехугольника с обширным внутренним двором. Один из фасадов дворца был обращен на Неву, другой выходил на площадь, которую Растрелли предполагал оформить сооружением круглой колоннады с памятником Петру I в центре. В Зимнем дворце мы сталкиваемся с характерной для Растрелли простотой и ясностью пластового решения. Прямоугольные внутренние помещения сочетаются в бесконечные анфилады, отделанные с ослепительной роскошью лучшими мастерами середины столетия. Во внешней архитектуре здания Растрелли стремился сочетать монументальность с пышностью и великолепием декоративной обработки.

Цокольный и первый этажи дворца украшены колоннами ионического ордера, колонны второго яруса, равные по высоте второму и третьему этажам здания, имеют капители комбинированного ордера.

Зимний дворец. Построен в 1754—1762 гг. Архитектор В. В. Растрелли. (Ныне Государственный Эрмитаж).

Сочность рисунка и разнообразие форм наличников, обрамляющих великолепные по пропорции оконные проемы, обилие лепных украшений на фасадах, множество декоративных ваз и статуй, словом, весь сложный и богатый декоративный убор здания был призван служить средством для наиболее полного раскрытия художественного образа дворца, предназначенного для торжественных приемов и ослепительных по роскоши придворных празднеств эпохи расцвета абсолютистской монархии.

Постройка Зимнего дворца сыграла большую роль в дальнейшем формировании архитектурного облика столицы. С постройкой дворца был ликвидирован один из лучей, ориентированных на Адмиралтейство, — Миллионная улица.

Градообразующая роль этого монументального сооружения сказалась и в том, что гигантский по протяженности главный фасад дворца предопределил размеры центральной городской площади — Дворцовой площади, впоследствии совместными усилиями ряда задчих превращенной в важнейший архитектурный ансамбль города. Еще более важным было то, что сооружение, превосходившее по своим

размерам все до того строившиеся здания, послужило тем мерилом, которым пользовались зодчие последующего времени. Мощная колоннада Зимнего дворца приобрела значение образца, с которым считались зодчие русского классицизма второй половиной XVIII и первой половиной XIX в. в своих искаженных монументальных образах для важнейших общественных сооружений города.

В середине XVIII в. в Петербурге существовала довольно многочисленная группа зодчих, преимущественно учеников И. Коробова и М. Земцова, работавших вполне самостоятельно и иногда по смелости и оригинальности творческих замыслов и по совершенству их выполнения не уступавших ведущим мастерам своего времени. К числу таких мастеров принадлежали А. В. Квасов, С. А. Волков, М. Расторгуев, Ф. Л. Аргунов, Ф. И. Жеребцов и др.

Выдающимся мастером был Андрей Васильевич Квасов. В 1742 г. он принимал участие в оформлении коронационных торжеств в Москве. В 1743 г., после смерти его учителя М. Г. Земцова, А. В. Квасову было поручено проектирование и постройка дворца в Царском Селе, что свидетельствовало об очень высокой оценке его дарования. Одновременно с работами в Царском Селе Квасов руководил постройкой усадьбы гр. А. Г. Разумовского в Гостилицах. С 1744 г. Квасов работал на Украине — отстраивает г. Глухов, гетманскую резиденцию, и создает знаменитый собор в Козельце — один из шедевров русского культового зодчества 1748—1750 гг.

Другой архитектор — Алексей Квасов, ученик Ухтомского, был в 60-х годах XVIII в. главным архитектором Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы. Талантливый представитель школы русских зодчих середины столетия Алексей Квасов работал по преимуществу в Москве. Однако известны его работы для Петербурга, например проект триумфальных ворот у Анчикова моста, исполненный им в 1754 г.

Высокоодаренным зодчим был М. Расторгуев. Известен его замечательный по смелости замысла и графическому мастерству проект многорусской деревянной колокольни Александро-Невской лавры. Проект был осуществлен в натуре, его колокольня была свесена при реконструкции монастыря И. Е. Старовым. М. Расторгуевым по собственным проектам были сооружены лестничные пристройки к Благовещенской и Федоровской церквям Александро-Невской лавры. Им же был разработан проект и произведена постройка Семнарского и Просфорного корпусов и Митрополитского дома в том же монастыре. Во всех этих сооружениях М. Расторгуев показал себя мастером со своеобразной творческой индивидуальностью и большим художественным вкусом.

Одним из деятельнейших зодчих, работавших в ведомстве Канцелярии от строений, был Семен Артемьевич Волков. Сохранившиеся проекты перестройки церкви Рождества на Невском проспекте, Морского полкового двора на Мойке рисует Волкова как талантливого проектировщика.

В середине XVIII в. крупнейшие крепостники-помещики, нуждавшиеся в квалифицированных архитекторах для работ в поместьях, широко практиковали обучение своих крепостных у видных зодчих столицы.

Талантливейшим представителем крепостных художников в середине столетия был Федор Леонтьевич Аргунов. Крепостной гр. П. Б. Шереметева Ф. Л. Аргунов учился в Канцелярии от строений, где получил звание архитектора. В дальнейшем он работал только на своего помещика, одного из богатейших людей России.

С именем Ф. Л. Аргунова связывается постройка Фонтанного дома Шереметевых в Петербурге, дошедшего до наших дней. Большое участие принимал Ф. Л. Аргунов в создании дворцово-паркового ансамбля в Кускове, усадьбе Шереметевых под Москвой. Сохранились и неосуществленные проекты Аргунова, свидетельствующие о высокой художественной культуре зодчего. Ф. Л. Аргунов был учителем крепостных зодчих Шереметева — А. Ф. Мирцова и Г. Дикункина. Талантливые художники, вышедшие из народных масс, несмотря на свое гнетное, зависимое положение, создали многочисленные произведения, говорящие о силе художественного гения великого русского народа.

Архитектура Петербурга середины XVIII в. неразрывно связана с архитектурой пригородных парковых резиденций — Петергофа и Царского Села. Здесь в этот период создаются роскошные дворцово-парковые ансамбли.

В 1745 г. Растрелли начал работы по переустройству Петергофского дворца, так как дворец, построенный здесь еще при Петре, оказался слишком мал для пышных приемов и парадных церемоний елизаветинского двора. В результате перестройки общая протяженность дворца и его высота были увеличены. Боковые флигели дворца были заменены зданием дворцовой церкви с востока и корпусом «шпц гербома» с запада. Церковь и корпус «шпц гербома» связывались с дворцом одноэтажными галереями, образующими во втором этаже открытые террасы. Внутреннее убранство дворца отличалось исключительной роскошью. Отделка лестницы, ганцсвального зала, аудиенц-зала, церкви, сохранившаяся от елизаветинского времени (вплоть до Великой отечественной войны, когда дворец был сожжен гитлеровцами), поражала обилием позолоты, яркостью раскраски стен, тонкостью декоративной живописи. В середине XVIII столетия проводятся работы по дальнейшему украшению Петергофского парка.

В середине XVIII в. с окончанием строительства Большого царскосельского дворца складывается в основном еще один замечательный дворцово-парковый ансамбль — Царскосельский. Его нельзя рассматривать как ансамбль, целиком созданный одним Растрелли. Перестройка первоначального небольшого дворца петровского времени была начата Андреем Квасовым в 1743—1744 гг., продолжена Чевакинским и завершена Растрелли (1752—1756 гг.). Таким образом, дворец и прилегающий к нему парк — результат совместной творческой работы названных зодчих. К перестроенному Квасовым дворцу, состоявшему из центрального корпуса и двух боковых павильонов, соединенных в одно целое одноэтажными

Дом Шереметевых на Фонтанке. Построен в 1756—1759 гг. Архитекторы С. П. Чевакинский и Ф. Л. Арзунюв. (Ныне Арктический научно-исследовательский институт).

галереями, Чевакинский пристроил еще два корпуса — церковный и симметричный ему корпус, носивший название «зала». Эти два корпуса Чевакинский в свою очередь соединил с центральным комплексом зданий одноэтажными галереями, на которых были устроены «висячие сады». Дворец Чевакинского, состоящий из отдельных корпусов, если и уступал дворцу Растрелли в пышности и градиозности, то превосходил его четкостью структуры и был почти классическим по равновесию масс и ясности объемного решения. Растрелли перестроил дворец Квасова—Чевакинского, надстроил галереи, соединявшие отдельные различной высоты корпуса старого дворца и создал, таким образом, единое градиозное здание со сквозной анфиладой внутренних парадных помещений. При этом он сохранил общую разбивку и основные членения прежней цепи дворцовых сооружений. Церковный флигель и «зал», в котором Растрелли разместил парадную лестницу, увенчивались куполами, чем акцентировалось их значение объемов, завершающих вершину чередующихся корпусов и галерей общей протяженностью более чем в 300 м.

Градиозный дворец отличался исключительным великолепием. Богатейшие лепные украшения фасадов дворца блестели позолотой на фоне белостовельных колонн и лазурно-голубых стен дворца. По словам современника, дворец был дра-

*Большой дворец в Петербурге. Построен в 1747—1752 гг. Архитектор В. В. Растрелли.
(Ныне Петродворец).*

топленностью, для которой нехватало только футлера. Парадный двор дворца был архитектурно оформлен одноэтажными дугообразными крыльями служебных корпусов с оградой и воротами в их центре. В оформлении внутренних помещений дворца огромную роль играла деревянная резьба — искусство, всегда стоявшее в России на исключительно высоком уровне. Такие дворцовые помещения, как первая, вторая и третья антикамеры, дворцовая церковь и в особенности тронный зал, сохранявшие свою отделку времени Растрелли, были подлинными шедеврами русского декоративного искусства XVIII в.

С дворцом композиционно были связаны окружающие его парки. «Старый сад», возникший еще в петровское время, был расширен. В центре его был построен Ческинский «Эрмитаж», наиболее значительный в художественном отношении из парковых павильонов, воздвигнутых одновременно с дворцом. Центральная аллея «Нового сада», распланированная к западу от дворца, заканчивалась павильоном «Монбизку», построенным также Ческиным. Архитектурный характер композиции парка, строгая симметрия его плана подчеркивались фигурной

подстрижкой деревьев, геометрически правильным рисунком рониц, площадей и водных пространств прудов, бассейнов, каналов.

Строительство Петербурга явилось величайшей школой русского градостроительства. Здесь были созданы кадры талантливых русских зодчих и мастеров и к концу XVIII в. надобность в мастерах-иностранцах почти совершенно отпала.

Русские архитекторы в лице Еропкина, Земцова, Коробова, Чевакинского создают основной планировочный костяк города, тем самым предопределяя его развитие на много лет вперед. Это превосходит аналогичные мероприятия в Западной Европе. Так, если первый план Петербурга, разработанный в Комиссии Санкт-Петербургского строения под руководством П. М. Еропкина, относится к 1737 г., то знаменитый проект реконструкции Парижа, так называемый «План художников», был создан в 1793 г.

Середина XVIII столетия в истории развития русской архитектуры ознаменована чрезвычайно значительными творческими достижениями. За два десятилетия (1740—1760 гг.) были созданы многочисленные архитектурные ансамбли и отдельные сооружения, частью сохранившиеся до нашего времени, свидетельствующие о мощном расцвете архитектурного гения русского народа.

Такие блестящие по своему художественному качеству и грандиозные по размаху ансамбли, как дворцы г. Пушкина и г. Петродворца, Смольный монастырь и Зимний дворец, стояли на уровне высочайших достижений мировой архитектуры.

Этот важнейший этап в развитии русского зодчества XVIII в. связан с деятельностью гениальных русских зодчих С. И. Чевакинского, В. В. Растрелли и целой плеяды их высокоодаренных современников.

Архитектура этого времени широко использовала традиционные приемы и средства русского декоративного искусства. Развивая высокое мастерство русской деревянной резьбы, зодчие середины столетия перенесли это искусство в новое дворцовое и церковное строительство эпохи. Сочетание резьбы, лепки и декоративной росписи сообщало исключительное богатство и придавало необычайный блеск архитектурным сооружениям как в их наружной, так и внутренней отделке.

Дворцовое строительство оказалось в центре внимания правящих кругов, градостроительство отодвинулось на второй план. Это означало несомненное сужение социальной базы развития архитектуры, замыкание ее в круг интересов двора и верхов дворянского общества.

Увлечение декоративностью, внешним блеском сооружений, обременение их деталями грозило увлечь русское зодчество на путь западного барокко с его изощренностью, подчинением целого декоративным деталям. Но этого не случилось. Характерные для эпохи требования пышности, декоративного богатства и внешнего блеска не привели к измельчанию архитектуры. Русские зодчие сумели сочетать внешний блеск зданий с монументальностью, с простотой плана, с четкостью объемного решения и красотой силуэта, свойственными русскому зод-

честву. Эта верность национальным традициям и позволила сооружениям середины XVIII в. стать значительным этапом в развитии национальной архитектуры.

Монументальное церковное и дворцово-парковое строительство характеризует русскую архитектуру середины столетия. В ведущей тематике архитектуры эпохи со всей яркостью сказалась политика дворянского абсолютистского государства, приведшая к расцвету монументального дворцового и культового строительства. Эти виды архитектуры развивались за счет крайне необходимого стране гражданского общественного строительства в городах. Рост богатства архитектурных форм в зданиях культового и дворцового назначения все больше усугублял контраст между центром города и его окраинами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕТЕРБУРГА ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

 По мере застройки города, роста его населения усложнялось и развивалось городское хозяйство Петербурга, прокладывались улицы, строились мосты, набережные, прорывались каналы.

Первоначальные улицы представляли собой просеки с устройством простейшего водостова в виде канав. Местный грунт и обилие осадков делали улицы непроездными в сырую погоду. Один из современников пишет о Петербурге 1711 г.: «Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на всяком шагу вязнешь в грязи».¹ В 1710 г. начались работы по замощению улиц на Городском острове (Петербургская сторона), однако из-за бедности камнем ближайших окрестностей Петербурга, а также вследствие нехватки мастеров дело шло медленно.

Началом крупных работ по замощению нужно считать указ 24 октября 1714 г. о привозе камня в Петербург.² Этот указ изменял в обязанность привозить по 10—30 крупных камней (в зависимости от величины судна) всем приходящим в город судам (причем камни должны были быть весом не менее 10 фунтов) и по 3 более мелких камня (от 5 фунтов и выше) всем приезжающим возам; за каждый недозвезенный камень взыскивалось по гривне. Камни поступали в распоряжение

¹ Русская старина, 1882, т. XXXVI, стр. 54.

² ПСЗ, т. V, № 2852.

Канцелярии городских дел.¹ Этот указ действовал 62 года и был отменен лишь в 1776 г.² Следует отметить, что замощение улиц камнем было начато Петром впервые не в Петербурге, а в Москве, как это видно из указов 1700—1705 гг.

Первые работы по замощению основных магистралей в Петербурге выполнялись пленными шведами. Около 1715 г. ими была замощена новая дорога, проложенная от Адмиралтейства к старой Новгородской дороге (нынешний Невский проспект). Эта дорога, служившая въездом в город, была обсажена по сторонам деревьями в 3—4 ряда, благодаря чему производила впечатление аллеи. Своим благоустройством она поражала приезжавших в Петербург.

Однако правительство не склонно было производить все работы по замощению столицы за счет казны. Мзщение улиц сделалось одной из многочисленных повинностей жителей Петербурга. Указ 18 июня 1718 г. гласил: «...в уездах и в переулках каждому жителю против своего двора насыпать песком, и камнем мостить гладко, по указу, как показано от мастеров».³ Но, помимо натуральной повинности по замощению, практиковалось также производство этих работ государством за счет соответствующего обложения населения. За тем, чтобы сместили во всем против образцов, чтобы впредь не исремацивать было», следили офицеры полиции.⁴

При устройстве улиц большое внимание уделялось водоотводу. Водоотводные канавы, проведенные вдоль улиц, укреплялись досками.⁵ Сохранились сведения об устройстве в петровское время подземных труб для стока воды. Благодаря энергичному воздействию правительства значительная часть улиц Петербурга была замощена уже к концу царствования Петра; и хотя наряду с булыжной мостовой практиковался и менее совершенный вид покрытия — деревянные настилы из поперечно полуженных досок и бревен, — все же улицы приобрели благоустроенный вид, выгодно отличавший Петербург от других городов.

Помимо замощения улиц, в петровское время большое внимание уделялось строительству каналов. Мечтой Петра I было создание города, прорезанного системой многочисленных водных артерий, служащих удобными путями сообщения для жителей Петербурга. Эта идея упорно проводилась в жизнь, хотя в ней, как и в некоторых других начинаниях Петра, было много надуманного. Так, например, ничем не оправдывался утвержденный царем проект создания на Васильевском острове сети каналов, прорезывающих этот остров по направлению всех его внешних проспектов и линий.

¹ Так называлась до 1723 г. Канцелярия от строения, ведавшая строительными работами в городе.

² ПСЗ, т. XX, № 14476.

³ ПСЗ, т. V, № 3210.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, х. 10, л. 76 (1721 г.).

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, х. 16, л. 26 (1722 г.).

Жизнь вносила свои коррективы в замыслы Петра. Материальные ресурсы правительства были ограничены, поэтому в первую очередь производились те работы, которые вызывались самыми насущными потребностями строящегося города, производство же других работ поневоле откладывалось на более позднее время. Сеть каналов на Васильевском острове так и не была создана, как не была осуществлена и вся надуманная петровская идея создания на этом острове центра города. В то же время каналы, жизненно необходимые городу, связанные с осуществлением городской территории, с потребностями обеспечения военной и противопожарной безопасности, с нуждами судоходства, были прорыты в сравнительно короткое время.

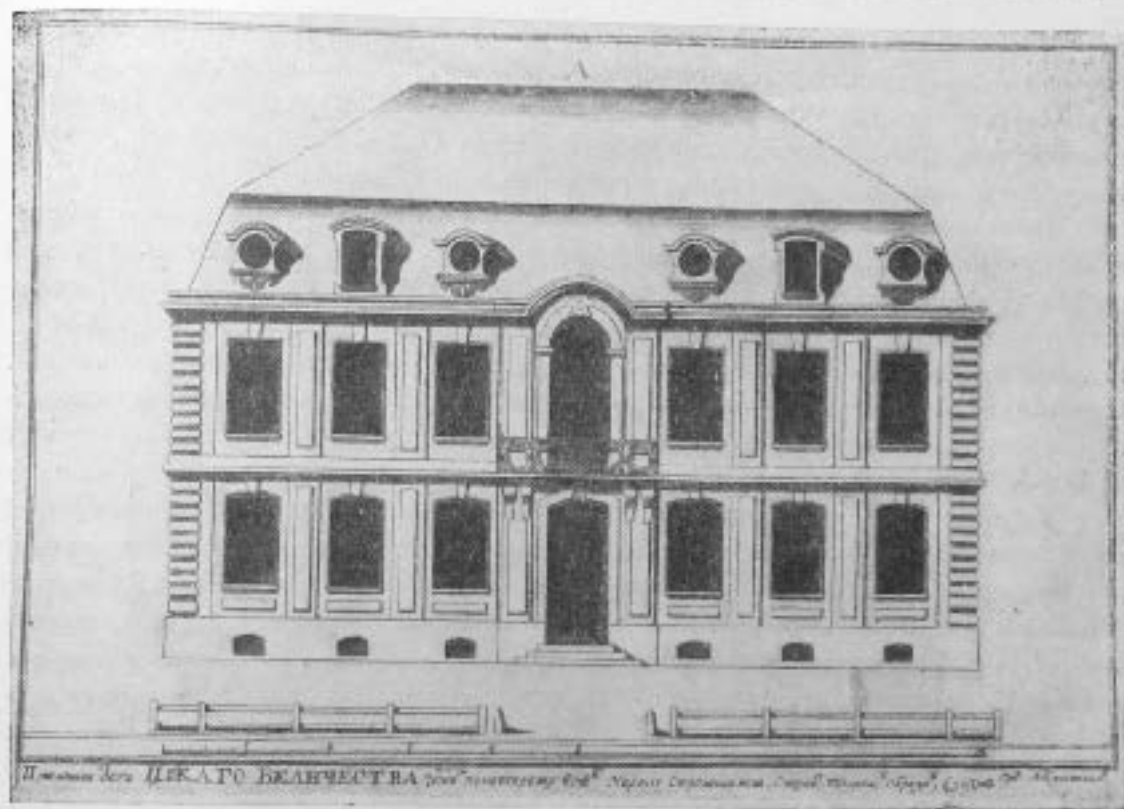
В 1711 г. были начаты работы по устройству сразу нескольких каналов. Мойка была соединена с Фонтанкой у Летнего сада, Красный и Лебяжий каналы из Невы в Мойку сделали островами территории нынешнего Марсова поля и Летнего сада. В 1717 г. были начаты работы по прорытию канала от Адмиралтейства в Мойку, шедшего по линии нынешнего бульвара Профсоюзков, и канала из Невы в Мойку, получившего название Крюкова канала по имени взорвавшего его подрядчика. Каналы вокруг Адмиралтейства, Галерного двора, Партикулярной верфи создали водное окружение вокруг огнеопасных и важных в военном отношении объектов, а канал у Почтового двора (у нынешнего музея Ленина) был прорыт с целью устройства удобной гавани.

Одновременно со строительством каналов производилось укрепление набережных. Эта работа была возложена на жителей города. Строительство набережных, несмотря на неоднократные строгие указы, шло медленно. Тем не менее при Петре на Адмиралтейском острове были укреплены берег Невы, берега Мойки и некоторых каналов. При устройстве набережных делались пристани. Наиболее благоустроенные набережные имели деревянные перила и берега, укрепленные не фашинами, а досками, заложеными за сваи.

Многочисленные водные протоки в Петербурге вызвали необходимость строительства мостов. В 1711 г. уже существовал деревянный подъемный мост, соединявший Петропавловскую крепость с Городским островом.¹ Это был первый мост в Петербурге. В дальнейшем целый ряд деревянных мостов был построен на Адмиралтейском острове. Для пропуска судов по протокам и каналам Петр I требовал делать мосты через них подъемными. В 1720 г. Канцелярия городских дел приступила к постройке ряда подъемных мостов на Адмиралтейском острове, а в 1723 г. подъемных мостов на этом острове было уже 17.² При жизни Петра были устроены мосты через все водные протоки в черте тогдашнего города, не существовало лишь моста через Неву.

¹ Русская старина, 1882, т. XXXVI, стр. 39.

² ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, л. 18, л. 8, 95 (1720 г.); Музей истории Ленинграда, Атлас Майера, ч. I, л. 59.

Образец фасада десятиэтажного дома на набережной Неви. Проект архитектора Д. Трезина, Гражданина А. Ростомцева начала XVIII в.
Государственный Эрмитаж.

Обеспечение строек материалами доставляло немало забот правительству. Все государственные и частные кирпичные, черепичные и другие заводы, пильные мельницы и т. е. не могли обеспечить колоссальных потребностей строящегося города. В 1720 г., например, Петербургу требовалось 36 млн штук кирпича и более 1 млн пудов извести.¹ Несмотря на самые энергичные меры в отношении увеличения производства строительных материалов, правительству так и не удалось вполне справиться с поставленной задачей.

Рост города и все более усложнившееся его хозяйство заставили Петра серьезно заняться вопросами управления Петербургом. Петербургский генерал-губернатор А. Д. Меншиков, поглощенный крупными государственными делами, не мог уделять городу достаточного внимания. Царскому правительству было нужно специальное учреждение, которое держало бы в крепких руках петербургское население, предотвращая возможность народных волнений, а вместе с тем следило бы

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 176.

за выполнением многочисленных царских указов по регламентации городского строительства, городскому благоустройству, противопожарным мероприятиям и регулировало бы городские повинности. Таким учреждением явилась полицеймейстерская канцелярия. Указом 7 июня 1718 г. была создана должность генерал-полицеймейстера, начальника городской полиции.

Назначенный на этот пост Антон Дивнер получил от царя инструкцию об обязанностях полиции, состоящую из 13 пунктов.¹ Согласно инструкции, полиция обязана была наблюдать за городской застройкой, укреплением берегов рек и протоков, чистотой улиц и устройством надлежащего водостова, исправностью печей и дымоходов в домах, за порядком на улицах, за торговлей съестными припасами. Полиция должна была организовывать ночные караулы в городе для предупреждения пожаров и воровства и учредить специальные должности десятских и сотских на жителей столицы для наблюдения за караулами.

Обращают на себя внимание 10-й и 11-й пункты инструкции, вменявшие и обязанность полиции борьбу с подозрительными лицами и выявление беглых солдат, матросов, крестьян. Состав петербургского населения, в котором такой большой удельный вес составляли работные люди, согнанные в столицу со всех концов России и работавшие в исключительно тяжелых условиях, не мог не вызывать опасений правительства, у которого так еще свежи были в памяти народные восстания на Дону, Волге и в Башкирии. Это обстоятельство делало особенно важным для царской администрации учреждение полиции, важнейшей функцией которой становилось наблюдение за населением столицы, борьба с опасными для самодержавного строя элементами.

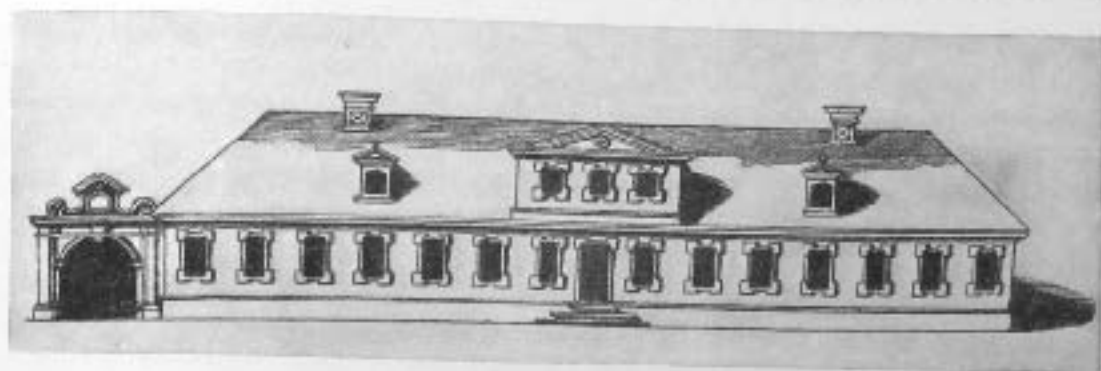
Меры борьбы с подозрительными для правительства людьми отличались исключительной жестокостью. Всех «слоняющихся», «гуляющих» людей велено было хватать и допрашивать, кто они такие.² Крестьян, обнаруженных без «покормежных писем», избивали и отправляли к их владельцам, беглых жестоко истязали, вших били батогами и направляли на работу. Престарелых и увечных велено было направлять в богадельни, но это было лишь благим пожеланием: в Петербурге в 1727 г. было всего 6 богаделен (на 141 место во всех шести),³ так что не могло быть и речи об удовлетворении даже небольшой части всех нуждающихся в призрении. Хозяевам домов в Петербурге было вменено в обязанность немедленно докладывать в полицию о всех приезжающих в столицу, ослушникам этого указа грозила ссылка на галеры и лишение всего имущества.

В функции полиции входило также опубликование всех царских указов и наказание ослушников. За нарушение указов о регламентации городской застройки, поддержании города в чистоте и т. д. были установлены суровые наказа-

¹ ПСЗ, т. V, № 3203.

² Там же.

³ И. К р и л о в. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831, стр. 26.

Фасад образцового дома для Петербурга. Гравюра Н. Пикарта начала XVIII в. с черчения архитектора Д. Трезини.

ния: битие батогами, ломка домов ослушников, взнесение штрафов и т. д. Карательная деятельность полиции наводила ужас на жителей столицы. По свидетельству одного из современников, генерал-полицеймейстер города Диввер внушал такой страх петербургским жителям, что они прозвали при одном его имени.¹

Петровская инструкция Дивверу поставила вновь учрежденную Главную полицеймейстерскую канцелярию во главе управления Петербургом и всеми отраслями его городского хозяйства. Петербургская губернская канцелярия после учреждения полиции совершенно не вмешивалась в управление Петербургом, занимаясь исключительно делами Петербургской губернии. Что же касается самого А. Д. Меншикова, то он продолжал играть большую роль в делах Петербурга в течение всей жизни Петра как один из его самых близких сподвижников.

Учреждением полиции Петр не считал законченной организацию управления Петербургом. В интересах купечества была проведена магистратская реформа, создавшая в городах России органы «самоуправления» торгово-промышленного населения. Уже в то время, когда создавалась в Петербурге Главная полицеймейстерская канцелярия, шла деятельная подготовка к учреждению городских магистратов. 13 февраля 1720 г. последовал указ о назначении Трубецкого обер-президентом над всеми магистратами, а купца Исаева его помощником и президентом петербургского магистрата. Этим было положено начало организации магистратов в Петербурге и других русских городах. Новая структура была окончательно оформлена изданием Регламента Главного магистрата (1721 г.) и Инструкции магистратам (1724 г.).²

Согласно Регламенту Главного магистрата, все население городов России было разделено на две категории: регулярных (полноправных) и нерегулярных граждан. К группе нерегулярных граждан были отнесены

¹ Дневник камер-инкера Берхгольда, ч. I, М., 1857, стр. 93—94.

² ПСЗ, т. VI, № 3708; т. VII, № 4624.

люди, работавшие на черных работах и не найму, т. е. основное рабочее население (кроме крепостных), и слуги, к регулярным гражданам — купцы, ремесленники, доктора, капитаны кораблей. Дворяне, духовенство, чиновники, а также иностранцы совершенно не входили в число граждан, т. е. они не участвовали в выборах и деятельности магистратов, не несли городских тягот. Регулярные граждане делились на две гильдии. В 1-ю гильдию входила более богатая часть населения: крупные торговцы, золотых и серебряных дел мастера, синоникки, живописцы, а также доктора, лекари, аптекари и капитаны кораблей. 2-ю гильдию составляли мелкие торговцы и ремесленники (не вошедшие в 1-ю гильдию). Каждая гильдия выбирала из числа более обеспеченных людей по одному старосте с помощником и по несколько человек старшин. Староста являлся председателем гильдейского схода.

Органом городского управления являлся Городской магистрат. Для городов первой категории (имевших 2—3 тыс. дворов и выше), к которым были отнесены Петербург, Москва, Новгород и другие, магистрат должен был иметь следующий состав: президент, 4 бургомистра и 2 ратмана. При выборе в члены магистрата соблюдался тот же принцип, как и при выборе старшин: выбирать «к тому магистратскому делу меж собою в президенты и бургомистры и в ратманы из первостатейных, добрых пожиточных и умных людей», т. е. наиболее состоятельных людей.¹ Таким образом, городское управление оказывалось в руках небольшой кучки богачей. В отличие от старост, выбиравшихся на два года, члены магистрата выбиравлись пожизненно.

Городской магистрат выполнял функции суда для торгово-промышленного населения города. Вместе с тем на его обязанности лежало распределение налогов и повинностей между гражданами, а также сбор налогов, организация граждан в гильдии, цехи, содействие развитию ремесла, мануфактур, торговли, городского хозяйства.² Во главе всех магистратов был поставлен находившийся в Петербурге Главный магистрат, который фактически выполнял также функции Городского магистрата столицы.

Такова была структура городского управления, установленная магистратскими регламентами Петра. Однако в действительности получилось иначе. По инструкции, в функции Главного магистрата входило учреждение полиции, а в обязанности Городского магистрата — «смотрение за местной полицией», т. е. как будто бы полиция должна быть подчинена магистратам.³ Однако Петр, верный принципам абсолютистского государства, на практике совсем не собирався подчинять петербургскую полицию магистрату.

Главная полицеймейстерская канцелярия осталась независимой от магистратской системы и сохранила в своей власти не только городское хозяйство, но фак-

¹ ИСЗ, т. VI, № 3708.

² ИСЗ, т. VII, № 4624.

³ ИСЗ, т. VI, № 3708, тл. II, абз. XIV.

тически все управление городом. Если кто и имел кого «в своем смотре», то не магистрат полицию, а скорее полиция магистрат, так как на обязанности Главной полицеймейстерской канцелярии лежало наблюдение за выполнением всех правительственных указов, касающихся городского хозяйства и городских повинностей, а значит, контролирование и многих действий магистрата. К тому же полиция имела право применения административных мер воздействия на жителей, чего не было у магистрата. Вследствие всех этих причин магистрат не сделался полноправным органом управления городом, а стал лишь сословным учреждением торгово-промышленного населения (в основном купечества), причем в отношении регулирования повинностей населения он зависел от полиции. Учреждение магистратов, таким образом, не нарушало принципа централизма власти абсолютистского государства.

Слабость магистрата определялась не только административным вмешательством в его деятельность полиции, но и почти полным отсутствием собственных средств. Собирая налоги, магистрат не имел права ими распорядиться и должен был сдавать все собранное в казну.

Доходы Петербурга были довольно значительными: в конце царствования Петра они исчислялись в сумме около полумиллиона рублей (в 1723 г. — 457 255 руб., в 1724 г. — 579 803 руб.)¹ и состояли из ряда сборов, в число которых входили как общегосударственные (такие, как с таможен, портовые и др.), так и чисто городские (с перевозов, торговых бань, рыбной ловли и т. д.). Часто городские сборы составляли менее половины всей суммы. Но на собственные расходы магистрату разрешалось употреблять, и то в весьма ограниченном количестве, лишь средства из неокладных сборов. Определенных денежных ассигнований на нужды городского хозяйства магистрат не имел.

Все средства, отпущенные правительством на нужды города (на городское строительство, благоустройство и т. д.), поступали в распоряжение не магистрата, а Канцелярии городских дел, производившей строительные работы, и полиции и шли в основном за счет общегосударственных доходов; сборы с местного населения составляли сравнительно небольшую часть этих сумм. Строительство Петербурга производилось за счет специального сбора с населения всей страны. Сумма, собираемая с населения страны на содержание принудительно мобилизуемых на строительство столицы рабочих людей, составила в 1716 г. около 256 тыс. руб.²

Отмена натуральной повинности по поставке рабочих людей для строительства Петербурга вызвала увеличение суммы налога с населения до 300 тыс. руб.³ С 1724 г. в связи с введением подушного сбора и отменой ряда других сборов

¹ Г. Богданов и В. Рубан. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... СПб., 1779, стр. 524—525.

² ПСЗ, т. V, № 3124.

³ ПСЗ, т. VI, № 3768.

новое строительство в Петербурге стало производиться за счет соляного сбора. В 1724 г. на все строительные дела в Петербурге и Кронштадте было намечено выделить из этого сбора 662 118 руб.¹

Приводимые цифры не могут дать полного представления о стоимости нового городского строительства, так как за счет отпускаемых средств производился целый ряд работ, не имевших отношения к городскому хозяйству. Львиная доля шла на дворцовое строительство, военные работы и т. п. В то же время многие городские работы производились за счет ведомств, например за счет Адмиралтейства.

Помимо средств на новое строительство, город нуждался в специальных суммах на содержание в исправности различных отраслей городского хозяйства (мостов, набережных и т. д.). Отпуск денег на эти расходы производился государством в весьма ограниченных размерах. Так, в 1720 г. в Главную полицеймейстерскую канцелярию было одновременно отпущено для этих целей всего лишь 2 тыс. руб. Не было и речи об ежегодной выдаче определенной суммы на нужды городского хозяйства, а приходилось каждый раз возбуждать особое ходатайство на выдачу денег. Полиция, на которую было возложено управление городским хозяйством, также имела весьма умеренные собственные средства (штрафные и пр.) — около 3 тыс. руб. в год.² Между тем с каждым годом необходимость специальных средств на ведение городского хозяйства становилась все более настоятельной.

В 1721 г. в связи с намечавшимися капитальными затратами на устройство уличного освещения в Петербурге генерал-полицеймейстер Дивьер поднял вопрос об отпуске средств не только на освещение улиц (21 438 руб.), но и на содержание при полиции архитектора с помощником (1450 руб.), на чистку труб в домах (752 руб.), на содержание улиц в чистоте (2753 руб.) и на покупку пожарных труб (1600 руб.), а всего 27 993 руб. Деньги испрашивались Дивьером из расчета потребности одного года, но с учетом крупных единовременных затрат.

Сенат нашел возможным отпустить всего 5 тыс. руб., вопрос же об остальной сумме разрешался более двух лет. 13 декабря 1723 г. был введен специальный сбор с жителей столицы, шедший на удовлетворение целого ряда нужд города: устройство и содержание уличного освещения, починку мостов, устройство водоотвода на улицах города и вывоз с улиц нечистот. Сбор был положен с каждой квадратной сажени дворовых участков, причем жители Васильевского острова и части Адмиралтейского острова до Мойки платили по 1 коп. с 1 кв. сажени, жители Городского острова и части Адмиралтейского острова от Мойки до Фонтанки — по 1 деньге, а остальные (Московская, Выборгская стороны, Аптекарский остров) — по 1 полушке.³ Этот сбор, который давал при Петре в год около 6 тыс. руб., стал постоян-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 1, д. № 23, лл. 2, 3.

² П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 183.

³ ПСЗ, т. VII, № 4391. — 1 деньга = 1/2 коп., 1 полушка = 1/4 коп.

ным ассигнованием на нужды городского хозяйства в Петербурге и фигурировал в дальнейших указах под названием «квадратных денег».

Как видно, размер обложения, уставовленного для покрытия ряда расходов по городскому хозяйству, не был достаточен даже для устройства уличного освещения. Учитывая это, в распоряжение полиции были переданы некоторые сборы, поступавшие раньше в доход казны: «иссаженные деньги»,¹ «хомутный сбор» и четвертая часть сбора с новоустроенных постоянных дворов. Все вместе, однако, далеко не покрывало неотложных нужд городского хозяйства. Поэтому правительство стремилось переложить содержание отдельных отраслей городского хозяйства непосредственно на жителей Петербурга. Так, например, содержание в исправности набережных было целиком возложено на хозяев дворов, живших по этим набережным.

Так же было и с ремонтом мостовых и содержанием улиц в чистоте. Указ 3 сентября 1718 г. требовал под угрозой штрафа, чтобы «каждый житель против своего двора по утрам рано, покамест люди по улице не будут ходить... с мостов всякий сор сметали, и камень, которое из своего места выломится, поправляли, и чтоб по улицам отнюдь никакого сору не было...». ² Сор полагалось вывозить в «указные места», но добиться этого было очень трудно. Несмотря на грозные предостережения, сор свалился в реки, каналы и другие «неуказные места». Вследствие этого Динвер предложил завести городскую команду возчиков, которая бы вывозила собираемый в кучи сор с улиц. Это предложение было утверждено с отнесением стоимости содержания за счет «квадратных денег».³

То особое внимание, которое Петр I уделял водным коммуникациям в городе, вызвало ряд указов по соблюдению известного режима на водных магистралях. Помимо строжайшего запрещения засорять реки и каналы, необходимо было установить порядок в движении и причаливании судов. Грузовые суда могли подойти и встать на якорь не ближе 10 сажен от берега и подтягиваться к пристани лишь на самое короткое время. Разгрузку требовалось вести быстро и убирать разгруженные материалы немедленно, чтобы не загромождать пристани и набережные. Хозяевам дворов, расположенных на набережных, было вменено в обязанность извлекать из воды затонувшие против их домов суда.⁴

Строго регламентировалось и начало переправ через реки после ледостава и ледохода. Специальная команда, вооруженная лопатами, ломом и веревками, обеспечивала безопасность зимних переправ. В обязанность команды входило не пропускать жителей через реку во время ледостава и ледохода, а также устраивать зимнюю дорогу по льду после ледостава. Устроенная на льду дорога обозначалась

¹ Сбор, взимающийся при отводе земельных участков под застройку.

² ПСЗ, т. V, № 3226.

³ ПСЗ, т. VII, № 4391.

⁴ ПСЗ, т. VI, №№ 3823, 3800, 3799.

с обеих сторон воткнутыми в снег вехами, после чего пушечным выстрелом сообщалось о разрешении проезда по льду. Петр обычно проезжал первым.

Одним из крупных мероприятий в области городского хозяйства Петербурга было устройство уличного освещения. Это дело было новое для России и сравнительно недавно начало практиковаться в некоторых больших городах Западной Европы. Проект уличных фонарей в Петербурге был разработан архитектором Леблоном и одобрен царем в 1718 г. Фонари изготавливались на ямбургских заводах Мешникова. Мы не знаем даты, когда зажгется первый фонарь постоянного уличного освещения в Петербурге. Известно только, что фонари прежде всего были установлены на Адмиралтейском острове у Зимнего дворца и у Адмиралтейства и что в 1720 г. фонари у Зимнего дворца уже горели. Полиция предполагала установить в городе 595 фонарей, а для зажигания и присмотра за фонарями организовать команду фонарщиков в 64 человека. В 1723 г. фонари частично уже были установлены. Освещение производилось конопляным маслом.

Большое внимание администрация Петра I уделяла зеленым насаждениям Петербурга. При строительстве города строжайше запрещалось вырубать деревья. Вместе с тем жителям города вменялась в обязанность посадка кленов на улицах против своих домов с устройством защитных ящичков для предохранения деревьев от порчи светом.¹

Петр всячески поощрял устройство частных садов и много средств тратил на разбивку роскошных дворцовых садов, поражавших современников своим совершенством. В связи с устройством фонтанов в саду Летнего царского дворца был прокопан специальный канал (Лиговский),² подававший воду из реки Лиги в бассейн, вырытый у нынешней улицы Некрасова. Отсюда вода частично по открытым, частично по закрытым трубам через Фонтанку подавалась к фонтанам Летнего сада. Это был первый водопровод в Петербурге, он был открыт в 1725 г., уже после смерти Петра.³

В разных частях города находились уличные часы. Такие часы с курантами были устроены на церквях Троицкой (на нынешней площади Революции), Воскресенской (на Васильевском острове), но самыми лучшими городскими часами были большие часы с курантами, установленные на башне Петропавловского собора. Механизм курантов приводился в движение вручную.

Петровские указы уделяли много внимания благоустройству торговых мест. Наблюдение за торговлей поручено было полиции, которая должна была следить за порядком во время торговли, правильностью мер и весов и благоустройством торговых мест.

Указ 15 ноября 1718 г. запрещал торговать на Невской перспективной дороге, потому что шловод по большой дороге от гесноты за многолюдством весьма

¹ ЦГАЛ, ф. 1329, оп. 2, д. XX, лл. 91—92 (1721 г.).

² Этот канал шел по направлению Лиговской улицы (ныне Сталинградский проспект).

³ Т. Б. Дубяго. Летний сад. М.—Л., 1951, стр. 67, 71.

труден и от того члняются великие драки». ¹ Указ предписал также продавцам съестных припасов торговать в белых «мундирах», таких же, «как в мясном и рыбных рядах у торговых людей». Однако наличие белых «мундиров» у продавцов никак не говорило о чистоте мясных рынков. Наоборот, они были в крайне антисанитарном состоянии. Мясники тут же на рынке били скотину и бросали поблизости внутренности животных, «от чего мерзостный дух происходит и нечистота». ² Вследствие дурного запаха было трудно проезжать по Мойке около мясного рынка. Правительство вынуждено было отвести для убой скота специальное место за городом.

Строго регламентировался внешний вид торговых палаток. Правительство требовало, чтобы палатки обтягивались холстом, а не рогожей. Это требование либо вовсе не выполнялось, либо выполнялось формально: палатки хоть и делали из холста, но из старого, заплатанного, «что было человеческому глазу мерзко». Поэтому Динеру приказано было сделать специальную образцовую палатку, чтобы по ней были устроены все другие. ³

Полиция обязана была следить, чтобы торговля производилась лишь доброкачественными товарами. Особое внимание уделялось борьбе с дороговизной продуктов. В Петербурге, целиком зависевшем от привоза съестных припасов, цены на продукты поднимались часто. Правительство боролось с этим явлением путем установления твердых цен. Этим занималась полиция совместно с магистратом. Едва ли эта мера приносила какую-либо пользу трудовому населению Петербурга, но она практиковалась в течение всего XVIII в. Также в течение всего века соблюдался порядок торговли на рынках, установленный при Петре: до полдня по твердым ценам, после полдня по вольным ценам. ⁴

Наибольшие заботы правительству доставляло пожарное дело. 28 июня 1710 г. крупный пожар на Петербургской стороне уничтожил обширный рынок Ростовские ряды (на телерешной площади Революции). Крупные пожары были и в последующие годы, например в 1723 г. на Васильевском острове.

В целях борьбы с пожарами правительство требовало от населения выполнения правил противопожарной безопасности и в то же время предприняло ряд мер для организации тушения пожаров. При строительстве зданий требовалось соблюдение противопожарных мероприятий: класть печи на фундаментах, устраивать кирпичные разделки у дымоходов, крыть крыши черепицей и т. д. Вместе с тем всецело стимулировалось каменное строительство. Принимались и другие меры: например летом избы и бани разрешалось топить лишь по субботам, печи, очаги и бани полиция должна была осматривать «по всякую четверть года» ⁵ и т. д.

¹ ПСЗ, т. V, № 3236.

² ПСЗ, т. V, № 3422.

³ ЦГИАЛ, ф. 1329, оп. 2, д. 20, л. 4 (1721 г.).

⁴ ПСЗ, т. VII, № 4633.

⁵ ПСЗ, т. V, №№ 3212, 3395, 3303.

Особое внимание было обращено на очистку печных труб в домах обывателей. Жителям вменялось в обязанность производить чистку труб раз в месяц; однако этот указ не выполнялся. Попытка Дивьера организовать городскую трубочистную команду в составе мастера с подмастерьем и 30 трубочистов не увенчалась успехом: Сенат утвердил проект организации команды, но средств не отпустил, предписав разложить расход на жителей.¹ На этом дело и заглохло до 1737 г.

Тушение пожаров было одной из повинностей жителей. Требовалось, чтобы с каждого двора люди приходили на пожар с положенным инструментом. Инструменты были несложны: для ломки горящих зданий — крючья, топоры, вилы; для тушения — ведра, лестницы, парусы, войлочные щиты, водоливные трубы. Простейшие инструменты (топоры, ведра, багры, вилы и т. д.) жители приносили на пожар из дома, причем в особых списках указывалось, кому что приносить.² Жители же обязаны были нести пожарную вахту по ночам. Сигналом тревоги служили трещотки и барабанный бой. В трудных случаях тушить пожары помогали войска. В 1718 г. для тушения пожаров на судах, а также строениях, расположенных по берегу реки, были устроены 2 плашкоута³ с поставленными на них брандсбойтами.

Первая пожарная команда была организована в 1722 г. при Адмиралтействе из рабочих; она делилась на 2 смены. В Адмиралтействе имелись пожарные трубы и склад для пожарного инструмента. В городе дело обстояло гораздо хуже. Там не было команды, не было труб, и тушение производилось дедовскими способами. В 1721 г. Дивьер обратился в Сенат с просьбой об отпуске средств на приобретение 4 пожарных заливных труб, поскольку адмиралтейские трубы обелужить весь город не могли.⁴ Повидимому, трубы были приобретены, и Дивьер организовал караульня для их хранения. Однако постановка пожарного дела в Петербурге оставалась неудовлетворительной, как это выяснилось очень скоро во время пожаров 1736—1737 гг.

Другим видом стихийных бедствий, от которых приходилось страдать городу, были наводнения. Они дали себя знать с первых лет существования Петербурга. Каждое наводнение вырывало разрушения и жертвы среди населения. Сохранилось описание современника одного из сильнейших наводнений петровского времени 5 ноября 1721 г., когда вода поднималась на 2,2 м выше ординара. «Из дома ... можно было видеть все, что происходило на реке. Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они веслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти неминуемой гибели. Со всех сторон плыло такое огромное количество дров, что можно было бы в один этот день наловить их на целую зиму... На дворе ...

¹ ПСЗ, т. V, № 3210; т. VI, № 3777.

² ПСЗ, т. V, №№ 3203, 34:2.

³ Плашкоут — плоскодонное судно без палубы.

⁴ ПСЗ, т. VI, № 3777.

вода... доходила лошадям по брюхо; на улицах же почти везде можно было сидеть на ледках. Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш...».¹

После этого наводнения было приказано архитектору Гербелю заметить высший уровень подъема воды в Переведенских слободах на Адмиралтейском острове и впредь требовать, чтобы в новостроящихся домах полы делались выше этого уровня.² Эта мера была явно неосуществима, так как пришлось бы слишком высоко поднимать полы зданий, и к тому же никак не решалась сама проблема борьбы с затопляемостью города. Тем не менее петровский указ 1721 г. послужил основой для ряда подобных указов его преемников.

Жизнь в петровском Петербурге была нелегкой. Находясь в довольно неблагоприятных климатических условиях, испытывая ужасы частых наводнений, население строящегося города было отягощено многочисленными поборами и повинностями. Наиболее тяжелыми повинностями были постоянная и караульная. Помимо в Петербурге постоянных казарменных помещений для размещения войск, правительство расселяло военнослужащих по квартирам обывателей, о чем уже говорилось выше.³

Караульная повинность имела целью охрану от пожаров и воров. В конце улиц были устроены шлагбаумы, у которых каждую ночь должны были, соблюдая очередность, дежурить караульщики из жителей. Шлагбаумы опускались в 11-м часу вечера и поднимались лишь после утренней зари в гарнизоне. В ночные часы разрешалось пропускать только знатных персон, команды солдат или команды, идущие на работы, медиков и духовенство. Ежедневно для несения караулов выставлялось в Петербурге 1200 человек. От несения этой повинности не освобождалось даже духовенство. Однако зажиточные люди не испытывали по-настоящему ее тяжести, так как прибегали к найму вместо себя караульщиков. Наем караульщика, так же как и наем человека для исполнения должности десятского и сотского, стоил в то время больших денег.⁴ Караульная повинность, так же как и постоянная, всей своей тяжестью ложилась на трудовое население, не имевшее возможности нанять за себя караульщиков.

Подводя итоги деятельности петровского правительства в деле развития городского хозяйства Петербурга, следует отметить в этой области значительные успехи. За короткий срок был построен на пустом месте большой город. Некоторые отрасли петербургского городского хозяйства были либо совершенно новыми для России, либо получили в Петербурге небывалое для русских городов развитие. По своему благоустройству, планировке, системе застройки Петербург далеко ушел вперед от других городов России. Эти успехи, однако, были достигнуты

¹ Дневник камер-инжера Берхгольца, ч. I. М., 1857, стр. 217—218.

² ИСЗ, т. VI, № 3853. — Переведенские слободы находились в районе нынешней улицы Пелеханова.

³ См. главу IV.

⁴ ИСЗ, т. VI, № 3494.

за счет беспощадной эксплуатации трудящегося населения, отягощенного бесконечными повинностями и поборами. Каждое новое мероприятие правительства влекло и новые тяготы. Реальных же результатов для себя трудовые слои населения не видели, так как слободы рабочих людей оставались неблагоустроенными.

Преемники Петра далеко не с такой энергией, как он, занимались застройкой города и его благоустройством. В области городского управления Петербурга вскоре после смерти Петра произошли изменения. В 1727 г. Главный магистрат был упразднен, а вслед затем были упразднены магистраты и во всех городах России.¹ Созданная на месте Главного магистрата петербургская Ратуша была лишена даже видимости административных прав; она ведала лишь судом «купеческих людей» и собирала порученные ей сборы и пошлины с населения, которые шли в доход государства. Ратуша состояла из бургомистра и двух бурмистров, выбиравшихся на один год из наиболее богатой части купечества.

Исполнение этих должностей было тяжелой повинностью для купцов, так как, помимо отвлечения от основных занятий, возлагало на них ответственность за полноту сборов с населения. Почетная обязанность превращалась, таким образом, в неприятную повинность, от выполнения которой всякий избранный стремился избавиться как можно скорей. Если уж магистраты не пользовались авторитетом, то положение Ратуши было поистине жалким. В докладе Сената кабинет-министрам в 1740 г. о петербургской Ратуше говорится: «...в нынешней Ратуше, без главного командира, бурмистры, с погодною переменою обретающиеся, как к распорядкам гражданским поочередно, так и к их самих защищению смелости не имеют, от чего здешнее гражданство пришло в крайнее изнеможение...».²

Вследствие этого Сенат признал необходимым вернуться к петровским магистратам, что было принципиально решено правительством еще в 1732 г. Однако дело затянулось. Лишь в 1743 г. магистраты были восстановлены.³

Главный магистрат теперь помещался в Москве, а в Петербурге находилась его контора, выполнявшая одновременно и функции петербургского Городского магистрата. Служба членов магистрата, как и при Петре I, стала пожизненной, несколько увеличились их права по сравнению с бургомистрами и бурмистрами Ратуши, однако на управление городом и на его хозяйство Петербургская контора влияла мало. Очень характерно, что до 1763 г. Главный магистрат и его контора в Петербурге не имели утвержденных штатов и служащие обеих учреждений должны были жить на вознаграждение, получаемое от челобитчиков, — «кто что даст по своей воле».⁴

Считаясь органом городского управления, Петербургская контора Главного магистрата не имела денежных средств на нужды города, несмотря на то, что суще-

¹ ПСЗ, т. VII, № 5142; т. IX, № 5302.

² ПСЗ, т. XI, № 8283.

³ ПСЗ, т. VIII, № 5994; т. XI, № 8734.

⁴ ПСЗ, т. XII, № 9081.

ствование городской кассы было узаконено правительством. Указ 12 сентября 1728 г. разрешил городам России иметь свои денежные кассы, которые должны были пополняться за счет самообложения жителей и за счет возможных излишков, получавшихся у магистратов при сборе налогов с населения.¹ Такие излишки носили название «приборных денег». Но правительство очень скоро наложило свою руку на «приборные деньги». В 1735 г. было разрешено лишь $\frac{1}{10}$ часть их расходовать на городские нужды, отдавая остальную часть государству, а через 10 лет, в 1745 г., вообще запрещено было расходовать «приборные деньги», которые должны были идти на покрытие недоборов и постройку смиренных домов.² Таким образом, городская касса могла существовать лишь за счет самообложения населения, и, следовательно, не могло быть и речи о каких-либо существенных затратах со стороны магистрата на нужды города.

Все средства, отпускавшиеся правительством на нужды города, поступали в распоряжение полиции и ведомств, занимавшихся городским строительством. В послепетровское время влияние полиции еще усилилось. Полицейский штат быстро разрастался. При полиции имелась специальная команда для поддержания порядка в городе, борьбы с нарушителями указов и «подозрительными» личностями. Эта функция полиции с точки зрения правительства была наиболее важной; меры полицейского воздействия на население отличались не меньшей жесткостью, чем при Петре. Полицейский аппарат, надежная опора самодержавия, пользовался неизменной поддержкой императоров. Главная полицеймейстерская канцелярия находилась в особом положении по сравнению с другими учреждениями. При Елизавете Петровне, например, главный полицеймейстер Петербурга подчинялся непосредственно императрице, минуя даже Сенат.

Как и во времена Петра, в ведении полиции находилось все городское хозяйство Петербурга, вместе с тем она контролировала все новое строительство. Архитектурная контора при полиции утверждала проекты всех новых зданий. Запрещалось что-нибудь строить в городе без разрешения полиции. Старший архитектор Главной полицеймейстерской канцелярии являлся по существу главным архитектором города. В функции полиции входило регулирование застройки Петербурга с основной целью предотвращения возможности возникновения пожаров. Деятельность полиции в этой области была неудачной. Крупнейшие пожары на Адмиралтейском острове в 1736 и 1737 гг. уничтожили около $\frac{1}{10}$ всех строений Петербурга. Непушанное правительство понимало, что нужны самые радикальные меры для предупреждения возможности повторения подобных бедствий.

Деревянныи, тесно расположенные халбарки Переведенских слобод в пожарном отношении были настоящим пороховым исгребом. Не меньшую опасность представляли и другие части города. Каменные строения были немногочисленными

¹ ПСЗ, т. V:II, № 5333.

² ПСЗ, т. XII, № 9208.

и располагались лишь по набережным и главным магистралям Петербурга. Планировка города оставляла желать много лучшего.

Разрешение вопросов, связанных с городской застройкой, требовало создания авторитетного органа. 10 июля 1737 г. была учреждена с этой целью Комиссия о С.-Петербургском строении, наделенная большими полномочиями. По части застройки города в зависимость от этой комиссии была поставлена сама Главная полицмейстерская канцелярия и ее архитектурная контора. Деятельность Комиссии о строении, оставившая большой след в истории застройки Петербурга, описана выше, в главе V (Планировка и архитектура Петербурга). Одно из предложенных Комиссией — о разделении города на пять частей — было осуществлено уже в первый год ее деятельности.

Город был разбит на следующие части: Адмиралтейская (Адмиралтейский остров), Васильевская (Васильевский остров), Петербургская (Петербургская и Выборгская стороны), Московская и Литейная. В последние две части входила городская территория за Фонтанкой (т. е. на окраине тогдашнего Петербурга), и границей между ними служила Невская перспективная дорога. К Литейной части относилась также Охта и все слободы Александр-Невской лавры.

В каждой части города были созданы полицейские штабы — «съезжие дворы»; специально выделенные полицейские офицеры отвечали за благоустройство и порядок в порученной им части. В 1739 г. был учрежден съезжий двор на Охте; в том же году Выборгская часть была выделена из состава Петербургской. Таким образом, общее число частей города возросло до 7.

В 1763 г., когда были утверждены штаты полиции, полицейский аппарат представлял уже сложную структуру. Помимо Главной полицмейстерской канцелярии, в которой работало одних только чиновников (секретарей, канцеляристов, коништов и т. д.) до 30 человек, в штат полиции входила квартирная контора (видимо, для распределения постоя), архитектурная контора («для смотрения над строением и снятия планов»), пожарная команда, трубочистная команда, 120 фурманов-возчиков по вывозке городских нечистот, полицейские штабы при съезжих дворах в частях города. Весь штат составлял 318 человек.

Городское хозяйство Петербурга в послепетровское время значительно усложнилось. С расширением города возникала потребность в строительстве новых мостов, осушении отводимых под застройку территорий, прокладке и замощении новых улиц и т. д. Вместе с тем необходимо было поддерживать в должном состоянии благоустройство уже застроенной части города, ремонтировать мостовые, набережные, мосты, заботиться о постоянных дворах, торговых банях и пр.

В 1738 г. в Петербурге было уже более 40 мостов.¹ Все они были деревянные, в большинстве случаев подъемные, недолговечные и часто перестраивались. При постройке Колюшенного моста через Мойку был применен любопытный способ:

¹ Музей истории Ленинграда, Атлас Майера, II, ч. I, лл. 31—32.

чтобы не делать мост подъемным, в середине его гранитного строения была оставлена прорезь шириной в 1 аршин для пропуска мачтовых судов. Прорезь эта закладывалась досками, которые убирались при проходе судна.¹ Однако новый тип мостов не получил широкого применения, так как не создавал удобства ни для пропуска судов, ни для проезда экипажей.

Петербургские мосты не имели одного хозяина, а находились в ведении учреждений, построивших их: часть мостов принадлежала Адмиралтейству, часть — Канцелярии от строений, некоторые находились в ведении гвардейских полков и т. д. Между Главной полицеймейстерской канцелярией, осуществлявшей общее наблюдение за городскими мостами, и этими ведомствами шли постоянные споры, кому надлежит ремонтировать мосты.

В 1727 г. был наведен первый мост через Неву за Васильевский остров (Исаакиевский). Этот мост на пловучих опорах был устроен по приказанию Меншикова против его дворца. После падения всесильного временщика мост был по решению Верховного тайного совета разобран «для удобства судового хода» и заменен перевозом. Но необходимость моста становилась уже очевидной для всех.

В 1732 г. Адмиралтейской коллегии было предписано устроить мост через Неву на старом месте и предусмотреть в нем проходы для судов.² С тех пор мост наводился ежегодно по вскрытию льда и разводился осенью. Это выполняла Адмиралтейская коллегия. Приставленный от нее дежурный офицер являлся начальником караула и следил за разводом моста в ночное время.

Проезд по мосту был платным. При проходе и проезде через мост взималась с пешех 1 коп., с возов 2 коп., с карет и колясок парами 5 коп., с судов (в развод моста) 1 руб. Специальная такса была установлена за прогон через мост скота. Взимание платы за проход по мосту было тяжелым бременем для трудового населения, которое получало ничтожное вознаграждение за свой труд. Достаточно сказать, что квалифицированный каменщик получал всего 10 копеек в день. Однако и более обеспеченные слои населения тяготелись необходимостью платить за проход по мосту. В 1741 г. поступила от караула жалоба на самого генерал-полицеймейстера Наумова, отказавшегося платить за проезд.

В связи с этим последовало специальное разъяснение, чтобы бесплатно пропускались лишь дворцовые кареты, дворцовые курьеры, участники церемоний, а также лица, идущие на пожар и с пожара. На право бесплатного проезда через мост выдавались специальные билеты.

Повинны за проезд взимались и на других мостах Петербурга: по Невской перспективе, на мостах через Фонтанку, через Прижку и т. д.³ На некоторых мостах плату вносили дежурные от гвардейских полков, в ведении которых эти мосты находились. Плата за проезд по петербургским мостам была отменена лишь

¹ П. И. Петров, ук. соч., стр. 363—364.

² ПСЗ, т. VIII, № 5973.

³ ПСЗ, т. XIV, № 10463.

15 сентября 1755 г., более чем через полтора года после отмены мостового сбора во всей стране¹ в связи с отменой внутренних таможенных пошлин. Вскоре после этой реформы многие мосты (через Фонтанку, Пряжку, Глухую реку, Карповку и др.) перешли в непосредственное ведение Главной полицеймейстерской канцелярии.

В 1759 г. Петербург обогатился двумя новыми большими мостами на пловучих опорах: с Васильевского острова на Петербургскую сторону — Тучков мост, и с Петербургской стороны на Выборгскую — Сампсоньевский мост (на месте нынешнего Гренадерского). В 1760 г. были устроены мосты с Антекарского острова на Каменный и на Городской острова. Таким образом, все части города были соединены мостами, и осуществлена «коммуникация круглая через все реки».² Содержание Исаакиевского, Тучкова и Сампсоньевского мостов было сдано на откуп купеческой компании.³

Помимо мостов, в Петербурге имелись также перевозки, так как число мостов через Неву было недостаточно. Известны 11 перевозов через Неву и ее протоки, существовавшие в городе в середине XVIII в. Все эти перевозки находились в ведении Конторы партикулярной верфи. Некоторые учреждения держали на Неве шлюпки для перевозки своих служащих. Гребцам этих шлюпок строгойше запрещалось перевозить посторонних людей, чтобы не уменьшать дохода от казенных перевозок.

Набережные и каналы после Петра быстро пришли в упадок. В 1727 г. Главная полицеймейстерская канцелярия доносила Сенату, что «при Фонтанной и Мые речках и при каналах сваи, доски, брусья и шеты попортило, и многие погнили, и землю водою вымывает, и от того каналы запосит, и в тех местах також и по берегу Невы реки, при обывательских домах берега и мосты весьма попортились... и от такой долговременной напочинки пришли оные каналы и речки в такую худобу, что запосло землю в половину, от чего проход и мелкими судами весьма с трудностью...».⁴

Такое бедственное положение усугублялось еще тем обстоятельством, что не ясно было, кто же должен ремонтировать набережные: полиция ли, Канцелярия ли от стрелний, сооружившая часть каналов, или жители, каждый против своего дома.

Полиция добилась того, что Канцелярия от стрелний было вменено в обязанность ремонтировать проведенные ею каналы. Ремонт остальных набережных должен был производиться жителями. Однако это не выполнялось. На Мойке положение было настолько катастрофическое, что по ней было прекращено вся-

¹ ПСЗ, т. XIV, № 10170, 10463; т. XV, № 11221.

² А. А. Титов. Дополнения к историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга. СПб., 1903, стр. 19.

³ ПСЗ, т. XV, № 10908.

⁴ ПСЗ, т. VII, № 5014.

THE PEOPLE'S SERVICE

кое движение судов. Правительству пришлось произвести в 1736—1739 гг. чистку реки за свой счет с затратой 30 тыс. руб.: часть этой суммы велено было удерживать с жителей. В 1752 г. берега Мойки обили новыми сваями и устроили деревянную набережную с перилами. Около того же времени, в 1750 г., устроена была новая набережная по левому берегу Невы и заново укреплены берега некоторых каналов.¹

После Петра I строительство новых каналов почти прекратилось. Начатые после его смерти работы по рытью каналов на Васильевском острове не были доведены до конца. Неделанные каналы были заброшены и постепенно засорены. По сообщению Комиссии 1762 г.,² в них была одна грязь «и проеходит дух вредительный здоровью». Комиссия рекомендовала засыпать их совсем.³ В конце XVIII в. на месте прежних каналов были лишь обложенные досками канавы для стока воды вдоль улиц.

Интересным мерсирингом 30-х годов XVIII в. явилось осушение территории, расположенной между нынешним Невским проспектом и Таврическим садом, в то время заболоченной и пустовавшей. Миних обратил внимание на то, что весь этот участок может быть легко осушен, так как по абсолютным отметкам он вовсе не является низиной. В 1733 г. Миних предложил осушить всю территорию за свой счет с тем, чтобы $\frac{1}{10}$ часть всех осушенных земель была передана ему в наследственное владение. Правительство приняло предложение. В течение 1733—1734 гг. местность была осушена и долгое время находилась под огородами.

Вследствие заболоченности территории, на которой возник Петербург, все строительные работы на новых участках начинались с осушения местности. Для этого еще до постройки домов прокапывались канавы вдоль будущих улиц. При прокладке новых улиц на Московской стороне Комиссия о строении⁴ требовала соблюдения определенных правил. После устройства просеки для улицы на землю настилались фашины, поверх которых валялся крупный лес. Деревья засыпались затем землею из канав. После этого разрешалось новую улицу мостить камнем.⁵

Замощение и очистка улиц, как и при Петре, считались обязанностью жителей. Такая система мощения не могла обеспечить хорошего качества мостовых. Тем не менее современникам они казались превосходными. Недаром Болотов в своем дневнике говорит о «глазких петербургских мостовых»,⁶ по которым можно было ездить с большой скоростью.

¹ А. А. Титов, *ук. соч.*, стр. 6, 7, 8, 18.

² Комиссия для устройства городов С.-Петербурга и Москвы, учрежденная в 1762 г. и ведавшая вопросами планировки и застройки.

³ ПСЗ, т. XVIII, № 12883.

⁴ Комиссия о строении была учреждена в 1737 г. См. о ней в главе V.

⁵ ПСЗ, т. X, № 7875.

⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. II. СПб., 1871, стр. 180.

Много внимания уделялось правительством приданию улицам города парадного вида. При Елизавете Петровне велась борьба с вывесками на домах по главным улицам города, а также делались попытки убрать с этих улиц кабаки. Парадность Невской перспективе придавали двое триумфальных ворот, устроенных на ней в 1732 г.: одни у Аничкова моста через Фонтанку и другие у Зеленого моста через Мойку.

Петербург XVIII в. утопал в зелени садов. Однако это были царские и частные сады. Ни одного общественного парка в городе не было. Елизавета Петровна разрешала в определенные дни недели пускать в царские сады более обеспеченных жителей Петербурга, но при этом требовалось, чтобы люди были хорошо одеты, и категорически запрещалось пускать в сады матросов, слуг и вообще бедный народ.¹

За санитарным состоянием города следила полиция. Она должна была наблюдать, чтобы улицы, площади и рыночные места были чистые и чтобы никакой «падалей» или «мертвечины» по улицам не валялось. Особое беспокойство вызывали эпидемии. Во время коловского падежа 1756 г. были приняты чрезвычайные меры. Специальные заставы не пропускали никого ни в город, ни из города. Пикеты брали под караул всех бросающих падаль. В городе дежурили ночные караулы из жителей столацк. Напряженная обстановка продолжалась свыше месяца.

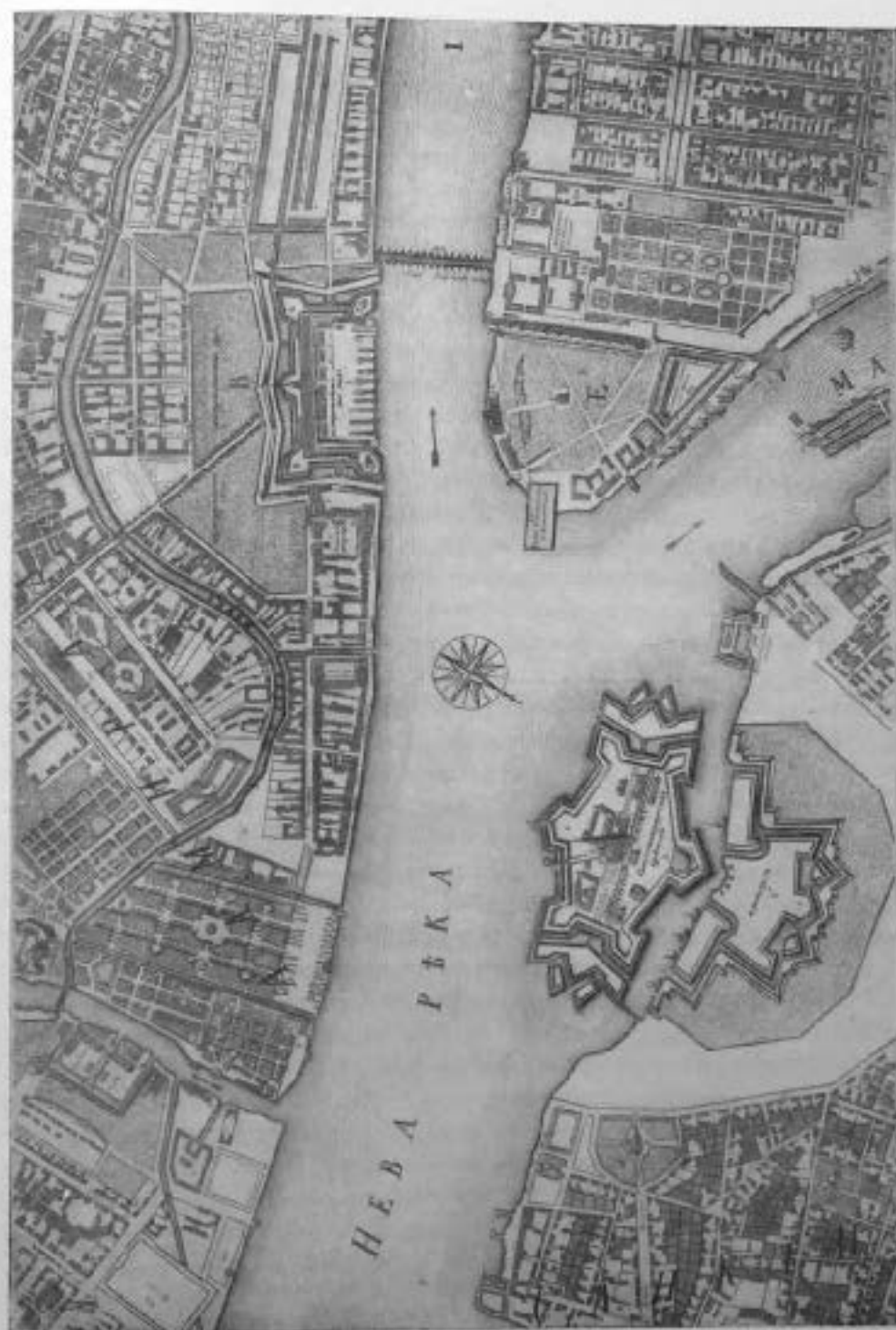
Немало забот доставляли и кладбища. С первых лет существования города правительство стремилось вывести кладбища за городскую черту. Но это не всегда удавалось, и мероприятия правительства в этой области не были до конца последовательными. Однако антисанитарное состояние кладбищ, из которых некоторые с ростом Петербурга оказались чуть не в центре города, заставило правительство принимать срочные меры.

В 1746 г. приказано было закрыть Вознесенское и Калининское кладбища, так как императрица во время своей поездки в Екатерингоф сама убедилась в «тяжелом духе», идущем с кладбищ. Через 10 лет были закрыты все кладбища в пределах города, и Губернской канцелярии предписано было устроить новые: в районе Волковой деревни (нынешнее Волково кладбище), на Васильевском острове (нынешнее Смоленское) и на Выборгской стороне, что и было выполнено.²

Из всех отраслей городского хозяйства Петербурга в послепетровское время едва ли не больше всего забот правительству продолжало доставлять пожарное дело. Частые пожары в Петербурге производили большие опустошения. Кроме тяжелых для города пожаров 1736—1737 гг., крупные пожары происходили и в последующие годы: в 1747 г. горело здание Академии Наук (петровская Кувстка-

¹ ПСЗ, т. XIV, №№ 10560, 10573.

² ПСЗ, т. XII, № 9276; т. XIV, № 10553.

Деталь плана, расширенного в Академии Наук под руководством И. Сокжова в 1753 г.

мера), в 1761 г. произошел большой пожар в Мещанских улицах (район нынешней улицы Плеханова), продолжавшийся 14 часов и уничтоживший много домов, и т. д.

Эти бедствия держали правительство в постоянном напряжении. Одни за другими издавались указы о противопожарных мероприятиях, однако в большинстве случаев они не представляли ничего нового по сравнению с мерами петровского времени. Новыми были лишь организация городской трубчатой команды при полиции (в 1737 г.) и предписание о заведении пожарного инструмента в важнейших учреждениях и военных частях.

Огромные пожары XVIII в. оставляли без крова сотни людей. Во избежание возможных волнений правительству приходилось принимать меры помощи пострадавшим. Это было тем более необходимо, что каждый пожар сопровождался повышением цен на съестные припасы и строительные материалы, а также увеличением платы за наем квартир. Правительство пыталось вести борьбу с этими явлениями путем подтверждения после каждого пожара установленных цен на продукты и строительные материалы. Нарушителям указов грозили суровые наказания. Едва ли эти меры давали какие-либо результаты.

Изыскание источников пополнения государственного бюджета было одной из постоянных забот правительства. В Петербурге продолжали строиться казенные торговые бани и постоянные дворы. Бани находились в ведении Камер-конторы, и доходы с них шли в государственную казну. Однако вследствие конкуренции частных бань дела казенных торговых бань шли плохо и число их было невелико. Строжайшими указами запрещалось владельцам частных бань пользоваться банями для извлечения доходов. Но указы не давали желаемых результатов. Выходом из положения, по мнению правительства, являлась сдача казенных торговых бань на откуп, что долго не удавалось сделать, так как бани не представляли большого интереса для откупщиков. Лишь в 1766 г., одновременно со сдачей на откуп пяти новых заведений Петербурга и Москвы были сданы той же купеческой компании и торговые бани.

В Петербурге в это время имелось много постоянных дворов. Уже в 1723 г. в связи с постройкой новых постоянных дворов на Городеком острове, на теперешней Петровской набережной и в Литейной части был даже издан указ, разрешавший жителям Петербурга пускать за плату в свои дома приезжих, которым предназначалось останавливаться в казенных постоялых домах.¹ Эти постоянные дома были предшественниками городских гостиниц и служили для правительства средством извлечения дохода.

Одним из источников дохода царского правительства был также «хомутный сбор», взимаемый с извозчиков. При уплате этого сбора извозчики получали в полицию номера, которые им предписывалось носить.

¹ ПСЗ, т. VII, № 4264.

Стремись к увеличению числа доходных заведений, таких, как торговые бани, постоянные дворы и пр., царское правительство было мало заинтересовано в строительстве дорогостоящих и не приносящих дохода казне казарменных помещений для размещения войск. Войска попрежнему размещались на бытовых квартирах, и постоянная повинность оставалась одной из самых тяжелых повинностей населения.

Лишь в 1739 г. правительство приступило к строительству специальных слобод для гвардейских полков,¹ однако и постройка этих слобод не уничтожила постоянной повинности. Помимо военных, в квартирах жителей Петербурга отводились помещения также и для некоторых категорий гражданского населения (например для придворных служащих). Постоянная повинность была особенно тяжела для бедняков, живших очень скученно.

Тяжела была судьба трудящегося населения после потери трудоспособности. Число богаделен, куда направляли старых, оставалось попрежнему далеко не достаточным. Распределением мест в богадельни занимался поэтому сам Сенат. Множество нищих бродило по городу, и правительство было бессильно прекратить это явление.

В середине XVIII в. в Петербурге было 16 богаделен с общим числом призываемых около 2000 человек, из которых каждому давалось на пропитание всего по 2 коп. в день, вследствие чего питомцы богаделен вынуждены были подкармливаться нищенством. Но даже и об этой жалкой судьбе полупищих могли лишь мечтать тысячи не имевших никаких источников существования стариков и калек, из которых многие были ветеранами войны. Места в богадельне ожидали годами.

* * *

За первые 50 лет своего существования Петербург приобрел вид, достойный столицы могущественной дворянской империи. Городское хозяйство Петербурга достигло в ряде отраслей заметных успехов. Но все это касалось лишь центральных частей города, из которых малоимущие слои населения систематически вытеснялись на городские окраины. Очень характерен в этом отношении указ 19 сентября 1740 г., предписывавший сломать «нерегулярные» домишки на Литейной улице, предоставив бедному люду места для постройки домов в «непроезжих улицах».²

Вынуждая беднейшее население Петербурга переселиться на неблагоустроенные окраины, правительство стремилось тем не менее переложить на него главную тяжесть расходов по проведению дорогостоящих мероприятий в области городского

¹ ПСЗ, т. X, № 7966.

² ПСЗ, т. XI, № 8247.

благоустройства. Так было при Петре, так было и при его преемниках. На плечи трудового населения ложилась и основная тяжесть городских повинностей: караульной, постоянной, пожарной и т. д.

Что же касается городского управления, то оно в течение всего рассматриваемого периода находилось полностью в руках полиции. Созданное при Петре городское самоуправление — уступка купечеству со стороны дворянской монархии — влячило жалкое существование и превратилось в чисто сословное учреждение купечества и владельцев мануфактур.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА С 1725 г. ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

Начало второй четверти XVIII столетия в России ознаменовалось острой борьбой за власть между различными группировками господствующего класса. Столица Российской империи Петербург становится тем местом, где прежде всего и развертывается борьба за власть. В соперничестве между отдельными дворянскими группировками важную роль стал играть и вопрос о Петербурге как столице империи. Это объясняется тем, что Петербург в сознании современников был олицетворением петровских реформ.

Противники петровских реформ стали требовать ликвидации Петербурга как столицы и возвращения двора и центральных правительственных учреждений из Петербурга в Москву. Выразителем такой позиции в отношении Петербурга явился кн. Д. М. Голицын, один из виднейших представителей старой феодальной аристократии, сравнивавший Петербург с охваченной гангреной частью тела, «которая должна быть отсечена, чтобы не заразилось от нее все тело».¹ Напротив, представители новой знати во главе с Меншиковым стремились к тому, чтобы утвердить значение Петербурга как политического центра России, как столицы империи.

Вопрос о Петербурге и его будущем стал предметом политической борьбы буквально на другой день после смерти Петра I в связи с вопросом о месте

¹ Сб. РИО, т. 15, 1875, стр. 365.

похорон императора. Противники петровских реформ предлагали похоронить Петра в Москве.¹ Однако эти попытки превратить похороны императора в своеобразный протест против его политики были ликвидированы Меньшиковым, Толстым и Феофаном Прокоповичем, настоявшими на том, чтобы Петр I был похоронен в Петербурге в соборе Петропавловской крепости. Прощание с Петром, состоявшееся 8 марта 1725 г.,² превратилось в политическую демонстрацию, направленную на прославление Петра и его реформ. Феофан Прокопович в знаменитой речи, произнесенной в Петропавловском соборе, заявил о верности духу Петра и неизблемости его преобразований: «Какову оя Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, — любима и будет; сделал врагам страшную, — страшна и будет; сделал на весь мир славою, — славная и быти не перестанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам». В своей оценке Петра I и петровских реформ Феофан Прокопович явился выразителем тех политических кругов, к которым перешла реальная власть после смерти Петра I.

Династический кризис, вызванный смертью Петра, не успевшего назначить себе преемника, как того требовал закон о престолонаследии 5 февраля 1722 г., выявил наличие сильной группировки, состоявшей из представителей старой боярской аристократии во главе с князьями Голицыными, Долгорукими, Репниными и др. Эта группировка поддерживала кандидатуру на престол внука Петра I, сына царевича Алексея — Петра. В противовес этой кандидатуре, олицетворяющей стремление реакционно настроенной знати к допетровской старине, Меньшиков и Толстой выставили кандидатуру жены Петра I Екатерины.

Екатерина и ее сторонники отлично сознавали важное значение гвардии и армии в событиях, которые могут произойти после смерти Петра. Когда кончина Петра стала очевидной, Меньшиков и Толстой сделали все, чтобы склонить гвардию на свою сторону. Сочувствие реформам Петра основной массой дворянства столицы, организованного в гвардейские полки, ее недоверие к старой боярской аристократии решило вопрос о наследнике престола. Оба полка гвардии — Семеновский и Преображенский — решительно высказались за Екатерину, заявив, что они «разобьют головы всем старым боярам», если те вздумают сопротивляться царице.³ В ночь на 28 января 1725 г., когда умер Петр, Екатерина стала императрицей. Роль своеобразного политического представителя класса дворян гвардия сохраняет на протяжении всего XVIII в., выступая в качестве решающей политической силы во время дворцовых переворотов 20—60-х годов XVIII в.

¹ Сб. РИО, т. 15, стр. 256.

² Набальзамированное тело Петра долгое время не было погребено, гроб стоял в Петропавловском соборе до возведения на престол Анны Ивановны.

³ Сб. РИО, т. 15, стр. 255.

Хотя народные массы не принимали участия в этих событиях, однако борьба за власть в верхах не могла не волновать трудовое население столицы. Реформы первой четверти XVIII в., направленные на укрепление государства помещиков и нарождавшегося класса торговцев за счет жесточайшей эксплуатации крепостного крестьянства, привели к дальнейшему обострению классовых противоречий в стране. Классовая борьба угнетенного крестьянства против угнетателей-дворян не прекращалась, несмотря на суровые репрессии. Екатерина I и ее окружение опасались выступления народных масс. В ночь на 28 января по улицам Петербурга ходили отряды пехоты, имевшие задачей пресекать всякие волнения. Во дворце была удвоена стража. Тех, кто отказывался присягать парике-иноземке, арестовывали. В Москву был направлен генерал Дмитриев-Мамонов с поручением военной силой подавить возможные выступления. В народе говорили, что Екатерина не «прямая царица», что она иноземка, что Петр вручил свое государство «не христианскому роду». Ходили слухи, что на улицах Петербурга нападают на иностранцев. Даже такие влиятельные иноземцы, как Остерман и Ягужинский, готовились к отъезду из России. Распространилась легенда, что умер не настоящий Петр, а подмененный, что настоящий царь скоро явится и тогда начнется на Руси новая жизнь. Все это свидетельствовало о росте недовольства в народных массах, которое могло вылиться в открытые восстания против дворянства. В этом сказывалось и отрицательное отношение простого народа к возвышению иностранцев в России при Петре, оскорблявшему национальную гордость русских.

Получив власть из рук гвардии, Екатерина I, однако, сама не играла никакой роли в управлении государством, являясь послушным орудием в руках Меншикова. Последний, став фактически главой государства, обнаружил чрезвычайно деспотические замашки, благодаря чему возбуждал ненависть даже среди прежних своих сторонников. Апраксин, Головкин, Ягужинский выступили против него. 31 марта 1725 г. Ягужинский в Петропавловском соборе публично перед гробом Петра жаловался на обиды от Меншикова. Раскол между Меншиковым и его сторонниками ободрил партию старой знати. В столице пошла разговоры о новом Годунове, о безволии Екатерины перед временщиком. Тайная канцелярия получила известие, что сторонники царевича Петра собираются по ночам и агитируют в его пользу и что заговор поддерживается австрийским двором. В верхах назревал новый политический кризис, угрожавший Екатерине и ее партии. Меншиков понял опасность положения и решил уступить побежденной партии. Такой уступкой и было учреждение 9 февраля 1726 г. Верховного тайного совета, в состав которого наряду с представителями новой знати — Меншиковым, Толстым, Апраксиным и Головкиным — вошел глава родовитой знати, выступавшей за кандидатуру Петра, Д. М. Голицын. Шестым членом был Остерман — немец из Вестфалии без определенной политической линии, карьерист, готовый служить кому угодно и как угодно. Компетенция нового учреждения

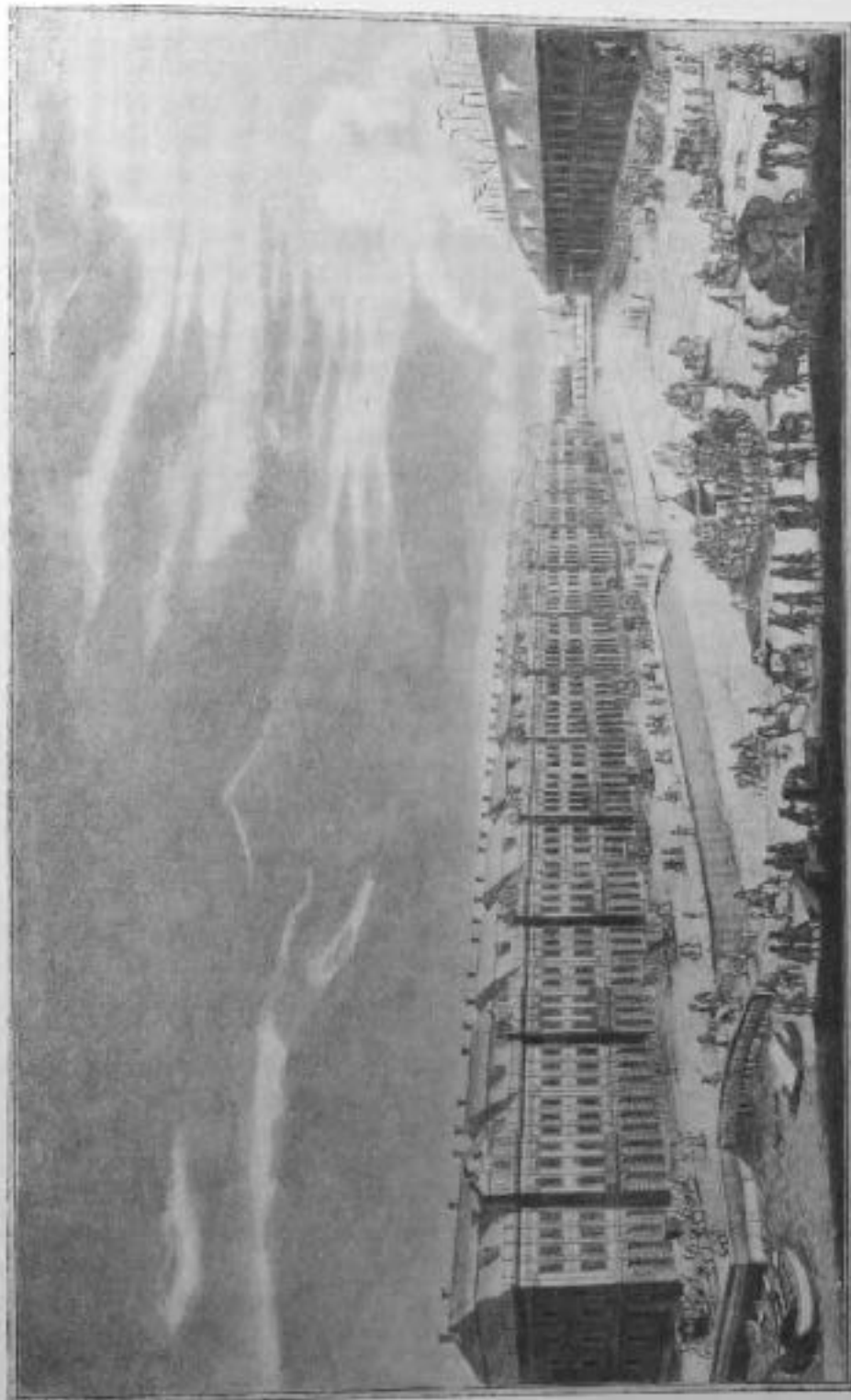
была очень обширной. Все важнейшие решения отныне должны были приниматься в Верховном тайном совете, Сенат, Синод и коллегии становились под надзор Совета. Фактически в руках верховников сосредоточилась вся власть. Их правление явилось господством немногих, господством олигархии. Верховники, являясь крупнейшими аристократами — феодалами России, не могли примириться с петровским абсолютизмом и поэтому отошли от принципов Петра. Суд верховников над реформами Петра был скор и суров. Ломка государственных органов, созданных Петром, началась с Сената. Из ведомства Сената исключались важнейшие коллегии: Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская, перешедшие в непосредственное подчинение Верховному тайному совету. Мануфактур- и Штатс-контор-коллегии, ведавшие промышленностью и государственными расходами, были упразднены.

Исключительное значение Петербурга в торговле, сложившееся за последние 20 лет, Верховный тайный совет попытался ослабить своим решением от 30 декабря 1726 г. о вольной торговле. Отныне позволялось везти товары и к Архангельскому порту. Верховники произвели изменения и в школьной политике Петра, соединив светские цифирные школы с духовными семинариями, отдав, таким образом, просвещение в ведение церковных властей.

Занимался Верховный тайный совет и вопросом «о великой скудости крестьян». Доведенное до последней степени «всеконечного обнищания» государственными воборами и гнетом помещиков, крестьянство отказывалось платить подати, исполнять работы, служить в армии. Опасаясь открытых выступлений крестьянства, Верховный тайный совет вынужден был пойти на частичное снижение подушной подати. Однако и уменьшенный оклад в 1727 г. собрать не удалось, несмотря на посылку в помощь губернаторам военных команд, действовавших с величайшей жестокостью. Недовольство в стране росло.

В этих условиях обострения классовых противоречий шла борьба за власть в верхах. По столице распространялись «подметные» письма, в которых высказывались сомнения в правах Екатерины на престол. В домах петербургских дворян все упорнее говорили о необходимости положить конец правлению верховников путем возведения на престол внука Петра I. Жизни Екатерины I стала угрожать опасность. До нас дошли скудные сведения о том, что во время одного праздничного салюта в нескольких шагах от нее падали ранены и убиты.¹ После смерти Екатерины I (6 мая 1727 г.) императором России стал 12-летний Петр II (1727—1730). Фактическая власть оставалась повреждаему в руках Верховного тайного совета, где главенствующую роль играл всеявный Меншиков, стремившийся управлять государством единолично. Однако в борьбе за власть «светлейший» прозвучался. Он сослал Толстого; заискивая перед старой знатью, ввел в состав

¹ П. И. Петров. История Санкт-Петербурга. 1885, стр. 233; М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. II. 1924, стр. 303.

Государственные коллегии. Построены в 1732—1742 гг. Архитектор Д. Тревизи. Гравюра Е. Внукла 1753 г. с рисунка М. Маттеи. (Ныне Университет им. А. А. Жданова.)

Верховного тайного совета А. Г. Долгорукого, представителя старинной феодальной фамилии. Преследуя далеко идущие честолюбивые цели, в Верховном тайном совете Долгорукий вступил в союз с Голицыным. К ним же примкнули Остерман и Головкин. Меншиков оказался в опасном одиночестве. На гвардию он уже не мог положиться, так как гвардия, отражавшая настроения дворянства, была против верхovenников, отступивших от политики Петра.

Голицыны и Долгорукие перешли в решительное наступление. 8 сентября 1727 г. Меншиков был арестован, а 11 сентября выслан в одно из отдаленных имений, а затем в Березов, где и умер в 1729 г.

Старое родовитое боярство с падением Меншикова торжествовало победу. Но именно теперь с полной ясностью обнаружилось, что это боярство политически изжило себя, что оно неспособно управлять страной. После ссылки Меншикова Петр II оказался прочно в руках Долгоруких, которые пошли по стопам Меншикова. Вскоре Петр II был обручен с княжной Екатериной Долгорукой. Долгорукие захватили важные государственные должности. Победа Долгоруких была победой реакционной родовитой знати, боровшейся против реформ Петра.

Политика Верховного тайного совета при Петре II становится открыто антипетровской. Прежде всего это отразилось на положении Петербурга. В феврале 1728 г. двор переехал в Москву. Туда же были переведены все центральные учреждения. Петербург перестал быть столицей империи. Начался отлив населения из Петербурга. Вслед за двором потянулось в Москву «благородное шляхетство», увязали купцы. Перевод столицы в Москву диктовался интересами родовитых вельмож. В Москве и Подмосковье находились родовые гнезда этих потомков боярской аристократии XVII в., их дома, дворы. Сюда тянули их старинные связи: отсюда правили русским государством их отцы, деды, прадеды. Петербург пустел. Здания не ремонтировались, многие были брошены недостроенными. Выросший вместе с Петербургом прославленный Балтийский флот погибал. Верховный тайный совет не отпускал денег и провианта, во всем приказывал «собождать», «далеко не плавать». Строительство линейных кораблей почти прекратилось. Из всех кораблей провиантом и такелажем снабжалось только пять небольших учебных судов. Остальные становились небоеспособными. Работы в Петербургском порту и в Кронштадте шли чрезвычайно медленно. Петр II говорил, что «гулять по морю, как дедушка», он не намерен. В тяжелом положении находилась и армия. С целью экономии часть офицеров была распущена по домам. Преследуя узко классовые интересы, Верховный тайный совет запретил брать в армию крепостных, идущих в солдаты по собственной охоте, тем самым лишил армию лучших солдат. Президент Военной коллегии после Меншикова так и не был назначен. Политика олигархического кружка, возглавляемого Долгорукими, в отношении Петербурга, флота и армии подрывала значение России как могущественной мировой державы.

Не менее наудбая политика проводилась в области торговли и промышленности. Верховный тайный совет отказался от политики покровительства со стороны государства промышленности России. К развитию русской внешней торговли верховники не стремились. Отказавшись от петровского протекционистского тарифа, верховники поставили русских купцов в менее выгодное положение, чем иноземцев. Петербургское купечество подавало неоднократно челобитные в Коммерц-коллегию и в Комиссию о коммерции с жалобами на ухудшение своих дел. Купцы покидали свои дома и лавки в Петербурге, разъезжаясь по разным городам. Но в расчеты верховников не входило исчезновение купечества в Петербурге. В 1729 г. с помощью крутых мер часть выехавших купцов и ремесленников удалось вернуть. А это еще более усилило недовольство купечества политикой верховников.росло недовольство верховниками и среди широких слоев дворянства. Небольшая группа аристократов, стремившаяся обеспечить прежде всего свои узко групповые, фамильные интересы, оттесняла рядовое шляхетство от престола. Разрушая петровскую систему государственного управления, отступая назад, к учреждениям XVII в., ко временам самодержавия с боярской Думой и боярской аристократией,¹ верховники ослабляли дворянское государство, созданное реформами Петра I. Тем самым ослаблялась та машина, с помощью которой дворянство господствовало в стране, подавляло сопротивление угнетенного крестьянства. Таким образом, политика верховников наносила ущерб классовым интересам всего дворянства, стоящего перед фактом все большего обострения классовых противоречий в стране. Крестьяне отказывались платить подати. Дело дошло до того, что Верховный тайный совет возложил ответственность за сбор подушных денег с крепостных на самих помещиков, что привело к еще большим столкновениям между помещиками и крестьянами, так как помещик должен был теперь выколачивать из крестьян не только свои доходы, но и государственные подати.

Углублялось недовольство и среди трудового городского населения. Работные люди Петербурга волновались. В связи с закрытием ряда мануфактур и с сокращением работ в Петербургском порту много мастеровых осталось без куска хлеба. В Тайную канцелярию доносили, что среди петербургских мастеровых появились «воровские люди», подбивающие их на «непослушание».² В 1729 г. обвинены были в «непристойных речах» по адресу царя свечник Михайло Волков и ученик Ногаев. В том же 1729 г. пытан объявивший за собою «слово и дело» мастеровой Петр Маслоя, сказавший, что на Васильевском острове в кабаке собирались работные люди и похвалялись «в разор разорить» Петербург.³ Петербургская полиция усилила борьбу с корчемством. Особым указом 1728 г.

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 15, стр. 308.

² ЦГАДА, Разрядно-Сенатский отдел, ф. Преображенского приказа, оп. 287, св. 81, л. 20, л. 44.

³ Там же, л. 43.

предписывалось на улицах Петербурга в ночное время устанавливать сторожевые рогатки, усилены были караулы. Фактически Петербург находился на военном положении. Боялись выступления народных масс. Брожение среди рабочих людей в Петербурге отражало общий рост недовольства в стране. Широкие круги дворянства в этих условиях стремились к установлению более прочной самодержавной власти.

7 января 1730 г. Петр II заболел оспой, а в ночь на 19 января скончался в Москве на 16-м году жизни. Собравшийся в ту же ночь Верховный тайный совет, вопреки завещанию Екатерины I,¹ избрал на престол дочь царя Ивана V, племянницу Петра I, вдовствующую герцогиню курляндскую Анну. Получив согласие членов совета на выдвинутую им кандидатуру, Д. М. Голицын предложил ограничить ее власть Верховным тайным советом. «Надобно нам себе полегчать... воли себе прибавить»,² — заявил он. В выработанных им особых пунктах, или кондициях, власть вновь избранной царицы сводилась Верховным тайным советом на нет. Выработанные кондиции верховники отправили к Анне в Митаву. Анна их подписала и вскоре приехала в Москву. Хотя верховники скрывали ото всех свои действия, тем не менее слух об ограничении самодержавия Верховным тайным советом распространился очень быстро и вызвал среди дворянства, съехавшегося в Москву на предполагавшуюся свадьбу Петра II, большое возбуждение. Возникли дворянские кружки, в которых обсуждались различные проекты преобразований. Аристократический проект верховников, проинспирированный олигархическими тенденциями, встретил решительное осуждение со стороны рядового дворянства, выступившего против господства в стране нескольких знатных фамилий. Кондиции верховников отвергались во всех дворянских проектах, составленных в феврале 1730 г. В проектах говорилось о расширении прав всего дворянства в управлении государством, о льготах дворянству по службе и землевладению. Однако при обсуждении различных проектов выяснилось, что большая часть дворянства вообще не желает ограничения самодержавия. Вполне определенно за восстановление самодержавия высказалась гвардия. 25 февраля многочисленная депутация дворянства явилась во дворец к Анне Ивановне. Антиох Кантемир прочитал челобитную с просьбой ликвидировать Верховный тайный совет и восстановить самодержавие «как при... Петре первом было».³ Анна Ивановна разорвала кондиции, ограничивавшие ее власть; самодержавие было восстановлено.

В февральских событиях 1730 г. ярко проявилась политическая идеология дворянства, «духовными вождями» которого являлись члены «ученой дружины»: Феофан Прокопович, Антиох Кантемир и Василий Никитич Татищев.

Крупный ученый и церковный деятель первой четверти XVIII в., видный идеолог абсолютизма, законовед и поэт, государствовед и публицист, драма-

¹ Петру II должны были наследовать дочери Петра I Анна и Елизавета.

² Д. А. Корсаков. Восшествие императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880, стр. 5.

³ Там же, стр. 275.

тург и педагог Феофан Прокопович был последовательным и ревностным поборником самодержавия и яростным, непримиримым врагом верхних сословий.

Сторонник преобразований и новшеств, он ненавидел верхних сословий за их «суд» над реформами Петра, за их реакцию на дело преобразования России. В январе 1730 г. Феофан Прокопович резко и решительно выступил против «затейки» верхних сословий. Когда она провалилась и в политической жизни восторжествовала идея абсолютизма, Феофан Прокопович не успокоился и, упорно повсюду преследуя олигархические идеи и их носителей — аристократов, верхних сословий, высказывал, где «того гнезда сверчки сидят в щелях и посвистывают».¹ кипучая общественно-политическая деятельность Феофана Прокоповича имела большое значение и поставила его в ряды передовых людей первых десятилетий XVIII в., преданных сподвижников Петра I.

Антиох Кантемир, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира, союзника и друга Петра I, переселившегося с семьей в Россию, был образованнейшим человеком своего времени. Изобличитель сватов и невежд, реакционеров и олигархов, Кантемир стал выдающимся писателем, поэтом, дипломатом и ученым-просветителем. Обширные познания в области литературы и лингвистики, философии и истории, физики и математики, географии и астрономии принесли ему широкую известность как в России, так и в Западной Европе. Эта последняя обязана Кантемиру и Феофану Прокоповичу своим знакомством с русской наукой, литературой, искусством. Поэт и сатирик, он изобличал своим пером отсталость, косность, невежество. Ратуя за распространение в России знаний, борясь с темнотой, суеверием и невежеством, Кантемир стремился убедить монархов в необходимости учреждения школ для народа. «Кантемир начал собою историю светской русской литературы».²

Прекрасно понимая общественную роль поэзии, Кантемир сделал ее одним из орудий борьбы за претворение в жизнь передовых политических идей. Чувство гражданского долга побудило его использовать поэзию в борьбе за культурное и нравственное развитие народа. «Все, что пишу, пишу по должности гражданина, отбывая все то, что согражданам вредно быть может», — писал Кантемир.

Кантемир служил не только интересам дворянства, его деятельность носила общенациональный характер, подготавливая почву для блестящей плеяды русских просветителей XVIII в.

Как отмечал Михайло Ломоносов, «в российском народе сатиры князя А. Д. Кантемира с общей апробацией приняты».³

Не выступая против крепостничества в целом, Кантемир в то же самое время ополчался против наиболее отвратительных и гнусных его сторон, против жесто-

¹ История русской литературы, т. III. Институт русской литературы Академии Наук СССР, 1941, стр. 163.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. IX, 1910, стр. 199.

³ В. Пекарский. История Академии Наук в Петербурге, т. I. 1870, стр. 37—38.

кости и самодурства помещиков. Этим он прокладывал дорогу славной шеренге борцов с крепостной неволей — Новикову и Радищеву,¹ Некрасову, Тургеневу, Салтыкову-Щедрину, Герцену и Чернышевскому. Кантемир был далек от того, чтобы остаться лишь созерцателем тех политических событий, современником которых он был. Воспитанный отцом в духе глубокого уважения перед Петром, Кантемир выступил ревностным поборником самодержавия и ярым врагом верхоянников. Сблизившись с Феофаном Прокосовичем еще в 20-х годах, сейчас же после смерти Петра I, он быстро нашел общий язык со своим старшим единомышленником, и уже в 1729 г. выступил с сатирой против невежества и врагов «ученой дружины». В январско-февральские дни 1730 г. Кантемир решительно выступил за восстановление петровских традиций, и его точка зрения на события отразила интересы и взгляды массы шляхетства. Она и была положена в основу челобитной.

Третий член «ученой дружины» Василий Никитич Татищев был, по выражению Н. Г. Чернышевского, одним «из лучших и честнейших людей времени Петра Великого».² В пору безвременья второй четверти XVIII в. Татищев выступал с позиций передовой петровской общественно-политической мысли. Он защищал реформы Петра I, настаивал на необходимости развития промышленности и морского флота. В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733 г.) Татищев высказывался против влияния церкви на науку и общественную мысль, горячо ратовал за светскую науку и просвещение. Конечно, у него наука и просвещение должны были быть главным образом достоянием дворянства, однако он стремился к тому, чтобы и крестьяне не оставались в невежестве. «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»,³ — писал Татищев. Он считал, что если крестьян «просветить», они перестанут «бунтовать». Полагая, что крепостное право привело к «смуте» начала XVII в., Татищев хотел его смягчения и выступал против «безразума употребляемого... всеволюства» помещиков по отношению к крестьянам. Взгляды Кантемира и Татищева на крестьянский вопрос и просвещение в среде русского дворянства того времени могли быть поддержаны только одиночками. Но их взгляды на события, развернувшиеся тогда в правящих кругах России, совпадали со стремлением основной массы дворянства сохранить и укрепить абсолютизм. Татищев считал, что самодержавие — единственная форма правления, полезная для России, хотя в отдельные периоды полагал необходимым привлекать представителей дворянства к управлению государством. Татищев резко выступал против верхоянников, таивших страну, по позднейшему выражению Пушкина, «к чудовищному феодализму».⁴

¹ Дюстярбаки «Правда» об искусстве и литературе. М., 1937, стр. 101.

² Н. Г. Чернышевский, Сочинения, т. III, 1847, стр. 383.

³ В. Н. Татищев, Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 70.

⁴ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. II, Изд. Акад. Наук СССР, 1949, стр. 14.

*Антиох Кантемир, дипломат, писатель-сатирик (1709—1738). Гравюра
Е. В. Виноградова 1752 г.*

Политические идеалы «ученой дружины» были той программой, которой жило дворянство в годы господства Верховного тайного совета и которой оно продолжало жить в Петербурге после переезда в январе 1732 г. двора снова на берега Невы. Веру в спасительность для дворянства абсолютизма не могли уничтожить в черные годы бироновщины.

Новое царствование началось под лозунгом возврата к политике Петра I в соответствии с требованиями дворянства, из рук которого Анна получила «самодержавство». Выполнив желание дворянства, Анна Ивановна уничтожает

Верховный тайный совет и восстанавливает Сенат в том значении, какое он имел при Петре I; восстанавливаются должности генерал-прокурора при Сенате и прокуроров по коллегиям. В угоду дворянству указом от 25 октября 1731 г. запрещалось кому-либо, кроме дворян, покупать населенные имения, а 9 декабря был отменен ненавистный для дворян указ о единонаследии. Для избавления молодых дворян от солдатской службы в Петербурге учреждается дворянское учебное заведение — Шляхетский корпус (23 июля 1731 г.). В 1731 г. крестьяне были исключены из присяги на верноподданство, став, таким образом, подданными помещиков, а не государства.

Казалось бы, требования дворянства удовлетворялись и гвардия не ошиблась в расчетах, когда поддержала новую императрицу. Но просчитались и гвардия и все дворянство в целом. Царствование Анны обернулось ненавистной всем биронщиной. К власти пробрались прибалтийские немецкие дворяне, прибывшие с шарницей из Митавы. Они «посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места в управлении».¹ Главным среди них был фаворит Анны Ивановны Бирон. К ним примкнули немцы, состоявшие на русской службе еще со времен Петра I. Армия была передана Миниху, вопросы государственного управления и международной политики попали в руки Остермана. Вновь созданные гвардейские полки — Измайловский и Кошюгвардейский — комплектовались главным образом из прибалтийских немцев. На первых порах русские дворяне не принимались сюда даже рядовыми. Среди учеников Шляхетского корпуса половину составляли те же немцы.

18 октября 1731 г. был учрежден Кабинет министров, в состав которого, кроме Остермана, вошли совершенно дряхлый Головкин и недалекий Черкасский. Всевластие Остермана, а значит немцев, стало полным с 1735 г., когда ленивая до государственных дел Анна позволила считать указы, подписанные двумя кабинет-министрами, равными указам, подписанным царицей.

Пробравшись к власти, немецкие авантюристы начали нагло грабить страну, торговать должностями и интересами России. Анна не жалела денег для себя и своего окружения. Казна была беспрерывно пуста. Налоги с населения выколачивались с чрезвычайной жестокостью, и тем не менее недоимки неуклонно росли. В 1732 г. они достигали огромной цифры в 15 млн руб. По русским деревням были расквартированы воинские команды во главе чаще всего с иноземными офицерами. За неуплату податей разоренные крестьяне подвергались истязаниям. Снаст плетей, плач и стон стояли над Россией. В народе, среди крестьян и горожан, открыто говорили, что правит страной немцы Бирон и Миних, которые грабят страну, считают русских крестьян хуже собак. Засилье немецких офицеров в армии, муштра и палочная дисциплина, введенная Минихом, приводили к росту недовольства среди солдат. В рекрутских «владках» проклинали «злой тиран

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. IV. 1937, стр. 312.

Бирю из Немецчины». Побег крепостных крестьян и солдат стали массовыми. До 12% солдат числилось в бегах. Они бегут в Башкирию, в Сибирь, на север, на Дон, на Яик. Классовая борьба принимает все более острые формы. На юге и юго-востоке страны вспыхивают восстания, объявляются самозванцы, выдающие себя за сына Петра. Только один из карательных отрядов захватил в плен в 1732 г. 440 восставших крестьян, в 1733 г. — 424, в 1734 г. — 870, в 1735 г. — 633, в 1736 г. — 895 человек. Поднимаются восстания в районах с норвежским населением.

Неспокойно было и в столице империи. Трудовое население Петербурга испытывало гнет крепостнической системы точно так же, как и население всей России. Однако здесь, в столице, особенно бросались в глаза хищное хозяйничанье правящей кляксы, паразитическое существование двора, жизнь знати, утопавшей в роскоши, все огураительные стороны бирюовщины. Иностранцы дипломаты писали, что трудно себе представить роскошь, которая царит при дворе Анны. Такие развлечения царицы, как устройство свадьбы шутов в Ледяном дворце и т. п., не могли не возбуждать негодования населения, видевшего мотовство и расточительность знати. Осенью 1732 г. по Петербургу распространялись насквили, направленные против немцев, стоявших во главе правительства. Тайная канцелярия искала «злодеев». «Лихие люди» — термин, которым правительство обозначало не только уголовных преступников, но и всех противников режима, — появились в лесах под Петербургом. Чтобы облегчить борьбу с ними, в 1735 г. вырубили лес по «перспективной дороге» до Соснинской пристани, по Фонтанке, по Нарвской дороге.

Правительство было особенно напугано большим пожаром, начавшимся 24 июня 1737 г. Не без основания полагали, что пожар являлся результатом намеренного поджога, так как незадолго до пожара на чердаке одного из домов (дома Лиззена), рядом с дворцом Елизаветы Петровны, были обнаружены бочка с порохом и горючие материалы.

Полиция усилила надзор за петербургскими жителями, все уезжающие и приезжающие в Петербург были на строгом учете. Священники в церквях путем ведения особых «всповедных росписей» обязывались выслеживать тех, кто не выполнял церковных правил, примыкал к расколу, следовательно, был политически неблагонадежен. Тайная канцелярия все время допрашивала «разных чинов людей», заподозренных в антиправительственных умыслах или делах.¹ Народ ненавидел бирюовщину, видя в ней крайнее проявление крепостнического гнета. Дворянство тоже стало протестовать против бирюовщины. Но борьба дворянства была борьбой внутри одного и того же феодального лагеря — борьбой русского дворянства против иноземного окружения царицы. Русские дворяне были недовольны не только тем, что их оттесняли от власти иноземцы, но и той политикой,

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. 1885, стр. 323—325.

которую они проводили. Так, переданные в управление саксонцу Шембергу горные заводы и рудники Урала разрушались; непрерывно понижаемый тариф вредил русской промышленности. Договор с Англией 1734 г. предоставил ряд привилегий англичанам. Правительство возвратило обратно Персии присоединенные Петром I Дагестан, Азербайджан, Гилян и Мазендеран. Дворяне были оскорблены тем, что в армии командовали немцы, что старым гвардейским полкам противопоставлялись новые гвардейские полки (Измайловский и Копытский), набранные из иностранцев. Наконец, дворяне были недовольны той системой доносов и террора, которую создали Бирон и его окружение для укрепления своего господства в стране. Процветало «слово и дело». Болотов писал, что в тогдaшнее несчастное время эти слова «в состоянии были всякого повергнуть не только в неопределенный сурак и ужас, но и в самое отчаяние».¹ Тайная канцелярия усиленно работала, сослав в Сибирь до 20 тыс. человек. Понасть под пытку Тайной канцелярии было очень легко. Дело доходило до того, что по улицам Петербурга иногда водили под конвоем «языков», простого указания которых было достаточно для того, чтобы человек попал в застенки. Любопытнейшим образом дворянин мог опасаться посланников страшного начальника Тайной канцелярии Ушакова.

Однако как ни был тяжел режим бироновщины, он не смог остановить прогрессивное движение общественно-политической мысли в стране и ее новой столице. Наоборот, она развивалась в борьбе с бироновщиной. О росте и укреплении русского национального самосознания свидетельствовали и сатиры Кантемира, и «История Российская» Татищева, переданная в 1739 г. в Академию Наук. Ярким явлением в истории общественно-политической мысли был труд сына подьячего, замечательного ученого Ивана Кирилловича Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства». Высоко ценя политическое и экономическое усиление России, достигнутое в результате петровских преобразований, Кириллов мечтал о хозяйственном освоении морского побережья России, выдвигал, в частности, проект создания Охотского порта и судостроительных верфей в нем. Как и реформы Петра, проекты Кириллова несли для своего времени глубоко прогрессивный характер.

Борьба против бироновщины принимала все более определенные формы. Польский посланник высказывал опасения, что русские расправятся с немецкими вельможами так же, как они расправились с польскими панями при Лжедмитрии. С 1733 г. возникает ряд заговоров против правительства. Очень значительным был заговор 1738 г., возглавлявшийся Долгорукими, ставивший целью возведение на престол дочери Петра I Елизаветы. Раскрытие заговора сопровождалось казнями и ссылками.

Особенно сурово расправилась царица с наиболее опасным для нее и влиятельным кружком Артемия Волынского. Активный деятель петровского времени

¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. II, 1874, стр. 75.

Волынский не мог примириться со своекорыстной, грабительской, пагубной для России антинациональной политикой, которую проводило продажное и бездарное окружение Анны Ивановны.

В одном из своих проектов Волынский писал о необходимости создать свое «природное» правительство. Оно должно быть монархическим, но с широким участием дворянства. Планируемый им «умноженный Сенат» и «нижнее правительство» являлись условно-представительными органами дворянства и гарантами его прав. Для того чтобы поднять образованность дворянства, Волынский предлагал открыть академии и университет. «Бедность государственную» Волынский думал устранить путем развития промышленности, изменения таможенной политики, поощрением отечественной торговли, учреждением магистрата и т. д.

В своих проектах Волынский выступает как выразитель интересов передовой части дворянства. С 1738 г. вокруг Волынского создается кружок его друзей и единомышленников. Ядро кружка составляли передовые люди того времени, широко образованные, честные и деятельные патриоты, ненавидящие бюрократизм. — А. Ф. Хрущев, П. М. Ерошкин, Ф. И. Соколов, П. И. Мусин-Пушкин и др. Разделяли взгляды Волынского и входили в его дом В. Н. Татищев и Антиох Кантемир. Собрания в доме Волынского на углу Большой Конюшенной и Волынского переулка происходили два-три раза в неделю. Здесь обсуждались проекты Волынского, говорилось о вреде иноземного засилья, о беспутной жизни императрицы. Члены кружка выпускали памфлеты против немцев. В борьбе с иноземным засильем члены кружка Волынского Ерошкин, Хрущев и Соколов обратились к героическому прошлому русского народа. Все это не могло оставаться тайной. Деятельность Волынского становилась опасной для иностранцев. Остерман и Бирон добились ареста Волынского и его сторонников. Началось «дело Волынского». Волынского обвиняли в государственной измене, в желании самому захватить престол, в злоупотреблениях и т. д. Волынский оправдывался, но откровенно говорил, что он против Бирона, Остермана, Миниха и др. Этого было достаточно, чтобы угодить на плаху. Анна утвердила приговор суда, заменив мучительную казнь отсечением головы. 27 июня 1740 г. за Петропавловской крепостью Волынский, Хрущев и Ерошкин были казнены. Их товарищи были биты кнутом и отправлены в Сибирь.

Дело Волынского сопровождалось многочисленными арестами. Петропавловская крепость была переполнена. Террором и казнями Бирон стремился удержаться у власти, но почва уходила у него из-под ног.

В октябре 1740 г. Анна опасно заболела. Встал вопрос о наследнике престола, которым и был обвинен Иван Антонович (род. 12 августа 1740 г.) — сын племянницы царицы, Анны Леопольдовны, выданной замуж за немецкого принца Антопа-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Регентом империи до совершеннолетия Ивана был назначен ненавидимый русскому народу Бирон. «Не бойсь», — напутствовала умирающая царица своего любимца, ставшего теперь полновластным

правителем России не только фактически, но и формально. Однако канцелярия курляндцев чувствовала себя как на вулкане. Гвардия (преображенцы и семеновцы) была возмущена назначением Бирона. В полках открыто говорили о незаконности управления герцога курляндского. В день присяги преображенцы вспомнили о правах на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны. Напуганный брожением гвардии Бирон вводит в столицу шесть армейских батальонов и 200 драгун. Он поговаривал об упразднении гвардии, намеревался гвардейских солдат-дворян послать офицерами в армейские полки. На улицах Петербурга было неспокойно. Несмотря на рогатки и усиленные караулы, по ночам собирались угрожающие толпы горожан. Регентство Бирона становилось опасным для всей иностранной камарильи. Двор и его немецкое окружение решили пожертвовать Бироном. В ночь с 8 на 9 ноября Миних, жаждавший власти и, естественно, стремившийся к устранению регента, явился в покои Бирона в Летнем дворце и арестовал его. Регентшей была провозглашена мать императора Анна Леоновна, а фактическим правителем стал Миних. Однако вскоре по проискам Остермана, соперничавшего с Минихом, последний был отставлен от дел. Остерман сосредоточил всю власть в своих руках, став, по выражению французского посла Шетарди, «настоящим царем всероссийским».

В обстановке борьбы за власть между верховодами немецкой партии в гвардии созрел новый заговор, возведший на русский трон дочь Петра Елизавету. В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна, явившись во дворец с гренадерской ротой гвардейского Преображенского полка, арестовала младенца-императора, его мать и отца и сделалась самодержавной императрицей.

Воцарение Елизаветы означало конец оскорбительному для русских немецкому засилью. Наиболее ненавистные иноземцы, чьи имена были связаны с бироновщиной, были отстранены от власти: Миних сослан в Пермь, Левенвольд — в Соликамск, Брауншвейгская фамилия — в Холмогоры, Остерман — в Березов. Представители коренного русского дворянства, и при этом зачастую неродовитого, заняли важнейшие государственные места в Сенате, коллегиях, в армии и при дворе. При Елизавете выдвигаются Шуваловы, Воронцовы, Разумовские, Чернышев и др. Вице-канцлером, а затем канцлером вплоть до 1758 г. был А. П. Бестужев-Рюмин, начавший свою деятельность еще при Петре I. Следует, однако, отметить, что отстранение немцев от высших государственных должностей еще не означало очищения от иностранцев армии и государственного аппарата. Влияние иностранцев при Елизавете, как и в последующее время, было еще значительным. Сказывалась духовная зависимость господствующего класса России, дворянской культуры от Западной Европы, низкоклонство русского дворянства перед всем иноземным. Елизаветинский двор, столичное дворянство увлекались французскими комедиями, итальянскими певцами, подражали Версалю. При дворе и в салонах вместо немецкого входил в моду французский язык.

Господствующий класс России, рабски следуя иноземным модам, все более противопоставлял себя трудовому населению России, за счет которого жил.

Царствование Елизаветы было временем дальнейшего возвышения российского дворянства, начавшего сознать себя хозяином страны не милостью монарха, не в силу верной службы ему, а в силу своего происхождения и положения.

Восстановленный Елизаветой Сенат включал в себя виднейших представителей дворянства и играл решающую роль в управлении государством. Сенат зорко следил за соблюдением интересов дворянства. По инициативе Сената отменяются те постановления Петра, которые наносили ущерб дворянству. Так, например, отменяется указ Петра об отдаче навечно в солдаты и матросы недорослей, не явившихся на смотр.

Проведенное правительством Елизаветы снижение подушной подати и уменьшение нормы рекрутских наборов соответствовало также интересам помещиков, отвечавших за уплату подушных денег и нуждавшихся в рабочей силе. Целым рядом мероприятий укрепляется власть помещика над крепостными крестьянами.

Воцарение Елизаветы породило среди крепостных надежды на облегчение их участи. Распространился слух, что теперь, как при Петре I, крепостные могут поступать добровольцами в армию и тем освобождаться от помещиков. Крепостные порошны, а иногда и «не малым собранием» стали подавать Елизавете челобитные о записи их в солдаты и уходе от своих помещиков в столицу. Но надежды крестьян не оправдались. Жестокими наказаниями ответил Сенат на такие «самовольства». Виновных били кнутом, плетью, батогами, а зачинщиков ссылали в Сибирь. Центральная власть все меньше вмешивалась во внутренние отношения вотчины, и помещик становился настоящим государем в своем имении, а крестьяне его подданными. Появляются помещичьи судебники с изуверской шкалой наказаний, помещичьи застенки, палачи и т. д. Распространялись зверские «домашние» расправы над крестьянами. Указ 1760 г. давал помещикам право применять к своим крестьянам одно из наиболее тяжелых наказаний — ссылку в Сибирь. Все это свидетельствовало о полновластии дворянства-крепостника в стране, о низведении крепостного крестьянина на положение бесправного раба. Манифест о вольности дворянства, составленный Воронцовым, был логическим завершением политики елизаветинского правительства в отношении дворянства. Этот указ был опубликован уже после смерти Елизаветы Петром III.

Возвышение дворянства, укрепление крепостнического государства находило свое отражение в жизни столицы. В Петербурге строятся пышные парадные дворцы и дворцы знати, возводятся сказочные загородные царские резиденции. Все это поражало роскошью и величием и создавало блестящую декорацию быта дворянского Петербурга. Придворная жизнь при Елизавете представляла собой сплошную цепь балов и спектаклей, «куртагов» и маскарадов, опер и комедий. Расточительность царицы и ее окружения требовала больших средств, что

ложилось тяжелым гнетом на плечи трудового народа. Надежды на облегчение участи в народе быстро рассеялись. В стране вспыхивали восстания. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, собирались в отряды, оказывали сопротивление войскам. Поднимаются восстания среди нерусских народностей, волнуются приписные крестьяне на Урале. В 1762 г. в восстаниях принимали участие до 200 тыс. заводских, монастырских и помещичьих крестьян. Все это были предтечи крестьянской войны под руководством Пугачева, которая потрясла дворянскую крепостническую империю. Борьба крестьянства против крепостнической системы, хотя стихийная и неорганизованная, побуждала передовых дворян задумываться над состоянием страны.

Петербург был далек от районов, охваченных восстаниями, тем не менее передовое дворянство столицы не могло не реагировать на народные движения. Дворянская оппозиция существующему порядку была представлена Сумароковым и кружком Никиты Панина, воспитателя Павла Петровича, будущего императора Павла I. Никита Панин дальше аристократического проекта ограничения самодержавия Императорским советом не пошел. На тех же по существу аристократических позициях стоял и выходец из старинного боярского рода Сумароков. Нануженный крестьянскими восстаниями, Сумароков выступил против злоупотребления помещиками крепостным состоянием их крестьян. Однако в основе этих «обличений» было стремление сохранить неизбежность крепостного права с его феодальной собственностью на землю. С этих же позиций порицал Сумароков и невежество дворян. Дворянин должен стоять в культурном отношении выше эксплуатируемого им крестьянина:

Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот земли одушевленный ком,
А если не ясней ум барский мужакова,
Так в различьи не вижу никакова.¹

Со своих аристократических позиций Сумароков обрушивался на «крайнее семя» — чиновничество. Политическим идеалом Сумарокова была аристократическая монархия, в которой монарх управлял бы страной, опираясь не на бюрократию, а на «просвещенное» дворянство, т. е. прежде всего на его аристократическую верхушку. Олигархические взгляды Сумарокова не ускользнули от внимания правительства. Отсюда сложилась та недоброжелательность, которую питала Елизавета к Сумарокову.

На тех же позициях охраны дворянских интересов стоял и П. И. Шувалов. Однако, являясь крупным владельцем ряда уральских заводов и беломорских промыслов, Шувалов понимал необходимость известных уступок развивавшимся буржуазным отношениям. По его инициативе в 1753 г. были отменены внутрей-

¹ А. П. Сумароков. О благероденье. Стихотворения, 1935, стр. 202.

ние таможенные пошлины, что явилось крупным мероприятием в области развития внутреннего рынка. Когда в 1754 г. возник проект организации дворянского банка для оказания правительственного кредита разорявшимся помещикам, П. И. Шувалов настоял на открытии одновременно с дворянским купеческого банка, правда, с весьма ограниченными функциями.

Но не кружок Павина, не литературные произведения Сумарокова и не экономические проекты П. И. Шувалова отражали демократические, подлинно национальные тенденции в развитии русской общественной мысли в Петербурге. Выразителем таких демократических, национальных тенденций являлся великий русский ученый М. В. Ломоносов. О значении Ломоносова в развитии русской культуры и науки будет сказано ниже, в главе о культуре. Здесь необходимо остановиться на общественно-политических взглядах великого русского ученого. Глубокие корни общественно-политических взглядов Ломоносова следует искать на русском севере, среди отважных и свободолюбивых, предприимчивых и одаренных поморов, потомков свободного черносочинного крестьянства. В задуманном им политическом трактате, от которого до нас дошла только одна глава «О размножении и сохранении российского народа», написанная в 1761 г., но опубликованная по цензурным соображениям лишь в 1871 г., Ломоносов предстает перед нами как мудрый государственный деятель, изобличающий крепостников, обрушивающийся на «помещичьи отягощения». В «Письме о пользе стекла» он говорит о тяжелом труде рабов на рудниках Америки. Сам выходец из среды поморов, он не мог сочувствовать крепостничеству, сковавшему трудовую деятельность народа. Ломоносов резко обрушивается на реакционное духовенство — «темных людей». В 1756—1757 гг. им был написан гневный «Гимн бороде», в котором изобличаются реакционное духовенство и Синод, преследующие науку. Этот «Гимн» был опубликован только через столетие после его написания — в нем правительство видело «изурисание основ» крепостнической империи. С немалым гневом Ломоносов обрушивался на продажную и невежественную бюрократию.

Но Ломоносов не мог подняться до понимания необходимости ликвидации феодальной системы — эта идея среди веревых людей России возникла позже, в конце XVIII в. Ломоносов разделял теорию «просвещенного абсолютизма» и был одним из ее творцов, разработав основные положения этой теории еще в 1747 г., т. е. до выхода в свет «Духа законов» Монтескье. Ломоносов ждал преобразования общества, устранения его язв в результате разумной деятельности «просвещенного монарха». Таким монархом ему представлялся Петр I, которого Ломоносов явно идеализировал. Петр, в представлении Ломоносова, «царствуя служил» «для общего добра». «За то терплю, — говорил Ломоносов, — что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство». Быть может, в этой идеализации Петра I проявилась у Ломоносова крестьянская вера в «хорошего царя».

Сторонников «просвещенного абсолютизма» было немало и среди передового дворянства, но для них эта теория являлась средством укрепить самодержавие как основу своих дворянских прав и привилегий. Ломоносов же искал разрешения задач общенациональных. Совершенно чуждый тому преклоению перед иностранцами, которое было так характерно для дворян того времени, он всю свою деятельность, и научную и общественную, посвятил борьбе за достоинство русского народа. Выходец из народных масс, Ломоносов был далек от того «мужебесия», которое у дворян-крепостников порождалось боязнью русского народа.

«Подобно северному сиянию блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие ни противопоставляет ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца... С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения. Все это истина несомненная», — так писал о Ломоносове В. Г. Белинский.¹

Вера в силу и способности русского народа определяла и борьбу Ломоносова с немецким засильем в Академии Наук.

Понимая необходимость преодоления отсталости России, Ломоносов считал основной задачей Академии содействие экономическому и культурному развитию России. Наука, по мысли Ломоносова, должна способствовать росту производительных сил страны, быть средством развития национальной промышленности, земледелия, морского флота, торговли и т. д. Формулируя задачи Академии, Ломоносов не мог мириться с той обстановкой, которая в этот период сложилась внутри Академии. Проникшие сюда в годы бироновщины иностранцы всячески тормозили развитие русской науки, мешали выдвижению русских ученых, препятствовали их научному росту. Оporочивая творческие способности русского народа, они создали в стенах Академии лживую, антинаучную норманскую теорию происхождения Русского государства. Байер, Миллер и Шлецер в своих трудах высказывали невежественные суждения о далеком прошлом русского народа, «темной ночи подобные».²

Считая превыше всего интересы своей Родины, славу своего народа, Ломоносов вступает в решительную борьбу с иностранным засильем в Академии. Он поднимает гневный голос в защиту национального достоинства русского народа, указывает на великие творческие силы его, пробудившие к жизни огромные просторы Европы и Азии, решительно отвергает лживые норманистские утвер-

¹ В. Г. Белинский, Избранные сочинения, Гослитиздат, М.—Л., 1949, стр. 15.

² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, Изд. Акад. Наук СССР, 1952, стр. 20.

ждения Байера и Миллера. Диссертация Миллера «О происхождении народа и имени российского» (1749 г.) была оценена Ломоносовым, поддержанным академиком Поповым и Крашенинниковым, как пасквиль на историю русского народа. Рассуждения Миллера о том, что историк должен «казаться без отечества, без веры, без государя»,¹ вызвали решительный отпор со стороны Ломоносова, великого ревнителя «наук российских» и славного патриота. Ломоносов отмечал, что Миллер «ни одного случая не показал к славе российского народа», «на всякой почти странице русских быт, грабят благополучно, скандинавы побеждают». «Сие так чудно, — добавляет он, — что если бы г. Миллер умел изображать живым штилем, то он бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».² Ломоносов добился того, что Академия осудила диссертацию Миллера и надала указ об уничтожении ее. Резко выступил Ломоносов также и против другого норманиста — Шлецера, навращавшего историю русского народа. «Каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина»,³ — восклицал Ломоносов. Как истинный патриот работал Ломоносов над историей России. В своей «Древней Российской истории» он выступает как антинорманист, как борец за честь русского народа, за честь его культуры, языка и истории. В противовес своим противникам Ломоносов стремился создать историю русского народа, а не одних князей. Глубоко прогрессивной была мысль Ломоносова о великом историческом значении древней Руси в жизни человечества. Обширные исторические познания Ломоносова и его патриотизм сказались также в его переписке с Вольтером. Ломоносов указал на целый ряд ошибок Вольтера, допущенных им в «Истории Российской империи при Петре Великом».⁴

Борьба Ломоносова в Академии за русскую науку имела огромное общественное значение как этап в развитии русского национального самосознания. Выступления Ломоносова на торжественных публичных ассамблеях Академии и на публичных лекциях, устраиваемых Академией, вызвали большой интерес у передовой, наиболее образованной части населения Петербурга и охотно посещались. Деятельность Ломоносова как ученого, идущего во всех областях науки своим путем, приобретала большое общественное значение.

Ломоносов ратовал за распространение знаний в народе и считал, что образование должно быть доступно всем вне зависимости от сословия или имущественного состояния. Попечительствуя над академическими Гимназией и Университетом, основывая Московский университет, крупнейший рассадник знания, содействуя организации Академии художеств, Ломоносов выступал как ученый-просветитель. Он глубоко верил и гениально предсказывал, что русский народ

¹ П. Пекарский, История Академии Наук, т. I, СПб., 1870, стр. 381.

² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 21.

³ П. Пекарский, ук. соч., т. II, СПб., 1873, стр. 835—836.

⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 89—96.

на пути культурного развития опередит другие народы и Россия станет центром науки, куда будут приезжать учиться из западных стран.

Ломоносов не был кабинетным ученым. Он стремился научные открытия превратить в производство, сделать их полезными для хозяйственного и культурного развития страны. Ломоносов вносил свои предложения и проекты в центральные государственные учреждения и энергично хлопотал об их осуществлении. Преодолевая косность, бюрократизм и равнодушие чиновников и сановников, Ломоносов стремился добиваться от Сената и коллегий проведения полезных для страны мероприятий. Многие проекты Ломоносова остались неосуществленными. Так, например, проект Северного морского пути, представленный им в Адмиралтейство в 1763 г., был осуществлен лишь советской властью. Но Ломоносов глубоко верил в реальность своего проекта и писал:

И вижу умными очами,
Колумб российский между льдами
Спит и превратит рой.

Правящим кругам России был чужд патриотизм Ломоносова. Среди дворянства росла галломания, пренебрежение к русской культуре. К концу царствования Елизаветы стала поднимать голову немецкая партия. Ее сторонники группировались вокруг наследника престола, гоштинского принца Карла-Петра-Ульриха, внука Петра I. Этой партии тайно сочувствовала и жена наследника Софья-Фредерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, дочь генерала прусской службы, превратившаяся в России в Екатерину Алексеевну, будущую императрицу Екатерину II. Особенно активно, хотя и скрытно, эта партия стала действовать с 1757 г., когда Россия вступила в Семилетнюю войну на стороне Австрии и Франции против Пруссии, которую поддерживала Англия. В этой войне русские войска, действуя на пространстве между Неманом и Эльбой, одержали блестящие победы над прусской армией. Однако Россия не извлекла выгод из своих военных успехов главным образом из-за предательства национальных интересов со стороны указанной выше немецкой партии, образовавшейся при дворе. Восторженное, не скрываемое и во время войны отношение наследника престола ко всему прусскому было известно многим. Поэтому командующие армией генералы действовали робко, не развивали достигнутые в сражениях успехи. Так, в походе 1757 г. командующий войсками Апраксин после занятия Мемеля и полного разгрома прусских войск при Гросс-Егерсдорфе отступил, не сделав даже попытки продолжать наступление на Восточную Пруссию. Он действовал так по указанию канцлера Бестужева, ярого сторонника сближения России с Англией и противника хотя бы временного союза с Францией. Тогда в Петербурге заговорили об измене. Апраксин был предан суду, а Бестужев отправлен в ссылку. Главой русской дипломатии становится Воронцов, назначенный теперь канцлером. Блестящие победы русских при Цорндорфе (1758 г.)

и Куверсдорфе (1759 г.) и занятие осенью 1760 г. Берлина поставили Пруссию перед катастрофой.

Победы русских войск столица отмечала торжествами. Огромную радость в Петербурге вызвало известие о взятии Берлина. С поздравлениями к русскому правительству обратились все послы, за исключением английского. Вступление русских в Берлин вызвало восхищение Вольтера. В течение 1761 г. русские войска заняли новые области Пруссии, после продолжительной осады была взята крепость Кельберг. Пруссия становилась географическим понятием. Но произошло «студо бранденбургского дома». 25 декабря 1761 г. в Петербурге скончалась Елизавета, и на престол вступил Петр III. Первым действием этого императора России, открыто говорившего, что он чин генерала прусской армии предпочел бы русской императорской короле, было прекращение войны с Пруссией и предложение ей военной помощи. Пруссия была спасена, а война для России, хотя и выигранная в военном отношении, оказалась безрезультатной.

Непродолжительное царствование Петра III угрожало повторением бирюзовщины. Ограниченный в умственном отношении император, ненавидевший Россию и все русское, окружил себя в Петербурге голштинцами, раздавал им чины и государственные должности. Из ссылки были возвращены ненавидимые для русских Бирон, Миних и др. Дворянскую гвардию Петр намеревается заменить голштинскими полками. В армии вводится прусская форма, прусский устав, прусская шагнетика. Все это оскорбляло русских, хорошо помнивших только что одержанные победы над пруссаками. Петр III возстановил против себя русскую церковь, конфисковал церковные земли. Распространялись слухи, что скоро иконы будут уничтожены и вера переменена. В Петербурге было приказано запечатать все домовые церкви под тем предлогом, что они будто бы ветхи. Заговорили о «лютерстве» царя и об опасности православия. Зная непопулярность Петра, его окружение и прежде всего Воронцовы, связавшие свою судьбу с ним (Елизавета Воронцова была фавориткой царя), пытались смягчить впечатление, производимое его глупыми выходками и открыто выражаемой антипатией ко всему русскому. С этой целью проводятся две меры: во-первых, уничтожается ненавидимая в народе Тайная канцелярия с ее «словом и делом» и, во-вторых, издается 18 февраля 1762 г. знаменитый манифест о вольности дворянской. Дворяне получили право не служить, освобождались от телесных наказаний, получили право выезда за границу. Сенаторы в благодарности собирались установить Петру III золотой памятник. Однако первое впечатление, когда, по словам Болотова, «все вспрыгались почти от радости», быстро прошло. Дворянство понимало, что вольности, объявленные манифестом, останутся только словами, если в России укрепится правительство типа времени бирюзовщины.

Антинациональная внешняя политика Петра III подтверждала эти опасения. Заключив союз с Фридрихом II с уступкой Пруссии всех приобретенных, добытых русским оружием, Петр начал приготовления к войне с Данией исключительно

в интересах крошечной Голштинии. Бесцельность войны раздражала армию. В Петербурге волновалась гвардия. Слух о замене ее голштинцами подтверждался — Петр приказал отправить гвардию в Померанию для участия в войне.

Недовольство правлением Петра III увеличивалось. В гвардии зрел заговор, целью которого было возведение на престол жены Петра III Екатерины. В противовес Петру III Екатерина стремилась показать себя русской и православной, оказывала всяческое внимание гвардии; все это создавало ей популярность. В екатерининский кружок заговорщиков входили елизаветинские вельможи Никита Панин, Кирилл Разумовский, княгиня Дялкова и ряд офицеров гвардейских полков. Активнейшую роль играли братья Орловы — Григорий, фаворит Екатерины, и Алексей. В заговор было вовлечено до 40 офицеров, распоряжавшихся 10 тыс. солдат.

Летом 1762 г. царь жил в Ораниенбауме, где вышагивали на плацу его 1590 голштинцев, пьянствовал и куролесил, не подозревая о заговоре. 27 июня был арестован сторонник Екатерины офицер Пассек. Создалась угроза раскрытия заговора. Заговорщики решили действовать. 28 июня Алексей Орлов доставил Екатерину из Петергофа, где она жила, в Петербург. Ее восторженно встретили измайловцы, в казармы которых она сначала явилась, затем семейловцы. Два остальных гвардейских полка, Преображенский и Конногвардейский, присягнули ей в Казанском соборе. В новом здании Зимнего дворца Екатерину уже ждали Сенат и Синод. Екатерина стала императрицей. В тот же день гвардия во главе с Екатериной выступила в поход на Петергоф. Петр III вынужден был отречься от престола. Он просил только оставить ему Елизавету Воронцову, собаку, арфу и скрипку. 6 июля этот ничтожный человек был убит в Рошше в пьяной драке, затеянной охранявшими его гвардейцами. Гвардия произвела свой последний переворот.¹ Как и все дворцовые перевороты, совершенные гвардией после смерти Петра I, этот переворот не привел к каким-либо изменениям в дворянской природе самодержавия, ничего не менял в крепостнической системе. Ленин, говоря о чрезвычайной легкости, с какой совершались дворцовые перевороты, отмечал, что сущность их заключалась в том, «чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».²

Общественно-политическая жизнь Петербурга в середине XVIII в. в значительной мере отражала борьбу за власть между различными группами дворянства. Эта борьба нашла свое выражение в дворцовых переворотах. Но за шумом придворной борьбы скрывались иные явления. Народные массы столицы не оставались пассивными зрителями происходивших событий. Среди них зрело глубокое недовольство существующим строем, и с настроенными массами правительство должно было считаться. Правда, в Петербурге этому недовольству вырасти

¹ В убийстве Павла I тоже участвовали офицеры-гвардейцы, но рядовые гвардии были на стороне. Состав гвардии к 1801 г. изменился. Изменилась и роль ее в жизни страны.

² В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 28, стр. 397.

в открытое выступление было трудно: народные массы были разрознены; в столице правительство опиралось на крупные, сконцентрированные там военные силы — почти четверть населения Петербурга составляли войска, среди них гвардия, организованная вооруженная сила дворянства; в Петербурге имелся сильный полицейский аппарат.

Оппозиционные настроения среди дворянства питались не только враждебностью к иноземному засилью, которое временами отодвигало русское дворянство на задворки политической жизни. Они питались и боязнью народных масс. Увлечение «просвещенным абсолютизмом» отражало стремление дворянства укрепить свои социальные и политические позиции.

Но наряду с этой узко классовой дворянской оппозицией зарождалось другое общественное течение, глубоко прогрессивное, отражавшее, правда, еще смутно демократические идеалы широких народных масс. Выразителем этой прогрессивной мысли являлся Михайло Ломоносов, борец за национальное достоинство русского народа, глубоко веривший в его великие творческие силы. Ломоносов не поднялся до понимания неизбежности революционной борьбы с русским самодержавием. Его «просвещенный абсолютизм» еще скрывал крестьянские надежды на «добротного царя». Он не выступал против крепостнической системы, но его критика изв крепостничества проводилась отнюдь не с классовых позиций дворянства с целью укрепления господства последнего, а с широких национальных позиций. В. И. Ленин писал: «125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма».¹

Во время Ломоносова еще не произошел раскол русской нации на буржуазию и пролетариат, и идеи Ломоносова были таким единым и цельным призывом к борьбе за прогрессивное развитие страны, который отражал интересы и чаяния народа. Но уже приближалось время, когда вера в «хорошего царя», во всемогущие «просвещенного монарха» должна была истукнуть, а идеи Ломоносова получить новое движение вперед. Дальнейшее развитие общественных противоречий, дальнейшее обострение классовой борьбы вызовет через сорок лет после Ломоносова гневный революционный протест А. П. Радищева против всей самодержавно-крепостнической системы в целом.

¹ Там же, т. 19, стр. 342.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА ДО 60-х ГОДОВ XVIII в.

Среди национальных культурных центров, рост которых порождался экономическим развитием страны в начале XVIII в., новая столица заняла чрезвычайно видное место.

Задачи укрепления русского государства властно требовали крупных мероприятий в области культуры. Правительство Петра проводило их с той же энергией, с какой оно строило заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны.

Новая столица и стала в первой половине XVIII в. главным средоточием вновь заводимых просветительных учреждений.

Через Петербург распространялись по дворянской России не только западноевропейские моды и правила хорошего тона вплоть до «Прикладов, како пишутся куплементы», но и широкий круг научных знаний и передовых общественно-философских идей.

Но если в Петербурге шире всего развернулась просветительная деятельность правительства и вельможных меценатов, то здесь же яснее всего выступала неспособность русской феодальной аристократии ликвидировать вековую отсталость страны. Культурные начинания правительства имели в виду не широкие народные массы, а господствующее дворянское сословие. Путь к вершинам знания был перегорожен различными сословными рогатками, пробиться через которые удавалось только немногим выходцам из толщи народа.

Взгляды и вкусы придворной аристократии тормозили успешное развитие национальной русской культуры. Во времена бирюзовщины хозяйничавшая в стране клика «олифляндских и курляндских каналий» с вызывающей наглостью подчеркивала свое высокомерно-презрительное отношение к культуре русского народа, которого эта придворная чернь чуждалась и боялась.

Во дворцах знати и при дворе в большом количестве с успехом подвизались иностранные повара и садовники, гувернеры и живописцы, мастера «номосоподвизательной науки» и искусные изобретатели разнообразных утех для жадных до удовольствий вельмож. Прививалось презрительное отношение и к русскому языку как языку, на котором говорит простонародье, «подлый народ». Языком салонов к середине XVIII в. все больше становился французский язык.

Развитие передовой русской национальной культуры в первой половине XVIII в. шло в упорной и острой борьбе как против мракобесия упрямых защитников средневековой церковности, так и против «чуждебесия» рабловных почитателей иностранщины.

В культурной жизни Петербурга эти противоречивые тенденции выступали со всей резкостью. Здесь в первой половине XVIII в. деятели передовой русской культуры энергично боролись и с невежественными «бородачами» и с презиравшими все русское иноземцами. Здесь под воздействием растущих производительных сил русская национальная культура к середине XVIII в. добилась серьезных успехов, особенно в области науки.

Культурная жизнь столицы прежде всего определялась тем, что в ней с начала XVIII в. были сосредоточены разнообразные школы нового светского типа. Укрепление абсолютистского государства ставило в области просвещения новые задачи — создание кадров для государственного аппарата, для реформированной армии и вновь создаваемого военно-морского флота. Первые важные шаги в этом направлении были предприняты Петром еще в 1701 г. учреждением в Москве Школы математических и навигацких наук и Пушкарской школы, где изучались артиллерия и «инженерство». По мере роста новой столицы в ней открывались новые и переводились из Москвы некоторые ранее возникшие учебные заведения.

Образование в новой столице имело преимущественно светский и притом ясно выраженный практический характер. По определению Петра, новые школы должны были готовить людей «во всякие потребности — в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати стрелецкие и докторское врачебное искусство». Для укрепления абсолютистского государства, для успешного завершения борьбы за выход на морской простор, для постройки флота, для развития мануфактур нужна была не церковная, а новая реальная наука. На первый план выдвигались теперь не псалтырь и часослов и даже не древние языки и риторика, а арифметика, геометрия, фортификация, кораблестроение и т. п. Такой подход к знанию был в сущности совершенно новым не только на Руси: ведь и на Западе в начале

XVIII в. еще не было реальной школы. Вводимые в школьный курс новые науки — физика, астрономия, медицина и др. — проповедывали опасные, с точки зрения церкви, взгляды на мироздание, строение человека и т. д.

О школах в Петербурге за первое десятилетие его существования сохранилось очень мало сведений. Встречается упоминание о школе адмирала Апраксина, вероятно состоявшей при Адмиралтействе. Известно, что в 1715 г. учеников ее, обученных географии и геометрии, намечалось послать учителями в цифирные школы.¹ Велось, вероятно, обычное для того времени, обучение грамоте при церквях. Рано упоминается немецкая школа св. Петра, где обучались не одни иностранцы.

Только с 1715 г. начинается быстрый рост просветительных учреждений в новой столице. В 1715 г. создается так называемая Русская школа, или Школа словесной науки, где обучали чтению и письму, а с 1717 г. и арифметике «плотничных, матросских, кузнических и протчих людей, детей и братьев и свойственников их, которые явятся ниже шестнадцати лет», в целях определения в мастерские и ученики Адмиралтейства.² В том же году была основана Морская академия. Морская академия выделилась в качестве высшей школы из состава московского Навигационного училища, оставленного на прежнем месте. Для подготовки морских офицеров близость к морю и к центру кораблестроения, каким было петербургское Адмиралтейство, являлась большим преимуществом.

Число учеников в Академии было определено в 300 человек. Кроме того, 30 человек было положено обучать геодезии. Из Навигационного училища приказано было выслать не более 200.

По «Инструкции Морской академии в С.-Петербурге», ученики разделялись на бригады в 50 человек. День начинался для них в 7 часов утра зимой и в 6 — летом. Дисциплина в «морской гвардии», как здесь называлась школа, была очень строгая. За побег закон грозил даже смертной казнью, за невозвращение из отпуска во время — каторжными работами. Если не всегда такая угроза приводилась в действие, все же известен ряд случаев, когда провинившиеся отбывали наказание на галерных работах или били свая на каменных Петербурга.

Военной морского флота канцелярии было приказано выдавать ученикам с 1 января 1716 г. от 1 до 3 руб. в месяц, из которых еще вычиталось за мундир и инструменты.³

Обучение включало арифметику, геометрию, ружейные приемы, артиллерию, навигацию, фортификацию, географию, рисование и, по желанию, танцы «для вестуры», т. е. для выправки. В 1719 г. упоминается фехтование и для некоторых астрономия.⁴

¹ ПСЗ, т. V, № 2971.

² ЦГА ВМФ, Дела Адм.-канц., № 100.

³ Материалы для истории русского флота, ч. III, СПб., 1863, стр. 329.

⁴ ПСЗ, т. V, №№ 3058 и 3276.

Для обучения учеников Академии были назначены 8 русских навигаторов, среди которых следует особо отметить Федора Алфимовича и Г. Г. Скорнякова-Писарева, а также два английских (Фарварсон и Гули).]

Набор в Академию велся энергично и на первых порах превысил установленный комплект.

Ведать обеими морскими школами, как Московской навигацонной, так и Морской академией в Петербурге, было приказано одному из сподвижников Петра I, горячему стороннику его реформ, гр. А. А. Матвееву. С 1719 г. директором Академии был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев.

Морская академия помещалась в доме Кикана, рядом с домом адмирала Апраксина, на будущей Дворцовой набережной. К главному зданию было пристроено несколько мазапок.

Академия не раз испытывала материальные затруднения. 2 мая 1717 г. Матвеев жаловался Сенату на «изописанную скудость денег и «несказанные трудности» оттого, что от Адмиралтейства «кроме доброго вета» никакого положенного довольствия не получается.¹

Морская академия, подготавливая морских офицеров, должна была комплектоваться из высших слоев дворянства, однако приказ о высылке с этой целью в Петербург «знатных особ детей» был воспринят без большого энтузиазма, и знать далеко не заполнила кадры «морской гвардии». Набор шел часто и принудительном порядке, причем пришлось допустить и детей среднего, а порой и очень низкого достатка, по выражению Матвеева, «из самого подлого шляхетства», за которым не числилось ни земли, ни крестьянского двора.²

Наряду с дворянами документы отмечают в Академии и разночинцев. Так, в письме Матвеева от 3 сентября 1717 г. указывается, что Фарварсону и Гулину поручено «разночинцев математической науке обучать, из которых 42 человека во учение не ходят, за тем что стали лаги и босы».³ Указываются «геодезии ученики и присланные из Москвы разночинцы». Упоминаний о разночинцах в Академии чем дальше, тем становится больше. Так, в 1724 г. говорится об учениках, «обретающихся в Академии из подлых чинов». Возможно, однако, что упоминания эти частично относились к Русской школе, ставшей в значительной мере подготовительной к Морской академии: в источниках обе школы обычно не различаются.

Таким образом, правительство было вынуждено допустить в Морскую академию, кроме дворян, лиц из других сословий. Не допускались только лица, платившие подушную подать.

Упадок морского дела, начавшийся после смерти Петра, не мог не отразиться и на Академии. От 1727 г. сохранились довольно подробные сведения о составе ее классов; комплект уже не достигал 300 человек.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. III, стр. 339.

² Там же, стр. 339.

³ Там же, стр. 340—341.

Сенатским указом от 23 августа 1731 г. было положено уменьшить число учеников Академии вдвое, штатное число геодезистов оставалось прежнее, но заполнить комплект в 150 человек не удавалось. Еще в 1727 г. Академия была выселена из киевского дома в мазанки, а в 1733 г. переведена на Васильевский остров в дом князя Алексея Долгорукова, стоявший на месте теперешней Академии художеств; ученики здесь только обучались, а жили по частным квартирам.

В 1745 г. в обоих морских училищах — московском и петербургском — насчитывалось всего 102 человека, или в 8 раз меньше, чем в петровское время.

Одновременно с военно-морскими учебными заведениями в столице при Петре были открыты и другие военные школы. В 1712 г. было приказано обучать в Петербурге артиллерийской науке 20 дворян, а наряду с ними для низших должностей стали готовить и детей артиллерийских служителей и арсенальных мастеровых. Велось артиллерийское обучение при бомбардирской роте и в артиллерийском полку, повидимому, небольшими группами. Помимо артиллерии и фортификации, артиллерийские ученики обучались арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению. В 1721 г. заведена артиллерийская школа при «петербургском лабораторном доме», но всего на 30 артиллеристов, уже состоявших на службе. В 1735 г. в ней числилось 90 человек, причем школа делилась на два отделения: чертежную школу для 30 дворян, где обучались математике и артиллерии, и «арифметическую и других наук» на 60 человек, повидимому, для пушкарских детей.

Инженерная школа в Петербурге была открыта в 1719 г.¹ Ученики, а также инструменты были взяты из Москвы. В школу принимались «разных чинов люди». Обучались 54 человека, разделенные по успеваемости на 4 группы. Долгое время у школы не было удовлетворительного помещения. Лишь в 1724 г. был куплен для нее на Московской стороне участок земли. Московская школа была влита в 1723 г. в петербургскую. Выпускались ученики в инженерную роту в чине сержанта. В 1724 г. были предприняты попытки сделать школу дворянской, а при Арсенале была устроена отдельная школа для не дворян, готовившая мастеровых.

После смерти Петра начался упадок не только морского, но и артиллерийского и инженерного образования. Открывались, впрочем, новые школы низшего типа; в 1730 г. при Петровпавловской крепости была открыта школа для подготовки писарей и мастеровых по инженерному ведомству; на Литейном проспекте, против Артиллерийского двора, существовала низшая Артиллерийско-арифметическая школа; в 1735 г. упоминается Чертежная артиллерийская школа. Эти низшие школы содержались очень скудно. Сохранилось донесение о том, что «от худого содержания и голода ученики лишаются сил и не могут прилежно учиться».

Некоторое оживление в постановке специального военного образования намечилось с середины 50-х годов. В 1756 г. гр. А. И. Шувалов, назначенный началь-

¹ ПСЗ, т. V, № 3330.

ником Инженерного корпуса, нашел специальные войска «в сожалительном состоянии». По его инициативе в 1758 г. Артиллерийская школа была переведена на Петербургскую сторону и присоединена к Инженерной; созданы одно дворянское офицерское и одно солдатское инженерно-артиллерийские училища. О дворянской школе проявлялась особая забота; одних казенно-коштных дворян обучалось до 135. При дворянской школе были созданы библиотека, музей, типография.

Но если при преемниках Петра наблюдался некоторый упадок военно-морского, артиллерийского и инженерного образования, то в эти же годы в Петербурге создается первая военная школа для подготовки сухопутных офицеров, которая постепенно заняла ведущее место среди военных учебных заведений столицы. Это был Сухопутный шляхетский корпус, учрежденный при императрице Анне в согласии с пожеланиями дворян в 1731 г.

Указ о его основании был дан Сенату 29 июля 1731 г., а открытие состоялось 17 февраля 1732 г.

Для корпуса был отведен бывший дворец Меншикова на Васильевском острове. Число кадетов, установленное сначала в 200 человек, затем увеличенное до 300, в середине века дошло почти до 500.

Шляхетский корпус двумя существенными чертами отличался от петровских военных школ. Во-первых, как подчеркивалось его названием, это было чисто сословное дворянское учебное заведение. Во-вторых, профессиональный военный характер обучения в нем был выражен слабо. С первых же лет своего основания корпус стал сочетать военную подготовку с более широким общим образованием в дворянском духе. Иногда его даже называли Рыцарской академией. Наряду с преподаванием математики, артиллерии, фортификации, фехтования, верховой езды и «прочих к военному искусству потребных наук», кадетов обучали иностранным языкам, истории, географии, юриспруденции, танцам, музыке, «дабы, видя природную склонность, по тому б и к учению определять».¹

Преподавание было ориентировано в большей мере на подготовку к светской жизни, чем к военной службе. Если вначале военные упражнения являлись еще обязательными, то впоследствии положение изменилось: в корпусе стали обучать и дворян, не обнаруживших склонности к военной службе, с освобождением их от прохождения военных дисциплин. Из предметов учебного курса обязательными были лишь закон божий и арифметика, а в остальном родителям и ученикам предоставлялся широкий выбор. Большое место отводилось изучению иностранных языков. В годы бероновщины делался упор на изучение немецкого языка. Так, в 1733 г. обучались немецкому языку 237 учеников, французскому — 51 и только 18 — русскому. Возможно, что последние были иностранцы, так как принимавшиеся в корпус дворянские юноши 12—18 лет были уже обучены русской

¹ ПСЗ, т. VIII, № 5811.

грамоте, а дальнейшим усовершенствованием в родном языке они обычно пренебрегали. Что касается остальных предметов, то в том же 1733 г. 36 человек изучали геометрию, 17 — географию, 15 — латынь, 28 — историю (из них только один — русскую историю), 11 — юриспруденцию. Очевидно, это были предметы для немногих.

Тесно связанный с двором Шляхетский корпус стал важным центром дворянской культуры XVIII в. В его стенах развернул свою литературную деятельность известный дворянский поэт и драматург А. П. Сумароков. Воспитанником корпуса был и другой крупный дворянский поэт М. М. Херасков.

По образу Шляхетского корпуса постепенно начали перестраиваться и другие военные учебные заведения. Любимое детище Петра Морская академия в 1752 г. была преобразована в Морской шляхетский корпус. Через 10 лет Инженерно-артиллерийское училище было также преобразовано в Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус.

В конце 50-х годов был создан еще один дворянский корпус — Пажеский, основанный 25 октября 1759 г. Пажи из дворян и ранее назначались к службе при государынях, но учебного заведения для них не было.

Программа корпуса носила еще более общесобразовательный характер, чем программа Шляхетского корпуса. Для нового учебного заведения был отведен двухэтажный круйсовский дом на набережной Невы, недалеко от Адмиралтейства.

В Пажеском корпусе обучался великий русский революционер XVIII в. А. Н. Радищев.

Таким образом, в первой половине XVIII в. Петербург стал центром школьной подготовки дворян для службы, преимущественно военной. Школы носили первоначально резко выраженный профессиональный характер, позднее в них выдвигаются на первый план задачи общего образования. Вместе с тем все в большей мере образование в этих школах становится дворянской привилегией. Если в петровские времена правительство, вынуждаемое острой потребностью в кадрах, открывало двери в Морскую академию и для разночинцев, то шляхетские корпуса середины века были учебными заведениями исключительно дворянскими. Путь от петровских школ к Рыцарской академии был определен общей сословной политикой государства, ростом привилегий возвысившегося при Петре класса помещиков.

Привилегированная военная дворянская школа стояла в центре внимания и забот правительства. Но потребности государства заставляли думать о подготовке специалистов некоторых профессий и из разночинцев. «Благородное российское шляхетство», которое охотно шло в Рыцарскую академию, не обнаруживало большой склонности корпеть над науками. Труд врача, учителя, переводчика, инженера, даже ученого в очень слабой мере манил к себе дворян, пренебрежительно отсылавшихся к этим «неблагородным» занятиям.

Поэтому одновременно с привилегированной школой для дворян в столице начали возникать и школы для разночинцев, как профессиональные, так и обще-

образовательные. Выше уже говорилось о высших инженерных и артиллерийских училищах.

В петровские времена было заложено прочное начало медицинскому образованию, связанному с потребностями армии и флота. Для лечения военных и морских чинов в Петербурге были открыты госпитали: Генеральный сухопутный в 1717 г. и Генеральный адмиралтейский в 1719 г. Помещались они на Выборгской стороне около современного Литейного моста. При госпиталях велось обучение лекарей и учеников. Имеется упоминание о Хирургическом училище, учрежденном Петром, при Сухопутном госпитале и о 50 царских стипендиатах при училище, обучавшихся латинскому языку, медицинским наукам и рисованию. Но точность этого сообщения вызывает некоторое сомнение. Официально медико-хирургические школы в Петербурге и Кронштадте были открыты только в 1733 г. Изданный в 1735 г. регламент о госпиталях указывал для них две цели — лечебную и учебную. В ученики в первое время зачислялись преимущественно иностранцы, но в дальнейшем преобладающую массу учеников стали составлять русские. Нередко в медицинские школы переводились слушатели московской Славяно-греко-латинской академии и духовных семинарий — знание латинского языка облегчало их обучение медицине. В Сухопутном госпитале в середине века число учеников достигало 50, в Адмиралтейском — 30.

В 1740 г. среди лучших экзаменовавшихся для посылки за границу учеников этих школ значатся имена Михаила Шидловского, Иосифа Шумлинского, Никиты Пожевицкого.

В середине века выдвинулся как врач украинец Иван Андреевич Полетика. Он пользовался такой известностью, что в 1754 г. был приглашен в немецкий город Киль профессором Медицинской академии, несмотря на общее пренебрежительное отношение иностранцев к русским ученым. Пробыв там два года, Полетика вернулся в Петербург и был назначен управляющим Генеральным сухопутным госпиталем.

Из общеобразовательных школ для разночинцев в культурной жизни столицы особую роль сыграли две: школа петровского сподвижника архиепископа Феофана Прокоповича и Гимназия при Академии Наук. Крупный деятель русского просвещения XVIII в. Прокопович в 1721 г. водал царю весьма любопытный проект основания «училищного отроческого дома» («Сада Петрова»), куда должны были приниматься дети не старше 10 лет, т. е. в возрасте, легко поддающемся воспитательному воздействию. Этот проект осуществлен не был, но в том же году Феофан открыл собственную школу для небольшого числа сирот и детей бедняков. Он содержал ее на личные средства. Школа эта, которую некоторые исследователи считают «лучшей школой своего времени», имела общеобразовательный характер.

Школу Феофана обычно называют Карповской, так как ее подворье помещалось на внешней Петроградской стороне и выходило на реку Карповку и теперешнюю улицу Льва Толстого, носившую вплоть до революции название Архипрейской.

Программа Карповской школы была обширна, она включала не только языки (славянский, русский, латинский, греческий), грамматику, риторику, логику, римские древности, но и арифметику, геометрию, географию, историю, рисование, которому отводилось много времени, и музыку.

Число обученных в Карповской школе учеников было невелико — за 15 лет прошло обучение 100 человек. Судя по сохранившимся спискам учеников, это были все русские дети. В год смерти Феофана (1736) их было 42. В Карповской школе учились до 12—13 лет два будущих академика — А. П. Протасов и С. К. Котельников, перешедшие затем в академическую Гимназию, куда Феофан не раз переводил своих учеников.

— Главным средним учебным заведением для разночинцев стала Гимназия при Академии Наук, открытая в 1726 г.

В первоначальном составе из 112 учеников петербургской академической Гимназии $\frac{2}{3}$ были русскими, главным образом детьми жителей Петербурга. В первые годы среди них было довольно много дворян и даже из весьма видных фамилий: Голицыны, Бутурлины, Олсуфьев, Новосильцев и др. Отъезд двора в Москву при Петре II лишил Гимназию части детей знати, а с 1732 г., когда открылся Шляхетский корпус, число их в Гимназии стало быстро падать и ряды учеников все более заполнялись детьми солдат, дьячков, попов, придворных музыкантов, а также камердинеров, кучеров, мастеровых. В 1729 г. среди поступивших был сын столяра, сын кузнеца, 9 сыновей плотников и сын «господского человека». Для 1735 г. указаны сыновья писаря, шкипера, боцмана, для 1737 г. — очень много солдатских детей, для 1748 г. — сыновья кучеров, кошохов, сторожа, столяра, повара и т. д. Из Адмиралтейства прикомандировывались к Гимназии ученики главным образом для изучения немецкого языка. Некоторые учреждения посылали лиц своего штата для слушания отдельных предметов.

Возраст учеников был чрезвычайно пестрый — от 6 до 24 лет.

Чем больше детей разночинцев поступало в Гимназию, тем неохотнее дворяне отдавали туда своих детей, хотя академическое начальство из немцев, враждебно смотревшее на пополнение гимназии «подлыми» детьми, всячески пыталось идти навстречу дворянской спеси, отделяя дворянских детей от недворянских, заводя для дворян особые парты в классах, особые столы за обедом и т. п. В 1735 г. было учреждено 20 казенных стипендий, однако весьма скудных — 12 руб. в год. По словам Ломоносова, гимназисты ходили «в бедных рубищах, претерпевали наготу и стужу... пища их была весьма бедной и один иногда хлеб с водой». Многие, не вынося тягот, бросали учение.

В преподавании особое внимание уделялось изучению языков. Помимо немецкого и латинского, преподавались греческий и французский. Пока в Гимназии орудовали немцы, изучение русского языка находилось в запое. Помимо языков, преподавались арифметика, геометрия и география. Ученые Академии составляли для Гимназии учебники: по математике — Л. Эйлер, по геометрии и географии

— Г. Крафт, по истории с те-
неалогией и риторикой —
Я. Штели. В списках препода-
вателей числился и учитель
танцев.¹

Во главе Гимназии вна-
чале был поставлен академик
Байер, филолог, немец, пре-
зиравший все русское, не
знавший русского языка. В
1738 г. заведывание Гимна-
зией перешло к физику
Крафту. Одним из первых
видных русских учителей
был в 1740 г. математик
Адауров.

В 1750 г. во главе Гим-
назии встал русский ученый-
ботаник, автор знаменитого
описания Камчатки, акаде-
мик Степан Петрович Кра-
шенинников. Он добился уве-
личения числа стипендиатов,
преподавание из рук немцев
перешло к русским учителям.
Немцы-академики, особенно
Г. Ф. Миллер, смотрели на
Гимназию как на обузу, поглощающую часть недостаточных академических средств,
но Ломоносов, Крашенинников, впоследствии Лепехин горячо отстаивали ее суще-
ствование, хорошо понимая то значение, которое она имела для подготовки русских
научных кадров. Ломоносов, который был поставлен в 1760 г. во главе академи-
ческих Гимназии и Университета, сам вышедший из народных глубин, вкладывал
в дело развития образования в России всю свою колоссальную энергию и настой-
чивость. Отстаивая право каждого способного человека учиться, он возмущенно
писал, что «в подушный оклад положенным запрещено в Академии учиться». Получается, что 40 алтын, т. е. взнос подушного оклада, жалеют «для получения
ученого россиянина», а на иноземца не жалко 1800 руб., составлявших тогда
жалованье академика.² Он настоял на том, чтобы на Гимназию была выделена

*С. П. Крашенинников, ученый-натуралист
(1713—1765).*

¹ Материалы для истории Академии Наук, т. I. СПб., 1885, № 858.

² М. В. Ломоносов. О необходимости преобразования Академии (1760). Избранные философские произведения, Гос. Изд. полит. литер., 1950, стр. 558.

особая сумма, чтобы число стипендий было доведено до 60 и самый размер их был увеличен. Он входил во все стороны жизни учеников вплоть до того, что сам занялся «расписанием яств», т. е. составлением меню.

Благодаря стараниям Ломоносова работа Гимназии пошла успешнее: за время его заведывания гимназиею окончило 20 человек, тогда как ранее до конца учения доходили только единицы.

Окончившие Гимназию при Академии Наук получали возможность продолжить образование в академическом Университете. Согласно положению, составленному еще при Петре I, академический Университет, в отличие от западноевропейских университетов, которые сохранили католико-схоластический или протестантско-богословский характер, был задуман как чисто светское учебное заведение. В Университете предполагалось создать три факультета: юридический, философский и медицинский. Но осуществление этого проекта натолкнулось на большие трудности. Главная из них состояла в том, что не было достаточно подготовленных для слушания лекций студентов. Пытались выписать слушателей из Германии. Делались попытки набирать студентов из Славяно-греко-латинской академии и из духовных семинарий, но духовенство относилось к этому отрицательно, да и тех, кого удавалось набрать, приходилось часто посылать доучиваться в Гимназию. Число учащихся превышало число учащихся. В 1731 г. в Университете не было ни одного студента.

В 1738 г. Академия составила обширную программу лекций, в которую вошло преподавание физики, метафизики, астрономии, математики, ботаники, анатомии, русского языка, истории. Адъютант Адауров должен был читать лекции по русскому языку, крупнейший математик Леонард Эйлер — лекции по высшей математике и логике. О предполагаемых лекциях послали извещения в Сенат, Синод, Шляхетский корпус. Все же дело подвигалось туго; в 1742 г. на 12 преподавателей с трудом было набрано 12 студентов. В 1747 г. был опубликован новый регламент Академии, по которому, в частности, отпускаясь средства на содержание 30 казеннокоштных студентов Университета. Однако посланные в следующем году для набора лица смогли собрать лишь 24 человека. Число студентов и в 50-х годах не превышало 20 человек. Когда заведывание академическим Университетом было поручено Ломоносову, он не нашел в нем «ни образа, ни подобия университета» и энергично принялся за его реорганизацию.

Вдохновитель создания Московского университета Ломоносов пытался оживить академический Университет и превратить его во второй полноценный и полноправный русский университет. С присущей ему страстью и настойчивостью Ломоносов боролся за создание нового очага русской культуры. Он настаивал на предоставлении Университету привилегии на дарование чинов его членам, на право Университета давать ученые степени. От президента Академии он добился приказа, «чтоб определенную на Университет сумму не употреблять на никакие другие расходы, а в 1760 г. Ломоносову удалось выхлопотать на содержание Гимназии

и Университета добавочных 5 тыс. руб., что увеличило ассигнования на эти учреждения на $\frac{1}{3}$. Число казеннокоштных студентов возросло на 10 человек. Планы Ломоносова встречали резкую оппозицию у многих академиков-немцев. Правительство медлило с окончательным утверждением привилегии Университета. Смерть Ломоносова (1765 г.) прервала начатое им дело педагогической реформы в Академии Наук. Второй русский университет создан в Петербурге не был; после смерти Ломоносова Университет при Академии Наук пришел в совершенный упадок.

И все же академическое Гимназия и Университет, несмотря на чрезвычайно небольшое число обучавшихся в них, сыграли немалую роль в подготовке крупных деятелей русской культуры. В академических Гимназии и Университете получили образование многие русские академики XVIII в.: натуралисты И. И. Лепехин, В. Ф. Зуев, анатом А. П. Протасов, математик С. К. Котельников — все четверо солдатские дети; сын священника П. Я. Озерецковский и др.

В академических Гимназии и Университете обучались и известные просветители XVIII в.: юрист А. Я. Пленов, философ Я. П. Козельский, поэт Н. Н. Повецкий.

Крупнейший в стране центр школьного образования Петербург стал главным центром и русской науки, добившейся уже к середине XVIII в. крупнейших достижений. Необходимость развертывания в России научной работы для укрепления ее экономической и военной мощи была совершенно ясна для Петра I и его сотрудников. Важнейшим мероприятием Петра I для развития науки была организация Академии Наук. Подготовка к этому делу велась с первых лет правления Петра I, но серьезные шаги в этом направлении были сделаны только после Полтавы и Гангута.

Так как было ясно, что без привлечения в Академию иностранных ученых обойтись невозможно, были начаты переговоры с крупнейшими представителями западноевропейской науки и философии.

Следует отметить, что Петр I выражал желание привлечь в Россию ученых из славянских земель. В 1715 г. он подписал указ о вызове «бемчан [чехов], знающих по-словенски». В критических замечаниях, сделанных им в 1724 г. в тексте «Положения» об Академии Наук, выражено желание выписать из-за границы хотя бы двух славян.¹ Эти указания Петра не были выполнены.

Взятая Петром I установка на подбор крупных ученых, которым должна была быть поручена и подготовка будущих академиков из русских не была полностью выполнена. Наряду с крупными учеными были привлекались и лжеученые вроде Г.-З. Байера, принесшие немалый вред развитию русской науки.

¹ Архив Академии Наук, ф. 3, оп. 1, № 4, лл. 130—140. Копии со сделанных Петром I поправками.

13 января 1724 г. Петр I подписал в Сенате «Определение об Академии», а 20 января он получил от лейб-медика Блюментроста составленный последним, по видимому по петровским указаниям, проект организации Академии, который и явился ее первым уставом. На полях этого документа царем были сделаны собственноручные добавления и поправки, после чего 22 января он был зачитан в Сенате и утвержден Петром.¹

«Понеже ныне в России зданше к возвращению художеств [т. е. практических знаний] и наук учинено быть имеет, — говорилось в «Определении об Академии», — того ради невозможно, что здесь следовать в прочих государствах принятому образу; но надлежит смотреть на состояниие здешнего государства, как в отношении обучающихся, так и обучающихся, и такое зданше учинить, через которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была».² Таким образом, перед Академией ставились не только теоретические, но и практические цели — разработка и распространение полезных практических знаний. В то же время петербургская Академия Наук в отличие от западноевропейских должна была стать не только научно-исследовательским, но и учебным заведением. Соединение в одном учреждении научной и учебной функций «Определение» мотивировало настоятельными нуждами страны. Для разрешения учебных задач при Академии были учреждены Университет и Гимназия, о которых сказано выше.

Как исследовательское учреждение Академия делилась на три класса: математический, физический и гуманитарный.

В математический класс входили кафедры: 1) теоретической математики, 2) астрономии, географии и навигации, 3) и 4) две кафедры механики, которой Петр придавал большое значение. Физический класс состоял также из четырех кафедр: 1) физики теоретической и экспериментальной, 2) анатомии, 3) химии, 4) ботаники. Гуманитарный класс ограничивался тремя кафедрами: 1) красноречия и древностей, 2) истории древней и новой и 3) «права купно с политикою и этикою».

Программа деятельности Академии не была скопирована с других Академий, а являлась вполне самостоятельной, продиктованной потребностями быстро развивающейся страны. В отличие от иностранных академий, которые в основном подводили итоги научной работы, выполнявшейся другими учреждениями (университетами, частными кабинетами и лабораториями), в России научная работа велась в стенах самой Академии, в ее кабинетах, лабораториях, мастерских. Академия была «повинна все декуверты [открытия] рассматривать и свою апробацию откровенно о том сообщать... 1. верны ли оные изобретения, 2. великой ли

¹ ЦГАДА, ф. Сената, № 1835/54, лл. 13, 18 и об.

² Материалы для истории Академии Наук, т. I, СПб., 1885, стр. 15.

пользы суть или малой, 3. известны ли оные прежде сего бывали или нет». Научно-исследовательская работа велась в Географическом департаменте, в Библиотеке, Кунсткамере, в Физическом кабинете, Астрономической обсерватории, Химической лаборатории, Анатомическом театре, в Ботаническом саду. Высшим научным органом являлось Академическое собрание, или конференция. Кроме научных исследований — «декувертов», — академики обязаны были заниматься и популяризацией науки в виде латинских «систем», т. е. курсов для студентов и ежедневного чтения хотя бы одной лекции.

На содержание Академии было назначено Петром I 24 912 руб. в год. Академии предполагалось даровать право выбора пожизненного или сменяемого один или два раза в год президента, а также право присуждения академических степеней. Однако эти права наследниками Петра предоставлены Академии не были, и за них тщетно боролся впоследствии Ломоносов.

Академии было поручено руководство переводческими работами, для чего был учрежден Переводческий департамент и были приглашены люди, знающие иностранные языки: Тарасий Постников, Иван Кривонольский, Иван Горлецкий и др. Для Академии временно отвели дом Шафирова на Петербургской стороне.

С августа 1725 г. стали собираться заседания Академической конференции.¹ Президентом был назначен (а не избран) лейб-медик Л. Л. Блюментрост, сын врача, приглашенного в Москву при царе Алексее.

Фактическое управление академическими делами вскоре перешло к Канцелярии и ее секретарю, изворотливому карьеристу Шумахеру — человеку десятичному, невежественному в научных вопросах, но умевшему прислуживаться президентам и находить у них опору. Составленный под его влиянием в 1747 г. регламент, выработанный без участия академиков, лишь подтвердил их незавидное, зависимое от Канцелярии положение, которое Шумахер широко использовал во вред Академии и ее научной работе. Делавшиеся попытки оторвать власть Шумахера обычно оканчивались его реабилитацией. Некоторые крупные ученые уехали обратно за границу, не выдержав шумахерского режима (среди них знаменитые математики Давид Бернулли и Леонард Эйлер). Зато в Академию проникали разные невежественные авантюристы, пользовавшиеся расположением придворных временщиков. Учитель детей Бирона француз Руа прочел в Академии доклад на тему «О надгробной надписи на могиле Адама, предполагаемой на острове Цейлоне». Некоторые академики (Байер, позднее Мидлер) с одобрения двора занимались распространением клеветнических вымыслов о русском народе и позорили его славное прошлое.

Все же даже в мрачное время бироновщины внутри Академии шла большая научная работа. Академией выполнялись многие работы по изучению природы и производительных сил страны. В Географическом департаменте велась

¹ Там же, т. VI. СПб., 1890, стр. 73—75.

географическое и картографическое дело. В 1735 г. были основаны Историческое собрание и Российское собрание, поставившее себе целью изучение и совершенствование русского языка. Научные издания Академии — «Комментарии» и «Новые комментарии» — приобрели мировую известность.

В Анатомическом театре велись вскрытия трупов, имевшие большое значение для успехов анатомии. В Обсерватории проводились астрономические наблюдения, которыми интересовался еще Петр I.

С 40-х годов начинается оживление работы Академии, связанное с тем, что в ее стенах развертывает свою работу плеяда крупных русских ученых, среди них математик В. Е. Адауров, поэт В. К. Тредиаковский, географ С. П. Крашенинников. В эти же годы в Академии начал свою работу великий гений русской и мировой науки XVIII в. М. В. Ломоносов.

Ломоносов стал главным вдохновителем всей работы Академии Наук. Он четко определил ее основные задачи в деле служения Родине и развития русской национальной культуры.

Страстный патриот Ломоносов вел беспощадную борьбу с лжеучеными, вредившими развитию русской науки. Он подверг сокрушительной критике антипатриотическую норманскую теорию, показав всю вздорность байеровско-миллеровских «переворот» (филологических домыслов).

В противовес клеветническим измышлениям байеров и миллеров Ломоносов составил «Древнюю российскую историю», в которой, покаяная неразрывность служения истине со служением Родине, поставил задачу показать «благорассудному и справедливому» читателю «справедливую славу» отечества. В «Древней российской истории» Ломоносов осветил раннюю историю восточных славян и происхождение Русского государства, развил мысль об этническом единстве славян и о ценности славянской культуры.

Огромное значение в развитии русской национальной культуры Ломоносов придавал дальнейшему совершенствованию великого русского языка, работая над этим и как филолог и как поэт. В посвящении к «Российской грамматике» он восславил великий русский язык, в котором находил «великолепие ишанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».¹ Общественно-политическое и культурное значение этого «гимна русскому языку» было исключительно велико.

В области естественных наук Ломоносов развернул многостороннюю деятельность: он был и химиком, и физиком, и астрономом, и географом, и минералогом, и геологом. В его гениальных трудах ясно выступают те черты, которые стали лучшими традициями прогрессивной русской науки. Замечательный экспериментатор и техник, Ломоносов обладал и широким философским подходом к научным

¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, Изд. Акад. Наук СССР, 1950, стр. 291.

вопросам, он смело возводил данные естествознания в стройную натурфилософскую материалистическую систему. Ученый-материалист Ломоносов стремился свои теоретические изыскания связать с практикой: итоги лабораторных исследований в области химии стекла он спешил перенести в производство. О практических задачах наук он неустанно твердил и в прозе и в стихах.)

Ломоносов стремился к освоению природных богатств севера, развивал широкие планы будущих экспедиций по освоению севера, северного хода в Ост-Индию, которым интересовался в свое время и Петр I. «Войну с океаном» Ломоносов признавал «благодетельнее международных войн».

По глубине и точности своих исследований Ломоносов далеко опережает своих современников как в России, так и на Западе.

Все величайшие открытия Ломоносова в области естествознания, так обогатившие мировую науку XVIII в., были сделаны в Петербурге. Здесь была им углублена и уточнена атомистическая теория строения вещества. Все, что происходит в природе, говорил Ломоносов, является результатом движения атомов. То новое, что внес Ломоносов в атомистическую теорию, заключалось в признании наличия в природе двух форм частиц материи: атома («элемента», по терминологии Ломоносова) и молекул, или, как говорил Ломоносов, «корпускул». Атомистическая теория была положена Ломоносовым в основу объяснения мироздания. «Нет никаких природных начал, — писал он, — которые могли бы яснее и полнее объяснить сущность материи и всеобщего движения».¹ Тем самым открывалась новая эпоха в развитии физических и химических наук. «Новая эпоха, — писал Энгельс в «Диалектике природы, — начинается в химии с атомистики... а в физике, соответственно этому, — с молекулярной теории».² Разработка атомистической теории помогла Ломоносову в разрешении ряда крупнейших проблем естествознания. Ломоносовым впервые был открыт «всеобщий естественный закон природы» — закон сохранения материи и движения. «Все перемены, в натуре случающиеся, — писал великий ученый, — такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому». «Сей всеобщий естественный закон, — пишет Ломоносов, — простирается и в самые правила движения».³ Материя и движение извечны и неразрывно связаны. Первичное движение не может иметь начала, но должно существовать извечно, говорил Ломоносов. Все, что существует в природе, развивается, имеет свою историю. В работе «О слоях земных» он писал: «Твердо помнить должно, что видимые телесные на земле вещи и весь мир не в таком состоянии были... как ныне находим, но великие происходили в нем перемены».⁴

¹ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., Изд. Акад. Наук СССР, т. 1, 1950.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. 1952, стр. 236.

³ Письмо Ломоносова Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 2, Изд. Акад. Наук СССР, 1951, стр. 184—185.

⁴ М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, стр. 396.

Ломоносовым был нанесен сокрушающий удар теории так называемого теплорода, по которой состояние тепла объяснялось количеством находящегося в телах особого вещества теплорода. Этой «теории» Ломоносов противопоставил молекулярно-кинетическую, подлинно научную теорию теплоты, по которой причины теплоты объясняются движением мельчайших частиц — молекул. Движение мельчайших частиц клал Ломоносов и в основу объяснения явлений электричества и света. Величайшим открытием Ломоносова, сделанным задолго до Лавуазье, явился закон сохранения веса вещества при химических реакциях. Это открытие легло в основу изучения всех химических реакций, подняло химическое знание на уровень подлинной науки. Ломоносов разработал теорию атмосферного электричества и указал на практическое ее применение в области прогноза метеорологических явлений. Ломоносов предвидел, что использование электричества откроет «великую надежду благополучию человеческому». Велики заслуги Ломоносова в области изучения света, фотометрия, астрофизики, научной теории цветоведения. Не меньшие заслуги принадлежат Ломоносову в области разработки научных основ минералогии, геологии, горного дела, металлургии. Он впервые научно объяснил происхождение торфа, каменного угля, нефти, строение кристаллов. С именем Ломоносова связано появление новых научных дисциплин, играющих в нашей современности огромную роль, как физической химии, физической оптики и др. Подлинно научная материалистическая натурфилософия Ломоносова нанесла непоправимый удар различным метафизическим теориям в области естествознания.

В то же время Ломоносов никогда не замыкался в области так называемой «чистой науки», а всегда стремился связать свои теоретические изыскания с потребностями экономического развития страны. С его именем связана разработка научного приборостроения, техники горного дела, металлургии, стекольного и керамического производства. Глубоко был прав Н. Г. Чернышевский, когда писал: «Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству».¹

Вокруг Ломоносова объединялись передовые деятели русской науки середины XVIII в. Петербургская Академия Наук стала научным центром мирового значения.

Успехам развития естественных наук в Академии способствовало создание при ней первоклассных для своего времени научных учреждений: Обсерватории, Физического кабинета, Химической лаборатории и др. Обсерватория обладала прекрасным инструментарием. Леонард Эйлер писал из Берлина по этому поводу: «Мы здесь лучшего образца показать не умеем. При Обсерватории шло обучение геодезистов, присылавшихся из Морской академии; составлялись Академией Наук и инструкции для астрономических наблюдений».

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. 1, 1950, стр. 576.

М. В. Ломоносов. Акварельный портрет середины XIX в.
Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова.

В 1734 г. сенатским секретарем И. Кирилловым был издан географический атлас, а в 1745 г. Академией был напечатан более совершенный «Атлас российский» — замечательное для своего времени географическое издание, состоявшее из 19 отдельных и одной генеральной карты.

Над созданием в Академии Физического кабинета много поработали академик Крафт, а затем Рихман и Ломоносов. Значительная часть инструментария, в том числе и сложные приборы по оптике, механике, электричеству, изготовлялась в инструментальной мастерской Академии.]

Самим Ломоносовым был изобретен «горизонтоскоп», т. е. прибор для измерительного обзора местности, который применяется до настоящего времени. Ломоносовым была изобретена «ночевзрительная» труба, которая практически применена получила только в наше время.

В советское время выяснены имена нескольких талантливых современников Ломоносова — русских мастеров, создателей научных приборов. Так, например, в химических и оптических записях Ломоносова имеются сведения об Алексее Ивановиче Колотошине, изготовлявшем физические инструменты. Этот ярославский посадский человек, поступивший в Академию в 1748 г. столяром, участвовал в изготовлении закала Сената на 200 астролябий, помогал в астрономических наблюдениях, впоследствии заведывал мастерской Ломоносова и строил большой однозеркальный телескоп.

В 40-х годах в распоряжении вернувшегося из-за границы молодого адъюнкта Ломоносова был уже хорошо обставленный Физический кабинет с сотнями разнообразных приборов.

Трагическая смерть Рихмана (он был убит молнией во время производства совместно с Ломоносовым опыта) привела к опечатанию Физического кабинета, причем Ломоносов был отстранен от заведывания им. Академики-иностранцы, ведавшие затем кабинетом, совершенно его запустили.]

Вне Академии еще во времена Петра I существовали в Петербурге и некоторые лаборатории для практических целей, как то: для испытания снарядов, анализа руд, подготовки фейерверков и пр.

Значительную роль в развитии механики и техники играла основанная в начале XVIII в. в Петербурге токарная и инструментальная мастерская. А. К. Нартоном был изобретен токарно-копировальный станок с суппортом. «Это механическое приспособление, — писал Маркс о позднейшем изобретении суппорта в Англии, — заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, приближая, прилагая острое режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, напр. на железо».¹ Изобретение суппорта явилось важнейшим этапом технической революции в области металлообработки.]

¹ К. М а р к с. Капитал, т. I. 1949, стр. 391.

А. К. Нартов в этом отношении почти на 70 лет опередил английского механика Модсли. Посланный Петром I в Лондон и Париж А. К. Нартов мог с гордостью написать царю в 1719 г.: «Здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел, и чертежи машинам, которые ваше царское величество приказал здесь сделать, я мастерам казал, а они сделать по нем не могут».¹

При Берг-коллегии на Васильевском острове с 1720 г. существовала лаборатория для анализа руд. В 1734 г. была построена вторая лаборатория для тех же целей.

Заметное место в культурной жизни столицы принадлежало музеям. Большинство из них, возникнув самостоятельно, позднее вошло в систему Академии Наук.

Старейшим из музеев была Кунсткамера, первый в России научный музей.

Начало Кунсткамеры было положено Петром I. Во время поездок за границу он внимательно знакомился с музеями Западной Европы. Западноевропейские кунсткамеры того времени, из которых многие возникли еще в эпоху Возрождения, ставили себе целью не столько поучать, сколько удивлять и развлекать посетителей. Еще в XVII в. принципами подбора в музеях Запада считались редность, нарядность, уродство, громадность и т. п. Все же в коллекциях кунсткамер находил отражение, хотя и слабое, прогресс опытного знания — успехи математики, астрономии, физики, натуральной истории. Именно эта последняя задача особенно привлекала внимание Петра, усердно собиравшего различные новые приборы, инструменты, машины, глобусы, чучела животных, анатомические аномалии в спирту, одежду, предметы быта различных народностей и т. п.

Собранные Петром I коллекции были перевезены в 1714 г. из Москвы в Петербург, где они были размещены в комнатах тесного Летнего дворца. Здесь так называемый «императорский кабинет» находился до 1719 г. В это время расход на содержание коллекций был еще невелик: в 1718 г. он исчислялся всего в 188 руб. Но коллекции постоянно пополнялись.

В 1719 г. на набережной Васильевского острова был заложен фундамент здания будущей Кунсткамеры и Библиотеки — того самого, в котором теперь помещается Институт этнографии Академии Наук; башни его в советское время восстановлена в своем первоначальном виде.

25 октября 1727 г. состоялось торжественное открытие Кунсткамеры на новом месте.

Под Кунсткамеру было отведено восточное крыло здания; средняя часть, представлявшая основание для трехэтажной наружной башни, была занята Анатомическим театром, над ним помещался знаменитый в свое время глобус. Этот глобус имел три метра с лишним в диаметре и состоял из выпуклой и вогнутой

¹ В. В. Данилевский. Русская техника. Л., 1947, стр. 134.

оболочек, представлявших небесную сферу и земной шар; внутри глобуса находился стол со скамьями на 14 человек. В трех этажах наружной башни была устроена Обсерватория.¹

После смерти Петра в Кунсткамере была создана мемориальная коллекция, посвященная его памяти. В 1732 г. сюда была прислана «восковая персона», т. е. статуя царя работы скульптора Растрелли. В 1735 г. ее установили в отдельной комнате под зеленым балдахином, разместив вокруг другие предметы: шляпу Петра, простреленную во время Полтавской битвы, чучело его лошади Лизетки «со всем к ней прибором, как было под Полтавою», и пр.²

В 1736 г. сюда передаются «токарные машины», сделанные токарем Петра I Нартовым, и другие инструменты, которыми работал царь: пилы, топоры, долота, коловороты, тиски, молотки и пр.³

Камчатская экспедиция 1732—1743 гг. — самое крупное экспедиционное предприятие первой половины XVIII в. во всем мире — дала богатый коллекционный материал.

Еще при Петре I Кунсткамера приобрела характер общественного музея, посещение которого было бесплатным.

Развлечением для публики служили живые монстры: карлики, уроды, жившие довольно долго при Кунсткамере и исполнявшие обязанности истопников, сторожей, а после смерти аватомировавшиеся.⁴

Для петербургского населения Кунсткамера представляла ценное просветительное учреждение. В 1744 г. отмечалось, что «ежедневно множество народу всякого чина приходит и просят в „Кунсткамеру“» и говорилось «о случающемся великом людстве», что указывает на популярность Кунсткамеры в широких кругах населения.

Восточное крыло здания Кунсткамеры с самого начала было отведено под Библиотеку. Зародилась она также в Летнем дворце Петра. Библиотека стала быстро расширяться присоединением к ней книжных собраний влиятельных и немилых или умерших лиц: Апраксина, царевича Алексея, Андрея Виннуса, Шафиров, Брюса и др.⁵ В Библиотеке имелись книги большой древности — греческие, славянские, латинские и др. Много книг было по военному искусству и сельскому.

Первоначально Библиотека была закрытой, но после переезда на Васильевский остров, с 25 октября 1728 г., она стала первой русской библиотекой общественного пользования. Открывалась Библиотека сначала всего два раза в неделю на два часа и лишь с 1752 г. стала открываться ежедневно на 4 часа, но только летом; зимой же здание почти не отапливалось. Пополнение библиотечного фонда шло

¹ Материалы для истории Академии Наук (1716—1747), тт. I и II, СПб., 1885.

² Там же, т. II, СПб., 1886, № 199; т. VI, СПб., 1890, стр. 387.

³ Там же, т. III, СПб.; 1888, №№ 140, 292, 324, т. IV, СПб., 1887, № 891.

⁴ Там же, т. I, №№ 27 и 495.

⁵ Там же, №№ 28 и 681.

довольно успешно. К 1742 г. число названий достигло уже 15 543. Было много атласов, рисунков, книг на восточных языках: китайских, арабских, турецких, персидских. Немало было и русских рукописных книг.

Были в Петербурге и частные библиотеки. Так, например, в библиотеке Феофана Прокоповича было до 30 тысяч томов. Большая библиотека была у А. Д. Мانشикова.

Следует также отметить наличие в Петербурге небольших казенных библиотек специального назначения. Так, существовали библиотеки при Петропавловском соборе и при Александро-Невском монастыре. В Адмиралтействе были собраны книги по мореплаванью. Морская академия, Шляхетский корпус обзавелись своими библиотеками учебного характера.

К первой половине XVIII в. относится и основание ботанических садов. Самый значительный из них вырос из аптекарского огорода на Аптекарском острове. Сад был основан в 1713 г. С 1732 г. усилилась постройка оранжерей, теплиц и некоторых других зданий. Ботанические коллекции сада достигли к 1736 г. 1275 видов.

При Генеральном сухопутном госпитале на Выборгской стороне также существовал аптекарский огород с парниками и теплицами, использовавшийся для обучения подлекарей и учеников ботанике. Академия Наук заложила в 1736 г. между 1-й и 2-й линиями Васильевского острова свой собственный Ботанический сад. Растений, семян из экспедиций поступало очень много, но часто лежало без дела.

Имелась в Петербурге и небольшая живая зоологическая коллекция, помещавшаяся недалеко от Летнего дворца, на Царынном лугу (Марсово поле).

Очень большое развитие в столице получило издательское дело, постепенно перешедшее также в ведение Академии Наук.

Уже в 1710 г. Петр выписал из Москвы в Петербург «станок друкарный с новыми литерами и со всем, что к нему принадлежит». В 1711 г. в Петербурге была открыта первая типография, или «друкарня».

В 1714 г. был выписан в типографию латинский шрифт для печатания научной литературы.

Типографское дело быстро разрослось в новой столице; еще в петровское время число петербургских типографий достигло четырех: кроме главной, были открыты типографии при Сенате, Александро-Невском монастыре и Морской академии.

4 октября 1727 г. последовало постановление Верховного тайного совета «быть друкарням» в С.-Петербурге лишь в двух местах: для печатания указов — в Сенате, а для печатания исторических книг — при Академии. Академия стала издательским и типографским центром Петербурга; при Сенате печатались обычно только указы и другие правительственные распоряжения.

Число служащих академической типографии выросло с 19 человек до 48 к началу 40-х годов, а к 1756 г. — до 67. Типография помещалась во втором этаже

предоставленного Академии бывшего дворца царицы Парасковьи (на месте его стоит теперь Зоологический музей Академии Наук).

Ввиду быстрого развития петербургского издательского дела в 1758 г. создается вторая академическая типография, так называемая «позакадемная», помещенная на углу 7-й линии Васильевского острова к набережной, рабочий персонал которой состоял из 11 служащих и 6 учеников. Печатались здесь преимущественно переводная литература.

На Петербургской стороне близ домика Петра поместилась первая в Петербурге книжная лавка; точная дата ее появления не выяснена. Помимо церковных книг, здесь продавались и светские, как русские, так и иностранные: буквари, книги «нифириного чтения», проповеди, регламенты, указы, книги воинские, исторические и географические сочинения, а также «кунишь», т. е. проповедения искусства. Заведывал лавкой Михайло Васильев.

С основанием Академии Наук при ней также была открыта книжная лавка, так называемая «книжная палата», здесь торговлей заведывали иностранные академические служащие. Торговля шла довольно вяло. С 1729 г. для повышения спроса стали печатать росписи (каталоги) продаваемых книг, рассылавшиеся по городам. Все же в лавке скапливались большие непроданные запасы, особенно иностранных книг.

Первым печатным изданием, вышедшим в Петербурге, является газета «Ведомости», печатавшаяся первоначально только в Москве, а впоследствии в Петербурге и Москве. С 1713 г. в Петербурге начали печататься также разнообразные книги, главным образом переводные. Качество переводов часто оставляло желать лучшего. В 1724 г. Петр I предписывал: «Которые умеют языки, а художеств¹ не умеют, тех послать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех отдать учиться языкам». Цена краткость и точность изложения, Петр писал: «Повыже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои посылать только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора, переводить не надлежит».² Выполнение такого рода критических переводов представляло, конечно, огромные трудности.

Петербургские выпуски «Ведомостей» стали более частыми, чем московские, и уделяли все больше внимания событиям военным, дипломатическим, отчасти и внутренним. В первую очередь, конечно, давались сообщения о ходе войны; не менее половины реляций принадлежало самому Петру; Гангутской битве был посвящен особый номер. Давались и сведения о нахождении руд, успехах мануфактур, работах на Ладожском канале и т. п. Иностранная информация шла почти из всех европейских столиц. Иногда номер украшался гравюрой, изображавшей

¹ Под «художествами» здесь понимаются научные дисциплины.

² Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945, стр. 148.

петербургскую крепость и набережную Невы с судами, над которыми парил Меркурий.

Когда открылась Академия, выпуск «Ведомостей» перешел в ее руки. Первый номер был выпущен ею 2 января 1728 г. Для информации она получала 16 иностранных газет; в «Ведомостях» помещались иногда объявления и книжная информация. Наряду с русскими «Санкт-Петербургскими ведомостями» выпускалась и немецкая газета. Годовая подписка на оба издания стоила 5 руб. Отдельные номера продавались в Гостином дворе за 2—4 коп. Сначала тираж немецкой газеты был выше тиража русской (500—1000 экземпляров немецкой на 250—300 русской), но спрос на русскую газету рос, и число подписчиков на нее достигло к 1760 г. 1000 человек, более чем в три раза превысив число подписчиков на немецкую газету. Однако интерес к газете пробуждался в русском обществе медленно. В царствование Петра I она выходила очень нерегулярно. Академия Наук добилась регулярного выпуска газеты два раза в неделю, но содержание ее, состоявшее главным образом из заграничной информации, русских придворных новостей и правительственных распоряжений, не могло вызвать интереса в широких общественных кругах.

С 1728 г. при академических «Ведомостях» стали печататься ежемесячно «Примечания», имевшие успех. Если первоначально целью этого издания было пояснение читателям неясных им мест газеты, то вскоре предприятие это разрослось и сыграло видную роль в истории популяризации знаний. «Примечания» стали своего рода литературным и научным журналом. «Примечания» выходили до 1742 г., но тираж их был невелик.

Другим важным просветительным изданием Академии Наук были календари. Они печатались с 1708 г. первоначально в Москве и давали краткие хронологические и астрономические данные, предсказания погоды, иногда в витиеватой стихотворной форме; в них велась и защита календарной реформы — перенесение начала года на 1 января.

В Петербурге первый календарь (на 1713 г.) был перепечатан с московского, но уже для 1714 г. составлен самостоятельно и притом с некоторыми изменениями: опущены святки, в первый раз дано время восхода и захода солнца и долгота дня и ночи. Время исчислено по меридиану Петербурга.

С переходом выпуска календарей в Академию они стали разнообразнее; в них помещались исторические, географические и другие сведения; интерес к ним быстро возрастал. Если при Петре I обычно печаталось в год не более нескольких сот календарей, то к 1751 г. выпуск их приближался к 10 тыс. экземпляров, а к 1759 г. достиг 14 тыс. В это время календари издавались всевозможные: русские, немецкие, французские, большие и малые, стенные, придворные, торговые, конторские, географические, астрономические и т. д. При этом они были довольно доступны по цене, так как продавались по 6, 12 и 24 коп.

Большое просветительное значение имело издание учебников. Если арифметика Магницкого и таблица логарифмов его и Фарварсона были напечатаны в Москве, то в конце царствования Петра, и особенно в 40-е и 50-е годы, роль Петербурга в издании учебной литературы значительно возросла. Учебная литература издававшаяся в Петербурге, имела светский практический характер.

Выходившие на латинском языке труды Академии (с 1728 г. — «Комментарии», а с 1747 г. — «Новые комментарии») были малодоступны, так как немногие знали латинский язык. Поэтому в 1728 г. была сделана попытка популяризации этих трудов путем выпуска «Братного списания Комментариев» с русскими переводами некоторых статей. Однако это издание не получило широкого распространения. Гораздо большее значение для популяризации знаний приобрел новый журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», который издавался Академией Наук с 1755 по 1764 г. Академия объявила, что здесь будут печататься «не одни токмо рассуждения о собственно так называемых науках», но и сведения, касающиеся «экономии, кунечества, рудокопных дел, мануфактур, механических рукоделий, архитектуры, музыки, живописного и резного художеств и проч.»¹ Журнал имел успех у русского читателя, хотя «словесность» занимала в нем скромное место. Наряду с иностранцами в нем печаталось немало русских авторов, как то: Ломоносов, Андрей Вартоа, Рычков, Понояжский, Соймонов, а также литераторы Сумароков, Тредиаковский, Елагин, Херасков и др.

* * *

Крупнейший центр науки и просвещения Петербург в первой половине XVIII в. сыграл значительную роль в развитии русского языка и в особенности в разработке его норм.

Развитие национального русского языка в XVIII в. сопровождалось прежде всего значительным обогащением его словарного фонда в связи с развитием производства, усложнением общественно-политической жизни и ростом знаний. Для обозначения новых технических, научных, политических, бытовых понятий нужны были новые слова. Самый простой путь решения вопроса заключался в заимствовании иностранных слов. В начале XVIII в. этим чрезвычайно злоупотребляли, излишнее засоряя русскую речь чуждыми ей иностранными словами. В языке столицы, особенно в языке двора и многочисленных столичных канцелярий, русские слова обильно пересыпались сором чужестранных заимствований. В. Н. Татищев писал в 1736 г. В. К. Тредиаковскому: «Чужестранных слов наиболее самохвальные и никакого языка не знающие секретари и подьячие мешают, которые глупость крайнюю за великий себе разум почитают и чем стыдиться надобно, тем хвастают».

¹ «Предупреждение» к изданию «Ежемесячных сочинений», см.: П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII в. Изд. Акад. Наук СССР, 1952, стр. 84.

Но в столице же передовыми деятелями русской культуры была развернута звергинная борьба за чистоту русского языка. Главными руководителями этой борьбы стали В. Е. Ададуров, В. К. Тредиаковский и в особенности М. В. Ломоносов.

Еще в 1735 г. при Академии Наук было создано Российское собрание. Перед ним президентом Академии были поставлены довольно скромные задачи: членам Собрания «иметь между собою конференцию, снося и прочитывая все, что кто перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка в случающихся переводах».¹ Однако вошедший в состав Собрания В. К. Тредиаковский стремился вложить в деятельность нового учреждения более широкое содержание. В своей вступительной речи он указал, что задача Собрания не сводится к простому улучшению языка переводов, а состоит в заботе «о грамматике доброй и исправной», «о дикционарии [словаре] полном и довольном», «о риторике и стихотворной науке». По договору своему с Академией Тредиаковский обязывался «вычищать язык русский, пишучи как стихами, так и не стихами», т. е. заняться реформой русского языка.

В состав Российского собрания, кроме В. К. Тредиаковского, были назначены адъюнкты В. Е. Ададуров и др.

О деятельности Российского собрания сохранилось мало сведений, так как протоколы его заседаний не найдены. Но о широком размахе деятельности Собрания можно судить хотя бы по тому, что Татищев назвал его в своем словаре «Российской академией».

Выступая против излишнего засорения языка чужеземными словами, передовые русские писатели искали других путей обогащения языка. Уже у Тредиаковского мелькает мысль об обращении к языку «простого народа». Большое внимание народному языку уделял Ломоносов, в грамматике которого широко использованы как примеры народные поговорки и пословицы.

Еще большее значение в спорах о путях развития литературного языка приобрел вопрос о славнизмах. Петр I, борясь за доступность и общепонятность книги, настаивал на замене в книгах церковно-славянского языка русским, т. е. на приближении книжного языка к живой речи. Указом 1708 г. для светских книг был введен новый упрощенный гражданский шрифт.

Тредиаковский в 1730 г. в предисловии к переводу книги «Езда на остров любви» писал, что он «оную не славянским языком перевел, но почти самым простым русским словом».

Ломоносов подошел к вопросу глубже: он признавал необходимость использования славнизмов для обогащения языка, особенно для разработки научной и философской терминологии. В «старательном и осторожном употреблении сродного нам коренного славянского языка» он видел одно из важных средств защиты языка от «диких и странных слова неженостей, входящих к нам из чужих языков».²

¹ Материалы для истории Академии Наук, т. II, № 703.

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7, Изд. Акад. Наук СССР, 1952, стр. 591.

В. К. Тредиаковский (1703—1769). Портрет маслом неизвестного художника середины XVIII в.

Институт русской литературы Академии Наук СССР.

Трудами Ломоносова и его учеников была успешно разрешена задача разработки русского научного языка. В 1762 г., подводя итоги двадцатилетней работы над развитием языка, Ломоносов писал: «На природном языке разного рода моими сочинениями... стиль российская в минуших двадцать лет несравненно вычистился и много способнее стал к выражению идей трудных, что и прославлению много служит».¹ А ученик Ломоносова, воспитанник академической Гимназии и Университета, Н. П. Пововский во вновь открытом Московском университете

¹ См.: С. П. Оберский. Ломоносов и русский литературный язык. Изв. Отд. лит. и яз. Академии Наук СССР, 1940, № 1, стр. 56.

читал на русском языке даже лекции по философии. Критикуя традиционное мнение, будто языком философии может быть только латинский, он говорил: «Дети ее [философии], арифметика, геометрия, механика, астрономия и прочие, с народами разных языков разговаривают, а мать... ни одного языка не научилась», — и добавлял с ломоносовской гордостью за родной язык: «Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно».¹

Работа по обогащению русского языка в первой половине XVIII в. сопровождалась научной разработкой русской грамматики. Адауровым была переработана устаревшая грамматика Мелетия Смотрицкого. Еще большее значение имела во глубине трактовки и широте охвата вопросов языка грамматика Ломоносова. Она явилась крупным вкладом в строительство русской национальной культуры.

Ломоносов высоко ценил единство формирующегося русского национального языка. Сопоставляя в этом отношении Россию с Германией, он с гордостью отмечал: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того... в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургского швабского».²

Для Ломоносова ясно было и то, что ведущая роль в развитии национального языка принадлежит не новой столице, а Москве. Ломоносов превозносил преимущество московского наречия, восторгаясь его красотой. Мягкость московского «кананья» он воспеал даже в стихах:

Великая Москва в языке томь нежна,
Что «А» признають за «О» велит она.³

В литературной жизни столицы в первой половине XVIII в. нашли яркое отражение новые взгляды, порожденные социально-экономическим и политическим развитием страны. С Петербургом связывала деятельность самых крупных русских литераторов первой половины XVIII в. Во времена Петра I здесь развернулась чрезвычайно широкую литературную деятельность Феофан Прокопович. Главной формой его литературной деятельности явились проповеди, прославлявшие просвещение. Хотя они и произносились с церковного амвона, но носили в гораздо большей мере светский характер, чем церковный. Как поэт и драматург Феофан не обладал большим дарованием, но умел ценить своих более даровитых современников. Стихами приветствовал он появление в 1729 г. первой сатиры Антоха Кантемира «На хулящих учение». Обращаясь к новому поэту, Феофан писал:

А ты начал теци путь преславный,
Коиим изяжные текли исполнены,

¹ Н. Н. Полюбовский. Речь, говоренная в вачатне философических лекций. Избранные проповедания русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I, 1952, стр. 90, 91.

² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 590.

³ М. В. Ломоносов. Стихотворения. Изд. «Советский писатель», 1948, стр. 138.

И пером смелым мени порок явный
 На не любящих ученой дружины...¹

Следом за «ученой дружиной» в 40—50-х годах в Петербурге выступают крупнейшие представители нового литературного направления — классицизма: Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков. Они разработали новые литературные жанры — оду, трагедию. В поэзии они перешли от несвойственного русскому языку силлабического стиха к тоническому.

На их поэтическом творчестве сильно сказалось влияние двора, требовавшего от поэтов пышной торжественности. Отсюда вырастали те пороки, в которых Белинский упрекал даже Ломоносова: «высокопарность, изысканность, отращивание от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности». Но сквозь напыщенные восхваления ничтожных царей, доходящие порой до их обожествления, сквозь словесную шелуху искусственной риторики и условные образы античности пробивалось то, что составляет силу и глубочайший внутренний пафос русского классицизма середины XVIII в.: глубокий патриотизм и горячая вера в просвещение. Поэты середины XVIII в. и Ломоносов, крупнейший среди них, славил Родину, блестящие победы русского оружия и успехи русского просвещения; они укрепляли чувство национальной гордости, звали к новым подвигам, они были проникнуты уверенностью в том,

Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля рождать.

* * *

И театральное искусство русского народа, имевшее многовековую историю, делает в первой половине XVIII столетия значительные шаги в своем развитии. Петербургская театральная культура XVIII в. продолжала традиции, сложившиеся еще в Московской Руси. Но театр в Петербурге не повторял, а развивал эти традиции. С Петербургом связано создание нового литературно-художественного театра и новой драматургии. Очень скоро после основания Петербурга в нем открылся профессиональный театр, впервые начавший функционировать в Москве.

Петр I видел в театре одно из средств борьбы за светскую культуру, освобожденную от церковно-схоластического влияния. Поэтому он относился к организации театра как к делу, в развитии которого государство заинтересовано не менее, чем в школах, издании книг и других культурных мероприятиях. Для создания театра выписывается немецкая странствующая труппа во главе с антрепрениером Иоганном Кунстом. Ставя основной задачей организацию русских

¹ И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 598—600; П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765 гг. Л., 1936, стр. 23.

спектаклей, Петр I обязывает его обучить комедиантскому делу группу «из русских ребят, каких чинов сыщутся к тому делу удобным», строит для представлений особые хоромы, заставляет переводчиков Посольского приказа переводить именины в репертуаре немецкой труппы переделки пьес Шекспира, Корнелия, Кальдерона и требует от Кунста создания пьес, откликающихся на важные события русской жизни.

На святках 1702 г. начались в Москве открытые спектакли этого театра, шедшие то на немецком языке в исполнении актеров Кунста, то на русском в исполнении русских актеров.

Но ни Кунст, ни заместитель его, некий Отто Фюрст, по профессии золотых дел мастер, не могли подготовить ожидавшегося от них репертуара. Театральное дело берет в свои руки сестра царя Наталья Алексеевна, страстная любительница театра и главный помощник Петра I в его театральной политике.

Переехав вскоре в Петербург, она привозит с собою русских актеров, ранее игравших в Москве, и принимается за устройство театра в новой столице, который и начинает свои спектакли в 1714 г. Помещался этот первый петербургский публичный театр на теперешней улице Чайковского. Для представлений был приспособлен огромный пустой дом, где устроили партер и ложи.

Разделяя взгляды Петра I на театр, Наталья Алексеевна успешно использует опыт школьно-церковного театра московской Славяно-греко-латинской академии, в репертуаре которого были пьесы злободневного характера, например пьеса, злобличавшая изменчивую позицию Польши в войне со Швецией, под названием «Страшное изображение второго пришествия господня на землю», «Освобождение Ливонии и Ингерманландии» и др. Она сама и актер Семен Смирнов писали для петербургской сцены пьесы, в которых находили живой отклик острые вопросы текущей политической жизни, разрешавшиеся в соответствии с политическими задачами правительства.

В пьесе «Петр Златые ключи» проводилась мысль о пользе зарубежных путешествий для молодых людей, посланных Петром I за границу с образовательной целью. Ставились на сцене театра Натальи Алексеевны и переводные пьесы, шедшие ранее в Москве (1702—1706 гг.) и переделки для театра западноевропейских романов. Чтобы использовать подмостки в качестве своеобразной политической трибуны, между действиями идущей пьесы разыгрывались короткие интермедии, или, как они тогда назывались, «забавные игралища». Эти подчас грубоватые комические сценки наполнялись злободневным материалом. То в них говорилось о пользе нововведений царя и осуждались те, кто придерживался старинных обычаев, то высмеивалось взяточничество подьячих или сатирически изображались монахи и церковнослужители. Написанные доходчивым и понятным разговорным русским языком, эти интермедии продолжали национальную традицию народных скоморошских игр старорусской Руси.

Театр, организованный Натальей Алексеевной, гораздо более удачно, чем труппа Кунста—Фюрета в Москве, справлялся с задачей пропаганды реформ Петра и его политики. Желая привлечь к театру возможно больше зрителей, Петр I делает его общедоступным в полном смысле слова. За вход на представления никакой платы не взималось. Петр, стремясь расширить круг зрителей, специальным указом разрешал всем посещать театр «свободно, без всякого одачения», т. е. не боясь преследований почитателей старины, считавших театральные представления «бесовской потехой». Этот театр, представлявший наиболее значительное явление театральной жизни Петербурга, перестал функционировать со смертью Натальи Алексеевны и отъездом Петра I за границу в 1716 г. В 1719 г. в его здании некоторое время играла гастролировавшая в Петербурге немецкая бродячая труппа Манна, не имевшая никакого успеха.

В 1723 г. издается указ о постройке нового театрального здания «на Адмиралтейском острове на берегу реки Мыи [Мойки]».¹

В новом здании некоторое время играла вновь приехавшая труппа Манна, но, попрежнему не имея успеха, она покинула Россию в начале 1724 г.

Ближе к требованиям Петра I подошел школьно-семинарский театр. На школьной сцене шли антирические спектакли, посвященные восхвалению реформ и военных побед в Северной войне. Такие спектакли в Петербурге устраивались Александро-Невской семинарией, созданной Феофаном Прокоповичем. Сам Петр I, пытаясь возможно шире использовать средства театра для воздействия на массы, организует в Петербурге театрализованные уличные шествия и маскарады во время празднеств, устраивавшихся по случаю одержанных побед, при спусках новых кораблей Балтийского флота и т. д.

В начале XVIII в. прекратились преследования, которым подвергался в XVII столетии по требованию церковников и по указу Алексея Михайловича театр скоморохов. То, что государство разрешало посещение театра, что даже в духовной школе, Славяно-греко-латинской академии устраивались спектакли, способствовало возрастанию интереса широких народных масс к театру.

Появляются в стране бродячие труппы комедиантов, дававшие представления для народа.

Очевидно, что и на строительстве Петербурга, для которого сгонялись многие тысячи людей со всех концов России, имели место народные театральные забавы. Это подтверждается сообщениями академика Якова Штелина и других о том, что в старину, на масленице, служители парковых конюшен в рогожных костюмах давали в разных местах свои представления. Для извещения о том публички на окно выставлялся бумажный фонарь и играли на рожках; представление носило название игрищ, зритель за место платил от 1 до 4 коп.

¹ ЦГИАЛ, Книга высочайших повелений, XXI — 25. — Новый театр был деревянный, просуществовал до 1733 г., когда Анна Ивановна приказала его «за ветхостью» сломать. Стоял он на месте дома, где теперь помещается театр Эстрады на улице Желябова.

Первые попытки создания общедоступного русского театра не прошли бесследно для развития театральной культуры России. Они преломили путь к деятельности М. Ломоносова, В. Тредиаковского, А. Сумарокова — создателей первых русских трагедий и комедий — и гениального Ф. Г. Волкова — создателя нового русского театра.

При преемниках Петра I, уничтоживших многие из его политических и культурных начинаний, Петербург долгие годы живет без русского театра. Петербургский театр обособляется в придворное зрелище.

В столицу выписываются немецкие, французские и итальянские труппы. Они обслуживают узкий круг придворного дворянства, отдалявшегося все более от народа и русской национальной культуры. В апартаментах «Нового зимнего дома» (дворца), который в 1732—1737 гг. строится архитектором В. В. Растрелли, по приказу Анны Ивановны оборудуется первый в Петербурге придворный театральный зал «для отправления комедий и опер». Там, поражая пышностью постановок, играет приехавшая в 1735 г. итальянская труппа певцов во главе с композитором Арайя и с ней балетная группа Антонио Ринальдо Фоссано. Мифологическая опера, или так называемая «опера богов», в которой «все есть знатно, великоленно и удивительно», становится любимым зрелищем двора.

Народ свою потребность в зрелищах удовлетворял, глядя на выступления бродячих актеров, которые, подобно скоморохам Московской Руси, забавляли его песнями, плясками, прибаутками и разыгрывали на улице шутовские сценки в дни традиционных святочных и масленичных гуляний. Отвечали этой потребности и самодеятельные спектакли, устраивавшиеся в частных домах. Организаторами и актерами их выступали представители недворянских сословий. В 1747 г. в Петербурге некий Иван Лукин опубликовал извещение об устройстве им театральных представлений. Но, кроме объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях», предприятие Лукина не оставило следов и, видимо, просуществовало недолго. Возможно, оно было ликвидировано властями, требовавшими на каждый спектакль специального разрешения полиции.

Тяга к театру со стороны широких городских кругов была очевидна. Откликаясь на нее, периодическая печать Петербурга помещала время от времени статьи, посвященные вопросам театра. Повсеместное распространение частной театральной инициативы заставило правительство в 1750 г. издать специальный указ, разрешавший представления русских комедий в частных домах.

В 30-х годах было приступлено к созданию при дворе русской балетной труппы из крепостных. Под руководством балетмейстера Ланде в 1738 г. создается танцевальная школа, в которой обучаются малолетние дети крепостных дворянских слуг.

¹ Эта школа являлась далекой предшественницей нынешнего Ленинградского хореографического училища.

Ладе быстро подготовил своих воспитанников и продемонстрировал их искусство на одном из придворных спектаклей. В аллегорическом «балете цветов» танцевали крепостные девушки, начав этой постановкой славную историю русского балета и историю крепостного театра в России. Балет имел столь большой успех, что школа Ладе была увеличена и все воспитанники ее переведены на казенное содержание. Некоторые из числа прошедших в школе обученные достигли впоследствии известности: Тимофей Бусликов (Бубличенко), поступивший в школу из придворных певчих, Афанасий Топорков, Андрей Неспиров, Елизавета Зорина, Аксинья Сергеева. Особенная слава сопровождала артистический путь Аксиньи Сергеевой. В репертуаре петербургского театра были также балеты, как «Золотое яблоко на шире богов, или суд Париса», «Сципий» (музыку к последнему написал Франческо Арайя), «Орфей и Евридика», «Аполлон и Дафна» и т. п.

Интерес к театру, подогреваемый воспоминаниями о театральных начинаниях петровского времени, порождает в 40-х годах XVIII в. попытку создания любительского дворянского театра.

Увлечение дворянской молодежи сценой прежде всего проникло в стены Шляхетского кадетского корпуса — в те годы одного из центров дворянской культуры. В 1749 г. любительская труппа воспитанников корпуса, уже сыгравшая в 1747—1748 гг. ряд пьес на французском языке, поставила сочиненную А. П. Сумароковым первую трагедию «Хорс», положившую начало русской драматической литературе.

Успех представления был настолько велик, что русские спектакли кадет по приказу Елизаветы Петровны были перенесены во дворец, где в 1750—1751 гг. кадеты показывали ряд произведений А. Сумарокова и трагедию М. Ломоносова «Тамира и Селим».

Вскоре в связи с выпуском из корпуса участников любительской труппы спектакли эти прекратились. Но их успех оказал существенное влияние на отношении Елизаветы Петровны к театру. Отсутствие национального театра в столице государства, по мысли А. И. Шувалова, одного из главных советчиков Елизаветы, роняло престиж России. В то же время организация в Петербурге национального театра должна была поддержать созданную придворными кругами репутацию Елизаветы как «продолжательницы Петрова дела» и «покровительницы» отечественных талантов.

Если спектакли кадет подготовили почву для создания национального репертуара, то для организации постоянной труппы русских актеров кадры молодых дворян, подготовившихся Шляхетским корпусом главным образом для командных должностей в армии, не могли быть использованы. Нужные артистические силы могли быть найдены только среди участников тех любительских представлений, которые ставились для народа.

В конце 1751 г. до царского двора дошло известие о существовании в Ярославле постоянного русского театра. Его организовал молодой пасынок ярославского

кушца-заводчика Федор Волков, познакомившийся с театральным искусством еще в Ярославской духовной школе. Во время своих торговых поездок в Петербург Волков присутствовал на представлении кадет, игравших в Шляхетском корпусе трагедию Сумарокова «Синав и Трувор».

Увлечшись театром, он начал усердно изучать театральное искусство, занимался живописью, музыкой, иностранными языками. Его энергия и любовь к делу преодолели все препятствия. В 1750 г. в Ярославле начались публичные спектакли труппы, созданной Волковым из купеческих сыновей, семинаристов, прикзанной молодежи и «разных чинов людей».

По сведениям современников, актеры Волкова играли трагедии Сумарокова и Ломоносова, духовные пьесы, шедшие на сцене школьно-семинарского театра, и комические пьесы собственного сочинения.

На добровольно собранные средства Волков построил специальное здание для театра по собственному проекту. Он же был композитором, машинистом, автором пьес, директором и первым актером созданного им театра. Он организовал регулярные спектакли, делая их доступными для всех горожан, так как билет стоил от 1 до 5 коп.

По указу Елизаветы «Федора Волкова с братьями, которые в Ярославле содержат театр и играют комедии, и кто им для того еще потребен будет», привозят в Петербург. Показав на другой день после приезда, 4 февраля 1752 г., представление во дворце, ярославская труппа играет 6 и 9 февраля публичные спектакли на сцене немецкого театра на Большой Морской.¹ Повидимому, двор и петербургское дворянство, воспитанные на высочайших театральных образцах, остались недовольны игрой труппы Волкова. Придворным вкусам были чужды приемы сценической игры ярославских актеров, восходившие к национальным традициям народного театра. Было решено отдать наиболее способных ярославцев «на выучку» в Шляхетский корпус, где под наблюдением Сумарокова бывшие участники кадетских спектаклей — офицеры Меллиссано, Остервальд и Свистунов — обучали их вместе с труппой молодых придворных певчих «представлять трагедии».

30 августа 1756 г., когда труппа ярославцев, усиленная бывшими певчими и первыми актрисами, по мнению придворных меценатов, показала себя готовой к публичной театральной деятельности, специальным указом был учрежден «Российский для представления комедий и трагедий театр». В январе 1757 г. Российский театр начал свои спектакли для жителей Петербурга в Головкинском доме, стоявшем на месте нынешнего здания Академии художеств.

Созданием этой труппы начинается двухвековая история старейшего русского драматического театра Советского Союза — ныне Ленинградского Государственного академического театра имени А. С. Пушкина. Этот театр, называвшийся

¹ ЦГИАЛ, ф. № 439, оп. 1—133/2460, к. № 6, лл. 14, 16, 30; Л. В. Ефдокимов. Журналы дежурных генерал-адъютантов, вып. II. СПб., 1898, стр. 272—273.

*Ф. Г. Волков, первый русский актер (1729—1763). Портрет маслом работы
А. П. Лосенко 1763 г.*

Государственный Русский музей.

в XVIII столетии Российским театром, а затем с 1832 г. и до Октябрьской революции Александринским, непрерывно существует до наших дней, сыграв большую роль в развитии отечественной театральной культуры и подготовив условия для утверждения русской реалистической школы сценического искусства.

Первым директором театра и его драматургом был А. П. Сумароков. Все заботы о молодом учреждении легли на плечи Сумарокова и Волкова. Создавать театр им приходилось в условиях равнодушного, бюрократического отношения к театру со стороны дворцовой администрации, в обстановке интриг многочисленных недоброжелателей, не желавших признавать русского театра. «От начала театра ни одного представления еще не было, которое бы миновалось без превеликих трудностей, не приносящих никому плода, кроме приключаемых мне мучений и превеликих замешательств», — писал А. П. Сумароков в 1759 г. А. И. Шувалову. Он титетно боролся за увеличение ассигнований на содержание театра, получавшего всего 5000 руб. в год (французская и итальянская труппы получали тогда от двора 50 000 руб. в год). Он ссорился с чиновниками, покровительствовавшими иноземным актерам, с сановными зрителями, открыто проявлявшими на спектаклях Российского театра неуважение к труду первых деятелей русской сцены. Положение театра стало еще более трудным, после того как в 1759 г. он был подчинен Придворной конторе и главному «ненавистнику русскому театру» — ее начальнику Сиверсу.

Независимость характера и убеждений Сумарокова пришлись не ко двору. В 1761 г. последовала его полная отставка. Будучи убежденным монархистом и видя в дворянстве единственную политическую и культурную силу, А. П. Сумароков тем не менее брал на себя смелость учить царицу быть «праведной» и «везлобной», говорил в своих трагедиях о пагубности тиранства, о человечестве и гражданском долге монарха и дворян. Таковы написанные им в 50-е годы «Хорев», «Синав и Трувор», «Гамлет», «Сомирх», «Демиза», а позднее «Вышеслав», «Дмитрий Самозванец», «Мстислав» и особенно вторые редакции его ранних трагедий.

Комедии Сумарокова, шедшие на петербургской сцене, носили сатирический характер. Острые их были направлены против пороков дворянского общества — взяточничества, ханжества, лицемерства, «сужкобесия» — темы, в скором времени сделавшейся очень распространенной в прогрессивной дворянской литературе.

Наряду с пьесами А. П. Сумарокова в репертуаре вновь основанного театра в первые годы его существования видное место занимали произведения иностранной драматургии. Комедии Мольера, Лесажа, Руссо часто ставились актерами Российского театра. Посетители театра имели возможность знакомиться с лучшими произведениями западноевропейской драматургии.

Молодой Российский театр с поучающими дворянство трагедиями Сумарокова в репертуаре очень скоро наскучил веселящемуся двору Елизаветы. Количество его придворных выступлений быстро падает. Его основной деятельностью становятся открытые спектакли для горожан.

С уходом Сумарокова в отставку во главе театра становится Ф. Г. Волков. Среди актеров первые места занимали ярославцы: И. А. Дмитриевский, Яков Шумский — первый комический актер, Иван Соколов, прославившийся в ролях ловких слуг и пройдох и ставший позднее драматическим писателем, Алексей Попов, Г. Г. Волков, Николай Михайлов, и первые русские профессиональные актрисы — Аграфена Михайловна Мусина-Пушкина (Дмитриевская), сестры Мария и Ольга Анянлы (Волкова и Шумская). В 1761 г. Ф. Г. Волков пополнил состав Российского театра актерами расщепленной труппы, игравшей на сцене организованного актрисенером Локателли публичного московского театра. На петербургских подмостках появился ряд новых имен, среди которых заслужила громкую славу Татьяна Троепольская.

Но первым талантом петербургской труппы, несомненно, был сам Ф. Г. Волков. Огромный темперамент позволял ему создавать яркие, сильные, героические образы. Н. И. Новиков говорил о «природности» его игры, что приводило к отступлению от канонов классицизма и приближало его исполнение к реалистическому толкованию ролей. Человек передовых убеждений, он свою режиссерскую и литературную деятельность, слабо отраженную в источниках, использовал иногда в качестве средства антикрепостнической пропаганды.

В 1763 г. труппа Российского театра выехала в Москву на коронацию Екатерины II. Здесь Волков создал сценарий грандиозного театрализованного шествия-маскарада «Торжествующая Минерва», в котором должна была, как сообщала афиша, «изъявляться гнусность пороков и слава добродетели». В хлопотах по организации и постановке маскарада, в котором была занята вся труппа Российского театра, а общее количество лиц, принимавших участие, доходило до 4000, Федор Григорьевич простудился и слег. 24 апреля 1763 г. смерть прервала на тридцать четвертом году жизнь основателя театра в Ярославле и Петербурге, не дав возможности развернуться в полную силу его выдающимся дарованиям.

Но и за короткую свою жизнь Волков сделал очень много для национального театрального искусства. В столице России был создан публичный русский театр. В борьбе с отрицательно относившимися к театральным представлениям русскими церковниками и «ненавистниками русскому театру» из числа вельможных иностранцев Российский театр во главе с Ф. Г. Волковым к началу 60-х годов окреп и твердо стал на ноги, завоевав видное место в общественной жизни столицы и страны. Круг его зрителей благодаря публичности русских спектаклей становился все более широким. Его выступления привлекали все передовые слои петербургского общества. Среди дворянской молодежи, посещавшей спектакли, были и будущий автор «Недоросля» Д. И. Фонвизин, и юный князь Александр Радцев.

Хотя и включенный в придворное ведомство, Российский театр во вторую половину века выступает пасынком русского самодержавия. Он работает, вечно нуждаясь в деньгах. Его актеры живут подчас впроголодь, не получая жалования,

и ютится в обветшалом доме, отведенном им вдали от двора и центра города.¹ С 1759 г., когда Головкинский дом отошел под Академию художеств, русский театр, лишившись и этой сцены, почти три четверти века кочует со своими спектаклями из здания в здание, играя где придется, в дни, свободные от спектаклей иностранных трупп. При дворе презрительно отзывались о русском театре и актерах потому только, что они русские. К русским актерам, выходцам из народа, столичные бары относились так же, как к своим крепостным карлам, шутам и шутихам, еще жившим тогда на задних дворах дворянских сеобняков.

Кадры русских профессиональных актеров, среди которых вплоть до начала XIX в. было много крепостных, грамотных в силу своей профессии и более культурных, чем среднее дворянство, формируются во второй половине XVIII в.

Лучшие люди Российского театра сближались с носителями наиболее прогрессивных течений русской общественной мысли, поддерживавшими русский театр в его непрекращающейся борьбе за национальное реалистическое искусство.

Как в области театра, так и в музыкальной жизни Петербурга XVIII в. ясно прослеживается стремление правящих кругов использовать средства искусства для укрепления авторитета государственной власти. По указу 1711 г. в каждой воинской части были созданы духовые оркестры из труб, валторн, гобоев, фаготов и литавр. Музыканты гвардейских полков, по свидетельству музыкального хроникера XVIII в. академика Я. Штелина, «должны были все предобеденное время с 11 до 12 часов посвящать публичным музыкальным упражнениям, причем трубачи и литавристы размещались на башне петербургского Адмиралтейства, а гобоисты, фаггисты и валторнисты на церковной башне крепости С.-Петербург».

В 1713 г. Петр издал распоряжение о переводе в Петербург хора государевых певчих — старейшего русского хорового коллектива. Певчие этого хора вместе с военными музыкантами участвовали в пышных официальных торжествах и церемониях, которыми отмечались при Петре I военные победы и другие знаменательные события государственной жизни. С этими празднествами связано было развитие особого жанра торжественных хоровых песнопений — так называемых «приветственных» или «панегирических» кантов.

Музыка звучала на петровских ассамблеях, на которых дамы и кавалеры танцевали модные «галантные» танцы под аккомпанемент оркестра. Посещение ассамблей, как известно, было обязательным для столичного дворянства и рассматривалось Петром I как средство воспитательного воздействия. Подобными же воспитательными соображениями руководствовался он, заставляя петербургских

¹ До 1750 г. в Головкинском доме, построенном в годы закладки города, помещались склады Гофландтавской конторы. Она, выехав, оставила в наследство столько крыс, что в 1752 г. Елизавета специальным указом повелела содержать в нем 300 кошек.

дворян в виде обязательной повинности ходить на концерты инструментальной капеллы в доме тайного советника Бассевага.

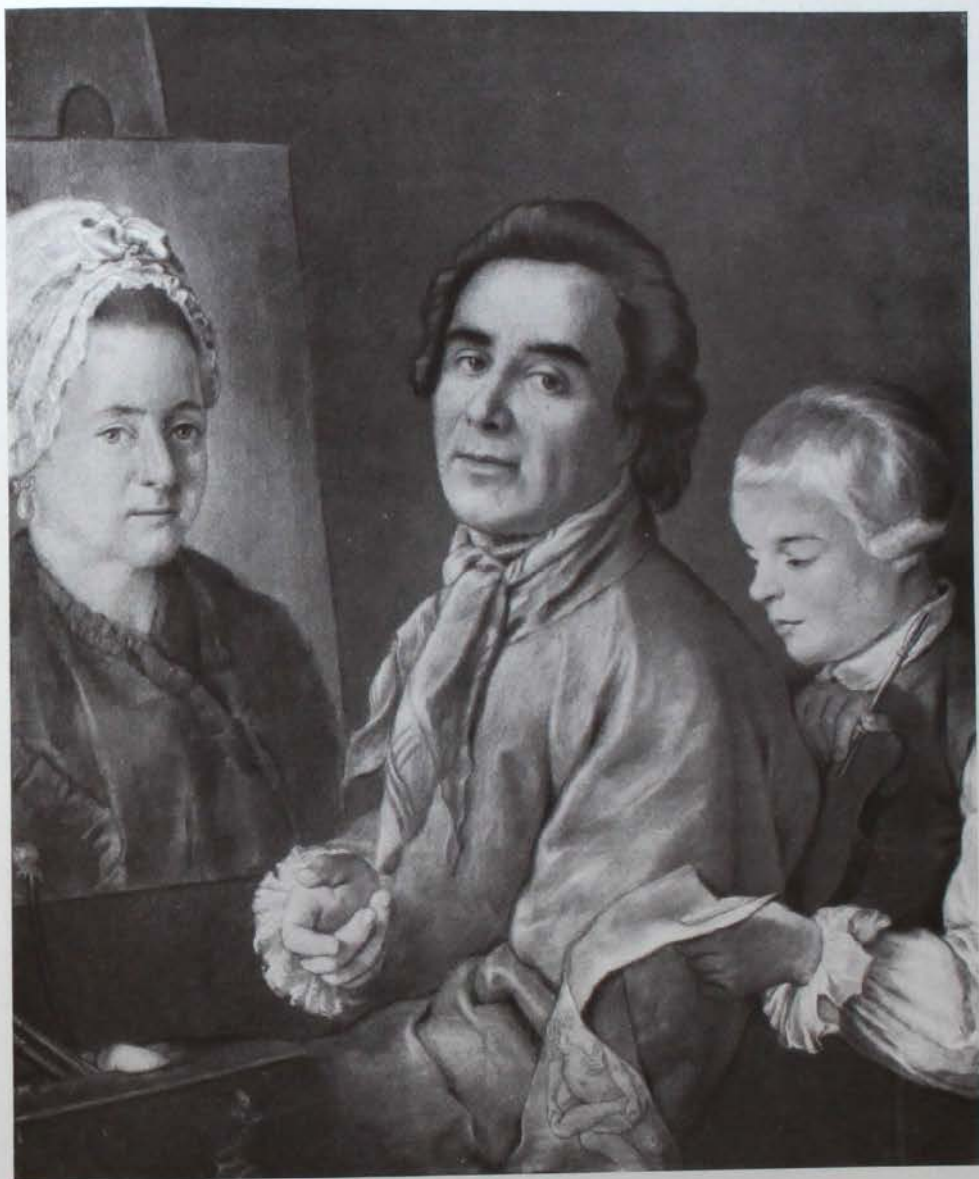
Среди образованной части столичного дворянства уже в первой четверти XVIII в. широко развивается любительское музицирование. Распространенными в домашнем быту инструментами были клавикорды, флейта, скрипка. Исполнялись сентиментальные песенки и небольшие инструментальные пьесы преимущественно танцевального склада — менуэт, сицилиана.

Эта салонная дворянская музыкальная культура была резко отграничена от народного музыкального быта. Трудящиеся слои населения не только в деревне, но и в больших городах, в том числе и в Петербурге, продолжали культивировать родную им народную песню. О распространенности народной песни среди городского населения свидетельствуют дошедшие до нас рукописные сборники с ее записями. С народной песней был связан жанр полупрофессиональной бытовой песни-канта. Вначале связанный с религиозной тематикой, кант приобретает в XVIII в. разнообразное жизненное содержание. Существовали канты любовно-лирические, шуточные, сатирические. Многие канты создавались на тексты литературных произведений. Один из первых известных примеров — «Весна катит» на стихи В. К. Тредиаковского, написанные в 1725 г. В музыке кантов часто слышатся мелодические обороты народной песни и острые, подвижные плясовые ритмы.

Разрыв между дворянско-аристократической и демократической народной музыкальной культурой особенно усиливается во второй четверти XVIII в., при преемниках Петра I. Среди низкокочлевовавшей перед Западом русской аристократии все более распространяется мода на иностранных музыкантов, пользовавшихся всякими привилегиями и «милостиями» высокопоставленных персон. Законодателем вкусов в области музыки являлся императорский двор, за которым тянулись и представители высшей знати. Это с особой силой сказалось в области оперного театра, о чем говорилось выше.

Для исполнения бальной и концертной музыки в 1729 г. был создан придворный оркестр. В штате императорского двора находился также ряд солистов-скрипачей и исполнителей на других инструментах, преимущественно итальянцев. Роль их бывала иногда довольно незавидной. Так, итальянский скрипач Пьетро Мира, известный под именем Петрилли, являлся одновременно шутком при дворе Анны Ивановны.

Характерным памятником салонного дворянского музицирования середины XVIII в. является сборник песен «Между делом безделье», изданный в Петербурге в 1759 г. Составителем и, вероятно, автором музыки этого сборника был видный елизаветинский сановник и страстный музыкант-любитель Г. Н. Теплов. Тексты вошедших в сборник песен принадлежат А. П. Сумарокову и другим известным поэтам того времени. Это типичные образцы условно-сентиментальной дворянской лирики, ограничивающейся исключительно любовной тематикой. Черты условной

*Автопортрет живописца А. П. Антропова (с сыном у портрета жены).
Масло. 1776 г.*

Государственный Русский музей.

манерности свойственны и их музыке, выдержанной в характере салонно-аристократических танцев — менуэта, гавота, сарабанды. В отличие от более демократического канта и песенх тепловского сборника почти не ощущается связь с народной песней.

* * *

Развитие живописи, скульптуры и графики в России в первой половине XVIII в. также во многом было связано с молодым Петербургом, где в ту пору жили и творили многие выдающиеся мастера русского искусства. Сам Петербург стал настоящим городом-музеем, где было сосредоточено большинство наиболее важных художественных памятников, созданных живописцами, скульпторами и графиками в XVIII столетии.

Петр I придавал большое значение изобразительному искусству: «Без живописца и грабировального мастера, — говорил он, — обойтись невозможно будет повеже издания, которые в науках чиниться будут ... имеют рисованы и грабированы быть».¹ И действительно, для печатания новых книг необходимы были «грабировальные мастера», т. е. мастера гравирования; для широкого строительства молодого Петербурга нужны были архитекторы, для росписи стен, потолков и создания портретов — живописцы. Поэтому еще при Петре I возникает проект создания Академии художеств. Осуществлен этот проект был гораздо позже. Однако некоторые меры к созданию национальной системы художественного воспитания были приняты. В начале XVIII в. при петербургской типографии была основана рисовальная школа, а несколько позже школа при Канцелярии от строений, которые сыграли большую роль в подготовке молодых художников и вообще в развитии русского искусства.

Петровские реформы сопровождалась существенной ломкой старого средневекового мироздания.

Если в древнерусском искусстве художники, как правило, старались выразить религиозные представления в абстрактных образах иконописи, то мастера XVIII в., наоборот, реальный мир, живого человека сделали основой своего искусства, источником творчества.

В эту пору интерес к человеку неизмеримо возрастает. В искусстве развивается новая, светская тематика в отличие от религиозной. Портрет, историческая картина, пейзаж, памятники в честь исторических событий или героев становятся распространенными видами творчества художников. Причем главным при изображении человека является раскрытие его психологии и особенностей характера.

XVIII столетие дало плеяду блестящих портретистов, создавших целую галерею образов людей своего времени.

¹ Н. Ковчинская. История русского искусства XVIII века. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 8—9.

Крупнейшими художниками-портретистами начала века были И. М. Никитин и А. Матвеев. Оба они с 20-х годов XVIII столетия работали в Петербурге.

О больших успехах их творчества красноречиво свидетельствуют портреты Петра I, Головкина и «Напольного гетмана» работы И. М. Никитина и автопортрет с женой — А. Матвеева. Петр очень гордился дарованным И. Никитина, одно время бывшего пенсционером за границей, и писал своей жене в Данциг: «...Попроси короля, чтобы велел свою персону ему описать ... дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера».¹

Простота, ясность композиции, большое сходство и стремление отобразить характер человека отличают все портреты этого замечательного художника.

Много нового внесли в историю русского искусства художники-граверы, работавшие в Петербурге. В самом начале столетия, с 1711 по 1727 г., Алексеем Зубовым были сделаны гравюры, изображающие петровский Петербург, перспективы городских улиц и площадей, рек и каналов. В мае 1753 г. вышел из печати большой альбом гравюр петербургских видов, исполненных известным гравером Михаилом Махаевым и другими русскими мастерами.

Разнообразной и обширной стала деятельность русских скульпторов и резчиков. Многие из них нашли применение своего труда в стройках Петербурга.

Одним из первых русских скульпторов, работавших в молодом Петербурге, был выдающийся зодчий и скульптор Иван Зарудный, создавший скульптурные украшения для только что построенного Петропавловского собора. Кроме него, в первой половине века ряд интересных работ был исполнен скульптором К. Растрелли, среди которых наибольшей известностью пользуются бронзовый бюст Петра, а также кованная статуя Петра, на долгие годы забытая и только полстолетия спустя установленная перед Императорским замком, где она и находится до сих пор.

Реалистические тенденции проявились и в творчестве таких видных художников, как А. П. Антропов, И. Я. Вишняков и И. П. Аргунов. Однако следует сказать, что в творчестве художников первой половины XVIII в. еще сохранились следы старой русской иконописной школы. Стойкое влияние старого прежде всего сказывалось в некоторой условности и плоскости изображения человека.

Отличительной особенностью русской портретной живописи и скульптуры было стремление художников к правдивому показу человека, несмотря ни на какие требования заказчика или условности стиля. Это было характерно для творчества всех лучших русских мастеров эпохи и это отличало их искусство от искусства иностранцев Г. Гроота, П. Ротари, Л. Тока и других, работавших в Петербурге, в произведениях которых было гораздо больше идеализации и внешней красоты, нежели у русских художников.

¹ Книга для чтения по истории русского искусства, вып. II. Изд. «Искусство», 1950, стр. 11.

Портреты А. Антропова, И. Вишнякова и И. Аргунова говорят с стремлением этих мастеров к жизненной правде. Особенно видную роль в искусстве этой поры сыграл Антропов — художник исключительного дарования. Ярким свидетельством его таланта и неподкупной творческой честности является портрет Петра III, в котором художник смело и убедительно показал умственную ограниченность и физическое безобразие царя.

Большое значение для русского изобразительного искусства имело творчество великого русского ученого М. В. Ломоносова, который возродил искусство мозаики. В 1754 г. начала работать под Петербургом Усть-Рудицкая мозаичная фабрика, на которой по разработанной Ломоносовым рецептуре варилась смальта для мозаики.

Ломоносовым и его учениками были созданы многие мозаичные произведения высокого мастерства. Ломоносовым была исполнена знаменитая мозаичная картина «Полтавская баталия», находящаяся ныне в здании Академии Наук в Ленинграде. Среди других работ особенно выделяются портреты Петра I, Елизаветы, И. И. Шувалова, М. И. Воронцова и др. Личные заслуги Ломоносова в возрождении этой монументальной формы искусства были общепризнаны, и в 1763 г. его избрали почетным членом Академии художеств.

В культурной жизни Петербурга, таким образом, ярко проявились замечательные успехи русской культуры первой половины XVIII в. Передовые деятели русской культуры, преодолевая преграды, которые им ставил крепостнический строй, напряженно работали над развитием русской культуры и ее распространением.

Центральной фигурой в культурной жизни столицы, как и всей страны, был Ломоносов, всеобъемлющий гений которого глубоко проник в самые разнообразные области культуры.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

П Е Т Е Р Ь Б У Р Г
В П Е Р И О Д З А Р О Ж Д Е Н И Я
К А П И Т А Л И С Т И Ч Е С К О Г О
У К Л А Д А
60 - 90 е Г О Д Ы Х V I I I В .

THE STATE OF

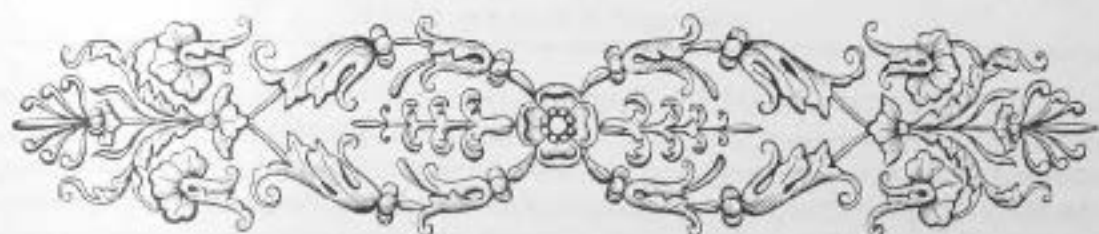
THE PEOPLE

OF THE STATE

OF THE STATE

OF THE STATE

OF THE STATE

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА 60—90-х ГОДОВ XVIII в.

Во второй половине XVIII в. крепостническая система народного хозяйства России уже не являлась безраздельно господствующей: в ее недрах начинал оформляться капиталистический уклад. Товарное производство, существовавшее при феодализме и обслуживавшее феодальное общество, стало превращаться в капиталистическое производство. Рабочая сила стала выступать как товар. Происходил процесс отделения производителя от средств производства. «Процесс, создающий капиталистическое отношение, — указывал К. Маркс, — ... есть ... исторический процесс отделения производителя от средств производства», есть процесс так называемого первоначального накопления.¹ Основу этого процесса составляет «экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина».²

В России во второй половине XVIII в. и создавались такие условия.

В. И. Ленин отмечал, что еще при докапиталистической ренте продуктами среди зависимых крестьян «появляются уже зачатки их разложения»: более крупные различия в хозяйственном положении, возможность приобретать средства производства, чтобы «прямо эксплуатировать чужой труд». Однако «развиться эти зачатки, — указывал В. И. Ленин, — могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*...».³

¹ К. М а р к с. Капитал, т. I, 1949, стр. 719.

² Там же, стр. 721.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 3, стр. 143.

В 60—80-е годы XVIII в. в России по великорусским губерниям 65,7% всех категорий крестьян вносили преимущественно денежный оброк.¹ Это показывает, что условия для разложения крестьянства как класса феодального общества были налицо. Усиливая разложение натурального хозяйства, господство декапиталистической денежной ренты создавало условия для более быстрого развития промышленности, внутренней и внешней торговли, привлечения крестьянских капиталов в промышленность и торговлю, способствовало образованию рынка рабочей силы, укреплению всероссийского рынка.

В Комиссии 1767—1768 гг. по составлению проекта нового Уложения отмечалось, что причиной ухода крестьян в города на работы было безземелье крестьян: «...из многих провинций поселяне [крестьяне] отлучаются по дальним местам, а наиболее много оных бывает в С.-Петербурге... Коль скоро известно, что ярославцами, например, Москва и Петербург наполнены, а украинского и степного мужика почти нигде нет, то тотчас заключить можно, что тому не одна склонность, но и другие важные обстоятельства суть причиною. Частная комиссия и находит сию важную причину в недостатке земли».²

Правительство было вынуждено признать, что многие крестьяне уплачивают денежные подати не только от доходов крестьянского хозяйства, но и за счет неземледельческих работ, среди которых крупную роль играла работа по найму в промышленности. Так, Сенат, разбирая вопрос о недоимках крестьян, вынес 9 октября 1766 г. решение, что недоимки должны неукоснительно взыскиваться, несмотря на неурожай, ибо крестьяне могут получить деньги на уплату податей от работы на стороне. Поэтому Сенат напоминал местным органам власти, чтобы они не задерживали выдачи крестьянам паспортов и указывали им, где легче найти работу: «...который крестьянин в случае ныне и впредь неурожая хлеба, не надеясь домашнею своею работою себе прибыли столько получить, сколько отлучкою для работы куда в другое место, станет просить для той отлучки паспорта, то в сем случае не довольно то по требованию их паспорта без задержки им давать, но еще делать наставления, в которых местах они удобнее работу себе найти могут».³ Действительно, деревня выбрасывала на рынок труда значительную часть разорявшихся крестьян. Так, из 2 млн душ мужского пола Московской губернии в 60-е годы XVIII в. число «юрмящихся работою» достигало 80—83 тыс. человек, а в Ярославской провинции из 212 тыс. душ мужского пола податного населения ежегодно брали паспорта в «отхожие промыслы» до 36 тыс. человек, или около $\frac{1}{5}$ трудоспособного мужского населения.

Это несомненно сказалось на росте применения наемного труда на русских мануфактурах. Если по ведомости Мануфактур-коллегии 1769 г. на 498 учтенных

¹ В состав крестьян включены, кроме помещичьих, также государственные, дворцовые и экономические крестьяне.

² ЦГИАЛ, ф. 1258, оп. 1, л. 112, кн. 3, л. 43 об.

³ ЦГАДА, ф. 259, д. 3876, лл. 913 об.—914.

предприятиях из 45,5 тыс. рабочих наемных было 17,8 тыс. (39,2%), то, по имеющимся данным, в 1804 г. из 95,2 тыс. рабочих наемные составляли уже 45,6 тыс. человек (47,7%). Причем абсолютное число принудительно рекрутируемых рабочих за этот период возросло на 88,8%, а наемных — на 162%: принудительный труд вытеснялся трудом наемным.

Процесс разложения крестьянства не только выбрасывал на рынок труда деимущих крестьян. Второй стороной этого процесса являлось выделение из числа крестьян зажиточной верхушки, которая вкладывала свои капиталы в торговлю и промышленность. Купечество жаловалось в 60-х годах XVIII в., что крестьяне, имен «заводы немалые» (кожевенные, солодовенные, пивоваренные, салотопенные, кружные, маслодельные, прядильные, мыльные, скорняжные, свечные, выбойчатые, платочные, шелковые, суконные и др.), успешно конкурируют с ним, продавая продукцию своих предприятий по более дешевой цене.¹

Крестьянское хозяйство, все более втягиваясь в торговлю, принимало товарный характер. В этом процессе немалую роль сыграли денежные подати с крестьян. В. И. Ленин писал по этому поводу в «Развитии капитализма в России»: «Несомненно, что денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена...»² Во второй половине XVIII в. большинство государственных повинностей крестьяне вносили деньгами.

Участие в торговле усиливало разложение крестьянства, способствовало выделению зажиточной верхушки, которая по своим капиталам не уступала купечеству. В Комиссии 1767—1768 гг. отмечалось, что крестьяне, «забыв страх бояний и государственные права, торгуют как сущие купцы и нагло чинят подрыв в коммерции» купцам, имеют столь значительные капиталы, что берут к себе в приказчики или в «половинщики» мелких купцов.³ Со времени Петра I до конца 60-х годов XVIII в. обороты торговли возросли вдвое, причем возрастание ее оборотов произошло главным образом от притока крестьянских капиталов.⁴

Таким образом, разложение крестьянства выбрасывало на рынок рабочую силу как товар, создавало условия для притока крестьянских капиталов в промышленность и торговлю, что несомненно способствовало значительному росту мануфактур в стране. Если в 1725 г. в стране насчитывалось 223, а в 1767 г. 656 мануфактур, то в 1800 г. — около 1200 мануфактур.⁵ Прирост общего числа мануфактур

¹ ЦГИАЛ, ф. 1258, оп. 1, л. 114, л. 32 об.; л. 225, ч. V, л. 125; сб. РИО, т. 123, СПб., 1907, стр. 364, 403, 426 и др.; т. 107, СПб., 1900, стр. 136, 417, 517, 524 и др.; т. 134, СПб., 1911, стр. 5, 10, 24, 32, 366 и др.; т. 144, СПб., 1914, стр. 172, 207 и др.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 126.

³ ЦГИАЛ, ф. 1258, л. 114, кн. 1, оп. 1, л. 197, 102 об.; л. 227, ч. I, л. 80; сб. РИО, т. 144, СПб., 1914, стр. 184.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1258, л. 114, кн. 1, л. 205.

⁵ ЦГАДА, ф. 19, л. 103, л. 9; Е. Н. З а о з е р с к а я. Мануфактура в Москве в середине XVIII в. Исторические записки, № 33, 1950, стр. 124—125; История Москвы, т. 2. М., 1953, стр. 241.

шел главным образом за счет предприятий легкой промышленности, бывших в основном в ведомстве Мануфактур-коллегии.

Вторая половина XVIII в. — это время крупнейших технических изобретений. Выдающиеся русские инженеры и техники нередко опережали научно-техническую мысль Западной Европы и Америки. Величайшим изобретением этого периода явилось создание И. И. Ползуновым за 20 лет до Д. Уатта паровой машины непрерывного действия.

Сервейский предприниматель Родион Глинок в 1760 г., за 10 лет до англичанина Арнрайта, изобрел механическую прядильную машину. Однако в силу общей отсталости страны в условиях крепостничества все эти изобретения не получили распространения.

В условиях, когда капиталистический уклад пробивал себе дорогу в недрах феодальной экономики, господствующий класс — дворянство — принимал все меры, чтобы затормозить социально-экономическое развитие России. Укрепляя феодальную собственность на землю, правительство посредством генерального межевания передало в руки дворянства и закрепило за ним около 50 млн десятин земли казны и государственных крестьян европейской части России. Путем пожалований населенных имений в руки дворянства в течение XVIII и первой половины XIX в. перешло около 7 млн крестьян вместе с их землями и имуществом, а в 80-х годах XVIII в. крепостное право было законодательно оформлено на Украине. В результате крепостнического законодательства 60-х годов XVIII в. помещик мог без суда и следствия вешовинующихся крестьян сдать в любое время в рекруты, сослать в Сибирь и на каторгу. Все это вело к тому, что в России, как отмечал В. И. Ленин, крепостное право «наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства».¹

Проводились мероприятия по ограничению торговой и промышленной деятельности крестьян. Им разрешалось вести лишь внутреннюю торговлю и только продукцией своего производства, категорически запрещалось их участие во внешней торговле.² Регламентом Камер-коллегии 1731 г. крестьянам было запрещено вступать в струги и подряды, а указом 14 февраля 1761 г. — обязываться векселями и вступать в поручительство без разрешения помещиков или чиновников-дворян воеводских канцелярий,³ что ставило все имущественные сделки крестьян под контроль помещиков и чиновников, ограничивало крестьян в распоряжении своим движимым имуществом и усугубляло феодальную зависимость крестьянства. Правительство длительное время административно-полицейскими мерами вело безуспешную борьбу с крестьянской «безуказной» промышленностью, основанной на вольнонаемном труде. Но под действием экономической

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 29, стр. 439.

² ПСЗ, т. XIV, № 10486; т. XV, № 10862.

³ ПСЗ, т. XV, № 11204; т. XVII, № 13158; ЦГИАЛ, ф. 4258, оп. 1, д. 267, л. 67.

необходимости к усилению классовой борьбы правительство вынуждено было постепенно снимать подобные ограничения, как об этом будет сказано ниже.

Таковы были общие условия, в которых развивалась экономика Петербурга во второй половине XVIII в. Новые явления в экономической жизни России сказались и на экономическом развитии Петербурга как одного из крупнейших экономических центров страны. Они сказались в увеличении притока капиталов в промышленность, все более расширяющемся применении на мануфактурах труда наемных рабочих, которые приходили в столицу главным образом из печерноземных губерний, в растущих связях промышленности с широким рынком не только Петербурга, но и других часто удаленных от него районов. Значительную роль в экономике Петербурга играла внутренняя и внешняя торговля. Будучи самым крупным торговым портом страны, Петербург имел огромное значение в развитии внешней торговли: он стигивал к себе большую массу товаров для экспорта и поставлял в различнейшие районы государства импортные товары. Кроме того, Петербург — крупный город — привлекал к себе много потребительских товаров и сырья для снабжения населения и обеспечения промышленных предпринятий. Все это вело к укреплению связей столицы с хозяйственной жизнью всей страны, укреплению и расширению всероссийского рынка. Новые, капиталистические элементы в экономике Петербурга проявлялись также в заметном расслоении мелкого производства столицы. Но в организации производства оставалось еще много старого, что было унаследовано от предшествующего времени. Ведущую роль, как и в первой половине XVIII в., в Петербурге играли такие отрасли промышленности, как судостроение, обработка металлов, производство боеприпасов.

Петербург во второй половине XVIII в. был самым крупным в стране центром судостроительной промышленности: здесь работало 9 судостроительных и судоремонтных верфей. Крупнейшей судостроительной верфью оставалось Главное адмиралтейство. Активная внешняя политика России, выход ее на Черное море вызвали оживление в строительстве военных судов. В Адмиралтействе строились корабли самых различных рангов: от небольших до 100 и 130-пушечных линейных кораблей. Оно было оснащено достаточно высокой по тому времени техникой: имело 4 сухих и 1 мокрый док, в 1764—1771 гг. вместо старых 11 были построены 6 более удобных эллингов,¹ устроены 4 подъемных крана, из них 2 передвижных (на колесах). В 1800 г. в Адмиралтействе была установлена паровая машина. Такая оснащенность давала возможность строить одновременно до 10 многопушечных кораблей, однако фактически строилось по 3—4 корабля.² После пожара в мае 1783 г. территория Адмиралтейства была освобождена от

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. VI. СПб., 1891, стр. 190, 223.

² И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга, ч. 1. СПб., 1794, стр. 82—83.

подсобных предприятий: канатный двор перевезен в Кронштадт, вместо разобранных небольших мастерских построены лесные сараи и т. д.,¹ а с 1800 г. постройка судов постепенно стала переводиться в «Новое адмиралтейство», построенное на месте старого Галерного двора в Адмиралтейской части. За 1762—1800 гг. в петербургском Адмиралтействе было выстроено и спущено на воду более 120 кораблей, в том числе 32 многопушечных, 7 линейных фрегатов и др.

Состав рабочих в Адмиралтействе во второй половине XVIII в. очень мало изменился по сравнению с первой половиной века: основным контингентом оставались адмиралтейские мастерские люди, жившие в Новой Коломне на Фонтанке (близ Калинкиной деревни), плотники Охтенской слободы, специально набираемые в Адмиралтейство рекруты, а также осужденные по суду каторжане. По штатам 1757 г. число работников в Адмиралтействе было определено в 4500 человек, а в 1764 г. уменьшено до 3550 человек. Однако возросшее строительство не могло быть обеспечено этой рабочей силой, и Адмиралтейство пополнило число рабочих за счет Архангельской верфи: так, в 1765 г. из Архангельска взято 435 человек, в 1768 г. — 313 человек и т. д. Наряду с подневольным трудом использовались и наемные рабочие, особенно при сдаче работ подрядчикам. Так, в 1774 г. сдавались в подряд плотничные работы и постройка 66-пушечного корабля, 26-пушечного фрегата и 4 прамов; в 1798 г. при закладке 3 новых кораблей было указано нанимать «вольных» «за умеренные для казны цены», если нехватит адмиралтейских рабочих. Мастерские из Адмиралтейства иногда посылались и на другие корабельные верфи вне Петербурга: на Олоонецкую верфь — для строительства пловучих батарей, в Казань — для руководства заготовкой лесов.² Для заготовки и первичной обработки корабельных лесов было приписано нерусское население Казанской, Нижегородской, Воронежской и Оренбургской губерний в числе 76 597 душ мужского пола (по III ревизии).

Крупными кораблестроителями во второй половине XVIII в. были конструкторы — мастера многопушечных кораблей Афанасьев, Сарычев и Катасанов. Выдающийся мастер судостроения Катасанов построил 40 линейных кораблей и 24 фрегата. В 1798 г. он изобрел приспособление для скорейшей установки мачт на судах, в 1800 г. разработал чертежи 2 коммерческих судов для частного завода и вместе с корабельным мастером Сарычевым представил Павлу I чертежи «конного» гребного судна. По его проектам были построены лучшие русские боевые корабли того времени: 100-пушечный линейный корабль «Ростислав» и корабль «Победоносец», прослужившие 27 лет вместо обычных 10—12 лет, 130-пушечный корабль «Благодать».³

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. V. СПб., 1888, стр. 776; т. VI. СПб., 1891, стр. 105.

² Там же, т. VI. СПб., 1891, стр. 102.

³ Там же, т. VII, СПб., 1895, стр. 677; т. VI, стр. 78, 92, 155, 171, 190.

Адмиралтейская верфь. Литография К. Веггера 1823 г.

В Адмиралтействе рассматривались и новые изобретения по военно-морскому флоту. Так, в 1798 г. Адмиралтейством купцу Быкову была выдана награда в 1000 руб. за изобретенную им «водолазную» машину. В 1799 г. в Академии Наук рассматривалась модель подводного судна, созданная меценатом из г. Кременчуга.¹ Судостроительная промышленность не копировала иностранные образцы. Техническая мысль работала над созданием новых типов судов и усовершенствованием старых. Чтобы предохранить нижнюю часть судов от обрастания моллюсками и протачивания червями, ее вначале пропитывали особым составом, затем обшивали медными листами. В 1782 г. производились опыты по замене дорогих медных листов более дешевыми из «белого металла».²

Наряду с Адмиралтейством постройка судов производилась на Галерной верфи, перенесенной в 1740 г. с Адмиралтейской стороны на Васильевский остров. Здесь строились гребные суда: галеры, гребные фрегаты, канонерские лодки,

¹ Там же, т. VI, стр. 101 и 128.

² Материалы по истории русского флота, ч. XII, СПб., 1888, стр. 718.

казенные яхты, бриги, камели и некоторые другие типы мелких судов.¹ Работы на ней производились силами матросов, живших здесь же в Матросской слободе.

В 1768 г. начали строительство новой верфи в Чекушах на Васильевском острове для постройки и ремонта камелей — небольших плоскодонных судов, которые использовались для проводки 60—100-пушечных кораблей из Адмиралтейства через мели Кронштадтского залива.

В 1771 г. в нижнем течении реки Мойки, на небольшом острове, были созданы хорошо оборудованные склады для сушки и хранения леса и мастерские по ремонту и постройке мелких судов (так называемая Новая Голландия).

Крупным центром по ремонту и строительству военных судов во второй половине XVIII в. становится Кронштадт. С открытием в июле 1752 г. канала Петра Великого Кронштадт с его доками превратился в первоклассную верфь: в Европе в это время не было ни одного сооружения, равного кронштадтским докам, в которых одновременно могло чиниться более 10 кораблей. Вода из доков выкачивалась сначала ветряными и конными мельницами, а в 1774—1777 гг. была поставлена «огненная машина», т. е. паровой двигатель, в сооружении и эксплуатации которой участвовали русские мастера Евстафий Кокушкин, Алексей Андреев, Илья Леонтьев и др. Наряду с ремонтом с 50-х годов в Кронштадте начинается строительство новых военных кораблей. После пожара Адмиралтейства в 1783 г. началось сооружение в Кронштадте 6 новых доков.

Основанная Петром I Партитулярная верфь во второй половине XVIII в. обслуживала лишь царский двор, коллеги и ряд других правительственных учреждений, для которых строились, ремонтировались мелкие парусные и гребные суда.² Вопрос о ненужности этой верфи дважды ставился перед правительством: в 1762 и 1764 гг., — и она, наконец, в 1786 г. была ликвидирована.³ Однако необходимость верфи для частного судостроения сохранилась. Поэтому в 1781 г. начата постройка и в 1783 г. окончена «для выгоды и пользы сего города и для распространения купеческого плаванья» Городская верфь на Выборгской стороне.⁴ Здесь были устроены 4 станели, число которых можно было «по произволению умножить», помещения для корабельных материалов, мастерских и жилья для мастеровых и надзирателей, «модельная и рисовальная каморы».⁵ По штату 1781 г. на верфи полагалось 75 человек наемных рабочих и служащих, на содержание которых отпускалось по 7800 руб. ежегодно.⁶ Верфь производила по заказам постройку речных и морских судов, ремонт и освидетельствование купече-

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. VI, стр. 95; т. VIII, СПб., 1898, стр. 559; И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 91.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. VII, стр. 462, 546, 727.

³ Там же, стр. 683, 728, 734; ПСЗ, т. XXII, № 16337.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 15932.

⁵ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 160—161.

⁶ ПСЗ, т. XLIV, ч. 1, стр. 182.

ских судов, построенных в других местах.¹ Однако и на этой верфи судостроение свелось к обслуживанию царского двора и Балтийского флота. Дороговизна строительства не привлекала заказчиков, и верфь в 1805 г. была закрыта. Постройка судов для частных лиц в течение всего XVIII в. по существу производилась на частных верфях. Так, охтенские плотники строили по подрядам и ступкам шверботы; купеческие морские и ластовые суда строились в Новгородском и Олонецком уездах.²

Таким образом, крупнейшая в стране судостроительная промышленность Петербурга и во второй половине XVIII в. в основном обслуживала нужды Балтийского военно-морского флота, царского двора и правительственных учреждений столицы.

По своим задачам и формам организации производства близкими к судостроению были и другие предприятия оборонного значения: артиллерийские и пороховые, снабжавшие флот и армию вооружением и боеприпасами. Однако в отличие от первой половины XVIII в. в такой отрасли промышленности, как металлообрабатывающая, появляются предприятия, связанные с массовым широким рынком, удовлетворявшие нужды жителей Петербурга.

Производство артиллерийских срудий, сварядов, ядер, гранат, зажигательных снарядов во второй половине XVIII в. в Петербурге сохранялось на Литейном дворе, а также было организовано на Кронштадтском чугунолитейном и Охтенском пороховом заводах.

Основным предприятием по производству артиллерии и боеприпасов оставался Литейный двор. В его каменном двухэтажном здании, «в главном этаже», находились 3 литейные печи, в каждую из которых входило по 100 пудов меди. При нем же находилась формовочная, а также и подсобные мастерские.³ Часть отлитых стволов отправлялась на обточку и сверление на Охту, на территорию порохового завода, где в 1772 г. было построено трехэтажное каменное здание «сверильного и точильного завода». Здесь же в 1774 г. была поставлена машина для обточки ядер.⁴ Станки на Охтенских заводах приводились в движение водой. Кроме артиллерийских орудий, на Литейном дворе отливались и колокола.

С Литейным двором был тесно связан Арсенал, здание для которого было построено в 1770—1780 гг. на углу Литейного проспекта с главным фасадом на Певу.

В Арсенале хранились осадная и полевая артиллерия, ружья, сабли и другое оружие, а также военные трофеи и «разные военные редкости», следовательно, он был в то же время и военным музеем. Средний этаж Арсенала был отведен под многочисленные военные изобретения замечательных русских оружейников

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 161.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. VII, стр. 473.

³ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 112.

⁴ Там же, стр. 113, 673.

Нартова, капитана Бишева, Челокаева и др. «Здесь есть пушки на многих лафетах, подвижные батареи с пушками и мортирами, пушки с подвижными казенными частями, катки, отделанные ружьями, кои при перевороте стреляют, и много тому подобное столь же замысловатое».¹ Однако все эти «замысловатые» изобретения не использовались. Царское правительство, больше верившее иностранцам, чем русским изобретателям, тратило огромные средства на приглашение иностранных «специалистов», из которых многие оказывались авантюристами.

Литейный двор не мог обеспечить орудиями нужды флота и армии.

В мае 1789 г. в Кронштадте был построен казенный чугунолитейный завод. На заводе имелась 1 плавильная печь, рассчитанная на выработку 30 тыс. пудов чугуна в год. В декабре завод выпускал уже 3-, 6- и 12-дюймовые ядра, дробь, 3-дюймовые гранаты и 3-пудовые зажигательные снаряды. С 1790 г. завод отливал и пушки. На заводе работало 10 иностранцев и 190 русских рабочих, присланных первоначально из Петрозаводска. Число их затем пополнялось наемными казенными и помещичьими оброчными крестьянами, особенно костромичами. В 1800 г. на заводе было 120 человек мастеровых и рабочих людей, 17 учеников от 8 лет и старше. Условия труда были очень тяжелы, и рабочие часто подавали жалобы. Так, в 1797 г. 3 престарелых рабочих подали жалобу царю, но Павел I за это отдал их в солдаты. Ввиду угрозы войны с Англией завод с 28 февраля 1801 г. стали перевозить за Нарвскую заставу, на 7-ю версту от столицы по Петергофской дороге, а 31 марта этого года он уже стал выпускать продукцию как Петербургский казенный чугунолитейный завод.²

Артиллерийские снаряды выпускались также при Артиллерийской лаборатории, находившейся сначала на Литейной улице, а с 1787 г. на Выборгской стороне.

Сестрорецкий оружейный завод, снабжавший в первой половине XVIII в. армию и флот огнестрельным и холодным оружием, приходит во второй половине века в упадок. Оружие, изготавливаемое на Сестрорецком заводе, обходилось на много дороже оружия Тульских заводов. В 1767 г. здесь производился лишь ремонт холодного оружия. Кроме того, выполнялись слесарные и поковочные работы для флота и для гражданского строительства (например для Царского Села был изготовлен железный мост). Здесь же принимали заказы частных лиц и производили продукцию на широкий рынок.³ Работы выполнялись в основном крепостными мастеровыми и частично — наемными. Всего на заводе в 60-х годах работало около 400 мастеров и рабочих; при заводе существовала школа учеников; кроме того, к заводу было приписано 1800 крестьян Выборгского округа.⁴ Рабочий день продолжался с 5 до 11 часов утра и с 1 до 7 часов вечера, на работу

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 113—114.

² Бывший Путиловский, ныне Кировский завод.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 670.

⁴ Там же.

Новый Арсенал 1808 г. (слева). Архитектор Ф. И. Демериов. Литография С. Ф. Галактионова 20-х годов XIX в.

собирали ударами в калокол на заводе и барабанным боем по слободам. Тяжелое положение мастеровых привело к ряду волнений: так, в 1797 г. произошли «беспорядки», в подавление которых вмешалась Военная коллегия.¹ Григорий Орлов в 1774 г. выдвинул перед правительством вопрос о том, что для ликвидации упадка Сестрорецкого завода нужно перейти на нем к наемному труду — нанять «искусных вольных мастеров, которые поднимут и удешевят производство ружей», выпуская их по цене Тульских заводов. Но правительство осталось глухим к такому предложению. Более того, Сестрорецкий завод лишился своей металлургической базы: в 1779 г. Чернореченский чугуноплавильный завод, поставивший в Сестрорецк, а отчасти и Тулу, превосходную сталь, был подарен кн. Г. А. Потемкину.² Потеря Чернореченского завода тяжело сказалась на работе Сестрорецкого завода: к середине 90-х годов на нем оставались только

¹ Оружейный сборник, № 1, 1890, отдел I, стр. 30, 31.

² Там же, стр. 21—22, 25.

$\frac{1}{3}$ бывшего числа мастеровых, а в 1797 г. часть их была переведена на строящийся артиллерийским ведомством новый оружейный завод при Ижорском заводе. Некоторое оживление на заводе началось с 1801 г., когда здесь стали изготавливаться машины для Александровской хлопчатобумажной мануфактуры.¹

Значительную роль в оборонной промышленности сыграл Ижорский металлообрабатывающий завод ведомства Адмиралтейства. С 1762 г. на заводе началась починка малых якорей и изготовление медных изделий. В 1765 г. здесь чинились уже большие якоря, а затем стали отковываться новые якоря, изготавливаться мельничные пилы, молоты, топоры и т. п. В 80—90-х годах XVIII в. завод значительно расширился: была установлена плочильная машина для изготовления медных и железных листов, построен каменный литейный цех, цех для горячей резки металла, печь для плавки железных отходов, инструментальная и токарная мастерские. Здесь же работали лесопильные мельницы, кирпичные заводы и производился цемент. Заводы работали как по заказам Адмиралтейства, так и частных лиц. Лесоматериалы, кирпич, цемент поставлялись, кроме Адмиралтейства, на строительство в Кронштадт, Павловск и Петербург.²

В 60-е годы на заводах работало 143 человека, а в 80-е годы — 150 постоянных и 200—300 человек, прикомандированных из Адмиралтейства. Мастеровые комплектовались из негодных к строевой службе рекрутов. В 60-х годах при заводе была открыта школа для подготовки мастеровых из числа детей рабочих людей. Мастеровые за свою работу получали от 12 до 42 руб. в год, часть платы выдавалась мукой и крупой.³

Работа в якорном цехе шла круглосуточно, в остальных цехах летом (с 10 марта по 10 сентября) с 4 $\frac{1}{2}$ часов утра до 7—8 часов вечера, а зимой начиналась за час до восхода солнца и оканчивалась через час после захода солнца. Обеденный перерыв летом полагался продолжительностью в 1 $\frac{1}{2}$ часа, зимой — в 1 час.

Крупными казенными мануфактурами оборонного значения оставались пороховые заводы на Охте и Петербургской стороне.

Охтенские заводы были наиболее значительными пороховыми предприятиями Петербурга. В этот период они неоднократно частично или полностью перестраивались. Перестройки вызывались как ветхостью сооружений завода (они в основном были деревянные), так и расширением производства. В 50—60-е годы XVIII в. дважды перестраивались плотина и шлюзы на Охте, но завод все-таки не обеспечивался водой для бесперебойной работы летом, пока в 1778 г. не была поставлена плотина в Токсовой мызе, что дало возможность использовать внешние воды, собиравшиеся в трех Кавголовских озерах. В 80-х годах XVIII в. потребность в порохе значительно возросла в связи с войнами с Турцией и Швецией. Для увеличения выпуска пороха к 14 вододействующим пороховым мельницам были

¹ Описание дел Архива Морского министерства, т. VI, стр. 30.

² Там же, т. VIII, стр. 360.

³ Н. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 682.

в 1788 г. добавлены 6 новых вододействующих и в 1789 г. 24 «сухонутных» пороховых мельницы (приводились в движение лошадьми) и соответственно расширено производство селитры.¹ Во второй половине XVIII в. был введен ряд усовершенствований в производство и хранение пороха: уточнены составные части пороха, улучшено качество размела массы и сушки пороха, в 1756—1761 гг. введено полирование пороха, что значительно усиливало его боевые свойства и сохранность, построены каменные гороховые погреба, на которых в 1793—1795 гг. при участии Академии Наук устанавливаются громоотводы для предохранения от грозных разрядов.

Все это создавало возможность для значительного увеличения производства пороха: если в 1758 г. Охтенскими заводами было вышущено 3289 пудов пороха, то в 1791 г. выпуск вырос до 34 186 пудов. Кроме пороха, на заводах в особых цехах производились кироч и гипоматериалы.

Постоянные мастерские и рабочие люди жили вблизи заводов в 6 слободах. Кроме того, на заводе в качестве пороховщиков и на строительстве работали солдаты, прикомандированные из всенских команд. По штатам 1754 г. на заводах работало 21½ человек, а в 1789 г. число работающих достигало 375 человек. Условия труда на пороховых заводах оставались такими же тяжелыми, как и в первой половине XVIII в. Техника безопасности была неудовлетворительна, и травмы были нередким явлением.

Наряду с Охтенскими заводами производством пороха занимался пороховой завод на Петербургской стороне. Здесь главным образом шла переработка старого испорченного пороха (до 5 тыс. пудов в год) и производилась селитра на вывоз за границу и частично для Охтенских заводов. В 1788—1789 гг. были построены еще 7 «сухонутных» пороховых мельниц. В 90-е годы XVIII в. этот завод выпускал порох «токмо для потешных огней» — фейерверков и иллюминаций, а в 1831 г. был закрыт; рабочая сила, оборудование и материалы переведены на Охтенский завод.

Пороховые заводы Петербурга давали около ¼ всего производимого в стране пороха, а их напряженная работа в годы войны с Турцией и Швецией несомненно содействовала успешному исходу этих войн, но по организации труда и производства они остались такими же, как и в первой половине XVIII в.

Крупным казенным металлообрабатывающим предприятием мануфактурного типа был Монетный двор в Петропавловской крепости. Он состоял из 2 предприятий: собственно монетного двора и «двора» (лаборатории) для отделения золота от серебра, который в 1769 г. был выделен из состава Монетного двора и подчинен особой конторе. В лаборатории перерабатывалось кельванское и нерчинское серебро. Ежегодно вырабатывалось 1200—1400 пудов серебра и 40—80 пудов золота. Для производства крепкой водки, необходимой для отделения

¹ Там же, стр. 673.

золота от серебра, была построена «большая фабрика» с 15 печами, продукция которой шла только в лабораторию. Из отходов производства изготавливались зеленая краска и селитра.¹ При лаборатории находилась «пробирная камора», в которую золотых и серебряных дел мастера представляли свою продукцию на просмотр и клеймение.

Петербургский Монетный двор во второй половине XVIII в. стал главным монетным двором страны, а с прекращением в 1776 г. чеканки серебряной монеты в Москве — единственным местом чеканки золотой и серебряной монеты. Здесь же был сосредоточен выпуск всех медалей, жетонов и изготавливались образцовые штампы для других монетных дворов, где продолжалась чеканка медной монеты. Недостаток штамповщиков в связи с расширением работ был восполнен за счет московских штамповщиков. При Монетном дворе была устроена школа, в которой в 1753 г. обучались 14 «монетчиковых детей».

Во второй половине XVIII в. мало что изменилось в организации работ Монетного двора: все работы производились вручную, только для расковки серебра в 1763 г. была поставлена «кожная машина». Работали все в тех же сырых и тесных помещениях крепости. Вольнонаемные монетчики до 1786 г. получали «задельные деньги» по 8 руб. 50 коп. с пуда, а с 1786 г. — по 12 руб. Число монетчиков в это время достигало 44 человек.

Монетный двор к концу XVIII в. без механизации производства не мог удовлетворить возросших к нему требований. Особую остроту этот вопрос приобрел в 1796 г., когда правительство хотело выйти из финансовых затруднений, перечеканив всю находившуюся в обращении медную монету. Для перестройки и механизации производства через посредство посланника в Лондоне Воронцова был заключен контракт с английским представителем на поставку паровых машин и всего оборудования для Монетного двора, хотя все необходимое для его переоборудования могло быть произведено в России. Проект перестройки правительство утвердило в марте 1800 г. Новое здание Монетного двора было готово в том же году, однако станки из Англии отправлены только в 1804 г., а установлены осенью 1805 г. На время перестройки Монетного двора чеканка монеты переносится в Банковский монетный двор.

Банковский монетный двор был устроен в 1796 г. в здании Государственного Ассигнационного банка по Большой Садовой улице. Это было передовое предприятие своего времени с широким применением наемного труда и паровых двигателей. Пока Воронцовым велись переговоры в Лондоне, на Банковском монетном дворе устанавливаются 2 паровые машины и станки, сделанные в России. Одну паровую машину, изготовленную в Петрозаводске на Александровском казенном заводе между 1788—1791 гг., привезли с закрытого Воицкого золотого рудника, а вторую — специально построили в 1797 г. Установку оборудования

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 151, 225.

закончили в сентябре 1789 г. В течение месяца достигли полной производственной мощности, станки и машины работали отлично. На новое предприятие была возложена переработка всего металла, который проходил через Монетный двор в Петропавловской крепости (сколо 2,5 млн руб. серебра в год, не считая чеканки медалей и золотой монеты). Банковский монетный двор успешно справился с этой задачей, выпуская продукцию отличного качества, и послужил школой для подготовки квалифицированных кадров.

Среди частных заводов металлообрабатывающей промышленности Петербурга во второй половине XVIII в. единственным крупным предприятием был чугунный завод Берда. Он был основан в конце 80-х годов XVIII в. Завод постепенно расширялся, превращаясь в крупнейшее предприятие столицы: в 1796 г. он размещался уже в 4 каменных корпусах. В 1800 г. Берд получил разрешение на постройку 2 крупных коммерческих судов по чертежам лучшего корабельного мастера того времени Катасанова. На заводе Берда выпускались как предметы хозяйственного и бытового обихода, так и оборудование для промышленных предприятий. Например, в 1797 г. выпускались утюги, вьюшки, камни, печи для сахарных заводов, коленчатые валы для мельниц, лопасти и другие изделия. Берд, ориентируя производство завода на изготовление деталей для различных машин промышленных предприятий, умело использовал возросшую потребность на эти изделия и увеличивал производственную мощность завода. Это сказывалось в непрерывном росте выпуска продукции: в 1797 г. было выпущено продукции на 123 336 руб., а в 1800 г. уже на 151 652 руб. Берд построил паровую машину и использовал ее в качестве основного двигателя на своем заводе. Перейдя затем к производству паровых двигателей, механический завод Берда дал в первой четверти XIX в. 130 заводских и 11 судовых паровых машин.

В последнем десятилетии XVIII в. в Петербурге были предприняты попытки завести предприятия по выпуску высококачественной стали. В 1799 г. компания предпринимателей (Дружинин и др.) построила на Колтовской улице Петербургской стороны «стальную фабрику», где была установлена цементовальная печь для выделки стали. Президент Берг-коллегии Соймолов организовал в октябре 1800 г. опыты по выплавке нового сорта стали, которые показали, что сталь нового завода по своему качеству была лучше английской. Поэтому было принято решение о запрещении ввоза в Россию заграничных сталей «по достаточному количеству выделываемой в России стали превосходнейшей доброты».¹ Однако это начинание по влне правительства заглохло, а предприниматели, не обладая достаточными средствами, не смогли широко развернуть свое предприятие.

В течение второй половины XVIII в. Петербург развивался как один из наиболее крупных в стране центров тяжелой промышленности. Почти все предприятия судостроения, обработки металлов, производства вооружения и боеприпасов

¹ ПСЗ, т. XXVI, № 19685.

были казенными, и там применялся главным образом крепостной труд. Тем не менее и в эти предприятия уже вторгалась капиталистическая организация труда и техника производства: наемный труд широко проник на Городскую судостроительную верфь, в Адмиралтейство, Балковский и Петропавловский монетные дворы, Кронштадтский чугунолитейный и Сестрорецкий оружейный заводы; паровые двигатели стали применяться на Банковском и Петропавловском монетных дворах, в петербургском Адмиралтействе и кронштадтских доках. Возникшие во второй половине XVIII в. частные предприятия по металлообработке основывались, как правило, на наемном труде, и наиболее крупные из них (завод Берда) применяли паровые машины. Важным итогом развития тяжелой промышленности в этот период было появление в Петербурге машиностроения, которое стало впоследствии ведущей отраслью промышленности столицы.

Если раньше казенная и крупная частная промышленность Петербурга поставляла свою продукцию главным образом казне, то во второй половине XVIII в. она усиливает связи с массовым рынком.

Однако капиталистические отношения вызревали по преимуществу не в тяжелых, а в легких отраслях промышленности. Наиболее крупные предприятия легкой промышленности строились вне тогдашней черты города. Почти все вновь открытые предприятия легкой промышленности были частными. По далеко не полным данным, в 1751—1760 гг. открылось 41 предприятие, в 1761—1770 гг. — 44, в 1771—1780 гг. — 54. Большинство из них были мелкими.

Предприятия легких отраслей промышленности преимущественно работали на наемном труде. Значительное распространение крепостной труд получил лишь в бумажном, красочном, шелковом и ситцепечатном производствах.

Даже за короткий срок, в 1764—1772 гг., происходит довольно значительный рост применения наемного труда: с 57,2% в 1764—1765 гг. до 63,5% в 1769—1772 гг. по всем предприятиям. Характерно, что применение наемного труда на крупных предприятиях возрастало быстрее, чем на всех предприятиях, вместе взятых. Так, применение наемного труда на всех крупных предприятиях с 1764—1765 гг. до 1769—1772 гг. возросло на 12,1%, тогда как общий прирост применения наемного труда составлял всего 6,3%.

Как показывают приведенные данные, в Петербурге наемный труд явно преобладал над крепостным на частных предприятиях ведомства Мануфактур-конторы: уже в конце 60—начале 70-х годов XVIII в. наемные рабочие здесь составляли 63,5% всех рабочих, тогда как по всей России на предприятиях ведомства Мануфактур-коллегии они составляли 39,2%. Таким образом, по применению наемного труда на частных предприятиях Петербург достиг в 60—70-х годах XVIII в. таких показателей, каких не было по всей России даже в начале XIX в.

Непрерывно растет число частных предприятий легкой промышленности, увеличивается выпуск готовой продукции. Натяжное представление об этом мо-

жет дать следующая таблица, где приводятся данные о частных предприятиях лесной промышленности, известных по документам Мануфактур-коллегии.¹

Предприятия	Число предприятий				
	1758 г.	1765 г.	1773 г.	1777— 1778 гг.	1797 г.
Галантерейные	—	1	1	1	6
Часовые	—	1	1	1	
Слесарные	—	1	1	1	
Бронзовые	—	—	1	1	
Потальные ²	1	1	1	1	30
Ситцевобитные	1	1	3	3	
Шелковые	1	2	3	3	
Позументные	2	9	13	14	
Полотняные	—	4	2	3	11
Вощаночные	1	2	1	1	
Изготовление и обработка ваты	1	4	1	1	
Капачные	10	11	12	11	
Шляпные	3	5	7	9	33
Кожевенные	12	21	29	29	
Производство мыла	—	1	1	1	
Сахарные	2	2	3	3	
Крупяные	1	1	1	1	17
Бумажные	1	2	2	3	
Картные	2	—	2	5	7
Сургучные	2	—	2	3	
Прокв. красок	—	1	2	1	6
Красильни	—	—	2	3	
Стекольные	1	2	5	7	
Восковые	1	2	1	1	
Фаянсовые	—	1	—	—	
Итого	42	75	97	107	110
Годовая продукция	562,0 тыс. руб.	Нет свед.	703,1 тыс. руб.	Нет свед.	1530,4 тыс. руб.

Хотя данные 1797 г. явно неполны, тем не менее, как видно из таблицы, число предприятий и выпуск готовой продукции почти утроились. В течение 50—70-х годов XVIII в. особенно быстро возросло число предприятий, изготовлявших предметы потребления дворянства и купечества: позументы, стекло, шляпы, ситцы, шелковые и кожевенные товары и др.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1879, лл. 2—9 об.; д. 1882, лл. 5—43; ф. 2, оп. 2, д. 78; д. 79; л. 71, л. 17 об.

² Поталь — фальшивое листовое золото из сплава меди и цинка.

Значительное число предприятий относилось к текстильному производству. Среди них особенно крупными были ситценабивные мануфактуры, выпускавшие набивные ткани: ситцы, полуситцы, набойки, выбойки, платки на русских льняных и иностранных бумажных тканях. Первой в районе Петербурга возникла частная Красносельская ситцепечатная и выбойчатая мануфактура.

В 1761 г. Красносельская ситцепечатная мануфактура добилась от правительства привилегий: в 10 раз были повышены пошлины на вывоз дешевых сортов набивных тканей, разрешена покупка к мануфактуре 300 крепостных крестьян и выдана беспроцентная ссуда в 30 тыс. руб.

На мануфактуре работали мастеровые из г. Архангельска и иностранцы, в качестве учеников — крепостные из Арзамасского уезда, широко использовался женский и детский труд. Иностранцы мастера получали в год от 300 до 1200 руб. Русские крепостные мастера получали в год до 180 руб., ученики 48—60 руб., крепостные подмастерья 60—100 руб., крепостные женщины 18 руб., женщины по найму до 24 руб., крепостные мальчики по найму до 24 руб., неквалифицированные рабочие по найму 48—60 руб.

В погоне за дешевой рабочей силой с каждым годом все более широко использовался крепостной труд. Так, в 1763 г. наемные рабочие составляли 70,3% рабочей силы, а в 1779 г. лишь 28%. Но это вело к понижению производительности труда, и в начале 80-х годов мануфактура была закрыта.

Второй ситценабивной мануфактурой, возникшей в 1766 г. в районе Петербурга, была частная мануфактура одного из мастеров Красносельской мануфактуры. Строительство мануфактуры началось в 1763 г. и летом 1766 г. закончено. Она находилась на острове реки Невы, около Шлиссельбурга. Мануфактура работала с широким техническим разделением труда, была хорошо оснащена. В 90-е годы XVIII в. продукция Шлиссельбургской мануфактуры выдерживала сравнение с лучшими английскими тканями машинного производства.

Холст для набивки до середины 70-х годов XVIII в. поставляли купцы — скупщики крестьянского холста, на долю которого приходилось 75—80% всех перерабатываемых тканей. Крупнейшими поставщиками крестьянского холста на Шлиссельбургскую мануфактуру в 60-х годах XVIII в. были ивановский купец В. Гарелин и кинешемский купец Г. Демьянов, сбывавшие десятки тысяч аршин холста. Миткаль это предприятие, как и другие петербургские ситценабивные мануфактуры, в 50—80-х годах XVIII в. потребляли индийский.

Мануфактура обслуживалась по преимуществу, а в основных работах исключительно, русскими мастеровыми людьми. Среди них выделялись крупный красильный мастер Иван Федоров, форморезчик Яков Фомин, рисовальщик Евстафий Андреев и другие, которым платили по 72—96 руб. в год. К 1766 г. из 8 мастеров 6 были русскими. Много мастеровых и рабочих людей дали мануфактуре города Любим, Каргополь, Олонец, Чердынь, Судиславль, Двинский и Мезенский уезды.

В 80-х годах XVIII в. все квалифицированные рабочие были наемными. В 1793 г. на мануфактуре работало около 800 человек, в 1797 г. до 600 человек, из них 236 постоянных наемных, 159 присланных из Мануфактур-конторы, 30 человек, купленных крепостных, 50—100 человек «временных рабочих», 80 солдатских жён, «кои при фабрике выросли» и работали на дому.

Положение мастеровых и учеников было бесправным, плата — низкой. Ученики из солдатских и купеческих детей о своем положении писали в челобитной 1774 г., что владелец Красносельской мануфактуры Лиман систематически задерживает им плату (остается «в долгу»), вычитает за дни болезни, берет штрафы, бьет по щекам, называет их каторжанками.¹ Присланные из Мануфактур-конторы «женки» и «девки» часто убегали (в 80-е годы из 50 убежало 12), убегали и ученики. В 1774 г. 6 учеников из купеческих детей бросили работу и отправились подать жалобу в Петербург. Их протест был поддержан остальными 7 учениками. Мануфактур-контора, куда пришли челобитчики, арестовала их, отправила под конвоем к владельцу и обязала подпиской выйти на работу. Однако до приезда комиссии Мануфактур-конторы они в течение 8 дней на работу не выходили. Мастеровые и работные жили на острове и берегу Невы в домах под охраной специально присланных солдат.²

В 1772 г. начала работать Славянская (на реке Славянке) ситцевая и выбойчатая мануфактура. Начало ее основанию, как и Шлиссельбургской, положил красильный мастер Красносельской мануфактуры. В 1792 г. она была переведена на Петербургскую сторону на реку Петровку. В 90-х годах XVIII в. на мануфактуре было 13 станков и около 150 наемных рабочих. В 1796 г. на ней было вышито 6 тыс. кусков набивной ткани. Но в 1797 г. начался быстрый упадок мануфактуры, и в июне 1797 г. она закрылась.³

В 1792 г. на Выборгской стороне была основана еще одна ситцевая мануфактура. В 1795 г. на ней было 180 наемных рабочих. Мануфактура просуществовала до 1797 г. Кроме того, в 90-х годах XVIII в. в Петербурге существовали 4 небольших платочных «фабрики», а в самом конце XVIII в., в 1799 г., в селе Александровском при Воспитательном доме была основана казенная Александровская мануфактура, о которой будет сказано в главе XV об экономической жизни Петербурга первой половины XIX в.

Как отмечалось, ситценабивные мануфактуры Петербурга после 1796 г. приходят в упадок и большинство из них закрывается. Причина такого упадка коренилась в крепостническом характере общественного строя России, тормозившего технический прогресс, в частности текстильное машиностроение. В то же время английским правительством в целях сохранения монополии на ткани машинного производства вывоз текстильных машин из Англии был запрещен.

¹ ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 629, л. 536.

² Там же, лл. 537—560.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 227.

Петербургские мануфактуры, работавшие на привозном из-за границы миткале и основанные на ручном труде, не смогли выдержать конкуренции английских набивных тканей, которые были брошены на рынки России после крупнейших технических усовершенствований в хлопчатобумажной промышленности, позволивших в больших размерах увеличить производство набивных тканей и удешевить их. Попытки заменить наемных рабочих крепостными не могли, конечно, спасти положение ввиду низкой производительности крепостного труда, тем более что отсутствовала своя сырьевая база. Упадку петербургской ситценабивной промышленности немало способствовала и близорукая таможенная политика правительства. В 1797 г. тариф на ввоз иностранных набивных тканей не изменился, хотя их ввоз возрастал, но зато в 4 раза были повышены тарифы на сырье петербургских ситценабивных мануфактур — на миткаль. Это привело к резкому падению ввоза миткаля и росту ввоза набивных тканей.

Значительное место в текстильной промышленности Петербурга занимало шелковое производство. Наиболее крупным предприятием шелковой промышленности во второй половине XVIII в. была чулочно-трикотажная мануфактура Ягужинского, основанная в 1759 г. на 23-й линии Васильевского острова.

Мануфактура выпускала шелковые мужские, женские и детские чулки, дамские перчатки, камзолы, галстуки, очень короткое время — тафту и бархат.¹ Сырьем служил шелк-сырец, ввозимый из-за границы.

Мануфактура занимала территорию в 4 га и была хорошо оборудована. Так, в 1762 г. на ней было в действии 70 различных станков, приготовлено к установке 110 станков и дожидались отправки из Женевы 44 станка. На мануфактуре было несколько отделений (цехов): красильное, чулочное, станочное, столярное, по обработке шелка-сырца, игольное, бархатное и тафтяное — и существовало широкое техническое разделение труда. Так, во второй половине 1778 г. было 16 различных специальностей. Рабочие получали плату от 9 руб. 60 коп. до 30 руб. 50 коп. в полгода.² В основном на мануфактуре работали крепостные рабочие.

Мануфактура в 1762 г. получила 5-летнюю монополию на производство шелковых чулок, а пошлина за дюжину ввозимых чулок была увеличена на 6 руб.³ Несмотря на это, мануфактура работала с убытком и была продана с аукциона.⁴

Кроме этой мануфактуры в 60—70-е годы XVIII в. в Петербурге имелись и другие шелковые предприятия. Всего к началу XIX в. в Петербурге существовало не менее 10 мануфактур по производству шелковых изделий.

Во второй половине XVIII в. делались неоднократные попытки завести мануфактуры по производству сукна. Так, в 1760—1763 гг. возникла суконная ману-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1882, лл. 8—9 об.; ф. 2, сп. 2, д. 49, лл. 7, 8 об.

² ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 49, л. 127.

³ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. V, М., 1786, стр. 33—34.

⁴ Н. Г. Г о р г и н, ук. соч., стр. 227; ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 49.

фактура на Петербургской стороне, в 1779 г. — суконная фабрика на Охте, в 90-х годах — суконный завод около Красного села.¹ Но к началу XIX в. суконных мануфактур в Петербурге не было.

Значительное место в промышленности Петербурга занимали позументные мануфактуры. Наиболее крупной среди позументных предприятий была мануфактура С. Ф. Роговкова на Гагаринской улице. Стоимость продукции мануфактуры доходила до значительной суммы: так, в 1766 г. было выпущено товаров на 66 246 руб. 60 коп. Мануфактура имела 5 отделений (пехов): проволочное, плющильное, предильное, позументное и бархатное.²

Эта мануфактура интересна также тем, что на ней можно проследить, как постепенно даже в привилегированной мануфактуре крепостной труд вытесняется наемным. Так, соотношение между крепостным и наемным трудом за 1764—1775 гг.³ изменилось следующим образом (в %):

	1764 г.	1775 г.
Наемных	29	59
Крепостных	71	41

Как видно, даже за небольшой промежуток времени — с 1764 до 1775 гг. — доля наемного труда удвоилась, что меняло и самый характер мануфактуры.

В 90-е годы XVIII в. в Петербурге насчитывалось 6 позументных предприятий, одна «фабрика для льонских позументов и снурков», 3 «фабрики цеховного золота и биты». На каждом из этих предприятий работало от 15 до 44 рабочих, по преимуществу наемных.

Значительный интерес представляла казенная Шпалерная (гобеленовая) мануфактура. Работала она для царского двора, ежегодно выпуская на 30 станках до 400 квадратных аршин «исторических картин, портретов и ковров». Все работы производились только русскими мастерами, из рук которых передью выходили подлинные произведения искусства. По штатам 1764 г. здесь работал 181 человек. Мануфактура раздавала работу и на сторону: был учрежден магазин, из которого материал отпускался «на вольную работу желающим людям... с получением выручки по установленным дирекцією ценам для прибитка».⁴

Полстная промышленность Петербурга во второй половине XVIII в. развита была слабо. Кроме полотняных предприятий при Адмиралтействе и в конце столетия при ведомстве уделов, было три частных предприятия, из которых наиболее крупное в 1768 г. имело 167 наемных рабочих и выпустило несколько десятков тысяч аршин полотна и манифаса.

¹ П. Г. Г е о р г и, ук. соч., стр. 706; ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1882, л. 5.

² ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 63, лл. 17—22.

³ Там же, лл. 5—93.

⁴ Архив Воронцова, кн. V. М., 1872, стр. 477—479; П. Г. Г е о р г и, ук. соч., стр. 114, 224.

В середине 90-х годов на 9-й линии Васильевского острова была заведена полотняная мануфактура, принадлежавшая ведомству царского двора. Штат ее состоял из 9 мастеров и подмастерьев и 16 мальчиков и девочек из Воспитательного дома. Число станков с 60 в 1797 г. на ней возросло до 180 к 1800 г. К этому времени на мануфактуре использовался труд воспитанников Московского и Петербургского воспитательных домов: 50 мальчиков с 10 лет и 70 девочек с 12 лет, до 190 человек удельных крестьян из Костромской и других льноводческих губерний и до 50 человек помещичьих крестьянских детей, взятых на обучение.

Более значительного развития во второй половине XVIII в. достигла канатно-прядельная промышленность.

Крупные прядельно-канатные казенные предприятия имелись при Адмиралтействе (закрыты в 1792 г.) и в Кронштадте. В 1770 г. адмиралтейские прядельщики были определены на Павловский канатный завод. В 80-е годы XVIII в. работала Софийская мануфактура, раздававшая самопрядки охтенским плотникам и другим мастерам адмиралтейского ведомства,¹ следовательно, она являлась так называемой «рассеянной мануфактурой».

Среди частных канатных заводов наиболее значительными в 50—70-х годах XVIII в. были предприятия с годовой продукцией 12,5—13,5 тыс. пудов.² В 1787 г. на Выборгской стороне была сделана попытка завести крупный канатный завод с выпуском до 100 тыс. пудов канатов в год, но в 1790 г. завод уже продавался со всем оборудованием.³

Всего в 90-е годы в Петербурге работало 11 канатных предприятий.

Канатная промышленность основывалась на наемном труде. Так, на частных предприятиях в 1764 г. процент наемных рабочих составлял 92,7%, а крепостные рабочие имелись только на одном предприятии. Наемный труд внедрялся и на казенных предприятиях (Павловский, Софийский заводы).

Промышленность по обработке животного сырья в Петербурге во второй половине XVIII в. играла немаловажную роль. Здесь прежде всего следует отметить предприятия по производству кожи. Они выпускали козловые русские и черкасские кожи, замшу, сафьян, юфть красную и простую, опойки, глиняную и подошвенную кожу.⁴ Рабочие предприятий делились на строгалей, кожевников и другие специальности.

Самым крупным предприятием этой отрасли была мануфактура Саввы Яковлева, основанная в 1744 г. в Литейной части близ Арсенала. Годовой выпуск продукции составлял: в 1758 г. 15 080 кож, в 1768 г. 30 400, в 1769 г. 37 000 и

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 90; Описание дел Архива Морского министерства, т. V, стр. 776, 785, 809, 813; т. VIII, стр. 250, 390, 602, 628 и др.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1879, лл. 8, 8 об.

³ Санкт-Петербургские ведомости, 1787, стр. 947; 1790, стр. 1420.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1882, лл. 20—28.

*Изделия казенного петербургского Фарфорового завода XVIII в.
Государственный Русский музей.*

в 1770—1773 гг. по 18 000 кож. На мануфактуре в 1769—1773 гг. работали ежегодно до 50 мастеров и рабочих, из них 8 человек крепостных. Мастера получали в год по 100 руб., наименее рабочие — по 24 руб. Не менее значительным было другое предприятие на Выборгской стороне, работавшее с 1735 по 1792 г. Мануфактура пользовалась наемным трудом, причем значительную часть рабочих составляли помещичьи оброчные крестьяне¹ Любимского, Малоярославцевского и других уездов.

К 90-м годам XVIII в. большинство кожевенных заводов из различных частей города было переведено на Васильевский остров, пониже Сального бунья, «слабы не сориди воду в городе». В этот период в городе было 16 кожевенных заводов, некоторые из них «суть каменные и довольно великие» и «заведены большою рукою». Продукция их славилась хорошим качеством и в значительном количестве шла на вывоз. Процент наемного труда в кожевенной промышленности Петербурга с 1764 по 1772 г. повысился с 88,9 до 91,4. В 1775 г. только на одном предприятии имелись крепостные (8 человек).

Из других предприятий промышленности по обработке животного сырья следует упомянуть существовавший в 50-е годы пергаментный двор, сальные заводы в Кронштадте, предприятие для «делания китайского мыла» и другое для производства «зеленого мыла».²

Пищевкусовая промышленность мануфактурного типа во второй половине XVIII в. была представлена предприятиями по производству сахара, шоколада, пива, водки, крупы, макарон, табака и крахмала.

Наиболее значительного развития достигла сахарная промышленность. В 50-е годы XVIII в. известны два крупных сахарных завода: один на Выборгской стороне и второй на 11-й линии Васильевского острова. В 1766 г. был основан крупный завод в Каретно-кузнечной слободе, в 1770 г. — в Московской части, за Калинкиным мостом, и затем еще один на Выборгской стороне, на берегу Малой Невки.

В 70-е годы XVIII в. эти заводы поставляли огромное для того времени количество сахара. Следующая таблица показывает размеры производства и состав рабочей силы этих заводов в 70-х годах:³

Годы	Объем продукции		Наемных рабочих	Крепостных
	сахара и патоки в пудах	на сумму в рублях		
1776	77 451	518 343	141	2
1779	98 475	733 944	144	4

¹ ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, л. 16, лл. 58—102 об.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, л. 1882, лл. 5 об., 75; ф. 2, оп. 2, л. 78, л. 26.

³ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, л. 1879, лл. 4—63.

Как видно из таблицы, сахарные заводы работали на наемном труде, применение же труда крепостных рабочих было ничтожным. При одном и том же числе рабочих эти заводы за небольшой период времени увеличили выпуск продукции в полтора раза. В 90-е годы XVIII в. в городе насчитывалось уже 11 сахарных заводов. Петербург во второй половине XVIII в. являлся самым крупным центром сахарной промышленности, работавшей на наемном труде и привозном зарубежном сырье (сахар-сырец).

Пивоваренная промышленность была представлена 4 казенными пивоварнями на Выборгской стороне, в Кронштадте и Ораниенбауме, 9 частными мелкими пивоварнями в Литейной, Московской, Петербургской, Адмиралтейской частях города, на Васильевском острове и в Кронштадте.¹ Она обеспечивала своей продукцией запросы флота и отчасти города. Водочных заводов в 90-х годах отмечается 5, из них 4 за городом.²

В конце XVIII в. в Петербурге было 3 табачных мануфактуры, кроме того, было 26 русских и немецких «табачных придилициков» (ремесленников). Они в начале XVIII в. работали на привозном из-за границы сырье, а затем была создана сырьевая база на Украине.

Все предприятия пищевой промышленности работали на наемном труде. Отмеченное же выше применение труда крепостных рабочих в сахарном производстве было ничтожным и не меняло общей картины.

Значительное место в промышленном развитии Петербурга и его района занимало производство стекла, фарфора, фаянса, гравение драгоценных и полудрагоценных камней.

Среди предприятий по производству стекла выделяется мануфактура величайшего русского ученого М. В. Ломоносова. Разрешение на заведение мануфактуры Ломоносовым было получено в 1752 г., а в следующем году ему было предоставлено населенное имение в Копорском уезде и ссуда в 4 тыс. руб. на 5 лет. Строительство мануфактуры было начато в Усть-Рудиде (близ Петергофа) в мае 1754 г. и закончено весной 1755 г. М. В. Ломоносов при постройке мануфактуры широко проявил свои выдающиеся инженерно-конструкторские способности: он выбрал место для строительства, спроектировал цехи, разработал технологический процесс, сконструировал оборудование. Здесь была оборудована специальная химическая лаборатория с 9 печами. На Рудиде была установлена мельница, приводившая в движение шлифовальную машину, толчею, 2 пильных рамы и мукомольные жернова. Одновременно со строительством шла подготовка кадров под непосредственным руководством М. В. Ломоносова и его учеников по Химической лаборатории в Академии Наук М. Васильева и Е. Мельникова. Основной продукцией мануфактуры была смальта для мозаики, производством

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 99, 114—115, 161.

² Там же, стр. 229, 674, 680, 707.

которой руководил непосредственно М. В. Ломоносов. Им были изготовлены мозаичные картины Полтавской битвы, портреты Петра I, Елизаветы Петровны, Анны Петровны, Петра Федоровича, П. Шувалова, Екатерины II, М. И. Воронцова и др. В 1766 г. здесь делался портрет М. В. Ломоносова. Кроме того, мануфактура изготовляла мозаику для загородных дворцов, выпускала из изобретенного Ломоносовым цветного стекла бисер, стеклярус, посуду, дощечки для табакерок, подвески, заставки и др. На мануфактуре работало 16 мастеров, подмастерьев и учеников и от 10 до 20 рабочих людей. Мануфактура после смерти М. В. Ломоносова была закрыта.

В 60—70-е годы XVIII в. в Петербурге и его окрестностях работал ряд предприятий по производству оконного (бемского) стекла и стеклянной посуды.

Наиболее крупным предприятием по производству стекла в конце XVIII в. был казенный стекольно-зеркальный завод у Александрово-Невской лавры, продукцию которого составляли стекло различных видов, хрустальная и стеклянная (в том числе и цветная) посуда, зеркала. Зеркала выпускались такой величины и доброты, каких «можно сказать, во всей Европе еще доселе не производилось», а хрустальная и стеклянная посуда по своему качеству и отделке не уступала лучшим английским изделиям. В 90-х годах стоимость продукции доходила до 150 тыс. руб. в год. В 1802 г. на заводе работало до 283 человек.¹ Изделия завода шли в царский дворец и частью продавались в специальном магазине в Итальянском саду. При магазине находилась зеркальная мастерская, в которой «наводят ртуть на зеркальные стекла».

Петербург явился городом, где в значительных размерах было налажено промышленное производство фарфора и фаянса.

Основанный в 1744 г. казенный фарфоровый завод (ныне завод им. М. В. Ломоносова) продолжал расширяться и в последующие годы XVIII в. Первый мастер фарфорового завода, выписанный из Швеции, оказался неучем и шарлатаном, содержание которого обошлось казне в 8 тыс. руб. Производство русского фарфора было поставлено русским химиком Д. И. Виноградовым, сотрудником М. В. Ломоносова. В течение 11 лет Виноградов стоял во главе завода (1748—1758 гг.), и в результате многолетних опытов, неукротимого упорства и помощи М. В. Ломоносова он дал стране русский фарфор — один из лучших в мире — и наладил его промышленное производство. При заводе была создана школа, где готовилась смена старым рабочим, а в лице мастера из рабочих Н. Воинова Виноградов подготовил себе преемника по работе. Короткое время, в январе—феврале 1762 г., директором завода был сам М. В. Ломоносов.

В 70—90-х годах XVIII в. завод значительно расширяется.² Здесь производилась посуда, художественные вещи, табакерки и другие изделия. Продукция

¹ Архив Воронцова, т. V, стр. 476; И. Г. Георги, ук. соч., стр. 130, 678—679.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 226.

шла главным образом на нужды двора и частью для продажи частным лицам, но стоила дорого. В 1794 г. стоимость продукции завода составила 80 тыс. руб.

В 1757 г. на заводе работало (вместе с охраной) до 70 человек, затем число работающих все время увеличивалось и в 1802 г. достигло 221 постоянного работника. Кроме того, ежемесячно работало по 30—40 наемных рабочих, «смотря по надобности». Среди работающих 90 человек составляли ученики.

Производством руководили русские мастера, среди которых А. Захаров заведывал живописным отделением, Сергеев — обжигательными горнами и капсулями, Иванов — лабораторией.

Производство фаянса в Петербурге в 90-х годах было представлено казенным фаянсовым заводом, расположенным на правом берегу Невы. Из частных фаянсовых заводов в 60-е годы упоминается завод Ринга, в 90-е годы — фаянсовый завод около Красного Села, который был, однако, «не в цветущем состоянии».¹ Успешно развивалась во второй половине XVIII в. шлифовально-гранильная фабрика в Петергофе. В 70-х годах фабрика была значительно переоборудована. Станки приводились в движение силой воды. Оборудование было изготовлено на Сестрорецком и Тульском заводах. В 90-х годах фабрика вновь расширяется: к прежнему трехэтажному корпусу пристраиваются еще две каменные светлицы.²

На фабрике гранились алмазы, чаши, вазы и другие изделия, полировался мрамор, преимущественно для царского двора. Огромный частный спрос на мелкие камни для украшений, утвари и т. д. удовлетворялся как фабрикой, так и ее мастерами работой на дому. В 1776 г. на фабрике работали механик, мастер, 16 подмастерьев (в том числе 9 человек наемных), 60 учеников, 1 плотник. В 70-е годы была организована при фабрике школа на 32 мальчика в возрасте от 10 до 18 лет. В 90-х годах на фабрике было занято до 106 рабочих.

Петергофская гранильная фабрика была крупной мануфактурой комбинированного типа: работа производилась не только в цехах предприятия, но и на дому.

По производству красок крупным предприятием являлась частная мануфактура близ Калинкина моста, на которой было занято до 70 крепостных рабочих. На ней производились сурик, белла. Стоимость годовой продукции составляла 6 тыс. руб.³

В бумажной промышленности Петербурга во второй половине XVIII в. известны мануфактуры: Красвосельская казенная и самая крупная Дудергофская, на которой работало до 123 крепостных рабочих. На ней производилась почтовая, различных сортов писчая, шпалерная, картузная, оберточная, политурная, цветная бумага, а также бумага под гербование и с 1768 по 1785 г. бумага для ассигнаций.

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 226, 677, 756; ЦИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1882, л. 5 об.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. VI, стр. 142.

³ ЦИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1882, л. 74 об.; ф. 2, д. 20, лл. 1—7.

В 80-х годах была построена в Царском Селе бумажная казенная мануфактура для производства полушелковой бумаги для печатания ассигнаций. В конце века на ней работали 38 рабочих и 2 мастера. Кроме того, упоминаются еще частные бумажные фабрики в Красном Селе и на реке Славянке.

Значительное строительство в Петербурге, как частное, так и казенное, требовало создания производства строительных материалов. Промышленность строительных материалов Петербурга и его района выпускала кирпич, камень, черепицу, изразцы, гонт, известь, цемент, пиломатериалы.

Во второй половине XVIII в. известно более 18 кирпичных казенных и частных заводов в городе и в его окрестностях. Наиболее крупными казенными кирпичными заводами были Новоневские. В 1756 г. они выпустили 10 млн штук «ординарного» кирпича и, кроме того, разных сортов и номеров «знатное число». Хотя на работы в том году и было подрячено до 500 рабочих с выдачей вперед задатка, тем не менее объявлялся дополнительный прием на работу желающих. Значительную часть кирпича поставляли частные заводы. В 1757 г. их годового выпуск равнялся 15 млн штук.

В 1766 г. была изобретена и стала строиться на кирпичном заводе, расположенном на территории Охтенского порохового завода, машина для выделки кирпича, приводимая в движение лошадьми, производительностью в 14 тыс. штук кирпича в день. Однако, повидимому, эта попытка не увенчалась успехом. Кирпичные заводы, как казенные, так и частные, привлекали значительную массу наемных рабочих из различных районов страны.

Ломка камня для фундаментов производилась при Ладожском канале, на реках Назии, Сяси, Тосно, Ижоре, у Пулдова и в других местах. Для обработки камня продолжал существовать построенный еще в 1745 г. завод, где изготовлялись капители, столпы, тумбы и прочий «каменный убор». Рабочих, занятых на обработке и кладке камня, было огромное число. Так, только приходящих каменщиков и каменотесцев в Петербурге было до 5 тыс. человек.¹ Производство извести было организовано на невских и ижорских кирпичных заводах и на ряде карьеров, где производилась ломка известковых плит на фундамент. Лучшая известь поступала с карьера у Пулдова на Ижоре. Цемент изготовлялся в Колпино, причем для цементирования подводных частей сооружений приготавливался особый состав.²

Гонт для кровли производился на Охте на гонтовом заводе, но большей частью его изготовляли по подрядам и откупам охтенские плотники. Для производства черепицы на кровлю был построен черепичный завод, однако кровельных материалов не хватало, и черепица ввозилась из Голландии и Любека.³

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 57, 248.

² Описание дел Архива Морского министерства, т. V, стр. 753, 767, 804, 809.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 58.

Пиломатериалы готовились на многочисленных частных и казенных «мельницах».

Развивающаяся промышленность строительных материалов удовлетворяла значительную часть потребностей города, тем не менее строительных материалов всегда не хватало, что и приводило к доставке их из окружающих Петербург уездов и других губерний.

Петербург во второй половине XVIII в. был самым крупным центром полиграфической промышленности, оказавшим значительное влияние на распространение ее в других районах страны. В конце века в Петербурге имелось 10 казенных и 8 частных типографий. Самая крупная казенная типография была при Академии Наук и при ней словолитня. Здесь имелось до 18 печатных станков и работало до 80—90 печатников, причем число их колебалось в зависимости от объема работы. Академическая типография много сделала для распространения типографий в стране и улучшения типографского дела. Так, в 1755 г. для организации типографии при Московском университете Академической типографией были посланы 2 стана, наборщик и 2 ученика; при ее содействии были устроены «новозаведенная» типография в Петербурге для издания переводной литературы, типография при Военной коллегии и Артиллерийской инженерной школе (в 1761 г.); в 1764 г. для устройства типографии в Астрахани были посланы корректор Леонтьев с 3 мастерами. Для улучшения качества печатных изданий в типографии Академии Наук отливали шрифты для других типографий.¹

В 1769 г. в Петербурге открылась первая частная типография Гартузова с 4 станками для печатания на русском и иностранном языках и при ней небольшая словолитня.²

Во второй половине XVIII в. Петербург стал одним из самых крупных промышленных центров страны.

Хотя развитие легких отраслей промышленности во второй половине века и далеко шагнуло вперед, тем не менее преобладающей отраслью осталась тяжелая промышленность: это, как отмечалось выше, определялось тем, что в столице было сосредоточено значительное число предприятий оборонного значения (судостроение, производство вооружения и т. п.), частный капитал сюда проникал еще слабо.

Постепенно возрастает связь промышленности с широким рынком. Положение Петербурга — столицы империи и важного военного центра страны — оказывало большое влияние на ориентацию его промышленности: 28% предприятий работало на удовлетворение потребностей царского двора и привилегированной части населения, 13% — на военные нужды, 19% — на производство строительных материалов; на более или менее широкий рынок работало всего около 40% пред-

¹ Академическая типография 1728—1928. Л., 1929, стр. 32—40.

² И. Г. Герге, ук. соч., стр. 432.

приятий.¹ К сожалению, о связях с этим рынком сохранились данные не по размерам производства, а только по количеству предприятий.

Петербургская промышленность во второй половине XVIII в. достигла в своем развитии крупных успехов. Ряд предприятий оснащается паровыми машинами (судостроение, металлообработка). Появление в Петербурге в этот период машиностроения было значительным этапом в развитии производительных сил России и являлось необходимой предпосылкой для наступившего уже в XIX в. промышленного переворота в стране.

Начавшееся внедрение в промышленность паровых машин вело в дальнейшем к тому, что менялся характер применяемой рабочей силы: «Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Поэтому капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими, достаточно культурными для того, чтобы правильно обращаться с машинами»² Несомненно, что дальнейшее развитие применения машин, рост машиностроения говорили о таком развитии и изменении характера производительных сил, которые все больше требовали ликвидации крепостного права в России. И в этом общем развитии России петербургская промышленность сыграла в дальнейшем немаловажную роль.

Рост производительных сил, достигнутый петербургской промышленностью во второй половине XVIII в., основывался на явном преобладании наемного труда на частных предприятиях и широком применении наемного труда на казенных предприятиях. Это показывало, что складывались отношения, при которых «рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства...»,³ что, безусловно, свидетельствовало об укреплении капиталистического уклада в недрах феодальной экономики России.

Однако наемные рабочие второй половины XVIII в. еще не представляли собой современного промышленного пролетариата, они были рабочими фабрик крепостного периода. Наемная рабочая сила петербургской промышленности, как и во всей стране, комплектовалась за счет разорившихся ремесленников и мелких купцов. Но основную массу наемных рабочих поставляла деревня, выбрасывавшая на рынок труда разорившихся крестьян. Эти крестьяне под условием уплаты оброка своим владельцам шли в промышленность и по отношению к владельцам предприятий были наемными рабочими. С владельцем предприятия или подрядчиком они заключали «по незнанию грамоте» устные договоры об условиях

¹ В. В. Похшишевский. Территориальное формирование промышленного комплекса Петербурга в XVIII—XIX вв. Вопросы географии, сб. 26, М., 1950, стр. 126.

² В. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 557.

³ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

работы и плате за труд. Устные условия найма повсеместно нарушались работодателями, что приводило к потоку жалоб рабочих в полицию, вследствие чего Сенат в январе 1767 г. вынужден был указать, чтобы договоры обязательно записывались в конторах предпринимателей и чтобы о каждой записи сообщалось в полицию. С квалифицированными рабочими, мастерами предприниматели старались заключать письменные договоры. В них отмечалось, что мастер должен работать «самым хорошим мастерством и быть в работе по все дни кроме торжественных праздников», «никакой остановки в работе не чинить», «крепко смотреть» за мастерами, а «если он в чем против сего окажется неисправным», то владелец мог на него налагать штраф. Кроме того, в договоре обуславливалась годовая или полугодовая плата и другие условия работы.¹ Наемные рабочие, как правило, жили на территории предприятий или недалеко от них в специальных помещениях, которые нередко охранялись назначаемыми для этого воинскими командами (например на Шлиссельбургской ситцевочной мануфактуре). Это позволяло предпринимателям устанавливать строгий контроль за рабочими людьми не только в рабочее время, но и в частном быту.

Несмотря на многочисленные еще черты феодальных отношений в организации производства, создание новых производительных сил в стране, как и в Петербурге, неуклонно подрывало крепостнический базис России и способствовало победе в XIX в. капиталистических отношений.

Крупные предприятия мануфактурного типа даже в столице не могли вытеснить мелких производителей. В течение всего мануфактурного периода в развитии промышленности наблюдалось дальнейшее расширение мелкого производства. Состав мелких производителей Петербурга непрерывно пополнялся за счет ремесленников всей страны и частично иностранных подданных. По данным Герсти, в 1789 г. в Петербурге было 2106 русских цеховых мастеров, 1529 подмастерьев, 1716 учеников и 282 «работника», а также 1477 иностранных мастеров, т. е. мелким производством занималось не менее 7100 чел.

В городе в 1790 г. насчитывалось 56 русских и 36 иностранных цехов. Кроме того, в 1789 г. было 4939 посадских, которые также частично занимались мелким производством. Таким образом, Петербург во второй половине XVIII в. был одним из крупных центров мелкого производства, которое снабжало население города предметами широкого потребления.

Мелкое производство, в частности, обеспечивало население хлебобулочными и кондитерскими изделиями. В городе насчитывалось весьма много хлебников и пирожников, хотя в цехе состояло немного — 9 человек. Кондитерские мастерские

¹ ЦИАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 486, лл. 3—5.

*Шпалера «Лебедь» работы петербургской Шпалерной мануфактуры
80-х годов XVIII в.*

Государственный Эрмитаж.

были довольно крупными. Так, на 13 мастеров кондитерского и пряничного дела приходилось 57 подмастерьев и 65 учеников, т. е. 122 человека, — в среднем почти по 10 человек на каждого мастера. Такая укрупненная мастерская по своим размерам приближалась к мануфактуре.

Мастерские по изготовлению одежды и обуви также были значительными по своим размерам. Так, на 77 мастеров-башмачников в цех было записано 116 учеников и 155 работников, на 24 мастера-шубника — 100 подмастерьев и учеников, на 178 русских и 210 иностранных мастеров-портных — 660 подмастерьев и учеников. Все это говорит об укрупнении мастерских, о внедрении в мелкое производство наемного труда. Всего в 1789—1790 гг. изготовлением одежды занимались мастера, подмастерьев, учеников и работников 1385 человек, а изготовлением обуви — 845 человек, зарегистрированных в цехах.

В середине 70-х годов в Петербурге было не менее 18 шилинных мастерских с 1—6 рабочими. 8 из них принадлежало иностранцам, 5 — русским купцам, 3 — солдатам и матросам, по одной — крестьянину и цеховому мастеру.¹

Значительное место в мелком производстве занимало столярное производство, где насчитывалось 574 человека, записанных в цехи, без учета плотников и столяров с Охты и Матросской слободы Васильевского острова.

Так же, как в перечисленных, было организовано производство и в других отраслях, где работало значительное число мелких производителей: каретное (378 человек), кузнечное (278 человек), позументное (177 человек), горшечное (139 человек), канатное (84 человека), помадное (84 человека), кровельно-жестяное (109 человек) и др.

Во второй половине XVIII в. в Петербурге существовала полотняная мастерская А. С. Сумарокова, по печатанию набоек и выбоек. Упоминается ряд мастерских по производству ваты.

Из других мастерских известны были мастерские для изготовления играль-ных карт — в 90-х годах существовало 8 предприятий.² Мелкие мастерские занимались производством сургуча, кунорося, отбеленного воска, каменных перьев и сажки, но они работали со значительными перебоями «за нераспродажей» выпускаемой продукции.

Хозяйственные и бытовые нужды населения Петербурга в какой-то мере удовлетворялись мелкими металлообрабатывающими заведениями, которые находились в различных частях города.

Близ Новодевичьего монастыря существовала «чугунная фабрика», принадлежавшая русскому купцу, в подвижной печи которой плавилось новое и старое железо и отливались из него «весьма тонкие чугунные вещи, заслонки и т. п.»³ Подобные же заведения в 90-х годах были открыты на Песках, в центре города и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, л. 1879, л. 4 об.; л. 1882, лл. 38—42; ф. 2, л. 629, лл. 623—624.

² ЦГИАЛ, ф. 2, оп. 2, л. 65 (ч. 1), лл. 252—345; л. 79, л. 14 об.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 126.

на Васильевском острове. Они выпускали котлы, горшки, вьюшки, кухонные и очаговые доски, разную посуду.

В середине XVIII в. упоминается игольный «завод», наперсточная «фабрика», котельная «фабрика», проволоочный «завод». На 21-й линии Васильевского острова в 1769 г. была открыта слесарная «фабрика», на которой изготовлялись дверные замки, душилки, железные печные дверцы. Все это были небольшие по размерам предприятия.

Из небольших мастерских во второй половине XVIII в. в Петербурге выросли предприятия по производству изделий из бронзы, выпуску часов.

Помимо бронзовой казенной мастерской, в 70-х годах был частный бронзовый завод. При Академии художеств имелся литейный двор с модельной мастерской.

В 1765 г. на Васильевском острове выписанными берлинскими мастерами была открыта небольшая часовая «фабрика», выпускавшая обычно не более 30 часов в год. В 1779 г. на ней работали один иностранный мастер, 2 иностранных и 10 русских подмастерьев. Сами владельцы уже не работали.¹

В городе насчитывалось 255 стекольщиков, 213 ювелиров, 120 медников, 86 токарей, 205 ремесленников, 62 свечника и целый ряд других мастеров.

Развитие мелкого производства в Петербурге во второй половине XVIII в. показывает значительное его расслоение: мастерские укрупняются, увеличивается применение в них наемного труда. Это видно и из общего числа цеховых: на 3583 русских и иностранных мастера приходилось 3527 русских подмастерьев, учеников и работников, тогда как в 20-х годах подмастерья, ученики и работники по отношению к числу мастеров составляли 40%.

Петровское цеховое устройство было сохранено и несколько развито в законодательстве Екатерины II.

Однако многие мелкие производители не были записаны в цехи.

Мелкое товарное производство не только удовлетворяло спрос городского населения на предметы широкого потребления, но и вступало в конкурентную борьбу с мануфактурным производством.

О «безуказном» производстве в Петербурге во второй половине XVIII в. имеются сведения по канатному, кожевенному, текстильному и обойному предприятиям. На «безуказное» производство канатов и веревок владельцы петербургских канатных заводов жаловались в Мануфактур-контору в 1750 и 1751 гг. Но «безуказное» производство не прекращалось, тем более, что сами владельцы «указных» мануфактур заводчики стали заводить «безуказные» предприятия и использовать «безуказных» производителей, скупая у них товары по дешевым ценам и сбывая их затем как свою продукцию по повышенным ценам.

Борьба заводчиков с мелкими товаропроизводителями велась и в кожевенном производстве. В середине 50-х годов в Петербурге производились обыски по вы-

¹ ЦГАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 59, лл. 1, 3, 59; д. 65, л. 176.

явлению «безуказных» производителей набойки. Повинными оказались крестьяне села Иванова.

На конкуренцию мелкотоварных производителей по выпуску бумажных обоев в 1776—1780 гг. жаловался и один владелец бумажной мануфактуры, отмечавший, что им обои (шпалеры) не выпускаются, так как «они во всем обществе разные люди делают и продают прозь дешевыми ценами».¹

В 60—70-х годах XVIII в. правительством постепенно проводится легализация внедехового мелкотоварного производства. Указом 1767 г. разрешалось свободное занятие промыслами и рукоделиями, в 1769 г. было разрешено свободное занятие ткачеством с ежегодной уплатой 2 руб. сбора с каждого стана в Мануфактур-контру. В 70-х годах был отменен ряд других ограничений: в 1775 г. сняты денежные сборы со станок, с 1777 г. всему населению разрешалось заведение промышленных предприятий без всякой регистрации или объявления.

Это законодательство несомненно способствовало развитию мелкотоварного производства, которое в значительной мере обслуживало все увеличивавшиеся потребности населения.

Большое значение в экономической жизни Петербурга во второй половине XVIII в. имела торговля, как внутренняя, так и внешняя. Являясь главным в России портом, Петербург играл важную роль во всем внешнеторговом обороте страны, что также укрепляло всероссийский рынок.

Непрерывно растущие потребности петербургского рынка требовали всемерного роста его связей со всей Россией. Важнейшее значение в росте этих связей имел Вышневолоцкий водный путь. Для наблюдения, контроля и производства работ на нем были созданы правительственные учреждения: Канцелярия Ладожского канала и Канцелярия Боровицких порогов. Но этот водный путь уже не обеспечивал возросших торговых связей. Вследствие этого производился ряд работ по его улучшению: в 50-х годах было осуществлено углубление Ладожского канала, в конце века сооружается так называемый Сиверсов канал, соединивший нижнее течение Мсты с Волховом в обход озера Ильмень. В конце века начались работы по сооружению Мариинской водной системы.

Поток грузов по водным путям в Петербург был огромен и год от года возрастал.

Так, через Шлиссельбургские шлюзы в 1761 г. прошло 3864 различных судна и 8011 плотов, в 1770 г. прошло уже 4891 судно и 5773 плота, а в 1777 г. — 5997 судов и 5425 плотов. Непрерывно возрастает объем ввозимых из других районов страны товаров.

¹ ЦГАЛ, ф. 2, оп. 2, д. 2, лл. 1, 7, 19, 21, 44.

Значительное место среди товаров, привозимых в Петербург из внутренних районов страны, занимало продовольствие, так как близлежащие уезды и губернии не обеспечивали им город.

Мука, зерно, крупы шли главным образом из черноморских губерний и Поволжья. Привоз хлеба (вместе с крупой и овсом) непрерывно возрастал: в 60-х годах ввозилось около 6,6 млн пудов (1768 г.), в 70-х годах — около 10 млн пудов (1777 г.), в 90-х годах — до 15 млн пудов ежегодно.¹

Хлеб мог привозиться в Петербург из Лифляндии, но лифляндские помещики предпочитали переговятив его на водку и в таком более «удобном» и выгодном виде сбывать в столицу: они поставляли сеновную часть потребляемой здесь водки. Кроме того, водка привозилась из Смоленска, Нижнего Новгорода, Пензы, Казани. В 60-х годах XVIII в. в город привозилось до 200 тыс. ведер, в 90-х годах — до 400 тыс. ведер водки и вина.

Водным путем доставлялась масса и других видов продовольствия: сало говяжье (в 1768 г. — 150 тыс. пудов, в 1777 г. — 433 500 пудов), масло растительное с Волги (в 1770 г. — 146 200 пудов, в 1777 г. — 165 300 пудов), соль главным образом из Балахны (свыше 160 тыс. пудов в 70-х годах), живая рыба (свыше 800 тыс. штук в 60—70-х годах), яйца (около 7 млн штук в 70-х годах и до 14 млн штук в 90-х годах), соленина, капуста, лук, соленые огурцы, клюква. Водным путем шла значительная часть фуража (овес, сено). Однако значительная часть продовольствия и фуража шла сухим путем. Огромные гурты скота пригонялись сюда «из казымских и черкасских орд». Так, в 1791 г. было пригнано 49 662 головы черкасских и 1976 голов российских быков и 5718 голов казымских и российских баранов. Много мяса доставлялось зимой. Так, в 1791 г. было привезено 9159 возов мерзлой говядины, свинины, баранины и 676 возов соленой баранины. Кроме того, зимой привозилось много дичи, до 100 тыс. пудов коровьего масла и других продуктов.² В снабжении Петербурга немалую роль играли и соседние пригородные уезды. Радищев по этому поводу писал: «Ближайшие селения всевозможные свои произведения везут на торговую площадь. Сено, дрова, уголья, масло коровье, даже молоко и творог, огородные овощи, овес и ячмень, ягоды, грибы не исключая, суть товары ближайших к С.-Петербургу округ».³

Внутренние губернии России обеспечивали большинство предприятий Петербурга сырьем и полуфабрикатами.

Адмиралтейство и казенное городское строительство получали водой сотни тысяч кубометров строительного леса (брусья, доски, бревна, нагеля и т. д.), бутовый камень, гранитные и мраморные плиты (из Карелии), кирпич (из-под

¹ Санкт-Петербургские ведомости, 27 февраля 1769 г., прибавление к № 17; М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. 5, табл. № 3 и стр. 638; И. Г. Георги, ук. соч., стр. 588—595.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 586—591.

³ Исторический архив, т. V, 1950, стр. 258.

Рыбинска и других районов), известь, смолу, гвозди, листовое, полосовое и сортовое железо, чугунысе литье с Урала и т. д.

Предприятия по производству вооружения и боеприпасов обеспечивались уральским железом и медью, украинской селитрой. Селитру и льняные полотна получали ситценабивные мануфактуры. Для предприятий по производству кож в Петербург привозились шкуры, ивовая кора, свиноецкая и белая боровицкая известь, козельская зола, квасцы, краски. Табачная промышленность снабжалась в основном сырьем с Украины (в 1777 г. привезено 47 375 пудов табаку). Привозным сырьем обеспечивалось и валяное производство.

Привозные товары удовлетворяли потребности населения Петербурга, обеспечивали сырьем и материалами его мануфактуры и в значительной части шли на внешний рынок.

С ростом производства и торговли в городе улучшались и внутригородские пути сообщения: были укреплены берега Невы и других рек, прорыты Екатерининский и Никольский каналы, в городе имелось 17 перевозов, 5 мостов на плашкоутах, связывавших все части города, 22 каменных и 13 деревянных мостов, 25 пристаней.¹

С ростом населения города росла и торговая сеть: рынки, торговые ряды, гостинные двory, ларьки и лавки, находившиеся во всех частях города ближе к потребителю.

В городе было около 14 рынков. Кроме отмечавшихся ранее, крупными рынками были: построенный в 1790 г. каменный с 53 лавками Никольский рынок, рынок на Гагаринской улице с 43 лавками, 4 рынка в Рождественской части (тежежный, кожевенный, мучной и мясной), на Разъезжей улице, построенный в 1789 г. рынок близ Тюремного замка с 42 лавками и др. Значительная торговля велась в торговых рядах: хлебных, мясных, рыбных, мучных, семян и других, которых к 90-м годам насчитывалось около сотни. Кроме того, торговля шла на 25 городских пристанях.

Указом 1782 г. купечеству было разрешено заводить и вести торговлю в лавках в собственных домах. Уже в 90-е годы таких лавок и лабазов «под домами» было в городе до 900. Право розничной торговли в городах было распространено и на иностранных купцов, чем они не замедлили воспользоваться, записавшись во 2-ю или 3-ю купеческую гильдию: в городе было открыто много английских, французских, немецких и голландских магазинов.

Во второй половине XVIII в. петербургская розничная торговля сосредоточивалась по преимуществу на Адмиралтейской стороне, в районе Невского проспекта и Большой Садовой улицы. Центральным торговым местом являлся Большой гостинный двор на углу Невского и Садовой улицы. В 1761—1775 гг. здесь

¹ Ф. Туманский. Российский магазин, ч. 1, СПб., 1792, стр. 28—31; ч. II, СПб., 1793, стр. 152—153.

было построено двухъярусное каменное здание.¹ Много лавок находилось на Невском проспекте в серебряных и шляпных рядах, в доме Городской думы, а также около Ассигнационного банка, в доме Комиссии народных училищ, частном доме гр. Апраксина и ряде других зданий.

Торговля готовой пищей осуществлялась в маркитантских лавках, которых в городе было «не счесть»; в них довольствовались «весь простой и рабочий народ».

Торговля спиртными напитками давала казне немалый доход. Густая сеть питейных заведений покрывала город, особенно много их было на Петербургской стороне, в Адмиралтейской, Литейной частях и на Васильевском острове. Кроме того, торговля виноградными винами велась в 65 питейных погребах.

На протяжении всей второй половины века дороговизна в Петербурге непрерывно росла. Так, по данным Георги, цены (в серебряных деньгах) на продовольствие в 1770 и 1793 гг. были следующие:

	1770 г.	1793 г.
1 пуд крупиц	1 руб.	1 руб. 50 коп.
1 пуд овсяных круп	1 «	1 « 20 «
1 пуд гречневых круп	60 коп.	80 коп. — 1 руб. 40 коп.
1 пуд гороху	65 «	90 коп. — 1 руб. 20 коп.
1 фунт говядины	3 «	5—9 коп.
1 курица	25 «	40 «
1 фунт коровьего масла	5 «	15 «
1 куль (9 пуд.) картофеля	—	1 руб. 75 коп. — 2 руб. 40 коп.
1000 кожанов канусты	6 руб.	8—12 руб.
1000 шт. огурцов	1 «	3—5 «

Чтобы уменьшить рост недовольства народных масс все увеличивающейся дороговизной, в 1766 г. на Адмиралтейской стороне были открыты запасные казенные хлебные «магазины», где во время наиболее резкого повышения цен на рынке мука для «небогатых» отпускалась по более дешевым ценам, чем в торговых рядах. Однако серьезного влияния на цены эта мера не оказывала, так как подобных «магазинов» было совершенно недостаточно. Это мероприятие преследовало не экономические, а политические цели правительства.

Петербургское купечество имело те же организации, что и другие города. По губернской реформе 1775 г. купечество получило свой сословный суд, а по «Грамоте городам» выбирало своих представителей в общую Городскую думу, Шестигласную думу и участвовало в выборе городского головы. Крупные оптовые купцы и судовладельцы входили в состав «именитых граждан». В за-

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 105; Ф. Туланский, *ук. соч.*, ч. 1, стр. 173.

Гостиный двор и Невский проспект. Литография середины XIX в.

висимости от объявленного капитала остальное купечество делилось на три гильдии.

В 1790 г. в Петербурге было купечества: именитых граждан — 12, 1-й гильдии — 77 купцов, 2-й гильдии — 82 купца и 3-й гильдии — 1479 купцов, всего 1650 купцов (без семей). Среди них было 34 иногородних купца и 12 иностранных.¹

Среди петербургского купечества выделялась значительная верхушка, которая наряду с торговлей занималась в промышленной деятельности: С. Роговков, С. Яковлев, В. Ольхин, И. Чиркин и др.

В области внешней торговли Петербург был «первый торговый город всего государства», как писал Радищев.²

На всем протяжении второй половины XVIII в. внешняя торговля Петербурга непрерывно росла.

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 218—221.

² Исторический архив, т. V, стр. 237.

Неуклонно увеличивалось число приходящих и отходящих кораблей. Следующая таблица дает картину движения судов (русских и иностранных) за 1760—1797 годы:

Годы	Приход кораблей	Уход кораблей
1760	338	325
1768	394	363
1773	676	669
1778	602	Нет сведений
1784	890	* *
1790	932	* *
1797	1287	1224

В 1775—1792 гг. в Петербург приходили корабли 18 стран.

Более половины приходящих судов были английскими. Так, в 1777 г. из 737 кораблей, прибывших к Кронштадтскому порту, было 386 английских и только 12 российских.¹

Небольшое число кораблей, имевшихся у петербургских купцов, обслуживало главным образом перевозки грузов из Кронштадта, куда приходили иностранные корабли, в Петербург. В 1752 г. при Петербургском порте было зарегистрировано 352 мореходных ластовых судна, из них 198 судов принадлежало петербургским купцам (56,2%), 78 судов — крестьянам (22,2%), 43 судна (12,2%) — иногородним купцам и 33 судна (9,4%) — иностранным купцам.² Среди петербургского купечества появляются крупные судовладельцы, имевшие по 8—16 судов.³ К концу века заметно увеличивается удельный вес отечественных судов. Так, в 1787 г. в Петербург прибыло уже 131 русское судно (71 корабль и 60 галиотов), в том числе 59 принадлежало петербургским купцам.⁴

Рост внешней торговли России во второй половине XVIII в. сказался на увеличении внешнеторговых оборотов Петербургского порта. За 1768—1797 гг. внешнеторговые⁵ обороты Петербурга показывают следующую картину (в тыс. руб.):

Годы	Импорт	Экспорт	Баланс	Оборот
1768	6 328	6 630	+ 302	12 958
1777	7 820	11 117	+ 3 491	18 743
1789	15 000	18 000	+ 3 000	33 000
1797	19 374	32 214	+ 12 840	51 588

¹ М. Д. Чулков, ук. соч., т. VI, кн. V, табл. I ж стр. 638.

² Там же, т. IV, кн. IV, стр. 57.

³ Там же, т. IV, кн. V, стр. 818; И. Г. Георги, ук. соч., стр. 217.

⁴ ЦГА ВМФ, ф. 315, д. 381, лл. 25 об.—27 об.

⁵ Значение С.-Петербурга во внешней торговле России. СПб., 1899, стр. 124.

Как видно из таблицы, торговля Петербурга имела активный баланс. Но за фракт приходилось платить большие суммы, что крайне неблагоприятно отражалось на платежном балансе страны. Выходом могло являться строительство собственного торгового флота, но в этом отношении за всю вторую половину XVIII в. ничего существенного сделано не было. И в этот период, как и в первой половине века, внешняя торговля находилась в руках иностранцев: в конце столетия из кораблей, обслуживавших морскую торговлю России, под русским флагом находились только 7,2% по количеству и 6,2% по тоннажу. Петербург в этом отношении не представлял исключения.

На Петербургский порт приходилось свыше половины всего оборота внешней торговли страны. Так, в 1777 г. из всего оборота на Петербургский порт падало 53,3%, в 1796 г. — 57,5%.

Еще выше был удельный вес Петербурга во внешней торговле страны по морским границам: здесь на долю Петербурга падало свыше $\frac{2}{3}$ всего оборота. Так, в 1797 г. из общего оборота по морским границам в 76 млн 900 тыс. руб. на Петербург приходилось 51 млн 600 тыс. руб. (67,1%).

Структура вывоза и ввоза показывает положение контрагентов в торговле, характеризует качественные показатели внешней торговли. В вывозе товаров значительное место занимала продукция русских мануфактур и мелкотоварного производства — железо, кожевенные товары, полотно, канаты, а также и русское сырье — пенька, лен, сало.

По данным Шторха, в 1768 г. в составе русского экспорта продукция русских мануфактур составляла: железо — 12,4%, юфта — 9,6%, полотно — 7,7%, доли же русского сырья была более значительной: пенька, лен составляли 40,8%, сало — 6,5% всего экспорта.¹

В 1795 г. вывоз товаров из Петербургского порта представлял следующую картину:²

Наименование товаров	Всего вывезено
Железо	2 458 тыс. пудов
Холст	2 226 тыс. аршин
Юфта и подошвенная кожа	137 тыс. пудов
Канаты	78 » »
Пенька	1 690 » »
Сало	965 » »
Лен	486 » »

¹ Н. S t o r c h. Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs.. Riga, 1795, стр. 126—127.

² С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 119.

Господствующее положение в русском вывозе основных товаров занимала Англия, что лишало Россию выгод непосредственной торговли со странами, нуждавшимися в ее товарах. Кроме того, следует отметить, что Англия, получая из России железо, пеньку, лен, полотно, лес, обеспечивала огромный рост своего судостроения и тем самым в значительной мере основывала свое морское могущество на русской торговле.

Крупными экспортерами железа были уральские горнозаводчики Демидовы, крупными поставщиками пеньки по контрактам являлись купцы Белева, Ржева, Гжатска, Орла, Серпухова, Калуги и других городов.

В импорте преобладали товары, которые шли на удовлетворение потребностей дворянства и купечества. В 1758—1760 гг. предметы, которые в основном потреблялись дворянством и купечеством, в том числе предметы роскоши, составляли 67% всего импорта, тогда как ввоз красителей и металлических изделий не превышал 8%. Так, за десятилетие с 1780 по 1790 г. привоз основных товаров в Петербургский порт характеризовался следующими данными (на сумму в тыс. руб.):¹

Сахар-сырец	от 1700 до 3000
Шелковые изделия	» 2500
Шерстяные материи	» 2000
Суши	» 2000
Спиртные напитки	свыше 1000
Табак	до 800
Кофе	от 320 » 720
Галантерея	» 700
Бумажные ткани	от 408 » 600
Английское пиво	» 212 » 312
Лимонный	» 64 » 139
Спелые и сухие фрукты	» 42 » 102
Устрицы	» 20
Анчоусы	» 10
Краски и другие товары	» 1000

Как отмечалось выше, крупнейшую роль в русской внешней торговле играла Англия. Стремясь сохранить свою гегемонию на русском рынке, Англия добилась в 1766 г. заключения выгодного для себя торгового договора на 20 лет, по которому для английских купцов, несмотря на протесты русского купечества, сохранились почти все привилегии старого договора (1734 г.). Так, договор подтверждал, что английские купцы имели право уплачивать пошлину не иностранному серебром (эфимками) или золотом, а русскими деньгами, считая по 1 руб. 25 коп. за эфимок, тогда как купцы других государств должны были платить пошлины только иностранной валютой и при этом по явно заниженному курсу — 50 коп. за эфимок. Правда, в договор был включен пункт против исклю-

¹ И. Г. Георгий, ук. соч., СПб., 1790 (на нем. яз.), стр. 166—170.

чительной роли Англии в русской торговле — о праве сторон принимать меры к поощрению своего мореплавания.

Для устранения посредничества Англии и Голландии в торговле России с другими странами Западной Европы правительство заключило в 1782 г. торговый договор с Данией, в 1785 г. — с Австрией, в 1786 г. — с Францией, в 1787 г. — с Неаполитанским королевством и Португалией. Во время войны Северо-Американских штатов за независимость, когда Англия стремилась затруднить морскую торговлю нейтральных стран, русское правительство выступило с декларацией о морском вооруженном нейтралитете. Но все это при крайнем недостатке собственных морских торговых судов не могло устранить ущерба, который несла Россия от гегемонии Англии в русской внешней торговле.

Для соблюдения условий заключенных торговых договоров и защиты интересов своих подданных Россия имела во второй половине XVIII в. в иностранных государствах 17 генеральных консулов и 29 консулов.¹ Некоторые иностранные государства имели своих торговых представителей в России. Так, в 1793 г. в Петербурге имели своих генеральных консулов Англия, Пруссия, Швеция, Испания, Португалия, консулов — Дания, Голландия, а Гамбург, Любек и Бремен — аккредитованных агентов.²

Регулирование внешней торговли имело важное значение для развития отечественной промышленности и торговли. Это регулирование осуществлялось системой таможенных тарифов. Во второй половине XVIII в. таможенные тарифы пересматривались четыре раза — в 1757, 1767, 1782 и 1796—1797 гг. Во всех тарифах, хотя и непоследовательно, проводилась политика поощрения отечественной промышленности, что нашло свое выражение в снижении ввозных пошлин на сырье и минеральное топливо для русских мануфактур (с 1766 г. разрешен беспошлинный ввоз сахара-сырца и каменного угля, с 1782 г. — хлопка) и в повышении их на промышленные товары, которые изготовлялись в стране (металлические изделия, стекло, фарфор, фаянс, чугун и др.).

Таможенные сборы, кроме того, являлись одной из существенных статей дохода государственного бюджета. С 1762 по 1796 г. они выросли с 2 млн 881 тыс. руб. до 7 млн 228 тыс. руб. Петербург давал значительную долю таможенных доходов. Так, в 1773 г. из 3 млн 563 тыс. руб. таможенного сбора, собранного по всей стране, кроме белорусских губерний, в Петербурге было собрано 2 млн 79 тыс. руб. (58,3%), в 1787 г. из всего таможенного сбора в 5 млн 468 тыс. руб. Петербург дал 3 млн 910 тыс. руб. (71,5%).

Развитие внутренней и внешней торговли Петербурга во второй половине XVIII в. сказывалось и на единственной в стране Петербургской бирже. Во второй половине столетия она оставалась товарной: здесь совершались сделки по покупке и продаже товаров и фрахтованию судов.

¹ М. Д. Чулков, ук. соч., т. IV, кн. VI, стр. 3—8.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 229.

Развитие промышленности и торговли Петербурга во второй половине XVIII в. тормозилось недостатком дешевого кредита; частных банков в Петербурге не было, а целый ряд возникших в Петербурге государственных банков являлся главным образом средством «кю спасению дворянства от конечного разорения и лишения своих наследственных имений».¹

Из основанных в 1754 г. Заемных банков для дворянства в Москве и Петербурге с основным капиталом в 750 тыс. руб. и для купечества, торгующего при Петербургском порте, Купеческий банк с 1770 г. фактически прекратил свою деятельность. В 1782 г. он был закрыт, его капиталы переданы в Дворянский банк.

В 1758 г. в Петербурге и Москве учреждаются «Банковские конторы вексельного производства для обращения медных денег», более известные под названием Медного банка, с капиталом в 2 млн руб., распределенным между магистратами 50 городов России. Однако и этот банк скоро, в 1763 г., прекратил свое существование и мало оказал влияния на развитие торговли, тем более что основная масса его капиталов в руки русского купечества не попала, а пошла к дворянам и иностранным негоциантам. Так, на апрель 1767 г. купечество было должно Медному банку 927 689 руб., но долг русских купцов из этой суммы равнялся только 231 506 руб.²

В 1769 г. в Москве и Петербурге был основан Ассигнационный банк эмиссионного типа. Непосредственно кредитованием землевладения и торговли он не занимался, но предоставлял большие суммы Дворянскому банку. В 1786 г. Дворянский банк был реорганизован в Заемный банк, Ассигнационный — в Государственный Ассигнационный банк. Ассигнационному банку в 1774 г. было дано право выпустить ассигнаций на 20 млн руб., в 1786 г. разрешенная сумма эмиссии была повышена до 100 млн руб. Однако финансовые затруднения правительства вызвали неумеренный выпуск ассигнаций, что привело к падению их курса. Если в 1780 г. в обращении было 37 млн руб. ассигнаций и они шли по курсу 99 коп. за рубль, то в 1800 г. в обращении было уже 212 млн руб., принимавшихся по курсу 6¼ коп. за рубль.

Для кредитования дворянства и выдачи ссуд под залог драгоценностей в 1772 г. были открыты в Москве и Петербурге сохраняемые и ссудные казны при Воспитательных домах, капиталы которых в 1787 г. составляли 8,5 млн руб. Для кредитования дворянства в 1797 г. был открыт еще один банк — «Вспомогательный для дворянства банк», выдававший ссуды особыми банковскими билетами, которые принимались во всех платежах по их нарицательной стоимости, а их владельцам приносили 5% дохода. Эти банковские билеты положили начало выпуску в России ценных бумаг. За очень короткий срок (1798—1802 гг.) Вспомогательный банк выдал дворянам 50 млн руб. ссуд.

¹ ЦГИАД, ф. 1258, оп. 1, д. 197, л. 68.

² ЦГАДА, ф. 249, оп. 2, д. 6449, лл. 425—444.

Таким образом, организация государственного банковского кредита по существу была организацией кредита для дворянства, кредитованию же промышленности и торговля почти не уделялось внимания.

Учет векселей был налажен только в 90-х годах. Учетные или эсконтные кассы при Государственном Ассигнационном банке были открыты лишь в 1797 г. Они выдавали ссуды под векселя и под залог товаров.¹

Развитие капиталистического уклада в России постепенно отражалось и на деятельности кредитных учреждений страны: банки стали привлекать вклады, выпускать банковые билеты, налаживать учет векселей и выдачу ссуд под залог товаров и недвижимого имущества. Тем самым создавался более дешевый, чем ростовщический, кредит, способствовавший, хотя непоследовательно и крайне слабо, капиталистическому развитию страны.

Петербург во второй половине XVIII в. был одним из крупнейших экономических центров России.

Из данных о развитии промышленности Петербурга видно, как неумолимо вторгалась в русскую промышленность капиталистическая организация труда и техника производства: здесь был значительно выше, чем в других районах страны, процент наемных рабочих, в конце века целый ряд крупных предприятий оснащается паровыми машинами, оборудованием отечественного производства, начинает развиваться машиностроение. Здесь развивались новые для России отрасли производства (ситцелечатное и часовое дело, машиностроение), промышленность теснее связывалась с массовым потребителем, возрастал удельный вес легких отраслей производства. Все эти изменения в области промышленности происходили вопреки огромным трудностям, вытекавшим из феодально-крепостнического общественного строя России (связь с внутренним рынком, обеспечение предприятий рабочей силой и т. д.). Такое промышленное развитие Петербурга во второй половине XVIII в. несомненно имело большое прогрессивное значение для экономического развития всей России.

Петербург как главный морской порт огромной страны, обеспечивая во второй половине XVIII в. до $\frac{2}{3}$ всех оборотов внешней торговли по морским границам и свыше половины всех внешнеторговых оборотов страны, играл крупнейшую роль в развитии и укреплении экономических связей России с другими государствами, в укреплении всероссийского рынка.

¹ ИСЗ, т. XXIV, № 18275.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.

Вместе с ростом Петербурга как экономического и политического центра страны росла и численность его населения. В 1784 г., по данным 4-й ревизии, население Петербурга достигло 192 тыс. человек.¹ Ближе к этой цифре определял численность населения Петербурга в 1789 г. и А. Н. Радищев. «В Петербурге, — пишет он, — считая непременно оного жителями полки гвардии, адмиралтейских служителей, гарнизон, — почитается до 200 тысяч [жителей]». ² В 1800 г. численность населения определялась в 220 тыс. человек.³ Население Петербурга в 1750 г. составляло около 95 тыс. человек. Значит, за короткий срок в 34 года (от 1750 до 1784 г.) оно удвоилось.

Темп роста населения столицы был гораздо выше темпа роста населения страны в целом и до 1784 г. превосходил его в 3,5 раза.

В этом отразился общий рост городского населения, неразрывно связанный с углублением общественного разделения труда, отливом сельского населения в города. Естественно, что такой крупный промышленный и торговый центр страны,

¹ И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 169.

² Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева. Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 256 и 269. — Радищев писал в 1789 г. и, повидимому, ориентируясь на этот год, давал свою цифру.

³ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. Изданы при Мин. вн. дел, СПб., 1836, стр. 113.

каким был Петербург, особенно привлекал к себе сельское население и переселенцев из мелких провинциальных городов.

Цифры рождаемости и смертности по Петербургу за 1764—1796 гг. показывают, что естественный прирост населения в Петербурге в силу высокой смертности и малой рождаемости был очень низким.¹ По всей стране за 1762—1796 гг. средний прирост составлял 0,78% в год, а по Петербургу — только 0,34%. Значительно более высокая смертность в Петербурге по сравнению со всей страной объясняется в первую очередь тяжелыми условиями существования трудящихся масс города. Если исключить младенческие годы (от рождения до 3 лет), то наиболее высокий процент смертности в новой столице падал на возраст с 25 до 30 лет, т. е. на годы более напряженного труда.

Рост населения Петербурга за счет притока населения из областей страны во второй половине XVIII в. продолжался с не меньшей интенсивностью, чем в первой половине. В основном он шел из тех же районов, что и в 20—50-х годах XVIII в.

В конце XVIII в. Петербург по численности населения становится рядом с Москвой, несмотря на центральное положение Москвы среди населеннейших губерний империи, что, конечно, являлось ее важным преимуществом.² Петербург быстро и значительно перегоняет другие города страны. 5 городов, следующих по численности населения после Москвы и Петербурга, имели жителей в начале XIX в.: Вильно — 56 314, Казань — 53 907, Тула — 52 084, Астрахань — 37 820, Рига — 31 967.

Рост населения Петербурга за счет переселенцев определил необычное соотношение мужского и женского населения столицы. В 1789 г. в Петербурге было 68,3% мужчин и 31,7% женщин. Близкую к этому цифру мы имеем и в ведомости населения Петербурга в 1750 г.: 61,1% мужчин и 38,9% женщин. Если же для 1789 г. исключить военнослужащих, то процент мужчин повысится до 65,2, а женщины повысится до 34,8.³

Четко показанная ведомостью 1750 г. тесная зависимость количественного соотношения мужчин и женщин от их социального и экономического положения⁴ целиком приложима и к данным второй половины XVIII в.

Подавляющее большинство трудового люда, приходившего в Петербург на заработки, оставляло свои семьи на прежнем месте своего жительства, обычно

¹ «Essai sur les tables des mariages, des naissances et des morts de la ville St.-Petersbourg... par W. L. Krafft. Напечатано: 1) Acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae pro anno MDCCCLXXXII, т. I, СПб., 1786, стр. 19—20; 2) [Продолжение]. Nova acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae, т. IV, СПб., 1789, стр. 176—177 и 186; 3) [Продолжение]. Там же, т. VIII, СПб., 1794, стр. 227—233 и 4) [Продолжение]. Там же, т. XII, СПб., 1801, стр. 247—250.

² Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева. Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 257.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 170—172; см. выше гл. IV, стр. 103.

⁴ См. главу IV, стр. 104.

в деревне. Это относится не только к сезонным рабочим, но и к работным людям, переезжавшим в Петербург на постоянное жительство.

В распределении жителей по различным районам города как в отношении численности, так и социального состава сохранялась та же тенденция, которая наметилась еще в первой половине XVIII в.: привилегированное население концентрировалось по преимуществу в районах, расположенных по левому берегу Невы. Трудовой же люд постепенно оттеснялся на окраины столицы.

По новому административному делению столицы, введенному в 1782 г., население Петербурга по отдельным районам, или «частям», распределялось следующим образом:¹ три Адмиралтейские части, занимавшие сравнительно небольшую территорию, но с большим числом общественных зданий, учреждений, церквей, в 80-е годы включали около 41% всего населения. Наибольшая из них, 3-я Адмиралтейская, по населенности была самым многолюдным районом в городе: ее население составляло около 19% всех жителей столицы. Меньшая по территории 2-я Адмиралтейская часть включала около 12,5% населения. 1-я Адмиралтейская часть территориально была самой малой частью в городе, но в ней жило свыше 9,5% населения. Расположенная по реке Неве, она была застроена наиболее красивыми зданиями в городе. Три Адмиралтейские части во второй половине XVIII в. являлись центральными частями города, в них была расположена основная масса дворцов и дворинских и кунеческих особняков.

По степени застроенности и по плотности населения рядом с 1-й и 2-й Адмиралтейскими частями стояла Литейная часть. Ее население превышало 10% всего числа жителей Петербурга. Московская часть включала 13,6% всего населения столицы, уступая с этой стороны лишь 3-й Адмиралтейской части, но по площади превосходя ее в несколько раз. Застроенный только вблизи реки Фонтанки, этот район к югу переходил в пустыри и заболоченные места.

Рождественская часть, одна из самых малых по территории, была самой малой и по числу жителей (около 3% ко всему населению Петербурга). Значительное ее пространство занимала слобода Конторы строения домов и садов со служителями этого учреждения и многочисленными ремесленниками, строительными рабочими и т. д.

Общая численность населения Каретной-Ямской части, в которой жили преимущественно купцы и мещане, доходила до 9% всего населения столицы.²

Васильевская часть к 80-м годам XVIII в. была сравнительно густо заселенной только в пределах первых 16 линий и в районе Гавани, к которой прилегалала многолюдная Галерная матросская слобода. Между 16-й линией и Галерной слободой, к северу от Большого проспекта, простирались пустыри. Васильевостровская часть включала свыше 11% населения столицы.

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 64, 67—68, 110, 120 и 125.

² Там же, стр. 128, 133, 144 и 153.

Матросы. Гравюра Д. Аткинсона 1863 г.

Петербургская часть с населением преимущественно из ремесленного посадского люда, мелких чиновников, офицерского состава гарнизонных полевых полков и т. п. включала до 7,4% общего числа жителей столицы.

В Выборгской части, населенной ремесленниками, военнослужащими гарнизонных частей, и в Охтенских слободах жило около 5% всего населения столицы.

В описании Петербурга 90-х годов XVIII в., составленном И. Г. Георги, все население столицы разделено на две категории: «жителей, работою своею питающихся», и лиц «на жалованье состоящих». Автор описания в первую категорию, наряду с рабочими предприятий, ремесленниками, слугами и т. д., включил также и купцов. Численность «работою своею питающихся» определена им в 121 тыс. человек.¹ Из них мужчины 80 438 и женщины 40 457. Если из этого количества выделить купцов с их семьями (6,5—7 тыс.), то общее число трудящегося населения столицы будет превышать 114 тыс. Необходимо учесть, что из лиц «на жалованье состоящих», некоторая часть также принадлежала к трудящемуся населению. Это

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 169.

были нижние чины армейских и флотских частей и низший обслуживающий персонал двора и государственных учреждений.

Вторая категория, т. е. лица, состоящие на жалованье, включала военно-служащих, чиновников, духовенство. Сюда же отнесены и все дворяне. Численность этой категории достигала 71 тыс.

Основную массу населения Петербурга, таким образом, составляло его трудовое население. Рост населения столицы во второй половине XVIII в. шел прежде всего за счет роста численности его трудящихся масс. Наряду с мастеровыми и работными людьми крупных мануфактур и мелких предприятий, в составе трудящегося населения столицы было большое количество записанных и не записанных в цехи ремесленников, людей, обслуживавших торговлю и торговый порт, лиц, живущих мелким промыслом, как записавшихся в число «посадских людей», так и не состоящих в этой категории. Строительные рабочие всех специальностей, домашние слуги и многочисленная категория трудового люда, обслуживавшего нужды населения города в продуктах питания, топливе, воде, транспорте и т. п., составляли громадную по численности армию. Введенная в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» из всех категорий в качестве официально признаваемых «городских обывателей» выделяет лишь две: «вписавшихся в цехи» (мастеров, подмастерьев и учеников различных ремесел) и «посадских». К посадским относились «старожилы», или, как поясняет жалованная грамота городам, «поселившиеся и родившиеся, но в других частях обывательской книги не внесенны, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе».

В 60-е годы число посадских в Петербурге определялось в 2517 равных душ (т. е. душ мужского пола). Для 1790 г. у Георги число посадских людей определяется в 4939 человек мужского пола;¹ а обоего пола с семьями было до 10 тыс. человек. В эту сравнительно небольшую цифру посадских людей не включено население окраинных слобод (Охтенская слобода, Галерная матросская слобода, Ямские слободы и т. д.). Подавляющее большинство посадских относилось к трудящимся слоям населения столицы. Привилегированные или зажиточные «старожилы», как правило, попадали в купеческие гильдии. Георги указывает, что в 1789 г. в 56 русских цехах было 2106 мастеров, а вместе с подмастерьями, учениками и работниками — свыше 5600 человек, не считая иностранных ремесленников, которых было 1477 мастеров. При учете малосемейности столичных ремесленников мы все же получаем 10 тыс. человек зарегистрированных в цехах ремесленников с их семьями. Эти данные преуменьшены. Многие русские ремесленники не регистрировались в цехах или скоро оставляли их. Георги отмечает, что при очень большой фактической численности казашников и хлебщиков в цех записалось только 9 человек, а каменщиков — 5 человек. Совершенно не записались в цехи шорники, кожевники, сыромятники, клебары. Георги отмечает, что в Петер-

¹ И. Г. Георги, *ун. соч.*, стр. 238, 241—253.

бурге по причине пышности двора, цветущей торговли, богатства, господствующей роскоши ремесленники бывают богаче, ведут лучшую жизнь, нежели ремесленники во многих других столицах.¹ В этом следует искать причину большого притока в Петербург ремесленников-иностранцев, притока, поощрявшегося правительством. Иностранцы работали главным образом в цехах, обслуживавших не широкий рынок, а привилегированные слои населения столицы, — золотом, серебром и галантерейном, живописном, часовом, карточном и т. д.

Социальный состав не зарегистрированных в цехах ремесленников был пестрым. Среди них встречались солдаты, матросы, посадские люди, включая и купцов, экономические и государственные крестьяне и т. д. Но подавляющая масса их состояла по преимуществу из помещичьих крестьян.

Определить общую численность рабочих на петербургских мануфактурах невозможно, так как количество населения официальной статистикой учитывалось не по классовому признаку, а по сословному, и рабочие промышленных предприятий не выделялись в особую категорию. Сведения о численности рабочих на отдельных предприятиях и суммарные данные по некоторым отраслям легкой промышленности, далеко не полные, приведены выше, в главе IX об экономической жизни Петербурга во второй половине XVIII в. Ориентировочно количество рабочих может быть принято для 80-х годов в 5,5—6 тыс. человек.

Основная масса мастеровых и рабочих людей на петербургских мануфактурах состояла из крестьян. Многие казенные предприятия пополняли состав своих рабочих за счет рекрутского набора (Пушечно-литейный двор, Стекло-зеркальный завод). Некоторые заводы использовали в качестве рабочей силы крестьян, приписанных к этим заводам (Охтенские пороховые заводы, Адмиралтейство). Крестьянами были и наемные рабочие, работавшие на казенных и частных предприятиях Петербурга. Во второй половине XVIII в. в связи с развитием товарных отношений в стране, вытекавшим сюда стремлением помещиков увеличить доходность своих имений и заметным усилением расслоения крепостной деревни усилился приток оброчников-крестьян в столицу. Помещики северо-западных и центральных, т. е. по преимуществу оброчных, губерний с большой охотой отпускали крестьян на заработки в столицу. Об этом притоке крестьян-оброчников в Петербург говорит все увеличивающееся количество паспортов, регистрируемых отходниками в петербургской Управе благочиния (в полиции). Значительное число рабочих на петербургских мануфактурах из оброчных крестьян являлось естественным следствием господства в стране крепостнических отношений. Но такой состав рабочих создавал серьезные затруднения в развитии промышленности Петербурга, как и всей страны. Прежде всего оброчный крестьянин не был постоянным работником на предприятии, что затрудняло воспроизводство квалифицированной рабочей силы. Это не исключало того, что среди явившихся на заработки в столицу были

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 233.

квалифицированные специалисты. Они входили в число постоянных рабочих крупных и средних производств. Но эта часть из общего числа 105—110 тыс. ежегодно регистрируемых в столице приходящих с паспортами была невелика. Затем, как ни низко оплачивался труд такого крестьянина, все же в его заработную плату входил и оброк, который он должен был уплатить помещику. Мануфактуристы стремились создать на своих предприятиях постоянные и еще более дешевые кадры рабочей силы. Некоторые возможности в этом отношении открывало ученичество. В «Санкт-Петербургских ведомостях» печатались объявления с приглашением посылать детей на фабрики для обучения с обязательством по контракту работать на фабрике после обучения еще некоторый срок. Старались привлечь учеников гарнизонных школ, состоящих, как правило, из солдатских детей. В отношении широкого использования детей в качестве рабочей силы выделялись два крупных предприятия, возникшие в самом конце XVIII в.: полотняная мануфактура Удельного ведомства (на внешней Петроградской стороне), открытая в 1797 г., где работало до сотни мальчигов и девочек Петербургского воспитательного дома, и Александровская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура.

В Петербурге были предприятия, в которых, как в вотчинных мануфактурах, применялся труд крепостных помещичьих крестьян. Такой была шелковая чулочная фабрика Ягужинского, на которой одно время работало до 250 его крепостных крестьян.¹ На фарфоровом заводе полковника Василия Шкуркина обеспечение завода топливом и сырьем производилось из его собственного имения крепостными крестьянами, они же выполняли и более трудоемкие работы.

Несмотря на это, число вольнонаемных рабочих на предприятиях Петербурга во второй половине XVIII в. все возрастало и намного превышало число крепостных рабочих. Петербург в это время был тем промышленным центром, в котором доля вольнонаемных рабочих была значительно выше, чем в других районах страны.

Крепостнический строй оказывал свое влияние на условия трудовой деятельности, быт и материальное обеспечение мастеровых и рабочих людей Петербурга. Немногочисленные дошедшие до нас отрывочные сведения об условиях труда на предприятиях рисуют их в таком виде. На отдельных крупных мануфактурах существовали помещения, где мог жить рабочий. Упомянутая шелковая чулочная фабрика Ягужинского (на 23-й линии Васильевского острова) имела, кроме всяких производственных и служебных построек и сооружений, «14 связей жилых», 3 сарая, баню и т. д. «Жилые связи»² — это домики в 2—4 комнаты для рабочих. Большие площади, занимавшиеся некоторыми предприятиями, позволяли без больших затрат возводить нехитрые избы для рабочих. Так, ситцевая фабрика Броувера занимала участок свыше 3 га; на очень обширной территории была расположена и полотняная фабрика начальника Тайной канцелярии Ушакова, перешедшая в 60-х

¹ П. Н. Столянский. Жизнь и быт Петербургской фабрики за 250 лет ее существования. Л., 1925, стр. 67—69.

² Там же, стр. 69, 75 и 76.

годах к купцу Ив. Чиркину. При казенных предприятиях, как правило, имелись жилые помещения для рабочих; такие были при обширном Пушечко-литейном дворе, при пороховых заводах на Охте (шесть слобод), Стекло-зеркальном заводе (две слободы), полотняной мануфактуре (8 домов для жилья рабочих) и т. д. На большинстве их условия жизни и труда рабочих приближались по характеру к казарменным условиям воинских частей. На мелких частных предприятиях рабочие часто жили там, где и работали. Начинаясь с рассветом, в 5—6 часов утра, и продолжавшийся до 7—8 часов вечера с перерывами на завтрак и обед рабочий день, скученность в малом помещении, большое физическое напряжение, отсутствие мер против вредности многих производств — таковы были чрезвычайно тяжелые условия труда на мануфактурах. В таких же условиях работали и дети. Нищенская заработная плата и отсутствие жилья приводили к тому, что значительная часть рабочих вынуждена была жить в Петербурге без семей, оставляемых в деревнях. Фактически в крупном производстве существенного различия между крепостным работным человеком и наемным рабочим не было. Производ и бесправие царили на мануфактурах Петербурга в такой же мере, как и на любой вотчинной мануфактуре, где работали крепостные люди владельца. Это, конечно, не исключало того, что положение квалифицированного рабочего, мастера было лучше, но и оно определялось лишь волей хозяина и его заинтересованностью в квалифицированной силе.

Сравнительно немного рабочих было занято в торговом порту: общее их число достигало 150—200 человек. Для приема и хранения товаров в таможенные существовали особые артели численностью от 40 до 60 человек каждая.¹

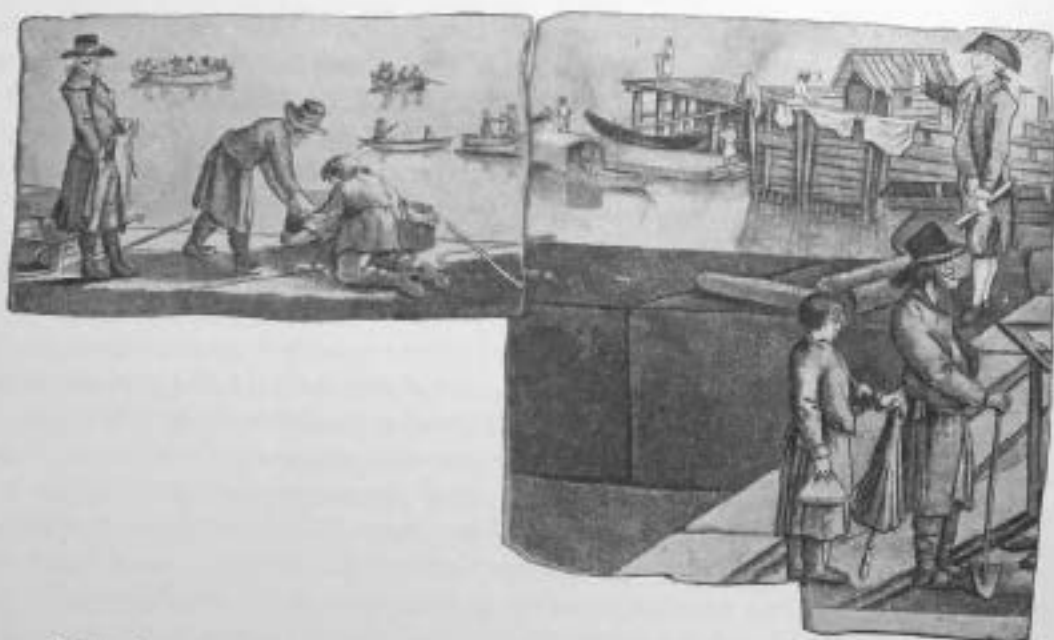
Подвешивающее большинство регистрируемых в полиции отходников было занято на строительных работах. Вторая половина XVIII в. была временем усиленного строительства в Петербурге дворцов и богатых дворянских особняков.

Современники определяют для отдельных лет число строителей в Петербурге в 40 тыс. человек.² Эти сезонные рабочие из крестьян разных губерний приходили в Петербург чаще весной, чтобы по окончании строительного сезона уйти к своим семьям. Строительные работы частично велись и зимой: многие тысячи пяти-, шестиметровых свай, укреплявших невские берега и служивших основанием для их гранитной одежды, забивались зимой на льду. Число работавших каменщиков и каменотесов ежегодно доходило до 5 тыс. чел.³ Большинство каменотесов, тесавших, пиливших, полировавших гранит, яшму, порфир и другие камни, было из олонечских крестьян. Указ, изданный Елизаветой Петровной в связи с началом строительства Зимнего дворца, требуя высылки в Петербург всех квалифицированных строителей, в том числе и работавших по вольному найму, особо

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 207.

² В. А. Вильбасов, История Екатерины II, т. XII, ч. 1. Берлин (1896), стр. 467—468.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 248.

*Постройка гранитной набережной. Фрагменты гравюры Г. И. Скородумова
86-х годов XVIII в.*

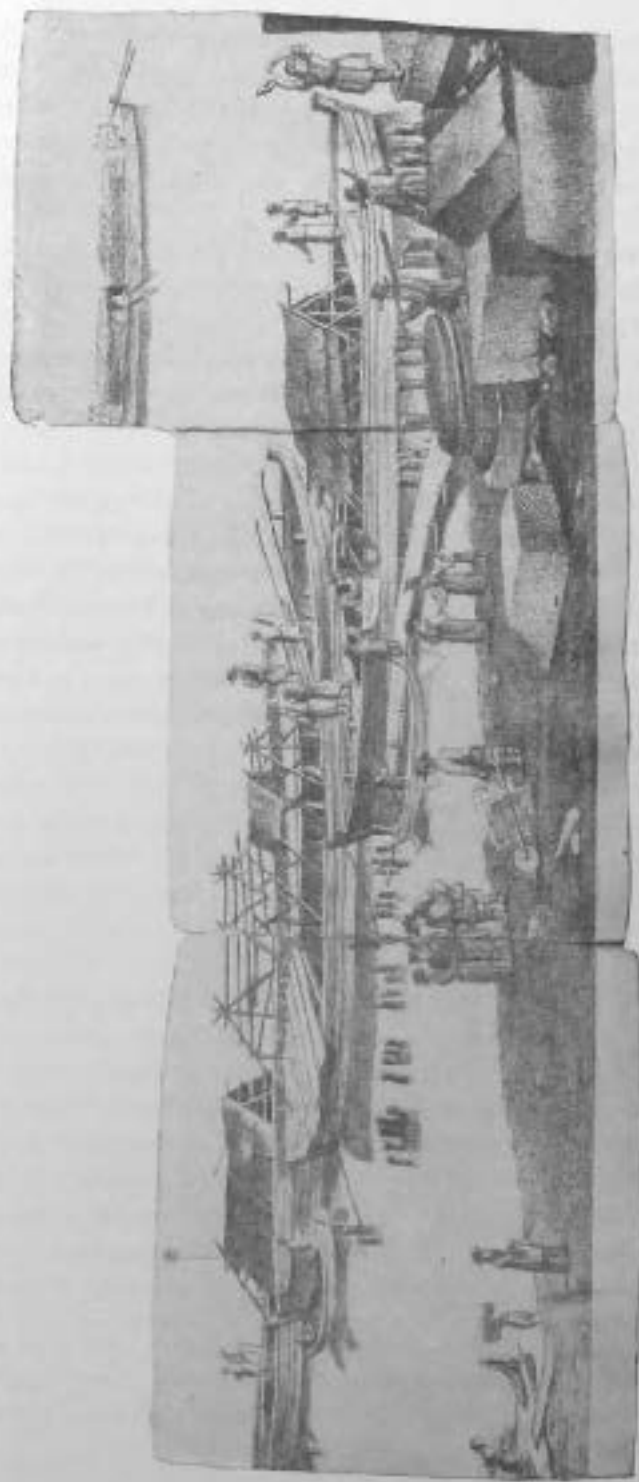
указывал на каменщиков Ярославля и Костромы.¹ В Москву тогда был послан гвардейский офицер со специальной задачей набрать 1000 штукатуров, а Ярославскому магистрату угрожали штрафом за укрывательство штукатуров и каменщиков. Характерной стороной организации работ во второй половине XVIII в., как и раньше, оставался подряд. В строительстве особо сдавались подряды на работы каменщиков, штукатуров, столяров, плотников, кровельщиков. Подрядчики заготавливали и доставляли нужные строительные материалы. На них же лежала вербовка рабочей силы.

Строители, как правило, работали артелями, создававшимися чаще из земляков, т. е. крестьян одной губернии или уезда, и в то же время лиц одной специальности.

Между заказчиком и артелью выступал подрядчик, и артель имела дело лишь с ним. Стремление подрядчика выжить за счет артели встречало сопротивление организованного артельного коллектива. По условиям найма обеспечение питанием чаще возлагалось на подрядчика. Плохое питание и трудные условия работы, обман при расчетах бывали причинами постоянных конфликтов между рабочими и подрядчиками.

Обычно никто не заботился о жилище для строителей, тем более что подавляющее большинство их работало весной и летом. Жили они по-бывачному. Кое-как

¹ ПСЗ, т. XIV, № 40373.

Постройка гранитной набережной. Фрагменты гравюры Г. И. Скоробумова 80-х годов XVIII в.

сколачивали из подручного материала нехитрые хибарки, служившие очень слабым укрытием от пожда, ветра и стужи. Так, например, при строительстве Зимнего дворца (1756—1761 гг.) огромный зуг перед дворцом и Адмиралтейством был сплошь загроможден «множеством хибарок, избышек, шалашей и сарайчиков, в которых жили мастеровые, строившие дворец, и помещались строительные материалы».¹

Одновременно со строителями тысячи людей были заняты заготовкой, производством и транспортерской строительным материалам: сплавщики, плотосны, рабочие на баржах, шильщики, каменотесы, каменщики.

Грандиозные сооружения и многочисленные высокого художественного достоинства здания являются лучшим показателем высокого искусства и огромного труда, вложенного русскими рабочими в строительство Петербурга. При несовершенной технике много изобретательности, смекалки и искусства было внесено в строительство гранитных набережных со спусками-лестницами к воде, с перилами, скамьями, беседками из тесаного камня, с пристанями для судов. Русскими строителями и транспортниками была решена и выполнена (в 1769—1771 гг.) по тому времени очень сложная задача по перевозке из района д. Лахта на Сенатскую площадь огромной скалы для памятника Петру I. Камень, весивший около 10 тыс. пудов, был доставлен целым и без аварий. Отделка дворцов различными сортами камня, украшения, скульптурные работы, художественная резьба по дереву — все это свидетельствовало о больших достижениях русских строителей, крепостных крестьян, о наличии высоких дарований в народных массах. Современник, далеко не склонный преувеличивать достоинства русских строителей или умалять качества иностранцев, говорит о достижениях охтенских плотников и рабочих по обработке черного и красного дерева и о «российских архитекторах, кои здесь почти все искусные художники, а не так, как в иностранных землях, где они бывають часто искусные только ремесленники».²

Продовольствие, топливо, фураж доставлялись в Петербург по водным путям и гужом по грунтовым дорогам, особенно зимой, когда устанавливался самый путь. В помещичьи дома тянулись обозы со всякой живностью. В обеспечении города продовольствием и фуражом большую роль играло пригородное сельское население. Огородники, или зеленщики, жили в пригородах столицы и ее предместьях. Обилие водоемов около Петербурга и внутри города давало возможность заниматься ловлей рыбы для сбыта ее на столичном рынке. В столице было большое число разносчиков, торговавших с лотков овощами, зеленью, рыбой, пирогами, сбитнем. На рынках женщины торговали всякой снедью. Большая часть этих людей были или крестьяне, или жены, или вдовы солдатские.

¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. II, СПб., 1871, стр. 191. — В 1762 г. с разрешения генерал-полковника толпа нуждавшихся в дровах и стройматериале в один сутки развела эти сооружения.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 231 и 249.

В большом городе, раскинувшемся на широком пространстве, важную роль играл внутригородской транспорт. В Петербурге он был представлен зарегистрированными в полиции и уплатившими 2-рублевый сбор извозчиками. В 1757 г. (год Семилетней войны), в связи с недостатком фуража в столице, число извозчиков было ограничено 2 тысячами, но через 2 года это ограничение было отменено. В 1789—1790 гг. их число достигало 4600 человек.¹ Были извозчики и для перевозки вещей и тяжестей. При большом числе рек и каналов и малочисленности постоянных мостов через них большую роль играли лодочники и перевозчики. В 1789 г. было 17 перевозов, сдававшихся городом на откуп. Важное значение имело строительство лодок-шлюпок. Этим делом издавна занимались плотники Охтенской слободы и матросы Галерной гавани. Разводка мостов требовала содержания специальных команд. Были и фонарщики для зажигания фонарей (фонарей в Петербурге в 80-х годах насчитывалось свыше 3 тысяч),² фурманщики для очистки улиц, существовал и пожарный обоз (236 извозчиков по штату при 336 лошадях) и т. д.

Бытовые нужды зажиточного населения обслуживались многочисленными слугами, прежде всего дворовыми крепостными. В богатых дворянских семьях было небольшое число слуг из иностранцев. Некоторая часть крестьян, проживавших по паспортам, работала в качестве наемных слуг в купеческих и дворянских домах.

В петербургском доме известного богача гр. Кирилла Разумовского большинство людей получало жалованье по 3—7 руб. в месяц (многим давалось еще платье или деньги на его приобретение); камердинеры, швейцары, скороходы, садовники и пр. получали более высокое содержание — от 9 до 33 руб. в месяц;³ вероятно, главные служащие были не крепостные. Дворовые же у кн. В. М. Мещерского получали: мужчины 3—6 руб. в год, женщины 2—4 руб. в год; мужчины еще получали месячины 2 четверика муки (и на жену $\frac{1}{2}$ четверика), харчевых по 3 деньги (я жене 3 полушки) на день, круп в год 3 четверика и капусту для щей.⁴ Все это вместе взятое далеко не обеспечивало достаточного питания.

Часто только одно тщеславие толкало помещика на увеличение двора. В огромных роскошных дворцах, в дворянских особняках, как правило, забывали о жилых помещениях для массы дворовых слуг. У них не было не только своего угла, но и места для отдыха и сна. Дворовые слуги ютились кой-где в служебных помещениях дома, спали в коридорах, в передних, сенях и т. п. Людские помещения, если они были выделены, как правило, находились в подвальных этажах.

Браки господских слуг часто запрещались хозяевами. Материальная необеспеченность и перспектива нищенской жизни детей заставляли и самих слуг отка-

¹ Ф. Туманский. Российский магазин, ч. 2. СПб., 1793, стр. 161.

² Там же, стр. 164.

³ В. И. Семеновский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 157.

зваться от семейной жизни. Показная культура во многих дворянских домах не мешала бесчеловечному обращению хозяев с их слугами. Жестокое наказание дворовых было обычным явлением в дворянском Петербурге. Если дома было негде или некому подвергнуть дворового телесному наказанию, то помещику в этом деле приходила на помощь полиция: крестьян пороли в «съезжих избах», которые существовали в каждом районе города.

Тяжелое положение крепостных слуг ярко обрисовано в «Плаче холопов» — стихотворении неизвестного автора из крепостных, написанном в 60-х годах XVIII в.:

О горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем как их свирепству служить!..

Знать мы все бесчастьем на свет рождены,
Что под власть таким тиранам во век утверждены...

Не выходит из голов господский страх,
Будто невидим сидит за плечами враг...¹

Самым позорным и вместе с тем ярче всего характеризующим дворянско-крепостнический Петербург обычаем была широкая открытая торговля людьми в одиночку и семьями. «Санкт-Петербургские ведомости» нередко помещали объявления о продаже людей. «Некто, отъезжая из С.-Петербурга, продает 11-летнюю девочку и 15-летнего парикмахера, за которого дают 275 рублей, да сверх того продают столы, 4 кровати, стулья...»² «Продается лет 30 девка и молодая гнедая лошадь. Их видеть можно у Пантелеймона против мясных рядов в Меншуткином доме у губернского секретаря Иевлева».³ «Из двух доброго поведения и особенно ходить за детьми способных женщины одна пожилая продается, а другая средних лет отпускается в наймы; об оных спросить в 7-й линии, в доме № 153, где также потребна в собеседницы к больной и для присмотра в доме благородная дама».⁴

Продавалась женская прислуга, продавались взрослые мужчины и мальчики различных профессий, нередко появлялись объявления о продаже целых семейств.

Будущий декабрист Н. И. Тургенев в 1819 г. писал: «Известно, что прежде лет за 40 перед сим торг сей простирался до того, что в С. Петербург привозили людей целыми барками для продажи».⁵

Особую и притом немалую по численности группу населения Петербурга составляли члены семей военнослужащих. Военные уставы⁶ разрешали солдатам и

¹ История русской литературы, т. IV, ч. II. М.—Л., 1947, стр. 311—315.

² Санкт-Петербургские ведомости, 1796, № 73.

³ Там же, 1796, №№ 90 и 91.

⁴ Там же, 1796, №№ 95 и 96.

⁵ Николай Тургенев. Не что о состоянии крепостных крестьян в России. Записка. 1819 г. Архив бр. Тургеневых, вып. 5, Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, стр. 425.

⁶ В том числе и воинский устав 1796 г. (ПСЗ, т. XXIV, № 17588).

матросам иметь при себе жен и детей, которые могли жить при воинской части, в военных слободах и на квартирах у гражданского населения, получая пайк натурой из муки и крупы.

Тяжелой была судьба солдатских жен. Следуя за мужьями, они подвергались всем тяготам необеспеченной солдатской жизни. Армейские полки часто перемещались. Нередки были случаи, когда во время военных походов жены солдат и матросов, отставая от воинской части и мужа, задерживались в каких-либо городах вместе со своими детьми. Полиция ловила их как шатающихся, просящих милостыню, привлекала к ответственности за нарушение порядка. Закон предписывал насильно направлять таких женщин на фабрики и заводы. Факты подобного издевательства над семьями солдат — живые страницы быта Петербурга в XVIII в.

Беспомощными и беззащитными оказывались семьи умерших и отставных солдат. В отставку направляли лишь полных инвалидов. До 1764 г. их содержали за счет монастырей и в богадельнях с нормой отпуска по 2 копейки в сутки на человека.¹ В Петербурге в 1764 г. жило в богадельнях отставных солдат, их жен, солдатских детей 1972 человека.² В 1765 г. в богадельнях было оставлено 1042 человека «самых дряхлых, увечных и пропитания не имеющих ... в службе государственной бывших мужчин 362, женщины 654 и детей 26». Из мальчиков, детей солдат, комплектовались гарнизонные школы. В 1797 г. учащиеся гарнизонных школ вошли в Военно-сиротский дом, штат которого для Петербурга определялся в 1500 человек. Часть солдатских детей направлялась на фабрики и заводы.

Солдат и унтер-офицеров, полностью не пригодных к строевой службе, переводили или в гарнизонную часть, или зачисляли в различные команды: для надзора за мостами, для содействия при взимании налогов, сборов, для охраны учреждений и т. п. Такие команды при учреждениях сенатских, синодских, при коллегиях, при таможне, верфи, банках составляли свыше 1½ тыс. человек.³ Материальное обеспечение их было самым ничтожным.

* * *

Зарождение капиталистического уклада в недрах феодальной экономики страны являлось той основой, которая приводила к вытеснению разорявшегося крестьянства в города. Трудящееся население Петербурга в значительной мере росло за счет этого разорявшегося крестьянства. Но деревня выделяла не только массы трудящегося люда — она выделяла и эксплуататорскую верхушку. В составе населения столицы этот процесс также нашел отражение.

¹ ПСЗ, т. XV, № 11241. — В монастырских богадельнях 1 коп. на человека и четверик муки в месяц.

² ПСЗ, т. XII, № 12334.

³ Ф. Туманский, ук. соч., ч. 2, стр. 365.

Вторая половина XVIII в. в истории Петербурга характеризуется значительным развитием его торговли и промышленности, ростом оборотов торгового порта. Это, естественно, должно было найти отражение в жизни купечества. К купечеству в то время относились не только торговцы, но и владельцы промышленных предприятий и всякого рода другие предприниматели, обладавшие крупным капиталом. С большей степенью вероятности можно полагать, что в Петербурге в начале 50-х годов XVIII в. купцов вместе с их семьями было около 3 тыс. человек.¹ К 1790 г. численность купеческого сословия в Петербурге определялась в $6\frac{1}{2}$ —7 тыс. человек, т. е. за вторую половину XVIII в. возросла примерно в 2,5 раза. Собственно купцов (без семей) в Петербурге было в 1790 г. 1730 человек.² Число торговавших в Петербурге фактически было значительно большим, так как не все торговцы могли записаться в купеческие гильдии. Это относится прежде всего к крепостным крестьянам, которые нередко вели в столице крупную торговлю, участвовали даже в экспортных операциях, однако в силу своего крепостного состояния они не могли записаться в купечество. Численность таких торговцев не поддается учету. В числе торговавших в Петербурге купцов находились также иногородние и иностранные купцы. В сведениях на 1780 г. указывается 37 иногородних купцов, хотя их было, несомненно, больше. Сживаясь со столичным рынком, часть из этих иногородних купцов переходила в столичное купечество, оседала в Петербурге. В том же 1780 г. в Петербурге жило 94 иностранных купца и до 32 иностранцев, записавшихся в петербургское купечество. Сумма всего объявленного этими купцами на 1790 г. капитала исчислялась в 4 310 444 руб., а выплачиваемый купцами налог с капитала равнялся 43 104 руб. 44 коп.³ По другим данным, за 1786 г. вся сумма объявленного капитала была равна 5 937 729 руб., а выплачиваемый налог — 59 377 руб. 29 коп.

Значение купечества в экономической жизни столицы по сравнению с первой половиной XVIII в. неуклонно повышалось. Это особенно ясно выступает в описаниях предпринимательской деятельности некоторых представителей столичного купечества во второй половине XVIII в. В 50—60-х годах в Петербурге приобрели большую известность такие купцы и предприниматели, как Савва Яковлев. Рядом с ним можно назвать купцов Шемякина и Бармена, взявшихся поставить и перевезти из Петербурга морем провиант для армии в 1759 г. Шемякин был некоторое время владельцем Аничковского двора. Купец Чиркин, родом из Серпухова, занимался также подрядами по государственному сборам, был директором компании по цитейным сборам и ластовой компании (по перевозке товаров из Кронштадта в Петербургский порт), имел на Васильевском острове пивоваренные и солодовенные заводы. Ольхин — содержатель главных мостов через Неву,

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, Примечания, стр. 64: в 1753 г. записано в оклад купцов 1484 человека, а всего с семьями до 3000 человек.

² И. Г. Георгия, ух. соч., стр. 221.

³ Там же, стр. 218, 221.

владелец фабрик — был главным вкладчиком русской компании мореходных судов.

Правительство, учитывая большую силу и значение купечества, оказывало ему всяческое внимание. Представители купечества приглашались для участия в торжественных праздничных церемониях, принимались Екатериной II в дни празднования Нового года, Пасхи. Маскарады при дворе устраивались для дворянства и златого купечества. Верхушка купечества сближалась с правящим классом, отдельные представители купечества переходили в ряды потомственного дворянства. Купечество в это время играло первостепенную роль в экономической жизни новой столицы.

На рынках столицы мелкую торговлю вели посадские люди, ремесленники, крестьяне. Они же были владельцами мелких предприятий, участвовали в подрядах и поставках.

Рост купечества на протяжении как первой, так и второй половины XVIII в. шел за счет притока в Петербург купцов и посадских людей из других городов. Очень часто купец, уже прочно вошедший в торговую и предпринимательскую жизнь Петербурга, все еще продолжал именоваться серлуковским или ярославским купцом. Среди владельцев промышленных предприятий Петербурга в 1794 г. упоминаются: любимский купец Иван Милос, каргопольский купец Иван Темничья, ржевские купцы Козьма Погайкин и Петр Сазонов, ларвский купец Иван Лидерс, тульский купец Иван Сушкин.¹ Купечество пополнялось и за счет крестьян; податным крестьянином был сначала Савва Яковлев. Среди владельцев мануфактур столицы ведомость 1794 г. указывает 5 помещичьих крепостных и одного экономического крестьянина.² Купечество могло расти и за счет посадского населения или ремесленников самого Петербурга.

Усиление экономической мощи купечества во второй половине XVIII в. немало беспокоило дворянство. Представитель реакционной части дворянства кн. М. М. Шербаков с особым вниманием следил за ростом купечества и усилением его. Его выступления, как выступления и некоторых других дворянских депутатов в Комиссии по составлению Нового уложения, были направлены к запрещению купечеству приобретать крестьян, владеть промышленными предприятиями и т. д. Охраняя привилегии дворянства, его сословную замкнутость, правительство считало необходимым проводить резкое сословное разграничение и в бытовой обстановке жизни сословий. Наружный вид купеческих домов должен был отличаться от дворянских. Купец не мог иметь столь пышный выезд, какой имел потомственный

¹ Сб. РИО, т. 1, СПб., 1837, стр. 352—361.

² Там же, стр. 354—360: Ерофей Тимофеев, крепостной крестьянин Валуева, владелец басонной фабрики; Семен Григорьевич Борзи, крепостной графа Н. П. Шереметьева, владелец пробочной фабрики; Тимофей Озеров, крепостной крестьянин Ланского, Василий Сидоров, крестьянин помещицы Нестеровой, экономический крестьянин Егор Кондратьев, Василий Самойлов, крепостной крестьянин В. Г. Орлова — владельцы свечных заводов.

дворян: кушмам 1-й гильдии дозволялось садить по городу в каретах парю, 2-й гильдии — только в колеске парю, а кушмам 3-й гильдии запрещалось садить в карете и впрягать более одной лошади. Не подобные ограничения не исключали призвания за кулечеством важной роли в экономической жизни страны, и правительство проводит ряд мер, способствующих усилению роли кулечества. К таким мерам относилась отмена ряда торговых и промышленных монополий, разрешение в 1775—1777 гг. свободно открывать промышленные предприятия, протекционизм в области внешней торговли и некоторые другие мероприятия.

Заметно оживилась в Петербурге во второй половине XVIII в. деятельность особой группы предпринимателей — подрядчиков. Закрытие подрядом не было связано с какой-либо сословной принадлежностью. Подрядчиком мог быть и купец, и посадский человек, и крепостной крестьянин. «Санкт-Петербургские ведомости» нестрили объявлениями о подрядах на поставку дров, строительных материалов, продовольствия и обмундирования, на поставку рабочей силы, на обслуживание транспортом и т. п. О численности подрядчиков не сохранилось никаких сведений, но, учитывая многообразие работ, осуществлявшихся через посредство подрядов, следует полагать, что они составляли значительную группу в среде буржуазного населения столицы.

Но, конечно, не буржуазные элементы играли первенствующую роль в жизни Петербурга. Петербург являлся столицей дворянской самодержавной империи. Это определяло сосредоточение здесь наиболее влиятельных слоев дворянства. Дворянство направляло течение и распорядок жизни Петербурга, подчинило своей воле и своим потребностям жизнь других категорий населения столицы.

«Манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству» (1762 г.) освободил дворян-помещиков от основной их обязанности по отношению к государству — от обязательной службы. Жалованная грамота дворянству Екатерины II (1785 г.) подтверждала все ранее объявленные дворянские привилегии, в том числе и полную свободу от государственной службы. Но перелом в отношении к государственной службе не как к обременительной повинности, а как к источнику власти и обогащения наметился среди дворян еще в первой половине XVIII в. В Петербурге находился двор, центральные государственные учреждения, гвардия. Служба при дворе, в гвардейских полках, равно как и в некоторых столичных государственных учреждениях, была легкой необременительной службой, и потому дворянство тянулось в Петербург.

Жизнь двора непосредственно захватывала лишь наиболее аристократические круги дворянства. Штат высших придворных чинов — камергеров, камер-юнкеров, статс-дам, фрейлин, генерал-адъютантов, флигель-адъютантов и т. п. — состоял в 80-х годах из 175—200 человек; средний и низший персонал, обслуживающий двор, по сведениям на 1792 г. был определен в 2336 человек.¹ Придворный конюшен-

¹ Ф. Туманский, ук. соч., т. 2, СПб., 1792, стр. 356—362.

ный двор имел в 1792 г. 3000 служителей с семьями,¹ егерский корпус (дворцовая охотничья служба) обслуживался тысячей с лишним людей. Среди средних и особенно низших придворных служителей было, конечно, много лиц не дворянского сословия.

Высшие придворные, особенно принадлежавшие к интимному кругу императрицы или императора, пользовались большим влиянием и на дела политики и на распределение царских милостей и наград. Значение этих лиц выходило далеко за пределы придворной службы. Их помощью и поддержкой пользовались многие провинциальные дворяне, приезжавшие в Петербург для решения тяжобных дел, для получения выгодного места и т. п.

Жизнь двора связывалась с огромными тратами на блеск и на «милости» разного рода людям. В 1763 г. расходы на двор равнялись 1648 тыс. руб., или 9,5% государственного бюджета, а в 1796 г. уже 8760 тыс. руб., или 11,8% государственного бюджета.² Расточительность двора наносила большой ущерб государственным финансам. Царствование Екатерины II ознаменовалось чрезвычайно крупным дефицитом в государственном бюджете и быстрым ростом государственного долга заграничным банкам. Особенно показательны для дворянской империи XVIII в. огромные траты на содержание фаворитов, на роскошь, какой окружались эти «люди случая».

Фаворитизм у русских императриц так прочно вошел в жизнь двора, что при Екатерине II появление новых фаворитов, сопровождавшееся возведением их в придворный ранг, денежными наградами, пожалованием имений с крепостными крестьянами и т. д., воспринималось как официально признанное явление. Щедро одаривались и некоторые вельможи, занимавшие руководящие государственные посты. И в то же время нехватало денег на просвещение. Правительство сокращало число мест в богадельнях для инвалидов, для солдатских жён, вдов и детей, на содержание которых отпускалось лишь по 2 коп. на человека в сутки «на все».

Вторая половина XVIII в., особенно время царствования Екатерины II, была периодом наибольшего блеска в жизни «первенствующего» сословия самодержавно-крепостнической монархии. Ряд современников подчеркивает дворянское тщеславие, проявлявшееся в пышности выездов, богатой отделке карет, большом числе слуг и т. п. Выезды дворян регламентировались особым указом Екатерины II: для лиц первых пяти классов, т. е. для высшей чиновной или военной знати, разрешался выезд цугом (шестерка лошадей в три пары друг за другом), причем вельможи 1-го и 2-го классов могли ездить с двумя форейторами (т. е. с двумя всадниками впереди), для лиц 6 и 8 классов — четверкою, а для обер-офицеров — парюю.³

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 171.

² И. Д. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906, стр. 282—283 и 304—305.

³ ПСЗ, т. XX, № 14209.

Сетующий на «повреждение правого дворянства» кн. М. М. Щербатов обращает особое внимание на огромные расходы дворян, связанные с стремлением превзойти и затмить друг друга роскошью. Застрельщиками здесь были те, кто беспредельно щедро одаривался за счет государственной казны. Десятки и даже сотни слуг обслуживали дворян — владельцев домов-усадеб и особняков. В петербургском доме гр. Кирилла Ралумовского было до 190 человек прислуги, да в четырех других его домах (в Мурзинке и на Крестовском острове) — 38, не считая 31 человека, состоявших при детях, всего 259 человек.¹ Числом слуг определялось богатство и знатность хозяина. Богатые и знатные дворяне, кроме дворецких, конюших, камердинеров, лакеев, буфетчиков, поваров, горничных, белошвейк, прачек, судомоек, часто имели до нескольких десятков ливрейных слуг в кучерах, вершниках, скороходах, гайдуках, гусарах, швейцарах, егерях.²

В помещичьих домах среднего достатка число слуг достигало 10—15 человек. Крепостных слуг имели и дворяне-гвардейцы из унтер-офицерского и рядового состава полков. Считалось естественным, что за мальчиком или юношей дворянином присматривал и ухаживал крепостной слуга даже во время пребывания его в учебном заведении. Такие слуги состояли при кадетах в Сухопутном шляхетском корпусе. Когда на долю гвардейцев, охранявших и обслуживавших дворец, выпадало выполнение некоторых черных работ, то эту работу делали за своих господ их слуги.

Значительное число дворян Петербурга служило офицерами в гвардейских и армейских полках, расположенных в столице. По данным о численности военнослужаших и их семей в столице в 1789 и 1792 гг., составленным Управой благочиния, видно, что число военнослужаших с семьями в 1789 г. доходило до 52 тыс., а в 1792 г. было свыше 56 тыс.³

Военнослужашие с их семьями составляли около 25% всего населения столицы. Содержание большого числа войск в столице вызывалось не только охранением ее положением и особой важностью северо-западной границы, правительство было обеспокоено сосредоточением большого количества обездоленного трудящегося люда в самой столице и, конечно, стремилось иметь непосредственно под рукой достаточную военную силу.

Дворцовые перевороты XVIII в. выдвинули на первый план гвардию как организованную вооруженную силу дворянства. Гвардия тесно сжилась с императорским двором, с главой государства, являясь его опорой и защитой. Во второй половине века постоянно находились в Петербурге все четыре полка гвардии: Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный. Гвардейские полки размещались в тех своих четырех слободах, которые были выстроены в 1740—1743 гг.⁴

¹ В. И. Семевский, *ук. соч.*, стр. 142.

² И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 608.

³ Там же, стр. 170—172.

⁴ См. главу IV, стр. 114.

Гвардия отличалась от всех других войсковых частей своим социальным составом: в гвардейских частях не только офицеры, но и большая часть солдат была из дворян.

В гвардию зачислялись солдатами и люди податного сословия. Эта часть гвардейцев, не пользовавшаяся льготами и привилегиями гвардейцев-дворян, несла основную тяжесть военной службы. Продвижение по службе этих солдат было очень затруднено. Закон разрешал производство их в офицеры лишь при условии 12 лет выслуги в унтер-офицерском звании и только по личному распоряжению императрицы. Число солдат гвардейских полков из податных сословий было незначительным и не нарушало дворянского облика гвардии.

Охрана «особы царской», караулы во дворце, участие в парадах занимали первое место в службе гвардии. Большое внимание обращалось на красоту формы гвардейцев. Наряд кавалергарда стоил свыше 1000 руб.; для того времени это была огромная сумма.¹

Особое положение гвардии, ее крупная политическая роль в дворянской империи, особенно при преемниках Петра I и до конца XVIII в., важные преимущества по службе делали в глазах дворянства эту службу, даже в небольших чинах, почетной и привлекательной. При переводе в армию дворянин-гвардеец повышался на две ступени в чине, а в дальнейшем ему было обеспечено быстрое продвижение. Из гвардии, близкой ко двору, известной и царю и правящей верхушке, подбирались кандидаты на важнейшие посты в бюрократическом аппарате империи. Передко гвардейским офицерам давались дипломатические и всякие другие поручения по делам, требующим особого доверия.

Во второй половине XVIII в. участие гвардии в войнах обычно ограничивалось отправкой офицеров-добровольцев в действующую армию да посылкою от гвардейских полков небольших команд. Так было во время двух Турецких войн. В Семилетнюю войну 1756—1763 гг. в конце 1758 г. был подготовлен сводный

Дворянин. Гравюра Д. Аткинсона 1803 г.

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 178; уместно вспомнить, что при постройке домов в гвардейских слободах на солдатский дом отпускалось только 75 руб.

гвардейский отряд из трех батальонов и двух эскадронов, но отправка этого отряда в действующую армию не состоялась. Гвардия оставалась в стороне от крупных боевых дел русских войск, какими пробиловали Семилетняя война, обе Турецкие войны, Шведская война, Итальянский и Швейцарский походы А. В. Суворова. Боевые традиции русской гвардии, выработавшиеся в долгие годы тяжелой Северной войны, во второй половине XVIII в. отступали перед новыми порядками привилегированных дворянских частей. Русские люди, болевшие за славные боевые традиции армии, неодобрительно отзывались о практике зачисления в списки гвардейских частей малолетних барчунов, фактически не служивших, но приобретающих служебный военный стаж и получавших высокие чины; особенно же их возмущало барство, изнеженность и щегольство гвардейских офицеров, занимавшихся больше балами, разгульной жизнью, но не военной службой, и не стеснявшихся показываться на улицах города в дорогих шубах с меховыми муфтами в руках. Но эта язва барства и изнеженности, к счастью, ограничивалась узким кругом карьеристов и аристократии, связанных с двором; она не смогла помешать росту русского военного искусства и высоким боевым качествам русской армии во второй половине XVIII в. Из офицеров гвардии вышли многие талантливые русские полководцы, в том числе и герои Отечественной войны 1812 г.

Правительство проявляло большую заботу о материальном обеспечении гвардии. Оклады офицерского состава гвардии были значительно выше, чем у офицеров армии равного им служебного положения. Правительство неоднократно во второй половине XVIII в. пересматривало и повышало эти оклады: два раза такое повышение было произведено при Екатерине II и один раз за короткое царствование Павла I.

К категории военнослужащих, и притом близко примыкавших к гвардии, следует отнести состав двух кадетских корпусов: Сухопутного шляхетского кадетского и Артиллерийского инженерного кадетского. В первом из них в 1792 г. было 695 воспитанников, а всего личного состава 2400 человек, во втором — 550 воспитанников при 1420 человеках личного состава.¹

Кроме войск гвардии, гарнизонных частей и обслуживающих команд, в Петербурге постоянно располагались пехотные полковые, артиллерийские и инженерные войска и части военно-морского флота. В 1789 г. в Петербурге был один Софийский полк, в 1792 г. два — Софийский и Белозерский. В другие годы в столице квартировали по три и по четыре полка. Лишь в небольшом числе и как исключение военнослужащие этих полков и их семьи прочно оседали в Петербурге. Для семей офицеров жизнь в столице была материально очень обременительной.

В Петербурге находилось центральное управление военно-морского флота — Адмиралтейская коллегия — с ведавшими подготовкой кадров флота учреждениями и с учебными заведениями. Васильевский остров — район Галерной гавани — был

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 170, 377—379.

центром размещения личного состава гребной флотилии, а Коломна — местом поста моряков.

«Учреждение о губерниях» (1775 г.), заново перестраивая административный и судебно-полицейский аппарат, привело к общему численному увеличению чиновничества, в том числе и столичного. Особенно характерен и показателен рост полицейского аппарата столицы. Личный состав полиции возрос с 318 человек в 1763 г. до 987 человек в 1782 г., когда был утвержден особый устав Управы благочиния, или Полицейского управления.¹ В то же время был значительно увеличен и размер жалования полиции. При Павле I штат петербургской полиции был определен в 926 человек, а содержание полиции увеличено с 43 123 руб. до 101 341 руб.² Сюда не входило обеспечение квартирой, дровами и освещением всего состава полиции, производившееся в соответствии со служебным положением и чином.

В судебном и административном аппаратах империи, в том числе и Петербурга, процветало взяточничество, что должна была признать и верховная власть. В одном из указов Сенату была дана следующая характеристика деятельности судебных и других учреждений: «Несытая алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем лихоимства, пристрастие — предводительством судей, а потворство и упущение — ободрением беззаконникам... Многие вредные обстоятельства у всех перед глазами: продолжение судов, во многих местах разорения, чрез меру богатающиеся судьи, бесконечные следствия, похищение нашего интереса от тех, кои сохранять определены, воронство в продаже соли, при наборе рекрут и при всяком на народ налоге...»³

В другом указе говорится, что многие обращающиеся в суды или учреждения «не только не получают в делах своих скорого и справедливого по законам решения, но еще от насилия и лихоимства, или лучше сказать, от самых грабежей во всекопечное разорение и нищенство приходит».⁴

Взяточничество допускалось официально. Правительство до особого указа 1763 г. о штатах,⁵ по которому всему составу служащих государственных учреждений стал выдаваться установленный оклад жалования, не брало на себя обязанности полностью содержать чиновников: государственный бюджет не мог выдерживать бремя таких расходов, и жалование выдавалось лишь высшим чиновникам. «А приказным людям, — говорит один указ, — обретающимся в тех двух коллегиях [Юстиц и Вотчинной], также в надворных судах и магистратских [жалования] не давать, а довольствоваться им от дол по прежнему обыкновению с челобатчиков,

¹ И. П. Висоцкий. Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 63—65.

² Там же, стр. 75—76.

³ Я. П. Шаховский. Записки. СПб., 1872, стр. 125—126.

⁴ ПСЗ, т. XVI, № 11988.

⁵ Там же, № 11989.

кто что даст по своей воле».¹ Взятничество не исчезло и с указом о штатах; закон протестовал лишь против чрезмерного взятничества.²

Настоящими вершителями дел в канцеляриях были чиновники, принадлежавшие к средним слоям бюрократии. Приказные обычно выполняли обязанности писарей. В составе среднего чиновничества были те секретари и начальники канцелярий, от которых зависел ход дела. Руководители учреждений из представителей высшего дворянства мало занимались порученным им делом. В таких условиях начальники канцелярий и секретари, естественно, приобретали большое влияние. Этот средний слой чиновничества преуспевал в служебной карьере. Если некоторые из его представителей не были дворянами, то, повышаясь по службе и получая чины, они достигали дворянства. В Петербурге они строили и покупали дома, нередко в центральных районах города. Чиновники обычно селились на Васильевском острове, где находились коллеги и другие учреждения, и на Петербургской стороне. Мелкие приказные жили и в районе Семеновского полка, и вблизи учреждений на Адмиралтейской стороне. По материальной необеспеченности эти люди сближались со средними и низшими слоями посадского населения.

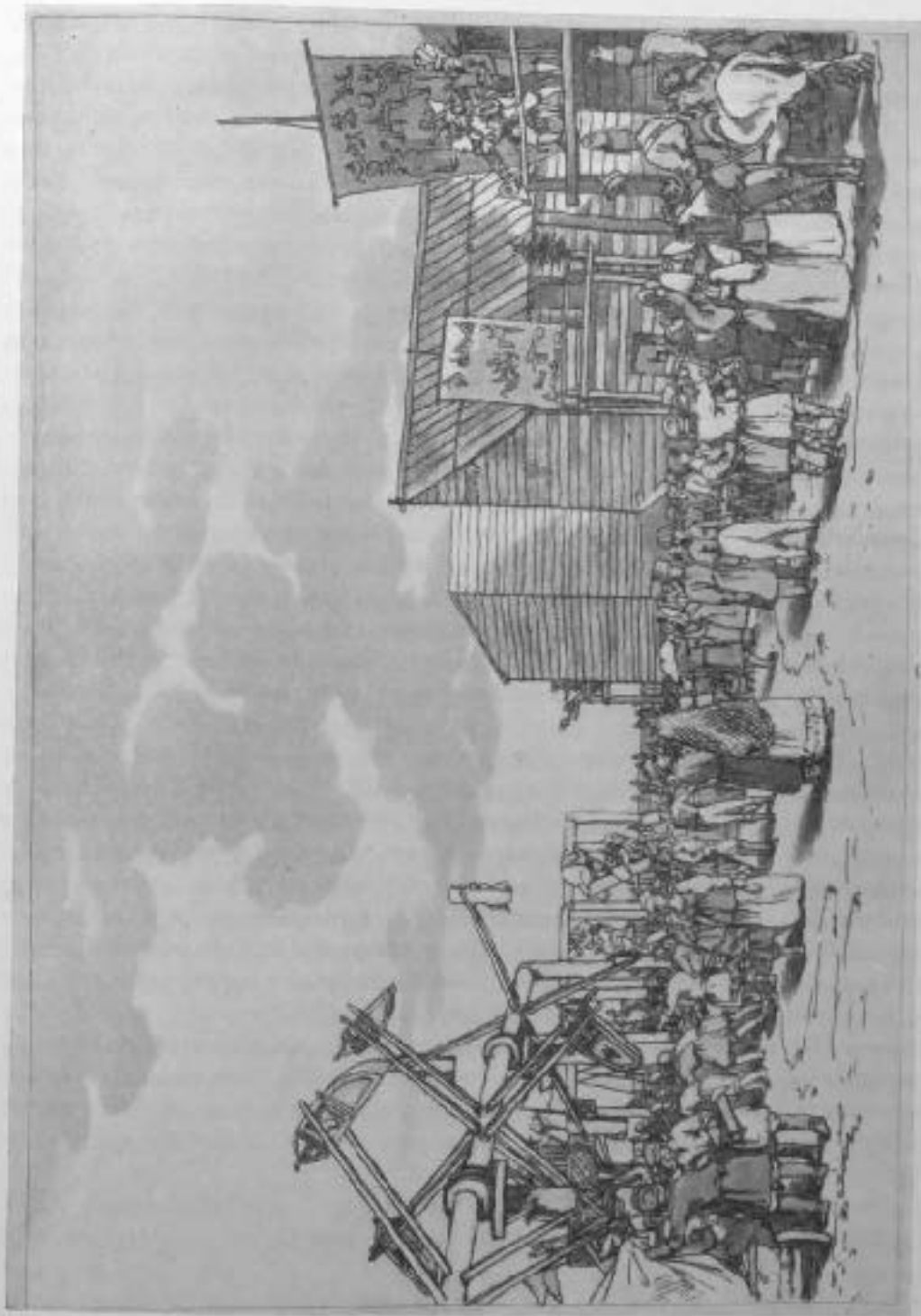
В отличие от старых русских городов в новой столице было сравнительно немного церквей. Немногочисленным слоем среди столичного населения являлось и духовенство. Любопытно сравнить численность духовенства в старой и новой столицах. В 1811 г., когда численность населения обеих столиц была приблизительно одинакова, в Москве духовенства имелось 3303 человека, а с семьями свыше 6,5 тыс., в Петербурге же — 1649 человек обоего пола, т. е. в 4 раза меньше, чем в Москве.³

Сложный социальный состав населения Петербурга отразился на его интеллигенции. Наряду с Г. Р. Державиным, А. П. Сумароковым и другими представителями дворянства, интеллигенцию Петербурга представляли выходцы из других социальных слоев, среди которых мы видим академиков Лепехина, Крашенинникова и др. Сама дворянская интеллигенция была неоднородна. Наряду с горячими сторонниками самодержавно-крепостнического строя, как, например, Сумароков, кн. Щербатов, из ее среды вышел и первый русский революционер-республиканец А. Н. Радищев. Ряд замечательных деятелей культуры выдвинуло крестьянство. До 1765 г. в Петербурге работал великий русский ученый М. В. Ломоносов. Во второй половине XVIII в. в Петербурге протекала деятельность знаменитого русского скульптора Ф. И. Шубина. Трагична была участь многих тех крепостных, которым удалось пробиться к знаниям и выдвинуться в ряды интеллигенции, — многим из этих ученых, архитекторов, художников, музыкантов, писателей так и не удалось вырваться из крепостной зависимости.

¹ ПСЗ, т. VII, № 4897.

² ПСЗ, т. XVII, № 12537.

³ К. Герман. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819, стр. 277.

Кучки и балдахины. Гравюра Д. Алксинсона 1803 г.

И. Г. Георги в своем «Описании С.-Петербурга» привел списки швеев, ученых, архитекторов, актеров, музыкантов, деятелей изобразительных искусств. Он насчитал их свыше 210 человек,¹ но, конечно, охватил лишь малую долю.

В Петербурге как императорской резиденции проживало всегда несколько десятков иностранцев, составлявших персонал дипломатических представительств различных государств. Иностранцы встречались и среди лиц, находившихся на государственной службе, в том числе в армии. Были иностранцы среди занесавшихся в гильдии купцов и именитых граждан, существовали цехи иностранных мастеров. Некоторая часть интеллигенции состояла из иностранцев.

Вторая половина XVIII в. была временем особенного расцвета галломани в среде дворянства, связанной с появлением иностранцев в домах русской знати в различных должностях и ролях, и в первую очередь в роли учителей и воспитателей дворянских детей. Но все же ни численно, ни по своему значению иностранцы во второй половине XVIII столетия не играли существенной роли в жизни столицы.

Сосредоточение в столице большого числа эксплуатируемых, враждебно настроенных по отношению к господствующему классу и правительству масс вызвало растущую тревогу у правительства. В связи с этим увеличивается численный состав полиции, расширяются ее права, усиливается ее роль в столице и власть над массами трудящегося и эксплуатируемого народа. Издаются законы, запрещающие устройство новых больших мануфактур в самом городе, для них отводятся места в уездах, например в Шлиссельбурге, Красном Селе, Славянке и т. д. Делалось это с несомненной целью разгрузить столицу от рабочих людей.

В общем ходе хозяйственной и общественной жизни страны ясно определялся процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений. В жизни Петербурга эта тенденция выступала с особой ясностью, что сказывалось на составе его населения. Рост населения столицы выражался в первую очередь в численном росте трудового населения, количественном и качественном росте кадров промышленности, кадров строителей и многочисленного персонала транспорта столицы, в том числе морского и речного флота.

Рост в Петербурге предприятий мануфактурного типа сопровождался непрерывным и быстрым увеличением числа высококвалифицированных постоянных промышленных рабочих. Как уже указывалось, процент вольнонаемных рабочих в Петербурге рос несравненно быстрее, чем во всех других промышленных центрах России.

Высокие темпы строительства на протяжении всей второй половины XVIII столетия, разнообразие и сложность строительных работ удерживали постоянно

¹ И. Г. Георги, *ун. соч.*, стр. 340—343, 550—576.

на высоком уровне спрос на строительных рабочих. Вырастали в составе населения столицы многочисленные высококвалифицированные кадры строителей различных специальностей. Строители составляли значительный процент постоянного трудового населения столицы. Приток сезонных строительных рабочих исчислялся десятками тысяч.

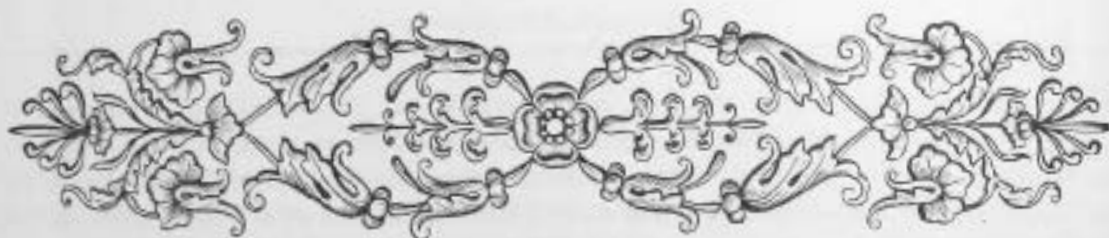
Воарастало во второй половине XVIII в. и число слуг, главным образом крепостных. За счет крепостного населения страны в лице оброчных крестьян, уходивших на заработки, росли и другие категории трудового населения столицы. Как и в первой половине XVIII в., Петербург рос за счет постоянного притока трудового населения в столицу из различных городов и уездов России. Это население создавало все богатства и величие невольничьей столицы.

Одновременно, по мере укрепления абсолютистского государства, в Петербурге росла численность армии и бюрократии. Руководящий состав органов государственной власти, как и весь командный состав армии и флота, являлся сплошь дворянским.

В многочисленных крупных и мелких промышленных и торговых предприятиях столицы находили приложение капиталы отечественных, а отчасти и зарубежных, купцов и предпринимателей. В Петербурге, в передовом центре страны, новые элементы в составе населения, связанные с развитием капитализма, выступали ярче и законченнее, чем в каком-либо другом городе империи.

Петербург был городом контрастов. Здесь дворянство проживало свои огромные богатства, создаваемые трудом миллионов крепостных крестьян. Роскошь и богатство привилегированных классов выступали рядом с тяжелой и нуждой эксплуатируемого трудового населения: дворцы и особняки на магистральных и центральных улицах и набережных и захудалые лачуги оттесненного на окраины трудового населения; праздность или высокооплачиваемая доходная служба дворян и 12—14-часовой тяжелый труд рабочих людей; блеск двора, гвардии, привилегированного дворянства и богатого купечества и беспроектная жизнь огромного большинства крепостного и полузакрепощенного населения столицы. Вместе с тем концентрация в Петербурге дворянской и разночинной интеллигенции, сосредоточение здесь научных учреждений, учебных заведений, театров, типографий, издательства и т. п. способствовали превращению города в крупнейший центр культурной и общественно-политической жизни страны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА 60—90-х ГОДОВ XVIII в.

 Во второй половине XVIII в. в архитектуре России, в том числе и Петербурга, произошли значительные изменения.

Развитие экономики, бюрократического государственного аппарата, дальнейший рост внешней и внутренней торговли, реформы в области просвещения выдвинули перед архитектурой, наряду с дворцовым и церковным строительством, задачу возведения зданий различных государственных учреждений: бирж, банков, новых гостинодворских построек, академий, учебных заведений, театров и пр. Таким образом, тематика сооружений значительно расширилась. Осуществление градостроительных задач, планировка городов и возведение важнейших сооружений оставались в руках абсолютистского государства. Его расцвет во второй половине XVIII в., возросший международный престиж России попрежнему, как и в первой половине века, требовали от столичных построек представительности, величавости и строгости архитектурных форм.

Осуществление градостроительных задач происходило в условиях формирования в передовых слоях русского общества национального самосознания и нарастания освободительных идей, нашедших свое выражение в развитии во второй половине XVIII в. так называемого «просветительства», о котором будет сказано ниже. Архитектурные формы барокко, господствовавшие в середине XVIII в., с их изысканностью, декоративностью и пышностью перестают удовлетворять требования передовых людей того времени. Архитекторы ищут новых выразительных форм.

Вид Петербурга вверх по Неве. Направо Академия Наук, налево Зимний дворец. Картина маслом работы неизвестного художника второй половины XVIII в. по рисунку М. Махаева.

Государственный Эрмитаж.

ного архитектурного языка и прежде всего простоты и правдивости. Такая простота должна была в то же время сочетаться с монументальностью и богатством, которые удовлетворяли бы вкусам основных заказчиков — двора и правящей верхушки дворянства.

Архитекторы второй половины XVIII в. не отказывались от традиций русской национальной архитектуры; наоборот, они тщательно ее изучали, но в то же время национальные традиции обогащали новыми формами античных сооружений, интерес к которым благодаря их лаконичности, простоте и правдивости в середине XVIII в. значительно возрос. Синтез русских национальных традиций с античными формами способствовал формированию нового архитектурного стиля — русского классицизма.

В создании классического облика столицы во второй половине XVIII в. принимали участие выдающиеся архитекторы. На первом месте среди них стояли архитекторы В. И. Баженов и И. Е. Старов — основоположники классицизма, своим творчеством оказавшие огромное влияние на развитие архитектуры не только в Петербурге, Москве, но и во всей России. Их гений нашел отражение в замечательных проектах и осуществленных творениях.

Творчество Баженова связано с Петербургом в ранний период его деятельности (60-е годы) и последние годы жизни — конец 90-х годов. Расцвет дарования Баженова и его лучшие архитектурные замыслы были посвящены Москве, где он осуществил ряд построек и среди них замечательное здание — бывший Пашков дом, включенный теперь в комплекс зданий Государственной Публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

Тем не менее непосредственное участие Баженова в архитектурно-художественной жизни Петербурга в 60-х годах, в начальной стадии процесса формирования новых художественных принципов классицизма и отрицания прежних художественных принципов русского барокко, немало способствовало скорейшему приобщению архитектуры Петербурга к классицизму.

Известно, что Баженов, вернувшись из своего триумфального пребывания во Франции и Италии с титулами члена Парижской, Римской, Болонской и Флорентийской академий, в 1765—1769 гг. создал ряд проектов для Петербурга, из которых наибольшее значение мог иметь проект Увеселительного дома в Екатерингофе, составленный им по заданию Совета петербургской Академии художеств. По условиям программы Баженов должен был показать «новой еще не употребляемой вкус, в величавой простоте, сохраняя красоту, спокойствие и выгодность, наблюдая, дабы как в наружных украшениях, так и внутренних уборах красота с пользой были нераздельны».¹ Это значило, что Баженов должен был раскрыть свое понимание архитектуры в новом формирующемся стиле классицизма.

¹ Цитируется по книге: А. И. Михайлов. Баженов. Гос. Изд. литер. по стрит. и архит., М., 1951, стр. 39.

Учитывая исключительную одаренность зодчего, его блестящее знание классической архитектуры античности, большой практический опыт работы в период обучения под руководством архитекторов Д. В. Ухтомского в Москве и С. И. Чевакинского в Петербурге, можно утверждать, что его проект дворца в Екатерингофе, пока не обнаруженный в архивохранилищах и известный лишь по объяснительной записке, явился образцом для многих его современников — петербургских зодчих.

Вскоре вторая работа Баженова — проект Каменноостровского дворца¹ — и, в особенности, замечательный проект дворца для Екатерины II (1765—1767 гг.), который в литературе известен как проект Смольного института, все больше привлекали внимание художественных кругов Петербурга к новым взглядам на архитектуру.

Наконец, грандиозный замысел Баженова полной перестройки Кремля и сооружения огромного и поразительного по своему величию дворца в Кремле над Москвой-рекой (1767—1772 гг.) раскрыл перед архитектурой новые возможности и средства выражения идей патриотизма и утверждения величия страны. Классические приемы и формы — портики и колоннады, сдержанное применение декоративных элементов — не только не умалили впечатляющей силы архитектуры, но, наоборот, явились средством сильного выражения идей гражданственности и гуманизма, все более распространявшихся в передовых кругах русского общества.

Несмотря на то, что Баженов исполнял заказ Екатерины II, в свои произведения он вкладывал глубоко патриотическое народное содержание. Он понимал, что его Кремлевский дворец принесет славу Родине, что после его осуществления, как писал он, «исчезнет тогда слава древних семи чудес, народы европейские, узрев восставший из недр земных новый Кремль, объята будут удивлением величавости и огромности оного и не увидят уже красы своих собственных великолелиностей...»²

На закладной доске были выбиты слова В. И. Баженова о том, что дворец строится «к славе Российской империи, к чести своего века, к украшению своего города, к утехе и удовольствию своего народа»³.

Внимание, привлеченное к проектам Баженова, к его замечательной модели Кремлевского дворца, было важным фактором, способствовавшим распространению классицизма в Петербурге, Москве и провинции.

¹ По последним данным, существующее здание Каменноостровского дворца не может быть связано с именем В. И. Баженова. Участие Баженова в создании Каменноостровского дворца ограничилось лишь составлением проекта, вероятно не получившего осуществления.

² Из записки В. И. Баженова «Краткое рассуждение о Кремлевском строении», опубликованной в сборнике: Архитектурное наследство, № 1, М., 1951, стр. 98—99.

³ Цитируется по книге: И. Е. Забелин. История города Москвы. М., 1905, стр. 175.

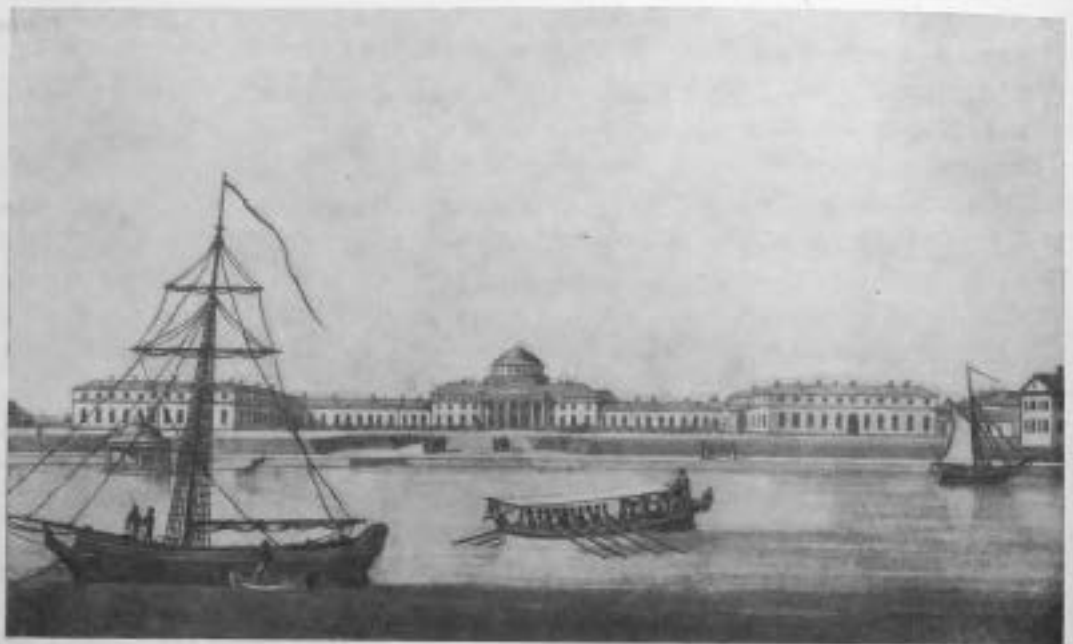
В Петербурге архитектура русского классицизма получила наиболее яркое выражение в творчестве И. Е. Старова.

Творчество Старова отличается глубокой правдивостью и ясностью; скромными средствами, лаконичным архитектурным языком, своеобразными для своего времени смелыми приемами композиции, умело найденными пропорциями, свободным сочетанием основных объемов здания он добивался в одних случаях торжественности и величия, в других — уюта и лиричности. Его творчество служило образцом и примером для многих русских архитекторов столицы и провинции. В продолжение своей многообразной архитектурно-строительной деятельности он воспитал плеяду помощников, архитектурских учеников, ставших затем самостоятельными зодчими, среди них: Михаил Мезентьев, Федор Волков, Егор Соколов и др. Типичным для творчества Старова является созданный им Таврический дворец. Это сооружение имело большое значение для развития русской архитектуры. На архитектуре Таврического дворца могут быть показаны типические черты русского классицизма.

Строительство Таврического дворца началось в 1783 г. на берегу Невы, на участке, принадлежавшем Потемкину. Дворец своим главным фасадом и выступающими вперед крыльями охватывал парадный двор, раскрытый на Неву. С противоположной стороны дворца был разбит обширный сад в пейзажном стиле с живописной планировкой.

На главной оси ансамбля, перпендикулярной фасаду, располагается главный корпус. Парадный вход в центре главного фасада подчеркнут шестиколонным дорическим портиком с фронтоном и куполом. За портиком находится квадратный вестибюль, за которым следует восьмиугольный зал, перекрытый низким куполом, покоящимся на цилиндрическом барабане, прорезанном двадцатью окнами. Отсюда большой проем с четырьмя колоннами ведет в большой колонный зал-галерею, вытянутый в поперечном направлении. Зал этот, длиной около 75 м, примыкал к грандиозному зимнему саду, отделяясь от него двойной колоннадой из восемнадцати пар ионических колонн.

В архитектурном построении внутренних помещений дворца и их отделке Старов проявил не только тонкий вкус, чутье пропорций, мастерство художника в композиции и прорисовке деталей, но присущее только большим зодчим умение художественной организации внутреннего пространства. Величественная анфилада, состоящая из вестибюля, купального зала, грандиозного широкого пространства колонного зала, длина которого подчеркнута и усилена уходящими направо и налево перспективами стройных колоннад ионического ордера, и, наконец, зимний сад с тропической растительностью производили на современников незабываемое, исключительное по силе впечатление. Г. Р. Державин в своем описании праздника, данного Потемкиным во дворце 28 апреля 1791 г. в честь взятия важнейшей турецкой крепости Измаила русскими богатырями под командованием А. В. Суворова, писал: «Везде виден вкус и великолепие, везде

*Таврический дворец. Построен в 1783—1789 гг. Архитектор И. Е. Старов.
Литография 20-х годов XIX в.*

торжествует природа и художество, везде блистает граненый кристалл, белый мрамор и зеленый цвет, только глазам приятный...»¹

Боковые крылья включали в себя жилые покои Потемкина, дополнительные гостиные и большое количество служебных и вспомогательных помещений. В сторону сада флигели выходили шестиколонными портиками ионического ордера. Если внутренняя отделка дворца поражала современников обилием лепки, скульптуры, мрамора, живописными плафонами и стеной росписью, то наружная архитектура отличалась предельной простотой. На эту сторону архитектуры дворца обратил внимание Державин, когда писал: «Наружность его не блистает ни резьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшениями. Древний изящный вкус — его достоинство; оно просто, но величественно».²

Живописно группирующиеся объемы как бы распластавшегося по земле здания, желтая окраска его гладких стен, на фоне которых четко рисуются колонны строгих портиков, прекрасно гармонируют с зеркалами прудов, зеленью лужаек и садом, с низким ровным берегом Невы, ее водными просторами, в то время не отделенными от дворца строениями, с гладью подходящего к дворцу бассейна-ковша, служившего пристанью и гаванью для судов и лодок. Строгие лаконичные

¹ Г. Р. Державин, Сочинения, т. 1, СПб., 1864, стр. 383.

² Там же.

*Купольный зал Таврического дворца. Акварель Ф. Доминго 90-х годов XVIII в.
Государственный Эрмитаж.*

архитектурные формы, равно как и ясная, простая композиция дворца, свидетельствуют о полной победе классических традиций.

Этому выдающемуся произведению зодчества, одному из первенцев сложившейся русской классической архитектуры XVIII в. пришлось перенести много испытаний. После смерти Потемкина дворец перешел в казну, и стоило только умереть Екатерине II, как новый император Павел I, не любивший мать и ненавидевший ее фаворитов, вывел из дворца обстановку и отделку в Михайловский замок и отдал Таврический дворец под казармы Конногвардейского полка. Дворец был запущен. В начале XIX в. он был восстановлен с существенными изменениями в планировке и отделке.

Однако наиболее серьезные изменения дворец претерпел в начале нашего века, когда он был приспособлен для Государственной Думы. На месте зимнего сада был устроен зал заседаний с кулуарами, лестницами на хоры, комнатами президиума, секретариата и пр.

После 1917 г. Таврический дворец стал достоянием народа, его создавшего, и является местом конференций, съездов, сессий и других больших общественных собраний. Дворец заботливо поддерживается, и за годы советской власти в нем неоднократно проводились ремонтно-реставрационные работы. Он дорог советским людям как здание-памятник, связанный с Великой Октябрьской социалистической революцией, с именами В. И. Ленина и И. В. Сталина, неоднократно выступавших в стенах дворца.

Сад Таврического дворца, сохранившийся в прежних своих границах, в большей части своей стал садом общественного пользования.

Таврический дворец являлся одним из лучших и характерных ансамблей конца XVIII в. и оказал исключительно большое влияние на архитектуру дворянских усадеб, повсеместно возникавших в России, и на характер архитектуры городских особняков и общественных зданий Петербурга. 80-е годы можно считать периодом полного утверждения классицизма в русском зодчестве, и стиль переходного периода или раннего классицизма вступил в фазу, которую условно можно назвать «строгим классицизмом».

Таким образом, выдающиеся зодчие В. И. Баженов и И. Е. Старов способствовали утверждению и развитию нового художественного направления в русской архитектуре и зодчестве Петербурга второй половины XVIII в.

Наиболее значительными архитекторами раннего классицизма, кроме его основоположников, были А. Ф. Кокорин, В. Деламот, А. Ринальди, А. Ф. Вист. В последние два десятилетия XVIII в. в Петербурге и его окрестностях в духе строгого классицизма работали зодчие Н. А. Львов, Ф. И. Волков, Ч. Камерон, Е. Т. Соколов, Ю. М. Фельтен, Д. Кваренги, В. Ф. Бренна и начинали свою творческую деятельность великие зодчие следующего столетия: А. Н. Воронихин, А. Д. Захаров, К. И. Росси. Их замечательно плодотворной деятельности обязан Петербург своими великолепными архитектурными ансамблями и не менее прекрасными пригородами: Павловском, Царским Селом (ныне г. Пушкин), Ораниенбаумом (ныне г. Ломоносов) и Гатчиной.

Обширное строительство в Петербурге, Москве и многих городах страны, основание и застройка новых городов, морских портов чрезвычайно способствовали дальнейшему развитию градостроительных, планировочных мероприятий. Наметившиеся в середине XVIII в. некоторая обособленность архитектурных сооружений, ослабление ансамблевой планировки, теперь начинают преодолеваться. Отдельные архитектурные сооружения проектируются не как самостоятельные, а как неотъемлемая часть значительного архитектурного ансамбля, уже нередко органически связанного с общей планировкой города. Такое понимание ансамбля

наиболее ярко выявилось в планах многих городов, составленных на основании указа «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо».

Выполнение планов городов России было возложено на специальную комиссию, учрежденную 11 декабря 1732 г. первоначально для составления планов Петербурга и Москвы и позднее распространившую свои функции на города всей России. Она называлась Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы.¹ Долгое время, с апреля 1763 г. по февраль 1772 г., архитектурную часть в Комиссии возглавлял архитектор Алексей Квасов, которого после его смерти сменил зодчий Иван Старов, проработавший в Комиссии два года. Комиссия до 1796 г., когда она прекратила свою деятельность, рассмотрела вновь изготовленные планы свыше трехсот губернских и уездных российских городов, для которых Петербург с его планировкой являлся образцом. Планировка городов отличалась регулярным характером. На принципах построения города прежде всего сказались усилившаяся классовая дифференциация населения и классовые интересы правящих дворянских кругов. В центре города размещались учреждения административного аппарата. Здесь строились правительственные здания — присутственные места, дом губернатора, — дворянское собрание, собор, гостинный двор и другие торговые помещения, магистрат, учебные заведения. Здесь же строили дома дворяне-помещики окрестных мест, богатое купечество и крупные чиновники. Остальные части города, окружавшие центр, по существу были предместьями с деревянными одноэтажными, скученно расположенными строениями, в которых селилось трудовое беднейшее население — мелкие чиновники, разночинцы, ремесленники, рабочие. Благоустройство ограничивалось центром города, его предместья и слободки были предоставлены самим себе.

Первым крупным актом деятельности Комиссии каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы было проведение конкурса на планировку столицы.

В объявленной программе конкурса указывались его цели, состоявшие в том, чтобы «привести город Санкт-Петербург в такой порядок и состояние и придать оному такое великолепие, какое столичному городу пространственного государства прилично...».²

Возможно, что материалы конкурса были использованы Комиссией при разработке нового плана города, в основу которого были взяты как планировочные начертания Комиссии о Санкт-Петербургском строении 1737—1740 гг., так и основные положения доклада вновь учрежденной Комиссии «О строении домов по плану в Санкт-Петербурге, между Невой и Мойкою, от Фонтанки до взморья и расширениях по сему предмету». В этом докладе Комиссии между прочим указывалось на необходимость повысить этажность домов на набережных Невы, в эти годы

¹ ИСЗ, т. XVI, № 11723.

² Санкт-Петербургские ведомости, 1763, от 11 ноября.

облицовываемых гранитом. Там говорилось: «Возвышение домов необходимо требуется, как для умножения жилья обывателям, ... так, особливо чтоб строение по Неве хотя мало соответствовало создаемому, толь в свете великолепном красотой и полезностию славному, по сей реке каменному берегу».¹

Регламентируя характер застройки, Комиссия предлагала, «чтоб все дома, в одной улице состоящие, до самого ее пересечения (другую улицею или площадью) в длину и не выстывая крыльцами, в улицу одною сплошною фасадом и вышнюю построены (были)».²

Дома должны были строиться по специально разработанным проектам. Образцы фасадов жилых домов «для знатных улиц» были исполнены А. В. Квасовым и утверждены 27 апреля 1766 г. Они не были обязательными, а являлись лишь примерными, как тогда называли «образцовыми». Застройщикам же Комиссия рекомендовала, «дабы иногда какое нерегулярство из того последовать не могло, то всякий строитель дома должен до начатия на опробацию фасада предоставить генерал-полицеймейстеру».³

Комиссия разрабатывала планировку города по частям: 8 февраля 1765 г. был утвержден план левобережной части, т. е. Адмиралтейского острова между Невой и рекой Мойвой. В следующем 1766 г. был готов проект планировки южной части города между Мойкой и Фонтанкой, которая была определена границей города. В 1767 г. утвержден план Васильевского острова и Петербургской стороны.⁴

Последним и наиболее важным документом Комиссии явился план всей левобережной части города с предместьями, утвержденный 23 мая 1769 г.⁵ В нем была уточнена планировка городской территории и отодвинуты на юг границы предместий.

Классовый подход в этой работе сказался в наиболее парадном оформлении городского центра и полном игнорировании художественных задач в застройке предместий. В записке к проекту 1765 г. Комиссия писала: «Не оставлено ничего, что украшение и великолепие города умножить может. И как ничто оного так не оказывает, как наполнение середины его знатным строением и регулярство площадей и ничто не подает такой жителям удобности, как беспрерывное связывание улиц, то все сие сколько возможно было тем подкосимым планом сохранено...».⁶

¹ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885, стр. 693.

² Там же, стр. 694.

³ Государственный Музей истории Ленинграда, Архив Мейера, приложения к Атласу, III. Кроме того, см.: Б. Васильев. К истории планировки Петербурга во второй половине XVIII в. Архитектурное наследие, № 4, Л.—М., 1953, стр. 18.

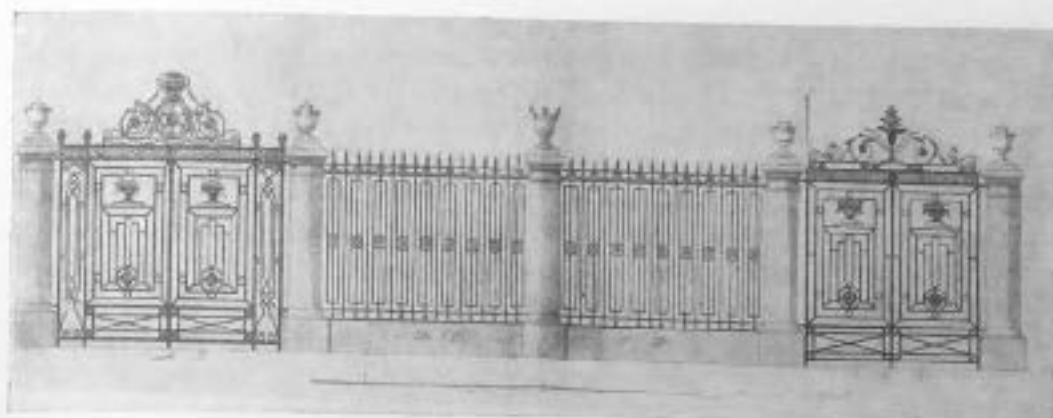
⁴ ПСЗ, т. XVIII, № 12883.

⁵ Государственный Музей истории Ленинграда, Архив Мейера, план 1769 г.

⁶ ЦГАДА, ф. Гос. Арх., разряд XVI, д. 475 «Об устройении Адмиралтейской части в Петербурге», лл. 2—4.

Нарыньская лестница Зимнего дворца. Построена архитектором В. В. Растрелли в 1762 г. и восстановлена архитектором В. П. Стасовым в 1838 г.

Решетка Летнего сада. Построена в 1770—1784 гг. Архитекторы Ю. Фельтен и П. Егорюк. Чертеж XVIII в.

Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

Наиболее важными градостроительными мероприятиями Комиссии, нашедшими отражение в разработанных ею планах, были устройство сквозных проездов вдоль левого берега Невы от Зимнего дворца до нынешней Таврической улицы путем сооружения Прачечного моста через Фонтанку, а также строительство набережных вдоль берегов рек Мойки, Фонтанки и Глухого протока (реки Кривуши, или ныне канала Грибоедова).

Особенно большое значение для облика города имели устройство гранитной набережной по левому берегу Невы. Эти работы были начаты осенью 1762 г., еще до создания Комиссии каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы. 12 июня 1762 г. специальным указом предписывалось коллежскому советнику Игнатию Россию, «который по способности его, проект тому берегов и мостов и смету сочинил против всех е. и. в. дворцов и садов и казенных домов берега сделать каменные...»¹ Через два месяца И. Россий представил проект и смету на устройство набережных Невы. В течение нескольких лет всеми работами по реализации проекта устройства набережных руководила Контора построения невских берегов, функции которой в 1770 г. передаются Конторе строения е. и. в. домов и садов. С 1772 г. строительство набережных возглавлял архитектор Ю. М. Фельтен.²

Построенные в период с 1762 по 1788 г. гранитные берега по левой стороне Невы определили архитектурно-художественный облик невских набережных и характер их застройки. Мощный простой массив растущих из вод «державного

¹ ЦГИАЛ, ф. 1293, об. 60, д. 2, лл. 1, 2. См. также: Б. Васильев. К истории планировки Петербурга во второй половине XVIII в. Архитектурное наследство, № 4, стр. 14—23.

² В литературных источниках авторство гранитных берегов Невы приписывается архитектору Ю. М. Фельтену, осуществлявшему в действительности лишь общее руководство строительством.

течения Невы» каменных стен стал как бы гранитным подножием города, на котором сооружались все новые и новые величественные здания, подножием, связывающим отдельные группы построек, в единый градообразный архитектурный ансамбль центра столицы.

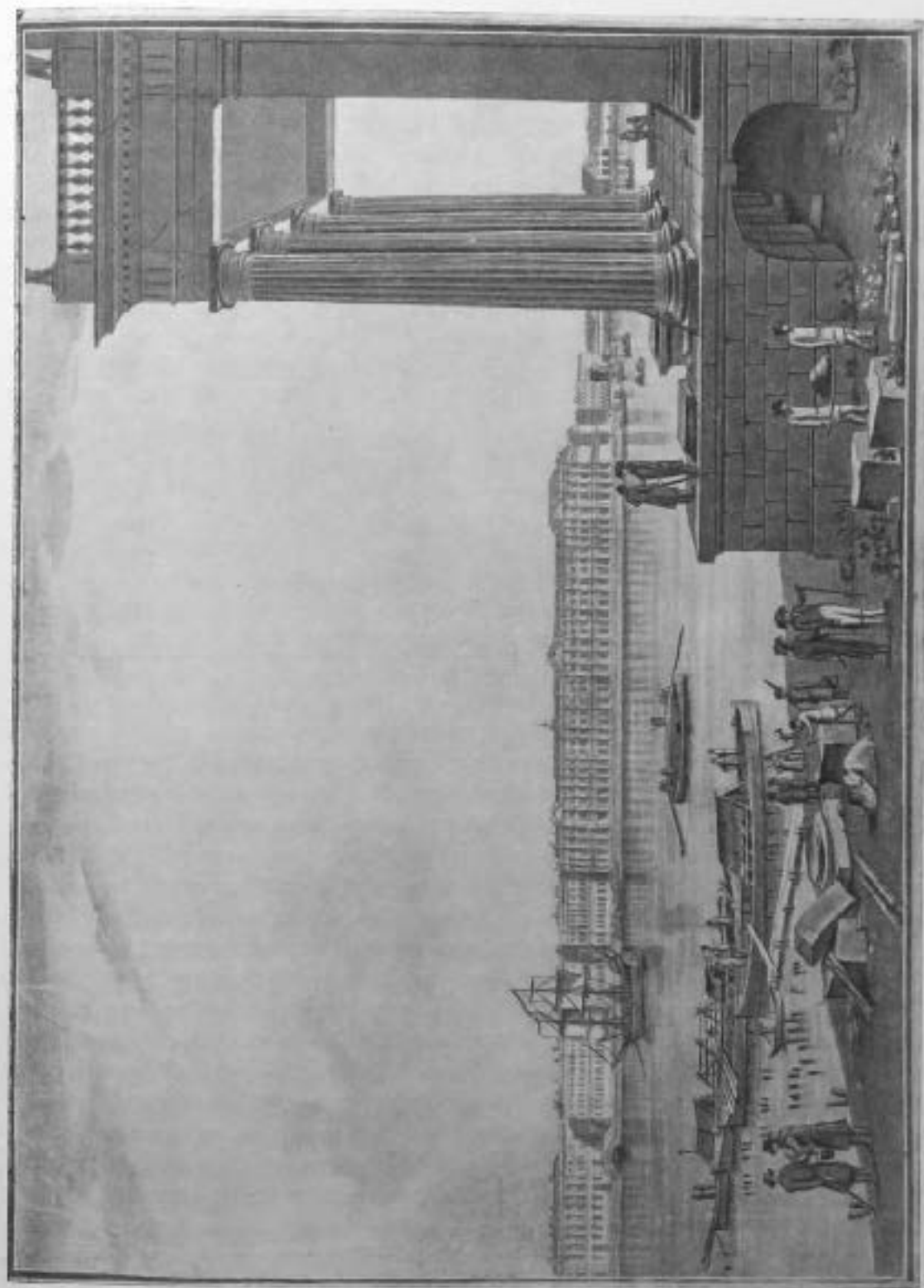
Строгий по очертанию профиль гранитной набережной, тянувшейся на многие сотни метров, перебивается ритмично расположенными полукруглыми выступами — спусками к воде — и каменными дугообразными «горбатыми» мостами через реку Фонтанку (Прачешный мост), Лебяжий канал (ныне Лебяжий мост) и Зимнюю канавку (Эрмитажный мост).

К этому прибавилась новая ограда Летнего сада, сооруженная вдоль набережной Невы. Ее верно найденные масштаб и пропорции металлических звеньев, разделенных строгими по рисунку гранитными столбами-колоннами, увенчанными вазами, простой и четкий рисунок решетки со скромными украшениями в виде позолоченных розеток посередине ее высоты, растительный орнамент верхнего пояса и завершающие решетку пики с кистями, изящный и строгий рисунок ворот делают эту решетку редчайшим и выдающимся образцом мировой архитектуры. Решетка Летнего сада была сооружена в 1770—1784 гг. по проекту архитекторов Ю. М. Фельтена и П. В. Егорова.

Одновременно с устройством гранитной одежды берегов Невы на Дворцовой набережной возводятся новые крупные здания. Рядом с законченным Зимним дворцом в 1764 г. начинается сооружение по проекту архитектора В. Деламота здания Малого Эрмитажа. Этот зодчий приехал в Россию из Франции в 1759 г. в качестве профессора архитектуры в числе целой группы специалистов: художников, скульпторов, граверов, — приглашенных из-за границы для преподавания в только что учрежденной в Петербурге Академии художеств.

За годы своего пребывания в России — с 1759 по 1775 г. — он, помимо руководства классом архитектуры в Академии художеств, исполнил ряд проектов, по которым были выстроены некоторые крупные здания в Петербурге и провинции. Здание Малого Эрмитажа является характерным примером творчества Деламота.

По композиции, характеру архитектуры и прорисовке деталей фасад Малого Эрмитажа спокойнее и строже Зимнего дворца — типичного произведения В. В. Растрелли. Но что существенно — это тонкое чувство соподчинения и взаимной увязки архитектуры разного времени, разных творческих индивидуальностей и направлений. Деламот подхватил основные горизонтальные членения Зимнего дворца — выделение первого этажа и объединение двух верхних одним орденом, нашел общий масштаб архитектуры, уловил силу рельефа деталей и тем самым при разной стилистической характеристике слел в единое целое здание Малого Эрмитажа с Зимним дворцом. Решая противоположный фасад, со стороны Миллионной улицы (ныне улица Халтурина), так называемого корпуса малого Зимнего дворца, испорченного позднее надстройкой четвертого этажа, Деламот подошел ближе к архитектуре Растрелли, почти буквально повторив его приемы, в частности в оформлении

*Вид на Вавилонскій дворец и Эрмитаже со стороны Вавилонскаго острова, Сирия, изображены по проекту Д. Коаренца
Буржа. Гравюра В. Платерса. 1799 г.*

первого этажа. Но в остальном — в строгом рельефе и мягкой орнаментике фасада — он показал себя представителем нового направления в архитектуре. Здание Малого Эрмитажа было закончено в 1767 г., а несколько позднее, в 70-е годы, фронт застройки набережной у Зимнего дворца дополнился большим корпусом так называемого Старого Эрмитажа, который возвел архитектор Ю. М. Фельтен.

Это трехэтажное здание, такое повторяющее высоту и основные горизонтальные членения Зимнего дворца, еще более спокойно и скромно по своей структуре, чем построенный Деламотом Малый Эрмитаж. Плоский фасад с выступами по концам, в три окна каждый; небольшой рельеф деталей, наличников, скульптурных вставок, за исключением мощного венчающего карниза и более простого карниза над первым этажом; очень скромно примененная лепка, нежная и тонкая по рисунку, — все это характеризует переходный к классицизму стиль здания.

И, наконец, еще одно важное строение возникает в этом ряду домов на Дворцовой набережной — Эрмитажный театр, произведение архитектора Д. Кваренги.

Уроженец северной Италии Джакомо Кваренги явился в Петербург по приглашению Екатерины в тридцатипятилетнем возрасте, будучи уже зрелым мастером. Приехав в Россию, Кваренги стал тщательно и любовно изучать русскую национальную архитектуру, обмеряя и зарисовывая ее памятники. Это сроднило его с русским народом и его творчеством.

Отличительные черты произведений Кваренги — простота композиции, некоторая суровость архитектуры и широкое использование классических форм.

Решая разнообразные задачи, выдвигающиеся новыми условиями жизни русского общества и требовавшие значительного расширения архитектурной тематики, создавая и проектируя не только дворцы и церкви, но и здания учебных заведений, банков, больниц, Кваренги при помощи минимальной затраты архитектурных средств всегда добивался необходимого разнообразия и индивидуального, присущего зданию данного назначения, архитектурного облика.

Это касается и здания Эрмитажного театра, построенного им в 1783—1787 гг. Спокойная колонада коринфского ордера, между крайними выступами со скульптурами в нишах, поднята на высокое массивное основание — первые два этажа. Характер архитектуры раскрывает общественное назначение здания. Оно связано мощной аркой, переброшенной через Зимнюю канавку, и крытым переходом на ней со Старым Эрмитажем. Здание Эрмитажного театра чрезвычайно выразительно по своей архитектуре. Театральный зал — небольшой по вместимости, но исключительно величественный и торжественный. Места для зрителей расположены как в античном театре, концентрическими полукругами, и охвачены стеной, богато декорированной коринфскими полуколоннами, арками и нишами со статуями.

Облик этого здания резко отличается от перегруженного скульптурными деталями, сложного по архитектуре Зимнего дворца. Оно является уже примером вполне определившегося стиля классицизма. Все эти произведения зодчества на Дворцовой набережной, начиная от Зимнего дворца и кончая Эрмитажным теат-

*Мраморный дворец (справа — построен в 1768—1785 гг. архитектором А. Ринальди) и
Миллионная улица. Гравюра Маллтона конца XVIII в.*

ром, дают ясную картину преодоления декоративных начал барокко и утверждения принципов классицизма, когда художественная выразительность здания достигалась архитектурными тектоническими приемами.

Застройка набережных Невы в соответствии с указанными выше предложениями Комиссии каменного строения велась одновременно в разных местах. В 70-х годах у Лебяжьего канала сооружается по проекту архитектора В. Деламота гипсовый для своего времени особняк Бецкого. Вблизи него на берегу Невы и теперь уже несуществующего канала, соединявшего Мойку с Невой вдоль западной границы Марсова поля, в 1768 г. архитектор А. Ринальди приступает к строительству нового роскошного дворца, предназначавшегося для фаворита Екатерины II Григория Орлова и названного за отделку своих фасадов и помещений Мраморным. Он был закончен в 1785 г.

На архитектуре этого здания сказалось новое направление, характеризующееся простыми и строгими формами. Мраморный дворец главным фасадом был обращен на парадный двор, расположенный на берегу канала. Остальными тремя фасадами он выходил на Дворцовую набережную, Мраморный переулок и Миллионную улицу. Это был дворец городского типа, несколько замкнутый и строгий

по характеру архитектуры. Его плоские со слабой пластикой фасады, с легкими выступами по углам, однообразным ритмом окон, охватывающими два верхних этажа коринфскими стройными пилястрами с гладким нижним этажом, четкими горизонталями карнизов кажутся суховатыми и холодными. Это еще подчеркивает натуральный гранит в облицовке фасада в первом этаже и светлосерый рускольский и бледнорозовый тивдийский мрамор в двух верхних этажах. Фасад со стороны парадного двора отличается большей пластичностью. Боковые выступы крыльев фланкируют центральную часть здания с трехчетвертными коринфскими колоннами главного портика. Тонко нарисованные детали и хорошо найденные пропорции показывают высокое мастерство Ринальди.

В богатой отделке внутренних помещений дворца применен натуральный мрамор разных цветов. Ее характер ближе к архитектуре барокко середины XVIII в., так как изобилует декоративными деталями. Особенно красива и богата парадная лестница Мраморного дворца, облицованная мрамором и украшенная скульптурными панно и статуями. К скульптурным работам во дворце были привлечены выдающиеся русские скульпторы того времени — М. И. Козловский и Ф. И. Шубин. Отделка большей части помещений дворца изменена в XIX в. Ныне во дворце находится Ленинградский филиал Музея В. И. Ленина.

Архитектурное окружение Невы в самом широком ее месте в центре города все больше преобразуется и в рассматриваемую эпоху складывается как гигантский архитектурный ансамбль, раскинувшийся на берегах широкого простора Невы.

Паряду с застройкой и архитектурным оформлением левого берега — Дворцовой набережной и нынешней набережной Кутузова, также застраиваемой особняками на участке от Фонтанки до Литейного проспекта, большое внимание уделяется южной набережной Васильевского острова. На ней возводится ряд выдающихся строений, из которых следует выделить три: здания Академии художеств, Морского кадетского корпуса (ныне Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе) и Академии Наук.

Первое из названных сооружений представляет значительный интерес как одно из первых произведений в стиле раннего классицизма. Проект здания разработан архитектором А. Ф. Кокориновым. Оно строилось с 1764 по 1788 г.

А. Ф. Кокоринов был учеником выдающихся русских зодчих предшествующей архитектурной эпохи И. К. Коровова и Д. В. Ухтомского. В Петербург он приехал из Москвы по приглашению И. И. Шувалова для постройки его усадьбы на Невском проспекте, осуществленной в 50—60-х годах XVIII в.

Все новое, что было заложено в архитектуру здания Академии художеств, заключается прежде всего в объемно-пространственном его решении и в плане сооружения. Лаконичный, простой и строгий объем грандиозного здания, имеющего размеры около 140×125 м, расчленен тремя выступами на переднем и заднем фасадах и двумя плоскими выступами на боковых. Центральный выступ

*Здание Академии художеств. Построено в 1764—1788 гг. Архитектор А. Ф. Кокоринов.
Рисунок М. Н. Воробьева 1813 г.
Государственный Русский музей.*

главного фасада подчеркнут четырехколонным портиком, увенчанным фронтоном. Он несколько возвышен усложненного профиля крыши и низким куполом.

Пертик главного входа мягко выдвинут из поля стены фасада благодаря выпуклым округленным углам в первом этаже и изогнутым внутрь в двух верхних этажах. Только эта вольность в объемном решении центра да характер прорисовки отдельных деталей фасада отдаленно напоминают архитектуру только что ушедших десятилетий господства стиля барокко и творчества задних В. В. Растрелли и С. И. Чевакинского. Простота, ясность и четкость всего композиционного приема, строгость линий, законичность средств декорации говорят о новом направлении классицизма, утверждающегося в архитектуре Петербурга.

Прекрасно вписанные в центральный портик скульптуры Геркулеса и Флоры свидетельствуют о новом, более глубоком понимании синтеза архитектуры и скульптуры, когда скульптура, сохраняя свое самостоятельное значение произведений искусства, занимает в архитектурной композиции важное, хотя и подчиненное общей идее место. До пожара здания Академии художеств на куполе центрального выступа находилась фигура Минервы.

Ближе к архитектуре предыдущего периода стоит отделка вестибюля, великодушного по богатству замысла и архитектурных форм, несмотря на самый простой материал — обычную побеленную штукатурку.

Здание Академии художеств занимает важное место на Василеостровской набережной (ныне Университетской) определяя монументальный, величественный характер ее застройки.

Два других значительных здания — бывшего Морского кадетского корпуса на набережной Большой Невы (ныне Набережная лейтенанта Шмидта) и Академии Наук — сооружены в последние два десятилетия XVIII в. и по своей архитектуре относятся к произведениям строгого классицизма. Несмотря на различие приемов композиции, они имеют общие художественные черты. Здание Морского корпуса перестроено из старого здания архитектором Ф. И. Волковым в 1795—1798 гг. Основой его архитектурного облика являются колоннады, своей пластичностью контрастирующие со спокойной широкой плоскостью фасада.

Ф. И. Волков, хорошо образованный архитектор, с 1794 г. профессор Академии художеств, ряд лет работал совместно с И. Е. Старовым, руководя строительством флигелей и оранжерей Таврического дворца. Это общение с великим зодчим творчески обогащало Волкова, который осуществил ряд других построек в Петербурге, ныне не сохранившихся, но в свое время способствовавших формированию классического характера архитектуры Петербурга.¹

Здание Академии Наук, построенное в 1783—1789 гг. архитектором Д. Кваренги, характерно простотой и ясностью композиций своих фасадов.

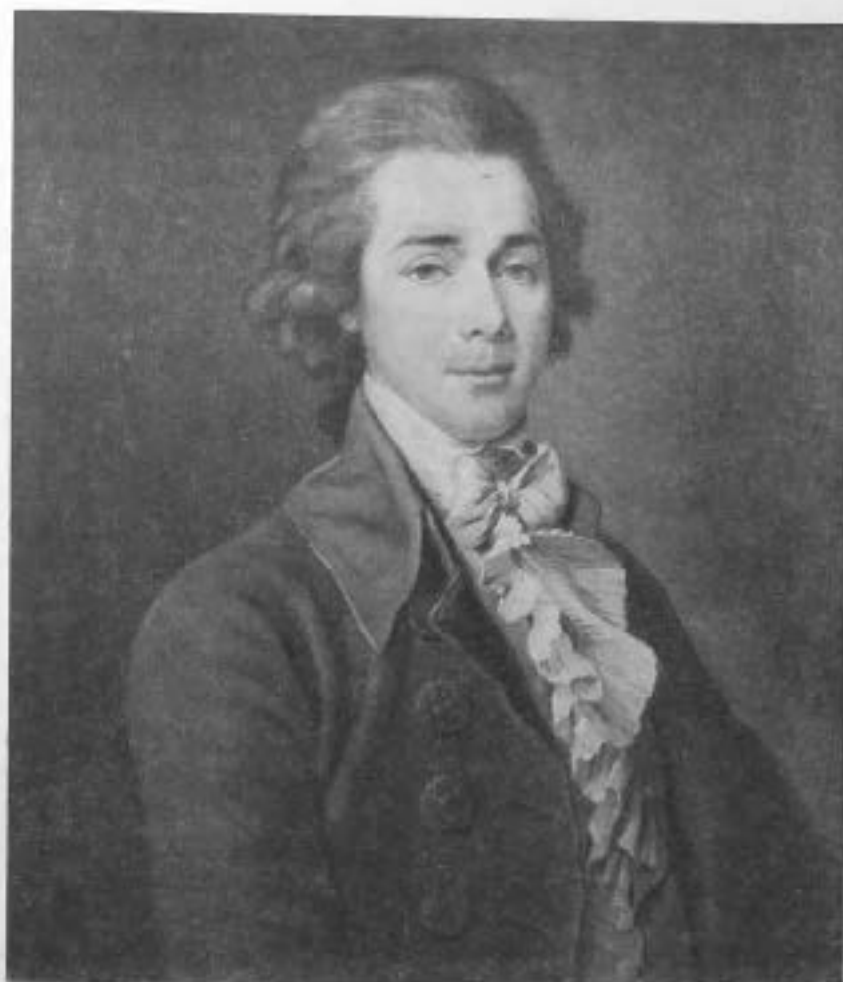
Центр главного фасада, обращенного к Неве, подчеркнут выступающим вперед мощным восьмиколонным ионическим портиком с фронтоном и двумя лестницами, расположенными вдоль фасада навстречу друг другу. На фасадах здания нет никаких декоративных украшений.

Важно отметить, что при всей простоте отделки фасада здания Академии Наук зодчим угадана пластическая сила портика, рассчитанная на восприятие его с далеких просторов невских берегов.

Панорама города по берегам Невы становилась с каждым годом величественнее. Наряду с облицовкой берегов гранитом и постройкой зданий на набережных, а также застройкой восточной стрелки Васильевского острова, где в 1784 г. началось возведение по проекту архитектора Д. Кваренги большого здания биржи, в 80-х годах развернулись большие работы по облицовке гранитом кирпичных стен Петропавловской крепости.

Посреди Екатерининской куртены в 1786—1787 гг. были сооружены новые так называемые Невские ворота и гранитная пристань с красиво развернутыми лестничными стопами к воде. Позднее по углам облицованных камнем бастионов

¹ В частности, им исполнена по своему проекту сохранившаяся ограда парадного двора Таврического дворца. См.: Н. Белехов и А. Петров. Иван Старов. Изд. Акад. арх. СССР, М., 1950, стр. 82.

*Н. А. Львов. Портрет маслом работы Д. Г. Левицкого. 1789 г.
Государственный Русский музей.*

появились круглые гранитные сторожевые будки с куполками, которые, возвышаясь над крепостными стенами, разнообразят их силуэт.

К концу XVIII в. трудоемкие работы были закончены, и со стороны Невы крепость приобрела сохранившийся до сих пор вид.

Невские ворота Петропавловской крепости являются произведением русского архитектора Н. А. Львова — широко и разносторонне образованного человека, известного как поэт, композитор, гравер и, наконец, архитектор. Им построено несколько зданий как в Петербурге, например в 1782—1789 гг. здание Почтамта, так и в провинции: церкви в Тсржке, Могилеве и пр. Он изобрел новую систему печей и технику землечитного строительства.

Увлеченный классической архитектурой, он не только применял ее принципы в своем творчестве, но и стремился к распространению их среди других архитекторов. В этих целях он перевел на русский язык трактат знаменитого итальянского зодчего эпохи Возрождения Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре».

Комиссия каменного строения особое внимание уделила центральным площадям города — Дворцовой и Петровской (ныне площадь Декабристов). В проекте планировки Адмиралтейской части 1765 г. Дворцовой площади придана четкая конфигурация с дугообразным очертанием ее периметра напротив Зимнего дворца.

Проектировались въезды на площадь от Адмиралтейства и Большой Морской улицы (ныне улица Герцена), оформленные широкими арками. Перед фасадом Адмиралтейства со стороны площади предполагалось сооружение галереи, которая закрыла бы земляные обветшалые валы и производственные корпуса верфи. Эти предположения осуществлены не были.

Для разрешения вопроса о благоустройстве и застройке площади перед Зимним дворцом в марте 1779 г. был объявлен между архитекторами конкурс. Поступило пять проектов, из которых был выбран представленный архитектором Ю. М. Фельтеном.

Предварительные работы были начаты этим же летом. Однако создание правильной площади перед Зимним дворцом было осуществлено только в 20-х годах следующего столетия зодчим К. И. Росси.

На Петровской площади по плану Комиссии предусматривалась парадная застройка в линию ныне существующих зданий Сената и Синода с тем, чтобы новые фасады закрыли прядильный двор.

Петровская площадь, освобожденная в 1763 г. от пришедшего в ветхость старого Исаакиевского собора, должна была стать одним из важных элементов архитектурного ансамбля центра города. Мысль о сооружении здесь памятника Петру I явилась конкретным выражением одного из положений Комиссии строений, предусматривавшего украшение столицы монументами «в память российских дел». Всемирно известный Медный всадник явился примером нового истолкования конного монумента, органически связанного с пьедесталом и всей площадью. Образ Петра в этом памятнике, созданном скульптором Э. Фальконе и его ученицей М. Колло, явился аллегорией стремительного движения вперед России. В этом отношении идея памятника созвучна словам В. Г. Белинского: «Петр явился влору для России... Его доблести, гигантский рост и гордая, величавая наружность с огромным творческим умом и исполнскою волею — все это так походило на страну, в которой он родился, на народ, который воссоздать был он призван, страну беспредельную, но тогда еще не сплоченную органически, народ великий, но с одним глухим предчувствием своей великой будущности».¹

Монумент Петра I был открыт 7 августа 1782 г.

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, Гос. Изд. худож. литер., М., 1948, стр. 763.

Памятник Петру I 1782 г. Скульпторы Э. Фальконе и М. Козло.

Комвессия в своем проекте планировки наметила сооружение нового Исаакиевского собора, расположив его примерно на равном расстоянии от реки Мойки и берега Невы.

Это предложение было одобрено в 1765 г., а в августе 1768 г. состоялась закладка на новом месте большого Исаакиевского собора. Каменное здание собора с отдельно стоящей колокольной, осуществлявшаяся по проекту А. Ринальди, должно было отличаться великолепием мраморной отделки. Строительство затянулось. После смерти Екатерины II Павел I дал распоряжение заготовленный мрамор израсходовать на постройку Михайловского замка, а собор, возведенный более чем на половину, кое-как достроить кирпичом. В результате этого в центре Петербурга появилось причудливое церковное здание, на которое была составлена едва ли не единственная эпитафия:

Двух царствований памятник приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный.

В 60-х годах на берегу Мойки, на месте бывшего Маринского дворца, был сооружен архитектором Деламотом дворец Чернышева, известный лишь по графированным чертежам, а на углу Почтамтской улицы (ныне улица Союза связи) — особняк, принадлежавший екатерининскому вельможе Л. А. Нарышкину, отличающийся изяществом пропорций и тонкостью прорисовки деталей его фасадов.

Академик И. Э. Грабарь предполагает в создании особняка Нарышкиных авторство Баженова, так как в архитектуре этого дома много излюбленных приемов великого зодчего. Это трехэтажный угловой дом, оба фасада которого, и главный — на Исаакиевскую площадь, и боковой — на улицу Союза связи, решены скромно. Разбивка обоев спокойна и однообразна; их размеры и пропорции определены с учетом большего значения второго этажа. Дом завершен мощным, но пропорциональным карнизом с кронштейнами и зубчиками. Центр главного фасада слегка выделен скромным портиком со сдвинутыми колоннами и более широкими простенками, украшенными балконом с легкой решеткой, скульптурными панно, увеличенным окном второго этажа и полуциркульным окном в третьем этаже. Декорация фасадов обогащена, кроме типичного для этого времени обрамления окон, лепными медальонами. Особенно хороши высеченные на каменных плитах скульптурные панно, оформляющие центр главного фасада. Из внутренних помещений здания сохранились: оформленный колоннами тосканского ордера вестибюль, ведущий на парадную лестницу, огражденную прекрасного рисунка металлической решеткой, большой колонный зал с хорами и малый зал, отделка которых искусственным мрамором, тонкой лепкой показывает высокое мастерство и вкус архитектора.

К концу XVIII в. центральный ансамбль Петербурга все больше приобретал архитектурную законченность. Нева с ее берегами была естественным центром, вокруг которого развивались отдельные архитектурные ансамбли. Английская набережная (ныне набережная Красного флота) со сплошной застройкой двух-, трехэтажными каменными домами подходила к Петровской площади с величественным монументом Петра и строящимся Исаакиевским собором. Перед памятником через Неву простирался Исаакиевский мост на плашкоутах.

Сплошная застройка Дворцовой набережной шла до Мраморного дворца, за которым красную линию набережной подхватывала монументальная решетка Летнего сада. Плашкоутный мост связывал оба берега Невы и у Летнего сада. За Мраморным дворцом открывался простор Марсова поля с обелиском Румянцева и памятником Суворову в глубине площади, у Мойки. Эти два монумента запечатлевали великие победы русской армии. Противоположный берег Петербургской стороны еще сохранял приходившую в разрушение застройку петровского времени, но одетые в гранит неваские бастионы и стены крепости уже соответствовали гранитным берегам Дворцовой набережной. На стрелке Васильевского острова стояла в лесах не достроенная архитектором Кларенги Биржа; дальше берег Васильевского острова, еще сохранявший старую деревянную набережную, был застроен

рядом двух-трехэтажных домов общественного назначения: петровская Кунсткамера, здание Академии Наук с его строгим восьмиколонным портиком, здание Двенадцати коллегий и Меншиков дворец. Академия художеств замыкала этот ряд величественных зданий — памятников XVIII в. За ней тянулась ломаной уступчатой линией жилая застройка, среди которой выделялось монументальное трехэтажное здание Морского кадетского корпуса.

Комиссия каменного строения уделила немало внимания благоустройству и застройке набережных малых рек Фонтанки и Мойки, а также Екатерининского канала. Особенно большой размах эти работы получили в 80-х годах XVIII в., хотя начались они в 1763 г. Для ведения работ в 1780 г. была создана Комиссия строения реки Фонтанки и Екатерининского канала, как переименована была глухая речка Кривуша. Канал был углублен и местами расширен. Работы возглавляли: по Екатерининскому каналу Ф. Баур, а по Фонтанке И. Герард. Берега каналов и малых рек были облицованы гранитом, набережные замощены и на них устроены гранитные тротуары и узорчатые чугунные верила или гранитные парапеты. За 9 лет, с 1780 по 1789 г., на реке Фонтанке были, кроме того, выстроены по проекту И. Перроне¹ 6 каменных мостов с разводной средней частью, углы которой на всех мостах отмечались четырьмя гранитными беседками. Из их числа — Симеоновского, Аничкова, Чернышева, Семеновского, Обуховского и Калинин — сохранились только два: Чернышев (ныне Ломоносова) и Калинин.

Через Екатерининский канал и реку Мойку также были выстроены каменные мосты. Один из них — Каменный — на пересечении улицы Дзержинского и канала Грибоедова, построенный в 1776 г. инженером Борисовым, сохранился до настоящего времени.

Работы по облицовке гранитом Екатерининского канала и Фонтанки были завершены в 1789—1790 гг., а Мойки — только в XIX в. Кроме того, были одеты камнем набережные Зимней напавки и вновь прорытого в 70-х годах XVIII в. Никольского канала.

В проекте планировки левобережной части города Комиссия предусмотрела устройство правильных по форме предместных въездных площадей у пересечения Фонтанки с основными магистралями: Невским проспектом, Гороховой — ныне улица Дзержинского (Семеновская площадь), Царскосельским проспектом — ныне проспект имени И. В. Сталина (Обуховская площадь) и у Калинин моста, где предполагалось устроить рынок для торговли сеном. Позднее эти предположения были частично реализованы.

К концу XVIII столетия окончательно сформировалась трехлучевая система композиции центральной части города, так называемый «треугольник», с Невским и Вознесенским проспектами — крайними лучами и средним — Гороховой улицей. Застройка этих улиц была в основном трехэтажной.

¹ Это авторство в литературе приписывается без документальных доказательств.

Значительная протяженность улиц, образующих знаменитый «треугольник», и однообразие их профиля перебивались открывавшимися перспективами на пересечении рек и каналов: Мойки, Екатерининского канала и Фонтанки. Площади у Фонтанки, живописные мосты через протоки, удачно поставленная на Вознесенском проспекте церковь Вознесения (ныне не существует) со стройной ярусной колокольней и свободным пространством вокруг, широкий Измайловский проспект, продолжавший сравнительно узкий Вознесенский проспект, — все это внесло необходимое оживление в строгую планировочную схему города и указывало на высокое мастерство петербургских градостроителей.

Специфические особенности градостроительства того времени наиболее ярко проявились на Невском проспекте, который в 1783 г. получил это наименование и стал главной городской магистралью. Намечались основные архитектурные ансамбли проспекта: перекресток Невского с Мойкой, площадь у Рождественской церкви с колокольней и шпирем, замененной в начале XIX в. новым зданием Казанского собора. Во второй половине XVIII в. были построены католическая и армянская церкви с их приходскими домами, образующими небольшие запады в виде парадных дворов перед церквями. Создалось местное расширение проспекта у Гостиного двора, и, наконец, на углу Садовой улицы в самом конце XVIII в. началась постройка здания Публичной библиотеки, оформившего важный в градостроительном отношении перекресток Невского и Садовой.

Таким образом, архитектурный облик проспекта в XVIII в. складывался на основе чередования рядовой жилой застройки и отдельных ансамблей с зданиями общественного назначения. Среди них следует прежде всего назвать обширный Гостиный двор, сооруженный по проекту архитектора Валлен Деламота в 1764—1785 гг. на фундаментах, заложенных по неосуществленному проекту В. В. Растрелли.

Деламот разработал свой проект, сохранив планировку и количество арок, предусмотренных Растрелли, и придал архитектуре здания спокойный и строгий характер, отвечавший изменившимся вкусам. Полностью деламотовская архитектура Гостиного двора сохранилась со стороны Банковской линии, остальные его фасады были сильно искажены при перестройке и ремонте, произведенном в середине XIX в. После Великой Отечественной войны фасад, выходящий на Невский, восстановлен с большим приближением к его первоначальному виду.

Торговый центр Петербурга, образовавшийся вокруг Большого гостиного двора, пополнился рядом торговых гостинодворских построек, как, например, Серебряные ряды на Невском, выстроенные, по видимому, по проекту Д. Кваренги в 90-х годах (ныне здание Городской станции ж. д.). Башня была пристроена несколько позднее, в 1802 г., архитектором Феррари.

Другим важным произведением архитектуры, до сих пор занимающим почетное место на проспекте, явилось здание Публичной библиотеки, выстроенное в 1796—1801 гг. архитектором Е. Т. Соколовым. Опытный зодчий, строитель-практик,

Соколов удачно решил план здания на сложном участке с тупым углом, объединив два больших прямоугольных зала овальным угловым залом, пристроив к нему со двора парадную трехмаршевую полукруглую лестницу. Так же интересно и своеобразно он решил фасад здания. В центре его Соколов поставил объединяющую два верхних этажа коническую колоннаду, завершенную скульптурами. Своеобразная трактовка Соколовым классических мотивов, как и удачное использование особенностей углового участка, делают это здание одним из выдающихся произведений архитектуры, созданных на рубеже XVIII и XIX вв.

На Невском проспекте во второй половине XVIII в. сооружается ряд ивоверческих церквей.

В 1763—1783 гг. по проекту архитектора Валлея Деламота возводится комплекс католического доминиканского костела, главный фасад которого представлен в виде широкой арки, оформляющей главный вход в храм.

Напротив Гостиного двора архитектор Ю. М. Фельтен в 70-х годах строит одну из четырех своих церквей — Армянскую.

Остальные построенные им в Петербурге церкви — св. Екатерины на Большом проспекте Васильевского острова, Финская на Коноваловой улице (ныне улице Желябова) и св. Анны на Фурштатской улице (ныне перестроена в кинотеатр «Спартак» на улице Петра Лаврова) — близки друг другу по плану, простоте и строгости архитектуры. Наиболее интересна последняя — церковь св. Анны. Входная часть ее была разработорана в виде полуротонды с колоннадой конического ордера, охватывающей выступающий полукруглый вестибюль над которым возвышается небольшой барабан с куполом и шестью парами легких коринфских колонн.

Фельтен создал в Петербурге своеобразный, скромный по композиции, базиликальный тип ивоверческих церквей.

Из жилой застройки проспекта в мало измененном виде до нас дошли лишь отдельные дома. Таким является, например, дом с колоннадами (ныне кинотеатр «Баррикада»), выходящий фасадами на улицу Герцена, Невский и набережную Мойки, построенный в 60-х годах для петербургского генерал-полицеймейстера Чичерина.

Это был один из наиболее видных по архитектуре частных домов Петербурга. Есть основания предполагать, что этот дом строился по проекту архитектора А. Ф. Кокорина.

За Публичной библиотекой до Фонтанки тянулся сад Аничкова дворца. Участок на противоположной стороне Невского проспекта, между Садовой, Невским, Малой Садовой и Итальянской (ныне улица Ракова), в начале второй половины XVIII в. принадлежал П. И. Шувалову, для которого здесь был выстроен дворец с обширным садом и парадным двором, окруженным галереями. Автором этого ансамбля был архитектор А. Ф. Кокорин. В конце XVIII в. участок Шувалова был роздан различным застройщикам. От шуваловского дворца сохранился лишь

один корпус со стороны улицы Ракова, занятый ныне Домом санитарного просвещения (приписывается С. И. Чевакинскому).

Невский проспект на дальнейшем его протяжении от Фонтанки и до Александро-Невской лавры к этому времени также интенсивно застраивался, но характер строений здесь был иным. Эта часть являлась предместьем. На берегу Лиговского канала, пересекавшего Невский, в 1794—1804 гг. была выстроена по проекту архитектора Ф. И. Демердова Знаменская церковь (ныне на ее месте павильон станции Метро).

В системе конечного ансамбля Невского проспекта — Александро-Невской лавры — в это время уже была завершена постройка здания Троицкого собора, запроектированного архитектором И. Е. Старовым.

Троицкий собор был заложен в 1778 г. и окончен в 1790 г. Старов являлся не только автором проекта собора, но и руководил его строительством. Это здание было самым крупным церковным сооружением Петербурга XVIII в., если не считать не достроенного еще в те годы Смольного собора Растрелли и достраивающегося ринальдиевского Исаакиевского собора. Задача Старова при создании Троицкого собора осложнилась тем, что это здание следовало связать с архитектурой лавры, включить его в уже сложившийся ансамбль. Старов умело решил эту задачу.

Архитектура собора в целом производит сильное впечатление благодаря чрезвычайно удачному построению объемов и распределению мощных масс, хорошо найденным ясным членениям, сравнительно простым формам и деталям.

Внешнее объемное решение собора вытекает из внутренней его структуры. Композиция западного фасада завершена двумя башнями-колокольнями и порталом в центре.

Старов не ограничился постройкой собора в лавре. Он привел в порядок весь комплекс лаврских зданий, реконструировал сады, возвел галереи, соединяющие собор с монастырскими корпусами, построил ограду, ворота с надвратной церковью и угловыми домами на Невском проспекте и спланировал перед территорией лавры городскую площадь. Тем самым он связал весь ансамбль Александро-Невской лавры с Невским проспектом, с городом.

Поперечные магистрали города, соединявшие три расходящихся от Адмиралтейства лучевых проспекта, во второй половине XVIII в. определились достаточно отчетливо. Это набережные рек Мойки, Фонтанки и Екатерининского канала, кроме того, Садовая улица, которая брала начало у усадьбы «Летнего третьего дворца», на месте которого сейчас находится Инженерный замок, затем пересекала Невский проспект, Гороховую улицу, Вознесенскую перспективу и заканчивалась за Крюковым каналом, в предместье Коломна, сохранявшем даже еще в первой половине XIX в. тихий, провинциальный облик. О ней писал Н. В. Гоголь: «...тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в Коломенские улицы, как оставляют тебя всякие желанья и порывы. Сюда не заходит буду-

щее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья... Жизнь в Коломне страх уединенна: редко покажется карета, кроме разве той, в которой ездят антеры, которая громом, звоном и бряцаньем своим одна смущает всеобщую тишину. Тут все пешеходы...»¹

В последние годы XVIII в. на Покровской площади (ныне площадь Тургенева) в Коломне была выстроена приходская церковь по проекту архитектора И. Е. Старова. Теперь она не существует.

Третий деревянный Летний дворец — произведение В. В. Растрелли — сохранялся у Летнего сада до конца века, когда на его месте по распоряжению Павла I был сооружен огромный замок, названный Михайловским и переименованный позднее, в 1822 г., в Инженерный. Многолетнюю дискуссию о зодчем — действительном авторе этого оригинального здания, не похожего ни на одну из построек Петербурга XVIII и XIX вв., в настоящее время можно считать законченной. Неустанные поиски советских исследователей в архивах тех документов, которые бы приводили завесу и открыли тайну Инженерного замка, увенчались успехом, и теперь авторская роль великого зодчего В. И. Баженова в создании замка для Павла I является бесспорной. Проект замка для Павла I был составлен В. И. Баженовым в период с 1790 по 1795 г. в связи с обширным планом реконструкции и перепланировки Гатчины — любимого местопребывания Павла I в его бытность цесаревичем. Сейчас же после смерти Екатерины II и восшествия на престол Павел I утверждает проект Гатчинского замка Баженова, возможно с некоторыми изменениями, и одновременно отдает распоряжение построить его в Петербурге, а не в Гатчине. Строительство разворачивается с 26 февраля 1797 г. — дня закладки замка — в быстром темпе. В этот период времени шестидесятилетний В. И. Баженов был тяжело болен и 4 мая 1797 г. обратился с просьбой о временном отпуске, чтобы, как писал он: «излечиться от жестокой болезни в голове моей мозга и поправления дел моих домашних...»²

Все дальнейшее строительство замка было поручено архитектору В. Ф. Бренна, уже осуществлявшему практическое руководство строительством с момента закладки.

В 1799 г. Баженов умер, и достройку здания осуществлял Бренна, который по-своему оформил помещения замка и, вероятно, переделал главный фасад, обращенный раньше на площадь Конетабль. Замок был закончен в 1800 г.

Участок Михайловского замка начинался от ныне существующей Манежной площади и тянулся до Летнего сада, от которого его отделяла река Мойка; бсковыми его границами служили Фонтанка и восточный край так называемого «Третьего» — ныне Михайловского сада.

¹ И. В. Г о г о л ь, Собр. соч., т. III, Гос. Изд. худож. лит., М., 1949, повесть «Портрет», стр. 105—106.

² ЦГАВМФ. Кутисева, д. 3, л. 111. Сообщено Л. К. Абрамовым.

За воротами каменной ограды у нынешней Манежной площади начиналась широкая, обсаженная деревьями аллея (восстановлена в 1947—1951 гг.), продолженная между одноэтажными зданиями манежа и берейторской школы; она вела к двум двухэтажным павильонам, образовавшим род пропилей. За ними простирался «пiazza-парад» — площадь Конетабль, в центре которой был установлен памятник Петру I работы скульптора К. — В. Растрелли — отца великого зодчего.

За piazza-парадом возвышалось здание Михайловского замка, окруженного искусственными канавами и с двух сторон Мойкой и Фонтанкой. Подъемные мосты соединяли замковый остров с окружающей местностью.

Дворец — трехэтажное здание на высоком гранитном цоколе — сейчас высятся мощным розово-серым массивом на фоне густой зелени окружающих садов. Квадратный в плане, с мягко округленными углами, что было одним из любимых и характерных приемов Баженова, простой, строгий объем здания оживлен на главном фасаде легкой двойной преповкой, подчеркивающей центр и проезд во внутренний замкнутый восьмиугольный двор. Прямоугольный проем этого проезда является центром грандиозного каменного портала совершенно необычайной, не имеющей примера в истории архитектуры композиции. К массивным устоям портика приставлены идущие от земли обелиски, декорированные высеченными из мрамора скульптурными композициями и прекрасными по рисунку медальонами с вензелями Павла I. Портик завершен крутым фронтоном с многофигурным аллегорическим барельефом и тяжело венчающей его стенкой — аттиком, ранее служившим пьедесталом для скульптурной группы.

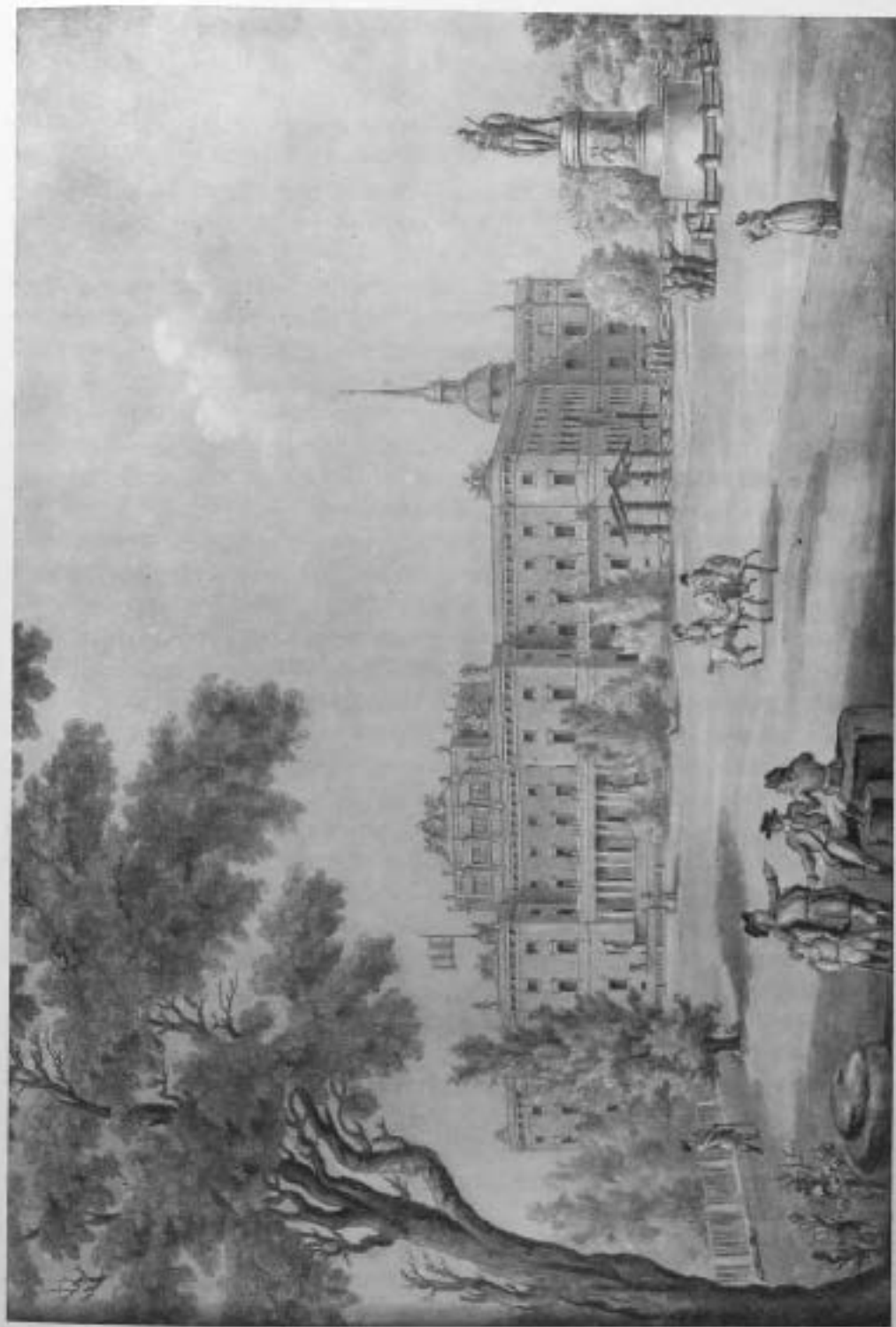
Фасад, обращенный к Летнему саду, имеет другой характер. Его центр подчеркнут двумя сильными выступами, объединенными в первом этаже мраморной колоннадой из сдвоенных колонн, которая служит основанием открытого балкона во втором этаже. Широкая парадная лестница ведет в замок и придает ему черты большой торжественности.

Боковые фасады замка решены проще и скромнее: в центре фасада, выходящего на Фонтанку, имеется полукруглый выступ, отвечающий центральному овальному залу дворца. Он перекрыт куполом с фонарем и увенчан флагштоком, а в первом этаже окружен колоннадой, несущей узкий балкон.

Противоположный фасад, выходящий теперь на Садовую улицу, имеет в центре сильный узкий скругленный выступ, во втором и третьем этажах которого помещалась двухсветная дворцовая церковь. Ее объем, резко выступающий из глади стены основного объема здания, окружен широкой, роскошной, на две стороны лестницей и увенчан золоченым шпилем.

Внешний облик Михайловского, или Инженерного, замка дошел до наших дней без существенных изменений. Изменилось его окружение: уничтожен piazza-парад, засыпаны каналы с двух сторон, исчезли статуи и скульптурные группы с фасадов.

Силуэт, завершаемый мерцающим золотым шпилем, с одной стороны, и овальным куполом с флагштоком — с другой, прочно вошел в ряд красивейших и харак-

Михайловский любок. Построен в 1797—1800 гг. Архитекторы В. И. Боровиков и В. Ф. Бренна. Акварель начала XIX в.
Государственный Русский музей.

терных перспектив города со стороны Марсова поля, Летнего сада, с разных точек набережной Фонтанки, вдоль Садовой улицы и с возрожденной в наши дни Клеповой аллеи.

● Мягкая цветовая гамма Михайловского замка прекрасно увязывается с общим колоритом города.

Из крупных зданий, возникших на Садовой улице во второй половине XVIII в., следует назвать Ассигнационный банк, выстроенный по проекту архитектора Д. Кваренги в 1783—1790 гг.

Громадная подкова двухэтажного здания денежных кладовых завершается строгими римско-дорическими портиками. За красивой ажурной решеткой в центре двора, образованного подковообразным зданием, стоит главный трехэтажный корпус, соединенный с кладовыми ранее скрытыми галереями-колоннадами высотой в один этаж. Это здание по своей архитектуре и приему решения особенно типично для творчества Кваренги. Гладь стены в контрасте с плагиическим портиком, выделение первого этажа в трехэтажном здании и скупая строгая обработка деталей — излюбленные приемы Кваренги.

Здание Ассигнационного банка — замкнутый в себе ансамбль — несколько случайно расположен в системе городского плана и в рядовой застройке Садовой улицы.

Планы Комиссии каменного строения предусматривали прокладку двух новых полукольцевых магистралей в южной части города: первой — по линии Литейного, Владимирского, Загородного проспектов и 1-й Красноармейской улицы с площадями на местах вынесенных Владимирской и Технологической и второй — по направлениям проспекта Чернышевского, улицы Марата, Клинского проспекта, 9-й Красноармейской улицы и проспекта Огородникова.

На юге городская застройка заканчивалась примерно на линии будущего Обводного канала, за исключением вытянувшейся вдоль Лиговки на юг Ямской слободы. На севере — на Выборгской стороне — застройка с разрывами развевалась только вдоль берега Невы и Большой Невки. На Петербургской стороне два основных участка застройки — направо и налево от крепости — разрослись и начали смыкаться в районе Кировского проспекта, в отдельных местах доходя до Карповки. Васильевский остров застроен плотно в своей восточной части от стрелки до 16-й и 17-й линий. Между 17-й и 22-й линиями строения располагались только южнее Большого проспекта. Дальше застройка шла вдоль берега Невы и взморья, почти до Галерной гавани, заканчивалась разросшейся Матросской, или Гаванской, слободой.

Не следует думать, однако, что показавшая на планах компактная застройка в действительности была таковой.

Колоссальные земельные пространства территории города были застроены городскими и загородными дворцами богатей-вельмож, окруженными обширными садами с прудами и оранжереями, парадными и хозяйственными дворами со служеб-

бамп. Такими были Таврический дворец Потемкина, усадьба Аничкова дворца; такими были усадьбы с дворцами и большими садами Шереметева и Воронцова на Фонтанке. Дальше по Фонтанке за Чернышевым переулком стоял загородный дом Чернышевых; за ним разместился построенный Растрелли загородный дом лейб-медика Елизаветы — Лестока. У Семеновского моста на южном берегу Фонтанки находилась усадьба миллионера Глебова; на месте Технологического института от Загородного до Фонтанки было обширное угодье кабинет-министра Артемия Волынского, в 1740 г. отписанное под придворную конюшню. На месте нынешнего Военно-артиллерийского училища (на проспекте имени И. В. Сталина) граф Воронцов построил для себя большой загородный дворец. Напротив него на другом берегу реки Фонтанки располагалась загородная усадьба князей Юсуповых с сохранившимся до наших дней домом, перестроенным Д. Кваренги. Вблизи Измайловского проспекта на набережной Фонтанки до сих пор стоит дом поэта Г. Р. Державина, построенный архитектором Н. А. Львовым, сохранивший свои первоначальные черты лишь со стороны сада. Эти далеко не полные примеры говорят об обилии садов и зелени и о незначительной плотности городской застройки в Петербурге конца XVIII в.¹ Эти характерные особенности города усиливаются, кроме того, наличием больших участков земли, занятых привилегированными учебными заведениями, такими, как 1-й Шляхетский кадетский корпус, разместившийся во дворце Меншикова и на значительной части территории, принадлежавшей когда-то ему усадьбы, как Вдовый дом и Смольный институт, которые занимали колоссальную усадьбу Смольного монастыря, находившиеся рядом с ним Воспитательный дом и Богоявленская и т. д. Большие городские территории занимали также казармы и учебные плацы гвардейских полков. Но эти мало застроенные территории к концу века начали понемногу сокращаться за счет развивавшейся частной застройки как в центральных районах, так и в предместьях и пригородах.

Южнее Фонтанки к 1780 г. застройка, например, в Рождественской части удвоилась, в Московской и Каретной частях также значительно возросла, а в Нарвской части увеличилась втрое. Если за шестнадцать лет, с 1761 по 1777 г., в Петербурге в среднем строилось за год восемь каменных частных домов, то за следующее десятилетие, т. е. к 1787 г., их было построено более тысячи.

Именно в эти годы быстро менялся архитектурный облик города.

К началу XIX в. в центре города, в особенности на невских набережных, Невском и Вознесенском проспектах, Гороховой улице и других преобладали двух- и трехэтажные каменные дома с фасадами в стиле классицизма, построенные в последнюю четверть XVIII в. Их число в 1798 г. превосходило в два с половиной раза количество каменных домов, сооруженных до 1775 г.

¹ Облик города 70-х годов хорошо представлен на «Перспективном» плане С.-Петербурга 1764—1773 гг., хранящемся в Ленинградском филиале Центрального Государственного военно-исторического архива.

Если число деревянных домов в центре города в течение второй половины XVIII в. увеличилось мало и в отдельные годы в результате пожаров уменьшалось, чуть ли не вдвое, то число каменных строений с 1762 по 1800 г. увеличилось в четыре раза. Таким образом, центральные районы Петербурга все больше приобретали черты строгой величавости, приличествующей столице.

В то же время предместья или окраины — Охта, Галерная, Ямская слобода и др. — оставались попрежнему неблагоустроенными, и только зелень садов и палисадников несколько маскировала убогость множества лачуг, где ютилось по преимуществу ремесленное население.

Качество строительства, внешний его вид и общее благоустройство соответствовали классовому и материальному состоянию населения той или иной части города. Одно-двухэтажная, преимущественно деревянная, застройка, деревянные заборы, немощевые улицы, полное отсутствие уличного освещения, грязные канавы с нечистотами — вот картина окраинных районов столицы.

В городе было в полтора раза больше незамощенных улиц и площадей, чем мощеных, и большая часть застройки оставалась деревянной.

В начале 90-х годов XVIII в. в 1-й Адмиралтейской части уже не было деревянных домов, а во 2-й и 3-й Адмиралтейских частях число каменных домов составляло около 40% общего числа зданий. Совсем другое положение было на окраинах: в Петербургской части на 339 строений каменных домов было всего 6, а в Выборгской части на 219 строений каменных домов было 7.¹

К началу XIX в. территория города с предместьями составляла 55,23 кв. км.²

Если в центральной части города существовала монументальная почти сплошная каменная застройка с гранитными набережными и отдельные крупные сооружения — дворцы, правительственные здания — придавали берегам Невы парадный столичный вид, то все ее рукава и протоки, как и основное русло вверх по течению, застроены были редкими, перемежающимися с пустырями зданиями. В первую очередь это замечание относится к береговым территориям устья Невы и ее рукавов, островам, в конце XVIII в. освоенным еще мало и застроенным по преимуществу дачами петербургской знати.

Так, в районе Старой деревни построил себе дачу гр. Н. И. Головин. В Новой деревне в 90-х годах А. Н. Воронихин создал дачную усадьбу гр. А. С. Строганова с замечательным деревянным павильоном для парадных преломов. Большие работы проводились на Елагином острове. Низменный, болотистый и затопляемый остров окружается земляным валом, для его осушения выкапываются пруды и каналы, прокладываются по валу дороги. Владелец острова И. П. Елагин построил здесь большой дом для летнего пребывания.

¹ И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 62, 94, 103, 144, 158.

² Данные приведены на основании статистических сведений на 1806 г. в так называемом Строгановском атласе 1806 г. ЦГИА, ф. ВУА, 22510.

Описание Елагина острова 90-х годов дает нам представление о богатом пригородном поместье Петербурга: «Весь остров расположен для летнего пребывания хозяина и нынешним владельцем украшен с изящным вкусом и содержится в наилучшем устройстве. Около всего острова сделан земляной вал вышиною в сажень, нужный по причине низкого берега и служащий теперь к приятной прогулке. У перевозу с Каменного острова построена из дикого камня набережная, на которой стоит 12 медных пушек для увеселения. Большая западная часть содержит в себе разный болотный лес, который находящимися в нем аллеями, беседками, гротом, несколькими памятниками в честь друзей хозяина, каналами и мостами имеет вид Англинского сада... Восточная часть острова суше, и на оной построен каменный двухэтажный дом, украшенный столбами; сверх того разведен огород и сад с прекрасною оранжереею и мраморными бюстами; зимний сад в деревянном теплом зале длиною в 30, а шириною в 8 сажен, подобный во всем в Таврическом дворце находящемуся зимнему саду...»¹

Соседний с Елагиним Крестовский остров принадлежал тогда Кириллу Разумовскому, который имел здесь обширный зимний загородный дом и устраивал в нем приемы и празднества.

Самым красивым из островов был Каменный остров, или Каменный нос. После петровского канцлера гр. Головкина, первого владельца острова, он перешел к гр. Бестужеву-Рюмину, который в середине века благоустраивает остров и сооружает здесь необыкновенный дворец, состоявший из ряда небольших флигелей, навильонов, беседок, объединившихся легкими ажурными колоннадами. Это произведение Растрелли было снесено в связи с начатой здесь постройкой для Павла I нового Каменноостровского дворца, проект для которого составлял архитектор В. И. Баженов.

Аптекарский остров в екатерининское время был еще мало освоен. Устроенный здесь Петром аптекарский сад продолжал существовать — в нем выращивались разнообразные лекарственные растения.

Наконец, на Петровском острове, принадлежавшем царской фамилии, в эти годы был построен небольшой деревянный одноэтажный дворец, сгоревший в 1912 г.

Загородное строительство, кроме островов, распространяется по берегам Невы вверх по ее течению. По правому берегу Невы стояли загородные дома и дачи с большими садами Бакунина, Снягина, Собакина и дошедшая до наших дней, хотя и в очень плохом состоянии, дача Кушелева-Безбородко (архитектор Д. Кваренги) с красивой ионической колоннадой и погибшим теперь огромным живописным парком, в котором были ручейки, беседки и великие садовые затсы, характерные для дворянских загородных усадеб того времени.

Левый берег Невы вверх по ее течению также мало-помалу застраивался загородными домами вельмож и дачами. Если берег Невы между Фонтанкой и Смольным

¹ И. Г. Георги, *ув. соч.*, стр. 154.

монастырем в последние годы XVIII в. уже имел почти городскую застройку, которая состояла частью из зданий военного ведомства — арсенальных, складских, казарм, частью из жилых обывательских домов Литейной слободы, а в отдельных случаях и таких, как Таврический дворец, те за Смольным монастырем берег Невы представлял собою загородную, глухую местность, еще совсем не обжитую.

Но и здесь уже возникали постройки. Против Охты вблизи от Александровской дачи построил себе дачу архитектор Н. А. Львов, о которой только известно, что при ней был хороший сад. За дачей Старов построил для Потемкина деревянный загородный дом «Озерки», позднее перенесенный на Петергофскую дорогу.

Вблизи от Фарфорового завода находилась дача кн. Куракина с большим садом, остатки которого до последнего времени сохранили название Куракиной дачи и стали основой Невского районного парка социалистического Ленинграда. В этих же местах генерал-прокурор Вяземский имел загородный трехэтажный дом с большим пейзажным садом, с построенной в нем мизой «Каприз».

Наконец, вверх по Неве, у Ивановских порогов, в 1785—1789 гг. осуществлялось строительство замечательного загородного дворца Екатерины II — в Пелле, выдающегося произведения И. Е. Старова. В 1796 г. почти готовый дворец по приказу Павла был разобран на материал для постройки Михайловского дворца.

Дворец в Пелле представлял грандиозное сооружение, состоявшее из девяти отдельных корпусов и шестнадцати павильонов, соединенных между собой колоннадами-галереями. О характере архитектуры этого безвозвратно исчезнувшего ансамбля можно судить лишь по сохранившемуся небольшому павильону, зданию почтовой станции, построенной И. Е. Старовым в 1786 г. недалеко от воздвигаемого дворца.

Важным направлением развития города была Петергофская дорога, застраивавшаяся загородными домами и дачами еще со времени Петра I. Про Петергофскую дорогу во второй половине XVIII в. современники рассказывали, что она напоминала предстанный переезд от Парижа до Версаля.

В конце века Петергофская дорога начиналась от гранитных ворот, построенных на городской границе в 1784 г. у так называвшегося «выгонного рва», находившегося на месте речки Таракановки. Недалеко от городских ворот одним из первых раскинулся обширный парк гр. Строганова, в котором стоял большой двухэтажный каменный дом.

Дальше, по левой стороне дороги, стоял дом екатерининского генерал-полицеймейстера столицы Н. И. Чичерина. Этот дом с большим парком, прудами, оражерами и деревянными флигелями был построен архитектором А. Ф. Кокоринным. По обе стороны дороги стояли, утопая в зелени, дома Сиваронских, Измайловых, Мордвиновых, Сиверса, Брюса. О размерах и характере этих дач можно судить по описанию усадьбы кн. Е. Р. Дашковой. Усадьба «простиралась по большой

дороге на 100 сажен и от оной до залива... Знатные каменные строения составляют со флигелями открытый двор, до большой дороги простирающийся и ... различными деревьями насажденный. Подле строений находится плодоносный сад с теплицами. Позади строений есть смешанный лес с знатым лугом, подле ручейка и знатных каналов, окружающих также небольшой остров с банею. В лесу идут прямые и извивающиеся дорожки к морскому заливу, при котором находятся два каменные дома, и между обоями главный вход.¹

Трудом крепостных крестьян вся эта дикая заболоченная приморская местность от городеной границы до Стрельби и дальше до Петергофа и Ораниенбаума была превращена во второй половине XVIII в. в нарядную, благоустроенную загородную зону с дворцами придворной вельможной знати.

В тот же период значительное строительство ведется в загородных резиденциях: Петергофе, Царском Селе, Ораниенбауме, Гатчине и Павловске. Архитекторы производят заново внутреннюю отделку в петергофских дворцах. В Большом дворце Ю. М. Фельтен создает Чесменский, Тройной и Столовый залы. В стиле строгого классицизма Д. Кваренги отделяет Екатерининский корпус в Нижнем парке Петергофа и возводит в 1781—1791 гг. Английский дворец. В плане покоеобразное, двухэтажное на высоком цокольном этаже здание, с гладкими стенами, поражало лаконичностью и в то же время величием и благородством своей архитектуры. Восьмиколонный портик коринфского ордера, завершенный гладким фронтоном, с широкой лестницей связывал дворец с парком. Это замечательное творение Кваренги было варварски разрушено гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. В Ораниенбауме архитектором А. Ринальди в 60-х годах был создан новый дворцово-парковый ансамбль Собственной дачи с Китайским дворцом, Каталальной горкой и различными строениями в парке. Их архитектура, изящная и легкая, носит еще черты барокко.

Большое строительство во второй половине XVIII в. производится в Царском Селе — любимой летней резиденции Екатерины II. Крупной новой постройкой было сооружение Александровского дворца, законченного в 1796 г., — одного из лучших произведений Д. Кваренги. Архитектура здания отличается строгим изяществом. Центральный корпус дворца с крайними выступами, объединенными колоннадой из двух рядов коринфских колонн, образует род открытого зала — нарядного двора, в который ведет широкая лестница в несколько ступеней, украшенная скульптурами «Юноша, играющий в свайку» работы А. В. Логановского и «Юноша, играющий в бабки» работы С. С. Пименова. Фасад, выходящий в парк, завершается в центре изящной по архитектуре полуротондой.

Большую роль в создании Царскосельского дворцово-паркового ансамбля сыграли крупные русские архитекторы В. И. Неелов и его сын И. В. Неелов, посвятившие свою жизнь этому замечательному пригороду Петербурга.

¹ И. П. Георги, *ув. соч.*, стр. 711—712.

*Александровский дворец в г. Пушкине. Построен в 1792—1796 гг.
Архитектор Д. Кваренга.*

Архитектор В. И. Неелов в 1768—1770 гг. приступил к превращению строгого «регулярного» Екатерининского сада в Царском Селе в пейзажный и в 70-х годах возвел в нем ряд павильонов и парковых мостиков: Красные ворота, Малый и Большой каприз, Адмиралтейство, Пирамиду, ансамбль Китайской деревни и, наконец, знаменитый Мраморный мостик через проток большого пруда.

Его сын И. В. Неелов в 1770—1780 гг. украшает парк павильонами Верхней и Нижней ванн, Баболовским дворцом, Китайским театром и, наконец, строит, точнее перестраивает, Церковный и Zubовские корпуса Большого дворца. В 1788—1792 гг. он строит новый четырехэтажный флигель Большого дворца спокойной и простой архитектуры. Значительные изменения во внутренней отделке Большого дворца и добавления к нему выполнены в 80-х годах Ч. Камероном. Он заново отделал в духе классицизма ряд парадных и жилых помещений дворца. Выдающимся произведением Ч. Камерона является группа построек, непосредственно примыкающая к Большому дворцу. Это висячий сад, устроенный на уровне второго этажа, Агатовый павильон, Холодные бани и, наконец, замечательная открытая галерея, за которой сохранилось имя ее строителя, — Камеронова галерея.

Камеронова галерея в г. Пушкине. Построена в 1783—1786 гг. Архитектор Ч. Камерон.

Зодчий мастерски связал этот комплекс сооружений с дворцом Растрелли, несмотря на совершенно разный стилистический характер их архитектуры. На упрощенном, нарочито грубоватом основании Камерон поставил легкие здания: Агатовый павильон и колонаду галерей, как бы пронизанные воздухом. Контраст тяжести и легкости, грубого и изящного, мастерски найденный характер деталей, их прекрасная прорисовка превращают комплекс этих сооружений в одно из лучших произведений мировой архитектуры. Ансамбль Камерона неразрывно связан с окружающим парком и образует один из живописнейших архитектурных пейзажей бывшего Царского Села.

Архитектор А. Ринальди, построив Орловские ворота и Чесменскую колонну в память блестящей победы русского флота при Чесме, обогатил парк новыми прекрасными произведениями зодчества.

Во второй половине XVIII в. создается новая царская резиденция — Гатчина. Построенный в 1766—1781 гг. архитектором А. Ринальди Гатчинский дворец явился своеобразным по архитектуре зданием, выполненным из пудостского камня-известняка. Дворец представлял собою трехэтажный корпус, соединенный галереями с боковыми низкими флигелями, завершенными на углах небольшими башенками. Позднее Гатчинский дворец частично перестраивает архитектор

Гатчинский дворец. Построен в 1765—1781 гг. Архитектор А. Ринальди.

В. Ф. Бренна, вследствие чего внешний облик дворца сильно изменился. Переделывает Бренна дворец и внутри, мало что оставляя от работ Ринальди. Целую огромную трудя крепостных и тонким искусством художников-садоводов однообразный северный лес был превращен в редчайший по красоте парк. Груши естественных озер — Серебряное, Белое, Черное, Глухое, — соединенных протоками, и прихотливо извивающаяся река Зверинка придают парку особую живописность.

Одновременно с Гатчинной усиленное строительство разворачивается в Павловске. Дворец, построенный Ч. Камероном в 1782—1786 гг., представлял собою трехэтажное здание, прямоугольное в плане, завершенное куполом, покоящимся на цилиндрическом барабане, окруженном небольшими колоннами. Два служебных флигеля, соединенных с центральным корпусом низкими галереями, дополняли объемную композицию дворца. Позднее дворец частично перестраивался последовательно архитекторами В. Ф. Брэнном, А. Н. Воронихиным и К. И. Росси. Выразительное объемное решение дворца, четкость основных членений, соразмерность всех частей, лаконичность и простота архитектуры выделяют это сооружение как блестящий образец архитектуры русской классической школы. Над внутренней отделкой дворца, наряду с архитекторами, работали художники И. П. и

Дворец в Павловске. Построен в 1782—1786 гг. Архитектор Ч. Камерон. Литография середины XIX в.

К. П. Скотти и знаменитый театральный декоратор и живописец П. Гонзага. Дворец и парк украсили своими произведениями лучшие русские скульпторы М. И. Козловский, Ф. Г. Гордеев, И. П. Прокофьев, И. П. Мартос. Вокруг дворца был создан живописный парк. Природа здесь дополнялась художественными парковыми сооружениями: павильонами, мостами, беседками и другими постройками, исполненными в стиле классицизма. Значительная часть их была исполнена Ч. Камероном. Среди них Храм Аполлона, Вольер, Храм дружбы, Памятник родителям и пр.

Большие архитектурно-строительные и парковые работы, проведенные во второй половине XVIII в. в царских резиденциях под Петербургом, привели к созданию замечательных дворцово-парковых ансамблей, являющихся выдающимися памятниками русской архитектуры мирового значения.

Подводя итоги развития Петербурга и его архитектуры за вторую половину XVIII столетия, следует, во-первых, отметить укрепление градостроительных принципов, формирование которых началось еще в петровское время

и развитие которых в процессе строительства Петербурга к концу века определило в известной мере последующую градостроительную практику городов Западной Европы. Укреплению этих градостроительных принципов, заключавшихся в регулярной планировке системы ансамблей с выявлением композиционного центра, способствовали широко развернувшиеся работы прежде всего в Петербурге и во многих городах страны, а в особенности во второй столице России — Москве. Следствием этого явилось дальнейшее формирование города на основе учета природных условий, но при сохранении классовых ограничений. Дальнейшее развитие системы архитектурных ансамблей Петербурга было связано главным образом с Невой.

Вторым важнейшим итогом является изменение характера самой архитектуры, которое можно оценивать как развитие стилия русского классицизма. Этот поворот от пышной, декоративно насыщенной архитектуры середины века, характеризующейся в Петербурге творчеством В. В. Растрелли и С. И. Чевакинского, а в Москве творчеством Д. В. Ухтомского, к ясной по композиции, сдержанной в декоративных приемах архитектуре конца века петербургских мастеров И. Е. Старова и Д. Кваренги и московских мастеров В. И. Баженова и М. Ф. Казакова означал новую, более высокую и более близкую нашей современности ступень развития русской национальной архитектуры. Основой композиции архитектурных произведений этого периода было архитектоническое, т. е. конструктивно оправданное, применение ордера в свободной творческой переработке.

Большому разнообразию композиционных приемов способствовало значительное расширение архитектурной тематики, вызванное расширением государственных и общественных потребностей, отвечавшее политическому укреплению самодержавно-дворянского государства и развитию экономики страны. С другой стороны, рост передовых общественных стремлений и национального самосознания, органическая связь с национальными архитектурными традициями способствовали углублению идейного содержания архитектуры и ее реалистического характера.

Успешное развитие отечественной строительной техники и декоративных ремесел способствовало повышению архитектурного качества сооружений этого времени.

Все это вместе взятое подняло петербургскую архитектуру конца XVIII в. на новую высоту, поставило петербургскую архитектурную классику уже на этой ступени ее развития на первое место в мировой архитектуре того времени.

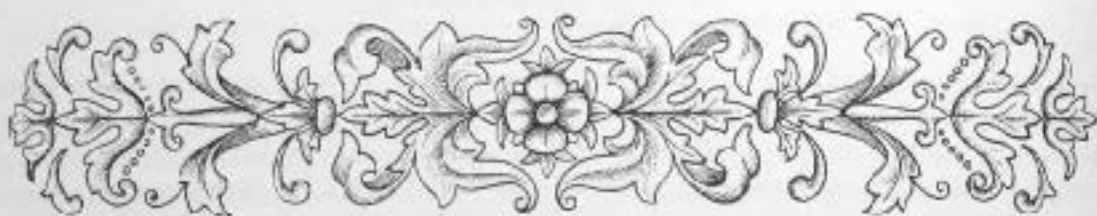
Архитектура Петербурга конца XVIII в. своим развитием и своими высокими достижениями подготовила дальнейший расцвет русской национальной архитектуры первой трети XIX в. во всей стране.

Вместе с тем следует иметь в виду ее классовый характер, который особенно ярко проявился в градостроительных мероприятиях Петербурга и выразился в образовании отчетливо выявившихся «классовых поясов» города. Градострой-

тельные мероприятия по планировке города, памятники архитектуры мирового значения, созданные гением талантливой плеяды архитекторов и трудом крепостных, служили не народу, а богатым слоям населения столицы, по преимуществу дворянской аристократии. Все это было лишь фасадом, прикрывавшим задавленную крепостничеством Русь, которая начиналась здесь же и пределах столицы, на ее окраинах, в ее слободах, в которых жили рабочие люди.

Приезжие и жители столицы легко могли попасть из «Северной Пальмиры» с ее гранитными набережными, дворцами, усадьбами в улочки с непролазной грязью, огородами, палисадниками и непроницаемой тьмой в вечернее время. Для этого надо было только проехать из одного района Петербурга в другой. Здесь рабочие люди жили в своих домиках, лишенных какого бы то ни было бытового благоустройства, как это было у плотников Охтенской слободы или ямщиков — Ямской. Но чаще они пользовались наемными углами или жили там же, где и работали, в помещениях мастерских. Органы, ведавшие градостроительством, мало обращали внимания на планировку и благоустройство городских окраин. Если и принимались какие-либо меры, так только в интересах противопожарной охраны — пожары продолжали оставаться страшным бичом Петербурга и порой грозили центральным кварталам города. Классовые противоречия города в дальнейшем, в период разложения крепостничества, и позже, при господстве капитализма, выявлялись все более и более резко и породили за богатым фасадом центра столицы трущобы, присущие капиталистическим городам. Планировка и архитектура города отражали классовые противоречия, все более нараставшие в стране.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕТЕРБУРГА В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.

Вторая половина XVIII в. ознаменовалась рядом изменений в городском управлении Петербурга. Эти изменения были обусловлены общим ходом развития России. В недрах феодального хозяйства страны все более развивались буржуазные отношения. В связи с ростом торговли и промышленности увеличивалось значение купечества и владельцев мануфактур. Возрастал удельный вес городов и городской буржуазии.

Политика правительства в течение всего XVIII в. диктовалась дворянскими интересами, но ему приходилось считаться и с развивающейся буржуазией. Это побуждало правительство «просвещенной государыни» Екатерины II идти по намеченному еще Петром I пути создания в городах органов «самоуправления».

Но перед правительством стояла и другая задача, решение которой было совершенно неотложно для дворянства после крестьянской войны под предводительством Пугачева: чтобы обезопасить себя от повторения таких восстаний, правительству необходимо было всемерно укрепить власть на местах, т. е. усилить губернскую администрацию и полицию. Решение этой второй задачи в известной степени затрудняло разрешение первой, так как трудно было в одно и то же время и усиливать власть местного бюрократического аппарата и создавать какое-то «самоуправление». Под воздействием этих факторов проходили реформы местного управления Екатерины II, создавшие новую структуру городского управления.

Началом изменений в области городского управления Петербурга послужил указ 14 декабря 1766 г. о выборе депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения»¹ (т. е. для разработки нового свода законов). Этим указом в Петербурге, как и в других больших городах России, создавалась новая должность городского головы, выбиравшегося на два года из числа домовладельцев не моложе 30 лет. В выборах городского головы и депутата в Комиссию по составлению проекта уложения в Петербурге и Москва имели право принимать участие все домовладельцы города.

Функции городского головы были очень не ясны, и он до реформы 1775 г. не играл никакой роли в жизни города; однако самый факт создания такой должности очень интересен: городской голова являлся выборным лицом не одного какого-либо сословия, а всех домовладельцев города, в число которых входили представители разных сословий. В этом нельзя не видеть некоторого ущемления прав торгово-промышленного населения в пользу дворянства, что наглядно подтверждается на примере Петербурга, где депутатом в Комиссию был избран представитель дворянской знати Алексей Орлов, а городским головой — генерал-майор Зиновьев, родственник Орловых. Представители купечества были забаллотированы. Выборы производились тайным голосованием. Такой порядок применялся и во всех последующих городских выборах.

Для вновь избранного депутата Петербурга был разработан подробный наказ. Из 35 пунктов наказа 17 касались ограждения интересов купечества — требование учреждения городского купеческого суда, увольнения купечества от казенных служб, запрещения иностранцам записываться в петербургское купечество, а крестьянам и разночинцам иметь купеческие торги и промыслы и т. д. Из остальных пунктов значительная часть затрагивала вопросы здравоохранения и санитарии: увеличение числа докторов, аптек, повивальных бабок (акушеров), соблюдение в городе чистоты, отвод мест для вывозки нечистот и т. д. Повидимому, в этой области положение было наиболее неблагоприятным. Кроме того, наказ требовал лучшей организации полиции, мер против дорсговизны продуктов, предоставления кредита при строительстве домов, отвода городу земельных участков под устройство выгонов для скота и т. д. Важными были пункты, касающиеся городских повинностей (постоянной, караульной), требующие замены их денежным сбором.²

Несомненно связь петербургского наказа с последующими мероприятиями правительства в отношении Петербурга: многие из пунктов наказа были выполнены уже в ближайшие годы. Так, был учрежден петербургский Городской магистрат с функциями суда городского купечества (1774 г.), установлены границы города и отведены земли для выгонов, учрежден дом для умалишенных и т. д.

¹ ПСЗ, т. XVII, № 12801.

² Сб. РИО, т. 107, 1900, стр. 213—227.

Три последовавшие одна за другой реформы местного управления России внесли значительные изменения в петербургское городское управление. Это были: губернская реформа (1775 г.), реформа полиции (1782 г.) и Жалованная грамота городам (1785 г.).

Губернская реформа 1775 г. была проведена после народного восстания под предводительством Пугачева и преследовала цель укрепления государственного аппарата дворянской монархии, усиления административной власти на местах. Была создана новая единая для России структура органов управления губернией.¹ Вместо прежних 20 губерний было создано 50, число уездов, на которые делились губернии, увеличилось вдвое, и, хотя губернии и уезд стали значительно меньшими по размеру территории административными единицами, чем были прежде, структура их управления стала сложнее, а штат администрации сильно вырос. Это создавало правительству значительно большие возможности для повседневного наблюдения за населением. Для большей четкости работы новые губернские и уездные учреждения были построены по принципу разделения административных, финансовых и судебных дел. Стремясь поднять значение губернской администрации, правительство передало ей ряд функций, которые раньше выполняли коллегии, и полностью подчинило ей органы управления городов. Все эти меры способствовали усилению губернских властей.

В Петербурге, как и в других городах России, все органы местного управления, не включая и полиции, были поставлены в зависимость от губернатора. Это было ново для столицы, так как до тех пор, если не считать губернаторства Меншикова, петербургская губернская канцелярия занималась лишь делами губернии и не вмешивалась в управление самим Петербургом.

Но не только губернатору подчинялись теперь органы городского управления Петербурга. Над губернатором была создана еще одна должность — петербургского генерал-губернатора, который являлся заместителем императора.² Такая сложная система при отсутствии четкого разграничения функций генерал-губернатора и губернатора создавала путаницу. Оба руководителя губернской администрации вмешивались в городские дела и давали подчас противоречивые указания.

Губернская реформа лишила магистраты даже видимости функций по управлению городом, превратив их в чисто судебные учреждения для торгово-промышленного населения, сохранив при этом их сословный характер. В Петербурге, как в губернском городе, помимо существовавшего уже с 1774 г. Городового магистрата, был учрежден еще Губернский магистрат, которому подчинялся Городовой магистрат. Члены обоих магистратов избирались на 3 года тайным голосованием

¹ ПСЗ, т. XX, № 14392.

² Власть генерал-губернатора распространялась на несколько губерний. При Екатерине II петербургскому генерал-губернатору, помимо Петербургской губернии, подчинялась также и Выборгская губерния (см. ПСЗ, т. XXI, № 15474).

из представителей купечества и мещанства. Главный магистрат и его контора были упразднены, а магистраты поставлены в подчинение губернской администрации.

Новыми органами, созданными реформой 1775 г. в губернских городах, были Приказы общественного призрения. В ведение этих учреждений, возглавлявшихся местными губернаторами, передавались школы, больницы, сиротские дома, богадельни, исправительные дома и т. д. С этого времени появляются знакомые до сего термины: «градская больница», «градская богадельня» и т. п. Таким образом, расширялся объем хозяйства города.

Денежные средства, выделенные государством Приказам общественного призрения, были ничтожны. Такие полезные начинания, как учреждение школ, больниц и т. д., осуществлялись в основном за счет благотворительности. В бюджете петербургского Приказа общественного призрения пожертвования частных лиц и учреждений составляли главный источник дохода. Кроме этих пожертвований, важным источником дохода были также различные штрафные деньги, передававшиеся в Приказ общественного призрения по распоряжениям правительства.¹

Для городского управления Петербурга большое значение имели изменения в структуре полицейских органов, явившиеся результатом реформы 1782 г. Эта реформа преследовала те же цели, что и губернская реформа, — укрепление правительственного аппарата на местах. Правительство пыталось добиться этого теми же методами: созданием четкого и более дробного, чем прежде, административного деления городов, увеличением штатов полиции на основе единой для России структуры полицейских органов, уточнением функций каждого звена полицейского аппарата.

В результате реформы 1782 г. прежняя петербургская Полицеймейстерская канцелярия была упразднена и вместо нее создана Управа благочиния. Фактически же вся власть находилась в руках обер-полицеймейстера. Полиция передавалась в ведение губернской администрации — подчинена петербургскому генерал-губернатору, тогда как раньше она подчинялась непосредственно Сенату. Структура полицейских городских органов изменялась, в связи с чем было проведено новое административное деление Петербурга.

Петербург теперь делился на 10 частей, которые носили следующие названия: 1-я Адмиралтейская (территория между Невой и Мойкой), 2-я Адмиралтейская (между Мойкой и вывешным каналом Грибоедова), 3-я Адмиралтейская (между вывешным каналом Грибоедова и Фонтанкой), Васильевская (Васильевский остров), Петербургская (Петроградская сторона), Выборгская (Выборгская сторона),

¹ Санкт-Петербургские ведомости, 1782, № 88; И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 305—307.

Литейная (к востоку от Фонтанки), Московская (к югу от Фонтанки), Рождественская (район нынешних Советских улиц) и Каретная (против Рождественской части по другую сторону Невского проспекта). Части делились на кварталы. Всего в городе было 42 квартала.¹

Во главе частей были поставлены частные приставы, а во главе кварталов квартальные надзиратели. В каждой части была полицейская команда в 34 человека. Квартальному надзирателю подчинялись ночные сторожа, служившие по найму. Таких сторожей насчитывалось в Петербурге в 1794 г. свыше 500 человек. Они были вооружены дубинами, снабжены трещетками и носили панни с жестяным номером или буквою, означающей часть, к которой они принадлежали. На каждом перекрестке города имелись устроенные для сторожей будки. Сторожа содержались за счет жителей. Повидимому, в это время караульная повинность населения уже не существовала.

В органы полиции были привлечены представители от населения: в Управе благочиния заседали 2 ратмана Городского магистрата, а помощником квартального надзирателя был квартальный поручик, выбранный из населения. Эти меры, однако, не сделали полицейский аппарат менее бюрократичным; выборные ратманы и квартальные поручики оказались в полном подчинении обер-полицеймейстера. Что же касается моральных качеств агентов полиции, то они несколько не изменились: взяточничество, казнокрадство, вымогательство продолжали оставаться самыми обычными явлениями, несмотря на категорическое запрещение требовать с населения плату за те или иные услуги.

Создание новой четкой структуры полицейских органов дало возможность правительству держать под тщательным наблюдением население столицы. Дробность полицейских административных единиц (в квартале было всего около сотни домов) и наличие в каждом звене полицейских органов специального штата по наблюдению за населением (в частях — полицейские команды, в кварталах — ночные сторожа) делало полицейский аппарат гораздо более оперативным, чем прежде. В необходимых случаях в распоряжение полиции придавались воинские подразделения из войсковых частей, расквартированных в столице.

В состав полицейских административных частей были включены все городские окранны — правительство считало наблюдение за населением здесь особенно важной задачей. Устав Управы благочиния уделял большое внимание мерам выяснения за нарушение населением правительственных указов и предписаний полиции. Карательные функции полиции попрежнему играли важнейшую роль. Не меньшее значение для правительства имели и такие функции полиции, как выявление беглых, запрещение организации недозволенных обществ и т. д.

Устав Управы благочиния оставлял в ведении полиции все городское хозяйство столицы. Улицы, мосты, набережные находились под наблюдением полиции.

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 27—29.

Она должна была следить за санитарным состоянием и благоустройством города, производила отвод мест под застройку и следила за выполнением правительственных указов по городскому строительству, для чего при Управе благочиния имелся архитектор со своим штатом. Таким образом, функции полиции в отношении городского хозяйства были сохранены полностью.

Реформа 1782 г. несомненно усилила полицейский аппарат. Значение полиции в управлении и руководстве городским хозяйством столицы не уменьшилось, лишь над полицией в результате реформ 1775 и 1782 гг. создавалась новая ступень в системе управления городом — губернская администрация. Начиная с этого времени все мероприятия губернских властей проводились через посредство полиции.

Реформами 1775 и 1782 гг. правительство укрепило свой административный аппарат на местах и на этой основе приступило к разрешению следующей задачи, связанной с усилением значения городской буржуазии: созданию такого городского самоуправления, при котором сохранялся бы полный контроль над выборными органами со стороны дворянской администрации. Поставленную задачу должна была разрешить Жалованная грамота городам 1785 г. — «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», создавшая в городах новые органы городского управления.

Этот законодательный акт правительства шел далее петровских магистратов в деле создания городского «самоуправления», так как расширял компетенцию выборных органов. Новым было и то, что «Грамота» впервые в России устанавливала права и привилегии городов. Ею закреплялось право собственности города на принадлежащие ему земли, в том числе и на участки, отведенные под выгоны (эти участки было запрещено застраивать), город получал право иметь школы, заводить мельницы, харчевни, трактиры, устраивать ярмарки, устанавливать места, дни и часы торговли. Все жители города, не исключая и дворян, обязаны были нести установленные «тяготы», т. е. повинности и сборы, которые местные власти не могли произвольно увеличивать. Город получал герб, утверждаемый императором, и должен был строиться по утвержденному правительством плану.

При построении органов городского управления правительство исходило из сословного принципа. Все население города было разбито на 6 категорий, или курий: 1) «настоящие городские обыватели» — владельцы домов и городских земельных участков, 2) купцы, которые делились на три гильдии, 3) ремесленники, 4) иностранные и иногородние купцы, 5) именитые граждане, т. е. лица, обладавшие крупными капиталами, а также ученые и художники: архитекторы, живописцы, скульпторы, музыканты, имевшие соответствующие аттестаты, 6) посадеки — лица, занимавшиеся промыслом и не входившие в предыдущие пять курий.

Таким образом, из шести установленных категорий жителей четыре относились целиком к торгово-промышленному населению, а две — «настоящие городские

«обыватели» и «именитые граждане» — были смешанными; в них, наряду с торгово-промышленным населением, входили и другие слои жителей: дворяне, лица духовного звания, разночинцы — в том случае, если все они имели недвижимое имущество. Все шесть категорий составляли в совокупности «общество градское», а каждый из членов этого общества назывался «городовым обывателем» и был записан в «городскую обывательскую книгу», которая имела 6 разделов по числу категорий населения. Запись давала право считаться гражданином этого города. Не все жители подходили под установленные Жалованной грамотой категории городского населения. Так, например, в число граждан не попадали интеллигенция, чиновничество, духовенство, если они не имели недвижимого имущества и не подходили под рубрику «именитых граждан», не включались туда сезонные рабочие и другие, не говоря уже о крепостных. Кроме того, запись в обывательскую книгу сопровождалась взиманием высокого по тому времени налога в пользу города (до 100 руб.), который не все могли заплатить. Вследствие этого число «городовых обывателей» составляло сравнительно небольшой процент от общего числа жителей.

«Общество градское» могло собираться лишь с разрешения губернатора. Собрания устраивались в основном для выборов должностных лиц: городского головы, членов магистратов, старост, депутатов для составления обывательской книги и т. д., а также для выслушивания предложений губернатора. Компетенция собрания была весьма ограничена. При выборах должностных лиц право голоса имели не все «городовые обыватели», а лишь лица, удовлетворившие известному имущественному цензу, что обеспечивало выборные должности за кучкой богачей и их ставленников.¹

Новыми органами городского «самоуправления» были городские думы: Общая и Шестигласная. Выборы в Общую городскую думу производились не на собраниях всего «общества градского», а на собраниях отдельных групп, на которые делилось общество. Каждая группа посылала в Думу своих депутатов, называвшихся «гласными», причем нормы представительства от каждой категории были различны. «Настоящие городские обыватели» и посадские выбирали по одному гласному от каждой части города (т. е. в Петербурге по 10 гласных), купцы — по одному гласному от каждой гильдии (т. е. трех гласных), цехи — по одному гласному от цеха, иностранные купцы — по одному гласному от каждой национальности. Что же касается именитых граждан, то здесь норма представительства определялась так: именитые граждане делились на 7 подразделений — «капиталисты», как назывались тогда лица, обладавшие крупными капиталами, оптовые торговцы, ученые, художники и т. д.; каждое из этих подразделений в том случае, если в нем насчитывалось не менее 5 человек, имело право послать в Думу своего представителя.

¹ ПСЗ, т. XXII, № 46487, статьи 29—57.

Гласные от всех 6 категорий населения составляли городскую Общую думу, председателем которой был городской голова. Общая дума выбирала из своего состава Шестигласную думу, состоявшую из 6 гласных — по одному представителю от каждой категории населения. Председателем Шестигласной думы был также городской голова. Шестигласная дума была постоянно действующим органом и собиралась не реже раза в неделю. Точного разграничения функций между обеими думами не было.¹

К 21 января 1786 г. в Петербурге были произведены все выборы и открыты обе городские думы (Общая и Шестигласная), Городовой магистрат, составлена обывательская книга и книга городских строений. Общая городская дума Петербурга в момент открытия имела следующий состав: городской голова — 1, гласных от настоящих городских обывателей — 40, от купечества — 3, от цехов — 61, от иностранных и иногородних купцов — 6, от именитых граждан — 4, от посадских — 10, всего 92 гласных.

Две трети Думы составляли ремесленники вследствие большого числа цехов в Петербурге. Тем не менее Дума не носила ремесленного характера, так как при голосовании все гласные каждой категории населения имели только один голос и благодаря этому не играло никакой роли то, что число гласных от разных категорий населения было различно. Поэтому гласные (в числе 61) от ремесленников имели 1 голос; такой же голос имел и единственный представитель именитых граждан.

Любопытно установить, на сколько человек избирателей приходился голос каждой категории населения. Сохранившиеся данные о численности этих категорий не точны и относятся к разным годам периода 1783—1790 гг.² Тем не менее общая картина соотношения численности категорий петербургского населения может быть воспроизведена.

По этим данным, общее число избирателей было около 12 500 человек, что при 200-тысячном населении Петербурга составляло всего около 6%. Голос именитых граждан приходился на 22 избирателя, в то время как голос посадских — на 4900 человек, «настоящих городских обывателей» — на 3500 человек, гильдейских купцов — на 1600 человек, иногородних и иностранных купцов — на 115 человек и цеховых мастеров — на 2380 человек.

В числе 22 именитых граждан Петербурга в 1786 г. значилось 14 «капиталистов», 3 ученых, 4 художника и 1 бабкир. А так как из всех подразделений именитых граждан гласных могли выбирать только те группы, которые насчитывали не менее 5 человек, то лишь «капиталисты» могли послать в Думу своего представителя, который и был единственным гласным в Думе от именитых граждан. Представители интеллигенции вовсе не поехали в Думу. Как ни приблизительно

¹ Там же, статьи 164, 165, 174, 175.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 67, 94, 216—221 и др.

эти данные, все же они показывают, что в петербургской городской Общей думе лучше всего была представлена наиболее богатая часть торгово-промышленного населения (владельцы крупных капиталов и купечество). Дума фактически осталась таким же органом верхушки торгово-промышленного населения, каким раньше был магистрат.

Какими же вопросами занималась петербургская городская Общая дума? Как видно из сохранившихся архивов этой Думы, в 1791 г. она собиралась всего 9 раз, причем разбирала главным образом дела, связанные с торговлей, например такие вопросы: о ценах за наем лавок, о дороговизне съестных припасов, о трактирах, о праве перехода из гильдии в гильдию и т. д. Помимо того, разбирались и некоторые другие дела: об отводе мест под застройку на городских землях, об исключении из общества градскогоз и т. д. Примерно те же вопросы разбирались на заседаниях Шестигласной думы, которая собиралась гораздо чаще (в 1791 г. 120 раз) и решала дела, не требовавшие более широкого обсуждения с участием всех гласных.¹

Хотя по смыслу Жалованной грамоты городам в руках Думы как органа городского управления должно было быть сосредоточено руководство всем городским хозяйством, фактически лишь немногие его отрасли находились в ведении Думы: перевозки, рынки, городские постоянные дворы. Но и здесь Дума не была полным хозяином, целиком завися от вышестоящих организаций. Например для того, чтобы устроить торги на слачу на откуп перевозов, требовалось разрешение самого Сената.² Что же касается остальных отраслей городского хозяйства, то они полностью, как и прежде, оставались в руках полиции.

Жалованная грамота городам впервые в истории русских городов установила определенный городской бюджет. Основную массу доходов города составляли отчисления от таможенных пошлин (в портовых городах) и от прибылей казенной питейной продажи. Чисто городские виды доходов, такие, например, как доходы с перевозов, играли второстепенную роль. Весь бюджет Петербурга в 1797 г. составлял всего 36 тыс. руб.³

Обе думы целиком зависели от губернской администрации и не имели права инициативы в своей работе. Все дела, которые разбирались на заседаниях дум, поступали к ним на рассмотрение из канцелярии петербургского генерал-губернатора или из Петербургского губернского правления. Полная зависимость от губернских властей ярче всего проявлялась в распоряжении денежными средствами: без разрешения Губернского правления Дума не могла израсходовать ни одного рубля из городской кассы. Это разрешение требовалось даже на выплату жалования собственным служащим Думы.⁴

¹ ГИАЛО, ф. 788, д. 3, св. 7 за 1791 г.

² Там же, л. 108.

³ ПСЗ, т. XXV, № 18664.

⁴ ГИАЛО, ф. 788, д. 3, св. 7, лл. 85—88.

*Миллионная улица. Рисунок М. И. Махаева около 1790 г.
Государственный Русский музей.*

Беспорядочное положение органов городского самоуправления несомненно отражалось на посещаемости заседаний Общей думы: на 90 с лишним гласных заседаний посещали в 1791 г. обычно лишь 12—28 человек, и только на отдельных заседаниях число присутствующих поднималось до 35—39 человек.¹ Таким образом, органы городского самоуправления Петербурга являлись простым придатком к губернской администрации, и вся шумиха с Жалованной грамотой городам Екатерины II вылилась в одни красивые слова.

В городском хозяйстве Петербурга во второй половине XVIII в. произошли большие изменения. Правительственные мероприятия в этой области имели целью главным образом придать парадный вид столице дворцовой империи. Наряду со строительством роскошных дворцов (таких, как Мраморный, Таврический и др.), выделяются большие средства на устройство каменных набережных, канализации, постройку каменных мостов, расширение сети уличного освещения и т. д.

О градостроительных мероприятиях в Петербурге во второй половине XVIII в. говорилось выше. За этот период были построены первые в городе каменные мосты, устроены великолепные набережные левого берега Невы, Фонтанки,

¹ ГИАЛО, ф. 788, д. 3, св. 7 за 1791 год.

Екатерининского канала и других водных протоков. Число каменных домов в столице быстро увеличивалось. Ежегодно строилось 50—60 новых каменных домов.

В конце XVIII в. в Петербурге существовала уже нумерация домов, которая была сплошной по всему городу, а не по улицам, как теперь. В 1791 г. в столице было 4554 номера (исключая дома в гвардейских слободах). Номера обозначались над воротами или над входом.¹ По улицам города было установлено 732 указательных столба с обозначением названий улиц.

Большая часть улиц Петербурга в центральных районах города в 90-х годах XVIII столетия была уже замощена. Но окраины города представляли иную картину. На Петербургской стороне улицы были большей частью немощеные, весной и осенью они утопали в грязи; на Выборгской стороне имела всего одна замощенная улица, и то не на всем протяжении; в слободах гвардейских полков большая часть улиц также не была замощена.²

Мощение улиц попрежнему считалось повинностью жителей (лишь против казенных зданий улицы мостились на средства казны). Каждый хозяин дома мостил улицу до ее середины на том участке, который приходился против его двора. Замощение выполняли крестьяне-сезонники с оплатой 25—30 коп. за квадратную сажень. При такой системе трудно было ожидать хорошего качества работ: каждый хозяин отвечал лишь за свой участок и старался сделать работу подешевле. Надлежащий водоотвод вдоль улиц плохо обеспечивался, и грязь на улицах, хотя и замощенных, была привычным явлением. Низкое качество работ вызывало необходимость перемещения улиц каждые 3—5 лет, благодаря чему высота улиц по отношению к домам непрерывно поднималась. Мощение производилось булыжником. За исправностью замощения следила полиция. На главных улицах города — Невской перспективе, вдоль Адмиралтейства, у Кадетского корпуса на Васильевском острове — были устроены тротуары из каменных плит.

Для отвода дождевой воды улицам города придавался поперечный уклон от тротуара к середине; собиравшаяся вода стекала вдоль улиц в городские реки и каналы либо по открытым канавам, как это было на Васильевском острове, либо по подземным трубам. Устройство в Петербурге подземных канализационных труб было начато в 1770 г. Вдоль улицы прокапывалась широкая траншея глубиной около 6 футов, в которой выкладывалась кирпичная труба сечением 3 × 4 фута (примерно 90 × 120 см). Труба засыпалась землей, и поверхность заманивалась. В определенных местах над трубами устраивались колодцы, закрытые железными решетками, через которые поверхностная вода попадала в трубы и по ним стекала в Неву и в другие реки и каналы.³ Подземные трубы были устроены, повидимому, лишь вдоль главных улиц города.

¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 28—29.

² Там же, стр. 50, 51, 118, 122, 158.

³ Там же, стр. 52.

Наряду с простейшей канализацией, в Петербурге XVIII в. кое-где существовал и примитивный водопровод. Еще в первой половине XVIII в. был устроен водопровод для подачи воды к фонтанам Летнего сада. В 1739 г. Комиссия о строении предложила при устройстве фонтанов в Московской части подавать воду из Лиговского канала через деревянные подземные трубы из сверланных бревен, шириною в диаметре в 6 дюймов.¹ Остатки таких деревянных водопроводов находят сейчас в разных частях города. Одна из линий подавала воду к зданию Меншиковского дворца на Васильевском острове, другая — к Мраморному дворцу и т. д. Для прочности концы бревен схватывались железными обручами.

Одним из важных видов городского благоустройства Петербурга было уличное освещение. Число фонарей росло из года в год. В 1770 г. в Петербурге было уже 1257 фонарей уличного освещения и, сверх того, 1000 находились в работе. Тем не менее город освещался плохо, так как не было специального персонала для зажигания и обслуживания фонарей. Фонари зажигались лишь на «снатных» улицах, а остальные стояли без употребления. Указом 1770 г. было предписано полиции наембовать специальную фонарную команду в 100 человек (из расчета 1 человек на 20 фонарей).²

Через 18 лет, в 1788 г., содержание уличного освещения в Петербурге было сдано на откуп купцам Нестерову и Михайлову, которым Городская дума ежемесячно выплачивала вознаграждение по числу горевших фонарей. Так, за декабрь 1790 г. было уплачено 2112 руб. 86½ коп., за февраль 1791 г. — 2032 руб. 24 коп. и т. д.³ По особому контракту Дума выплачивала стоимость изготовления новых фонарей.⁴ В этом, в сущности, и заключались обязанности Думы в отношении уличного освещения, которое продолжало оставаться в ведении полиции. Число фонарей уличного освещения в Петербурге в год сдачи их в подряд было 2745.

Характерно распределение световых точек по частям города: в 1-й Адмиралтейской части (центр города) фонарей было в 8 раз больше, чем в 5 окраинных частях, вместе взятых.⁵ Осветительный сезон был принят с 1 августа по 22 апреля. В 1794 г. число фонарей достигло уже 3400, однако улицы попрежнему освещались плохо, так как подрядчики экономили на масле для фонарей. Интересно описание фонарей конца XVIII в. По словам современника, это были «деревянные голубою и белою краскою выкрашенные столбы, из коих каждый на железном пруте поддерживает шарообразный фонарь, спускаемый на блоке для чистения и заливания маслом».⁶

¹ ПСЗ, т. X, № 7875.

² ПСЗ, т. XIX, № 13451.

³ РИАЛО, ф. 788, д. № 3, св. 7, лл. 46, 133 (1791 г.).

⁴ Там же, лл. 64, 65.

⁵ Г. Л. Семенович. Уличное освещение С.-Петербурга. Пгр., 1914, стр. 8.

⁶ И. Р. Георги, ук. соч., стр. 53.

В 1800 г. по указу Павла I по обеим сторонам Невского проспекта от Мойки до вывешней площади Восстания были посажены березки и липы с устройством ограждения озелененных участков проспекта и установлены скамейки для гуляющих. Павел распорядился окрасить изгородь в черную и белую краски и среди деревьев поставить фонари уличного освещения с отнесением стоимости их содержания за счет хозяев тех домов, против которых столбы стояли.¹ Из указов Павла видно, что аллея на Невском проспекте в конце XVIII в. уже не существовала.

Вследствие большого числа водных протоков, пересекавших территорию столицы, в городском хозяйстве Петербурга важное значение имели мосты. Как уже отмечалось в главе XI, во второй половине XVIII в. был построен целый ряд каменных мостов через Фонтанку, Екатерининский канал и другие водные протоки. Однако основную массу мостов, как и раньше, составляли мосты деревянные.

Связь через Неву, как и в первой половине XVIII в., поддерживалось исключительно с помощью плашкоутных мостов. Число их увеличилось. Помимо существовавших уже ранее Исаакиевского, Никольского (Тучкова) и Сампсоньевского (на месте вывешнего Гренадерского) мостов, были устроены еще Воскресенский мост через Неву (выше вывешнего Литейного) и два Каменноостровских (один с Каменного острова на Аптекарский остров, другой на Выборгскую сторону). Все эти мосты были плашкоутные: Исаакиевский на 21 плашкоуте, Сампсоньевский на 15 и т. д. — и разводились на зимнее время. Плашкоуты ставились друг от друга на расстоянии длины брезна, укреплялись якорями, а между собой связывались канатами. Для пропуска судов существовали разводные части мостов. С 1779 г. Исаакиевский мост стали наводить и зимой после ледостава, для чего пробивались во льду специальные каналы, по которым плашкоуты заводились на свои места.²

Во второй половине XVIII в. создавались проекты постройки постоянных мостов через Неву, но дальше проектов дело не пошло. Очень интересный проект деревянного однопролетного моста через Неву создал знаменитый русский механик-самоучка Кулибин. Он построил модель моста в $\frac{1}{10}$ натуральной величины. С помощью модели он доказал, что прочность такого моста вполне достаточна. Однако денег на постройку моста отпущено не было, и проект Кулибина, подобно другим проектам постоянных мостов через Неву, не был осуществлен.

Некоторые изменения в конце XVIII в. произошли в эксплуатации мостов. В 1785 г. мосты, сданные на откуп куцу Ольхину с компанией, перешли в ведение Управы благочиния.³ В 1792 г. все мосты, содержавшиеся на счет городских

¹ ПСЗ, т. XXVI, №№ 19284, 19436.

² Н. Г. Георги, ук. соч., стр. 45—46.

³ ПСЗ, т. XXII, № 16299.

Чернышев мост. Построен в 1785—1787 гг.

доходов, были переданы в ведение Городской думы, однако уже через 5 лет Павел I снова передал мосты в ведение полиции.¹

Несмотря на возросшее число мостов, в городе продолжали существовать перевозки, так как число мостов все же было недостаточно. Перевозы находились в ведении Партикулярной верфи и сдавались на откуп. С 1786 г. в связи с ликвидацией Партикулярной верфи все перевозки перешли в ведение Городской думы. Таких перевозов в 1793 г. было в распоряжении Думы 17.² За перевоз 1 человека взималось в конце XVIII в. 1—2 коп. в доход города — плата очень высокая по тогдашним ценам для трудового населения.

Правительством обращалось внимание не только на облик города, но и на внешний вид извозчицких экипажей. Был разработан специальный тип саней для извозчиков, а Городской думе предложено обязать мастеровых города делать сани только нового образца.³ При Павле I полетел введен в обязанность не

¹ ПСЗ, т. XXIII, № 17043; т. XXIV, № 17841.

² Ф. Туманский, *указ. соч.*, т. 2, стр. 152—153.

³ ГИАЛО, ф. 788, д. № 3, св. № 7, л. 71 (1791 г.).

только следить за исправностью извозчицких экипажей, но и выработать таксу за пользование извозчиком.¹ Из этой затеи ничего не получилось. Интересно, что вопросами извозчицких такс Городская дума также безуспешно занималась в XIX в.

Городская дума отвечала за благоустройство городских рынков и состояние торговых бань. В описываемый период в Петербурге был построен целый ряд каменных зданий для торговых заведений. Помимо законченного в 1785 г. Большого гостинного двора, в это же время строятся каменные здания Андреевского рынка на Васильевском острове и Пикольского рынка на Екатерининском канале.

Указом 1782 г. предписывалось в каждой части города иметь рынки, для чего полиция предлагалось отвести соответствующие места. Однако в ряде окраинных частей (Выборгской, Каретной, Рождественской) не удалось устроить рынков, так как не нашлось купцов, желающих строить там лавки. Для огнеопасных товаров (цена, шерсть, телеги) были отведены два специальных места на окраинах города.

Торговые бани являлись доходными предприятиями казны и сдавались на откуп. Жалованная грамота городам 1785 г. предоставила купцам 3-й гильдии и посадским право владеть торговыми банями. Число частных бань в 1800 г. дошло до 17.² Это подрывало доходы казны, и Сенат запретил в дальнейшем строительство частных бань.

Во второй половине XVIII в., как и в первой, пожары продолжали быть одним из главных бедствий петербургского населения. Попрежнему огнем уничтожались десятки строений, и многие жители оставались без крова. В 1763 г. сгорел гостинный двор на Васильевском острове, в мае 1771 г. огромный, продолжавшийся два дня пожар уничтожил весь район от 9-й до 13-й линии Васильевского острова. В 1774 г. вновь выгорел район между Адмиралтейством и Мойкой, так сильно пострадавший в 1736 г. Огонь уничтожил до 150 домов, среди которых были и каменные. В 1782 г. возник огромный пожар Сенного рынка и т. д.

Постоянные пожары заставляли правительство обращать особое внимание на противопожарные мероприятия. В 1763 г. при полиции была учреждена городская пожарная команда. Она состояла из брандмайора, брандмейстера, семи унтербрандмейстеров (по числу тогдашних частей города), мастеров для ремонта пожарного оборудования, трубчистов и фурманчиков (погонщиков). При пожарной команде имелся пожарный инструмент и оборудование (заливные грубы, бочки для воды, дровяи и т. д.).³ Однако не хватало самого главного — команды для тушения пожара. Эту обязанность выполняли жители и войска. Был установлен порядок, какие воинские части являются на пожар и какие остаются в резерве, в случае

¹ РСЗ, т. XXI, №№ 15451, 15576.

² РСЗ, т. XXVI, № 19713.

³ РСЗ, т. XLIV, стр. 67—68.

пожара в той или иной части города. При пожаре Зимнего дворца для тушения должны были прибыть все воинские части без исключения.¹

При учреждении Управы благочиния новые полицейские штаты предусматривали вполне определенный комплект пожарного инструмента и оборудования при каждой части и квартале города.² Однако людей для тушения пожаров попрежнему не было. Вследствие этого за несением пожарной повинности населением полиция следила чрезвычайно внимательно. На порогах каждого дома «Уставом столичного города» предписывалось обозначать тот пожарный инструмент (багор, ведро, топор, швабра и т. д.), с которыми обыватель должен был приходить на пожар. Число явившихся на пожар от каждого дома определялось числом покоев (комнат) в этом доме. Начиная с 1798 г. полиция стала требовать, чтобы часть обывателей постоянно дежурила на съезжих полицейских дворах. Эта мера сделала пожарную повинность еще более тяжелой и вызвала большое недовольство трудового населения.

Крупным бедствием, помимо пожаров, оставались для жителей Петербурга наводнения. За 25 лет, с 1750 по 1775 г., было более 20 случаев подъема воды с тяжелыми последствиями. Самым грозным в течение всего века было наводнение 10 сентября 1777 г., когда вода поднялась так высоко, что затопила большую часть города (кроме Литейной и Выборгской частей) и причинила колоссальные разрушения. Погибло много людей, многие остались без крова. Бедствие увеличилось тем, что наводнение происходило ночью и застало жителей врасплох.³

21 сентября 1777 г. специальным указом устанавливались для оповещения жителей о подъеме воды сигналы пушечными выстрелами и поднятием флагов днем и фонарей ночью. Для спасения людей во время наводнения в низких частях города назначалось дежурство специальных лодок.⁴ В отношении же борьбы с самыми наводнениями ничего сделано не было.

В конце XVIII в. в связи с учреждением в Петербурге Приказа общественного призрения в столице появляются первые городские лечебные учреждения. До этого времени в городе имелись лишь военные госпитали, которые ни в какой степени не могли удовлетворить потребностей гражданского населения. Желая показать свою заботу о населении, «просвещенное» правительство Екатерины II приступило к учреждению больниц, богаделен, народных школ. Эти мероприятия правительства были рассчитаны главным образом на внешний эффект.

В 1784 г. Приказ общественного призрения учредил первую городскую больницу (теперь Военно-морская медицинская академия), для которой было построено

¹ ПСЗ, т. XVI, № 11901.

² ПСЗ, т. XLIV, стр. 67—68.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 38, 40, 41.

⁴ ПСЗ, т. XX, № 14653; т. XXIV, № 19655.

специальное помещение на Фонтанке.¹ Больница была рассчитана на 300—400 коек, кроме того, имелось специальное летнее помещение для больных. Медицинский персонал состоял всего из 10 человек; смертность достигала 20% всех поступавших больных. При больнице находился дом для умалишенных.²

Плата за лечение в этой больнице устанавливалась в размере 4 руб. в месяц, что было очень дорого по ценам того времени, когда мелкий чиновник получал всего 8—12 руб. в месяц, а рабочие люди часто даже меньше 4 руб. Правда, бедных разрешалось лечить бесплатно, но число людей, признававшихся бедными, видимо, было невелико, так как ремесленники и пеховые, например, обязывались вносить плату полностью. Все это делало больницу малодоступной для трудового населения, тем более что и по количеству коек она не соответствовала населению такого крупного города, как Петербург. Другие лечебные заведения, учрежденные в это же время, были еще меньше: небольшая клиника на 20 коек при хирургическом училище, больница для лечения венерических болезней, помещавшаяся за Калинкиным мостом, родильный дом на 8—10 коек. Этот дом был учрежден в 1794 г. при хирургическом училище. Здесь исивальные бабки (акушерки) обучались своему делу.³

Следует отметить, что организацией акушерского дела правительство занялось уже в середине XVIII в. Указом 29 апреля 1754 г. предписывалось всех имеющихся в Петербурге и Москве повивальных бабок подвергнуть испытаниям в знании своего дела с выдачей соответствующих свидетельств. По 2 повивальных бабки в обеих столицах были взяты на жалованье; помимо этого, в Петербурге и в Москве для обучения повивальному делу учреждались специальные школы. В такой школе обучение производили доктор, именовавшийся «профессором бабичева дела», и акушер.⁴ В 1781 г. в Петербурге насчитывалось уже 16 штатных повивальных бабок,⁵ а общее число аттестованных бабок достигало 93.⁶

Надлежащая постановка медицинского дела требовала учреждения аптек. Аптеки существовали в Петербурге с петровских времен. Однако даже в конце века число их в столице было ничтожно — в 1794 г. лишь 2 главных аптеки и 5 от них зависящих.⁷

Очень большое значение придавало правительство борьбе с эпидемическими заболеваниями. Страх перед эпидемиями заставлял быть всегда настороже. Целый ряд указов устанавливал меры, которые предпринимались немедленно в случае появления эпидемии. Для лечения заразных болезней выделялись

¹ Эта больница впоследствии была широко известна под названием Обуховской.

² И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 121, 289—293.

³ Там же, стр. 293—296.

⁴ ИСЗ, т. XIV, № 10214; т. XV, № 10972.

⁵ ГИАЛО, ф. 788, л. № 3, св. 7, л. 165 (1791 г.).

⁶ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 286.

⁷ Там же, стр. 74, 284—285.

специальные доктора. Боясь занесения заразных болезней в Зимний дворец, правительство запрещало являться во дворец в течение длительного времени всем, соприкасавшимся с больными.

Во время эпидемии чумы в Москве 1771 г. в Петербурге принимались чрезвычайные меры. Целым рядом застав на сухопутных дорогах и водных коммуникациях город был отделен от внешнего мира: тщательно проверялись все прибывающие в Петербург, вещи прибывших подвергались дезинфекции, жителям вменялось в обязанность немедленно сообщать о случаях заболевания, а также о всех приезжающих к ним. На ночь ворота всех домов в городе запирались. Все письма до прочтения смачивались уксусом. Занесение чумы в Петербург удалось предотвратить. Для большей осторожности карантинные заставы были сняты лишь более чем через год после прекращения эпидемии.¹

В 1768 г. в Петербурге был учрежден оспопрививальный дом, который помещался на Петербургской стороне в районе нынешнего Кировского проспекта. Число прививок, которые производил этот дом, было незначительно: в 1789 г. — 190, в 1791 г. — 179, в 1792 г. — 257 и т. д.² Для воспринятия оспопрививания сама Екатерина II привила оспу себе и наследнику и за этот «великодушный и знаменательный подвиг к благополучию своих подданных» получила раболовную благодарность Сената.³

Для предупреждения занесения заразных болезней из-за границы в 1786 г. был учрежден карантинный дом на острове Сескар в Финском заливе. Специально выработанным правилам подчинялись все корабли, прибывавшие в Петербург. Подозрительные суда выдерживали карантин, а те, на которых обнаруживались заразные болезни, не допускались в Россию.⁴ За санитарным состоянием столицы следила полиция. Она наблюдала за чистотой на улицах и площадях, за своевременным вывозом нечистот и вела безуспешную борьбу с бродячими собаками.⁵

В конце XVIII в. учреждаются специальные смирательные рабочие дома для исправления людей «злого жития», находившиеся в ведении Приказа общественного призрения. Сюда направлялись для наказания беглые крепостные, беснеспортные, здоровые нищие, «нерадивые» слуги, воры и т. д. Господа могли присылать в смирательные дома своих слуг, платя за их «исправление» по 3 коп. в день. Смирательных домов существовало в Петербурге два: один в районе Смольного, другой около городской больницы. Обнесенные высокой каменной стеной, они были изолированы от остального мира. Все находящиеся на «исправлении» получали скудную пищу и работали по заданному уроку провинившихся секли.

¹ ПСЗ, т. XIX, №№ 13594, 13657, 13658, 13663, 13665, 13706 и др.

² И. Г. Георги, ук. соч., стр. 296.

³ ПСЗ, т. XVIII, № 13204.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16390.

⁵ ПСЗ, т. X, № 7899, т. XV, № 11519.

Рабочий день оценивался в 5 коп., и веры должны были находиться в смирительном доме до тех пор, пока не отработывали украденные деньги. Помещенные для наказания в смирительный дом при больнице исполняли для нее всю черную работу.¹ Смирительные дома не использовались для борьбы с неудобными правительству элементами населения.

Помимо смирительных домов, в ведение Приказа общественного призрения были переданы богадельни. Петербургские богадельни в середине XVIII в. владели жалким существованием. Из-за скудости отпускаемых средств все призреваемые голодали и вынуждены были подкармливаться пищенством. В 1765 г. екатерининское правительство взялось за «удушенные» дела общественного призрения и, не желая увеличивать средств, отпускаемых на богадельни, не нашло ничего лучшего, как сократить число лиц, находившихся в богадельнях, почти вчетверо, предоставив остальным дожидаться освобождения мест.²

В дальнейшем не обошлось без красивого жеста. После перехода богаделен в ведение Приказа общественного призрения Екатерина II приказала в 1780 г. купить в районе Смольного каменный дом, в котором и разместилась «градская богадельня» на 859 мест. В богадельне было 3 отделения: первое для полных инвалидов, второе для хилых, третье для частично трудоспособных. Для каждого отделения устанавливался свой паек, причем лица, помещенные в третьем отделении, должны были ухаживать за инвалидами и получали самое худшее питание. Кроме питания, выдавалась необходимая одежда. Штат богадельни состоял из надзирателей, бухгалтера, писаря, лекаря и смотрителей. На содержание богадельни отпускалось всего 15 417 руб. в год, что могло обеспечить лишь самое скудное питание. Кроме городской богадельни у Смольного, в Петербурге были еще небольшие богадельни в других частях города.³

Приказ общественного призрения ведал также учрежденными в Петербурге в конце XVIII в. народными училищами. О них будет сказано в главе XIV.

Те уступки, которые были сделаны правительством Екатерины II городской буржуазии в Жалованной грамоте городам 1785 г., были уступками лишь по форме. Абсолютистское государство сохранило всю власть в руках своего бюрократического аппарата. В области городского управления это проявилось в том, что реальная власть осталась в руках полиции, а деятельность органов городского управления была поставлена под бдительный надзор губернской администрации. Развитие буржуазных отношений в стране мало отразилось на методах ведения городского хозяйства, которое продолжало базироваться в основном на использовании натуральных повинностей жителей. Замена повинностей денежными сборами с населения осуществлялась туго, этот процесс растянулся на много лет и не был завершен даже к 1917 г.

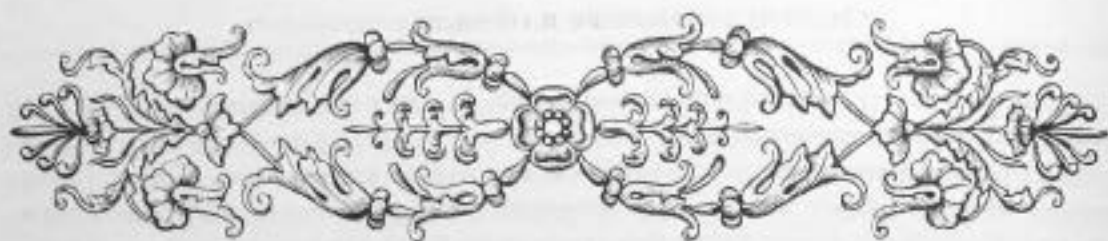
¹ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 322—325.

² ИСЗ, т. XVII, № 12334.

³ И. Г. Георги, ук. соч., стр. 331, 142, 343—346.

Что же касается городского благоустройства во второй половине XVIII в., то здесь надо сделать тот же вывод, что и при рассмотрении вопросов архитектуры и планировки города. В этот период существовало как бы два разных Петербурга: центр города, заселенный дворянством, буржуазией, чиновничеством, где преобладала каменная застройка, где улицы были замощены, освещены фонарями, а в ряде случаев имели простейшую канализацию, где через реки и каналы были переброшены красивые мосты, а берега рек одеты в чудесные каменные набережные, где даже извозчики обязаны были ездить в соответствующих экипажах, и окраины, заселенные трудящимися, где улицы были немощены и утопали в грязи, уличное освещение почти отсутствовало, застройка была деревянной, берега рек никак не укреплены и в ряде случаев отсутствовали даже простейшие рыночные помещения. Эта противоположность еще ярче проявится в эпоху капитализма.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.

Никогда за весь XVIII в. и последующую свою историю русское дворянство не достигало такой степени политического господства, какую оно приобрело во второй половине XVIII в. Манифест о вольности дворянства (1762 г.), которым провозглашалось право дворян не служить, Учреждение о губерниях (1775 г.), Жалованная грамота дворянству (1785 г.), утверждавшие основные экономические, социальные и политические привилегии дворянства, — таковы были важнейшие акты политики самодержавия по отношению к дворянству. Успехи внешней политики еще более упрочили власть и влияние российского «благородного» сословия. К исходу XVIII в. дворянская империя достигла зенита своей славы и могущества.

Но этот внешний блеск не мог скрыть начавшегося разложения феодально-крепостнического строя. Разложение крепостнического хозяйства и созревание в его недрах капиталистического уклада вызвали значительное усиление эксплуатации крестьянства. Юридическое положение крестьян в результате законодательства второй половины XVIII в. стало таковым, что исчезло различие между крепостным и рабом. Восстание крестьян под предводительством Е. И. Пугачева было наиболее ярким выражением обострения классовых противоречий между крестьянами и дворянством. Растущее сопротивление крестьян помещикам — а крестьянская борьба велась непрерывно, и восстание Пугачева явилось лишь кульминацией ее — толкало дворян на все более тесное сплочение вокруг само-

державия. Они стремились к усилению власти монарха, чтобы надежно защитить интересы помещика от каких бы то ни было покушений.

Дело осложнялось тем, что не все население России состояло только из душевладельцев и эксплуатируемых, стихийно борющихся с ними крестьян. В России развивалась крупная торговая и промышленная буржуазия. Были многочисленные слои городской мелкой буржуазии, создавались кадры рабочих людей. В самом дворянстве появилась и росла, по мере развития капиталистических отношений, прослойка малоземельных или вовсе безземельных дворян, часть которых не могла быть совершенно солидарна с привилегированным дворянством. Эта часть находилась в оппозиции и по отношению к существующему политическому строю, обеспечивавшему прежде всего интересы высших слоев дворянства. Так рождалась дворянская оппозиция в России во второй половине XVIII в. Наиболее заметным представителем ее был депутат Законодательной комиссии 1767 г. Г. С. Керобляк.

Но не эти люди были опасны самодержавно-крепостнической монархии, хотя вовсе не считаться с ними правительство не могло. Действительную опасность представляли собой те люди из дворян и разночинцев, которые под влиянием борьбы крестьянства против помещиков становились объективно защитниками интересов народа. Они вступали уже в прямую борьбу с правительством. Существовали различные формы этой борьбы. Одна из них была представлена некоторыми «просветителями», наиболее видными из которых являлись Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, Я. П. Козельский. Другая только зарождалась, но ей принадлежало будущее. Она была представлена первым русским революционером А. Н. Радищевым, который стал на сторону революционной борьбы крестьянства против самодержавно-помещичьего строя и дал этой борьбе идеологическое обоснование. Классовая борьба в России поднялась над уровнем стихийных крестьянских восстаний и впервые в истории русской общественно-политической мысли получила возможность ясного теоретического выражения.

Обострение классовой борьбы в стране, новые формы этой борьбы заставили и правящие круги России искать идеологическое обоснование своей власти. Опираясь на одну авторитарную силу в изменившихся условиях было уже недостаточно. Такой попыткой идеологического упрочения власти российского абсолютизма была теория «просвещенного абсолютизма». Эта теория имела немало последователей и в первой половине XVIII в., но идеологией правительственных кругов она стала при Екатерине II. Исходя из положения, что разум является самым могущественным импульсом человеческих действий, теоретики «просвещенного абсолютизма» утверждали, что если человек поймет необходимость того или иного поведения, то он и будет так поступать. Сторонники теории «просвещенного абсолютизма» стремились доказать необходимость повиновения самодержавной власти, которая пыталась представить себя в качестве выразителя интересов

всего народа, в качестве силы, способной якобы осуществить нужные народу преобразования. К таким преобразованиям относились улучшение крестьянского законодательства, секуляризация церковных земель, реформа суда и т. п.

Само собой разумеется, что теория и практика «просвещенного абсолютизма» могли оказать воздействие главным образом на столичное дворянство. Огромная масса провинциального дворянства и повятня не имела о «просвещенном абсолютизме». Народ оставался вне сферы воздействия этих идей: по отношению к нему применялись без всякого изменения все прежние методы принуждения. Чтение Дидро и Даламбера отнюдь не мешало русским дворянам исправно получать сборок и со спокойной совестью посылать крестьян на каторгу, на что право им было предоставлено указом «просвещенной» государыни. Идея «просвещенного абсолютизма» особенную популярность приобрела в правительственных кругах России еще и потому, что под флагом «просвещенного абсолютизма» можно было делать «большую политику» в Европе. Русское самодержавие в своей внешней политике могло рассчитывать на большой успех, если бы оно опиралось не только на силу, но и вооружалось бы теорией «просвещенного абсолютизма», популярной тогда в правительственных кругах Западной Европы. «„Просвещение“ — это был в семнадцатом веке лозунг царизма в Европе...», — писал Энгельс.¹

Екатерине приходилось постоянно лавировать между различными придворными группировками, не заявляя себя решительной сторонницей ни одной из них, зорко наблюдать за настроениями в гвардии и в кругах петербургского дворянства, лгать и притворяться перед одними и быть беспощадной к другим. Несколько заговоров в пользу сына Екатерины II Павла, раскрытых в самом их зародыше, внушили ей серьезную тревогу за свою судьбу. Особенно встревожила ее попытка подпоручика Смоленского полка В. Мировича освободить в 1764 г. из Шлиссельбургской крепости свергнутого в 1741 г. императора Ивана Антоновича. Хотя попытка эта кончилась убийством Ивана Антоновича и казнью Мировича, Екатерина II с еще большей отчетливостью поняла необходимость соблюдать осторожность в отношениях с дворянством. Надо было завоевать симпатии за пределами узкого круга придворного дворянства и дать почувствовать этому кругу, что подвигать руку на царину, поддерживаемую широкой дворянской и купеческой общественностью, не так легко. К тому же очень важно было приобрести европейскую популярность в качестве монархини, управляющей страной на твердой основе принципов «просвещенного абсолютизма», и тем самым сделать свое положение еще более прочным. Меткое слово Пушкина превосходно определяет сущность екатерининской политики. «Со временем, — писал Пушкин в „Исторических замечаниях“, — история оценит влияние ее [Екатерины] царствования на нравы, откроет жестокою деятельностью ее деспотизма под личиною кротости и терпимости,

¹ Ф. Э н г е л ь с. Внешняя политика русского царизма. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 14.

народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное флигерство в сношениях с философами ее столетия, и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.¹

Обнищание народных масс, их непрекращающиеся волнения, расстройство финансов, медленное развитие производительных сил — таково было положение в стране к началу царствования Екатерины II. Оно требовало от господствующего класса принятия ряда неотложных экономических и политических мер. Осуществление их входило в программу екатерининского правительства на первых порах пребывания его у власти.

В 1765 г. было основано Вольное экономическое общество. Официально провозглашенной целью его было «исправление земледелия и домостроительства». Под «исправлением земледелия» подразумевались, как показала деятельность Общества в первые же годы его существования, не только агротехнические мероприятия, но и постановка вопроса о крестьянском труде. Этот вопрос подняла сама царица. Она предложила Обществу объявить конкурс на сочинение, трактующее о преимуществах вольнонаемного или крепостного труда в земледелии. То, что Беарде-де-Лаббе, преславший сочинение, в котором он высказывался за освобождение крестьян, получил первую премию, вовсе не доказывало, что Общество решило всерьез заняться разработкой крестьянской реформы. Затея Екатерины была поддержана некоторыми членами Общества, которые отлично знали, что царица отнюдь не собирается покушаться на права российских душевладельцев, но понимали, насколько будут для них и для самой Екатерины полезны неофициальные разговоры в очень узком кругу дворянства по поводу проекта крестьянской реформы. Только лишены придворного и политического чутья люди, вроде А. П. Сумарокова, не коняя хода Екатерины, решили, что и в самом деле для крепостнического дворянства наступают черные дни, и выступили с протестом против всякого ослабления крепостного права. Но страхи оказались напрасными. Премию Беарде-де-Лаббе присудили, восстановили даже напечатать его сочинение и на этом успокоились. Крепостное право не только не получило ни малейшего ослабления, но, напротив, власть помещика над крестьянином в результате законодательства Екатерины усилилась.

Вольное экономическое общество было основано в Петербурге. Членами его могли быть как жители Петербурга, так и иногородние. Официальный характер этого учреждения требовал того, чтобы в составе его членов находились лица, занимавшие крупные административные посты. Значительное место занимали в Вольном экономическом обществе члены петербургской Академии Наук. Из них некоторые, как, например, Леонард Эйлер, А. А. Нартов, В. М. Селергин

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VIII, Изд. Акад. Наук СССР, 1951, стр. 124.

и другие, принадлежали к числу наиболее видных ученых своего времени. На протяжении почти целого полувека со времени основания Общества самое деятельное участие принимал в нем А. А. Нартов, создавший себе крупное имя в области техники и бывший вместе с тем одним из известных драматургов и переводчиков. Обширные агротехнические знания этого человека позволили ему занять видное место в сельскохозяйственной науке.

Вольное экономическое общество поначалу, несмотря на поддержку «просвещенной» государыни, влачило нищенское существование. Общество не имело даже участка земли «для произведения новых сельских опытов и для произрастания кормовых трав и прочих огородных и садовых растений». Только в 1801 г. ему было отведено опытное поле на Петровском острове. Денежные средства Общества были ничтожны. Но даже несмотря на такие крайне неблагоприятные материальные условия существования, оно сыграло свою роль в деле распространения в России агрикультуры.¹

В начале царствования Екатерина II сделала попытку разрешить один из старых, давно стоявших перед властью вопросов — составление нового кодекса законов. В 1767 г. была созвана Комиссия о сочинении проекта нового уложения. Привлечение к составлению проекта относительно широких кругов дворянства и купечества, процедура выбора депутатов Комиссии, льготы, предоставленные царицей депутатам, широкое распространение манифестов и указов, издававшихся в связи с созывом Комиссии, сочинение Екатериной II «Наказа» Комиссии — все это было продиктовано стремлением Екатерины привлечь к себе широкие круги дворянства и купечества и обрести в них опору царствования.

Комиссия в своей работе должна была руководствоваться составленным царицей «Наказом». Это сочинение не было продуктом самостоятельного творчества царицы: не менее четырех пятых текста «Наказа» Екатерина заимствовала у Монтескье, Бенкария и других европейских философов и юристов. Признание царицы в том, что она «обобрала» Монтескье при сочинении «Наказа», с точностью определяет соотношение оригинального и заимствованного текста Наказа. Первоначальный вариант «Наказа» был сообщен Екатериной нескольким близким к ней лицам. Царица явно увлеклась: первоначальный набросок «Наказа» испугал некоторых его читателей своим либерализмом. Те статьи, в которых высказывались слишком либеральные мысли по поводу крепостного права, были ими отвергнуты. По собственному признанию Екатерины, она перед опубликованием «Наказа» предложила обсудить его совещанию из близких к ней лиц (имен их она не называла). Люди эти, как писала Екатерина в своих записках, «более половины того, что написано ... было, помарали, и остался Наказ Уложению, яко напечатан».²

¹ А. И. Ходнев. История Вольного экономического общества. СПб., 1865.

² Сб. РИО, т. 10, стр. 75—87; Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под редакцией К. Д. Чечулина, СПб., 1907; Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907, стр. 545.

В печатной редакции «Наказа» сивоза оболочку либеральных фраз, демагогический характер которых ввел в заблуждение многих современников Екатерины II, утверждалась идея незаблемости самодержавия.

Избрание депутатов в Комиссию происходило по особым правилам. В городах избирательным правом пользовался всякий домовладелец, имеющий торговлю или занимающийся ремеслом. Ни на какие курии городские избиратели не делились, они избирали одного депутата независимо от числа жителей в городе. В Петербурге и в Москве при выборах были допущены отступления от установленных правил. В избирательные списки были внесены все домовладельцы Петербурга, а не только те, которые торговали или занимались ремеслом. В результате этого в избрании депутата принимали широкое участие лица, принадлежащие к знатному и богатому дворянству.

Петербург делился на пять избирательных округов. Избиратели каждого округа собирались в установленные дни на собрания, на которых избирали выборщиков. От всех пяти округов было выбрано 105 выборщиков. Из числа лиц, пользовавшихся активным избирательным правом, лишь половина осуществила это свое право — так отнеслось петербургское дворянство и купечество к затее царицы. Процент выборщиков, уклонившихся от выборов, был значительно меньше: из 105 выборщиков не участвовало в выборах 27 человек.

При выборах депутата баллотировался каждый из 105 выборщиков. Избранным считался получивший абсолютное большинство голосов (голосование происходило шарами). Большинство голосов получил гр. А. Г. Орлов. Одновременно с выборами депутата происходили и выборы пяти человек для составления депутатского наказа. Были избраны купцы Г. Никонов, С. Галактионов и И. Щукин, сенатор А. В. Олсуфьев и генерал-майор Д. А. Мерлин. Через несколько дней состоялось собрание выборщиков для обсуждения вопроса о содержании будущего наказа, а через три недели выборщики снова собрались для утверждения уже написанного наказа.¹

Из числа выборщиков Петербурга, подписавших наказ депутату Орлову, было 20 купцов и около 70 дворян; очень небольшое число выборщиков принадлежало к разночинцам. Значительная часть выборщиков занимала видные места в правительстве, например обер-комендант Петербурга Н. Зиновьев, адмирал С. Мордвинов и др. Встречались и мелкие чиновники.

Подавляющее число статей наказа Орлову исходило от купечества и защищало его интересы. Таких статей, о которых можно было бы сказать, что они отражали чисто дворянские интересы, в наказе вовсе нет. Делать отсюда вывод, что требования дворянского населения Петербурга совпадали с требованиями купечества и что петербургское дворянство в 60-х годах XVIII в. настолько обуржуазилось,

¹ В. Н. Латкин. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии, т. I. СПб., 1887, стр. 195—196.

что не могло в защите даже своих экономических нужд противопоставить себя купечеству, конечно, нельзя. Отстаивать свои сословные интересы петербургские дворяне, близкие к правительственным кругам, могли самыми разнообразными способами, не прибегая к такому чрезвычайному и непривычному, как наказ депутату в Законодательной комиссии. Петербургское купечество же, не имея никакого представительства в правительственных кругах, видело в созыве Комиссии единственную возможность официально заявить о своих нуждах. Как и в других городах, петербургское купечество было настроено самым верноподданническим образом. Основной вопрос, начинавший волновать представителей различных кругов общества, вопрос об отмене крепостного права, купечество совсем не затрагивало.

Комиссия о сочинении проекта Нового уложения начала свои занятия в Москве 30 июля 1767 г. С первых же заседаний Комиссии обнаружилось непримиримые классовые противоречия между депутатами от дворянства и купечества, с одной стороны, и крестьянства — с другой. Хотя крепостное крестьянство не имело своих представителей в Комиссии, но депутаты от государственных крестьян, допущенные к выборам, много говорили о нуждах всего крестьянства. Под их требованиями об уменьшении налогов и повинностей и о расширении гражданских прав безоговорочно подписались бы представители крепостного крестьянства, если бы они могли принять участие в работе Комиссии. От дворянских депутатов, напротив, исходили требования о расширении экономических, политических и сословных привилегий дворянства, отнюдь не собиравшегося, за редкими исключениями, разрушать основные устои феодально-крепостнической монархии. Русское купечество защищало свои узко сословные интересы. Требования ограничения крепостного права, предоставления помещичьим крестьянам некоторых гражданских прав последовали не с его стороны, а со стороны немногих дворянских депутатов, понимавших необходимость реформ для предотвращения революционного взрыва (Коробьин, Козельский). Но эти одинокие голоса тонули в хоре крепостнических высказываний.

Заседания Комиссии проходили в долгих и бесплодных прениях. Присматриваясь к тому, что происходило в Комиссии, Екатерина убедилась в полной лояльности тех ее «верноподданных», которые были представлены депутатами Комиссии. Поведение депутатов свидетельствовало, что дворянская, а тем более купеческая общественность и не помышляла о том, чтобы вступить в какие бы то ни было конфликты с самодержавной властью. Российским дворянством и купечеством можно было управлять без всяких либеральных заигрываний. Екатерина поняла это, и судьба Комиссии была решена.

С июля по декабрь 1767 г. Комиссия заседала в Москве. В декабре председатель Комиссии А. И. Вибинов сообщил, что заседания Комиссии переносятся, по распоряжению Екатерины II, в Петербург. 16 февраля 1768 г. состоялось первое заседание Комиссии в Петербурге. Но интерес депутатов к делу, ради ко-

того они были созваны, надал, заседания Комиссии устраивались все реже и реже. Все меньше внимания Комиссии уделяла и Екатерина. При выяснившейся расстановке общественных сил эта Комиссия становилась не опорой самодержавной власти, как того сначала хотела Екатерина, а помехой в свободе действий царицы. Екатерина ждала только повода к тому, чтобы распустить Комиссию. 18 декабря 1768 г. Вибиков объявил указ Екатерины о роспуске Комиссии по случаю начавшейся войны с Турцией, требовавшей якобы возвращения депутатов военного звания к местам их службы. Предлог был найден, и Комиссия была распущена на неопределенный срок. Дело составления проекта Нового уложения оказалось отложенным, попыток же собрать для этого представителей дворянской и купеческой общественности ни царица, ни ее преемники больше не повторяли.

Крупнейшим новым явлением в общественной жизни столицы во второй половине XVIII в. было возникновение независимой от правительства журналистики и частных издательств. Периодическая печать, зародившаяся в начале XVIII в. как одно из средств воздействия правительства на общество, по мере успехов русской культуры в середине XVIII в. приобретала и большее значение и большую самостоятельность. В 50-х годах возникло несколько новых журналов и газет как в Москве, так и в Петербурге. В Москве главным центром, с которым была связана журналистика, на долгое время стал Университет с его типографией. В Петербурге, как сказано выше, во времена Ломоносова роль такого центра играла Академия Наук.

Но с 60-х годов дальнейший рост журналистики в столице пошел уже помимо Академии. Еще в 1759 г. в Петербурге стал выходить первый частный журнал «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова. К тому же году относится выход журнала Шляхетского корпуса «Праздное время, в пользу употребленное», в котором также видную роль играл Сумароков. В этих журналах печатался более злободневный материал, чем в академических «Ежемесячных сочинениях», — басни, критика, эпитаммы, бичующие главным образом кавказство и взяточничество. Но критика в этих журналах касалась только отдельных сторон самодержавного строя.

Распространение сумароковских журналов было весьма ограничено. Продержались они недолго и широкого общественного отклика не вызвали.

Правительство оценило огромную воздействующую на общество силу сатирических журналов и сделало попытку взять дело сатиры в свои руки. Екатерина II приняла активное участие в организации сатирического журнала «Всякая всячина». «Высочайшее» соизволение на общественную сатиру было одним из элементов политики «просвещенного абсолютизма». Абстрактная сатира на «порок» вообще, без каких бы то ни было намеков на социальную принадлежность «порока», составляла основное содержание «Всякой всячины».

Но попытка Екатерины II обезоружить своих противников не дала результатов. Появление сатирического журнала, находившегося под «высочайшим

покровительством, не могло ввести в заблуждение представителей русского просветительства, знавших цену «правительственному либерализму». «Всякой всячины» противостояли просветительские сатирические журналы. В них нашел отражение прямой протест протев социально-политических основ крепостнической системы. Эти журналы, затрагивавшие острые и значительные по своему содержанию вопросы, вступили в ожесточенную полемику с изданием, руководимым «просвещенной» царицей. «Грутевь», «Смесь», «Адская почта» и другие журналы касались вопроса о положении крепостного крестьянства. Рисовавшиеся ими картины были чрезвычайно выразительны. Так, например, в одном из номеров журнала «Смесь» было напечатано письмо «настоящего камчедала», в котором содержались резкие выпады против крепостного права. Крепостное право, писал автор письма, приводит к тому, что крестьянин должен «пахать, сеять и собирать жатву единственно для своих помещиков, а иногда оттого и умирать с голоду».¹ Особенно острыми были статьи, помещенные в «Грутевь» Н. И. Новикова. Затрагивали сатирические журналы темы о продажности чиновников, о правосудии, о развращенности государственного аппарата и т. п.

Большое внимание отводилось в просветительской журналистике вопросу борьбы с галлсманней. Журналы, нападая на преклонение дворянства перед королевской Францией, тем самым пропагандировали идею необходимости утверждения и развития национальной русской культуры. Н. И. Новиков издевался над пристрастием дворянства к французским безделушкам, в изобилии доставляемым в Россию, над рабованием перед каждым французом, хотя бы это был вовсе ничтожный человек, над расточительностью дворян, готовых разорить своих крестьян из-за пристрастия к модным французским затеям. В противовес этому он пропагандировал любовь к отечеству, к славному прошлому России, к русскому языку, нападал на тех, кто позволял себе презирать своих соотечественников, «гнушались опытно». Издательская деятельность Н. И. Новикова служила также делу утверждения национальной русской культуры: он оказал русской науке огромную услугу изданием многих ценнейших исторических и историко-литературных памятников.

По силе и остроте сатирической направленности на первое место среди просветительских журналов, выходявших между 1769 и 1774 гг., должен быть поставлен «Живописец», издававшийся Н. И. Новиковым. В нем была помещена статья «Стрывок путешествия в ***», в которой ясно и прямо было сказано о крепостном праве как о великом зле. В этом сочинении была изображена нищая и бесправная крепостная деревня. В «Живописце» печаталась серия «Писем к Фалалею», где изобличались невежество, грубость, жестокость российских душевладельцев. Автором этого произведения был, по новейшим исследованиям, Д. И. Фонвизин.²

¹ П. Н. Верков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 186.

² Там же, стр. 194.

*Н. Н. Зубов (1744—1818). Портрет маслом мастерской Д. Г. Левченко
89-я года XVIII в.
Государственный Эрмитаж.*

Уступал «Живописцу» другой новиковский журнал — «Кошелев». В нем не затрагивались вопросы, связанные с крепостным правом, с коррупцией государственного аппарата: журнал выходил в 1774 г., т. е. в разгар восстания Пугачева, и говорить в печати о социальных пороках в такое напряженное для дворянской империи время правительство Екатерины II не разрешало. Очень много места в «Кошелевке» отводилось борьбе с галломанией в различных ее формах и проявлениях.

Одним из наиболее заслуживающих внимания явлений просветительской общественно-политической мысли начала второй половины XVIII в. была деятельность Я. П. Козельского. Крупный ученый, философ, одаренный писатель, общественный деятель Я. П. Козельский занимал видное место в рядах петербургской дворянской интеллигенции. В примечаниях к своему переводу «Датской истории» Гольберга, напечатанному в Петербурге в 1765—1766 гг., Я. П. Козельский высказал несколько мыслей, направленных против деспотизма и социального неравенства. В 1768 г. он выпустил «Философические примечания», представляющие собой самый значительный труд Я. П. Козельского. В нем он выступает как философ-материалист, горячий сторонник просвещения и прогресса, резко высказывается против социального неравенства, дающего возможность одним людям притеснять других. Я. П. Козельский провозглашает необходимость труда для всех, предлагая вместе с тем ограничить время труда восьмью часами в сутки. Он отстаивает свободу слова, считает необходимым участие широких слоев общества в политической жизни. Примечательны его взгляды на роль общественной среды в процессе формирования нравственных черт человека. Развитие умственных и моральных качеств человека, с точки зрения Я. П. Козельского, может происходить только в условиях освобождения людей от социального гнета. Я. П. Козельский считает необходимым облегчать тяготы, лежащие на населении. Он издевается над проповедью противопоставлять насладию равнодушие и спокойствие, считая, что при такой морали злоупотребления неизмеримо возрастают.

Я. П. Козельского по широте его кругозора, радикализму научного и политического мировоззрения можно поставить в ряду самых передовых ученых и общественных деятелей его времени.¹

Как по составу участников, так и по пониманию задач и способов своей деятельности русское просветительство было разнородным и очень неопределенным течением общественной жизни. Среди просветителей насчитывалось немало людей, для которых вопросы преобразования общества являлись своеобразной «модой», уступкой тому лицемерному либерализму, который отличал Екатерину II и ее окружение. Просветительство других отражало искреннее стремление к преодолению явз крепостничества. Но они боялись активности народных масс и, говоря

¹ В. Б. Яков. Я. П. Козельский. Философские, общественно-политические и экономические воззрения. Вопросы истории, 1947, № 1, стр. 83—100.

о просвещении народа, считали, что активная роль должна принадлежать только передовому дворянству, которое путем просветительской деятельности и приведет к преобразованию общественного строя. Для третьих, очень немногих, просвещение масс являлось средством пробуждения народа к активным политическим действиям. Но эта мысль проявлялась еще в очень неясной форме. Характерной особенностью русского просветительства того времени являлось то, что оно еще не связывало задач политической борьбы с деятельностью «третьего сословия». В этом заключалось отличие русских просветителей от французских, которые видели силу, способную преодолеть абсолютизм, в «третьем сословии», но не в крестьянских массах, а в буржуазии. Эта особенность русского просветительства не исключает объективной буржуазной направленности его.

Среди французских просветителей в рассматриваемое время в дворянских кругах наибольшей популярностью пользовался Вольтер. Если исключить из числа русских почитателей Вольтера тех, кто становился «вольтерьянцами» из простого и слепого подражания французской моде, то «вольтерьянство» в России надо рассматривать как общественное явление. Оно свидетельствует о том, что русское дворянство не находилось в стороне от развития главных течений мировой общественной мысли. Идеи Вольтера не просто перенимались передовыми представителями русской дворянской интеллигенции, а подвергались критической переработке. Такие люди, например, как Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Я. П. Козельский, знали произведения Вольтера и высоко их ценили.

Протестуя против «слепого, рабского, пустого подражания» французам, столь унижающего для национального достоинства русских людей, представители дворянского просветительства протестовали против столь же пустого и модного увлечения французскими философами. Лицемерие царицы, находившейся в переписке со многими французскими философами и афишировавшей свою «близость» к ним, вызывало возмущение в кругах передовой дворянской интеллигенции.

В Петербурге сочинения Вольтера и других просветителей переводились и издавались более, чем в каком-либо другом городе России. Н. И. Новиков за время своей издательской деятельности в Петербурге и в Москве издал 16 произведений Вольтера. То, что не могло быть пропущено цензурой, распространялось в списках. Значительная часть этих списков петербургского происхождения.

В 1773 г. в Петербург приехал Дидро. Здесь ему было оказано всяческое внимание: царица за ним ухаживала, вела разговоры по поводу проекта реформы народного образования, спрашивала его мнение о некоторых внешнеполитических вопросах, предложила Академии Наук и Академии художеств избрать Дидро своим членом, что и было сделано. Из всех обещаний Екатерины II и из всех предложений Дидро, конечно, ничего не вышло. Французский философ, убедившись в том, что его поездка в Петербург была нужна царице только для европейской рекламы ее «просветительства», решил в Петербурге не задерживаться. В начале 1774 г. он уехал обратно, без сожаления расставшись с петербургскими

вельможами, в кругу которых он провел все четыре месяца своего пребывания в столице Российской империи.¹

В 1771 г. в Москве вспыхнул «чумный бунт». Эпидемия чумы здесь началась еще в конце 1770 г. Постепенно усиливаясь, она приняла грозные размеры. Бедствия, переживаемые населением в связи с эпидемией, явились толчком к открытому возмущению народных масс. В Москве вспыхнуло восстание. Чума явилась лишь последней каплей, переволившей чашу терпения народа: гнев народных масс обрушился на господствующие классы, «чумный бунт» явился результатом обострения классовых противоречий в стране.

Еще до начала восстания, в Петербурге был принят ряд предосторожностей. Назначенному новгородским и тверским генерал-губернатором гр. Я. А. Брюсу предписывалось принимать любые меры, чтобы не допустить проникновения эпидемии в Петербург. На тихвинской, старорусской, новгородской и смоленской дорогах были установлены в ста верстах от Петербурга карантинные пункты. Когда здесь было получено известие о происшедшем в Москве народном восстании, полицейские строгости усилились. Теперь боялись не только переноса в Петербург эпидемии, но и восстания среди трудовых масс. Тревога не улеглась и после того, как восстание в Москве было подавлено. Только к началу 1772 г. карантинные и другие предосторожности были ослаблены.²

Еще до восстания Пугачева в Петербурге получил распространение так называемый «Плач холопов». Это — стихотворное произведение, в гневно обличительных тонах рисующее горькую долю крепостных. Автор «Плача холопов» возмущается тем, что «тираны помещики» владеют людьми, «как скотом», что власть их над холопами безгранична, что законы и суд защищают одних господ, что холопам нигде и не у кого искать защиты. «Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля, — восклицает автор, — ... пошли б мы, братцы, в солдатскую службу... всякую неправду стали б выводить и злых господ под корень переводить». «Плач холопов» написан автором, жившим или побывавшим в Петербурге. На это прямо указывает следующая строка из него: «Власть их [господ] увеличилась, как в Неве вода». Это сравнение могло быть придумано только тем, кто видел Петербург и Неву.³

Можно с большой долей вероятности предположить, что среди трудящегося населения Петербурга были известны так называемые «челобитные», тоже являющиеся памятниками народного творчества. Авторы этих «челобитных», пародируя форму официальных прошений, обращались к богу или в «небесную канцелярию» с гневными обличениями угнетателей народа.

¹ М. Нечкина. Вольтер и русское общество. «Большевик», 1944, № 22, стр. 30—39; В. А. Бильбаев. Дидро в Петербурге. СПб., 1884.

² Архив Государственного Совета, т. I, СПб., 1869, стр. 398, 432.

³ История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, стр. 312—315.

Пршло 11 лет со времени прихода к власти «просвещенной» царицы, и на востоке империи вспыхнула одна из самых мощных в истории России крестьянских войн — война под предводительством Е. И. Пугачева. Война эта с необычайной ясностью показала, что под новой формой «просвещенного абсолютизма» скрывается все та же старая крепостническая основа самодержавной монархии. Крестьянская война под предводительством Пугачева потрясла всю Россию. Основные военные силы были связаны на турецком театре войны. Местных воинских команд для подавления восстания ише нехватало, да и войска были ненадежные — среди солдат немало лиц сочувствовало Пугачеву. Яицкое казачье войско, за исключением старшины, почти поголовно примкнуло к восстанию, о чем правительство хорошо знало. Но несмотря на это, в ноябре 1773 г., по совету ки. А. Г. Орлова, Екатерина II приказала Тайной экспедиции выдать паспорта для прозада до Казани и обратно в Петербург находившимся в Петербурге сотнику Афанасию Перфильеву и казаку Петру Герасимову. Они должны были проникнуть в войско Пугачева и убедить казаков выдать его. Расчеты царицы не оправдались. Перфильев стал одним из сподвижников Пугачева и прошел с ним весь путь восстания до эшафота, а Герасимов отправился ише по Яику и поднял восстание среди нижнеяицких казаков.¹

При занятии Яицкого городка правительственными войсками (в апреле 1774 г.) был взят в плен некто Иван Мамаев. На допросах он назвал себя секретарем Пугачева и сообщил, что Пугачев отправил в Петербург каких-то казаков с целью отравить Екатерину II. Показание Мамаева не вызвало у царицы и Г. А. Потемкина доверия, однако решено было не оставлять дело без внимания и произвести расследование. Екатерина II сочла нужным разослать повсюду приметы людей, о которых сообщил Мамаев, а самого Мамаева приказала доставить в Петербург. До приезда Мамаева в Петербург выяснилась вадорность его показаний.²

Тревога в правительственных кругах Петербурга, нашедшая выражение в эпизоде с Мамаевым, усиливалась по мере успехов Пугачева. 21 июля 1774 г. в Петербург пришло известие о взятии Пугачевым Казани. Немедленно был собран Совет. Насколько была перепугана Екатерина II таким неожиданным для правительства оборотом дела, можно судить по тому, что она предложила членам Совета высказаться по поводу заявленного ею намерения самой ехать в Москву и принять на себя руководство подавлением восстания. Члены Совета обнаружили несколько большее присутствие духа. Гр. Н. И. Панин указал, что такая чрезвычайная мера, как поездка царицы в Москву, вызовет всеобщее смтение и будет истолкована как грозный признак, тогда как на деле положение не столь опасно. Проект поездки царицы в Москву был отвергнут. Совет принял решение о назначении нового главнокомандующего правительственными войсками с чрезвычайными пол-

¹ ЦГАДА, ф. Гос. Арх., л. № 2047, кн. II.

² Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III. СПб., 1884, стр. 46—48.

помощниками. Екатерина назначила главнокомандующим гр. П. И. Панина. Но тревога, несмотря на официальные успокоения П. И. Панина, была все же серьезной: оснований для нее было более чем достаточно.

Слухи о Пугачеве проникали в народные массы далеко за пределы, непосредственно охваченные восстанием. Тревожно было и в Петербурге. Об этом свидетельствует приказ московского главнокомандующего и начальника Московской тайной экспедиции кн. М. П. Волконского о необходимости «употреблять надежных людей для подслушивания разговоров в публичных собраниях, как то: в рюдах, банях и кабаках». Приказ должен был быть распространен и на Петербург, но последовавший разгром восстания Пугачева сделал эту меру лишней. Очень красноречив и тот факт, что во многих съезжих домах Петербургской губернии, в том числе и в самом Петербурге, секли людей за «приверженность» Пугачеву.¹ Можно предполагать, что среди огромного количества крепостных крестьян, проживавших в Петербурге, особенно дворовых, среди работных людей петербургских мануфактур, среди строительных рабочих и отчасти мещанства было немало сторонников Пугачева. Однако открытых выступлений народа в Петербурге в годы восстания Пугачева не произошло. При наличии крупных вооруженных сил в столице и сильной полиции глухое недовольство народа не могло здесь вылиться в открытое выступление.

Восстание, подавляемое массовыми казнями, опустошением территорий, на которых действовали войска Пугачева, беспощадными пытками и телесными наказаниями, затухало. Когда 1 октября 1774 г. в Петербург пришло известие о пленении Пугачева, столичное дворянство возликовало. Но уверенность правительства в прочности феодально-крепостнической монархии вернулась не сразу. Даже после казни Пугачева настроение в правительственных кругах продолжало оставаться неспокойным. Характерен случай, произошедший в Петербурге в 1787 г. Обычный в общественной жизни столицы, он в другое время прошел бы незамеченным. Но теперь власти реагировали на него болезненно.

В 1787 г. в Петербурге работало 4 тыс. крестьян на строительстве набережных на Фонтанке. 7 августа на площади Зимнего дворца появилась толпа в 400 человек, выбранных от работавших на строительстве. Они пришли подать жалобу на подрядчика Долгова. Екатерина II несколько раз через посланных лиц пыталась уговорить толпу разойтись, обещая разобрать жалобу. Но челобитчики уперевались, требовали прихода париж и ни с кем другим говорить не ждали. Тогда полиция арестовала 17 человек и отправила их в уголовный суд с обвинением в «учинении скопа и заговора». После этого остальные разбежались. В течение всего дня и ночи на площади перед дворцом разъезжали конные патрули, чтобы не допустить новых сборищ.²

¹ ЦГАДА, ф. Гос. Арх., д. № 2047, кн. II.

² Записки М. Гарковского. Русская старина, 1876, т. XV, стр. 237—239.

Напуганное возможностью повторения такого же мощного народного движения, какое произошло в 1773—1775 гг., екатерининское правительство приняло ряд предупредительных мер. У казачьего населения России были отняты последние остатки самоуправления. Губернская реформа 1775 г. значительно усилила административно-полицейский надзор за населением. В течение десятилетия 1775—1785 гг. увеличивались дворянские привилегии, усиливалась зависимость крепостного крестьянства от помещиков.

Рост привилегий дворянства, укрепление его социального положения нашло в жизни дворянских кругов столицы самое непосредственное отражение. Начиная со второй половины 70-х годов дворянский Петербург приобретает тот внешний вид, а жизнь петербургского дворянства тот характер, которые создали столице Российской империи среди европейского дворянства славу одного из самых блистательных городов Европы. Литературные и мемуарные памятники, относящиеся к 70—80-м годам и исходящие от наиболее реакционно настроенной части русского и западноевропейского дворянства, на все лады прославляют «Северную Пальмиру». Балы, маскарады, спектакли, увеселительные прогулки следуют вереницей друг за другом. Грандиозные суммы, выколачиваемые из разоряемого крестьянства, с безумной расточительностью тратились в Петербурге. Об этой расточительности можно судить по знаменитому «потемкинскому празднику», устроенному «великолепным князем Тавриды» в Таврическом дворце. Сотни тысяч рублей, истраченных Потемкиным для этого праздника, позволили обставить его с невиданной в истории преддворного Петербурга пышностью.

Расточительность и праздность характеризовали жизнь верхушки петербургского дворянства. Но некоторых из дворян грозные события заставили задуматься над будущим. Эти дворяне находились в оппозиции по отношению к правительству, не одобряя его политики и требуя таких преобразований, которые могли бы обезопасить их от народного восстания. Остро и подчас злобно критиковал политику Екатерины публицист и историк второй половины XVIII в. кн. М. М. Щербатов. Его критика проводилась с реакционных, аристократических позиций. В этом отношении особенно примечательны некоторые сочинения М. М. Щербатова, распространявшиеся в списках, так как нечего было и думать об их напечатании. Из сочинений Щербатова наибольшую известность приобрели утопический роман «Путешествие в землю Офирскую» и обличительный трактат «О повреждении нравов в России». Его работа «Оправдание моих мыслей и часто с излишней смелостью изглаженных слов» являлась ярко и сильно написанным памфлетом против Екатерины II. Но политическая программа Щербатова была глубоко реакционной. Звание дворянства, с точки зрения Щербатова, может быть приобретаемо только по рождению или специальным пожалованием верховной власти. Право присвоения дворянского звания по службе следует отменить. Только потомственные дворяне могут владеть крепостными душами, только в их руках должна быть сосредоточена власть.

Некоторые из представителей русской аристократии, стоявшие по своим политическим убеждениям близко к кн. Щербатову, — братья графы С. Р. и А. Р. Воронцовы, гр. Н. И. Панин, П. В. Чичагов — считали необходимым ограничить самодержавие аристократической конституцией, а дворянскую массу устранить от участия в управлении государством. В этом своем устремлении они следовали традиции верховников, что не могло не встретить сопротивления рядового дворянства, видевшего в абсолютной власти самодержца наиболее надежную защиту своих интересов.

Но если аристократическое дворянство не добилось реализации своих конституционных замыслов, то оно сумело обеспечить себе монополию при дворе, чтобы тем самым закрепить за собой фактическое руководство государственными делами. При Екатерине II императорский двор становится политическим центром управления монархией. Внешним выражением процесса обособления придворной аристократии от передовитого и несановитого дворянства были устраивавшиеся при Екатерине II так называемые эрмитажные собрания. На них присутствовали только избранные, наиболее близкие ко двору лица.

Если некоторые оппозиционные круги дворянской аристократии видели средство избавления от опасности жесточких социальных потрясений в изменении политики правительства, то другие искали спасения в мистике. Это нашло выражение в распространении в этой среде масонства. В туманной мистике учения масонов наиболее реакционная часть дворянского общества находила средство укрыться от разрешения социальных проблем. Масонское учение для таких людей служило спасительным средством оправдания существования зла, а не борьбы с ним. Отрицание масонами разума как стимула поведения человека заключало в себе протест против наиболее передовой в начале второй половины XVIII в. философии — рационалистической и материалистической философии. Некоторые масоны выражали открытое пренебрежение к национальной культуре и к русскому народу. В масонском учении было много космополитизма.

Система отдельных масонских организаций (лож) была очень сложна. В Петербурге в 70-х годах XVIII в. существовало 18 лож, имевших единое управление. Петербургские ложи находились в тесной связи с германскими и шведскими масонскими организациями. Одним из наиболее видных петербургских масонов был И. И. Елагин — сенатор, обер-гсфмейстер, писатель, театральный деятель. Масонами являлись гр. Р. Л. Воронцов, кн. Г. П. Гагарин, адмирал С. К. Грейг и др. В отдельных случаях членами масонских лож состояли и люди, далекие от того, чтобы их можно было причислить к дворянской аристократии. Но в религиозно-мистические формы может облекаться в условиях реакции и протест против существующего строя. Повидимому, этим обстоятельством следует объяснить участие в масонских ложах таких людей, как Н. И. Новиков, а позже некоторых из будущих декабристов.

Усиливающаяся реакция и религиозно-мистические настроения не задержали развития освободительной мысли среди передовитого дворянства. Эта мысль про-

должала жить в журналистике конца 70—начала 90-х годов XVIII в. Петербургские журналы прогрессивного направления продолжали пропагандировать, хотя и в несколько более смягченной, чем раньше, форме, все ту же идею необходимости исправления социального зла.

Наиболее замечательным журналом 70-х годов был «Санкт-Петербургский вестник», издававшийся Г. Л. Брайко с 1778 по 1781 г. В журнале содержались прозрачные намеки на строгость екатерининской цензуры, на преимущества вольнонаемного труда по сравнению с крепостным, говорилось о «вольности, управляемой благоразумием и законами». В журнале были напечатаны «Сатира Ы Капниста и другие произведения сатирического характера. В нем принимали участие Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, И. И. Хемницер и другие выдающиеся русские писатели. В 1780 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» Г. Р. Державин поместил «Оду, предложение псалма 81», в которой непочтительно отзывался о «царях, земных богах». Екатерининская цензура вырезала это стихотворение из большинства экземпляров того номера журнала, где оно было напечатано.¹

Из других петербургских периодических изданий прогрессивного направления должен быть отмечен журнал «Утренние часы», издававшийся И. Г. Рахманновым и П. А. Озеровым в 1788—1789 гг. В этом журнале печатались переводы произведений радикальных французских писателей предреволюционной эпохи.

В 1789 г. выходил «Беседующий гражданин», в котором принимал участие А. Н. Радищев. Выдающимся событием в кратковременной жизни журнала было появление на его страницах радищевской «Беседы о том, что есть сын отечества». Антидворянские и демократические тенденции этого произведения А. Н. Радищева были столь явны, что во избежание цензурных затруднений автору пришлось прибегнуть к маскировке и бросить несколько благожелательных слов по адресу монархии.²

Следует отметить участие Д. И. Фонвизина в петербургских журналах. С его именем связано несколько значительных событий в истории русской журналистики второй половины XVIII в. Д. И. Фонвизин принимал участие в «Собеседнике любителей русского слова», издававшемся под руководством Екатерины II и при активном ее сотрудничестве. В этом журнале он анонимно напечатал произведение остро политического содержания. Оно было написано в форме двадцати коротких вопросов Екатерине II. В них прозрачно намекалось на паразитическое существование дворянства, фаворитизм, покровительство правительства откупщикам, охлаждение Екатерины II к вопросам законодательства и другим важным политическим предметам. Д. И. Фонвизин собирался поместить в «Собеседнике любителей русского слова» «Всесбидую придворную грамматику» — острую са-

¹ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 352—354.

² Там же, стр. 362—365.

тиру на высокомерие, рабскую угодливость, продажность, стремление к безудержной роскоши придворного дворянства. Но царица не допустила напечатания этой ядовитой сатиры. Блестящее по своему остроумию произведение Д. И. Фонвизина долгое время оставалось в рукописи.¹

В 1788 г. Д. И. Фонвизин предполагал издавать собственный журнал под названием «Друг честных людей, или Стародум». В нем Д. И. Фонвизин ставил задачей продолжение борьбы с социальным злом, которую он так блестяще начал своими комедиями и продолжил небольшими сатирическими произведениями, частью напечатанными, частью оставшимися в рукописях. «Стародум» обличал развращенность крепостнического дворянства, продажность чиновников, развешивал самодержавную власть. Такой материал не мог появиться в печати, он получал широкое распространение в списках.

Яркий след в истории петербургской журналистики оставили журналы «Почта духов», «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий», издававшиеся между 1789 и 1793 гг. И. А. Крыловым, А. И. Клушиным и П. А. Плавильщиковым. «Почта духов» И. А. Крылова высмеивала такие пороки, как продажность чиновничества, разложение верхов дворянского общества, отсутствие у дворянства национального достоинства, выразившееся в галломании и англломании. В завуалированной форме И. А. Крылов высказывал свое неодобрение самодержавному образу правления. «Зритель», помимо сатирических выпадов против паразитизма крепостнического дворянства и бюрократии, много внимания уделял вопросам развития национальной русской культуры. Журнал с благородным патриотизмом защищал право русского народа на то, чтобы в мировой культуре он занял место, соответствующее его высоким духовным качествам. «Санкт-Петербургский Меркурий», руководство которым принадлежало И. А. Крылову и А. И. Клушину, продолжал традиции «Почты духов» и «Зрителя». Однако свое сатирическое оружие издатели принуждены были до времени спрятать — журнал издавался в 1793 г., когда после казни Людовика XVI правительство Екатерины усилило реакционные мероприятия.

Главными читателями крыловских журналов были петербуржцы. «Зритель» рассылался 136 петербургским подписчикам и всего 12 московским и 28 провинциальным.

Крыловские журналы резко подчеркивали, что вельможные верхи стоят в стороне от подлинно культурной жизни.

В «Почте духов» Крылов ставил вопрос: «Кто ж у вас читает Платоновы сочинения о должностях, наставление политикам, о состоянии земледельцев и о звании вельмож?», — и отвечал: «Купца и мещане ... а вельможки читают веселые сказки, детские выдумки и шутливые басни».²

¹ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 336—337, 339.

² Там же, стр. 430—496.

Помимо сатирических журналов, в Петербурге издавались научно-популярные и общественно-литературные журналы. Продолжали издаваться «Академические известия», в литературном отделении которых участвовал ряд крупных писателей (Державин, Княжнин).

Последним по времени журналом передового направления в Петербурге был издававшийся А. Ф. Бестужевым и последователем Радищева И. П. Пинным «Санкт-Петербургский журнал» (1797).

Таким образом, Петербург во второй половине XVIII в. стал главным центром русской журналистики, здесь зародившейся и здесь же получившей особенно заметное развитие.

Передовая журналистика уделяла внимание важнейшему событию международной жизни второй половины XVIII в. до Французской революции 1789 г. — борьбе Америки за независимость.

Н. И. Новиков в статьях, посвященных оценке англо-американской войны, приветствовал победу американского народа. Горячее сочувствие ей высказал и А. Н. Радищев в оде «Вольность». Однако положительное отношение к победе Америки не помешало Н. И. Новикову и А. Н. Радищеву выразить резкое осуждение узаконенному молодой республикой торгу невольниками. Обратная сторона принципов буржуазной демократии, положенных в основу социально-политического строя Соединенных Штатов, отчетливо различалась тем и другим. Особенно резко выступал против по этому поводу А. Н. Радищев, отлично видевший всю ограниченность такого строя, который утверждал благополучие ничтожного меньшинства и обрекал на нищету широкие народные массы.

Одним из значительных литературных объединений в Петербурге было Общество друзей словесных наук, основанное в 1784 г. М. И. Антоновским. Общество друзей словесных наук насчитывало несколько десятков членов, среди которых были и такие достигшие впоследствии известности писатели, как С. А. Тучков, С. С. Бобров, П. Ю. Львов и др. Самым примечательным в жизни Общества друзей словесных наук было то, что в его состав входил А. Н. Радищев. Из-за отсутствия данных трудно определять роль Радищева в Обществе. Однако не может подлежать сомнению, что Радищев вел борьбу с религиозно-мистическим направлением руководящей группы Общества, находя поддержку среди наиболее прогрессивно настроенных его членов. Общество издавало журнал «Беседующий гражданин», в котором, как уже было сказано, Радищев напечатал свой «Беседу о том, что есть сын отечества».

В литературных объединениях и журналах второй половины 70-х и 80-х годов не было четкого размежевания направлений общественной мысли. В одном и том же журнале принимали участие люди, мировоззрение которых было проникнуто мистическими настроениями, и Радищев.

Размежеванию направлений общественной мысли много способствовала буржуазная революция во Франции 1789 г. Она заставила передовую дворянскую

интеллигенцию более четко определить свое отношение и к задачам освободительного движения и к методам борьбы.

Первые известия о начавшейся революции посеяли в Екатерине тревогу, возрастающую по мере того, как выяснялось все значение происходящих во Франции событий. Русскому послу во Франции Симолону было отдано приказание потребовать возвращения русских, живущих во Франции. Вскоре были порваны все сношения с Францией. Екатерина отчетливо понимала международное значение Французской революции. Ослабление монархической власти во Франции, — говорила она, по свидетельству ее секретаря Грибовского, — подвергает опасности все другие монархии.¹

В Россию хлынул поток эмигрантов, встретивших самый радушный прием екатерининского правительства. При дворе Екатерины появился даже особый посланник, представлявший интересы братьев короля и роялистов. После казни Людовика XVI было отдано распоряжение всем проживающим в России французам принести присягу в верности королевскому правительству. Отказавшиеся от принесения присяги должны были покинуть Россию. В последние годы царствования Екатерина II готовилась к вооруженной интервенции против революционной Франции. Осуществление этой интервенции задержалось из-за внешнеполитических причин.

Ненависть правительства Екатерины II к революции хорошо отражали статьи, помещенные в выходившей в Петербурге официальной прессе. В «Санкт-Петербургских ведомостях» известие о взятии Бастилии было изображено как бунт уличной толпы. Резко враждебные отзывы помещались газетой о работе Национального собрания, об отдельных деятелях революции. Напротив, всячески расхваливались роялисты и эмигранты. Много места уделялось описанию действий контрреволюционных войск против армии республики. В «Санкт-Петербургских ведомостях» постоянно пропагандировалась мысль, что революция есть следствие слабости власти. После указа Екатерины II о прекращении сношений с Францией «Санкт-Петербургские ведомости» перестали вообще печатать какие-либо известия о революции.

Сочинения французских просветителей подверглись полному запрещению. Екатерина отдала распоряжение Академии Наук наблюдать за тем, чтобы запрещенные книги не продавались в ее книжных лавках. Появились произведения русских авторов, всячески поносивших революцию, вроде, например, «Мнения некоторого россиянина о едшоначалши» (1792), написанного, вероятно, кн. Е. Р. Дашковой; выходили книги, ставившие своей целью развенчание просветителей. Так, появились сочинения «Вольтер изблеченный» (1792), «Вольтеровы заблуждения» (1793) и др.

¹ Записка о императрице Екатерине Великой А. М. Грибовского. Изд. 2-е, М., 1884, стр. 43.

Запретительные меры Екатерины и ее политика по отношению к печати находили полную поддержку среди реакционного русского дворянства вообще и петербургских вельмож в особенности. В аристократических салонах Петербурга велись не только беседы об «ужасах» революции. В них намечались и разрабатывались контрреволюционные планы, осуществлявшиеся затем правительством Екатерины II. Одно из видных мест среди таких салонов Петербурга принадлежало салону гр. А. Р. Воронцова, отзывы которого о революции были проникнуты ненавистью к народным массам Франции. Петербургский вельможа основную причину революции видел в потере прежнего величия и влияния дворянской аристократии. Через своего брата и единомышленника гр. С. Р. Воронцова — русского посла в Англии — А. Р. Воронцов поддерживал связь со всей европейской контрреволюцией.

Те представители дворянства, которые только играли в оппозицию, при первых же раскатах грома революции быстро излечились от «заблуждений» и перестали маскировать реакционно-крепостническую сущность своих политических взглядов словами, большей частью заимствованными из арсенала французских просветителей. Пример «просвещенной» царицы, с начала революции сбросившей с себя все либеральные одежды, в которые она не переставала рядиться до конца 80-х годов, действовал на таких людей ободряющим образом. Напротив, тех дворян, которые искренне хотели социально-политического преобразования России, Французская революция не испугала. Эта часть дворянства относилась к революции терпимо, а некоторые из наиболее смелых даже приветствовали ее. Так, например, в январе 1790 г. в «Политическом журнале» была напечатана записка, в которой 1789 год в Европе квалифицировался как «начало новой эпохи человеческого рода ... эпохи поправления судьбы так называемых низших сословий».¹ Правда, «Политический журнал» энергично нападал на якобинцев, но сочувствие падению абсолютистского режима и феодальных привилегий в нем не угасло. В 1793 г. в издании Шляхетского кадетского корпуса вышел перевод книги немецкого врача и философа Циммермана, в которой пропагандировались идеи равенства и свободы. Книга Циммермана в переводе была озаглавлена «Образ народного любочестия».² В 1796 г. вышла подвергнувшаяся преследованию книга «Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света», содержащая сочувственную оценку французской конституции 1791 г.

Нельзя не вспомнить и о крыловских журналах, издававшихся в Петербурге в годы Французской революции. В них печатались произведения, в которых, хотя и в завуалированной форме, содержались сочувственные отзывы о переменах во Франции, происшедших в начальном периоде революции.

¹ А. К а г а н о в а. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная русская пресса. Вопросы истории, 1947, № 7, стр. 89.

² А. П. К у ч е р о в. Французская революция и русская литература XVIII в. «XVIII век», сб. под ред. А. С. Орлова, М.—Л., 1935, стр. 293.

Социальные потрясения в России, вылившиеся в крестьянские восстания, создавали объективно благоприятную почву для сочувствия Французской революции в некоторых кругах русского общества.¹

Каков социальный состав этих кругов? Это были те же представители дворянства, давно уже выступавшие с протестом против самодержавия и крепостничества в своих экономических сочинениях, в публицистике и в художественной литературе. Они сочувствовали крушению французского абсолютизма, но это еще стиюдь не означало готовности последовать примеру Франции и начать революционную борьбу с русским самодержавием. До сознания необходимости революционной борьбы с самодержавием во второй половине XVIII в. поднялся лишь А. Н. Радищев.

Напуганная Французской революцией и откликами ее в России, которые, несмотря на усиление полицейских цензурных строгостей, давали о себе знать, Екатерина приняла ряд мер, имевших целью парализовать растущий протест против феодально-крепостнической монархии.

Уже давно внимание правительства Екатерины привлекал Н. И. Новиков. Еще в 1773 г. он основал в Петербурге «Общество, старающееся о навечатании книг». Девизом Общества были слова «согласием и трудами». Правда, Общество просуществовало недолго и издало только 18 названий, но среди них был знаменитый перевод Радищева книги Мабли.

На страницах «Живописца» серьезно обсуждались вопросы издания книг и книжной торговли. Новиков старался учесть расширение круга читателей русской книги и их интересы. Главных читателей он видел в населении городов, а не в дворянстве. Он писал в предисловии к третьему изданию «Живописца»: «У нас те только книги 3, 4 и 5-м изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям по незнанию ими чужестранных языков нравятся. Напротив того, на вкус наших мецан не повавшие весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных».² Новиков думал и об удешевлении книги с тем, чтобы сделать ее доступнее для демократического читателя. Он критиковал существовавший в его времена порядок распространения книг, при котором «продающаяся в Петербурге книга по рублю» в провинции продается «почти всегда в три рубля, а иногда и больше». «Через сие охотники покупать книгу уменьшаются, книг расходуется меньше, а печатающие оные вместо награждения за свои труды часто терпят убыток».³

Свои широкие планы издательской деятельности и книжной торговли Новиков сумел осуществить только в Москве. Он основал там Типографическую компанию,

¹ В. И. Бочкарев, Екатерина и Франция; В. И. Бочкарев, Русское общество екатерининской эпохи и Французская революция (обе статьи навечатаны: Отечественная война и русское общество, т. I, М., 1912); А. Я. Кучеров, ук. соч.; А. Каганова, ук. соч.

² Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.—Л., 1951, стр. 96.

³ Сатирические журналы Н. И. Новикова, М.—Л., 1951, стр. 442.

напечатавшую множество книг по самым разнообразным отраслям знания. Взяв в свои руки Н. И. Новиков также издание «Московских ведомостей», сумел сделать газету настолько интересной, что тираж ее поднялся с 400 до 6 тысяч экземпляров. Правительство пристально следило за Н. И. Новиковым. В 1792 г. Н. И. Новиков и некоторые московские масоны, которых Екатерина II считала его единомышленниками, были арестованы. Н. И. Новикову было предъявлено обвинение в продаже запрещенных книг и напечатании рукописей, не прошедших через цензуру. Масонские друзья Н. И. Новикова отделались высылкой из Москвы, тогда как он сам вместе с близким ему человеком, доктором Багрянским, и крепостным слугой был привезен в Петербург и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Следствие по делу Н. И. Новикова вел стяжавший себе печальную славу палача С. И. Шешковский. Н. И. Новиков держался твердо и отказался дать подписку в том, что отрывается от своих убеждений. Его обвинили в основании тайной типографии, в издании противоправославных книг, в принадлежности к масонству. По указу Екатерины II, в котором Н. И. Новиков и его единомышленники объявлялись «явными вредными государственными преступниками», он был присужден к 15-летнему заключению в Шлиссельбургской крепости. Свободу он, уже разбитый и больной, получил после вступления на престол в 1796 г. Павла.

Реакция 90-х годов коснулась и других русских общественных и политических деятелей.

Одним из таких людей был отставной поручик Ф. В. Кречетов. Живя в Петербурге, он занимался швейцарским и переводческим трудом. Большинство его произведений осталось в рукописях или было напечатано анонимно. Он основал издательскую компанию, названную им «Всемирно-вольное к благодействию составленное общество». Общество это насчитывало около 40 человек, но собрать достаточные средства для основания собственной типографии Кречетову не удалось. Деятельность Общества привлекла к себе внимание Тайной экспедиции. В 1793 г. к петербургскому генерал-губернатору поступил донос на Ф. В. Кречетова. В нем Ф. В. Кречетов обвинялся в намерении «просветить Россию и тем избавить народ от царского ига». Доносчик писал, что Ф. В. Кречетов негодует «на необузданность власти», на злоупотребления, несправедливое, что он «непристойные слова произносил» по адресу самой Екатерины II. Более того, Ф. В. Кречетов восставал вообще против «ига царского», против церкви и религии, требовал освобождения крестьян, подговаривал солдат к бунту. Ф. В. Кречетов был арестован. На следствии выяснилось, что он предполагал организовать противоправительственную пропаганду по всей России, что он, по словам одного из свидетелей, хотел свержения самодержавия и установления республики. Ф. В. Кречетов предсказывал возможность всеобщего восстания народа, если не будут приняты меры к уменьшению произвола и злоупотреблений. Осуществление его программы им мыслилось как следствие просветительской пропаганды. Ф. В. Кречетов не был сторонником революции: к князе А. П. Радищеву

он отнесся строгательно, хотя и говорил, что постигшая его кара слишком жестока.

Ф. В. Кречетов был обвинен в умысле «против государыни и государства». В судебном приговоре говорилось, что он достоин казни, «яко изверг рода человеческого», но взамен ее он приговаривался к заключению в Петропавловской крепости на неопределенный срок. Через короткое время после вынесения приговора обнаружались новые данные, усиливавшие обвинение, и он был переведен в Алексеевский рavelин. Вновь начатое следствие выяснило, что Ф. В. Кречетов добивался равенства и свободы для всех, что, по его мнению, «раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян, ведь и они такие же люди». Запертый в Алексеевский рavelин крепости, Ф. В. Кречетов оставался там недолго. По распоряжению Екатерины II он был переведен в Шлиссельбургскую крепость, где его предписывалось содержать «накрепчайше, наблюдая, чтобы он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел». Только в 1801 г., после вступления на престол Александра I, он был освобожден в тяжелом физическом и моральном состоянии.¹

Несколько успешнее, чем попытка Кречетова наладить издательское дело, оказалась деятельность по созданию типографской компании писателей Крылова и Клушина. Средства в дело вложили главным образом известные актеры Дмитриевский и Плавильщиков (они внесли по 250 руб., тогда как Крылов смог вложить только 50 руб., а, очевидно, еще менее располагавший средствами Клушин сграничился 25 руб.). Типография Крылова помещалась на Марсовом поле в доме Бецкого. Здесь же была открыта и книжная лавка компании. В типографии «Крылова с товарищи» печатались журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Кроме того, печатались также афиши и билеты. Типография Крылова просуществовала только три года: она подверглась преследованиям со стороны полиции и была закрыта в 1793 г.

Попытки создания частных издательских компаний и типографий во второй половине XVIII в. свидетельствуют о разрыве передовой русской общественности с двором и вельможными меценатами.

Пусть в столице из этих попыток не выросло ничего крупного, но о значении их убедительно свидетельствует огромный размах деятельности книгоиздательского центра Новикова в Москве, где были более благоприятные условия для развития общественной инициативы, чем в Петербурге.

В лапы чиновников Тайной экспедиции попал в 1794 г. и майор В. В. Пассек (он же Пасков). Ему было предъявлено обвинение в сочинении стихотворения,

¹ М. Н. Герпет. История царной тюрьмы, т. I. М., 1951, стр. 197—198; К. С. Яков. Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в. Вопросы истории, 1946, № 5—6, стр. 90—95; История русской литературы, т. IV. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1947, стр. 37—38; Л. С. Светлов. А. Н. Радищев и политическая проза конца XVIII века. Из истории русской философии XVIII—XIX веков. М., 1952.

направленного против Екатерины II. У арестованного В. В. Пассека обманом добились признания в том, что он действительно был автором этого стихотворения. Едва Тайная экспедиция получила такую «улику», она распорядилась перевести его из Петропавловской крепости, где он содержался, в Динамидскую крепость, откуда он был освобожден в 1801 г.¹

Последовательным революционером, намного опередившим и русских и европейских просветителей как по глубине своего материалистического мировоззрения, так и по ясности понимания задач и методов освободительной борьбы, явился А. Н. Радищев. Великий русский революционер-республиканец в своей социально-политической программе сумел подняться на такую высоту, которой не достигла современная ему ни русская, ни мировая общественно-политическая мысль. Программа А. Н. Радищева — наиболее демократическая программа из всех созданных русскими и западноевропейскими философами и политическими деятелями второй половины XVIII в. Он впервые в истории мирового революционного движения выступил как идеолог крепостного крестьянства, именно крестьянства, а не того социального объединения, которое во Франции получило название третьего сословия и в составе которого на первом плане действовала буржуазия. Но объективная сущность социально-экономического строя, который мыслился Радищевым, является буржуазной.

А. Н. Радищев первый провозгласил необходимость революционной ломки существующего социально-политического строя. В отличие от французских просветителей, видевших возможность переустройства современного им общества в разрушении феодальной идеологии, он исходил из осознанной необходимости насильственного свержения самодержавия и крепостничества. Он открыто выступал с призывом к народу поднять восстание и свергнуть самодержавную монархию.

Мировоззрение А. Н. Радищева представляло собой вершину материалистической философии XVIII в. Он не только изложил основные положения материализма как философского направления, но подверг уничтожающей критике идеалистические и мистические взгляды. Конечно, в философском учении А. Н. Радищева не было и не могло быть исторического материализма. Но материалистическая философия природы была разработана в его произведениях с последовательностью и глубиной, оставившей далеко позади всех его современников.

Главным делом жизни А. Н. Радищева было написание «Путешествия из Петербурга в Москву». «Путешествие» — это книга великого гнева, заражавшего каждого из тех ее читателей, кто хоть сколько-нибудь мог разделить отношение А. Н. Радищева к самодержавию и крепостному праву. А. Н. Радищев показал все ужасы крестьянской неволи и деспотизма в их конкретной форме. Нарисованная им картина была реалистична, и в этой реалистичности заключалась огромная

¹ М. Н. Гернет, ук. соч.; К. Сивков, ук. соч.; Отрывок жизни Василия Пассека, им самим сочиненный. Русский архив, год первый (1863), изд. 2-е, М., 1866, стр. 627—775.

взрывная сила книги. Те читатели, которые знакомились с книгой в списках, начавших распространяться еще при жизни автора, конечно, никогда не могли бы забыть таких глав, как «Медное», где был описан аукцион по продаже крестьян, или «Вышний Волочек», где изображались картины рабовладельческой эксплуатации, или строф из «Вольности», представлявшей собой апологию восстания против самодержавия. Нельзя было пройти мимо тех волнующих, проникнутых революционным пафосом строк «Путешествия», в которых А. Н. Радищев призывал разбить железом, вольности [рабов] пренебрегающим», «главы бесчеловечных своих господ» и говорил: «я зрю сквозь целое столетие», придут «великие мужи» из среды самих рабов, которые и уничтожат «бесчеловечных господ».

Радищев в своих сочинениях поднял те проблемы, которые разрабатывались в дальнейшем развитии русской революционной мысли. Он доказал необходимость борьбы с крепостным правом, как с социальным злом, препятствующим развитию производительных сил. Он показал несовершенство буржуазного строя западных государств, не обеспечивающего ни материального благосостояния, ни свободы для трудящихся классов населения. Он был подлинным патриотом, гордившимся своей принадлежностью к великому русскому народу и требовавшим самого внимательного к нему отношения. Любовь к народу у Радищева была неотделима от ненависти к самодержавию и крепостничеству.

В понимании единства идеи патриотизма с идеей народной революции — огромная заслуга Радищева. Вся последующая история русской революционной мысли прочно усвоила эту радищевскую традицию.

Вера Радищева в народ, его любовь к нему нашла свое выражение в том внимании, с которым великий революционер относился к русскому народному творчеству. Радищев хорошо чувствовал красоту и силу его. Поэмы его «Бова», «Песнь историческая», «Песни, петье на состязаниях...» носят на себе заметные следы влияния народного творчества. Героиня истории русского народа, отразившаяся в созданных им песнях, сказках, былинах, до конца была прочувствована Радищевым и провизала собой его поэмы.

Произведения Радищева реалистичны. «Путешествие», несмотря на наличие в нем литературных приемов, свойственных классическому и сентиментальному направлениям, написано реалистически. Задавшись целью показать горькую жизнь крестьянства во всей ее неприкрашенной правде, он не мог не вступить на путь реализма. «Путешествие» явилось для своего времени произведением, написанным в смелых, новаторских формах. Революционному содержанию «Путешествие» вполне соответствовала та новая форма, в которую Радищев облек свое произведение. Оно открыло широкие перспективы для дальнейшего развития русской классической литературы.

Впервые в Петербурге А. Н. Радищев оказался в пятнадцатилетнем возрасте, когда он поступил в Пажеский корпус. В 1766 г. он в числе других пажей был отправлен в Лейпциг. В 1771 г. А. Н. Радищев вернулся в Петербург и

прожил здесь двадцать лет до своей ссылки. Поселился он в доме на Грязной улице (ныне в перестроенном виде он существует под №14 на улице Марага).

В этом доме протекли те годы жизни А. Н. Радищева, когда он особенно усиленно занимался литературной и научной работой. Много времени приходилось ему уделять и службе — в 1780 г. он получил место помощника начальника Портовой таможни.

В доме на Грязной улице А. Н. Радищев встречался со своими друзьями. Он вел замкнутый образ жизни, сам почти никого не посещал и принимал у себя ограниченный круг лиц. В него входили товарищи А. Н. Радищева по Лейпцигскому университету П. И. Челищев и А. М. Кутузов. Последний был особенно близок А. Н. Радищеву, ему он и посвятил свое «Путешествие из Петербурга в Москву».

Этими именами, конечно, не ограничивается круг литературных знакомств А. Н. Радищева. В качестве члена Общества друзей словесных наук и Общества, старящегося о напечатании книг, он имел обширные связи с литературным миром Петербурга. Не может подлежать сомнению его знакомство с И. Г. Рахманиновым, И. А. Крыловым и другими петербургскими писателями. Но они, повидимому, не принадлежали к самым близким его друзьям.

В доме на Грязной улице А. Н. Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву». Задумав его издать, он обратился к петербургскому обер-полицеймейстеру Н. Рыдзеву. Тот пропустил рукопись, но читал ее. Попытка

ПУТЕШЕСТВИЕ.

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, взорно, огрожно, спознано,
и лалы“

Титаснахидз, Томъ II. Кн: XVIII. стн: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титульный лист первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву», 1790 г. (с экземпляра, принадлежавшего А. С. Пушкину).

Институт русской литературы Академии Наук СССР.

А. Н. Радищева напечатать «Путешествие» в каком-либо издательстве не привела ни к каким результатам. Тогда А. Н. Радищев решил печатать ее сам в устроенной у себя на дому маленькой типографии. С помощью двух сослуживцев А. Н. Радищева по таможене — Царевского и Богомолова — книга была набрана и напечатана в количестве 600 экземпляров. В мае 1790 г. появилось 25 экземпляров «Путешествия» в кавказной лавке купца Зотова в Гостином дворе. Остальные экземпляры, за исключением нескольких, розданных Радищевым своим знакомым, остались у него дома.¹

О том, каково было впечатление, произведенное книгой Радищева, можно судить из письма гр. А. А. Безбородко правителю канцелярии Потемкина В. С. Попову. Безбородко писал в этом письме: «Книга сия начала входить в моду у многой шали; но, по счастью, скоро ее узнали».² Безбородко точно определил круг читателей «Путешествия». На не совсем изысканном языке екатерининского вельможи слово «шаль» обозначало низший класс, толпу. Под этим словом Безбородко подразумевал, конечно, не народные массы, и понятия не имевшие о «Путешествии», а тех представителей дворянской и разночинной интеллигенции, которые были близки народу и которые сочувствовали идеям, высказанным Радищевым. Очевидно, у Безбородко были основания говорить об успехе «Путешествия» среди этой части петербургского населения, хотя книга разошлась еще в очень малом числе экземпляров.

Книга Радищева приобрела сразу же громкую известность. Купец Зотов, привлеченный к дознанию по делу Радищева, показывал, что «Путешествие» многие стали спрашивать у него в лавке. Состоявший при Безбородко чиновник И. И. Вальц, допрашивавшийся в связи с попыткой Радищева стослать один экземпляр книги Кутузову в Берлин, писал в своем показании, что о «Путешествии» «по всему городу говорят». Отставной поручик Н. П. Осипов удостоверял «великое любопытство публики к сей книге».³

Книга Радищева немедленно была представлена царице. Та прочитала ее, написала несколько замечаний, свидетельствующих о силе и меткости удара, нанесенного Радищевым, и передала дело Радищева в руки Шешковского. Когда Радищев узнал об этом, он смог оставшиеся у него на дому экземпляры. 30 июня 1790 г. он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Следствие велось с необычайной быстротой. Не прошло и месяца, как дело Радищева поступило в петербургскую уголовную палату. Палата вынесла обвиняемому смертный приговор, утвержденный Сенатом. Только 4 сентября, т. е. через месяц и 11 дней после объявления смертного приговора, Екатерина подписала указ с замене Радищеву смертной казни ссылкой в Илимский острог в Сибири на десять лет.

¹ А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939.

² Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, стр. 319.

³ Там же, стр. 204, 205.

А. Н. Радищев (1749—1802). Портрет маслом (копия с оригинала неизвестного мастера конца XVIII в. в Саратовском художественном музее им. А. Н. Радищева).

Институт русской литературы Академии Наук СССР.

Из Петропавловской крепости, где Радищев находился во время следствия и суда, си, закованный в кандалы, был увезен в Сибирь. Вступивший на престол после смерти Екатерины Павел разрешил возвратить Радищева из ссылки с приказанием жить безвыездно в своем Калужском имении. Только в 1801 г. Радищев, уже при новом царе Александре I, вернулся в Петербург. Начался новый период жизни автора «Путешествия из Петербурга в Москву», период, столь трагически для него окончившийся и показавший, что ни Петропавловская крепость, ни ссылка и изгнание не сломили пламенного духа великого русского революционера.¹

Значение А. Н. Радищева в истории русской общественно-политической мысли огромно. Оно точно определено В. И. Лениным и И. В. Сталиным, отнесшими его к числу людей, которые составляют национальную гордость русского народа.

Революционеры последующих поколений с любовью и благодарностью вспоминали имя этого человека, принадлежащего к числу самых выдающихся сынов русского народа.

¹ А. И. Ульяновский, ук. соч.; Э. С. Виленикая. Радищев — первый идеолог крестьянской революции. Исторические записки, № 34, стр. 288—320.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.

К середине XVIII в. в культурной жизни России все отчетливее выступают новые черты, порождаемые дальнейшим экономическим развитием страны и обострением в ней социально-политических противоречий. Продолжающееся расширение всероссийского рынка, развитие в недрах крепостнического общества капиталистических отношений ускорали процесс формирования русской нации и ее национальной культуры, а начинающееся разложение крепостничества, естественно, вело к заметному размежеванию двух культур — реакционной крепостнической и передовой антикрепостнической. К концу века реакционной России уже резко противостояла в лице А. Н. Радищева рождающаяся революционная Россия.

В обстановке растущих народных выступлений против крепостнического строя самодержавие стремилось всеми мерами укрепить господство дворян в стране. Этой задаче была подчинена вся политика правительства в области культуры: и вынужденные заботы о просвещении, и насаждение гословной привилегированной школы, и борьба с представителями передовой демократической культуры, и покровительство угодливым чужестранцам.

Подлинно прогрессивные деятели развивающейся русской национальной культуры, не получая поддержки ни со стороны «просвещенных» государей, ни со стороны вельможных меценатов, создавали независимые от самодержавия просветительские организации и учреждения.

Сложность и противоречивость русской исторической жизни второй половины XVIII в. ясно отразилась на культурной жизни Петербурга.

Двор был верховным законодателем мод и вкусов для столичного дворянства, превращавшего свою пустую жизнь в вечный праздник. «Трутни», «стеголи» и «вертепрахи», прематывавшие в столицу свои состояния, падкие до чувственных удовольствий, преклонялись перед унаследованной, утонченной культурой французской аристократии. Воспитанные иностранными гувернерами, они, если позволяли добытые крестьянским потом средства, завершали свое образование, «выезжая» по Западной Европе, и возвращались оттуда законченными представителями разлагающегося феодального барства. Эту столичную «культуру» высмеивал Н. И. Новиков, поместивший в 1769 г. в журнале «Трутень» следующее прощеское объявление: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который объездив с пользой, возвратился уже совершенно свиньей, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».¹

Петербург являлся вместе с тем и центром «официального просветительства». Правительство, проявлявшее большую заботу о блеске столицы дворянской империи, не только украшало город величественными сооружениями, но сосредоточивало в нем основные культурные учреждения, стараясь перещеголять в этом отношении столицу других феодальных государств.

Блестящий центр дворянской культуры второй половины XVIII в. Петербург был в то же время, наряду с Москвой, и важным очагом передовой русской культуры, сохраняя и развивая лучшие традиции домонгольской эпохи.

Естественно поэтому, что в Петербурге развернулась напряженная борьба между представителями двух культур. Она велась в разных областях культурной жизни: и в школьном деле, и в науке, и в литературе, и в искусстве.

Как и в предшествующие десятилетия, Петербург был важнейшим в стране центром военного образования. В военных учебных заведениях во второй половине XVIII столетия продолжалась перестройка, начатая в середине века и развивавшаяся по мере того, как дворянство освобождалось от обязательной военной службы, а его привилегии росли. Образцом для учебных заведений оставался Шлихетский корпус. Он все более терял военный характер. В низших классах корпуса давалось только общее образование, а в высших — профессиональное, но не только военное, а и гражданское. В уставе корпуса, принятом в 1766 г., было немало вышних фраз в духе передовой педагогики XVIII в. Так, целью обучения признавалось «сделать человека здоровым, украсить сердце и разум, готовить знатных граждан, приводить к учению, «подобно как в приятное украшенное цветами поле». Это был своего рода дворянский университет. В 1793 г. в корпусе училось 680 кадет и было 73 учителя.

¹ Трутень, 1769, лист VI. Сатирические журналы Н. И. Новикова, М.—Л., 1951, стр. 63.

Морской кадетский корпус был переведен в 70-х годах в Кронштадт, а в 90-х годах в Ораниенбаум.

Артиллерийские и инженерные школы были соединены в 1762 г. в сводный Артиллерийско-инженерный корпус, находившийся на Петербургской стороне; характер его стал также общеобразовательным.

Корпуса все больше приобретали характер закрытых общеобразовательных учреждений для дворянской молодежи.

В 60-х годах были созданы и первые женские дворянские учебные заведения в соответствии с модными педагогическими идеями, проводником которых в окружении Екатерины II являлся вельможа И. И. Бецкой. Как и корпуса, женские учебные заведения были закрытыми воспитательными учреждениями.

Первым из женских учебных заведений был открытый в 1764 г. в Петербурге женский воспитательный институт возле Смольного монастыря — Императорское общество благородных девиц. Смольный институт был рассчитан на 200 дворянок, которые на 12 лет (с 6 до 18 лет) отрывались от домашней среды. Курс обучения отличался чрезвычайной многопредметностью, включая даже такие предметы, как архитектуру и геральдику, а также рисование миниатюр, игру на музыкальных инструментах, домашнюю экономию и т. п. Конечно, целью такого воспитания было приобретение не столько серьезных знаний, сколько возможности поверхностно блеснуть в обществе разносторонностью своего образования.

Большую роль в дворянском женском образовании играли иностранцы: начальницы Смольного института, классные дамы, многие учителя были при Екатерине II француженками и французами; впоследствии некоторые были заменены немцами.

Императрица уделяла повышенное внимание Смольному институту, подчеркивая свои заботы о «благородных девицах». Поэт А. П. Сумароков, восхваляя Екатерину II как основательницу Смольного института, писал:

Здесь двеи русские как нимфы обитают,
И всеносигу богиней почитают,
Которая сих дев печется обучить,
И смертных сих девиц от смертных отличить.¹

Но для более просвещательных современников были очевидны недочеты институтского воспитания. Дворянский публицист второй половины XVIII в. кн. М. М. Щербатов говорил, что «из девичьего монастыря для воспитания благородных девиц ни ученых, ни благонравных девиц не вышло ... воспитание более состояло играть комедии, нежели сердце, нравы и разум исправлять».² А остроумная

¹ См.: П. М. Майков. И. И. Бецкой. СПб., 1904, стр. 302.

² М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. 1858, стр. 93.

эпиграмма XVIII в. предлагала следующую подпись к портрету Бецкого в связи с первым выпуском смолянск:

Иван Иванович Бецкий
 Человек немецкий,
 Носит мундир шведский
 Воспитатель детский.
 В двенадцать лет
 Выпустил в свет
 Шестидесят кур
 Набитых дур.¹

По образцу Смольного института были позднее открыты и другие институты для благородных девиц, а также «мещанское отделение», или так называемое «Особливое училище при Воскресенском Новодевичьем монастыре для малолетних девишек». Для мещанского института программа была снижена: из нее были исключены не только геральдика и архитектура, но и география и история.

Тепличное воспитание в полном отрыве от общества никак не могло быть плодотворным. Женские институты просуществовали как мало удачный придаток к женским гимназиям вплоть до Октябрьской революции. Реакционный характер этой системы сказался в убогом образовании институток и в прогнившем всю воспитательную систему духе сословности.

Так, во второй половине XVIII в. оформились в Петербурге два основных типа сословной дворянской привилегированной школы: мужской (корпуса) и женской (институты). Они отражали реакционные тенденции сословной политики империи, укреплявшей перегородки между сословиями.

Менее заметное место в системе учебных заведений столицы занимали непривилегированные средние школы.

Новой школой явилось воспитательное училище при Академии художеств, предназначенное для мещан, так как профессиональные художники редко выходили из дворянства. Здесь наблюдались те же недостатки, как и в прежних школах: отсутствие единства образовательной задачи, резкие различия в возрасте учеников, изучение дисциплин на выбор, без прохождения всего курса, довольно обширного (в него входили русский, латинский, французский и немецкий языки, закон божий, арифметика и геометрия, история и география, рисование и танцы). Учащиеся делились на три возраста: детский, отроческий и юношеский, каждый с трехгодичным курсом.

Гимназия Академии Наук продолжала функционировать, но число учеников ее было невелико, далеко уступая числу учащихся в гимназиях московских и казанской; в 1781 г. их было всего 29 человек. Руководили Гимназией видные русские ученые; особенно долго (с 1777 по 1794 г.) ею ведал известнейший исследователь

¹ П. М. Майков, ук. соч., стр. 285.

русской флоры академик И. И. Лепехин, сам бывший питомец Гимназии. Заботами Лепехина академическая Гимназия продолжала выполнять ту ценную работу, которую она вела при Крашенинникове и Ломоносове. Из ее стен в последней четверти XVIII в. вышел ряд крупных деятелей русской науки и культуры, среди них, например, сын придворного музыканта, будущий знаменитый путешественник, специалист по минералогии, акад. В. М. Севергин, сын мастера шпалерной мануфактуры, адъюнкт, математик А. К. Кононов и др.

Но Университет при Академии, за укрепление которого так энергично боролся в последние годы своей жизни Ломоносов, отстоять не удалось. Он был закрыт в 1767 г., и на целых полвека столица осталась без общеобразовательного высшего учебного заведения.

Усиленно развивалось специальное техническое образование. В 1774 г. было открыто Горное училище при Берг-коллегии, помещавшееся на Васильевском острове между 21-й и 22-й линиями в двух домах гр. П. Б. Шереметева. Профессорами здесь были отчасти приезжие иностранцы, отчасти петербургские академики; некоторые предметы читались на немецком языке. На дворе училища был устроен примерный рудник в 332 саж. длины и 30 саж. ширины с шахтами, штольнями, воротами. В 1788 г. появилась своя обсерватория.¹ Училище в Горном училище 70 казенных студентов и 50 своекоштных. Открытие Горного училища, вызванное ростом русской горнозаводской промышленности, явилось важным шагом на пути развития технического высшего образования. В Литейной части было открыто Водоходное училище для купеческого мореплавания.

Подготовка специалистов к врачебной деятельности также поднялась на более высокую ступень. В хирургической школе при Сухопутном и Морском госпиталях преподавались анатомия, физиология, ботаника, патология, хирургия и повивальное искусство. В конце XVIII в. в ее штате числилось 5 профессоров, 2 учителя (по латинскому языку и рисованию), 1 прозектор и 1 оператор. В Московской части близ Фонтанки в 1783 г. было основано Медицинское училище с 3-летним курсом на 30 казеннокоштных учеников и 50 волонтеров; при нем была небольшая больница для прохождения медицинской практики. Лекарши и подлекари обучались также при Аптекарском саде.

Самым важным сдвигом в развитии школьного образования во второй половине XVIII в. были первые шаги в деле создания государственной школы для основной массы городского населения. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении ранее, не привели к возникновению прочной системы начальных городских школ: начальное образование в городах оставалось в основном частным делом.

Между тем экономическое развитие страны настоятельно требовало создания массовой начальной школы. Эту мысль усиленно выдвигали представители передовой русской мысли. Один из них — Ф. В. Кречетов, представлял в 1791 г.

¹ И. Г. Г о р т и. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 141.

проект учреждения «национальной благоучительной школы», доказывал необходимость народных школ тем, что в России из людей «среднего рода» только половина, а среди земледельцев один из ста грамотные, не говоря уже о женщинах.¹

Изверившись в способности и искреннем желании правительства создать народную школу, отдельные энергичные просветители сами взялись за дело. В 1777 г. Новиковым были основаны в столице две начальные школы для детей обоего пола — Екатерининская и Александровская. Они содержались на доход, получаемый от издания журнала «Утренний свет», качавшего выходить в этом году. Печатав в журнале отчеты о ходе дела в этих петербургских училищах, приглашая общество проверить их работу, Новиков вызвал немалый общественный интерес к этому педагогическому мероприятию. Впоследствии в «Прибавлениях к Московским ведомостям», издававшимся им в 1783 и 1784 гг., он опубликовал ряд педагогических статей.

Желая втянуть общество в свое начинание, Новиков предлагал частным лицам вносить по 40 руб. в год на содержание в новых школах по одному ученику. После основания первого училища — Екатерининского, ему удалось получить ряд пожертвований для открытия второго. Устроенное при церкви Благовещения на Васильевском острове, представлявшем в это время в значительной мере центр учебной и научной жизни столицы, это второе училище, получившее название Александровского, стало многолюднее первого: в 1779 г. в нем находилось 93 ученика, а в Екатерининском всего 32.

Вслед за Новиковым вопросами народного образования занялся Кречетов. Получив в 1781 г. звание учителя, он поставил перед созданным им в 80-х годах в Петербурге Всепародным вольным обществом задачу распространения наук «посредством наискорейшего обоего пола людей читать и писать научения». Один из членов Общества, оказавшийся доносчиком, показывал, что на его вопрос Кречетову: «Да на какой же конец ты такие школы заводил, ведь ныне, по милости государыниной везде заведены училища», — тот ответил: «Это только мажет по губам государыни из одного тщеславия, а я де заведу училище такое, что наберу множество людей, да и баб до тысячи...».² Слова Кречетова очень ярко характеризуют постановку русскими просветителями XVIII в. вопроса о народном образовании.

Начинание Новикова вызвало недовольство Екатерины II. Она даже не подписалась на «Утренний свет» и никаких пожертвований на новиковские школы не сделала; между тем давние этим школам названия как бы апеллировали к ее помощи. Однако деятельность Новикова побудила правительство вплотную заняться вопросом о начальной школе. В 1781 г. Екатерина II учредила в Петербурге

¹ Н. Чулков. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII в. Литературное наследство, № 9—10, 1933, стр. 456.

² Там же, стр. 466.

Исаакьевское училище и выразила надежду, что и в других частях города «обитатели, по мере состояния своего, не откажутся содействовать пользе сограждан своих».¹

В том же году в столице открылось еще 6 школ: во 2-й Адмиралтейской, в Московской, в Литейной части, на Васильевском острове, на Петербургской и на Выборгской стороне.

Учащимися были дети купцов, мещан, приказчиков, господских служителей, солдат, иногда офицеров.²

Учили в этих школах грамоте, закону божью, арифметике и рисованию: в Василеостровском училище, кроме того, — истории и географии, вероятно, ввиду сосредоточения на Васильевском острове детей, родители которых работали в просветительных учреждениях.

В 1781 г. в этих 7 петербургских названных школах насчитывалось 485 учеников, причем больше всего их обучалось в школах Васильевского острова и Петербургской стороны (100 и 102 человека).

Для более систематического проведения школьной реформы была образована в 1782 г. Комиссия о учреждении училищ. Председателем ее являлся П. В. Завадовский, действительным членом П. И. Пастухов. Приехавший в том же году в Петербург крупный педагог — деятель австрийской школьной реформы серб Янкович де Мирлево был назначен заведующим Главной школой в Петербурге. Комиссия выработала «План к установлению народных училищ в Российской империи», утвержденный 27 сентября 1782 г.

Дальнейшая работа сосредоточилась на открытии новых школ и реорганизации старых, введении единообразия в обучении, подготовке учителей и учебников. Школы были разделены на два типа: 2-классные — малые и 4-классные — главные; в первую очередь открывались преимущественно малые — для главных еще не хватало учителей.

Открытие училищ в Петербурге Екатерина II использовала для очередного рекламирования своей деятельности перед заграницей. 5 апреля 1784 г. она писала Гримму: «Знаете ли Вы или не знаете, что мы здесь в Петербурге имеем в течение года 10 нормальных школ и в этих 10 школах более 1000 учеников».³

В январе 1783 г. Приказом общественного призрения было предписано приготовить для петербургских училищ столы, скамьи, доски. Вскоре для них стали приобретаться или строиться дома. Обучение проводилось бесплатно с раздачей учебных книг.

В эти же годы приступили к написанию или переводу учебников. Были составлены учебники по географии России, арифметике, геометрии, механике

¹ ПСЗ, т. XXI, № 45121.

² А. Воронцов. Историко-статистическое обозрение учебных заведений СПб. учебного округа с 1713 по 1828 г. включительно. 1849, стр. 10.

³ Сб. РИО, т. 23, 1878, стр. 301.

(племянник Ломоносова М. Е. Головин), русской грамматике (проф. А. А. Барсов), русской истории (акад. И. Г. Штриттер); Ф. И. Янкович де Мириево составил словарь.

К уже упоминавшимся прежним низшим школам прибавились Казанская и Благовещенская. Благовещенская находилась, как и Андреевская, на Васильевском острове и была открыта ввиду чрезмерного стечения учеников в Андреевской школе.

13 декабря 1783 г. в Петербурге открылось Главное народное училище, имевшее целью подготовку педагогов для всей страны. В программу преподавания входили математика, физика, естественная история, гражданская архитектура, чтение книги «О должностях человека и гражданина», русский, латинский и немецкий языки, черчение и рисование. В высших двух классах преподавали адъюнкты Академии (В. Ф. Зуев, М. Е. Головин и др.) и профессора, а в младших двух — подготовленные семинаристы. Старшие ученики посещали лекции в Академии Наук. При Главном народном училище были созданы научные кабинеты и библиотека, выписывались русские и заграничные журналы.

По образцу русского Главного училища была реформирована существовавшая в Петербурге при лютеранской церкви немецкая школа св. Петра, для которой переводились на немецкий язык русские нормальные учебники.

С 1786 г. от русского петербургского Главного училища отделилась Учительская семинария. Главное училище вместе со всеми другими передано было в ведение Приказа общественного призрения, а Учительская семинария оставлена в непосредственном ведении Комиссии о учреждении училищ. Помещавшаяся сначала на Щукинском дворе Семинария с 1794 г. была переведена на 6-ю линию Васильевского острова.

В Учительской семинарии было организовано два факультета: математический и исторический; однако слушатели не ограничивались рамками избранной ими факультетской специальности, а обязывались проходить сокращенный курс и другого факультета.

Итоги мероприятий в области народного образования все же были чрезвычайно скромными. В 13 русских училищах Петербурга в 1789 г. насчитывалось 2607 мальчиков и 522 девочки, а в 1792 г. — 3198 мальчиков и 535 девочек учащихся.¹ Это значит, что огромная масса детей города с двухсоттысячным населением не была охвачена школой.

Помимо государственных школ, в Петербурге имелось немало частных пансионов, принадлежавших иностранным подданным. В них обучались и воспитывались почти исключительно дети дворян. Здесь большое внимание уделялось изучению так называемых светских, или шляхетских, наук (геральдика, фехтование, танцы и т. п.); изучение латинского языка, языка науки, отодвинутое на задний план,

¹ И. Г. Георги, *ук. соч.*, стр. 398.

стало факультативным, уступив место новым иностранным языкам, столь необходимым «в обществе».

Стремясь взять дело образования в свои руки, правительство установило контроль и за работой частных пансионов. 6 сентября 1784 г. вышел указ о подчинении всех частных пансионов Комиссии народных училищ, на которую возложена ревизия их.¹ При этом выяснилось, что в Петербурге имеется 28 иностранных и 18 русских вольных школ.

В первую очередь намечались меры к упорядочению иностранных пансионов: в преподавание введен единообразный нормальный план, обучение русскому языку стало обязательным, но преподавание могло вестись и на иностранном языке.

Для открытия новых пансионов требовалось теперь разрешение Комиссии, дававшееся лишь лицам, обнаружившим знание новых методов преподавания; впервые вводилось обучение не отдельных лиц, а целого класса. Вводились одобренные Комиссией учебники.

В русских частных школах насчитывалось в 1784 г. всего 159 учеников. Здесь дворянские дети учились грамоте и арифметике. Содержателями этих школ были писаря, дьячки, черновские сторожа, мещане, дворцовые крестьяне, а также жены солдат и канцеляристов. Если к дворянским пансионам правительство относилось терпимо, то существование русских частных школ оно считало излишним. Петербургские русские частные школы были закрыты, а 159 учеников их распределены по народным училищам.

* * *

Центр научной жизни Петербурга — Академия Наук, в эпоху Ломоносова игравшая крупнейшую роль в развитии национальной русской культуры, во второй половине XVIII в., с возникновением новых, не связанных с Академией центров культурной жизни, постепенно утрачивает свое руководящее значение в научной жизни страны.

Екатерина II, стремясь показать себя продолжательницей дела Петра I и дорожа своей заграничной репутацией, обнаружила внешнюю заботу об учреждении, считавшемся петровским детищем и имевшем связи с Западной Европой. 6 октября 1766 г. был издан правительственный указ, признававший «великое нестроение и совершенный упадок» Петербургской Академии Наук и объявивший, что императрица принимает ее в «собственное ведомство» в целях привести в цветущее состояние. Однако дальше широкообещательных заявлений дело не пошло: существенных изменений в организации Академии не было проведено, нового устава Академия не получила. Реальной мерой для расширения научной деятельности явилось только значительное пополнение академических кадров.

¹ «XVIII век», сб. под ред. А. С. Орлова, М.—Л., 1935, стр. 315.

Желая придать блеск принятому на свое личное попечение научному учреждению, императрица пригласила из-за границы ученых, среди которых были крупные представители европейской науки. Математик Л. Эйлер, в первые годы своей деятельности уже работавший в Петербургской Академии, но вскоре покинувший ее для Берлинской Академии, занял кафедру математики, а сыну его И. Эйлеру была предоставлена кафедра физики. Были также приглашены натуралисты П. С. Паллас и К. Ф. Вольф, ботаники С. Г. Гмелин, И. Гертнер, астроном Г. М. Ловиц, физик Л. Ю. Крафт, химик И. И. Георги и некоторые другие.

Значительно выросли ко второй половине XVIII в. и кадры академиков и адъюнктов из русских, хотя о них правительство обнаруживало меньшую заботу. В первые 25 лет существования Петербургской Академии Наук в нее вступило 6 русских ученых: В. Е. Ададуров, Г. Н. Теплов, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. П. Крашенинников и П. И. Понов, в следующие 25 лет (до 1775 г.) — 8 человек: А. П. Протасов, С. К. Котельников, С. Я. Румовский, М. Софронов, Г. В. Козицкий, И. И. Лепехин, П. Б. Иноходцев и И. И. Иссленьев, а с 1776 по 1800 г. поступило еще 10 русских ученых: М. Е. Головин, Н. Я. Озерецковский, В. Ф. Зуев, Ф. П. Моксеев, Н. П. Соколов, А. К. Копонов, В. М. Севергин, Я. Д. Захаров, С. Е. Гурьев, А. Ф. Севастьянов. В Академии же работал талантливейший русский конструктор и изобретатель Иван Петрович Кулибин. В последней четверти XVIII в. все отрасли научных знаний имели уже русских представителей.

Среди русских академиков были крупные талантливые ученые, как то: натуралист Иван Иванович Лепехин, именем которого были названы некоторые растения, астроном Степан Яковлевич Румовский, много лет заведовавший академической обсерваторией, представитель новой для того времени специальности — минералогии — Василий Михайлович Севергин, отличавшийся точностью наблюдений и описаний. Деятельность русских ученых была чрезвычайно разнообразна, многогранна и в значительной мере выводила их за рамки их специальности. Так, например, ученик Эйлера математик Степан Кириллович Котельников заведовал Купецкой камерой и Библиотекой, участвовал в академическом издании летописей, читал публичные лекции по математике и физике, был членом Российской Академии, подготовившей толковый словарь русского языка. Натуралист Николай Яковлевич Озерецковский преподавал русскую словесность в Шляхетском корпусе, был членом Российской Академии и Вольного экономического общества, а также Медицинской коллегии. И. И. Лепехин заведовал Ботаническим садом Академии Наук, академической Гимназией, был секретарем Российской Академии. Многие академики писали учебники, занимались переводами, редактировали академические издания, работали в календарях и т. д.

Но если в области математических и естественных наук Петербургская Академия безусловно сохраняла ведущее место в стране, то развитие общественных наук, философии и литературы шло в основном уже вне стен Академии и вне прямого

руководства со стороны правительства. Только в области русской филологии правительство пыталось при содействии Академии сохранить за собой руководство, хотя и не всегда удачно.

Широко развернутая в эпоху Ломоносова работа над словарем и грамматикой русского языка была продолжена во второй половине XVIII в. крупными деятелями русской литературы.

В 1760 г. Сумароков писал о необходимости «заведения ученого в словесных науках собрания, в котором бы старался о чистоте российского языка и о возвращении российского краспоречья». В 1771 г. открылось при Московском университете Вольное российское собрание, ставившее себе целью исправление и обогащение русского языка. В него вошли московские профессора и другие ученые, литераторы, поэты. Вероятно, опасаясь деятельности Вольного российского собрания в оппозиционно настроенной Москве, Екатерина II предпочла перенести его работу поближе к себе — в столицу, под правительственную опеку.

В созданной с этой целью Российской Академии, открытой 1 ноября 1783 г. и существовавшей параллельно с Академией Наук, президентом стала Е. Р. Дашкова.¹ В состав Российской Академии были введены высшие духовные и светские сановники, академики и писатели. К работе в ней не были привлечены, однако, такие члены Вольного российского собрания, как Радищев, Новиков. Все же в конце XVIII в. Российская Академия не была еще тем прибежищем реакции, какой знал и ненавидел ее позднее А. С. Пушкин. В ее работе одно время деятельное участие принимал Д. И. Фонвизин. Активными членами Академии были академики Лепехин, Румовский, Иноходцев и др. В первое время своей деятельности Российская Академия сделала полезное дело — составила первый русский толковый словарь, который при всех его недостатках имел важное значение в работе над словарным фондом русского языка: в словарь вошли многие слова местных говоров и научные термины; астроном Иноходцев дал в словарь сборник областных слов, относящихся к ремеслам, промыслам и обычаям населения различных местностей.

Но смелые предложения Фонвизина, который стремился придать работе над словарем идейную направленность, связав ее с критикой крепостнического самодержавного строя,² конечно, не нашли поддержки в Российской Академии.

Для руководства общественно-политической мыслью, которая в условиях начинающегося разложения крепостнического хозяйства приобретала все большее значение, правительство использовало Вольное экономическое общество. Вольное лишь по уставу, Общество на деле работало под руководством и контролем правительства. В «Трудах Вольного экономического общества», которые стали изда-

¹ См.: И. И. Любименко. Об основании Российской Академии. Архив истории науки и техники, сер. I, вып. 6, 1935.

² См.: Опыт российского сословника. Журн. «Собеседник любителей русского слова», 1783, т. I, IV и X.

ваться сразу после создания Общества, было опубликовано немало ценных работ передовых русских агрономов (в том числе А. Т. Болотова). Наряду с опытниками-агрономами, в работе Общества приняли участие и некоторые академики (Лепехин, Руновский, Зуев, Озерецковский, Севергин). Это придало научный вес работе Общества. Но сохранить на долгое время за Вольным экономическим обществом значение главного центра передовой русской экономической и технической мысли его руководителям-вельможам не удалось даже в области сельского хозяйства. Болотов, одно время увлеченный работой в Обществе, вскоре пришел к выводу, что участие вельмож придавало Обществу «мнимый блеск и уважение» и испортило все дело.¹ Показательно, что

*П. П. Озерецковский, ученый-географ (1759—1827).
Литографил 30-х годов XIX в.*

Болотов, которому стало тесно в рамках вельможного Вольного экономического общества, начал издавать с 1778 г. (уже в Москве) свой журнал «Сельский житель», а позднее — «Экономический магазин».

Вольное экономическое общество, несмотря на поддержку «просвещенной» государыни, значило нищенское существование. Денежные средства Общества были ничтожны. Но, несмотря на такие крайне неблагоприятные материальные условия существования, оно сыграло свою роль в деле распространения в России агрокультуры. Печатные труды Общества, его библиотека, ботаническая, геологическая, минералогическая и другие коллекции, музей моделей машин — все это должно быть отнесено к числу заслуг Общества в деле развития русской культуры.

В значительной мере мимо Академии Наук пошло во второй половине XVIII в. и дело изучения русского прошлого, которое приобретало все большее значение в культурной жизни страны в целом и столицы в частности.

¹ Из рукописи А. Т. Болотова «Современник, или записки для потомства», гл. 61. Рукописное отд. ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, IV, № 66.

Развитие русской экономики и культуры, блестящие успехи русского оружия укрепляли чувство национальной гордости, которое, естественно, обращалось и к славным страницам русского прошлого, чтобы найти в них историческое обоснование величия Родины. Интерес к прошлому питался и теми общественно-политическими вопросами, которые волновали русскую мысль конца XVIII в. Образы русского прошлого все чаще выдвигались и в литературе, и в театре, и в изобразительном искусстве. Любители русской старины с увлечением занялись собираньем древних рукописей и других памятников русской старины. Одна за другой выходили книги по русской истории (среди них работы двух крупнейших дворянских историков второй половины XVIII в. М. М. Щербатова и И. Н. Болтина).

В этих условиях правительство попыталось непосредственно взять в свои руки дело разработки и распространения исторических знаний. Составителем российской истории решила заняться сама императрица. Но ни финансам царедворцев, ни усердие ее секретарей, ни даже помощь крупнейшего знатока русских древностей И. Н. Болтина не обеспечили императрицу успеха. Ее «Российская история», как и ее исторические трагедии, не стали сколько-нибудь заметными событиями в развитии русской мысли.

Даже в деле публикации исторических источников в конце XVIII в. правительством было сделано меньше, чем частной инициативой передовых людей.

В этом отношении следует особенно отметить деятельность Новикова как издателя «Вивлиофики» (т. е. библиотеки) исторических источников. Разнообразное содержание «Вивлиофики» ясно раскрывается ее подробным названием: «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев». «Вивлиофика» выходила в Петербурге как ежемесячное издание в течение трех лет, начиная с 1773 г. За три года вышло 10 частей «Вивлиофики». В 1774 г. это издание имело 133 подписчика, подписавшихся на 167 экземпляров, причем среди них были представители самых различных слоев общества, начиная от самой императрицы и некоторых вельмож и кончая купцами и одним крестьянином Холмогорского уезда — Алексеем Бановым.

«Вивлиофика» нашла своего читателя. Позднее, в последующие годы своей издательской деятельности (в 1788—1791 гг.), уже в Москве Новиков выпустил второе, переработанное издание «Вивлиофики», «умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное». Оно состояло уже из 20 частей.

* * *

Большую роль в культурной жизни Петербурга играла литература, в частности журналистика и неразрывно связанная с ней частная издательская деятельность. Об издававшихся в Петербурге во второй поло-

вие XVIII в. журналах и деятельности частных типографий рассказано выше.¹

Литературная жизнь Петербурга во второй половине XVIII в. отличалась большой яркостью. В столицу стекались талантливые писатели со всех концов России. Здесь в 60—70-х годах, кроме Н. И. Новикова, развернул свою деятельность Д. И. Фонвизин, ученик московской Гимназии и Университета. Со столицей же были связаны успехи крупнейшего русского поэта XVIII в. Г. Р. Державина, воспитанника Казанской гимназии. Положившая начало его славе ода «Фелица» была написана и напечатана в Петербурге в 1783 г. В 80-х годах в столицу переехал юный тверской «подканцелярист» И. А. Крылов, тесно пытавшийся выбиться из нужды и неизвестности. Наконец, в Петербурге в течение почти 20 лет проходила литературная деятельность русского мыслителя и революционера XVIII в. А. Н. Радищева.

Наряду с ними в столице выступали и многие другие литераторы: исковитянин Я. Б. Княжнин, автор многочисленных трагедий и комедий; украинец И. Ф. Богданович; журналисты и первые русские романисты Ф. А. Эмин и М. Д. Чулков. Здесь прошли школу литературного мастерства и начали свою литературную деятельность баснописец И. И. Хемницер, сын военного лекаря, автор «Ябеды» поэт В. В. Каннист, украинский помещик, и др.

Среди петербургских писателей можно было встретить немало разночинцев: детей духовенства, как В. П. Петров, мелкого чиновничества, как И. А. Крылов, купечества, как П. А. Плавильщиков, и др. Но писатели-«разночинцы» отнюдь не заняли в литературном мире столицы господствующего положения. Большинство из них нередко остро нуждалось и бралось за всякую работу, на какую только был спрос. Не только по численности, но и по значению в литературной жизни столицы главное место занимали писатели-дворяне. Они обычно сочетали литературные занятия с какой-либо службой. Только для очень немногих литература становилась основной профессией.

Учитывая растущее общественное значение русской литературы, правительство Екатерины II усердно стремилось подчинить ее задачам укрепления дворянского государства. Двор пытался возглавить литературное движение, чтобы придать ему направление, отвечающее интересам самодержавия.

Императрица всячески поддерживала при дворе интерес к литературе. Она сама усердно занималась сочинительством комедий, трагедий, сказок, сатирических статей. Ее секретарям приходилось немало трудиться, чтобы исправить писания парии, плохо владевшей русской речью.²

Сама упражнялась в области литературы, Екатерина II побуждала к писанию и своих царедворцев.

¹ См. главу XIII.

² А. В. Храповицкий. Дневник. СПб., 1874.

Но главная забота императрицы была устремлена на то, чтобы привлечь на свою сторону способных литераторов, превратить их в певцов ее славы. Табакерки с червонцами и другие подарки, которыми она награждала писателей, были главным средством воздействия императрицы на литературу в 60—80-х годах. В годы показного либерализма императрица старалась не выпускать котей из бархатных лапок, хотя порою ей и тогда не удавалось удержаться от грубых угроз. Позднее, в последние годы правления, императрица, наряду с системой подкупа, все чаще стала прибегать к окрикам, застраиваниям и расправам с вольнодумными писателями.

Однако усилия императрицы подчинить своему влиянию литературу оказались тщетными. Только немногие писатели, соблазненные дешевой славой и щедротами императрицы и Потемкина, перешли в правительственный лагерь. Стоявшая на реакционных политических позициях правительственная группа литераторов, «карманные стихотворцы», как их называли, и в литературных вопросах отстаивала реакционные взгляды, отвечавшие вкусам их высокопоставленных заказчиков. Придворный «спит» Петров воспевал Екатерину, Орлова и Потемкина, празднества и победы, административные реформы и проекты в напыщенно торжественных одах, сочетавших традиции церковной проповеди с правилами поэтики придворного «словноклассицизма». Чрезвычайно перегруженные образами условной книжковой античности, изобилующие архаизмами, они являлись образцом ученой схоластической поэзии, далекой и по содержанию и по языку от вкусов русского читателя второй половины XVIII в.

На оды Петрова писали пародии уже современники. С Петровым и его бездарными продолжателями в XIX в. вел борьбу Пушкин.¹

Рядом с Петровым в роли официального панегириста подвизался бездарный стихоплет В. Г. Рубан. Близок к ним был и С. Г. Домашнев, автор оды на восшествие на престол Екатерины II.

Значительно талантливее «карманных стихотворцев» был близкий ко двору поэт И. Ф. Богданович, автор шуточной игривой поэмы «Душенька». В отличие от тяжеловесных од Петрова поэзия Богдановича легка и изящна. Но и она лишена внутренней значительности: она звала к бездумному наслаждению жизнью и прежде всего радостям любви. Она, как и оды Петрова, отвечала вкусам раслуццего двора, где пышные церемонии с фейерверками сменялись оживленными балами, затейливыми маскарадами и фривольными пасторальями.

Но придворным кругам не удалось привлечь в свой лагерь ни одного действительно крупного русского писателя. Они выступали против императрицы и «карманных стихотворцев» на страницах сатирических журналов и в «Собеседнике

¹ См. «Оду его сиятельству гр. Дм. Ил. Хвостову», к которой Пушкин сделал примечание: «Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику» (А. С. Пушкин, Собр. соч. в 16 томах, т. II, Изд. Акад. Наук, 1947, стр. 388).

любителей русского слова». Даже «певец Фелицы» Державин, плененный успехами Русского государства и связывавший их с императрицей, противопоставлял «благородной царевне Киргиз-Кайсацкие орды», ее «мурзы», проводящих время в ленивой неге. Он резко обрушивался на новых сарданапалов, вознесенных не по их заслугам, а игрой случая или происхождением. Он язвительно указывал им:

Осел останется ослом,
Хотя осипь его звездами.
Где пузго действовать умом,
Он только хлопает ушами.

(Ода «Вельмож»).

Рылеев даже назвал Державина «певцом народных благ» и «обороной гонимых». А Пушкин об этой стороне творчества Державина писал:

Державин — бич вельмож, при звуке грозной лары
Их горделивые разоблачал кумиры.

(«Послание певцу»).

Державин не имел большого успеха при дворе. Лучшими сторонами своей деятельности он был связан с передовой русской литературой. Нарушая каноны придворного классицизма, он смело вносил в свои оды живое русское содержание. Он любил родную природу и первый из русских поэтов нашел яркие краски для ее изображения. Он высоко ценил народ за его неутомимость в труде, за его стойкость в несчастье, за его neodолжимоe мужество, за его простоту и доброту.

По мышцам ты — неутомимый,
По духу ты — непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастья тях, в несчастьи бодр.

(Гимн лирический на прощание
французов из Отечества).

Так писал Державин о русском народе. Он знал и любил великий русский язык и смело вводил в свои оды живые, выразительные обороты народной речи.

Белинский находил в поэзии Державина «черты народности столь неожиданные и поразительные в то время».¹

Русское «просветительство» как особое направление в развитии общественно-политической мысли второй половины XVIII в. нашло яркое отражение в литературной деятельности Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина и И. А. Крылова. В их литературных произведениях остро критиковалось русское самодержавие и крепостничество. Изображение помещичьего быта в бессмертной комедии Фонвизина «Недоросль» разоблачало невежество, тупоумие, жестокость русских душевладельцев. Эти писатели противопоставляли развратному барству моральную

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, М., 1948, стр. 301.

чистоту трудового народа. Их атеистические настроения выразились в нападках на церковников, защищавших социальную несправду. Устами Фонвизина они заявляли, что «носы стараются обманывать народ».

Смирены пастыри душ наших и сердец
 Ивольят собирать оброк с своих овец.
 Овечки женятся, пледятся, умирают,
 А пастыри притом кармане набивают.

(«Послание к слугам моим Шумилому
 Вазьму и Петрушню»).

Но ни один из этих писателей не поднялся до понимания необходимости революционной борьбы с крепостнической системой. Идея революционной борьбы легла в основу деятельности русского революционера-республиканца второй половины XVIII в. А. Н. Радищева, который был не только блестящим публицистом, но и крупнейшим представителем передовой антикрепостнической литературы того времени. Отношение к народу, к народной революции отделяло Радищева от писателей-просветителей, которым была чужда мысль о народном восстании как единственном средстве избавиться не только от изв крепостнической системы, но и от самого крепостничества.

Писатели-просветители второй половины XVIII в. чрезвычайно высоко ценили общественное значение литературы. Они равнялись не на двор, а на передовой круг читателей, заботясь о расширении этого круга. Они старались поднять уровень интересов русского читателя, дав ему для чтения вместо лубочных повестей, «Письмовника» и «Календаря» книгу, богатую идейным содержанием, освещающую коренные вопросы русской жизни. Литературную деятельность свою они расценивали прежде всего как служение Родине. Они воспринимали уважение к деятелям литературы. Если у придворных меценатов еще в середине века сохранялся взгляд на писателя как на развлекателя, своего рода шута, то уже Ломоносов счел нужным указать своему покровителю И. И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не могу, но ниже у самого господа бога».

Передовые писатели второй половины XVIII в., проникнутые сознанием высокого общественного значения литературы, питали глубокое уважение к своим предшественникам и учителям. Особенно высоко они ставили Ломоносова, в честь которого слагали похвальные слова в прозе и стихах. Они заботливо собирали сведения и о менее крупных деятелях русской литературы. В 1772 г. П. И. Новиков издал в Петербурге «Опыт исторического словаря о российских писателях». В «Опыт» были включены сведения о 317 русских писателях. Этим «Опыт» укрепляя русская литература как бы заявляла о том, что она уже стала крупной силой, что у нее есть своя история и свои традиции.

Так во второй половине XVIII в. вместе с успехами литературы рождались истории русской литературы и критика.

*Д. Н. Фонвизин (1745—1792). Портрет маслом работы А. Ш. Караффа 1784 г.
Институт русской литературы Академии Наук СССР.*

Таким образом, во второй половине XVIII в. громко зазвучал голос передовой русской литературы. Уже по первым шагам этой передовой антикрепостнической литературы XVIII в. можно провидеть ту могучую силу, какую она станет в XIX в.

В театральной искусстве во второй половине XVIII в. еще жила классическая драма. Н. П. Неклюев, Я. Б. Княжнин, В. В. Кашист, П. А. Плавильщиков продолжали наиболее жизнеспособные традиции сумароновской драматургии. Самыми выдающимися произведениями продолжателей А. П. Сумарокова, оказавшими беспорное влияние на развитие всего русского театра, были «Вадим» Я. Б. Княжнина и «Ябеда» В. В. Кашиста. Драматургия Я. Б. Княжнина вообще насыщена политическим содержанием; его трагедии в большей, чем у А. П. Сумарокова, степени являлись средством пропаганды идей просветительской философии. Наибольшей выразительности и политической остроты Я. Б. Княжнин достиг в своем знаменитом «Вадиме». Свободолюбивые и тираноборческие мотивы в этом произведении звучали с такой резкостью и силой, что трагедия не только не была допущена на сцену, но тотчас же после ее отпечатания в 1793 г. публично сожжена. Я. Б. Княжнин почти вовсе избегал условности и схематичности классической трагедии.

После «Вадима» классическая трагедия, продержавшись благодаря В. А. Озерову еще некоторое время, сходит почти на нет.

В. В. Кашист создал в «Ябед» классическую комедию, столь же отступающую от канонов классицизма, как отступала от них лучшая трагедия Я. Б. Княжнина. В «Ябед» оставалась лишь классическая оболочка. По содержанию же она так близко примыкала к комедии характеров и быта, что грани между нею и ее прославленным предшественником «Недорослем» почти стирались.

В истории русской реалистической комедии «Ябеда» заняла одно из видных мест. От нее и «Недоросля» тянутся прямые нити к «Горе от ума». Картина судейского произвола, продажности и подлости чиновников была нарисована В. В. Кашистом сильно и убедительно. Комедия, поставленная в 1798 г., выдержала всего несколько представлений. С репертуара она была снята, а печатные ее экземпляры подверглись сожжению.

Но не классическая драматургия была той магистралью, по которой шло развитие русской театральной культуры во второй половине XVIII в. В 1765 г. была поставлена в Петербурге комедия В. И. Лукина «Мол, любовью исправленный», явившаяся первым драматическим произведением, написанным в стиле, значительно отличающемся от классической комедии. Издавая свои пьесы, В. И. Лукин предпосылал им предисловия, в которых излагал свои взгляды на задачи писателя, литературу, театр и т. д. Эти предисловия, так же как само творчество В. И. Лукина, позволяют говорить о нем как о писателе, внимательно относя-

щемся к народному творчеству. В. И. Лукин призывал к созданию драматургии, отражающей реальную русскую жизнь и противостоящей бытовавшим в его время безжизненным переделкам иностранных пьес. Он стремился заставить действующих лиц говорить индивидуализированным языком, в котором встречались слова и обороты, подслушанные им у народа. Можно предполагать, что если не по инициативе, то при ближайшем участии В. И. Лукина в 1765 г. был организован в Петербурге и Москве так называемый Всенародный театр. В Петербурге он находился на пустыре в конце Малой Морской улицы (ныне улица Гоголя). Этот театр предназначался обслуживать самые широкие слои населения. По словам самого В. И. Лукина, основную массу его зрителей составляли «чернь, кушны, подьячие и прочие им подобные». В числе актеров-любителей были наборщики и переплетчики типографии Академии Наук и другие мастеровые люди. «Сия народная потеха, — писал В. И. Лукин, — может произвести у нас не только зрителей, но со временем и писцов (т. е. писателей)». Всенародный театр просуществовал очень недолгое время. Прекратились спектакли в нем по распоряжению Екатерины II, напуганной восстанием Е. И. Пугачева, но отнюдь не в силу недостатка симпатий со стороны зрителей.

Хотя о В. И. Лукине нельзя говорить как о демократическом писателе, отразившем в своем творчестве чаяния народа, тем не менее в истории прогрессивной дворянской литературы ему принадлежит видная роль. В. И. Лукин и не помышлял о ликвидации крепостного права, не покушался ни на какие устои феодально-крепостнической монархии, ни в какие конфликты с правительством не вступал. Он не требовал полного освобождения русской литературы от иностранного влияния, считая, что ей еще многому следует учиться у Западной Европы. Но при всем том он был ближе к народу, чем многие его современники-писатели. Общественно-политическое значение комедии В. И. Лукина поднял на значительную высоту и наполнил ее, сколько было в его скромных силах, «русскими характерами».

Самым крупным явлением в русской театральной культуре второй половины XVIII в., значение которого выходит далеко за пределы рассматриваемого времени, было создание Д. И. Фонвизина двух его комедий. В творчестве Д. И. Фонвизина самобытная русская национальная драматургия XVIII в. достигает подлинных вершин. Вплоть до появления «Горя от ума» русская сцена не знала произведений, которые по общественно-художественной значимости своей могли сравниться с «Недорослем».

Впервые Д. И. Фонвизин познакомился с театром в Петербурге, куда его в числе лучших воспитанников московской университетской Гимназии привезли в 1757 г. Театр произвел на него неизгладимое впечатление. «Действия, произведенного во мне театром почти описать невозможно», — вспоминал он впоследствии. В Петербурге он познакомился с А. П. Сумароковым, Ф. Г. Волковым, И. А. Дмитриевским. С тех пор театральные интересы владели им прочно и не

принадли уже до самого конца его не очень продолжительной жизни. Он умер в 1792 г. в возрасте 47 лет.

Первой комедией Д. И. Фонвизина, доставившей ему сразу широкую известность, был «Бригадир». Автор, переехавший на постоянное жительство в Петербург, где он служил в Коллегии иностранных дел, не имел стбоя от приглашений в дома вельмож для чтения комедии, так как «Бригадир» «удостоился» одобрения самой Екатерины II, игравшей тогда в либеральную политику в области театра, а потому вельможам приходилось отдать ему дань, может быть, и деланного восхищения. Общественная направленность и новизна сценических приемов «Бригадира» были совершенно чужды вельможной аудитории.

«Бригадир» наполнен множеством тонко и верно схваченных бытовых подробностей, сообщающих комедии невиданное в русской драматургии приближение к реальной жизни. Она написана языком, близким к разговорному. Некоторые персонажи комедии списаны были Д. И. Фонвизиным с действительно существовавших лиц, что делало их несбычайно жизненными. В умении сочетать индивидуальные черты персонажа с типическими заключалось драматургическое мастерство Д. И. Фонвизина, в «Бригадире» уже ставшего на путь реализма.

«Недоросль» представляет собой огромный шаг в развитии не только творчества Д. И. Фонвизина, но и всей русской драматургии. Антикрепостническая направленность пронизывает комедию от начала до конца. «Недоросль» — не мягкий упрек российскому душевладельцу за чрезмерную жестокость по отношению к крепостным, он — негодующее обличение крепостничества автором, остающимся на протяжении всей пьесы непримиримым его противником. Д. И. Фонвизин обличает пороки не домашнего воспитания Простаковых и Скотининых, а воспитания общественного, зяждущегося на крепостнической основе. «Злонравие», плоды которого показаны в пьесе, есть в истолкование автора не семейно-бытовое, а социальное явление.

Мир Скотининых и Простаковых сталкивается с миром Стародума и Правдина. Речь этих персонажей — изложение в художественной форме социально-политической программы автора. Дикому крепостническому произволу противопоставлена идея монархии, основанной на подчинении монарха закону. Эта тенденция наполнила «Недоросль» политическим содержанием в такой степени, как ни одно из предшествовавших его появлению драматургических произведений.

В художественной типизации образов Д. И. Фонвизина достиг в «Недоросле» высокого совершенства. Митрофанушка, его родители, Скотинин, Еремеевна, Кутейкин, Цифиркин — образы вполне реалистические. Типичность их вышла далеко за пределы времени их создания. Язык комедии точен, ясен, выразителен, народен. Многие реплики действующих лиц комедии сразу же превратились в поговорки. «Недоросль» гораздо более динамичен, чем «Бригадир»: действие в нем развивается с первых же явлений. Высокое мастерство Д. И. Фонвизина обна-

руживается в органическом сочетании трагического и комического, что уже одно было нарушением всех канонов классической драматургии. «Недоросль» является первой русской реалистической комедией. Реализму ее не мешают те элементы классицизма, которые в ней присутствуют без органической связи с содержанием и основной социально-политической направленностью.

Для постановки «Недоросля» потребовались энергичные усилия друзей и единомышленников Д. И. Фонвизина. Реакционное дворянство всячески стремилось не допустить «Недоросля» до света рампы. Д. И. Фонвизину и его друзьям пришлось потратить почти год, чтобы преодолеть препятствия со стороны театральной дирекции. Много помог автору И. А. Дмитриевский, бывший с ним в дружеских отношениях. Он выбрал «Недоросля» для своего бенефиса. 24 сентября 1782 г. состоялось первое представление комедии, ставшей уже известной благодаря частым авторским чтениям (Д. И. Фонвизин был превосходным чтецом). «Недоросль» был поставлен на сцене Вольного русского театра на Марсовом поле. Успех комедия имела небывалый. Однако второе представление состоялось лишь в январе 1783 г., после чего пьеса из репертуара Вольного театра была исключена. Только через несколько лет она вновь появилась на сцене в сильно измененном цензурой виде.

Во второй половине XVIII в. среди литературных жанров драматургия занимала одно из первых мест. Громадное общественно-политическое значение театра определилось полностью. Сцена стала подлинной общественной трибуной, часто используемой представителями передовой дворянской интеллигенции для пропаганды просветительских идей. Екатерина II отлично понимала общественное значение театра и решила противопоставить передовой драматургии свою собственную. «Просвещенная» царица говорила, что театр должен находиться под ее непосредственным надзором. В стремлении осуществить свою роль учителя в театре Екатерина взялась за перо. Она написала около 30 пьес в разнообразных жанрах. Никакими художественными достоинствами они не обладали, успеха не имели ни малейшего. Царица хотела увести театр от высоких общественно-политических задач и притупить его острое оружие безобидной насмешкой и проповедью верноподданнических чувств.

Как и раньше, в репертуаре петербургского театра видное место занимали пьесы иностранных авторов. Среди них были и произведения классиков мировой драматургии — Мольера, Бомарше, Шеридана, Гольдони — и пьесы многочисленных французских, итальянских, немецких авторов, лишенные художественных достоинств и появлявшиеся на сцене лишь на короткое время с тем, чтобы навсегда сойти с нее. В постановке классиков мировой драматургии заключалось большое культурно-пропагандистское значение петербургского театра.

Петербургский театр во второй половине XVIII в. дал плеяду выдающихся актеров. Кроме И. А. Дмитриевского, продолжавшего оставаться на сцене, должны быть упомянуты также крупные мастера сцены, как П. А. Плавильщиков.

С. Н. Сандунов, Т. М. Троепольская. П. А. Плавильщиков завоевал себе известность больше как драматург, чем как актер. Но и в истории актерского искусства он занял видное место. Обладая превосходной сценической внешностью, он восхищал современников пластичностью своего исполнения. Характерно для приемов актерской игры в рассматриваемое время стремление П. А. Плавильщикова, по его собственному выражению, «поймать в трагедии природу». Не всегда, по отзывам современников, ему это удавалось, но все же он считался одним из крупных актеров той эпохи.

С. Н. Сандунов начал свою сценическую карьеру в Москве. Он завоевал себе известность в качестве комедийного актера. Современники отмечали в нем высокое профессиональное мастерство и общую культуру. Переведенный в 1789 г. в Петербург, он пробыл на петербургской сцене 11 лет и вернулся опять в Москву. Самым крупным достижением С. Н. Сандунова было исполнение роли Снашена в комедии Мольера «Проделки Скапена». Славу С. Н. Сандунова в качестве комического актера делил Я. Д. Шумский. Выдающийся русский комик, по словам автора «Недоросля», так его смешил, что он, потеряв благопристойность, хохотал изо всей силы». Я. Д. Шумский играл на первом представлении «Недоросля» в Петербурге роль Еремеевны и прозвонил фуор.

Крупнейшей трагической актрисой была Т. М. Троепольская, дебютировавшая в Петербурге в 1751 г. Наибольшая слава ей выпала в качестве исполнительницы ролей в пьесах А. Н. Сумарокова.

Общественное положение актера, как и в первой половине XVIII в., мало чем отличалось от положения крепостного. Русское дворянство смотрело на актеров как на комедиантов, призванных увеселять бар. Представители «российского благородного сословия» не видели большой разницы между наполнявшими их комнаты «карлами» и карликами, шутами, шутихами и актерами. Те и другие должны были потешать господ. К крепостным актерам труппы императорских театров отношение со стороны дирекции было такое же, как к домашним слугам. Они считались собственностью дирекции, имевшей официальное право поступать с ними на основании существующего законодательства о крепостных. По отношению к ним применялись также меры воздействия, как телесные наказания, отдача в солдаты, арест. Некрепостные актеры находились в лучшем положении, но и они были в полной зависимости от грубой и жестокой администрации, не желавшей отступать от своих крепостнических замашек. Лишь немногие актеры, обладавшие выдающимися талантами и независимыми характерами, могли заставить дворьянскую общественность и дирекцию относиться к себе с уважением.

Музыкальный театр в Петербурге во второй половине XVIII в., если не полностью, то частично освободился от безраздельного господства иностранцев. В 70-х годах появляется русская национальная опера. Этот вид театрального искусства не относится целиком к музыкальной культуре: в XVIII в. литературный элемент в опере играет столь значительную роль, что часто грани между драмой и

оперой стираются. Многие выдающиеся драматурги XVIII в. писали тексты для опер. В свою очередь в трагедии на исторические темы обычно вводились большие хоровые эпизоды.

Первая русская опера, о постановке которой упоминается в современных источниках, — «Анюта» (1772), написанная по либретто автора работ о народном творчестве М. Попова. Однако музыка этой оперы не сохранилась, и кем она написана, неизвестно.

Демократическая направленность «Анюты» как нельзя более отвечала стремлениям передовой интеллигенции, а элементы фольклора в литературной и музыкальной ее частях шли навстречу желаниям тех же кругов увидеть на сцене русскую национальную оперу. После «Анюты» появилось

множество опер разных авторов. Такие крупнейшие драматурги, как Н. П. Николаев, Я. Б. Княжнин, И. А. Крылов, участвовали в создании русских опер.

Известность в рассматриваемое время приобрела опера «Санкт-Петербургский гостиный двор». Либретто и музыка ее принадлежали М. Матинскому — крепостному человеку гр. Ягужинского, проявившему себя в области литературной, педагогической и научной деятельности. Это произведение интересно по сатирическому изображению жизни петербургского купечества и ярким, острым бытовым характеристикам. В 90-х годах опера «Гостиный двор» была возобновлена на сцене в редакции композитора В. А. Пашкевича, одного из галантиливых мастеров ранней русской оперной школы, состоявшего скрипачем придворных театров и «камермузыкантом» Екатерины II. Из его собственных опер особенно интересна «Несчастье от кареты» (1779) на либретто драматурга Я. Б. Княжнина с явно антикрепостнической окраской.

В 1781 г. на сцене петербургского театра появилась популярнейшая опера XVIII в., за два года до этого поставленная в Москве, — «Мельник, колдун,

*П. А. Пашкевичев. Актер и драматург (1781—1812).
Литография Борелла с портрета XVIII в.*

«Обманщик и сват» на текст А. А. Аблесимова с музыкой московского скрипача и дирижера Соколовского, составленной из обработок народных песен. Опера эта не сходилась со сцены почти до середины следующего столетия. В конце XVIII в. была сделана новая ее редакция, приписываемая Е. И. Фоману.

Композитор большого и яркого дарования Фомин обогатил русский музыкальный театр многими выдающимися произведениями. Из его опер выделяются «Имщик на подставе» (1787), либретто Н. А. Львева, с большими развернутыми хоровыми номерами в народном духе, и «Американцы». Фоминым была написана также музыка к ряду драматических произведений, поставленных в петербургском театре в конце XVIII в. Особенно замечательна по своему высокому трагическому пафосу и силе эмоционального выражения музыка и мелодрама Л. В. Княжнина «Орфей и Эвридика» (1792).

Среди петербургских исполнителей ролей должны быть отмечены Н. С. Воробьев, А. М. Крутицкий и особенно Е. С. Сандунова — жена С. Н. Сандунова. Современники отзывались об этой актрисе с великими похвалами за ее превосходный голос, простоту и естественность исполнения. Е. С. Сандунова пользовалась всеобщей любовью, всегда встречая самый восторженный прием.

Во второй половине XVIII в. в Петербурге появились новые театры. В 1783 г. в театральной жизни столицы произошло примечательное событие — открытие многорусского каменного театра на Театральной площади на месте нынешней консерватории. Этот театр, получивший название Большого, по размерам и богатству архитектурного оформления явился самым значительным театральным зданием в России. Не раз подвергаясь переделкам, он простоял до 1886 г. В нем ставились драматические, оперные и балетные спектакли. Большой театр, как и Вольный на Марсовом поле, были публичными — вход в них не взбравлялся никому. Но уже давно установилась в них социальная дифференциация зрителей: аристократические ложи и кресла и демократические верхние ярусы.

Народные массы отдалялись от театра все более и более. Зрители из народа посещали спектакли в петербургских театрах в исключительных случаях. Для народа в Петербурге был сооружен в 1765 г. так называемый Всенародный театр, закрытый, как было сказано, после восстания Е. И. Пугачева. Как и раньше, народ в Петербурге имел возможность удовлетворить свою потребность в театральных зрелищах, посещая «народные гуляния», устройство которых прочно вошло в петербургский быт.

Петербургское придворное и аристократическое дворянство и стремление подчеркнуть свою обособленность даже в театральном быту еще в 30-х годах XVIII в. создает свой собственный, придворный театр. В 1783—1785 гг. архитектором Кваренги был выстроен Эрмитажный театр в Зимнем дворце. Ставились в нем спектакли почти исключительно французской труппой. Зрители состояли из узкого круга придворных и специально приглашенных лиц. Строгая интимность спектаклей, «избранный» состав зрителей, французский язык, звучащий на сцене и в ари-

Эрмитажный театр. Построен в 1763—1787 гг. Архитектор Д. Трезини.

тельном зале, — все это создавало в Эрмитажном театре особый мир, совершенно чуждый и даже враждебный национальной театральной культуре, год от году крепнущей и развивавшейся вне стен Зимнего дворца.

Со второй половины XVIII в. в театральной жизни России возникает новое явление, имевшее большое значение для развития театральной культуры, — крепостные театры. Многие помещики стали заводить в своих городских домах и в усадьбах собственные театры. Актеры, декораторы, костюмеры, музыканты в них состояли из крепостных, прошедших специальную школу обучения. Крепостнические нравы приводили к тому, что очень часто владельцы таких театров не делали никакого различия между крепостным актером и своей прислугой, полагая, что каждый подневольный им человек в одинаковой степени призван обслуживать барские прихоти. И все же, несмотря на тяжелое положение актеров, крепостные театры сыграли положительную роль в развитии театральной культуры. Они прежде всего способствовали выявлению народных талантов. Многие и многие крепостные актеры и музыканты оставались на всю жизнь «крепостной собственностью» и, находясь под властью диких и жестоких помещиков, переживали горькие муки. Только немногим крепостным актерам удавалось получить свободу и занять выдающееся положение в театральном мире. Такие прославленные актеры,

как П. И. Жемчугова (1768—1803) или М. С. Щепкин, вышли из крепостной среды. В некоторых случаях владельцы крепостных театров относились к театральному делу с вниманием и любовью и ставили превосходные спектакли, поднимавшие общую театральную культуру. Громкую славу приобрел крепостной театр Шереметевых в их подмосковном имении «Кусково».

В Петербурге в конце XVIII в. возникло несколько крепостных театров. Наиболее крупные из них принадлежали кн. Юсуповым (на Мойке), гр. Шушаровым (на Фонтанке), кн. Г. А. Потемкину (в Таврическом дворце), А. Л. Нарышкину. Репертуар их был одинаков с репертуаром казенных театров. Он состоял из наиболее ходовых драматических, оперных и балетных спектаклей. Актерский состав, сколько можно судить по дошедшим источникам, по своему мастерству был очень высок. Это и неудивительно: учителями крепостных трупп были крупнейшие актеры и музыканты столицы. Богатство владельцев позволяло обставлять спектакли с пышностью и великолепием, превосходящими иной раз постановки казенных театров. Спектакли, хотя и не были открытыми, собирали довольно широкие круги столичного дворянства. В целом удельный вес всех крепостных театров Петербурга был значителен, и они никоим образом не могут быть исключены из числа явлений, из которых складывалась театральная культура города.

* * *

Во второй половине XVIII в. Петербург становится одним из крупных центров европейской музыкальной жизни. При Екатерине II в Петербурге работали знаменитые итальянские композиторы Балтазар Галуцци, Томазо Траетта, Джованни Паизиелло. Они писали музыку для оперных спектаклей, придворных развлечений и официальных празднеств, отличавшихся в этот период особым блеском. В создании музыки официально-торжественного плана наибольшую роль сыграл итальянец Джузеппе Сартти — автор монументальных кантат и ораторий с мощной эффектной звучностью, достигавшейся участием гигантских хоровых и оркестровых коллективов, иногда общей численностью в 200—300 человек. Некоторые из этих произведений исполнялись под открытым небом перед многотысячной массой слушателей, выходя, таким образом, за рамки чисто придворного круга.

Примеру двора следовали и виднейшие представители крупной вельможной аристократии, содержавшие не только театры, но и оркестры из крепостных. «Светлейший князь» Потемкин в своем петербургском Таврическом дворце устраивал празднества, балы и гуляния, не уступавшие в роскоши и блеске придворным. Музыкальной стороной их заведовал одно время Сартти, а затем русский композитор О. А. Козловский, автор торжественных блестящих полонезов, прославляющих величие и славу русского оружия. Особенно популярен был среди полонезов Козловского «Гром победы раздавайся» с хором на слова Г. Р. Державина.

Своеобразную замкнутую жизнь вел двор наследника Павла, который из оппозиции своей матери Екатерине II демонстративно прогнвопоставлял себя и свое окружение «большому двору». В загородных резиденциях Павла в Гатчине и Павловске широко было развито музицирование в различных формах. Силами любителей-артистов ставились даже оперные спектакли. Для этих спектаклей композитором Д. С. Бортиянским были написаны оперы «Сокол», «Сын-соперник» и «Празднество сеньёра».

Своеобразным явлением русской музыкальной жизни XVIII в. были роговые оркестры, возникшие в 50-х годах в результате усовершенствования обычных охотничьих рогов. Роговые оркестры состояли из набора медных рогов разной настройки, что давало возможность исполнения больших и сложных музыкальных произведений. Игра на рогах совершенно обезличивала каждого отдельного исполнителя (который мог брать на своем инструменте только один звук определенной высоты) и, кроме того, была вредной физически. Поэтому правы были современники, утверждавшие, что подобное явление может существовать только в стране, строй жизни которой основан на рабстве. Мощная и величественная звучность роговых оркестров подходила к общему стилю парадных официальных торжеств. Состав их достигал иногда гигантских масштабов. Так, на басовословно пышном празднестве во дворце Потемкина в 1791 г. участвовал роговой оркестр из 300 человек. Меньшего размера роговые оркестры применялись для увеселительных гуляний, «серенад», на реках Неве и Фонтанке, иногда вводились даже в музыкальное сопровождение драматических спектаклей и опер. В целом, однако, сфера распространения роговых оркестров была очень ограничена и они оставались специфической принадлежностью придворного и аристократического быта.

При всем своем блеске и великолении придворно-аристократические формы музицирования теряют к концу XVIII в. то исключительное значение, которое принадлежало им в первой половине и середине этого столетия. Общий рост национальной культуры, усиление ее демократических элементов, выдвижение новых общественных сил, оказывавших все большее влияние на развитие науки, искусства и просвещения, — все это вызывает серьезные сдвиги и в музыкальной жизни столицы.

Появляются публичные концерты, театры, доступные не только придворной знати, но и более широкому слою городского населения.

В последней трети XVIII в. в Петербурге возникают музыкальные общества, ставившие своей задачей систематическое развитие концертной деятельности. В 1772 г. «соединением из некоторых охотников» был создан Музыкальный клуб, существование которого было, впрочем, непродолжительным. В 1778 г. возникла другая подобная же организация под названием Новое музыкальное общество, среди членов которого мы встречаем имена композитора Бортиянского, писателя Фовизина, актера Дмитриевского. Это Общество проводило камерные и симфонические концерты. В начале 90-х годов оно было закрыто, повидимому, в связи

с тем подозрительным отношением, которое проявляло правительство в эти годы политической реакции к любым общественным организациям и объединениям людей.

Из исполнителей-концертантов пользовался особенно высоким признанием И. Е. Хандошкин, по происхождению крепостной крестьянин, прославившийся как один из самых выдающихся скрипачей-виртуозов своего времени.

В тесной связи с передовыми направлениями литературы и общественной мысли того времени развивалась русская композиторская школа XVIII в., расцвет которой относится к последней трети столетия. Эта школа выдвинула плеяду талантливых мастеров, являвшихся, как правило, выходцами из демократических, эксплуатируемых слоев общества. Крупнейшими ее представителями были Е. И. Фомин (1761—1800) — сын солдата, получивший образование в петербургской Академии художеств, а затем совершенствовавшийся в Италии; воспитанники Певческой капеллы, также посланные в Италию для завершения своей музыкальной учебы, Д. С. Бортиянский (1751—1825) и М. С. Березовский (1745—1777), И. Е. Хандошкин (1747—1804). В условиях феодально-абсолютистского строя Российской империи XVIII в. талантливые русские музыканты не могли стать свободными в своей деятельности и вынуждены были часто выполнять прихоти двора или меценатствующих вельмож. Тем не менее их творчество оставалось в основе своей глубоко народным, демократическим по направленности, правдиво отражающим образы русской национальной жизни. Важнейшим его источником служила русская народная песня.

Возрастающий интерес к народной песне являлся одним из показателей роста демократических национальных элементов в русской художественной культуре конца XVIII в. В 1776 г. в Петербурге был издан первый печатный сборник народных песен с нотами, составленный придворным музыкантом В. Ф. Трутовским.¹ В последующий период, до 1795 г., вышло в свет еще три выпуска того же сборника, точное название которого гласило: «Сборник русских простых песен с нотами». В 1790 г. появился другой аналогичный сборник, озаглавленный «Собрание народных песен с их голосами». Мелодии народных песен, как сказано на титульном листе этого сборника, «на музыку положил Иван Прач».² Однако роль Прача, по-видимому, ограничилась только гармонизацией песенных мелодий, подлинным же составителем сборника следует считать известного русского художественного деятеля и поэта Н. А. Львова. Большая статья Львова «О русском народном пении», служащая введением к сборнику, представляет собой первую попытку теоретического изучения музыкальных основ народной русской песни. Сборник Трутов-

¹ Трутовский состоял при дворе Екатерины II в должности «камер-гуслиста»; известен как автор сочинений для фортепиано и хора.

² Чех по национальности, Прач был известен в Петербурге как фортепианный педагог, автор школы игры на фортепиано.

ского и Львова — Прача дает верное и полное представление о народной песне в том виде, в каком она жила в русском городском быту конца XVIII в.

Темы народных песен разрабатывались композиторами в различных жанрах музыкального творчества: в опере, инструментальных произведениях, хорах и т. п.

Широкое развитие в конце века получают жанры вокальной лирики — песни и романсы, или, как он обычно именовался в то время, «российская песня» (в отличие от иностранных арий и куплетов, распространенных в дворянских салонах). Обычно произведения этих жанров публиковались анонимно в журналах, сборниках, альманахах, содержавших в себе репертуар для бытового домашнего музицирования. К числу таких изданий относится «Собрание наилучших российских песен», выпущенное петербургским книгоиздателем Ф. Мейером в 1781 г., «Новый российский песенник, или Собрание разных песен с приложенными нотами, которые можно петь на голосах, играть на гуслях, клавикордах, скрипках и духовых инструментах. Издание в граде святого Петра изданием Т. Полежаева 1792 года», «Карманная книжка для любителей музыки на 1795 и 1796 гг. издателя И. Герстенберга и др.». «Российские песни» сочинялись и известными талантливыми композиторами. Наиболее видными авторами в этой области были Ф. М. Дубянский и О. А. Козловский. В их творчестве получили отражение сентименталистские тенденции, характерные для русской поэзии рубежа XVIII и XIX вв.

Типичнейшим образцом вокальной лирики того времени является романс Дубянского на текст стихотворения И. И. Дмитриева «Стонет синий голубочек», пользовавшийся популярностью до середины XIX в.

Основным и наиболее популярным жанром инструментальной музыки являлись вариации на темы народных песен. Чаще всего они писались для распространенных в быту инструментов: клавикордов, фортепиано, гуслей (так называемые «столовые», или лежачие, гусли, представлявшие собой модернизированный тип древнего русского инструмента). И. Е. Хандошниковым была создана серия вариаций на народные темы для двух скрипок (для скрипки и альт), рассчитанных на концертное исполнение и отличавшихся крупными развернутыми масштабами. В творчестве русских композиторов появляются и сложные формы сольной и камерной ансамблевой инструментальной музыки. Таковы сонаты для скрипки соло Хандошникова, клавирные сонаты, квартет, квинтет и другие сочинения Д. С. Бортнянского.

Д. С. Бортнянский в зрелые годы своего творчества посвящал себя главным образом сочинению хоровой музыки. Эта его деятельность была связана с работой в Придворной певческой капелле, которую он возглавлял с 1796 г. Он создавал свои хоровые произведения преимущественно на религиозные тексты. Однако в традиционные формы культовой музыки Бортнянский вносил элементы яркой непосредственной эмоциональной выразительности, пользуясь близкими и понятными широким кругам интонациями бытовой и народной песни. Его хоровые

концерты и другие произведения являются образцами высокохудожественного мастерства в соединении с простотой, ясностью и доступностью музыки.

Музыка становится к концу XVIII в. неотъемлемой частью культурной жизни столицы. О широкой потребности в ней свидетельствовало развитие нотной торговли, частной педагогической деятельности и т. д. Все сколько-нибудь заметные события музыкальной жизни отмечались на страницах периодической печати и вызвали живой общественный отклик. Крупнейшие деятели русской литературы — Сумароков, Ломоносов, Державин, Радищев, Крылов и др. — с глубоким интересом относились к музыке и уделяли ей много внимания в своем быту и творческой деятельности.

* * *

Важнейшие события в середине XVIII в. произошли и в изобразительном искусстве. В 1757 г. в Петербурге была основана Академия художеств, ставшая центром художественной жизни страны. Академия стала не только школой, в которой получили образование сотни молодых художников, она объединяла вокруг себя лучших представителей изобразительного искусства — живописцев, скульпторов, архитекторов и графиков. В первые годы Академия помещалась в одном из домов по 7-й линии Васильевского острова, затем была переведена в Головкинский дом. Только после 1764 г. начали строить специальное здание Академии на набережной Невы, существующее до сих пор.

Несмотря на несколько замкнутый характер Академии, несмотря на то, что ее руководители старались оградить молодежь от влияния прогрессивной мысли, передовые идеи русского общества проникали в среду учеников и преподавателей Академии и это отражалось на их искусстве. Часто сюжетами для классных работ учащихся Академия набирала отвлеченные темы из античной истории и мифологии. Однако наряду с ними задавались и более близкие ученикам темы из отечественной русской истории.

Как правило, крепостных в Академию художеств не принимали, однако важно то, что почти все крупнейшие русские художники XVIII столетия были выходцами из народа. Так, например, живописец А. П. Антропов был сыном слесарного мастера, скульптор Ф. И. Шубин — сыном помора, скульптор Ф. Г. Гордеев — сыном скотника, и т. д. Происхождение художников, их тесная связь с народом не могли не сказаться на характере их творчества.

Академия давала своим питомцам серьезные знания в области рисунка, живописи, лепки, анатомии, перспективы и т. д. Первые же выпуски Академии показали высокий уровень подготовки ее питомцев. Отныне Академия превратилась в одно из самых серьезных художественных учебных заведений Европы.

В самом еще начале XVIII столетия в русском искусстве возникает историческая живопись как самостоятельный жанр.

Однако наибольшего развития она достигает во второй половине века в творчестве А. П. Лосенко, И. А. Акимова, П. И. Соколова и Г. И. Угрюмова. Эта группа художников была связана с молодой Академией, которая всячески опекала историческую живопись, считая ее самым важным из всех жанров искусства.

Историческая картина, воспевающая прошлое русского народа, должна была воспитывать у современников любовь и уважение к этому прошлому, возбуждать в них стремление к подражанию героизму русских людей. Первым подлинно крупным талантом в области исторической живописи был А. П. Лосенко — воспитанник Академии художеств, проживший недолгую жизнь, но успевший сделать очень много для развития русского искусства. Его картины «Владимир перед Рюрикдой» и «Прощание Гектора с Андромахой», созданные в Петербурге, долгое время считались образцом исторического жанра. В последние годы своей жизни Лосенко был тесно связан с Академией художеств, где вел большую педагогическую работу, являясь руководителем класса исторической живописи. Многие крупные русские художники обязаны своим воспитанием Лосенко.

Сюжетам из русской истории посвятил свое творчество крупнейший исторический живописец конца XVIII и начала XIX в. — Г. И. Угрюмов. В его картинах запечатлены образы Александра Невского, Ивана Грозного, Минина и Поняковского. Несмотря на условный, академический характер его образов, искусство Угрюмова отразило развитый интерес к героям родной истории, столь характерный для передовых слоев русского общества. Одной из наиболее известных картин художника, прославившей его имя, была картина «Испытание князем Владимиром силы русского богатыря Яна Усмаря перед поединком его с печенежским богатырем». В этой картине Угрюмов показал силу русского юноши Яна Усмаря, который, победив впоследствии в единоборстве печенежского богатыря, обратил врага в бегство и тем самым спас родную страну от поработителей.

В области живописи второй половины XVIII в. наглядно проявилось отношение художников к волнующим вопросам современности. Острота характера, которой наделены были портреты этого времени, говорила о горячем стремлении русских мастеров к правде. В эту пору были созданы портреты прогрессивных общественных деятелей, в которых отсутствовали элементы парадности, внешнего лоска, а все внимание было обращено художниками на передачу внутреннего содержания человека, силу его ума и благородство стремлений.

Дальнейшее развитие портретного искусства нашло свое проявление в творчестве Ф. С. Рокотова, старавшегося передать состояние внутреннего душевного мира человека, его тончайшие психологические переживания.

Высоким живописным мастерством отмечены многие портреты этого художника. Острота их характеристики и красивая колористическая гамма с первого взгляда выделяют работы Рокотова среди многих других. Необходимо отметить высокое техническое совершенство работ художника — по характеру рисунка

и живописному мастерству с Рокотовым можно сравнить разве одно лишь Д. Г. Левицкого.

Ф. С. Рокотов в 1765 г. переехал в Москву, где и провел многие годы своей жизни, но формирование его как художника проходило в Петербурге.

Подлинной вершиной в развитии русской портретной живописи в XVIII столетии является творчество Д. Г. Левицкого. Художник создал обширную галерею портретов своих современников, в которых показал большое умение передать внутреннюю сущность человеческого образа. Глубина психологических характеристик у Левицкого всегда основана на пристальном изучении действительности и высоком профессиональном мастерстве.

В Петербурге прошли годы учения художника и здесь же протекала его творческая деятельность.

Уже в одном из ранних своих произведений — в портрете архитектора А. Кокорина, строителя здания Академии художеств, Левицкий показал высокую профессиональную одаренность и выдающиеся способности живописца. Этот портрет художника в числе других его работ был впервые показан в 1770 г. на публичной выставке, открытой в здании Академии художеств. Скрытая в этом портрете характерная для живописи XVIII в. поза человека, художник вместе с тем наделил образ архитектора большой жизненной правдой. Высокими художественными достоинствами отличается портрет французского философа-материалиста Д. Дидро, написанный Левицким в Петербурге в 1773 г. Большой успех имела созданная художником серия портретов воспитанниц Смольного института. Искренностью и теплотой отмечены образы этих девушек, мастерски передано своеобразие каждой из них.

Портреты следующих лет — М. А. Львовой, отца художника, Бакуниных, Анны Давиа, и многие другие шедевры художника — яркое свидетельство его таланта. Особенно важен портрет известного просветителя Н. И. Новикова, в котором художник достигает большей реалистической выразительности.

Все свое мастерство Левицкий посвятил изображению человека. Его искусство завершает историю развития русской портретной живописи XVIII в.

Говоря о живописи этого времени, нельзя обойти молчанием творчество В. Л. Боровиковского. Природное дарование художника и упорство в работе привели к тому, что Боровиковский становится в число передовых мастеров конца XVIII в. Он создал серию превосходных портретов своих современников — Г. Р. Державина, В. И. Арсеньевой, М. И. Лопухиной, О. К. Флдяпповой и многих других. Подчеркнутая лиричность и созерцательность, тема личных переживаний человека свойственны большинству произведений Боровиковского. Художник вошел в историю русского изобразительного искусства как мастер интимного портрета, как прекрасный рисовальщик и колорист. Все портреты Боровиковского проникнуты большой любовью к человеку, интересом к его внутреннему миру.

Плодотворной была деятельность ряда русских пейзажистов, работавших в XVIII столетии. С. Ф. Щедрин, М. М. Иванов, Ф. М. Матвеев и Ф. Я. Алексеев, получив образование в Академии художеств, создали целую серию картин, в которых запечатлели пейзажи Петербурга и пригородов. Парки и дворцы Царского Села (ныне г. Пушкин) и Гатчины, фонтаны Петергофа изображены на полотнах С. Ф. Щедрина. Несмотря на известную условность композиции и колорита во многих этих работах, они все же правдиво передают характер изображенного. Глядя на эти пейзажи, мы легко узнаем знакомые ансамбли ленинградских пригородов. Подлинным певцом петербургского городского ансамбля был Федор Алексеев, множество произведений которого посвящено пейзажу столицы.

В XVIII столетии некоторые художники проявили интерес к жизни народа и особенно к жизни крестьян. Придворную знать не интересовала жизнь крепостных крестьян, которые находились на положении рабов, однако во второй половине столетия, особенно под влиянием крестьянской войны Пугачева, появляется интерес к крестьянскому быту. Так, например, в 1777 г. художником Михаилом Шибановым была написана картина «Сговор», изображающая момент сговора невесты и жениха в крестьянской избе.

Наибольшей выразительности в показе крестьян добился художник И. А. Ерменев. После окончания Академии художеств в Петербурге Ерменев попадает в Париж, где участвует во взятии Бастилии. Вернувшись на Родину, он в целой серии акварелей запечатлел образы крестьян. На одном из листов изображен крестьянский обед, на другом — поющие на базаре слепцы, на третьем — нищие крестьяне и т. д. Острота этих работ и правдивость поразительны. Но эти произведения художника не принесли ему успеха при жизни. Творчество Ерменева, художника большого дарования, — яркое явление в русском искусстве XVIII в.

Больших успехов достигает скульптура XVIII в. в творчестве лучших русских скульпторов — Ф. И. Шубина, Ф. Г. Гордеева, М. И. Козловского, И. П. Мартоса, Ф. Ф. Щедрина, И. П. Прокофьева и др. Жизнь и творчество этих художников целиком связано с Петербургом и его пригородами.

Подлинным триумфом портретного искусства в области скульптуры явилось творчество Федота Шубина, работы которого поражают глубиной психологического анализа и реалистичностью изображения. Многочисленные портреты, созданные художником (Голицыны, Безбородко, Потемкин, Чулков, Павел I и др.), являются подлинными шедеврами реалистической пластики XVIII в. Очень выразителен бюст Ломоносова работы Шубина. В образе своего великого земляка скульптор показал крупного ученого, простого и сильного человека, выходца из народа.

В 1782 г. в Петербурге состоялось открытие памятника Петру I работы скульптора Э. Фальконе. В создании памятника приняли участие и русские скульпторы, в частности Ф. Гордеев, который делал детали памятника и руководил его установкой. Медный всадник стал подлинным украшением города и был неоднократно

воспет многими писателями и поэтами. Несколько позже А. С. Пушкин выразил свое восхищение этой скульптурой в известной поэме «Медный всадник».

Русские скульпторы Ф. Шубин, П. Мартос, М. Козловский, Ф. Щедрин и другие создали ряд монументально-декоративных произведений, украсивших сооружения Петербурга и его пригородов. Большое значение имеет исполнение этими художниками скульптур для Петергофа, преобразивших старей петровский каскад. Безусловно, одной из лучших работ для Петергофа явилась статуя Самсона, исполненная М. Козловским. Этим же скульптором в 1801 году создан установленный на Марсовом поле памятник великому русскому полководцу А. В. Суворову.

XVIII столетие было периодом дальнейшего развития национальных традиций в русском искусстве, в своих лучших проявлениях вставшем на путь утверждения передовых гуманистических идей и борьбы за свободу человека от рабства и кабалы.

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

ПЕТЕРБУРГ
В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ
И КРИЗИСА
КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ
ОТ КОНЦА XVIII ВЕКА ДО 1861 ГОДА

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

В хозяйственном развитии России конец XVIII и начало XIX в. не являлись таким рубежом, который означал бы существенные изменения в экономике страны. Капиталистический уклад начал формироваться еще во второй половине XVIII в. Тогда же наметились основные промышленные районы (Центральный промышленный район, Урал, Петербург и др.), определились районы сбыта для развивающейся промышленности. Но в течение первой половины XIX в. все интенсивнее шло накопление в хозяйстве как всей страны, так и Петербурга элементов новой, капиталистической, экономики и разложение крепостного хозяйства. Во второй четверти XIX в. это привело к кризису всю систему крепостного хозяйства и поставило на очередь вопрос о неизбежной перестройке общественной и экономической жизни страны. Основой, на которой развивались новые капиталистические отношения, явился рост общественного разделения труда, проявившийся, в частности, в увеличении удельного веса городского населения, в специализации отдельных районов. Так, городское население составляло в 1796 г. 4,1%, в 1835 г. — 5,8%, к 1861 г. этот процент возрос до 7,8%. Специализация районов проявлялась в превращении северных нечерноземных губерний в промышленные, в развитии в черноземной полосе земледелия, в западных губерниях — технических культур. Все это, естественно, вело к расширению торговых связей, к общему росту товарооборота страны. Рос в первую очередь внутренний рынок. По подсчетам одного из крупнейших статистиков того времени, для первой

четверти XIX в. обороты внутренней торговли составляли примерно 900 млн руб., а то время как внешней лишь 235 млн. К 60-м годам XIX в. внешнеторговый оборот возрос до 431 млн 46 тыс. руб. Несомненно, что значительно увеличилось обороты и внутренней торговли, о чем наглядно свидетельствует рост оборотов крупнейших ярмарок. Так, если на Нижегородской ярмарке было продано товаров в 1825 г. на 12 млн 66 тыс. руб., то в 1852 г. уже на 57 млн 6 тыс. руб., т. е. обороты ярмарки возросли более чем вчетверо. Крупнейшую роль как во внутреннем, так и внешнем товарообороте играли сельскохозяйственные продукты. Если до 40-х годов во внешнеторговых оборотах первенствующую роль играли такие товары, как лен, пенька, сало, то со второй половины 40-х годов все большее место в вывозе стал занимать хлеб. К моменту отмены крепостного права ценность вывозного хлеба стала составлять 35,1% всего экспорта. Это значило, что основа барщинного крепостного хозяйства, его натуральный характер быстро разрушались. Это приводило к тому, что все более остро вставала проблема замены крепостного труда вольнонаемным. Господствующий класс страны — дворянство — попрежнему хозяйствовать уже не мог. О кризисе крепостной системы свидетельствовало растущее капиталистическое расслоение крепостной деревни, выделение из крепостного крестьянства зажиточной верхушки, с одновременным образованием полупролетарских элементов, живших уже продажей своей рабочей силы или в хозяйствах своих же зажиточных однообщинников, или — через отходничество — на стороне. Это обусловило расширение применения наемного труда в сельском хозяйстве, в крупных имениях по преимуществу на юго-востоке, и решительное вытеснение крепостного труда наемным в предприятиях главных промышленных районов, за исключением Урала. Процент вольнонаемных рабочих в промышленности достиг к 1860 г. 87%. Наиболее ярко проявился кризис крепостнической системы в подъеме крестьянского, антикрепостнического движения. Ни усиление барщинного труда в черноземной полосе, ни сокращение помещичьей запашки в нечерноземных губерниях и переход здесь основной массы крестьянства на оброк не приостановили роста дефицитности помещичьих хозяйств и огромной задолженности дворянских поместий, которую не могла уменьшить государственная поддержка этих хозяйств бюджетными средствами через систему государственного кредита. Не могло правительство приостановить и подъема крестьянских волнений, число которых непрерывно возрастало. Особенно возросло число крестьянских волнений после Крымской войны 1853—1855 гг. Эта же война показала значительную отсталость России по сравнению с передовыми капиталистическими странами и в то же время гнилость военно-бюрократического аппарата власти. Сознание необходимости реформы экономического и политического строя страны проникало в самые широкие, в том числе и реакционные, круги. О необходимости реформ говорил в своих письмах таковой реакционер, как Погодин. Все явственнее проявлялось то критическое положение, когда народные массы не хотят жить по-старому, а правящие классы не

могут по-старому управлять. Так к 1859 г. в стране назрела революционная ситуация.

Все явления, связанные с кризисом крепостничества, находили прямое или косвенное отражение в хозяйственной, общественной и политической жизни столицы. Петербург рос вместе со страной и в изменении его жизни отражались те перемены, которые переживала вся страна. Эта связь проявлялась тем нагляднее, чем регулярнее и шире становились сношения Петербурга с другими районами страны. Большую роль в этом отношении сыграло развитие путей сообщения, с чем будет сказано ниже.

Кризис капиталистической системы являлся формой проявления экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Действия этого закона с особой яркостью проявлялись в Петербурге, где новый характер производительных сил обнаруживался особенно отчетливо. Это сказывалось прежде всего в концентрации в Петербурге основной производительной силы нового, капиталистического, строя — наемных рабочих. Далее это сказывалось в изменениях технической основы производства, в переходе от мануфактурной стадии в промышленности к фабрике. Черты промышленного переворота с особой наглядностью стали проявляться в 40—50-х годах XIX в. В Петербурге внедрение в производство машин происходило более интенсивно, чем в других промышленных центрах страны, в том числе и Московском районе.

По характеру статистического материала очень трудно и даже невозможно определить, сколько же предприятий мануфактурного типа находилось в Петербурге на рубеже XVIII и XIX вв. Наиболее надежные данные относятся к 1794 г., но и эти данные обивчивы, так как наряду с крупными предприятиями учитывают и мелкие, насчитывающие менее 16 рабочих.¹ С учетом всего этого вероятное число предприятий мануфактурного типа на начало XIX в. может быть принято не больше как 110—115. Во всей России в 1800 г. вместе с горными заводами насчитывалось примерно 1200 мануфактур.² Доля Петербурга составляла, таким образом, около 10%.

В течение первой половины XIX в. происходит значительное увеличение числа мануфактурных предприятий в столице, хотя это увеличение шло неравномерно, снижаясь в отдельные годы: накануне и во время войны 1812 г., в 1857—1858 гг. в связи с европейским экономическим кризисом по преимуществу в текстильной промышленности. Неблагоприятным для развития промышленности был период 1816—1822 гг., когда фритредерская тарифная политика правительства, открывавшая легкий доступ на русский рынок иностранных товаров, затрудняла рост собственных мануфактур. Особенно интенсивный рост наблюдался в 30—

¹ К. К. З л о б и н. Ведомость состоящим в С.-Петербурге фабрикам, мануфактурам и заводам на сентябрь 1794 г. Сб. РИО, т. 1, 1867.

² М. З л о т н и к о в. От мануфактуры к фабрике. Вопросы истории, 1946, № 11—12, стр. 36.

40-е годы. Составить точную картину роста числа предприятий не представляется возможным. Промышленная статистика XIX в. случайна и неточна. Сведения о предприятиях составлялись путем присылки данных самими предпринимателями. Далеко не все из них сообщали данные о своих предприятиях. Сами сведения никем не проверялись. Особенно крупными недостатками страдала промышленная статистика дореформенного времени. Приводимые далее статистические сведения относятся по преимуществу к предприятиям, которые оказались достаточно жизнеспособными и продолжали существовать в начале 60-х годов. Несомненно, что помимо таких предприятий были мануфактуры, относительно быстро прекращавшие существование и поэтому не оставившие следа в статистике 60-х годов. Все же эти данные рисуют достаточно отчетливую картину роста крупной промышленности Петербурга.

Особо существенную роль в промышленности столицы в первой половине XIX в. стало играть текстильное производство. Этот рост падает в основном на 30—50-е годы XIX в. В 1814 г. в Петербурге было 10 частных предприятий по выработке хлопчатобумажных тканей, но все это были мелкие заведения с числом рабочих от 7 до 12.¹ Только на клеенчатой фабрике купца Чурикова производство хлопчатобумажных тканей было значительным: в том же году здесь было выработано 1700 аршин ткани и 18 300 бумажных платков. Полотняных частных предприятий в столице не было совсем. На реке Малой Охте в окрестностях города была крупная суконная мануфактура бар. Раля и Сутгофа и несколько мелких мастерских по производству шерстяных чулок и черте города. Шелковая мастерская с 11 рабочими была около Царского Села. Все эти предприятия обслуживались наемными рабочими. Картина стала резко меняться к 30-м годам. Особенно значительным был рост хлопчатобумажных предприятий. В 30-х годах возникли также крупные предприятия, как фабрика общества Александро-Невской мануфактуры. Она была основана в 1837 г. на Шлиссельбургском шоссе. В 30-х годах начинается деятельность Акционерного общества Воронин, Люти и Чешер, которое в дальнейшем заняло преобладающее положение в хлопчатобумажной промышленности Петербурга. В 1834 г. это товарищество основало свою ситцевабивную фабрику на Васильевском острове. В 1830 г. возникла ваточкашная фабрика Кожевникова в Александро-Невской части, в 1833 г. в Рождественской части бар. Штиглицем основывается одна из крупнейших в столице фабрик, несколько позже получившая название Невской бумагопрядильной мануфактуры. В 1835 г. в Нарвской части возникла Российская бумагопрядильная мануфактура, принадлежавшая акционерному обществу. В 30-х и начале 40-х годов эта фабрика была наиболее крупной бумагопрядильной в России.² В 1837 г. начала работать на Петербургской стороне тюлевая фабрика (ныне фабрика

¹ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг. СПб., 1816, стр. 8.

² В. К. Я д у н с к и й. Роль Петербурга в промышленном развитии России. Вопросы истории, 1954, № 9, стр. 97.

им. Самойловой). В 40-х и 50-х годах этот процесс возникновения крупных хлопчатобумажных предприятий продолжался с возрастающей силой. В 1844 г. в Александро-Невской части города была основана Новая бумагоспрядильня, принадлежавшая товариществу на паях, в 1847 г. возникла в Выборгской части Охтенская мануфактура, в 1851 г. основываются два крупных хлопчатобумажных предприятия: Сампсониевская бумагопрядильня и ткацкая мануфактура и компания Петровских бумагопрядильных и ткацких фабрик в селе Смоленском, в Шлиссельбургской части. В 1852 г. возникает Спасская бумагопрядильня и ткацкая мануфактура. В 1856 г. была основана на Петербургской стороне белильно-красильная и ситценабивная фабрика Леонтьева и в 1859 г. в Выборгской части Ново-Сампсониевская бумагопрядильня. Значительно в меньшей степени получили развитие другие отрасли текстильной промышленности столицы: шерстяная, шелковая и по обработке льна, джута и вельки. В 1856 г. в Петербурге было 2 суконные фабрики и 6 камвольных, работавших по преимуществу на привозной шерстяной пряже. Из крупных суконных мануфактур может быть отмечена Гутуевская мануфактура (1844 г.) и суконная фабрика Тортона, основанная в 1841 г. Значительно больше было шелковых фабрик. Их в столице в 30-х годах имелось 2, в 40-х годах — 13 и в 50-х годах — 34.¹ Однако все они были сравнительно небольшими предприятиями. Из крупных предприятий этой отрасли промышленности может быть отмечена фабрика Вильберга, основанная в 1840 г. в Коломенской части города.

К концу дореформенного периода в Петербурге насчитывалось 52 крупных предприятия текстильной отрасли (без белилен и красильен — их было 5), на которых работало около 7140 рабочих (с белильными и красильными — около 7350 рабочих).² В отношении числа текстильных предприятий и количества занятых на них рабочих Петербург значительно уступал Москве. В Москве текстильных предприятий с числом рабочих более 16 насчитывалось 386, на которых работало 52 830 рабочих (данные относятся к 1853 г.).

До 40-х годов очень медленно развивались предприятия металлообрабатывающей промышленности. По десятилетиям сохранились следующие данные: с 1800 по 1810 г. было открыто 4 металлообрабатывающих завода, во второе десятилетие XIX в. — ни одного, в 20-х годах было открыто 4 завода, в 30-х годах — 2, в 40-х — 6 и в 50-х годах — 10 заводов.³ До 50-х годов крупные металлообрабатывающие заводы столицы принадлежали казне. Из частных заводов крупным был только завод Берда, основанный еще в 1792 г. В 1819 г. на нем работало 143 крепостных рабочих и 180 вольнонаемных. В феврале 1801 г. в связи с приготовлениями к войне с Англией из Кронштадта был переведен на Петрофское шоссе,

¹ Историко-статистический обзор промышленности России, т. II. СПб., 1886, стр. 193—201.

² Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г. СПб., 1863.

³ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.

на дачу директора завода, чугунолитейный и металлический завод, обслуживавший нужды русского Балтийского флота. Так, в непосредственной близости к столице оказался будущий Путиловский, ныне Кировский завод. Другие крупные механические заводы Петербурга возникали в следующей последовательности. В 1825 г. возник на Шлиссельбургском тракте казенный Александровский механический завод (ныне Пролетарский), в 1852 г. (по другим данным в 1855 г.) на Выборгской стороне возникает чугунолитейный и механический завод Лесснера, в следующем 1853 г. возникло два механических завода: в Александро-Невской части города завод Сан-Гали (ныне «Кооператор») и предприятие Общества Сименса и Гальске (ныне завод «Электросила»), бывшее, впрочем, в 50-х годах еще небольшим по размерам. В 1855 г. (по другим данным в 1860 г.) создается Невский судостроительный и механический завод. В 1857 г. возникают два крупных предприятия по обработке металла: в Выборгской части города Металлический завод и на Васильевском острове основывается Манфферсоном будущий Балтийский завод. В 50-х годах Балтийский завод был еще небольшим предприятием по постройке и ремонту судов. В 50-х же годах возник механический завод Э. Нобеля, специализировавшийся на постройке пароходов. Этот завод не следует смешивать с заводом Л. Нобеля, сыгравшим впоследствии крупную роль в развитии дизелестроения.

Надо отметить и предприятия других отраслей промышленности, которые хотя и играли подчиненную по сравнению с текстильной и металлообрабатывающей, но все же существенную роль в экономике Петербурга. В области обработки минеральных веществ с начала XIX в. до 1861 г. имеются сведения о 6 вновь открытых предприятиях. «Фабрика» фарфоровых изделий Батенина насчитывала 18 наемных рабочих. «Фабрика» Ив. Виртана — 19 наемных рабочих. Наиболее крупной, насчитывавшей свыше 100 рабочих, была фарфоровая «фабрика» Корниловых, основанная в 1835 г.¹

Широкое развитие получили предприятия по обработке животных продуктов. В 1813 г. в столице насчитывалось 33 кожевенных завода, из них 2 крупных (21 и 54 рабочих), остальные были относительно мелкими предприятиями с числом рабочих от 1 до 13. Мыловарение было представлено 17 заводами, но все это были мелкие предприятия с числом рабочих от 1 до 15.² Крупные предприятия в этой отрасли промышленности стали возникать с 30-х годов XIX в. В 1847 г. возник кожевенный завод г-на «Брусницын и сын» в Василеостровской части города, в 1851 г. открыт мыловаренный завод А. Жукова в Шлиссельбургском участке, в 1857 г. — кожевенный завод г-на «Осипов и К^о» на Васильевском острове и кожевенный завод Зверкова, расположенный там же, открытый в 1832 г. В области производства пищевых продуктов, в том числе и напитков (пиво и водка), имеются сведения о 17 вновь открытых предприятиях. Крупными из них являлись пиво-

¹ Справочник фабрик и заводов Европейской России, стр. 310—318.

² Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.

варенный завод Калининского т-ва пивоваренных заводов, основанный еще в конце XVIII в. в Нарвской части города, и табачные фабрики Жукова и т-ва «Лаферри» (ныне 1-я Ленинградская табачная фабрика), основанная в 1852 г. на Васильевском острове. В начале XIX в. табачное производство было представлено 5 мелкими мастерскими и «фабрикой» Антонова, где было занято 17 рабочих.¹

Химическое производство в первой четверти XIX в. было представлено только мелкими предприятиями. Это были красочные, купоросные, серные и тому подобные мастерские. Крупным из вновь возникших химических предприятий (всего имеются сведения о 8 вновь возникших предприятиях) являлась резиновая мануфактура Российско-Американского об-ва, основанная в 1860 г. в Нарвской части столицы. Впоследствии она выросла в огромное предприятие резиновой промышленности, которое после Октябрьской революции называлось «Красный треугольник». Другие крупные предприятия этой отрасли относились к газовым заводам. Таких газовых заводов до 1861 г. в столице возникло два: в 1837 г. предприятие общества освещения газом С.-Петербурга — оно находилось в Александро-Невской части города, другой газовый завод, основанный в той же части города в 1858 г., принадлежал Обществу столичного освещения.²

Петербург уже в первой половине XIX в. являлся крупным центром полиграфической промышленности. В дореформенное время в Петербурге возник ряд предприятий, которые в дальнейшем сыграли большую роль в развитии полиграфического производства. Свыше 100 рабочих насчитывала типография т-ва «Вольф», основанная в 1853 г., типографии Голике в Литейной части города, основанная в 1852 г., картографические заведения Ильина, игравшие до революции роль важнейшего в стране картографического предприятия. Эта картография была основана в 1859 г. в Коломенской части города. В 1854 г. в Московской части Петербурга зародилась словолитня Лемана, в дальнейшем ставшая одним из крупнейших предприятий этой отрасли. Но в 50-х годах это было небольшое предприятие полукустарного типа, в котором работал сам хозяин с одним подмастерьем. В 1852 г. возникла типография Сошкина в Московской части города, в 1860 г. — типография т-ва «Общественная польза» и ряд других.³ К 60-м годам столица обладала достаточно мощной полиграфической промышленностью, способной осуществлять выпуск научной, художественной литературы и периодических изданий крупными тиражами. Но среди типографий столицы не было ни одной, которая служила интересам нарождавшегося класса пролетариата.

Итоги развития промышленности Петербурга в дореформенное время могут быть представлены данными 1862 г. Правительственная статистика общее число фабрик и заводов Петербурга определяет в 1862 г. — 374.⁴ Однако эта цифра

¹ Список фабрик и заводов Европейской России.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г.

еще не отражает числа крупных предприятий в столице, так как сюда включены предприятия с числом рабочих менее 16. В то же время это число не отражает и общего количества промышленных предприятий столицы, так как в ней не учтены многочисленные заведения, носившие по преимуществу мелкий, кустарный характер в области производства пищевых продуктов (хлебопекарни, булочные, квасные, колбасные и пр. производства), а также производство некоторых промышленных товаров (готовое платье, сапожное производство, мелкие предприятия по производству и ремонту металлических изделий и др.). Мелкое производство из учтенных отраслей преобладало в таких, как лаковарение, шоколадное производство, дробильное, лакировка кож, производство патоки. Если исходить из числа предприятий, насчитывавших в среднем 16 и более рабочих на одно предприятие, то, учитывая, что среди предприятий с числом рабочих менее 16 встречались и крупные, что крупные предприятия несомненно были и среди тех, которые правительственная статистика относила к ремеслу, то число крупных предприятий столицы для начала 60-х годов может быть принято примерно в 270—300. В 1794 г., как указывалось, в Петербурге было 110—115 крупных предприятий. В 1833 г. в столице насчитывалось 137 предприятий мануфактурного типа. Следовательно, основная масса крупных предприятий Петербурга в первой половине возникла в 30—50-е годы. Во всей стране в 1860 г. таких предприятий насчитывалось примерно 2818,¹ т. е., несмотря на значительный абсолютный рост крупных предприятий, удельный вес Петербурга по числу предприятий с начала XIX в. не возрос. Это находилось в связи с быстрым развитием других промышленных районов страны, прежде всего центрального промышленного района.

Очень слабой степени концентрации достигли такие отрасли промышленности, как мыловарение, производство сальных и восковых свечей, косметическое, костеобжигательное, макаронное, замковое, зеркальных стекол. В среднем на одно предприятие в этих отраслях насчитывалось рабочих до 10 человек. Большинство отраслей промышленности Петербурга насчитывало рабочих от 16 до 50 на одно предприятие. К таким отраслям относились табачная, ткацкая, красильно-белильная, пильные мельницы, химическая и многие другие. Интересно отметить, что в это время меднолитейные и механические предприятия тоже относились к средним по степени концентрации. В этом отношении эти предприятия уступали таким отраслям, как производство минеральных вод, канатное, производство хирургических инструментов, в которых в среднем на одно предприятие приходилось от 50 до 100 рабочих. Наибольшая степень концентрации наблюдалась в хлопчатопрядильном производстве, в чугунолитейном деле, в пивоварении, в производстве резиновых изделий, сахарном, ситцепечатном и стеклянном производствах, в производстве газа. Во всех этих отраслях в среднем на одно предприятие приходилось свыше ста рабочих. Несмотря на обилие мелких ку-

¹ М. Злотникова, ук. соч., стр. 39.

старых и полукустарных предприятий в Петербурге, все же степень концентрации для всей промышленности города была высокой. На одно промышленное предприятие Петербурга в среднем приходилось 58 рабочих.¹ Это являлось важным показателем капиталистического развития петербургской промышленности.

Наиболее крупными предприятиями были прядильни. Их в столице насчитывалось 12, но сведения имеются только об 11 предприятиях. Из этих 11 прядильен 8 приходилось на производство бумажной пряжи, 1 фабрика имела комбинированное производство — соединение бумагопрядения и ткацкого производства, и две фабрики занимались производством шерстяной пряжи. На всех прядильнях было занято 5293 рабочих, т. е. 446 рабочих на одно предприятие. В среднем каждая бумагопрядильня давала продукции на 925 857 руб. в год, в то время как шерстенрядильни давали: одна на 132 тыс. руб. и другая на 148 тыс. руб. годовой продукции.² Что касается комбинированного предприятия по производству бумажной пряжи и ткани, то это было крупное предприятие с годовой производительностью 1 млн 130 тыс. руб. Это предприятие принадлежало Акционерному обществу Сампсониевской мануфактуры. На ней работало 1058 взрослых рабочих и 141 малолетних. Из бумагопрядильен наиболее крупными были: фабрика, принадлежавшая Невской компании, на которой работало 1700 взрослых рабочих и 205 малолетних (эта фабрика находилась на набережной В. Невы), и фабрика т-ва «Новая бумагопрядильная мануфактура», расположенная на Обводном канале, на ней работало 416 взрослых рабочих и 91 малолетних.

Ткацкое производство было представлено в Петербурге 37 предприятиями, но они значительно уступали по размерам производства прядильным предприятиям. В среднем на одну фабрику приходилось 39 рабочих.³ Мануфактурный характер этой отрасли промышленности с особой рельефностью отразился в большом количестве занятых в ней мастеров. Если в прядильной промышленности на 5293 рабочих было только 56 мастеров, то в ткацкой промышленности на 1231 рабочего приходилось 209 мастеров, что было связано с малой механизацией производства в этой отрасли промышленности. По размерам производства из ткацких фабрик крупной была только одна — тюлевая, единственная в Петербурге, с годовой производительностью в 184 800 руб. Остальные фабрики по размерам производства были относительно небольшими предприятиями. Размеры производства на них колебались от 4200 до 37 200 руб. Значительно крупнее ткацких были ситцепечатные фабрики. Их в Петербурге было 3. В среднем на одно предприятие приходилось 362 тыс. руб. годовой продукции и 134 рабочих.⁴ Петербург являлся пионером в области механического ситцепечатания. Именно

¹ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г., стр. 55—56.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

здесь в 10-х годах XIX в. были поставлены первые ситценабивные машины.¹ Относительно крупными были красильные и белильные фабрики. В среднем на одно предприятие в этой отрасли промышленности приходилось выработки на 172 тыс. руб. в год, но рабочих на одно предприятие в среднем приходилось только 41. Всего в этой отрасли промышленности работало 199 рабочих.² Высококонцентрированной отраслью промышленности была резиновая. В Петербурге эта отрасль была представлена двумя фабриками. Здесь в среднем на одну фабрику приходилось 138 рабочих. Общая сумма производства этой отрасли промышленности составляла 666 тыс. руб.

Близко по степени концентрации производства к резиновым мануфактурам стояла пивоваренная промышленность. В Петербурге было 6 пивоваренных заводов. В этой отрасли промышленности было занято 822 рабочих мужчин, т. е. 141 рабочий на одно предприятие. В среднем на одно предприятие в год приходилось выработки на 319,8 тыс. руб. Количество мастеров было относительно велико — 27 человек.³ Качество продукции зависело главным образом от этой категории рабочих. Каждый из мастеров имел свой рецепт пивоварения, который тщательно охранял от конкурентов. Годовая выработка остальных отраслей промышленности не превышала в среднем 100 тыс. руб. на предприятие, за исключением кожевенной промышленности, в которой средняя годовая выработка на одно предприятие составляла 131 тыс. руб.

Особо следует сказать о чугунолитейных заводах и медеплавильных и механических предприятиях. Медеплавильные заводы — их в Петербурге было 9, но дальнейшие сведения относятся только к 7 из них — были сравнительно небольшими предприятиями: в среднем на один завод приходилось 20,1 рабочих и 15 120 руб. годовой выработки. Иной характер имели чугунолитейные и металлообрабатывающие заводы Петербурга. Их в столице было 21, но сведения имеются только о 16 предприятиях. Общее количество рабочих в этих 16 предприятиях составляло 3484, или на одно предприятие примерно 218 рабочих. Число мастеров составляло 268 человек, т. е. 1 мастер на 13 рабочих;⁴ очевидно, что степень механизации труда была еще невелика и производство в значительной степени еще сохраняло мануфактурный характер. Наиболее крупными заводами Петербурга были: завод Берда, механический, чугунопрокатный и водопроводный. На заводе Берда в 50-х годах работало 750 взрослых рабочих и 100 подростков. Вторым крупным заводом был казенный медно-чугунолитейный, расположенный на Выборгской стороне по Симбирской улице. На нем работало 1300 рабочих. К концу дореформенного периода чугунолитейные и механические заводы столицы освоили разнообразное производство. Александровский чугунолитейный и

¹ В. К. Яцунский, ук. соч., стр. 99.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г., стр. 55—56.

механический завод производил паровозы и вагоны, как пассажирские, так и товарные. На некоторых заводах строились котлы — на Петербургском металлическом заводе, на заводах Берда, Балтийском, Илис и Бутц, Лесснер. Во время Крымской войны, когда выявилась неоглобность реконструкции парусного флота в паровой (Россия располагала только 65 паровыми судами, из которых $\frac{2}{3}$ были закуплены в Англии), на механическом заводе, существовавшем близ Невской заставы (этот завод был построен герцогом М. Лейхтембергским в 1848 г., в 1858 г., после передачи его в Главное общество железных дорог, завод был закрыт), на Ижорском заводе, Адмиралтействе, на заводе Э. Нобеля и некоторых других были построены 103 паровые машины общей мощностью 15 тыс. л. с. Очень трудно выяснить вопрос о развитии машиностроения в Петербурге. Правительственная статистика не выделяла машиностроительные заводы в особую категорию — все эти заводы считались механическими и чугунолитейными. Но не подлежит сомнению, что в Петербурге уже производились машины. На Александровской мануфактуре и механических мастерских и четырех других заводах производились текстильные машины. Заводы Берда, Лесснера, Гозенбаха, Александровский чугунолитейный, Невский производили и другое промышленное оборудование, в том числе и паровые двигатели. О том, какое промышленное оборудование производилось в Петербурге, некоторое представление может дать промышленная выставка 1861 г. Необходимо иметь в виду, что на выставке были представлены далеко не все механические заводы столицы, поэтому полного представления о производстве механических заводов экспонаты выставки не дают. Мастерские Технологического института были представлены товарными станками, паровой горизонтальной машиной, паровым молотом, бумагорезной машиной. Балтийский завод выставил паровые вертикальные машины, завод Семеновича (Невский) — паровые машины, строительные станки и лесопильные рамы, Ижорский завод — паровые машины, помпы и цельнотянутые металлические трубы, Адмиралтейские мастерские — модель парового молота, завод Илис и Бутц — канатную машину. Сельскохозяйственное машиностроение было представлено заводом Варакина,¹ текстильное машиностроение представлено не было, хотя текстильные машины в Петербурге производились еще с 30-х годов. Всего в России в 1854 г. было 38 литейных и механических заводов. На долю Петербурга и его окрестностей в том же году приходилось 10 заводов, на которых работало 3094 рабочих, или 64% по отношению к общему числу рабочих, занятых на механических заводах России (4803 рабочих). Стоимость продукции петербургских механических заводов составляла 1 млн 873 тыс. руб., или 75% по отношению к общероссийской продукции (2 млн 520 тыс. руб.). Таким образом, в дореформенное время Петербург являлся важнейшим центром зарождавшегося русского машиностроения. Очевидно, что в столице были сосредоточены наиболее крупные из машиностроительных заводов страны. Однако

¹ М. Каттары. Обзорение С.-Петербургской выставки. СПб., 1861.

собственное машиностроение далеко не удовлетворяло потребностей растущей промышленности. Об этом говорят данные о соотношении стоимости собственного машиностроения и машин, ввозных из-за границы (в тыс. руб. серебром).¹

Годы	Ввезено машин	Собственное производство	Итого
1831—1840	4 111	2 750	6 861
1841—1850	11 747	4 134	15 811
1851—1860	48 080	36 433	84 513

В этой таблице обращает внимание огромный рост производства машин в стране за 50-е годы и падение удельного веса ввозных машин. Но, несмотря на большой рост машиностроения, наиболее значительной отраслью промышленности Петербурга, как и других, за исключением Урала, промышленных районов страны, являлась текстильная промышленность, в которой в свою очередь преобладающее место занимала хлопчатобумажная промышленность.

Как указывалось выше,² еще во второй половине XVIII в. в Петербурге преобладали судостроительные и военные предприятия. Но это достигалось за счет казенных предприятий в судостроении, производстве вооружения и т. д. Частный капитал преобладающей роли в организации петербургской промышленности еще не играл. Положение резко изменилось в 30—50-х годах XIX в., когда частный капитал широким потоком устремился в наиболее прибыльные отрасли промышленности — легкую промышленность и прежде всего текстильную.

Преобладающее положение легких отраслей промышленности в экономике Петербурга было лишь одним из проявлений развивавшегося здесь капиталистического производства. Другой стороной являлось заметное техническое перевооружение предприятий. В конкурентной борьбе владельцы мануфактур стремились обеспечить наибольшую рентабельность своих предприятий. Это достигалось не только путем удлинения рабочего дня, понижения заработной платы, но и путем повышения производительности труда, что было связано с переходом от ручной техники к машинной, от мануфактуры к фабрике. Русская промышленность, в том числе и промышленность Петербурга, вступала в стадию промышленного переворота. Начало этого процесса может быть отнесено к 30-м годам XIX в. В начале XIX в. в России была только одна механическая бумагопрядильня — петербургская Александровская мануфактура. В 1805 г. здесь была установлена паровая машина мощностью в 5 лошадиных сил и усовершенствованные прядильные станки вместо устаревших «дженни». Средняя дневная выработка на каждого

¹ С. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 223.

² См. главу VIII.

рабочего повысилась к 1841 г. по сравнению с 1805 г. в 22 раза. В первом десятилетии в Москве возник целый ряд механических бумагопрядилен, но все они погибли во время пожаров 1812 г. В 20-х годах в Московской губернии возникло девять бумагопрядилен, но все они вместе взятые производили пряжи меньше, чем одна Александровская мануфактура. Небольшим предприятием была возникшая в те же годы в Петербурге бумагопрядильня Волкова. Как уже указывалось, положение стало решительно меняться с 30-х годов, когда в Петербурге возник ряд крупных бумагопрядильных фабрик. В те же годы началось быстрое развитие центрального промышленного района. О степени механизации производства можно судить по насыщению промышленности паровыми двигателями. В 1860 г. в России уже были стационарные паровые двигатели общей мощностью около 60 тыс. механических лошадиных сил. Механизация труда охватила еще не все отрасли промышленности, и самая степень механизации была невысока. Из 355 предприятий петербургской промышленности, представивших соответствующие сведения, только 103 предприятия показали, что у них применяются механические двигатели, что составляло менее $\frac{1}{3}$ всех промышленных предприятий Петербурга, которые официальная статистика относила к разряду фабрик и заводов.¹ Общая мощность всех двигателей составляла 3872 л. с., в среднем 38,4 л. с. на одно предприятие из имевших механические двигатели.

Если по количеству предприятий и числу занятых рабочих Петербург значительно уступал Москве, то по степени насыщения механическими двигателями он превосходил старую столицу. В 1853 г. во всей Московской губернии, включая и город Москву, было только 152 паровых машины с общей мощностью в 3,1 т. л. с., т. е. средняя мощность двигателей составляла 20,4 л. с. Лучшая по сравнению с центральным промышленным районом техническая вооруженность промышленности Петербурга сохранялась и в пореформенное время.

Не только по степени концентрации рабочей силы, но и по насыщенности механическими двигателями первое место в промышленности Петербурга занимали прядильня и прежде всего бумагопрядильное производство — 157,9 л. с. на одно предприятие. Оно более чем в два раза превышало по степени насыщенности механическими двигателями металлообрабатывающую промышленность — 75 л. с. на предприятие. В этих двух отраслях промышленности, а также в резиновом (45 л. с.) и гвоздильном (50 л. с.) производствах мощность двигателей превышала среднее число механических лошадиных сил, приходящихся на одно предприятие (38,4 л. с.). Приближались к среднему уровню насыщенности механическими силами сахарные (26 л. с.), ткацкие (28 л. с.), ситцепечатные (33 л. с.), красильные (30 л. с.) и ватные (32,5 л. с.) производства. Остальные имели ничтожную насыщенность механическими силами. Многие отрасли совсем не применяли паровых двигателей, в других отраслях лишь немногие предприятия эти двигатели

¹ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г.

имели и при этом ничтожной мощности (кожевенное, столярное¹ экипажное, свечно-сальное и мыловаренное, бронзовых изделий и др.).¹

Очевидно, что промышленный переворот в части технического перевооружения промышленности осуществлялся далеко не равномерно по отраслям производства. Петербургская промышленность в середине XIX в. находилась на стадии перехода от мануфактуры к фабрике. То же следует сказать и о промышленности всей страны. Петербург в этом отношении шел впереди других промышленных районов. Передовой характер петербургской промышленности и прежде всего текстильной проявился не только в лучшем вооружении петербургских предприятий паровыми двигателями, но также и механическими станками. Из 1,5 млн веретен, павшихся перед 1861 г. на русских фабриках, 600 тыс., или 40%, находились на петербургских бумагопрядильнях. В этом отношении Петербургская губерния превосходила и Московскую (350 тыс. веретен) и Владимирскую (около 200 тыс.).² Более скромной, хотя и весьма значительной, была доля механических ткацких станков на петербургских предприятиях. Перед 1861 г. на предприятиях Петербургской губернии насчитывалось 1770 механических ткацких станков, на предприятиях Московской губ. — 2230 станков и Владимирской губернии — 1180 станков.³ Завершился процесс технической перестройки позднее, уже в пореформенное время.

Слабой стороной в развитии петербургской промышленности являлось то, что она работала на дальнеприозном сырье и как раз в тех отраслях, которые получили наибольшее развитие в XIX в. — хлопчатобумажной и металлообрабатывающей. Хлопок привозился из-за границы, металл потреблялся главным образом уральских заводов и лишь частично доставлялся с олонецких предприятий.

Относительно конца XVIII и начала XIX в. известно расположение 101 промышленного предприятия Петербурга, т. е. значительной их части, если допустить, что общее число их равнялось 110—115. Из этих 101 предприятия 28 располагались еще в центральной части города, 52 предприятия — на окраинах старой части столицы и только 21 предприятие — во вновь возникавших в начале XIX в. районах. Подавляющее большинство этих предприятий создавалось вблизи воды. «Водная» ориентация петербургской промышленности, определившаяся еще в XVIII в., продолжала сохраняться в полной мере и в первой половине XIX в. По подсчетам одного из авторов, в 60-е годы XIX в. тягстело к воде 68 предприятий, из них фактически были расположены у воды 50, тяготели к потребительским рынкам 15, из них у воды было расположено 3 и предприятий смешанного тяготения учтено 8, из них 3 находились у воды. Здесь учтены только предприятия, на которых работало 50 рабочих и более. Тяготенке значительного числа петер-

¹ Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1832 г.

² В. К. Я н д у с к и й, ук. соч., стр. 98.

³ Там же, стр. 98—99.

бургских предприятий к водным артериям города объяснялось не только более удобной и дешевой транспортировкой сырья, топлива и готовых товаров, но также и производственными нуждами предприятий, требовавших значительного количества воды для процесса производства. Относительной независимостью от водных источников обладали те отрасли, для которых вода не играла существенной производственной роли или транспортировка сырья и топлива не требовала значительных затрат в силу их транспортабельности (например, табачные и галантерейные предприятия, фортепьянные фабрики и т. п.). Такие предприятия стремились располагать в непосредственной близости от потребителей.

На правом берегу Невы в начале столетия было еще немного фабрик и заводов. Четыре предприятия находились в районе Охты, десять фабрик и заводов — на Выборгской стороне. На Петербургской стороне, включая острова, было 9 промышленных предприятий. Значительно более промышленный характер сохранял в начале XIX в., как и в дальнейшем, Васильевский остров. Здесь находилось 14 крупных промышленных предприятий. Основная масса промышленных предприятий Петербурга находилась на левобережье Невы, где были расположены свыше 50 крупных промышленных предприятий. Часть из них располагалась в непосредственной близости от берега Невы в районе Шлиссельбургского тракта. В начале XIX в. особенно много было фабрик на территории, ограниченной Невой и Фонтанкой, т. е. в центральной части города. За пределами Фонтанки промышленных предприятий было немного.

В первой половине XIX в. происходило значительное перемещение в расположении промышленных предприятий столицы. Общее направление этого перемещения заключалось в сокращении предприятий в центре города и насыщении ими окраин, прежде всего южных районов столицы. В 1833 г. было издано «Положение о размещении и устройстве частных заводов в С.-Петербурге», которое вводило ряд ограничений санитарного характера для тех заведений, которые устраивались в черте города. Это затрудняло устройство новых промышленных предприятий в центре и вызывало их отлив в те районы города, на которые это положение не распространялось совсем или где его применение было значительно ограничено. Такими районами были: острова Голодай, Гутуевский, Канонерский, часть Петровского и Васильевского и весь район города, расположенный к югу от Обводного канала. Но не только административные меры вызвали отлив промышленных предприятий из центра на окраины: решающую роль здесь сыграло повышение земельной ренты, а также изменения в водной системе города и проведение Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, которая вступила в эксплуатацию в 1851 г. Важнейшим изменением в водной системе города было прорытие Обводного канала. Строительство этого канала продолжалось с 1803 по 1835 г. Роль канала заключалась прежде всего в том, что стало возможным промышленное строительство в южных районах города, где земля была дешева, и где ранее создание фабрик и заводов было невозможно из-за отдаленности от

воды. Здесь по южному берегу канала начали быстро возникать новые промышленные предприятия. Промышленные предприятия стали развиваться не только в зоне Обводного канала, но и на периферийных участках Невы и ее притоков: Чекуши на Васильевском острове, в районе р. Екатерингофки, на северо-востоке Васильевского острова, на Петербургской и Выборгской сторонах.

Много промышленных предприятий возникало в районе Шлиссельбургского тракта. Прежний усадебный характер этой части города начал меняться еще на рубеже XVIII и XIX вв., все более и более принимая индустриальный вид. В одном из описаний Шлиссельбургского тракта отмечалось, что еще в конце 20-х годов земля здесь стоила сравнительно дешево — 2—3 тыс. руб. за десятину. В 1839 г. десятина продавалась уже за 75 тыс. руб. Это вздорожание земли находилось в прямой связи с развитием фабрик и заводов. Еще в конце 30-х годов фабричные здания перемежались здесь с усадьбами. Близ фарфорового завода (ныне завод им. Ломоносова) находилось небольшое село Покровское с обширным парком и сохранившимся барским домом. В самом конце XVIII в. на месте современного Обуховского завода находилось загородное имение екатерининского вельможи кн. Вяземского — Александровское. В 1798 г. имение было куплено в целях основания мануфактуры аббатом Оссовским. Это намерение Оссовский осуществить не успел — он умер в следующем году. Но самая идея оставлена не была, и в начале XIX в. здесь создается Александровская мануфактура, находившаяся в ведении Воспитательного дома. Шлиссельбургский тракт становился крупным индустриальным центром столицы. Вот как описывал этот район города в 1839 г. корреспондент «Северной пчелы»: «Здесь представляются фабрики шелковых тканей, на которых ежедневно занимается тысяча человек; тут царовая пильная мельница, возле нее мануфактура тканей из льна и пеньки, щедро награждающая промышленную работу своих полтораэтажных ежедневных ремесленников; несколько далее фабрика прядения хлопка, которая занимает своим делом 200 человек; за этою видите огромные каменные здания отца, живителя всех этих мануфактур, чугунопильного Александровского завода, который привозит между множеством другого и паровые машины и для этих мануфактур и для морских пароходов. Там, на берегу Невы шумит его лесопильная мельница, тоже парами движимая. Она обложена пирамидами бревен, из коих несколько десятков тысяч ежедневно распиливаются на доски для Петербурга и для спуска за море. На противоположном правом берегу Невы привлекают общее внимание две новые фабрики для писчей бумаги и щегольских бумажных обоев. Вскоре затем приближаетесь к огромному зданию совершенно нового в России заведения: для изготовления прядильных и ткацких станков, которые до сих пор выписывались к нам из Англии и Бельгии за дорогую цену денег и времени. Оно содержится частными людьми. Отсюда один шаг — и вы в сельце Покровском при возвышенном и крутом берегу Невы, с ее радостными видами и великих зданий и деятельностью промышленного образованного человечества. Возле Покровского видите вы казенный фарфо-

ровый завод; там, далее глаз ваш любуется рядом красивых строений Александровской мануфактуры, которая производит многие разнообразные изделия для пользы, для шегольства и для забавы...».¹ Это описание дает красочную картину одного из зарождавшихся промышленных районов Петербурга.

Если левый берег Невы быстро застраивался крупными промышленными заведениями, то ее правый берег, выше бумажных фабрик, был пустынен. Но и здесь в 1841 г. возникла крупная суконная фабрика, напоминавшая больше тюрьму. Ее собственником являлся английский подданный Торнтон.

Промышленные предприятия в центре постепенно ликвидировались. В 1858 г. ликвидируется шпалерная фабрика, ее существование отразилось на названии улицы (Шпалерная улица — ныне улица Войнова). В 1844 г. ликвидируется судостроение в Адмиралтействе, которое превращается в здание, где разместился ряд военно-морских учреждений; в 40-х годах Литейный завод был переведен на Выборгскую сторону. Еще раньше, в 80-х годах XVIII в., был закрыт канатный завод, занимавший огромный квартал по Галерной улице, Пороховые заводы с Петербургской стороны переносятся на Охту, оставив о себе память в названии Зелениной улицы (зелье — порох). Так было и с рядом других предприятий.

К 60-м годам территориальное размещение петербургской промышленности окончательно определилось. Наибольшее количество фабрик находилось в Каретной части, охватывавшей район Лиговки и далее на восток к Александро-Невской даче и Обводному каналу. В этой части города сосредоточилось 72 фабрики и завода. Однако большинство из них принадлежало к свечно-сальным и гончарным предприятиям. Крупным индустриальным районом являлся Нарвский район, где было 62 промышленных предприятия, из них ткацких¹ фабрик — 11, чугуно- и металлолитейных — 7. На Васильевском острове было 57 фабрик и заводов, из них кожевенных — 13, ткацких — 9 и чугунолитейных и металлообрабатывающих — 8. Выборгская сторона еще значительно уступала в промышленном развитии перечисленным районам — здесь находилось 34 фабрики и завода, причем чугунолитейных предприятий здесь было 6. Несколько больше было фабрик на Петербургской стороне, включая сюда и острова. Здесь было 36 фабрик, из них ткацких — 8 и канатных — 4. В Московской части было 27 фабрик, но здесь преобладали предприятия сравнительно небольших размеров. Больше всего было здесь табачных фабрик (12). Остальные районы города уступали по количеству фабрик и заводов перечисленным районам города, да и расположены там были главным образом предприятия по производству предметов личного потребления. В четырех Адмиралтейских частях было в общей сложности 59 промышленных предприятий, большинство из них находилось в 3-й Адмиралтейской части — 28 фабрик; это были главным образом табачные и фортепьянные предприятия, то же самое следует сказать и о 2-й Адмиралтейской части, где было 20 фабрик.

¹ Северная пчела, 1839 г., № 274, стр. 1095.

Наименее индустриальными районами являлись 1-я Адмиралтейская часть, где было только 7 фабрик, из них 3 фортепьянных, и 4-я Адмиралтейская часть, где было всего 4 фабрики. Слабо развитым индустриальным районом была Литейная часть, где было 12 фабрик, из которых 4 были табачные и 4 производили экипажи.¹ Все эти последние районы являлись сосредоточением правительственных учреждений, торговых предприятий города и особняков дворянства и растущей буржуазии. Немало здесь было и доходных домов, населенных чиновничеством, торговцами, служащими. Рабочих здесь жило мало, обычно в подвальных этажах. Индустриальный Петербург явно обособлялся от буржуазно-дворянского Петербурга и всех тех, кто непосредственно обслуживал правящие классы империи.

Вместе с ростом числа предприятий, росло и число занятых в них рабочих.

Ряды рабочих Петербурга пополнялись главным образом за счет крестьянства. Превращение крестьянина в фабричного рабочего представляет собой одно из главных явлений процесса формирования петербургского пролетариата. Однако этот процесс шел медленно. Окончательному отрыву крестьянина от деревни препятствовали прежде всего крепостнические порядки, господствовавшие в стране. Поэтому, изучая историю петербургских фабричных рабочих в первой половине XIX в., мы встречаемся с фактом тесной связи большинства их с деревней. Показательно, что в отчетах полиции этого времени рабочие не выделялись еще из общей массы крестьянского населения столицы.²

Установить точное количество рабочих в Петербурге, особенно для первой четверти XIX в., вероятно, невозможно. Ведомости о заводах и фабриках Петербурга от 1811, 1812 и 1821 гг. не дают оснований для уверенного ответа на этот вопрос. Еще хуже дело обстоит с выяснением количества рабочих на казенных заводах Петербурга, так как об этом имеются лишь отрывочные сведения. И все же, несмотря на неудовлетворительность данных, мы можем попытаться, хотя бы приблизительно, определить количество фабричных рабочих в Петербурге в разные периоды.

В первом десятилетии XIX в. фабрично-заводские рабочие составляли, вероятно, очень незначительную часть петербургского населения. В 1811 г.³ на 68 частных фабриках и заводах работало 934 человека (в том числе мастера и ученики). Но эта цифра должна быть увеличена примерно наполовину, так как в 1811 г. в Петербурге было не 68 частных фабрик и заводов, а больше. Судя по справке, находящейся в одном из дел Центрального статистического комитета, их было тогда свыше ста.⁴ Кроме того, в число петербургских рабочих следует вклю-

¹ Подсчет сделан по «Статистическим сведениям о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 г.»

² Далее текст на стр. 464—466 и 475—476, отнесенный к числу рабочих на петербургских предприятиях, написан А. И. Копачевым.

³ ЦГИАЛ, ф. 1290, 1812 г., № 2.

⁴ Там же, 1833 г., оп. 1, № 1, л. 34 об.

чить 799 человек, работавших в 1811 г. на кирпичных заводах, расположенных хотя и не в городе, но в его предместьях. О рабочих, находящихся в первом десятилетии XIX в. на казенных заводах, имеются лишь разрозненные данные. Известно, что в 1834 г. на шпалерной мануфактуре работало 133 человека, на стекольном заводе 282 человека, на фарфоровом заводе 180 человек, да в школе при фарфоровом заводе числилось 60 учеников, на Александровской бумагопрядильне 598 воспитанников Петербургского воспитательного дома и 900 рабочих, на фаянсовой фабрике 32 человека, в 1809 г. на казенном чугунолитейном заводе было 390 рабочих, на казенных кирпичных заводах — около 250 рабочих.¹ Итак, только на перечисленных выше казенных заводах работало тогда около 3 тыс. человек. Большое количество рабочих было занято также и на военных предприятиях и в кораблестроении. Из вышесказанного видно, что в первом десятилетии XIX в. в Петербурге, руководствуясь данными не отдельных фабрик и заводов, можно насчитать около 5 тыс. рабочих. Но эта цифра не является полной, так как у нас нет сведений по целому ряду предприятий, а также по Адмиралтейству.

В дальнейшем количество рабочих росло довольно значительно. В 1821 г. на 133 частных заводах и фабриках Петербурга работали 2831 человек.² Для 20-х годов имеются сведения о количестве рабочих, занятых в кораблестроении. В 3 рабочих экипажах, занятых в Главном Адмиралтействе, в Новом Адмиралтействе, на Охтенской верфи и в Главном гребном порту по штату числилось более 2500 человек, которые комплектовались из числа рекрутов. Кроме того, Адмиралтейское ведомство набирало каждый год большое количество вольнонаемных мастеров. Например, за 1830 г. было нанято 2210 человек.³

По сведениям Департамента мануфактур и внутренней торговли в 1833 г. в Петербурге было 137 фабрик и заводов с общим количеством рабочих 5500 человек.⁴ Но эти данные не могут считаться полными как в отношении числа предприятий, так и в отношении занятых на них рабочих потому, что из ведомства вышеназванного департамента исключались наиболее крупные промышленные заведения Петербурга (кабинетские фабрики, кораблестроительные верфи, военные заводы и т. д.).

В 1846 г. количество петербургских рабочих возрастает до 11 620 человек, а в 1862 г. до 19 324 человек.⁵

Из вышесказанного видно, что цифровые данные о фабрично-заводских рабочих Петербурга являются очень приблизительными. Все же можно полагать, что в первой половине XIX в. количество рабочих возросло примерно в 3—4 раза.

¹ ЦГИАЛ, ф. 817, № 47, л. 63.

² Там же, ф. 34, № 26.

³ Архив ИИ, Материалы по истории Ленинградского судостроительного завода.

⁴ Журнал МВД за 1834 г., ч. XI, стр. 186.

⁵ П. Н. Столяковский. Жизнь и быт петербургской фабрика 1704—1914 гг. Л., 1925, стр. 114—115.

Фабрично-заводские рабочие Петербурга по юридическому их положению разделялись на три основные категории: рабочие казенных заводов, вольнонаемные рабочие и крепостные.

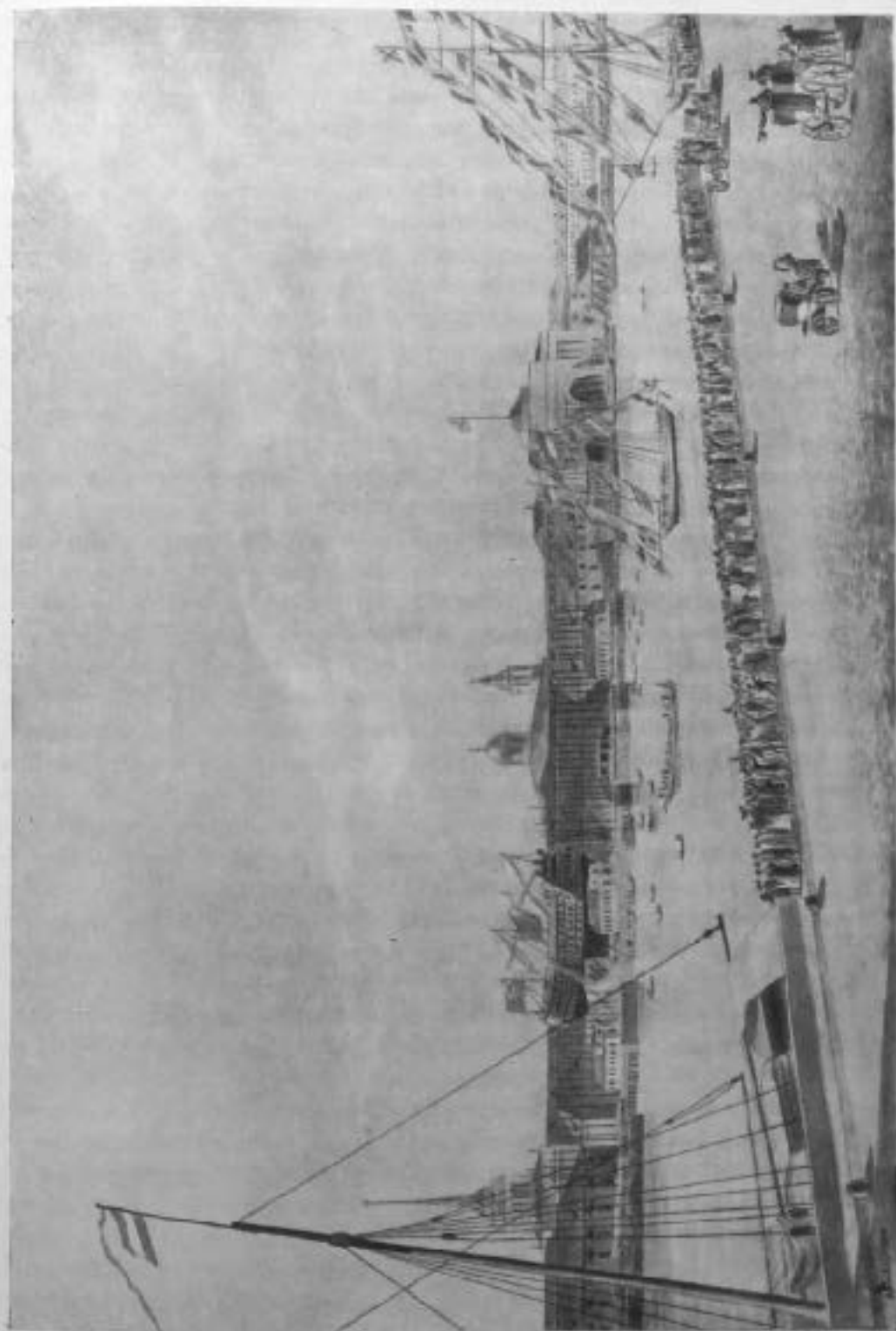
Основные кадры рабочих казенных заводов создались еще в XVIII в. главным образом за счет рекрутских наборов и пополнялись в XIX в. путем тех же наборов и детьми мастеровых. Например, в формулярном списке чиновников, служителей и мастеровых людей кирпичных казенных заводов 1811 г. указано, что мастера, подмастерья, мастеровые и даже низшие канцеляристы происходили «из мастеровых людей», т. е. отцы их работали на этих же казенных заводах. Так, у мастерового А. Курочкина один сын был столяром при Гофинтендантской конторе, два работали мастеровыми на тех же заводах. Точно так же три сына рабочего А. Криушина работали вместе со своим отцом. В формулярном списке указаны также четыре малолетних мастеровых — дети рабочих кирпичных заводов.¹ На казенном чугунопудитейном заводе было в 1809 г. наряду со взрослыми рабочими 64 «малолета», детей рабочих этого завода. Казенные рабочие были прикреплены к своему заводу или фабрике. Так, когда фаянсовая фабрика 10 декабря 1800 г. была передана в ведомство Мануфактур-коллегии, то вместе со строениями и материалами передавались и «мастеровые и рабочие люди... с их женами и детьми». Директор Мануфактур-коллегии Юсуфов требовал от администрации кирпичных заводов вернуть ему 20 рабочих на том основании, что это «старинные» рабочие фаянсовой фабрики, так как еще отцы их работали здесь. Следует отметить, что жены мастеровых и, вероятно, дочери не были обязаны работать на тех предприятиях, на которых работали их мужья и отцы. Когда тяжелое экономическое положение заставляло и жен рабочих искать работы на том же предприятии, то они заключали особый договор. Так, в мае 1802 г. жены рабочих кирпичных заводов заключили договор со смотрителем о том, что они обязуются «сподымать и обрывать» сырой кирпич по 20 коп. за тысячу.²

Не будет ошибкой сказать, что казенные предприятия в основном сохраняли еще крепостнический характер. До реформы 1861 г. лишь единичные казенные предприятия переводились на вольнонаемный труд. Например, в Положении от 19 января 1860 г. о рабочих людях при императорском Фарфоровом и Стекольном заводах говорится, что рабочие, приписанные к этим заводам, освобождаются с потомством от обязательной сим заводам службы и получают право избирать род жизни, приписываясь на общезаконном основании к одному из свободных податных состояний». На указанные заводы предписывалось принимать вольнонаемных рабочих: «...за сим впредь заводы действуют вольнонаемным трудом и для того нанимают потребное число рабочих по добровольным соглашениям».³

¹ ЦГИАЛ, ф. 817, № 874, лл. 22—35.

² Там же, № 109, л. 15.

³ ЦГИАЛ, ф. п.м. Фарфорового завода, № 503, оп. 1, 1859 г., д. 8, л. 73 и 73 об.

Спуск корабля в Петербурге. Акварель Ф. Шенрока 1819 г.

Среди казенных заводов находились крупнейшие предприятия столицы: Арсенал, Адмиралтейство, Охтенские пороховые заводы и ряд других. В начале столетия Арсенал — крупнейшее предприятие страны по производству артиллерийского вооружения, продолжал функционировать там, где он был перестроен в 1735 г. — в конце Литейного проспекта. Продолжал работать Литейный двор, расположенный на берегу Невы от Литейного проспекта до Гагаринской улицы. Здесь помещались литейная, калибровочная и формовочная мастерские, склады различных материалов и припасов. По восточной стороне Литейного находилось здание старого Арсенала, где помещался музей, но большая часть помещения была занята различными складами. Напротив старого Арсенала помещался новый Арсенал — обширное двухэтажное здание, в котором были сосредоточены главные мастерские: чеканная, цапфельная, сверлильная, пробивательная, слесарная, токарная и ряд других. Это здание было построено в 1799—1800 гг. В начале XIX в. при Арсенале была организована Техническая артиллерийская школа, расположенная по Шпалерной улице. Она была создана в 1821 г. специально для подготовки казенных мастеров, которыми предполагалось заменить работавших еще с XVIII столетия вольных мастеров. Кроме Технической артиллерийской школы при Арсенале, в начале XIX в. была создана школа кантонистов, в которой проходили начальное обучение дети нижних чинов военнослужащих. Эта школа давала Арсеналу цеховых рабочих, часть ее воспитанников переходила для дальнейшего обучения в Техническую артиллерийскую школу. Обширные помещения — казармы, жилища для командного состава, конюшни, принадлежавшие Арсеналу, — были расположены по Фурштадской, Захарьевской и Сергиевской улицам (ныне улицы П. Лаврова, Каляева и Чайковского). Во главе Арсенала стоял командир Арсенала, в ведении которого находились командный состав и хозяйственная часть этого обширного артиллерийского завода. Техническая часть до 1824 г. была распределена между вольными мастерами, приглашавшимися на службу в Арсенал Артиллерийским департаментом. Но в 1824 г. была учреждена должность помощника начальника Арсенала «штаб-офицера по искусственной части», которому и была подчинена вся техническая часть предприятия. Рабочие Арсенала комплектовались путем рекрутского набора: в Арсенал зачислялись рекруты крепкого телосложения, но непригодные по тем или иным причинам к фронтовой службе. До 20-х годов эти рекруты, прослужившие 25 лет, т. е. общий срок для службы в войсках, переводились в инвалидные команды при пороховых заводах. С 20-х годов солдаты, работавшие в Арсенале, были уравнены в правах с другими частями войск. Кроме рабочих, вербовавшихся путем рекрутского набора, в Арсенале также работали на правах вольнослужащих лица, окончившие школу кантонистов. Вольные мастера постепенно заменялись лицами, окончившими Техническую артиллерийскую школу. В 1840 г. внутренняя организация предприятия получила характер отдельной воинской части. Все служащие и рабочие Арсенала были сведены в Арсенальную бригаду, которая подразделялась на 5 рот:

три мастерские роты, одну рабочую и фурштадскую. Мастерские были распределены по мастерским ротам так, чтобы в каждую роту входили однородные цехи. Рабочая рота включала в себя чернорабочих, сторожей, часовых и т. д. Во главе каждой роты находился ротный командир, в распоряжении которого были два офицера. В штатах каждой роты были также фельдфебель, каптенармус, восемь фейереркеров. Военная организация касалась не только внешней формы: все рабочие и мастерские подчинялись военной дисциплине, помимо работы в цехах Арсенала проходили строевую службу (один-два раза в неделю) и изучали «искусство». Все рабочие, как военнослужащие, находились на полном казенном содержании и жили в казармах. Лишь немногие семейные рабочие проживали на частных квартирах, получая специальные квартирные деньги — по 1 руб. 37 коп. на мужа и жену и 45 коп. на ребенка за четыре месяца. Помимо материального довольствия, рядовые рабочие с 1811 г. стали получать заработную плату по 5 коп. в день на человека. Значительно больше получали мастерские и подмастерья, причем их заработная плата зависела не только от выполняемой ими работы, но и от воинского звания. Рабочий день начинался в 6 часов утра. Работали до 11 часов, затем делался перерыв на 2 часа для отдыха и обеда, в 1 час дня работа возобновлялась и продолжалась до 7 часов вечера. Таким образом, продолжительность рабочего времени составляла 11 часов при 13-часовом рабочем дне. Регламентировался не только рабочий день, но и семейная жизнь рабочего: он не мог жениться без разрешения начальника Арсенала, нередко телесным наказанием подвергался не только сам рабочий, но и его жена; жена могла отлучаться за пределы казарм только по специальным увольнительным запискам, если она не получила особого «вида» от мужа. Такой «вид» могла выдать и заводская администрация. Рабочие и мастера носили особую присвоенную им военную форму. Насколько тяжела и антигигиенична была работа в Арсенале, показывает огромный процент смертности среди рабочих, который доходил до 6%. Особенно много жертв уносила чахотка. Характер казармы Арсенал сохранил и после того как он в 1851 г. был окончательно переведен в новые здания на правом берегу Невы, в районе Симбирской улицы. Даже реформа 1861 г. не отразилась на внутренней организации труда в Арсенале, и лишь в 1867 г. было издано постановление о переводе Арсенала на наемный труд.¹

Казенным заводом был чугуноплавильный завод (будущий Путиловский завод). Он работал почти исключительно по заказам казны: Александровского пушечного завода в Петрозаводске, Кронштадтского литейного завода, Ижорских заводов, Бумажной мануфактуры, Монетного двора. Частные заказы составляли в 1810 г. только 8% к общей сумме заказов. Труд был организован так же, как и в Арсенале; администрация завода и мастера получали офицерские чины. Подавляющее

¹ В. Радзевич. Историческое описание С.-Петербургского Арсенала за 200 лет его существования 1712—1912 г. СПб., 1914, стр. 495 и др.

число рабочих являлось казенными мастерскими, они также считались военно-служащими; из 390 человек общего штата завода только 39 человек были вольнонаемными. Помимо взрослых рабочих на заводе работало 64 человека малолетних.¹ Заработная плата отпускалась в виде паёв, которые выдавались на самого рабочего и на детей старше 2 лет; квартира предоставлялась казенная; существовал казарменный режим. За особые заказы выдавалась денежная заработная плата от 4 до 14 руб. в месяц. Рабочий не только не мог уйти с завода, но даже временная отлучка с территории завода требовала особой увольнительной записки администрации. С 1807 г. был установлен обязательный срок службы на заводе: для взрослых 30 лет и для их детей 40 лет, после чего рабочий получал «волья», т. е. право ухода с завода. Однако на практике последнее условие не соблюдалось.

Наводнение 7 ноября 1824 г. привнесло значительный урон заводу. Вследствие того, что работы были прекращены очень поздно, на заводе погибле 158 человек. Часть зданий завода обрушилась, другая требовала ремонта. Работа на заводе полностью свернута не была, однако было решено часть оборудования перенести на новое более безопасное при наводнении место. Оно было выбрано на Шлиссельбургском тракте, где в июне 1825 г. состоялась закладка нового казенного чугунолитейного завода. В 1826 г. новый завод уже начал функционировать и был назван Александровским чугунолитейным заводом. Сюда была переведена часть рабочих со старого чугунолитейного завода. Режим труда на обоих заводах оставался прежним — крепостническим. Самовольный уход с завода рассматривался как бегство, и «беглых» жестоко наказывали плетью. Рабочие, задавленные непосильным трудом, были сплошь неграмотными. Лишь в 30-х годах для детей рабочих была открыта школа, единственным преподавателем которой являлся дьячок местной церкви. Заводы попрежнему обслуживали потребности казны, однако военные заказы были сильно сокращены. Александровский завод участвовал в перестройке Зимнего дворца после пожара 1837 г. Стоимость этих работ составила огромную сумму — 2 млн 40 тыс. руб. Завод участвовал в создании Аничкова, Цепного, Николаевского (ныне мост лейтенанта Шмидта), Синего мостов, им была отлита художественная группа «Победа» на арке Главного штаба и ряд других художественных чугунных скульптур. Была сделана попытка приспособить завод к постройке судов. Однако эта попытка не увенчалась успехом — на заводе был построен лишь один пароход.

Начало развития железнодорожной сети направило производство Александровского завода по новому пути: было решено приспособить его для производства подвижного состава железных дорог — паровозов и вагонов. В 1843 г. Александровский завод назвали из ведения Департамента горных и соляных дел и передали Главному управлению путей сообщения, которое в свою очередь сдало завод

¹ Мительман М. И. История Путиловского завода, М.—Л., 1939, стр. 17.

в аренду на 6 лет американской фирме «Ер. Уайненс». Американская фирма обязывалась за время аренды построить 42 пассажирских и 120 товарных паровозов, 2120 товарных вагонов, 530 платформ и 70 пассажирских вагонов. Были вновь построены вагонные мастерские, а паровозостроение разместили частично в старых корпусах и, кроме того, построены сараи для сборки паровозов. Арендаторы, заинтересованные в скорейшем использовании основного оборудования, все делали на скорую руку. Новые цехи представляли собой наскоро сколоченные деревянные сараи, которые к концу аренды пришли в полную негодность. Лишь для кузницы было построено каменное здание. По окончании срока аренды договор с Уайненсом был продлен, и завод оставался в распоряжении американской фирмы до 1868 г., когда вместе с Николаевской железной дорогой был передан Главному обществу российских железных дорог. И при американской аренде завод продолжал числиться казенным, рабочие попрежнему оставались закрепленными за предприятием. Только после указа 19 февраля 1861 г. они получили «свободу», т. е. право ухода с предприятия. Однако к этому времени рабочие Александровского завода уже успели оторваться от деревни, здесь создались прочие кадры истомственных пролетариев. Поэтому крестьянская реформа не отразилась на составе рабочих Александровского завода. Что касается старого чугунолитейного завода на Екатерингофском тракте, то он в 1842 г. был передан Обществу горных заводов. Фактическим владельцем завода стал промышленник Мальцев. Он попытался наладить на заводе прокатку рельс для строящейся Николаевской, ныне Октябрьской, железной дороги. Но дело не пошло — рельсы получались хрупкими и плохого профиля. Заказы на рельсы правительство передало английским фирмам, рельсы которых, кстати сказать, также оказались не намного лучше мальцевских. В 1845 г. завод снова стал казенным. В 1848 г. он был бесплатно сдан в аренду и вскоре подарен племяннику министра путей сообщения Клейнмихеля — полковнику Огареву. Завод начал производить мосты для железных дорог, лафеты для пушек, станки, рельсы. Число рабочих возросло до 1800 человек. Завод стал одним из самых крупных в Петербурге. Но продолжительность рабочего дня, заработная плата не изменились. Однако важные изменения произошли в составе рабочих. Если в начале XIX в. завод работал почти исключительно на подневельном труде, то теперь на нем значительно возросла роль вольнонаемного труда. Завод из казенного, по существу крепостного предприятия, превращался в мощное капиталистическое заведение; превращался, но не превратился до конца — на заводе продолжали работать наряду с вольнонаемными и крепостные рабочие. Впрочем сам владелец завода мало делал различия между теми и другими. Он требовал от всех рабочих завода рабского себе послушания и при случае наказывал палкой как вольнонаемных, так и крепостных.¹ В 50-х годах завод снова остановился. Разорившийся Огарев заложил его в Государственном Заемном банке,

¹ Мительман М. И. История Путиловского завода, стр. 24.

а затем за бесценок продал его английской фирме «Дей и К^с». Но и эта фирма вскоре прогорела, и завод снова был взят в казну. Крепостные рабочие получили «свободу» вместе с рабочими Александровского завода.

Своеобразную организацию с 1816 г. получили Охтенские казенные пороховые заводы. С 1801 г. производство пороха в столице было сосредоточено на Охте. Пороховые заводы, находившиеся на Петербургской стороне, были упразднены. Оборудование этих заводов частично было перевезено на Охту, частично продано с торга, а место, на котором находился завод, было пожаловано в собственность гардеробмейстеру Геслеру (отсюда название Геслеровский проспект). Передача оборудования Петербургского завода Охтенскому мало способствовала расширению производства пороха на Охте: оборудование было старым, помещения, почти сплошь деревянные, были тесны, техника безопасности оставляла желать много лучшего. Огромный взрыв 1803 г. — мелкие взрывы повторялись почти ежегодно — привел к значительным разрушениям. Работа на заводе была временно приостановлена, и завод был подвергнут частичной реконструкции. Одновременно происходит и расширение завода путем постройки новых мастерских. Но основная причина малой производительности завода лежала не в отсталости оборудования и не в частых катастрофах, которые на время приостанавливали или заставляли сокращать работы; основная причина лежала в том, что производство строилось на подневольном принудительном труде. Как и в Арсенале и Петербургском чугунолитейном заводе, работа на Охтенском заводе строилась на основе военной организации. Администрация, мастера, рабочие комплектовались из личного состава армии. Мастерские люди брались из рекрут, причем на пороховые заводы, в отличие от Арсенала, направлялись физически слабые, непригодные для строевой службы солдаты. Мастера также комплектовались из нижних чинов, но в начале XIX в. им были даны нижние офицерские чины в целях поднятия их авторитета. До 1816 г. военная организация труда ничем не отличалась от той, что существовала и на других казенных заводах. Но в 1816 г. на Охтенских заводах было введено крупное повешество, не затронувшее, впрочем, принудительных форм организации труда. В 1816 г., по особому распоряжению Александра I, на заводе приступили к организации военного поселения. В этом году была образована одна поселенная рота, в 1821 г., по представлению Аракчеева, была создана еще такая же рота и в 1823 г. число поселенных рот было увеличено до трех. В 1825 г. были введены новые штаты Охтенского завода, по которым из остальных рабочих завода были сформированы шесть так называемых непоселенных рот; эти роты были расквартированы по военным поселенцам завода. Каждая поселенная рота состояла из 120 рядовых — 40 хлебопашцев и 80 ремесленников, кроме того, в ее состав входили 2 офицера, 6 унтер-офицеров, 1 каптенармус и 1 цирюльник. Хлебопашцы получали выстроенные от казны дома, землю для огорода, выгона, сенокоса и 4,5 дес. пашенной земли. Они должны были оберегать полученное от казны имущество и исправно вести сельское хозяйство. «Неради-

вым» грозила ссылка в дальние гарнизоны. Содержали поселяне-хозяева себя, жену, дочерей и одного сына своим трудом. Если у поселянина было два и более сыновей, то на каждого из них поселянин получал продовольствие от казны. Кроме того, хозяева-поселяне должны были содержать при себе двух постояльцев, на которых хотя и выдавался казенный паек, но «приварок» должен был прибавлять поселенец. Все поселенцы, и хозяева и ремесленники, строевую службу не проходили, они числились как нестроевые нижние чины и должны были выполнять все заводские работы; на этих работах поселяне-хозяева были заняты 3 дня в неделю, а поселяне-ремесленники 4 дня. Остальное время они могли работать на себя. Таким образом, труд на заводе был построен на основаниях, аналогичных организации барщинного труда в помещичьих хозяйствах, но в то же время поселяне в быту и на производстве подчинялись палочному аркачеевскому режиму.¹ Правда, у них было одно преимущество по сравнению с крепостными крестьянами: каждый поселенец «в уважение» трудности заводской работы, а также потому, «что они при всех предосторожностях ежеминутно подвергаются опасности», должен был ежедневно получать по 10 коп. денежного содержания. Но распределялось это вознаграждение ротными командирами «сообразно искусству, поведению и усердию к службе каждого рабочего». Понятно, что такой принцип распределения денежного жалования открывал широкие возможности для различных злоупотреблений. Срок службы в поселенных ротах был обычный — 25 лет, после которого поселенец мог уехать на родину или продолжать службу. В случае утери здоровья он зачислялся в так называемую инвалидную роту. Дети поселенцев зачислялись в кантонисты и проходили обучение или при заводе или отдавались вольным мастерам. По окончании учения кантонисты, как правило, зачислялись в состав поселенцев. После реформы 1861 г. прежние, так называемые обязательные, отношения военных поселенцев к заводу сохраниться не могли. Однако первое время все оставалось попрежнему, и только 4 июня 1863 г. было утверждено положение об упразднении Охтенских военных поселений. По этому положению на военных поселенцев распространялись общие постановления указа 19 февраля 1861 г. Обязательные отношения их к заводу ликвидировались. Поселения упразднялись, а поселенцы, которые еще не выслужили общий срок военной службы, должны были его дослужить в непоселенных ротах. Из тех поселяне, которые соглашались остаться на заводской земле, были образованы два сельских общества. Усадьбная земля и постройки передавались поселенцам безвозмездно. Надельная земля и сенокосы передавались без стрезков, но за пользование ими каждый поселянин должен был уплачивать установленный для Петербургской губернии оброк. За поселянами сохранялось право выкупа их наделов. После издания этого положения поселенные

¹ К. Камениев. Историческое описание Охтенского порохового завода, ч. II. СПб., 1896, стр. 45 и сл.

роты при Охтенском заводе были упразднены, и вместо них образованы два сельских общества, которые вошли в состав Палюстровской волости Петербургской губернии.

Организация труда на других казенных заводах, связанных с выполнением военных заказов, была аналогичной той, которая существовала в Арсенале. С 1834 г. военная организация рабочей силы стала обязательной для всех заводов военного ведомства.

В других казенных заводах Петербурга, работавших на широкий рынок, не связанных с военными заказами, принудительный труд в различных формах переплетался с трудом вольнонаемным. Характерной в этом отношении была организация производства на Александровской мануфактуре. Эта мануфактура находилась в ведении Воспитательного дома. К началу 40-х годов она состояла из самой большой в империи бумагопрядильни, льно- и пенькопрядильной мастерской, ткацкой фабрики, оборудованной 75 механическими и 275 ручными ткацкими станками, на которых вырабатывались различные сорта полотен (почти 600 тыс. аршин в год, не считая художественных салфеток и узорчатого столового белья), чулочной мастерской и целого ряда вспомогательных мастерских — механической, бердной, кожевенной и кардной. На этой мануфактуре в 1805 г. была установлена паровая машина.

К 40-м годам Александровская мануфактура частично уже превратилась в механизированное предприятие. Но, несмотря на это, здесь еще в значительных размерах применялся принудительный труд. По данным 1831 г., на Александровской мануфактуре работали несовершеннолетние воспитанники Воспитательного дома — их насчитывалось 800 человек — 600 мальчиков и 200 девочек; те из них, которые еще не достигли совершеннолетия, оставались на работе в мануфактуре в обязательном порядке на определенный срок, а те питомцы, которые отслужили обязательный срок работы, могли остаться работать на мануфактуре по договору. Кроме этой категории рабочих, на мануфактуре работали казенные приписные мастеровые, солдаты трех инвалидных рот, расквартированных на территории мануфактуры отчасти для несения караулов, отчасти для выполнения различных вспомогательных работ, и вольнонаемные рабочие — их насчитывалось в 30-х годах около 1900 человек. Только эти рабочие, наряду с воспитанниками Воспитательного дома, оставшимися на работе по договору, являлись вольнонаемными. Всего на Александровской мануфактуре непосредственно производственной работой было занято в 30-х годах 2700 человек, все же население мануфактурного городка, включая женщин и детей, насчитывало до 4000 человек. Рабочие в редких случаях получали повременную заработную плату, обычно они работали на сделание. Рабочий день взрослых рабочих доходил до 15—16 часов в сутки. О полуголодном существовании воспитанников дома говорит то, что на содержание каждого из них отпускалось 21 коп., в то время как содержание артельного рабочего обходилось в день 50—60 коп.

Построенная в основном на принудительном труде, в том числе и на принудительном труде детей, мануфактура являлась для них по существу рабочим домом. Она просуществовала до крестьянской реформы. В 1862 г. ее имущество было назначено к продаже. К новым капиталистическим отношениям мануфактура Воспитательного дома приспособиться не смогла.

Вольнонаемные рабочие все больше привлекались на производство многими казенными предприятиями. Так, администрация казенных кирпичных заводов каждое лето нанимала до 250 рабочих кирпичедельцев из крестьян. Адмиралтейство нанимало на кораблестроительные верфи много рабочих различных специальностей. Так, в 1830 г. было нанято 2000 плотников, 20 резчиков, 100 пильщиков, 20 горновых кузнецов, 20 молотобойцев и 50 столяров (95% из них нанимались на целый год). В 1835 г. было нанято 700 человек. На 1836 г. Учетный комитет Кораблестроительного департамента признал нужным нанять вдобавок к 850 плотникам из рабочих экипажей и 100 плотникам из числа охтенских поселен еще 650 плотников и 30 пар пильщиков со стороны.¹ Некоторое представление о том, как нанимались рабочие на казенные предприятия, дают договоры, заключенные в 1801, 1802 гг. администрацией казенных кирпичных заводов с кирпичедельцами. Каждую весну смотритель завода Белянин набирал на лето более полутора ста рабочих для делания кирпича «в сырье», для обжига его и для других работ. Артель «разных городов и деревень крестьян», состав которой иногда достигал 72 человек, выступала в договоре как единое целое. Члены артели были связаны «круговой порукой». Рабочие кирпичедельцы работали сдельно «с тысячей». Пищу готовили сообща, для чего во всех договорах выговаривался задаток по 10 руб. «на харчи».² Рабочие, которые занимались обжигом кирпича, получали плату за лето. Так, 19 мая 1801 г. артель в 49 человек крестьян «разных городов и деревень» нанялась производить обжиг кирпича до 26 октября этого же года за плату от 28 до 36 руб. за лето каждому рабочему. Рабочие получали «прокормление» от казны. В договоре указывалось далее: в число тех «рядных цен выдать нам в задаток для посылки в дома на покупку лаптей и рукавиц на каждого 10 рублей». Точно такой же договор был заключен и в 1802 г. с той лишь разницей, что плата рабочим устанавливалась всем одинаковая — по 36 руб. за лето.³ Отметим здесь ничтожный размер заработной рабочих — после 5 месяцев работы, за вычетом задатка, рабочий уносил «домой» около 20 руб.

Если число вольнонаемных на казенных заводах было относительно невелико, то на частных предприятиях применялся почти исключительно труд рабочих этой категории. В ведомостях 1821 г. указано лишь четыре предприятия, на которых были крепостные рабочие (Бумажная фабрика банкира Раля в Нарвской части — 164 рабочих, сахарный завод Володиминова в Каретной части — 39 рабочих,

¹ Архив ИИ, Материалы по истории Ленинградского судостроительного завода.

² ЦГИАЛ, ф. 817, №№ 47, 109.

³ Там же, № 109, л. 19 и об.

сафьяновая фабрика Пивоварова в Выборгской части — 20 рабочих, красильная фабрика маркшейдера 9-го класса Друри в 4-й Адмиралтейской части — 14 рабочих).¹ Следовательно, на подавляющем большинстве частныхладельческих фабрик и заводов применялся исключительно труд вольнонаемных рабочих. Относительно вольнонаемных рабочих нужно заметить, что не все они были свободными людьми. Значительную часть их составляли помещичьи крестьяне, отпущенные на оброк. Придя в Петербург, они заключали договор с фабрикантом или заводчиком от своего имени. Каждую весну между заводчиками разгоралась настоящая борьба за рабочих кирпичедельцев, которая приводила к повышению наемных цен. Рабочие, стремясь понудить заводчиков к повышению цен, прибегали к интересной хитрости. По словам Белянина, они укрывали $\frac{9}{10}$ артелей «в харчевнях и других местах, а десятую отпущают для ссыскания чрезмерно дорогой себе наемной цены к разным заводчикам в дома, где и озабочивают заводчиков с таковою их хитростью малым из деревень приходом, зная, что каждому заводчику обойтись без них никак не можно...».² Небольшое якобы число пришедших рабочих заставляло заводчиков нанимать «наперехват» и повышать цену. В 1804 г. заводчики сговорились и заключили договор о неповышении наемных цен.

Как нанимались рабочие на многочисленные частные фабрики Петербурга — неизвестно. Надо полагать, что договор был устным. О текучести рабочих на частных фабриках говорят давние, сообщаемые табачным фабрикантом Жуковым. Хотя на его фабрике были рабочие, которые работали по 10 лет беспрерывно, но основная масса рабочих сменялась ежегодно. За 14-летнее существование фабрики на ней перебивало 5000 рабочих. В среднем каждый год поступало 357 человек, т. е. от 79 до 89% всего состава рабочих (на фабрике было 400—450 рабочих).³ Столь частая смена рабочих на фабрике объяснялась в известной мере тем, что основная масса вольнонаемных рабочих была зависима от воли помещика, т. е. крепостное состояние работника мешало превращению его в пролетария. Рабочие по действительному приказу помещика или только ссылаясь на него, уходили с фабрики или требовали от хозяина повышения заработной платы и т. д. Изданное в 1835 г. первоначально только для Петербурга и Москвы «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму», увеличило власть хозяев над рабочими. По этому закону рабочий не имел права оставить работу или требовать прибавки платы до конца срока договора, тогда как хозяин мог «отпустить» рабочего до срока за невыполнение им обязанностей или за «дурное» поведение, т. е. фабрикант имел право выгнать в любое время неугодного ему рабочего. Положением устанавливалось также, что помещик не мог требовать обратно крепостного до истечения срока паспорта.

¹ ЦГИАЛ, ф. 34, № 26, лл. 771, 789, 909.

² Там же, ф. 817, № 329, л. 1.

³ Журнал мануфактур и торговли, ч. 1, СПб., 1840, стр. 167—172.

Несмотря на то, что подавляющее число частных фабрик работало на наемном труде, на них сохранялись многочисленные пережитки крепостнических отношений. Характерной в этом отношении являлась табачная фабрика Жукова. На табачной фабрике Жукова, как и на многих других фабриках Петербурга первой половины XIX в., рабочие жили в общежитиях, расположенных на территории предприятия или в непосредственной близости от него. Это давало возможность следить за поведением рабочего не только во время работы, но и в быту. Сам Жуков немало гордился установленными им порядками на фабрике и даже опубликовал их для всеобщего сведения. Надзором за рабочими были заняты особые дневальные, работа которых протекала круглые сутки. Дневальные должны были записывать все проступки рабочих и ежедневно сообщать о них конторщику. Затем этот порядок был несколько изменен: вместо конторщика сведения о поведении рабочих стали сообщаться особо назначенному старшему. На эту должность Жуков назначил отслужившего свой срок унтер-офицера. Старший ежедневно составлял сводную рапортную о всех происшествиях на фабрике и доставлял ее владельцу предприятия. Всякая утайка какого-либо происшествия влекла за собой немедленное увольнение дневального или старшего. Одновременно у ворот фабрики круглосуточно дежурили часовые также из отставных военных. На их обязанности лежало сообщать старшему или непосредственно хозяину фабрики о рабочих, несвоевременно отлучавшихся с территории фабрики или возвращавшихся в позднее время, или совсем не ночевавших дома. Особо отмечались рабочие, возвращавшиеся домой в нетрезвом виде или проносящие вино на территорию фабрики. Известное послабление в этом отношении делалось только для праздничных дней. Не довольствуясь этими формами надзора за поведением рабочих, Жуков учредил особый тайный надзор за ними. Такие тайные доносители вербовались Жуковым не только из низшего административного персонала фабрики (мастеров, надзирателей), но и из отсталых рабочих. Каждый донос вознаграждался или выдачей единовременной суммы или прибавкой жалования. Сведения, полученные о поведении рабочих, использовались при выдаче заработной платы. Заработная плата выдавалась ежемесячно в первый праздничный день каждого месяца непременно самим хозяином фабрики. Рабочих в контору вызывали поодиночке. Такая выдача использовалась Жуковым для подробного знакомства с вновь принятыми рабочими. Он расспрашивал их о семейном положении, о предшествующей работе, о их специальности и в дальнейшем использовал эти сведения при назначении рабочего на ту или иную работу. Одновременно рабочему делалось внушение «с указанием на тех рабочих моих, примеру которых он должен следовать для достижения собственной пользы, а чаще всего указанием на меня самого, как прежде бывшего работника, сделавшегося хозяином посредством труда, честности и послушания старшим».¹ Так

¹ Журнал мануфактур и торговли, ч. I, СПб., 1840, стр. 167—172.

стремился обеспечить предприниматель послушную ему рабочую силу. Но одним внушениями дело не ограничивалось. При выдаче заработной платы рабочим, уже некоторое время прослужившим на фабрике, непременно делалась справка о их поведении за предшествующий месяц, одновременно наводились справки о том, как рабочий израсходовал ранее полученную им заработную плату. За каждый свой проступок рабочий получал строгий выговор от хозяина. Если обнаруживалось, что рабочий неумеренно тратил свои деньги на вино, то часовым давалось распоряжение не выпускать его в течение определенного времени за пределы фабрики и одновременно удерживалась часть заработной платы: рабочему выдавались на руки деньги, необходимые лишь для пропитания, остальная же сумма удерживалась в кассе впредь «до исправления» или отсылалась в деревню семье рабочего. Если же рабочему нужно было купить что-нибудь из одежды, то он в магазин отлучался только в сопровождении старосты. Кроме того, к рабочим, замеченным в пьянстве или мотовстве, приставлялся один из земляков, который должен был осуществлять за ним непрерывный надзор и сопровождать его в воскресные дни в перковь. Те, кто проводили ночь вне территории фабрики, лишались права на определенное время покидать ее в вечерние часы. В то же время рабочие, «отличавшиеся особой ревностью к труду», получали от хозяина прибавку в жаловании или единовременное пособие. Этот полутюремный режим, введенный и неуклонно проводившийся в жизнь на фабрике Жукова, далеко не был наихудшим. Описание режима, существовавшего на его фабрике, Жуков снабдил характерным введением, из которого видно, что, кроме этих мер, другие предприниматели прибегали к помощи «тюрьмы, допущенной на многих иностранных фабриках и необходимой там по причине буйства рабочих, штрафов, телесных наказаний и жалоб в полицию».¹

Как пример полутюремного режима можно привести распорядок и на другом предприятии — суковной фабрике Торнтона.²

Фабрика английского подданного Торнтона была основана в 1841 г. на правом берегу Невы. Место было выбрано с расчетом на изоляцию рабочих от промышленных центров столицы. Фабрика была расположена в пустынном месте, а во время ледостава и ледохода ввиду отсутствия поблизости мостов через Неву рабочие фабрики были отрезаны даже от промышленного района на левом берегу реки по Шлиссельбургскому тракту. Предприятие Торнтоня представляло фабрику-усадьбу. Рабочие жили при фабрике, причем вся территория, занимаемая предприятием, была огорожена забором. У ворот круглосуточно дежурили часовые. Они следили не только за тем, чтобы рабочие не отлучались с фабрики, но и за тем, чтобы посторонние лица не проникали на ее территорию. Слабжение рабочих осуществлялось через лавку, устроенную Торнтоном на территории фабрики.

¹ Журнал мануфактур и торговли, ч. I, СПб., 1840, стр. 167—172.

² Там же.

Самый подбор рабочих производился из лиц, приходивших в столицу на заработок из деревень, — такие рабочие представляли наиболее податливую массу для эксплуатации. Они соглашались работать за ничтожную заработную плату — на фабрике Торнтона рабочие жили впроголодь. Мастера на фабрике Торнтон подбирались из англичан, с презрением относившихся к русским рабочим. За рабочими был установлен негласный надзор, и ежедневно Торнтону в его особняке, расположенном при фабрике, докладывалось не только о положении производства, но и о поведении рабочих. «Подозрительные», т. е. те, кто осмеливался заявлять протест против режима, существовавшего на фабрике, или те, кто замечался в частых отлучках и сношениях с рабочими левобережья Невы, с фабрики изгонялись. На всякий случай при фабрике всегда дежурила полицейская команда, на которую Торнтон мог опереться в случае возникновения среди рабочих волнений.¹

Так складывался быт рабочих на петербургских фабриках, работавших на вольнонаемном труде.

Капиталистические отношения развивались, неся на себе заметные следы феодальных отношений. По мере концентрации производства эти следы феодализма неизбежно должны были отмирать. Установить надзор за сотнями рабочих становилось все труднее. В том же направлении действовало и изменение типа промышленных предприятий. К середине столетия предприятия-усадеб стали отмирать. Они еще сохранялись на некоторых предприятиях: Сан-Гали, которое было расположено на Лиговке, сахарно-рафинадном заводе Кенига, на фабрике Торнтон и некоторых других. Но повышение земельной ренты заставляло не только переводить предприятия из центральных районов города на его окраины, но и ограничивать площадь, занимаемую предприятием, фабричными корпусами. Рабочие переселялись в так называемые доходные дома, которые начинали строиться в районе расположения фабрик. Это были или деревянные лачуги или многоэтажные корпуса, лишенные каких бы то ни было коммунальных удобств. Так образовывались в столице городские трущобы.

Фабрики-гиганты, построенные в 40—50-х годах, создавались уже не как предприятия-усадеб, а только как совокупность производственных цехов с необходимыми обслуживающими помещениями. Такими предприятиями были завод Берда, предприятие Общества российской бумагопрядильной мануфактуры, фабрика Александровской мануфактуры, Сампсониевская прядильно-ткацкая мануфактура, заводы Лесснера, будущий Путиловский и многие другие. Не будет ошибкой сказать, что все вновь возникавшие в 40—50-х годах промышленные предприятия уже потеряли характер фабрик-усадеб. Немногие исключения были не типичны для середины XIX в. Новые условия быта петербургской фабрики уничтожали остатки тех «патриархальных» отношений между фабрикантами

¹ М. Шагиняв. Фабрика Торнтон. М., 1927.

и рабочими, образец которых представляла описанная выше фабрика Жукова. В том же направлении действовали: концентрация рабочих на крупных предприятиях, получившая особо быстрое развитие в 40—50-х годах, изменение характера рабочей семьи, по мере вовлечения труда женщин и детей в производство, наконец, жестокая эксплуатация — нищенская заработная плата и продолжительный рабочий день. Гиганты бумагопрядильной промышленности, создававшиеся главным образом в 40—50-х годах, являлись типично капиталистическими предприятиями. Решительное преобладание вольнонаемного труда над крепостным явилось третьим признаком развивающихся капиталистических отношений. Их прямым следствием явилось расширение применения женского и детского труда.

Ко времени крестьянской реформы женский и детский труд прочно вошел в быт петербургской фабрики, хотя, повидимому, он не получил здесь такого развития, как в центральном промышленном районе. Труд женщин и детей был очень неравномерно распределен между отдельными отраслями производства.

Наиболее широко детский труд и труд женщин применялся в области прядильного, наиболее типичного для середины XIX в. капиталистически организованного производства. Здесь на 2805 взрослых рабочих мужчины приходилось 1806 женщин и 682 малолетних. Эти данные относятся к 1862 г. Широкое распространение труд женщин и детей получил также в ткацком производстве, где на 777 взрослых рабочих было занято 323 женщины и 211 малолетних. Большое количество женщин работало на табачных фабриках столицы. В этой отрасли производства на 1114 взрослых рабочих мужчин приходилась 561 женщина. Но труд подростков здесь был распространен менее, чем в области прядильного производства — в табачной промышленности столицы работали 96 подростков. Очень высокий процент женского труда имел место на резиновых мануфактурах Петербурга. Здесь на 142 взрослых рабочих мужчин работало 122 женщины. Но труд малолетних в этой отрасли промышленности распространен не был. На двух резиновых мануфактурах столицы работало только 6 подростков.

Значительное распространение получил женский труд в бумажном производстве. Так, на Ропшинской бумажной фабрике под Петербургом в начале XIX в. женщины работало 29,9% к общему числу рабочих; на Красносельской фабрике в середине XIX в. женщины работало 35% к общему числу рабочих и т. д. В других отраслях промышленности столицы женский труд или совсем не применялся, или применялся в небольшом количестве.

Труд подростков применялся почти во всех отраслях производства. Официальная статистика не отметила детского труда только на пивоваренных и медоваренных заводах. Помимо прядильного, ткацкого производства и табачных фабрик, труд подростков широко применялся на чугунолитейных, меднокотельных и механических заводах, где в 1862 г. на 4307 взрослых рабочих был 161 подросток. На сахарных заводах столицы работало 47 подростков на 643 взрослых рабочих.

в красильных и белильных предприятиях — 34 подростка при 141 взрослом рабочем, в столярном производстве — 18 подростков на 217 взрослых рабочих, в экипажном — 55 подростков на 307 взрослых рабочих, в гончарном — 30 подростков на 169 взрослых рабочих и т. д.¹ Значительное распространение труд подростков получил на казенных фабриках и заводах, на которых во весь дореформенный период преобладал принудительный труд.

О степени распространения детского труда на казенных фабриках можно привести, например, такие данные: на Ропшинской фабрике дети составляли 31,5% к общему числу рабочих, в Экспедиции заготовления государственных бумаг детский труд составлял 21,4% и т. д. Данные о применении детского труда на других казенных предприятиях были приведены выше.

Продолжительность рабочего дня была одинакова для всех рабочих, независимо от пола и возраста, но заработная плата женщин и детей была значительно ниже заработной платы взрослых рабочих. О положении рабочих на петербургских фабриках в первой половине XIX в. можно составить представление по данным, относящимся к отдельным фабрикам и заводам. Сводных данных по всей петербургской промышленности не сохранилось. На петербургском чугунолитейном заводе, будущем Путиловском, рабочие должны были работать по 14 часов в сутки — с 5 часов утра до 7 часов вечера, но фактически работали значительно более продолжительное время — до 16—18 часов. Мастерские представляли собой холодные бараки, по которым гулял сквозной ветер. В них было дымно и холодно. Заработок мастеров состоял из двух частей: твердого жалования и наградных, выдача которых зависела от произвола заводской администрации. Твердое жалование колебалось от 2 руб. 5 коп. до 2 руб. 58 с четвертью копеек в месяц, другими словами 30—31 руб. в год. Жалование не всегда выдавалось деньгами. Иногда в счет денежной заработной платы выдавалась мука — 1 пуд 39 фунтов в месяц. Выдача части заработной платы мукой служила одним из средств понижения заработка рабочего, так как мука обычно выдавалась дурного качества и по повышенной цене. Другим средством понижения заработной платы служили штрафы. Рабочих штрафовали за порчу инструментов, за перерасход металла или просто «за нерадивость к работе». Наградные составляли от 3 до 5 руб. в месяц. Таким образом, мастера в лучшем случае, если они не подвергались штрафу, могли заработать от 7 до 8 руб. в месяц. Наряду со взрослыми рабочими на заводе работали и дети от 8 до 12 лет, причем они ставились на «самые огненные и тягостные» работы. В одной из жалоб, поданных рабочими, писалось о применении детского труда: «С оными поступают не по-детски, употребляя паравно с большими на работу и не щадя слабых еще сил их и не имея никакого снисхождения, когда такой малолеток каким ни есть получасом опоздает притти на сборное место, жестоко по приказанию мастера Купера бывали наказываемы

¹ Статистические сведения о фабриках и заводах в С. Петербурге за 1862 г.

розгами».¹ Телесным наказаниям подвергались не только дети, но и взрослые рабочие. В инструкции Департамента горных дел указывалось, что горный начальник может «чинить расправу головам на мирской сходке и виновных наказывать домашним образом». В дни экстренных заказов рабочие работали без выходных дней — не только в воскресные дни, но и в дни больших праздников.

Не менее тяжелым было положение рабочих и на бумажных фабриках столицы. Основные производственные процессы — размол сырья, подготовка бумажной массы к отливке, самая отливка бумаги — велись непрерывно, и днем и ночью. Работали в две смены, чередуясь: ночная смена переходила на дневную работу, а дневная на ночную. Остальные производственные процессы велись в одну смену. На частных фабриках Петербурга сменные рабочие составляли 30—35% к общему числу рабочих. Сменные рабочие на казенных фабриках работали с 5—6 часов утра до 8 часов вечера. Продолжительность рабочего дня на частных бумажных фабриках составляла 14—15 часов. На казенных фабриках рабочим давался отдых только по большим праздникам. Число нерабочих дней на этих фабриках составляло только 27—30 дней в году. В отношении заработной платы в этой отрасли промышленности наблюдалась большая пестрота. На Царскосельской бумажной мельнице получали до 96 руб. в год, а на Ропшинской 42 руб. 90 коп. Отсутствие каких бы то ни было гигиенических условий труда вызвало массовые заболевания рабочих. На одной из наиболее благоустроенных бумажных фабрик — Экспедиции изготовления государственных бумаг — в 1865 г. число заболевших составляло в процентах к общему числу работавших: чиновников 0,94%, мастеров 2,5%, их жен 10,7%. Особенно высокой была заболеваемость детей — 25,1%. Огромна была смертность заболевших детей: к числу заболевших детей смертность составляла 83%, в то время как смертность чиновников только 3%. Повальная заболеваемость рабочих на этой фабрике в начале 60-х годов вызвала специальное обследование труда рабочих. Лекарь Экспедиции нарисовал тяжелую картину тех условий, в которых находились рабочие. «В белильном отделе, — писал он о рабочих, — всегда босые, легко одетые, они вынимают руками из чанов сырую полузамерзшую массу и непрерывно дышат воздухом, насыщенным хлорным газом. В червальной отделе мастеровые всегда босыми ногами стоят на холодном плиточном полу, в отсыревшей одежде они выходят на холод и ветер для переноса мокрой бумаги через дверь в сушило, где они встречают другую крайность — температуру 29° тепла. После того, как развесят бумагу, они снова возвращаются в червальную... Пища артельных мастеровых не всегда питательна. Худо пропеченный хлеб и худо приготовленный квас развивают худосочие. Мастерские ежедневно заняты с 5—6 часов утра до 9 часов вечера. Помещения в казармах тесные, со спертым воздухом, грязные и неопрятные».²

¹ М. И. Мятельман. История Путиловского завода, стр. 17.

² ГИАЛО, ф. 1458, св. 405, лл. 328, 405.

Не менее тяжелым было положение рабочих на табачных фабриках. Выше указывалось, что на фабрике Жукова продолжительность рабочего дня составляла 14 часов. Рабочие начинали работу в 6 часов утра и кончали ее в 8 часов вечера. Такая же продолжительность рабочего дня была и на других табачных фабриках Петербурга. Ночная работа в табачной промышленности не применялась. Дело в том, что табак облагался акцизом, и правительственные чиновники во все время работы находились на фабрике. По окончании работы производственные помещения опечатывались. Ночная работа не разрешалась правительственным надзором. Но акцизные чиновники нередко соглашались на удлинение рабочего дня, и тогда работа на фабрике продолжалась не до 7—8 часов вечера, а затягивалась до 12 часов ночи. Тем самым рабочий день удлинялся до 16—17 часов. В среднем взрослый рабочий мужчина получал 15 руб. в месяц. В отдельных случаях его заработок повышался до 20 руб. Женщины зарабатывали 8—10 руб. в месяц, дети получали 2—4 руб. Гигиенические условия труда были исключительно тяжелы. Кубатура воздуха редко достигала санитарной нормы — $\frac{1}{2}$ куб. сажени на рабочего. Рабочие постоянно отравлялись никотином. У новичков началось кровотечение из носа, тошнота, рвота, головные боли. Помещение вентилировалось плохо. Зимой рабочие, боясь простуды, сами закрывали вентиляционные форточки, летом боялись усушки табака, который рабочим выдавался по весу, и за принятый табак рабочий нес материальную ответственность. Если даже рабочий привыкал к производственной обстановке и явления острого отравления прекращались, то очень скоро начинали проявляться явления хронического отравления. Начинались первые заболевания, развивалась одышка, начинались заболевания, сопровождавшиеся судорожными припадками, наблюдалось учащенное сердцебиение. У женщин наблюдались специфические женские заболевания и при беременности были нередки выкидыши. Смертность среди новорожденных была огромной. Чаще всего дети погибали от «родимчика» — заболевания мозга и его оболочки на почве отравления никотином, принимаемым с молоком матери. Те из детей, которые выживали, поражали наблюдателей худобой и тщедушностью. Они страдали анемией, рахитом, общим истощением. Среди рабочих табачной промышленности наблюдалась повышенная смертность и рано наступающая инвалидность.

Продолжительный рабочий день существовал и в бумагопрядильной промышленности. На Российской бумагопрядильне рабочие работали с 5 часов утра до 9 часов вечера. На Невской бумагопрядильне рабочий день продолжался 13 часов, на бумагопрядильне Кенига — 14 часов, на Петровской мануфактуре рабочие работали с 5—6 часов утра до 8—9 часов вечера, на льнопрядильне Лебедева и суконной фабрике Ауха — по 13 часов, на суконной мануфактуре Торитсна — 15 часов. В конце XVIII в. рабочие люди на хлопчатобумажных предприятиях получали в среднем 8 руб. 50 коп. в месяц. К середине XIX в. девятая заработная плата возросла, но и стоимость жизни повысилась. Рабочие владели нищенским существованием. До какой нужды порой доходили рабочие показывает случай,

зарегистрированный на кожевенном заводе Егорова. Эти данные относятся к 1871 г., но едва ли положение в первой половине XIX в. было лучше. Артель рабочих на этом заводе употребляла в пищу обрубки кож. При осмотре фабрики был найден кусок такой пищи: он представлял темный изжаренный кусок, состоящий из сала, хрящей, обрезков кож с волосами и примесью сора и мочал. Когда дело поступило в суд, полицейский чиновник показал, что рабочие продолжают употреблять в пищу обрезки кож, соскобленную с них мездру и сало. «Сырые кожи снимаются с палого скота, следовательно обрезки их та же падала», — прибавил в своих показаниях этот чиновник.

Как и в других отраслях промышленности по обработке волокнистых веществ, в бумагопрядильных существовали крайне антигигиенические условия труда. Отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной вентиляции приводило к тому, что рабочие постоянно вдыхали воздух, содержавший мельчайшие частицы хлопчатобумажной пряжи. Это развивало болезни дыхательных путей и обычно заканчивалось чахоткой. Дети, которые в большом числе работали на хлопчатобумажных фабриках, оставались малорослыми, физически недоразвитыми, страдали желудочными заболеваниями. Та же картина наблюдалась и на фабриках по обработке шерсти, но здесь к загрязнению воздуха мельчайшими частицами шерсти прибавлялись тяжелые запахи от воющего масла, которым при ткачестве протирывалась шерстяная пряжа. На одной из наиболее обширных канатных фабрик — фабрике Гота — воздух был так загрязнен, что работать можно было, только завязав рот тряпкой.

Как ни отрывочны сведения о положении рабочих на фабриках столицы в первой половине XIX в., все же они позволяют представить общую картину состояния петербургской промышленности. Если исключить казенные предприятия, на которых труд еще сохранял в основном крепостной характер, фабрики и заводы Петербурга работали на вольнонаемном труде, носили капиталистический характер. Но капиталистические отношения на многих из этих предприятий были опутаны крепостническими пережитками. Рабочий еще находился под юрисдикцией предпринимателя, его жизнь не только во время производства, но и в быту, находилась под наблюдением фабриканта и его приказчиков. «Патриархальность» отношений, существовавшая на некоторых предприятиях, открывала новые возможности закабаления рабочих, как это было, например, на табачной фабрике Жукова. Такие отношения не были общим явлением и в первые десятилетия XIX в. К 40-м годам они явно отмирали. На крупных фабриках, особенно на хлопчатобумажных гигантских прядильных, основанных в 40—50-х годах, отношения между рабочими и предпринимателями выступали в наиболее чистом виде капиталистического найма. Широкое применение находил женский и детский труд, особенно в тех же бумагопрядильных предприятиях. Рабочий день в среднем равнялся 13—15 часам, поднимаясь на некоторых фабриках до 16 часов и выше. В отдельных случаях, особенно в металлообрабатывающей промышленности,

Бондари. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.

рабочий день спускался до 12 часов и редко до 11 часов в сутки. Нишневская заработная плата, антигигиенические условия труда, вели к частым заболеваниям рабочих и вызывали преждевременную смерть, особенно среди детей, работавших на фабриках столицы.

Помимо промышленности фабрично-заводского типа, в Петербурге существовало огромное количество мелких ремесленных предприятий, число которых не поддается учету. Некоторые отрасли производства целиком находились в руках ремесленников. Изготовление хлеба и булок, производство колбас и различных копченостей, галантерейное производство, изготовление готового платья, башмачное и сапожное производство и многие другие отрасли находились полностью или почти полностью в руках мелких производителей. Некоторые из предприятий, числившиеся по официальной статистике как заводы, несомненно носили полукустарный характер. К ним принадлежали предприятия, в которых числилось до 16 рабочих. Данные предприятия преобладали в таких отраслях, как лаковарение, дробилейные предприятия, предприятия по лакировке кож и некоторые другие.

Если в организации крупной промышленности столицы сохранялись пережитки феодальных крепостнических отношений, особенно до 40-х годов, то такие пережитки были особенно сильны в области ремесла. В течение всей первой половины XIX в. продолжало действовать цеховое устройство ремесленной промышленности, которое нашло окончательное оформление в Уставе о цехах 1796 г., претерпев в дальнейшем некоторые, незначительные изменения. По этому уставу в цех обязаны были записываться все занимающиеся ремеслом одной специальности, а иногда и смежных специальностей. Во главе каждого цеха стоял старшина, избранный членами цеха. Для производства цеховых дел (запись в цехи и исключение, сбор податей с ремесленников, наблюдение за ремесленным производством и исполнение ремесленниками повинностей и т. д.) учреждалась Ремесленная управа под председательством ремесленного головы. В Петербурге, кроме Ремесленной управы российских цехов, существовала еще Ремесленная управа иностранных цехов, ведавшая цехами, которые состояли исключительно из иностранцев. Цеховые ремесленники разделялись на вечных и временных.¹ К первым причислялись постоянные городские жители, вступившие в цех, ко вторым — все те, которые записывались в цех на время (обычно до истечения срока их паспортов) и не входили в число постоянных городских жителей. О количестве рабочих в ремесленных мастерских мы располагаем лишь отрывочными сведениями.² Так, в мастерской Сура было несколько подмастерьев и 8 учеников, у портного мастера Мальгина, кроме поденщиков, имелось 2 постоянных рабочих и 11 мальчиков, у мастера Рязанова — 3 подмастерья и 3 ученика.³ Наряду с этими мелкими мастерскими имелись и такие, где количество рабочих достигало значительной цифры. В 1821 г. от мастеров шляпного цеха были поданы ведомости о состоянии их мастерских. Из них видно, что в одной мастерской работало 25 подмастерьев и 9 учеников, в другой столько же подмастерьев и 13 учеников. В среднем в шляпном производстве на одну мастерскую приходилось более 20 рабочих.⁴

Такая мастерская фактически перерастала в мануфактуру. Хозяин ее лично уже не работал, а выступал только как организатор производства. Он превращался в капиталиста, эксплуатирующего труд наемных рабочих.

Число постоянных цеховых в Петербурге было в 1812 г. 2013 человек, а в 1852 г. — 5447, т. е. оно возросло почти в три раза.⁵ В цехах числились не только мастера — владельцы относительно крупных мастерских, но и подмастерья, и ученики и ремесленники, работавшие без применения чужого труда, положение которых мало отличалось от положения фабрично-заводских рабочих.

¹ Св. зак., т. IX, 1857, стр. 429.

² Далее текст на стр. 486—488, относящийся к числу ремесленников Петербурга, написан А. И. Колпаевым.

³ ГИАЛО, ф. 223, св. 12, № 335, л. 39; ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 83, л. 11 об.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 34, оп. 1, № 26, л. 605 и сл.

⁵ Более подробные сведения даны в главе XVI.

Определить точно численный состав этой категории ремесленников за разные годы едва ли возможно. Число таких рабочих-ремесленников приближалось к числу временно-цеховых. Временно записанных в цехи было в 1833 г. — 22 011, в 1835 г. — 10 581, в 1840 г. — 17 584, в 1844 г. — 26 073, в 1847 г. — 28 514, в 1848 г. — 30 303 человека. Из сохранившихся источников известно, что в число 26 073 временно-цеховых за 1844 г. было записано 13 249 рабочих и 12 824 ученика, т. е. число временно-цеховых составлялось из ремесленников — рабочих и учеников.

Приведенные данные показывают, что число рабочих, занятых в ремесле, превосходило число фабрично-заводских рабочих Петербурга.

Рабочий день ремесленника начинался с раннего утра и продолжался до позднего вечера. Если заказов было много, то хозяин заставлял работать и в ночное время. Пищу и квартиру подмастерья и ученики получали обычно от хозяина. Пища была грубая и малопитательная, а квартирой служило чаще всего то помещение, где производились работы. Табачный фабрикант Жуков писал, что когда он содержал только мастерскую, его рабочие жили вместе с его семьей «в тесной квартирке».¹

О зарплате, получаемой ремесленниками, почти нет никаких данных. Известно, что в 1816 г. нормальной платой за пошив сапог считалось 2 руб. 50 коп., за военный мундир около 6 руб., но эти деньги получал хозяин мастерской, а не рабочий. В 1831 г. портовой Алексей Белобородов — «младший мастер» — получал жалованья 400 руб. в год, т. е. в месяц по 33 руб. 30 коп.² Для 1842 г. известна дневная плата рабочих у бронзовщика Денвера — от 1 руб. до 2 руб. 50 коп. ассигнациями, а мастер по бронзовому делу получал 3 руб. в день. Но эти данные относятся к работникам наиболее высокой квалификации, и подобные заработки для основной массы ремесленников были недостижимы.

Хозяин мастерской имел большую власть над своими рабочими. Он мог даже потребовать от полиции отправить рабочего в смиренный дом. Так, в 1829 г. столярный мастер Морозов подал жалобу в полицию на работающего у него по контракту крестьянина Иванова. Он обвинял его в самовольных отлучках из дома и в «грубости». За это он требовал отправить Иванова «до истечения срока контракта в смиренный дом».³

Собственно тяжело было положение ремесленного ученика. Уже отмечалось, что большинство учеников были крепостные. Богатые помещики отдавали детей своих крепостных в обучение ремеслам не только для того, чтобы иметь специалистов в своей вотчине, но и затем, чтобы потом брать с них при отпуске на заработки повышенные оброки. Они стремились таким образом повысить доходность своего

¹ Журнал мануфактур и торговли, ч. 1, стр. 138.

² ГИАЛО, ф. 223, св. 12, № 375, л. 73.

³ Там же, св. 7, № 204, лл. 1—2.

имения. В учение обычно отправлялись дети 9—10-летнего возраста. Обучение продолжалось в зависимости от сложности ремесла от 3 до 6 лет. С мастером заключался контракт. Так, в 1831 г. крепостной крестьянин Костромской губернии по приказанию помещика отдал своего сына в обучение малярному и живописному мастерству к мастеру малярного и живописного цеха Кузьме Иванову. В контракте указан срок обучения 5 лет. Мастер обязывался учить мастерству «как следует». А ученик должен «жить у мастера в полном послушании и повиновении, ничем не ослушаться и к мастерству быть старательным, на всем его Иванова содержать: харчах, банном и портомойном и обуви». Ученик не получал никакой платы. Лишь по истечении пяти лет обучения мастер должен был дать 100 руб. на одежду.¹

Из этого контракта видно, что ученик на весь срок обучения становился в полную зависимость от мастера. Он превращался фактически в крепостного человека хозяина.

Имеются многочисленные факты, показывающие, что обучение ремеслу проходило кое-как, мальчики использовались хозяевами в качестве слуг, кормили и одевали их плохо. Уйти от мастера ученик не мог даже в том случае, когда жестокая эксплуатация и зверское обращение переходили всякие границы.

Окончившие обучение возвращались к своим помещикам или оставались в качестве оброчных в Петербурге. С званием «подмастерьев» они занимались в ремесленные мастерские. Получить звание мастера и открыть собственную мастерскую было для многих несбыточной мечтой. По сути дела подмастерье был квалифицированным рабочим, оторвавшимся в большей степени от деревни, чем крестьянин — петербургский дворник или рабочий строитель. С развитием капиталистической промышленности основная масса петербургских ремесленников вошла в состав пролетариата.

Среди мелких ремесленных предприятий было немало таких, которые работали не непосредственно на заказчика, а на рынок. Определить, какое число мелких предприятий работало на заказчика, т. е. являлось ремесленными мастерскими в экономическом смысле, и сколько работало непосредственно на рынок, т. е. являлись предприятиями, относящимися к категории мелкотоварного производства, — по состоянию материала невозможно. Иногда работа в мастерских, работавших на рынок, производилась и на определенном заказчике, особенно в тех мастерских, которые работали на лиц, принадлежавших к высшим кругам столичного общества — дворянству, крупному чиновничеству, верхам буржуазии.

Подавляющее большинство мелких предприятий располагалось в центральных районах города, ближе к зажиточным заказчикам. Много ремесленников жило в Адмиралтейских частях города и в Казанской части. Если цеховое ремесло

¹ ГИЛЛО, ф. 223, св. 12, № 353, п. 17.

*Столярная мастерская. Литография И. С. Щедроского из альбома «Вот наши»,
49-е годы XIX в.*

Государственный Русский музей.

регламентировалось известными положениями, то работа в мелких мастерских, не состоявших в цехах, всецело зависела от воли хозяина. Здесь условия труда ремесленников были особенно тяжелы. Профессиональные заболевания наблюдались во всех отраслях производства. Их описание, сделанное в 1847 г., рисует исключительно тяжелые условия труда ремесленников столицы. Как на примере можно остановиться на двух отраслях мелкого производства: на сапожном производстве и производстве готового платья. В сапожных мастерских работали исключительно мужчины. Мастерские, как правило, располагались в подвальных этажах, полутемных и нередко сырых. Рано наступавшая темнота заставляла работать при скудном искусственном освещении. Сидячее согнутое положение при работе над колодкой вызывало болезни груди и живота. Нередко наблюдались кровотечения из легких. Условия работы вызвали острые приступы боли в печени и желудке, наблюдались расстройства сердечной деятельности. Сапожника или башмачника

легко было узнать по впалой и вдавленной груди. К этому прибавлялись затруднения в дыхании и тошнота, вызывавшиеся запахом кожи, низко наклонившись над которой работал сапожник.

В мастерской по производству женского платья работали по преимуществу женщины, как правило, молодые девушки. Продолжительность рабочего дня здесь была такова, что порой, в дни срочных заказов на капризных и требовательных заказчиц, работницы работали подряд в мастерской по 24 и даже 30 часов. У мастериц развивалось хроническое заболевание груди, нередко заканчивавшееся чахоткой, заваливались внутренности, как правило, нарушалось пищеварение. Тонкая работа требовала постоянного напряжения зрения, что вызывало загноение глаз. К 40 годам мастерицы теряли зрение и нередко слепли. Напряженная работа в течение многих часов вызывала крайнее напряжение нервной системы. Нервные припадки у мастериц были нередким явлением. Наряду со взрослыми рабочими в мелких мастерских, как и в цеховых, работало много детей — «учеников». Они жили вместе с хозяевами на хозяйских харчах, не получая никакой заработной платы. Положение их было абсолютно бесправно, так как при найме ученика хозяева, в отличие от цеховых ремесленников, не заключали договоров с его родителями, опасаясь осложнений с полицией. Жаловаться на произвол владельцев мелких мастерских было некому, да и бесполезно.

* * *

К началу XIX в. рынок для петербургской промышленности определялся в значительной мере ее положением в столице, в крупном приморском городе. К концу дореформенного периода увеличивался удельный вес предприятий, работавших на широкий рынок, относительно падало значение предприятий, обслуживавших двор, но сохранялась крупная роль за фабриками и заводами, работавшими по казенным правительственным заказам.

Лишь немногие и притом не ведущие отрасли промышленности Петербурга работали на местном сырье. К таким отраслям относились: деревообделочная, бумажная, льняная, керамическая, стекольная, некоторые отрасли химической промышленности и производство минеральных строительных материалов. Остальные отрасли работали на привозном сырье. В то же время растущая промышленность Петербурга требовала тесных связей со страной для сбыта готовой продукции. Кроме того, Петербургский район относился к числу так называемых потребляющих губерний. Потребности населения удовлетворялись привозными продуктами питания: хлеб шел из черноземных губерний центрального района и средней Волги, мясо — с Украины, из юго-восточных районов и приволжских губерний, рыба — с Беломорья и из Астрахани (часть ее доставляли местные водоемы), масло — из Новгородской, Ярославской и других губерний, и т. д. Значительную роль в снабжении Петербурга продуктами питания играли и сосед-

Дилижанс Петербург—Москва. Литография Н. Вонифатьева середины XIX в.

ние уезды. Районы снабжения столицы продуктами питания существенно не изменились со второй половины XVIII в.¹

Естественно, что для хозяйственной жизни столицы, а также и для той роли, которую Петербург играл в экономике всей страны, огромное значение имели пути сообщения, которые связывали Петербург с внутренними районами страны, а также положение его как приморского портового города.

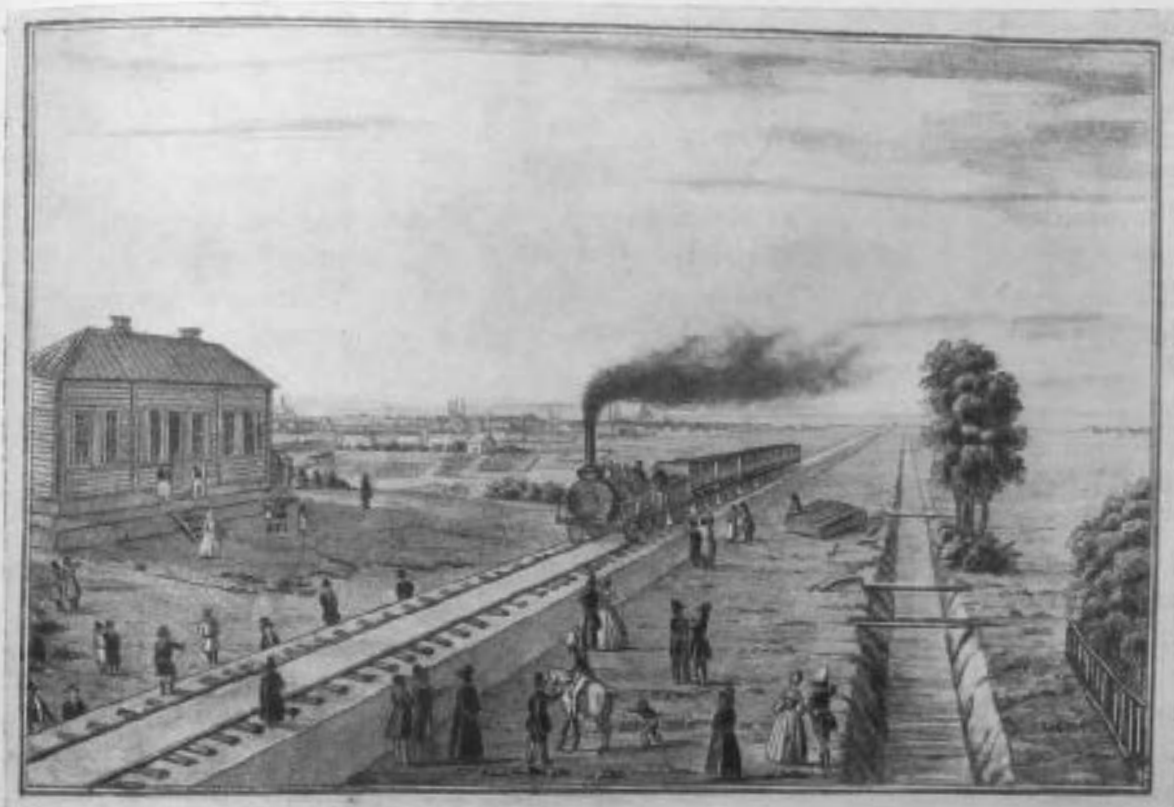
В первой половине XIX в. важнейшими путями, связывавшими Петербург с внутренними районами страны, продолжали оставаться водные пути. К прежней Вышневолоцкой системе, созданной еще в XVIII в. и связывавшей бассейны Невы и Волги, прибавились две новые: Мариинская и Тихвинская. Улучшились сухопутные пути. Между Москвой и Петербургом было улучшено шоссе, введено регулярное движение дилижансов. Однако все это не удовлетворяло растущие потребности хозяйства страны; гужевой транспорт был чрезмерно дорог и пропускная способность его невелика. Перевозки по внутренним

¹ См. главу VIII.

водным путем требовали много времени: баржи с Волги до Петербурга проходили два судоходных сезона, зимовали они обычно в Рыбинске (ныне г. Щербаков). Капитал, вложенный в товары, таким образом лежал без движения длительный срок. Постройка железнодорожных путей становилась насущно необходимой.

Серьезно вопрос о постройке железных дорог стал обсуждаться в 30-х годах. В 1835 г. в столице появляется австриец — профессор Герстнер — инженер и авантюрист, который подал правительству просьбу о предоставлении ему монополии на постройку железных дорог в России сроком на 20 лет. Был поставлен вопрос о постройке железнодорожной линии, которая связала бы Петербург с Волгой — предполагалось построить железную дорогу от Москвы до Казани и далее продлить ее до Петербурга. Однако в Комитете по обсуждению предложения Герстнера министр финансов Кавкрия высказался решительно против постройки и этой линии и постройки железных дорог вообще; по его мнению, создание железнодорожной линии до Казани преждевременно, по крайней мере на несколько веков. Но, несмотря на мнение министра финансов, в следующем 1836 г. Герстнеру все же была предоставлена правительством концессия на постройку первой железной дороги от Петербурга до Царского Села (ныне г. Пушкин). Эта линия не была первой в России. Еще раньше отцом и сыном Черепановыми в Нижнем Тагиле была построена железная дорога с паровой тягой. Но снотом русских мастеров правительство пренебрегло. Первая железнодорожная ветка столицы, Царскосельская, не имела народнохозяйственного значения — она предназначалась для перевозки не грузов, а пассажиров. Движение по Царскосельской дороге началось в октябре 1837 г. Поезда на паровой тяге ходили только по воскресеньям и другим праздничным дням, по будням применялась конная тяга. Исключительно на паровую тягу дорога перешла только с апреля 1838 г.

Вопрос о постройке железной дороги между Петербургом и Москвой вновь возник в 1840 г. Был образован особый Комитет, который, несмотря на сопротивление ряда министров и реакционных дворянских публицистов, доказывавших преждевременность и даже вредность для России железных дорог, решил вопрос о постройке железной дороги между двумя столицами в положительном смысле. Только в 1842 г. этот вопрос получил окончательное решение. Предполагалось линию провести через Новгород, но это удлинит бы дорогу на 80 километров. Николай I решил провести дорогу кратчайшим путем, минуя Новгород, через Белое и Тверь (ныне г. Калинин). Дорога была создана русскими инженерами, и как по протяженности, так и по техническому оснащению, не знала тогда равных в мире. Постройка дороги длилась с 1843 по 1851 г. и обошлась государству в 100 млн руб., т. е. 165 тыс. руб. за версту. Эта дорога имела для хозяйственной жизни столицы огромное значение. Для грузопотоков между столицей и внутренними областями был открыт новый путь, гораздо более емкий и дешевый,

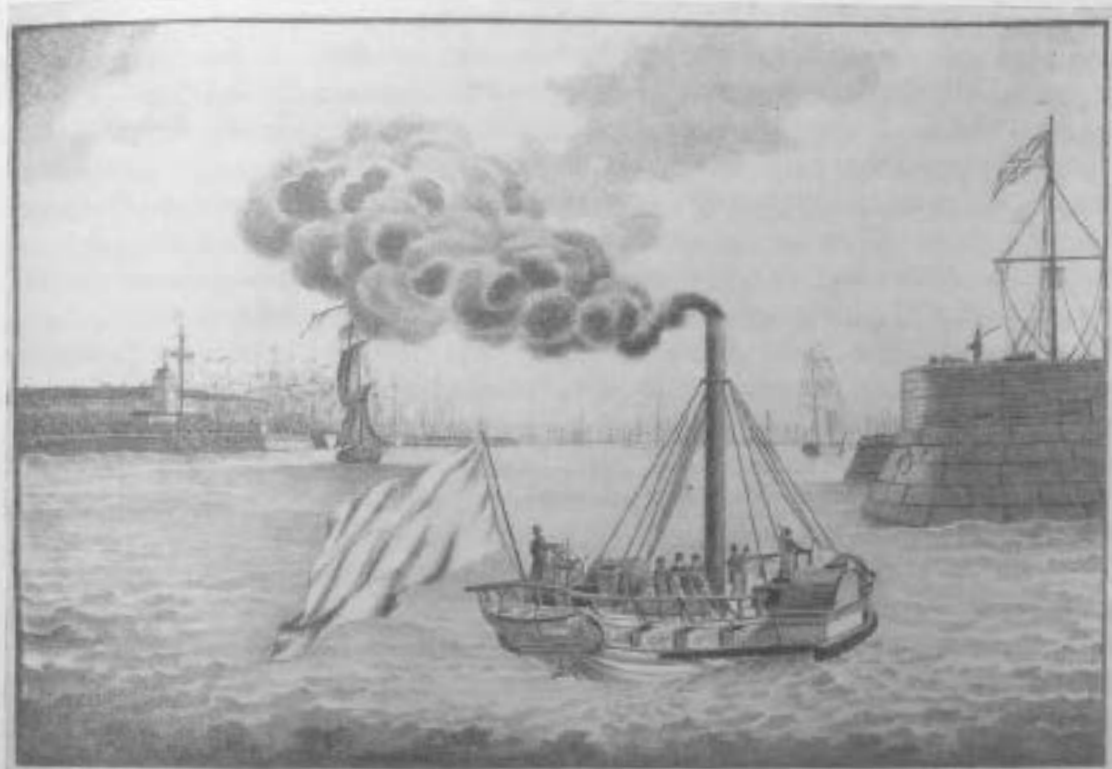
Царскосельская железная дорога. Литография 1838 г.

чем гужевой транспорт и значительно ускорявший движение грузов.¹ В год окончания строительства дороги между столицами государства (эта дорога получила название Николаевской) было приступлено на средства казны к строительству дороги между Петербургом и Варшавой. Эта дорога должна была иметь не только народнохозяйственное, но и крупное стратегическое значение. Но до начала Крымской войны правительство успело довести эту дорогу только до Гатчины. После окончания войны правительство утвердило устав Главного общества железных дорог с капиталом в 275 млн руб., который должен был быть собран путем выпуска акций. Несмотря на то, что правительство гарантировало на капитал Общества пятипроцентный доход, фактически удалось собрать только 112 млн. Обществу была выдана концессия на постройку железных дорог от Петербурга до Варшавы, от Москвы до Нижнего, через Курск до Феодосии и от Курска или Орла через Динабург до Либавы. Но так как Обществу не удалось собрать необходимых для этого обширного строительства капиталов, была осуществлена постройка железнодорожных линий от Петербурга до Варшавы и от

¹ Столетие железных дорог. М., 1925.

Москвы до Нижнего. Благодаря постройке последней линии Петербург получил железнодорожную связь через Москву с Волжским бассейном. Это имело для Петербурга огромное значение, так как создавало дешевый, а главное с быстрой обрачиваемостью грузов путь в столицу для хлеба приволжских губерний. В 1858 г. правительство разрешило постройку железной дороги Динабург—Рига. Хотя эта дорога не проходила через Петербург, она сыграла весьма крупную роль в хозяйственной жизни столицы, так как отвлекла значительное количество грузов от Петербургского порта к Риге. Но это влияние сказалось уже в пореформенное время — дорога была закончена строительством в 1861 г.

Связи с внешними рынками Петербург осуществлял почти исключительно через морской порт. До 50-х годов порт продолжал оставаться на стрелке Васильевского острова. Причальные линии порта были расположены со стороны Малой Невы. Однако еще во второй половине XVIII в. стали чувствоваться неудобства расположения порта в центре города. В XIX в., когда оборот порта в абсолютном выражении значительно возрос, продвижение грузов на тесную площадку у Васильевского острова становился все более затруднительным. Затрудняло продвижение грузов к Васильевскому острову и увеличение осадки судов, а также постройка мостов в нижнем течении Невы — поntonного Дворцового (он соединил Васильевский остров с Петровской площадью — ныне площадь Декабристов) и постоянного Николаевского моста (ныне мост лейтенанта Шмидта). Грузы с глубоководных судов стали выгружаться в Кронштадте и отсюда на лихтерах перевозиться в Петербург, очень часто не в порт, а непосредственно к причальным линиям потребителей грузов. Такая система перевозок грузов создавала большие трудности для внешней торговли Петербурга. Один из современников писал в 1860 г., что перевозка грузов из Кронштадта в Петербург занимает в лучшем случае 12—17 дней, а главное — такие перевозки стоили очень дорого: во время усиления навигации провоз товара от Петербурга к Кронштадту стоил столько же, сколько от Кронштадта к Лондону. Появно, что еще в первой половине XIX в. возникли многочисленные проекты устранения этих неудобств, грозивших подорвать внешние обороты столицы. Предлагалось или возвратить порт из Кронштадта в город путем постройки обходных каналов, в том числе морского канала, или соединить Кронштадтский порт железнодорожной веткой путем устройства через заданную дамбу. Но к 60-м годам окончательно победило третье мнение: устроить порт на юго-западной окраине города на островах Гутуевском, Вольном и Канонерском, а также на левом берегу Невы, близ устья реки Екатеринофки. В 50-х годах на Гутуевском острове тамошняя начала уже арендовать земельные участки для постройки складов. Но осуществить проект переноса порта в район Гутуевского острова удалось уже в пореформенное время — в 70—начале 80-х годов. В 50-х годах в связи с быстрым увеличением осадки морских судов, что было связано с вытеснением парусного флота паровым, деятельность

Пароход на линии Петербург—Кронштадт. Литография 20-х годов XIX в.

порта на Васильевском острове прекратилась: здесь остались таможня и биржа, весь грузооборот был перенесен в Кронштадт.

Несмотря на все неудобства Петербургского порта, он продолжал оставаться крупным портом страны. Петербург продолжал играть очень важную роль во всей внешней торговле России. В 1861 г. через Петербургский порт ввозилось товаров на 32 млн 700 тыс. руб. и вывозилось на 84 млн 900 тыс. руб., в то время как через два других крупнейших порта страны — Рижский и Одесский — ввозилось: через Одесский порт на 35 млн 800 тыс. руб. и Рижский порт на 19 млн 100 тыс. руб. и вывозилось: через Одесский порт на 12 млн 600 тыс. руб. и через Рижский порт на 5 млн 300 тыс. руб.¹ Быстрое падение удельного веса Петербургского порта во внешней торговле страны началось позже, уже в пореформенный период. В 1861 г. общий оборот Петербургского порта еще значительно превышал обороты других портов страны. Общий оборот Петербургского порта в 1861 г. составлял 127 млн 700 тыс. руб., Рижского порта — 24 млн 400 тыс. руб., Одесского — 48 млн 400 тыс. руб., Ревельского и Балтийского — 7 млн руб.,

¹ Значение С.-Петербурга во внешней торговле. СПб., 1899.

Либавского — 1 млн 200 тыс. руб. Оборот других портов страны был ничтожен и не играл сколько-нибудь существенной роли во внешних оборотах страны. Несмотря на то, что Петербургский порт функционировал в XIX в. 208—209 дней в году, Рижский порт 313 дней, а Либавский и Одесский круглый год, Петербург продолжал привлекать в свои воды подавляющее число судов, приходящих в порты России. За 1851—1860 гг. из Петербургского порта ежегодно в среднем уходило судов общей вместимостью 304 тыс. тонн, из Рижского — 202 тыс. тонн, Одесского — 274 тыс. тонн, Либавского — 17 тыс. тонн. Приходило судов водо-замещением: в Петербургский порт — 283 тыс. тонн, Рижский — 72 тыс. тонн, Одесский — 121 тыс. тонн, Либавский — 1,4 тыс. тонн. В Прибалтике Петербургский порт занимал решительно преобладающее место. За те же годы процент судов, пришедших в Петербургский порт, от всех судов, пришедших в балтийские порты, составил 79%, а стошедших судов — 60%.¹

За первую половину XIX в. структура оборотов Петербургского порта подверглась значительным изменениям. В начале столетия, в 1802 г., в вывозе из Петербургского порта продолжал сохранять важное место вывоз железа, как это было и во второй половине XVIII в. В 1802 г. через Петербургский порт было вывезено металлов на сумму 3 708 923 руб., в том числе железа на 3 692 811 руб. Это было по преимуществу уральское железо, находившее широкий спрос на европейских рынках и отчасти в Америке. Крунную роль в вывозе играли готовые изделия из шерсти и кожи. Ткацких изделий из полотна вывозилось на сумму 3 млн 500 тыс. руб., канатов на 1 млн 500 тыс. руб. и юфти на 1 млн руб. Основная масса экспорта приходилась на долю «товаров в первоначальном виде рукоделью служащих», т. е. сырья. Таких товаров было вывезено на сумму 20 615 303 руб., из них пеньки на 5 млн 800 тыс. руб., льна на 1 млн 500 тыс. руб. и сала говяжьего на 8 млн 500 тыс. руб. Жизненных припасов вывозилось на небольшую сумму — 725 520 руб., в том числе пшеницы на 571 383 руб. Структура экспорта показывает, что в вывозе страны через Петербургский порт еще большую роль играли товары промышленного производства, прежде всего железо. Но преобладающую роль играло сырье, в этом факте проявилась общая экономическая отсталость страны. Если экспорт через Петербургский порт носил в основном производственный характер, то в импорте преобладали готовые изделия, по преимуществу личного потребления (ткани, предметы роскоши, разнородные предметы домашнего обихода). В 1802 г. их было ввезено на сумму в 9 133 329 руб. Эти товары шли на потребление привилегированных классов общества. Почти на равную сумму с изделиями ввозились продукты питания: их в 1802 г. было ввезено на 8 107 000 руб. Среди этих товаров большое место занимали вина, которых было ввезено на 1 млн 500 тыс. руб. Среди продуктов питания далее шли кофе, чай, фрукты и даже овощи. Но наиболее крупное место в этой группе това-

¹ Значение С.-Петербурга во внешней торговле.

ров занимал сахар: — стоимость его составляла 4,5 млн руб. Сахар далеко не весь шел непосредственно в личное потребление. Большая часть сахара ввозилась из Кубы и Явы в виде сахарного песка, который шел на переработку в рафинад на сахарные заводы столицы. Сырья и полуфабрикатов было ввезено на сумму в 5 млн руб., из них красок на 2 млн 400 тыс. руб. и шелка-сырца на 400 тыс. руб. Стоимость привозных металлов разнялась 1,5 млн руб., но это были почти исключительно золото и серебро, которых привезено было на 1 млн 400 тыс. руб. Железо в привозе отсутствовало.

К 50-м годам XIX в. в связи с общим промышленным развитием страны, в том числе и промышленности Петербурга, созданием в столице ряда крупных хлопчатобумажных предприятий, развитием крупных металлообрабатывающих заводов и, наконец, переходом промышленности из мануфактурной стадии в механизированную фабричную стадию, структура импорта Петербургского порта приняла иной характер. Ввоз предметов потребления за единичными исключениями или не рос, или рос сравнительно незначительно. Так, овощей и фруктов было ввезено в 1812 г. на 3 млн 160 тыс. руб., в 1825 г. — на 2 млн 1 тыс. руб., в 1851 г. — на 1 млн 457 тыс. руб. и в 1861 г. — на 2 млн 13 тыс. руб.; вин виноградных в 1801 г. — на 1 млн 630 тыс. руб., в 1812 г. — на 11 283 руб., в 1825 г. — на 308 тыс. руб., в 1851 г. — на 299 тыс. руб. и в 1861 г. — на 284 тыс. руб. Совершенно иная картина наблюдалась с предметами производственного потребления. Уголь и кокс до 1851 г. ввозился в настолько незначительном количестве, что таможня не регистрировала в особой статье этот ввоз. Картина резко стала меняться с 50-х годов. В 1851 г. угля и кокса было ввезено на 937 тыс. руб. и в 1861 г. на 1 млн 310 тыс. руб. Весьма значительный рост наблюдался в ввозе химических продуктов, в частности красок, а также хлопка и машин. Этих товаров было ввезено:¹

Название товаров	1801 г.	1812 г.	1825 г.	1851 г.	1861 г.
Химич. продукты . . .	402 т. руб.	1821 т. руб.	—	2076 т. руб.	3549 т. руб.
Краски	2646 т. »	7186 т. »	14 406 т. руб.	4836 т. »	9023 т. »
Хлопок-сырец	?	18 000 т. пуд.	28 000 т. пуд.	1152 т. ауд.	2190 т. ауд.
Машин и аппараты	—	—	—	1929 т. руб.	4752 т. руб.

Увеличение ввоза химических продуктов, красок, а так же хлопка-сырца несомненно находилось в связи друг с другом, так как химикалии и краски в значительной мере потреблялись в текстильной промышленности. Значительный ввоз машин начался после 1842 г., когда в Англии было снято запрещение на вывоз текстильных машин. Следует также отметить, что если хлопок-сырец, ввозимый через

¹ Значение С.-Петербурга во внешней торговле.

Петербургский порт, в первые десятилетия почти не оставался в столице, а шел транзитом в Центральный промышленный район, то начиная с 40-х годов он стал в значительной части потребляться на петербургских хлопчатобумажных предельных. В связи с развитием текстильной промышленности столицы и особенно Центрального промышленного района находилось снижение ввоза готовых тканей.

Ввоз готовых тканей через Петербургский порт (в тыс. руб.) показывают следующие данные:¹

Названия товаров	1801 г.	1812 г.	1825 г.	1851 г.	1861 г.
Надежи шерстяные	5417	—	7707	982	1744
Надежи хлопчатобум.	2593	819	5870	840	1626

Резкое падение ввоза тканей в 1812 г. находилось в связи с осуществлением континентальной блокады и наступившей в июне 1812 г. Отечественной войной.

Приведенные данные показывают, что осуществление капиталистической индустриализации, которая в своей начальной стадии проходила в отраслях легкой промышленности, как наиболее доходной, и прежде всего в области хлопчатобумажной промышленности, ставило русскую промышленность, в том числе и петербургскую, в зависимость от западноевропейского капитализма, по преимуществу английского, как в отношении сырья и вспомогательных материалов, так и в отношении ввоза машинного оборудования.

Существенные изменения претерпела и структура вывоза Петербургского порта; прежде всего наблюдался значительный рост вывоза продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Следующая таблица дает представление об этом процессе. Через Петербургский порт было вывезено (в пудах):²

Названия товаров	1801 г.	1812 г.	1825 г.	1851 г.	1861 г.
Пшеница	—	—	—	186 000	2 807 000
Рожь	—	—	—	1 637 000	4 669 000
Лен	643 000	—	434 000	616 000	1 297 000
Шерсть	—	—	—	36 000	257 000

Вывоз сала несколько снизился. Его было вывезено в 1825 г. 3005 тыс. пуд., в 1851 г. — 2696 тыс. пуд. и в 1861 г. — 2215 тыс. пуд.

¹ Значение С.-Петербурга во внешней торговле.

² Там же.

Совершенно иная картина наблюдалась с вывозом предметов промышленного производства. Из Петербургского порта было вывезено:¹

Названия товаров	1801 г.	1812 г.	1825 г.	1851 г.	1861 г.
Железо . . .	1436 тыс. пуд.	782 тыс. пуд.	825 тыс. пуд.	436 тыс. пуд.	162 тыс. пуд.
Погаш . . .	384 * *	288 * *	507 * *	25 * *	37 * *
Канаты . . .	—	110 * *	100 * *	342 * *	227 * *
Полотно . .	—	241 тыс. куск.	—	45 тыс. куск.	23 тыс. куск.
Холст . . .	—	—	—	4417 тыс. арш.	3340 тыс. арш.

В огромной степени возрос вывоз леса. Лесных товаров через Петербургский порт было вывезено в 1812 г. на 690 тыс. руб., в 1825 г. на 1 млн 92 тыс. руб., в 1851 г. на 7 млн 228 тыс. руб. и в 1861 г. на 7 млн 299 тыс. руб.

Рост вывоза сырых материалов и сокращение вывоза готовых изделий, продуктов промышленного труда, через Петербургский порт страдал общую тенденцию в развитии народного хозяйства всей страны. Сохранение крепостнических отношений грозило превратить Россию в сырьевой придаток индустриализирующегося Запада.

Общее представление о внешней торговле Петербурга в дореформенный период и об удельном весе (в процентах) столицы во внешней торговле (в ввозе, вывозе и общем обороте) всей страны могут дать следующие данные (в тыс. руб.):²

Годы	Вывоз во СПб.	% СПб.	Ввоз в СПб.	% СПб.	Общий оборот СПб.	В % во всей России
В ассигнациях						
1800	32 255	48,6	20 073	43,2	52 321	46,3
1805	30 152	39,4	20 493	38,1	50 645	38,8
1812—1815	77 930	45,4	61 506	57,9	139 436	50,1
1816—1820	93 474	39,3	114 027	63,7	208 101	40,7
1821—1825	108 841	50,8	117 700	66,8	221 601	58,0
1826—1830	100 341	49,8	122 427	64,2	222 768	55,2
1831—1835	106 549	46,0	122 508	62,0	229 057	53,3
1836—1840	124 160	42,9	152 656	62,0	277 816	51,8
В кредитных рублях						
1841—1845	30 408	35,8	41 717	53,0	72 125	43,8
1846—1850	36 316	35,3	47 876	53,6	84 192	43,7
1851—1855	23 276	25,6	37 784	42,4	61 060	33,9
1856—1860	47 873	29,5	73 549	49,9	121 422	39,2

¹ Значение С.-Петербурга во внешней торговле.

² Там же.

Эти данные показывают, что обороты Петербургского порта росли как в отношении ввоза, так и вывоза. Снижение оборотов наблюдалось лишь в отдельные годы, как это было в годы существования континентальной блокады или в годы Крымской войны. Но доля Петербурга в общем внешнеторговом балансе страны снижалась. Грузы частично стали отвлекаться в более удобные для судоходства балтийские порты, но до 70-х годов, как уже отмечалось, это обстоятельство еще не отражалось существенно на оборотах Петербургского порта. Падение роли столицы во внешней торговле страны в дореформенное время находилось в связи с увеличением грузооборотов южных портов. Во внешнеторговом балансе все большую роль начинал играть хлеб, экспорт которого осуществлялся по преимуществу через черноморские порты. К Петербургскому порту тяготел лишь волжский хлебный район. Все же до реформы почти 40% всего внешнеторгового оборота приходилось на Петербург. Столица продолжала сохранять значение важнейшего торгового центра всей империи. Это явствует не только из крупного удельного веса Петербурга во внешнеторговых оборотах страны, но и из структуры вывоза. Через Петербург вывозились товары не местного производства, если не считать некоторых товаров промышленного производства (например канаты), а товары привозные в столицу из внутренних районов страны (железо, сырье, лес и т. д.). Предметы ввоза в значительной части потреблялись в столице, в том числе и предметы производственного назначения. Поэтому обороты Петербургского порта отражали не только развитие промышленности столицы, но и расширение товарного производства всей страны.

Оптовые сделки, в том числе и сделки с заграницей, были сосредоточены главным образом на Петербургской бирже, которая помещалась на стрелке Васильевского острова в непосредственном соседстве с портом. Сделки, совершавшиеся на Бирже, находились под наблюдением Министерства финансов, в руках которого было сосредоточено и управление Биржей. Посредниками при совершении сделок являлись биржевые маклеры.

Рядом узаконенной правительство стремилось упорядочить биржевые сделки. В 1821 г. был введен ряд ограничений для торговли на Бирже. Надзор за Биржей был передан Городской ратуше, или Думе. В том же году Биржа была передана биржевому купечеству и на его содержание. Один раз в год созывалось общее собрание биржевого купечества, которое выбирало биржевой комитет. Функции биржевого комитета правительством были определены в 1831 г. Комитет должен был следить за «благочинием» биржевых собраний, выступать посредником в спорных делах, штрафовать виновных за разглашение ложных слухов в торговле, не допускать незаконные маклерские сделки. Тот же закон 1831 г.¹ определил права и обязанности биржевых маклеров и утвердил для них твердые штаты. «Биржевые маклера, — говорилось в законе, — суть утвержденные правительством по

¹ История С.-Петербургской биржи. СПб., 1903.

выбору и удостоверению купечества посредники в торговых сделках». ¹ Маклеры подразделились на биржевых и корабельных, последние заключали сделки на фрахты. Штат маклеров был определен в 100 человек. Содержанием маклеру должны были служить процентные отчисления от совершаемых им сделок. Сделки от имени казны могли совершать только главные маклеры, так называемые гофмаклеры. Предоставляя купечеству право выбора биржевого комитета, правительство, однако, сохраняло в нем свое «око» в лице председателя Городской думы, который в обязательном порядке являлся и председателем биржевого комитета. В 1832 г. был издан первый биржевой устав. По этому уставу посещение биржевых собраний объявлялось свободным для всех желающих, но правом совершения сделок пользовался ограниченный круг лиц: русские купцы 1-й и 2-й гильдий, иностранные купцы 1-й гильдии, заводчики и фабриканты, иностранные гости, т. е. лица, принявшие временное подданство в приморских портовых городах, но их торг был ограничен только шестью месяцами, петербургские купцы 3-й гильдии, крестьяне, покупавшие товар от купцов первых двух гильдий, крестьяне, торгующие по свидетельствам первых двух разрядов и некоторые другие категории лиц. Устав 1832 г. определил и состав биржевого комитета: он должен был состоять из 3 купцов и 3 маклеров. Разрешалось выбирать в состав комитета одного иностранного гостя и одного иногороднего купца. Председательствование в комитете было оставлено за городским головой. Этот порядок был изменен только в 1846 г., когда биржевое собрание получило право по своему усмотрению выбирать председателя биржевого комитета. Сделки на Бирже стали по уставу облагаться ежегодными взносами; размер их устанавливался биржевым комитетом. Два дня в неделю — вторник и пятница — считались курсовыми, в эти дни объявлялись новые курсы бумаг. ² Сделки на срок на фондовые бумаги строго воспрещались, но разрешались на товары. Такое запрещение на сделки с ценными бумагами было введено в целях борьбы с биржевой спекуляцией. Сделки с ценными бумагами стали совершаться на Бирже с 30-х годов: котировались облигации государственного займа 1804 г. и акции тогда еще немногочисленных акционерных компаний. Петербургская биржа за все дореформенное время сохраняла в основном характер товарной, а не фондовой биржи.

Помимо Биржи, оптовые сделки на хлеб совершались также в трактире «Хлебная биржа», который помещался на Калашниковской набережной — у основной стоянки барж с хлебом, приходивших в Петербург. С Калашниковской набережной хлеб непосредственно распределялся по торговой сети столицы.

Оптовая торговля мясными продуктами, маслом, яйцами, овощами была сосредоточена в Никольском рынке и частично в магазинах, примыкавших к Сенной площади. Горсткой улицы с ее оптовыми складами тогда еще не существовало, здесь товарные склады были построены в 60-х годах XIX в.

¹ История С.-Петербургской биржи.

² Там же.

На Никольской площади были построены также деревянные навесы, под которыми постоянно толпился масса народа, ищущего работы. Это была своеобразная биржа труда старого Петербурга. Такие же «биржи» рабочей силы находились и в ряде других мест столицы.

Товар оным отпущался также с многочисленных «буянов»,³ куда он привозился по Неве или морем. Розничная торговля велась на рынках и в магазинах, разбросанных по всей территории города. В 1-й Адмиралтейской части находился Круглый рынок. Он был расположен между Миллионной улицей и Мойкой. Своё название он получил по той форме, в которой был построен. Впоследствии его переделали, и свою первоначальную форму он потерял. Этот рынок обслуживал аристократическую часть города, и здесь было относительно чисто. На Петербургской стороне находился Сытный, или Обжорный, рынок. Под названием Сытного он сохранился до настоящего времени. Каменного павильона в дореформенное время здесь не было. Торговля велась в деревянных лавках и на ларьках. Рынок содержался крайне неопрятно, был захламлен тарой, соломой, гнилыми овощами, остатками мясных продуктов. Здесь не было даже общественных уборных. Такой же антисанитарный характер имел Андреевский рынок на Васильевском острове, где торговля велась в каменных рядах и на площади с возов. Сюда привозили свои товары жители окрестных деревень. В Московской части города находились рынки Ямской и Кузнечный, последний сохранился до наших дней. Но центральным продуктовым рынком столицы, настоящим «чревом Петербурга» становится в первой половине XIX в. Сенной рынок. Здесь можно было купить продукты дешевле, чем на других рынках, поэтому на Сенной народ толпился с раннего утра и до позднего вечера. Площадь была совершенно неблагоустроена. Здесь не было крытых помещений — железные павильоны, существовавшие на Сенной до реконструкции площади уже при советской власти, были построены в 80-х годах XIX в. Торговля на рынке велась с возов, с ларей и вразнос. Постоянной подачи воды не было, площадь была крайне засорена всякого рода отбросами, убиралась она нерегулярно, поэтому воздух был стравлен миазмами. Если к этому прибавить, что и торговцы содержали свои лари и свои руки, и одежду крайне неопрятно, то будет понятно, что Сенной рынок, как, впрочем, и другие рынки столицы, являлся настоящим рассадником всякого рода инфекционных заболеваний. Крупная торговля овощами и фруктами велась в лавках, расположенных во внутренних дворах Мариневского и Апраксина рынков.

Оптовая торговля промышленными товарами велась в гостиных дворах, расположенных на стрелке Васильевского острова. Здесь торговали привозными товарами. От Старого гостевого двора в настоящее время сохранились лишь проемы наружной галереи, но и они застеклены. Новый гостинный двор коренным

³ Так в Петербурге назывались складские места, где были построены амбары для бранкировки и оптового сбыта товаров.

образом перестроен для ряда факультетов Государственного Университета. От него сохранилась только наружная галерея. Здесь на стрелке острова, в сквере, разбитом в 1820 г. перед зданием биржи, были построены лавки, в которых торговали привозными товарами врозницу. Оптовая торговля промышленными товарами велась также во внутренних лавках Большого гостиного двора, построенного еще в XVIII в. на углу Невского и Садовой. По наружным линиям этого огромного помещения были расположены магазины, торговавшие промышленными товарами врозницу. Здесь была сосредоточена торговля мануфактурой и галантерейными товарами. Помещения верхнего этажа гостиного двора были заняты по преимуществу под склады. Такая же торговля велась в Малом гостином дворе, расположенном рядом с Большим гостиным двором. Богатые, подчас роскошные специализированные магазины были расположены по Невскому проспекту, который являлся главной торговой артерией столицы. Но на окраинах города специализированный магазин являлся редкостью. Здесь торговля велась в так называемых мелочных лавках. В мелочных лавках торговали всем: хлебом, мясом, пирогами, рыбой, мылом, мануфактурой, готовыми изделиями, бумагой и пр. Все это лежало рядом друг с другом. Сладкие пироги рядом с селедками или треской, мыло рядом с хлебом, крупы рядом с маслом. Продавцы рук не мыли. Отпустив рыбу или мыло, они тут же начинали отпускать хлеб. Ножи не очищались, — чем резали рыбу, тем резали и хлеб. Оберточной бумаги не было. Полы были крайне загрязнены, мылись они редко, а для сокрытия гризи их посыпали опилками. Естественно, что и продукты отпускались загрязненными. Такой тип магазинов сохранялся долго. Мелочная торговля была распространена также вразнос.

Характерной чертой торговли Петербурга, впрочем как и всей страны, являлось отсутствие твердых фиксированных цен. Это относится как к оптовой, так и к розничной торговле, как торговле продуктами, так и промышленными товарами. Цены при продаже назначали с запросом, поэтому торг являлся неизменной принадлежностью всякой сделки. Искусство продажи заключалось в том, чтобы продать подороже и всучить покупателю товар сортом похуже. «На обмань — не продашь» — являлось подлинным законом товарных сделок дореформенного Петербурга, как и всей страны. Важным моментом торговли являлось искусство завлечь покупателя в свою лавку. «Зазывалы» — в лице самого хозяина, но чаще всего приказчиков — стояли у лавок и усиленно зазывали покупателя зайти, суля ему и дешевые цены и высокое качество товаров. Особенно в роли зазывал прославились купцы-гостинодверцы.

* * *

Несмотря на растущую промышленность, широко развитую торговлю, коммерческие банки в столице, как и в других городах империи, не получили развития. Это являлось особенностью хозяйственной жизни Петербурга в дореформенный период. Во второй половине XIX в. это положение стало решительно меняться,

и в эпоху империализма Петербург стал не только столицей самодержавия, но и столицей финансового капитала России. Все крупнейшие банки страны к XX в. сосредоточились в Петербурге. В дореформенное время частный коммерческий кредит, конечно, существовал, но он существовал в форме частного кредита под векселя. Не было недостатка и в ростовщических операциях частных лиц. Но в столице не было ни одного частного коммерческого банка. Существовали только государственные банки. Сохранились основанные еще в XVIII в. Ассигнационный банк, находившиеся в ведении Опекунского совета Судные и Сохранные казны, основанный по учреждению о губерниях 1775 г. Приказ общественного призрения, продолжал функционировать созданный в 1786 г. Государственный Заемный банк. Но эти банки оказывали кредит по преимуществу дворянству. Правда, Заемному банку было предоставлено право выдавать ссуды и горожанам, но только под залог каменных домов и заводских строений, находившихся в Петербурге. Только при Ассигнационном банке в 1797 г. были основаны учетные или эсконтные конторы, которым было предоставлено право выдавать ссуды под купеческие векселя сроком не более 9 месяцев и ссуды под залог товаров, но только тех, которые были застрахованы в страховой конторе. В 1817 г. был основан Государственный Коммерческий банк с капиталом в 30 млн руб. Правление банка состояло из директоров, половина которых назначалась правительством, а половина выбиралась купечеством. Банку было предоставлено право приема вкладов, учета векселей сроком не более 6 месяцев и выдача ссуд под залог товаров. Конторы банка были открыты в Москве, Астрахани, Одессе и в ряде других городов. Коммерческий банк имел значительный успех в области привлечения вкладов. Но он находился под контролем Министерства финансов. Министр финансов Канкрин считал частные банки делом вредным, а задачу Государственного Коммерческого банка видел не в том, чтобы содействовать развитию промышленности и торговли, а в лучшем случае, в том, чтобы оказывать известную помощь только существующим коммерческим предприятиям. Фактически же и такая поддержка торговле и промышленности не оказывалась, а средства банка использовались для финансирования казны: Коммерческий банк свои активы передавал Заемному банку, а тот эти средства отдавал займам правительству. Но в то же время по вкладам надо было платить проценты. Опять же в интересах казны правительство в 1857 г. значительно понизило проценты по вкладам. Это совпало с начавшейся в стране учредительной горячкой; шло быстрое учреждение акционерных обществ, суливших акционерам быстрое и легкое обогащение. В результате начался быстрый стлив вкладов из государственных банков. Пришлось в Берлине и Лондоне заключить в 1859 г. заем на 12 млн фунтов стерлингов и в том же году выпустить для консолидации государственного долга 5% государственные билеты. Одновременно решено было ликвидировать прежние государственные банки. Летом 1861 г. был утвержден устав первого в столице частного банка: Петербургского городского кредитного общества для городских недвижимостей. За год перед тем,

в 1860 г., путем коренного преобразования Коммерческого банка был утвержден устав Государственного Банка. Этот банк сыграл огромную роль в хозяйственной жизни страны, в том числе и Петербурга. Но его деятельность относится уже к пореформенному времени.

Итоги хозяйственной жизни Петербурга за первую половину XIX в. показывают, что петербургская столица, как и вся страна, неудержимо втягивалась в процесс капиталистического развития. На крупных предприятиях наемный труд решительно вытеснял последние остатки принудительного труда. Капиталистическая система втягивала в процесс производства женский и детский труд. Примерно с 30-х годов развитие капитализма в промышленности стало вступать в третью стадию — фабричное производство. Мануфактура стала уступать место фабрике. Правда, степень механизации производства была еще не высока, механизацией были охвачены не все отрасли производства — в первую очередь этот процесс происходил в ведущей на начальной ступени капиталистической индустриализации отрасли производства — в бумагопрядении, механизация осуществлялась за счет главным образом привозных машин, хотя уже начало развиваться и собственное машиностроение. Все это вместе взятое говорило о том, что Россия вступала в стадию промышленного переворота. Таков был основной итог хозяйственного развития столицы. Осуществиться этот процесс мог только на базе проникновения капиталистических отношений в экономику всей страны. Отсюда вытекало и расширение торговых, как внутренних, так и внешних, оборотов столицы, отсюда диктовалась необходимость расширения путей сообщения и прежде всего создания железнодорожной сети. Остатки прежних, крепостнических отношений, выражавшиеся в применении крепостного труда почти исключительно в казенных предприятиях, так называемая «патриархальность» во взаимоотношениях между рабочими и предпринимателями, «патриархальность», прикрывавшая самую жестокую эксплуатацию, господство в ряде отраслей мелко-товарного и ремесленного производства, неразвитость коммерческого кредита, — все это не могло остановить неотвратимого развития капиталистической экономики. Это отразилось на всей жизни — и общественной и культурной — Петербурга, на изменении форм городского управления и, конечно, на составе населения столицы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА ОТ КОНЦА XVIII в. ДО 1861 г.

Население Петербурга в течение первой половины XIX в. увеличилось больше чем в два раза. Формирование населения города в этот период определялось теми глубокими социально-экономическими изменениями, которые происходили в первой половине XIX в. в России. В недрах разлагающейся крепостнической системы складывались элементы новых экономических отношений — капиталистических. В связи с развитием капиталистических отношений развивались и росли города, увеличивалось городское население. В городах с каждым годом увеличивалась прослойка ремесленников, а также складывались и развивались основные классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. История петербургского населения отражала внутренние процессы, происходившие в стране.

Как центр государственного управления Петербург являлся средоточием дворянской знати, для которой был открыт доступ к высшим государственным должностям. Вместе с тем сюда тянулось среднее и мелкое дворянство, составлявшее большую часть петербургского чиновничества и офицерства. Неизбежным спутником дворянина-крепостника были его крепостные слуги — дворовые, которые составляли значительную часть населения города. Как центр культурной жизни страны Петербург был средоточием русской интеллигенции: ученых, литераторов, художников, учителей, артистов, а также учащихся различных учебных заведений. Как центр экономической и торговой жизни Петербург привлекал

не только купцов и промышленников, но и огромное количество трудового народа. Ремесленники, рабочие фабрик и заводов, крестьяне, пришедшие на заработки, составляли подавляющую часть петербургского населения.

Крепостничество и в это время накладывает свою печать на состав населения Петербурга; представители двух антагонистических классов, дворяне-крепостники и крепостные крестьяне-оброчники, составляли значительную часть населения Петербурга, столицы огромного крепостнического государства. Показать детально процесс развития петербургского населения в первой половине XIX в. едва ли возможно, так как имеющийся статистический материал неудовлетворителен как в количественном, так и в качественном отношении. Единственными данными о населении за первую половину XIX в. являются полицейские отчеты. Они включали в состав населения столицы и временно проживавших в ней, следовательно и крестьян, работавших в Петербурге хотя бы по нескольку месяцев. Приведем данные о количестве жителей в Петербурге за все те годы первой половины XIX в., за которые они имеются в наиболее полном виде:

Годы	Количество населения	Мужчины	Женщины
1800	220 208	153 590	66 618
1801	202 143	148 591	53 552
1802	213 367	152 465	60 902
1803	214 919	155 315	59 604
1804	271 137	187 230	83 907
1815	385 004	281 709	104 285
1818	386 285	286 285	100 000
1824	444 324	319 233	125 091
1825	438 112	313 021	125 091
1828	448 649	324 173	124 476
1831	448 221	316 211	132 010
1832	449 368	294 468	154 900
1833	545 135	291 260	153 845
1834	441 378	288 766	152 612
1835	444 060	291 742	153 218
1836	451 974	330 564	121 410
1838	460 720	333 609	136 051
1839	476 386	337 512	138 874
1840	470 202	337 612	132 590
1843	443 360	292 791	150 569
1853	523 721	343 882	179 839

Приведенные данные показывают, что общее число петербургских жителей за полстолетия возросло на 300 тыс. человек, причем темпы роста населения были не одинаковы. В первые 25 лет средний прирост за год составлял 8716 человек,

а за следующие 15 лет, с 1825 по 1840 г., он упал до 2138 человек, поднимаясь до 4116 в годы с 1840 по 1853.

Петербургское население в основном росло за счет людей, прибывавших в столицу из всех губерний России, а не за счет естественного прироста населения. В этом легко убедиться, если сравнить официальные данные о родившихся и умерших в Петербурге. В годы с 1800 по 1810 число умерших превосходило число родившихся на 18 652 человека.¹ С 1810 по 1820 г. — на 25 061, с 1820 по 1830 г. — на 23 035 человек. В последующие годы смертность несколько уменьшилась, но все же она редко была ниже рождаемости.² По имеющимся данным, за 100-летний период с середины XVIII в. в Петербурге умерло на 143 928 человек больше, чем родилось.³ Эти данные показывают, что прироста населения за счет рождаемости в Петербурге не было. Таким образом, Петербург рос за счет пришлого населения. Подавляющее большинство всех прибывающих временно для работы или на постоянное жительство в Петербург составляли крестьяне и дворные. Следовательно, неравномерность роста петербургского населения за отдельные периоды зависела главным образом от количества приходившего в столицу крестьянства. Развивающиеся капиталистические отношения гнали обедневших крестьян в город. Они же привлекали туда и разбогатевших крестьян в поисках возможностей наиболее выгодного приложения своих капиталов в торговле и промышленности. Но эта общая причина проявлялась неодинаково в разные годы, в зависимости от общих экономических и политических условий в жизни страны.

Повышение петербургских жителей за счет пришлого населения обусловило еще одну примечательную черту Петербурга — значительный перевес мужского населения над женским. Из таблицы на стр. 507 видно, что женское население за первую половину XIX столетия увеличилось почти в 3 раза, но составляло едва $\frac{1}{2}$ общего числа жителей города. В 1800 г. женщин было 30%, в 1804 г. 30,9%, в 1825 г. 28,5%,⁴ в 1832 г. 34,4%, в 1843 г. 32,4% и в 1853 г. 34,1%. Из этого следует, что удельный вес женского населения поднимался чрезвычайно медленно. То же самое явление наблюдалось в Москве. Женщин здесь было в 1825 г. 36%, а в 1841 г. 38,3%. Основной причиной этого явления было то, что Петербург, как и Москва, притягивал прежде всего мужскую рабочую силу, так как на строительстве, на фабриках и заводах, в ремесле преобладал мужской труд. Из деревень на работу в Петербург приходили мужчины и жили здесь десятилетиями в отрыве от семьи. Это становится особенно очевидным, если сравнить соот-

¹ Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге. СПб., 1836, табл. 34, 35, 46, 47 и 48.

² В 1839 г. родилось на 2000 человек больше, чем умерло.

³ Архив судебной медицины за 1869 г., № 2, стр. 42.

⁴ Заметим здесь, что в 1825 г. в Петербург пришло особенно много крестьян в надежде получить работу на строительстве разрушенного наводнением города.

шенне количества мужчин и женщины по сословиям. Например, в 1824 г. среди дворян было 44,6% женщин, тогда как среди крестьянства женщин было только 14%, в 1838 г. 17,4%. Большая часть петербургского мужского населения родилась в деревне, лучшие годы жизни работала и жила в Петербурге, а умирать уходила обратно в деревню.¹ Кроме того, на соотношение количества мужского и женского населения имело влияние и то обстоятельство, что в Петербурге находилось от 30 до 40 тысяч солдат. Но это имело второстепенное значение по сравнению с приходящим мужским крестьянским населением. Не безинтересно отметить наличие большого количества холостых мужчин в Петербурге, особенно среди народных масс и низшего чиновничества. К этому следует добавить, что множество людей, состоящих в браке, жило в отрыве от семьи: по переписи 1869 г. из общего числа сказавшихся состоящими в браке около половины женатых мужчин, а из числа замужних женщин одна четвертая часть жили в разлуке со своими женами и мужьями.

По национальному составу население Петербурга представляло следующую картину. Русские составляли до 85% жителей города. Кроме русских, здесь жили представители многих национальностей России. Например, в 1818 г. в Петербурге было 400 финнов, 1600 латышей и эстов и 1500 человек других национальностей. В 40-х годах в Петербурге жили 19 149 поляков.² В составе населения Петербурга известное место занимали выходцы из других государств.

Примерно половину иностранцев составляли ремесленники, врачи, аптекари. Некоторые занимались в качестве мастеров и подмастерьев на фабрики и заводы. Много иностранцев подвизалось в качестве учителей и воспитателей в дворянских домах.³ Об общем числе чужеземцев как принявших русское подданство, так и оставшихся в прежнем подданстве точных данных не имеется. В 1818 г. их было в Петербурге 35 000 (немцев 23 612 человек, французов 4000, шведов 2360, англичан 900 и т. д.). В конце 40-х годов в Петербурге было 39 000 немцев,⁴ 2760 французов, 360 итальянцев⁵ и т. д. Вероятно, эти цифры несколько преувеличены. По данным переписи 10 октября 1869 г., немцев, например, было меньше — около 35 000 человек.

Таковы общие данные о движении населения Петербурга за первую половину XIX в. В начале XIX в. Петербург по числу жителей лишь незначительно

¹ О том, какие местности давали большую часть приходящего в Петербург населения, некоторые данные можно извлекать из списка лиц, прибывших в Петербург из других губерний, посланного Городской думой в Ремесленную управу в 1833 г. В списке означено 1326 человек, посланных в купечество и мещанство. Из Олонецкой губернии приходило 33,3%, из Ярославской 30,9%, из Костромской и Тульской по 8,6% и т. д. (ГИАЛО, ф. 223, св. 11, л. 313, лл. 2—39).

² Санктпетербург по переписи 10 декабря 1869 г., вып. 1, 1872, стр. XXVI—XXVII.

³ Таблицы к статистическим сведениям о Санктпетербурге, табл. 25.

⁴ *Mélanges Russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie impériale des sciences de St. Petersburg*, t. 1, livraison 5. St. Petersburg, 1849, стр. 386.

⁵ Там же, стр. 485.

превосходил Москву (в 1811 г. в Москве было 275 тыс. человек, а в Петербурге 300). Разница в количестве населения Москвы и Петербурга значительно возросла после 1812 г. Уменьшение населения Москвы от французского нашествия сказывалось и в последующие годы. Так, в 1825 г. в Москве было 257 694 человека, а в Петербурге 438 111. Такое же примерно соотношение сохранялось в 40-х и 50-х годах.

Размещение населения в городе не было равномерным. В силу исторических условий развития Петербурга более населенными районами города к началу XIX в. были центральные его части, расположенные между Невсой и Фонтанкой, а также Литейная часть и Васильевская. Остальные окраинные части, как Петербургская, Выборгская, Каретная и другие, были, напротив, слабо застроены и насчитывали очень небольшое количество населения. Примечательно также увеличение среднего числа жителей на каждый дом с 1814 по 1833 г. По 1-й Адмиралтейской части оно возросло на 45 человек — со 105 до 150, по 2-й Адмиралтейской на 15 человек — со 132 до 147, по 3-й Адмиралтейской на 25 человек — со 171 до 196, по Литейной на 19 человек — с 58 до 77. Это показывает, что в центральных районах города возводились большие многоэтажные здания. По всем остальным частям среднее число жителей на дом было вообще небольшим и за 19 лет незначительно возросло.

Но и в этих частях строятся единичные большие каменные дома. Этим объясняется увеличение числа жителей на дом в Васильевской части с 27 до 41 человека и в Петербургской с 15 до 26 человек. Отдельные части города отличались друг от друга не только количеством населения, но и социальным составом его. В центральных районах города заметную прослойку населения составляли представители господствующих классов, тогда как в окраинных частях селился по преимуществу трудовой народ.

Социальный состав петербургского населения в первой половине XIX в. был чрезвычайно сложен. Петербург, притягивая представителей различных социальных слоев России, отражал, как в зеркале, соотношение классовых сил в стране. Здесь с особенной выразительностью выступали наружу социальные противоречия эпохи. Паразитическое дворянство и угнетенное крестьянство, растущая буржуазия и зарождающийся рабочий класс, богатые купцы и незначительные торговцы, владельцы мастерских и бедные ремесленники, крупное чиновничество и мелкие канцелярские служащие — все жили здесь бок о бок иногда в одних и тех же домах, но вели совершенно отличную друг от друга жизнь. Богатство и бедность, власть и бесправие, праздность и изнуряющий труд здесь бытовали рядом.

Основные сведения о социальном составе петербургского населения могут быть извлечены только из официальных полицейских отчетов. Особенностью последних в этом отношении является то, что в них данные приводятся по сословиям. Конечно, сословное деление городского населения не совпадало полностью с классовым делением. Это следует особо подчеркнуть для первой половины

Вид на Неву от Петропавловской крепости. Графюра В. Пачерогина начала XIX в.

XIX в. — периода быстрого разложения феодального общества, когда развивающиеся капиталистические отношения приводили к разложению сословий. Внутри каждого сословия происходит поляризация классовых сил. Сословные группы мещан, ремесленников, крестьян не были едиными. Из их среды вырастают кадры русской буржуазии, с одной стороны, и пролетариата — с другой. Пад сословными привилегиями все сильнее поднимается и дает себя чувствовать власть капитала. Однако сословные различия сказывались во всех областях государственной и общественной жизни. Привилегированные сословия — духовенство и дворянство — с одной стороны, и крестьянское сословие — с другой, оставались попрежнему основными антагонистическими классами-сословиями крепостнической России. Поэтому приводимые ниже данные о составе петербургского населения по сословиям отражают в известной мере и классовый состав петербургского общества в первой половине XIX в. Движение населения по сословному составу приводится в таблице на стр. 513.¹

Рассматривая данные таблицы на стр. 513, мы прежде всего замечаем неравномерность в росте различных слоев населения. Самое значительное увеличение произошло в мещанстве. Оно возросло в 4 раза, причем особенно быстро этот процесс происходил в 20-е годы. Дворянство Петербурга увеличилось за этот же период почти в 3 раза. Следует, однако, отметить, что дворян в 20-х, 30-х и 40-х годах было больше чем в 50-х. Уменьшение числа купцов, которых в 1857 г. было меньше чем в 1801 г., не означало, конечно, уменьшения капитала, находящегося в обороте, а было связано с изменением самого понятия «купец», так как в 1807 г. размер объявляемого купеческого капитала был значительно увеличен. Число цеховых ремесленников почти не увеличилось, но это следует отнести за счет неточности полицейских сведений, так как по архиву Ремесленной управы можно наблюдать значительный рост ремесленного населения Петербурга. К 1843 г. почти в два раза возросла такая категория населения, как разночинцы. Дворовых в Петербурге было особенно много в 20—30-х годах, когда они составляли около $\frac{1}{4}$ части всего населения столицы. В начале 40-х годов их число несколько падает. Неуклонно растет крестьянское население столицы, достигая огромной цифры в 1857 г. Крестьяне составляли тогда 40,9% всего населения. Следует отметить, что в число крестьян полиция включила, исходя из сословного принципа, фабричных рабочих и ремесленников, работавших в Петербурге лишь временно.

Таблица на стр. 513 показывает не только динамику развития отдельных категорий городского населения, но и соотношение их. Рассматривая эту таблицу, видим, что крестьяне и дворовые составляли в некоторые периоды около половины всего населения города. Следует отметить также возрастание числа жите-

¹ Таблица взята из «Панорамы Петербурга» А. Башуцкого; к ней добавлены данные за 1843 г., почерпнутые из отчета обер-полицеймейстера (ЖМВД за 1844 г., ч. V) и за 1857 г., взятые из книги Е. Карновича «Санкт-Петербург в статистическом отношении» (СПб., 1860, стр. 41—45).

дей, записанных в мещанское общество Петербурга — это говорит о росте постоянного городского населения. О том же свидетельствует увеличение разночинцев. Значительную долю ($\frac{1}{10}$) населения составляли дворяне, как бывшие на службе, так и не служившие.

	1801 г.	1811 г.	1821 г.	1831 г.	1843 г.	1857 г.
Духовенство	520	611	1 901	1 924	2 218	2 490
Дворяне	13 171	23 045	40 253	42 601	49 373	37 025
Нижние воинские чины	30 058 ¹	48 138 ²	66 910 ³	45 819 ⁴	59 461 ⁵	40 035 ⁶
Купцы (петербургские и пногородные)	14 310	7 150	10 023	8 800	11 422	9 712
Мещане	12 676	21 625	24 167	44 393	44 957	48 292
Цеховые	10 738	15 631	7 187	11 795	15 277	10 821
Дворовые люди	26 104	28 324	91 828	98 098	56 321	56 531
Крестьяне	50 454	74 385	107 983	117 496	100 968	202 847
Разночинцы	35 002	66 554	59 241	63 119	67 602 ⁷	47 428 ⁸
Иностранцы ⁹	—	12 302	13 308	13 035	14 006	11 777
Охтенские жители ¹⁰	—	—	—	2 911	3 217	3 497
Всего	202 033	267 806	422 891	448 291	443 360 ⁷	494 656 ⁸

Таковы важнейшие изменения в распределении петербургского населения по сословиям, происшедшие за первую половину XIX в. Как же складывались различные сословные группы за изучаемое полувековье?

Записаться в состав городского общества — в купцы, мещане, ремесленники — могли только люди свободного состояния с соблюдением целого ряда формальностей, обладающие достаточными средствами; записавшийся выходил из своего сословия в одно из сословий городских обывателей. Но это было чрезвычайно

¹ В число нижних воинских чинов включались жены и дочери солдат (например в 1801 г. их было 6224).

² Указаны только нижние чины, находящиеся на службе.

³ В отчете обер-полицеймейстера показано 19 245 разночинцев, но мы прибавили к этому числу все те категории населения, которые включались в состав разночинцев в отчетах за 1831 г. и за более ранние годы (об этом см. ниже).

⁴ В число разночинцев в данном случае включены те же категории населения, что и в колонке 1843 г.

⁵ В это число вошли только те из иностранцев, которые не приняли русского подданства.

⁶ Выделение охтенских поселенцев в особую сословную группу объяснялось тем, что на них лежала обязанность нести повинности по Адмиралтейству.

⁷ В это число входят 15 337 воспитанников различных учебных заведений и другие мелкие группы, например около 700 почетных граждан, 542 иностранных гости и т. д.

⁸ В это число входят 12 702 воспитанника различных учебных заведений, 4903 служителей и сторожей учебных заведений, 3257 полицейских и пожарных и другие более мелкие группы.

сложно, а для крепостных вообще невозможно. Поэтому масса пришлое в Петербург населения оставалась в крестьянском сословии. Большая часть петербургского населения (сколо 40%), не записанная в городское общество, жила здесь до окончания срока паспорта и должна была отправляться в деревню за получением нового. Следовательно, крестьян всех разрядов — помещичьих, государственных и удельных, проживавших в Петербурге, можно считать лишь временными жителями города, хотя некоторые из них жили в городе десятилетиями. По закону «сельские обыватели» не имели права приобретать в Петербурге недвижимую собственность — дом, участок земли и пр.¹ В 1833 г. здесь было лишь 4 дома, принадлежащих крестьянам. В каком соотношении находились различные разряды крестьянства, показывает следующая таблица (по данным полиции):

	1836 г.	1838 г.	1839 г.	1843 г.
В Петербурге было:				
Крестьян помещичьих	63 711	59 160	61 550	63 275
Крестьян государственных	50 265	49 029	49 538	28 914
Крестьян удельных	13 919	12 927	13 949	4 365
Крестьян других наименований.	7 003	5 197	4 822	4 444
Всего	134 898	126 313	129 899	100 998

Мы видим, что помещичьи крестьяне занимали первое место. В 1836 г. их было 47,2%, а в 1843 г. уже 62,7%. Рост числа крепостных оброчных в Петербурге — неслучайное явление. Это свидетельствует о глубоком кризисе крепостнической системы. Все большее число крепостных для уплаты оброка и прокормления семьи было вынуждено уходить на заработки в города и прежде всего в Петербург, где основная масса их выступала как наемные рабочие. К крестьянскому сословию принадлежали, конечно, и дворовые, проживавшие в большом количестве в Петербурге. Положение тех дворовых, которые жили здесь не при господах, а по паспортам, ничем не отличалось от положения крестьян-оброчников. Те и другие обязаны были уплачивать своевременно оброк барину. Следует отметить, что число дворовых, находившихся при господах, постоянно уменьшалось. Если в 1838 г. из 76 725 дворовых Петербурга по паспортам жило 63,4%, то в 1843 г. число их возросло до 70%. Скопление большого количества дворовых этой категории (т. е. отлученных по паспортам) в Петербурге вызывало особое беспокойство Николая I, который считал, что они «составляют класс... наиболее опасный».² Усиленный отпуск дворовых на оброк по паспортам является также

¹ Св. зав., т. IX, ст. ст. 249 и 1047.

² Сб. РИО, т. 98, 1896, стр. 217.

примечательным явлением эпохи — помещик стремится уменьшить число непроезводительной дворян. Крестьяне и дворовые по прибытии в Петербург сдавали свои паспорта и получали с уплатой определенного сбора билеты Канторы адресов (1809—1839 гг.), а с 1839 г. билеты Адресной экспедиции. Билет был для них единственным видом на жительство в Петербурге. Только при наличии билета они могли быть приняты на работу по найму. От необходимости брать билет освобождались сезонные рабочие-строители: мостовщики, каменщики, штукатуры и др.

Основная масса крестьян и дворовых, отпущенных по паспортам, работала на строительстве, в торговле, на транспорте, в ремесленных мастерских, на фабриках и заводах Петербурга, а также по найму в частных домах «в услужения». Те крестьяне, которые занимались разными ремеслами, должны были записываться в соответствующие цехи и носили наименование временно-цеховых. Ремесленников, записанных в цехи, в Петербурге за разные годы было:

	1812 г.	1816 г.	1830 г.	1833 г.	1835 г.	1840 г.	1844 г.	1847 г.	1848 г.	1850 г.	1852 г.
Вечно-цеховых ¹ . . .	2013	2827	3640	3954	4015	3468	4721	5038	5260	5551	5447
Временно-цеховых . . .	—	—	—	22101	10581	17584	26073	28514	30303	—	—

Приведенные данные показывают постоянное возрастание числа ремесленников обеих категорий. Некоторое уменьшение роста наблюдается лишь в 30-х годах. Характерно, что для того же периода отмечается замедление в росте городского населения вообще. Из таблицы очевидно далее, что число ремесленников — постоянных городских жителей — было во много раз меньше, чем число ремесленников, проживающих в городе временно.

Петербургский ремесленник — в большинстве случаев еще не порвавший окончательно с деревней крестьянин. Полному отрыву его от деревни препятствовали крепостнические порядки. Чтобы показать это с большей очевидностью, выясним, из каких слоев населения формировались петербургские ремесленники. Сохранившиеся частично ревизские сказки 6-й, 7-й и 8-й ревизий, поданные вечно-цеховыми ремесленниками, дают возможность отчасти разрешить поставленный вопрос в отношении этой категории.

Таблица на стр. 516 показывает, что большая часть петербургских вечно-цеховых рекрутировалась из людей, выпущенных из крепостной зависимости. Причем больше всего записывались в состав городских ремесленников вольноотпущенные дворовые. Государственные крестьяне становились постоянными жителями Петербурга реже, чем бывшие крепостные. Из постоянных городских жителей — кушцов и мещан — в состав цеховых записывалось сравнительно

¹ Указано количество «душ», т. е. только мужское население.

Записалось в различные цехи	6-я ревизия ¹ на 513 рев. сказок 1811 г.	7-я ревизия ² на 199 рев. сказок 1815—1816 гг.	8-я ревизия ³ на 743 рев. сказок 1834—1835 гг.
Из отпущенных на волю дворовых	155 (30,2%)	80 (40%)	296 (39,5%)
Из отпущенных на волю крестьян	53 (10,3%)	16 (8%)	61 (8,1%)
Из государственных крестьян	45 (8,7%)	8 (4%)	48 (6,4%)
Из мещан петербургск. и других го- родов	48 (9,3%)	—	87 (11,6%)
Из купцов петербургск. и других го- родов	20 (3,8%)	3 (1,5%)	17 (2,2%)
Иноземцев	106 (18,8%)	73 (36,5%)	108 (14,5%)
Дети петербургск. мастеровых	35 (6,8%)	3 (1,5%)	9 (1,2%)
Незаконнорожденных и из воспи- тательного дома	6 (1,1%)	1 (0,5%)	92 (12,3%)
Из отставных солдат и солдатских детей	8 (1,5%)	—	—
Прочих	37 (9,5%)	15 (8%)	25 (4,2%)

небольшое число. Иноземцы, записанные в русские цехи, обычно принимали присягу на русское подданство.

О составе петербургских ремесленников, записанных временно в цехи, можно судить по данным 1844 г. Оказывается, что в 1844 г. в число временно-цеховых было записано 13 249 рабочих и 12 823 ученика, причем из рабочих 61,5%, а из учеников 65,9% были крепостные. Итак, почти $\frac{2}{3}$ всех петербургских ремесленников были крепостные крестьяне и дворовые, отпущенные помещиками на оброк по паспортам.

Говоря о количестве ремесленников в Петербурге, следует учитывать, что многие занимались различными ремеслами без записи в цехи. Например, в 1831 г. кухмистерского цеха мастера жаловались ремесленному голове, что «официанты, повара и кухарки, не быв записанными в кухмистерский цех, производят ремесло онному цеху дозволенное». Они просили воспретить этим лицам производить выпечку съестных припасов.⁴ В 1843 г. при расследовании вопроса о людях, проживающих без адресных билетов, было установлено, что многие ремесленники занимаются ремеслом без записи в цех.⁵ При ревизии Ремесленной управы иностранных цехов в 1843 г. комиссия обнаружила, что 115 мастеров-иностранцев не состоят в цехах, хотя «некоторые более 10 лет занимаются ремеслом, имея открытые магазины и вывески».⁶ Все эти факты позволяют утверждать, что ремесленников в Пе-

¹ ГИАЛО, ф. 223, св. 1—2, № 1, 2, 3.

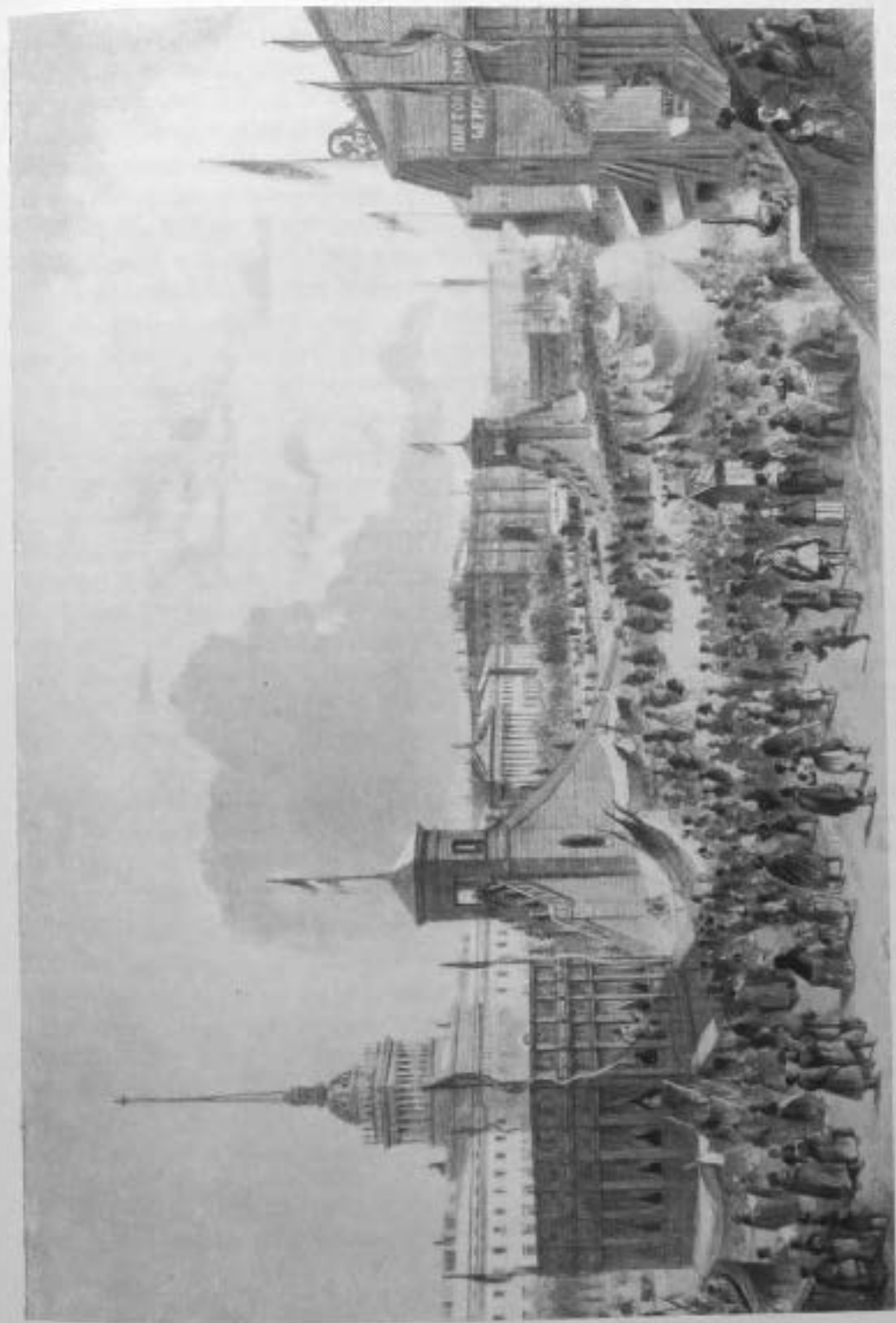
² Там же, св. 2, № 4.

³ Там же, св. 156, № 458; св. 16, № 459; св. 17, № 460.

⁴ ГИАЛО, ф. 223, св. 11, № 312, л. 8.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 145.

⁶ Там же, № 89, л. 74.

Гатявые воры и балаганы на Адмиралтейской площади. Литография с рисунка И. И. Шарлеманя, 50-е годы XIX в.

Петербурге было значительно больше, чем число записанных в цехи. Иностранцев, входивших в особые иностранные цехи, среди петербургских ремесленников было немного, причем число их постоянно уменьшалось. Так, в 1843 г. иностранных ремесленников было 1328 человек,¹ в 1846 г. — уже 1059² человек. Они вытеснились из ремесленного производства русскими мастерами. Указанная выше комиссия 1843 г. отметила, что одной из причин сокращения числа иностранных ремесленников является развитие русских цехов. Количество цехов в Петербурге не было постоянным. В ведомости Ремесленной управы 1833 г. перечислено 66 цехов. Среди них названы такие цехи, в которых числилось лишь несколько мастеров. Например, цех «прививания конских грив и хвостов», полотерный цех, пульный цех и др. В 1844 г. та же Ремесленная управа называет уже 51 цех. Приведем данные о составе наиболее крупных цехов:

Название цехов	Русские цехи (сведения 1848 г.)				Иностранные цехи		
	Постоянных ремесленников ³	Временных ремесленников ⁴			мастеров-иностранцев (свед. 1843 г.) ⁵	русских наемных (свед. 1844 г.) ⁶	
		мастеров	гол.-мастерсы	учеников		рабочих	учеников
Портовый . . .	623	624	1292	2142	180	155	824
Столярный	426	530	2303	1779	63	488	269
Сапожный	545	411	718	934	72	152	205
Валяльный	196	78	280	149	—	—	—
Слесарный	71	61	108	259	53	49	125
Булочный	41	131	439	152	158	175	109
Переплетный	87	93	105	162	29	24	29
Медно-бронзовый . .	141	113	297	356	22	65	58
Шорный	40	73	221	221	32	53	71
Малерный	141	324	598	370	13	—	—

Итак, мы видим, что в 40-х годах в Петербурге портняжным ремеслом было занято свыше 6000 человек, столярным около 5500 человек, сапожным около 4000, булочным свыше 1200 человек, малярным свыше 1000 и т. д. Иностранные цехи по количеству рабочих были во много раз меньше русских одновременных цехов.

Временно записанные ремесленники платили подушную подать и несли рекрутскую повинность по месту постоянного жительства. Работая в Петербурге,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 89.

² ГИАЛО, ф. 479, св. 503, № 249.

³ ГИАЛО, ф. 223, св. 35, № 581, лл. 23—33.

⁴ Там же, св. 42, № 778, лл. 22—23.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 89.

⁶ Там же, № 193, лл. 13—15.

они уплачивали лишь особый сбор, размер которого был установлен в 1846 г. для временно записанного мастера в 5 руб. 72 коп., для подмастерья — 58 коп., для учеников — 29 коп.¹ Само собой разумеется, что ремесленник-крепостной, а таких было большинство, обязан был платить значительный оброк помещику. Иностранцы ремесленники облагались различными платежами в пользу казны, города, а также делали взносы в цех.

Собственно податным городским сословием были лишь постоянные ремесленники. Кроме подушной оплаты, с них взимались и другие сборы. В общем выходило, что до 1827 г. они платили по 15 руб. 30 коп. с души, с 1828 г. — по 10 руб. 30 коп., а с 1834 г. — по 12 руб. 70 коп., в 40-х годах — 4 руб. 32 коп. серебром, с 1850 г. — по 2 руб. 38 коп. Уплата подушной подати ложелась тяжелым бременем на бюджет бедного ремесленника. Недоймки были обычным явлением. Так, за 10 лет, с 1827 по 1836 г., лишь по одному портновскому цеху было недобрано податей свыше 22 тыс.² Недоймка с одного ремесленника иногда превышала 100 руб. Кроме этого, ремесленники обязаны были регулярно вносить деньги в цеховую казну и уплачивать всевозможные одновременные сборы. Например, в 1830 г. было собрано по 5 руб. с души для отдачи рекрутов по 95-му набору, в следующем 1831 г. — по 3 руб. на расходы по 96-му рекрутскому набору. В 1835 г. (99-й набор) С.-Петербургское уездное казначейство требовало за каждого принятого рекрута взноса 57 руб. 28 коп. на обмундирование, провиант и жалованье. Богатая верхушка ремесленников, захватившая управление цехами в свои руки, старалась переложить всю тяжесть рекрутчины на бедняков. Так, в 1830 г. на собрании в Ремесленной управе старшины цехов приговорили отдать в рекруты лиц «из числа вечно-цеховых, имеющих казенную и общественную недоимку».³ Этим самым, конечно, нарушалась рекрутская очередь. Свообразной повинностью для ремесленников были казенные заказы. В 1816 г. казна заказала шить 320 егерских мундиров (по цене 2 руб. 80 коп.), 600 мушкетерских (по цене 2 руб. 40 коп.), 900 пар сапог по 1 руб. за пару. Так как казенная цена была очень низкая, то цехи — портновский и сапожный — постановили доплатить мастерам из цеховой казны сверх казенной цены за мундир егерский по 2 руб. 95 коп., мушкетерский по 2 руб. 85 коп., а за сапоги по 1 руб. 50 коп.⁴ Таким образом, для обеспечения казенного заказа нужен был добавочный денежный сбор с ремесленников. В 1830 г. по случаю нового требования от казны старшины сапожного и портновского цехов подали жалобу ремесленному голове на то, что уже в течение двух лет подряд эти цехи изготовляли с убытком для себя предметы военного обмундирования по казенным ценам, помогая «военным мастерам». Они просили на этот

¹ ГИАЛО, ф. 223, св. 42, № 778.

² Там же, св. 23, № 483, л. 57 об.

³ Там же, св. 10, № 307, л. 16.

⁴ Там же, св. 3, № 6, лл. 13—14.

раз переложить заказ на иностранные цехи, которые обычно освобождались от подобных обязанностей.¹ Ремесленники как постоянное городское сословие несли также некоторые повинности в пользу города.

Значительно более многочисленным городским сословием, чем цеховые, было мещанское сословие.

Под мещанами, или посадскими, разумелась основная масса постоянных городских жителей, не состоящая ни в ремесленных цехах, ни в купеческих гильдиях. Так как для записи в мещанское общество не требовалось ни определенного капитала (как в купцы), ни знание ремесла (как в цехи), то в это сословие поступали весьма различные слои лично свободного населения. Поэтому состав мещанства как по характеру занятий, так и по экономическому состоянию был чрезвычайно сложен. Характерной особенностью Петербурга является то, что здесь процент мещан к общему числу жителей был значительно ниже, чем в других городах.² Это объясняется прежде всего наплывом сюда огромного количества крестьянского населения.

Выше уже отмечалось, что за столетия мещанское население Петербурга возросло в 4 раза. Для выяснения вопроса, за счет каких категорий населения происходит этот прирост в первые четыре десятилетия XIX в., сохранились лишь случайные сведения. По списку лиц, переведенных из других губерний в Петербургскую, устанавливается, что с начала 7-й ревизии (т. е. с 1815 г.) и по 1827 г. в петербургское мещанство записалось из мещан других городов 382, а из наземных крестьян — 584 семейства.³ За 1841 г. в число мещан вступило вновь 421,⁴ за 1847 — 314 душ.⁵ Эти вновь записанные в мещане происходили из следующих разрядов населения:

	1841 г.	1847 г.
Из купцов, не объявивших купеческого капитала	153	149
Из вольноотпущенных	126	78
Из мещан других городов	44	29
Из государственных крестьян	29	15
Прочих	69	43
	<u>421</u>	<u>314</u>

Однако следует учитывать, что за счет купцов мещанство Петербурга фактически не росло, так как ежегодно из петербургских мещан записывалось в купцы столько же, а иногда и большее число семей, сколько из купцов переходило в мещане. Например, в 1841 г. из мещан в купцы перешло 350 душ, а в 1847 г. — 160 душ, и т. д. Пополнение числа мещан (а значит и рост городского населения

¹ ГИАЛО, ф. 223, св. 10, № 307, лл. 85—86.

² И. Дитятин. Устройство и управление городов России, т. II, Ярославль, 1877, стр. 333—334.

³ ГИАЛО, ф. 223, св. 11, № 1313, лл. 2—39.

⁴ ГИАЛО, ф. 479, св. 759, №№ 238, 239.

⁵ Там же, св. 803, № 249.

вообще) происходило за счет других перечисленных в таблице категорий населения. Примерно половина вновь записанных в 1841 и 1847 гг. мещан (433 семьи) состояла из вольноотпущенных, около 17% составляли мещане других городов, около 10% государственные крестьяне. Остальные 20% записанных были кантонисты, воспитанники воспитательных домов, уволенные из государственных учреждений и т. д. Итак, данные о поступивших в мещане за 1841 и 1847 гг. позволяют утверждать, что петербургское мещанство формировалось из тех же категорий населения, что и вещно-цеховые ремесленники. Большую долю там и здесь составляли отпущенные на волю крепостные. То же подтверждается и данными за 1850 г. Из 1777 мещанских семей, поселившихся в Петербурге между 8-й и 9-й ревизиями, 235 происходило из купцов, 211 — из мещан других городов, 569 — из вольноотпущенных, 127 — из государственных крестьян, 475 — из воспитанников воспитательных домов, 23 — из отставных солдат и унтер-офицеров, 137 — из других категорий.¹

Мещане были податным сословием. Они платили подушную подать и несли рекрутскую повинность. Последняя всей тяжестью ложилась на плечи беднейших слоев мещанства, так как богачи, спасая своих сыновей от рекрутчины, переходили часто в купцы, а назначенное число рекрутов бралось с остальных мещан. Основная масса мещанского населения выступала в качестве мелких ремесленников, разносчиков, слуг, рабочих и т. д. В источниках часто упоминаются подешники, официанты, чернорабочие и грузчики из мещан. По подписям на ведомостях о заработной плате рабочих Казанского собора можно видеть, что петербургские

Мастер у сложеника. Картина маслом А. Г. Денисова 1832 г.

Государственный Русский музей.

¹ ГИАЛО, ф. 479, №№ 143, 147.

мещане работали годами в артелях каменотесцев. Мещане-рабочие вступали в настоящую конкуренцию с рабочими, пришедшими из деревень. К. Арсеньев сообщает про ищущих работу мещан: «...при всем старании их они не могут попасть на биржу для нагрузки и выгрузки товаров; их не пускают туда артели крестьян».¹

Близко к мещанам по экономическому положению стояла значительная группа населения города, именуемая неопределенным названием разночинцы. Современники не могли дать точного определения этой категории населения. Например, комментатор обер-полицеймейстерского отчета за 1843 г. отметил, что кто такие разночинцы, «остается в неизвестности». Несомненно, что подавляющее большинство разночинцев принадлежало к малоимущим слоям городского населения, жило личным трудом. Немного было среди них собственников недвижимости. По данным имущественной оценки 1843—1844 гг., в Петербурге было всего 411 строений, принадлежавших разночинцам со средней оценочной суммой около 2000 руб., т. е. даже ниже, чем средняя оценочная сумма мещанских владений. До 1835 г. в сохранившихся обер-полицеймейстерских отчетах в число разночинцев, наряду с лицами умственного труда, включались отставные солдаты, солдатки, театральные служители, ямщики, колонисты, вольноотпущенные, не приписавшиеся ни к какому сословию, и др. Все перечисленные группы занимались каким-либо ремеслом, вели мелкую торговлю или работали по найму в качестве сторожей (солдаты), слуг или чернорабочих.

С 1836 г. в разночинцы полиция включала только тех, которые благодаря образованию выходили из податных сословий, становились людьми умственного труда.

Разночинцы пополнялись из различных сословий. Каждый год в число разночинцев из мещан, купцов и цеховых ремесленников выходил не один десяток лиц по случаю окончания ими того или иного учебного заведения. Выходя из городских сословий, эти люди, если они не поступали на государственную службу, становились в ряды разночинцев. Кроме того, петербургские разночинцы пополнялись за счет выходцев из провинциального духовенства, мещанства, купцов и т. д. Н. В. Шелгунов говорит об особой тяге молодежи в Петербург.² Разночинцы находили здесь работу в качестве учителей и гувернеров в частных домах и пансионах. Получившие медицинское образование становились лекарями, врачами. Многие поступали на службу в купеческие и фабричные конторы. Многие разночинцы, особенно во второй четверти XIX в., шли в литературу. Люди так называемых свободных профессий — литераторы, журналисты, репортеры, художники, музыканты и т. д. — составляли значительную часть петербургской разночинной интеллигенции.

¹ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836, стр. 122.

² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Пгр., 1923, стр. 263.

Из вышесказанного о разночинцах можно заключить, что этот термин в более узком смысле означал лишь интеллигенцию, а в более широком смысле до 1835 г. — все те категории петербургского населения, которые проживали в городе, но не были причислены ни к одному из сословий. Материальное положение значительной части разночинной интеллигенции было не лучше, чем положение широких народных масс. В отличие от дворянской интеллигенции, которая жила большей частью за счет труда своих крепостных, интеллигенты-бедняки, выходцы из крестьян, мещан, провинциального духовенства и чиновничества, существовали исключительно своим трудом. Тяжелая жизнь Некрасова в первые годы пребывания в Петербурге представляет яркий пример экономического положения интеллигента-бедняка. За неимением мебели ему приходилось писать, лежа на полу; не было денег для покупки чернил. Он не имел также шивели, сапог и часто был голоден, так как не мог купить хлеба. В романе Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» дана яркая картина жизни различных категорий петербургского населения, в том числе интеллигенции. Герой романа интеллигент Тихон Тросников попадает в низы общества — в «петербургские углы», где вьются люди, которые не знают, что они завтра будут есть. Многие интеллигенты-разночинцы погибали в борьбе с подобными испытаниями, как, например, погиб среди нищих «сумочников и подоковников» герой «Повести о бедном Климе».¹ Та часть из них, которая «выбивалась в люди» в условиях классового общества, естественно, служила господствующим сословиям и нередко в социальном отношении сливалась с ними.

Если в сословном отношении каждая из перечисленных выше групп рассматривалась как единое целое, то в экономическом отношении внутри каждой из них имелись резкие различия. Развитие капиталистических отношений в стране приводило к тому, что внутри сословных групп петербургского населения складывались элементы новых классов — классов капиталистического общества: росла буржуазия, развивался пролетариат. Однако следует помнить, что это созревание основных классов буржуазного общества происходило в условиях крепостнической системы, господствовавшей в России вплоть до 60-х годов XIX в. Это обстоятельство усложняло классовую структуру населения Петербурга, так как здесь, наряду с растущими новыми классами, продолжали существовать основные классы крепостнического общества — дворяне-крепостники и крепостные крестьяне. Развивающиеся буржуазные отношения были опутаны крепостническими отношениями, которые наложили свой стечаток на жизнь всех слоев населения.

* * *

Трудящееся население Петербурга постоянно пополнялось за счет крестьян, приходивших сюда в поисках заработка. Крепостной человек, попадая в Петер-

¹ Н. А. Некрасов. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Л.—М., 1931.

бург, становился наемным рабочим. Его отношения к работодателю строились не на основе личной зависимости (как к помещику), а на основе договора найма. Получалось такое положение, что лично зависимый от помещика крестьянин в Петербурге выступал свободным продавцом своей рабочей силы. Конечно, он не избавлялся этим от крепостнической эксплуатации, так как обязан был улаживать оброк помещику. Кроме того, этот крестьянин, став наемным рабочим, эксплуатировался со стороны своего нанимателя — фабриканта, подрядчика, хозяина ремесленной мастерской или домовладельца.

Общее число работающих по найму в Петербурге можно определить лишь приблизительно. Значительную часть наемных рабочих составляли слуги всех рангов, дворники, вестники и другие чернорабочие, нанимавшиеся в частные дома. Меньшее число наемных рабочих сосредоточивалось в промышленности и ремесле.

Каждый желавший наняться на работу в частный дом обязан был получить взамен паспорта билет Конторы адресов, а с 1839 г. билет Адресной экспедиции, уплатив при этом адресный сбор.¹ Для получения билета нужно было представить отмеченный в квартале паспорт, который и оставался в Экспедиции до окончания срока билета, выдаваемого обычно на 1 год. Адресные билеты с 1839 г. устанавливались пяти разрядов (до этого времени билеты были двух разрядов). Билет 1-го разряда должны были иметь учителя, гувернеры, компаньоны и иностранные аптекари, комиссионеры, писмоводители и бухгалтеры в купеческих конторах, приказчики у купцов, подрядчики, управляющие имениями и домами; билет 2-го разряда — дидьки, дворецкие, кухмистеры и повара иностранцы, кондитеры, буфетчики, казначей, маркеры, целовальники, экономки и иностранцы-садовники; 3-го разряда — камердинеры, кухмистеры и повара из русских, швейцары, сидельцы гостиного двора и лавок, артельщики, скульпторы, лешные мастера и разного рода мастеровые и ремесленники, в цехи не записанные, работницы мод и горничные; 4-го разряда — лакеи, кучера, дворники, кормилицы, кухарки и прачки; 5-го разряда — поваренки, фореиторы, чернорабочие в домах, ученики у мастеровых и ремесленников и разносчики.

Установить точно, сколько записывалось ежегодно людей в Конторе адресов или в Адресной экспедиции, невозможно, так как архивы этих учреждений исчезли. Но кое-какие отрывочные сведения о деятельности их, сохранившиеся в делах Министерства внутренних дел, позволяют привести хотя бы примерные данные о количестве людей, работавших по найму.

В частности, известно, что за 1810—1811 гг. в конторе записалось 120 тыс. человек,² т. е. в каждый год записывалось до 60 тыс. человек; цифра достаточно большая, если учесть, что жителей в городе было тогда около 300 тыс. В дальней-

¹ Билеты Конторы адресов 4-го и 5-го разрядов обязаны были иметь также фабричные рабочие. По закону 1835 г. хозяин фабрики мог сам производить обмен адресных билетов для своих рабочих (ПСЗ, Собрание 2-е, т. X, стр. 448).

² ЦГИАЛ, ф. 1287, ов. 175/176, № 201, л. 32.

Стекольщик, маляр и плотники. Литография Н. С. Жуковского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.

шем число записывающихся возрастает. В 1837 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов писал, что ежегодно в 1-м отделении Конторы адресов, «куда принадлежат все, отправляющие должности выше лакейской», записывалось от 15 до 18 тыс., во 2-м отделении, куда принадлежат «лакеи, кучера... и вообще черно-рабочие» — около 120 тыс. Кроме того, давалось полугодичных билетов и отерочек до 20—25 тыс. Следовательно, ежегодно выдавалось по обоим отделениям до 170 тыс. билетов. Адресная контора, находившаяся в районе Театральной площади, была самым оживленным местом Петербурга. «Здесь, — пишет далее Блудов, — почти в каждый будничныи день бывает... вкладывающих и выкупающих свои паспорта 1000 и 1200 человек». Ежегодный адресный сбор превышал 600 тыс. руб.¹ С учреждением Адресной экспедиции в 1839 г. число получающих билеты не уменьшилось. Так, сама Адресная экспедиция сообщала в 1844 г., что ежегодно записывается до 150 тыс. человек, а если прибавить выходцев из Финляндии, поляков и других, то наберется и 170 тыс.² Подавляющее большинство

¹ ЦИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 58, лл. 50—51.

² Там же, № 201, л. 30 об.

билетов выдавалось по 4-му и 5-му разрядам. В рапорте 1844 г. Адресная экспедиция сообщала, что записанных по 4-му и 5-му разрядам «крестьян, дворовых людей и разночинцев, в чернорабочих должностях находящихся, ежегодно бывает по плакатным и кормежным видам до 120 тыс. человек».¹ Из приведенных данных очевидно, что около трети населения Петербурга проживало по билетам Адресной экспедиции, т. е. работало по найму. Следует, кроме того, учесть, что многие уклонялись от платежа адресного сбора, совсем не брали указанных билетов. Об этом имеются данные в ряде полицейских документов.

Вышеприведенные цифры работающих по найму не полны еще в том отношении, что они не включают многочисленной категории сезонных рабочих, которые, как указывалось выше, освобождались от записи в Конторе адресов и Адресной экспедиции. Главную массу их составляли рабочие-строители.

Количество таких временных рабочих в Петербурге достигало 40—60 тыс. В некоторые годы оно доходило до 75 тыс. Много крестьян прибывало в Петербург в качестве бурлаков. В 1807 г. на барках и судах в город прибыло 27 793 человека. К 40-м годам число их достигало 16 тыс. человек. Зимой в город наезжало до 3 тыс. крестьян-извозчиков, которые оставались здесь до весны.

Приведенные выше данные показывают, что количество работающих постоянно или временно по найму в Петербурге достигало огромной цифры, иногда превосходило 200 тыс. человек. Из этой большой армии трудового населения столицы следует прежде всего выделить малочисленную пока, но имеющую великое будущее, группу фабрично-заводских рабочих. Сохранившиеся далеко не полные сведения о числе фабрично-заводских рабочих Петербурга приведены в главе XV, посвященной экономической жизни города. Напомним здесь, что в первом десятилетии XIX в. работало не менее 5 тыс. наемных рабочих, в середине 40-х годов — 11 620 рабочих и в 1862 г. — 49 342 рабочих. Несмотря на неvollноту этих данных, все же они показывают, что число фабрично-заводских рабочих Петербурга по сравнению с числом лиц, работавших по найму, было сравнительно невелико.

Значительную часть трудящегося населения столицы составляли рабочие-строители. О большом числе строителей мы можем судить по масштабам строительных работ, которые проводились в Петербурге в первой половине XIX в. Казанский и Исаакиевский соборы, Адмиралтейство, постройки России, строительство дворцов для членов царской семьи — все это требовало многих тысяч рабочих. Кроме того, каждый год строилось около сотни новых каменных и деревянных так называемых «сбивательских» домов. Например, в 1831 г. начато строительство 132 зданий, в том же году закончено 81 здание, а так как трудно предположить, чтобы городской дом выстраивался в то время за один сезон, то можно считать, что в 1831 г. в городе было по крайней мере 213 строительных площадок. В 1832 г. число их возросло до 265. Рабочую силу с избытком давала разорявшаяся деревня.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 201, л. 31.

Из внутренних губерний каждую весну шли в Петербург на заработки многие тысячи крестьян. Каждая губерния поставляла своих специалистов: Вологодская и Ярославская — каменщиков, Костромская — плотников, Олонецкая — гранильщиков, белорусские губернии — землекопов и т. д. Многие из них поступали в работники к подрядчикам, часть кормилась подневной работой. В конце октября с окончанием строительного сезона рабочие расходились по своим деревням. О положении рабочих-строителей можно судить по двум крупнейшим строительством первой половины XIX в. — Казанского и Исаакиевского соборов. Оба эти строительства велись последовательно на протяжении более чем 50 лет, привлекая ежегодно тысячи работников. Рабочие для различных строений Петербурга поставлялись главным образом подрядчиками. Иногда крупные заказчики самостоятельно договаривались с артелями рабочих. Комиссия строения Казанского собора сама отпращивала чиновников в Ярославскую, Костромскую и другие губернии России для найма рабочих по деревням. Так, например, в 1805 г. комиссар Чижев нанял «по-артельно на местах их жилищ» 150 каменщиков. При заключении договора у крестьян отнимался паспорт и им выдавался задаток.¹ Отработав сезон 1805 г., все 150 рабочих обязались явиться и в 1806 г. (явилось 146 человек). Особо острый недостаток каменщиков на строительстве, видимо, ощущался в 1807 г. Дело дошло до того, что в Шлиссельбург был направлен чиновник «для найма идущих в пути к С.-Петербургу каменщиков». Но из этого ничего не вышло, так как все проходящие рабочие были «задачены подрядчиками еще в их жилищах».² Иногда удавалось найти рабочих и в Петербурге. Одни и те же каменотесцы работали на строительстве по несколько лет непрерывно. Кроме постоянных рабочих, на строительстве Казанского собора широко применялся труд подневников. В летние месяцы число их ежедневно достигало 100 человек. Этот факт показывает, что в городе в то время имелось большое количество трудящихся, живущих за счет случайного заработка.

Приведенные выше примеры говорят, что в первое десятилетие XIX в. многие рабочие поступали на строительство помимо подрядчиков. Положение изменилось в 20—30-е годы. Роль подрядчиков возросла. Подавляющее большинство рабочих для строительства Исаакиевского собора уже поставлялось ими. Крупные подрядчики из крестьян и купцов захватили в свои руки право набирать рабочих, следить за их работой и производить им оплату. Даже подневные рабочие поставлялись теперь подрядчиками. Так, в 1828 г. купцы Шихин, Подддорф и Молчанов обязались для «поднятия колонн» поставлять в назначенные числа по 300—600 человек подневных «валовых» рабочих.³ В том же году подрядчик Ахлестин поставляет подневных каменщиков. В 1843 г. купец Исаков заключил договор на поставку

¹ ЦИАЛ, ф. 817, № 392, лл. 3—12.

² Там же, л. 326.

³ ЦИАЛ, ф. 1311, № 445, л. 19.

поденных плотников «по нарядам и по мере надобности». Большое значение приобретают мелкие подрядчики, которые поставляют по 10—20 человек поденных рабочих.¹ Каждый крупный подрядчик имел разветвленную сеть агентов и контор. С помощью этого аппарата подрядчики держали в своих руках рынок рабочей силы. Следовательно, возрастание роли подрядчиков в производстве строительных работ означало усиление эксплуатации рабочих.

Условия труда на крупных государственных строительствах известны более или менее подробно. Здесь весь ход работ (как то: продолжительность рабочего дня, распределение его, отношения между рабочими и администрацией и т. д.) регулировался распоряжениями государственных органов. Условия труда на частных строительствах были, вероятно, в общем такие же. Но надо полагать, что имелись и отклонения, так как здесь подрядчик имел больше возможностей вмешиваться в определение порядков производства, чем на государственных стройках, где его роль сводилась к выполнению предписаний администрации строительства.

Продолжительность рабочего дня на строительстве зависела от времени года, так как работы велись обычно только при дневном свете. Например, в так называемом «ручном реестре по гражданской архитектуре» рабочий день в январе и декабре определялся в 7½ часов, в феврале и ноябре в 9 часов, в марте и октябре в 11 часов, в апреле и сентябре в 13 часов, в мае, июне, июле и августе в 16—18 часов.² В действительности продолжительность рабочего дня была еще больше. Так, в договоре на поставку каменщиков к строительству Казанского собора на летние месяцы 1803—1804 гг. говорится: «...на работу выходить обыкновенно при восхождении солнца... и останавливаться при захождении солнца»,³ т. е. устанавливалась работа от зари до зари, присущая крестьянскому хозяйству. Майский день в Петербурге равен 17½ часам. Следовательно, за вычетом 2-часового обеденного перерыва рабочее время исчислялось в 15½ часов. В зимнее время рабочий день был также продолжительным для тех рабочих, которые могли работать при искусственном освещении. Так, каменотесцы в 1805—1806 гг. выходили на работу в 5 часов утра и шабанили в 8 часов вечера, на обеденный перерыв давался 1 час, т. е. рабочее время длилось 14 часов.⁴ На строительстве Казанского собора рабочий день устанавливался летом с 4 часов утра до 9 часов вечера, зимой с 5 часов утра до 8 часов вечера, «полдни» летом 2 часа, зимой 1 час.⁵ На строительстве Исаакиевского собора зимой 1821/22 г. каменотесцы работали также с 5 до 8 часов.⁶ Рабочий день поденщиков был иногда короче. В 1819 г. в договоре на свай-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 470, л. 16.

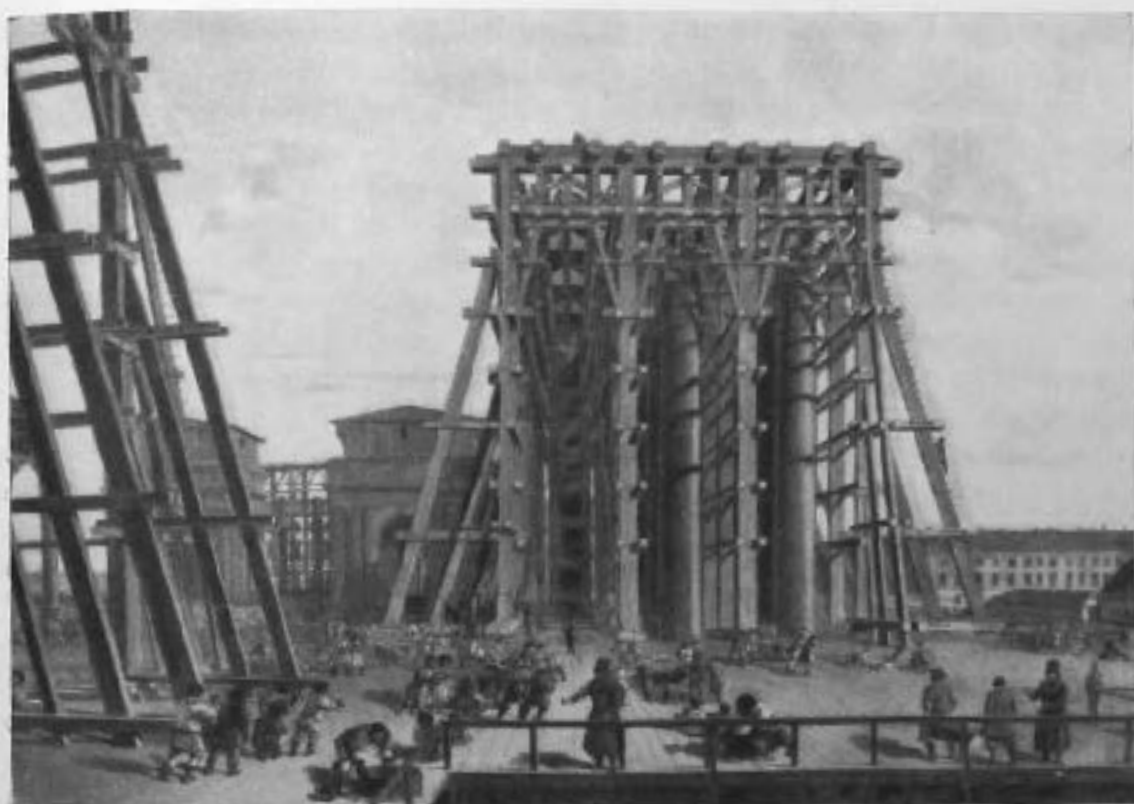
² Там же, 1311, № 462, л. 52.

³ ЦГИАЛ, ф. 817, № 155, л. 12; там же, № 321, лл. 8—9.

⁴ Там же, № 374, лл. 108—109.

⁵ Там же, № 712, л. 4.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 115, лл. 7—8.

Установка колонн южного портика Исаакиевского собора. Акварель О. Монферрана 1829 г.

ную бойку устанавливалось: работать «в каждый день не более 14 часов, подещкам же, кои поставлены будут к ручным копрам, приходиться на 1 час позднее и шабашить на 1 час раньше».¹ Подрядчики, взявшие работу оптом, имели право произвольно увеличить рабочий день. Например, в 1829 г. Монферран предлагал разрешить подрядчику Яковлеву, которому была отдана оптом отделка колоны, производить работу дольше и даже в праздничные дни «по собственному его Яковлева усмотрению».² В декабре 1830 г. тому же Яковлеву было разрешено для скорейшего окончания мраморного цоколя работать по вечерам при свете. Итак, рабочий проводил на работе от 14 до 17 часов ежедневно. В праздники (52 воскресенья и другие церковные и «парские» дни) подрядчик мог привлечь рабочих на работы лишь за особую плату.

В 1831 г. царь приказал работать «по все дни табельных праздников» на том основании, что «в настоящих обстоятельствах праздность рабочего народа обращается ему во вред».³

¹ ЦГИАЛ, ф. 1314, № 51, лл. 4—5.

² ЦГИАЛ, Кабинет Монферрана, № 112, л. 1.

³ К. А. П а ж и т н о в. Положение рабочего класса в России, т. I, Л., 1925, стр. 102.

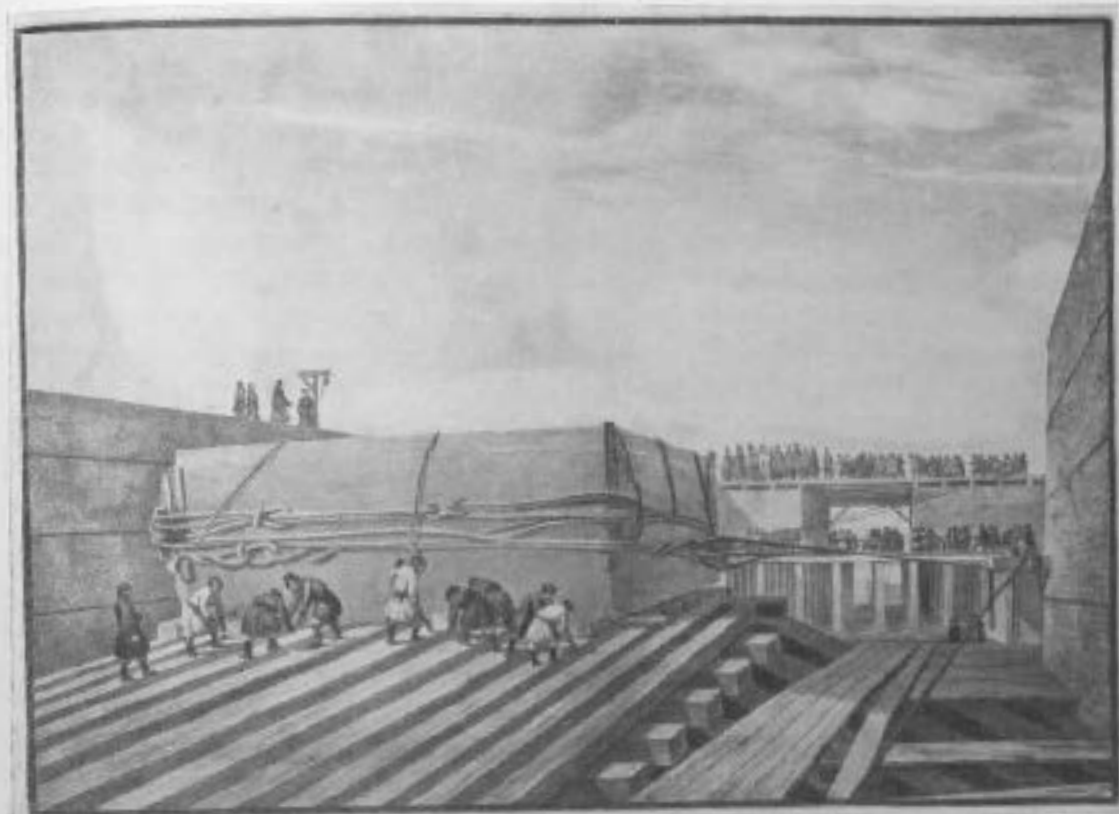
Рабочий день делился примерно на две равные части обеденным перерывом, который летом был 2 часа, зимой 1 час. Кроме того, по сообщению комиссара строительства Исаакиевского собора Ханькова, в летнее время рабочим давалось в 7 часов утра полчаса для завтрака и в 4 часа дня также полчаса для «паужина».¹ Рабочие Казанского собора на обед уходили в свои казармы на Конюшенной улице, где артельные кашевары готовили пищу. Строители Исаакиевского собора обедали тут же на строительстве. Около рабочих казарм было расположено 17 хлебопекарных печей и «при них 13 мест для котлов к пищеварению». Рабочий находился под строгим надзором десятников. Примерно на 25—50 человек полагался один десятник, одна часть которых назначалась администрацией, другая — выставлялась от подрядчиков. Для учета рабочих каждый день проводились по особым спискам по несколько раз переклички. От перекличек освобождались рабочие тех подрядчиков, которые взяли оптовые работы. Например, в 1829 г. от них были освобождены рабочие подрядчика Яковлева. На всех крупных строительствах был сигнальный колокол. Звонком колокола возвещалось о начале и конце работы, о перерывах во время рабочего дня, о перекличках и т. д.

Труд рабочих строителей был чрезвычайно тяжел. Работы велись почти исключительно вручную. На обработку гранитной глыбы в стройную колонну Исаакия тратилось до 5000 рабочих дней.² Громадного труда стоило отбить камень от скалы. Лом и кувалда были единственным орудием при этом. Например, монолит для Александровской колонны откалывали от гранитной горы в течение 2 лет. 300—400 рабочих ежедневно становились вдоль горы; одни держали лопы, другие били по ломам кувалдами. Работа была так гижела, что приходилось менять рабочих через 2—3 месяца. Современники рассказывают об себе тяжелых условиях труда 6 тысяч рабочих, отстраивавших Зимний дворец после пожара 18 декабря 1837 г. Залы, где работали целыми днями рабочие, натапливались до 30° тепла, так как спешили с просушкой стен. Вредные испарения и удушающая жара убийственно отражались на здоровье рабочих. Но на это не обращали внимания, так как царь приказал восстановить дворец за один год. Несмотря на примитивную технику и ваторжные условия труда, русский рабочий делал свое дело всегда ловко, с большим умом и смекалкой. Монферран высоко оценивал русских рабочих. Он отмечал их честность, ум, мужество и терпенье. Описывая ловкость рабочих при выгрузке колонн для Исаакиевского собора, декабрист Н. А. Бестужев отметил, что его охватило приятное чувство «от которого мне кажется будто я, россиянин, вырос целым вершком выше иностранцев».³ И действительно, каждый камень нашего города, красиво выточенный, блестяще отполированный, положенный навек, говорит о золотых руках русского рабочего, создавшего в тяжелую пору крепостничества высокохудожественные архитектурные памятники.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 584, л. 61.

² Там же, № 504, л. 25.

³ Пушкинская Петербург. Л., 1949, стр. 224.

На постройке Исаакиевского собора. Литография с рисунка О. Монферрана 20-х годов XIX в.

Техника безопасности при строительных работах по существу отсутствовала. Несчастные случаи с рабочими были обычным явлением на тогдашних стройках. Медицинское обслуживание рабочих было поставлено очень плохо. При больших строительствах (Казанского собора, здания Генерального штаба) были устроены больницы, на строительстве Исаакия комната для больных, но пропускная их способность была ничтожна. Так, комната для больных на строительстве Исаакия имела лишь 2 койки. Поэтому больные рабочие лежали по навармам среди здоровых, так как часто и городские больницы не могли их принять «за переполнением».¹ За лечение и медикаменты с рабочих взималась значительная плата. Тяжелый труд, плохое питание и отсутствие медицинского обслуживания рабочих были причиной огромной смертности в их среде. Под давлением этих обстоятельств в 1842 г. правительство открыло в Петербурге больницу для чернорабочих. Причем на чернорабочих налагался особый больничный сбор в 60 коп., который обязаны были платить все записанные Адресной экспедицией по 4—5-му разряду, а также

¹ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 278, л. 1; № 651, л. 4.

временные рабочие, освобожденные от записи. В 1853 г. больничный сбор достигал 81 564 руб.

Заработная плата начислялась обычно помесячно или поденно. Величина ее зависела как от профессии, так и от квалификации рабочего. Имели место значительные сезонные колебания заработной платы. В зимние месяцы она была меньше, в летние больше. По распоряжению Инженерной экспедиции 1809 г., летними месяцами для Петербургской округи считались 5 (с мая по октябрь), зимними — 7 (с октября по май).¹ О степени сезонных колебаний заработной платы в первом десятилетии XIX в. можно судить по выдаче платы каменотесцам (в рублях):²

Месяцы	1804 г.	1805 г.	1806 г.	1807 г.	1808 г.	1809 г.	1810 г.	1811 г.
Январь . . .	—	12—20	14—80	15—30	14—50	17—60	19—80	21—20
Май	—	15—40	17—20	20—40	18—50	21—70	27—40	28—20
Сентябрь . .	—	16—10	18—80	22—80	22—60	22—70	31—40	34—10
Ноябрь . . .	12—90	13—20	12—70	14—60	17—10	16—80	15—50	—

Из этой таблицы видно, что в зимние месяцы (январь, ноябрь) рабочий получал в полтора, а иногда и в два раза меньше, чем в летние. То же явление можно наблюдать, сравнивая размер поденной платы.³

Поденная плата строителям Казанского собора была:

Месяцы	1805 г.				1807 г.						1811 г.			
	Черно- работные		Плотники		Черно- работные		Плотники		Камено- тесцы		Черно- работные		Плотники	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Январь														
Февраль													60	
Март		50					50		60				75	
Апрель		90					50		60				75	
Май		70		90			60		70	1			80	
Июль		70	1				70	1	30	1			80	1 40
Июль		70	1				70	1	30	1			80	1 60
Август		70	1	10			70	1	30	1			80	1 60
Сентябрь		60	1	15			70	1	20				80	1 60
Октябрь		55	1				60	1	20				70	1 60
Ноябрь		45		90			50	1	20				70	
Декабрь		40					45							

¹ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 482, л. 52 и 52 об.

² ЦГИАЛ, ф. 817, № 388 (1804 г.), № 451 (1805 г.), № 548 (1806 г.), № 619 (1807 г.), № 682 (1808 г.), № 759 (1809 г.), № 806 (1810 г.), № 862 (1811 г.).

³ Там же, № 439 (1805 г.), № 629 (1807 г.), № 860 (1811 г.).

Плотники и каменщики. Литография И. С. Щеголева на альбоме «Вот наши». 40-е годы XIX в.

Из данных таблицы на стр. 532 видно, что заработная плата строительных рабочих в течение первого десятилетия XIX в. увеличилась. Но это повышение объясняется прежде всего падением ценности бумажного рубля.

Вычеты из зарплаты рабочих за «больные» и «прогульные» дни составляли в среднем 10% от общей суммы заработанных денег. Рабочие открыто выступали против этого грабежа. Так, летом 1809 г. двое рабочих Чобыкин и Мохнаткин отказались выходить на работу к Казанскому собору потому, что при выдаче им заработной платы с них были произведены несправедливые вычеты. В жалобе на имя обер-полицеймейстера рабочие писали, что администрация им не выдает в течение двух месяцев паспортов, держит их под караулом «с наложением ошейных железных рогаток», избивает их и всячески издевается.¹ Вообще отказ от работы и самовольный уход с работы были довольно часты. В таких случаях начальство обычно размыкивало рабочих через полицию. Администрация всегда становилась на сторону подрядчиков. Так, 9 сентября 1819 г. по жалобе подрядчика Суханова были

¹ ЦГАЛ, ф. 817, № 443, л. 15.

наказаны «при собрании других рабочих» 6 каменотесцев за то, что они «оказали неповиновение, возбуждая к тому же и прочих». Оказывается, рабочие были возмущены тем, что подрядчик Суханов «не платит им в свое время заработанных денег», — это они утверждали даже под палками.¹ Рабочий был полностью в руках подрядчика, особенно когда он был у него в «переборе», т. е. в долгу. В таких случаях подрядчик забирал прежде всего паспорт рабочего. Например, летом 1828 г. в конторы подрядчиков, находившиеся на территории строительства Исаакля, приходило много пестороннего люда. Инспектор Евдоков, расследовав дело, доносил комиссии, что это приходят рабочие зимнего времени за паспортами, так как они оказались в «заборе» у подрядчика и «потому оным не выдали паспорта, чтоб они донесли деньги подрядчику». Подобный беспаспортный рабочий был в бедственном положении потому, что не мог устроиться на работу, кроме поденной, не мог иметь квартиры. Подрядчик стремился использовать тяжелое экономическое положение рабочего, попавшего в «перебор». Например, подрядчик Яковлев для того, чтобы окончательно закабалить задолжавших ему рабочих, просил выхлопотать для них паспорта и вносил за них даже подушную подать — за каждого по 10 руб. Конечно, в этом случае экономическая зависимость рабочего от подрядчика еще более возрастала. Осенью 1829 г. подрядчик Подседорф сообщал о том, что «немаловажное число» каменотесцев оказалось «по расчету в переборе». Точно так же подрядчику Яковлеву в 1829 и 1830 гг. многие рабочие остались «по окончании летней работы в весьма значительном переборе». Подрядчик так вел свои дела, что в конце сезона рабочий ничего не получал на руки, а оставался даже должником его.

Большую группу трудящегося населения столицы составляли слуги, значительная часть которых являлась крепостными дворовыми людьми петербургских дворян. Развитие капиталистических отношений приводило к значительным изменениям в составе слуг. С каждым годом росло число вольнонаемных слуг и уменьшалось количество слуг-крепостных. Нарождавшаяся буржуазия — купцы, богатые мещане и ремесленники-разночинцы, а также иностранцы могли держать только наемную прислугу как в своих домах, так и в своих заведениях: харчевнях, трактирах, ресторанах, лавках и т. д. Но и дворяне часто, наряду со своими крепостными слугами, нанимали слуг большей частью из крепостных других помещиков. Нередко в одном и том же доме были крепостные слуги хозяина и равные им крепостные, но служащие по вольному найму, «от того только, что они других господ».

Огромное количество слуг, как крепостных, так и наемных, вполне понятно в городе крепостнической эпохи. Для крупного барина-крепостника необходимо было содержать большой штат прислуги, чтобы показать богатство и пышность своего дома. В этом отношении дом богатого и знатного дворянина в XIX в. суще-

¹ ЦГИАД, ф. 1311, № 42, лл. 19—20.

Дворник и почтальон. Литография Н. С. Щегольева из альбома «Вот наши», 40-е годы XIX в.

ственно не отличался от XVIII в. По штату 1803 г. у графа Шереметева в «Фонтанном доме» и в доме на Миллионной числилось 271 человек, фактически было 220,¹ у Строганова в конце XVIII в. — 600 человек, у Разумовского — 900. Конечно, дворянские дома с таким количеством двора представляли собой исключение, но 25—50 слуг считалось обычным явлением. Большое количество слуг в составе трудового населения Петербурга является ярким выражением крепостнических порядков петербургской жизни.

Рассмотрим экономическое, правовое и бытовое положение слуг. Даже такой крепостник, как М. Корф, говоря о дворовых, отмечает особенно тяжелое положение тех из них, которые находились в Петербурге при своих господах, «состоя в полном произволе и безответственной власти господина, получая не только платы, но и пища и одежды лишь столько, сколько он сам дать им захочет, люди сии представляют настоящих рабов».² Нет оснований не верить Корфу.

¹ ЦГИАЛ, ф. Шереметевых, Поведения за 1803 г., лл. 65—85.

² Сб. РИО, т. 98, стр. 233.

Полностью бесправные, с малых лет до глубокой старости эти рабы обязаны были служить барину. В любую минуту дня и ночи слуга должен был быть готов выполнить любое повеление барина. За малейшие нарушения следовало жестокое наказание. Граф Шереметев приказывал не только «хорошеньков» наказывать розгами своих слуг, но и за мелкие проступки отдавал их в рекруты, ссылая на поселение. Музыканта Илью Метлина граф отдал на полгода «в работу» в смиренный дом. Жизнь в графских людских была полна унижающих достоинство человека подробностей. Дворовые не имели права никуда отлучиться без спросу. По ночам особым надзирателям было приказано «как можно чаще обходить по квартирам» и смотреть «всемерно». Заболевший дворовой («боль в голове», «лом в костях») объявлялся лентяем и ему не выплачивались кормовые деньги. Уменьшительные прозвания Степка, Афонька, Васька и т. д. были часто единственными именами дворовых и сохранялись за ними до старости. Денежную плату крепостные слуги получали самую минимальную. Главный расход состоял в их прокормлении. Остатки с барского стола делились между привилегированной прислугой. Низшие группы слуг — истопники, кучера и т. д. — получали еду самого низкого качества в людских и были постоянно голодными.

Положение наемной прислуги было немногим лучше. Обычно господа обращались с ними, как со своими крепостными. О размерах заработка наемной прислуги точных сведений не сохранилось. Доктор Гренвилль в описании Петербурга 20-х годов сообщает о прислуге в богатых домах, что лакеи получали 35—40 руб. в месяц, их кормили, но не одевали, кучера — 40 руб., их, наоборот, не кормили, но одевали. Кухаркам, камеристкам и прачкам платили по 25 руб., горничным и няням по 15 руб. По другому сообщению, слуги получали от 25 до 75 руб. в месяц, женщины — от 10 до 30 руб., иногда — от 4 до 10 рублей. Вероятно, эти сведения частично завышены и не включают основную массу низкооплачиваемых слуг. Едва ли заработная плата слуги-мужчины могла намного превышать заработную плату квалифицированного рабочего. Из описания Гренвилля видно, что фактическое положение наемных слуг иногда было даже хуже крепостных. Он писал: «Они [наемные слуги] не имеют определенного помещения, их не снабжают постельями, одеждой, сахаром, чаем или чем-либо из съестных припасов; даже в лучших домах они спят, где попало, на лестницах» и т. д. Наемная прислуга вместе с крепостной часами толпилась у парадных подъездов, ожидая своих господ. Особенно тяжело это было в зимнюю стужу. Перед Большим и Александринским театрами и даже перед Зимним дворцом были установлены специальные «камни» — грелки для прислуги. Они представляли собой что-то вроде открытых круглых беседок, в которых разводился костер. Но, конечно, подобные меры не облегчали положения слуг. Они простывали, заболевали, и простудные заболевания нередко кончались смертью. Крайне тяжела была участь женской прислуги. Им платили в 2—3 раза меньше, чем мужчинам. Особенно надевательски относились господа к женщине-прислуге, когда она готовилась стать матерью. Ее просто-напросто

выбрасывали на улицу. Держать беременную горничную, кухарку или прачку считалось «неприличным». О тяжчайшей доле женщины-матери говорит и тот факт, что с 1822 по 1832 г. в Воспитательный дом в Петербурге было отдано 43773 ребенка. Ежегодно до 4000 матерей из-за тяжелых жизненных условий бросали своих детей.

Поставленные в такие невыносимые условия, слуги с ненавистью относились и к своей работе, и к своим хозяевам. Об этом свидетельствуют частые жалобы последних на «плохих», «нерадивых» и «ленивых» слуг. Бенкендорф в записке 1844 г., говоря о «безнравственности слуг» как о «главной беде», отмечал: «...люди эти происходили из крепостного состояния, с детства уже получают совершенно ложное понятие об отношениях к господам своим, — так они относятся и к господам, к которым нанимаются по произволу».¹

Наряду с крестьянами, ищущими заработка, в Петербург шли и разбогатевшие крестьяне, стремившиеся с выгодой поместить свои капиталы. Часть этих крестьян обращалась к торговле. Указом 11 февраля 1812 г. разрешалось крестьянам всех разрядов заниматься торговлей без записи в гильдии. Они должны были лишь брать особые торговые свидетельства с уплатой при этом значительных пошлин — за свидетельство 1-го разряда 2500 руб., 2-го — 1000 руб., 3-го — 400 руб.² В 1824 г. этот порядок был несколько изменен. Было установлено 6 разрядов свидетельства. Причем крестьяне, взявшие свидетельства 1-го, 2-го и 3-го разрядов, приравнивались к купцам 1-й, 2-й и 3-й гильдий.³ Это, конечно, означало признание более широких прав за торгующими крестьянами. О количестве торгующих крестьян в Петербурге сохранились лишь отрывочные сведения. По официальным данным, в 1833 г. их было 893 человека (1 со свидетельством 1-го разряда, 6 со свидетельствами 2-го разряда и 886 со свидетельствами 3-го и 4-го разрядов). Причем из этого количества большую часть составляли помещичьи крестьяне, меньшую часть — удельные. Преобладание крестьян крепостного состояния среди торгующих по свидетельствам объясняется тем, что для них записаться в гильдию было чрезвычайно сложно, так как прежде они должны были выкупиться на волю, что, как правило, было невозможно. Какое место занимали в петербургской торговле представители буржуазии, выделявшиеся из крестьян, можно судить по ведомостям рядских старост за 1839 г. Из общего числа 2133 торгующих, указанных в этих ведомостях, 16,4% составляли крестьяне, 34,8% — мещане и 46,8% — купцы.⁴ Мы видим, что число торговцев-крестьян было незначительно. Большинство их занималось мелочным торгом. Но были исключения. Например, крепостной гр. Шереметева, владелец фруктового магазина в Милютиных рядах на Невском проспекте, имел трехмиллионное состояние. Некоторые

¹ ЦГАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 201.

² ПСЗ, т. XXXII, № 24992.

³ ПСЗ, т. XXXIX, № 30145.

⁴ ГИАЛО, ф. 781, св. 280, № 51.

крестьяне открывали в Петербурге ремесленные мастерские. По ведомостям 1821 г. среди петербургских владельцев мастерских числились два крепостных крестьянина: крестьянин гр. Шереметева (свечис-сальная мастерская с 3 рабочими) и крестьянин гр. Орлова (сургучное предприятие, число рабочих не указано).¹ Крестьянам, по ведомостям 1811—1812 гг., принадлежало 13 кирпичных заводов,² причем по величине эти заводы не отличались от купеческих или принадлежавших чиновникам. На тех и других работало от 15 до 50 вольнонаемных рабочих.

Значительная часть богатых крестьян выступала в роли подрядчиков. Крестьянин Григорий Кессарин, например, поставлял плотников к Исаакиевскому собору в 1818, 1819, 1829, 1832, 1834, 1837 и в 1839 гг.³ На подрядах он разбогател и мог взять торговое свидетельство 3-го разряда, т. е. получал права купца 3-й гильдии. Примеров подобного рода можно привести очень много. Крестьяне-подрядчики по экономическому положению далеко ушли от основной массы крестьянства, но принадлежность их к крестьянскому сословию ограничивала размах их деятельности. Они стремились порвать со своим сословием и перейти в состав городского населения — записаться в купцы. В этом крестьянам-подрядчикам содействовали часто те казенные учреждения, в которых они брали подряды. Например, Комиссия востроения Казанского собора в 1803 г. ходатайствовала о записи в петербургское купечество подрядчика-крестьянина Григория Комылова Вологодской губернии на том основании, что к нему «как крестьянину Комиссия согласно с законами не может иметь доверия».⁴ Решением Сената в 1804 г. разбогатевший крестьянин был записан в купцы Петербурга. Точно также Комиссия построения Исаакиевского собора содействовала записи в купечество подрядчика Т. Афонина. Афонин брал подряды на выломку путиловской плиты и на поставку камнотесцев. Крестьянское сословие стесняло его деятельность. В прошении на имя санктпетербургского генерал-губернатора Афонин писал, что он желает записаться в купцы для того, чтобы «наиболее распространить промышленность свою путиловскою плитою», «понижить цены» и тем дать доход казне.⁵ Несмотря на сопротивление Гофштендайтской конторы, в ведении которой находились путиловские крестьяне, Афонин добился своего — он был записан во 2-ю гильдию. В прошении к Милорадовичу от 8 января 1823 г. Афонин восторженно писал, что переход его с семейством «из крестьянского быту в 2-ую гильдию купечества» является для него вторым рождением, «новой жизнью».⁶ Этот пример показателен. Удельный крестьянин, разбогатевший от хищнической эксплуатации

¹ ЦГИАЛ, ф. 34, № 26, оп. 1, лл. 694, 918.

² ЦГИАЛ, ф. 1290, 1812 г., № 2 (за 1811 г.); ф. 34, № 9, оп. 27.

³ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 19, л. 1; № 51, л. 22; № 535, л. 18; № 746, лл. 17—18; Кабинет Монферрана, № 179, лл. 2—3; № 239, л. 4; № 268, л. 6.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 817, № 173, л. 1.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 153, л. 1.

⁶ Там же, № 153, л. 16.

рабочих-каменотесов, вступает в ряды петербургской буржуазии. И это не единичные факты. Так, из ревизских сказок 1812 г. узнаем, что из 46 семей петербургских купцов 11 семей происходили из вольноотпущенных крестьян, 6 — из государственных.¹ То же наблюдается и позднее. Например, в 1843 г. в 3-ю гильдию записалось 190 человек, из которых 23 происходили из вольноотпущенных и 12 из государственных крестьян. Это показывает один из путей складывания буржуазных слоев Петербурга.

Петербургская буржуазия вырастала, конечно, и из среды ремесленников.

В экономическом положении петербургских ремесленников наблюдалось резкое неравенство. С одной стороны, выделяется зажиточная группа мастеров-владельцев ремесленных мастерских, с другой стороны, с каждым годом растет число ремесленников, лишенных средств производства и вынужденных поэтому в качестве наемных рабочих.

Для устройства мастерской нужны были значительные средства. Портновского цеха мастер Сур затратил на «заведение мастерства» 6000 руб. Конечно, только небольшое число ремесленников могло располагать такими деньгами. Хозяевами крупных мастерских обычно выступали вечно-цеховые ремесленники.

В официальном издании 1836 г. «Статистические сведения о Санкт-Петербурге» указывается, что «класс петербургских мещан есть самый бедный из всего народонаселения столицы»² (имеется в виду то народонаселение, которое входило в состав постоянных жителей). Об относительной бедности мещанства свидетельствует то, что по оценке 1843—1844 гг. средняя стоимость мещанского имущества (которых было в Петербурге 623) была в 2 раза меньше, чем средняя оценка имущества ремесленника (которых было 335). Значительная часть петербургских мещан жила в постоянной бедности. Однако небольшой слой мещанства как по своим занятиям, так и по экономическому состоянию подходил близко к купечеству. Об этом свидетельствует тот факт, что почти ежегодно более сотни мещан переходило в купцы. Основным занятием такого мещанина была торговля. Торговлей более или менее крупного масштаба могли заниматься лишь «торгующие мещаве», взявшие особое свидетельство с уплатой 120 руб. пошлины. Такой порядок был введен с 1824 г.³ Торгующий мещанин имел право открыть лавку в рядах, иметь ремесленное заведение с числом рабочих не выше 8 человек, содержать трактиры, брать подряды и т. д. Мещанин, не взявший свидетельства, назывался «шосадским» и имел право заниматься ремеслом и открыть лавку для «продажи произведений своих рук», но не в рядах, а в доме, где жил.⁴ В 30-х годах $\frac{1}{20}$ часть петербургских мещан занималась торговлей (2062 чел.).⁵ Мещанская торговля была, конечно,

¹ ГИАЛО, ф. 221, св. 25, № 329.

² Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 124.

³ ПСЗ, т. XXXIX, № 30145.

⁴ Там же.

⁵ Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 121.

значительно мельче купеческой. Это видно хотя бы из того, что по оценке 1843—1844 гг. оценочная сумма мещанской лавки в среднем достигала 1600 руб., а купеческой — 4600 руб.¹ На ларях и разношках внутри Апраксина двора, на так называемом толкучем рынке, торговало 137 мещан, а купцов лишь 8 человек. Разумеется, на ларях и разношках не мог вестись крупный торг. Кроме мещан-торговцев, имелись мещане-фабриканты. В 1814 г. мещанин Лехлеев имел сафьяновый завод с 15 рабочими; Гошаков — кирпичный завод с 19 рабочими.² В 1821 г. в Петербурге было 12 мастерских, принадлежавших мещанам, с количеством рабочих от 3 до 15 человек.³ Часто мещане выступали в качестве подрядчиков. Так, в 1801—1802 гг. мещанин Шипулин обязался поставлять песок на казенные кирпичные заводы «на своих судах» «с погрузкою и выгрузкою работными людьми».⁴ В те же годы мещанин Федотов заключал договоры на обжиг сырого кирпича «наемными» от него «работными людьми».⁵ В 1818 г. мещанин Алексеев поставил плотников к строительству Исаакиевского собора.⁶

Так из крестьян, мещан и ремесленников вырастала городская буржуазия. Внешним выражением полного отрыва новых буржуазных слоев от своих прежних сословий являлась чаще всего запись в купечество. Переходя в одну из купеческих гильдий Петербурга, мещанин, крестьянин или ремесленник получал широкие возможности для дальнейшего обогащения, так как столичное купечество играло особенно важную роль в торговой жизни всей страны.

* * *

Достоверных сведений о количестве купцов в Петербурге не сохранилось. Полицейские данные неточны и противоречивы. Несомненно, как отмечалось выше, в первые годы XIX в. лиц, принадлежавших к купеческому сословию, в Петербурге было больше, чем в последующие десятилетия. Отчасти это объясняется повышением в 1807 г. размера объявляемых капиталов для 1-й гильдии до 50 тыс. руб., для 2-й — до 20 тыс. руб., для 3-й — до 8 тыс. руб. Если раньше можно было выступить в купцы при объявлении 1 тыс. руб. капитала, то теперь этот минимум повысился в восемь раз. Но это не значило, что сократились размеры находившегося в обороте купеческого капитала. Происходила концентрация купеческих капиталов. Кроме того, маломощное купечество торговлю продолжало, не уже в качестве мещан. Характерной особенностью состава петербургского купечества являлся высокий процент в его среде иностранцев-торговцев. В 1825 г. они состав-

¹ Отечественные записки, СПб., 1848, № 57, отд. II, стр. 9.

² ЦГИАЛ, ф. 1290, 1812 г., № 2, лл. 410, 411.

³ ЦГИАЛ, ф. 34, оз. 1, № 26.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 817, № 47, л. 26; № 109, л. 45.

⁵ Там же, № 47, л. 45; № 109, лл. 16—17.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1311, № 25, л. 2.

вляли 41% от общего числа купцов, в 1834 г. — 35%, в 1843 г. — 26%, в 1857 г. — 30%. Часть купцов предпочитала, желая избежать исполнения городских повинностей, приписываться в ближайших к Петербургу городах, но вела торговлю в столице.

Самое большое количество купцов заносывалось в 3-ю гильдию. Например, в 1804—1806 гг. вступила в 1-ю гильдию Петербурга 21 семья, во 2-ю — 26, в 3-ю же — 262.¹ То же самое наблюдается в более поздние годы. Так, в 1843 г. в 1-ю гильдию вступил 1 человек, во 2-ю — 13, в 3-ю — 190. Несмотря на то, что количество купцов 1-й и 2-й гильдий было незначительно, они играли главную роль в торговой жизни города, так как в их руках сосредоточивались огромные капиталы. Например, в 1833 г. купцов 1-й и 2-й гильдий было всего 18,8%, но они обладали 41,3% всего объявленного капитала.²

Основным занятием купцов была торговля. Из общего числа оцененных в 1843—1844 гг. 1938 лавок купцам принадлежало 78%. Средняя оценочная сумма, падавшая на купеческую лавку, была в три раза выше, чем оценочная сумма мещанской лавки. Это говорит о крупных размерах купеческой торговли. Некоторые отрасли торговли были целиком в руках купцов. В ведомостях двух рядских старост «напиточного торго» 1839 г. указано по пяти городским частям 127 купцов, торгующих напитками, но не назван ни один крестьянин или мещанин. Точно так же только купцы указаны в ведомости рядского старосты «сухового торго» 3-й Адмиралтейской части 1-го квартала. Торговля мукой, железом, дровами, лесом, стеклом, бумагой, свечами, спиртными напитками, в значительной мере текстилем, была в основном в руках купцов.³ Основная масса лавок в гостиных рядах принадлежала купцам. Все эти факты показывают, что, несмотря на наличие значительного количества торгующих крестьян и мещан, в Петербурге главенствующую роль в торговле играл купец.

Некоторые купцы не ограничивались торговлей — они вкладывали свои капиталы в промышленность. Из общего числа 144 петербургских фабрик и заводов в 1821 г. купцам принадлежало около 50%. Причем многие фабрики и заводы числились за купцами 3-й гильдии (хотя последние этого права не имели). Особенно видную роль в Петербурге играли купцы-подрядчики. Они брали самые крупные подряды на производство работ и поставку рабочих. За счет жесточайшей эксплуатации рабочих подрядчики быстро богатели. Купец 1-й гильдии Шихин в декабре 1828 г. сообщал в Комиссию построения Исаакиевского собора о том, что ему следует получить более 100 тыс. руб.⁴ Говоря об экономическом положении купцов, следует отметить также, что они владели значительной недвижимой собственностью в Петербурге. Четвертая часть имений в городе в 1843—1844 гг. принадлежала

¹ ГИАЛО, ф. 221, св. 21, № 204, лл. 6—9, 31—32, 28.

² Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 120.

³ ГИАЛО, ф. 781, св. 280, № 51, лл. 51—56, 223—254, 259—260 и др.

⁴ ЦИАЛ, ф. 1311, № 504, л. 124.

кущам (что составляло $\frac{1}{3}$ общей оценочной суммы по городу). В среднем купеческое имение было дороже, чем дворянское (1-е — 16 183, 2-е — 12 085 руб. сер.). Многие купцы имели по нескольку домов в городе, которые сдавались в наем постояльцам. О доходах купцов-домовладельцев можно судить по контракту купца Эгермана с Комиссией построения Исаакиевского собора. В 1836 г. Комиссия наняла дом этого купца на Мойке на 4 года с оплатой 13 тыс. руб. в год.¹

Из всего сказанного о купцах, разбогатевших крестьянах, мещанах и ремесленниках видно, что нарождавшаяся петербургская буржуазия занимала важнейшие позиции в экономической жизни города.

Развитие капиталистических отношений приводило к обуржуазиванию части петербургского дворянства. Об этом свидетельствует то, что часть петербургских дворян втягивалась в торговлю. В 1833 г. в купеческие гильдии записалось 35 дворян, в 1835 г. — 34, в 1838 г. — 41, а в 1839 г. эта цифра поднялась до 440 человек. Некоторые дворяне заводили фабрики и заводы, на которых применялся вольнонаемный труд. Многие получали различные доходы со своего имущества в Петербурге. Однако основная масса петербургского дворянства все еще жила за счет эксплуатации крепостного крестьянства.

* * *

Петербургское дворянство представляло собой важнейший отряд господствующего класса крепостнической России. Оно составляло главное ядро огромной бюрократической машины крепостнического государства. Экономической основой петербургского дворянства были земельные владения, разбросанные по всем губерниям России. За счет эксплуатации миллионов крепостных крестьян в Петербурге воздвигались пышные дворянские дворцы, разбивались роскошные парки, составлялись огромные коллекции художественных ценностей, производились огромные затраты средств для того, чтобы сделать жизнь богатого дворянина постоянным праздником. В 1800 г. во владении императорской фамилии находилось крестьян 467 792 души мужского пола. Гр. Шереметев в 1803 г. имел 97 703 души. Точно так же десятки тысяч крепостных имели такие представители петербургской знати, как Юсуповы, Орловы, Воронцовы, Строгановы, Разумовские и др. Конечно, наряду с этими крупными землевладельцами, в столице проживало среднее и мелкое дворянство, владевшее сотнями, а иногда всего лишь десятками крепостных. Но все они, как крупные, так и мелкие помещики, стремились получить как можно больше доходов со своих имений. Каждую осень в Петербург к «барам» из малых и больших вотчин отправлялись деньги, тянулись обозы с хлебом, маслом, мясом, медом, битой птицей, со всевозможным «сушеным и соленым» и другими припасами.

¹ ЦРИАЛ, Кабинет Монферрана, № 195, лл. 15—16.

Важным источником доходов для дворян была также недвижимая собственность в черте города. По оценке 1843—1844 гг., дворяне и чиновники (т. е. те же дворяне) владели почти половиной всех недвижимых имений в Петербурге.¹ Сравнение данных четырех оценок, произведенных в первой половине XIX в., приводит к выводу, что за этот период произошло возрастание дворянских и чиновничьих имуществ за счет значительного сокращения владений мещан и ремесленников. Петербург представляет в этом отношении противоположность Москве, где с 1787 по 1830 г. дворянами не было приобретено ни одного недвижимого имения.² Петербург как административный центр империи притягивал дворян больше, чем Москва. В Петербурге было 3295 домов, принадлежавших дворянам. Даже в самых богатых домах часть помещений сдавалась в наем. Например, гр. Шереметев сдавал квартирантам часть дома на Миллионной улице, в доме гр. Чернышева на Мойке и Лобанова-Ростовского на Исаакиевской площади жили чиновники, служащие и рабочие Исаакиевского собора. Дворяне строили и специальные дома для сдачи квартир. А. С. Пушкин за квартиру из 7 комнат в «доходном доме» сенаторши Брискори платил 2500 руб. в год. В 1831 г. генерал-лейтенант и сенатор Гладков требовал от Ремесленной управы псуудить мастеров ускорить работы в его доме, так как «из-за неотделки квартиры не сдают, что дает убытку 400 р. в месяц».³ Мы видим, что представители высшего дворянства и чиновничества выступали в роли домовладельцев — сдачиков квартир. Некоторые дворяне извлекали доходы от сдачи в аренду торговых помещений, складов, складочных мест и т. д. Например, огромную ренту взимал гр. Апраксин с куниц, торговавших в лавках в так называемом Апраксином дворе. В деле о выдаче ссуды гр. Апраксину под залог его двора указывается, что за 15 лет, с 1828 по 1843 г., им было получено с этого двора 5 257 023 руб. 6 коп. дохода. Причем отмечается, что в 40-е годы доход возрос в два раза по сравнению с 1828 г.⁴

Домовое хозяйство крупного вельможи сочетало в себе городской быт с настоящей вотчиной. К барскому дому, который обычно фасадом выходил на улицу, часто примыкал большой искусно разбитый сад. Всевозможные службы — кухни, поварни, кладовые, ледники, погреба, конюшни, хлевы — занимали также большие пространства. В конюшнях стояло иногда по несколько десятков лошадей. Так, у гр. Шереметева в 1803 г. было 86 господских «графских» лошадей (дуг латский, дуг вороной, дуг синий) и 6 служительских.⁵

Дворяне, не имевшие достаточных доходов от своих имений, жили в Петербурге за счет жалования. Государственная служба в первой половине XIX в. была одной из привилегий дворянства. Лицам недворянского происхождения

¹ Отечественные записки. СПб., 1848, № 57, отд. II, стр. 6.

² Там же, стр. 12.

³ ГИАЛО, ф. 223, св. 12, № 353, л. 1 и 1 об.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 109, лл. 11—12.

⁵ ЦГИАЛ, ф. Шереметевых, Повелеван 1803 г., л. 52.

доступ к службе в государственных учреждениях был затруднен. Значительная доля петербургского дворянства состояла на военной службе. Гвардейское офицерство рекрутировалось исключительно из дворян. Только позднее, при Николае I, в гвардию могли поадаать офицеры из разночинцев, так называемые офицеры «из бурбонов».

Всего дворян, находящихся на военной службе и числящихся в отставке, с их семьями в Петербурге проживало в 1836 г. 9762 человека, а в 1843 г. — 9811 человек. Это составляло примерно одну четвертую часть петербургского дворянства. Значительно большее число дворян находилось на гражданской службе. Прошло то время, когда дворяне гнушались чиновничьей карьеры. В XIX в. в министерских канцеляриях и всевозможных присутствиях появляются секретари, столоначальники и канцеляристы из дворян. Наряду с дворянами, среди чиновников были выходцы и из других сословий — из духовенства, купечества и даже мещанства, но они занимали, как правило, низшие должности в бюрократическом аппарате. Социальным составом петербургского чиновничества, происходящего в основной массе из дворянства, обуславливалась его особая политическая реакционность.

Число петербургских чиновников росло с чрезвычайной быстротой. В 1804 г. их было 5416 человек, а в 1832 г. 13 528 человек — количество чиновников всех 14 классов и канцелярских служителей возросло в 2,5 раза.

Расходы на петербургских чиновников за этот же период выросли примерно в 6 раз (с 2 022 327 руб. до 13 337 536 руб.).¹ В общем чиновников, как служащих, так и в отставке, с их семьями насчитывалось в Петербурге в 1836 г. 33 664 человека, а в 1843 г. — 39 552 человека.

Основную массу петербургского чиновничества составляли мелкие чиновники. Материальное положение мелкого чиновника, живущего только на жалованье, было тяжелым. По штатам конца 30-х годов во многих ведомствах оклады писцов низшего разряда составляли 420 руб. в год (300 руб. жалованья и 120 руб. на проезд и обмундирование).² Но были оклады еще более низкие. В 1811 г. чиновники конторы кирпичных заводов получали от 250 до 350 руб. в год, а кониеты даже 48 руб.³ Канцеляристы Комиссии построения Казанского собора получали 300 руб. в год, тогда как член Комиссии статский советник имел оклад 1875 руб., т. е. в 6 раз больше. Судейские писцы существовали с семьями на оклады 180—200 руб. в год. Устанавливая подобные оклады, правительство молчаливо признавало взяточничество. Некоторой прибавкой к жалованью были так называемые наградные, которые выдавались чиновникам в конце года и составляли примерно $\frac{1}{3}$ оклада. Но в 1835 г. выдача наградных была прекращена.⁴ Из приведенных примеров

¹ Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге, табл. № 22.

² К. А. Па ж и т о в. Положение рабочего класса в России, т. I, стр. 145.

³ ЦГИАЛ, ф. 817, № 871, лл. 22—25.

⁴ А. В. И е к и т е н о. Занески и дневник, СПб., 1904, стр. 266.

видно, что жалование мелких чиновников не превышало заработка ремесленников и квалифицированных рабочих, а иногда было еще ниже. Жизнь такого чиновника была полна лишений. А. А. Башмачкин из повести Гоголя «Шинель» является примером такого усердного служаки, забитого своим начальством и нуждой.

Положение такого чиновника на службе было пришибенное. «Начальствующие», — писал один из современников, — не отличались мягкостью; они относились к подчиненным по-крепостнически; «человеческая личность не имела почти никакого значения».¹

Значительную часть населения Петербурга составлял военный гарнизон. Хотя число военных в столице постоянно возрастало, но их процентное отношение к общей цифре населения падало с каждым годом. Исключительно тяжелым было положение солдата. Крепостничество не могло не отразиться на положении солдатских масс. Офицеры-дворяне рассматривали солдата как своего крепостного. Обращение офицеров с солдатами было чрезвычайно жестоким. Наказания, избиения и другие издевательства над солдатами были в то время обычным явлением. Солдат представлял собой самое бесправное существо. Известно, что передовые офицеры-декабристы прежде всего стремились устранить избиения солдат. Так, например, под влиянием этой части офицества телесные наказания солдат одно время не применялись в Семеновском полку. Небольшая часть солдат (примерно 20%) обзаводилась в Петербурге семьями. Солдатские дети — мальчики, называвшиеся кантонистами, воспитывались в так называемых военно-сиротских отделениях тех гарнизонов, в которых служили их отцы. Достигнув совершеннолетия, они поступали на военную службу.

Почтальон и будочник. Гравюра из книги «Волшебный фонарь» (СПб., 1817).

¹ Исторический вестник, т. 65, 1896, стр. 62.

Некоторым облегчением для солдат было то, что их иногда отпускали на работы по найму. Например, многие солдаты работали на строительстве Исаакиевского собора в качестве чернорабочих при подъеме колонн, переноске тяжестей и других «валовых» работах. Есть сведения о том, что часть солдат занималась ремеслом. Не говоря уже о тяжелой службе и жестокой дисциплине в полках, положение солдат в Петербурге ухудшалось мелочными, часто вздорными придирками к ним встречных генералов и высших офицеров на улицах. Шелгунов отмечал, например, что солдаты «обегали» Невский проспект, чтобы не попадаться на глаза офицерам¹.

Материальное положение трудовых масс Петербурга, независимо от существовавших сословных перегородок, было крайне тяжелым и в течение первой половины XIX в. непрерывно ухудшалось. С начала XIX в. наблюдается значительное вздорожание петербургской жизни. Быстрое падение ценности ассигнационного рубля приводило к росту цен на все предметы и прежде всего на предметы первой необходимости. С 1804 по 1836 г. цены на ржаную муку повысились более чем в 3 раза, на пшеничную более чем в 2 раза, на мясо в 3 раза, на сено в $2\frac{1}{2}$ раза. Вздорожание продолжалось и во второй половине 30-х годов и в последующие годы. Так, петербургский губернатор в 1857 г. доносил начальнику III Отделения, что за последние 20 лет (т. е. с 1837 г.) дороговизна постепенно увеличивается: квартиры подвинулись в цене на 50%, дрова стали дороже примерно в 2 раза, мясо вздорожало на 3—4 коп. за фунт и т. д.²

Жизнь в Петербурге за первую половину XIX в. стала дороже более чем в 2 раза. Это вздорожание жизни ухудшило прежде всего положение рабочих казенных заводов, заработная плата которых определялась заводскими штатами. В бедственном положении очутились учителя, мелкие служащие, канцеляристы, низшие чиновники, так как оклады, установленные в начале XIX в., продолжали действовать почти без изменений все полу столетие. Заработная плата вольнонаемных рабочих возросла в течение первой половины XIX столетия примерно в 1,5 раза, т. е. рост заработной платы значительно отставал от роста цен, увеличившихся более чем в 2 раза. Следовательно, реальная заработная плата рабочих неизменно падала. Напомним, что $\frac{2}{3}$ работавших по найму в Петербурге были крестьяне-оброчные. Они обязаны были значительную часть заработанных денег отправлять помещикам в качестве оброка. Внешним выражением обеднения городского населения являлся рост нищеты. В 1814 г. главнокомандующий Петербурга Вязмитинов предписывал Губернскому правлению принять меры к очищению города от «просящих милостыню» казенных и помещичьих крестьян, а также дворовых. Из этого же предписания видно, что нищенством занимались даже отставные штаб- и обер-офицеры, разночашцы³ и т. д. Позднее был создан особый Комитет по разбору нищих. О бед-

¹ Н. В. Шелгунов, ук. соч., стр. 190—191.

² К. А. Пажигов, ук. соч., стр. 152.

³ ЦГАЛ, ф. 1286, оп. 2, № 105.

ственном положении народных масс говорят также рост проституции в Петербурге и все возрастающее число матерей, приносящих своих детей в Петербургский воспитательный дом.

При низкой заработной плате материальное положение трудящихся столицы еще более ухудшалось дороговизной квартир. В первом «Медико-топографическом описании Санктпетербурга», появившемся во втором десятилетии XIX в., отмечалось, что дороговизна квартир в городе вынуждала петербургскую бедноту жить в большой тесноте — «в настоящей свалке», по выражению автора описания. Факты, приводимые в описании, дают представление об этой «свалке». Были случаи, когда в комнате «з окружности едва 12 футов» жило 8—10 человек. Хозяева вновь построенных домов пускали на период их просушки «дешевых постояльцев», а иногда дома населялись и до окончания их постройки. Рабочие-строители жили часто в подвалах того дома, который они строили.

С увеличением количества жителей росла и скученность населения. В самых богатых частях (в 1-й, 2-й и 3-й Адмиралтейских) не только подвалы, но и погреба были превращены в жилища. В каждом богатом доме самые плохие помещения — в нижних этажах и подвалах — отводились прислуге. Квартиры бедняков представляли часто лишь убежище, норку в подвале или гнездо на чердаке.¹ Рабочие фабрик и заводов квартировали обычно в помещениях, предоставляемых хозяином. Например, рабочие пивоваренного завода Крона и Данильсона в количестве 60 человек жили в особой артельной избе. Об условиях жизни в подобных казармах можно судить по тем баракам, которые строились для рабочих Исаакиевского собора. В 1825 г. по проекту Монферрана были построены 2 казармы по 30 сажен длиной. Каждая казарма была рассчитана зимой на 150 человек, летом — на 225 человек.² На такое большое количество приходились две маленькие печи-голландки, что, конечно, было недостаточно. Фактически рабочие были лишены возможности просушить мокрую одежду в дождливую погоду.

В таких помещениях постоянно был тяжелый воздух от большого скопления людей, сохнувшей одежды и обуви. Казармы строились на скорую руку, так что в зимнее время сквозь стены и пол дуло. Жилищные условия мелких служителей и инвалидной команды, находившихся при строительстве, были не лучше, чем у рабочих. Так, в 1826 г. 27 семейных и 9 холостых служителей жили в 8 комнатах, т. е. в одной комнате жило более 3—4 семей.³ Рабочие, которых администрация могла поместить в казармах, искали себе квартиры в частных домах. В Петербурге развился даже особый род промысла — содержание так называемых «угловых домов». Обычно этим занимались мещане, вдовы чиновников, отставные солдаты и т. д. Они снимали у домовладельца какой-нибудь подвал и потом пускали рабочих на различные сроки и даже на одну ночь. Угловой жилец платил от 2 до 5 руб.

¹ Отечественные записки, СПб., 1848, № 57, стр. 15.

² ЦГИАЛ, ф. 1311, № 328.

³ ЦГИАЛ, ф. 502, № 75, л. 3.

ассигнациями за месяц или 7—10 коп. за ночь. Что представляли собой такие квартиры, можно судить по официальным отчетам двух комиссий, обследовавших рабочие квартиры Петербурга в 40-х годах. Энгельс указывает, что буржуазия тогда только начинает заботиться о жилищах рабочих, когда эти жилища становятся очагами различных эпидемий, которые опасны для нее.¹ Конечно, и петербургские чиновники пошли в рабочие кварталы не из-за любви к рабочим, а потому, что огромная смертность среди трудового народа и эпидемические заболевания задевали интересы господствующего класса. Первая комиссия описывала рабочие «угловые» квартиры следующими словами: «...подобные квартиры не отапливаются... а нагреваются одним скопищем людей... стены пропитаны сыростью, форточек нет... помойные ямы внутри жилья. В одном доме, в котором помещается до 700 рабочих (а летом еще больше) найдено, что более 7 лет не очищали и не перекрашивали стен, а полы совершенно сгнили». В некоторых домах хозяева, стремясь извлечь больше выгоды, увеличивали вместимость комнат тем, что устраивали нары в три и более ярусов «счти до потолка». Так что, замечает комиссия, — в комнатах, имеющих не более 3 сажень в длину и ширину, находилось «жнущих и почующих до 50 человек обоего пола, там же малолетние дети... среди сего скопища людей большие прилипчивыми болезнями». Жадные до наживы домовладельцы до предела повышали доходность своих домов и совершенно не думали о благоустройстве рабочих квартир. Самыми доходными домами Петербурга считались те дома, где селился рабочий люд.

Вторая комиссия 1847 г., осмотревшая 500 помещений фабричных рабочих, пришла к тем же выводам. Рабочий народ, — гласит отчет комиссии, — часто живет «в тех самых фабриках и заведениях, где работает». В мастерских бедных ремесленников им «отгораживается для кроватей какой-нибудь темный, душной угол или рабочие спят на полу, на верстаках, даже на столах, на которых двум валяют тесто... иногда спят прямо на голых досках». В заключение комиссия пишет, что надо войти в квартиру, чтобы почувствовать «до какой степени может дойти теснота, духота, сырость, одним словом, все что разрушает здоровье человека».²

Энгельс отмечает, что причиной тяжелых жилищных условий рабочих является не отсутствие жилищ, а то, что эти жилища принадлежат буржуазии.³ И в Петербурге было бы довольно домов, но они находились в руках дворянства и буржуазии. О санитарном состоянии рабочих жилищ никто не беспокоился. О том, как мало начальство заботилось о здоровье рабочих, показывает то, что до 40-х годов в 35 торговых банях Петербурга не было теплых мылен для «простонародия». В актах обследования этих бань говорится, что моевшиеся «после паренья выходили

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, М.—Л., 1929, стр. 358.

² ЖМВД, 1857, ч. XXIV, отд. V, стр. 25—26.

³ Там же, стр. 26.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, М., 1935, стр. 19.

на открытый двор, где и мылились, подверженные ветру и холоду». В банях черно-рабочие и солдаты производили стирку белья, хотя стирка разрешена была только последним. Хозяева бань в 1842 г. жаловались полицеймейстеру, что чернорабочие и солдаты превращают бани «как бы в некий вид прачешных, коих нет ни при квартирах чернорабочих людей, ни при полковых казармах».¹

Тяжелое экономическое положение трудящихся, полуголодное существование, ужасные жилищные и прочие бытовые условия были причиной массовых заболеваний среди рабочих и преждевременной смерти многих тысяч людей. Особенно смертность усиливалась в мае и июне, когда в Петербург приходили тысячи рабочих из деревень. Изнуренные долгой дорогой они часто неделями ходили в поисках работы, голодали, заболели и массами умирали.

Изменения, происходившие в первой половине XIX в. в составе населения Петербурга и в положении его отдельных классов, отражали те изменения, которые происходили в экономике Петербурга и всей страны. За старыми сословными перегородками создавались новые классы развивавшегося капиталистического общества. Старое деление общества по сословиям тормозило процесс вызревания новых общественных классов. Тем самым углублялось противоречие между новыми капиталистическими отношениями и отживающим крепостничеством. Это противоречие особенно обострилось к 50-м годам XIX в. В то же время назревали противоречия между формирующимися капиталистическими классами. Все это вело к обострению классовой борьбы и ярко отразилось на общественно-политической жизни дореформенного Петербурга.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, № 50.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА
ОТ КОНЦА XVIII в. ДО 1861 г.

В первую треть XIX в. классическая архитектура Петербурга достигла высшего уровня в своем развитии. Заложенные еще в предшествующем веке главнейшие архитектурные ансамбли Петербурга получили свое завершение, и центр города приобрел свой «строгий, стройный вид», восхитительный А. С. Пушкиным. Классиками русского зодчества А. Н. Воронихиным, А. Д. Захаровым, К. И. Росси и В. П. Стасовым были созданы выдающиеся произведения архитектуры, вошедшие в число лучших памятников зодчества не только русского, но и мирового искусства. Такие произведения архитектуры, как Адмиралтейство, здание Казанского собора, ансамбль Александринского театра или бывшие Павловские казармы, создали в архитектуре целую эпоху так называемого высокого классицизма, отражающую общий подъем русской культуры того времени. Градостроительное искусство в России с его величественными, совершенными по композиции и законченности ансамблями оставило позади себя все, что было до того известно в архитектуре Западной Европы и заняло ведущее положение в мировой архитектурной практике.

Основные особенности русской архитектуры и зодчества Петербурга в первую треть XIX в. заключались в широком градостроительном подходе к решению важнейших задач, высокой художественной выразительности идей патриотизма в главнейших произведениях, ярко выраженной национальной самобытности на основе творческой переработки классических античных приемов и форм и, нако-

вед, в высоком для своего времени архитектурно-художественном и техническом уровне строительства.

Наряду с благоустроенными ансамблями в центре столицы, на ее окраинах, вокруг возникающих промышленных предприятий, стихийно складывались трущобы — место жительства рабочих фабрик и заводов, ремесленников и сезонных рабочих.

Градостроительные мероприятия и возведение различных строений диктовались потребностями правительства, дворянства и поднимающейся буржуазии. В Петербурге, еще шире чем в прошедшем столетии, развернулось строительство самых разнообразных сооружений: зданий министерств, высших специальных учебных заведений и военных училищ, театров, торговых зданий, казарменных городков и отдельных казарм, различных складов, гауптвахт, культовых зданий и пр. Одновременно с этим продолжают сооружаться дворцы.

Наряду с широким государственным строительством в Петербурге все больше развивается частное строительство жилых домов, сложившиеся характерные типы которых сохранились до наших дней в значительном количестве. Среди них все большее значение приобретает жилой дом, предназначенный для сдачи в наем квартирно, так называемый доходный дом, который к концу столетия станет ведущим строительным объектом в капиталистическом Петербурге.

Важнейшей характерной чертой петербургской архитектуры этого времени было создание не отдельного архитектурного сооружения или замкнутого в себе комплекса, а формирование крупных городских ансамблей, создание городского центра как цельного архитектурного комплекса, отдельные части которого находятся в органической взаимосвязи друг с другом. Центр города теперь понимается не как замкнутый в себе ансамбль одной главной площади или даже системы площадей, а как широкая и сложная пространственная система взаимосвязанных между собой ансамблей, распространяющая свое влияние по городским магистралям на значительную часть территории города.

Перед петербургскими зодчими в начале XIX столетия стояла прежде всего задача дальнейшего оформления центра столицы, не решенного еще окончательного архитектурного решения в предшествующее время. Природным главным «стержнем» Петербурга, его основной градостроительной осью оставалась Нева. Архитектурный центр города, разместившийся вокруг водного пространства Невы, в ее самой широкой части, уже закрепился в XVIII в. Петропавловской крепостью, Адмиралтейской верфью, застройкой набережных левого берега Невы и Васильевского острова и гранитными набережными. Застройка набережных не всюду была достаточно представительной, Адмиралтейская верфь утилитарным видом производственных корпусов уже не соответствовала своему местоположению в центре города, общему парадному характеру застройки Дворцовой набережной.

Новое понимание архитектурного ансамбля между прочим явилось одной из причин того, что строительство здания Биржи на восточной оконечности

Васильевского острова, осуществлявшееся по проекту архитектора Д. Кваренги, было приостановлено, а затем и вовсе прекращено.

Проект Кваренги хорошего самого по себе здания Биржи не решал градостроительной задачи, и в случае его выполнения на набережной Васильевского острова в ряду отличных существующих зданий появилось бы еще одно — здание Биржи. К началу XIX в. изменившиеся требования, предъявляемые к архитектуре, привели к пересмотру организации важнейшего звена в ансамбле Невы — восточного мыса Васильевского острова, где строилась Биржа, и отказу от проекта Кваренги, в котором была упущена градостроительная роль важного здания. Составление нового проекта было поручено архитектору Тома де Томону.

Томон в 1800 г. получил в Петербурге звание академика и через два года был назначен придворным архитектором. В течение последующих десяти лет в Петербурге он перестраивает Большой театр, проектирует Казанский собор (проект не осуществлен), возводит амбары на Сальном Буяне, особняки знати, павильон в Павловске и фонтаны-водопойки на дороге в Пулковое. Но основным и самым значительным творением Томона явилось здание Биржи, которое заслуженно относится к числу лучших произведений русского зодчества начала XIX в.

Проект Биржи рассматривал Совет Академии художеств, который в течение четырех лет неоднократно отклонял варианты, представляемые Томоном. В процессе разработки проекта в роли экспертов выступали архитекторы А. Н. Воронихин и А. Д. Захаров. Последний в своих замечаниях по разным вариантам проекта отмечал, что в связи с процветанием российской торговли биржевой зал должен быть значительно обширнее, чем запроектированный Томоном, что верхний свет в зале «совсем не по здешнему климату», что «деревянный свод над залом, от которого кажда потерпит со временем убыток, должен быть сделан каменным»; он настаивал на более широком входе, чтобы «из зала открыть более виду на берег, так и на площадь», и более удобной связи помещений друг с другом. Замечания были всесторонни. Они касались и планировки, и конструкции, и архитектуры здания. Наконец, в 1804 г. Захаров исполнил проект перестройки зданий Академии Наук на Университетской набережной и разработал общую планировку всей стрелки Васильевского острова, всего ансамбля, на котором указал точное местоположение Биржи, тем самым определив весь характер композиции ансамбля. Проект Захарова был утвержден и послужил основой для окончательного варианта планировки стрелки Васильевского острова, предложенного Томоном и утвержденного Советом Академии художеств. Таким образом, архитектор Захаров своим творческим вмешательством как член Комитета строительства биржевого здания сыграл решающую роль в формировании ансамбля Биржи. Томон осуществил свой замысел при повседневном творческом руководстве великого зодчего Захарова.

Здание было заложено в 1805 г. и закончено через шесть лет. Оно расположено на высоком подиуме — искусственной площадке. С четырех сторон главный объем здания окружают 44 дорические колонны. Восточный и западный порталы здания

Панорама Петербурга с птичьего полета. Литовграфил с рисунка И. И. Шарлеманя середины XIX в.

*Проект Биржи и оформления стрелки Васильевского острова. Чертеж Г. Томона 1893 г.
Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта.*

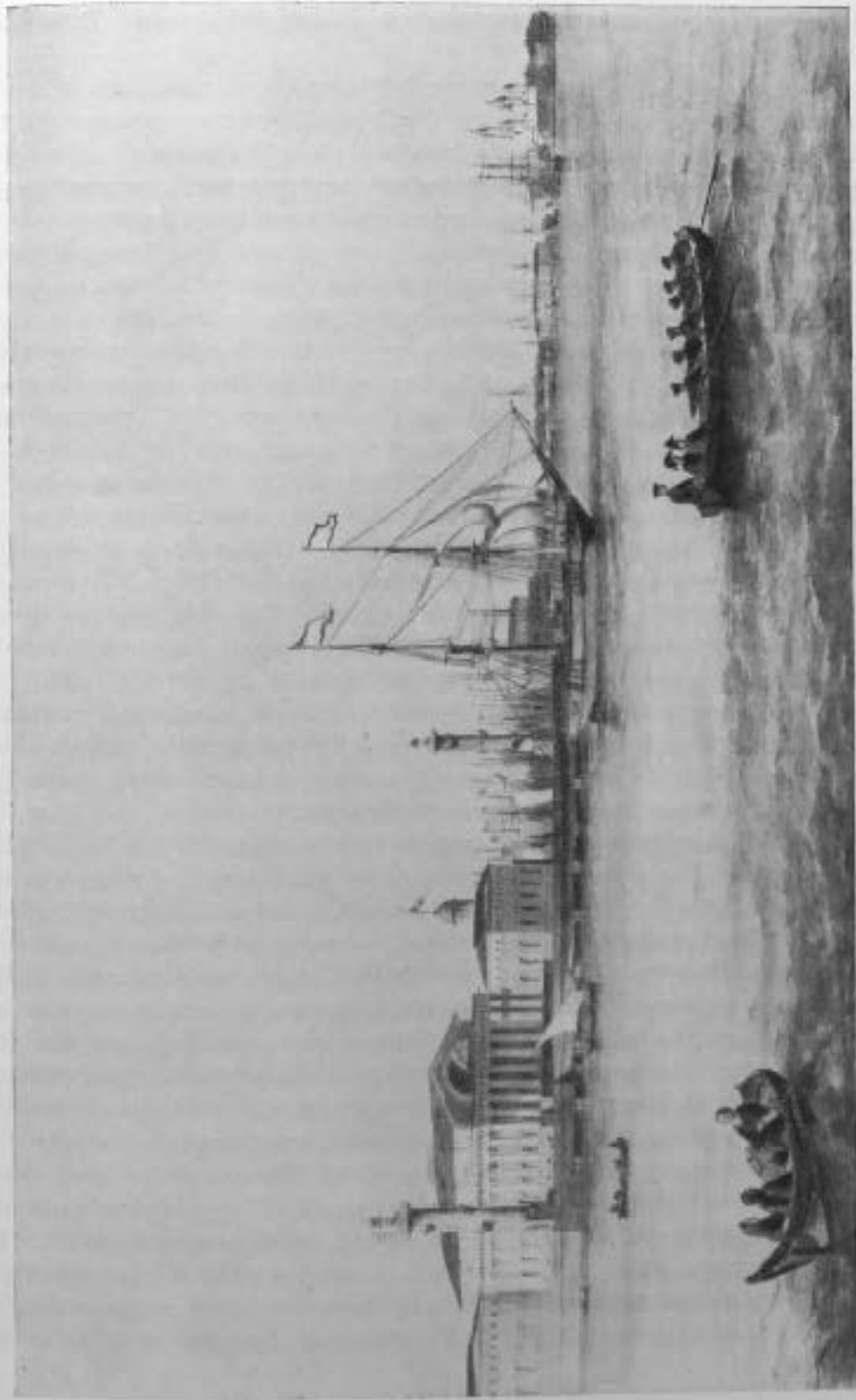
увенчаны монументальными аллегорическими скульптурными группами. Из-за колоннады поднимается объем операционного зала. Включение здания в единый ансамбль с симметричными, отдельно стоящими роstralными колоннами и тщательно оформленным берегом «стрелки» Васильевского острова определило Биржу как главное здание в широкой парадной пространственной композиции, в которую включен простор Невы и застройка ее берегов. Томон учел сложившийся характер архитектуры неvских берегов — шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства, протяженность стен крепости и Зимнего дворца — и выбрал архитектурный прием, который определил стрелку острова как архитектурный центр всего широкого пространства Невы. Мощная колоннада Биржи оказалась здесь уместной; она рассчитана на просторы реки и ее берегов.

Весь ансамбль стрелки, как бы вырастающее из неvских берегов здание Биржи в архитектурных формах выражают могущество морской столицы великой страны — России.

Оформление внутренних помещений Биржи не менее величественно. Основной объем выдержан в суровых пропорциях дорического ордера. На гладких стенах зала ритмично расположены ионические портики, обрамляющие выходы. Прежний цилиндрический деревянный свод был возобновлен в железобетоне в 1914 г. Ныне в здании помещается Государственный Военно-морской музей СССР.

Окружающая застройка по обе стороны Биржи была детально разработана на основе указаний К. И. Росси и осуществлена архитектором И. Ф. Лукиным уже в конце 20-х годов XIX в.

И. Ф. Лукин выстроил два симметричных по отношению к Бирже здания таможенных складов с выставочными залами, и далее, по Тучко-

Вид сстрелки Вальвского острова. Слева — здание Биркен. Построено в 1803—1810 гг. Архитектор Т. Томп.
Литография 40-х годов XIX в.

вой набережной (ныне набережная адмирала Макарова), здание Таможни с башней и куполом.

На площадь перед Биржей обращены меньшие фасады складских зданий (ныне в них расположены музей Академии Наук СССР). Они лаконичны, спокойны по рельефу, в то время как главные их фасады по Университетской и Тучковой набережным решены параднее, с дорическими трехчетвертными колоннами в средней части фасадов. Общая композиция Таможенного здания, построенного в 1829—1832 гг. (ныне в нем помещается Институт русской литературы Академии Наук СССР), продиктована существовавшим зданием Кунсткамеры. Таможня проектировалась в симметрии с ним по отношению оси стрелки Васильевского острова. Ионический портик главного входа Таможни Лукини связал с пристанью-спуском на Малой Неве. Завершенная композиция биржевого ансамбля на стрелке Васильевского острова стала архитектурным центром Университетской и Тучковой набережных.

Разрешение грандиозной для своего времени градостроительной задачи по преобразованию центра Петербурга пало на крупнейших зодчих Петербурга начала XIX в. — А. Н. Воронихина, А. Д. Захарова, К. И. Росси и В. П. Стасова. Постройкой нового здания Главного адмиралтейства (1806—1823 гг.) Захаров завершил важнейший градостроительный узел Петербурга, связав воедино трехлучевую композицию плава южной части города с центральным Невским ансамблем. Сооружением здания Главного штаба с его грандиозной аркой (1819—1829 гг.) архитектор Росси завершил архитектурную организацию Дворцовой площади и связал ее с Невским проспектом, а сооружение по его же проекту зданий Сената и Синода (1829—1834 гг.) оформило Петровскую площадь (ныне площадь Декабристов) и закончило весь грандиозный ансамбль у Адмиралтейства.

Замечательное сооружение Воронихина — Казанский собор (1801—1811 гг.), вместе с созданными Росси ансамблями Михайловского дворца с одноименным улицей и площадью (1818—1840 гг.), Театральная площадь с Александринским театром, новым зданием Публичной библиотеки, двумя садовыми павильонами Анничкова дворца, застройка Театральной улицы и Чернышевой площади (1827—1832 гг.) — закончили большой ансамбль Невского проспекта, включив его в архитектурную систему центра города. Вся сложная система ансамблей центра города была завершена новой связью Невского проспекта с Невой благодаря продолжению Садовой улицы до Марсова поля, реконструкцией района Михайловского замка, а также постройкой в 1817—1820 гг. на Марсовом поле архитектором Стасовым Павловских казарм (ныне здание «Ленэнерго»). Эти работы по завершению центра столицы, произведенные в три первые десятилетия XIX в., свидетельствуют о грандиозных, не мыслимых в то время для любой другой европейской страны, масштабах градостроительных мероприятий и размахе строительства. Однако не менее характерным и ценным были не только градостроительные особенности русской архитектуры, но и высокое идейно-художественное содержание произведений

зодчества и высокое мастерство их творцов, выдвинувшее русскую архитектуру на первое место в мире.

Ирчайшим примером этого может явиться знаменитое здание Главного адмиралтейства, являющееся национальной гордостью русской архитектуры. Великий зодчий А. Д. Захаров приступил к реконструкции старых адмиралтейских верфей и созданию нового грандиозного здания Главного адмиралтейства в 1805 г. Имя зодчего Захарова как основоположника высокого классицизма выделяется среди крупнейших его современников: Воронихина, Росси и Стасова.

Андреян Дмитриевич Захаров — сын мелкого служащего Адмиралтейской коллегии, прапорщика Д. И. Захарова. Шестилетнего мальчика поместили в художественное училище при петербургской Академии художеств, по окончании которого он перешел в архитектурный класс Академии профессора А. А. Иванова.

В 1782 г., по окончании Академии, Захаров выехал в заграничную командировку в Париж, где занимался в архитектурной мастерской Ж. Шальгрена и посещал лекции парижской Академии искусств. В 1786 г. Захаров вернулся в Петербург.

Идеи классицизма, ярко характеризующие творчество Захарова, были заложены в его сознание еще во время обучения в Академии, где среди профессоров были, кроме названного А. А. Иванова, один из крупнейших мастеров строгого классицизма — великий зодчий И. Е. Старов и др.

В Петербурге Захаров начинает педагогическую деятельность в Академии художеств и с 1808 г. он возглавляет архитектурный класс Академии в качестве старшего профессора. В разное время у него помощниками по классу были А. Н. Воронихин, А. А. Михайлов и др. В своих учениках Захаров воспитывал любовь к строгой и величественной архитектуре классицизма и развивал чувство прекрасного, но вместе с тем прививал им трезвый, рациональный подход к архитектурным заданиям, предлагая программы, требовавшие реального, практического подхода при их решении.

Все работы Захарова, исполненные им до 1805 г., в частности церковь при Александровской мануфактуре, постройки и проекты для Гатчины, проекты образцовых казенных зданий для городов России и другие, еще близки к традициям строгого классицизма конца XVIII в. и их следует рассматривать как подготовку к новому этапу в его творчестве, когда Захаров выступает основоположником высшего русского классицизма XIX в. За время служебных поездок по России Захаров близко познакомился с многообразной русской архитектурой, в особенности народной, составляющей с русской природой единое целое и оказавшей на его творчество большое влияние.

В 1805 г. Захаров получил назначение на должность «Главных адмиралтейств архитектора». За время пребывания в этой должности он выполнил для Петербурга, Кронштадта, Херсона, Архангельска, Ревеля (ныне Таллина) и других портовых городов России, а также Екатеринослава, большое число проектов. Тематика проектов Захарова была очень широкая: госпитали, казармы, конюшни, склады,

брандвахты, кузницы, административные и церковные здания и пр. Для этих в своем большинстве утилитарных зданий Захаров умел найти яркую выразительность при простоте архитектурного решения. Композиции зданий Захарова оригинальны, самостоятельны и разнообразны.

В Петербурге Захаров расширил комплекс зданий Провиантских складов, перепланировал Галерный порт, перестроил Морской госпиталь на Выборгской стороне и Адмиралтейские казармы у нынешней площади Труда.

Здание Главного адмиралтейства в Петербурге является самым выдающимся произведением не только в творчестве Захарова, но и во всей русской и мировой архитектуре. Это одно из первых зданий, которое предопределило высший этап русского классицизма.

Сейчас, глядя на Адмиралтейство, невозможно представить, что оно явилось результатом капитальной реконструкции существовавшего здания, что в своем творчестве Захаров был стеснен планом и каменными стенами старого Адмиралтейства. В 1806 г. Захаров предложил гигантский по размаху и гениальный по архитектурно-художественному решению проект полной реконструкции старого здания. При этом Захаров максимально сохранил прежние стены. К ним были пристроены лишь портики. При реконструкции был сохранен и общий план Адмиралтейства в виде двух рядов параллельных корпусов, образующих в плане гигантскую широкую букву П, открытую в сторону Невы. Размеры сторон плана — 407 и 163 м. Основная функция Адмиралтейства как судостроительной верфи была также сохранена, но производство судов было размещено главным образом во внутренних корпусах, окружающих двор со ставелями. Во внешних корпусах, обращенных фасадами на главные площади города, Захаров разместил парадные и деловые помещения Адмиралтейского департамента с залом заседаний, библиотекой и Адмиралтейств-коллегией. Между дворовыми и внешними корпусами проходил канал, засыпанный только лишь в конце XIX в.

Захаров отдавал себе отчет об особой роли внешних фасадов. Он должен был найти композиционный прием, который бы превратил здание Адмиралтейства действительно в головной узел огромного центрального ансамбля из трех площадей, Невы и трех лучевых проспектов, в том числе и Невского, берущих свое начало у Адмиралтейства. Зодчий с гениальной простотой и силой решил эту задачу.

Как и в большинстве значительных зданий той поры, главными архитектурными элементами фасадов в Адмиралтействе являются колонные портики. На ясном закономерном чередовании двух типов дорических портиков (6-колонного с аттиком и 12-колонного с фронтоном) построено многообразие фасадов. Те же шестиколонные портики заканчивают параллельные корпуса, подходящие к Неве, где создана монументальная и оригинальная композиция с триумфальной аркой так называемых Невских павильонов. Под их арки когда-то входил канал. Колонны в портиках собраны компактно и хорошо воспринимаются в контрасте с широкими плоскостями стен.

Адмиралтейство. Построено в 1806—1823 гг. Архитектор А. Д. Захаров. Акварель середины XIX в.

Башня Адмиралтейства, созданная в 30-х годах XVIII в. И. К. Коробовым, представляла собой и ранее главный композиционный элемент всего здания. Теперь, когда фасады Адмиралтейства явились основой для формирования трех площадей городского центра, роль башни еще больше возросла. Захаров сохранил основу старой башни, но изменил ее силуэт и архитектурную трактовку. В новом решении массивный кубический устой башни прорезан триумфально оформленной аркой. По ее сторонам на гранитных пьедесталах возвышаются спокойные, уравновешенные скульптурные группы трех морских нимф-карнатид, поддерживающих земную и небесную сферы. Они исполнены Ф. Ф. Щедриным и в композиции неразрывно связаны со зданием, что подчеркивают барельефы венков над каждой группой. Над аркой изображены крылатые Славы, скрестившие победные знамена над старым русским гербом. В знаменитом горельефе И. И. Терещенева на аттике, т. е. невысокой каменной стене, расположенной выше основного карниза, на тему «Заведение флота в России» передана идея славы России. Четыре изваяния героев древности на башне — Ахиллеса, Аякса, Пирра и Александра Македонского, — выполненные Ф. Ф. Щедриным, своими размерами и местоположением органически связаны с силуэтом башни и завершают ее

вижний объем. На кубическом основании башни воздвигнут ее верхний ярус, окруженный рядом ионических колонн с статуями над ними. И, наконец, выше позолоченного купола и фонарика на высоту 72 м устремляется граненый позолоченный шпиль, завершенный кружевным корабликом. Разнообразное использование скульптур, участвующих в композиции фасада, и очертания силуэта вносят в лаконичные объемы башни ощущение парадности и триумфальности. Громадный размер здания заставил Захарова создать оригинальный, новый по композиции, симметричный в отношении башни, фасад. Таким образом, Захаров в композиции главного фасада выступил в роли новатора, прокладывавшего новые пути в развитии русского классицизма.

Вскоре после того как здание полностью было освобождено от лесов, издатель «Журнала изящных искусств» и конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович писал в своей статье «О состоянии художеств в России»: «Захаров — один из величайших зодчих в России... Его проекты возобновления Исаакиевской церкви и соединения зданий Академии Наук принадлежащих, колоннадами превосходны в обширнейшем значении слова. По его же проекту возобновлено Главное адмиралтейство в С.-Петербурге, здание огромное и можно сказать единственное по чистоте архитектуры, согласию частей, соразмерности во всем и изящному стилю... Захаров утверждал вкус чистый, нынешним художникам остается идти прямым путем».¹

Свободное расположение барельефов летящих Слав на гладком цветном поле стены свидетельствует о преемственности приема скульптурного убранства от владимиро-суздальской древней архитектуры. Двухцветное оформление фасадов, как и позолота купола и шпиля, снова напоминают о жизнестойкости национальных традиций, по-новому воспроизведенных в творении Захарова.

Классические элементы архитектуры в руках Захарова были средством создать русское, национальное по композиции и выразительности, произведение.

Перед портиками всех фасадов Адмиралтейства были установлены на гранитных пьедесталах каменные позавания, выполненные по проекту Захарова его соотечественниками, ваятелями Ф. Ф. Щедриным, С. С. Пименовым, В. И. Демут-Малиновским и др. Скульптуры являлись аллегориями великих русских рек и стран света. Каждый из фронтонов был завершен тремя фигурами месяцев. Они были удалены еще в середине XIX в. От богатейшего скульптурного убранства сохранились декоративные барельефы на каждом из четырех фронтонов с аллегориями Славы, скульптурные фризы на башне да фризовые вставки в крайних пролетах всех дорических портиков. К сожалению, утрачен один из самых больших в мире скульптурных фризов на фасадах Адмиралтейства в уровне окон третьего этажа, составленный из военных и морских атрибутов. В 30-х годах прошлого века на его месте были пробиты окна третьего этажа.

¹ Северные цветы, 1826, ч. 1, стр. 57, 58, 97.

нижний объем. На кубическом основании башни воздвигнут ее верхний ярус, окруженный рядом ионических колонн с статуями над ними. И, наконец, выше позолоченного купола и фонарика на высоту 72 м устремляется граненый позолоченный шпиль, завершенный кружевным корабликом. Разнообразное использование скульптур, участвующих в композиции фасада, и очертания силуэта вносят в лаконичные объемы башни ощущение парадности и триумфальности. Громадный размер здания заставил Захарова создать оригинальный, новый по композиции, симметричный в отношении башни, фасад. Таким образом, Захаров в композиции главного фасада выступил в роли новатора, прокладывавшего новые пути в развитии русского классицизма.

Вскоре после того как здание полностью было освобождено от лесов, издатель «Журнала изящных искусств» и конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович писал в своей статье «О состоянии художеств в России»: «Захаров — один из величайших зодчих в России... Его проекты возобновления Исаакиевской церкви и соединения зданий, Академии Наук принадлежащих, колоннадами превосходны в обширнейшем значении слова. По его же проекту возобновлено Главное адмиралтейство в С.-Петербурге, здание огромнейшее и можно сказать единственное по чистоте архитектуры, согласию частей, соразмерности во всем и изящному стилю... Захаров утвердил вкус чистый, внешним художникам остается идти прямым путем».¹

Свободное расположение барельефов летящих Слав на гладком цветном поле стены свидетельствует о преемственности приема скульптурного убранства от владими́ро-суздальской древней архитектуры. Двухцветное оформление фасадов, как и позолота купола и шпиля, снова напоминают о жизнестойкости национальных традиций, по-новому воспроизведенных в творении Захарова.

Классические элементы архитектуры в руках Захарова были средством создать русское, национальное по композиции и выразительности, произведение.

Перед портиками всех фасадов Адмиралтейства были установлены на гранитных пьедесталах каменные изваяния, выполненные по проекту Захарова его соотечественниками, скульпторами Ф. Ф. Щедриным, С. С. Плещинским, В. И. Демут-Малиновским и др. Скульптуры являлись аллегориями великих русских рек и стран света. Каждый из фронтонов был завершен тремя фигурами месяцев. Они были удалены еще в середине XIX в. От богатейшего скульптурного убранства сохранились декоративные барельефы на каждом из четырех фронтонов с аллегориями Славы, скульптурные фризы на башне да фризовые вставки в крайних пролетах всех дорических портиков. К сожалению, утрачен один из самых больших в мире скульптурных фризов на фасадах Адмиралтейства в уровне окон третьего этажа, составленный из военных и морских атрибутов. В 30-х годах прошлого века на его месте были пробиты окна третьего этажа.

¹ Северные цветы, 1826, ч. 1, стр. 57, 58, 97.

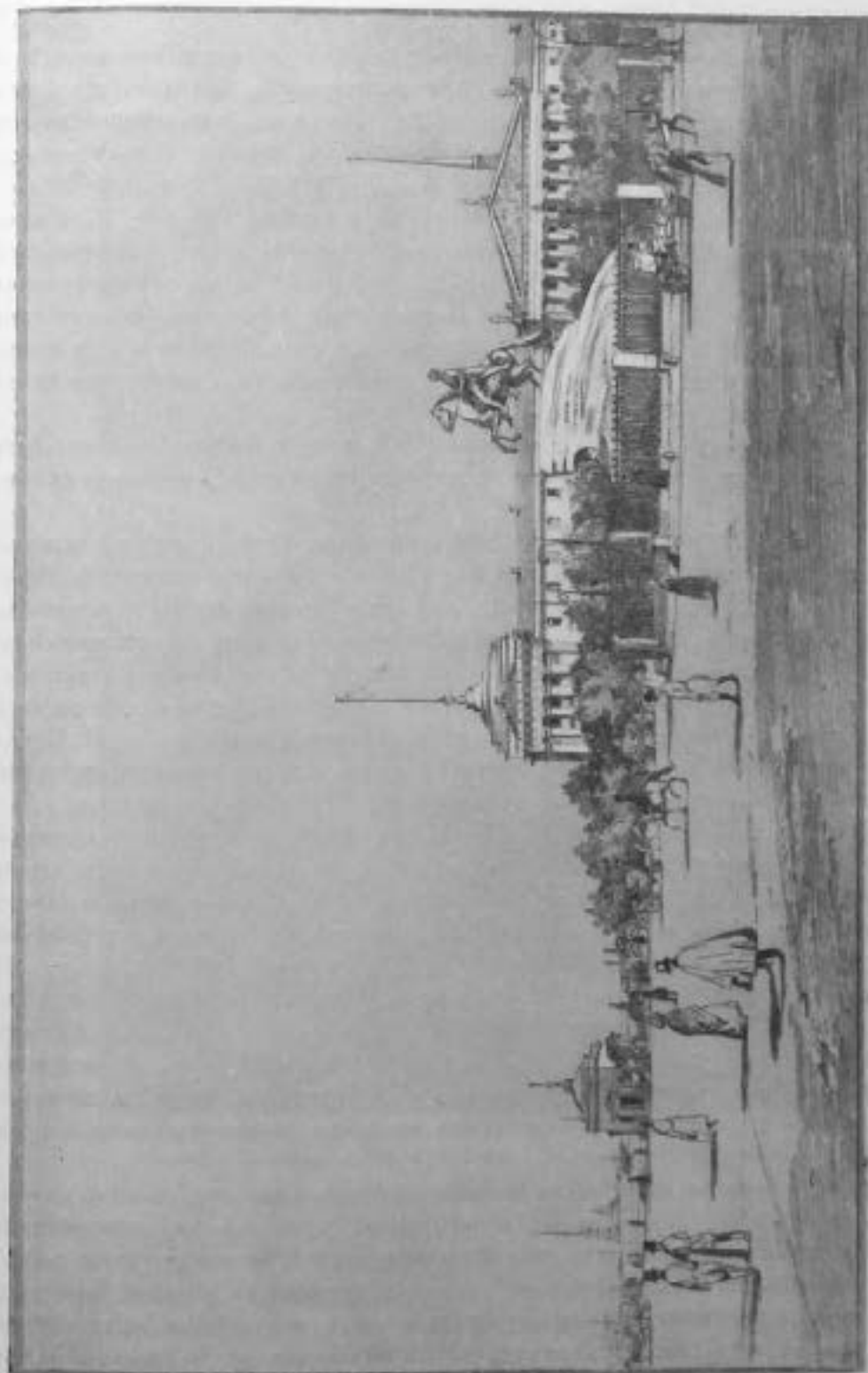
ПЛАНЪ
САВЪННЕРЪСЪРЪЯ

въ 1846 году

составленъ и изданъ по повелѣнью
Его Императорскаго Величества
въ Санкт-Петербургскомъ дептѣ

№ 1862 XVI

Сенатская площадь. Рисунок Л. О. Прейсера 40-х годов XIX в.
Государственный Эрмитаж.

Триумфальное содержание всей архитектурной композиции Адмиралтейства дополнительно раскрыто в барельефах. Адмиралтейство — архитектурный гимн России. Сила патристического чувства здесь передана с необыкновенной выразительностью. При этом характерно, что содержание барельефов отражает демократические черты, присущие русскому искусству начала XIX в.

Как в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» или опере М. И. Глинки «Иван Сусанин» впервые показан главный герой — народ, так и в барельефах на Адмиралтействе подчеркнута идея славы героя-народа. В барельефе во фронтоне двенадцатиколонного портика, напротив Невского проспекта, изображена сцена награждения богиней правосудия Фемидой героев в образе крестьян и ремесленников. И это сделано художниками на главном фасаде здания, стоявшего в центре столицы самодержавного государства!

Художественные достоинства и идейное содержание в здании Адмиралтейства находятся в единстве, что и определяет великое значение этого памятника русской архитектуры.

Переоценить Захарова нельзя, так как он показал величайшее искусство национального претворения классических форм архитектуры и в здании Адмиралтейства раскрыл прогрессивное значение лучших традиций русского зодчества: гармонии с природным окружением, объемного построения композиции здания при цветности фасадов и жизнеутверждающего оптимистического тона архитектуры.

Влияние Захарова и его главного произведения — Адмиралтейства — на творчество других архитекторов и прежде всего на зодчих К. И. Росси и В. П. Стасова было чрезвычайно велико, в чем легко убедиться путем простого сравнения их произведений с Адмиралтейством Захарова.

Несколько помещений Адмиралтейства более или менее сохранили прежнюю внутреннюю отделку. Это — главный вестибюль, зал Адмиралтейского совета, библиотека и несколько больших комнат. В их отделке Захаров широко использовал скульптуру: лепные фризы, карнизы, великолепного рисунка коринфские капители и пр.

Особый интерес представляет колоссальный вестибюль с колоннадой оригинально трактованного коринфского ордера. Широкая расходящаяся лестница украшена большими статуями Афины и Геркулеса, исполненными, вероятно, Ф. Ф. Щедриным, и тонко нарисованным скульптурным панно на средней площадке. В орнаменте живописи и барельефов многократно использованы морские образы.

Отмечая достоинства внутренних помещений Адмиралтейства, уместно указать на тесное творческое содружество архитекторов со скульпторами, живописцами, мастерами прикладного искусства, что облегчало зодчим раскрытие идейно-художественного замысла архитектурного образа и позволило создать блестящие образцы художественного синтеза изобразительных искусств и архитектуры. Совместно с архитекторами, образуя творческий коллектив, над созданием просла-

*Главная лестница Адмиралтейства. Построена в 1811—1815 гг.
Архитектор А. Д. Захаров.
Фото с натуры.*

вленных произведений петербургской архитектуры первой половины XIX в. работали выдающиеся русские мастера: И. П. Витали, В. И. Дамут-Малиновский, М. И. Козловский, И. П. Маркос, С. С. Пименов, И. П. Прокофьев, И. И. Терещенев, Ф. Ф. Щедрин и др.

В оформлении помещений архитекторы применяли скульптурный и живописный декор, вместе с тем сохраняя строгость композиции. В первой трети XIX в. выделяется группа живописцев-декораторов — П. Гонзаго, И. К. и П. И. Скотти, А. К. Виги, — постоянно сотрудничавших с крупными архитекторами.

Русские мастера, лепщики, мраморщики, столяры, краснодеревцы, стеклодувы, гранильщики, бронзовщики, фермовщики, литейщики, чеканщики, ювелиры участвовали в отделке и оформлении зданий, создавая высокохудожественные образцы мебели, люстр, ваз и всего того, что дополняло и оживляло анфилады дворцовых зал, внутренние объемы церквей, театров. В первую треть XIX в. были созданы замечательные интерьеры, с легкой живописью и лепным декором на потолках и стенах, инкрустированными полами, резными дверями, искусственным и натуральным мрамором, обставленные специально изготовленной по рисунку архитекторов мебелью, вазами и пр.

Ряд интерьеров сохранился до наших дней. Это знаменитые вестибюли в Адмиралтействе и Русском музее, Белоколонный зал в Смольном и том же Русском музее, многочисленные залы в Зимнем дворце, созданные вновь после пожара 1837 г., интерьеры Строгановского дворца и здания Министерства иностранных дел, хорошо сохранившиеся помещения особняка на Фонтанке, дом № 41, и многие другие.

Широко развернувшееся строительство, большой масштаб отдельных сооружений столицы и вызванные этим новые конструктивные задачи способствовали развитию русской инженерной мысли и новому подъему строительной техники.

Быстро и успешно в строительную практику внедряются металлические конструкции в перекрытиях зданий и мостах, вновь возводимых в первые десятилетия XIX в. на малых реках и каналах.

При постройке Казанского собора архитектор А. Н. Воронихин впервые в мировой истории строительства осуществил решетчатую конструкцию купола, пролетом в 17,1 м из ковкого железа и чугуна.

При восстановлении в 1838—1839 гг. после пожара Зимнего дворца были применены для плоских перекрытий значительного пролета оригинальные «эллиптического» сечения балки из листового железа. Там же было устроено несгораемое перекрытие из полосового железа, залитого раствором серой извести.

Железо было широко применено для сооружения стропильных ферм в перекрытиях зал Зимнего дворца, Александринского театра, Марининского дворца и других зданий.

При постройке Исаакиевского собора, в 1838 г., была создана сложная чугунная конструкция его тройного купола с пролетом в 22,15 м. В середине века инже-

вер Д. И. Журавский заменил деревянный сорокаметровый шпиль Петропавловского собора новым — металлическим.

Художественный кружевной узор известных решеток А. Н. Вороницина, К. И. Росси, В. П. Стасова, свидетельствует о высоком искусстве русских зодчих и исполнителей — мастеров-литейщиков, показанном еще и в XVIII в. на таких примерах, как решетка Летнего сада.

В первой половине XIX в. создаются целые сооружения из чугуна: Триумфальные ворота у Московской заставы, ворота в Царском Селе «Любезным моим сослуживцам», несколько мостов через реки и каналы Петербурга и др.

Большая нужда строительства в металле и новых металлических конструкциях удовлетворялась такими большими заводами, как Александровский и Берда в Петербурге, тульскими и уральскими промышленными предприятиями.

Академик Б. С. Якоби впервые в мировой практике разработал новый способ изготовления скульптурных барельефов из бронзы гальванопластическим методом, который был широко использован при создании скульптурного убранства Исаакиевского собора и впоследствии получил всеобщее распространение.

После прекращения деятельности в 1796 г. Комиссии каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы в первые 15 лет XIX в. руководство строительством было сосредоточено в нескольких организациях города.

Вопросы городского благоустройства — планировка и прокладка новых улиц, устройство мостовых, тротуаров, мостов, состояние рек и каналов — были сосредоточены в руках Комитета для управления городскими повинностями.¹ При санкт-петербургском военном генерал-губернаторе были учреждены должности главных архитекторов, которые обязаны были рассматривать проекты фасадов всех вновь возводимых и переделываемых частных и казенных зданий, отменять или вносить в них поправки и представлять на одобрение военному генерал-губернатору и утверждение императору.

Кроме того, на основе существовавшего Комитета для построения казарм на Петербургской стороне в 1808 г. был создан Комитет городских строений. На этот комитет закон возлагал «исчинку и строение всех казенных зданий из городских доходов и поземельных сборов производимые» и разработку предварительных соображений «о разных постройках и починках», которые должны были представляться на утверждение военного губернатора в начале года.²

Ведомственное строительство осуществлялось под надзором ведомственных же строительных органов и для руководства некоторых особо важных построек создавались особые комитеты или комиссии. Такие комиссии были созданы в связи со строительством Биржи, Казанского собора, позднее Михайловского дворца, Александринского театра, Исаакиевского собора и др.

¹ ПСЗ, т. XXIX, № 22202.

² ПСЗ, т. XXX, № 23196.

В 1806 г. был учрежден Строительный комитет при Департаменте внутренних дел,¹ на который предполагалось возложить наблюдение за строительством как казенных, так и частных зданий в Петербурге. Практически оказалось, что этот Комитет отводил лишь часть времени казенному строительству в Петербурге, а главное внимание уделял строительству в других городах России.

В течение первого десятилетия XIX в. Петербург продолжает интенсивно застраиваться: осваивались свободные участки в окраинных частях города, деревянные постройки в центре вытеснялись каменными.

Особое внимание петербургской знати привлекал Каменный остров, который все больше застраивается дачными особняками, вследствие чего появляется необходимость устройства прямой магистрали, которая бы связала остров с центром города по кратчайшему расстоянию. В 1804—1805 гг. эта магистраль (ныне Кировский проспект) была проложена.² В 1810 г. был разработан новый проект планировки всего Санкт-Петербургского острова (ныне Петроградская сторона), по которому предусматривалось превращение кронверка и гласиса Петропавловской крепости в парк.

Важным градостроительным мероприятием первого десятилетия XIX в. явилось начало работ по прокладке Обводного канала, который был полностью закончен лишь в 30-х годах XIX в.

Несмотря на то, что архитектурно-строительные вопросы были рассредоточены между различными органами, действовавшими без необходимого согласия друг с другом, участие в застройке Петербурга крупнейших архитекторов обеспечивало ее архитектурно-художественную и градостроительную целеустремленность.

Из крупных мастеров, работавших в последние десятилетия XVIII в. и продолжавших активно влиять на развитие архитектуры Петербурга в первые годы XIX в., прежде всего необходимо назвать Д. Кваренги. Он создает целый ряд очень крупных по размерам сооружений: здание торговых рядов, «Кабинет» при Анничковом дворце (ныне Дворец Пиоверов), Смольный и Екатерининский институты, Конногвардейский мадеж, Марининскую больницу на Литейном проспекте и др.

Смольный институт Кваренги построил в 1805—1809 гг. «спокоем», образуя тем самым со стороны главного подъезда к зданию парадный двор. Протяженность здания, равная более чем двумстам метрам, потребовала сильных архитектурных акцентов на главном фасаде: развитого центра в виде выступающего восьмиколонного портика с фронтоном и на торцах крыльев здания шестиколонных портиков с трехчетвертными колоннами того же ионического ордера. В этом здании вся сила впечатления достигается прекрасным соотношением спокойных стен с пластичными портиками, светотень которых обогащает фасад.

В Смольном сохранился, кроме того, пример высокого мастерства Кваренги в области внутренней отделки здания — Актный, или Белый, зал, ставший, как

¹ ПСЗ, т. XXIX, № 22267; ЦИАЛ, ф. 1293, оп. 74, л. 74.

² ПСЗ, т. XXIX, № 22202.

Смоленский институт, Построен в 1865—1869 гг. Архитектор Д. Копревик. (Ниже Областной и Городской комитеты КПСС.)

и все здание, историческим. В дни Великой Октябрьской социалистической революции в этом зале проходили заседания II Всероссийского съезда Советов, который объявил о переходе власти в руки Советов и принял декреты о мире, о земле и сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров.

Актовый двухсветный зал Смольного разделен двумя рядами колонн коринфского ордера на три нефа. Гладь стен и потолка, блеск паркета, равномерно льющийся в изобилии из двух рядов окон дневной свет, мощная и в то же время легкая колоннада, оставляют незабываемое по силе впечатление.

Очень близко к Смольному по архитектуре другое здание, выстроенное Кваренги на два года раньше. Это здание Екатерининского института на Фонтанке у Невского проспекта, ныне являющееся филиалом Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Огромное значение для петербургской архитектуры первого десятилетия XIX в. имело творчество Андрея Никифоровича Воронихина. Он занял место в числе самых значительных архитекторов не только Петербурга, но и всей России.

Воронихин родился в 1760 г. в уральском селе Новом Усолье, в семье крепостных гр. А. С. Строганова. Там он пристрастился к миниатюрной живописи, обучаясь и работая в мастерских соликамских иконописцев. Мальчиком 14—15 лет Воронихин был отдан в обучение к крупнейшим московским зодчим В. И. Баженову и М. Ф. Казанову, которым он обязан своими первыми познаниями в архитектуре. В начале 1780-х годов Воронихин принимал участие в нескольких длительных поездках по Европейской части России, во время которых глубоко изучил русские произведения архитектуры. В годы своего пребывания во Франции и Швейцарии он продолжал изучать перспективу, пейзажную живопись, архитектуру и точные науки.

По приезде из-за границы в Петербург, с 1791 г., началась творческая пора жизни Воронихина. Первой большой работой его была внутренняя отделка дворца Строганова, построенного архитектором Растрелли на углу набережной реки Мойки и Невского проспекта.

В Академию художеств Воронихин вошел сперва как живописец. В 1797 г. Совет Академии художеств присудил ему звание академика перспективной живописи за представленную картину с изображением построенной им дачи Строганова на Черной речке в Петербурге. Звание архитектора он получил за свои произведения лишь в 1800 г. Тогда же он стал преподавать архитектуру и в конце 1802 г. был утвержден профессором архитектуры Академии художеств.

В 1803—1804 гг. Воронихин был привлечен к восстановлению после пожаров Павловского и Стрельнинского дворцов.

Известен ряд несуществующих проектов Воронихина, из которых наиболее значительными являются проекты Исаакиевского собора в Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве. Но основными произведениями Воронихина явились

А. Н. Воронихин (1760—1811). Автопортрет. Масло. Около 1813 г.
Государственный Русский музей.

здания Казанского собора и Горного института в Петербурге. С возведением этих двух зданий и связаны всецело дальнейшие годы деятельности зодчего.

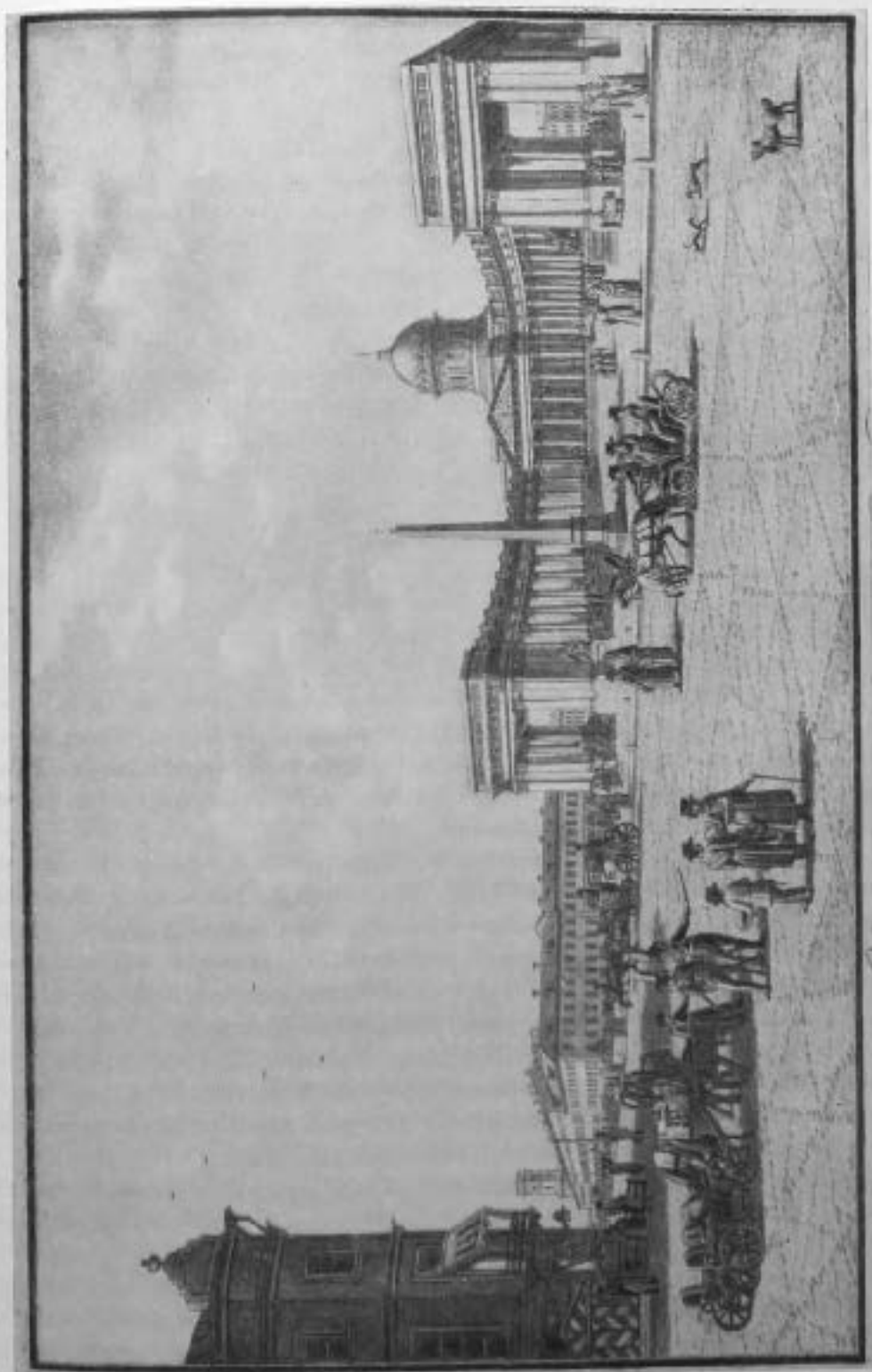
Воронихин в своей архитектурной практике проявил себя блестящим градостроителем. Это с особенной силой видно на примере Казанского собора, соорудив который зодчий сумел создать замечательный архитектурный ансамбль на Невском проспекте.

Здание Казанского собора — самое значительное произведение Воронихина и выдающийся памятник русской и мировой архитектуры. Составить проект Казанского собора было поручено архитекторам-иностранцам П. Гонзаго, Т. Томону и Ч. Камерону. Воронихин представил свой проект, когда первые три были отклонены, и блестяще показал превосходство и оригинальность идеи своего проекта и правильный учет новых градостроительных требований к архитектуре. Он единственный из числа соревнующихся должным образом понял особое значение собора на Невском проспекте, важнейшей магистрали города, и представил торжественную архитектурную композицию, образующую величественный ансамбль, широко открытый на проспект и организующий новые городские площади.

Зодчему надлежало возвести на месте обветшавшей Рождественской церкви на Невском проспекте новый обширный храм, который по условиям ориентации алтаря на восток становился к проспекту боковым фасадом, а главным входом — в сторону Казанской (ныне Плеханова) улицы. Такое расположение здания осложняло композицию, так как требовало от зодчего парадного устройства бокового фасада, открытого в сторону Невского. Воронихин разработал величественное полукруглые четырехрядной колоннады со стороны Невского и противоположного фасада и торжественный шестиколонный портик у главного входа на Казанской улице. Объем храма оказался закрытым колоннадами и портиками, оформившими окружающее собор пространство. Таким образом, были задуманы четыре различные по значению площади у собора: самая парадная и большая со стороны Невского (северная), охватываемая в глубине торжественным полукругом колонн и портиком, аналогичная площадь с противоположной стороны (южная), несколько меньшая по глубине; перед главным входом собора третья (западная) площадь, полукруглая, замкнутая, окруженная чугунной высокой оградой, и, наконец, четвертая площадь в развороте крыльев со стороны алтаря собора (восточная) для сквозного проезда вдоль Екатерининского (ныне Грибоедова) канала с решеткой по его берегу. Проезды по бокам обеих колоннад должны были быть оформлены в виде пропилей.

Здание самого собора Воронихин запроектировал в виде латинского креста в плане с куполом в центре. Такова общая композиция собора. Градостроительное содержание этой композиции ясно выступает на первый план.

Казанский собор — замечательный пример великодушного решения градостроительных художественных и инженерных задач, сочетающихся в одном прекрасном художественном архитектурном образе. Постройкой Казанского собора

Казанский собор. Востроен в 1801—1811 гг. Архитектор А. Н. Воронихин, Гравюра В. Патерсона начала XIX в.

Воронихиным начато решение насущной архитектурной задачи Петербурга — перестройки Невского проспекта и превращения его в парадную магистраль столицы.

В августе 1801 г. состоялась церемония закладки собора, и к началу Отечественной войны были возведены, кроме самого собора, колоннада со стороны Невского проспекта, а вскоре и чугунная решетка, окружающая западную площадь — сквер.

Война, а затем последовавшая смерть Воронихина помешали осуществить вторую колоннаду собора и тем завершить необыкновенный замысел гениального зодчего.

Воронихин применил коринфский ордер с различными капителями для наружных и внутренних колонн. Базы колонн были отлиты из чугуна, наружные капители, как и сами колонны, высечены из пудостьского камня, которым облицован снаружи весь собор. Центральный неф собора перекрыт цилиндрическим сводом, покоящимся на гранитных монолитных колоннах. Обилие света, отраженного в полированных поверхностях колонн и позолоченных капителях, наполняет свободное пространство собора.

Для исполнения скульптур собора Воронихин привлек лучших ваятелей, своих современников. Среди них И. П. Мартос, С. С. Пименов, И. П. Прокофьев — авторы больших бронзовых статуй, стоящих в нишах у северного входа.

Наконец, в ансамбль собора включена монументальная решетка, полуовалом охватывающая западную площадь перед главным входом. Ее звенья, разделенные тяжелыми дорическими колоннами, отлиты из чугуна и поражают необыкновенным изяществом рисунка. Решетка, созданная Воронихиным, может быть поставлена в ряд лучших произведений искусства.

Одновременно на западной оконечности Васильевского острова Воронихин соорудил здание Горного института. Оно подобно Адмиралтейству Захарова представляет собой яркий пример умелого использования существовавших зданий с целью создания новой архитектурной композиции. Прежние частные дома, приобретенные для перестройки по набережной Васильевского острова, образовывали ряд уступов, согласно изгибу реки. Воронихин объединил их коридором, создал новую линию фасада с откинутыми назад крыльями здания и выдвинутым вперед титаническим двенадцатиколонным дорическим портиком. Здесь, как и в Адмиралтействе, несмотря на стесненность условий проектирования, зодчему удалось достигнуть полной гармонии архитектурного образа.

Величественный, торжественный и строгий образ здания был вызван его местоположением у устья Невы. На повороте берега оно замыкает собой панораму набережной Васильевского острова и оформляет въезд в город с моря. В этой работе сказались глубокие знания Воронихиным перспективы, благодаря чему он прекрасно почувствовал общий вид набережной и с необыкновенной удачей выбрал тяжелый греческий дорический ордер громадного портика, вырастающего из

Горный институт, Построен в 1806—1811 гг. Архитектор А. Н. Воронихин.

многоступенчатого основания. И здесь Воронихин привлек скульпторов, которые, создав барельефы на фасаде и скульптурные группы, способствовали не только украшению, но и раскрытию идейного содержания здания, являвшегося аллегорией быстро развивающегося в России горнорудного дела.

Победоносная Отечественная война 1812 г. получила широкий отзвук в зодчестве Петербурга. В послевоенные годы архитектура приобрела черты еще большей торжественности. Архитекторы стремились в величественных композициях обширных зданий, триумфальных сооружений, таких, как арки Главного Штаба или Сената и Синода, отразить героизм русского народа, поднявшегося за свою национальную независимость на борьбу с наполеоновскими полчищами.

После войны в Петербурге возводятся ряд сооружений — прямых памятников русской воинской доблести и патриотизма, прекрасных черт народа, проявившихся в Отечественной войне 1812 г.

К их числу относятся Триумфальные ворота в честь Гвардейского корпуса, так называемые Нарвские ворота, сооруженные из дерева по проекту Д. Кваренги на Петергофской дороге в 1814 г. к моменту возвращения русских войск из-за границы. Позднее, в 1827—1833 гг., они были вновь воспроизведены в долговечном

материале архитектором В. П. Стасовым. Он их несколько увеличил, сохранив первоначальный композиционный замысел, и соорудил из камня, кирпича, облицовав медными листами. Ворстам, установленным в новом месте у реки Таракановки (первые стояли ближе к Обводному каналу), Стасов придал черты большой монументальности и величественности.

Памятником исторической победы русского народа над наполеоновской Францией является также замечательная триумфальная Александровская колонна на Дворцовой площади, сооруженная по проекту архитектора О. Монферрана и открытая в 1834 г. Гранитная колонна, стоящая на массивном основании, окруженном бронзовыми барельефами, увенчана фигурой ангела, исполненной по модели скульптора Б. И. Орловского. Грандиозная колонна, высотой в 47,5 м, является выдающимся по своим художественным достоинствам произведением зодчества.

Господствующее положение России после войны 1812 г. в международных отношениях вызвало к жизни идею преобразования Петербурга в образцовый город с парадной застройкой, величественными площадями и проспектами. По мысли правительства архитектурный облик города должен был отражать мощь самодержавия и политическое превосходство империи в международных отношениях.

В целях осуществления этой идеи регулирования всей застройки города в 1816 г. был учрежден специальный Комитет строений и гидравлических работ. Задачи его деятельности и функции были определены специальным именованным указом, в котором говорилось следующее: «...дабы столицу сию возвести по части строительной до той степени красоты и совершенства, которые бы по всем отношениям соответствовали достоинству ее, соединяли с тем вместе общую и частную пользу... для сего, а равно и для гидравлических по городу производств учредить особенный комитет, которому состоять под председательством вашим [указ адресован инженеру А. А. Бетанкуру] и в оном быть членами: архитекторам Росси, Модю, Стасову и Михайлову». Вновь созданному Комитету предписывалось «рассмотрение чертежей на все без изъятия общественные, казенные и партикулярные в сей столице здания и другие постройки, кои отныне на будущее время предполагаемы будут».¹

Учреждение этого Комитета не снижало роли двух комитетов при военном генерал-губернаторе: для городских повинностей и для городских строений, функции которых сохранялись и дополняли деятельность верховного, руководящего органа — Комитета строений и гидравлических работ.

Новый архитектурно-строительный орган получил особые полномочия составлять программу преобразования всего города.

Деятельность Комитета приобрела исключительно широкий масштаб. Благодаря творчеству талантливых зодчих и прежде всего В. П. Стасова и К. И. Росси

¹ ПСЗ, т. XXXIII, № 26253.

*Нарвские ворота. Построены в 1814 г. Архитектор Д. Кваренги. Литография
К. Веггера 1823 г.*

архитектура Петербурга не получила характера холодной пышности и величия, в ней нашли отражение черты русского народного зодчества в синтезе с простотой и яркостью архитектурных форм античности. Зодчие Стасов и Росси далее развили тенденции самобытной народной архитектуры, которые в начале XIX в. отразили в своих творениях великие русские архитекторы Захаров и Воронихин.

И Стасов и Росси в своих произведениях преодолели ограничительные рамки, созданные самодержавием и сумели свои произведения наполнить глубоко патристическим содержанием, воплотить в них пробудившиеся чувства национального самосознания и гордости великого русского народа. Их творения в архитектуре стоят по своему идейно-художественному значению в одном ряду с произведениями Пушкина в литературе, Глинки в музыке.

К моменту создания Комитета сошли со сцены все крупные архитекторы первого десятилетия XIX в. Кроме К. И. Росси, В. П. Стасова, А. А. Михайлова, возглавивших Комитет в качестве его главных архитекторов, в Петербурге работали

А. И. Мельников, Л. И. Руска, А. П. Брюллов, О. Монферран, П. И. и Л. И. Шарлемань, А. Е. Штауберт, П. Жако, В. А. Глинка и многие другие.

Эти зодчие прекрасно владели приемами русского классицизма, и творческая дисциплина заставляла их подчинять свои решения общим задачам ансамбля. В этом отношении показательно создание ансамбля площади Искусств, который под руководством К. И. Росси был выполнен лишь в части, касающейся Михайловского дворца, а площадь и Михайловскую улицу (ныне ул. Бродского) по проекту Росси продолжали застраивать в 30-х годах XIX в. другие архитекторы, которые выдерживали внешний облик своих зданий в строгом соответствии с ранее исполненными чертежами Росси. Так, в 1837—1839 гг. на углу вновь проложенной Михайловской улицы и площади Павел Жако построил здание Дворянского собрания. Его фасады точно отвечают проекту Росси. Архитектурный интерес представляет самостоятельно созданный Жако громадный зал Дворянского собрания (ныне Филармония) с величественной белой коринфской колоннадой.

Колонный зал по общему богатству композиции и сочности деталей являлся одним из значительных общественных помещений того времени. Следует отметить, что Жако при проектировании несомненно вдохновлялся архитектурой зала Московского дворянского собрания, ныне колонного зала Дома Союзов в Москве, созданного архитектором М. Ф. Казаковым. Композиционная основа в обих произведениях одиозакова.

А. П. Брюллов в 30-х годах XIX в. сооружает на Михайловской площади здание Малого театра, подчиняя архитектуру фасада общему решению архитектуры площади (позднее театр внутри перестроен архитектором А. К. Кавосом). Наконец, по проектам архитекторов А. А. Михайлова, А. И. Мельникова и А. М. Болотова строятся жилые здания в ансамбле Михайловской площади и ни один из них не нарушает общего строгого замысла Росси.

Главные архитекторы Комитета Росси, Стасов и Михайлов стюдь не ограничивались рассмотрением поступающих проектов. Они своим творческим участием оказывали сильнейшее, можно сказать решающее влияние на формирование ансамблей. Особенно в этом отношении велика роль В. П. Стасова и К. И. Росси, величайшие и прекрасные сооружения которых по сию пору являются лучшим украшением Ленинграда.

Большая часть творческой жизни зодчего Василия Петровича Стасова протекала в Петербурге, где он создал ряд крупных произведений архитектуры, среди них: Павловские казармы на Марсовом поле, придворные конюшни в Петербурге и Царском Селе, Преображенский и Измайловский соборы, здание Ямского рынка, Провиантские склады, Триумфальные ворота у Московской заставы и др. По проектам Стасова строили в Москве (Кремлевский дворец, Провиантские склады) и в провинции (Императорский дворец в Вильне, собор в Саратове и пр.). К числу оригинальных и выдающихся работ Стасова относится усадебный архитектурно-парковый ансамбль Аракчеева на реке Волхове — «Грузино».

ПАНОРАМА
ПЕТЕРБУРГА

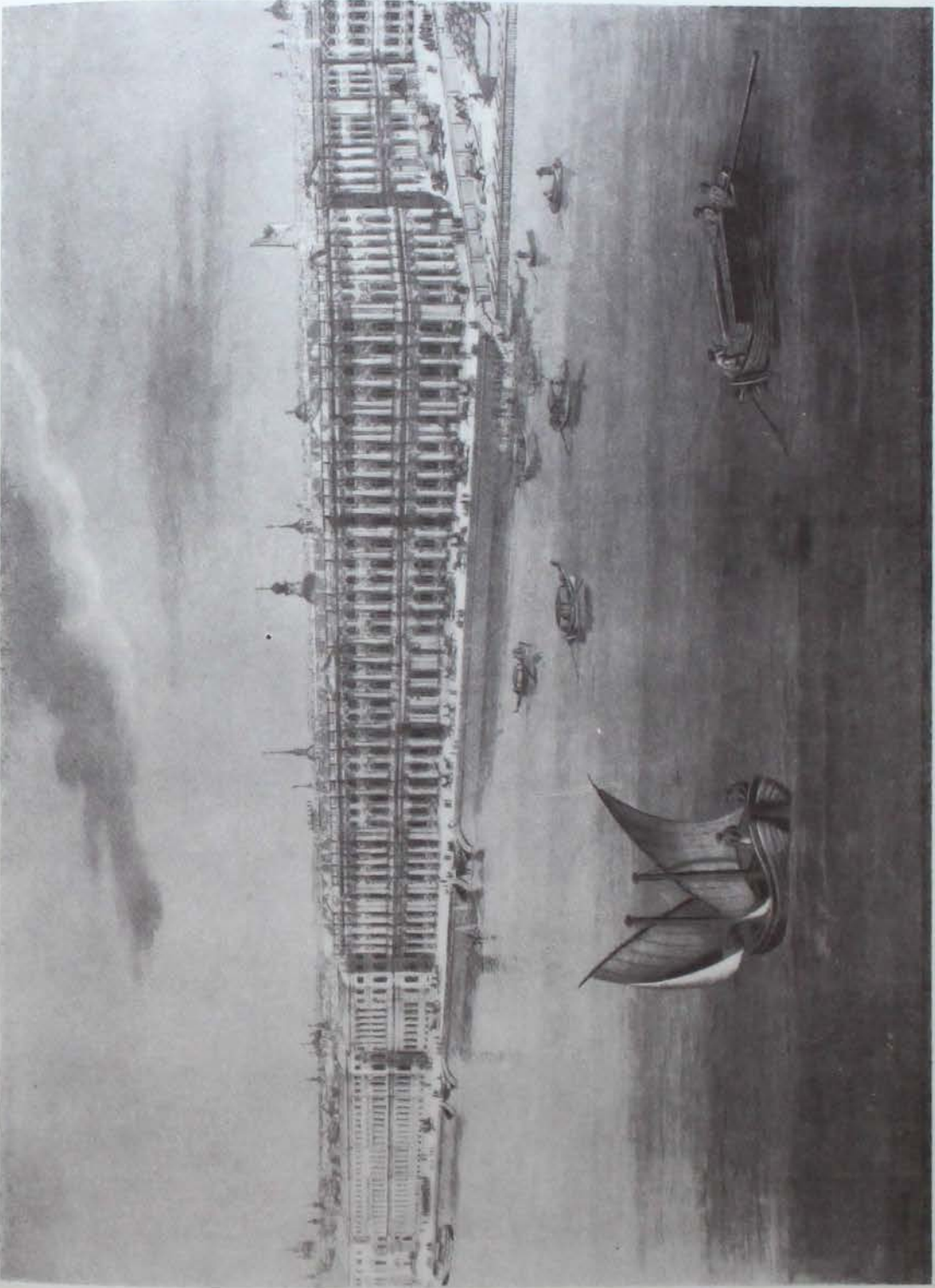
(С БАШНИ КУНСТКАМЕРЫ)

РАБОТЫ ТОЗЕЛЛИ

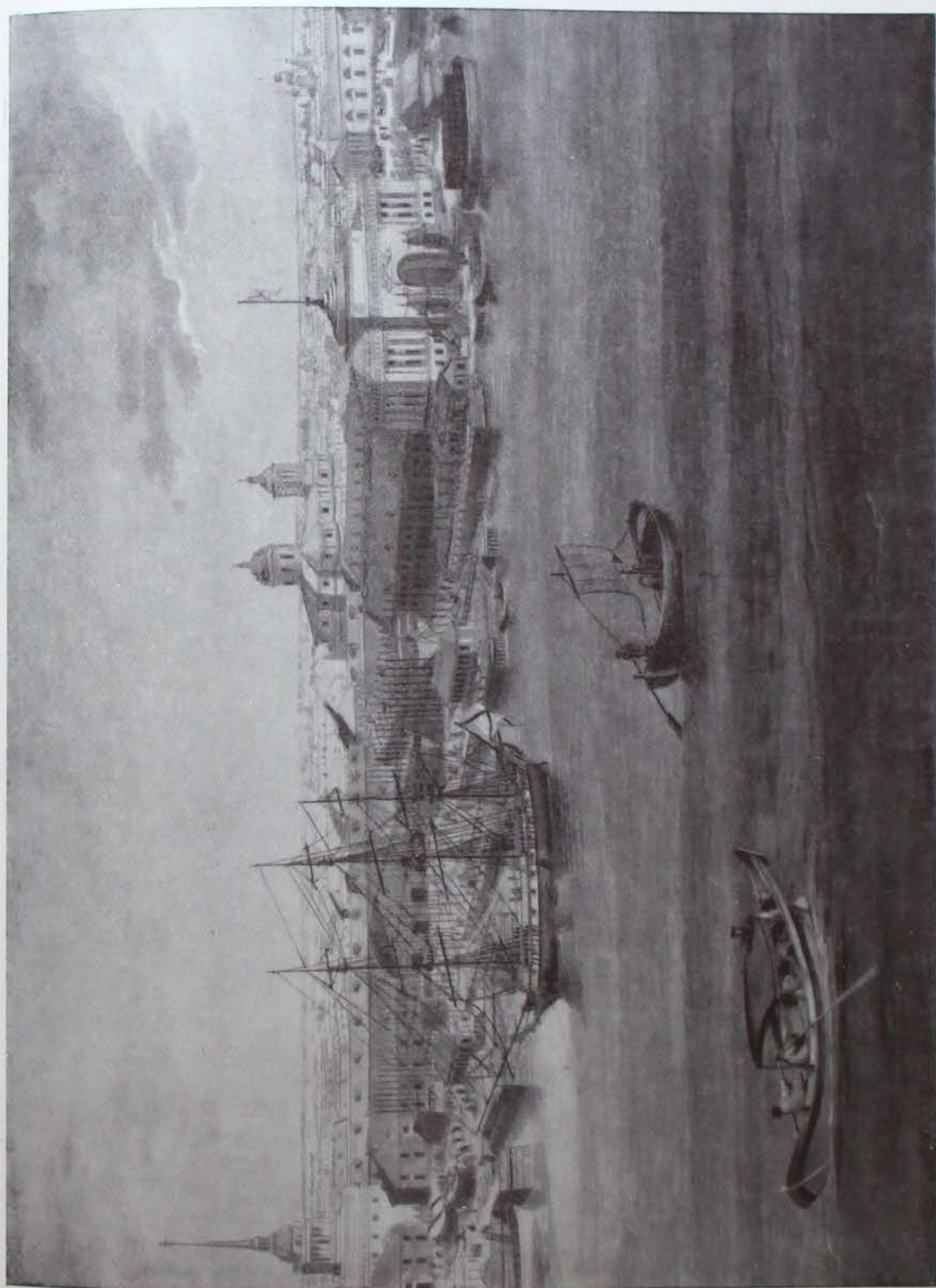
АКВАРЕЛЬ
1817—1820 гг.

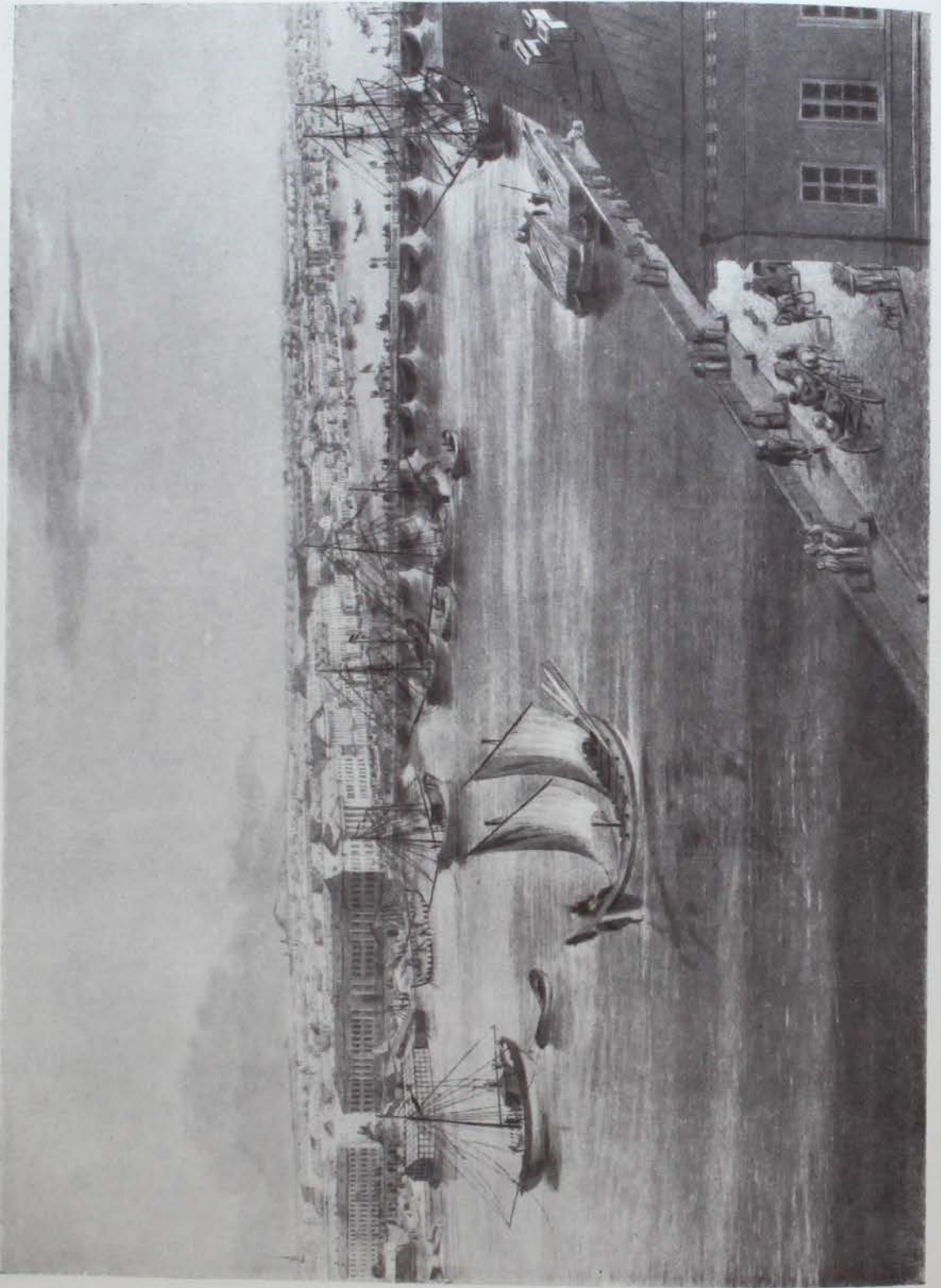
(Государственный Эрмитаж)

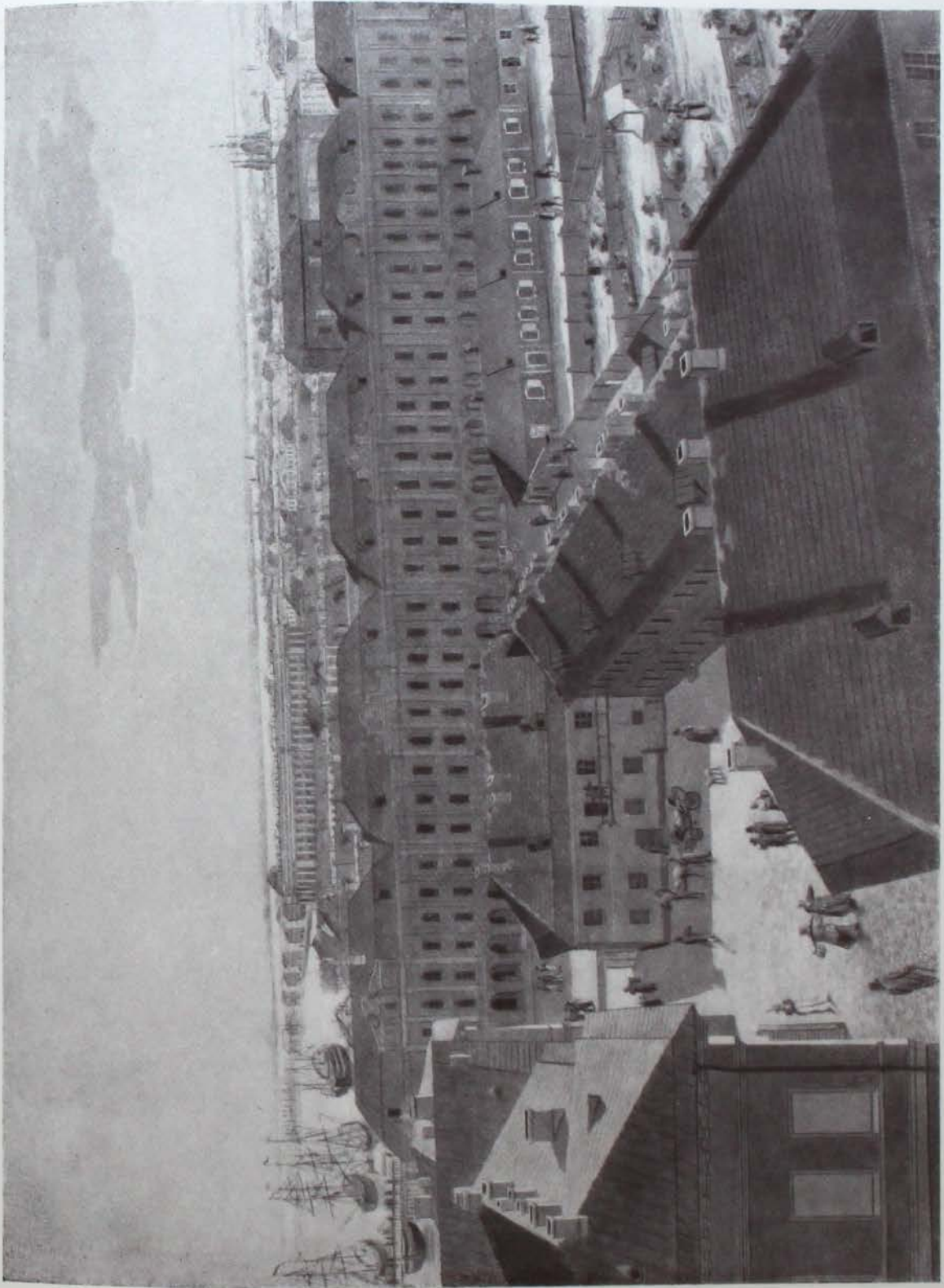

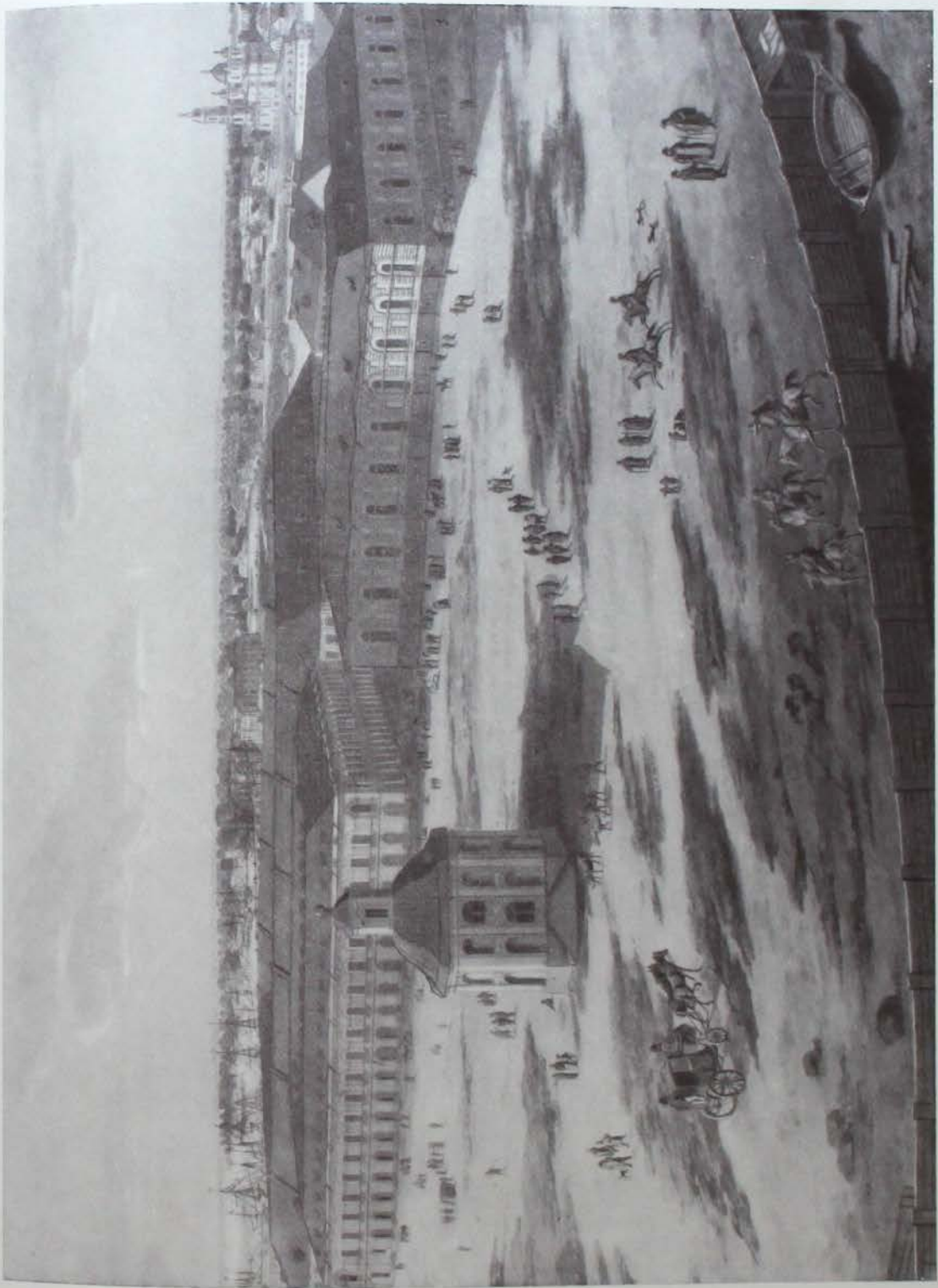

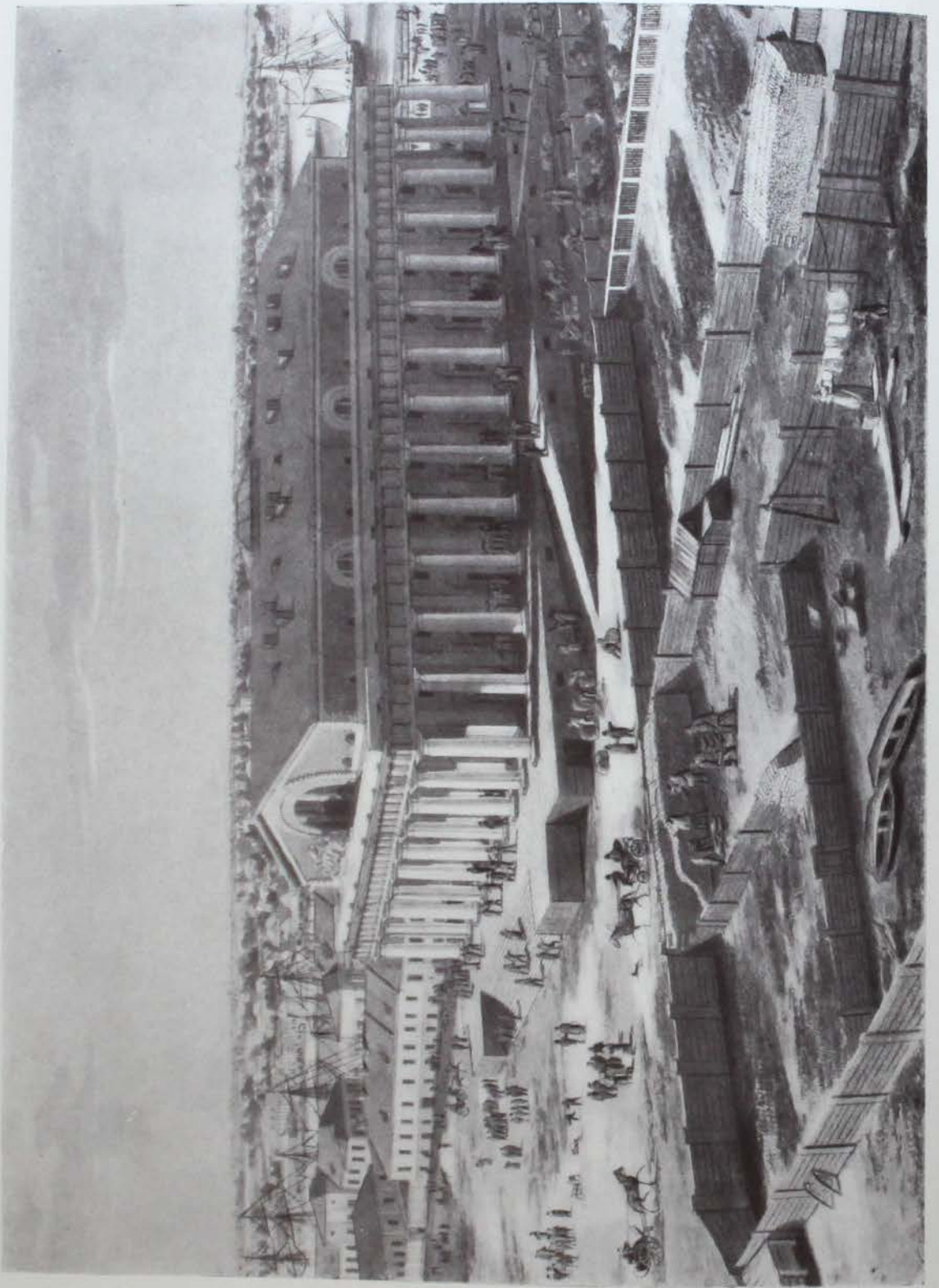

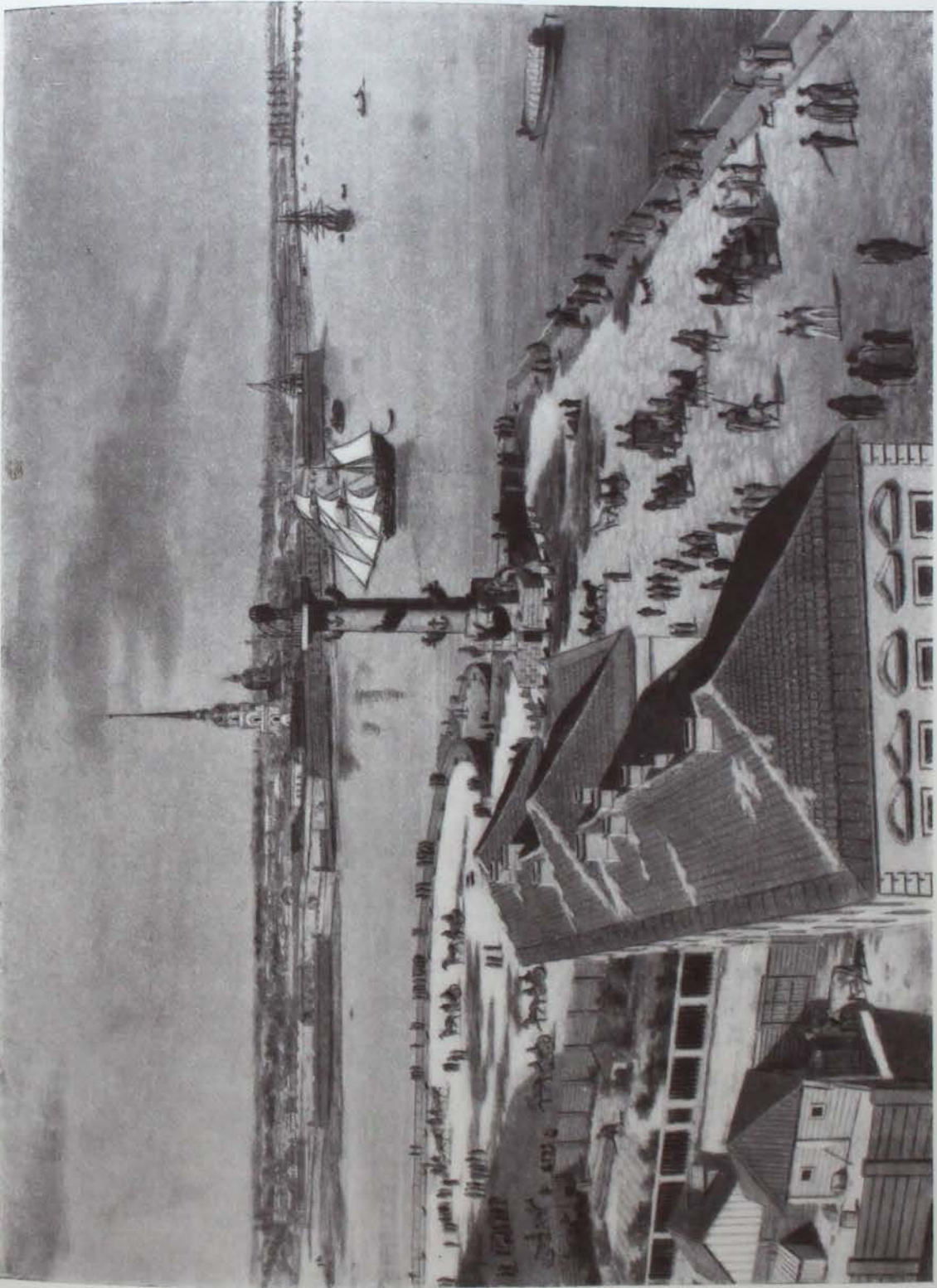

Многочисленные произведения В. П. Стасова раскрывают в нем замечательного зодчего и патриота. Он, как и А. Д. Захаров, явился выразителем и певцом мужества, героизма и величия русского народа, что нашло отражение в таких его произведениях, как Павловские казармы или Триумфальные ворота у Московской заставы. Пристрастие к тяжелым, греко-дорическим пропорциям и формам придает специфическую индивидуальность трактовке архитектурных образов Стасова, которые характерны своей повышенной монументальностью и суровостью. Стасов свободно оперирует классическими формами и, пользуясь ими, создает характерные для высокого русского классицизма композиции, основанные на приемах, традиционных для русского зодчества: глади стен, сильной пластике, свето-теневом и цветовом разрешении фасадов, широком использовании скульптуры и пр. Работы Стасова отличаются правдивостью, идейной выразительностью и яркой эмоциональной окраской.

Первые сведения по архитектуре и точным наукам Стасов почерпнул в Московском университете. Уже 14 лет он поступил в Контору благочиния «помощником по делам строительным». По роду своей работы он встречается с великими зодчими В. И. Баженовым и М. Ф. Казаковым, общение с которыми способствовало развитию у него понимания классического направления в архитектуре. В 1802 г. Стасов получает возможность заграничной поездки во Францию и Италию, где знакомится с многообразным архитектурным наследием, начиная от античности. В Риме он получает звание профессора и члена Римской академии св. Луки и вскоре возвращается на родину, где с первых же шагов выступает убежденным сторонником простых и ясных классических форм.

В Петербурге Стасов первоначально был прикомандирован к петербургскому генерал-губернатору для наблюдения за оформлением и перестройкой фасадов частновладельческих домов, где он не ограничивался функцией инспектора, но делал многочисленные проекты, из которых видно его стремление сохранить цельность и архитектурное единство жилых и общественных зданий города. Одним из примеров его работы является проект достройки здания Российской Академии на 1-й линии Васильевского острова (ныне значительно переделано). Наряду с этим, Стасов совместно с архитекторами Л. И. Руска и В. И. Гесте создает проекты фасадов для частных строений, составивших пять частей гравированных альбомов, разосланных по всем губерниям для обязательного использования в застройке уездных и губернских городов страны. В предвоенные годы Стасов сближается с Кваренги, Захаровым, Ворониным, оказавшими на него большое творческое влияние. Войдя в 1816 г. в число главных архитекторов Комитета для строений и гидравлических работ, Стасов выполняет одну за другой свои крупнейшие постройки, которые сыграли большую роль в формировании петербургских архитектурных ансамблей. Одной из главных его работ является перестройка в 1817—1823 гг. придворных конюшен, построенных еще при Петре I и пришедших в полную ветхость. Архитектура конюшенных корпусов, заново

созданная Стасовым, выразительна и парадна. Повторенный несколько раз угловой дорический павильон с полукупольной нишей и парой колонн на ее фоне органически связал различные по выражению фасады: конюшенные — со стороны Мойки и административные — с площади.

Здание казарм Павловского полка (ныне «Ленэнерго») в Петербурге осуществлено на основе полной перестройки группы старых зданий, произведенной Стасовым в 1817—1820 гг. В это время Марсово поле в центральном ансамбле Петербурга приобретало большую роль: зодчий Росси приступил к сооружению Михайловского дворца. Он перепланировал весь район, проложив продолжение Садовой улицы до Марсова поля. Таким образом, Росси и Стасов согласованно реконструировали и застраивали обширную городскую площадь. Стасов ориентировал здание казармы на площадь и создал торжественный фасад, по архитектурным формам соответствующий фасаду Михайловского дворца. Очень простое, даже суровое архитектурное решение скупо обогащено скульптурой лишь в пентрах каждого из фасадов. Двенадцатиколонный величественный портик на Марсовом поле выделен ступенчатым аттиком с сочной скульптурой. Портик на улице Халтурина завершен фронтоном.

Два церковных сооружения Стасова — Пресображенский и Троицкий соборы в Петербурге — занимают в его творчестве особое место. На их примерах проявляется стремление Стасова воссоединить воедино древнерусский образ величественного пятикупольного храма с классической трактовкой форм.

Оба военных собора были построены среди казарм и военных кварталов Петербурга и служили своеобразными памятниками воинской славы, выделяясь своей яркой архитектурой из окружающего их фона.

Одним из наиболее ярких произведений Стасова являлись Триумфальные ворота у Московской заставы, воздвигнутые из чугуна в 1833—1838 гг. как часть ансамбля у въезда в город на Московской дороге. В ансамбль были включены величественная дорическая колоннада ворот как главный элемент и два объема дорических павильонов по сторонам с решетками, охватывающими въездную площадь. Стасов истолковал значение Московских ворот так же, как Воронихин Горный институт у устья Невы: это было символическое архитектурное преддверие Петербурга.

Стасов — выдающийся зодчий и художник, талантливый инженер-новатор, отличный организатор, является одним из блестящих представителей русского классицизма первой трети XIX в.

Карл Иванович Росси играл наибольшую роль в Комитете и известен как крупный архитектор первой трети XIX в. В его постройках особенно ярко воплотились черты, характеризующие последний этап архитектуры русского классицизма. Определяющими в творчестве Росси являются широкий градостроительный размах его замыслов и ярко выраженное идейное содержание построек, отражающее патристический национальный подъем России начала XIX в. Все его выдающиеся произведения осуществлены в Петербурге.

*Архитектор К. И. Росси (1775—1849). Портрет работы В. Ш. Митяева. Масло.
30-е годы XIX в.*

Государственный Русский музей.

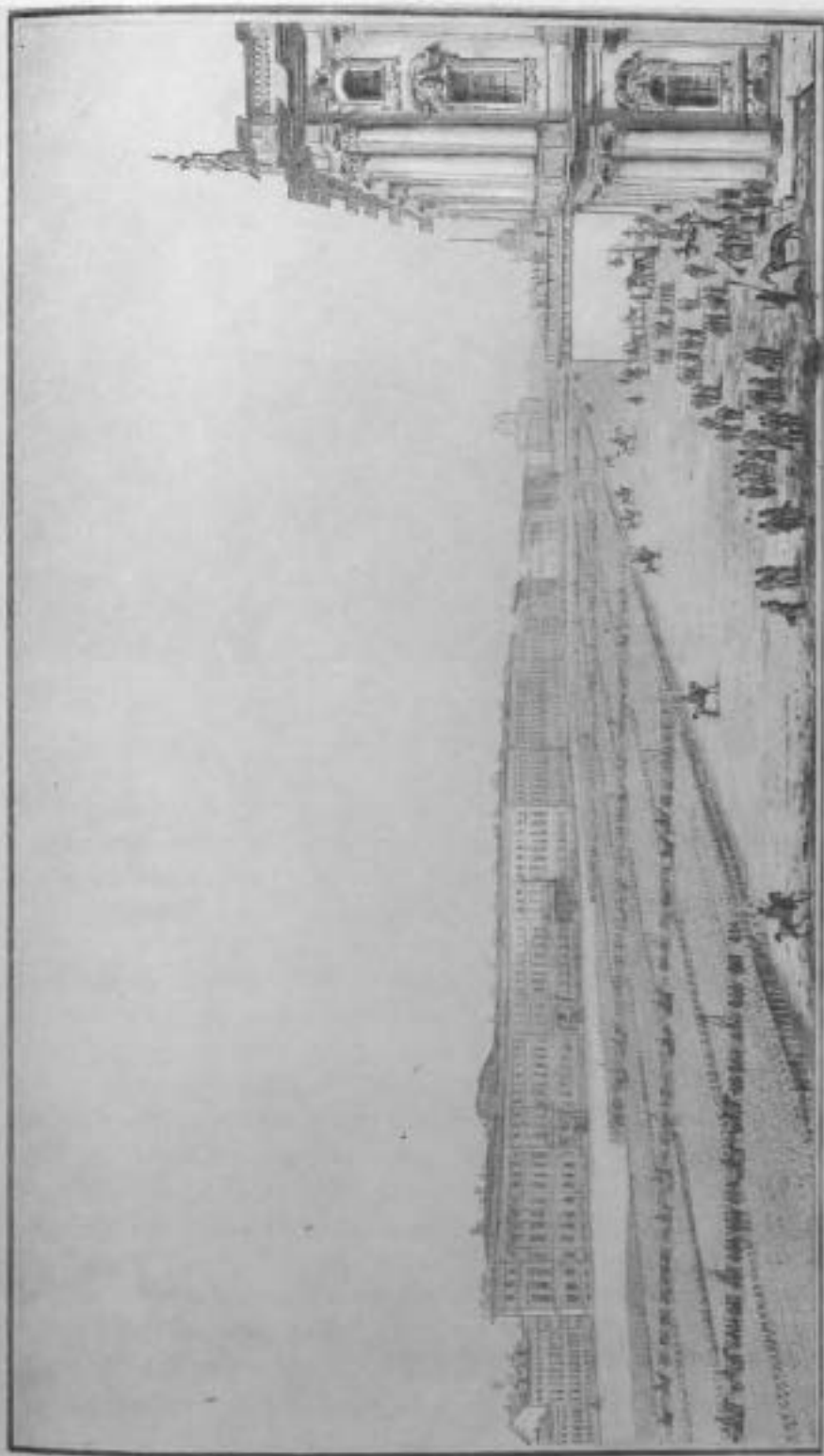
Росси застраивал или принимал участие в создании главных площадей столицы, превращая их в блестящие ансамбли. Перепланировывая районы города, он прокладывал новые улицы, создавал величественные здания, запечатлевал в архитектурных образах эпоху победной, освободительной Отечественной войны 1812 г.

Карл Иванович Росси родился в России в 1775 г. Его мать, итальянская балерина, была приглашена в Петербург на сцену императорского театра. Данные об отце Росси до сих пор еще не установлены.

Росси развивался как художник в творческой среде Петербурга конца XVIII в., когда город застраивался многочисленными величественными зданиями в стиле классицизма. Обучаясь в мастерской архитектора В. Ф. Брейны, Росси имел возможность общаться с зодчими В. И. Баженовым, И. Е. Старовым, Д. Кваренги и др.

Творческое воздействие художественной среды было огромно, и к моменту своей самостоятельной работы, к концу 90-х годов XVIII в., Росси был уже зрелым мастером с определенным художественным мировоззрением. В 1801 г. он был произведен в архитекторы. За короткий срок пребывания в Италии он тщательно изучил античное архитектурное наследие. Флорентинская академия присудила ему звание профессора первого класса. По возвращении в Россию он четыре года работал на фарфоровом и стеклянном заводах, исполняя рисунки для их изделий. В 1809 г. Росси получил назначение на должность главного архитектора Кремлевской экспедиции в Москве, где в сферу его руководства попали работы по ремонту кремлевских строений и строительству новых государственных зданий. Затем Росси работал в Твери по благоустройству и застройке как губернского, так и уездных городов.

В 1815 г. Росси возвращается в Петербург. Вместе со Стасовым и Михайловым он стал во главе обширных работ по застройке столицы. Его положение главного архитектора Комитета строений и гидравлических работ, регулирующего всю застройку города, и его роль главного архитектора Строительной комиссии при Кабинете, осуществившей практически все важнейшие постройки в Петербурге, давали возможность Росси силой своего авторитета проводить нужную архитектурную политику как в частновладельческом, так и в государственном строительстве. Совместная работа в Комитете с архитектором В. П. Стасовым, таким же как и он сам приверженцем традиций русского классицизма, облегчила ему борьбу за единство архитектурного стиля и высокое художественное качество новых сооружений города. В петербургский период своей работы Росси осуществил ряд построек в Павловском парке, реконструировал Аничков дворец и его усадьбу, создал ансамбли Елагина и Михайловского дворцов. Совместно со Стасовым он оформил Марсово поле и перепланировал окружение Инженерного замка. Росси запроектировал и отделал ряд зал в Зимнем дворце, в том числе Военную галерею 1812 г. Постройкой здания Главного штаба он оформил Двор-

Вид Десятичной площади во время перестройки К. Н. Росс. Акварель М. И. Воробьева, около 1814 г.
Государственный Исторический музей.

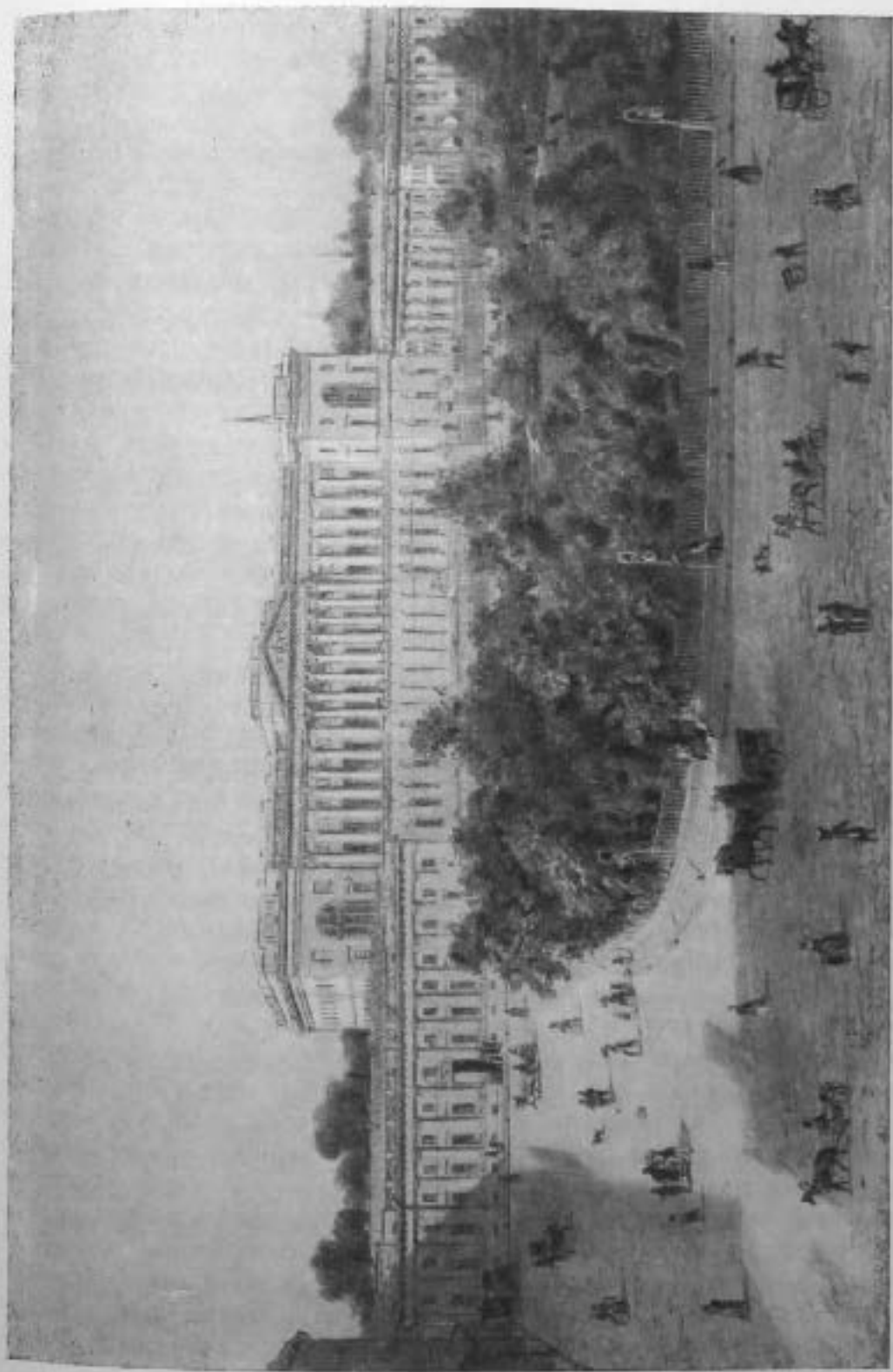
Елагин дворец. Построен в 1818—1822 гг. Архитектор К. И. Росси. Литография 20-х годов XIX в.

повую площадь. Зодчий почти полностью осуществил грандиозный архитектурный ансамбль площадей и улиц в связи с постройкой нового здания Александринского театра и, наконец, исполнил проект здания Сената и Синода, постройка которого завершила оформление Сенатской площади (ныне площадь Декабристов).

В 1832 г., в расцвете своих сил, Росси вынужден был уйти в отставку и до своей смерти по существу был не у дел. В это время уровень художественных запросов придворного круга во главе с Николаем I совпал с требованиями развивавшейся русской буржуазии и был невысок. Эпигонство и эклектика постепенно становятся излюбленными и господствующими направлениями в архитектуре, которые легко приспосаблились к любым вкусам заказчика. Росси не мог пойти на это и вынужден был отказаться от большой творческой деятельности.

Дворцовый ансамбль на Елагинском острове, созданный в 1818—1822 гг., относится к числу первых петербургских произведений Росси. Елагин дворец, предназначавшийся для матери Александра I, Марии Федоровны, был великолепно оформлен зодчим и до пожара 1941 г. сохранял богатые по своему убранству залы, в которых все было исполнено по рисункам Росси русскими мастерами.

Трехэтажный компактный по объему дворец стоит свободно в парке на невысокой каменной террасе, которая вместе с лестницами, украшенными вазами, фигурами львов, шарами, связывает дворец с парком. Один фасад с полукруглой

Михайловскій дворец (или Государственный Русский музей). Построен в 1819—1825 гг. Архитектор К. И. Росси.
Акварель И. И. Шарлеманя середины XIX в.
Государственный Русский музей.

ротондой и колоннадой вокруг него обращен к водному простору реки, другой, более официальный, со спусками подъездов и колоннадой в центре открыт в сторону парка — Масляного луга.

Полукруглый кухонный и подковообразный конюшенный корпуса, помимо своей служебной функции, являлись декоративными элементами парка. По единству ансамбля и стилю всех построек — дворца с его блестящими залами, конюшенного и кухонного корпусов, оранжерей и парковых павильонов — усадьба на Елагином острове — выдающееся произведение русской архитектуры.

Ансамбль Михайловского дворца в основной части осуществлялся почти в те же годы, что и Елагин дворец. В 1817 г. Росси получил заказ спроектировать и построить дворцовую усадьбу в Петербурге для брата императора Михаила Павловича. Зодчий исполнил проект сперва для участка на Исаакиевской площади, где теперь расположен Маринский дворец, затем второй вариант для места дворца Воронцова на Садовой улице и, наконец, на участке между Невским проспектом и Марсовым полем. Последний проект был принят к исполнению. Особенностью вновь запроектированной усадьбы явилось то, что она не представляла собой замкнутого, изолированного от города организма, а своей планировкой связывалась с городом и архитектурой своих зданий оформляла и украшала городские площади и улицы. От правил усадебной планировки XVIII в. Росси заимствовал двустороннюю ориентацию дворца: к парадному двору и саду, а также парадный двор между крыльями П-образной формы главного корпуса. Архитектурное использование этих приемов было у Росси новым. Перед главным фасадом он запроектировал городскую площадь, окружив ее застройкой частных владельческих жилых домов. Михайловская площадь (ныне площадь Искусств) с вновь проложенными улицами — Инженерной, Михайловской и примыкающим участком Садовой — сообщается с районами города и органически включена в его планировку. Строгая и простая архитектура застройки площади хорошо подчеркивает торжественную архитектуру дворца с коринфской колоннадой, поднятой на высоту второго этажа. Дворцовый сад расположен в глубине участка за дворцом и тянется до реки Мойки. В планировке его предусмотрена перед фасадом дворца широкая лужайка, за которой хорошо виден садовый фасад здания даже с Марсова поля. В саду, на пристани у реки Мойки, Росси выстроил павильон в дорическом стиле. Садовый фасад дворца, в отличие от главного с портиком в центре, украшен богатейшей колоннадой и аттиком, увенчанным скульптурной композицией. Скульптура на фасаде исполнена В. И. Демут-Малиновским и С. С. Пименовым. Внутреннее убранство дворца превосходило великолепие Елагина дворца. По эскизам Росси были выполнены все детали большой вифиллады зал и гостиных, начиная от настенных украшений, печей, вплоть до мебели и дверных ручек. Особенно торжествен высокий вестибюль с парадно и свободно раскинутыми расходящимися маршами лестниц и великолепной коринфской колоннадой. Лестничное пространство украшают барельефы В. И. Демут-Малиновского на стенах и роспись на потолке, выполнен-

ива И. К. Скотти. Дворец был закончен в 1825 г. В 1895 г. он был передан Русскому музею, и тогда архитектор В. Ф. Свицкий не только переделал все внутренние помещения, за исключением белого зала и вестибюля, но и перестроил правое крыло дворца, возведя перегруженный деталями фасад Этнографического музея.

Следующая важнейшая для города работа зодчего Росси — это перепланировка Дворцовой площади и постройка здания Главного штаба в 1819—1829 гг. В 1816 г. уже была закончена часть адмиралтейских фасадов, обращенных к Дворцовой площади. Росси в 1819 г. было поручено запроектировать и приступить к реконструкции застройки площади по стороне, противоположной Зимнему дворцу. Для сохранения проезда с нынешней улицы Герцена Росси создал величественную триумфальную арку, которая соединяла здания министерств и Главного штаба, целиком охватывшие всю протяженность огрешной площади. Пролет арки — 17 м при высоте без скульптур около 28 м. Триумфальная арка Главного штаба — прекрасный памятник военным успехам России в Отечественной войне 1812 г. По своей величественности, смелости композиции и блестящему синтезу скульптуры и архитектуры она является непревзойденной и не имеет себе подобных в истории мировой архитектуры. Скульптурное убранство — колесница с упряжкой пестерки лошадей, воинами и фигурой Славы в колеснице, барельеф в аттике, воины между колонн и скульптурные композиции воинских доспехов, как и фигуры летящих Слав, — было выполнено из битой меди на Александровском (ныне Пролетарском) заводе по моделям скульпторов В. И. Демут-Малиновского и С. С. Пименова.

Художественная выразительность фасадов повышена путем окраски охрой стен, на которых выделяются белые детали архитектуры и темная по цвету многочисленная скульптура (Росси предполагал ее сделать также белой).

Дворцовая площадь, несмотря на различную стилистическую трактовку ее зданий, представляет собой один из самых совершенных архитектурных ансамблей в мире. Росси смело противопоставил декоративной архитектуре Зимнего дворца строгие формы классицизма здания Штаба. Объединяющим началом во всех постройках, образующих Дворцовую площадь, является цельность планировочной композиции, единство масштабности и членения фасадов зданий. Общее для всех зданий площади выделение первого этажа, однородный шаг и высота колонн и пилястр — главный мотив в застройке — все это привело в гармонию общие черты, и уже второстепенным явились частные и стилистические особенности декоративного убранства.

Ансамбль театра имени А. С. Пушкина и улицы Росси является самым обширным и цельным по замыслу произведением Росси. Идею ансамбля зодчий вынашивал с 1815 г., но лишь в 1827 г. было начато практическое осуществление ее по одному из многих вариантов планировки.

Задача сооружения здания нового театра на площади у Невского проспекта побудила Росси полностью перепланировать весь прилегающий участок города

от Садовой улицы до реки Фонтанки, создать парадную площадь перед зданием театра. Расширенное старое здание Публичной библиотеки оформило площадь с одной стороны, с другой — площадь ограничена зеленой стеной деревьев сада Аничкова дворца с двумя изящными павильонами — дворцовыми службами, построенными Росси в 1815—1816 гг. В глубине площадь замыкается величественным зданием театра. За ним Росси проложил короткую, в 220 м, улицу к реке Фонтанке, на берегу которой зодчий расположил полукруглую площадь с радиально идущими от нее улицами и переулком (Газетный переулок, улицы Ломоносова и Росси и набережная Фонтанки). Перспектива улицы Росси в сторону театра замыкается его фасадом. Глубина перспективы подчеркнута уходящими вглубь улицы горизонтальными членениями зданий. Сочная пластика фасадов всех зданий ансамбля усилена двухцветной раскраской (желтое поле стены, белые детали). Улица Росси не имеет себе равных в истории мирового зодчества.

Скульптурное убранство здания театра выполнено постоянными творческими со товарищами Росси — В. И. Демут-Малиновским и С. С. Пименовым. Оно раскрывает назначение и идейный смысл здания.

Статуи на фасаде Публичной библиотеки были созданы, кроме указанных выше мастеров, также С. И. Гальбергом, Н. А. Токаревым, М. Г. Крыловым и И. Леппе.

Здание Сената и Синода (проект 1828 г.) — последняя постройка по проекту Росси. Наряду с великолепием общего замысла, искусным включением Галерной (ныне Красной) улицы в композицию путем создания над ней арки, смелостью белоколонного полукружия на повороте здания к Неве — здание Сената и Синода чрезмерно осложнено, излишне перегружено украшениями. Арка слишком декоративна. Часть недостатков в архитектуре этого здания следует отнести за счет архитектора А. Е. Штауберта, целиком возводившего здание по проекту Росси, отстранившегося от руководства постройкой ввиду своей перегрузки и болезненного состояния.

Росси широко применял классические формы архитектуры, но использовал их, творчески преобразовывая, подчиняя их своим композиционным приемам. Введение двухцветной раскраски фасада — национальный прием, которым Росси неизменно пользовался с целью более яркого выявления рисунка фасада. Росси искусно сочетал архитектуру со скульптурой, причем скульптура всегда играла подчиненную роль и не затемняла архитектурной основы композиции здания. Она помогала зодчему раскрывать идейное содержание построек, обогащала их и придавала им большую декоративность.

Росси работал в постоянном коллективе своих помощников: архитекторов, скульпторов, живописцев и мастеров прикладного искусства. Из коллектива мастерской Росси вышли многие архитекторы, заслужившие впоследствии известность: В. А. Глинка, П. Жако, А. Ф. Щедрия, П. С. Плавов, А. К. Кавос и др.

Значение Росси как крупнейшего зодчего — художника, градостроителя и инженера, велико, и его творчество, наряду с работами А. Д. Захарова, А. Н. Воронихина и В. П. Стасова, знаменует высшее достижение русской градостроительской практики.

Все отмеченные градостроительные мероприятия в центре Петербурга по созданию парадных ансамблей являлись лишь частичным выполнением планов по застройке Петербурга, разработанных Комитетом для строений и гидравлических работ. Большинство предначертаний Комитета осталось лишь благим пожеланием выдающихся зодчих, которые не имели реальных условий для их выполнения в условиях того времени.

* * *

Укрепление капиталистических отношений к середине XIX в. оказало решающее влияние на все стороны жизни русского общества.

Архитектура в это время продолжала еще в первую очередь обслуживать правительство и дворянство, выполняя их социальный заказ. Среди архитектурных тем, помимо дворцов, были здания церквей, административных учреждений, воинских казарм и тюрем, т. е. всего того, что, как казалось правителям России, могло способствовать сохранению и укреплению их власти и показу их престижа и господства.

У молодой, только еще крепнувшей буржуазии, интересы в области архитектуры сводились к удовлетворению узких личных потребностей в жилье и извлечению возможно большего дохода из переходивших в ее собственность земельных участков и вновь сооруженных городских построек.

Вокруг основного ядра города быстро развивались промышленные пригороды, рабочие окраины, характерные полным отсутствием благоустройства.

Комитет для строений и гидравлических работ, существовавший до 1842 г., должен был заниматься также размещением промышленных предприятий на городской территории. Нередко в постройке заводских и фабричных зданий принимали участие крупные архитекторы. Но быстрый рост промышленности намного опережал планировочные предположения Комитета, и застройка периферии города по существу уже осуществлялась стихийно.

О размещении промышленных предприятий на территории города говорилось выше.¹

Застройка периферии города промышленными предприятиями создавала Петербургу в будущем пути, тяжесть которых социалистический Ленинград чувствует и сегодня особенно остро.

Именно тогда беспорядочная промышленная застройка отрезала приморский город от моря и создала с юга, за Обводным каналом, зону, отделявшую

¹ См. главу XV.

город от пригодных для жилой застройки здоровых, незатапливаемых территорий.

В этом сказались утеря чувства перспективы, непонимание государственным руководством процесса дальнейшего развития города, его ближайших нужд, а еще больше — характерные для капитализма узкие, личные, частновладельческие интересы буржуазии.

Новая Нарвская часть, включенная в черту города в начале XIX в., состоявшая из пригородных земель, расположенных вдоль Петергофской дороги и занятая барскими загородными домами и дачами, во второй половине XIX в. превратилась в один из значительных промышленных районов столицы, постепенно расширившийся на юг до внешней границы города; его промышленные предприятия поглотили и уничтожили дворцы и особняки, сады и парки, возникшие по прихоти вельмож и знати на протяжении XVIII в. Их заменили ситцевобивные, красильные, ткацкие, шерстепрядильные, деревообделочные, мыловаренные, свечные, металлические и многие другие промышленные предприятия.

Сооружение фабрик и заводов сопровождалось жилым строительством, как правило беспорядочным и неплановым. Строились бараки, рабочие казармы и дачуги, которые способствовали дальнейшему развитию классовых поясов городской застройки и обострению противоречий между центром города и его окраинами.

В середине XIX в. попытки регулировать строительство для рабочих давали в отдельных случаях положительный результат. Обычно это делалось при казенных фабриках и заводах. Так возникли при казенном чугунолитейном заводе (ныне завод им. С. М. Кирова), взамен уничтоженных в 1824 г. наводнением жилищ для рабочих заводов, поселок из двухэтажных домов в деревне Емельяновке (позже Алексеевка) и построенный по проекту архитектора В. П. Стасова веерообразный в плане, с полукруглым прудом в центре, поселок во втором Автове, остатки которого сохранились до недавнего времени.

Менее интенсивно во второй четверти века развивалась промышленность соседнего Московского района, постепенный рост которого был связан с Московским трактом — основной сухопутной дорогой, связывавшей в XVIII в. Петербург со всей страной и со старой ее столицей Москвой.

Московский тракт, входивший в город в первое время его существования по трассе будущей Лиговской улицы, затем для выпрямления и сокращения пути к центру города и Адмиралтейству направлялся по Царскосельскому проспекту (ныне проспект И. В. Сталина). Это обусловило застройку тракта вблизи города торговыми предприятиями, мастерскими, трактирами и постоянными дворами.

К середине XIX в. тракт потерял свое значение в связи с постройкой Николаевской железной дороги, и развитие района по этой причине временно замедлилось пока не вошли в действие Варшавская железная дорога и продолжение Царскосельской железной дороги.

Окончание работ по сооружению Обводного канала в 1835 г. также явилось важным фактором, способствовавшим развитию Московской части и возникновению вблизи канала промышленных предприятий.

Развитие промышленного строительства в XIX в. происходило и на Выборгской стороне, где, кроме того, в 30-х годах была учреждена Лесная академия (ныне имени С. М. Кирова) с большим парком, созданным из крупных лесных массивов.

Выборгская сторона по своим естественным условиям — более возвышенным, сухим и здоровым местам, покрытым хорошей лесной растительностью, с живописным рельефом, прудами и озерами — в короткий срок стала одной из излюбленных дачных местностей. Здесь возникли дачные поселки Лесное, Полюстрово, Удельная, Озерки, Парголово, Шувалово, Левашово.

Эти дачные места осваивались главным образом средними слоями населения столицы: чиновничеством, средним по достаткам купечеством и т. п.

Что же касается прибрежной невской полосы Выборгской стороны, то она продолжала сохранять захолустный, провинциальный характер.

Так, в середине XIX в. Петербург, сохраняя официально установленную для него городскую границу, разрастался и расползался во все стороны в виде промышленных и дачных пригородов, образуя беспризорные, предоставленные в отношении застройки и благоустройства воле владельца земельных участков городские скраины. Но и само заключенное в городскую черту ядро столицы развивалось и застраивалось неравномерно. В центральных районах прежний усадебный тип застройки участка и квартала исчезал. Все возрастающая стоимость земли в условиях частной собственности на нее приводила к все более плотной застройке земельных участков со все возрастающей этажностью домов, от трех до четырех, пяти этажей. Красивый уличный фасад дома, имеющий соответствующий изящному вкусу вид, прикрывал двор-колодец, становившийся в погоне за лишним рублем дохода все более узким, глубоким и темным.

Сплошная возвышенная застройка уличного фронта приводила к образованию улиц-коридоров, с фасадами трех-, четырехэтажных домов, стоящих вплотную одна к другому. Характер архитектуры фасадов мельчает. Окна уменьшаются, делаются почти одинаковыми по высоте во всех этажах, располагаются ближе друг к другу. Это вытекало из изменившегося содержания жилого дома, превратившегося из дома-особняка, в котором жил сам его владелец, или дома на две — четыре квартиры — в доходный жилой дом с большим количеством отдаваемых в наем квартир.

Ощущение от петербургских, тесно застроенных улиц ярко передал И. А. Гончаров, описывая впечатления от Петербурга герой своего романа «Обыкновенная история»: «...на него наводили тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошной массой тянутся одна за другою: „Вот кончается улица, сейчас будет приволье глазам, — думал он, — или горка,

или зелень или развалившийся забор», — но нет, опять начинается та же каменная ограда одинаковых домов, с четырьмя рядами окон. И эта улица кончилась, ее преграждает опять то же, а там новый порядок таких же домов. Заглянешь направо, налево — всюду обступили вас, как рать исполинов, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нет простора и выхода взгляду: заперты со всех сторон, кажется, и мысли и чувства людские также заперты.¹

Такое впечатление создавали многочисленные улицы центральных частей города. Наряду с этим, в самой черте города существовали контрасты, обострявшиеся капиталистическим развитием города.

В 1848 г. один обозреватель петербургской жизни писал в газете: «Бывали вы когда-нибудь в Чернышевском переулке, между Пятью углами и Чернышевым мостом? От коммерческого училища до другого угла — деревянный забор, а за ним чисто русская деревня с деревянными избами, с огородами, с непролазной грязью».

Петербург продолжал оставаться в строительных лесах. Размах застройки города не уменьшался.

В 30-х годах XIX в. зодчие Росси и Стасов еще вели свои самые крупные постройки и их сооружением завершали расцвет русской классической школы. Плеяда их учеников и последователей продолжала классическое направление, хотя и без блеска и высокого мастерства этих двух последних великих мастеров-классиков. Но многие из них не остались до конца верны классицизму и перешли к эклектизму, работая в любом стиле на удовлетворение вкусов заказчика.

Один из главных заказчиков и «законодатель архитектурной моды» император Николай I не отличался вкусом, постоянством и определенностью художественных взглядов. По меткой и вряд ли тенденциозной характеристике барона П. Врангеля, Николай I — «человек узких мыслей» был «самодержец в семье, в политике, в военном деле и в искусстве. В последнем он мнил себя знатоком... Но прежде всего и во всем император был военным: военный в муштровке, в манерах и вкусах, военный во всех помыслах и делах. Недаром, по воспоминаниям княгини М. А. Волконской, любимым развлечением императора была игра на барабанах».²

И вот этот мастер барабанного боя, питавший, как его бабушка Екатерина II, страсть к строительству и считавший своим долгом вникать во все и руководить всем, безапелляционно направлял развитие русской архитектуры. Все казенные и общественные здания в стране и даже частные дома на центральных площадях и улицах столицы могли строиться только после утверждения проекта императором.

Политика же Николая I в области русской культуры была направлена на удушение, искоренение всех передовых ее тенденций.

¹ П. А. Гончаров, Собр. соч., т. I, 1952, стр. 36.

² Н. Врангель. Искусство и государь Николай Павлович. Журнал «Старые годы», 1913, июль — сентябрь, стр. 55.

Поскольку классическое направление русской архитектуры отражало наиболее прогрессивные для своего времени демократические идеалы, то, естественно, что архитектура классицизма вступила в резкие противоречия с реакционными правительственными требованиями. Чтобы полностью вытеснить классицизм, лучшие произведения которого были созданы в период, связанный с движением декабристов, с борьбой против самодержавия и крепостничества, император решил сверху искусственно насадить и распространить так называемый «русско-византийский стиль», идеологом которого явился архитектор К. А. Тон. Выдающийся критик В. В. Стасов подчеркивал, что «русская национальная архитектура отдана была ему точно на аренду, она сделалась для него капитальной доходной статьей, он явился вдруг представителем, носителем и выразителем заведенной вновь национальной архитектуры... Как известно, эта национальность была совершенно официальная, искусственная, насильственная и поверхностная. Она не касалась настоящих корней, и те, кто занимался ею всего больше, вовсе не понимали настоящей ее цены.¹

Реакционная, антинародная сущность этого эклектического направления маскировалась имитацией византийских и древнерусских архитектурных форм. Церкви, выстроенные архитектором Тоном в этом стиле в Петербурге, не обогатили архитектуру города и до наших дней не сохранились.

Это дженациональное направление в развитии русской архитектуры в Петербурге сперва коснулось только церковных сооружений. Свое широкое распространение в государственном и частном строительстве этот так называемый русский стиль получил позже — во второй половине XIX в.

В первое десятилетие царствования Николая I классицизм продолжал оставаться еще официальным, своего рода государственным стилем для всех правительственных, общественных зданий, в особенности для военных зданий, построек в военных поселениях, которые возводились по казенным шаблонам. Но при этом еще недавно крупнейшее художественное направление в архитектуре стало перерождаться и терять сочность форм, широту композиции, характерность образа, свои гуманистические начала. Это обстоятельство вызывало все более нарастающее отрицательное отношение к классицизму со стороны передовых слоев русского общества, так как классические формы архитектуры стали своего рода символом николаевского реакционного режима. Поэтому многие зодчие обращаются к другим источникам, к художественному наследию разных исторических эпох: ренессансу, барокко и даже готике, в романтических формах которой пытались найти приемы нового стиля.

Увлечение готикой вначале проявилось только в личных загородных царских постройках и постепенно распространилось на общественные здания — вокзалы, гауптвахты, почтовые станции, губернаторские дома и присутственные места.

¹ В. В. Стасов. Статьи об искусстве, т. II, Изд. «Искусство», 1937, стр. 191.

Зависимость архитектуры от требований и вкусов заказчиков, от их денежных ассигнований на строительство привела к тому, что зодчие должны были безоговорочно подчиняться требованиям буржуазии, все больше выступавшей в роли заказчика.

Слова Коммунистического манифеста о том, что «буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до сих пор считались почетными и за которые смотрели с благоговейным трепетом»¹ — относились и к архитекторам, которых буржуазия превратила в своих платных наемных работников.

Однако в этих условиях художественного разноречия в архитектуре проводились заключительные работы по окончанию последних ансамблей центральных районов города.

Застройку Дворцовой площади завершило здание Экзерциргауза, построенное в 1837—1843 гг. А. П. Брюлловым. Здание Экзерциргауза — позже Штаба гвардейских войск — было произведением зрелого периода творчества Брюллова. Он умело справился с увязкой основных членений нового здания с членениями существующих построек. Два верхних этажа зодчий объединил колоннадой греко-ионического ордера, а два нижних выделил в виде сильного основания. Таким образом, он сумел при несколько измельченных пропорциях и формах архитектуры своим произведением тактично войти в ансамбль площади, придав зданию подлинное значение.

Почти в тот же период, с 1839 по 1852 г., было построено новое здание Эрмитажа, которое хотя и не выходит непосредственно на Дворцовую площадь, но является частью комплекса дворцовых зданий. Проект здания Эрмитажа был разработан мюнхенским архитектором Л. Кленце. Строительством руководил вначале архитектор В. П. Стасов, затем архитектор Н. Е. Ефимов. Архитектура здания несколько суха, измельчена, но строга. Выделяется портик главного подъезда с улицы Халтурина, с десятью атлантами, высеченными из сердобольского серого гранита по модели скульптора А. И. Тербенева. Внутренняя отделка выдержана в более строгом характере в помещениях первого этажа и местами чрезмерно насыщенная и пышная во втором этаже, с широким применением естественного и искусственного мрамора, лепки, позолоты, декоративной живописи. С большим пространственным эффектом решена парадная лестница главного вестибюля с колоннами. Эрмитаж является одним из лучших образцов построек середины XIX в., созданных в так называемом «ново-греческом» стиле.

Окончанием постройки нового Исаакиевского собора по проекту архитектора О. Монферрана в 1858 г. был завершён ансамбль Сенатской площади, а на Исаакиевской площади появилось важнейшее в ее облике сооружение, которое обогатило силуэт города и сегодня так же неотъемлемо от него, как шпиль Петропавловской крепости или Адмиралтейская игла. Этому способствовали не только архитектура

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. ОГИЗ. Гос. Изд. полит. литературы, 1948, стр. 41.

Эрмитаж (1839—1852). Архитектор Л. Кленце. Акварель Л. О. Прелаци. 1860 г.
Государственный Эрмитаж.

собора, высокое качество материалов его внешней отделки (гранит, мрамор, бронза, золоченая медь), но и достаточно удачно найденный силуэт и абсолютные размеры здания (высота собора до верхушки креста 102,5 м), являющегося одним из самых высоких зданий Петербурга и в то же время, пожалуй, самым значительным зданием по объему.

Исаакиевский собор представляет собой вытянутый с востока на запад параллелепипед с четырьмя пристроенными по каждой стороне грандиозными портиками и башенками на углах в виде легких одноярусных колоколенок с арками, двухколонными портиками со всех четырех сторон и полусферическими куполами. Цилиндрический барабан — основание купола — окружен колоннадой и завершен высоким ребристым золоченым куполом с фонарем наверху. Таким образом, композиция представляет собой в схеме пятиглавие, свойственное русским православным церквям. Фасады собора украшены большим числом наваяний отдельных фигур, групп и барельефов, выполненных лучшими скульпторами того времени. Из их числа прежде всего следует назвать И. П. Витали, С. С. Пименова, А. В. Логановского и П. К. Клодта.

Еще богаче внутренняя отделка собора; здесь, помимо бронзы, позолоты, разных пород мрамора, были использованы уральские камни вплоть до малахита и яшмы-лагури. Широко применены живопись и мозаика, к выполнению которых были привлечены художники К. П. Брюллов, П. В. Басин, Т. А. Неф, Ф. А. Бруни и ряд других. Но недостаточное, плохо решенное естественное освещение собора делает мало доступной для обозрения значительную часть живописи и мозаик. Вообще на этом грандиозном и сложном сооружении отрицательно сказались слабые архитектурные знания и строительная неопытность автора, допустившего ряд конструктивно-технических ошибок, что привело к появлению значительных деформаций и повреждений.

Созданная в помощь Монферрану высокоавторитетная комиссия, в которую входили В. П. Стасов, А. А. Михайлов, А. И. Мельников и другие видные зодчие и строители, на протяжении всего периода проектирования и постройки собора активно помогала автору. Конечному успеху дела способствовали сотни и тысячи русских мастеров и строительных рабочих, владевших вековым строительным опытом, высокими художественными навыками.

Некоторые недостатки в архитектуре собора, черты эклектизма, в особенности во внутренней отделке, хотя и нарушили строгость и цельность архитектуры в целом, но не смогли лишить его величия и грандиозности.

При всех своих архитектурных недочетах Исаакиевский собор вошел неотъемлемым звеном в панораму Петербурга. Мерцание его золотого купола, заметное с далеких точек заморья, с островов или с высот, окаймляющих город с юга, его мощный силуэт, воспринимаемый с Невы и набережных, темная его громада, уходящая вверх в светлое небо петербургских белых ночей, седые, покрытые изморозью колонны его величественных портиков в частые зимние оттепели — все

многообразие его облика вошло в прекрасный пейзаж Петербурга и неотделимо от него.

Исаакиевский собор формирует и вторую площадь, носившую его имя. Она, быть может, менее цельна, но в этом повинно главным образом строительство начала XX в., когда здесь были сооружены два чуждых Петербургу здания — гостиница «Астория» и дом бывшего германского посольства, нарушившие хотя и не первоклассный, но, пожалуй, единственный в Петербурге городской ансамбль середины XIX в.

В его состав, кроме собора, входит еще одно произведение Монферрана — дом князя Лобанова-Ростовского, позже военного министерства. Это первая из построек Монферрана в Петербурге, сооруженная в 1817—1819 гг., является наиболее близкой по характеру к петербургскому зодчеству. Трудный для застройки треугольный участок использован архитектором удачно. Три фасада его обращены к Адмиралтейству, собору и на начало Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова). Трехчастное деление первых двух его фасадов с восьмиколонными коринфского ордера портиками в центре, стоящими на высоте второго этажа и двумя боковыми двухколонными выступами, хороши по пропорциям и членениям.

Сквозная и удачно нарисованная в деталях архитектура, прекрасно решенные трудные острые углы здания, позволяют его отнести к числу хороших образцов петербургских зданий начала века.

Вторым основным зданием ансамбля Исаакиевской площади, после самого собора, является расположенное на противоположной стороне площади здание Марининского дворца (позже Государственный Совет, в настоящее время здание Ленинградского Исполнительного комитета Городского Совета депутатов трудящихся).

Марининский дворец был одной из первых крупных построек архитектора А. И. Штакеншнейдера и одним из лучших среди его весьма многочисленных произведений. Дворец построен в 1839—1844 гг.

Монументальный и не лишенный величественности и строгости главный фасад дворца, выходящий на площадь, имеет три сильных выступа и расчленен пилястрами коринфского ордера. Центр фасада подчеркнут монументальным подъездом в пять арок с террасой, трехчетвертными колоннами и тяжелым аттиком. Венчающая террасу балюстрада украшена шестью римскими вазами. Внутренние помещения дворца чрезвычайно богаты, но в стилевом отношении разнообразны и не приведены в единство, как это было в петербургских дворцах XVIII и первой четверти XIX вв. Здесь и «новогреческий», или «помпейский», стиль концертного зала, большого зала и ротонды, и итальянский ренессанс гостиной и приемной, и рококо будуара, и «русско-византийский» стиль домово-церковной... Все это местами измельчено и перенасыщено деталями убранства — лепкой, позолотой. Но все это нравилось современникам и заказчику — Николаю I, и неудивительно, что Штакеншнейдер был завален заказами.

*Мариинский дворец. Построен в 1839—1844 гг. Архитектор А. И. Штакеншнейдер.
(Ныне Исполнительный комитет Городского Совета депутатов трудящихся).*

Застройку площади по ее боковым сторонам завершили два монументальных и строгих по архитектуре, подражающей римским ренессансным дворцам, трехэтажных здания Министерства государственных имуществ, построенные в 40-х годах по проектам архитектора Н. Е. Ефимова.

В центре площади между этими зданиями был поставлен в 50-х годах памятник Николаю I, выполненный по проекту О. Монферрава. Конная фигура Николая I создана скульптором П. К. Клодтом, фигуры и барельефы пьедестала исполнены скульпторами Р. К. Зелеманом и Н. А. Рамазановым. «Пышный» памятник — типичный образец характерной для этого времени эклектики.

Крупным градостроительным мероприятием 1840-х годов следует считать устройство Конногвардейского бульвара (ныне бульвар Профсоюзов). Проходивший на его месте Адмиралтейский канал постигла судьба многих каналов города, особенно со слабым течением воды: собирая в себя все сточные канализационные воды с примыкающих к нему дворовых участков, Адмиралтейский канал постепенно превращался в смрадную клоаку, заражающую воздух. В 1842 г. он от Адмиралтейства до Крюкова канала был перекрыт кирпичным сводом и сверху засыпан землей; такая же судьба постигла отрезок Крюкова канала у впадения в Неву. На их месте возникли Конногвардейский бульвар и Благовещенская

площадь (ныне площадь Труда). В центре ее в 1840-х годах архитектор К. А. Тон соорудил церковь, а на углу бульвара А. И. Штакеншнейдер в 1853—1861 гг. построил для великого князя Николая Николаевича дворец (позже здание Ксенинского института, а в наше время Дворец труда). Трехэтажное здание дворца сооружено в эклектическом духе и характерно измельченными деталями: скульптурными панно, обилием небольших балконов с чугунными решетками.

На другом конце бульвара, у Исаакиевской площади, архитектор К. И. Росси в 1845 г. установил две колонны, исполненные по рисунку художника Х. Рауха, увенчанные фигурами Победы.

В том же характере эклектики строилось и перестраивалось много обывательских домов, особняков и дворцов на Английской (набережная Красного Флота), Дворцовой и Французской (набережная Кутузова) набережных Невы. К наиболее значительным новым сооружениям этого времени на набережных можно отнести перестроенный архитектором А. П. Брюлловым в 1844—1847 гг. служебный корпус Мраморного дворца и дворец великого князя Михаила Николаевича, сооруженный А. И. Штакеншнейдером в 1858—1862 гг.

Усиленно застраивалась и меняла свое лицо южная часть Невского проспекта от Фонтанки до Знаменской площади (ныне площадь Восстания).

На этом отрезке Невского проспекта на углу набережной Фонтанки появилось одно из заметных на проспекте зданий — дворец Белосельских-Белозерских (ныне Куйбышевский райком КПСС) — еще одно произведение архитектора Штакеншнейдера, построенное в 1846—1849 гг. в духе архитектуры школы Расстрелли.

В 40-х годах между Фонтанкой и Знаменской площадью были проложены новые улицы — Пушкинская и по проекту А. П. Брюллова Шестилавочная, переименованная позже в Надеждинскую (ныне улица Маяковского). На этой последней в 1845—1848 гг. была построена по его же проекту Александринская больница (ныне Нейрохирургический институт им. Поленова). Это здание, архитектура которого отдавала дань своему времени и повторяла формы ренессанса, отличалась продуманной и рациональной для своего времени планировкой.

На Знаменской площади К. А. Тон построил в конце 40-х годов вокзал Николаевской железной дороги, применив в нем формы и детали итальянского ренессанса.

Одновременно с новой застройкой на Невском проспекте проводились работы по его благоустройству, иногда принимавшем весьма своеобразный характер. Существовавшая посреди Невского аллея по распоряжению императора была уничтожена, и деревья пересажены к тротуарам, но в 1841 г. по новому приказу деревья были совсем уничтожены и тротуары расширены.

Многие работы по благоустройству проводились без всякого учета дальнейшего развития города и при этом часто уничтожались положительные элементы прежней планировки. Так, если был озеленен прежде заваленный мусором пустырь

Дворец Белогородский-Белогородских (ныне Кудрявцевский районный комитет КПСС), Построен в 1846—1849 гг.
Архитектор А. И. Штакеншнейдер. Литография с рисунка И. И. Шереметьев, середины XIX в.

на набережной Васильевского острова рядом с Академией художеств и разбитый здесь Соловьевский сквер оживил зеленым пятном набережную, если в 40-х годах повелено было устроить на эспланаде против Петропавловской крепости, представлявшей пыльное и грязное поле, парк, то одновременно было допущено раздробление на частновладельческие участки озелененного с давних пор Большого проспекта на Васильевском острове.

В 1862 г. была построена в Петербурге водопроводная станция. Но ее постройка уничтожила один из красивейших привезских ансамблей столицы — ансамбль Таврического дворца, канал и бассейн «Ковш» перед дворцом.

Постройка Варшавского вокзала и застройка Семеновского плаца казармами закрыли возможность продления на юг адмиралтейских лучей — Вознесенского проспекта (ныне проспект Майорова) и Гороховой улицы (ныне улица Дзержинского).

Картина состояния архитектуры была бы неполной, если не сказать о строительных работах, производившихся в это время в императорских дворцах и пригородных резиденциях. Большие работы проводились в Зимнем дворце в связи с его восстановлением после четырехдневного пожара, происшедшего в нем в декабре 1837 г. Дворец весь выгорел и от старой его отделки ничего не сохранилось. Восстанавливали дворец архитекторы В. П. Стасов и А. П. Брюллов.

Стасов восстановил все парадные залы дворца в классических, строгих формах архитектуры, церковные помещения и главную лестницу в стиле барокко. Характерными и отражающими дух времени являются работы Брюллова, выполненные им в личных помещениях членов царской семьи и некоторых парадных помещениях. При их отделке Брюллов использовал многие стили и их сочетания. Так, в отделке Александровского зала он применил архитектурные формы и детали классицизма с пучками готических колонн, увенчанных капителями с двуглавыми орлами и ластьями. В классические арматуры он вводил элементы древнерусского вооружения. Двуглавые орлы становятся многократно повторяющейся орнаментальной деталью.

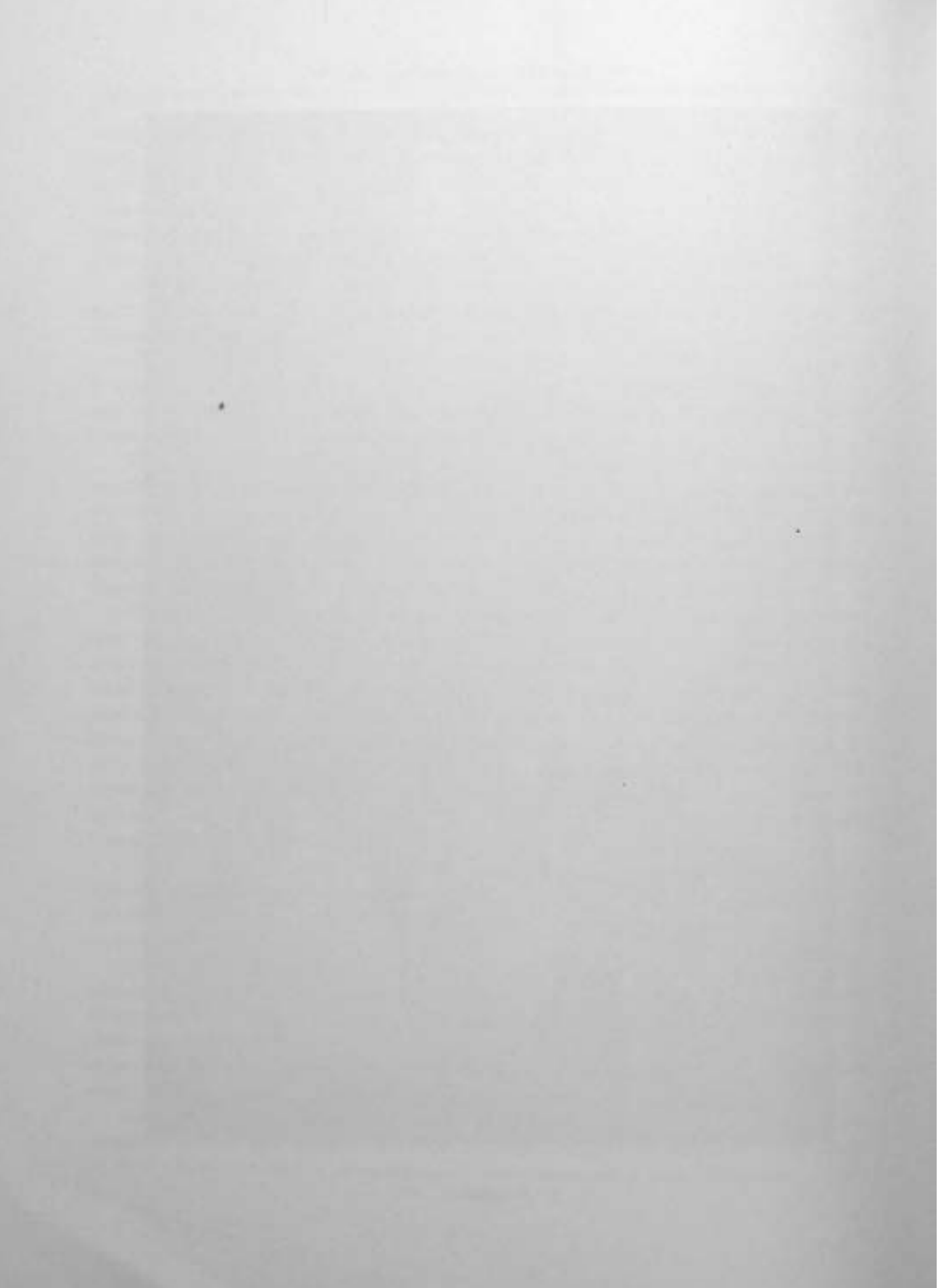
Если Белый зал он делал в строгом классическом характере, то малую столовую в помпейском стиле, а ванную в мавританском стиле и т. д. При перестройке Мраморного дворца в конце 40-х годов Брюллов работает в том же эклектическом плане.

Внутренняя отделка жилых и парадных помещений царских дворцов и особняков придворной знати в разных стилях была характерной чертой времени, показывающей снижение вкуса, потерю цельного эстетического мироощущения. Очень характерна в этом отношении широкая строительная деятельность, развернувшаяся при Николае I в Петергофе, который был любимой резиденцией царя.

«Александрия» в Петергофе была построена архитектором А. А. Менеласом, который осуществил пейзажный парк и дворец в духе английских загородных

*Фонтан «Самсон и Петеррефе (ныне Петродворец) по модели скульптора
М. П. Ковалевского. 1801 г.*

коттеджей. Эта тяга царя, крупной бюрократии и сановных помещиков к интимной, уютной жизни характерна для своего времени и отражала развивающиеся индивидуалистические буржуазно-мещанские вкусы.

В 30—40-х годах в Петергофе проводились большие работы по благоустройству и освоению новых территорий. На большом пространстве между Верхним парком и Бабьегояскими высотами был устроен еще один парк с озерами и прудами, с большими посадками деревьев и кустов разных пород, специально привозившихся в большом количестве даже из-за границы.

Другой парк, получивший потом название «Колонистского», был устроен на месте «охотничьего болота», где появились пруды с двумя островками, названными «Царицыным» и «Ольгиным».

В 1842—1844 гг. архитектор А. И. Штакеншнейдер на этих островах выстроил павильоны-дворцы, подражая не только во внешней архитектуре, но и во внутренней отделке помпейским и римским домам.

В том же характере Штакеншнейдер построил павильон «Озерки» и в Старом Петергофе «Собственную дачу» в духе барокко.

Еще один павильон был сооружен на Бабьегояских высотах. Это — «Бельведер», двухэтажное здание «новогреческого» стиля. Гранитная лестница с белыми мраморными статуями подводит к пертику из четырех кариатид, выполненных А. И. Тереховым. Гладкие стены первого этажа, облицованные двухцветным мрамором, заключают в себе белый мраморный зал, потолок которого поддерживается десятью каррарского мрамора коринфскими колоннами. Второй этаж по контрасту с первым представляет собою открытую ионическую колоннаду из двадцати восьми полированных колонн серого сердобольского гранита с бронзовыми вазами и кантелями, окружающую собственно второй этаж здания, в котором размещены зал и две гостиных.

Штакеншнейдеру принадлежит еще ряд других построек в ближайших окрестностях Петергофа.

Другим архитектором, создавшим в Петергофе несколько характерных для середины XIX в. архитектурных произведений, был Н. Л. Бенуа.

Крупнейшими его сооружениями в Петергофе являются комплекс зданий дворцовых конюшен, построенный в 1847—1852 гг. в стиле «английской готики», и Петергофский вокзал, сооруженный в ложно-готическом стиле. Им же построены, но уже в другом стиле, более близком к архитектуре барокко середины XVIII в., «кавалерские» и «фрейлинские» дома. При очень тщательной прорисовке фасадов и всех деталей в них все же сразу чувствуется подделка и подражательность.

Если в Царском Селе в 10—20-х годах много новых сооружений было сделано архитектором В. П. Стасовым, то в середине XIX в. здесь выполняются лишь отдельные незначительные работы. Кроме некоторых переделок Екатерининского дворца, произведенных архитекторами А. И. Штакеншнейдером и И. А. Монин-

тетти, в Царском Селе был построен ряд новых парковых сооружений: в 1830—1834 гг. архитектор А. А. Менелас возвел в готическом стиле Арсенал.

Выдающимся его произведением, исполненным вместе со скульптором В. И. Демут-Малиновским, явились Египетские ворота, сооруженные в 1829 г. при въезде со стороны Петербурга в Царское Село. Другие ворота — Московские, построенные В. М. Горностаевым в 1830 г., были выдержаны в характере русской классики начала XIX в.

Из более характерных построек этого времени следует упомянуть павильон «Турецкая баня», автором которого был И. А. Монигетти. Павильон выстроен в 1850—1852 гг. и своим внешним видом напоминает небольшую мечеть с позолоченным куполом и стройным минаретом. Внутри он отделан в мавританском стиле с применением оригинальных мраморных деталей, привезенных из Адрианополя.

Несмотря на отдельные постройки, продолжавшие архитектурные традиции первых десятилетий XIX в., несмотря на завершение отдельных ансамблей, основы которых были заложены в предшествующее время, в целом строительство в 40—50-х годах XIX в. в Петербурге характеризуется отказом от широких градостроительных задач, от национальных традиций русской архитектуры. Эклектизм вторгнулся в архитектурную практику столицы, элементы стихийности сказывались на городской застройке, особенно во вновь создаваемых промышленных районах, — все это предопределяло цестрый характер архитектуры города. Наряду с замечательными ансамблями первой трети XIX в., улицы-коридоры, дворы-колодцы, тесные квартиры многоэтажных эклектических по архитектуре «доходных» домов — таков главный противоречивый итог в архитектуре и планировке Петербурга, сложившихся к середине XIX в. под влиянием развивавшегося капитализма.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЕТЕРБУРГА ОТ КОНЦА XVIII в. ДО 1861 г.

Первая половина XIX в. не внесла существенных изменений в городское управление Петербурга, несмотря на то, что в экономике страны произошли за это время большие сдвиги.

Озабоченное нарастающим кризисом всей крепостнической системы правительство пыталось всячески укрепить свой бюрократический аппарат в центре и на местах. Оно не только не желало расширить права выборных органов городского управления, которым оно не доверяло, но, наоборот, стремилось возможно полнее осуществить контроль над ними со стороны центральных и губернских властей.

Вследствие этого городское «самоуправление» влачилось жалкое существование и новое городское положение 1846 г., как мы увидим далее, лишь еще более сузило контингент избирателей и ущемило права купечества введением в Городскую думу дворян.

Структура губернской администрации после екатерининских реформ почти не изменилась. Как и при Екатерине II, в течение всей первой половины XIX в. петербургский генерал-губернатор продолжал оставаться почти полновластным хозяином столицы.¹ Ему подчинялись гражданский губернатор — глава губернского управления, полиция, военный гарнизон. Вмешательство генерал-губернатора

¹ Полным хозяином генерал-губернатор все же не был, так как правительство постоянно вмешивалось в управление и городское хозяйство Петербурга.

во все области жизни города доходило до мелочей, но вопиющие злоупотребления чиновников, творившиеся почти на его глазах, оставались незамеченными, во всяком случае безнаказанными. Во всех губернских учреждениях царил произвол, хищения, взяточничество. Запущенные дела не разбирались годами. В 1827 г. генерал-губернатору было разрешено открыть специальное отделение для решения запущенных дел петербургского губернского правления. Но прошел установленный срок — полтора года, были израсходованы ассигнованные 30 тыс. руб., а количество нерешенных дел попрежнему составляло огромную цифру.¹

Управление Петербургом генерал-губернатор осуществлял через посредство полиции. Через полицию проводились в жизнь правительственные указы и распоряжения губернских властей. Полиция вела неустанный надзор за населением столицы, предупреждала выступления против правительства, боролась с нарушителями царских указов, следила за выполнением повинностей жителями столицы, ведала рядом отраслей городского хозяйства Петербурга, например замощением и освещением улиц, пожарным делом и т. д. В ее же ведении находились санитарный надзор и медицинская часть. Значение полиции еще более возросло после того, как петербургский обер-полицеймейстер был приравнен в своих правах гражданскому губернатору столицы.

Экономия на просвещении, здравоохранении и других нуждах населения, царское правительство не жалело средств на полицию. Стремясь обезопасить себя от возможности народных волнений в столице, правительство непрерывно увеличивало штат петербургской полиции. Если в 1782 г., в момент учреждения Управы благочиния, полицейский аппарат составлял всего 647 человек, то в 1838 г. одних только «нижних чинов» (т. е. рядовых и унтер-офицеров) в полиции служило 1753 человека.² За 34 года, с 1804 по 1838 г., денежные оклады чинов полиции были удвоены, а некоторых категорий даже утроены. Помимо жалованья, «полицейские чины» получали казенную квартиру, дрова, а некоторые и хлебный паек.

Административное деление Петербурга постоянно усложнялось. В 80-х годах XVIII в. город делился на 10 частей, а части делились на кварталы. В 1798 г. было введено еще одно звено полицейского управления столицей — отделения. Город был разделен на 2 отделения, каждым из которых ведал особый полицеймейстер, подчинявшийся петербургскому обер-полицеймейстеру. Граница между отделениями проходила по Неве. В XIX в. отделений было уже не 2, а 3: все части города к югу от Фонтанки составили особое отделение. Увеличивалось и число частей города: в 1796 г. была образована 4-я Адмиралтейская часть (территория Адмиралтейского острова к западу от Крюкова канала), в 1811 г. из состава

¹ С. М. Сердюкин. Исторический обзор деятельности кабинета министров, т. II, ч. II, СПб., 1902, стр. 66, 85.

² С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 64, 176.

Московской части выделена Нарвская (граница между обеими частями города прошла по Царскосельскому проспекту — ныне проспект им. И. В. Сталина), в 1828 г. образована Охтенская часть. Таким образом, общее число полицейских частей города возросло до 13. Соответственно увеличилось и количество кварталов. Их было в середине XIX в. уже 56 (вместо 42 в 1782 г.).

Созданием более мелких полицейских административных единиц царское правительство стремилось усилить полицейский надзор за населением. Этому надзору придавалось большое значение. Помимо собственного, весьма разросшегося штата, в распоряжении петербургского обер-полицеймейстера находилась специальная воинская команда (688 человек) и около тысячи городских сторожей. Будки сторожей были раскиданы по всему городу. Городские сторожа дежурили

*Съезжая (Адмиралтейская часть). Литография
40-х годов XIX в.*

посменно и жили по трое в будке. Всего в Петербурге в 1811 г. было 311 таких будок. Городские сторожа помогали полиции поддерживать «порядок» в городе.

К надзору за населением правительство привлекало и домовладельцев. Согласно указу 1808 г., домовладельцы были обязаны немедленно давать знать в полицию о всех приезжающих и отъезжающих из Петербурга и ни в коем случае не держать у себя в домах лиц беспаспортных или просрочивших свои паспорта. За нарушение указа были установлены жестокие штрафы: опоздание с заявлением в полицию о новопривывшем постояльце каралось штрафом по 10 рублей за каждые просроченные сутки, а приют беспаспортного стоил домохозяйину еще дороже — 25 рублей за сутки.¹ Чтобы понять величину этих штрафов, нужно вспомнить,

¹ ПСЗ, т. XXX, № 23258.

что мелкий чиновник получал в то время всего 10—20 рублей в месяц, а рабочие нередко значительно меньше.

Подозрительные люди немедленно арестовывались. В каждом полицейском съезжем доме имелись арестантские помещения, в которых содержались задержанные, прежде чем они попадали в тюрьму. Тюремь также находились в ведении полиции.¹ В штат полиции входили прокурор и специальные «приставы следственных дел» для ведения следствий.

Большую роль в полицейском надзоре за населением играла Адресная экспедиция, учрежденная при полиции в 1809 г. (первоначально она называлась «Канторой адресов»). Все лица, работавшие по найму в частных домах, обязаны были зарегистрироваться в Адресной канторе и получать там «вид на жительство» («адресный билет»). При перемеще работы или места жительства, а также в случае окончания срока «адресного билета» требовалась новая регистрация, причем вид на жительство не выдавался без положительного отзыва со старого места работы. Учреждением Адресной экспедиции царское правительство стремилось взять под строгий надзор часть населения, жившую продажей своей рабочей силы, внушавшую властям особые опасения. Малейшее подозрение в неблагонадежности влекло за собой высылку из столицы.

Одной из важнейших обязанностей полиции было наблюдение за выполнением жителями своих повинностей. Этих повинностей в XVIII в. было очень много: восточная, караульная, пожарная, мощение улиц и т. д. Все они основной тяжестью ложились на трудовое население столицы. Уже в конце XVIII в. правительство начало заменять натуральные повинности денежными сборами с населения, например при Павле I за освобождение от ностоя стали взимать с жителей специальный поземельный налог, который шел на постройку военных казарм.² Замена натуральных повинностей денежными сборами производилась на добровольных началах, и население из-за отсутствия денег далеко не всегда соглашалось на эту замену.

При распределении городских повинностей и взимании сборов полицией допускались большие злоупотребления. В 1802 г. само правительство вынуждено было признать справедливость жалоб на произвол и вымогательство полиции: военные части, выводившиеся из домов зажиточных жителей, которые заплатили поземельный сбор, ставились в дома менее обеспеченных горожан в качестве дополнительного постоя; полицейские чиновники получали тройные и четверные «квартирные деньги» и т. д. Построенные на деньги поземельного налога казармы не приносили беднейшей части населения облегчения в несении постоянной повинности.

Многочисленные злоупотребления заставили правительство учредить в 1802 г. специальный Комитет для уравнивания городских повинностей с целью проверки

¹ ПСЗ, т. XXX, № 23260.

² ПСЗ, т. XXVI, № 19294.

действий полиции и уточнения городских повинностей.¹ Комитет установил многочисленные факты злоупотреблений и полный произвол в распределении городских повинностей. Положение было настолько нетерпимо, что даже парское правительство вынуждено было пойти на освобождение жителей от пожарной повинности и снятие с населения оплаты стоимости содержания уличного освещения и городских сторожей. Эти расходы были отнесены на счет города.

На Петербургской и Выборгской сторонах, где жило беднейшее население, продолжала существовать натуральная постоянная повинность, и замена ее специальным дополнительным оценочным сбором с недвижимого имущества произведена была значительно позднее, в 1830 г.² Однако практически постоянная повинность существовала и в более позднее время.

Произвол и злоупотребления были типичны для всего чиновничества того времени. Но даже и в этом мире бюрократизма полицейские учреждения поражали запутанностью своего делопроизводства. В 1842 г. правительственная ревизия петербургской Управы благочиния обнаружила «стиль» работы этого полицейского учреждения. Дела между отделениями Управы распределялись так, что сами чиновники, совершенно запутавшись среди этого беспорядка, не знали, где искать то или иное дело. Просители ходили месяцами и часто не могли узнать не только о движении их дела, но даже — где оно находится. Рассмотрение вопросов замедлялось бесконечным переписыванием одних и тех же бумаг и наложением на них новых резолюций. Таково было положение дел в главном органе столичной полиции — Управе благочиния; в частях и кварталах делопроизводство велось еще хуже.

Наряду с полицией, в Петербурге продолжали существовать и выборные органы городского управления — Общая и Шестигласная городские думы. Выше уже говорилось, какую жалкую роль играли эти учреждения в XVIII в. с первых лет своего существования. По существу они являлись простым придатком губернской администрации. На короткое время при Павле I выборные органы городского управления были совсем уничтожены, так как он не нашел нужным сохранить даже видимость «самоуправления». Павел I упразднил Общую и Шестигласную думы, Городовую и Губернский магистраты, а также «Приказ общественного приращения». Все эти учреждения заменил новый орган городского управления — Ратгауз, члены которого утверждались императором. Но и Ратгауз не был самостоятелен в своей работе и был подчинен вновь созданному по воле Павла своеобразному учреждению, носившему длинное название, — «Комиссия о снабжении резиденции принасами, для распорядка квартир и прочих частей до полиции принадлежащих».

Эта Комиссия была наделена большими полномочиями. Комиссию возглавлял наследник престола, а одним из членов ее был петербургский генерал-губернатор.

¹ ПСЗ, т. XXVII, № 20116.

² ПСЗ, Собрание 2-е, т. V, № 3432.

В компетенцию новой Комиссии вошли все вопросы городского управления и городского хозяйства, не исключая регулирования городской застройки и утверждения проектов новых домов. Новая структура городского управления была вложена в «Уставе столичного города», изданном 12 сентября 1798 г.¹

Деятельность Комиссии о снабжении и Ратгауза оказалась недолговечной. С восшествием на престол Александра I они были уничтожены, восстановлены Жалованная грамота городам и все екатерининские учреждения по управлению городом. Восстановление Жалованной грамоты в царском манифесте мотивировалось тем, «что без прав и преимуществ непоколебимых и всею силою закона охраняемых, не могут промыслы, рукоделия и торговля достигнуть цветущего состояния».²

Правительство, однако, не собиралось расширять права городского самоуправления. Попрежнему круг вопросов, подведомственных Городской думе, был очень узок. Дума наблюдала за торговлей (для чего в ее ведении была специальная торговая полиция), ведала казенным городским имуществом (здания, земли, рынки и т. д.), распределяла сборы и повинности торгово-промышленного населения, выдавала торговые патенты, проводила общественные выборы, имела право «ходатайства перед губернским начальством» о городских нуждах.³ В отношении городского хозяйства почти все функции Думы сводились к отпуску положенных средств на те или иные нужды. Лишь немногие отрасли городского хозяйства действительно находились в ведении Думы: перевозки, общественные скверы, рынки и др.

В решении всех дел Дума целиком зависела от губернской администрации. «Сбор городских доходов и хранение оных» состояли «под надзором начальника губернии», гражданский губернатор утверждал все торги по подрядам и поставкам на сумму до 10 тыс. руб., ему обязана была Дума ежегодно давать отчеты о доходах и расходах и т. д. Генерал-губернатор определял расходные статьи городского бюджета, требовал от Думы не только ежегодной, но даже ежемесячной отчетности. Даже Губернское правление считало своим правом делать Думе выговоры.

Не перемонилась с Думой и полиция. В архивах Думы имеются дела, характеризующие пренебрежительное отношение полицейской администрации к гласным Думы. В 1815 г. один из гласных за невыполнение указания частного пристава был отправлен под караулом к обер-полицеймейстеру, который посадил гласного под арест на 4 дня.⁴

Бесправное положение гласных делало их службу неприятной обязанностью. Очень характерно, что по постановлению о гильдиях 1824 г. купцы 1-й и 2-й гильдий

¹ РСЗ, т. XXV, № 18664.

² Столетие с.-петербургского городского общества. СПб., 1885, стр. 85.

³ Там же, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 114.

Невский проспект у Городской думы. Литография 1825 г.

имели право в силу своего «достоинства» отказываться от членства в Шести-гласной думе.¹ Дворянство явно тяготилось своим правом участия в городских выборных органах, так же как и «именитые граждане». Вследствие этого Дума превратилась в орган лишь трех сословий: купечества, ремесленников и посадских, причем ведущее положение занимали купцы.

Беспорядки Думы и безразличность гласных в своей работе были причиной низкой посещаемости заседаний Общей думы, да и сами заседания созывались редко. Шестигласная дума присвоила себе право использовать гласных Общей думы для общественных поручений, что еще больше уронило престиж гласных. Но и Шестигласная дума собиралась не часто. Гласные не желали посещать заседаний, и дела для подписи носили к ним на квартиру. В этих условиях чрезвычайно выросла роль секретаря Думы. Он заготавливал все решения и направлял для подписи гласным, которые их подписывали не читая.

Думская канцелярия разрослась в большое учреждение, но стиль работы ее был не лучше, чем канцелярии Управы благочиния. Дела по городскому управлению лежали нерешенными по 5—7 лет, какой-нибудь отзыв, который Дума должна

¹ Там же, стр. 97.

была подать в течение 2-3 дней, подавался через год-два. Все это делало петербургскую Думу, по словам одного из ревизоров, «образцом медленности, упущений, запутанностей, беспорядков и злоупотреблений».¹

Мало считаясь с Думой, правительство учреждало специальные комитеты для решения вопросов, которые должны были входить в компетенцию Думы. Так, в 1802 г. был учрежден, как уже отмечалось, Комитет для уравнивания городских повинностей, который, наряду с распределением городских повинностей и налогов, занимался и другими вопросами в области управления и городского хозяйства Петербурга: очисткой набережных, устройством спусков к воде, пристаям и т. д., вплоть до устройства на средства Думы народных гуляний. В 1808 г. учреждается Комитет городских строений, которому были поручены строительные и ремонтные работы, производившиеся на средства города.² Наконец, через 8 лет, в 1816 г., возникает Комитет строений и гидравлических работ, занимавшийся общими вопросами строительства и регулирования застройки города и производивший крупные строительные работы.

Все эти комитеты действовали независимо от Думы и обладали несомненно большими, чем она, правами. Функции Думы часто сводились лишь к тому, чтобы отпускать деньги по требованию того или иного комитета. Из всех учреждений, занимавшихся вопросами управления и хозяйства города, Дума была наиболее бесправной. Но царское правительство считало, что причины недостатков в городском управлении заключались не в бесправии Думы и излишней опеке над ней со стороны администрации, а как раз наоборот — в недостаточности опеки и в недостаточном участии дворянства в работах обеих дум. Эти «недостатки» должна была исправить реформа городского управления, которая была произведена в 1846 г.

По новому городскому положению все избиратели в Городскую думу были разделены на 5 категорий: 1) потомственные дворяне, владеющие недвижимой собственностью, 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы, владеющие недвижимой собственностью, 3) купцы, 4) мещане, не записанные в цехи, 5) ремесленники, записанные в цехи.

Каждая из этих категорий выбирала 100—150 гласных, которые составляли Общую городскую думу. Избирательное право предоставлялось лишь лицам, имевшим доход не менее 100 руб. в год и не моложе 21 года.³ В 1846 г. в Петербурге оказалось лишь 6213 человек, удовлетворявших этому цензу, что составляло немногим более 1% от общего числа населения. Для городского головы был установлен крупный имущественный ценз: он должен был обладать недвижимой собственностью на сумму не менее 15 тыс. руб. и принадлежать к одной из первых трех категорий населения. При этом городской голова не выбирался, а назначался правительством из числа двух кандидатов, предложенных Думой. Очень харак-

¹ Столетие с.-петербургского городского общества, стр. 115—116.

² ПСЗ, т. XXVII, № 20116.

³ ЖМВД, ч. XIV, 1834, стр. 354—412.

терно, что срок полномочий городского головы был установлен 6 лет, в то время как все гласные выбирались на 4 года.

Гласные каждой категории составляли особое отделение Думы. Общая дума выбирала постоянно действующий орган — Распорядительную думу под председательством городского головы, при этом от первых трех («старших») отделений выбиралось по 3 представителя, а от двух последних («младших») отделений, т. е. от ремесленников и мещан, всего 3 человека. В Распорядительную думу входил также представитель администрации, так называемый «член от короны».

Это своеобразное деление на «старшие» и «младшие» отделения сказывалось и при решении дел на собраниях Общей думы. Обычно вопросы разбирались в каждом отделении порознь, причем старшие отделения разбирали дела раньше и младшим отделениям оставалось лишь санкционировать уже принятое решение. Такой порядок ущемлял права мещан и ремесленников и создавал особое положение для дворянства и купечества.

Компетенция Общей и Распорядительной дум мало чем отличалась от компетенции Общей и Шестигласной дум до введения городского положения 1846 г. Не изменились и их права. По существу новым по сравнению с городским положением 1785 г. было лишь введение в Думу дворян и уменьшение числа избирателей вследствие имущественного ценза.

Реформа городского управления 1846 г. была встречена купечеством враждебно. Через два месяца после ее опубликования петербургские купцы подали министру внутренних дел ходатайство об отмене нового городского положения, которое, по их мнению, после «неудовольствие, вражду, мщение между торгующими, разорение, гибель многим семействам». Купцов пугала возможность назначения городского головы из дворян и использования дворянами городских сумм, в том числе и добровольных взносов, в своих интересах.¹

Прошение не имело последствий. Однако тревога купцов была напрасной. Во всех составах Думы городской голова неизменно назначался из купечества. Дворяне были мало заинтересованы в работе такого неавторитетного органа, как Дума. Для них была важна лишь возможность контроля над сбором и расходованием налога, установленного с их недвижимого имущества. Такую возможность дала им реформа 1846 г.

Новое городское положение не оживило работы Думы. Активность гласных, особенно гласных из дворян, продолжала быть низкой. Заседания Общей думы проходили очень редко. Так, например, за 14 первых лет своего существования Общая дума собиралась всего 17 раз. Распорядительная дума работала не лучше. Ревизия 1849 г. обнаружила «беспорядки и упущения» в делопроизводстве этой Думы, достигавшие поразительных размеров. Некоторые из подведомственных Думе учреждений даже не знали «в чем их обязанность».² Царское правительство

¹ Столетие с.-петербургского городского общества, стр. 130.

² Там же, стр. 158.

видело, что реформа 1846 г. не дала желательных результатов. Однако оно не нашло никаких иных мер для улучшения работы Думы, как сокращение в 1862 г. числа гласных Общей думы до 250 человек, т. е. более, чем вдвое, что, понятно, никак не сказалось на ее деятельности.

Неблагополучно было и с городскими финансами. В течение почти всей первой половины XIX в. городской бюджет неизменно сводился с дефицитом, хотя доходы города все время возрастали. В 1797 г. бюджет Петербурга составлял всего 36 тыс. руб. Однако очень скоро городской бюджет пришлось увеличить до 450 тыс. руб., так как на город было возложено содержание полиции и ряда отраслей городского хозяйства. Это увеличение было достигнуто за счет передачи в распоряжение городского управления некоторых государственных сборов.¹

Новое расширение городского бюджета стало необходимо после 1802 г., когда на город было возложено содержание городских строений, уличного освещения и пожарной команды. Царское правительство ввело в пользу города специальный оценочный сбор с недвижимого имущества, который дал заметное приращение городских финансов. Оценочный сбор больше всего ударил по менее обеспеченной части населения, так как владельцы крупного недвижимого имущества всегда имели возможность добиться заниженной оценки своих домов и участков. К тому же они легко перекладывали этот сбор на трудовое население — съемщиков квартир и т. п.

В 1804 г. доходы города составляли уже 982 604 руб. Основную сумму, свыше 70% дохода, давали два сбора: таможенный и оценочный с недвижимого имущества. Остальные сборы (с извозчиков, за наем лавок, с трактиров и т. п.) были сравнительно мелкими. Самую большую сумму среди расходов составляли средства, ассигнованные на содержание полиции (40% бюджета). За счет городского бюджета содержались также тюрьмы, дом петербургского генерал-губернатора, воинские казармы и производились другие расходы, не имеющие никакого отношения к хозяйству города. Что же касается ассигнований на городское хозяйство, медицинскую помощь населению, народные училища, то они были ничтожны; так, например, на уличное освещение отпускалась 91 тыс. руб., а на содержание училищ всего-навсего 250 тыс. руб., и т. д.²

В последующие годы бюджет города продолжал расти, но неизменно сводился с большим дефицитом. Такое положение было результатом провала губернской администрации, относившей за счет города все новые и новые расходы, не имевшие отношения к городу. Распоряжением генерал-губернатора Думе предлагалось оплатить то содержание чиновника особых поручений при генерал-губернаторе, то стоимость заготовки ремней для ружей и т. д.³

¹ ПСЗ, т. XXV, №№ 18981, 18984.

² Столетие с.-петербургского городского общества, стр. 210—211, 373—377.

³ Там же, стр. 233.

Постоянные дефициты городского бюджета вызвали серьезную тревогу правительства, и оно вводило в пользу города новые сборы с населения и увеличивало старые. Однако причина расстройств городских финансов не устранялась. Лишь в середине XIX в. в связи с ростом промышленности и торговли, вызвавшим увеличение поступления сборов, дефициты перестали быть постоянным явлением.

В 1848 г. городские доходы достигли суммы 2 045 547 руб. Но по сравнению с 1803 г. структура бюджета существенно не изменилась. Основную часть дохода, 804 686 руб. (около 40%), составляли прямые налоги на владельцев недвижимого имущества и обывателей столицы, в основном оценочный сбор с недвижимого имущества. Другие налоги — с торгов, с ремесел, с извозчиков и т. д. — давали значительно меньшие суммы. Доходы с городских имуществ составляли всего 153 300 руб., т. е. менее 8%. Большая часть расходов шла по таким статьям, как содержание войсковых казарм (222 547 руб., или 11% всех расходов), содержание полиции, пособия посторонним ведомствам и т. д. В то же время расходы на все виды городского благоустройства (ремонт мостов, мостовых, подземных труб, содержание городских зеленых насаждений, уличного освещения и т. д.) составляли всего 294 583 руб., т. е. немного больше 15% всего бюджета. На содержание учебных и благотворительных заведений тратилось еще меньше — 218 938 руб.

Помимо обычных расходов, в бюджете 1848 г. были предусмотрены расходы чрезвычайные за счет дополнительных ассигнований правительства. Эти деньги предназначались на постройку первого на каменных устоях моста через Неву (500 тыс. руб.) и на перестройку здания Думы (160 тыс. руб.). Царское правительство вынуждено было временами производить дополнительные ассигнования на нужды города, так как на те скромные средства, которые имелись в распоряжении Думы, никаких капитальных работ в области городского хозяйства произвести было невозможно.

Подобные капитальные работы были нужны царскому правительству для придания парадности столице, для того, чтобы внешним блеском и величием создать иллюзию процветания империи и довольства ее подданных. Была и другая цель: благоустроить центр города, где жила сановная знать, богатое купечество, крупные чиновники, создать лучшие условия жизни для этой группы населения.

Характеризуя центр Петербурга — участок между Невой, Крюковым каналом, Фонтанкой и Митейным проспектом, — один из современников писал, что это «царство лучшего общества, место жителей высшего круга, большого, тонкого или модного света; словом, касты под разными наименованиями во всех столицах существующей».¹ Именно для этой привилегированной касты и благоустраивался город: строились каменные мосты, делались величественные набережные, мостились улицы, устраивалось уличное освещение.

¹ А. П. Башуцкий. Панорама Санкт-Петербурга. ч. III, 1834, стр. 137.

Зеленый мост. Гравюра В. Патерсона начала XIX в. (Нижне Народный мост).

Развитие промышленности и торговли в стране и связанный с этим рост населения столицы вызвал в ней усиленное жилищное строительство. В первой половине XIX в. Петербург застраивался довольно интенсивно. Из года в год росло число домов, исчезали все еще имевшиеся в черте города пустыри и огороды. Городская застройка неуклонно расширялась в южном направлении. С 1815 по 1833 г. общее число домов в городе возросло с 7158 до 7976, причем это увеличение шло в основном за счет каменного строительства. В среднем в этот период в Петербурге ежегодно появлялось около 30 новых каменных домов. В то же время в центральной части города усиленно надстраивались и перестраивались уже существовавшие здания.¹

Однако застройка Охты, Петербургской и Выборгской сторон мало чем отличалась от застройки любого уездного города России. Здесь было еще много пустырей, служивших выгонами для скота, и очень много огородов. Полоса огородов тянулась также по обе стороны Обводного канала. Даже в районе Смольного института имелись еще незастроенные луга, на которых пасли скот.² Несмотря

¹ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836, стр. 70, 91.

² Там же, стр. 66—67.

*Весной на окраине Петербурга. Акварель И. Ульянова середины XIX в.
Государственный Русский музей.*

на большое количество каменных домов, в целом в городе преобладала еще деревянная застройка. В 1833 г. каменных домов было 2730, а деревянных 5246.

Усиленный приток населения в столицу вызывал постоянное повышение квартирной платы. Трудящееся население вынуждено было жить на окраинах, где квартиры были дешевле, или в полуподвальных и подвальных этажах домов в центре города. Тяжелые условия жизни в нездоровых жилищах были источниками частых эпидемий.

«Почти невероятно, каким образом в комнате, имеющей в окружности едва 12 футов, живут... теснясь от восьми до десяти человек, из числа коих половина взрослых, а половина детей...», — говорит об условиях жизни трудового населения столицы автор «Медико-топографического описания Петербурга» 1820 г. «Я часто сам не мог пробыть десяти минут в таковых грязных подземных и как нельзя более сырых покоех, не почувствовав некоторой дурноты, между тем как живущие в оных остаются тут безвыходно по целым суткам».¹

¹ Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 93; Г.-Л. Аттенгофер. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1890, стр. 20.

Характерно, что в 3-й Адмиралтейской части с ее многоэтажными домами, в каждом из которых жили сотни людей, плотность населения была в 4 раза выше, чем в аристократической 1-й Адмиралтейской части.

В 30-х годах XIX в. произошло изменение в системе нумерации домов в Петербурге. Мы уже знаем, что в конце XVIII в. нумерация была сплошной по всему городу. Позднее дома стали нумеровать по частям города, что создавало большие неудобства, так как на одной и той же улице, если она пересекала несколько городских частей, существовало и несколько систем нумерации домов. Вследствие этого в 1834 г. был введен новый порядок: дома стали нумероваться по улицам, как это делается и сейчас, только четные номера в то время шли по правой, а нечетные — по левой стороне улицы (сейчас четные номера идут по левой стороне).

В то время как число домов в Петербурге из года в год росло, площадь зеленых насаждений в городе неизменно сокращалась. Развитие капиталистических отношений в стране и рост городского населения приводили к уплотнению городской застройки, к постепенному исчезновению в городе частных владений садов. Уже в 30-х годах XIX в. в наиболее застроенной части Петербурга площадь зеленых насаждений не превышала 10% всей территории. На окраинах города, тогда еще слабо застроенных, положение было гораздо лучше.¹

Все сады и парки, существовавшие в то время в Петербурге, принадлежали либо царской фамилии, либо частным лицам, либо различным ведомствам. Общественных парков в городе долгое время не было. В 1826 г. в ведение города перешел Екатерининский парк, который принадлежал раньше царской семье, но давно уже не посещался ею. Вследствие окраинного положения этот парк был мало удобен для широких кругов населения Петербурга. В 1845 г. был разбит общественный парк на огромном пустыре Петербургской стороны у Петропавловской крепости (ныне парк Ленина). Парк был обнесен решеткой, внутри устроены павильоны, беседки, аллеи для пешеходов и экипажей. Вскоре в целях извлечения дохода городское управление передало часть территории парка под заведение минеральных вод. Позднее другой участок парка был выделен для устройства частного ботанического сада.

Число общественных бульваров в Петербурге было невелико. В 1826 г. в ведение города от Гофинтендантской конторы перешли бульвары на Васильевском острове,² благодаря чему дворцовое ведомство избавилось от расходов на их содержание. В 1842 г. был устроен бульвар, получивший название Конногвардейского (ныне бульвар Профсоюзов). Бульвар на Невском проспекте в 1839 г. был окончательно уничтожен.

Недостаток общественных садов в Петербурге больше всего ощущали нищие слои населения, которые были не в состоянии вывозить свои семьи в летнее

¹ Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 65.

² Городские поселения в Российской империи, т. VII. СПб., 1864, стр. 66.

время на дачу. Отсутствие в городе надлежащего коммунального обслуживания — водопровода, канализации, хороших бань и т. д. — также сказывалось в первую очередь на трудящихся.

Как и в XVIII в., жители Петербурга в первой половине XIX в. снабжались водой из рек и каналов, а живущие далеко от воды — из колодезев. Таких колодезев в 1839 г. было в городе 1321. В ряде пунктов города были устроены водокачки, действовавшие с помощью ручных насосов. Первая такая «водоливная машина» была установлена в 1827 г. на Исаакиевской площади. Позднее водокачки были устроены и в других местах, а всего по городу в 1849 г. их насчитывалось уже 37. У Воскресенского моста, помимо обычной «водоливной машины», работала также паровая водокачка, снабжавшая водой бани на Офицерской улице.¹

Вода из водокачек отпускалась за деньги. Стоимость годового билета на право получения воды (который прибивался к бочке) равнялась 7 руб. серебра. Это была немалая сумма по ценам того времени. Помимо того, лицам, жившим далеко от воды, приходилось еще платить водовозам, развозившим воду по городу.

Большим несчастьем для населения Петербурга было постепенное засорение рек и каналов города, в которые спускались все городские нечистоты. Особенно загрязнялись Мойка, Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова) и другие реки и каналы со слабым течением воды. Правительственные запрещения пользования водой загрязненных источников не приводили ни к чему. Среди населения часто возникали эпидемии.

В 1819 г. два предпринимателя предложили устроить в Петербурге городской водопровод, однако правительство отклонило это предложение, мотивируя тем, что «Петербург по положению своему и устройству достаточно снабжен хорошою водою». По этой же причине было отклонено и новое аналогичное предложение в 1825 г.² В 1846 г. гр. Эссен-Сленбок-Фермор получил разрешение на постройку водопровода в Московской и Литейной частях Петербурга. Им был построен каменный дом на Неве у Воскресенского моста, в котором установлена «водокачальная машина» и проложены водопроводные трубы по улицам Знаменской (ныне улица Восстания), Сергиевской (ныне улица Чайковского) и Итальянской (ныне улица Ракова).

Как видно из архивных документов, водопровод Фермора действовал; но дела своего предприятия, повидимому, шли плохо, потому что уже в 1852 г. Эссен-Сленбок-Фермор продал его своему владельцу, не сумев охватить водопроводом сколько-нибудь значительного участка города. Новый владелец также не смог расширить предприятия.³ Ферморский водопровод был лишь небольшим эпизодом в истории Петербурга, о котором скоро забыли. Поэтому у историков города принято считать началом водопровода в Петербурге не 40-е, а 60-е годы XIX в.,

¹ А. Г р е ч. Весь Петербург в кармане. Справочная книга. СПб., 1851, стр. 65.

² С. М. Сердонин, ук. соч., т. 1, стр. 298.

³ Филiaal ЦГВИА в Ленинграде, ф. № 7, оп. 1, д. № 43, лл. 1—2.

когда была построена водопроводная сеть между Невой и Обводным каналом.

Положение с канализацией было не лучше. Хотя в Петербурге уже в XVIII в. существовала сеть подземных труб, однако эта сеть выполняла лишь одну задачу канализации — удаление с улиц дождевых вод и совсем не обеспечивала решения другой задачи — удаления городских нечистот. Подземная сеть росла из года в год и к середине XIX в. охватывала все основные улицы города. В 1834 г. общая длина ее составляла около 45 тыс. погонных сажен,¹ в 1849 г. — около 50 тыс. сажен. Строительство подземных труб производилось на средства города и велал ими Комитет городских строений.²

Удаление нечистот с дворов домов и предприятий производилось самыми примитивными способами. Всякого рода отбросы и нечистоты сваливались в выгребные помойные ямы. Обязанность по очистке этих ям лежала на хозяевах домов, которые мало заботились о чистоте своих дворов. Дворовые участки многолюдных домов находились постоянно в антисанитарном состоянии. Вывозка нечистот производилась на огороды и места свалок, расположенные часто в черте города. О строительстве нормальной канализации при отсутствии в городе водопровода не приходилось и помышлять.

Несколько лучше налажена была в Петербурге очистка улиц от мусора. Сор сметался дворниками в кучи. По утрам кучи вывозились на места свалок специальными возчиками.³

В связи с санитарным состоянием города следует сказать о работе петербургских бань. В 1815 г. в столице была 21 торговая баня, к 1849 г. число их возросло до 40. Бани имели разные разряды. В зависимости от разряда взималась плата с посетителей. В отделениях для «простого» народа и солдат в 1810 г. брали плату по 7 коп. с человека, в отделениях «для людей среднего сословия» посетители платили по 10—15 коп. Существовали и более дорогие отделения.

Размеры платы за вход в баню лимитировались правительственными указами. Не будучи в состоянии сами повышать эту плату, хозяева бань экономили на помещениях и обслуживании посетителей. В 1841 г. в связи с частыми простудами солдат, мывшихся в банях, было произведено специальное обследование 35 торговых бань, которым было установлено, что в отделениях для «простого» народа не было даже мыла, там были только парилки и стирожки для раздевания, вследствие чего люди мылись прямо на дворе.

Царское правительство должно было как-то реагировать на данные обследования. Владельцам бань было предписано немедленно выстроить помещения для мытья. Однако к моменту истечения назначенного срока многие хозяева не присту-

¹ А. П. Башуцкий, ук. соч., ч. II, стр. 135—137.

² Н. Пущкарев. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии, ч. I. СПб., 1839, стр. 85; А. Греч, ук. соч., стр. 524.

³ ПСЗ, т. XXX, № 23602; А. П. Башуцкий, ук. соч., ч. III, стр. 184.

шли к постройке мылен.¹ От отсутствия мылен страдали лишь бедные слои населения, так как отделения бань для более обеспеченных жителей (где брали более высокую плату) были оборудованы несравненно лучше. Многие состоятельные люди вообще не пользовались торговыми банями, имея бани при своих домах. Таких домашних бань в 1815 г. было в Петербурге 480.

Кроме торговых бань, в Петербурге существовали также платные летние купальни. Места по Неве и другим водным протокам сдавались Городской думой с торгов для устройства купален. Таких купален в 1849 г. было 17.²

Значительно большее значение, чем санитарному состоянию столицы, царское правительство уделяло ее внешнему благоустройству. Строительство каменных набережных и мостов, работы по замощению улиц, устройству уличного освещения и другие мероприятия, связанные с внешним обликом города, продолжались не менее энергично, чем в XVIII в. Стремление придать нарядный вид столице заставляло царское правительство идти подчас на довольно большие затраты.

В начале XIX в. были закончены работы по устройству каменных набережных Мойки, начатые еще в 1797 г. В те же годы были одеты камнем берега Екатерининского канала на его нижнем участке (в XVIII в. этот участок не был устроен). Одновременно со строительством здания Биржи была устроена превосходная каменная набережная на стрелке Васильевского острова. Позднее был сделан участок каменной набережной Васильевского острова против Академии художеств. Украшенная фигурами двух привезенных из Египта сфинксов, эта набережная производила большое впечатление на петербуржцев.

Однако значительная часть набережных Петербурга продолжала оставаться неблагоустроенной. Берега Невы и ее протоков захламлились беспорядочной свалкой прибывающих в город грузов. Это имело место даже в центральной части города, например на нынешней Университетской набережной.³ В 1826 г. царское правительство вынуждено было отобрать у частных владельцев все земли по левому берегу Невы от Александро-Невской лавры до Смольного института и передать эти земли в собственность города. Городскому управлению было предложено оборудовать удобные причалы для выгрузки судов с хлебом и лесом.⁴ Вскоре в этой части побережья Невы возникли торговые склады.

Среди работ по городскому благоустройству большое место занимало строительство мостов. В XIX в., наряду с каменными и деревянными, появились в Петербурге и мосты металлические. В 1837 г. в городе был уже 151 мост, в том числе каменных 32, чугунных 14, деревянных 93, пловучих 12.⁵ Строительство многих мостов было связано с устройством каменных набережных. Так, когда стали

¹ ЦГАЛ, ф. 1287, оп. 175/176, д. № 50, лл. 3, 4, 13, 66, 167, 168, 194—195.

² А. Г р е ч, ук. соч., стр. 324.

³ Городские поселения в Российской империи, т. VII, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 25—27.

⁵ И. П у ш к а р е в, ук. соч., ч. I, стр. 97.

одевать камнем берега Мойки, возникла необходимость заменить деревянные мосты через эту реку более долговечными. Все мосты через Мойку были перестроены: в 1806 г. — Полицейский (по Невскому проспекту), в 1814 г. — Красный (по Героховой улице), в 1816 г. — Поделуев (по улице Глинки) и т. д.

Новостью для Петербурга было устройство пешеходных пешных мостов через Мойку и Екатерининский канал. Один из этих мостов — Банковский, украшенный фигурами крылатых грифонов, хорошо известен всем ленинградцам. В 20-х годах XIX в. были построены металлические пешные мосты через Фонтанку — Паштелеймоновский (1824 г.) и Египетский (1827 г.), ныне не сохранившиеся. Паштелеймоновский мост был первым в России всячым мостом большого пролета.¹ Увеличение значения Невского проспекта как транспортной магистрали города потребовало перестройки в 1841 г. узкого Анничкова моста. Были убраны башни с пинами, такие же как на Червышевом мосту (ныне мост Ломоносова), разводная часть уничтожена, мост был расширен и украшен великолепными скульптурами Клодта.

Мосты через Неву продолжали оставаться плашкоутными. Помимо построенных еще в XVIII в. мостов Исаакиевского, Тучкова, Воскресенского и других, в XIX в. был наведен в районе Летнего сада еще один мост через Неву, который получил название Петербургского. Он соединил центр города с Петербургской стороной. В 50-х годах XIX в., после того как был сломан «Литейный дом», закрывавший выход к Неве от Литейного проспекта, Воскресенский плашкоутный мост был передвинут от Воскресенского проспекта к Литейному и стал называться Литейным.²

Плашкоутные мосты находились в ведении управления путей сообщения (которое проводило все основные работы по постройке мостов в Петербурге) и содержались на средства Думы. Неудобство пловучих мостов было очевидно. Во время ледостава и ледохода прекращалась всякая связь города с островами. Некоторые из мостов (такие, как Исаакиевский, Воскресенский) наводились вновь в зимнее время, другие (например Петербургский) зимой не наводились и связь с островами осуществлялась по льду.³ Каждая оттепель грозила эту связь нарушить.

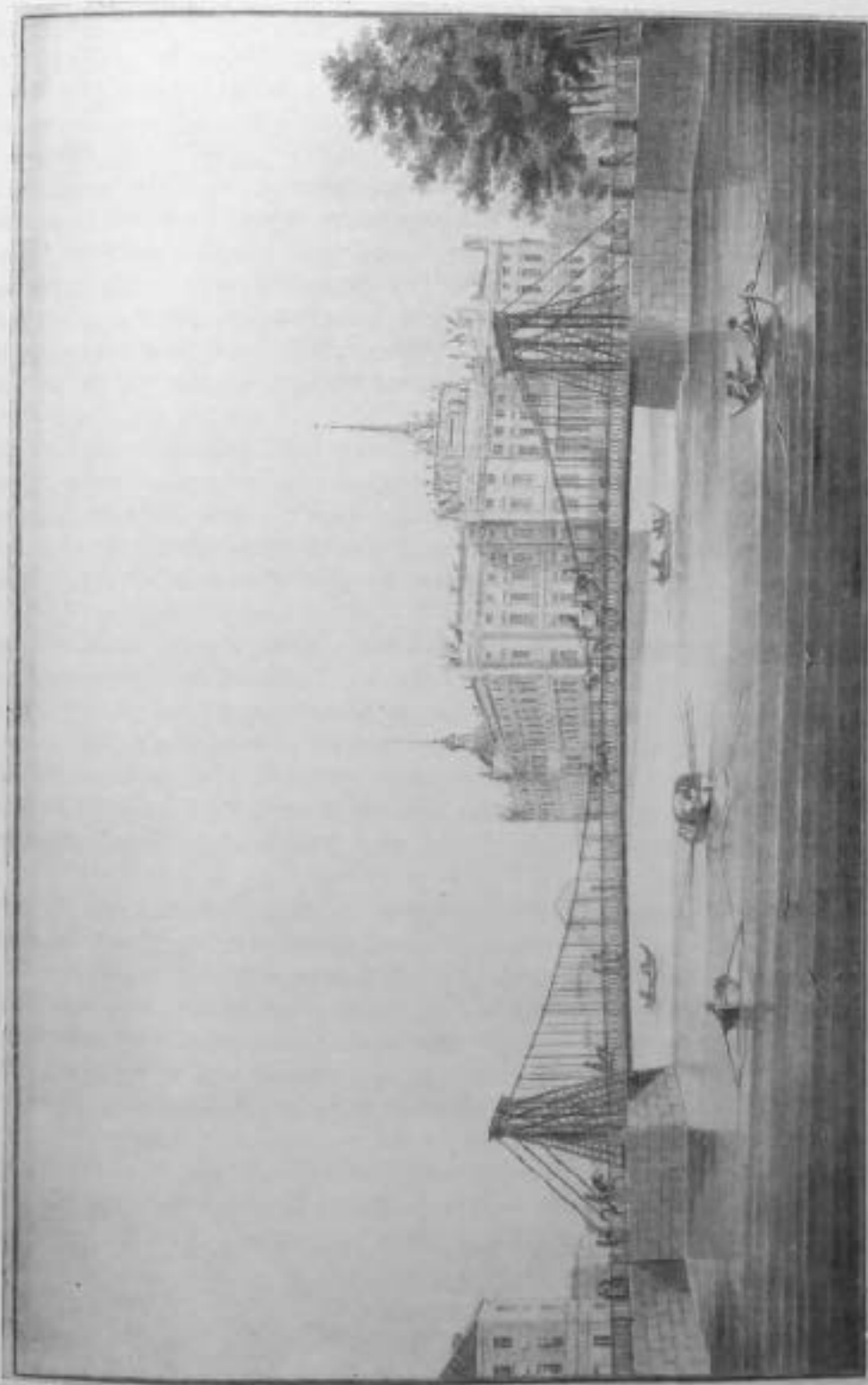
В 1813 г. плашкоутный Каменноостровский мост через Среднюю Невку, соединявший Аптекарский остров с Каменным, был заменен постоянным деревянным мостом. Это был первый в России деревянный арочный мост.⁴ В 1842 г. началось строительство постоянного моста через Неву вблизи наплавного Исаакиевского. Работы потребовали огромных денежных затрат. Строителем моста был талантливый русский инженер С. В. Кербела, успешно справившийся с трудной задачей. Новый металлический на каменных опорах с разводным пролетом мост через

¹ Сборник Института инженеров путей сообщения, вып. XLVIII, СПб., 1858, стр. 52—56.

² Городские поселения в Российской империи, т. VII, 1864, стр. 59, 69.

³ И. П у ш к а р е в, ук. соч., ч. 1, стр. 97—98.

⁴ Сборник Института инженеров путей сообщения, вып. XLVIII, стр. 46.

Петтслаймонский цепной мост и Мизлайсовский замок. Живопись Ф. Кнорре 1824 г.

Неву был закончен в 1850 г. и получил название Благовещенского, так как начинался от Благовещенской площади (ныне площадь Труда). Впоследствии (в 1855 г.) он был переименован в Николаевский¹ (ныне мост лейтенанта Шмидта). Успешное завершение работ по Николаевскому мосту было большой победой русского мостостроения.

Несмотря на увеличение числа мостов в Петербурге, их было все же недостаточно. Наряду с мостами, существовало большое число перевозов. Только на Большой Неве через реку перевозили в 12 местах, кроме того, перевозки были на Малой Неве, Большой Невке и даже на Фонтанке. Все городские перевозки находились в ведении Думы и сдавались ею с торгов. Такса за перевоз по ценам того времени была высокой. За переправу через Большую Неву брали 4 коп. с человека, через навалы — 1 коп.² На окраинах города, где почти не было мостов, перевозки были единственным средством переправы через реки.

Важнейшим видом городского благоустройства было замощение улиц. Порядок замощения не изменился с XVIII в.: улицы мостили жители, каждый против своего дома, а против казенных зданий мостили за счет казны. За исправностью мостовых следила полиция. Указом 1809 г. полиции было строго предписано, чтобы все неисправности мостовых устранялись на другой же день. Однако исполнение это выполнялось плохо.

Мероприятия правительства по замощению тех или иных улиц были связаны с непосредственными интересами царской семьи. Так, в связи с поселением великого князя Михаила Павловича в своем новом Михайловском дворце, Кабинет министров распорядился, чтобы была вымощена неблагоустроенная площадь против этого дворца (ныне площадь Искусств), а по окрестным улицам проложены подземные водопроводные трубы.³ В связи с частыми поездками Николая I на Елагин остров было приказано выпрямить и замостить Каменноостровский проспект (ныне Кировский проспект), и т. д.

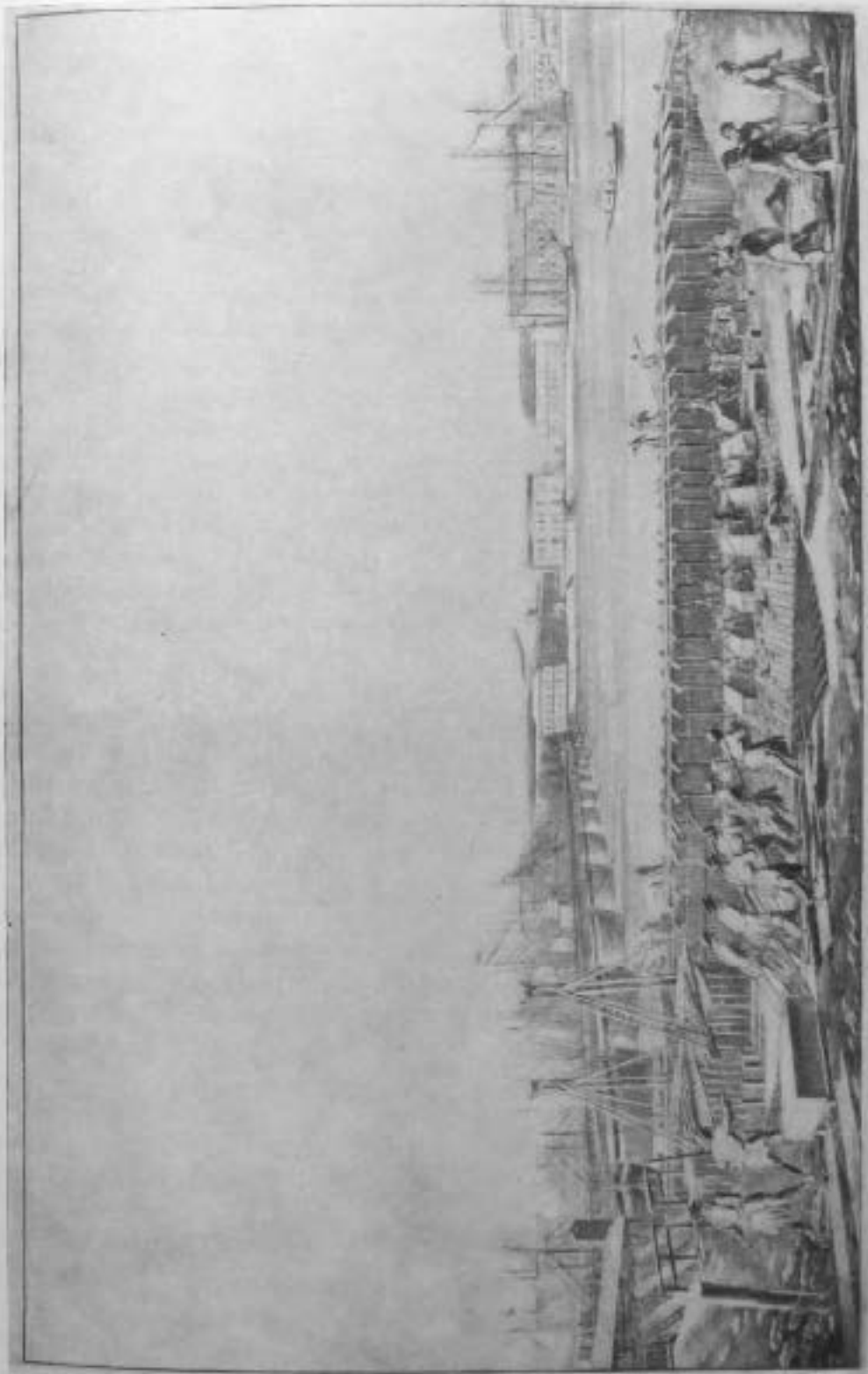
Основным типом замощения была булыжная мостовая, однако на окраинах продолжало практиковаться устройство дешевых деревянных покрытий из доски и бревен — пережиток далекой старины. В XIX в. неоднократно поднимался вопрос о применении усовершенствованных мостовых. Булыжная мостовая была слишком тряская и шумная, хотя и долговечная. Одно время практиковалось устройство поверх этой мостовой специальных деревянных или каменных настилов (нечто вроде широких рельсов), по которым катились колеса экипажей. Однако этот способ не оправдал себя.

В 1832 г. изобретателем Гурьевым был предложен способ устройства мостовых из деревянных шестигранных пашек — торцов. Такая мостовая была настлана на Невском проспекте, а затем и по другим большим улицам города. Мягкость и бес-

¹ Городские поселения в Российской империи, т. VII, стр. 68—70.

² И. Пушкирев, ук. соч., ч. I, стр. 103—104.

³ С. М. Сердонин, ук. соч., т. I, стр. 297.

Постройка березового устоя для Исакиевского моста. Литогр. ф. 30-х годов XIX в.

шумность езды создали торцовой мостовой хорошую репутацию, однако она часто требовала ремонта. Все же правительство продолжало применять торцовую мостовую на важнейших магистралях столицы. В 1839 г. были сделаны опыты устройства асфальтовых мостовых, но вследствие неумения производить хороший асфальт дело было надолго заброшено. Сравнительно малое распространение получили и щебеночные шоссе. Вследствие плохого качества работ шоссе, устроенное на Каменноостровском проспекте, в сырую погоду было грязно, в сухую — пыльно.

В 1853 г. в Петербурге было замощено булыжной мостовой 1 370 772 кв. сажени, торцами 7791 кв. сажень, шоссе 58 565 кв. сажень, досчатой мостовой 251 кв. сажень. По сравнению с 1838 г., т. е. за 15 лет, площадь булыжной мостовой увеличилась почти в $1\frac{1}{2}$ раза (в 1839 г. — 855 454 кв. сажени), а шоссе в 2 раза; наоборот, площадь досчатых покрытий уменьшилась в 5 раз.¹ Большая часть улиц центра города в середине XIX в. была уже замощена. Однако на окраинах картина была другая. Здесь каменная мостовая была редкостью, деревянные покрытия были всегда неисправны и не обеспечивали даже сносной езды по улицам, большинство улиц не имело никакой мостовой. О состоянии улиц Выборгской стороны «Статистические сведения о Санкт-Петербурге» 1836 г. сообщали, что переулки этой части города, «не имеющие мостовой, от грязи делаются непроходимыми, так что, проходя сами местами, трудно поверить, что находишься в столице, славящейся богатством и великолепием».²

Замощение улиц сопровождалось устройством тротуаров. Тротуары из каменных плит появились в Петербурге еще в XVIII в. Но лишь с 1817 г. было приступлено к устройству тротуаров на всех замощенных улицах столицы. Тротуары делались из каменных плит и ограждались со стороны мостовой металлическими тумбами, поставленными на расстоянии 2 сажень друг от друга. В 1832 г. в Петербурге было уже 111 356 погонных сажень тротуаров, через 6 лет, в 1838 г., — 131 722 сажени. Характерно распределение тротуаров по частям города. Если во 2-й Адмиралтейской части было 22 652 сажени тротуаров, то в Выборгской и Петербургской частях их не было совсем,³ и в ненастную погоду люди влезли по колена в грязь.

Примерно такая же картина наблюдалась и с уличным освещением. Число фонарей росло из года в год, однако подавляющее большинство их находилось в центре города, окраины освещались очень слабо. Если в 1849 г. в небольшой по территории 1-й Адмиралтейской части горело 698 фонарей, то всю Выборгскую сторону освещали лишь 112 фонарей, а Охту всего 40. На одну и ту же площадь в центре города фонарей было в 8—9 раз больше, чем на городских окраинах.⁴ Масляные фонари горели тускло и давали слабый свет. Если во времена Петра I

¹ С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство, стр. 158; И. П у ш к а р о в, ук. соч., ч. I, стр. 84.

² Статистические сведения о Санкт-Петербурге, стр. 59—60.

³ А. П. Б а ш у ц к и й, ук. соч., ч. II, стр. 137—138, 192 (табл. II).

⁴ А. Г р а ч, ук. соч., стр. 537.

таков освещение казалось почти сказочным явлением, то в XIX в. масляные фонари уже явно не удовлетворяли потребностям населения, и мысль изобретателей работала над отысканием новых источников света. Таким источником оказался газ.

Первые опыты с освещением газом происходили в Петербурге еще в начале XIX в., однако на практическую ногу дело было поставлено лишь с учреждением в 1835 г. «Общества освещения газом С.-Петербурга», которому была дана привилегия на устройство газового освещения в столице. Газовое общество построило завод на Обводном канале.

В 1839 г. в Петербурге зажглись первые 204 фонаря газового освещения. Они освещали Дворцовую площадь, Невский проспект от Адмиралтейства до Литейного, Миллионную улицу (ныне улица Халтуркина), Большую и Малую Морские (ныне улицы Гоголя и Герцена) и некоторые другие улицы столицы. Газовые фонари по силе света намного превосходили масляные фонари. «Когда проезжаешь вечером по Морской и Невскому проспекту, освещенным газом, душе как-то весело. Лишь только миновал перекресток, где начинается Литейная и Владимирская, как будто свалился в яму — фонари, кажется, показывают только то место, где должно быть освещение», — писал один из современников.¹

Однако новый вид освещения оказался в 5 раз дороже, чем прежний, вследствие чего газовое освещение распространялось медленно и масляные фонари продолжали освещать многие улицы города. В 1849 г. была введена еще одна разновидность освещения: спиртово-скипидарная. Спиртовыми фонарями были освещены проспекты Литейный и Загородный, а также Исаакиевская площадь. Спиртовое освещение оказалось дороже масляного, но намного дешевле газового. Число спиртовых фонарей быстро увеличивалось. В 1858 г. в Петербурге было уже 8494 фонаря, из них газовых 936, масляных 3132, спиртовых 4426 (в 1832 г. всех фонарей было лишь 4133).²

Рост территории города требовал создания городского общественного транспорта. До середины XIX в. единственным видом городского транспорта были извозчики, услугами которых могли пользоваться лишь немногие категории населения. Основная масса жителей столицы вынуждена была ходить пешком, делая подчас большие концы.

В 1847 г. в Петербурге появляются маршрутные общественные кареты, возившие пассажиров от Знаменской площади (ныне площадь Восстания) по Невскому проспекту к Английской набережной (ныне набережная Красного Флота). Маршрут был вскоре удлинен до Тучкова моста. За проезд в один конец брали 10 коп. Кареты имели успех, вскоре появились и другие маршруты. В 1851 г. было уже 4 маршрута, различавшихся между собой по цвету карет: малиновые —

¹ Цитируется по книге: П. Н. Столянский. Петербург. Пгр., 1918, стр. 315.

² Г. Л. Семенович. Уличное освещение города С.-Петербурга. Пгр., 1914, стр. 14—16.

Извозчики. Литография А. О. Орловского 1825 г.

Дегтярная улица—Петроградская сторона, синие — от Бассейной улицы (ныне улица Некрасова) до Покровской площади (ныне площадь Тургенева) и т. д. Движение карет по Гороховой улице (ныне улица Дзержинского) было согласовано с расписанием поездов Царскосельской железной дороги.

Для сообщения с окрестностями столицы существовали дилижансы. Александровские дилижансы за 30 коп. возили от Гостиного двора в село Александровское, Спасские возили до Петергофа и т. д.¹ По стоимости проезда дилижансы и общественные кареты были более доступны населению, чем извозчики, но о массовом пользовании общественным транспортом не могло быть и речи. Он все же был слишком дорог.

Одновременно с появлением маршрутных карет и дилижансов начал работать и другой вид городского общественного транспорта. В 1848 г. было учреждено

¹ А. Г р е ч, ук. соч., стр. 155—156, 193—195, 539.

Вид пожарных (Адмиралтейская часть). Литография 30-х годов XIX в.

«Легкое невское пареходство», которое организовало регулярную перевозку пассажиров от Летнего сада к Островам и прибрежным дачам. Стоимость проезда была установлена в размере 20 коп. серебром. Каждый пареход вмещал до 100 пассажиров.

Из всех отраслей городского хозяйства Петербурга, как и в XVIII в., наибольшее внимание правительства привлекало пожарное дело. Громадные убытки, причиняемые пожарами, заставили царское правительство применять все новые и новые меры по борьбе с пожарами и по их предупреждению. Большим событием для города было учреждение в 1803 г. при полиции постоянной пожарной команды. Пожарная повинность жителей, существовавшая в течение всего XVIII в., была в связи с этим отменена.¹

Городская пожарная команда распределялась по частям города. При каждом съезжем дворе полицейской части было 48 пожарных служителей и 10—12 фурманов (возчиков). Под специально устроенными открытыми аркадами съезжего двора размещался пожарный инвентарь: трубы, бочки, повозки и т. д. На высокой

¹ А. П. Башуцкий, ук. соч., ч. III, стр. 199—200.

каланче (обязательная принадлежность съезжего двора) было установлено постоянное дежурство. В случае пожара вывешивались сигнальные шары. Сигналы указывали в какой части города возник пожар. Пожарная команда выезжала для тушения пожара немедленно после сповещения. Впереди скакал верхом брандмейстер, за ним следовала труба с флагом, далее повозки с людьми и с инструментом, бочки и т. д. Весь этот поезд мчался по улицам под оглушительный треск погремущек, привязанных к сбруе лошадей.

Профессиональная команда действовала гораздо расторопнее, чем прежде жители города, однако при тушении пожаров давало себя знать отсутствие в Петербурге водопровода, вследствие чего воду приходилось подвозить издалека, сказывалась и примитивность пожарной сигнализации. С 1858 г. (с учреждением городского телеграфа) извещения о пожарах стали передаваться по телеграфу, позднее стал применяться и телефон. Но сигнализация шарами отменена не была. Большое значение для пожарного дела имело учреждение в 1812 г. в Петербурге пожарного депо для изготовления и ремонта пожарного инструмента. Техника пожарного дела с годами непрерывно улучшалась.

Из мер по предупреждению пожаров наибольшее значение имели правительственные указы по ограничению в городе деревянного строительства. Территория, на которой не разрешалось строительство деревянных домов, непрерывно увеличивалась. Если в XVIII в. было запрещено строить деревянные здания на Адмиралтейском острове, то к 1854 г. это запрещение распространилось на Литейную часть и всю территорию Московской и Нарвской частей до Обводного канала.¹ Несмотря на все принятые меры, царскому правительству не удалось добиться сильного сокращения числа пожаров в Петербурге. Пожары происходили постоянно.

В 1832 г. огромным пожаром в районе Свечного переулка и Разъезжей улицы было уничтожено 102 каменных и 66 деревянных домов; через 4 года, в 1836 г., сгорел во время представления театр Лемана на Адмиралтейской площади. Несмотря на принятые меры, в огне погибло 126 человек. Мелкие пожары происходили постоянно. В среднем ежегодно было 35—40 пожаров.²

Другим бедствием для жителей Петербурга были наводнения. Самым большим из них было наводнение 7 ноября 1824 г. В этот день вода в заливе, гонимая циклоном огромной силы, поднялась так высоко, что затопила весь город, кроме Литейной, Каретной и Рождественской частей.

Накануне этого дня, как пишет один из современников, «ветер был резок, холоден и дул с чрезвычайной силой. К ночи вода уже значительно поднялась...», а около 10 часов утра «вода брызнула из подземных труб, потом хлынула через гранитные затворы рек и каналов и с смутным шумом широкими волнами полилась по улицам... Люди, застигнутые водою, лежали в окна, на фонари, цеплялись за

¹ Городские поселения в Российской империи, т. VII, СПб., 1864, стр. 86, 97—98.

² А. П. Башуцкий, *уп. соч.*, ч. III, стр. 192—195, 198.

карнизы и балконы домов... лошади тонули в запряжке... На Неве вода кипела как в котле... все мосты были сорваны и разнесены на части, два тяжелые плашкоута сели на гранитный парапет противу Летнего сада... в большую Миллионную через узкий переулок, выходящий на Неву, вдвинуло водой огромную барку, перегородившую улицу...».¹ Лишь в третьем часу дня вода пошла на убыль, а к ночи улицы совершенно освободились от воды. Жертвы и разрушения наводнения были огромны: в городе было разрушено 462 дома, повреждено 3681, погибло 3600 голов скота и т. д. Колоссальные убытки понесла торговля.² После наводнения 1824 г. царским правительством неоднократно обсуждался вопрос о мерах для предотвращения наводнений, однако ничего реального сделано не было.

Очень характерен один факт, показывающий «заботу» правительства о населении. После наводнения решено было переселить жителей постоянно затопляемого Галерного селения на Васильевском острове на другое более высокое место. Но, когда выяснилось, что переселение невозможно без денежной помощи переселенцам, правительство отказалось от своего намерения.

Незаинтересованность царского правительства в удовлетворении потребностей трудового населения ярко проявилась в правительственных мероприятиях в области здравоохранения и общественного призрения. На больницы, аптеки, богадельни и тому подобные учреждения выделялись очень скромные средства. Рост сети лечебных заведений шел в основном за счет благотворительности, а также за счет частного предпринимательства.

Имевшиеся в Петербурге больницы, лечебницы, богадельни, приюты находились в ведении разнообразных учреждений: Приказа общественного призрения, ведомства императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества и др. Деятельность Городской думы в отношении всех этих заведений выражалась лишь в перечислении Приказу общественного призрения весьма ограниченных денежных средств, которые были предусмотрены думской сметой на больницы и богадельни.

В середине XIX в. в Петербурге имелось уже свыше 30 лечебных заведений: больниц, госпиталей, родильных домов и т. д. Среди них было несколько ведомственных госпиталей: два военно-сухопутных, морской, главный придворный госпиталь и целый ряд частных лечебниц. Из числа больниц некоторые свискали себе впоследствии большую известность и существуют до настоящего времени: Обуховская городская больница (ныне Военно-морская медицинская академия), Петропавловская, основанная в 1835 г. (ныне больница им. Эрисмана), «Мариинская больница для бедных», основанная в 1803 г. (ныне больница им. Куйбышева), «Лечебница для приходящих», основанная в 1850 г. (впоследствии Максимилиановская лечебница), и т. д.

¹ А. П. Башуцкий, ук. соч., ч. II, стр. 50—52.

² Там же, стр. 54, 57.

Некоторые больницы были довольно большие, например, в 1838 г. Обуховская больница имела 650 коек, Мариинская — 410, Петропавловская — 250 и т. д. Имелись специальные лечебницы: глазная на Моховой улице, ушная, ортопедическая, детская, сыпная (инфекционная), кожно-венерическая.¹

Несмотря на сравнительно большое число лечебных заведений, трудовое население не могло, как правило, пользоваться их услугами. Не говоря уже о том, что в числе лечебниц было много частных, в которых за лечение взималась большая плата, даже в заведениях казенных и благотворительных освобождение от платы за лечение предоставлялось только «бедным», причем не давалось указания кого причислять к категории «бедных». Очень характерно, что в «больнице для чернорабочих» принимались лишь больные, «внесшие установленный на содержание оных сбор». Очевидно чернорабочие не причислялись к категории «бедных». В старейшей «градской больнице», Обуховской, плата за лечение в 1805 г. была повышена с 4 руб. в месяц до 10 руб.

Лечебное дело в больницах не стояло на должном уровне. Смертность была очень велика. Так, в 1838 г. число умерших составляло: в Обуховской больнице — $\frac{1}{7}$ всех больных, в Петропавловской — $\frac{1}{9}$, в «больнице Марии Магдалины» — $\frac{1}{5}$, в Калинкинской — $\frac{1}{17}$.²

В Петербурге было довольно много аптек: в 1819 г. — 42 (11 казенных и 31 «вольных»),³ в 1849 г. — 51, однако из-за дороговизны лекарств пользование ими для многих было недоступно. В 1808 г., например, лекарства сразу вздорожали на 35%.⁴ По закону население столицы имело право бесплатно лечиться у полицейского врача части. Но это было лишь пожеланием, так как такой врач приходился на десятки тысяч жителей и был к тому же обременен исполнением целого ряда других обязанностей. Пользование частными врачами, число которых в Петербурге в 1849 г. превышало 400 (врачей 387, акушеров 20, зубных врачей 15), обходилось очень дорого. За посещение врачей приходилось платить 1 руб., за каждую лечебную процедуру платить особо. Вследствие всего этого беднейшее население предпочитало лечиться домашними средствами или обращаться к знахарям.

Заведения общественного призрения в XIX в. существовали в основном за счет благотворительности. Некоторые из них были рассчитаны на весьма небольшое число лиц, например «Ивановская богадельня» в Галерном селении — на 25 человек, «Дом призрения бедных» на Васильевском острове — на 70 человек, детские приюты (их в 1849 г. было 18) — на 100—150 человек каждый.⁵

¹ А. Г р е ч, ук. соч., стр. 39, 404; И. П у ш к а р е в, ук. соч., ч. II, СПб., 1839, стр. 353—368.

² И. П у ш к а р е в, ук. соч., ч. II, стр. 360—361.

³ К. Г е р м а н. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819, стр. 311.

⁴ ПСЗ, т. XXXII, № 23019.

⁵ А. Г р е ч, ук. соч., стр. 89—108, 201—203, 208—210, 263; И. П у ш к а р е в, ук. соч., ч. II, стр. 336—350.

Несмотря на то, что число этих заведений по сравнению с XVIII в. несколько увеличилось, оно далеко не соответствовало потребности населения столицы. Содержавшиеся в богадельнях призреваемые попрежнему находились на нищенском пайке. Режим в «благотворительных» учреждениях приближался к тюремному. Продолжал существовать и развивать свою деятельность учрежденный при Екатерине II смирительный дом — орган полицейского воздействия на «опасные» элементы населения. В XIX в. он помещался в Демидовом переулке и в нем находилось «на исправлении» 1977 человек, преимущественно крепостных.

Некоторые успехи городского хозяйства Петербурга в первой половине XIX в., например в строительстве мостов, замощении и освещении улиц, касались, как и ранее, в основном лишь центральной части города. Они еще более усилили тот контраст между благоустройством центра и запущенностью окраин города, который ощущался уже в XVIII в. Все это было естественно и неустранимо в условиях самодержавно-крепостнической империи. Развитие капиталистических отношений лишь усиливало контрасты классовых поясов города.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Крупнейшим событием в общественно-политической жизни России первой четверти XIX в. было восстание декабристов. В. И. Ленин отметил, что оно явилось первым в истории России актом революционного движения против царизма.¹ Вместе с тем оно стало одним из тех событий мировой истории от 1789 до 1871 г., которые, по характеристике В. И. Ленина, составили эпоху буржуазно-демократических движений, эпоху «быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений».²

Восстание декабристов было наиболее ярким выражением разложения феодально-крепостнического строя, начавшегося в России еще во второй половине XVIII в. и на протяжении первой четверти XIX в. все более усиливавшегося. В процессе разложения феодально-крепостнического строя становились все заметнее оппозиционные и революционные элементы внутри дворянства, появление которых относится еще к XVIII в.

Социально-экономические изменения, происходившие в стране, находили свое отражение прежде всего в Петербурге и Москве. Обе столицы несли в своем развитии социально-экономические противоречия эпохи в наиболее концентрированном виде.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 234.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 126.

Из Петербурга правящая аристократическая верхушка дворянства проводила реакционные мероприятия по всей стране, стремясь укрепить феодально-крепостнический строй. Но в Петербурге же зародилось революционное движение и произошла первая попытка революционного переворота, открывшая дворянский период революционного движения в России. Нарастание антикрепостнической борьбы широких народных масс во всей стране, усилившийся в связи с этим протест передового дворянства против самодержавия и крепостничества, изменения в общественном сознании, накапливавшиеся на протяжении XVIII в. и завершившиеся мощным патриотическим подъемом 1812—1814 гг., — все это способствовало быстрому развитию декабристского движения. Петербург стал важнейшим его центром. 14 декабря 1825 г. в нем произошло первое вооруженное выступление. Оно во многом определило дальнейшее развитие революционного движения в России.

* * *

К концу XVIII — началу XIX в. разложение феодально-крепостнической монархии устанавливается с полной ясностью.

В области общественной жизни это находит себе наиболее яркое выражение в усиливающихся крестьянских волнениях. Борьба крестьян против крепостного права разлагает основу феодально-крепостнической монархии. В 90-х годах крестьянское движение дало новую вспышку (особенно сильный размах оно приобрело в 1797 г.). Революционный призыв Радищева нашел отклик среди передовых людей дворянской России, и это делало внутреннее положение крепостнического государства особенно напряженным.

Феодально-крепостническому строю во всей Европе в самом конце XVIII в. был нанесен тяжелый удар — в 1789 г. во Франции началась революция, влияние которой потрясло уже сильно расшатанные основы господства крепостников во всех крупных европейских странах. Контрреволюционные мероприятия правительств Екатерины и Павла во внутренней и внешней политике свидетельствовали о серьезной тревоге и в рядах российских крепостников. С другой стороны, некоторая часть передового дворянства отнеслась с полным сочувствием к падению абсолютизма во Франции. Французская революция оказала свое влияние на обострение борьбы передовых общественных сил России против крепостничества и самодержавия.

Положение феодально-крепостнического государства в последние годы XVIII в. осложнилось вследствие короткого, но надолго запомнившегося пребывания на престоле Павла. При Павле престиж российского самодержавия резко упал в глазах русского общества и даже в среде наиболее близких к самодержавию дворянских кругов.

Павел шел по стопам Екатерины II, охраняя классовые интересы дворянства с такой же последовательностью, как и его предшественница. Крестьян он

раздавал помещикам с щедростью, превосходившей щедрость Екатерины. Крестьянские волнения подавлял не менее жестоко, чем это делали другие русские цари. Французская революция встретила в нем врага столь же непримиримого, каким была Екатерина.

Но в установленном Павлом режиме были некоторые такие черты, которые делают его царствование отличным от царствования Екатерины II.

Павел давно проникся глубоким убеждением, что только еще большее усиление власти самодержца является единственным средством спасения крепостнического государства перед лицом тревожных событий внутри страны и за ее пределами. Исходя из этой мысли, он предпринял реорганизацию государственного аппарата с целью большей его централизации и установления в силу этого еще большей зависимости всех его подданных от верховной власти. С этой же целью он ограничил дворянское самоуправление. Он не желал считаться даже с дворянскими привилегиями, ставшими уже традицией. Видя в себе ничем и никак неограниченного распорядителя судеб всех своих подданных, он не останавливался перед грубо оскорбительными выходками по отношению к представителям «первенствующего сословия».

Система управления, введенная Павлом, распространялась на всю страну. Но, конечно, наиболее последовательно она проводилась в Петербурге, где уклонения от нее нередко подмечались царем и пресекались быстро и беспощадно. Жизнь Петербурга во время четырехлетнего правления Павла напоминала жизнь огромной казармы. Распорядок не только служебного, но и домашнего дня петербуржцев был установлен точный, и отступать от него никто не мог. Жители Петербурга были обязаны ложиться спать и вставать в определенное время, на улице появляться только в установленной одежде, при встрече с императором соблюдать особый церемониал, красить дома по установленному образцу, танцевать только разрешенные танцы, в разговорах и письменных сношениях употреблять только дозволенные слова и т. д., и т. д. Вся жизнь петербуржцев, в том числе и дворянского населения, подчинялась множеству мелочных полицейских предписаний, за несоблюдение которых беспощадный царь взыскивал строго. Сильный протест возбуждала страсть Павла к мелочам военной службы. Введенные им в моду военные разводы, неукоснительно совершавшиеся ежедневно, причиняли солдатам и офицерам петербургского гарнизона настоящие страдания. Малейший беспорядок или ошибка в соблюдении нового военного устава, рабски списанного с прусского, выводили раздражительного императора из себя, и на виновных обрушивались ругательства, побои, палки, они подвергались разжалованиям, исключениям из службы и т. д.

Введением прусских порядков Павел восстановил против себя лучшую часть русской армии. Резко осуждал новые порядки, введенные Павлом, великий полководец А. В. Суворов. За нежелание мириться с ними он был отставлен и сослан. Павел вынужден был вернуть его из ссылки, когда русские вооруженные силы

приняли участие в той борьбе против Франции, которая велась почти всеми государствами Европы со времени Французской революции. Знаменитые походы Ф. Ф. Ушакова в Ионическое море и А. В. Суворова в Италию и Швейцарию принесли славу русским солдатам и матросам. Но Павел посягнул и на эту славу, снова обрушившись гневом на Суворова после возвращения его из Швейцарского похода в Петербург. 6 мая 1800 г. Суворова не стало. Похороны его на кладбище Александро-Невской лавры явились, наперекор Павлу, выражением любви к Суворову широких народных масс, провожавших в последний путь великого полководца.

Ненависть Павла ко всякому проявлению свободолюбия, его смертельная боязнь французской «заразы», неумолимо проводимый им казарменный режим не допускали того, чтобы кто-либо мог осмелиться выступить с пропагандой идей, хотя бы в малейшей степени несогласных с «видами правительства». В Россию был запрещен ввоз всех иностранных книг. Цензура жестоко преследовала всякое «вольномыслие» в отечественных изданиях. Все же до конца убить проявление критики существующих порядков даже павловский режим не мог. В «Санкт-Петербургском журнале», издававшемся в течение 1797 г. в Петербурге, печатались статьи по философским, экономическим, педагогическим вопросам. Издавал «Санкт-Петербургский журнал» А. Ф. Бестужев, ближайшим сотрудником которого был И. П. Пнин. Трактат Бестужева о воспитании занимал виднейшее место в материале журнала. Этот трактат был направлен против дворянских привилегий, против дворянского «благородства». Бестужев защищал идеи равенства положения в обществе всех просвещенных и нравственно, а не по крови, благородных людей, независимо от их социального происхождения. В статьях и заметках, печатавшихся в журнале, затрагивались столь общественно-важные темы, как права и обязанности гражданина (а не подданных), любовь к отечеству, свобода печатного слова, необходимость широкого распространения просвещения и др. Много внимания уделял журнал переводам французских философов-материалистов. Особенной симпатией издателей журнала пользовался Гольбах. Пропаганда материалистической философии и общее радикальное направление «Санкт-Петербургского журнала» сделали его одним из видных органов просветительной политической мысли.

Против павловского режима выступало не только передовое дворянство. Отношения Павла со всем, а особенно с петербургским дворянством ухудшались с каждым месяцем пребывания его на престоле. Условия, при которых мог сложиться заговор против царя, были как нельзя более благоприятными. Среди офицеров гвардии началась подготовка к очередному дворцовому перевороту. Во главе заговорщиков стояли петербургский военный губернатор гр. П. А. Пален и вице-канцлер гр. Н. П. Панин. В заговор был посвящен наследник престола Александр, без ведома и согласия которого замыслу заговорщиков грозил провал.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики проникли в Михайловский замок. Когда Павел узнал, что они хотят его отречения от престола, он

запротестовал. Раздражение против него было так велико, что достаточно было этого повода, чтобы заговорщики набросились на царя. В свалке Павел был убит.

Современники рассказывают о том, как население Петербурга отнеслось к смерти Павла. Весть о том, что внушавший непреодолимый ужас деспот бездыханным трупом лежит в одной из комнат Михайловского замка, мгновенно распространилась по городу. С ребяческим восторгом дворянское население столицы сбросило с себя форменную одежду, ношение которой стало при Павле обязательным, и нарядилось во фраки, круглые шляпы и сапоги с отворотами. Экипажи с французской и немецкой упряжкой исчезли, появилась вновь русская упряжь. Крики вновь появившихся фореиторов оглашали центральные улицы Петербурга и звучали, как приветствие дворянского населения Петербурга новому императору. Столичные обыватели радовались тому, что они теперь могут не выходить из экипажей при встрече с императором для приветствия его поясным поклоном, как этого требовал Павел, что теперь не надо завешивать по ночам окна, чтобы скрыть огни, освещающие происходившие в дворянских особняках танцы или картежную игру.

Через несколько часов после убийства Павла новый царь Александр покинул Михайловский замок и переехал в Зимний дворец. В ту же ночь был составлен манифест о вступлении Александра на престол. Обещание в манифесте царствовать «по законам и по сердцу» Екатерины II означало публичное отречение от политики Павла и возвращение к екатерининским временам. В какую форму выльется это намерение Александра, ни он сам, ни его окружающие еще не знали.

Современники подробно рассказывают о том, как дворянские круги столицы встретили приход к власти Александра. Но они ничего не сообщают о радости по поводу смены царствования солдат, дворовых, оброчных крестьян, вольных работных людей и других групп народа, находившихся в Петербурге. Этим людям радоваться было нечему: в их положении не произошло и не могло произойти никаких перемен. Они были фактическими подданными не царя, а своих господ, отнюдь не собиравшихся эксплуатировать их меньше только потому, что на русском престоле вместо Павла I оказался Александр I. Поэтому-то так безразлична была их реакция на переворот 11 марта, сколько можно судить по записям мемуаристов, подробно рассказывающих о том, что происходило в Петербурге в первые дни нового царствования. В этом отношении очень показателен рассказ Н. А. Саблукова. Он пишет, что солдаты Конногвардейского полка не захотели верить смерти Павла, пока им не покажут труп императора. Когда это требование было удовлетворено, Саблуков обратился к одному из солдат с вопросом, видел ли он мертвого царя и будет ли теперь присягать Александру, и получил утвердительный ответ. «Хотя лучше покойного ему не быть... А, впрочем, все одно, кто ни поп, тот и батька», — добавил спрашиваемый.¹

¹ Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1908, стр. 85.

Радость, с которой было встречено в дворянских кругах Петербурга вступление на престол Александра I, объяснялась не только смягчением полицейских стеснений, введенных Павлом. Среди дворянского населения столицы существовала группа либерально настроенных людей, которые ожидали от нового царя изменения самой формы государственного правления. Либерально-дворянская оппозиция, заявлявшая о своем существовании еще в екатерининские времена и в годы царствования Павла примолкшая, задавленная беспощадным полицейским режимом, снова оживилась. От нового царя она ожидала реформ, которые могли бы смягчить остроту социальных противоречий, создававшуюся в самодержавно-крепостническом государстве.

Мысль о том, что деспотическое самовластие должно уступить место такой монархии, при которой воля царя будет ограничена им же самим изданными законами, получила распространение в дворянских либеральных кругах еще в XVIII в. Только что минувшее царствование делало ее остро злободневной. Так, В. Н. Каразин еще в марте 1801 г. подал царю обширную записку, в которой предлагал ему созвать «представителей народа» для выслушивания их мнений.¹ Один из наблюдателей жизни дворянского Петербурга адъютант фельдмаршала князь Н. В. Репнина Ф. П. Лубяновский рассказывает в своих воспоминаниях, как «вслух развивались такие идеи, которые, может быть, и до того были не совсем чужды у нас, но были безгласны и безсловесны...». Лубяновский постоянно слышал речи о «необходимости общего преобразования, о конституции» и т. д.²

Петербургская печать с первых же месяцев нового царствования уделяла много внимания социально-политическим вопросам. Нередко в журналах первых лет XIX в. целые статьи были написаны на социально-политические темы, а некоторые журналы и не помещали на своих страницах никакого иного материала. Таким был, например, «Санкт-Петербургский журнал» (1804—1809). Журнал издавался Министерством внутренних дел и в первое время держался только подпольной — лишнее свидетельство в пользу того интереса, который проявляли дворянские, в первую очередь петербургские, круги к вопросам политики.

Дворянско-либерального направления держался издававшийся в 1804 и 1805 гг. в Петербурге журнал «Северный вестник», руководимый П. И. Мартыновым. «Северный вестник» помещал статьи, в которых содержались нападки на дворянский аристократизм, на религиозный фанатизм.

В одной из статей (Н. Н. Муравьева), напечатанной в «Северном вестнике» в 1805 г., говорилось, правда в завуалированной форме, о необходимости смягчения крепостного права, о равенстве всех перед законом, о мерах к увеличению числа людей «среднего состояния». В 1805 г. «Северный вестник» напечатал главу «Клим» из «Путешествия» Радищева, конечно, без имени автора.

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1897, стр. 324—330.

² Ф. П. Лубяновский. Воспоминания, 1777—1834. М., 1872, стр. 209—210.

Одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед дворянской общественностью всей страны, в том числе Петербурга, был вопрос о крепостном праве. Чем заметнее становился процесс разложения феодального строя, тем большую остроту приобретал этот вопрос. В начале александровского царствования разрешенная крестьянская проблема интересовали люди, принадлежавшие к различным группам дворянской общественности. О возрастании интереса к этому вопросу может свидетельствовать возобновление Вольным экономическим обществом после длительного перерыва конкурсных задач на крестьянские темы. В 1809 г. Вольным экономическим обществом была объявлена задача о сравнительной выгодности для помещиков и крестьян барщинного и оброчного труда. В 1812 г. вопрос был поставлен еще резче, задача Вольного экономического общества была сформулирована в таких словах: «...предлагается и разрешению определить по точным выкладкам доброты и цены работ, что выгоднее для хозяина, обрабатывать ли землю частными (вольновластными) людьми, где их найти можно, или собственными крестьянами».¹ Из 14 сочинений, представленных на конкурс, в 7 отдавалось предпочтение вольновластному труду. Конечно, вопрос этот решался в плане крайне умеренного либерализма.

Более радикальных убеждений придерживался тот кружок молодых писателей и поэтов, который составил ядро возникшего в 1801 г. в Петербурге Вольного общества любителей словесности, науки и художеств. Организаторами этого общества были молодые люди, окончившие гимназию при Академии Наук: И. М. Борн, В. В. Попугаев, В. В. Дмитриев, В. И. Красовский и др. Борну и Попугаеву принадлежала первая мысль о создании содружества. Вольное общество вскоре приобрело известность в литературных кругах столицы, и ряды его пополнялись все новыми и новыми людьми. Петербургские жители избирались в действительные члены, иногородние — в члены-корреспонденты. Постепенно в состав Вольного общества вошли такие выдающиеся люди, как И. П. Пнин, А. X. Востоков, А. Н. Радищев, К. И. Батюшков. Заседания Общества проходили еженедельно в квартире Борна в здании немецкого училища св. Петра на Невском проспекте.

За весь свыше чем десятилетний период своего существования Вольное общество не всегда стояло на одних и тех же позициях: оно становилось все более и более консервативным. Но на первом этапе своей деятельности оно представляло собой общественно-литературную организацию, в которой руководящая роль принадлежала наиболее радикально настроенным ее членам. В «Периодическом издании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» печатались, например, статьи Попугаева с горячим протестом против рабства во всех его видах и проявлениях. Попугаев обрушивался на дворянское чванство, на стремление определить место человека в обществе в зависимости от его происхождения,

¹ В. И. Семеновский. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 346.

тогда как только заслуга должна приниматься при этом во внимание. В ненапечатанном «Опыте о благоденствии народных обществ» Попугаев выступал против деспотизма, от ига которого «и по сие еще время народы часто страждут», против крепостного права. «Первое, что могут и должны сделать народы, — писал Попугаев, — ...есть освободить землепашцев от бремени, их гнетущего».¹

В. В. Попугаев был одним из наиболее активных членов Вольного общества (он занимал пост секретаря, но и после оставления этой должности продолжал принимать самое близкое участие в делах Общества). Сын живописца шпалерной мануфактуры, он после окончания академической гимназии занимался педагогической деятельностью, преподавая русский язык и литературу в школе св. Петра. В 1802 г. он поступил в Комиссию составления законов, где служил в течение девяти лет и был уволен оттуда по причинам, которые остаются неизвестными. Последние годы своей жизни (умер в 1816 г. в возрасте 37 лет) он служил в Экспедиции путей сообщения. Служба для этого петербургского чиновника являлась лишь средством заработка. Научно-публицистические интересы владели им целиком. Он очень много писал, но в печати его сочинений появлялось мало: можно безошибочно предположить, что виной этому были цензурные препятствия — недаром в 1804 г. в Главное правление училищ им была подана записка, в которой он доказывал необходимость освобождения печати от всякого рода цензуры. Большинство сочинений Попугаева до нас не дошло и о них можно судить только по заглавиям: «О твердости законов», «О монархии», «О просвещении управляющих», «О равновесии обитателей города и землепашцев», «Об участи земледельцев» и многие другие. Как видно из этого перечня, внимание Попугаева было устремлено на разработку социально-политических вопросов. Публицистом он оставался и в своих стихотворениях.

Радикальные взгляды Попугаева не встречали сочувствия со стороны либерального большинства членов Вольного общества. Против него развернулась борьба, в результате которой он был из Общества исключен.

Такова была судьба этого одного из самых примечательных членов Вольного общества. Радищевская традиция жила в произведениях Попугаева, имеющего более чем кто-либо другой из членов Вольного общества право называться «радищевцем».

Единомысленником Попугаева в Вольном обществе выступал Бери, скоро, впрочем, отошедший как от самого Попугаева, так и от Общества в целом. Лучше всего характеризует политическую идеологию Бери его произведение «На смерть Радищева», написанное наполовину стихами, наполовину прозой. «Друзья, — писал Бери, — посвятим слезу сердечную памяти Радищева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало сзреть всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности; жаждало видеть мудрость, воссевшую на троне

¹ Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. ГИХЛ, 1950, стр. 298.

всемирном. Он зрел лишь слабость и невежество, обман под личиной святости — и сошел во гроб; он родился быть просветителем, жил в утеснении — и сошел во гроб. В сердцах благодарных патриотов да соорудится ему памятник достойный его». ¹ Конечно, Борну далеко до Радищева во всех отношениях. Но признание им заслуг Радищева перед Родиной, указание на то, что он видел лишь «слабость и невежество», что он жил «в утеснении», говорит о сочувствии Борна к антикрепостнической деятельности Радищева.

Виднейшее положение в Вольном обществе занимал И. П. Пнин. Хотя он и редко посещал заседания Общества, но пользовался среди его членов настолько большим авторитетом, что в 1805 г. был избран президентом. Через два месяца после своего избрания Пнин умер в 32-летнем возрасте. На двух заседаниях Вольного общества, посвященных его памяти, было произнесено много речей, проникнутых большой симпатией к нему. Члены Общества постановили соорудить на его могиле памятник с надписью «Пнину — друзья». И. И. Терехнев — скульптор и художник, прославившийся впоследствии своими карикатурами на Наполеона (он тоже был членом Вольного общества), — изготовил эскиз памятника и отдал бюст Пнина. Могила Пнина не сохранилась.

Творческое наследие Пнина невелико: несколько стихотворений, публицистических статей и «Опыт о просвещении относительно к России» — вот все, что осталось от Пнина. Но произведения его проникнуты общим духом — они заключают в себе протест против крепостного права, произвола, насилия, против лицемерия дворянского общества. Пнин ратует за освобождение человеческой личности от оков, налагаемых на нее и самодержавно-крепостническим государством и дворянским обществом. В стихотворениях Пнина этот мотив звучит постоянно. Такой была, например, его «Ода на правосудие», получившая широкую известность. В ней содержался призыв к борьбе за господство закона, правды и справедливости. В стихотворении «Царь и придворный» проводилась утопическая мысль, что власть монарха должна основываться на поддержке народа. Монархию, лишённую этого основания, Пнин отказывался признавать.

Самым значительным произведением Пнина был «Опыт о просвещении относительно к России». В нем Пнин высказал несколько таких мыслей по крестьянскому вопросу, которые позволяют отнести его книгу к значительнейшим явлениям в антикрепостнической литературе начала XIX в. По мнению Пнина, уверенность гражданина в своей безопасности и в неприкосновенности его собственности является стимулом его деятельности в любой отрасли и служит источником благосостояния государства. Исходя из этого положения, Пнин рассматривает вопрос о крестьянской собственности в России. Пнин резко и горячо говорит о несправедливости закрепощенного крестьянина, находящегося в неограниченной зависимости от

¹ Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Редакция и комментарии Вл. Орлова, 1935, стр. 245.

помещика. Русские крестьяне являются фактически рабами, помещики поступают с ними иногда хуже чем со скотом.

В этих выпадах относительно крепостного права, справедливо отождествляемого Пниным с рабством, кроется все значение его книги. В своем разоблачении сущности крепостничества он не накидывает никаких стыдливых одежд на этот институт, называя вещи их настоящими именами. Ему, правда, далеко до радищевской силы негодования и радищевской ненависти; еще далек он от понимания необходимости революционной борьбы. Он считает, что важнейшей задачей законодателя является установление норм, определяющих крестьянскую собственность и гарантирующих ее неприкосновенность, и рассматривает закон о волености хлебопашцев как первое из правительственных мероприятий, направленных к этой цели.

Попугаев, Борн, Пнин являлись представителями русского просветительства. Это течение общественно-политической мысли возникло в XVIII в. под воздействием борьбы крестьянских масс, в защите интересов которых просветители видели свою задачу. В отличие от либерального дворянства, а тем более от правительственных или близких к правительству кругов, просветители вовсе не ставили своей целью отстаивание помещичьих интересов. Они не видели нужды в лицемерном прикрытии либеральными фразами классовой корысти помещиков, так как не на защиту ее они становились. Напротив, они искренне желали облегчения участи закрепощенного народа. Они начинали сознавать, что гармоническое сочетание интересов народа и помещиков невозможно. Поэтому они и не останавливались перед необходимостью ущемления некоторых экономических и политических привилегий дворянства. Борьба русских просветителей против этих привилегий делала их более решительными противниками феодально-абсолютистского строя по сравнению с французским просветительством перед революцией 1789 г. Точно так же с большой страстностью и непримиримостью они ратовали за просвещение народных масс, смелее обличали социальные пороки и острее чувствовали свою кровную связь с родной землей.

Но русские просветители как в XVIII, так и в XIX в. все же не шли на полный разрыв с дворянами-крепостниками, как это сделал Радищев, а после — многие из декабристов. Они апеллировали к царю и «просвещенному» правительству, от них ожидая «справедливого» решения крестьянского и других волновавших их вопросов. Понимание непримиримости интересов самодержавия и народа у них еще не созрело. Несмотря на идейную близость к Радищеву, в области критики крепостничества они не могли подняться до сознания необходимости революционной борьбы с самодержавием. В этом основное их отличие от революционера Радищева. Только Попугаева, как уже было сказано, можно считать продолжателем радищевской традиции, хотя он и оставался чужд революционному пафосу Радищева. С великим русским революционером его роднят явно выраженные республиканские симпатии.

Единственный представитель революционной мысли в кругах дворянской интеллигенции рассматриваемого периода Радищев до 1801 г. жил в своем имении под Москвой под строгим полицейским надзором. По распоряжению Александра I, начинавшего свое царствование с «заигрывания» с либерализмом, он был восстановлен в правах и приехал в Петербург. Здесь он получил назначение в Комиссию составления законов. В Петербурге он переменял несколько квартир, пока не поселился в доме купеческой жены Лавровой в Смоленском полку — теперь на месте этого дома стоит дом № 15 по Можайской улице. Это была последняя квартира Радищева — здесь он в ночь с 11 на 12 сентября 1802 г. умер.¹

О последнем годе жизни Радищева мы располагаем скудными сведениями, сообщенными его сыном П. А. Радищевым. Он деятельно работал в Комиссии, занятый составлением нескольких проектов, имевших важное политическое значение. Жизнь вел он, сколько можно судить по свидетельству сына, уединенную. Из числа лиц, посещавших его, П. А. Радищев называет только четырех: В. Н. Каразина, с которым у Радищева взгляды не сошлись, неких Бородавичина и Брежинского, а также Пина. О последних трех П. А. Радищев говорит, что они слушали его отца с восторгом. «Хотя он и был не совсем красноречив, — добавляет П. А. Радищев, — но все, что он говорил, было хорошо обдуманно. Его разговоры стояли профессорских лекций».² В беседах с председателем Комиссии составления законов гр. П. В. Завадовским и с другими Радищев, по свидетельству П. А. Радищева, «обнаруживал образ мыслей республиканский». Завадовский намекнул ему однажды, что его «восторженные идеи об этом предмете» раз уже вызвали его преследование, и дал понять, что он вновь подвергает себя опасности. Эта угроза сильно подействовала на Радищева, находившегося в угнетенном моральном и физическом состоянии. 11 сентября утром он принял яд и к ночи скончался в жестоких мучениях. «И светила небесные не затмились, и земля не тряслась» — такими словами заканчивает П. А. Радищев описание смерти своего отца.³ Похоронили Радищева на Волковом кладбище, могила его не сохранилась.

Радищев сохранил верность своим взглядам, даже работая в одном из учреждений александровского правительства. В особом мнении о ценах за неумышленно убитых крестьян он выступил против решения Комиссии выплачивать помещикам вознаграждение за неумышленно убитых крестьян. Он писал, что цена крови не может быть исчисляема деньгами. Кроме того, если уже вознаграждать кого-либо, то никак не помещика, а семью крестьянина, потерявшего работника. В записке «О законоположении» Радищев высказывается за равенство всех перед законом, «в действии неминуемом, и изречениях неумолимом».

В «Проекте для разделения уложения российского» Радищев выступает сторонником гуманной карательной политики, ибо всякое наказание может пресле-

¹ А. И. Ульяновский. Радищев в Петербурге. Л., 1939.

² В. П. Семеновиков. Радищев. Очерки и исследования. М.—Игр., 1923, стр. 239.

³ Там же, стр. 234, 235.

довать цель только исправления преступника или предупреждения преступления. В том разделе своего проекта, где говорится о государственных законах, он подчеркивает, что государственные законы устанавливают обязанности государя и права народа. Последние состоят в «свободе мысли, слова, деяния, в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, в праве собственности и быть судимыми себе равными». Великий закон, по мнению Радищева, должен опираться на «общее мнение» — эту «твердейшую опору всех человеческих постановлений». Иными словами, закон может иметь силу лишь в том случае, когда он создан в результате воздействия на законодателя общественного мнения.

В «Проекте гражданского уложения» Радищев дает чрезвычайно подробную разработку вопроса о собственности. Обращает на себя внимание рассуждение об объекте собственности. Людей Радищев исключал из числа объектов собственности, и в то же время при определении субъекта собственности он не исключал крестьян из числа собственников.¹

Все эти мысли свидетельствуют о том, что Радищев не изменил своим основным принципам, что интересам народа он продолжал служить попрежнему. Но все же это были мысли человека, пишущего проекты и записки для государственного учреждения, а потому скованного в свободном высказывании своих взглядов. За сухими строками положений, разработанных по всем правилам юридической науки, стояло живое лицо создателя «Путешествия из Петербурга в Москву», демократа и революционера. Было бы трудно воссоздать истинный образ Радищева в период его службы в Комиссии составления законов, если бы он не оставил своего последнего поэтического произведения, в котором он мог говорить, не оглядываясь на своих либеральствующих начальников, поддерживающих столь же либеральствующего царя. Незадолго до смерти Радищев начал писать «Песнь историческую», в которой он задался целью в стихотворной форме рассказать о борьбе с тиранией во всемирной истории. Говоря о гибели Тиверия, он писал, что и казнь лютого тирана не спасет людей от бедствий: «Вождь падет, лицо сменится, но ярем, ярем пребудет». На смену убитого тирана придет новый. Он «будет благ и будет кроток. Но надолго ль? На мгновенье! А потом он, усугубя ярость лютой и злобы, он изрыгнет ад всем в души».² Слишком прозрачен заключенный в этих словах намек на Павла и Александра, чтобы его нельзя было не понять. Самоубийство Радищева и явилось актом, изобличающим лживость и лицемерие тирана, надевшего на себя маску преобразователя. Перед смертью он, по словам сына, сказал: «Потомство за меня отомстит».³

Эти слова свидетельствуют о том, что Радищев ясно понимал значение совершенного им дела. Он знал, что оно не пропадет, что будут в России люди, которые

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 145—243.

² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 108.

³ В. П. Семеновиков, ук. соч., стр. 235.

продолжат начатое им. Ближайшее будущее подтвердило это предвидение. Радищевская традиция была продолжена последующими поколениями русских революционеров. Декабристов и Герцена, Чернышевского и Добролюбова вдохновлял пример самоотверженной борьбы великого революционера за освобождение народа. И в последующее время не уменьшилось значение подвига Радищева. Им гордился и гордится рабочий класс России, им ныне гордится весь советский народ.

* * *

Как было уже сказано, Александр I в первое время после своего прихода к власти проявлял гибкость и осторожность. Методы открытого подавления всякого освободительного движения, в каких бы робких формах оно ни проявлялось, ему пришлось отбросить и перейти к политике «заигрывания» с либерализмом. Эта политика имела в глазах правительства Александра I то преимущество, что, ничего не меняя по существу, она создавала видимость преобразований и потому могла несколько ослабить создавшееся напряжение.

Намерение царя приступить к некоторым социально-экономическим реформам поддерживалось и многими лицами, принадлежавшими к правительственным кругам. Они выступали с проектами преобразований, далеко не всегда совпадавшими друг с другом по своей программе. Старые екатерининские вельможи братья А. Р. и С. Р. Воронцовы видели средство исправления всех зол в возвышении политического влияния дворянской аристократии. Более глубокое понимание задач момента обнаружил М. М. Сперанский, с первых же лет александровского царствования занявший видное положение в среде лиц, окружавших царя. В своих проектах 1802 и 1803 гг. Сперанский говорил о необходимости законодательного урегулирования взаимоотношений между крестьянами и помещиками, настаивал на создании такой конституции, при которой верховная власть будет подчинена закону, требовал распространения просвещения, считая его недостаток одной из главных причин отсталости России. Все эти меры он считал необходимыми для избежания революционного переворота.

Много разговоров вокруг вопроса о реформах велось в так называемом Негласном комитете. Этот Комитет состоял из гр. П. А. Строганова, гр. В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, кн. А. А. Чарторижского и самого Александра I. Он носил неофициальный характер, почему и назывался Негласным, или неофициальным, комитетом. Непосредственную связь с членами Негласного комитета имели такие лица, как гр. Н. С. Мордвинов, гр. П. В. Завадовский, Д. П. Троицкий и ряд других. Они привлекались Александром I в качестве консультантов. Дважды в неделю в одной из комнат Зимнего дворца собирались члены Негласного комитета и вели долгие и нудные, сколько можно судить по протоколам заседаний Комитета, разговоры о реформах.

Результаты деятельности не только Негласного комитета, но и других, в числе официальных правительственных органов, были незначительны. Реформа

не пошли дальше учреждения министерств, внесения небольших изменений в организацию Сената, облегчения цензурных строгостей и некоторого расширения сети просвещения. Закон о вольных хлебопашцах, по которому помещики получали право освобождать своих крестьян целыми селениями, применения почти не получил. Эти мероприятия не имели сколько-нибудь важного значения в жизни самодержавно-крепостнического государства. Народные волнения не достигли тогда такого размаха, чтобы правительство покончило с колебаниями в вопросе о реформах. Хотя осуществленные в эти годы реформы до некоторой степени облегчали возможность развития буржуазных отношений и купцы, например, получили право владеть ненаселенными землями, основа феодально-крепостнического строя оставалась неизменной.

* * *

После расторжения в 1803 г. договора между Англией и Францией, заключенного в Амьене, отношения России и Франции начали быстро ухудшаться. Агрессивные намерения Наполеона определились с полной отчетливостью; зрела грозная опасность для независимости всех европейских стран. Опасность эта казалась тем большей, что в представлении правящих кругов России Наполеон еще оставался якобы представителем революционного начала. Испуганное воображение русского крепостника не давало ему возможности разобраться в том, что за время своей диктатуры, продолжавшейся уже четыре года, первый консул, не сегодня-завтра готовый объявить себя императором, прочно забыл о своих якобинских увлечениях.

Страх русских крепостников перед мнимой революционностью Наполеона хорошо характеризуется докладом А. Р. Воронцова Александру I в ноябре 1803 г. Воронцов писал, что если Наполеон завоеует Турцию и установит в ней республику, то французы будут из смежных с Россией областей распространять «плевели развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны».¹

Признаком ухудшения русско-французских отношений послужила та демонстрация, которую устроила петербургская аристократия после получения известия о расправе, учиненной Наполеоном над герцогом Ангвинским.² При дворе был объявлен траур по герцогу, и Александр громко говорил о необходимости разрыва с Наполеоном. Разрыв произошел в мае 1804 г. Однако война началась только через год с лишним.

Первая война с Наполеоном закончилась по вине Александра I, отстранившего на время от командования Кутузова, Аустерлицким поражением (1805 г.). Оно произвело тяжелое впечатление на широкие круги русского общества.

¹ Сборник РГО, т. 77, 1894, стр. 410.

² Член династии Бурбонов герцог Ангвинский был в марте 1804 г. расстрелян Наполеоном в ответ на неудавшийся заговор роялистов, хотя герцог участия в заговоре не принимал.

Когда в Петербурге было получено известие о начале второй войны с Наполеоном в 1806 г., все ожидали реванша за Аустерлиц. Но надежды эти не сбылись. Бездействие главнокомандующего армией Беннгсена, ставленника Александра I, снова привело русскую армию к поражению под Фридландом, после которого был заключен Тильзитский мир (1807 г.), принесший различным кругам русского общества разочарование еще более горькое. Тильзитский мир и официально объявленный после него русско-французский союз вызвал широкое недовольство.

Все, от знатного царедворца до малограмотного писца, как говорит Вигель, роптали.¹ В этих словах много правды: экономические невыгоды Тильзитского мира задевали относительно широкие круги, а дворянству и купечеству из-за присоединения России к континентальной блокаде они наносили серьезный ущерб. Военные круги, тяжело переживая поражение России, требовали реванша. В Петербурге антифранцузские настроения проявились особенно ярко.

Возмущение царило среди гвардейской молодежи Петербурга. Вспоминая на склоне своих лет о том времени, декабрист С. Г. Волконский писал: «Одним я теперь горжусь былым временем — это общий порыв молодежи всех слоев, желание отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридландом».²

Атмосфера в Петербурге накалялась. Очень многие считали виновником позора, пережитого Россией в Тильзите, Александра I. На него обрушился гнев общественного мнения. Представитель Наполеона сообщал в Париж о возможности заговора против царя. О том же писал в Стокгольм и шведский посол в Петербурге.³

Некоторые представители петербургского дворянства не ограничивались одними салонными сплетнями, а решались действовать. Они отважились на единственный, с их точки зрения, возможный шаг, чтобы предотвратить катастрофу, — непосредственное обращение к царю. С записками к Александру I обращались А. А. Чарторижский, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, сенатор П. Г. Дивов, Ф. В. Ростопчин, некоторые анонимные авторы, принадлежавшие к тому же кругу богатого и знатного дворянства. Они обращали внимание царя на опасные последствия франко-русского союза, на запутанность внутреннего положения, на неотлагательную необходимость некоторых реформ и предлагали различные способы исправления видимого ими зла.⁴

¹ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. III, М., 1892, стр. 3.

² Записки С. Г. Волконского (декабриста). СПб., 1902, стр. 61.

³ Сборник РИО, т. 83, 1893, стр. 262; *Mémoires posthumes du feld-maréchal comte Stedingk...*, t. II, Paris, 1845, стр. 150—151.

⁴ Записка трех товарищей министров императору Александру I. Русская старина, 1894, № 8, стр. 212—216; Записка князя А. А. Чарторижского, поданная имп. Александру I, от 26 июля 1808 г., сб. РИО, т. 6, 1871, стр. 372—386; П. Г. Д и в о в. Повествование о царствовании имп. Александра I, для него одного писанное. Русская старина, 1899, № 10, стр. 79—89.

В Петербург стали поступать не благоприятные для правительства сведения о настроении в среде народа. Крестьяне будто бы заговорили увереннее о близком освобождении. Сильное брожение наблюдалось среди прибалтийских крестьян, а в Астрахани и на Урале, по слухам, происходили открытые народные волнения.¹ Все вместе создавало в Петербурге столь напряженное положение, что появление известий о покушении Александра I на самоубийство не могло вызвать удивления.

Создавшееся напряжение не было ослаблено успехами России в войнах со Швецией и Турцией. Война со Швецией, начавшаяся в осуществление тильзитских соглашений, закончилась присоединением к России Финляндии, что обеспечивало безопасность Петербурга от наполеоновской агрессии с севера.

Патриотический подъем, непосредственно вызванный Тильзитским миром, нашел выражение в призывах передовых русских людей к защите и развитию национальной русской культуры.

За развитие национальной русской культуры ратовали Востоков, Борн, Потапов. Особенно примечательно творчество Востокова — одного из крупных фольклористов начала XIX в. Он много занимался собиранием и изучением русских народных песен, пропагандировал необходимость обращения к народному творчеству, производил изыскания в области народного стиха. После начала войны с Наполеоном появился ряд художественных и публицистических произведений, в которых мотивы борьбы с духом «пустого, рабского, слепого подражания», по позднейшему выражению Грибоедова, звучали особенно сильно. «Калкая тошнота по стороне чужой», по его же выражению, находила в литературе смелых обличителей. Такова, например, комедия Крылова «Урок дочкам», поставленная впервые в Петербурге 18 июня 1807 г. Она имела шумный успех. Патриотическая тема была разработана Крыловым и в опере «Илья богатырь», созданной на основе русского былинного эпоса; она впервые была поставлена в Петербурге 31 декабря 1806 г. Некоторые басни Крылова, написанные в послетильзитский период (например «Обезьяны»), были направлены против все того же слепого подражания иноземным образцам, которое становилось серьезным препятствием в развитии русской национальной культуры. В послетильзитский период начинают разрабатываться в петербургской публицистике особенно актуальные для переживаемого времени темы. Авторы многих публицистических и художественных произведений обращались к героическим страницам прошлого.

Патриотически настроенная часть дворянства начала XIX в. вела борьбу не только с национальным ингилизмом и космополитизмом. Ей приходилось бороться и с тем лжепатристизмом дворянско-крепостнического толка, который нашел наиболее ярких представителей в лице Ф. В. Ростопчина и С. Н. Глинки в Москве и А. С. Штшкова в Петербурге. Созданная Шапшковым в 1807 г. «Беседа любителей

¹ Архив графов Мордвиновых, т. III, 1802, стр. 615—624.

русского слова» (официальное свое существование она начала с 1811 г.) быстро приобрела себе репутацию литературно-политического объединения крайне реакционного направления. Это объединение, находившееся под особым покровительством Александра I и имевшее полуофициальный характер, вызывало возмущение прогрессивно настроенной дворянской интеллигенции.

Напряженье внутренней обстановки, заставило Александра I вернуться к проектам реформ. Разработка этих реформ была связана с именем Сперанского, едва ли не самого выдающегося государственного деятеля начала XIX в.

В 1809 г. Сперанский подготовил «Введение к Уложению государственных законов». Согласно этому проекту, Россия должна была бы получить выборную Государственную Думу. Однако выборы в нее были четырехстепенными, причем крепостные крестьяне и ряд других беднейших категорий населения были лишены права участвовать в выборах в Думу. Исполнительная власть сохранялась за царем. Неприкосновенным оставался и сословный строй.

Дворянству план Сперанского казался чуть ли не революционным. В действительности Сперанский был бесконечно далек от какой-либо революционности. По выражению Н. Г. Чернышевского, он «был искренно предан императору и преобразовать государство хотел не низвержением его, а именно его властью».¹

Тем не менее реакционное дворянство не допускало и мысли о тех нововведениях, которые предлагал Сперанский. Когда Сперанский провел такие мероприятия, как указы о придворных званиях и об образовательном цензе для высших чиновников, когда по его инициативе были изданы финансовые законы, задевавшие экономические интересы помещиков, возмущение против него достигло предела. Это возмущение разделялось всем реакционно-настроенным дворянством, стремившимся сохранить в полной неприкосновенности самодержавно-крепостнический строй. Н. М. Карамзин в поданной Александру «Записке о древней и новой России» с полной отчетливостью отразил точку зрения дворянской реакции.

Интрига, начатая против Сперанского, привела 17 марта 1812 г. — за три месяца до начала войны — к его ссылке.

* * *

В ночь с 11 на 12 июня 1812 г. громадная наполеоновская армия без объявления войны перешла границу России и начала наступление вглубь страны.

С первых дней Отечественной войны над всей страной и, в частности, над Петербургом нависла серьезная опасность.

Сосредоточив основную массу своих войск против 1-й и 2-й русских армий, прикрывавших, после соединения 22 июля под Смоленском, подступы к Москве,

¹ Н. Г. Чернышевский. Русский реформатор. Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 504.

Наполеон не упускал из виду и флангов. Особенное внимание он устремил на правый фланг русской армии, прикрывавший направление на Петербург. Здесь корпусу Витгенштейна было поручено оборонять петербургскую дорогу от французских войск. Силы Витгенштейна по численности вдвое уступали силам противника. Все же успешным сражением под Полоцком и дальнейшими действиями русские заставили французов отказаться от мысли о наступлении на Петербург. Опасность, угрожавшая столице с этой стороны, была устранена.

Но не исчезла угроза Петербургу с моря. Балтийский флот был приведен в состояние боевой готовности и ожидал появления французов в виду Петербурга и Кронштадта. Корабли флота несли непрерывную сторожевую службу. Однако французы, зная, что Балтийский флот способен выполнить задачу защиты Петербурга и Кронштадта и морских водстухов к ним, не предприняли военно-морских операций против столицы.

Среди населения Петербурга, как и повсеместно в стране, война вызвала высокий подъем патриотических чувств. Многие петербуржцы шли добровольцами в армию. В Отечественной войне приняли участие будущие декабристы, члены Северного тайного общества: Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой, М. С. Лурия, Г. С. Баталков и др. К. Ф. Рылев в 1812 г. учился в 1-м Петербургском кадетском корпусе. Он рвался в армию, но смог осуществить свое желание лишь в 1814 г., когда он был выпущен из корпуса прапорщиком.

Патриотический подъем охватил передовую молодежь. В Горном корпусе юноши целым классом просили о принятии их в военную службу и о зачислении в действующую армию.

Под звуки музыки проходили через Царское Село (ныне г. Пушкин) полки Липейцы и среди них юный Пушкин прерывал уроки и выбегали на улицу проводить уходящие на театр военных действий войска. Патриотическое воодушевление навсегда осталось в памяти великого поэта. Об этом он говорит в стихотворении, посвященном липейской годовщине и написанном в 1836 г.:

Вы помните: текла за ратью рать,
 Со старшими мы братьями прощались
 И в сень наук с досадой возвращались
 Завидуя тому, кто умирать
 Шел мимо нас...

6 июля был обнародован манифест Александра I об ополчении. Начальником петербургского ополчения был избран М. И. Кутузов.

14 тысяч ратников петербургского ополчения были обучены в 5 дней. Ратники стали готовиться к походу. 1 сентября на Исаакиевской и Дворцовой площадях состоялось молебствие, освящение знамени и царский смотр. 3 сентября выступила первая колонна. Среди петербургских ополченцев был будущий декабрист В. И. Штайнгель.

Петербургское ополчение приняло участие во многих боевых действиях: в битве под Полоцком, в сражении у местечка Чашники, в Березинской операции. После перехода через границу ополчение вошло в состав армии, осаждавшей Данциг. Взятие Данцига было последней боевой операцией, в которой приняло участие ополчение. После этого оно было распущено и вернулось обратно в Петербург. 12 июня 1814 г. ополченцы вошли в город, радостно и торжественно встреченные населением. Осталось их не более 4 тыс. человек из 14 тыс., выступивших почти за два года до того из Петербурга.¹

Петербургские жители, которые лично не участвовали в ополчении, помогали делу пожертвованиями. Среди них было немало таких, для которых взнос денег в Комитет ополчения являлся подлинной жертвой. Так, например, дворяне люди гр. К. В. Литты внесли 100 руб., придворный лакей Иванов, коллежский регистратор Рей, экономический крестьянин Порухин внесли по 25 руб., унтер-офицерская жена Настасья и солдатская дочь Паталья — по 10 руб. и т. д.

С громадным удовлетворением в Петербурге, как и во всей России, была встречена весть о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим русской армией. 8 августа состоялось это назначение, а 11 августа Кутузов отправился на театр военных действий. Уехал он из занимаемого им дома на Воскресенской набережной (ныне набережная Кутузова, д. № 30), провожаемый толпами народа, выражавшего ему свою любовь и уважение.

Известно, что назначение Кутузова главнокомандующим состоялось вопреки воле царя и его окружения под давлением общественного мнения страны. Бородинский бой, которым руководил сам Кутузов, нанес удар Наполеону, сорвал его планы обхода и разгрома русской армии. Миф о непобедимости наполеоновской армии был развеян. Но последствия бездарной военной политики царского правительства еще не были преодолены — нужные для перехода в контрнаступление резервы и ополчение находились далеко, партизанское движение только зарождалось. Кутузов был вынужден после Бородинского боя отступить и, не давая нового сражения, оставить Москву.

Известие об оставлении Москвы произвело в Петербурге тяжелое впечатление. Близкий ко двору графиня Р. С. Эделинг рассказывает, как после получения сообщения о том, что Москва занята Наполеоном, в Петербурге начался сильный ропот. «С минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы», — пишет она. Во всем видели царя. В день празднования коронации (15 сентября) петербургские жители устроили Александру I молчаливую враждебную демонстрацию. Эделинг рассказывает, что когда она в числе придворных, сопровождавших царя, ехала на торжественное богослужение в Казанский собор, она видела

¹ Записки касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах... писанные фл[ота] и[а]в[ан]тан-лейтенантом] [бароном] В. Шт[ейнгейлем], ч. I. СПб., 1814, стр. 29—32.

Александр Т. Кутузов.

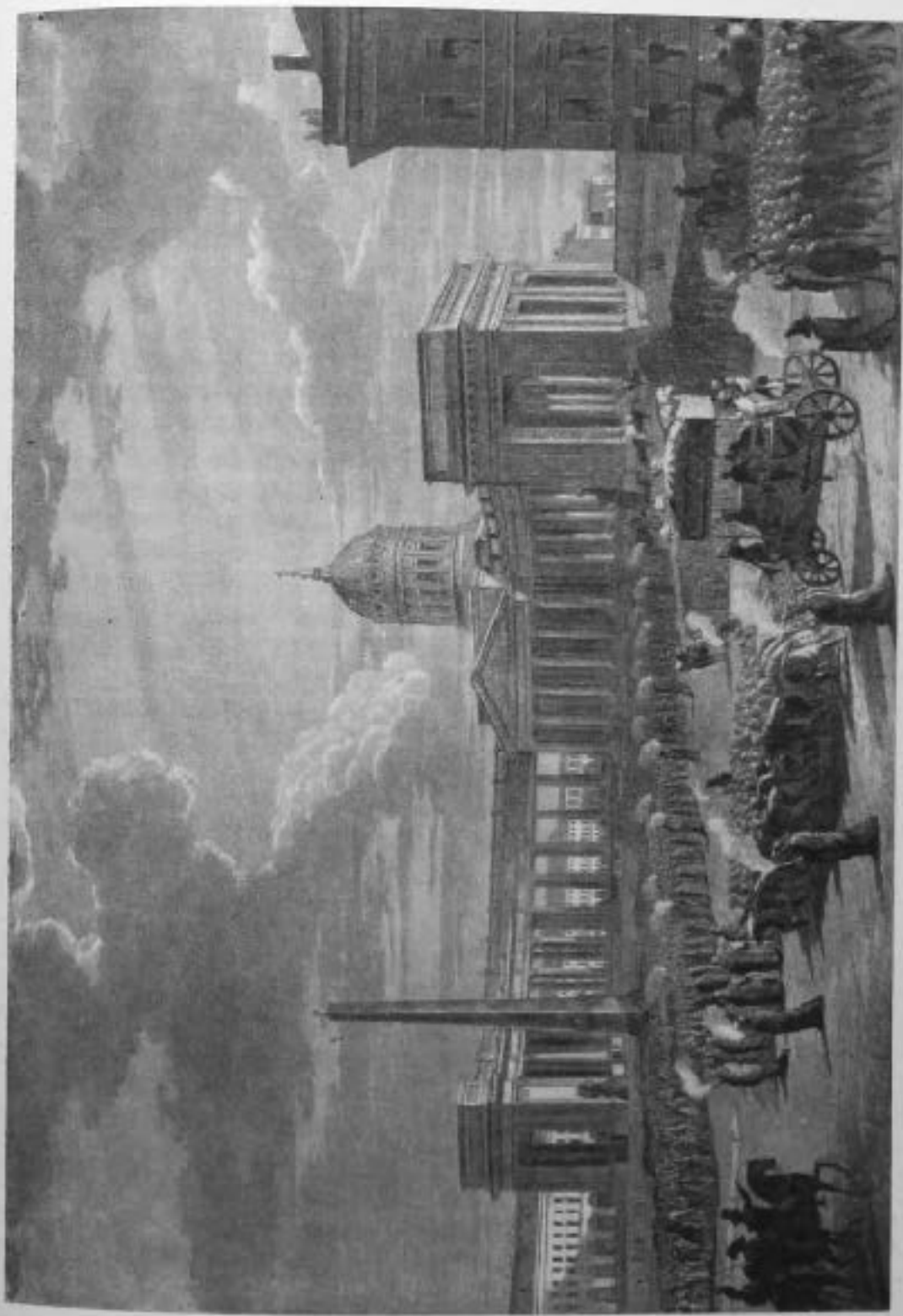
*М. И. Кулаков у портрета А. В. Суворова. Гравюра Л. А. Серикова
с портрета 1813 г.*

около собора несметную толпу людей. Толпа была мрачно молчалива. «Взволнованные лица, на нас смотревшие, имели вовсе не праздничное выражение. Никогда в жизни не забуду тех минут, когда мы вступали в церковь, следуя посреди толпы, ни единым возгласом не заявлявшей своего присутствия. Можно было слышать наши шаги, и я была убеждена, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось».¹

Занятие противником Москвы создавало опасное положение для Петербурга, так как Наполеон мог двинуться из Москвы на север. Дорогу на Петербург защищал находившийся недалеко от Москвы отряд Ф. Ф. Винценгероде. Но этот заслон был не очень надежен, а потому эвакуация Петербурга, начавшаяся сразу же после вторжения Наполеона, пошла более быстрыми темпами. Вывозились дела административных учреждений, картины из Эрмитажа, книги и рукописи из Публичной библиотеки и много другого имущества. Принимались меры к размещению учащихся Петербурга в Лодейном поле. Долго не могла улететь в Петербурге тревога, вызванная вторжением наполеоновских войск. Только после сражения при Чашниках (19 октября), когда Витгенштейн еще раз, теперь уже окончательно, разбил французский корпус Удино, всякая угроза Петербургу миновала. К этому времени все приготовления Кутузова к контрнаступлению были окончены. Оно стало развиваться стремительными темпами. Безостановочно гнал Кутузов к западным границам России наполеоновские войска. Сражения, происходившие на пути отступления наполеоновской армии, достигали иногда большого напряжения. Так, например, в сражении под Красным были разгромлены значительные силы французов. К концу декабря жалкие остатки наполеоновских войск были изгнаны из пределов России. Вся страна торжественно праздновала это событие. 1 января 1813 г. с Петропавловской крепости был произведен салют, а вечером город был иллюминирован.

Отечественная война имела громадное значение в жизни России. Страна отразила натиск противника, сила которого казалась несокрушимой. Поражение Наполеона в России послужило началом крушения всей наполеоновской империи. Под влиянием победы 1812 г. начался подъем освободительного движения против Наполеона в Европе. Победа над Наполеоном пробудила у русских людей чувства радости и гордости. Народ ощутил всю силу, но не почувствовал облегчения своей участи. Победу использовали реакционеры-крепостники, которые уничтожение наполеоновской империи восприняли как ликвидацию последствий французской революции. Они направили свои усилия на то, чтобы в дальнейшем устроить всякую возможность возрождения революционных идей в Европе, в том числе и в России. Отсюда развилось то направление в политике правительства и в реакционной общественно-политической мысли, которое нашло себе выражение в деятельности Библейского общества, в военных поселениях, в практике цензурных

¹ Русский архив, 1887, кн. 1, вып. 2, стр. 217—219.

Привытие встанков М. И. Кутузова в Петербурге 11 июня 1813 г. Гравюра М. Н. Воробьева 1814 г.

мероприятий и во многих других фактах и явлениях политической жизни за десятилетие 1815—1825 гг.

Иными были чувства людей, которые видели важнейший фактор победы в народе, в его глубоком патриотизме. Наиболее радикально настроенная часть людей этой категории живо ощущала лежавшие на народе тяготы. Совершенно естественно, что после победы народа они должны были стремиться к облегчению его участи. Освободительные тенденции в их среде заметно усиливались. Среди этих людей было много дворянской молодежи. Война 1812 г. сыграла важную роль в формировании сознания первого поколения русских дворянских революционеров.

В свидетельствах декабристов с особенной отчетливостью выступает значение войны 1812 г. в формировании идеологии дворянских революционеров. Полно глубокого интереса призывание декабриста А. А. Бестужева о тесной связи между борьбой с Наполеоном и борьбой за свободу. Он писал в письме Николаю I о том, что с момента вторжения Наполеона в Россию «пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России».¹ Весьма важно замечание И. Д. Якушкина о самостоятельной роли народа в победе над Наполеоном. Не правительству во главе с царем приписывал Якушкин победу, а народу, который не остался «в оцепенении», т. е. выступал на войне в качестве активной самостоятельной силы.² Сознание несправедливости, учиненной по отношению к народу, было одной из наиболее существенных причин политической активизации дворянской прогрессивной интеллигенции во второй половине александровского царствования. Полно и последовательно изложил свою точку зрения на значение Отечественной войны для развития революционных идей в России Д. И. Завалишина. Поражение Наполеона, по его словам, показало слабость абсолютизма и послужило причиной обострения борьбы с самодержавным правительством.³

Если исходным моментом в процессе формирования мировоззрения декабристов была Отечественная война 1812 г., которая породила массовый патриотический подъем народа и явилась важнейшей вехой в пробуждении национального самосознания в кругах передовой дворянской молодежи, то нельзя забывать и о том, что известное влияние на вольнолюбивые замыслы лучших людей из дворян имели революционные события на Западе, где в ту пору поднималась волна национально-освободительных движений, а также передовые идеи западноевропейских просветителей XVIII в. Однако определяющее влияние на формирование взглядов декабристов оказала русская революционная традиция и в первую очередь освободительные идеи Радищева. На допросах в Следственной комиссии члены

¹ Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бородин, СПб., 1906, стр. 36.

² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция и комментарии С. Я. Штрайха, М., 1961, стр. 7.

³ Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПб., 1906, стр. 103—109.

Северного общества (П. А. Бестужев и др.) говорили о радищевском «Путешествии» как одной из важнейших вех в развитии революционной идеологии в России.

Несомненным признаком разложения старого общественно-политического строя было усиление, особенно после Отечественной войны 1812 г., крестьянского движения, которое в сильнейшей степени толкало прогрессивное дворянство на революционную дорогу. Крестьянское движение росло: с 1801 по 1810 г. известно 83 случая волнений, с 1810 по 1825 г. число их увеличивается до 178.¹ Антикрепостническое крестьянское движение принимало различные формы. Помимо выступлений в деревне, в рассматриваемое время усилилось движение в армии. Особенно угрожающий характер носили восстания военных поселян (например в Чугуеве в 1819 г.). Росли волнения на крепостных мануфактурах. В 1816 г. вспыхнула крупная забастовка на Новгородской варусиновой фабрике.

В самом Петербурге сколько-нибудь значительных выступлений рабочих еще не было. Но они все же происходили, создавая вместе с другими проявлениями протеста против крепостничества и деспотизма напряженную обстановку, в которой развертывались события последующих лет.

В 1804 г. одновременно на нескольких предприятиях произошла стачка рабочих кирпичедельцев, которые требовали повышения заработной платы.² 6 февраля 1809 г. все, как один, ушли с работы рабочие фурмового цеха Чугунолитейного завода. Причиной стачки было то, что мастер принудил рабочих под видом срочного заказа работать в те дни масленицы, которые по особому прошению рабочих начальство постановило считать праздничными днями (праздники на заводе отменялись особым указом 13 апреля 1808 г.). Рабочие были наказаны за «неповиновение». Пятеро были подвергнуты избиванию палками в присутствии других рабочих. Мастеровых возмутили действия начальства. Под руководством И. Г. Сучкова — грамотного и инициативного рабочего — мастера подали несколько жалоб властям. Администрация сочла это бунтом. Рабочий И. Г. Сучков был схвачен и сослан сначала на Александровский завод в Петрозаводск, а потом судим. Суд приговорил его к 105 ударам кнутом и ссылке в Нерчинские рудники. Но 105 ударов означало верную смерть. Только вмешательство рабочих помешало привести в исполнение приговор. Сучков был освобожден. Правительственная комиссия, прибывшая на завод, вынуждена была признать тяжелое положение рабочих. Комиссия сочла необходимым предложить ряд мероприятий для облегчения тяжелых условий работы: не заставлять работать в праздники, смягчить меры наказания, не вычитать за утар металла. Но объявленные облегчения не были проведены в жизнь. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы рабочих в различные правительственные места, оставшиеся большей частью без ответа.

¹ И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX века. Вопросы истории, 1950, № 9, стр. 49.

² ЦГИАЛ, ф. 817, № 329, лл. 2, 3, 4, 9, 14, 15.

В 1816 г. рабочие подали на имя министра финансов прошение, в котором говорилось о тяжелых условиях жизни в связи с вздорожанием жизни в Петербурге. Рабочие просили увеличить жалование в соответствии с возросшими ценами, выдавать провиант женам, матерям и дочерям паравне с другими казенными заводами, освободить от работ в воскресенье и табельные дни.¹ В ответ на эту жалобу подписавшиеся под ней рабочие Ф. Прохоров, Дорочей Плотников, Григорий Акулов, Ефим Пименов и Иван Арнаутов были отправлены «за дурное поведение» на Гороблагодатские заводы.

В 1816 г. «сделали между собой присягу друг друга не выдавать» и прекратили работу недовольные низкой оплатой стекольщики петербургского завода Батищева.

Известно также выступление рабочих Петербурга в 1820 г. Оно было вызвано злоупотреблениями подрядчика Яковлева при расчетах с рабочими. Вскоре после восстания Семеновского полка, а именно 12 декабря 1820 г., перед домом управлявшего Министерством внутренних дел гр. Кочубея собралась толпа около 100 человек рабочих, требовавших своевременной выплаты денег за работу. Событие заволновало правительство и заставило его принять некоторые меры по борьбе с злоупотреблениями подрядчиков.

Эти немногие сведения о борьбе петербургских рабочих людей в первой четверти XIX в. не исчерпывают, конечно, всех случаев столкновений рабочих с предпринимателями. Но они позволяют говорить о росте движения и крепнущей боевой солидарности рабочих в Петербурге.

Значительное влияние на будущих декабристов оказывала внешняя политика правительства Александра I. Реакционная ее сущность после Отечественной войны сказывалась с большей определенностью, чем в начале царствования, и вызвала со стороны будущих декабристов большее противодействие. Александр I при поддержке прусского короля и австрийского императора создал «Священный союз», направленный против революционного и национально-освободительного движения. Россия должна была играть роль жанларма Европы. Русскими войсками союз феодальных государей намеревался задушить революционное движение в Италии.

Став во главе европейской реакции, царизм, верный принципам Священного союза, занял отрицательную позицию и по отношению к освободительному движению в Греции.

В 1821 г. греки восстали против турецкого ига. Все их надежды основывались на ожидании помощи от русского народа. Но правительство Александра I заняло исключительную позицию, не желая ссориться с Австрией, которая, так же как и Англия, была заинтересована в поддержании турецкого господства на Балканах для противодействия России.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1314, № 504, л. 58.

Передовая дворянская молодежь горячо сочувствовала освободительной борьбе Греции. Провиновенные строки посвятил восставшим Пушкин, мечтавший принять участие в борьбе греков. За дружескую помощь греческому народу высказывались и многие члены тайного Северного общества (Наховский и др.).

С восторгом приветствовали в Северном обществе революционные события в Неаполе, в Испании.

Под влиянием национально-освободительного движения в Европе идея революционного преобразования России получала в тайных обществах все большее признание.

Особенное негодование члены тайного общества испытывали по поводу внутренней политики александровского правительства. Петербургская жизнь того времени являлась суровой школой политического воспитания революционной дворянской молодежи.

В 1814 г. летом в Петербург возвратились из Франции войска гвардии. Гвардейские полки, перевозимые морем, были высажены у Оранienбаума. И. Д. Якушкин находился в числе вернувшихся. Он писал в своих записках, что во время молебствия, происходившего на месте высадки, «полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество».¹ Полицейский кулак, обрушивающийся на тех, кто в вполне естественном порыве чувства признательности стремился приблизиться к героям Отечественной войны и заграничных походов, явился своеобразным символом самодержавно-крепостнической России. Легко понять, какие горькие чувства пробудила эта картина у Якушкина и его друзей.

Вернувшиеся в Россию войска сразу же попали в условия, которые решительно ничем не отличались от павловских. «Шагистика вошла в полную свою силу», — писал Якушкин. Александр I перекраивал армию по прусскому образцу, благоговенном перед которым он провинился еще с гатчинских времен.

Фельдмаршал И. Ф. Паскевич, во вторую половину александровского царствования еще скромный дивизионный генерал, вспоминая об этом времени, говорил, что армию стали обучать не военному, а акробатическому искусству, что забота о красоте фронта заслонила собой все остальное. Знаменитый партизан 1812 г. Д. В. Давыдов писал, что глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг, выделывания ружейных приемов стало для многих генералов и офицеров источником самых высоких поэтических наслаждений.² В этой старательной системе военной муштры первая роль выпала на долю прибалтийской немецкой знати, нашедшей в лице Александра I своего радушного покровителя

¹ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, стр. 8.

² Н. М о р з о в. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений. Вильна, 1909, стр. 106—109.

и почитателя. Царь с радостью принимал немецких дворян на русскую службу и поручал им очень ответственные должности.

В Петербурге прусско-фельдфебельские приемы воспитания и обучения войск практиковались в самых широких размерах. Одним из полков, где эти приемы нашли себе едва ли не наиболее полное выражение, был Семеновский. До 1820 г. командиром Семеновского полка был любимый солдатами и уважаемый офицерами боевой генерал Я. А. Потемкин. Но при новых порядках в армии он не мог долго удержаться на посту командира первого полка гвардии, находившегося к тому же под особым «покровительством» царя. В апреле 1820 г. он был заменен полковником Ф. Е. Шварцем, стяжавшим себе печальную репутацию одного из самых жестоких офицеров. Получив новое назначение, Шварц принялся вводить свои порядки, чтобы оправдать оказанное ему царем доверие и истребить в полку «вольнодумный» дух, на что царь давно уже обращал внимание. Шварц начал с того, что на полковых учениях, если он бывал недоволен, ставил одну шеренгу против другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу.

Наряду с насаждением прусских приемов в обучении армии и распространением палочной дисциплины, широкое недовольство в стране вызывали военные поселения. Новгородские военные поселения находились недалеко от столицы. Петербургские жители знали о том, что стбит крестьянам эта страшная затея царя и Аракчеева. В пригороде Петербурга военные поселения были введены среди рабочих Охтенских казенных заводов, и сведения о том, что происходит в них, какие неслыханные страдания приходится переносить военным поселенцам, постоянно проникали в Петербург. Военные поселения не встречали одобрения даже среди очень умеренных по своим политическим убеждениям людей. Только Аракчеев со своими приспешниками продолжал послушно выполнять волю царя, заявившего, что военные поселения будут, хотя бы для этого пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Значительное возмущение передовых кругов общества вызвала также реакционная политика александровского правительства в области просвещения. Со времени слияния Министерства народного просвещения и Ведомства духовных дел и назначения на должность руководителя этого объединенного управления кн. А. Н. Голицына началось жестокое гонение на малейшее выражение свободомыслия, хотя бы и проявлявшегося в умеренно-либеральных формах. Наиболее печальную славу гонителей всякой живой мысли, всякого живого слова приобрели попечители учебных округов: Казанского — М. Л. Магницкий и Петербургского — Д. П. Рунич.

В прогрессивных академических кругах Петербурга к концу 40-х годов XIX в. приобрел известность профессор Царскосельского лицей, а позднее Петербургского университета — А. П. Куницын. Он был выдающимся преподавателем, противником крепостничества, хотя и очень далеким от понимания необходимости революционной борьбы с ним.

В 1818 г. Куницын напечатал в «Сыне отечества» статью под названием «О состоянии иностранных крестьян». Статья Куницына была пронизана ясно выраженным враждебным отношением к крепостному праву и заняла видное место в антикрепостнической литературе александровского царствования. В том же 1818 г. в «Сыне отечества» была напечатана статья Куницына «О конституции». В ней он выступил сторонником представительного образа правления. Антикрепостнические и конституционные взгляды Куницына сблизили его с декабристом Н. И. Тургеневым.

В 1818 и 1820 гг. Куницын напечатал в Петербурге две части своего труда «Право естественное». В этой книге Куницын выступает в защиту свободы слова, печати, вероисповедания и собственности. Важно отметить, что он не устанавливал никакого ограничения в отношении субъекта собственности. Применительно к России это обозначало признание за крестьянами права быть собственниками, т. е. перестать быть крепостными. Когда Куницын говорил о верховной власти в государстве, он заявлял, что власть может действовать лишь в соответствии с законами, что законы должны быть равными для всех. По мнению Куницына, за нарушение законов все должны нести одинаковую ответственность.

Книга Куницына не могла пройти незамеченной. Рунич в качестве члена Главного правления училищ выступил с резким осуждением книги. Он заявлял, что книга основана на признании разума единственным двигателем поведения человека, что она disproves веру, что ее, словом, следует изъять из обращения, а автору запретить преподавательскую деятельность в университете. Это мнение Рунича было утверждено министром, и с 1821 г. Куницын был уволен из числа профессоров университета, а книга его подверглась изъятию.

История с запрещением книги Куницына и с отстранением его от преподавания в Петербургском университете приобрела огласку. Имя Куницына стало популярным, и судьба, постигшая его, вызвала сочувствие к нему в рядах прогрессивной интеллигенции. На Куницына как на человека, лекции которого хорошо запомнились его слушателям, указывали Пушкин и декабристы И. Г. Бурцев и кн. Е. П. Оболенский. Вслед за Куницыным репрессии обрушились на профессоров Петербургского университета К. Ф. Германа, Э. Раушаха, А. И. Галича и К. И. Арсеньева — все это были лица, придерживавшиеся либеральных взглядов.

Голицын, по представлению Рунича, потребовал устроить совместное заседание Правления Университета и Конференции для суда над профессорами. 3, 4 и 7 ноября 1821 г. происходили под председательством Рунича эти столь памятные в истории Петербургского университета заседания.

Суд над четырьмя передовыми профессорами вызвал широкие отклики. Если среди реакционного дворянского населения Петербурга осуждение профессоров было встречено сочувственно, то даже в умеренно-либеральных

литературных и академических кругах этот суд над профессорами сравнивался с инквизицией.

Репрессии против профессоров были лишь частным случаем общего реакционного политического курса. Реакция обрушилась и на печать. Цензурные строгости усилились. Многие произведения были запрещены к печати вовсе, другие подвергались искажению и уродованию. Министерство народного просвещения издало распоряжение, по которому все, что касалось правительства, можно было печатать только с разрешения самого правительства, ему-де лучше известно, что и когда сообщать публике. Было запрещено печатать какие-либо сведения о судебных процессах. В 1824 г. по распоряжению царя последовало запрещение находящимся на службе чиновникам печатать что-либо, касающееся внутренней и внешней политики русского государства, без разрешения, помимо обычной цензуры, их начальников.

Таково было направление александровской политики во вторую половину его царствования. Определение этой политики как реакционно-крепостнической ни в какой мере не колеблется от того, что и в последнее десятилетие своей жизни царь не скупился на обещания некоторых реформ. В своей варшавской речи на польском сейме в 1818 г. Александр «пообещал» даже введение в России конституционного образа правления, результатом чего явился проект так называемой Уставной грамоты Российской империи, разработанной Н. Н. Новосильцевым. Но ни один из проектов не имел сколько-нибудь заметных реальных последствий. Зато совершенной реальностью были военные поселения, насаждение пруссацкой муштры и режим палочной дисциплины в армии, погромы университетов, цензурный террор и многое другое, что в общей своей сложности получило выразительное название аракчеевщины.

Из дворянских объединений, поддерживавших политику правительства, следует назвать «Беседу любителей русского слова» во главе с Шишковым, которая просуществовала с 1811 до 1816 г., и Библейское общество, основанное в 1812 г. по проекту кн. А. Н. Голицына. В проекте устава общества проводилась мысль, что религия должна служить средством смягчения социальных противоречий, обострившихся за последнее время. Религия как постоянно действующий в руках государственной власти фактор формирования общественного сознания может быть надежным способом борьбы с революционными идеями. Опираясь на поддержку Александра, Библейское общество развернуло широкую религиозно-мистическую пропаганду. Лишь к самому концу александровского царствования оно прекратило свою деятельность вследствие протеста православного духовенства, видевшего в мистических откровениях Голицына и его приспешников отступление от догматов православия.

Такова была историческая обстановка, в которой стали складываться тайные декабристские общества. Чем более нелепыми и жестокими становились методы управления правительства Александра, тем резче обозначалась линия

революционной борьбы с правительством. Декабристы были в полной мере людьми своей эпохи и отразили ее во всех своих программных, тактических и организационных установках. Они боролись против крепостничества и самодержавия, за установление буржуазно-демократического строя, за просвещение русского народа и развитие национальной русской культуры.

Конечно, декабристы никогда не смогли бы пройти расстояние от возникновения первой тайной организации до выступления на Петровской площади Петербурга в течение 9—10 лет, если бы они не находились под воздействием крестьянского движения и если бы не существовало уже в их время революционной традиции.

Формирование революционной идеологии и организационное оформление революционных обществ происходило в процессе столкновения различных направлений общественной мысли. Ареной таких столкновений стал ряд литературных обществ, возникших в Петербурге после Отечественной войны 1812 г. Одной из таких литературно-общественных организаций был «Арзамас». Это общество возникло в 1815 г. в противовес шишковской «Бесede», с членами которой оно повело с первых же дней своего существования борьбу. Однако целый ряд фактов деятельности «Арзамаса» показывает, что не литературная борьба составляла основную задачу «Арзамаса». Общественно-политические интересы властно вторгались в содружество людей, весело, казалось, потешавшихся над своими литературными противниками.

Некоторые члены «Арзамаса», например Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов, принимали очень слабое участие в арзамасских забавах. Их увлекали гораздо более серьезные дела, чем соревнование в остроумии.

Тургенев в своей вступительной речи при приеме в «Арзамас» резко протестовал против деспотизма. Протест этот, сколько можно судить по протоколу собрания, на котором принимали Тургенева, был воспринят сочувственно. М. Ф. Орлов, вступая в Общество, произнес речь, в которой он апеллировал к патристическому чувству арзамасцев, диктовавшему им необходимость борьбы со всем тем, что препятствует свободе их родины. Попыткой реализовать предложения обоих членов «Арзамаса» явилась разработка планов издания арзамасцами журнала. В замышляемом журнале видное место должно было принадлежать политическому отделу. Вести его предполагалось поручить М. Ф. Орлову, Н. И. Тургеневу, Д. В. Дашкову, Н. М. Муравьеву, А. И. Тургеневу и др. Но идея издания журнала не была осуществлена. Одни из членов объединения оставались в стороне от активной общественной борьбы или ограничивались робким либеральным протестом против крепостнической действительности. Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев стали членами тайных обществ. «Арзамас» вступил в полосу кризиса и в 1818 г. перестал существовать.

Гораздо больший общественный резонанс по сравнению с «Арзамасом» имела деятельность другого литературного объединения, возникшего в 1816 г. — Воль-

ного общества любителей российской словесности, или Общества соревнователей просвещения и благотворения. Это объединение было основано в Петербурге несколькими молодыми людьми, окончившими Московский университет, — А. А. Никитиным, Е. П. Люденко, И. И. Ильиным и другими начинающими писателями.

С 1818 г. Общество стало издавать журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» и с этого времени начало быстро расти и приобретать все большую и большую известность. В его состав вошли люди различных политических убеждений: Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, И. А. Крылов, кн. П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, А. С. Грибоедов и др. С течением времени в него вошла группа литературной молодежи, которая и задавала тон на собраниях общества, — К. Ф. Рылев, А. А. и Н. А. Бестужевы, А. О. Корнилицыч, В. К. Кюхельбекер, А. И. Колошин. Ф. Н. Глинка еще в 1816 г. вступил в сношения с Обществом, вскоре сделался его членом, а в 1819 г. был избран председателем.

Политическая направленность Общества хорошо отражена в его журнале. «Соревнователь просвещения и благотворения» может быть отнесен к числу передовых журналов своего времени. Когда Ф. Н. Глинка говорил о «благословенном владычестве» законов и о рабском состоянии людей, находящихся «под тяжким игом своевольтва», а П. Мещков заявил о всевластии сильного и безгласной покорности «правого», о воплях нищеты и чувстве ужаса, испытываемом при созерцании деревенской жизни, читатель не мог не увидеть в этом протеста против деспотизма и крепостного права. Таких выступлений в «Соревнователе» было немало. Многие из «Дум» К. Ф. Рылева появились на страницах «Соревнователя». Часто печатал в нем свои стихотворения В. К. Кюхельбекер. Ф. Н. Глинка поместил в журнале серию своих подражаний псалмам, представляющих в декабристской поэзии одно из наиболее сильных выражений политического протеста против самодержавия. Немало места отводилось в журнале разработке вопроса о национальной культуре. Стремление поднять в глазах читателей значение русской культуры нашло свое выражение в очерках из русской истории, написанных с большим патриотическим подъемом. Пренебрежение к национальной культуре встречало в «Соревнователе» резкое осуждение. Авторы патриотических произведений, помещенных в «Соревнователе», показывая богатство духа русского народа, не забывали того, что одним из элементов, составляющих это богатство, является исконное свободолюбие народа. В стремлении показать его они, скованные цензурными запрещениями, широко обращались к прошлому России.

По вопросам направления деятельности Вольного общества в целом в его журнале единодушия между участниками объединения не было. В нем с первых же месяцев существования наметилась группа либерально-умеренных членов, наряду с явными реакционерами, как, например, В. Н. Карамзин, противосто-

внешними себя тем участникам Общества, которые составляли его революционное крыло. Между этими группами велась борьба. До времени она не была настолько острой, чтобы это могло привести к кризису Общества. Но кризис стал неизбежен. Он был ускорен выступлением В. Н. Каразина в 1820 г., когда Каразин произнес речь, направленную против политического радикализма, с явными намеками на антиправительственную деятельность некоторых членов Общества и, на направление «Соревнователя просвещения и благотворения». Речь его произвела целую бурю. Большинство членов Общества осудило выступление Каразина и, не зная даже о том, что Каразин тайно отправил донос правительству, постановило освободить его от обязанностей помощника председателя Общества. Группа реакционеров и либерально-умеренных членов Вольного общества в знак солидарности с Каразиным вышла из состава Общества.

После инцидента с Каразиным Общество зажило новой, более политически насыщенной жизнью. Революционное крыло его усилилось за счет приема А. А. и Н. А. Бестужевых, А. О. Корниловича, К. Ф. Рыльева и других декабристов (они вступили в Общество между ноябрем 1820 г. и апрелем 1821 г.). В скором времени будущие декабристы заняли в Обществе руководящее положение. Но борьба с реакционным крылом, видимо, тяготила будущих декабристов, и они стали отходить от Общества. Последние годы Общество еле влачило свое существование. 14 декабря 1825 г. оборвало его жизнь.¹

«Араамас» и Вольное общество любителей российской словесности были наиболее заметными из всех петербургских литературно-общественных организаций декабристской поры.

Не без труда будущие декабристы преодолевали дворянско-либеральное влияние. Борьба, происходившая внутри Вольного общества, и особенно «Араамаса», хорошо показывает это. Н. И. Тургенев, как и большинство декабристов, не мог согласиться с теми либеральными формами политического протеста, какие находили выражение в сочинениях араамасцев и в их разговорах. Вступление Тургенева в тайное декабристское общество обозначало разрыв с либеральствующими дворянами и переход к революционной борьбе. Таков был путь и других участников литературно-общественных организаций, ставших членами декабристских обществ.

Не все, однако, декабристы прошли через участие в литературных объединениях. В Петербурге процесс образования Северного общества шел разными путями.

М. Ф. Орлов писал в записке на имя Николая I от 29 декабря 1825 г., что, по его мнению, он первый задумал план организации Тайного общества. Это признание — явное преувеличение. Мысль о создании Тайного общества носилась

¹ В. В а з а н о в, Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

в воздухе. Орлов прав лишь в том отношении, что проект программы первого тайного общества действительно принадлежал ему.

В 1814 г. Орлов вернулся в Петербург вместе с первыми гвардейскими полками, прибывшими в Россию из заграничного похода. Тогда же он начал переписку с жившим в Москве гр. М. А. Дмитриевым-Мамоновым по поводу организации общества под названием «Общества русских рыцарей». Вместе с ним он выработал программу Общества. Она носила ярко выраженный аристократический характер. Проект Орлова и Дмитриева-Мамонова остался неосуществленным: никакого общества создано не было, и дальше переписки между двумя этими людьми дело не пошло. Аристократическая конституция, проектируемая Орловым и Дмитриевым-Мамоновым, так мало удовлетворяла тем задачам преобразования социально-политического строя России, которые возникали перед будущими декабристами, что мысли Орлова и Мамонова никем не были поддержаны. Проект Общества русских рыцарей остался всего лишь литературным памятником, свидетельствующим о трудных поисках будущими декабристами правильного пути разрешения стоящих перед ними задач.

Одновременно с тем, как Орлов и Мамонов занимались проектом организации Общества русских рыцарей, в Петербурге возникло объединение, в котором не было ни программы, ни устава, не было оформленного членства, не было, словом, ничего, что напоминало бы сколько-нибудь определенную организацию. И все же это объединение находилось на подступах к декабристским тайным обществам. Речь идет об артели в Семеновском полку. Возникла эта артель совершенно независимо от Орлова и не по предложению какого-либо отдельного лица. Мысль о ней пришла в голову, видимо, многим офицерам-семеновцам одновременно. В 1815—1816 гг. офицеры полка в количестве 15—20 человек объединились в артель, чтобы иметь возможность каждый день обедать вместе. После обеда одни играли в шахматы, другие вслух читали газеты и толковали о событиях в Европе. Артель возникла с ведома командира полка генерала Я. А. Потемкина, который сам иногда обедал в ней. Когда Александру I стало известно об артели, он приказал Потемкину прекратить сборища офицеров у него в полку. Несколько месяцев, проведенных офицерами Семеновского полка в дружеском общении на почве интересов, политический характер которых несомненен, не прошли для них даром. Полулегальная Семеновская артель явилась этапом на пути создания первого тайного общества декабристов — Союза спасения.

Более ясно выраженный политический характер имела другая офицерская организация — «Священная артель», возникшая в Петербурге еще в 1814 г. среди офицеров квартирмейстерской части Генерального штаба. В ее состав входили А. Н. и М. Н. Муравьевы, И. Г. Бурдев, И. И. Пущин и другие будущие члены Северного тайного общества. Члены артели говорили о необходимости борьбы с преклонением перед иностранцами в политике и в быту, резко критиковали существующий социально-политический строй. «Священная артель», подобно Семеновской

артели, сыграла свою роль в формировании политической идеологии декабристов и явилась ближайшей предшественницей Союза спасения.

Союз спасения возник в Петербурге в начале 1816 г. по инициативе А. Н. Муравьева, его родственника Н. М. Муравьева и кн. С. П. Трубецкого. Эти трое людей с первых же шагов своей деятельности в качестве инициаторов Общества привлекли в него еще трех офицеров-семеновцев — М. И. Муравьева-Апостола, С. И. Муравьева-Апостола и И. Д. Якушкина. В том же 1816 г. в Общество были приняты еще восемь человек, среди них: М. С. Лунин, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель (впоследствии число членов Общества увеличилось до 30 человек). Члены вновь организованного Общества занялись разработкой его программы. Основной своей задачей они считали борьбу за уничтожение крепостного права и за создание конституционной монархии. В разрешении вопроса о способах достижения этой цели члены Союза спасения не могли прийти к общему соглашению. Лунии предлагал царевубийство как начальный акт революции.

Это предложение поддержки не встретило. Пестель настаивал на необходимости заниматься составлением плана конституции и разработкой устава Общества. Большинство членов Союза спасения встало на точку зрения Пестеля, который и приступил к написанию устава. Устав Союза спасения не сохранился — он был сожжен членами его при образовании Союза благодетствия. Однако, по отдельным показаниям декабристов на следствии и по их воспоминаниям, можно заключить, что важнейшие положения устава сводились к следующему.

В уставе была отражена основная цель Союза спасения, приведшая к его созданию: уничтожение крепостного права и введение конституционной монархии. Отдельные пункты устава говорили о необходимости отстранения иностранцев от политического влияния в государстве, о пропаганде необходимости преобразований, намеченных Обществом, о привлечении в состав Общества возможно большего количества членов, о выступлении с требованием конституции в момент смены императоров на престоле. Много внимания уделял устав организационным вопросам. После принятия устава Общество окончательно оформилось. Председателем его был избран кн. С. П. Трубецкой, секретарем Никита Муравьев. Союз спасения просуществовал недолго — в 1817 г. он распался в результате того, что члены его не нашли путей к реализации своих целей.

Постановление о ликвидации Союза спасения состоялось в Москве, где с осени 1817 г. находились многие гвардейские части, переведенные из Петербурга по случаю пребывания в Москве царя. После того, как члены Союза спасения решили его распустить и организовать новое тайное общество, над уставом которого они начали работать, в Москве образовалось временное тайное общество под названием Военного. Оно просуществовало до выработки устава того общества, которое должно было заменить Союз спасения. Новое тайное общество организовалось осенью 1818 г. под названием Союза благодетствия. Оно получило свое начало в Москве

но с возвращением гвардии в Петербург основатели и руководители его также вернулись в Петербург.

Союз благоденствия не во всех своих программных установках придерживался революционных принципов. Некоторые пункты его программы отличались умеренностью. Союз благоденствия с организационной стороны представлял собой сложный и разветвленный механизм. Самая сложность его вызывалась стремлением привлечь в состав Союза благоденствия возможно большее число людей. Эта цель была достигнута — Союз благоденствия насчитывал в своей среде до 200 членов. «Управы» Союза благоденствия находились в Москве, Полтаве, Тульчине (в последней руководящую роль играл Пестель).

Устав Союза благоденствия рекомендовал его членам организацию «вольных обществ», негласно руководимых Союзом. Одним из таких обществ было основанное в 1819 г. в Петербурге общество «Зеленая лампа». Членам этого объединения наиболее близки были литературные и театральные интересы. Но из 21 человека, входивших в состав «Зеленой лампы», впоследствии по делу декабристов было привлечено 11 человек, среди них такие видные декабристы, как кн. С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, А. И. Якубович, А. А. Токарев. Пушкин был также членом объединения, он часто бывал на собраниях и читал там свои вольнолюбивые стихотворения. Наличие таких людей в «Зеленой лампе» придавало деятельности этого Общества ясно выраженный политический характер. Созданную членом «Зеленой лампы» А. Д. Улыбышевым фантастическую картину «Сон» можно рассматривать как политическую программу. Она сводилась к установлению конституционной монархии, равенству всех перед законом, широкому развитию просвещения и т. д. Достаточно понятен был намек Улыбышева на «великие события», которые, разбив оковы России, вознесут ее «на первое место среди народов Европы».¹

Члены «Зеленой лампы» собирались обычно у Н. В. Всеволожского. Всеволожские занимали сохранившийся поныне дом Хсванской на Екатеринягофском проспекте (ныне дом № 39 на проспекте Римского-Корсакова). Когда в 1819 г. Всеволожский уехал из Петербурга, собрания были перенесены на квартиру председателя «Зеленой лампы» Я. Н. Толстого. После восстания Семеновского полка, когда деятельность объединения попала в поле зрения полиции, члены его решили прекратить собрания, и «Зеленая лампа» перестала существовать.

Среди членов Союза благоденствия быстро обнаружилось несогласия. Они стали особенно заметны после совещания его руководителей в Петербурге в январе 1820 г. Это совещание проходило на квартире Ф. Н. Глинки (на Театральной площади в доме Анненковой, ныне дом № 16). На совещании присутствовали, кроме хозяина, Н. И. Тургенев, М. С. Лукин, Никита Муравьев, кн. С. П. Трубецкой, кн. И. А. Долгорукий и приехавший из Тульчина Пестель. На совещании всеми участниками было принято решение добиваться установления республики.

¹ Декабристы и их время, т. 1. М., [1927], стр. 55.

Умеренная часть членов Союза благоденствия склонялась к мысли о необходимости придерживаться старой программы, некоторые члены были бы не прочь вообще отказаться от всякого участия в тайном обществе. Союз благоденствия вступил в полосу кризиса. Событие, случившееся в октябре 1820 г. в Петербурге и провавшее сильнейшее впечатление на членов Союза благоденствия, ускорило его неизбежный распад. Событие это — восстание Семеновского полка.

16 октября 1820 г. во время учения командир Семеновского полка Шварц оскорбил одного из солдат: он плюнул ему в глаза и, поведя его вдоль фронта первой шеренги, приказал солдатам плевать в него. Этот случай оказался роковым для Шварца. Терпение солдат иссякло, и они решили протестовать против зверского обращения командира полка. Вечером того же дня первая рота заявила ротному командиру капитану Н. И. Кашкарову жалобу на Шварца. Кашкаров после тщетных уговоров солдат успокоиться и отложить дело до утра вынужден был обещать довести жалобу до сведения начальства. На следующий день командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков, обманув солдат первой роты, велел вывести их из казарм и отправить в Петропавловскую крепость. Когда это стало известно полку, солдаты других рот, до сих пор сохранявшие полное спокойствие, пришли в волнение. Они настаивали на освобождении из крепости первой роты, находясь на полковом дворе, проявляли признаки сильного возбуждения, отказывались слушаться офицеров. Положение стало угрожающим, но на следующий день не руководимые никем солдаты смирились.

О событиях в Семеновском полку стало мгновенно известно во всем городе. Н. И. Тургенев отмечал в своем дневнике всеобщее сочувствие солдатам-семеновцам. Даже в Государственном Совете, по словам Тургенева, с негодованием отзывались о Шварце. Некоторые члены Союза благоденствия видели в восстании Семеновского полка начало революции и были готовы поддержать его. Большинство, однако, считало восстание преждевременным.

Семеновский полк постигла жестокая кара. Весь первый батальон был предан военному суду. Другие два батальона Александр I велел раскассировать по армейским полкам. Первый батальон был раскассирован по сибирским гарнизонам, в те, которых сочли зачинщиками, подверглись наказанию шпицрутенами и были сосланы на каторгу. Главный виновник Шварц отделался увольнением в отставку. Расправа над солдатами произвела тяжелое впечатление на различные слои русского и прежде всего петербургского общества. Долго не могло улетучиться волнение, вызванное этим необычайным происшествием, оказавшим серьезное влияние на судьбу Союза благоденствия и на весь дальнейший ход развития декабристского движения.

Восстание Семеновского полка оказало влияние не только на настроение членов Союза благоденствия. Оно отозвалось и в солдатской массе. Солдаты петербургского гарнизона были сильно взволнованы событиями, происшедшими в полку, и по-всякому судили о них. Толки в солдатской среде привлекли к себе самое

престальное внимание петербургской полиции и своей смелостью заставили ее серьезно встревожиться.

В сферу полицейского наблюдения попали самые разнообразные места Петербурга, где можно было подслушать солдатские разговоры о «происшествиях» в Семеновском полку. Это были улицы, места перевозов, бани, площади перед казармами и даже сами казармы. Полицейские агенты собирали интересующие их сведения всюду, где могли. Солдаты явно ждали, что вслед за Семеновским полком подымутся и другие полки петербургского гарнизона. Так, например, измайловцы говорили, что солдаты Преображенского полка «выходят из повиновения и бунтуют против начальства».¹ В свою очередь преображенцы толковали, что неблагополучно в Павловском, Гренадерском и Егерском полках. Солдат Егерского полка Гущеваров заявил, что семеновцы не будут подвергнуты наказанию, что за них-де вступится вел. кн. Константин Павлович, «а коли не заступится, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию».² Солдат Измайловского полка Василий Андреев говорил, что однополчане будут якобы просить Александра I за семеновцев, чтобы «попрежнему восстановить полк, а если император не делает, то пусть и нас всех туда пошлет».³

Прошло довольно много времени после восстания Семеновского полка, но толки в солдатской среде не унимались. В феврале 1821 г. бомбардир гвардейской артиллерии Енграф Васильев говорил, что солдаты любят и помнят семеновцев, что они несправедливо обижены. «Ныне мы ничего не значим», — прибавлял Васильев. Но теперь принимают боевые снаряды, и весной гвардия отправится в поход. «Тогда в первое сражение руками выдадим государя неприятелю».⁴

Подобного рода разговоры свидетельствовали о сознании отдельными солдатами своей связи со всей солдатской массой. Солдаты чувствовали всю силу и понимали, что она заключается в их единстве. Эти настроения представляли безусловную опасность для правящего класса, а потому и внушали полицейским и военным властям тревогу. Тревога увеличивалась потому, что дело не ограничилось только одними разговорами. В конце октября 1820 г., т. е. сразу же после восстания семеновцев, во дворе Преображенских казарм была найдена прокламация, призывавшая к свержению царя и дворян и установлению такого строя, при котором народ должен управляться чрез посредство начальников, выбор начальников следует основать на беспристрастных законах». В декабре же 1820 г. в Петербурге в руки властей попала другая прокламация, в которой солдаты призывались арестовывать своих начальников и заменять их новыми «из своего

¹ С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. Сб. «Бунт декабристов», Л., 1925, стр. 62.

² Там же, стр. 73.

³ Там же, стр. 85.

⁴ Там же, стр. 113.

брата солдата».¹ Можно быть уверенным, что обе прокламации были написаны, если не самими солдатами, то лицами, близкими к солдатской массе.

Разногласия в Союзе благоденствия, обнаружившиеся уже давно, привели его руководителей к мысли о необходимости созвать съезд, на котором подвергнуть общему обсуждению вопросы программы и тактики Союза. Съезд решено было созвать в январе 1821 г. в Москве. На съезде стало очевидно, что умеренная часть Союза настаивает на его ликвидации и прекращении всякой противоправительственной деятельности. Настойчивые призывы умеренной части Союза благоденствия явились прямым результатом восстания Семеновского полка. Это восстание было грозным предупреждением для тех, кто стал членом Союза благоденствия случайно или не понимал всех последствий, вытекающих из факта создания тайного политического общества. Страх перед народным восстанием, возможность которого стала после событий, разыгравшихся в Семеновском полку, столь реальной, сразу «остревил» либеральствующую часть членов Союза благоденствия. Напротив, наиболее революционно настроенную часть Союза восстание в Семеновском полку побудило к тому, чтобы перейти к более решительным формам борьбы. Этой революционно настроенной части Общества все либеральствующие члены Союза благоденствия только мешали, и потому она охотно пошла навстречу предложению ликвидировать Союз, тайне решив организовать новое общество с революционной программой. Московский съезд вынес решение Союз благоденствия распустить.

Пестель после роспуска Союза благоденствия немедленно начал организовывать новое общество с республиканской программой, получившее название Южного. В Петербурге те члены Союза благоденствия, которые отходь не собирались складывать оружия в борьбе с правительством, объединились в Северное общество, начавшее существовать с 1821 г. Во главе его находились Никита Муравьев, Трубецкой, Пущин, Лунин и др. В первые год-полтора своего существования Северное общество почти не проявляло активности и не увеличивалось. В течение этого времени Никита Муравьев работал над проектом конституции. В результате длительной работы был создан проект конституции с ограниченной народным представительством властью монарха, свободным крестьянским населением, цензовым избирательным и другими политическими правами, отсутствием сословных привилегий, но с сохранением помещичьего землевладения.

Скромность буржуазных реформ, допускаемых конституцией Никиты Муравьева, не могла удовлетворить всех членов Северного общества, которое с конца 1823 г. стало заметно оживляться и расти за счет притока новых членов. В октябре этого года в Северное общество был принят К. Ф. Рылев, и это обстоятельство сыграло немалую роль в жизни Общества. Рылев, после поступления которого Северное общество зажило иной, куда более активной жизнью, возглавил наибо-

¹ Декабристы. Отрывки из источников. М.—Л., 1926, стр. 37—40.

лее радикальную его часть. К ней принадлежали братья Бестужевы, кн. Е. П. Оболенский и др. Группа Рыльева склонялась к мысли о республике, протестовала против ценза и безземельного освобождения крестьян, установленных в конституции Никиты Муравьева, ставила вопрос о царубийстве. Обсуждение программных вопросов приобрело еще большую остроту, когда в Петербург в марте 1824 г. приехал Пестель с предложением соединить Северное и Южное общество в одно и принять программу Южного.

Программа Южного общества к этому времени была уже в основных своих чертах разработана. Важнейший программный документ Южного общества — «Русская Правда» — был написан. «Русская Правда» провозглашала республиканский строй, уничтожение сословных привилегий, равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право (за исключением женщин), частичную конфискацию помещичьей земли, освобождение крестьян от крепостной зависимости и наделение их землей. После свержения монархии объявлялась диктатура временного революционного правительства, которое должно было обеспечить введение этой конституции в жизнь.

Предложения творца «Русской Правды» — Пестеля, сочувственно встреченные группой Рыльева, были решительно отклонены Никитой Муравьевым и его единомышленниками. Расхождение во взглядах среди членов Северного общества обнаружилось со всей очевидностью. Постепенно группа Рыльева приобретала все больший вес, и умеренные члены Северного общества стали терять свое прежнее значение. Когда из Петербурга уехали кн. Трубецкой и Никита Муравьев, их место в Северной думе — распорядительном органе Общества — заняли Рылеев, А. и Н. Бестужевы и кн. Е. П. Оболенский.

Рылеев после выхода в отставку в 1818 г. переехал в Петербург и занялся литературной деятельностью. В 1821 г. он поступил на службу в Петербургскую палату Уголовного суда, откуда в 1824 г. перешел в Российско-американскую компанию, где занял должность правителя канцелярии. Жил он в Петербурге сначала на 16-й линии Васильевского острова, а после перехода на службу в Российско-американскую компанию занял квартиру в доме Компании на Мойке (ныне дом № 72). Эта последняя квартира Рыльева, в которой он был арестован, явилась центром Северного общества в течение последнего года его существования, а перед самым 14 декабря сыграла роль штаба восстания.

Литературная деятельность Рыльева быстро завоевала ему известность. Он сотрудничал в «Соревнователе просвещения и благотворения», «Невском зрителе», «Сыне отечества» и других журналах, издавал вместе с А. А. Бестужевым «Полярную звезду», заслужившую славу одного из лучших альманахов своего времени. Особое значение в литературной деятельности Рыльева имели его политические стихотворения. «Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы», когда в «Невском зрителе» в 1820 г. появилось стихотворение Рыльева «К временщику», направлен-

исе против Аракчеева, — так вспоминал П. А. Бестужев. «Это был, — по его словам, — первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью».¹ Широкою известностью приобрели «Думы» Рылеева, посвященные героическому прошлому русского народа. Выдающееся место в его творчестве занимает патриотическая поэма «Войнаровский».

Поэтическое дарование Рылеева соединилось в нем с редким личным обаянием. Современники единодушно отмечали его подкупающую искренность, острое чувство справедливости, способность к самопожертвованию.

Деятельность тайных обществ, протекавшая в тесном кругу его членов, вскоре вышла за пределы этого круга и вылилась в первую в России политическую демонстрацию. Началось все с ссоры члена Северного общества К. П. Чернова с флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым. Блестящий аристократ Новосильцев отказался от женитьбы на незнатной и небогатой сестре Чернова, являвшейся его невестой. Чернов расценил этот отказ как оскорбление и вызвал Новосильцева на дуэль. Дуэль состоялась 10 сентября 1825 г. Оба противника были смертельно ранены. Похороны Чернова, происходившие при громадном стечении народа, вылились в демонстрацию. В похоронной процессии принимали участие все находившиеся в Петербурге члены Северного общества во главе с Рылеевым.

Александр I осенью 1825 г. уехал из Петербурга на юг. В Таганроге он заболел и умер там 19 ноября. Весть о его смерти была получена в Петербурге 27 ноября. Николай, назначение которого еще при жизни Александра I наследником престола держалось в строгой тайне от всех, не считал удобным, именно в силу этой тайны, объявить себя императором и присягнул Константину, которого все привыкли считать наследником престола. Константин, бывший в Варшаве, в свою очередь присягнул Николаю. Так создалось междуцарствие, которым и решили воспользоваться члены Северного общества. Они прежде всего избрали руководителя всех тех действий, переход к которым после известия о смерти Александра I и присяги Константину казался им само собой разумеющимся, по программе и план которых окончательно еще не были выработаны. Руководителем избрали Трубецкого. Однако Рылеев непреклонно был в центре заговора, и к нему тянулись все нити его. Ежедневные совещания членов Общества происходили в квартире Рылеева, к нему, а не к Трубецкому, обращались за советами и указаниями.

Члены Общества намечали различные планы восстания. Предполагалось собрать на Петровской площади гвардейские полки, занять Петропавловскую крепость и арсенал и заставить после этого Сенат издать манифест, по выражению Трубецкого, «об уничтожении бывшего правления» и учреждении временного правительства. В манифесте провозглашалась отмена крепостного права, уничтожались военные поселения, объявлялась свобода печати, свобода занятий и т. д.

¹ Воспоминания Бестужевых. Редакция, статьи и комментарии М. К. Аладовского, М.—Л., 1951, стр. 12.

Однако в манифесте ничего не говорилось о важнейшем для крестьян вопросе — о наделении их землей. Другой план намечал более активные действия со стороны декабристов. По нему предполагалось занятие Зимнего дворца и арест Николая вместе с семьей. Декабристы вплоть до самого кануна восстания не имели единого решения по поводу того, как они себя будут вести в день присяги Николаю. Общий замысел восстания сводился к совершению переворота силами нескольких воинских частей, члены тайного общества в которых были офицерами. В этом замысле о революции для народа, но без народа не только заключалось глубокое противоречие, но и предreshалась судьба восстания.

Члены Северного общества сделали попытку повести пропаганду среди солдат. Когда в Петербурге присягнули Константину, Рылеев и братья Бестужевы начали ночью ходить по улицам, останавливали встречных солдат и говорили им, что они обмануты, что от народа якобы скрыли завещание Александра I, в котором будто бы объявлена воля крестьянам и уменьшен до 15 лет срок солдатской службы. Солдаты слушали их с жадностью и быстро распространяли сообщенные ими сведения. Но через два дня Рылеев заболел, и ночные обходы прекратились. Пример Рылеева и Бестужевых никем из декабристов подхвачен не был.

Вечером 13 декабря у Рылеева состоялось последнее совещание заговорщиков. «Шумно и бурливо» было оно, как вспоминал впоследствии М. А. Бестужев. «Многочисленное собрание было в каком-то лихорадочно-высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобовосполнимые предложения и распоряжения»,¹ — писал он. Рылеев сообщил собравшимся, что Трубецкой завтра объявит план действий, но что все должны собраться на Петровской площади с теми ротами, которые первые откажутся присягать Николаю. По словам кн. Е. П. Оболенского, перед самым уходом собравшихся Рылеев подошел к П. Г. Каховскому и сказал ему: «Любезный друг! Ты сир на сей земле, ты должен собой жертвовать для Общества: — убей завтра императора».² Один за другим разъезжались заговорщики из квартиры Рылеева.

Наступило 14 декабря. С раннего утра члены Северного общества были уже в тех полках, на которые они более всего надеялись. Присяга Николаю происходила в каждом полку отдельно. В Конной гвардии и в Семеновском полку она прошла вполне гладко, но зато в других полках дело не обошлось без заминок. В пешей и конной артиллерии солдаты, побуждаемые офицерами-заговорщиками, отказались было присягать, и только после ареста офицеров спокойствие среди солдат было водворено. Кавалергардский полк присягнул лишь после того, как командир полка перед фронтом произнес торжественную клятву в том, что Константин отрекся добровольно, а Николай назван наследником еще при жизни Александра I. Не без трений прошла присяга в Преображенском и Измайловском полках. В других полках дело приняло опасный для Николая оборот.

¹ Воспоминания Бестужевых, стр. 64.

² Восстание декабристов. Материалы, т. I, М.—Л., 1925, стр. 248.

К. Ф. Рылов (1795—1826). Гравюра с портрета неизвестного художника 20-х годов XIX в.

В Московском полку солдаты 3-й роты, которой командовал М. А. Бестужев, были им в течение некоторого времени подготавливаемы к восстанию. Они в свою очередь вели пропаганду в других ротах. В результате этого заговорщикам удалось вывести из казармы до 700 человек со знаменами и боевыми патронами. Оставшихся в казармах солдат с трудом удалось успокоить и привести к присяге. Часть их упорно продолжала отказываться от присяги. До нас дошли имена некоторых из солдат, проявивших особую активность в разыгравшихся событиях. Это — рядовой 6-й роты Николай Повецкий, унтер-офицер 2-й роты Луцкий, фельдфебель 6-й роты Клементьев, гренадер Красовский. Все они оказали громадную

помощь офицерам-заговорщикам в их усилиях поднять полк, и то, что значительная его часть покинула казармы и вышла на Петровскую площадь, следует в значительной мере приписать активности как этих, так и других солдат, имена которых остались неизвестными.¹

Московцы, с боем вырвавшиеся за ворота казарм, которые находились у Семеновского моста (ныне Фонтанка, 90), заполнили Гороховую улицу. Офицерам удалось построить солдат и повести по Гороховой на Петровскую площадь. За солдатами шла толпа людей, привлеченных необычайным зрелищем. Попытки полицейских офицеров отогнать их от солдат вызвали протест со стороны последних, и некоторые из полицейских были избиты солдатскими прикладами. Придя на Петровскую площадь, московцы стали у памятника Петру и пострелили в каре.

Когда весть о событиях в Московском полку достигла Гренадерского полка, в котором присяга только что была принесена без особых осложнений, член Северного общества поручик А. Н. Сутгоф, командир 4-й фузелирной роты, бросился в свою роту и несколькими фразами, обращенными к солдатам, поднял ее. Солдаты быстро оделись, захватили боевые патроны и выбежали на полковой двор. Сутгоф повел роту на Петровскую площадь. Путь лежал от Аптекарского моста на Петербургской стороне, где находились казармы полка, через Васильевский остров и оттуда, по существовавшему тогда Исаакьевскому мосту, прямо на площадь. Вслед за Сутгофом из казарм Гренадерского полка во главе страды солдат вышел член Северного общества поручик Н. А. Панов и, пройдя по Миллионной улице мимо Зимнего дворца и не сделав ни малейшей попытки взять его, хотя к тому представлялась возможность, присоединился к стоявшему на площади каре. Действенными помощниками Панова в выводе его отряда из казарм были солдаты: барабанщик Федор Трофимов, рядовые Даниил Соловьев и Пантелей Долговязов, унтер-офицер Трофим Федотов.²

Среди членов Северного общества были не только сухопутные, но и морские офицеры. Многие офицеры Гвардейского экипажа были связаны с членами тайного общества. Утром 14 декабря матросы экипажа отказались присягать. Когда во дворе казарм появился капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа Н. А. Бестужев, бывший одним из активных членов Северного общества, и сообщил, что на Петровской площади уже собрались московцы, матросы вывели на улицу и с развернутыми знаменами направились к тому месту, где готовились разыгаться трагические события дня. Гвардейский экипаж (казармы его находились в Коломне у Никольского моста) явился на Петровскую площадь вслед за Московским полком. Он двигался через Мойку к Неве и, дойдя до Галерной улицы, повернул по ней к площади.

¹ С. Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930, стр. 71, 72.

² Там же, стр. 76.

На Сенинскій плаціде 11 декабря 1825 г. Авторъ К. П. Кольчинъ 1825 г.

Николай был предупрежден о заговоре еще 12 декабря через предателя Е. И. Ростопцева, которому о заговоре сообщил Оболенский, пытаясь вовлечь его в тайное общество. Кроме того, Николай получал из Таганрога донесение ген. И. И. Дибича о том, что среди бумаг покойного царя обнаружены документы, удостоверяющие факт заговора во 2-й армии на юге и в Петербургском гарнизоне. Поэтому для Николая не было неожиданностью известие о том, что у памятника Петру выстроилось каре, численность которого возрастала. Он начал принимать меры с целью изолировать восставших и не допускать присоединения к ним других воинских частей. К Зимнему дворцу были приведены преображенцы и кавалергарды. Конная гвардия заняла место вдоль Адмиралтейского бульвара. На Галерной улице расположился Павловский полк. На углу здания Сената и Английской набережной выстроились конно-пионеры. Так была выполнена задача окружения каре.

Видели ли это декабристы, собравшиеся на площади? Безусловно. Среди них было немало людей, имевших военный опыт и отично понимавших, что обозначает постепенное образование вокруг каре кольца войск, оставшихся на стороне правительства. Они не могли не знать, что за этим последует атака со стороны войск Николая. И в то же время они не сделали попытки перейти самим в наступление. Трубецкой, изменив восстанию, вовсе не явился на площадь в течение всего дня. Выбранный тут же диктатором, Оболенский не проявил активности. Восстание без руководства было обречено на быстрое и полное поражение.

Николай далеко не был уверен в своих силах и не решился перейти к активным действиям сразу же, как только около памятника построились москвитцы. Более того, он был явно испуган развернувшимися событиями и принял меры к бегству из Зимнего дворца, если бы это оказалось необходимым. Но он все же не бездействовал. Еще в то время, когда окружение восставших не было закончено, он сделал попытку несколько раз атаковать их конногвардейцами. Атаки не удались: они были встречены выстрелами из каре и, что особенно напугало Николая, поленьями, которые кидала собравшаяся тут же на площади толпа народа. Площадь была усеяна народом, из среды которого раздавались угрозы по адресу правительственных войск и выражалось явное сочувствие восставшим. М. М. Попов, оставивший точную запись событий 14 декабря, писал: «Толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, в концах ближайших к ней улиц, на Исаакиевском мосту и набережных обеих сторон Невы».¹ Часть толпы вообразилась на крышу Сената и оттуда бросала в конногвардейцев поленья, захваченные на сенатском дворе. Поленьями кидали в атакующих конногвардейцев и те люди из толпы, которые проникли за забор строящегося Исаакиевского собора. Одни из них влезли на забор и оттуда поленьями, подаваемыми другими, кидали в солдат.

¹ М. М. П о п о в. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года. Сб. «О минувшем», 1909, стр. 119.

Одному из офицеров был нанесен такой удар поленом, что он потерял сознание. Как писал в Комиссию о построении Исаакиевской церкви комиссар строительства надворный советник Боттом в донесении от 15 декабря 1825 г., всего было взято пародом и сожжено войсками в ночь с 14 на 15 декабря 32 сажени дров.¹ Неудача атаки коногвардейцев заставила Николая прибегнуть к другим мерам. Он послал к каре митрополита Серафима, вел. кн. Михаила Павловича, генерала Сухозанета и других с целью убедить солдат разойтись. Посылка этих парламентаров результата не дала. Граф М. А. Милорадович, с той же целью подъехавший к каре, был смертельно ранен П. Г. Каховским. Поведение народа на площади становилось все более и более угрожающим.

Николай с тревогой следил за толпой, с каждым часом все увеличивающейся. Он заметил, что многие из толпы перебежали к солдатам. Эти люди убеждали солдат держаться, обещая им поддержку. Николай отдал распоряжение очистить площадь, и полиция принялась разгонять народ. Возбуждение было столь велико, что некоторым из полицейских, действовавшим с особенной энергией, пришлось плохо. Так, В. К. Кюхельбекер с товарищами с трудом вырвали из рук толпы полицейского драгуна, которого толпа едва не растерзала. Унтер-офицер Московского полка Лудский вместе с несколькими рядовыми избил разгонявшего толпу полицейского. Все это были опасные симптомы. «Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообразиться черня», — так вспоминал впоследствии сам Николай.² Настал самый трагический момент этого памятного дня.

Николай решил пустить в ход артиллерию. Три орудия были поставлены на углу Адмиралтейского бульвара недалеко от дома кн. Лобанова-Ростовского (ныне дом № 12 по Адмиралтейскому проспекту). Подъехав к орудиям, Николай дал команду первому орудью к стрельбе. После команды «пли» выстрела не последовало. Командующий орудиями поручик Бакунии спросил у фейерверкера, почему нет выстрела. «Свой, ваше благородие», — ответил фейерверкер. Тогда Бакунии сам произвел выстрел. Картечь пронеслась над каре. Выстрел из второго орудия поразил центр каре. Солдаты бросились бежать. Третий выстрел был произведен по бегущим. Солдаты, не будучи в состоянии прорваться через заслоны, установленные Николаем, бросились кто на лед Невы, кто на Галерную улицу. На Галерной братья Н. А. и А. А. Бестужевы, а на льду реки М. А. Бестужев пытались построить солдат для контратаки. Но построенные ими ряды рассеяло несколько новых орудийных выстрелов. Прошло несколько минут после первого картечного выстрела, и площадь опустела. Трупы убитых солдат и людей из толпы, кровь на снегу и следы картечи на стенах здания Сената говорили о том, что на этом месте российский самодержец только что

¹ ЦИАЛ, Кабинет Монферрана, д. № 72, л. 6.

² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л., 1926, стр. 27.

расстрелял людей, поднявших первое вооруженное восстание против самодержавия в самой его столице.

Николай вернулся в Зимний дворец. Он не был еще уверен, что одержанная им победа окончательна. На Дворцовой площади была выставлена сильная охрана, остававшаяся здесь всю ночь. Войска стояли на Миллионной улице, на Адмиралтейской и Петровской площадях, на Галерной улице, на Васильевском острове. Окрестности дворца были превращены в военный лагерь. По Невскому проспекту и по Мойке патрулировали отдельные отряды. Патрули не снимались в течение нескольких суток. Они не допускали собираться толпами и не пропускали к дворцу подозрительных людей. В течение двух недель каждую ночь внутренний двор дворца занимали несколько рот Преображенского полка, а в воротах ставились пушки.

Все эти меры предосторожности оказались излишними: тягостное опеченение царило в городе, только что пережившем жестокое потрясение. В ночь с 14 на 15 декабря начались аресты членов тайного общества. Восстание было подавлено.

Весть о разгроме восстания в Петербурге, через короткое время пришедшая на юг, произвела тяжелое впечатление на членов Южного общества. Но они все же решили организовать давно подготавливавшееся ими выступление. 29 декабря началось восстание Черниговского полка. Его возглавил С. И. Муравьев-Апостол (Пестель был арестован еще 13 декабря). Восставшие черниговцы направились к Белой Церкви, рассчитывая на присоединение других полков. Но, как и севернее, члены Южного общества не имели твердо выработанного наступательного плана. Они потеряли много драгоценного времени, в то время как части, оставшиеся верными правительству, быстро организовали контрнаступление. 3 января около деревни Ковалевки восставшие были разгромлены.

Восстание декабристов явилось реализацией идеи революционной борьбы с самодержавием, идеи, оформившейся к исходу первой четверти XIX в. в кругах передовой дворянской интеллигенции под воздействием разложения феодально-крепостнической монархии. Несмотря на поражение движения и его крайне слабую связь с народными массами, дело декабристов дало свои плоды. Ближайшие же годы после кровавой расправы с декабристами показали, что борьба с самодержавно-крепостническим государством, начатая дворянскими революционерами, не только продолжается, но и развивается.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА 30—50-х годов XIX в.

Восстание декабристов, под знаком подавления которого Николай I взшел на престол, оказало сильное влияние на политику первых лет его царствования и в той или иной мере отражалось на правительственной политике всей второй четверти XIX в. Первой реакцией правительства Николая I на выступление членов тайных обществ было стремление обезопасить самодержавие от возможности повторения чего-либо подобного тому, что произошло в Петербурге 14 декабря. Оно стремилось как можно скорее выяснить размеры декабристского движения, чтобы уничтожить всякие следы его. Следствие по делу о декабристах было произведено с быстротой, совершенно необычной в практике российских правительственных учреждений. Следствие, к которому было привлечено около 600 человек, закончилось в течение пяти с половиной месяцев.

К 17 декабря почти все члены Северного общества, находившиеся в Петербурге, были арестованы. Членов Южного общества привозили в Петербург в течение января и февраля 1826 г. В ночь с 14 на 15 декабря в Петропавловскую крепость было доставлено около 700 солдат и матросов, принимавших участие в восстании. Они недолго пробыли в крепости: в январе их почти всех вывезли в Выборг и Кексгольм. В Петропавловской крепости оставались только те солдаты, какие привлекали особое внимание Следственного комитета. Среди них были унтер-офицер Гренадерского полка П. Иевлев, фельдфебель Московского полка К. Нежинцев, рядовые Гренадерского полка П. Долговязов, С. Рытов, Д. Соловьев, Ф. Трофимов,

*Трубчатой бастион Петропавловской крепости. Место заключения декабристов.
(Ныне филиал Музея Революции).*

Т. Федотов. Солдаты-гренадеры содержались в крепости более двух лет. Суд приговорил их к 8 тысячам шпиритенов каждого, и приговор был приведен в исполнение тут же в Петропавловской крепости.

Арестованных членов тайных обществ привозили в Зимний дворец, где их допрашивали царь и генерал В. В. Левашев. Николай, обнаруживший во время этих допросов качества лицемерного следователя и жестокого палача, отсылал арестованных в Петропавловскую крепость с препроводительными записками коменданту А. И. Сукину, в которых указывалось, где и как содержать арестанта. Первые арестованные были заключены в Алексеевский рavelин. Это были К. Ф. Рылев, А. Н. Сутгоф, кн. Д. А. Щепи-Ростовский. Скоро в рavelине не стало хватать места для присылаемых, и их пришлось размещать по куртинам и даже по солдатским казармам, наскоро превращаемым в тюрьмы с одиночными камерами. Сирость, недостаток света, обилие всевозможных насекомых в камерах, плохое питание, кандалы за упорство в показаниях, инквизиционные методы допросов — таковы были условия заключения декабристов в Петропавловской крепости.

По окончании следствия была разыграна комедия суда над декабристами. Манифестом 1 июня 1826 г. учреждался Верховный уголовный суд из 72 человек, принадлежавших к высшей гражданской и военной бюрократии. Никакого судебного разбирательства Верховный уголовный суд не производил. Все его функции ограничились тем, что он разделил декабристов на разряды и установил меру наказания для каждого разряда. Когда это дело было закончено, каждого обвиняемого вызывали в суд, заседавший тут же в крепости, и предлагали удостоверить, что показания подписаны им собственноручно и что ему были даны очные ставки. В этом и заключалась вся процедура суда. Это было столь мало похоже на судебное разбирательство, что многие декабристы так и не узнали, что над ними состоялся суд.

Декабристы были разделены на 11 разрядов. Пять человек — П. И. Пестель, К. Ф. Рылев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин — были поставлены вне разрядов и приговорены к четвертованию, замененному при конфирмации приговора повешением. Остальных постигли разные наказания — от каторги до разжалования в солдаты с правом выслуги. В ночь на 13 июля 1826 г. в крепости состоялось приведение приговора в исполнение. На дугу подле Кронверкской куртны были зажжены костры, в которые палачи бросали мундиры и ордена осужденных. Осужденные стояли на коленях, и над головой каждого из них была сломана шпала. После этого обряда гражданской казни (над декабристами-моряками она была произведена на корабле «Князь Владимир», стоявшем на Кронштадтском рейде) на плацу кронверка крепости были казнены пятеро осужденных. Тотчас после казни трупы были увезены и, по сохранившемуся преданию, похоронены на острове Голодае (ныне остров Декабристов). Место погребения до сих пор не установлено. Через несколько дней началась отправка осужденных декабристов на каторгу и в крепости. Постепенно Петропавловская крепость пустела. Дольше в ней оставался Г. С. Батенков, проведший 20 лет в одиночной камере Алексеевского рavelина, — только в 1846 г. он был отправлен в Томск под надзор полиции.

Еще далеко не закончилось следствие над декабристами, а правительство Николая I и сам он лично приступили к разработке тех мероприятий, какие казались необходимыми, чтобы обеспечить самодержавие от возможных покушений на него в будущем. К этим мероприятиям относятся учреждение III Отделения «собственной его императорского величества канцелярии», корпуса жандармов и усиление пензурных строгостей.

Наиболее надежным средством предотвратить возможность повторения восстания, подобного декабристскому, была, по мнению Николая I, армия. Царь чрезвычайно любил демонстрировать силу и блеск армии на бесчисленных парадах и маневрах. Зрители, уходя с разыгранных в их присутствии блистательных спектаклей, должны были уносить с собой убеждение в непреодолимой мощи самодержавия. В Петербурге и его пригородах подобные спектакли устраивались особенно

часто. Марсово поле, плацы в Красном Селе, Гатчине, Петергофе были узаконенными традицией местами смотров и парадов.

Несмотря на внешний блеск власти, опасности, угрожавшие самодержавно-крепостнической монархии, не исчезли. Напротив, они возрастали, и жизнь постоянно напоминала царю о них. Разнообразные проявления протеста против самодержавия, проходившие через николаевское царствование во все увеличивающихся размерах, свидетельствуют об этом с полной убедительностью.

В 1826 г. в некоторых районах страны произошли крестьянские и рабочие волнения: на Украине, в Петербургской, Ярославской, Рязанской, Псковской и других губерниях.

В 1826—1830 гг. в печати, вопреки строжайшему запрещению, под инициалами или анонимно появлялись стихотворения поэтов-декабристов. Так, например, в 1827 г. в петербургском журнале «Северные цветы» и в петербургском альманахе на 1828 г. «Альбом северных муз» были напечатаны стихотворения К. Ф. Рыльева. «Литературная газета» в 1830 и 1831 гг. поместила несколько стихотворений на А. И. Одоевского. Появлялись на страницах различных изданий и стихотворения В. К. Кюхельбекера. В 1827 г. были написаны А. С. Пушкиным два стихотворения: «Во глубине сибирских руд» и «Арion». Первое из них в России появилось в печати только в 1874 г. «Арion» был напечатан в 1830 г. лишь потому, что цензура не разгадала заключенного в нем намека на бурю, разразившуюся над декабристами.

В 1827 и 1831 гг. в Москве были раскрыты кружки братьев П. И., В. И. и М. И. Критских и Н. П. Сунгурова. Члены обеих организаций считали себя продолжателями дела декабристов. В Петербурге в годы, последовавшие за восстанием декабристов, не было обнаружено тайных кружков и обществ. Но к мысли о них, вероятно, не раз обращались представители передовой дворянской молодежи, и только бдительный жандармский надзор не давал возможности ее реализовать.

О том, что передовая дворянская интеллигенция после разгрома декабристского движения отнюдь не стала верноподданнически настроенной, могут свидетельствовать отклики в Петербурге на июльскую революцию во Франции. В «Литературной газете», издававшейся А. А. Дельвигом, в номере от 28 октября 1830 г. появилось четверостишие на французском языке Казимира Делавиня, которое предполагалось высечь на памятнике жертвам июльской революции. Через два дня после выхода в свет этого номера шеф жандармов гр. А. Х. Бенкендорф вызвал Дельвига к себе и после разговора с ним пришел к заключению, что его надо отстранить от руководства «Литературной газетой». По докладу Бенкендорфа Николай I запретил Дельвигу издание «Литературной газеты». На Дельвига это произвело гнетущее впечатление. Он заболел и скоро умер. Будущий профессор Московского университета В. С. Печерин, вспоминая о настроениях петербургского студенчества, писал: «Воздух освежел, все проснулось — даже и казенные студенты. Да и как еще проснулось! Слово дух святой снизошел на них. Начали говорить

каким-то новым, дотоле несслыханным языком: о свободе, о правах человека, и пр. и пр.»¹

Любопытные факты сообщает отчет III Отделения за 1830 г. По словам автора отчета, дворянская молодежь громко приветствовала победу революции во Франции и выражала желание, чтобы революция «обошла весь мир». Отчет сообщал о распространении в России «все возрастающей склонности к переменам и новшествам». Автор отчета отмечал, что стихотворения Пушкина «Книжале», «Вольность» и другие широко распространяются в списках, что многие стремятся посеять недоверие к правительству, рисуют императора деспотом, «не уважающим ни законы, ни личную неприкосновенность», распускают тревожные слухи и вообще стараются препятствовать распространению монархических идей.²

Известно также, что Пушкин сочувствовал революции во Франции. Он возмущался Польняком, ординарсы которого отменили конституционную хартию, и считал его достойным казни.

Сочувственно было встречено передовой интеллигенцией польское восстание 1830—1831 гг. Передовая часть общества была возмущена той жестокой расправой, которую учинил Николай I над восставшими.

Если сочувствие французской революции, явно проявившееся в кругах петербургской интеллигенции, вызывало некоторую тревогу в правительстве Николая I, то в состоянии сильнейшего беспокойства его приводили грозные вести о размахе, который приняло в эти годы массовое движение в самой России. В 1830 и 1831 гг. по стране прокатилась волна крестьянских и солдатских выступлений. Поводом к ним послужила эпидемия холеры, посетившая разные районы России и произведшая сильные спустошения в Петербурге. В 1831 г. в Петербурге произошел «холерный бунт», надолго оставивший после себя память в народе и давший повод раболепствующим царедворцам воспевать «мужество» и «самоблагодание» царя, якобы одним своим присутствием погасившего бунт в самом его зародыше.

Еще в конце 1830 г. в Петербург стали проникать слухи о приближении холерной эпидемии. Первые заболевания начались летом 1831 г. В течение нескольких дней эпидемия охватила весь город. 19 июня А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Наковец, холера, со всеми своими ужасами, явилась и в Петербурге. Повсюду берутся строгие меры предосторожности. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности». Никитенко отмечал, что в городе недовольны распоряжениями правительства, мало надеются на генерал-губернатора. Бедные люди боятся больницы и верят слухам, будто доктора отравляют больных. «Нет никого, — записывал

¹ Цитируется по статье: Н. К. П л к с а н о в. Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова. Историко-литературный сборник, под ред. С. И. Вышкова, Ф. М. Головенченко. С. М. Петрова, М., 1947, стр. 210—211.

² Красный архив, т. 38, 1930, стр. 138, 141—142.

Никитенко 20 июня, — кто бы одушевлял народ и возбудил в нем доверие к правительству. От этого в разных частях города уже начинаются волнения.¹ Если для Никитенко и многих других людей его круга ускользал смысл народных волнений, связанных с холерной эпидемией, то некоторые из современников разгадали его. Так, кн. П. А. Вяземский еще 31 октября 1830 г. занес в свою записную книжку: «Любопытнее изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной певолы к воле всемогущей сказывается здесь решительно. Даже и наказания боини почитает она наказаниями власти... Из всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более ведуг политический, чем естественный». ² Холерные бунты были одной из форм народной борьбы с правительством и господствующим классом.

21 июня на Сенной площади, где находилась центральная холерная больница, произошли волнения. Народ остановил карету с холерными больными, освободил их, а карету разбил. Поведение народа было угрожающим: в толпе кричали, что народ даст себя знать, что он не позволит себя обмануть. На следующий день события на Сенной площади приняли еще более грозный характер. Вызванная полиция не смогла ничего сделать с разбушевавшейся толпой и обратилась в бегство. Власти прибегли к воинской силе. Преображенский и Семеновский полки оцепили площадь, а один батальон Семеновского полка, поддерживаемый артиллерией, занял площадь. Действиями правительственных войск, как и во время восстания декабристов, руководил непосредственно царь. Стихийное выступление масс было подавлено. Но народ успокоился не сразу. В течение нескольких дней после разыгравшихся на Сенной площади событий в городе собиралась толпы людей, немедленно разгоняемые полицией и войсками. Глухое брожение продолжалось, лишь постепенно сходя на нет.

Холера пошла на убыль. Но тревога долго не могла улететь. Состоятельные люди, постаравшиеся уехать из Петербурга в пригороды при первой вспышке эпидемии, продолжали отсиживаться на своих дачах. Лишь осенью, когда эпидемия совершенно прекратилась, они стали возвращаться в город. Но даже и теперь некоторые решались на это не прежде того, как посланные ими «на испытание» дворовые оставались в течение испытательного срока здоровыми. Только после этого они отваживались на возвращение в город.

Не менее, чем стихийные выступления народа во время эпидемии холеры, вызвали тревогу в правительственных кругах волнения рабочих, которые вспыхивали то в одном, то в другом районе страны (например волнения на суконной фабрике Осокина в Казани в 1836 г., на Всеволодоблагодатских приисках в Вологодской губернии в 1838 г. и др.). В самом Петербурге рабочие волнения в первой половине века широкого распространения не получали.

¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 214.

² П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, стр. 94—95.

Июльская революция, польское восстание, а в России вспышка массового движения в 1830 и 1831 гг. вызвали усиление реакции. Это нашло выражение в целом ряде правительственных мероприятий, относящихся к внутренней политике, — усиление цензурных строгостей, ограничение прав дворянского самоуправления и др. В это же время, т. е. в первой половине 30-х годов, окончательно складывается та идеология реакционно-крепостнического дворянства, широко пропагандируемая правительством, которая получила название «теории официальной народности». В арсенале средств, с помощью которых николаевское правительство подавляло всякое движение протеста, «теория официальной народности» заняла видное место.

Эта «теория» была сформулирована С. С. Уваровым, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым. В области литературы с ними вместе выступали Н. В. Кукольник, Н. И. Греч, О. И. Сенковский, Ф. В. Булгарин. Каждый из них внес в дело создания правительственной идеологии свою долю участия. Погодин «обосновывал» ее исторически; одинаковые с ним мысли высказывал Шевырев в своих работах по истории литературы. Но в применении к задачам текущей политики с наибольшей ясностью и законченностью ее разработал Уваров.

Уваров заявлял, что в основу всей системы образования должны быть положены «охранительные начала православия, самодержавия и народности», что задача правительства заключается «в умножении умственных плотин», долженствующих предотвратить влияние «разрушительных», по его словам, т. е. революционных, понятий. По свидетельству умеренного либерала Никитенко, Уваров откровенно заявил: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей просвещение, то я исполню мой долг и умру спокойно».¹

Два петербургских периодических издания — «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» — усердно пропагандировали те «начала», которые Уваров, в качестве министра народного просвещения, положил в основу правительственной политики. «Северная пчела», издававшаяся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем, приобрела печальную славу одного из грязнейших листков в истории русской периодической печати. «Библиотека для чтения» издавалась О. И. Сенковским. Этот журнал был подстать «Северной пчеле». В правительственных кругах он пользовался поддержкой, хотя и далеко не столь энергичной, как «Северная пчела», фактически бывшая официозом николаевского правительства.

Представители передовой дворянской и разночинной интеллигенции находились под тяжким гнетом беннедорфско-уваровской системы. Побуждаемые волнениями широких народных масс, они боролись с ней и в этой борьбе обогащали общественную мысль, направленную на освобождение народа от крепостничества и самодержавия. Одной из наиболее действенных форм борьбы была печать.

В Петербурге появление журналов, направление которых определялось враждебным отношением ко всей системе николаевской реакции, тесно было связано

¹ А. В. Никитенко, ук. соч., стр. 267.

с именем Пушкина. Пушкин давно делал мечту о журнале, который мог бы вырвать из рук Булгарина и Греча монополию печатания политических статей. Он страстно добивался возможности противопоставить продажному слову Булгарина честное и горячее слово подлинного патриота. Но монополия печатания политических статей долго оставалась за Булгариным и Гречем. Тем не менее, участие Пушкина в петербургских журналах имело большое значение в борьбе с Булгариным и, следовательно, с стоявшим за ним правительством Николая I.

Когда Дельвигу было разрешено издавать «Литературную газету», Пушкин с радостью принял предложение в ней участвовать. Он стал близким помощником Дельвига до редактирования газеты, а некоторую часть номеров выпустил самостоятельно. Пушкину были обиданы читатели «Литературной газеты» тем, что

в ней они могли прочесть стихотворения декабристов. Пушкину была обидана русская литература тем, что участие в газете принял молодой и неизвестный тогда Н. В. Гоголь. Не добившись разрешения печатать в «Литературной газете» политический материал, Пушкин вложил всю силу своего гнева в блестящую полемическую борьбу против Булгарина, которую он рассматривал как важную политическую задачу. Булгарин предпринял настоящую травлю Пушкина на страницах своей газеты, травлю, в которой он стер всякие границы между литературной полемикой и доносом в III Отделение.

На эту травлю великий поэт, все творчество которого было выражением величия и богатства духа русского народа, поэт, неразрывными узами связанный с своим народом, не мог не ответить. Пушкин нанечатал в «Литературной газете» статью «О записках Видока» (Видок был известный французский сыщик), в которой публично разоблачил Булгарина не только как хвастуна и нечистого на руку человека, но и как шпиона. Эта статья вместе с эпиграммой Пушкина «Не то беда, что ты поляк» произвела настолько большой шум, что цензура стала запрещать статьи о Видоке, видя в них намеки на Булгарина.

СОВРЕМЕНИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Титульный лист «Современника» 1836 г.

Необходимость создания политического журнала, направленного против апологии крепостничества, ощущалась настолько остро, что в 1831 г., когда «Литературная газета» была закрыта, Пушкин пытался добиться разрешения издавать свой собственный орган под названием «Дневник. Политическая и литературная газета».хлопоты, продолжавшиеся полтора года, ни к чему не привели. Поэту надолго пришлось отложить мысль об издании собственного журнала.

Только перед самой смертью ему удалось осуществить ее. В 1835 г. он получил разрешение издавать сборники, выходявшие четыре раза в год, под названием «Современник».

Но в этом издании ему было запрещено касаться политических вопросов, оно должно было ограничиться литературно-художественной тематикой. В «Современнике» печатались произведения П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя. Сам Пушкин поместил в нем «Капитанскую дочку», «Скупого рыцаря» и несколько стихотворений, а также ряд статей, в которых во всем блеске развернулся его публицистический талант.¹ Совсем незадолго до смерти он решил пригласить в «Современник» В. Г. Белинского, угадав в нем необычайной силы критика. Пушкин приветствовал в его лице вступление в литературу и публицистику разночинца. В одном из черновиков «Путешествия из Москвы в Петербург» он писал: «Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия».²

Пушкин в 30-х годах в своей художественной и публицистической деятельности стоял на декабристских позициях. Его объединяла с ними ненависть к самодержавию и крепостному праву. Пушкину были присущи и многие черты дворянской ограниченности, проявлявшиеся у декабристов. Но вместе с тем ему была очевидна ошибочность тактики декабристов, считавших возможным добиться изменения социально-политического строя России путем военного заговора. Пушкин не высказывался ясно о средствах борьбы с самодержавием и крепостничеством. Однако то обстоятельство, что именно народ и народные движения являлись главной темой ряда его произведений («Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др.), свидетельствует, что он обращался к мысли о народной революции.

О том, каким влиянием пользовался среди населения Пушкин, какую любовь он завоевал, а значит, как мало сочувствия возбуждали идеи, распространяемые

¹ Н. К. П и к с а н о в. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832): Пушкин и его современники, материалы и исследования, вып. V, СПб., 1907, стр. 30—74. А. А. Ф о м и н. Пушкин и журнальный триумф 30-х годов. Пушкин, Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз—Ефрон, т. V, СПб., 1911, стр. 451—492.

² А. С. П у ш к и н. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 640.

правительством Николая I через Уварова и Булгарина, лучше всего свидетельствуют отклики на смерть Пушкина среди жителей Петербурга.

27 января 1837 г. в Невской деревне, на набережной Черной речки произошла дуэль Пушкина с Дантесом. Теперь уже не может подлежать никакому сомнению, что эта дуэль явилась результатом заговора петербургской аристократии во главе с самим царем против великого поэта. Эмигрант и монархист Дантес явился оружием, избранным врагами Пушкина. Смертельно раненный поэт был привезен на свою последнюю квартиру (Мойка, дом ин. Волконской, ныне № 12). Весть о том, что Пушкин умирает, мгновенно распространилась по городу, и к дому на Мойке потянулось множество людей из самых разнообразных слоев населения Петербурга. Чтобы удовлетворить стремление всех этих друзей Пушкина знать о состоянии его здоровья, на дверях его квартиры был вывешен бюллетень: «Первая половина ночи беспокойна, последняя лучше. Новых угрожающих припадков нет; но также нет, и еще быть не может облегчения».¹

Смерть Пушкина 29 января вызвала широчайшие отклики в Петербурге. По словам И. И. Панаева, «трагическая смерть Пушкина пробудила Петербург от апатии. Весь Петербург всполошился. В городе сделалось необыкновенное движение. На Мойке, у Певческого моста... не было ни прохода, ни проезда. Толпы народа и экипажи с утра до ночи осаждали дом; извозчиков нанимали, просто говоря: „к Пушкину“, и извозчики везли прямо туда. Все классы петербургского народонаселения, даже люди безграмотные, считали как бы своим долгом поклониться телу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацию, на очнувшееся вдруг общественное мнение».² П. И. Бартенев, со слов современников-свидетелей, писал, что во время отпевания Пушкина площадь перед церковью представляла собой «сплошной ковер из человеческих голов».³ Такое стечение народа тем примечательнее, что отпевание состоялось не в Исаакиевском соборе, как то было объявлено официально, а в Конюшенной церкви, куда по распоряжению полиции тело поэта было тайком перенесено ночью из квартиры. А. В. Никитенко писал в своем дневнике, что похороны Пушкина были действительно народными похоронами, «все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге — все стеклось в церкви, где отпевали поэта».⁴ После отпевания гроб с телом Пушкина ночью был тайно отправлен в село Михайловское — настолько боялся царь выражений народного гнева и скорби при похоронах великого национального поэта. Гроб сопровождали лишь А. И. Тургенев, слуга Пушкина Никита Козлов да жандармы. Основания бояться народной демонстрации у Николая были: прусский посланник доносил своему правительству, что «уже в течение нескольких дней в Петер-

¹ Цитируется по книге: Б. Мейлах. А. С. Пушкин. М.—Л., 1949, стр. 163.

² И. И. Панаев. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 96.

³ Русский архив, 1879, I, стр. 397.

⁴ А. В. Никитенко, ук. соч., стр. 284.

бурге раздаются самые страшные речи, причем, между прочим, утверждают, что г. Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным выразителем идеи народной свободы.¹

Боязнь общественного возбуждения у Николая была столь велика, что он запретил что-либо печатать о Пушкине. «Это очень волнует умы»,² — записал в своем дневнике Никитенко. Когда еще до этого запрещения А. А. Краевский в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» поместил несколько проникнутых глубокой скорбью строк, посвященных памяти Пушкина, это вызвало возмущение Уварова. Особенно злобствовал Уваров по поводу слов Краевского о том, что Пушкин скончался «в середине своего великого поприща». «Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Писать стихи не значит еще... проходить великое поприще», — возмущался Уваров.³

Но если в печати было запрещено касаться имени Пушкина, то, как свидетельствует И. И. Панаев, стихи М. Ю. Лермонтова на смерть поэта «переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми». Панаев имеет в виду стихотворение «Смерть поэта», в котором Лермонтов с поразительной силой заклеил убийц Пушкина.⁴ Николаевские жандармы зорко следили за малейшим проявлением протеста против деспотического произвола, и не прошло и месяца после смерти Пушкина, как Лермонтов был арестован. Через несколько дней по распоряжению царя он был выслан на Кавказ.

Кризис самодержавно-крепостнической империи нарастал с каждым десятилетием. Он проявлялся во всех областях жизни николаевской монархии — в экономике, в политике, в социальных отношениях, в общественном сознании. В 40-х годах он еще более усилился.

В 40-х годах массовое антикрепостническое движение достигает большого размаха. В 1841 г. на Ревдинском заводе на Урале вспыхнуло одно из самых крупных рабочих волнений в течение всего дореформенного времени. В 40-х годах по всей стране происходили выступления государственных крестьян, повсеместными были волнения помещичьих крестьян. Число крестьянских волнений увеличивалось от десятилетия к десятилетью. Между 1845 и 1854 гг. в среднем происходило по 35 волнений в год, т. е. почти в два раза больше, чем в предшествующее десятилетие.⁵ Эти выступления, в соединении с прокатившейся в 40-х годах во Франции волной стачек и усилением в Италии деятельности общества «Молодая Италия», активизировали русскую интеллигенцию и заставляли ее с еще большим напряже-

¹ В. Мейлах, ук. соч., стр. 165.

² А. В. Никитенко, ук. соч., стр. 286.

³ Русская старина, 1880, т. 28, стр. 536—537.

⁴ И. И. Панаев, ук. соч., стр. 96.

⁵ И. И. Игнатович. Крестьянские волнения. Сб. «Великая реформа», т. III, М., 1911, стр. 64.

нием искать путей разрешения социально-политических проблем, вставших перед страной в то переломное время. В 40-е годы закладываются основы революционно-демократического течения общественной мысли в России и окончательно формируются либерально-западническое и славянофильское течения.

Славянофилы были идеологами той части русских помещиков, которая перед угрозой революции готова была идти на некоторые уступки. Они признавали, что крепостное право себя изжило и должно быть отменено, но еще держались за требования о сохранении обязательных поземельных отношений. Они также были сторонниками восстановления в России земских соборов и смягчения цензурного режима. Вместе с тем они полностью сходились с открытыми крепостниками в стремлении сохранить основу феодального строя — помещичье землевладение, укрепить самодержавие, сходились в ненависти к революции и демократии.

Если представители революционно-демократической мысли находили себе опору везде в России, где только создавались необходимые для этого условия, то средоточием славянофильства стала Москва, а либерально-западнические течения получили наибольшее распространение в Петербурге. Славянофильство в Петербурге было представлено значительно слабее. К числу петербургских славянофилов одно время принадлежал А. А. Краевский. В редактируемых им «Литературных прибавлениях к Русскому пивалиду» была напечатана его статья «Мысли о России», в которой он говорил в славянофильском духе о противоположности исторических путей Запада и России. Статья Краевского была сочувственно принята частью петербургских писателей, однако сколько-нибудь широкого распространения славянофильство в Петербурге не получило.

Но в Петербурге находилась довольно многочисленная группа литераторов, критиков, общественных деятелей, принадлежавших к либеральному лагерю. Это были буржуазные либералы, высказывавшиеся за проведение реформы в крестьянском вопросе, в печати, суде, просвещении и т. д. Отражая интересы помещиков-предпринимателей и растущей буржуазии, они являлись сторонниками установления буржуазного строя. Преклоняясь перед буржуазной культурой Запада, они видели в ней предел своих исканий, почему и получили от славянофилов прозвище «западников». В Петербурге либеральное направление было представлено тогда и позднее П. В. Анненковым, К. Д. Кавелиным, А. Д. Галаховым и др.

Этим течениям противостояло революционно-демократическое. Развитие революционно-демократической мысли в России было связано с углублением кризиса самодержавно-крепостнической системы, с появлением первых представителей русских революционеров-разночинцев. Зарождался новый период революционного движения — разночинский, который шел на смену дворянскому и утвердился в эпоху отмены крепостного права.

Очаги революционно-демократической мысли зарождались как в Москве, так и в Петербурге. Самыми выдающимися ее представителями были А. И. Герцен и В. Г. Белинский.

Герцен, по определению В. И. Ленина, сыграл «великую роль в подготовке русской революции». В. И. Ленин писал о Герцене: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени».¹

Материалистическая философия Герцена была действительной — в этом ее превосходство над созерцательной философией Фейербаха. Герцен был революционером и социалистом. Не сумев — в силу социально-экономической отсталости России — встать на позиции научного социализма, Герцен превосходил утопический социализм Запада своим ясным пониманием того, что только массовая народная революция может принести освобождение народу. Разоблачая реакционный утопизм славянофилов и буржуазный космополитизм западников, Герцен отстаивал необходимость ликвидации царизма и крепостного строя.

Герцен до отъезда за границу в 1847 г. жил главным образом в Москве. Но он был близок и к Петербургу. Впервые Герцен побывал в Петербурге в декабре 1839 г. С мая 1840 по июнь 1841 г. он жил в Петербурге постоянно, находясь на службе в Министерстве внутренних дел. Квартира его находилась на углу Горьковой и Большой Морской (ныне ул. Герцена). Из Петербурга он был выслан в Новгород, а после окончания ссылки снова жил в Москве. Последний раз Герцен приезжал в Петербург в октябре 1846 г. Петербургу в значительной мере посвящена четвертая часть «Былого и дум». В Петербурге произошел ряд встреч Герцена с Белинским, сыгравших важную роль в идейном развитии их обоих. Важно отметить также, что петербургские журналы — «Отечественные записки» и «Современник» — были первой трибуной Герцена: в них напечатаны почти все его произведения 40-х годов. Среди них были такие замечательные памятники русской философской мысли, как «Письма об изучении природы», которые высоко оценил В. И. Ленин, и «Дилетантизм в науке», такие художественные произведения, как «Кто виноват?» и «Сорока-воровка».

В Петербурге наиболее ярким и крупным представителем революционно-демократического направления общественной мысли в 40-х годах явился В. Г. Белинский. Вся деятельность Белинского в Петербурге, куда он переехал из Москвы в 1839 г., была страстной борьбой против самодержавно-крепостнической монархии. К петербургскому периоду жизни Белинского относятся самые замечательные его работы, внесшие бесценный вклад в развитие революционной мысли в России. В. И. Ленин называл Белинского, вместе с Герценом и Чернышевским, предшественником русской социал-демократии. В работе «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин писал: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое „Письмо к Гоголю“, подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений

¹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 18, стр. 9.

А. И. Герцен (1812—1870). Рисунок К. Ватберга 30-х годов XIX в.

бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».¹ Имя Белинского принадлежит к именам великих русских людей, которыми гордится наша страна.

В. Г. Белинский приехал в Петербург в качестве руководителя критического отдела «Отечественных записок», приглашенный издававшим их А. А. Краевским. «Отечественные записки», начало которым было положено в 1819 г. П. П. Свиньным,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. X, стр. 223—224.

в 1831 г. прекратили свое существование. В 1839 г. Краевский стал издавать журнал под этим же названием. Журнал, в котором приняли участие М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, В. Ф. Одоевский и другие писатели, уже составившие себе имена в литературе, сразу же занял видное положение в петербургской журналистике. Популярности «Отечественных записок» в очень большой мере способствовал Белинский. Работа его в этом журнале была настоящим подвигом. Попав в кабалу к Краевскому, обязавшему его писать 40 листов в год за 3,5 тыс. руб. ассигнациями, Белинский был обречен работать через силу, борясь с нуждой и развивавшимся туберкулезом.

В «Отечественных записках» Белинский скоро стал главной фигурой. Сотрудниками его по журналу были Герцен и Некрасов. Эти три человека придали «Отечественным запискам» тот бсеовой дух, который отличал его от других журналов не только 40-х годов, но и всего предшествующего времени. «Я в мире — боец», — говорил о себе Белинский. В статьях, печатавшихся в «Отечественных записках», он, поскольку это было возможно по цензурным условиям, боролся против «официальной народности», против славянофилов и космополитов-западников. Он грогпагандировал материализм, страстно разоблачая ту идеалистическую философию, которая являлась знаменем либералов, славянофилов и откровенных крепостников. Белинский выступает как сторонник идеи социалистического преобразования общества. Конечно, социализм Белинского не мог не быть утопическим социализмом: в условиях николаевской России еще не сложилась та единственная сила, которая была в состоянии осуществить социалистическое преобразование общества — пролетариат. Но, как и Герцен, Белинский пошел дальше западных социалистов-утопистов. Белинский был революционером, убежденным в том, что новый общественный строй утвердится не восторженными фразами либералов, а революцией.

Белинский резко возражал против противопоставления «национального» «человеческому». Он считал, что полное развитие национального начала в народе есть необходимое условие того, чтобы этот народ мог являться «представителем человечества». В выявлении сильных сторон национального характера русского народа Белинский видел единственный путь его развития. Поэтому с такой силой он и обрушивался на космополитические взгляды, высказываемые либералами-западниками. Эти, по его выражению, «сторонники фантастического космополитизма» вызывали в нем своим преклонением перед Западом, оборотной стороной которого являлось презрение к русскому народу, настоящую ненависть. Незадолго до смерти в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», напечатанной уже после ухода Белинского из «Отечественных записок» в первом номере «Современника» в 1847 г., он в таких словах определил свое отношение к космополитизму: «Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гума-

В. Велицкий

В. Г. Велицкий (1810—1848). Литография К. А. Горбунова 40-х годов XIX в.

нических космополитов... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому».¹

Влияние Белинского на прогрессивную молодежь было огромным. В своих воспоминаниях о нем И. А. Гончаров писал: «Это был не критик, не публицист, не литератор только — а трибун. Публичная его трибуна — в журнале, другая, необходимая ему, дополнявшая первую, совершенно свободная, где он был парашку, — это домашняя трибуна...».² Журнальные статьи Белинского воспринимались передовой молодежью как горячее, сильное, правдивое слово лучшего представителя революционного поколения 40-х годов. Как вспоминал Герцен, «статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли „Отечественные записки“; тяжелый номер рвали из рук в руки. „Есть Белинского статья?“ — „Есть!“, и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, уважений как не бывало».³

Период «господства» Белинского в русской литературе относится к петербургским годам его жизни. Сам Белинский придавал своему переезду в Петербург большое значение. Очень интересен рассказ Герцена о его встрече с Белинским в Петербурге.

Известно, что в конце 30-х годов, находясь тогда под влиянием Гегеля, Белинский разделял и защищал положение о «разумности всего действительного», делая отсюда вывод о «разумности» крепостнической России. Это означало примирение с николаевской действительностью. Резкие споры по этому вопросу между Белинским и Герценом возникли еще в Москве. Продолжались они и в Петербурге. Белинский быстро осознал свою ошибку. При встрече в Петербурге Белинский сказал Герцену: «Ваша взяла: три-четыре месяца в Петербурге меня лучше убедили, чем все доводы. Забудемте этот вздор». С тех пор, говорит Герцен, до самой смерти Белинского «мы шли с ним рука в руку».⁴

В Петербурге Белинский жил замкнуто, избегая появляться в «литературном свете» и вращаясь в кругу только близких к нему лиц. Около него образовалась группа людей, глубоко его уважавших и смотревших на него как на своего учителя. В эту группу входили Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, а из Москвы приезжали А. И. Герцен, Н. П. Огарев. Наряду с тем Белинский пользовался громадным авторитетом среди русской передовой молодежи, испытывавшей на себе его благотворное воздействие.

Между 1842 и 1845 гг. Белинский жил в доме Лопатина на углу Певского и Фонтанки (ныне дом № 69 по Невскому). Здесь он, как сообщает А. Я. Панаева,

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 662.

² Белинский в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1948, стр. 382.

³ А. И. Герцен. Былое и думы. Л., 1946, стр. 222—223.

⁴ Там же, стр. 221—222.

снял маленькую квартирку в две комнаты по черной лестнице, с окнами, выходящими на конюшни и назозные кучи. Солнце никогда не заглядывало в эти окна. В квартире Белинского произошло несколько памятных литературных событий. Здесь И. А. Гончаров читал свою «Обыкновенную историю», здесь произошла первая встреча Белинского с Ф. М. Достоевским, только что написавшим, но еще не напечатавшим свою первую повесть «Бедные люди».

Непосильная работа губительно отражалась на здоровье Белинского. Он задыхался под тяжестью того книжного хлама, который ему, по условию с Краевским, приходилось рецензировать. Состояние его здоровья настолько ухудшилось, что друзья настояли на его поездке на юг. В 1846 г. эта поездка состоялась. Перед тем произошел разрыв Белинского с Краевским, требовавшим от критика сдержанности и осторожности. На это Белинский не пошел и отказался от сотрудничества в «Отечественных записках». Осенью 1846 г. он вернулся из своей поездки. Он поселился в доме Галченкова на Лиговской улице. Эта квартира оказалась последней квартирой Белинского.

По возвращении в Петербург Белинский начал работать в «Современнике», только что приобретенном Некрасовым и Панаевым от П. А. Плетнева, в руки которого издание перешло после гибели Пушкина. Новые журналы в 40-х годах Николай I запретил издавать, а потому приходилось ждать возможности приобрести право на издание от издателя какого-либо журнала, если он соглашался на такую переуступку. Белинский ожил, став сотрудником «Современника», как вспоминает Панаев. Но он не был простым сотрудником, а занял в журнале руководящее положение. Свой громадный авторитет и неистощимую энергию он употребил на то, чтобы привлечь в «Современник» лучшие литературные силы. В первых книжках журнала были напечатаны «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова, «Антон-Горемыка» Д. В. Григоровича, рассказы из «Записок охотника» И. С. Тургенева, «Полнышка Сакс» А. В. Дружинина. Сам Белинский напечатал в «Современнике» свои обзоры русской литературы за 1846 и 1847 гг., принадлежащие к числу лучших произведений великого критика. Все это сразу же завоевало «Современнику» симпатии в рядах прогрессивной интеллигенции, и на журнал, по признанию самого Белинского, смотрели в Петербурге, как на первый, т. е. лучший журнал.

Белинский радовался успеху «Современника» и строил планы расширения его отделов, привлечения новых сотрудников, словом, как всегда, горел неутомимой жаждой деятельности. Но здоровье его ухудшалось, физические силы угасали. Летом 1847 г. он уехал лечиться за границу. Здесь он написал свое знаменитое «Письмо к Гоголю», которое Герцен назвал его «лебединой песней». Как сообщает Авиенков, Белинский писал это письмо необычно для себя долго — три дня и два раза его переписывал. Видимо, он придавал ему особое значение и знал, что его будет читать не только Гоголь. Когда Белинский, возвращаясь из Зальдбрунна в Россию, встретился с Герценом в Париже и прочитал ему копию своего письма,

Герцен шепнул Анненкову: «Это гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».¹

Письмо Гоголю было действительно завещанием Белинского. Оно стало распространяться в России во множестве списков, читалось, перечитывалось, служило предметом долгих и страстных обуждений. Ни в одном из своих произведений Белинский не выразил с такой поразительной силой ненависти к крепостному праву и самодержавию, как в этом письме. Каждое слово в этом замечательном произведении звучало, как выстрел. Выпечатливающая сила его была громадна, и в ряду произведений революционно-демократической литературы ему принадлежит одно из первых мест.

По возвращении в Петербург Белинский снова принялся за свою работу. Жандармы не оставляли в покое умирающего Белинского. Его заподозрили в написании появившейся в Петербурге прокламации и пытались вызвать в III Отделение. Но он уже не покидал постели. 26 мая 1848 г. Белинского не стало. Могила Белинского на Волковом кладбище стала одной из самых дорогих могил не только для жителей Петербурга, но и для всей России. Она стала местом паломничества многих сотен и тысяч людей. Посещая его могилу, люди отдавали дань любви и уважения этому великому человеку, память о котором вдохновляла позднейшие поколения революционеров на новую борьбу.

Белинский умер, когда в Западной Европе бушевала революция. Революция 1848 г. имела громкий отклик в России, в частности в Петербурге.

В 1848 г. Россию постиг неурожай и разыгралась очередная эпидемия холеры. Эти два события, происшедшие в обстановке общего кризиса крепостничества, вызвали обострение классовой борьбы, выразившееся в подъеме крестьянского движения и волнениях среди рабочего населения страны. Через неделю после получения в Петербурге первых известий о падении июльской монархии во Франции, быстро распространившихся по городу, III Отделение сочло нужным разослать переодетых жандармов в различные места Петербурга с целью узнать, что говорят в народе о революции. Жандармы сообщали, что о республике во Франции в народе разговоров не слышно, но говорят о возможности войны с Францией и Англией. Другие сведения были тревожнее: в сводке донесений агентов III Отделения по Петербургу 16 марта говорилось, например, что «второго морского экипажа Семен Ракотин... трактовал с разными классами народа, собравшимися в толпе на рынке, что государь не так распоряжается, много на крестьян кладет налогов», а отставной солдат Виноградов говорил, что «когда гвардия выступит в поход, будет холера и бунт, и будут друг друга бить и резать».² В течение марта жандармы, ведшие наблюдение в Петербурге, вынуждены были отметить еще ряд подобных фактов, свидетельствующих о возбужденном состоянии некоторых кругов населе-

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 528.

² А. С. Нифонтов. Россия в 1848 году. М., 1949, стр. 115—116.

ния столицы. Это состояние порождало самые разнообразные, иногда фантастические слухи, усиливавшие тревогу в правительственных кругах и вызвавшие новые репрессии. Так, например, летом 1848 г. некий добровольный осведомитель III Отделения доносил, что он слышал, будто в нынешнее воскресенье назначен бунт, «где черный народ имеет намерение восстать вооруженной силою». «Слышно только, — добавлял осведомитель, — что мастера [завода] Берда и жители Ямской принимают главное участие в возмущении».¹

Подобного рода сведения поступали в III Отделении не только из Петербурга, но со всей России. Но уверенность Николая I в собственной силе была еще столь велика, что ни о каких уступках он и не помышлял. Напротив, царь стремился сразу же показать, что «твердый» курс правительственной политики остается неизменным. Принимая 21 марта депутацию столичных дворян, он предлагал им обратить внимание на «класс людей весьма дурной», т. е. на дворовых, в присутствии которых дворяне должны были соблюдать в своих разговорах особую осторожность. От дворовых Николай I перешел вообще к крестьянам. Он во всеуслышание заявил, что слухи о том, что он якобы собирается в положение крестьян вносить какие-то изменения, решительно ни на чем не основаны. Вся земля без исключения принадлежит и будет принадлежать помещику-дворянину. «Это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может», — таким совершенно недвусмысленным заявлением скрепил царь свое решение не вносить никаких изменений в крепостнические отношения.²

Не может вызывать поэтому никакого удивления, что революционно настроенная часть дворянской и разночинной интеллигенции под воздействием, с одной стороны, растущего массового возбуждения, а с другой — усиления политического гнета, должна была особенно остро воспринять события, происходившие в Западной Европе. Такие люди, как М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. Г. Чернышевский, отнеслись к революции 1848 г. с тем повышенным интересом, какой определялся их революционным настроением, их ненавистью к самодержавно-крепостническому строю. Чернышевскому было тогда всего 20 лет, его могучая творческая мысль еще не достигла полной зрелости. Но в отзывах молодого Чернышевского о событиях 1848 г. уже чувствуется будущий великий революционер.

В Петербурге Чернышевский сразу попал в круг Белинского и тех, кто вел вместе с ним борьбу против «гниусной российской действительности», заклеившей Белинским. Борьба Белинского с официальной идеологией, с славянофилами и либералами захватила Чернышевского. Все его симпатии были на стороне Белинского и его окружения. В нем все сильнее росла ненависть к самодержавно-крепостническому строю, борьбе с которым отдавала свои силы лучшая часть дворянской и разночинной интеллигенции. В таком состоянии большого душевного

¹ Там же, стр. 121.

² Русская старина, 1883, сентябрь, т. XXXIX, стр. 594—596.

напряжения застигли Чернышевского известия о революции на Западе. Он следил за ними, многое узнавая впервые. Все это отразилось в дневнике Чернышевского. Новые мысли, приходившие ему в голову под воздействием знакомства с развитием революционных событий, прочно входили в сознание молодого Чернышевского и отлагались в нем как основы его революционно-демократического мировоззрения.

Чернышевский подчеркивал свои симпатии к социализму, республике. Он с презрением отзывался об умеренных членах учредительного собрания в Париже, которые казались ему и «глуповатыми», и «жалкими», и «смешными». Он ясно понимал, что самое совершенное законодательство и самая лучшая конституция не могут уничтожить социальное неравенство, если общественные отношения остаются старыми, т. е. остаются рабы и господа. «Дело в том, — записывал он в свой дневник, — чтобы один класс не сосал кровь другого».¹

Чернышевский в 1848 и 1849 гг. встречался с петрашевцами, чрезвычайно интересовавшимися революцией во Франции. Нет сомнения, что разговоры Чернышевского с некоторыми наиболее непримиримо настроенными к существующему строю членами петербургского кружка петрашевцев способствовали проникновению его в смысл совершающихся событий.

Кружок петербургского литератора, одновременно служившего в Министерстве иностранных дел, М. В. Буташевича-Петрашевского возник в Петербурге в 1845 г. По пятницам у него на квартире (он жил в несохранившемся доме на Покровской площади, ныне площадь Тургенева) происходили собрания писателей, студентов, чиновников, офицеров, учителей. Хозяин, по свидетельству одного из частых посетителей собраний Д. Д. Ахшарумова, был постоянно погружен в книги. Свою обширную библиотеку Петрашевский предоставил в пользование друзей и знакомых. В библиотеке Петрашевского была подобрана литература по политическим и социальным вопросам, в частности имелись «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса и «Нищета философии» К. Маркса.

Петрашевский вместе со своими товарищами принимал активное участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка», начавшего выходить в Петербурге в 1845 г., — издателем словаря был Н. Кириллов, а фактическим редактором — Петрашевский. Словарь пропагандировал идеи утопического социализма, содержал резко критические высказывания по поводу различных сторон жизни феодально-крепостнического и буржуазных государств. Так, например, в статье «Опиум», написанной Петрашевским в негодуящем тоне, говорилось о торговле Англии опиумом и разоблачалась лживость английской конституции, под защитой которой совершались подобного рода преступления.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 59, 66, 104, 105, 115, 122, 127.

Состав посетителей «пятниц» Петрашевского до 1848 г. не был постоянным, да и посетители собирались в небольшом числе. Но под воздействием бурных событий 1848 г. вечера у Петрашевского стали многочисленнее, и на них появляются одни и те же люди. Когда в 1849 г. Петрашевский был арестован, вместе с ним к его «делу» было привлечено около 150 человек, из них 65 понесли наказания по суду и в административном порядке. Составилось несколько кружков, участников которых обычно называют общим именем «петрашевцы»: все члены этих кружков в той или иной степени были связаны с Петрашевским. Зимой 1848—1849 гг. поэт А. Н. Плещеев, привлеченный по делу Петрашевского, собирал у себя на квартире петрашевцев Н. А. Спешнева, братьев К. М. и И. М. Дебу, Д. Д. Ахшарумова, А. В. Ханькова. Петрашевец Н. С. Кашкин в 1848 г. устраивал у себя еженедельные собрания людей, знакомых ему по кружку Петрашевского. В марте—апреле 1849 г. у молодых писателей, С. Ф. Дурова и А. И. Пальма, собирались петрашевцы Н. П. Григорьев, А. Н. Плещеев, Ф. Н. Львов, Н. А. Момбелли, Ф. М. Достоевский.

О характере этих собраний можно судить как по сохранившимся воспоминаниям, так и по следственному делу о петрашевцах. Писатель Д. Д. Ахшарумов так вспоминал о «пятницах» Петрашевского: «...это был интересный kaleйдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось громко обо всем без всякого стеснения». Ахшарумов далее уточняет свою характеристику и прямо говорит, что разговоры у Петрашевского касались «преимущественно социально-политических вопросов».¹ Собрания обычно продолжались до поздней ночи. Штабс-капитан Генерального штаба П. А. Кузьмин писал в своих воспоминаниях, что у Петрашевского соби­рался «народ молодой, образованный, читающий, мыслящий». Поэтому все впечатления воспринимались живо; всякая несправедливость, злоупотребления, стеснения, самоуправство глубоко возмущали душу каждого».² Чаще всего на собраниях затрагивались темы, наиболее волновавшие членов кружка Петрашевского — замена самодержавия республикой, уничтожение крепостного права, свобода печати и реформа суда.

Важным событием в деятельности петрашевцев было чтение Ф. М. Достоевским на одном из собраний у Петрашевского письма Белкинского Гоголю. Это произошло 15 апреля 1849 г. Полицейский агент П. Д. Антонелли, проникший в кружок Петрашевского с шпионскими целями, на следующий день после чтения письма сообщил своему начальству, что «письмо произвело общий восторг» и что «все общество было как бы наэлектризовано».³ О силе впечатления, произведенного на

¹ Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний 1849 года. СПб., 1905, стр. 15.

² В. И. Сомовский. Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов, Пгр., 1917, стр. 19.

³ Дело петрашевцев, т. III, М.—Л., 1951, стр. 435.

петрашевцев одним из самых замечательных произведений Белинского, можно судить по показанию А. И. Пальма. Пальм говорил, что у членов кружка возникла мысль о распространении этого документа. Ф. Н. Львов предложил устроить для этого литографию, а П. Н. Филиппов настаивал на том, чтобы письмо было распространено в списках, если оно не будет напечатано. Н. А. Момбелли заказал для себя копию письма.

Характерным примером воздействия идей Белинского на петрашевцев является признание на следствии Н. П. Григорьева, заявившего, что как он сам, так и некоторые его друзья должны считать Белинского «виновником» того, что они вступили на путь борьбы с самодержавно-крепостнической монархией.

Многие петрашевцы были сторонниками утопического социализма. Заслуживает внимания речь, произнесенная Ахшарумовым 7 апреля 1849 г. на обеде у петрашевца А. И. Европеуса. Обед был устроен членами кружка в память Фурье. Особенный интерес в речи Ахшарумова представляет его характеристика Петербурга. «Мы живем, — говорил Ахшарумов, — в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, печальных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом, скопище, разрозненное все семействами, которые вредят друг другу, теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там, за столицей, ползут города, единственная цель, высочайшее счастье для них сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица!»¹ Эта характеристика написана с позиций явного социалиста-утописта. Но Ахшарумов правильно подметил превращение Петербурга в капиталистический город. Указанные им «однообразные работы» (явный намек на механизмирующуюся петербургскую фабрику) и «обеднение» семейств — это характеристика капиталистического Петербурга.

Петрашевцы отнюдь не ограничивались изучением утопических систем Запада. Они преодолели узость этих систем, поставив вопрос о революционном переустройстве общества. Они пытались организовать революционную пропаганду в народе. Н. П. Григорьев написал «Солдатскую беседу», представляющую собой своеобразную прокламацию. «Солдатская беседа», по замыслу ее автора, должна была заставить солдат, к обращению среди которых она предназначалась, поднять борьбу с палочным режимом в армии. «Десять заповедей» студента П. Н. Филиппова также были написаны с пропагандистскими целями. На языке, который казался Филиппову наиболее понятным народным массам, он стремился внушить им мысль о протесте против барщины, против обожествления царя, против беспрекословного подчинения царю и т. д. «Разве не будете защищаться, — обращался автор прокламации к крестьянам, — коли нападут на вас разбойники? А помещик, обижающий крестьян своих, не хуже ли он разбойника?»² Н. А. Спен-

¹ Д. Д. Ахшарумов, ук. соч., стр. IX.

² Дело петрашевцев, т. III, стр. 449.

нев был в своих выводах еще резче и определеннее. Он говорил, что восстание крестьян — единственный путь освобождения их от крепостного права. Он задумал основать общество для организации всеобщего восстания: при аресте у него был отобран сочиненный им текст обязательной подписки о принадлежности к такому тайному обществу. Спешнев вместе с Филипповым приступил к устройству тайной типографии — Спешнев жил в доме № 12 по Кирочной улице (выше ул. Салтыкова-Щедрина). В среде петрашевцев возникла небольшая группа из 7—8 человек, члены которой ставили своей задачей «произвести переворот в России».

Мысль о необходимости перехода к борьбе с самодержавно-крепостническим государством путем народного восстания, высказывавшаяся некоторыми петрашевцами, свидетельствует о близости левого крыла петрашевцев к революционно-демократическому течению в развитии общественной мысли. Белинский и часть петрашевцев являлись предвестниками разпочинного этапа в революционном движении. И по своему социальному происхождению, и по программным установкам, и по тактическим принципам они отличались от дворянских революционеров-декабристов. Особенно примечательны симпатии Белинского и петрашевцев к социализму, критика не только самодержавно-крепостнического, но и буржуазного строя Запада, понимание ими исторически-преходящего характера капитализма. Им не свойственна классовая ограниченность дворянских революционеров, их намерения простираются значительно далее установления буржуазно-демократического строя, к народным массам они стоят ближе своих предшественников.

За собраниями петрашевцев Министерство внутренних дел давно установило наблюдение. В ночь на 23 апреля 1849 г. были арестованы Петрашевский и несколько десятков людей, принадлежавших к связанным с ним кружкам. Арестованные петрашевцы были заключены в Петропавловскую крепость. Условия их заключения ничем не отличались от тех, в которых находились декабристы: те же темные, сырые, грязные камеры, то же лишение общения с кем бы то ни было, отсутствие прогулок и книг, скудный продовольственный паек.

В декабре 1849 г. следствие над петрашевцами было закончено. Генерал-аудиторiat приговорил 21 человека к смерти, остальных обвиняемых к различным наказаниям — от каторги до перевода из гвардии в армию. Над осужденными к смертной казни была проделана гнусная комедия «прощения» в тот момент, когда они стояли перед наведенными на них ружьями. 22 декабря 1849 г. приговоренных вывезли из крепости на Семеновский плац. Здесь был сооружен эшафот, около которого стояли врытые в землю столбы. На эшафоте осужденные выслушали смертный приговор. После этого Петрашевского, Спешнева и Момбелли свели с эшафота и привязали к столбам. Перед ними выстроился взвод солдат. По команде солдаты направили ружья на этих трех человек, и с секунды на секунду можно было ждать команды стрелять. Но в этот момент явился флигель-адъютант царя,

с объявлением о замене смертной казни другими наказаниями всем приговоренным. Петрашевского увезли на каторгу прямо с места казни, других вернули в крепость и оттуда уже разослали в различные места, назначенные им для отбытия наказания. Весь церемониал этой жестокой комедии был разработан до мелочей заранее под руководством самого Николая I.

Расправа с петрашевцами была заключительным актом тех мероприятий правительства Николая I, которые им были предприняты в порядке борьбы с влиянием революции 1848 г. в России, прежде чем он начал военную интервенцию в Венгрию. В апреле 1849 г. был издан царский манифест о походе в Венгрию. Этот документ представлял революционную Европу очагом «смут и мятежей» и объяснял причины похода необходимостью принять меры против «дерзких злоумышленников, покушающихся потрясти спокойствие и наших областей».¹ Кличка «жандарма Европы», которая Николаю I давно уже была дана в русских и западноевропейских революционных кругах, получила после Венгерского похода еще более широкое распространение. Русский царь принял самое активное участие в разработке планов интервенции и руководил действиями кн. П. Ф. Паскевича, командовавшего войсками, посланными в Венгрию. Разгром революционной Венгрии много способствовал общеевропейской реакции, установившейся в течение ближайших нескольких лет.

Демократическая интеллигенция Петербурга и всей страны высказывалась резко отрицательно по поводу события, в котором российский самодержец играл столь позорную роль. Молодой Н. Г. Чернышевский заносил в свой дневник затаенные желания победы венгров над интервенционистскими войсками и скорбь по поводу поражения революционеров. Эти настроения разделялись представителями той части интеллигенции, которая всегда с ненавистью относилась к самодержавно-крепостнической монархии.

После революции 1848—1849 гг. началась самая мрачная полоса николаевского царствования. Политика правительства, возглавившего общеевропейскую реакцию, была направлена на то, чтобы задушить малейшие ростки освободительного движения. Это стремление находило выражение во множестве мероприятий, проводившихся в подавляющем большинстве случаев по инициативе и при близком участии самого царя. Едва ли не ярче всего это сказалось в области просвещения.

2 апреля 1848 г. был образован так называемый «Бутурлинский комитет», ставший верховным цензурным органом. Наступили невероятно тяжелые времена для печати. Бутурлинский комитет, получивший свое название по фамилии председателя гр. Д. П. Бутурлина, должен был наблюдать за пропускными цензурой произведениями печати и привлекать к ответственности цензоров, проявивших недостаточную бдительность. В результате действий нового цензурного

¹ А. С. Нифонтов, ук. соч., стр. 288.

органа цензоры стали с опаской относиться к каждому слову в представляемых им рукописях. Невиннейшие сочинения вроде учебников по арифметике или географии, не пропускались в печать. Некоторые петербургские цензоры (например Ахматов, Елагин, Мехелин) приобрели печальную славу гонителей всякой живой мысли. «Ужас навел на цензоров Булурлии с брашней, т. е. с Корфом и Дегелем», — записывал в свой дневник А. В. Никитенко.¹

В 1849 г. в Петербурге и других крупных городах была произведена проверка книжной торговли. Выяснилось, что в петербургских книжных магазинах продаются запрещенные иностранные книги. Они были изъяты из обращения. В связи с этим был пересмотрен вопрос о праве

научных учреждений выписывать из-за границы книги, минуя цензуру. В 1849 г. было ограничено право получения Академией Наук и университетами книг из-за границы.

Гонения обрушились на просвещение. Число студентов в университетах было сокращено. Министр народного просвещения гр. С. С. Уваров был уволен в отставку и заменен еще большим реакционером — кн. А. П. Ширинским-Шихматовым.

Новый министр ознаменовал свое вступление на пост руководителя просвещения в стране циркуляром ректорам университетов и деканам юридических и философских факультетов, в котором предписывалось: «В университетском преподавании ни под каким видом не может быть допущаемо не только порицание

Н. Г. Черномырский (1828—1889). С фотографии 1859 г.

¹ А. В. Никитенко, ук. соч., стр. 388.

нашего образа правления, но даже изъявление сомнения в пользе и необходимости самодержавия в России.¹ Преподавание философии в университетах было запрещено. Даже одному из сподвижников Уварова в разработке теории «официальной народности», профессору Петербургского университета Н. Г. Устрялову, цензура не разрешила печатать его работу «История Петра Великого». Почетитель Петербургского учебного округа гр. М. И. Мусин-Пушкин оказался достойным соратником Ширицкого-Шихматова. За время своего управления округом он ввел в Петербургском университете казарменные порядки. Его фельдфебельская грубость и жестокие наказания, постигавшие каждого, кто навлекал на себя его гнев, терроризировали в одинаковой мере профессоров и студентов.

В 1849 г. в Петербурге много говорили о возможности закрытия университетов. Повод к распространению такого рода слухов дал сам царь. В связи с этим в «Современнике» появилась статья петербургского профессора И. И. Давыдова под названием «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании». Автор в самом верноподданническом тоне доказывал необходимость университетской науки. О статье Давыдова было доложено Николаю. На докладе царь наложил резолюцию, в которой нашла свое полное выражение особенно ясно определившаяся после 1848 г. система управления Николаем всеми областями государственной жизни. «Нахожу статью, пропущенную в „Современнике“, — писал царь, — неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить нами правительственные учреждения, для ответа на пустые толки, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком, у нас, к счастью, существующим. Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе».² Для наилучшего выполнения этого распоряжения вскоре последовало запрещение вообще что-либо печатать о действиях правительства.

Для характеристики реакционнейшего правительственного курса, взятого после 1848 г., чрезвычайно показательна история, разыгранная в Петербурге с И. С. Тургеневым. В феврале 1852 г. в Москве умер Н. В. Гоголь. Потрясенный потерей, Тургенев написал статью памяти Гоголя, которую он отдал в «Петербургские ведомости». Эта статья не была пропущена гр. Мусин-Пушкиным, стоявшим во главе петербургского цензурного комитета. Мусин-Пушкин нашел, что нельзя представлять смерть Гоголя как незаменимую потерю для русской литературы и что весь тон тургеневской статьи не приличествует некрологу, посвященному памяти писателя. Тогда Тургенев обратился к своим московским друзьям с просьбой отдать его статью в «Московские ведомости». Статья Тургенева появилась в «Московских ведомостях». Об этом было доложено Николаю I, который приказал Тургенева на месяц арестовать и выслать на родину под присмотр.

¹ Цитируется по книге: С. А. Венгеров, История новейшей русской литературы (от смерти Белинского до наших дней), ч. I. СПб., 1885, стр. 55.

² А. С. Н и ф о н т о в, ун. соч., стр. 279.

Немедленно Тургенев был посажен на ссызкую 2-й Адмиралтейской части. В Петербурге это событие произвело в прогрессивных кругах самое тяжелое впечатление. Арестованного автора успешных приобрести известность «Залисок охотника» посещало так много людей, что III Отделение отдало распоряжение никому к нему не пропускать. После месячного ареста Тургенев был выслан в село Спасское Орловской губ.¹

Цензурный террор, свирепствовавший в стране, привел к оскудению идейно-политического содержания русской журналистики. Это явление с особой силой сказалось на петербургской журналистике, прогрессивная часть которой до 1848 г. испытывала могучее воздействие Белинского. После 1848 г. петербургские журналы значительно потусклили и стали похожи друг на друга. Исчезла со страниц журналов полемика, носившая во времена Белинского острый характер и часто поднимавшая политические вопросы. Тематика литературно-критических и публицистических статей измельчала.

Выше приводились данные об откликах на революцию 1848 г. среди трудящихся Петербурга и о мерах, принятых III Отделением в связи с угрозой волнений рабочих и дворовых. Но и в дальнейшем правительство было крайне обеспокоено настроением народных масс. Так, например, много хлопот доставила правительству забастовка на фабрике бар. Штиглица, начавшаяся в январе 1850 г. Рабочие обратились к управляющему фабрикой с жалобой на незаконность взимаемых штрафов и потребовали повышения заработной платы. Получив отказ, рабочие прекратили работу. Полиция арестовала 5 человек «зачинщиков», но это не испугало рабочих, и забастовка продолжалась. На другой день ни один рабочий не вышел на работу, что, по словам полицейского донесения, «доказывало обдуманность их замысла». Полиция арестовала еще 66 человек. Однако к это не остановило забастовки. Рабочие заявили, что согласны возобновить работу лишь при условии повышения заработной платы, отмены штрафов и освобождения арестованных товарищей. В конце концов сопротивление рабочих было сломлено, и 6 февраля, т. е. после двухнедельного перерыва, работа на фабрике возобновилась. В забастовке приняло участие около 700 человек. Шесть из них были признаны «зачинщиками» и «подвергнуты наказанию розгами при собрании других рабочих и затем, в пример прочим, высланы из столицы по этапу на места родины под строгий надзор местного начальства с запрещением им возвращаться сюда», т. е. в Петербург.²

Правительство принимало все меры к тому, чтобы предотвратить возможность широкого распространения крестьянского движения, давшего в 1848 г. сильную вспышку. После 1848 г. преследовался всякий намек на мысль об освобождении крестьян. Особая инструкция Министерства народного просвещения

¹ М. К. Лемке. Николаевские жалбармы и литература 1826—1855 годов. Изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 204—210; А. В. Никитенко, ук. соч., стр. 407—408.

² ЦГАЛ, ф. 1286, оп. 12, 1850 г., д. 789, лл. 1—5.

предписывала университетскому начальству внимательно следить за тем, чтобы в профессорских лекциях не допускалось никакого выражения сожаления по поводу участи крепостных крестьян. Закон 8 ноября 1847 г. о праве крестьян выкупаться на волю при продаже имений с публичного торга был отменен в 1849 г. В том же 1849 г. смоленский губернский предводитель дворянства кн. М. В. Друцкой-Соколинский представил Николаю I записку по крестьянскому вопросу самого крепостнического характера. Записка эта заслужила одобрение царя. Похвала Николая хорошо определяет его отношение к крепостному праву в последние годы царствования: отказ от мысли об уступках в вопросе улучшения положения крестьян и стремление усилить полицейскую власть помещиков. В 1854 г. министр внутренних дел Д. Г. Бибиков представил в Государственный Совет проект о контроле за осуществлением помещиками их права ссылать крепостных в Сибирь. Департамент законов отклонил проект Бибикова, усмотрев в нем покушение на неограниченную власть помещика над крестьянами.

Под усилившимся гнетом самодержавия жила страна после событий 1848—1849 гг. Реакция торжествовала победу. Но торжество оказалось непрочным и непродолжительным. Разложение самодержавно-крепостнической монархии зашло далеко, достаточно было первой серьезной неудачи правительства Николая I, чтобы все заколебалось. Такой неудачей явилась Крымская война, приведшая к краху не только политику Николая I, но и всю феодально-крепостническую систему. «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России».¹

Военные и политические события 1853—1856 гг. вызвали напряженный интерес и все возрастающее возбуждение общества. В разных общественных кругах отношение к войне было различным — в зависимости от общественно-политических позиций этих кругов.

В дворянских и буржуазных кругах столицы в начале войны не было недостатка в шовинистических настроениях. Верили в легкую победу, вспоминая удачу предшествующих войн и находясь под воздействием того внешнего военного блеска, который так любил демонстрировать перед своими подданными царь. Бесчисленные стихотворения на тему о грядущем разгроме противников, появившиеся в печати и распространявшиеся в списках, спектакли на военные темы, хвастливые речи в общественных собраниях — все это отражало уверенность правящих кругов в победе николаевской России. С самого начала из противоположного, демократического лагеря раздавались, однако, предостерегающие голоса, обличавшие негодность военной системы паризма и его общую несостоятельность и реакционность. Герцен предупреждал, что хотя Россия сильна, но самодержавие, совершенно выродившееся, этой силой овладеть неспособно.

Народу и его основной массе, лучшим людям дворянской интеллигенции, передовым разночинцам шовинистический угар был чужд. Демократическое

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.

общественное мнение, озабоченное судьбами родины, с волнением следившее за ходом событий, резко отделяло и противопоставляло интересы официальной и народной России. Оно восхищалось героическими подвигами русских моряков и солдат, оставаясь решительно враждебным политике правящих верхов.

Законную гордость за русский флот вызвало в конце 1853 г. известие о Синопской победе. Синопский бой был исключительным и блестящим успехом русских моряков, руководимых великим флотоводцем П. С. Нахимовым. Уничтожение им турецкого флота при Синопе явилось одним из самых замечательных событий в русской военно-морской истории. Гул Синопской победы громким эхом прокатился по всей России, вызвав массу откликов. В Петербурге уничтожение турецкого флота было встречено, как и везде, с радостью.

Когда с лета 1854 г. на царское правительство начали обрушиваться один за другим военные и дипломатические удары, прежняя уверенность «верхов» русского общества в победе сильно заколебалась. Оптимистические настроения гаснут, на смену им приходит разочарование и даже уныние.

Изменение отношения к войне со стороны реакционных и либеральных кругов происходило тем быстрее, чем более беспокойными становились народные массы. Поведение народа было важным фактором в этой перемене наряду с военными и дипломатическими неудачами.

Начало войны народ встретил без энтузиазма. И. Г. Чернышевский в «Рассказе о Крымской войне по Кинглеку» писал, что народ хотел сохранения мира, что он «застонал», услышав о войне, ибо не мог не знать, что на него падут все тяготы ее.

Правда, народ проявлял в войне подлинный героизм, а Севастопольская оборона принесла русским солдатам и матросам всемирную славу, оспаривать которую не могли даже сами враги. Но настроения народных масс все же были бесконечно далеки от того, чтобы можно было, подобно некоторым современникам, говорить о каком-то единении царя с народом в войне. В этом убеждают прежде всего крестьянские волнения, прокатившиеся по России в годы Крымской войны.

В апреле 1854 г. был издан указ о формировании морского ополчения. В связи с этим среди крестьян широко распространились слухи о том, что семьи признанных получают свободу от крепостной зависимости, от рекрутства и казенных повинностей. Вера в справедливость таких слухов была столь сильна, что крестьяне, уходя в города для записки в ополчение, бросали работы не только на барском, но и на своем поле. Крестьяне массами прекращали работы и шли в Москву, где они надеялись получить свободу. Движение приняло столь грозный характер, что Николай I отдал приказание достигших Москвы крестьян отсылать на места жительства закованными в кандалы. Это распоряжение заставило стремившихся в Москву вооружаться палками, пиками, ножами и оказывать вооруженное сопротивление тем, кто пытался задержать их продвижение. Волнениями было

охвачено до десяти губерний, а количество участников исчислялось десятками тысяч.

В 1855 г. крестьянские волнения происходили в связи с формированием государственного ополчения. Они носили ясно выраженный антикрепостнический характер. Наибольших размеров они достигли на Украине, особенно в Киевской губернии. Из 12 уездов этой губернии волнениями были затронуты 9. В некоторых уездах, например в Таращанском, они носили грозный характер и были усмирены вооруженной силой.

В 1855 г. вслед за Украиной волнения крестьян прокатились по Воронежской губернии, возникнув здесь в прямой связи с событиями в Киевской губернии. Волнения распространились далеко на восток, достигнув Поволжья и даже Урала.¹

Сведения о крестьянском движении, несмотря на старания правительства скрыть их, проникали в сравнительно широкие круги общества, вызывая тревогу в привилегированных классах и радость в рядах тех, кто вел борьбу за уничтожение самодержавно-крепостнической монархии. Горячо приветствовали начало крестьянской борьбы Добролюбов и Чернышевский.

В Петербурге общественные настроения в значительной мере зависели от того, что военные действия происходили в виду столицы.

С момента объявления войны союзниками (март 1854 г.) были приняты меры по укреплению обороны побережья Финского залива, Крошштадта и Петербурга.

Началась постройка батарей на Гутуевском и Галерном островах, на Васильевском острове, на Петровском и Елагинном. На эти батареи возлагалась задача держать неприятельский флот на возможно более далеком расстоянии от города. В постройке батарей принимали участие, не считая саперов, свыше ста тысяч солдат. Об этом мероприятии знал весь город; даже обычные весенние прогулки петербургской аристократии на острова получили название прогулок на невыеские батареи.² Можно не сомневаться, что о батареях точно было известно неприятелю.

Войска петербургского гарнизона были приведены в состояние боевой готовности. Были установлены места для сбора войск в случае тревоги: у Калиткинского моста, на Дворцовой площади и на Царицыном лугу (Марсово поле). Сигналы тревоги должны были вывешиваться на существовавших в Петербурге и специально возведенных казначках.

Одновременно с работами по укреплению Петербурга принимались меры к защите его окрестностей, так как были вполне возможны попытки неприятеля высадить десантные отряды вблизи Петербурга для различного рода диверсий. Побережье северного и южного берегов Финского залива от Петербурга до Бьерке и до Красной Горки охранялось кавалерийскими частями, подкрепленными пехо-

¹ Я. И. Л и п н о в. Очерки истории крестьянского движения в 1825—1861 гг. М., 1952, стр. 96—98, 106—142.

² Оборона Балтийского побережья в 1854—1856 годах. Составил В. Д. Кренке, СПб., 1887, стр. 39.

той и полевой артиллерией. В некоторых местах были установлены батареи. Возводились укрепления и устанавливались батареи и на дальних подступах к Петербургу: в Выборге, Свеаборге, Нарве и Ревеле.¹

Особое внимание было обращено на Кронштадт, с момента своего основания игравший самую серьезную роль в деле обороны Петербурга. Но как и со всеми военными приготовлениями Николая I, так и с кронштадтскими укреплениями дело обстояло далеко не благополучно. Когда война была объявлена, выяснилось, что Кронштадт к обороне не готов. Пришлось принимать экстренные меры. В Кронштадт доставлялись орудия, снаряды, патроны, порох, запасные материалы и пр. Происходило пополнение кронштадтского гарнизона морскими и сухопутными частями.

Среди мероприятий, связанных с обороной Кронштадта, должна быть отмечена расстановка минных заграждений в южном и северном кронштадтском фарватерах. Это боевое оружие впервые было применено в 1854 г. Знаменитому русскому электротехнику В. С. Якоби принадлежит честь изобретения подводных мин, зажигающихся на расстоянии электрическим током. Эффективность нового оружия особенно сказалась во время вторичного появления англо-французского флота под Петербургом в 1855 г. Противнику пришлось потратить немало усилий, чтобы уберечь свои суда от столкновения с минами.

С открытием навигации в 1854 г. английский флот под командованием адмирала Непира вошел в Финский залив. Позднее к нему присоединилась французская эскадра.

Долгое время англо-французский флот крейсировал по Финскому заливу, не отваживаясь углубляться в него. Только в конце июня 1854 г. он появился в виду Кронштадта. Непир вел себя очень осторожно, воздерживаясь от активных действий. В свою очередь русские занимали выжидательную позицию. Николай I, правда, ставил вопрос о возможности выхода русского флота в открытое море, чтобы атаковать союзников, но это предложение было отклонено высшим военно-морским командованием. Царю указали на то, что русскому парусному флоту невозможно без серьезнейшего риска ввязываться в бой с флотом противника, насчитывавшим немало паровых судов.

Непир, окончательно убедившись в невозможности ни атаковать Кронштадт и Петербург, ни выманить русский флот в открытое море, ушел к Аландским островам и после жестокой бомбардировки взял Бомараунд — незначительную крепость на одном из этих островов. После этого союзный флот покинул Балтийское море. Так бесславно закончился поход Непира в 1854 г. в Балтику, предпринятый, как стало ясно уже во время самого похода, с авантюристической целью: одним появлением английских кораблей парализовать способность русских к сопротивлению. Начальник кронштадтского гарнизона П. Х. Граббе записал

¹ Там же, стр. 44—72.

в своем дневнике в ноябре 1854 г.: «На Балтийском море явился рано сильный англо-французский флот с 15-тысячным десантом, парадировал перед Кронштадтом, Ревелем и Свеаборгом, одолел слабое укрепление на Аланде, взял несколько купеческих судов, рыбацких лодок и ограбил в Финляндии несколько небольших открытых городов, этим скончились его подвиги ничтожные, осмеянные даже в их отечестве...».¹

Тревога, вызванная среди петербургского населения появлением англо-французского флота, быстро прошла. Ф. И. Тютчев писал из Петербурга в июне 1854 г.: «Оба флота стоят перед Кронштадтом... Петербургская публика смотрит на них, как на очень интересное зрелище».² В другом месте Тютчев писал, что в столице «много смеялись, вспоминая известие, недавно сообщенное в иностранных газетах, будто Петербург в ужасе, будто все население бежало и на защиту столицы приведено 40 тыс. башир».³

Никакой тревоги не обнаружили и крестьяне, жившие в окрестностях Петербурга, более того, они проявляли заботливость по отношению к солдатам частей, несших охранную службу на побережье, помогая им, чем могли.

С открытием навигации 1855 г. соединенный англо-французский флот снова появился в Финском заливе под командованием уже не Непира, а вице-адмирала Дондаса. Дондас в течение лета крейсировал в заливе, не предпринимая никаких попыток к серьезным операциям. Единственным «боевым» действием его был варварский обстрел Свеаборга, причинивший значительные разрушения, но с военной точки зрения оказавшийся безрезультатным. Русские морские силы еще менее, чем в 1854 г., могли думать об активных действиях. В ноябре 1855 г. Дондас ушел из Балтики.

Вторичное появление вражеского флота в виду Петербурга не произвело уже никакого впечатления на жителей столицы. Летом 1855 г. Н. Г. Чернышевский сообщал родным, что об англо-французском флоте перестали даже говорить. «Общее внимание, — писал Н. Г. Чернышевский, — и в Петербурге, как везде, занято исключительно Крымом».⁴

Бездействие русского флота в Балтийском море в 1854 г., неудачи русской армии на Дунае (в июне 1854 г. она была вынуждена снять осаду Силистрии), слухи о крестьянских волнениях — все это вызывало среди реакционного дворянства и либералов Петербурга тревогу. Тревога начинала переходить в раздражение против Николая I: по словам одного из сенаторов, в дворянских кругах Петербурга выражали надежду на отречение и даже смерть царя.

¹ Из дневника и записной книжки гр. П. Х. Граббе. Русский архив, 1889, кн. 2, стр. 603.

² Старина и новизна, кн. 19, 1915, стр. 208.

³ Цитируется по книге: М. Б о р о д к и н. Война 1854—1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904, стр. 43.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 306.

Петербуржским, как и всем русским, дворянством военные неудачи воспринимались не столько как ущерб национальному достоинству страны, не столько как доказательство полного разложения феодального социально-политического строя, сколько как угроза ослабления самодержавной власти, могущего вызвать всеобщее народное восстание. «Избави, боже, — записывал Лебедев, — беспорядков внутренних. Возгораемых материалов так много, что пожар может обнять все пространство...».¹

Негодование проникало даже в придворные круги. Фрейлина А. Ф. Тютчева писала в сентябре 1854 г. в своем дневнике, что Россия, тридцать лет занимавшаяся парадом, смотрами и маневрами, в минуту опасности оказывается захваченной врасплох и беззащитной: «В публике один общий крик негодования против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось».²

С сентября 1854 г. внимание всей России было приковано к событиям в Крыму. Союзники, высадившись около Евпатории, начали наступление на Севастополь. Русская армия понесла поражение на Альме и вынуждена была отступить. На Севастопольском рейде значительная часть кораблей Черноморского флота была потоплена самими русскими. Попытка крымской армии отогнать союзников, осадивших Севастополь, кончилась неудачей: Инкерманское сражение, ставившее перед собой эту задачу, было проиграно русскими. Бомбардировки Севастополя причинили городу громадные разрушения и унесли большое число жертв.

Все эти неудачи, постигшие русскую армию на протяжении всего лишь двух месяцев — сентября и октября, произвели огромное впечатление. За судьбой Севастополя вся страна следила с пристальным вниманием. Народ восхищался героизмом севастопольцев. Не было такого уголка в стране, где люди оставались бы равнодушными к трагической судьбе Севастополя, державшегося только благодаря великому мужеству его защитников.

Но чем сильнее было восхищение героической борьбой русской армии в Крыму, непрерывно продолжавшейся с момента высадки союзников, тем заметнее росло недовольство правительством, терпевшим одну неудачу за другой. П. Х. Граббе в своем дневнике отметил 22 сентября 1854 г. «всеобщее уныние, произведенное первыми известиями о деле на речке Альме». Это «уныние» сопровождалось далеко не лестными отзывами по адресу правительства. Н. И. Пирогов в письмах из Севастополя, посылавшихся жене в Петербург и явно рассчитанных на распространение среди петербургских друзей и знакомых, был более откровенен. Так, например, в письме от 29 апреля 1855 г. он писал: «Сердце замирает, когда видишь перед глазами, в каких руках судьба войны, когда покороче ознакомишься с лицами, стоящими в челе... Если взглянуть на эту смесь посредственности,

¹ Русский архив, 1888, кн. 2, стр. 358.

² А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания, Дневник, I. М., 1928, стр. 155.

бесталанства, односторонности и низости, то поневоле начинаешь опасаться за участь Севастополя и, следовательно, целого Крыма».¹

Недовольство проникало в ряды самых верных и убежденных сторонников феодально-крепостнической системы. Одним из наиболее убедительных свидетельств этого недовольства являются письма М. П. Погодина. Погодин писал их в Москве, но оттуда они распространились в списках по всей России. Большое число списков обращалось в Петербурге. Впечатление от писем усиливалось от того, что автором их был не кто иной, как один из столпов «теории официальной народности», всю жизнь верой и правдой служивший самодержавию.

Погодин, охваченный страхом за будущее царской монархии, вынужден был заговорить об опасной отсталости России, о вопиющих злоупотреблениях в государственном аппарате, о раздражении в обществе подавлением мысли, гонимем на просвещение, о растущем возмущении и протесте угнетенной крестьянской массы. Вывод из всех своих наблюдений Погодин делал устрашающий для тех, к кому были обращены его письма, т. е. для российского дворянства в первую очередь. «Мирабо для нас не страшен, — писал он, — но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллень со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Мащине не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь клички клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности... Не убивает ли ежегодно до тридцати помещиков — некупительные жертвы за право тиранства остальных. Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтоб получить значение особого рода!».²

Среди произведений рукописной литературы периода Крымской войны, в которых подвергались критике наиболее отрицательные стороны самодержавно-крепостнического строя, были и всевозможные «записки» отдельных либералов. Все они не шли дальше самых умеренных высказываний в отношении социально-политических реформ. Авторы их, больше всего боясь народных волнений, выступали отнюдь не в роли защитников народа, а являлись выразителями взглядов известных кругов помещичьего класса, испуганного оборотом, какой приняли события, и готового пойти на некоторые уступки, чтобы не потерять всего. Но именно эта готовность и свидетельствовала о серьезном кризисе, в который вступила самодержавно-крепостническая монархия.

Николай I умер 18 февраля 1855 г. Официально было объявлено, что причиной его смерти является болезнь. Но сразу же по городу распространились слухи, что царь отравился, не перенеся поражения в войне. О том, какое впечатление произвела в передовых кругах Петербурга смерть царя, можно судить по рукопис-

¹ Н. И. П и р о г о в. Севастопольские письма и воспоминания. Изд. Акад. Наук СССР, 1950, стр. 66—67.

² М. П. П о г о д и н. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856. М., 1874, стр. 262—263.

вой газете студентов Главного педагогического института «Слухи», редактировавшейся Н. А. Добролюбовым. В номере от 3 октября 1855 г. Добролюбов писал: «Как только пронесся слух, что он (Николай I) умирает, у дворца собрались кучки народу, с каким намерением и целью — узнать было очень нетрудно. Если тут были ваши знакомые, то, конечно, вы видели в них тех именно, которые особенно невзвидели покойника. Если это были все незнакомые вам люди, вы могли угадать их сокровенные мысли по напрасно скрываемому веселому виду, по блеску глаз, по яkobинским бородкам, наконец. Когда узнали, наконец, решительно, что он умер, тысячи народу провозгласили: слава богу, и не в одном месте России шли за смерть его...»¹

Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях писал: «Николай умер. Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг «новых людей»; точно небо скрылось перед ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень...»²

В Петербурге наносились самые сокрушительные удары по самодержавию и крепостничеству, какие могли быть нанесены деятелями публицистики и литературы. Конечно, не Тютчев, не Лебедев, не Погодин и не славянофилы могли претендовать на роль борцов с самодержавно-крепостническим государством. Эта роль принадлежала революционным демократам.

В. И. Ленин указывал, что освободительное движение в России разделяется на три этапа соответственно трем главным классам, игравшим роль гегемона в движении. Второй этап освободительного движения, который В. И. Ленин называл разночинским, или буржуазно-демократическим, занимает, как указывал В. И. Ленин, промежуток времени, приблизительно, между 1861 и 1895 гг.³ Следовательно, годы Крымской войны — это канун того времени, когда гегемоном освободительного движения становятся разночинцы. В период Крымской войны и последующие годы разночинцы начинают развивать энергичную деятельность, ведут всеми доступными им средствами революционную пропаганду, сталкиваются в упорной борьбе со своими многочисленными политическими противниками. Это период формирования революционно-демократической идеологии, под знаком которой проходит развитие освободительного движения вплоть до начала нового этапа его — пролетарского.

Центрами революционно-демократической борьбы в период становления нового этапа в развитии освободительного движения в России явились Петербург и Москва. В Петербурге одновременно жили выдающиеся представители революционной демократии, подлинные народные вожди, гениальные мыслители и ученые — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Чернышевский после окончания Петербургского университета уехал в Саратов и снова вернулся в Петербург в мае 1853 г. Через три месяца приехал туда Добролюбов. Чернышевский

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, стр. 438.

² Н. Шелгунов, Воспоминания, М.—Пгр., 1923, стр. 26.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223.

сразу же после приезда стал сотрудником петербургских периодических изданий. Начало его сотрудничества в некрасовском «Современнике», в котором он быстро занял руководящее положение, явилось событием в истории не только этого журнала, но и всей русской журналистики. Деятельность Чернышевского — это целая эпоха в развитии революционно-демократического движения.

Добролюбов приехал в Петербург для поступления в Главный педагогический институт. В Институте постепенно около него организовался кружок передовых студентов, занимавшихся чтением демократической литературы и часто встречавшихся друг с другом для беседований на различные волновавшие студенческую молодежь политические темы. О направленности добролюбовского кружка можно судить по тематике «Слухов». В «Слухах» затрагивались такие вопросы, как крепостное право, режим Николая I и его личность, цензура, злоупотребления в административном аппарате, революционное прошлое России, Крымская война.

В конце 1854 и начале 1855 г. Добролюбов написал два стихотворения, получившие распространение в демократических кружках Петербурга. Одно из них было вызвано юбилеем Н. И. Греча, празднуемым по инициативе самого царя. Торжество в честь одного из столпов николаевской реакции расценивалось Добролюбовым как унижение русской литературы. В другом стихотворении «Дума при гробе Оленина» Добролюбов приветствовал убийство помещика Оленина его крепостными. Он призывал крестьян к восстанию, видя в нем единственную возможность для них отстоять «свое святое право».

Как было сказано, в газете «Слухи» Добролюбов писал о Крымской войне. Он помещал широко распространившиеся в Петербурге сведения о бездарности командования, о вопиющих беспорядках в деле снабжения армии, о всеческих злоупотреблениях военных и гражданских чиновников и т. п. В отношении войны Добролюбов занимал революционно-пораженческую позицию. Пораженческая позиция Добролюбова вытекала из его подлинной, горячей любви к родине. Каждый любящий Россию человек, по миссию Добролюбова, должен желать поражения самодержавия, ибо это ускорило бы освобождение России от цепей рабства и нищеты. Военное поражение царизма рассматривалось им, как толчок к ликвидации крепостнической монархии. Добролюбов резко противопоставлял царя и Россию, он понимал, что война затеяна вовсе не в интересах народа. Он преклонялся перед героизмом русских солдат и матросов. Когда кончилась война, он, указывая на тяжелое положение русской армии во время войны, писал: «Вспоминая об этих недостатках, еще более изумляешься необычайному мужеству войска, одвадцать месяцев отстаивавшего Севастополь».¹ Но это восхищение мужеством солдат еще более усиливало ненависть Добролюбова к самодержавию.

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. V, М., 1941, стр. 306.

Чернышевский свое отношение к Крымской войне в период самой войны не имел возможности выразить со всей откровенностью по условиям цензуры. Он сделал это позднее. Но его революционный патриотизм не мог не вызвать в нем явления поражения царизма. Он отдавал должное мужеству и храбрости русских солдат и моряков, относился с огромным уважением к подвигам, совершаемым ими на войне — особенно в Севастополе, но желал поражения царизма, видя в этом первый шаг к облегчению участи народа.

Научно-публицистическая деятельность Чернышевского в годы Крымской войнышла наиболее яркое выражение в написании им двух замечательных трудов — «Очерки гоголевского периода русской литературы» и «Эстетические отношения искусства к действительности». Чернышевский продолжал литературно-критическую традицию В. Г. Белинского. Важнейшая часть «Очерков» была посвящена выяснению значения Белинского в истории русской общественной мысли и литературы. В «Эстетических отношениях искусства к действительности» Чернышевский выступал в качестве глашатая новой демократической эстетики, берущей свое начало от того же Белинского. Эти два труда Чернышевского имели исключительное значение в развитии русской революционно-демократической мысли. Они явились мощным оружием в руках революционной демократии в ее борьбе с самодержавно-крепостническим государством.

Значение «Эстетических отношений искусства к действительности» в развитии общественно-политической и философской мысли было осознано наиболее передовыми современниками уже на диспуте, на котором Чернышевский защищал этот труд в качестве диссертации на степень магистра русской словесности. 10 мая 1855 г. в Петербургском университете происходил этот памятный в летописях русской науки и литературы диспут. Консервативная и либеральная профессура была возмущена идеями Чернышевского, справедливо усматривая в них ниспровержение всех тех канонических оснований, на которых основывалась дворянско-буржуазная университетская наука. Навстречу демократически настроенной молодежи, которая наполнившая аудиторию, в которой происходил диспут, горячо приветствовала Чернышевского, угадывая в нем своего вождя. На диспуте определились две силы, готовящиеся к жестокой и непримиримой борьбе. Через несколько лет эта борьба приняла невиданный широкий размах.

В годы Крымской войны в Петербург уже проникали сочинения А. И. Герцена, печатавшиеся им в Вольной русской типографии в Лондоне. Она начала работать летом 1853 г. Издания Вольной русской типографии быстро дошли и до Петербурга. Добролюбов и члены его институтского кружка читали Герцена и переписывали его сочинения. Некоторые статьи в «Слухах» представляют собой пересказ произведений Герцена. Повидимому, одним из наиболее распространенных произведений Герцена была его «Тюрьма и ссылка». О популярности Герцена среди петербургской демократической молодежи свидетельствуют товарищи Добролюбова по Педагогическому институту — М. И. Шемановский и Б. Сидорский.

Когда Герцен в 1855 г. начал издавать «Полярную звезду», один из петербургских читателей прислал ему письмо, в котором писал: «Ваша „Полярная звезда“ показалась на Петербургском горизонте... Если бы видели, с каким энтузиазмом читают ее, переписывают статьи, пересказывают их содержание, повторяют сами выражения ваши, это доставило бы вам не одну сладкую минуту...».¹ А 1 января 1856 г. Герцен писал своему другу М. К. Рейхель, жившей в Париже: «Вчера пришло ко мне письмо анонимное из Петербурга, которое меня, да и не одного меня, тронуло до слез; юноши благодарят меня за типографию и за „Полярную звезду“».²

«Декабристы разбудили Герцена, — писал В. И. Ленин, — Герцен развернул революционную агитацию».

«Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».³

¹ Полярная звезда на 1856 г., издаваемая Искандером, книжка вторая, изд. 2-е, Лондон, 1858, стр. 252.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, стр. 256.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 14—15.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА ОТ КОНЦА XVIII в. ДО 1861 г.

Развитие капиталистического уклада в экономике России, рост на этой основе массового революционного движения и национального сознания народа, быстрое развитие общественного сознания передовых кругов русского общества — все это обусловило быстрый рост литературы, искусства и многих отраслей науки в России.

В каждой из этих областей культуры расцветали творческие силы русского народа. Революционное движение и революционная мысль вооружали науку передовой материалистической философией, литературу и искусство — передовой эстетикой.

Политический гнет самодержавно-крепостнической монархии тяжело отразился на развитии русской культуры во всех ее отраслях. Правительство душило свободололюбивые стремления, как бы и в чем бы они ни проявлялись. Антикрепостнические и антисамодержавные по своему направлению произведения публицистики, художественной литературы и искусства преследовались, в то время как широкое поощрение со стороны правительства находило все то, что могло прямым или косвенным путем поддерживать самодержавно-крепостническую монархию. Борьба двух культур — культуры дворянских революционеров и революционных демократов, с одной стороны, и культуры крепостников — с другой, в рассматриваемое время достигла особенной силы и остроты.

Несмотря на тяжкий гнет монархии, русская национальная культура в первой половине XIX в. достигла замечательного расцвета. Вместе с успехами русской культуры и под влиянием ее демократических традиций складывался подъем культуры других народов.

Новые силы, поднятые из глубины народных масс, в условиях николаевского полицейско-крепостнического режима и царской тюрьмы народов не могли найти себе свободного применения ни в политической, ни в хозяйственной деятельности. Эти молодые общественные силы России легче пробивали себе дорогу в области художественного и научного творчества, которое и расцвело в задавленной царизмом России с невиданной яркостью, раскрыв всю глубину происходящих в стране процессов и широту открывающихся перед ней исторических перспектив.

На гребне этого подъема выдвинулись такие гиганты русской и мировой культуры, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, зазвучал их гневный протест против сковывающей творческие силы народа самодержавно-крепостнической реакции, их полный веры призыв к борьбе. В русской и мировой науке заблестали имена Н. И. Лобачевского, Н. Н. Зинина, Ф. П. Литке. Мощный подъем русской культуры проявился в гениальных произведениях М. И. Глинки, замечательном творчестве М. С. Щепкина, П. С. Мочалова, А. Е. Мартынова, К. П. Брюллова, А. А. Иванова, П. А. Федотова и других выдающихся представителей русского народа. То, что дали миру эти деятели, по глубине философской мысли, идейно-политической насыщенности и великолепному мастерству принадлежит к высшим достижениям русской и мировой культуры.

В первой половине XIX в. в русской литературе и русском искусстве прочно утверждается реалистическое направление. Вместе с тем в них с наибольшей отчетливостью находит свое выражение национальное самосознание русского народа. Реализм и высокий патриотизм творчества передовых деятелей культуры неразрывно связан с их служением делу освобождения народа от экономического и политического угнетения. Они дали высокие образцы реалистического искусства, глубоко национального, пронизанного горячей любовью к народу. Это были писатели, музыканты, художники, актеры водливо народные.

В крупнейшем культурном центре России, Петербурге, основные черты передовой русской литературы и искусства в первой половине XIX в. выступают отчетливо и ярко — Петербург всегда был средоточием самых значительных сил страны, игравших выдающуюся роль в развитии всех отраслей русской культуры. С Петербургом тесно связано творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, К. П. Брюллова, А. Е. Мартынова и многих других русских писателей, актеров, музыкантов, художников. Петербург являлся центром крупнейших культурных учреждений и организаций. В Петербурге издавались многие важнейшие журналы. В Петербург постоянно

приезжали на более или менее продолжительное время деятели культуры из Москвы и провинциальных городов. Точно так же многие деятели культуры, принадлежавшие к числу постоянных жителей Петербурга, часто посещали Москву. Для первой половины XIX в. чрезвычайно характерно личное общение деятелей культуры обеих столиц. Посадки писателей, художников, музыкантов, актеров из Петербурга в Москву и из Москвы в Петербург становятся очень частыми, превратившись с течением времени в прочную и в высокой степени плодотворную традицию.

В Петербурге зародилось новое направление в литературе, получившее название революционного романтизма. Это направление, оформившееся в годы, следовавшие за Отечественной войной, опиралось на предшествующее развитие передовой русской литературы, от которой оно восприняло демократические традиции. Деятели этой передовой литературы первых лет XIX в. в Петербурге группировались вокруг Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В главе XIX были указаны обстоятельства образования этого литературно-общественного объединения и охарактеризована его политическая направленность. Здесь следует сказать только о литературной деятельности Вольного общества.

Такие влиятельные члены Вольного общества, как В. В. Понугасв, И. М. Борн, А. X. Востоков, утверждали необходимость тесной связи между литературой и народным творчеством. Они усердно собирали и изучали произведения народной поэзии. В этом отношении особенного внимания заслуживают труды Востокова — одного из видных фольклористов своего времени. В художественных произведениях члены Вольного общества стремились избегать подражаний западноевропейским литературным образцам и быть возможно ближе к народному творчеству.

В Вольном обществе принимали участие не только литераторы, но и ученые, художники, многие из них принадлежали к различным слоям населения столицы. Разночинный элемент тянулся к литературной деятельности, и руководящие деятели Вольного общества охотно шли ему навстречу. Участие разночинцев в Вольном обществе в известной мере определило и его литературную направленность. Демократическая преслойка в этом литературном объединении оказала влияние на постановку многих острых и волнующих политических вопросов, затрагивавшихся в произведениях его членов. Борьба с тиранией, пренебрежение к знатности и богатству, внимание к лицам «низкого происхождения», протест против рабства, горячая любовь к родине — таковы мотивы творчества наиболее радикально настроенной части членов Вольного общества И. П. Пнина, В. В. Понугасва, И. М. Борна и других менее значительных поэтов и прозаиков, входивших в состав объединения.

Близкими к идейно-эстетическим позициям Вольного общества были некоторые петербургские писатели, не являвшиеся его членами. Так, например, на произведениях Н. И. Гнедича, написанных в первые годы XIX в., сказались

влияние радищевской традиции (позднее Гнедич стал гораздо более умеренным по своим взглядам). В 1803 г. еще в Москве (в этом году Гнедич переехал из Москвы в Петербург) он напечатал роман «Дон Коррадо де Геррера, или дух мщеника и варварства гишпанцев». Сквозь несовершенную форму этого произведения можно ясно различить основную его тенденцию — протест против насилия, несправедливости, нетерпимости. С еще большей силой этот протест звучал в стихотворении Гнедича «Перуанец к испанцу». Русский читатель начала XIX в. имел уже опыт в истолковании произведений подобного рода. Искушенный в эзоповом языке, он понимал, что гневно обличающий насилие перуанец символизирует и всякого раба вообще, и русского крепостного крестьянина в частности. Гнедич в своем стихотворении заставил прозвучать мотив свободы с большой силой и страстью.¹

Воздействие радищевской традиции, поддерживаемой частью Вольного общества, испытал на себе и будущий знаменитый партизан 1812 года Д. В. Давыдов. Он выступил в качестве автора нескольких басен, ходивших в многочисленных списках. Такие его басни, как «Орлица, Турухтан и Тетерев», «Голова и Ноги», «Зеркало и Река», содержали в себе прозрачные намеки на удаленность Александра I, на опасность его ничем не огражденного самодержавия. Близкой им по содержанию была басня А. Е. Измайлова «Истина во дворце». В ней говорилось о нагой истине, сурово принятой во дворце и, напротив, ласково встреченной, когда она нарядилась в одежды вымысла. В первоначальной рукописной редакции она не имела заключительного восхваления Александра I, который «правдиво говорить о себе не запрещает». Без этой примиряющей концовки она, конечно, не могла бы появиться в печати.²

Громадное влияние на развитие демократических и национальных традиций в литературе оказал И. А. Крылов. Расцвет творчества великого русского баснописца падает на первую четверть XIX в. Крыловские басни внесли свежую струю народности в литературу. Белинский говорил о баснях Крылова, что они — «сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка; они отличаются и простодушием, и народностью».³ По глубоко верному замечанию Белинского, «народность... в поэзии Крылова явилась главным и преобладающим элементом».⁴

Басни Крылова — резко обличительного характера. Такие басни, как «Слон на воеводстве» (1808), «Лев на ловле» (1808), «Осел» (1815), «Рыбья пляска» (1821), принадлежат к числу лучших произведений русской сатирической литературы. В 1809 г. в Петербурге вышло первое отдельное издание 23 его басен. Эта небольшая книжка сразу же завоевала ему славу, возраставшую в дальнейшем с каждым

¹ Русские поэты — современники Пушкина. Ред. Ц. Вольпе и Вл. Орлова, Л., 1937, стр. 129—132.

² Поэты-радищевцы. Редакция и комментарии Вл. Орлова, 1935, стр. 425—426, 804.

³ В. Г. Б е л и н с к и й, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 203.

⁴ Там же, стр. 212.

В. А. Крылов (1768—1844). Литография 20-х годов XIX в.

новым выпуском его басен. В 1810 г. Крылов поступил в Публичную библиотеку помощником библиотекаря, с 1816 г. занял должность библиотекаря и прослужил в ней до 1841 г. Популярность великого баснописца в Петербурге, как и во всей стране, была исключительна. Любовь народа к Крылову нашла свое выражение в проведении в Петербурге в 1838 г. пятидесятилетнего юбилея его литературной деятельности. Юбилей был отпразднован с большой теплотой и задушевностью.

К числу писателей, подготовлявших почву, на которой вырос революционный романтизм, принадлежал К. Н. Батюшков. Его поэзия являлась выражением живнеутверждающего начала. Великолепное владение стихом позволяло ему облекать свои мысли в высоко художественную форму. К концу поэтической

деятельности Батюшкова — она прекратилась вследствие болезни в самом начале 20-х годов — в его произведениях начали звучать мотивы скорби и разочарования. Поэзия раннего Батюшкова не прошла бесследно для декабристов и молодого Пушкина. Имели определенное общественное значение и сатиры Батюшкова, направленные против А. С. Шишкова.

Передовая литература развивалась в борьбе с враждебными ей направлениями. Острая литературная борьба наполняет собой весь рассматриваемый период. Много сил и энергии пришлось потратить писателям передового направления на борьбу с А. С. Шишковым и его сторонниками. Шишков в книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) выступил с реакционными требованиями вернуться к языку «духовной» литературы и «высокому стилю» классицизма и резко протестовал против стилистических нововведений Карамзина. Появление сочинения Шишкова вызвало целую литературу, направленную против его утверждений, реакционный смысл которых был тотчас же разгадан прогрессивными писателями. Шишков выступал как представитель крепостнического дворянства, стремившегося уберечь Россию от «тлетворного» влияния революционных идей. Он объединил вокруг себя писателей, разделявших его политические и литературные взгляды, в числе которых был и Г. Р. Державин. Державин в рассматриваемое время переживал закат своего творчества. Действительная же роль этого крупнейшего поэта XVIII в. в организованном Шишковым обществе «Беседа любителей русского слова» совсем отдалила от него передовую писательскую молодежь.

Против Шишкова выступали К. Н. Батюшков, Д. В. Дашков, который в раннюю пору своей литературной деятельности придерживался передовых взглядов, И. М. Борн и ряд других писателей Петербурга. В полемику были втянуты и московские литераторы. Из них особенно энергично напал на Шишкова издатель «Московского Меркурия» П. И. Макаров. Борьба передовых писателей с Шишковым и его сторонниками продолжалась долгое время. Только к исходу второго десятилетия она утратила свою остроту: к этому времени жизнь выдвинула иные проблемы литературного развития, в свете которых потеряли свое значение споры о «старом» и «новом» слоге. Борьба против реакционных положений Шишкова не помешала враждебным ему писателям признать его очевидные заслуги в деле очищения русского языка от иноязычных слов.

Передовые писатели вели борьбу и против сентиментализма. Идеализация крепостнической действительности писателями-сентименталистами не могла не встретить осуждения со стороны тех, кто хотел изменения этой действительности. Один из членов Вольного общества Н. П. Брусилов в издававшемся им «Журнале российской словесности» и в своих отдельно напечатанных произведениях открыто издевался над слащавой чувствительностью эпигонов Карамзина.

Близким к сентиментализму был сентиментальный романтизм. Представители сентиментального романтизма проповедовали отрешение от борьбы. Они

приукрашивали прошлое, стремясь представить в нем все в привлекательном виде. Они не видели в нем тех черт, которые у всех передовых людей эпохи вызывали отвращение и протест. Желая отвлечь внимание читателей от задач борьбы против крепостников за политическое и нравственное освобождение от их влияния, сентиментальные романтики либо воспевали далекое прошлое, либо насыщали свои произведения религиозными и мистическими мотивами. Тоска по безвозвратно ушедшим временам, порывы к «вездешнему» миру наполняли собой их творчество. Писатели прогрессивного направления идейно-эстетических принципов романтизма разделить не могли.

Из числа представителей сентиментального романтизма должно быть выделено имя В. А. Жуковского. Стихотворения этого поэта, относящиеся к 10-м годам, были пронизаны мягкой гуманностью и задушевым лиризмом, ценившимися даже теми современниками поэта, которые не стояли на одинаковых с ним идейно-эстетических позициях. Неотразимое впечатление производило на них и совершенство поэтического языка Жуковского. Пудкин высоко ценил поэзию Жуковского. Известная надпись Пушкина «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль...») приобрела значение краткой, но выразительнейшей характеристики творчества самого выдающегося поэта сентиментально-романтического направления.

Освободительные войны 1812—1814 гг. произвели глубокое впечатление на передовых писателей. Они усилили свою борьбу за утверждение основ национальной культуры, борьбу с национальным нигилизмом и космополитизмом, так же как с теми лжепатриотическими настроениями, которые находили отражение в произведениях реакционеров-крепостников. В годы Отечественной войны и заграничных походов в Петербурге появилось немало художественных произведений, проникнутых высоким чувством патриотизма. «Воспоминания о Царском Селе» А. С. Пушкина и басня И. А. Крылова «Волк на псарне», «Обоз» и другие послание К. Н. Батюшкова «К Дашкову» принадлежат к числу лучших непосредственных литературных откликов на грозные события 1812 года. В «Певце о стане русских воинов» В. А. Жуковского, пользовавшемся широкой известностью и немало способствовавшем укреплению патриотических чувств в разнообразных кругах общества, автор не освободился от присущего ему налета мистицизма, чем снизил идейную значимость этого своего произведения. Когда кончилась война с Наполеоном, героические подвиги русского народа продолжали вдохновлять поэтов и писателей. Такие произведения, как «Наполеон» и «Полководец» А. С. Пушкина, патриотические стихотворения поэтов-декабристов, являются лучшими литературными памятниками Отечественной войне, созданными людьми декабристской эпохи.

Героическая эпопея Отечественной войны в сильнейшей степени содействовала оформлению того литературного течения, которое в историю литературы вошло под именем революционного романтизма и которое самым близким образом

связано с декабристами и ранним творчеством Пушкина. Идеи революционного преобразования старого мира составляют самое существенное в идейно-эстетических установках революционных романтиков. Революционно-романтическая поэзия была пронизана идеей борьбы за освобождение народа от экономического, политического и духовного рабства. Не всегда революционные романтики отчетливо представляли себе те конкретные формы, которые примет столь страстно ожидаемая ими народная свобода. Часто поэтизировали они всякое нарушение ненавидимого ими порядка, основанного на подчинении рабов господам. Известная идеализация прошлого и отсутствие реальных представлений о будущем были присущи революционным романтикам. Но они страстно любили свой народ и свою родину, ненавидели насилие и угнетение и непоколебимо верили, выражаясь словами Пушкина, в восход зари « пленительного счастья » — свободы.

Революционный романтизм отнюдь не представляет собой чего-то противоположного реализму. Напротив, он включает в себя значительную долю элементов реализма. Время, когда сложился художественно-реалистический метод как воспроизведение действительности во всем ее многообразии и в самых типических чертах, в первой четверти XIX в. еще не наступило. Но революционные романтики, борясь за насыщение литературы революционным содержанием, за национальную самобытность и народность ее, пролагали путь к утверждению реализма. Борьба за насыщение литературы революционным содержанием была неразрывно связана с стремлением к национальной самобытности и народности литературы. Если человек в изображении сентименталистов был почти лишен национального характера, то революционные романтики отчетливо видели в нем национальные черты и раскрывали социальную характеристику своих героев. Полностью сделать это сумели только писатели-реалисты, но революционные романтики своей литературной деятельностью в сильнейшей степени помогли будущему утверждению реализма.

Из писателей-декабристов, живших в Петербурге, должны быть названы К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, А. И. Одоевский. Бестужев, служивший по ведомству путей сообщения, мало занимался служебными делами. Дружба с Пушкиным, Грибоедовым и Рылеевым определила его настоящее призвание: он стал писать и в первых же своих произведениях обнаружил недожинный талант. Наиболее близким ему другом стал Рылеев, вместе с которым он издавал альманах «Полярная звезда». Первый выпуск «Полярной звезды» вышел в декабре 1822 г. В нем были напечатаны стихи и проза Пушкина, Рылеева, Жуковского, Дельвига, Ф. Глинки, А. Бестужева и других авторов. Альманах имел большой успех. Видное место в нем заняла статья А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России». Второй выпуск «Полярной звезды» был также очень сочувственно принят в кругах интеллигенции. Зато приверженцы классицизма и сентиментализма встретили «Полярную звезду» в штыки. Особенно шумный успех

выпал на долю третьего выпуска «Полярной звезды». Показателем подбор произведений, которые были напечатаны в этом выпуске. Это была «мятежная» романтика, нашедшая великодушное выражение в «Цыганах» и «Разбойниках» Пушкина, в «Исповеди Наливайки» Рыльева и в «Разбойниках» Н. М. Языкова.

«Полярная звезда» на 1825 г. была последней книжкой альманаха, увидевшей свет. Бестужев и Рылеев предполагали издать еще одну меньшего, по сравнению с прежними, размера под названием «Звездочка» и приступили уже к ее печатанию. Но после событий 14 декабря и ареста Бестужева и Рыльева не могло быть и речи о выходе в свет «Звездочки». Отпечатанные листы были немедленно конфискованы.

Бестужев и Рылеев явились авторами нескольких песен, сразу же получивших распространение в декабристских кругах. Эти песни заняли видное место в агитационной литературе декабристской поры. Одна из песен Рыльева имеет самое близкое отношение к Петербургу:

Близ Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава!
Что ни свет, ни зари
Для поехи царя.
Слава!
Разве нет у вас штатков
На киньков дураков?
Слава!
Разве нет у вас свинца
На тирана поддана?
Слава!¹

¹ Песни декабристов. Большая серия. Л., 1950, стр. 241.

Титульный лист «Полярной звезды» 1825 г.

Вне всякого сомнения эта песня была связана с восстанием Семеновского полка — казармы полка находились на Фонтанке.

А. И. Одоевский со времени своего производства в офицеры в 1823 г. попал в круг литераторов-декабристов. Он близко сошелся с Рылевым и А. Бестужевым, а особенно с Грибоедовым. Одоевский не любил записывать своих стихотворений и совсем их не печатал. К тому же большая часть их была сочинена в Сибири. Там же Одоевский написал свой ответ Пушкину на его «Послание в Сибирь», строчка из которого — «Из искры возгорится пламя» — впоследствии послужила эпиграфом к ленинской «Искре». Поэтическое дарование Одоевского высоко ценилось его друзьями. Грибоедов и познакомившийся с Одоевским на Кавказе Лермонтов посвятили ему согретые глубокой любовью стихотворения.

Грибоедов после своего приезда в Петербург в 1816 г. попал в декабристский круг. Братья Бестужевы, Рылеев, А. И. Одоевский, Е. П. Оболенский, В. К. Кюхельбекер и другие стали ближайшими его друзьями. Грибоедов был единомышленником декабристов. В 1818—1823 гг. он находился на дипломатической службе и жил вне Петербурга — на Кавказе, в Персии. Здесь он начал писать свое бессмертное произведение «Горе от ума», которое было окончено в Петербурге, куда Грибоедов приехал в июне 1824 г. Спски его гениальной комедии широко распространились не только в Петербурге, но и по всей стране. Первыми обладателями этих списков были члены Северного общества. О том, какое значение имела в формировании декабристской идеологии комедия Грибоедова, лучше всего говорят следующие слова из воспоминаний декабриста А. П. Беляева: «Появилась комедия „Горе от ума“ и ходила по рукам в рукописи; наизусть уже повторялись его едкие насмешки; слова Чацкого „все распроданы по одиночке“ приводили в ярость».¹

Комедия является вехой в развитии реалистической литературы. По своей социально-политической направленности она одинакова с декабристской литературой. Крепостнический паразитизм, угодничество, невежество, дешевое тщеславие, бездушие дворянского общества нашли в Грибоедове беспощадного обличителя. Комедия Грибоедова являлась ярким литературным выражением политической программы декабристов. Осенью 1825 г. Грибоедов уехал на Кавказ, где его застало известие о восстании декабристов. Царские власти привлекли Грибоедова к следствию по делу о восстании. Грибоедов был арестован и привезен в Петербург. Однако следствие не сумело доказать участия его в декабристских обществах.

Пушкин, едва окончив Лицей (1817), сразу же оказался в центре петербургской литературной жизни. Он встречался с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Катениным, драматургом А. А. Шаховским, дом которого постоянно посещался людьми, близкими к театру. Завязалась дружба Пушкина с братьями

¹ А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и переживаемом. СПб., 1882, стр. 155.

*А. С. Грибоедов (1795—1829). Портрет работы И. И. Крамского 1875 г.
Государственная Третьяковская галерея.*

А. И. и Н. И. Тургеневыми, что ввело Пушкина в круг членов Тайного общества. К этому периоду, т. е. к концу 10-х годов, относится создание Пушкиным оды «Вольность», получившей широкое распространение в многочисленных списках. Пушкин не был членом Тайного общества, но он постоянно вращался в кругу декабристов и не только разделял их взгляды, но и оказывал на них влияние. Памятником этой близости Пушкина к декабристам осталась десятая глава «Евгения Онегина». В ней он говорит о собравшихся членах «сей семьи» (т. е. членов Тайного общества) у Н. М. Муравьева и И. А. Долгорукова, на которых «читал свои Нозли Пушкин». Нозль «Ура! в Россию скачет кочующий деспѳт» получил столь же широкое распространение, как ода «Вольность».

Ко времени юности Пушкина относится создание «Руслана и Людмилы». Орывки из поэмы печатались в «Сыне отечества» и в «Невском зрителе». Орывки эти, так же как и появлявшиеся в печати отдельные стихотворения Пушкина, обратили на себя всеобщее внимание, и юноша-поэт уже завоевал себе признание. Когда над поэтом нависла угроза ссылки в Сибирь, его друзья и знакомые пытались примирить его с двором. Но Пушкин не хотел оказывать ни покорности, ни смирения. Напротив, ко всем своим старым выступлениям против правительства он прибавил еще несколько убийственных эпиграмм — на А. А. Аракчеева, на А. Н. Голицына и др. Все это стало известно Александру I. 6 мая 1820 г. Пушкин был выслан из Петербурга. На долгое время поэт оказался оторванным от Петербурга, в котором протекали годы его юности, надолго оставившие неизгладимый отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Годы после высылки из Петербурга до возвращения в него в 1827 г. явились для Пушкина временем окончательного формирования его идейно-эстетических взглядов и его несравненного художественного дарования. В нем навсегда укрепились ненависть к жестокости, подлости, продажности правящей клики в России во главе с самодержцем. Пушкин еще больше сблизился с угнетенным народом. Он хорошо узнал свой народ, а зная его, не мог не проникнуться гордостью за него. Народ начал занимать все большее место в его творчестве. Тогда же окончательно сложился язык Пушкина. Великий поэт постоянно вслушивался в народную речь, понимал ее, как никто из его предшественников, восхищался ее чистотой, образностью, выразительностью. Введя подлинно народный язык в литературу с гениальным мастерством, неведомым его предшественникам и современникам, Пушкин явился создателем русского литературного языка.

* * *

Театральная жизнь Петербурга в первой четверти XIX в., как и во всей стране, проходила под знаком борьбы за реалистическую драматургию.

На пути к утверждению реалистического театра в качестве одного из существенных притяжений стояла классическая трагедия, в начале XIX в. уже клонив-

шаяся к упадку, но тем не менее еще пользовавшаяся успехом у сравнительно широкого круга зрителей. Этот успех в известной степени объясняется тем, что автор классических трагедий, с наибольшим успехом шедших на петербургской сцене, В. А. Озеров, своих героев наделил в некоторой мере живыми человеческими чертами. Кроме того, успеху озеровских трагедий способствовало и то, что в них было заключено немало намеков на современность, отлично улавливаемых зрителями. Когда один из персонажей «Эдипа в Афинах» произносил: «Где на законах власть царей установлена, сразить то общество не может и вселиена», — зрительным залом, по словам С. П. Жихарева, овладевал бурный восторг.¹ Постановка «Эдипа в Афинах» в 1804 г. сразу же принесла Озерову славу.

Еще больший успех имела другая его трагедия — «Дмитрий Донской», поставленная в январе 1807 г., т. е. в разгар второй войны с Наполеоном. Патристические призывы героев этой трагедии встречали самый живой отклик в зрительном зале, посетители которого тяжело переживали позор аустерлицкого поражения. С. П. Жихарев писал в своих «Записках», что на первом представлении «Дмитрия Донского» в Петербурге публика приходила в неистовый восторг при каждом стихе трагедии, в котором звучали патристические мотивы. Зрительный зал разразился шумной овацией по адресу автора и А. С. Яковлева, исполнявшего роль Дмитрия, когда он в заключительной сцене трагедии обращался к богу с благодарственной молитвой за победу над татарами. «Я думал, что театр обрушится от ужасной суматохи, произведенной этими последними стихами», — писал Жихарев.² В 1812 г. «Дмитрий Донской» был возобновлен с громадным успехом. «Озеровское» время в театре увековечено Пушкиным в известных строках «Евгения Онегина»: «Гам Озеров повольны дани народных слез, рукоплесканий с молодой Семеновой делил».

Кроме трагедий Озерова, на сцене петербургских театров ставились пьесы других представителей классической драматургии. Некоторое время держалась в репертуаре трагедия М. В. Крюковского «Пожарский или освобожденная Москва». Сторонниками классического направления в драматургии были Н. И. Гнедич и П. А. Катанин, выступавшие в качестве переводчиков.

Озеров и его эпигоны были последними представителями классической трагедии в театре. Прогрессивная часть дворянской интеллигенции, сочувствовавшая идеям, пронагандированным писателями Вольного общества, не могла быть удовлетворена классическим жанром, хотя бы и подновленным, как это было у Озерова. Устарелость классической трагедии стала особенно ясна в свете тех серьезнейших сдвигов в общественном сознании, которые наступили после Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 гг. К концу второго десятилетия классическая трагедия окончательно сходила со сцены. Пушкин в «Моиx замечаниях о русском театре», написанных в 1820 г., отразил это изменившееся

¹ С. П. Жихарев. Записки современника, т. I, 1934, стр. 150—153.

² Там же, т. II, стр. 34.

отношение к классической трагедии, говоря о «несовершенных творениях несчастного Озерова» и не признавая за ним никакого искусства драматурга.

Своим успехом на петербургской сцене в рассматриваемое время классическая трагедия в значительной мере обязана замечательным исполнителям ролей классического репертуара. Из них прежде всего следует назвать Е. С. Семенову. Пушкин в «Мои́х замечаниях о русском театре» с поразительной меткостью определил роль Семеновой в кратковременном процветании жанра классической трагедии. Он писал: «Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой, и, может быть, только об ней». Пушкин отмечал свободу и ясность ее игры, благородство движения, чистоту и ровность голоса. «Она осталась единодержавною царицею трагической сцены», — такими словами заканчивал Пушкин свою характеристику этой замечательной актрисы.¹

На смену Семеновой пришла другая трагическая актриса — А. М. Колосова, которую восторженно приветствовал Пушкин. Но Колосова не заменила Семенову. Это произошло не потому, что она уступала ей по своему дарованию, а потому, что время классической трагедии прошло. Колосова прославилась впоследствии как исполнительница комедийных ролей.

Крупнейшим трагическим актером петербургской сцены был А. С. Яковлев. Жихарев писал, что, видя Яковлева в роли Дмитрия Донского, он «безумствовал». Этот актер покорял зрительный зал необычайной эмоциональностью своего исполнения. Начав с трагедий Сумарокова и Бняжнина, он перешел к озеровскому репертуару и закончил свой недолгий жизненный путь — он умер 44 лет — имевшим громкий успех исполнением роли Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера. Пушкин назвал Яковлева «диким, но пламенным». Преемник Яковлева Я. Г. Брянский, уступая ему в силе дарования, все же выделялся на петербургской сцене как выдающийся исполнитель трагических ролей. Брянский впоследствии перешел на роли романтического и мелодраматического репертуара, в исполнении которых достиг большого совершенства и завоевал себе громкую известность.

На сцене русского, в частности петербургского, театра в первом десятилетии XIX в. наряду с классической трагедией успехом в обывательской среде пользовалась сентиментальная драма, представленная, в частности, переводными пьесами реакционного немецкого драматурга А. Коцебу.

Потребности передовой части зрителей видеть на сцене правду, освобожденную от условностей трагедии и мещанской драмы, в некоторой мере удовлетворяла комедийная часть репертуара. Самый жанр комедии был ближе к реализму, чем любой другой из жанров, бытовавших на театральной сцене. Реалистическими комедиями в репертуаре петербургского театра была «Модная лавка» и «Урок дочкам» Крылова, поставленные в Петербурге в 1806 и 1807 гг. С. Жихарев писал

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 10.

по поведению «Модной лавки», что он на ее представлении «насмеялся досыта», что актеры поразили его «верностью», с какой они играли персонажей комедии.¹ Конечно, дело тут было не только и не столько в актерском исполнении, сколько в реалистичности образов комедии. С замечательным остроумием высмеивал Крылов в этой комедии широко распространенную в дворянской среде галломанию. Большой успех имела и комедия «Урок дочкам», где Крылов, по словам некоего анонимного рецензента «Драматического вестника», «колот не в бровь, а прямо в глаз» ту часть светского общества, которая не хотела отстать от «модного воспитания».² От Крылова к Грибоедову идет развитие русской реалистической комедии.

Однако в петербургском театре первой четверти XIX в. преобладающее место в комедийном репертуаре занимали пьесы А. А. Шаховского. По своим литературным симпатиям Шаховской примыкал к шишковской «Беседе». Реакционные политические убеждения и выпады против романтизма сделали Шаховского предметом постоянных насмешек в «Арзамасе». Пушкин говорил о нем, как о «посредственном стихотворце», об авторе, не обладающем большим вкусом, о слабом драматурге.

Комедии Шаховского были веселы и неприязнительны, содержали известную долю злободневности, и это способствовало их успеху, хотя по глубине замысла и общественной значимости они, конечно, много уступали комедиям Крылова.

В первой четверти XIX в. в репертуаре петербургского театра начинает занимать все более прочное место совершенно новый драматургический жанр — водевиль.

Одним из наиболее прославившихся водевильных авторов был Н. И. Хмельницкий. Водевиль Хмельницкого «Говорун» явился сатирой на хвастовство и болтливость.

Грибоедов в таких ставших знаменитыми словах Ренетилова осмеял увлечение водевилем:

...Я, когда умишком понтужусь,
Засяду, часу не сижу
И как-то невзначай вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же поддевят
И шестером, глядь, водевильчик селят;
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

В комедийном репертуаре выдвинулось немало превосходных актеров и актрис.

Самым крупным комическим актером в Петербурге был Н. И. Сосницкий — разностороное одаренный человек. Превосходный танцовщик, знаток

¹ С. И. Жихарев, ук. соч., т. II, стр. 296.

² В. А. Крылов, Сочинения, т. II, М., 1946, стр. 750—751.

постановочной части, он вместе с тем занял на петербургской сцене первое место среди комических актеров.

Сосницкий начал с исполнения ролей в пьесах Шаховского и Хмельницкого. Позднее он стал выступать в русских классических комедиях и создал надолго запоминавшуюся галерею образов: Репетилова в «Горе от ума», городничего в «Ревизоре», Кочкарева в «Женитьбе», Балагалаева в «Зантраке у предводителя», Гоголь высоко ценил искусство этого актера.

Ни классическая трагедия, ни сентиментальная драма, ни та комедия, которая создавалась Шаховским и его окружением, ни тем более водевиль не могли дать представителям передовой дворянской и разночинной интеллигенции того, чего они ожидали от театра. А ожидали они от него ответа на те социально-политические вопросы, которые ставила жизнь и которые уже находили отражение в передовой художественной литературе и публицистике.

Только в двух драматургических произведениях великих русских писателей, созданных в рассматриваемое время, зазвучала перенесенная на сцену подлинная правда. «Борис Годунов» и «Горе от ума» явились величайшими реалистическими произведениями русской драматургии. Трагедия Пушкина, написанная им вне Петербурга, в годы ссылки, — первое в истории русского драматургического искусства воплощение идеи народа как основной движущей силы истории. В «Борисе Годунове» народ — действующее лицо. Он незримо присутствует в трагедии даже тогда, когда сцена занята другими действующими лицами. Все персонажи трагедии в той или иной степени зависимы от воли народа. Политическая идея «Бориса Годунова» — протест против насилия над народом со стороны господствующих классов, захвативших власть в свои руки и считающих себя вершителями народной судьбы. В этом и заключалась сущность народной драмы, гениально раскрытая Пушкиным. Являясь народной, она не могла не быть реалистичной, ибо реализм и народность слиты в единое и неразрывное целое. Пушкин отчетливо представлял себе основные проблемы, стоявшие перед драматургом, стремящимся показать на сцене подлинную историческую правду. Он понимал, что для этого нужно решительно отбросить все омертвевшие традиции классицизма и сентиментализма. Более того, Пушкину было ясно, что для создания народной трагедии революционно-романтические принципы, утверждавшиеся им всего лишь за несколько лет до написания «Бориса Годунова», не пригодны. Трагедия Пушкина — новый шаг на пути развития реализма.

Столь же народным и реалистическим было другое великое произведение драматургии рассматриваемого времени — «Горе от ума». Его персонажи — обобщенные типы, заключающие в себе, по признанию самого автора, черты, свойственные многим другим лицам. Реальные люди, явившиеся прототипами действующих лиц «Горя от ума», послужили Грибоедову только отправным моментом в создании типов широкого обобщения. В «Горе от ума» органически соединены темы личной драмы Чацкого с темой социальной борьбы. Концовка комедии по-

строена так, что зритель даже после закрытия занавеса в последнем акте не чувствует прекращения борьбы, составляющей основное ее содержание. Напротив, для него ясно, что борьба Чацкого будет продолжаться, пока не исчезнет мир Фамусовых и Скалозубов.

Наряду с драматическими произведениями на сцене петербургского театра ставились и балетные спектакли. Балет на императорской сцене — наиболее аристократический вид театрального искусства и в то же время наиболее консервативный. Но в рассматриваемое время даже и в балете, как и во всех других видах театрального искусства, произошли некоторые перемены. Делаются попытки ввести в балетные спектакли элементы драматического действия, придать событиям, изображаемым на сцене, местный и исторический колорит. Сюжеты балетов черпаются не только из мифологии, но и из произведений современных авторов. Появляются балетные спектакли на пушкинские сюжеты. Так, вскоре после выхода из печати «Кавказского пленника» на сцене петербургского театра был поставлен одноименный балет, в котором изображались черкесы, черкешенки, народные кавказские игры, действие происходило на фоне кавказской природы, хотя самый сюжет подвергся изменению. «Руслан и Людмила» послужила источником для постановки фантастического балета с бесчисленными сценическими эффектами, на которые был великий мастер балетмейстер и постановщик Дидло, много лет работавший в петербургском театре. Пушкин находил, что балеты Дидло исполнены «живости воображения и прелести необыкновенной».¹ Из балетных актеров и актрис наибольшей славой пользовались вызвавшая всеобщий восторг танцовщица Данилова, умершая на 17-м году жизни, Истомина, увековеченная в «Евгении Онегине», Шемаев, Стриганов и др.

В рассматриваемое время в Петербурге существовало три театра: Малый (Казаеси) на Невском проспекте, построенный на месте бывшего сквера на площади Островского, Большой — на Театральной площади, находившейся на месте бывшего здания Консерватории, и театр на Дворцовой площади, называвшийся Немецким, Новым, Кушелевским, где давались спектакли русской и немецкой трупп.

Актеры Большого театра составляли труппу, достигавшую в 1826 г. 106 человек. В это число входили: 43 драматических, 39 балетных и 24 оперных актера и актрисы. В начале XIX в. строгой специализации труппы по отраслям театрального искусства не было, и одни и те же актеры участвовали в драматических, балетных и оперных спектаклях. Этому способствовала и универсальность сценического образования в театральной школе, которая находилась в ведении дирекции императорских театров. Лишь в редких случаях для особо выдающихся актеров допускалась такая специализация, которая исключала возможность драматическому актеру исполнять оперные партии или выступать в роли танцовщика.

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. V, М.—Л., 1950, стр. 192.

В дальнейшем уже все актеры перестали быть универсальными исполнителями¹ актерский состав разделился на три группы: драматическую, оперную и балетную.

По социальному происхождению актеры в подавляющем большинстве принадлежали к недворянским сословиям. Яковлев был сыном костромского купца, Семенова — дочерью крепостной крестьянки, Сосницкий — сыном мелкого театрального служащего. Играли в императорских театрах и крепостные актеры. Дабы зрители не смешали их с лицами «свободного состояния», в афишах их фамилии печатались без прибавления буквы г., т. е. «господина».

Крепостнические порядки властвовали за кулисами театра. Дирекция театров, как и подавляющая масса публики, смотрела на актеров как на «комедиантов», нанятых или даже купленных на утеху зрителя. Чиновники театральной дирекции обращались с ними как с крепостными слугами. Их уже, правда, не подвергали телесным наказаниям, но такие меры воздействия по отношению к строптивым актерам, как арест «при конторе» или «при театре», практиковались постоянно. Далеко не всегда вели себя вполне корректно по отношению к актерам и зрители. Громадной заслугой М. С. Щепкина является то, что он поднял общественное положение актера на небывалую до него высоту, заставив дворянское общество относиться к актеру с должным уважением. Но в придворно-аристократических кругах долго еще продолжали смотреть на актера как на «комедианта».

Зрители петербургского театра, как уже было сказано, являли собой в рассматриваемое время довольно пеструю картину. Прежде всего по своему социальному составу они делились между двумя театрами. Малый театр, в котором, кроме русской труппы, играли французские актеры, почему он назывался также и французским, посещался преимущественно аристократической публикой. Зрители Большого театра принадлежали к различным социальным категориям; среди них было немало разночинцев и даже людей «низшего состояния». Но они отнюдь не смешивались: они занимали места в театре в строгом соответствии с своей социальной принадлежностью, в точности отражая сословную иерархию феодального общества.

В креслах, составлявших десять рядов, и ложах помещалась светская знать. Эта часть зрителей, по убийственной характеристике Пушкина, «слишком занята судьбой Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъятии душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского)». Для этих людей, по словам Пушкина, посещение театра является выполнением этикета. «Они служат только почетным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей».¹

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 9.

Иная публика заполняла партер. Партер находился за креслами, места его были не нумерованы, и в нем можно было сидеть и стоять. В партере обычно занимали места писатели, художники, ученые, средние чиновники, купцы. Эти зрители определяли успех спектакля.

Посетители райка не были похожи ни на холодных и равнодушных зрителей, занимавших кресла и ложи, ни на театралов партера. Писцы, слуги, артельщики, сидельцы лавок, мелкие чиновники составляли зрительскую массу райка. Это были наиболее горячие зрители: «в райке нетерпеливо плещут», — отметил Пушкин. Посетители райка составляли самую демократическую часть зрительного зала. Конечно, не райк определял успех спектакля, но не считаться с зрителями из райка было невозможно.

Публичные театры Петербурга были казенными. Однако существовало довольно большое число постоянных театров, принадлежавших частным лицам, спектакли в которых давались только для ограниченного круга знакомых хозяина: это были крепостные театры. В Петербурге их насчитывалось около 25. Наибольшей известностью пользовались театры А. Л. Нарышкина, гр. Шуваловых и кн. Юсуповых.

Посетители райка в петербургских театрах представляли народ лишь в ничтожной степени. Да и то это не были представители широких народных масс. Для широких народных масс единственным доступным зрелищем были так называемые народные гуляния. Они происходили в Петербурге всегда в одно и то же время года, приуроченные к религиозным праздникам. Зимой гуляния устраивались на масленице и святках, весной и летом — на Пасхе и в Троицын день. Особенно оживленны и живописны были масленичные гуляния. На Неве около Зимнего дворца, на Крестовском острове, на Царыцыном лугу и на Охте строились ледяные горы. Катание с гор было одним из любимейших старинных народных развлечений, и около гор, особенно на Крестовском острове и на Охте, всегда толпился народ. В катании на Неве и отчасти на Крестовском острове принимали участие и представители высших сословий. Около гор возводились балаганы, в которых можно было увидеть кукольные комедии, китайские тени, всякие «волшебные» превращения. Зрителей развлекали канатные плясуны, ученые медведи, обезьяны, фокусники, скоморохи, акробаты. Балаганные деды зазывали народ шутками и прибаутками. Веселый шум стоял от звуков шарманок, дудочников, песенников, возгласов продавцов сбитни и всяких лакомств, от говора оживленной, одетой в праздничные одежды, с жадным любопытством присматривающейся ко всему толпы.

С приближением Пасхи на Исаакиевской площади начинали строить качели. Качели были трех родов: круглые, маховые, подвесные. Тут же воздвигались деревянные горы, с которых катались на колясках. Около качелей были расположены балаганы и карусели. С четверга на пасхальной неделе начинались гуляния. Весь город собирался у качелей. Балаганы заплывали народом; не

смешиваясь с ним, по обеим сторонам Адмиралтейского бульвара стояли и наблюдали за толпой купцы, а вокруг качелей в великолепных экипажах прогуливалась знать. Сечение народа было громадным — десятки тысяч людей устремлялись в эти дни на Исаакиевскую площадь.

Столь же оживленно бывало и на одной из далеких тогда окраин Петербурга — около Предтеченской церкви на Ямской улице (ныне на углу Сталинградского проспекта и Обводного канала) — в дни, предшествовавшие празднику Троицы. Сюда собирались люди со всего города. Толпы народа располагались вокруг церкви. Здесь вели хороводы, разыгрывали сцены, сюжеты которых заимствовались из народных песен, устраивали игры. Народ являлся не только зрителем, но и участником празднеств, происходивших в эти дни.

* * *

Как в литературе и театре, так и в музыкальной культуре первая четверть XIX в. была временем борьбы за народность и реализм. Деятели передовой музыкальной культуры в рассматриваемое время настойчиво ищут путей к утверждению национального искусства. Как и представители других отраслей культуры, русские передовые музыканты вступают в упорную борьбу с омертвевшими традициями и с сознательным сопротивлением реакционеров. В этой борьбе утверждается национальная музыкальная культура. Развитие ее отмечено новыми достижениями и успехами, подготовившими появление гения русского музыкального искусства — М. И. Глинки.

В Петербурге наибольшее внимание музыкальной общественности привлекал музыкальный театр. Хотя в столице музыка звучала и в концертных залах, и в учебных заведениях, военных частях, частных домах, на улицах, в садах, пригородных парках, хотя исполнялись симфонические и камерные произведения, народные песни, романсы, хоры, различная инструментальная музыка, все же наиболее значительные явления в области музыкальной культуры происходили в театре.

В репертуаре Большого театра видное место занимала опера. Музыкальная часть театра находилась в руках обрусевшего итальянца, жившего в России с молодых лет, — К. А. Кавоса. Кавос написал множество всякого рода музыкальных произведений: оперы, балеты, водевили, оратории, песни и т. п. Все эти произведения не отмечены высоким дарованием, но они носят печать хорошей музыкальной культуры. Кавос явился пропагандистом русской национальной музыки. Ее он слышал прежде всего в русской песне. Желая насытить свою музыку русским национальным содержанием, он для некоторых сочиненных им опер брал не только русские сюжеты, но и музыку старался придать национальный колорит. Таковы были его две оперы: «Князь невидимка» (1805) и «Илья богатырь» (1806), текст второй написал И. А. Крылов. Оперы имели успех. В последующие годы

Кавосом были написаны «Иван Сусанин», появление которого явилось откликом на события Отечественной войны, «Добрыня Никитич», «Светлана», «Юность Иоанна III» и др. «Иван Сусанин» держался на сцене вплоть до появления оперы Глинки. Заметное место в творчестве Кавоса занимает балетная музыка, написанная большей частью к балетам — пантомимам Дидло.

Большой заслугой Кавоса явилось то, что он способствовал развитию исполнительского мастерства у музыкантов и певцов. Много работая с хором, оркестром и солистами, он добился столь хороших результатов, что в Большом театре могли исполняться самые сложные произведения русской и западноевропейской музыки. Кавос умел «открывать» таланты. Так, его музыкальному чутью русская оперная сцена обязана была появлением двух знаменитых певцов — О. А. Петрова и А. Я. Воробьевой. Из певцов, выступавших в Большом театре во времена Кавоса, должны быть названы: Н. С. Семенова (прославленное сопрано, сестра Е. С. Семеновской), Строганова, Е. С. Сандунова, В. М. Самойлов, П. В. Злов, В. А. Шемякин и др.

Одним из талантливейших русских композиторов доглинкинской поры был С. П. Давыдов. Он обладал мелодическим даром, хорошей техникой, тонко чувствовал оркестровый колорит. Главное его произведение — опера «Леста, дворовая русалка». Много из написанного им не сохранилось. О его жизни почти ничего не известно. В начале XIX в. он жил в Петербурге, занимая должность капельмейстера императорских театров, позднее переехал в Москву, где в 1825 г. умер. В ряду предшественников Глинки Давыдову принадлежит одно из самых заметных мест.

Выдающийся оперный композитор 30—40-х годов XIX в. А. Н. Верстовский, автор известной оперы «Аскольдова могила», живший с 1823 г. в Москве, начал свою композиторскую деятельность в Петербурге, где он написал музыку ко многим водевилям. Вместе с Верстовским музыку для театра писал О. А. Козловский — один из замечательных музыкантов своего времени. Он был автором музыки к трагедиям Озерова, Катенина и других драматургов. Сочинения Козловского обнаруживают высокую одаренность этого композитора.

В Петербурге ряд своих первых произведений написал другой выдающийся русский композитор — А. А. Алябьев. Алябьев жил в Петербурге после возвращения из заграничных походов, участником которых он был, до 1823 г., когда он переехал в Москву. В Петербурге он сблизился с передовыми писателями и музыкантами — А. С. Грибоедовым, Д. В. Давыдовым, В. Ф. Одоевским, А. Н. Верстовским, с писателями-декабристами А. А. Бестужевым-Марлинским, Ф. Н. Глинкой, П. А. Мухомовым. Здесь он пишет струнный квартет, музыку к комической опере «Лунная ночь» и ряд других произведений.

Близость к декабристам, А. С. Грибоедову, а в дальнейшем к Н. П. Огареву определила демократическую направленность идейно-эстетических позиций Алябьева. Для него характерно стремление к музыкальному преобразению

поэтических произведений, исполненных глубокого чувства. Более всего его внимание привлекали тексты стихотворений Пушкина. Обращался он к социальной тематике (стихотворения Огарева, Беранже), к сатире. Очень большое внимание он уделял народному творчеству, мастерски используя народнопесенные мотивы. Алябьев написал большое количество произведений в самых разнообразных жанрах — романсы, оперы, квартеты, симфонические произведения и др. Всемирную известность получил его «Соловей», подвергавшийся бесчисленным обработкам для разных инструментов. Алябьев жил большей частью в Москве, но известность его распространилась по всей России. Музыка его часто исполнялась в Петербурге в публичных концертах и в частных домах.

После Отечественной войны в Петербурге появилось немало произведений, посвященных победам русской армии. Так, полонез О. А. Козловского для хора в сопровождении фортепиано был написан в честь Кутузова. Ему же посвящали свои произведения и другие петербургские композиторы. В 1813 г. в Петербурге исполнялась фортепианная фантазия капельмейстера французской оперы в Петербурге Д. Штейбельта «Разрушение Москвы». Фантазия состояла из нескольких частей, каждая из которых должна была изобразить определенный момент войны. Финал был написан на русскую плясовую тему и назывался «Радость победы».

К наиболее значительным произведениям из тех, какие были написаны петербургскими композиторами в связи с военными событиями 1812—1814 гг., должны быть отнесены марши П. И. Долгорукова. Музыка этих маршей изобличает недюжинное композиторское дарование Долгорукова, отразившееся и в других его сочинениях, написанных в различных жанрах (вариации, полонез и др.) и уже не связанных с военными событиями. Автором произведений, посвященных Отечественной войне, был один из талантливых композиторов первой четверти XIX в. крепостной помещика Бибикова, живший большею частью в Москве, — Д. Н. Кашин.

Патриотическими чувствами, вызванными войнами с Наполеоном, проникнута оратория С. А. Дегтярева «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы в 1612 году». Дегтярев был крепостным гр. Шереметева, дирижером его домашних оркестра и хора. Получив волю, он оказался в такой нищете, что не имел возможности нанять подводу, чтобы выехать из владений своего бывшего господина, и тогда он сжег все свои ноты и рукописи. Дегтярев писал много духовной музыки, пользовавшейся известностью по всей России. Его оратория была исполнена в 1811 г. в Москве с громадным успехом и повторена в 1818 г. при открытии памятника Минину и Пожарскому.

В Петербурге жил один из примечательнейших русских музыкантов А. Д. Жилин. Он был слеп от рождения, но, обладая необычайным слухом и памятью, достиг виртуозного владения фортепиано, гитарой, скрипкой и виолончелью. Средства к жизни он добывал преподаванием музыки в Петербургском институте слепых. Вместе с тем он выступал в концертах, пользуясь неизменным

успехом. Жилин был автором романсов, фортепианных произведений (вариации, полонезы, вальсы), отразивших его хорошее понимание национальных особенностей русской музыки.

Чрезвычайно большое распространение в Петербурге, как и во всей стране, получил с начала XIX в. романс. Романсы целись во всех слоях петербургского общества: они были столь несложны, что могли исполняться людьми, обладающими элементарными голосом и слухом, и без всякого инструментального сопровождения. Мелодической основой романсов была народная русская песня, подвергавшаяся обработке и переделке авторами романсной музыки. Из их числа многие завоевали себе громкую известность. Н. А. Титов (сын А. Н. Титова — автора многих опер, шедших на петербургской сцене) прославился своим романсом «Уединенная сосна». Всего Н. А. Титов написал свыше 60 романсов, некоторые из которых, сочиненные в 30-х и 40-х годах, приобрели широкую популярность. Н. А. Титов писал не только романсы; его вальсы, марши и кадрили были известны и за пределами Петербурга. Двоюродный брат Н. А. Титова Н. С. Титов также прославился как автор романсов — особенно популярен был его «Талисман». К петербургскому периоду жизни Верстовского относится его романс «Черная шаль», распевавшийся в течение нескольких десятилетий по всей России. М. И. Глинка начал свою музыкальную деятельность с сочинения романсов. В 1825 г. он написал романс на слова Е. А. Баратынского «Не искушай меня без нужды», вошедший в сокровищницу русской музыкальной культуры.

Так уже первые десятилетия XIX в. отмечены выдающимися творческими достижениями русских музыкантов, подготовившими появление Глинки.

Известные успехи можно отметить и в концертной жизни Петербурга.

В начале XIX столетия, в 1802 г., возникло Филармоническое общество, давшее серьезный толчок развитию концертной жизни Петербурга. На устраивавшихся Обществом концертах исполнялись оратории, симфонии, мессы, увертюры Гайдна, Моцарта, Бетховена и др. Успех этих произведений (особенно часто исполнялась оратория Гайдна «Сотворение мира») свидетельствует о высокой музыкальной культуре передового петербургского общества. Однако имена русских композиторов в течение длительного времени отсутствовали в программах симфонических концертов Филармонического общества. А между тем в России в первой четверти XIX в. было создано немало симфонической и инструментальной музыки. Например Н. Д. Овсяннико-Куликовский, живший на Украине, написал свыше двадцати симфоний. Г. А. Рачинский сочинил много крупных произведений для скрипки.

В качестве солистов на концертах Филармонического общества выступали такие первоклассные русские артисты, как Е. Сандунова, В. М. Самойлов, П. В. Злов и др. Гастролировали и иностранные виртуозы, например пианисты Фильд, Клементи, певица Каталани. Филармоническое общество часто давало свои концерты в доме Кусовникова, перешедшем впоследствии к Энгельгардту

(ныне Малый зал Филармонии в доме № 30 по Невскому проспекту). Этот дом стал одним из значительнейших культурных центров города.

Однако количество публичных концертов было еще явно недостаточным. Русская музыка с большим трудом пробивала себе дорогу на концертную эстраду. Поэтому очень распространенным явлением музыкальной культуры рассматриваемого времени было домашнее музицирование. Подобно литературным салонам, в Петербурге возникали музыкальные салоны. Таковым был салон Шаховского, где собирались не только драматические, но и оперные актеры. Есть основания полагать, что музыкой занимались на собраниях «Зеленой лампы». Музицировали и у П. А. Каратыгина. У этого актера и автора многочисленных водевилей часто бывал в годы своего пребывания в Петербурге А. С. Грибоедов. Автор «Горя от ума» сам был, как известно, превосходным пианистом и композитором. Каратыгин рассказывает, как Грибоедов, бывая у него, играл своих любимых композиторов — Моцарта, Бетховена, Гайдна, Вебера — или импровизировал на фортепиано.

В домашнем музицировании некоторых петербургских аристократов принимали участие крепостные оркестры. В первой четверти XIX в. в Петербурге существовало около десяти крепостных оркестров. В состав их входили отлично подготовленные, получившие профессиональное образование музыканты. Исполняли они серьезную симфоническую музыку. Один из лучших крепостных оркестров в Петербурге принадлежал А. Г. Теплому. В доме Теплового еженедельно устраивались музыкальные собрания, в которых участвовал и его оркестр. Крепостные оркестры сделали очень многое для популяризации творчества русских композиторов.

Народная песня звучала в Петербурге не только в обработке профессиональных музыкантов или любителей-композиторов. Подлинная народная песня звучала в сольном и хоровом исполнении в людских барских домах, на работах, исполняемых пришедшими из деревни крестьянами, во время народных гуляний, — словом, всюду, где только можно было увидеть народ, а народ составлял основную массу населения Петербурга. Влияние, оказывавшееся народной песней на профессиональных музыкантов, не покидавших города, и на воспитание музыкальных вкусов городского населения, было громадно. Громкий успех таких вокальных и инструментальных произведений, авторы которых клали в их основу народную песню, является убедительным доказательством этого.

Во влиянии народной песни на музыкальный быт Петербурга можно видеть один из признаков близкого торжества национальной русской музыкальной культуры.

* * *

Развитие передового изобразительного искусства в первой четверти XIX в. отмечено поисками средств воплощения тех идей, которые волновали передовые круги общества. Живописцы, архитекторы, скульпторы, творившие в эпоху

Отечественной войны и восстания декабристов, стремились, подобно деятелям других отраслей передовой культуры, к утверждению народного реалистического искусства. Показателен тот факт, что такие крупные представители изобразительного искусства, как И. П. Мартос, А. И. Иванов, И. И. Тербенев, были членами Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В общении с передовыми деятелями литературы и науки вырабатывали они идейно-эстетические принципы того искусства, которое отражало взгляды передовой дворянской интеллигенции.

Передовое искусство эпохи требовало отказа от условностей классицизма. Представители его начинают обращаться к национальной тематике, пытаются подчинить изобразительные средства идейному замыслу произведения. В борьбе с реакционным искусством, находившим опору в социально-политических установках крепостнического дворянства, развивалось творчество О. А. Кипренского, В. А. Тропинина, А. Г. Венецианова, Б. И. Орловского, И. П. Мартоса и других передовых художников эпохи.

Художественная жизнь Петербурга, как и раньше, сосредоточивалась вокруг Академии художеств. Академия была не только единственным художественным учебным заведением в столице, она являлась также и органом, направлявшим как теоретически, так и практически художественную жизнь города. В постройке некоторых замечательнейших сооружений, украсивших Петербург в первой четверти XIX в., Академия художеств принимала самое близкое участие. Дополнительные статьи к старому уставу предоставили Академии право заниматься разработкой проектов украшения Петербурга и других городов России.

В составе преподавателей Академии произошли значительные перемены. Президент Академии гр. А. С. Строганов, занимавший эту должность между 1800 и 1811 гг., старался привлечь в нее лучшие силы из числа русских художников, скульпторов и архитекторов. В Академии работали такие крупные мастера, как И. А. Акимов, Г. И. Угрюмов, С. С. Щукин, И. П. Мартос. В числе ее преподавателей числились и великие русские зодчие А. Д. Захаров и А. Н. Воронихин. Этот первоклассный преподавательский состав воспитал целую плеяду даровитых деятелей русского изобразительного искусства. Из стен Академии вышли в первые годы XIX в. живописцы В. К. Шебуев, О. А. Кипренский, А. Г. Венецианов, А. Е. Егоров, гравер Н. И. Уткин, скульптор В. И. Демут-Малликовский и много других людей, приобретших впоследствии широкую известность.

Намечались некоторые перемены и в социальном составе учащихся. Строганов начал принимать крепостных в Академию и в школу для вольноприходящих несколько более свободно, чем это было до него. Среди них выдвинулись такие художники, как В. А. Тропинин, В. К. Сазонов и др. Но это вовсе еще не означало, что Академия становилась всеобщим учебным заведением. О силе сословных дворянских традиций в Академии можно судить по таким, например, фактам. Вольнообучающийся ученик Дубровин, которому была присуждена большая

серебряная медаль, получил вместо нее только одобрение на том основании, что происходил из крепостных. Когда актер Большого театра Варенин представил в Академию свои картины с просьбой присудить ему звание академика, Совет постановил не допускать Варенина к баллотированию потому, что «неприлично» быть актеру членом Академии. При всем том надо иметь в виду, что дворяне, обучавшиеся и обучавшие в Академии, не принадлежали к родовитому дворянству. Аристократическая и сановная часть дворянства попрежнему считала серьезное занятия искусством делом, недостойным дворянина. Если среди этой категории находился человек, не желавший оставаться дилетантом, а поставивший себе задачу стать профессиональным художником, на него смотрели, как на чудака, иногда даже не совсем безопасного. Испытывающий непреодолимую тягу к «искусствам творческим, высоким и прекрасным» дворянин, о котором упомянул в своем монологе Чацкий, вызывал у окружающих тревогу. А уже не литературный герой, но совершенно реальный человек — гр. Ф. П. Толстой, ставший впоследствии знаменитым медальером, рассказывает в своих записках, что, когда он поступил в Академию, люди его среды находили этот поступок наносившим бесчестие не только семье Толстых, но и всему дворянскому сословию.

В 1817 г. президентом Академии художеств был назначен А. Н. Оленин. Он начал свою деятельность с того, что принялся за удаление из Академии учившихся в ней крепостных и добился от Александра I распоряжения, чтобы Академия строго придерживалась того пункта ее устава, по которому запрещалось принимать в число учащихся крепостных, не отпущенных на волю их господами. Руководствуясь этим пунктом, Оленин разослал всем помещикам, крепостные которых обучались в Академии, извещение об исключении этих учеников (в Академии их насчитывалось 69 человек). Вместе с тем Оленин начал чистку всего личного состава Академии. Количество штатных учеников он сократил с 300 до 160, уволил некоторых преподавателей, скупо расходовал средства, отпущенные в его распоряжение, по своему усмотрению переводил учеников из одного класса в другой. При Оленине разыгрался известный эпизод с вице-президентом А. Ф. Лабзиним. В 1822 г. общему собранию Академии художеств было предложено избрать почетными членами гр. А. Д. Гурьева, гр. В. П. Кочубея и гр. А. А. Аракчеева. Лабзин громко задал вопрос, за какие заслуги эти лица удостоиваются такой чести? Когда Оленин сослался на то, что они близки Александру I, Лабзин предложил избрать почетным членом царского кучера Илью Байкова как человека, не только очень близкого царю, но и имеющего право сидеть к нему спиной. Смелая выходка Лабзина сейчас же стала известна Александру I, который приказал сослать его в Сибирь. В 1823 г. Лабзину было разрешено переселиться в Симбирск, где он в том же году умер.

И все же, несмотря на тяжелые условия, в которых протекала жизнь Академии художеств, вопреки деятельности крепостников, подобных Оленину, Академия поддерживала славу подлинного центра художественной жизни всей страны

и прежде всего Петербурга. В первой четверти XIX в. в ней наметились ростки того нового идейно-эстетического направления, которое оказало громадное влияние на развитие русского искусства. Так называемое академическое направление, корни своими целиком уходящее в XVIII в. и охранявшее каноны придворно-парадной живописи с ее неподвижными формами и сюжетами, еще господствовало. Но уже в декабристскую эпоху в области изобразительного искусства в Петербурге начали приобретать все большую славу такие художники, как А. Г. Венецианов, О. А. Кипренский, С. Ф. Щедрин, А. О. Орловский.

О. А. Кипренский (1783—1836). Автопортрет, карандаш, 1828 г.

Венецианов считал, что он совершил переворот в русском искусстве, обратившись к темам из крестьянской жизни. Он был прав в этой самооценке: каноны академической живописи не допускали столь «низких» сюжетов. Первой из картин Венецианова было «Гумно», в которой он показал крестьянскую работу. За этой картиной последовал ряд других: «Лето, жатва», «Крестьянка, чешущая шерсть», «Одевающийся мужичок» и др. Венецианов не сумел показать во всей неприкрашенной наготе жизнь крепостного крестьянства, он не избежал некоторой идеализации ее. Но все же в крестьянских картинах художника ясно ощущается стремление к изображению правды, неизмеримо более реальной, чем «правда» в изображении «пейзаж» Карамзина.

Большой заслугой Венецианова в борьбе за реалистическое искусство является трактовка им русской природы. Пейзаж Венецианова в противоположность вышней и нарядной красоте пейзажей академической живописи прост и безыскусствен. Но простота Венецианова в изображении им русской природы не мешает ему чувствовать все ее богатство и поэзию. В развитии русской пейзажной живописи, достигшей в творчестве художников второй половины XIX в. величайшей выразительности, картины Венецианова составляют один из этапов.

Кипренский и Тропинин были мастерами реалистического портрета. Кипренский — крепостной по происхождению — обратил на себя внимание в еще молодом возрасте трактовкой человеческого образа. Выдающимся мастерством отмечен портрет Адама Швальбе — отца художника, написанный, когда Кипренскому был всего 21 год. Наиболее прославленное произведение Кипренского — портрет Евдокима Давыдова (брата Дениса Давыдова). Художник в образе Давыдова показал передового человека первых лет XIX в., исполненного стремления к патристическому и гражданскому подвигу. В произведении Кипренского есть много общего с декабристской революционной романтикой.

Одно из замечательных созданий Кипренского — «Музыкант». На этом портрете изображен, повидимому, крепостной. Трагичность портрета подчеркивается контрастом между придавленным общим обликом человека и тонко выписанными руками, свидетельствующими о его артистичности и одаренности.

Выдающимся произведением Кипренского является написанный им портрет Пушкина.

Зарисовки героев Отечественной войны исполнены Кипренским в полном противоречии с канонами академической живописи. В них Кипренский изобразил простых людей, ничем внешне не примечательных, но внутренне сильных и стойких.

В. А. Тропинин также был крепостным по происхождению. Свободу он получил лишь в 47-летнем возрасте, после чего сразу стал академиком. Наибольшее значение в развитии реалистической живописи имели портреты Тропинина. Он написал множество портретов с лиц, принадлежавших самым разнообразным кругам, в том числе и с людей «низкого происхождения». Наиболее известны его портреты Д. Н. Татищева, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, К. П. Брюллова. Портреты Тропинина исполнены большой задушевности. Спокойная и простая манера живописи Тропинина в соединении с простотой поз и одежды изображаемых им лиц делают его портреты одними из наиболее реалистических в портретной живописи первой половины XIX в.

Одним из значительных петербургских художников рассматриваемого времени был И. И. Теребенев. Громкую славу он приобрел как карикатурист. События Отечественной войны 1812 г. побудили Теребенева создать целую серию карикатур на Наполеона. Его карикатуры остры, изобретательны, динамичны и по-настоящему народны. Он очень удачно использовал для них мотивы изобразительного и словесного народного творчества. Карикатуры Теребенева по духу близки к басням Крылова, написанным в связи с Отечественной войной. Ранняя смерть Теребенева — он умер 36 лет в расцвете сил и таланта — помешала ему занять выдающееся место в бытовой сатирической живописи. В этой области он оставил всего лишь несколько произведений.

Среди художников, живших в Петербурге в первой четверти XIX в., должны быть упомянуты С. Ф. Щедрин — автор многих пейзажей, и А. О. Орловский.

рисунки и литографии которого привели ему известность. Оба они много сделали для развития реалистического искусства.

Среди скульпторов первое место принадлежит И. П. Мартосу. Самое прославленное его произведение — памятник Минину и Пожарскому, поставленный на Красной площади в Москве в 1818 г. Идея памятника была подсказана Мартосу в Вольном обществе, членом которого он состоял. Мартос начал работать над ним в 1804 г. Получив через некоторое время заказ на памятник по конкурсу, он многое изменил в своем первоначальном замысле и к 1813 г. закончил свою работу. Благородная патристическая идея, воплощенная в памятнике, простота и величие фигур Минина и Пожарского делают его замечательным произведением монументальной скульптуры. Из других работ Мартоса выделяются его

Памятник А. В. Суворову 1801 г. Скульптор М. И. Козловский.

надгробья, поставленные на кладбищах Петербурга, Москвы и других городов.

Скульптор Б. И. Орловский происходил из крепостных. Его ранние работы не были свободны от академических традиций, но он преодолел их в дальнейшем своем творчестве. Наибольшее значение имеют памятники Орловского Кутузову и Барклаю-де-Толли, воздвигнутые в 1832 г. у Казанского собора. Правдивые и величественные образы полководцев, запечатленные Орловским, принадлежат к лучшим образцам реалистической скульптуры первой половины XIX в.

Прекрасным памятником Отечественной войны в области изобразительного искусства явились медали Ф. П. Толстого. Толстой поставил своей задачей увековечить подвиги всей массы участников героической эпопеи 1812 года, а не отдельных полководцев. На его медалях изображены простые русские воины. Толстой раскрыл твердость, стойкость, великодушие, храбрость народа, защищающего родину. Примечательно высокое художественное и техническое мастерство,

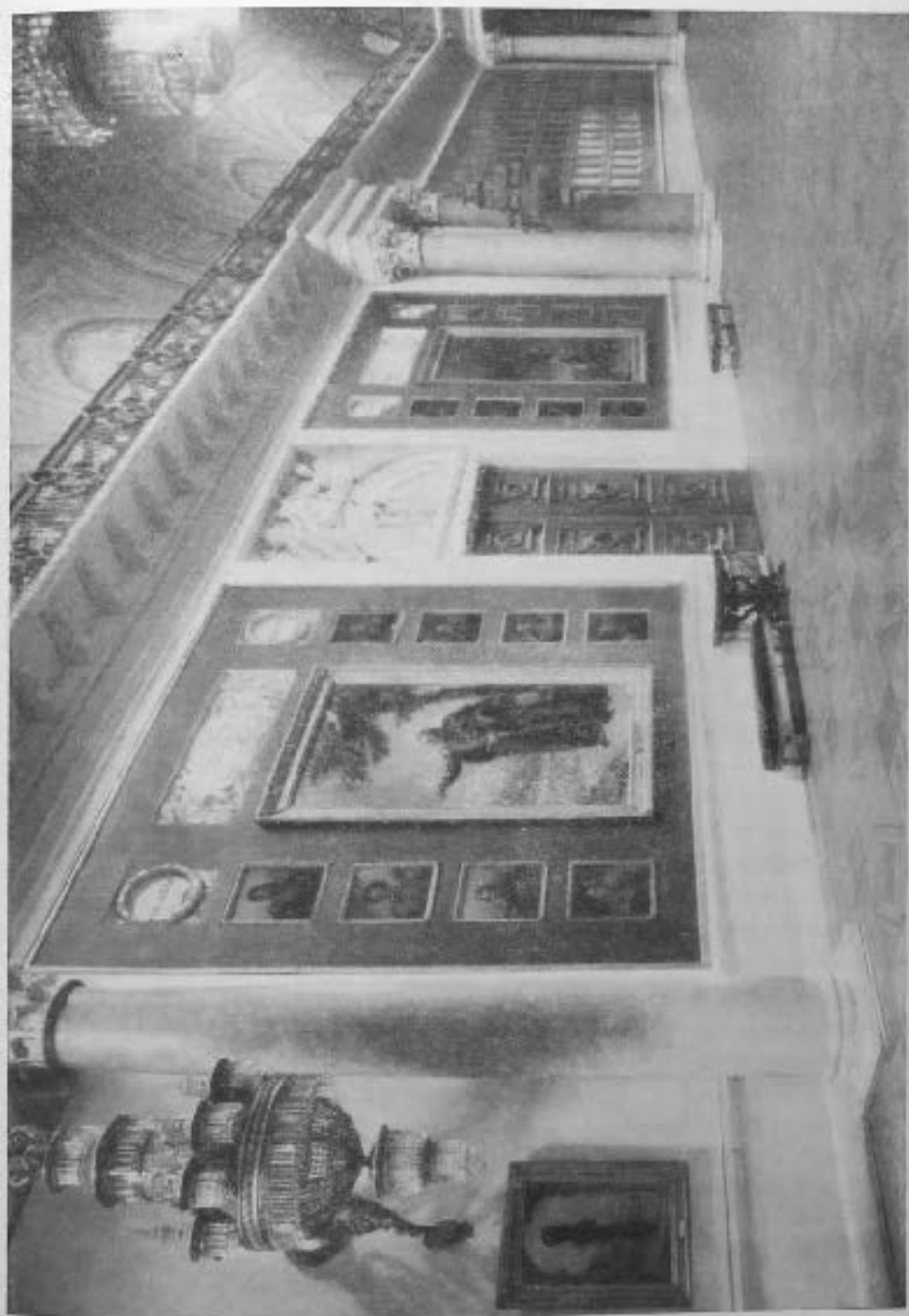

Львы Банковского моста (чугун) по модели скульптора П. П. Соколова 1825 г.

с которым исполнены медали Толетого, представляющие собой выдающееся явление в области медальерного искусства.

После нескольких лет нарочитого пренебрежения к Эрмитажу в последние годы царствования Александра I в этом богатейшем собрании произведений искусства можно было наблюдать некоторое оживление. Эрмитаж был перестроен, убранство его пополнилось перенесенными из Михайловского замка мебелью, коврами, хрусталем, бронзой. К художественным его сокровищам прибавились картины из Мальмезонской галереи во Франции, среди которых были полотна Рубенса, Рембрандта, Карло Дольчи. Появились в Эрмитаже и произведения русского искусства, например картины Кипренского, скульптуры Козловского. Обогатился Эрмитаж великолепными русскими изделиями из уральского камня, фарфора, хрусталя. Среди них на первом месте — знаменитая яшмовая чаша Колыванского завода.

Эрмитаж продолжал оставаться придворным музеем. Туда допускался лишь очень ограниченный круг людей. Всякий, не принадлежащий к этому кругу,

Галерея 1812 года в Зимнем дворце (или Государственный Эрмитаж), Архитекторы К. И. Росси (1806 г.)
и В. П. Стасов (1838 г.).

должен был употребить большие усилия, чтобы проникнуть в эту сокровищницу искусства. Изучение коллекций Эрмитажа было особенно важно для воспитанников Академии художеств. Но и им удавалось получить допуск в Эрмитаж после многих хлопот со стороны влиятельных лиц.

Иногда в Эрмитаже появлялись крепостные живописцы, допущенные туда для снятия копий. За них ходатайствовали их господа, снабжая свои ходатайства заверениями, что рекомендуемые ими живописцы «поведения честного, трезвого, кроткого».

В 1801 г. в камердинеры Эрмитажа был определен бывший солдат Софийского полка, а потом служитель ведомства Конюшенной команды А. Ф. Митрохин. Камердшер занимался живописью и обратил на себя внимание начальства. Особенный интерес проявлял Митрохин к реставрационным работам и скоро выдвинулся как замечательный реставратор. Сто тридцать картин в одном только Эрмитаже реставрировал Митрохин, всего же он за свою жизнь обновил свыше шестисот произведений кисти. Этот замечательный мастер, вернувший жизнь многочисленным картинам, обреченным, казалось, на неизбежную гибель, руководил основанной при Эрмитаже реставрационной школой, в которой обучались четыре ученика Академии художеств.

С 1819 г. работал в Петербурге английский живописец Д. Доу. Проведя здесь девять лет, он написал множество портретов лиц, принадлежавших к придворной знати. Покровителя Доу приписали ему одному создание знаменитой Галереи 1812 года в Зимнем дворце. В действительности в работе по созданию Галереи, кроме Доу, принимали участие крепостной живописец В. С. Поляков, В. А. Голыбе, В. А. Тропинин. Галерея состояла из более чем 400 портретов участников Отечественной войны. Это собрание, прославленное во множестве литературных произведений, в том числе и в «Полководце» Пушкина, явилось прекрасным памятником славы русского оружия. Галерея 1812 года, после того как Зимний дворец уже в советское время был присоединен к Эрмитажу, стала одним из самых замечательных и наиболее посещаемых залов этого крупнейшего в мире собрания произведений искусства.

Во всех областях художественной жизни в первой половине XIX в. происходило становление реалистического искусства. И в литературе, и в театре, и в изобразительном искусстве созревали реалистические элементы. Эти элементы росли под влиянием передовой общественной мысли. Им принадлежало будущее, в них проявлялся рост национального самосознания.

* * *

Вторая четверть XIX в. в истории русской литературы была временем утверждения критического реализма. Под знаком критического реализма проходило дальнейшее развитие передовой русской литературы, отмеченной творчеством

Пушкина, Гоголя, Лермонтова, молодых Некрасова, Тургенева, Гончарова, Достоевского.

Развитие критического реализма в русской литературе 30—40-х годов было связано с теми изменениями, которые происходили в экономической, социальной и культурной жизни страны. Разложение самодержавно-крепостнической монархии становилось все более заметным. Жизнь усложнялась, и перед русскими писателями возникали задачи глубокого познания новых явлений русской жизни.

Повышение активности народных масс в их борьбе с самодержавно-крепостнической монархией заставляло передовых русских писателей с еще большей силой поднять свой голос в защиту поработанного народа. «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян?»¹ — писал впоследствии В. И. Ленин. Только безграничная любовь к народу могла вызвать к жизни такое произведение, как письмо Белинского Гоголю. Сознанием неразрывной связи с народом, для которого можно и должно привести в жертву все, были продиктованы следующие строки этого письма: «Публика... видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности».² Подлинной любовью к народу пронизаны произведения Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и всех других передовых русских писателей, создававших свои произведения в 40-х годах. Демократические традиции в русской литературе получили свое новое и сильнейшее развитие.

В литературе 40-х годов с полной ясностью определилось отчетливое сознание не только самостоятельности и самобытности русского художественного творчества, но и его мирового значения. Великие русские писатели проникались чувством долга и ответственности перед народами мира и видели в себе борцов за освобождение всех угнетенных. О мировом значении русской культуры говорили Белинский, Гоголь, Тургенев, Герцен и другие великие русские писатели. Величайшие культурные ценности, созданные представителями русского народа, несмотря на жестокий гнет самодержавно-крепостнического режима, пробуждали чувство законной гордости за родину, делали любовь к ней еще более крепкой и осмысленной.

В 40-х годах оформились эстетические взгляды Белинского, явившиеся руководящими для передовой литературы и искусства не только времени Белинского, но и последующих десятилетий. Литературно-эстетические воззрения Белинского были выработаны им в процессе глубокого и внимательного изучения всего многообразия русской жизни. Белинский был человек широчайшего кругозора. Он нанес сокрушительный удар так называемой теории «чистого искусства», требовал от литературы, чтобы она была пронизана освободительными идеями. Эти идеи не

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 108.

² В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 712.

могут быть воплощены в художественные образы иначе, как в произведениях, показывающих саму жизнь, т. е. в произведениях реалистических. Если искусство есть оружие в освободительной борьбе, — а другого искусства Белинский не признавал, — то художник должен обладать тем качеством, которое Белинский называл «субъективностью», т. е. он должен выражать свое отношение к изображаемому — со всей страстью бороться с насилем, угнетением, ложью, лицемерием, ханжеством, отсталостью. Отрицая и разрушая все это, художник тем сильнее выразит чувство любви к народу, и только при этом условии созданные им произведения могут быть названы народными.

«Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого „чистого искусства“, „искусства для искусства“ и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения».¹

Великие русские писатели 30—40-х годов жили и работали в тяжчайших условиях. Их преследовало правительство, прибегая к самым подлым мерам, чтобы парализовать их деятельность, и не останавливаясь перед прямым убийством, как это было, например, с Пушкиным и Лермонтовым. Великие русские писатели подвергались травле со стороны имевшей силу и влияние дворянско-аристократической части общества. Жестокую борьбу им приходилось вести с реакционной литературой и критикой, щедро и энергично поддерживаемой правительством. Достаточно вспомнить хотя бы деятельность «триумvirата» — Булгарина, Греча и Сенковского, — чтобы понять, какой подвиг совершали великие русские писатели, борясь за свободу народа.

В 30-х годах гений Пушкина достиг полной зрелости. Пушкин, осмысливая значение движения декабристов, хорошо понял основную причину неудачи его: оторванность дворянской интеллигенции от народа. Последнее десятилетие в жизни Пушкина особенно полно стремлением понять и выразить глубокие чаяния народа, его характер, его отношение к труду, к государству, к религии, осознать его общее мировоззрение, его роль в современной жизни и в истории. Пушкин неустанно размышлял над всем этим и результаты своих размышлений отразил в художественных, публицистических, научных произведениях последнего периода своей жизни. Со всей глубиной, какая только могла быть доступна человеку его времени, Пушкин показал народ в таких произведениях, как «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Дубровский», «История села Горюхина», «История Пугачева» и др.

Правдивость и глубина, с какими Пушкин изображал народ, сделали его творчество близким и понятным самым широким народным массам и завоевали ему право быть величайшим русским национальным поэтом. Близость Пушкина к народным массам достигалась и непревзойденным мастерством его — ясностью, простотой, народностью, звучностью его поэтического языка, стройностью ком-

¹ А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1952, стр. 18.

А. С. Пушкин (1799—1837). С портрета маслом О. И. Кипренского 1827 г.,
копия пастелью работы Н. Н. Ге.
Институт русской литературы Академии Наук СССР.

позиции. Непрерывно совершенствуя форму своих произведений, Пушкин достиг такого мастерства, какое явилось предметом самого пристального изучения всех русских — и не только русских — писателей последующих времен. Пушкинское творчество представляет собой образец полного единства глубокого содержания и совершенной художественной формы.

Стремление к раскрытию народного характера во всей его глубине и богатстве требовало решительного отказа от тех литературных условностей, которые не были чужды революционным романтикам, в том числе и самому Пушкину в его юности. Пушкинское творчество 30-х годов — новый шаг в развитии реализма.

О новом этапе реализма, нашедшем себе выражение в пушкинском творчестве, говорит то, что Пушкин во многих своих произведениях вскрывал глубокие социальные противоречия русской жизни. Эта сторона творчества Пушкина отлично была понята уже его современниками. Белинский назвал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни». А для Белинского изображение русской жизни без показа ее социальных противоречий не могло быть полноценным.

Те современники Пушкина, которые были близки ему по духу, отчетливо представляли его значение в истории не только русской литературы, но во всей русской культуре. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет», — писал Гоголь. По выражению Герцена, Пушкин — «наиболее полный представитель широты и богатства русской природы». Островский свое понимание Пушкина выразил почти в таких же словах: «Пушкин раскрыл русскую душу».

Не имея надежды «приручить» Пушкина и обратив силу его гения на служение себе, царь установил за ним бдительный надзор, непосредственно осуществляемый А. Х. Бенкендорфом. Без разрешения царя и шефа жандармов Пушкин не имел права передвигаться по России. Возвращенный в 1826 г. Николаем I на Михайловского в Москву, он жил там до 1827 г. и должен был получить разрешение царя, чтобы осуществить задуманную им поездку в Петербург. Николай I дал это разрешение, не преминув вместе с тем напомнить поэту, чтобы тот вел себя «благородно и пристойно».

Но неукротимый дух Пушкина не мог смириться с ролью пассивного наблюдателя жертвы николаевской цензуры. Едва приехав в Петербург, Пушкин написал стихотворение «Арион», в котором в аллегорической форме выразил свою верность идеям декабризма. В стихотворении «19 октября», написанном в том же 1827 г., он сделал это уже в прямой форме: ободряющий призыв поэта к его друзьям, находящимся «в мрачных пропастях земли», так плохо отвечал царскому требованию соблюдать «пристойность», что Пушкину было сделано соответствующее «внушение».

Пушкин до 1832 г. жил в Петербурге непостоянно, часто покидая столицу на продолжительное время. В этот период он много встречался с своими старыми

друзьями — В. А. Жуковским, А. П. Дельвигом, П. А. Вяземским, А. С. Грибоедовым и др. Встречался Пушкин и с А. Мицкевичем, с которым он познакомился и сблизился в Москве. Вместе с растущей славой поэта расширялся и круг его знакомств. Все больше и больше людей искало возможности побывать в обществе Пушкина, услышать чтение им своих произведений, обменяться с ним хотя бы несколькими фразами.

Но вместе с славой великого поэта росло и враждебное к нему отношение его политических и идейных противников. В главе XIX говорилось о той травле, которой подвергался Пушкин со стороны Ф. В. Булгарина и его единомышленников. Эта травля в соединении с жандармским надзором, так же как и выпады против него в кругах «светской черни», причиняли ему много горьких мук. Тяжелое душевное состояние великого поэта в эти годы нашло свое выражение в ряде стихотворений (например: «Дар напрасный, дар случайный», «Анчар», «Чернь»).

Но эти настроения были кратковременны. В Петербурге в эти годы Пушкин написал «Полтаву», новые главы «Евгения Онегина», «Графа Нулина» и др. В Петербурге же печатаются как вновь написанные произведения Пушкина, так и повторные издания его ранних поэм.

Начиная с 1832 г. Пушкин жил в Петербурге постоянно, уезжая из него лишь на короткий срок. В это время он познакомился с Гоголем, тогда еще начинающим писателем, и сразу разгадал в нем великий талант.

В 30-х годах Пушкин работал над историей Петра I. С целью знакомства с источниками, которые использовал Вольтер в своей «Истории России при Петре Великом», он бывал в библиотеке Вольтера, перевезенной в Петербург еще при Екатерине II, которая купила эту библиотеку после смерти Вольтера. Богатое книжное и рукописное наследство Вольтера хранилось в Эрмитаже. Пушкин, получив разрешение царя рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, бывал в ней в 1832 г., но, повидимому, мало извлек оттуда для себя. Не раз посещал Пушкин Галерею 1812 года в Зимнем дворце. О впечатлении, произведенном на Пушкина созерцанием портретов героев «священной памяти двенадцатого года», можно судить по его стихотворению «Полководец». Художественные интересы Пушкина приводили его на выставки в Академию художеств, в мастерскую К. П. Брюллова, в салон знаменитой польской пианистки М. Шимаховской, в концерты в зале Энгельгардта, в Большой, Александрийский и Французский театры. Пушкин живо интересовался всеми новостями художественной жизни Петербурга. Везде он был желанным гостем, везде его принимали с великой любовью и уважением. Только петербургский «свет» да Булгарин со своим окружением продолжали отравлять его жизнь.

В годы жизни Пушкина в Петербурге им было выпущено первое полное издание «Евгения Онегина», написан цикл «Песни западных славян», закончена «История Пугачева», подготовлены к опубликованию многие произведения,

среди них «Медный всадник», одно из величайших произведений Пушкина, замечательное, в частности, проникновенным художественным изображением Петербурга.

В последние годы жизни Пушкин все больше внимания уделяет прозе. В Петербурге была написана «Капитанская дочка» — совершеннейший образец пушкинской прозы. Небольшая по объему повесть вмещает в себя огромное содержание. Белинский назвал ее «Онегиным в прозе». «Капитанская дочка» явилась широчайшим по замыслу и исполнению показом русской жизни XVIII в. С непревзойденным художественным лаконизмом Пушкин на нескольких десятках страниц нарисовал огромную по разнообразию и богатству картину русской жизни времени восстания Пугачева.

«Капитанская дочка», а также «История Пугачева» были теми произведениями Пушкина, в которых он разработал тему крестьянского восстания. Знаменательно само обращение Пушкина к этой теме, свидетельствующее о его стремлении возможно ближе стать к народу. Пушкин ясно понял и причины пугачевского восстания, и его движущие силы. Крепостное право и угнетение народа царской администрацией вызвали восстание — на эту мысль все время толкал Пушкин своего читателя. В Пугачеве он видел подлинного выразителя народных интересов. В обоих своих произведениях Пушкин ясно показал непримиримость интересов господ и рабов. Между ними не может быть никакого единения — это важнейшая мысль «Истории Пугачева». Так глубоко для своего времени понял Пушкин сущность крестьянского восстания.

Борьба против Пушкина становилась все более ожесточенной. Его — великого сына народа — ненавидели и боялись все те, кто был враждебен народу, все, по словам Лермонтова, «толпою жадной стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи». Вокруг поэта плелась густая сеть интриг, жертвой которых он стал. Вынужденный драться на дуэли, он был 27 января 1837 г. смертельно ранен и 29 января умер.

Великим продолжателем Пушкина был Лермонтов. В самые ранние годы он написал несколько произведений, обнаруживших в нем мятежный дух, которого до конца его жизни самодержавие сломить не смогло. В трагедии «Испанцы» звучит мотив любви и симпатии к народу. В драме «Странный человек» заключен протест против крепостного права. Поэма «Последний сын вольности» посвящена одному из эпизодов борьбы Новгорода за свободу.

Первое напечатанное стихотворение Лермонтова «Бородино» доказало, что он является достойным наследником Пушкина. Простота, высокий патристизм, взволнованная лиричность «Бородина» сразу поставили Лермонтова в ряд первых русских поэтов. Народность его творчества, с такой силой обнаруженная в «Бородине», нашла дальнейшее развитие в ряде произведений. Лермонтов верит в народ, верит в его мощь, верит, что народ, освободившись от рабства, проживет новой, полноценной жизнью.

Реализм творчества Лермонтова нашел свое высшее выражение в «Герое нашего времени». Приемы композиции Лермонтова, психологический анализ, язык, охарактеризованный Белинским, как «то блеск молнии, то удар меча, то рассыпающийся по бархату жемчуг», — все это богатейшее наследство Лермонтов оставил великим русским романистам последующих десятилетий.

Лермонтов приехал в Петербург в 1832 г. Имя его, мало известное в читательской среде, приобрело широкую популярность после стихотворения «Смерть поэта», написанного в память только что скончавшегося Пушкина. За это стихотворение, явившееся беспощадным обвинительным актом против «светской черни», убившей Пушкина, Лермонтов был сослан на Кавказ. По возвращении из ссылки в Петербург он много писал. Слава его росла, Белинский признал его достойным преемником Пушкина. Лермонтов мечтал о своем собственном журнале, о монументальных романах, он хотел быть прежде всего писателем. Много раз он просил об отставке, но его не пускали, и ему, как Чаадаеву, пришлось «с тоской влечь оковы службы царской». Близкие отношения завязались у Лермонтова с Жуковским, Вяземским, Одоевским, Краевским — издателем «Отечественных записок», в которых Лермонтов стал действительно сотрудничать. В Петербурге в течение 1838 и 1839 гг. он окончил «Демона», написал «Мцыри», напечатал в «Отечественных записках» два отрывка из «Героя нашего времени» и несколько стихотворений.

В начале 1840 г. Лермонтов за дуэль с сыном французского посланника Барантом был арестован. Дуэль явилась предлогом, в действительности царь и Бенкендорф давно уже хотели изолировать мятежного поэта и искали только повода. Пробыв некоторое время под арестом, Лермонтов был снова сослан на Кавказ. Только в феврале 1841 г. он получил возможность вернуться на короткое время в Петербург. Он хлопотал о продлении срока пребывания в Петербурге, хотел даже выйти в отставку, но все было напрасно: Бенкендорф настаивал на возвращении Лермонтова на Кавказ. Как передают современники, поэт в тяжелом настроении уехал из Петербурга. Через три месяца пришло из Пятигорска известие о его смерти на дуэли с Н. С. Мартыновым. В придворных кругах и в «светском» Петербурге это известие было принято с нескрываемой радостью. Приговор суда убийце великого поэта — Мартынову, по которому тот был разжалован в солдаты, Николай I заменил трехмесячным арестом на гауптвахте и «церковным покаянием».¹ Смерть Лермонтова была воспринята всей прогрессивной Россией как национальное бедствие. Белинский писал о «новой великой утрате» русской литературы.

В 1828 г. в Петербург приехал Н. В. Гоголь. Никому еще не известный, он в течение долгого времени испытывал неудачи, пробуя заняться литературным трудом и стать профессиональным писателем. Но когда в 1831 и 1832 гг. появилась

¹ М. Ю. Л е р м о н т о в, Полн. собр. соч., т. V, под ред. Д. А. Абрамовича, СПб., 1913, стр. СХХIII.

М. Ю. Лермонтов (1814—1841). Литография с акварели К. А. Горбунова 1841 г.

«дельным изданием «Вечера на хуторе близ Диканьки», о нем сразу заговорили в литературных кругах. Гоголь близко сошелся с Жуковским, Пушкиным, Плетневым. Особенное значение для Гоголя имели дружеские отношения с Пушкиным, установившиеся сразу же после знакомства. Пушкин приветствовал новую звезду, засиявшую на небосклоне русской литературы. Гоголь чрезвычайно дорожил вниманием Пушкина. Он советовался с великим поэтом, пользовался его указаниями, получил от него сюжеты двух своих величайших произведений — «Ревизора» и «Мертвых душ».

Петербургский период жизни Гоголя ознаменовался появлением лучших его произведений. В Петербурге были написаны его повести, комедии и пьесы «Мертвые души». Особое место в творчестве Гоголя занимают его так называемые петербургские повести, посвященные изображению жизни различных слоев петербургского общества. «Посл», «Шинель», «Портрет», «Невский проспект» относятся к наиболее совершенным в русской художественной литературе изображениям жизни интеллигенции, чиновничества и мещанства Петербурга.

Со времени появления «Ревизора» и «Мертвых душ» в русской литературе окончательно утверждается критический реализм. Это направление сурово, гневно, беспощадно обнажало и обличало самодержавно-крепостнический строй, борясь со всякой попыткой реакционных писателей взять его под защиту. Критический реализм в лице наиболее одаренных представителей этого направления правдиво показывал в типических образах человека и окружающую его действительность.

Тема народа — одна из значительнейших тем в творчестве писателей-реалистов. Гоголь обращался к этой теме много раз. Народ — это то «плодовитое зерно русской жизни», выражаясь языком В. Г. Белинского, которое всегда присутствует в сочинениях Гоголя. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» народ выступает как носитель высокого творческого духа. «Тарас Бульба» — героическая поэма о прошлом народа, лирическое отступление о птице-тройке — поэма о будущем народа.

В последние годы своей жизни Гоголь пережил глубокую духовную драму. Разрыв его с передовыми идеями привел к появлению «Выбранных мест из переписки с друзьями», вызвавших гневную отповедь В. Г. Белинского, и к творческой неудаче второго тома «Мертвых душ».

Но все художественное творчество Гоголя было опровержением программы «Выбранных мест». Насыщенность его произведений духом протеста против гнусной крепостнической действительности составляет великую заслугу Гоголя перед русским народом и всем прогрессивным человечеством.

Гоголевский реализм создал традиции, унаследованные последующими лучшими представителями русской классической литературы. Ни один передовой русский писатель не мог не испытать на себе влияния Гоголя. Одни в большей, другие в меньшей степени — все русские писатели, если они хотели сохранить верность демократическим заветам великой русской литературы, следовали за

Гоголем, развивая и обогащая идейно-эстетические принципы критического реализма.

Одно время, правда короткое, Гоголь входил в состав профессуры Петербургского университета и читал лекции по истории средних веков. Но он скоро охладел к увлекавшей его сначала научной деятельности и расстался с Университетом. Летом 1836 г. Гоголь покинул Петербург и с тех пор наезжал туда лишь на короткое время. Одной из причин, заставившей его уехать из Петербурга, был прием, оказанный реакционной критикой «Ревизору». Когда на сцене Александринского театра была поставлена гениальная комедия Гоголя, Булгарин и Сенковский стремились всячески принизить значение этого великого события в истории русской театральной культуры. Болезненно воспринимая клевету и брань, сыпавшиеся на него из реакционного лагеря, Гоголь уехал из Петербурга.

В петербургский литературный мир в 30-х и 40-х годах вошли и заняли в нем сразу же выдающееся место молодые писатели, расцвет деятельности которых падает на последующие десятилетия. В 1835 г. в Петербурге в должности скромного чиновника Министерства финансов появился И. А. Гончаров. Здесь в доме художника Н. А. Майкова — стпа братьев Майковых: поэта А. Н. Майкова, критика В. Н. Майкова и историка литературы Л. Н. Майкова — си вопел з круг молодых петербургских литераторов. После нескольких незначительных литературных опытов Гончаров начал писать свой первый роман — «Обыкновенную историю». Белинский, впервые познакомившийся с романом в авторском чтении у себя на квартире, был от него в восторге. Напечатанная в «Современнике» в 1847 г. «Обыкновенная история» «произвела в Питере фурор», как писал Белинский В. П. Боткину. Во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский писал, что Гончаров — «лицо совершенно новое в нашей литературе, но уже занявшее в ней одно из самых видных мест».¹

В «Обыкновенной истории» Гончаров показал социально-экономический перелом, обозначавшийся в дворянской России в 40-х годах. В ускоряющемся процессе разложения феодально-крепостнического государства особенно ясен становился паразитизм крепостнического дворянства. Гончаров развенчал, по его собственному выражению, «поэзию праадности», культивировавшуюся в среде крепостников. В лице Адуева-младшего показан, преимущественно в бытовом плане, паразитизм той части дворянства, которая процветала в условиях крепостного права и не предвидела неизбежности его падения. Для Гончарова была ясна эта неизбежность, поэтому смешной и жалкой казалась ему наивная беззаботность, с какой жило крепостническое дворянство. В лице Адуева-старшего изображена та часть дворянства, которая стремилась приспособиться к развивающимся капиталистическим отношениям. Адуев-старший выступает в романе в качестве дельца в противоположность своему племяннику, продолжавшему еще находиться

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 804.

*Н. В. Гоголь (1809—1852). Литография с портрета работы
Ф. А. Моллера 1841 г.*

в кругу понятий и представлений, выработанных долгими десятилетиями паразитического существования.

Почти одновременно с Гончаровым начал печатать свои первые стихотворения и рассказы в петербургских журналах И. С. Тургенев. Он жил в Петербурге с 1834 г., поступив в этом году в Петербургский университет. С течением времени Тургенев познакомился со многими петербургскими литераторами, принявшими в свою среду молодого писателя. Особенной любовью и уважением он привлекся к Белинскому, о котором навсегда сохранил благодарную память. В дальнейшем, даже расходясь по своим политическим взглядам с лагерем революционной демократии, Тургенев в целом оставался на позициях критического реализма и во многом продолжал следовать литературным заветам Белинского.

В 1847 г. в «Современнике» были напечатаны первые рассказы из «Записок охотника» Тургенева. Они обратили на себя всеобщее внимание, и с новым авторе заговорили. Успех «Записок охотника» побудил Тургенева в 1852 г. выпустить их в Москве отдельным изданием.

«Записки охотника», по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, положили начало литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды. В этом заключалось значение «Записок охотника» как одного из самых выдающихся антикрепостнических художественно-литературных выступлений. Тургенев нарисовал выразительную картину обнищания крепостной деревни, задыхающейся от непосильных налогов, малоземелья, помещичьего грабежа. Крепостное право калечит физическую и нравственную природу крестьянина, развращает помещика, порождает множество экономических и социальных зол. Особенное впечатление в передовых кругах общества производило то, что Тургенев сумел раскрыть в задавленных нуждой крестьянах высокие моральные чувства, неугасающий протест против насилия, духовное богатство. Противопоставление этим народным качествам жестокости, глупости, паразитизма помещиков еще более оттеняло мерзость крепостного права и воспитывало ненависть к нему в сознании каждого читателя, остававшегося не вовсе чуждым интересам народа.

С озлоблением была встречена книга Тургенева в правящих кругах. Министр народного просвещения кн. П. А. Ширинский-Шихматов в докладной записке царю просил об увольнении цензора кн. В. Львова за пропуск «Записок охотника». Эта просьба была царем удовлетворена, а Тургенев взят под подозрение, что очень скоро и сказалось на его судьбе. В том же 1852 г., после опубликования статьи на смерть Гоголя, Тургенева сослали из Петербурга в деревню.

Крестьянская тема затрагивалась и в раннем творчестве Д. В. Григоровича. Он написал повести «Деревня» и «Антон Горемыка», в которых были отчетливо выражены симпатии к крепостному крестьянству. Обе повести («Антон Горемыка» появился в 1847 г. в «Современнике») получили одобрение Белинского. Григорович в те же годы написал несколько рассказов из петербургской жизни,

в которых старался следовать приемам Н. А. Некрасова в показе социальных низов Петербурга.

В 40-х годах влияние Белинского испытал на себе Ф. М. Достоевский. Первое его крупное произведение появилось в 1845 г. в альманахе Некрасова «Петербургский сборник». Это были «Бедные люди». В «Бедных людях» Достоевский продолжал гоголевскую традицию критического реализма, привлекая внимание читателя к людям, забытым нуждою и униженным перед сильными мира. Сам Достоевский признавал влияние, оказанное на него гоголевской «Шинелью». Гуманистическая направленность «Бедных людей» была отмечена Белинским. Так же отнеслись к «Бедным людям» Григорович, Некрасов, Панаев и др. Достоевский сразу стал известен в петербургском литературном мире. Одно время он был близок к петрашевцам, разделяя взгляды умеренной части членов кружка. Арестованный вместе со всеми петрашевцами, он был приговорен к каторге и только через десять лет получил право вернуться в Петербург. Но еще до ареста он стал отдаляться от своих литературных друзей и впоследствии перешел в лагерь реакции. Его произведения, написанные после «Бедных людей», знаменовали отход от принципов критического реализма, претворенных в «Бедных людях». О «Двойнике» Белинский отозвался как о произведении, в котором реализм уступил место фантастике, а «фантастическое, — писал Белинский, — в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе».¹ Еще более резок был отзыв Белинского о «Господине Прохарчине» Достоевского.

Ближайшим другом и последователем Белинского был Н. А. Некрасов, сохранивший верность его заветам на протяжении всей своей многообразной и напряженной литературной деятельности. Он приехал в Петербург в 1838 г. с намерением поступить в Университет и проложить себе дорогу в литературу. Поступление в Университет не удалось, не были удачными и его первые литературные шаги. В борьбе с отчаянной нуждой Некрасов не пренебрегал никакой литературной работой, в несколько лет написав до 200 печатных листов самых разнообразных сочинений — от афиш для балаганов до водевилей, ставившихся в Александринском театре. В 1842 г. он познакомился с Белинским, оказавшим на него громадное влияние. Скоро Некрасов вошел в круг первых петербургских литераторов. Ему вместе с Панаевым русская журналистика обязана появлением «Современника» — лучшего журнала за всю историю русской периодической печати от ее возникновения до 60-х годов XIX в.

Один из замечательных поэтов, представитель революционно-демократического направления в русской поэзии, Некрасов уже в 40-х годах написал ряд стихотворений, получивших признание в кругах демократической интеллигенции. Такие стихотворения, как «Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)», «Огородник», «Правдивейший человек» и другие, определили направление его

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, стр. 674.

поэзии, насыщенной пафосом «мести и печали». Мотивы поэзии Некрасова создали ему славу самого выдающегося представителя гражданской лирики, звучавшей все мощнее и достигшей своего апогея уже в послереформенное время.

В творчестве Некрасова петербургская тема занимает видное место. Среди многих произведений в стихах и прозе, посвященных этой теме, примечателен роман 40-х годов «Жизнь и похождения Тихона Тросникова», где представлен Петербург как город социальных контрастов. Глава из этого романа «Петербургские углы», помещенная в сборнике «Физиология Петербурга», изображала представителей самых обездоленных слоев петербургского населения. В острой сатирической форме Некрасов рисует в своем творчестве тех петербуржцев, которые принадлежали к высшим слоям населения города. Полон сочувствия он ко всем, кого крепостнический строй и железные законы капитализма опустили на дно города. Из стихотворений Некрасова, посвященных большой социальной теме и вскрывающих социальные контрасты Петербурга, наибольшую славу приобрели «Размышления у парадного подъезда» и «Убогая и нарядная» (1857, 1858).

В 40-х годах в Петербурге жил великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. Он, как и все демократические писатели России, испытал на себе силу идейного влияния Белинского. Еще в 1840 г. Шевченко напечатал в Петербурге первое издание своего «Кобзаря» — книгу, сразу же обратившую на себя внимание всех передовых людей России. «Кобзарь» принадлежит к числу наиболее демократических по своей направленности произведений, появившихся в России во второй четверти XIX в. Картины народного горя запечатлены в поэзии Шевченко с глубокой выразительностью. Стихи «Кобзаря» звали к борьбе с нищетой и бесправием народных масс. Еще более громкий и решительный призыв к борьбе за свободу народа прозвучал в поэме Шевченко «Гайдамаки», напечатанной в Петербурге же в 1842 г. Идея крестьянского восстания была положена в основу этого произведения.

Живя в Петербурге, Шевченко свел знакомство с некоторыми петрашевцами. Отъезд из Петербурга не дал возможности Шевченко принять более близкое участие в деятельности петрашевцев.

Центрами объединения различных по своей идейно-политической направленности писателей Петербурга являлись журналы. «Отечественные записки», после того как издание журнала перешло к А. А. Краевскому, а душой его стал Белинский, сделались органом прогрессивной демократической общественной мысли и литературы. Со времени перехода «Современника» в руки Некрасова и начала сотрудничества в нем Белинского роль органа, объединяющего демократические литературные силы, принял на себя этот журнал. Реакционные писатели группировались вокруг газет и журналов, издававшихся журнальным «триумvirатом» — Гречем, Булгариним и Сенковским. Самую дурную славу из этих изданий приобрела «Северная пчела».

Петербургские писатели объединялись также в кружки и салоны, большей частью не носившие законченных организационных форм. Принадлежность писа-

Н. А. Некрасов (1821—1877). Литография середины XIX в.

тези к литературному объединению определялась его симпатиями к идейно-политическим позициям избранного им объединения. Но некоторые петербургские литературные салоны не имели ясно выраженной идейно-политической направленности. Посетители их представляли собой иной раз довольно пеструю массу.

Одним из своеобразных литературных клубов Петербурга, посещавшихся разными по своим взглядам и вкусам писателями, была книжная лавка А. Ф. Смирдина, находившаяся на Невском проспекте (ныне дом № 22). Смирдин был крупнейшим издателем и книгопродавцем. К нему в лавку петербургские писатели заходили не только, чтобы купить книгу или вести деловые разговоры с хозяином, но и чтобы встретиться друг с другом. Наряду с лавкой Смирдина, характер

литературных клубов носили книжные лавки Слезина (в доме Энгельгардта на Невском проспекте), Лисенкова (на Садовой улице) и др. Существование таких книжно-литературных клубов представляет характерную подробность литературного быта Петербурга 30—40-х годов.

Творчество Пушкина, Гоголя и других великих представителей русской классической литературы 30—40-х годов получило мировое признание. Социально-философская глубина произведений русских писателей и их литературное мастерство завоевали им славу во всем мире. Со времени Пушкина и Гоголя русская литература стала ведущей передовой литературой мира. Своими учителями называли русских классиков крупнейшие писатели Франции, Англии, Германии и других стран. Проспер Мериме, Эмиль Золя, Ромен Роллан, Бернард Шоу и другие писатели Запада многому учились, по их собственному признанию, у Пушкина и Гоголя.

Как и в художественной литературе, в театральном искусстве во второй четверти XIX в. развертывалась борьба за реализм. Такие события, как постановка «Ревизора» и «Горя от ума», как сценическая деятельность М. С. Щепкина и А. Е. Мартынова, как появление статей Белинского, посвященных театру, открывали собой новую страницу в истории русской театральной культуры.

Этапом на пути к утверждению реалистического театра была романтическая драма, занимавшая видное место в репертуаре петербургских театров 30—40-х годов. Тот зритель, который сочувствовал декабристскому движению, требовал, чтобы в борьбе страстей на сцене он мог увидеть борьбу с тем социальным злом, которое он ощущал остро и постоянно. Бунтарские мотивы в романтической драме более всего привлекали его симпатии.

Вот почему в репертуаре петербургского театра привлекали внимание зрителей драмы Шиллера и Шекспира. «Коварство и любовь», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль» были поставлены в Петербурге в конце 20-х годов. Тогда же были возобновлены «Разбойники», впервые появившиеся на сцене еще в 10-х годах. В 30-х годах ставятся в новых переводах драмы Шекспира «Гамлет», «Король Лир» и др. Николаевская цензура смотрела на постановку этих пьес с подозрением, и если соглашалась на включение их в репертуар, то только потому, что сюжеты их были далеки от русской жизни. После же 1848 г. началось гонение на Шиллера и Шекспира: слишком явственно звучащие в их пьесах мотивы социального протеста были несовместимы с реакционнейшим курсом правительственной политики, взятым после 1848 г.

Театральная цензура не разрешила постановки самого выдающегося произведения русского романтико-драматического репертуара — дерматовского «Маскарада». В этой драме с исключительной силой, едкостью и беспощадностью обличены те «свободы, гения и славы палачи», которые давно уже возбу-

дили неугасимую ненависть великого поэта. Единственный человек в этом обществе манекенов, наделенный живыми страстями, — Арбенин. Но и его ум, волю, чувства некуда применить в той обстановке, в которой он живет. Вся скрытая в нем недожизненная сила уходит в мелкое, личное чувство — ревность. Ничтожество аристократического «мятежника» Арбенина показано Лермонтовым с такой же беспощадностью, как и салонные страсти других героев его драмы. В Петербурге только в 1864 г. «Маскарад» был допущен к постановке полностью в четырехантовой редакции.

Но если театральная цензура запрещала драмы Лермонтова и скрепя сердце допускала Шиллера и Шекспира, то она с величайшей готовностью разрешала постановку таких пьес, какие были либо вовсе лишены мотивов социального протеста, либо приспизаны открытой верноподданнической угодливостью. Эти пьесы у «ярыжного», по выражению Белинского, зрителя имели успех. Особенно по вкусу ему пришла мелодрама. На сцене петербургского театра она была представлена целым роem переводных пьес. Демонстрируя уако личные страсти без всяких намеков на социальные мотивы, они отвлекали внимание зрителя от волнующих социально-политических вопросов современности. Тем самым они несли свою вполне определенную, соответствовавшую «видам» правительства общественно-воспитательную функцию.

Многие мелодрамы были пронизаны самой откровенной верноподданнической тенденцией. Наибольший успех среди произведений этого рода выпал на долю пьес Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого. «Рука всевышнего отечество спасла», «Князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский», «Денщик», «Морской праздник в Севастополе» и многие драмы Кукольника проповедовали идеи верноподданнического «патриотизма».

Подстать пьесам Кукольника были пьесы Полевого. После закрытия «Московского телеграфа» Полевой перебрался в Петербург. «Дедущка русского флота», «Иголкин, купец новгородский» и другие пьесы Полевого, написанные в ярко выраженном монархическом тоне, встречали благосклонный прием в правительственных кругах.

Белинский беспощадно разоблачал реакционную сущность драматургии Полевого. Если в своих критических статьях он был скован цензурными требованиями, то в письмах говорил о Полевом совершенно откровенно. Так, в 1840 г. он писал В. В. Боткину: «Для меня уже смешно, жалко и позорно видеть его фарисейско-патриотические предательские драмы народные (Иголкина и т. п.), его пошлые комедии и прочую сценическую дрянь... Нет, брат, если я встречу с Полевым на том свете, и там отворочусь от него, если только не наплюю ему в рожу».¹

Неизменным успехом продолжал пользоваться на сцене петербургского театра в 30—40-х годах водевиль. Веселые пустячки, писавшиеся мастерами водевильного

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II. СПб., 1914, стр. 197.

жанра и шедшие под столь же легкую и веселую музыку, являлись необходимой принадлежностью каждого спектакля. Правительство охотно поощряло этот жанр, полагая, что водевиль является превосходным средством отвлечения публики от социально-политических вопросов.

Крупнейшим событием в истории петербургского драматического театра была постановка комедий Грибоедова и Гоголя. Грибоедов настойчиво добивался появления «Горя от ума» на сцене, но все его старания ни к чему не привели — театральная цензура наложила запрещение на гениальную комедию. После смерти Грибоедова борьба за постановку «Горя от ума» продолжалась. С большими трудностями комедия проникала на сцену: в 1829 и 1830 гг. в Большом и Малом театрах в Петербурге были показаны отдельные части «Горя от ума», и только в 1831 г. комедия полностью увидела свет рампы.

Текст «Горя от ума» был достаточно обезображен театральной цензурой. Но и в этом виде гениальное произведение прозвучало с огромной силой. В кругах передового петербургского общества комедия имела исключительный успех. А. В. Никитенко записывал в своем дневнике: «Эту пьесу играют каждую неделю. Театральная дирекция, говорят, выручает от нее кучу денег. Все места всегда бывают заняты и уже в два часа накануне представления нельзя достать билета ни в ложи, ни в кресла».¹ Современники говорят об оживленных толках по поводу «Горя от ума». Общественное внимание на долгое время было приковано к творению Грибоедова.

В 1836 г. в Петербурге был поставлен «Ревизор» и в 1842 г. — «Женитьба». Появление на сцене «Ревизора» стало одной из примечательнейших дат в истории русского театра. Русская классическая драматургия и театр обогатились первоклассным шедевром, пьесой огромной идейной насыщенности, которая давала вместе с тем возможность полностью выявить мастерство актера.

В постановке «Ревизора» в Петербурге сам Гоголь принимал непосредственное участие. С ним вместе решались вопросы о распределении ролей, о работе актеров, об оформлении спектакля. Гоголь посещал репетиции и давал исполнителям советы. Но личное участие Гоголя в постановке «Ревизора» не смогло преодолеть актерской рутины: спектакль постигла неудача из-за полного непонимания актерами задач раскрытия образов комедии. Актеры, за исключением И. И. Сосницкого, исполнявшего роль городничего, не поняли глубины «Ревизора» и играли его приемами, выработанными при исполнении пустых комедий и водевилей. Гоголь хорошо понимал пороки актерского исполнения «Ревизора». Недаром он в 1842 г. написал «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора“». Очевидно, первые постановки комедии не дали ему возможности признать, что она исполняется «как следует». В «Предупреждении» он писал: «Больше всего надо опасаться впасть в карикатуру».

¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 210.

Реакционная критика и петербургское аристократическое дворянство встретили «Ревизора» в штыки. Булгарин в «Северной пчеле» и Сенковский в «Библиотеке для чтения» выступили с пространными статьями, обвиняя Гоголя в нарочитом искажении действительности. Гоголевская сатира, вскрывавшая язвы феодально-бюрократических кругов, и не могла вызвать к себе иного отношения со стороны тех, кто поддерживал николаевскую монархию. Наглая рецензия Сенковского заканчивалась советами Гоголю, как исправить пьесу.

Тот, кто был главным виновником зла, разоблаченного Гоголем, — сам царь — плохо разобрался в направленности «Ревизора». На первом представлении гоголевской комедии он смеялся. Герцев писал об отчаянии Гоголя по поводу того, что он вызвал «августейший» хохот. Гоголь хорошо запомнил этот хохот: в окончательной редакции «Ревизора» в заключительный монолог городничего он вставил знаменитый возглас: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!».

Но враждебное отношение к «Ревизору» со стороны реакционно настроенной части петербургского общества и реакционной критики не задержало триумфа гениальной комедии. По мере роста антисамодержавных и антикрепостнических настроений среди прогрессивной интеллигенции, выявившихся откликами на увеличивающийся размах классовой борьбы, разоблачительный замысел «Ревизора» становился для зрителей все более понятным и близким. «Ревизор» получил на сцене петербургского театра достойное воплощение и звучал как подлинно классическая русская комедия, вошедшая в золотой фонд не только русской, но и мировой театральной культуры.

Наибольшей актерской удачей первых представлений «Ревизора» на петербургской сцене было исполнение Сосницким роли городничего. Современники говорят о проныжливости и игре этого актера, сумевшего в целом правильно понять замысел Гоголя. Но до конца раскрыть образ городничего петербургские актеры смогли, только увидев в этой роли М. С. Щепкина во время его гастролей в Петербурге. Исполнение роли городничего было одним из высочайших достижений Щепкина.

Появление на сцене классических произведений русской драматургии вызвало к жизни ряд замечательных работ Белинского, посвященных театру.

Белинский страстно боролся за национальный русский театр. Он требовал освобождения театра от наводнения его пошлыми переводными или переделанными с иностранного пьесами. Он требовал насыщения драматургии высоким идейным содержанием, отвечающим запросам передового русского зрителя. Театр должен быть злободневен в лучшем смысле этого слова; публицистичность — такое же необходимое качество драматургии, как и всех других видов художественной литературы. Драматические произведения Грибоедова, Пушкина, Гоголя, сочетающие глубину идейного замысла с совершенством художественной формы, лучше всего отвечают этим требованиям.

Театр для Белинского — не забава и не развлечение, а школа жизни. Театр будит человека, расширяет его горизонты, помогает ему найти свое место в борьбе

за светлое будущее. Театр — могучее средство воспитания человека. Из театра должно быть удалено все то, что мешает ему в осуществлении этой функции. Поэтому так резко восставал Белинский против культивирования в театре «искусства для искусства», против дешевой развлекательности, ходульности, пышности. В театре все должно быть правдиво, просто и значительно. Роль актера заключается в том, чтобы вместе с драматургом раскрыть образ героя. Самый большой порок актера — искажение идейного замысла драматурга.

Актерский состав петербургского театра включал в себя некоторых талантливых исполнителей. В. А. Каратыгин с выдающимся успехом играл в пьесах Шиллера и Шекспира. Роли Карла Моора, Карлоса, Лира принадлежали к числу его лучших ролей. Со времени Белинского и Герцена при оценке двух крупнейших актеров 30—40-х годов — П. С. Мочалова и В. А. Каратыгина — принято эти имена противопоставлять одно другому. Белинский отмечал в Мочалове громадную силу вдохновения, безудержность чувства, искренность. Вместе с тем и Белинский и Герцен указывали на демократичность Мочалова, на то, что его творчество близко тому новому демократическому зрителю, который все чаще и чаще появлялся в театре, которому близки и дороги Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь. О Каратыгине же Белинский писал: «Смотря на его игру, вы беспрестанно удивлены, но никогда не тронуты, не взволнованы».¹ Достоинствами Каратыгина являлись обдуманность его исполнения, высокое техническое совершенство, отмечаемые всеми современниками. Однако революционеры-демократы подмечали в Каратыгине его аристократизм. У Герцена вырвалось однажды крылатое слово по адресу Каратыгина: «лейб-гвардейский трагик».

Белинский писал, что Каратыгин долго оставался верен «преданиям классицизма». Но когда критик подметил постепенное преодоление Каратыгиным воспитанных в нем приемов классицизма и стремление приблизиться к реализму, он высоко оценил его игру.

Среди комедийных актеров петербургский театр считывал ряд первоклассных дарований. Из них на первом месте стоят Н. О. Дюр и В. Н. Асенкова. Дюр — танцовщик, актер, певец, автор многих водеvilльных куплетов и музыки к ним — стал в короткое время одним из самых любимых актеров Петербурга. За десять лет своей деятельности (Дюр умер в тридцатидвухлетнем возрасте) он исполнил 250 ролей, сыграв более полутора тысяч спектаклей. Необыкновенное комедийное дарование Дюра соединилось в нем с умением всегда находить новые тона для всякой исполняемой им роли. Громадный успех выпал на долю Асенковой. Ранняя смерть этой выдающейся актрисы (в возрасте 24 лет) была воспринята как незаменимая утрата для театрального искусства. Некрасов посвятил памяти актрисы стихотворение, в котором защищал ее от клеветнических слухов, распространившихся вдоброжелателями. Прославилась она как водеvilльная актриса. Особенно ей уда-

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. I, М., 1948, стр. 98.

вались водевильные мужские роли (трагести). Но ее дарование было многогранным — она с успехом играла роль Софьи в «Горе от ума», Офелии в «Гамлете».

С исполнения водевильных ролей начал свою блистательную актерскую деятельность В. В. Самойлов. Он прославился как мастер искусства перевоплощения. Опираясь на свою виртуозную технику, Самойлов создал множество запечатлевшихся в сознании современников ролей не только в комедийном, но и в трагическом репертуаре. В шекспировских пьесах он играл с таким же блеском, как и в комедиях. Особенного мастерства Самойлов достиг в роли Ришелье в одноименной пьесе Бульвер-Литтона. В этой роли он не имел соперников. Прожив долгую жизнь, Самойлов играл на сцене петербургского театра и в пореформенную эпоху.

В. В. Самойлов имел двух братьев-актеров провинциальной сцены и трех сестер-актрис петербургского театра. Широкую известность в качестве комедийных актрис приобрели Надежда Васильевна и Вера Васильевна Самойловы. Актерский род Самойловых, представленный на сцене тремя поколениями, сыграл большую роль в развитии русской театральной культуры. История петербургского драматического театра тесно связана с родом Самойловых.

Самым крупным представителем реалистического актерского искусства в Петербурге был А. Е. Мартынов.

Мартынов явился современником великого русского актера М. С. Щепкина. Творчество Щепкина открыло новую страницу в истории русского театра. Русская театральная культура после Щепкина развивалась по пути, указанному великим актером. Деятельность Щепкина больше, чем деятельность какого-либо другого актера, способствовала утверждению реализма в театре. Когда он говорил

А. Е. Мартынов, актер (1816—1860). Литография середины XIX в.

режиссеру Соловьеву, что «сцена не любит мертвечины, ей подай живого человека»,¹ или поучал своего ученика С. Шумского: «Всегда имей в виду натуру, влазь, так сказать, в кожу действующего лица»,² — он призывал к борьбе против той театральности, которая мешала проникновению на сцену простоты и правды. Конечно, самым сильным оружием борьбы Щепкина за реалистическое искусство была его игра.

Играл в московском Малом театре, Щепкин часто гастролировал в других городах. В Петербург он приезжал пять раз. Каждый приезд Щепкина в Петербург превращался в событие. Зрители переносили театр, в печати появлялись пространные и восторженные рецензии. Белинский так писал о значении приезда в Петербург Щепкина: «Появление Щепкина на сцене Александринского театра — событие весьма важное и в области искусства и в сфере общественного понятия об искусстве: благодаря приезду его в Петербург здесь многие о многом будут думать иначе».³

То, что Щепкин сделал в Москве, в известной мере сделал Мартынов в Петербурге. Принципы реалистического искусства лежал в основе творчества Мартынова. Начал он свою сценическую деятельность с водевилей. Громадный талант Мартынова сразу же сделал его одним из известнейших актеров Петербурга. Но современники, восхищаясь Мартыновым, отмечали в нем такие качества, которые были необычны для водевильного актера: он не всегда смешил зрителя, а заставлял его иногда и плакать. Герои Мартынова представляли перед зрителем не как штампованные водевильные персонажи, а как люди, которым не чужды подлинные, не театральные, а человеческие страсти. Вместе с тем Мартынов умел вселять к изображаемым им смешным и жалким неудачникам симпатию, пробуждая в зрителе гуманные чувства. В демократической и гуманистической направленности творчества Мартынова и заключалось то новое в театральном искусстве, что было принесено им на сцену.

Во всей широте талант Мартынова развернулся в ролях гоголевского репертуара (Осип, Хлестаков, Подколесин) и в пьесах Мольера (Гарпагон в «Скупом» и Жеронт в «Проделках Скапена»). Большой заслугой Мартынова было глубокое воспроизведение образов пьес Тургенева и Островского. В них, особенно в «Грозе», в которой Мартынов исполнял роль Тихона, дарование его проявилось необычайно ярко. Он предстал перед зрителями как блестящий трагический актер. Ранняя смерть Мартынова (в возрасте 44 лет) явилась тяжелой утратой для театрального искусства.

Появление пьес Островского в репертуаре петербургского театра было знаменательным событием. Первая же пьеса Островского, поставленная в Александринском театре в 1853 г., «Не в свои сани не садись» имела полный успех. Эта

¹ М. С. Щепкин. Записки. Письма. Современники о М. С. Щепкине, М., 1952, стр. 356.

² Там же, стр. 250.

³ Там же, стр. 293.

пьеса положила начало утверждению драматургии Островского на петербургской сцене. Великий драматург с каждым годом завоевывал все более и более прочную любовь зрителей и актеров. Со времени появления пьес Островского открывается новая страница в истории петербургского театра.

Балетные спектакли в период 30—40-х годов находились выше того уровня, которого они достигли во время балетмейстерства Дидло. В самом конце первой половины XIX в. в качестве поставщика стал выступать М. Петита, прочно связавший свое имя с развитием петербургского балета во второй половине XIX в. Приезжали в Петербург и две иностранные балетные знаменитости — Тальони и Фанни Эльслер. В то же время на петербургской сцене выдвинулись пераоклассные русские балерины: Е. И. Андреев娜, Т. П. Смирнова, М. С. Суровщикова, М. Н. Муравьева, А. Д. Кошева и др. Из них некоторые уже в более позднее время приобрели широкую известность.

Общественное положение актера в 30—40-х годах не изменилось сколько-нибудь существенным образом. Попрежнему на него смотрели в дворянских кругах как на комедианта, который призван забавлять бар, но которого нельзя пускать в «порядочное» общество. Те же права, что и раньше, царствовали за кулисами, где актеры и актрисы могли подвергнуться безнаказанному оскорблению со стороны чиновников театральной дирекции и представителей «светского» общества, ходивших за кулисы в поисках всевозможных «развлечений».

Крепостные театры в Петербурге почти вовсе прекратили свою деятельность, и часть крепостных актеров перешла в состав трупп императорских театров. Во второй четверти XIX в. в Петербурге оставалось только два крепостных театра: Юсупова и Шереметева, да и они владели жалкое существование. Время крепостных театров в столице прошло навсегда.

До 1824 г. в Петербурге существовало два императорских театра — Большой и Малый. В 1824 г. был выстроен третий театр на Фонтанке недалеко от Чернышева переулка (ныне улица Ломоносова). Через два месяца после открытия этот театр сгорел до основания. В 1827 г. был построен Каменноостровский театр на Каменном острове, просуществовавший до 1843 г., когда он был снесен. На его месте архитектор А. К. Кавос построил новое театральное здание, сохранившееся до настоящего времени.

В 1832 г. в театральной жизни Петербурга произошло событие первостепенной важности — открытие нового здания драматического театра, получившего название Александринского (ныне театр имени Пушкина). Александринский театр, на сцене которого с первых же дней его существования играли выдающиеся петербургские актеры, стал одним из значительнейших центров театральной культуры в России, продолжавшим традиции Вольного театра XVIII в. «Александринка», как называли в просторечии вновь открытый театр, приобрела всероссийскую, а позднее и всемирную известность, уступая только московскому Малому театру.

Александринский театр стал наиболее посещаемым театром демократических кругов петербургского общества. Как вспоминал впоследствии П. А. Каратыгин, высшее общество интересовалось лишь балетом, итальянской оперой и французскими спектаклями, в русский же театр почти не заглядывало. А Валериан Панаев — по специальности инженер, но близкий к театру человек, ставший даже владельцем построенного много позднее театра на Адмиралтейской набережной, — писал в своих воспоминаниях, что в литературных реакционных кругах старались всячески дискредитировать «Александринку». В этих кругах утверждали, что в ней бывают прилично не людям образованным с развитым вкусом, а лишь «гостиньдворцам». Дело доходило, по словам Панаева, до того, что ценителям русского театрального искусства, принадлежавшим к «светскому» обществу, приходилось скрывать свои посещения Александринского театра.

В 30—50-х годах Петербург обогатился еще несколькими театральными зданиями. В 1833 г. на Михайловской площади (ныне площадь Искусств) открылся Михайловский театр (ныне Малый оперный), названный так в честь брата Николая I Михаила Павловича. В этом театре ставились спектакли французской труппы. В 1859 г. было выстроено новое театральное здание, предназначенное для оперных спектаклей и получившее название Мариинского театра (ныне Театр оперы и балета имени Кирова).

Народные театральные зрелища в Петербурге оставались такими же, как и в предшествующее время. Гуляния на Неве, на Крестовском острове, на Охте, на Исаакиевской площади, около Предтеченской церкви на Ямской улице попрежнему привлекали толпы народа и попрежнему представляли собой почти единственный вид народных зрелищ. Во второй четверти XIX в. появился в Петербурге постоянный цирк, который пользовался горячими симпатиями широких масс. В выстроенном в 1827 г. постоянном деревянном здании начала цирковые представления труппа Турньера. В 40-х годах в Петербурге были построены еще два цирка вблизи Большого театра и на площади Александринского театра. В 1847 г. петербургские цирковые предприятия перешли в ведение дирекции императорских театров, которая, ввиду понесенных убытков, в 1854 г. отказалась от этой монополии, и цирки снова стали частными предприятиями. В 1847 же году по распоряжению Николая I из числа воспитанников театрального училища была организована группа для обучения цирковому искусству. Некоторые ученицы, например, Е. Федорова (крепостная гр. Шереметева), А. Натарова выступали с большим успехом в цирке. Но это были единичные исключения: подавляющее большинство цирковых артистов являлись иностранцами.

Цирковые представления посещались не только зародом и разночинцами. Среди петербургской аристократии цирк пользовался также успехом. Но нигде так ярко не сказывалась социальная дифференциация зрителей, как в цирке. Зрители барьерных лож и кресел, для которых даже афиши печатались на французском языке, были совершенно изолированы от демократических зрителей, зани-

мавших места в верхней галерее. Даже входы для обладателей дорогих билетов и посетителей галерей были отдельные. Принимались все меры к тому, чтобы зрители, принадлежащие к различным классам, не могли встретиться друг с другом, чтобы представителю «светского» Петербурга не было нанесено оскорбления присутствием рядом с ним разночинца или, еще того хуже, лакея или дворового. Так сословно-кастовый строй самодержавно-крепостнической империи накладывал свой отпечаток на организацию театральных зрелищ.

* * *

В музыкальной жизни Петербурга в последекабристское время самым замечательным явлением, далеко выходящим по своему значению за пределы не только Петербурга, но и всей России, была деятельность М. И. Глинки. Глинка обобщил все достижения передовой русской музыкальной культуры и возвел ее на новую, высшую ступень. Создание двух опер великого русского композитора и постановка их на сцене петербургского театра явились событием в развитии национальной и мировой музыкальной культуры. Творчество Глинки утвердило национальный характер русской музыки. Со времени Глинки русская музыка вступает в полосу своего расцвета, начинается классический ее период.

Отличительными чертами русской классической музыки, определившими ее мировое значение, были народность, реализм, глубокая идейность, сочетание высокого мастерства с простотой и доступностью. Как отмечал А. А. Жданов, русская классическая (а после — советская) музыка «выросла, развивалась и превратилась в могучую силу именно потому, что ей удалось встать на собственные ноги и найти свои собственные пути развития, давшие возможность раскрыть богатства внутреннего мира нашего народа».¹ Для русской классической музыки, по словам А. А. Жданова, «характерны высокая идейность, основанная на признании истоков классической музыки в музыкальном творчестве народов, глубокое уважение к народу, его музыке и песне».²

В творчестве Глинки ярко выражены особенности русской классической музыки. Народное творчество было источником глинянской музыки. Это он сознавал очень отчетливо, говоря: «Создает музыку народ, мы же, композиторы, только аражирируем ее». Народное творчество явилось неисчерпаемым источником для музыки не только Глинки, во всех его последователей, каким оно является и до сегодняшнего дня. Глинка в музыке воплощал национальные русские характеры, отображал типические явления русской народной жизни. Народная песня — русская, украинская, восточная — питала его музыкальный язык и стиль. Творческой задачей Глинки, успешно им разрешенной, было сделать музыку, в самых сложных ее формах и жанрах, доступной народу.

¹ Советские деятели советской музыки в ЦК ВКП(б). М., 1948, стр. 139.

² Там же, стр. 137.

Особенно видное место в творчестве Глинки занимают его оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

«Иван Сусанин» был задуман и выполнен, употребляя определение самого Глинки, как «отечественно-героико-трагическая опера». В трактовке центрального образа оперы Глинка исходил из рыцарской характеристики Ивана Сусанина. В музыкальном ее языке, как отметил еще В. Ф. Одоевский, Глинка блистательно доказал, что «русская мелодия, естественно то заунывная, то веселая, то удаляя, — может быть возвышена до трагического стиля».¹

По настоянию Николая I опера получила новое название — «Жизнь за царя», под которым она шла на сцене вплоть до 1917 г. Но навязав опере это название, Николай I был бессильно вытравить подлинно народный характер оперы гениального композитора.

В апреле 1836 г. Глинка подал директору императорских театров А. М. Геденову просьбу о постановке «Ивана Сусанина» на сцене петербургского театра. Просьба была удовлетворена, и вскоре начались репетиции. Музыкальное руководство принадлежало К. А. Кавосу, который оценил оперу Глинки и хлопотал о ее постановке. Репетиции шли успешно, так как Глинка еще зимою 1835/36 г. начал разучивать «Ивана Сусанина» с исполнителями главных партий — О. А. Петровым и А. Я. Петровой-Воробьевой. Оба они были выдающимися русскими певцами, вписавшими славную страницу в историю русского вокального искусства. Глинка восхищался музыкальностью Петровой-Воробьевой, называл ее «необыкновенно талантливой артисткой». Петрова он считал одним из самых замечательных певцов своего времени.

27 ноября 1836 г. состоялось первое представление «Ивана Сусанина». Опера прошла с большим успехом, возраставшим с каждым новым представлением. Глинка сам писал своей матери, что он признан первым композитором в России, «а по мнению знатоков, ни в чем не ниже лучших композиторов». Передовая часть интеллигенции Петербурга — в числе ее Пушкин и Белинский — по достоинству оценила замечательное произведение Глинки, не имевшее себе равных во всей предшествовавшей русской музыкальной культуре. В. Ф. Одоевский писал тогда: «С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки».² Глинка сразу вошел в семью мировых музыкантов.

Но не все петербургское общество одинаково отнеслось к гениальному созданию Глинки. Петербургская аристократия, низкопоклонствовавшая перед итальянской оперой, отнеслась к «Ивану Сусанину» враждебно. Космополитический аристократизм петербургских бар нашел выражение в ходившем между ними отзыве: «Это — кучерская музыка». Глинка заметил по поводу такого отношения

¹ В. Ф. Одоевский. Избранные музыкально-критические статьи. М., 1951, стр. 24.

² Там же, стр. 24.

М. И. Глинка (1804—1857), Литография с рисунка Н. И. Тихообразова, 1843 г.

к своей опере: «Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господ». Булгарин также произнес свой приговор «Ивану Сусанину», в котором, как всегда, обнаружил и свое невежество, и глубокую ненависть к передовой русской национальной культуре. В «Северной пчеле» он напечатал две статьи, которые Глинка назвал «шедевром музыкальной галиматии».¹

«Иван Сусанин» действительно явился «отечественно-героико-трагической оперой». Глубоко национальный характер оперы нашел свое выражение прежде всего в изображении героического народного духа. Исключительно средствами музыкального выражения — либретто и стихи оперы мешали, а не помогали композитору — Глинка сумел раскрыть величие духа народа. Твердость, мужество, бодрость народа показаны в опере с такой глубиной, с какой это не удавалось сделать никому из предшественников Глинки. «Иван Сусанин» всегда служил великим образцом для русских композиторов. Центральная фигура в опере — Сусанин. Его музыкальная характеристика — одно из гениальнейших достижений Глинки. В Сусанине типические черты русского народного героя, великого в своей простоте, раскрыты с глубиной, достижимой только подлинно народным композитором. Заключительное «Славься» звучит в «Иване Сусанине» как гимн народу.

«Иван Сусанин» по своему идейному замыслу и воплощению близок в «Борису Годунову» Пушкина. Оба эти произведения, явившиеся почти одновременно, были высшим достижением народно-реалистического искусства эпохи. Они открывали перед всей передовой русской интеллигентнейшей источник творческих сил, показывая неисчерпаемое богатство народного духа.

«Руслана и Людмилу» Глинка стал писать еще в 1837 г. Глинка сначала просил написать либретто самого Пушкина, и великий поэт не отказывался от этого. Но его гибель не дала возможности осуществиться планам Глинки. Тогда Глинка обратился к услугам В. Ф. Ширкова и К. А. Бахтурина, которые написали либретто. В 1842 г. опера была окончена. В августе 1842 г. начались первые репетиции «Руслана». Репетициями руководил К. Ф. Альбрехт, под управлением которого состоялось первое представление «Руслана и Людмилы» 27 ноября 1842 г.

Первое представление замечательного создания Глинки успеха не имело. Только после того как партию Ратмира стала исполнять Петрова-Воробьева, опера встретила хороший прием. В первый же театральный сезон опера выдержала 32 представления, что говорило о большом успехе ее среди широких кругов зрителей. Двор и высший свет отнеслись враждебно к новому великому произведению русской музыки. В «Северной пчеле» помещались бранные отзывы об опере, в других периодических изданиях отзывы были очень сдержанны. Под влиянием придворных кругов театральная дирекция сняла «Руслана» с репертуара. Это причинило

¹ М. И. Глинка. Записки. Автобиографические и творческие материалы. М.—Л., 1952, стр. 430.

много огорчений Глинке. Но он твердо верил, что его воднино национальная опера займет почетное место в истории русской музыки. «Руслана воймут через сто лет», — говаривал Глинка. Он ошибся: его оперу повяли гораздо раньше. Когда в общественной и культурной жизни Петербурга, так же как и всей страны, стали играть ведущую роль представители демократической интеллигенции, тогда опера Глинки была оценена как одно из самых высших достижений русской и мировой музыкальной культуры. В этой оценке сошлись представители как русских, так и западноевропейских передовых музыкальных кругов.

«Руслан и Людмила» — новый шаг в оперной драматургии Глинки. Композитор раскрыл в этой опере величие духа и силу русского народа в эпических музыкальных формах. Основой для оперы послужила пушкинская поэма. Пушкинское светлое, жизнеутверждающее начало, идея борьбы против насилия и предательства были мастерски воплощены в музыке. Действующие лица в «Руслане и Людмиле» представлены во всем многообразии народных характеров. Каждое из них во-своему отражает восприятие жизненной действительности. Так был создан Глинкой народный музыкальный эпос.

Глинка явился создателем русской симфонической музыки. П. И. Чайковский говорил, что из «Камаринской» Глинки, как дуб из жолудя, выросла русская симфоническая музыка. «Камаринская», «Вальс-фантазия», «Ночь в Мадриде», «Арагонская хота» — совершенные образцы симфонического творчества Глинки. В этих произведениях заложены все элементы симфонического стиля, получившие свое дальнейшее развитие в симфониях русских композиторов последующего времени. Ясность и законичность мысли, тончайшая инструментовка, выразительная мелодичность явились глинкиным вкладом в сокровищницу русской и мировой симфонической музыки.

В период создания своих двух опер Глинка жил почти безвыездно в Петербурге. Он был связан знакомством, а в некоторых случаях и дружбой со многими представителями музыкального и литературного мира. Он часто посещал В. А. Жуковского, жившего тогда в Зимнем дворце, где встречался с А. С. Пушкиным, кн. П. А. Вяземским, Н. В. Гоголем, литератором и в то же время ректором Петербургского университета П. А. Плетневым, кн. В. Ф. Одоевским — образованнейшим человеком своего времени и тонким знатоком музыки, гр. М. Ю. Вязьгорским — композитором, хозяином музыкального салона и авторитетнейшим музыкантом Петербурга. Посещал Глинка и салон известной польской шляхтянки М. Шимановской, несколько лет жившей в Петербурге. У нее Глинка также встречался с Пушкиным, здесь же он познакомился с Мицкевичем. Через посредство известного автора популярных романсов и певца М. Л. Яковлева Глинка познакомился с А. А. Дельвигом и стал бывать у него. У Дельвига устраивались литературные и музыкальные собрания, на которых присутствовали Пушкин, Мицкевич, А. П. Керн, лицейские друзья Пушкина и Дельвига и другие лица. В этом кружке Глинка, как вспоминает А. П. Керн, часто услаждал

посетителей «своими дивными вдохновениями».¹ В 1828 г. Глинка познакомился с А. С. Грибоедовым. Встреча эта примечательна тем, что Грибоедов сообщил Глинке тему грузинской песни, которую тот часто играл на фортепиано. Под эту мелодию Пушкин написал стихотворение «Не пой, красавица, при мне», и фортепианная пьеса превратилась в романс, занявший видное место среди романсов Глинки.

Под воздействием травли в реакционной печати «Руслана и Людмилы» Глинка решил уехать из Петербурга. В июне 1844 г. он покинул Петербург и жил за границей до 1847 г. В 1847—1852 гг. он жил в Петербурге, Смоленске и Варшаве, а в 1852—1854 гг. снова за границей. За эти годы были написаны его симфонические произведения «Арагонская хота» (1845 г.), «Ночь в Мадриде» и знаменитая «Камаринская» (1848 г.), а также ряд романсов.

На 1854—1856 гг. приходится последнее пребывание Глинки в Петербурге. А. С. Даргомыжский, А. С. Серов, братья Владимир и Дмитрий Стасовы, родственник и горячий почитатель композитора В. П. Энгельгардт, знаменитая потом артистка русской оперы Д. М. Леонова, певица Л. И. Беленицына (Кармалина) и некоторые другие лица составляли тогда ближайшее окружение Глинки, который жил вместе с сестрой Л. И. Шестаковой в доме Тимоловой, № 7 по Эртелеву переулку (ныне улица Чехова). В эти годы Глинка написал свои автобиографические записки; он занимался приведением в порядок и переработкой ряда прежних произведений и работал над новой оперой (по драме Шаховского) «Двумужница». «Те из близких Глинке людей, которые часто проводили тогда время с ним... конечно, не забудут отличных начинаний и импровизаций Глинки из „Двумужницы“, широким потоком лихшихся из его фантазии», — сообщает в биографии Глинки Владимир Стасов, связанный с Глинкой уже с конца 40-х годов.²

В доме у Глинки постоянно происходили музыкальные собрания, устраиваемые усилиями Стасовых и В. П. Энгельгардта.

К последним месяцам жизни Глинки в Петербурге относится знакомство с ним тогда только что прибывшего в столицу молодого выдающегося музыканта М. А. Балакирева. «Глинка был ко мне приветлив, — рассказывал впоследствии Балакирев, — и я к нему приходил преимущественно по утрам, показывая ему тогдашние свои сочинения».³ По словам Л. И. Шестаковой, Глинка говорил ей, что в Балакиреве впервые он нашел взгляды, так близко подходящие к его собственным во всем, что касается музыки.

В апреле 1856 г. М. И. Глинка в последний раз уехал из Петербурга. Он умер 3 февраля 1857 г. за границей. В том же году, 22 мая, пароход с гробом ком-

¹ А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academias», 1929, стр. 297.

² В. В. Стасов, Собр. соч., т. III, СПб., 1894, столб. 520, 684.

³ Автобиографические заметки М. А. Балакирева. Русская музыкальная газета, 1910, № 41, столб. 861—862.

позитора прибыл в Кронштадт; через два дня состоялось погребение в Александровской лавре.

Младшим современником Глинки был А. С. Даргомыжский. В 30-х годах он пользовался уже известностью как пианист и композитор романсов. В 1833 г. он познакомился с Глинкой. Знакомство скоро перешло в дружбу. Даргомыжский был восторженным почитателем Глинки, который в свою очередь высоко оценил талант Даргомыжского. Петербургский музыкальный мир воспринял Даргомыжского как композитора, продолжающего глинкавские традиции. Это так и было. Но Даргомыжский не просто подражал великому русскому композитору, как пытались утверждать петербургские снобы, признававшие только итальянскую музыку и не понимавшие ни Глинки, ни Даргомыжского. Он, твердо усвоив глинкавские традиции, развивал их, утверждая реалистическое направление в музыкальном искусстве.

Попытки Даргомыжского добиться в петербургском театре постановки своей первой оперы «Эсмеральда», написанной на сюжет «Собора Парижской богоматери» Виктора Гюго, долго не могли увенчаться успехом. Только в 1851 г. опера была поставлена в Петербурге, но успеха не имела и после трех представлений ее сняли с репертуара. Другое крупное произведение Даргомыжского, опера-балет «Торжество Вакха», в Петербурге вовсе не было поставлено. Эти неудачи не убили в композиторе стремления к музыкально-драматическому творчеству. Он принялся писать оперу «Русалка» на сюжет одноименной драмы Пушкина. Первое представление этого самого замечательного произведения Даргомыжского, позволившего ему занять место в ряду классиков русской музыки, состоялось в Петербурге в 1856 г. Успех «Русалки» определился не сразу: прошло десять лет, пока она не обрела настоящего успеха, став вскоре популярнейшим произведением русского музыкально-драматического репертуара. На Глинку, знакомящегося с новой оперой Даргомыжского во время ее сочинения, она произвела сильное впечатление. Он говорил автору, что публика не оценит правды, заключенной в опере. Глинка оказался прав. Испытав сам горечь неуспеха «Руслана и Людмила» среди петербургской аристократии, он предвидел, что и «Русалка» встретит такой же прием. Как и «Руслан и Людмила», «Русалка» была оценена позднее, когда демократические традиции в искусстве одержали решительную победу над аристократическими и антинациональными.

В Петербурге у Даргомыжского часто собирались его друзья и знакомые. В числе посетителей музыкальных вечеров Даргомыжского были Глинка, дирижер Петербургской оперы К. Н. Лядов, певец О. А. Петров, В. В. Стасов, тогда еще только начинающий музыкальный и художественный критик, и другие петербургские музыканты. В последние годы жизни Даргомыжского, когда он писал оперу «Каменный гость», установилась тесная связь между ним и кружком прославленных впоследствии музыкантов, получивших название «могучей кучки».

В Петербурге во вторую четверть XIX в. жили и другие композиторы, уступавшие по своему значению Глинке и Даргомыжскому, но все же не прошедшие бесследно в истории русской музыкальной культуры. К ним относятся А. Е. Вардамов, автор распевавшегося по всей стране и во всех слоях населения «Красного сарафана», так же как и многих других популярных романсов и песен, К. П. Вильбоа, снискавший себе известность своими романсами (особенное распространение получил его дуэт «Моряки»), пианист и фортепианный композитор И. Ф. Ласковский. Последний принадлежал к числу очень даровитых русских композиторов. Его обширное музыкальное наследие (свыше семидесяти изданных пьес для фортепиано) почти вовсе забыто. Автором многих произведений культовой музыки был Г. А. Ломакин — сын крепостного гр. Шереметева. Ломакин руководил хором Шереметева и достиг высокого совершенства исполнения произведений русской и иностранной хоровой музыки. В 60-х годах Ломакин вместе с Балакиревым занял выдающееся место в ряду музыкальных деятелей Петербурга — в частности как организатор Бесплатной музыкальной школы. Широкой известностью пользовался А. Ф. Львов как автор многих произведений культовой музыки, а также ряда блестящих пьес для скрипки. Львов был выдающимся русским скриачом.

Значительным культурным центром Петербурга был дом упоминавшегося уже гр. М. Ю. Виельгорского на Михайловской площади (ныне площадь Искусств). Виельгорский очень любил музыку, сам ее сочинял, поэтому в доме его она звучала постоянно. Музыкальные собрания здесь происходили иногда несколько раз в неделю. Устраивались симфонические и камерные концерты, выступали певцы, пианисты, скрипачи и т. д. Чаще всего исполнялись композиторы-классики. Аристократический тон господствовал на собраниях у Виельгорского, русская музыка здесь не пользовалась особенной любовью, а русские композиторы отнюдь не находились в центре внимания. Тем не менее нельзя сказать, чтобы в доме Виельгорского русской музыкой вовсе пренебрегали. Так, Виельгорский принял деятельное участие в постановке «Ивана Сусанина» на сцене петербургского театра. 25 марта 1836 г. у него на дому состоялась первая репетиция первого акта этой оперы. Глинка позднее с благодарностью вспоминал о поддержке, оказанной ему Виельгорским, а критические замечания этого просвещенного музыканта по поводу некоторых мест оперы находил «дельными». «Иван Сусанин» встретил со стороны Виельгорского самый благожелательный прием, но к «Руслану и Людмиле» он отнесся холодно и гениальной музыки этой оперы не понял.¹

Из всех видов музыкального искусства наибольшей популярностью в Петербурге в 30—50-х годах пользовалась опера. Оперные спектакли попрежнему давались в Большом театре, в 1835—1836 гг. значительно переделанном придворным архитектором А. К. Кавосом (сыном композитора и дирижера).

¹ М. И. Глинка, ук. соч., стр. 228.

День первого представления «Ивана Сусанина» Глинки — 27 ноября 1836 г. — был днем открытия обновленного Большого театра. Оперный репертуар состоял из русских и иностранных опер. Ставились оперы А. Н. Титова, А. Ф. Львова, К. А. Кавоса. Большой успех имели оперы А. Н. Верстовского.

Из иностранных опер в Петербурге шли оперы Моцарта, Россини, Доницетти, Беллини, Обера, Мейербера и других авторов. Иностраный репертуар явно преобладал. Время, когда русская опера заняла в оперном репертуаре императорских театров более заметное место, еще не пришло. Великие творения Глинки и Даргомыжского открывали собой новую страницу в истории русской оперы, обеспечивая ее близкий и могучий расцвет.

В 30—40-х годах выдвинулся ряд первоклассных оперных артистов.

Кроме Петрова и Петровой-Воробьевой, из русских артистов оперы выделялись М. М. Степанова, Е. А. Семенова, М. Ф. Шелихова, А. П. Лодий, В. А. Шемаев и др.

Наряду с русской оперой в Петербурге существовали итальянская и немецкая оперы. Итальянская труппа пользовалась в привилегированном обществе значительным успехом, не настолько, впрочем, большим, чтобы заставить аристократическую публику пренебрегать русской оперой. Но когда в 1843 г. в Петербург приехал знаменитый итальянский певец Рубини, он сразу покорила петербургское «светское» общество. В 1844 г. в Петербурге обосновалась постоянная итальянская труппа в составе знаменитых певцов Рубини, Тамбурини, Марио, Виардо, Ронconi и др. Аристократический Петербург бредил итальянцами. Русские композиторы и певцы в глазах этого слоя петербургского общества потеряли всякий интерес. Но передовая дворянская и разночинская интеллигенция продолжала хранить верность национальным музыкальным традициям и своей музыкально-критической деятельностью утверждать русское национальное искусство.

Концертная жизнь в Петербурге, помимо частных домов, из которых центральное место по значительности исполнявшихся произведений и обширности помещения занимал дом Виельгорского, протекала также и в общественных местах. Концерты устраивались в Большом театре, в зале Энгельгардта и в построенном в 1839 г. здании Дворянского собрания (ныне здание Ленинградской филармонии). С 1838 г. в летнее время устраивались концерты в Павловске, на которых исполнялась преимущественно легкая «садовая» музыка. Эти концерты привлекали всегда большое количество петербуржцев. В репертуаре петербургских концертов значительное место занимали выдающиеся западноевропейские композиторы. Исполнялись произведения Бетховена (честь первого публичного исполнения некоторых его произведений принадлежит Петербургу), Глюка, Моцарта, Гайдна, Россини, Перголези. Глинка вспоминал в своих «Записках» о волнении, пережитом им в связи с «необыкновенно удачным» исполнением 7-й симфонии Бетховена у Виельгорского. В программах концертов появлялись произведения и русских

композиторов, это относилось больше всего к авторам вокальной и инструментальной камерной музыки. Однако в середине XIX в. начинают исполняться симфонические произведения Глинки, а также Даргомыжского. Так, в 1852 г. в зале Филармонического общества был устроен концерт из произведений Глинки, на котором исполнялись его вокальные пьесы, вторая «Испанская увертюра» и «Камаринская».

Очень часто устраивались в Петербурге сольные концерты. Такие выдающиеся русские певцы, как Петров, Петрова-Воробьева, А. П. Лодий, С. С. Гулак-Артемовский (будущий знаменитый автор оперы «Запорожец за Дунаем»), Д. М. Леонова, Л. И. Беляницкая (Кармалина), очень высоко ценившиеся Глинкой, пианисты Ласковский и только еще начинавший свою прославившую его на весь мир концертную деятельность А. Г. Рубинштейн, скрипач А. Ф. Львов пользовались неизменным успехом. Завоевал себе громкую известность скрипач И. И. Семенов, крепостной, получивший свободу только на 35-м году жизни. Неизменное внимание привлекали концерты пользовавшегося уже европейской славой скрипача Н. Д. Дмитриева-Свечина и других русских виртуозов. Наряду с ними в Петербург наезжали и иностранные гастролеры.

Крупным событием в музыкальной жизни Петербурга был приезд Листа в 1842 г. Молодые тогда В. В. Стасов и А. Н. Серов были совершенно захвачены игрой прославленного пианиста. Лист познакомился с Глинкой, услышал его музыку и сразу оценил гениального русского композитора. В своих концертах он играл вариации на темы Глинки, а некоторые произведения Глинки переложил для фортепиано (например марш Черномора из «Руслана и Людмилы»). В 1844 г. Петербург посетила Клара Шуман вместе с своим мужем Робертом Шуманом. Произведения Шумава тогда еще были совершенной новостью в России, и Клара Шуман отваживалась их исполнять лишь в узком кругу музыкантов, например на музыкальном вечере у А. Ф. Львова. Приезжавший в 1847 г. в Петербург Берлиоз был известен в кругу петербургских музыкантов как крупнейший французский симфонист. Кроме того, о нем знали как об одном из немногих западно-европейских музыкантов, знакомых с музыкой Глинки и высоко ее оценивших. Произведения Берлиоза, исполненные в Петербурге под управлением автора, имели выдающийся успех. Сам Берлиоз был очень доволен петербургскими оркестром и хором. Особенно его восхитило пение Придворной капеллы, которую он ставил выше прославленной Сикстинской капеллы в Риме.¹

Представление о музыкальной культуре Петербурга 30—40-х годов дополняется сведениями о музыкальной критике. О петербургской музыкальной критике, конечно, нельзя судить по невежественным статьям Булгарина, бывшего барометром художественных вкусов придворного и аристократического Петербурга. В петербургской периодической печати выступали такие образованные

¹ В. В. Стасов. Лист, Шуман и Берлиоз в России. Музгиз, 1954.

музыканты, как кн. В. Ф. Одоевский — крупнейший музыковед и музыкальный критик первой половины XIX в. В середине XIX в. начали свою критическую деятельность В. В. Стасов и В. А. Серов.

В 30—40-х годах увеличивается число нотных библиотек, нотных и музыкальных магазинов в Петербурге. Наибольшую известность среди них приобрел магазин М. И. Бернара на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы, владелец которого был и издателем. Основанный Бернаром в 1840 г. ежемесячный нотный журнал «Нувеллист» выходил вплоть до 1917 г.

Крестьяне, рабочие люди, дворовые, мещане мало соприкасались с музыкальной культурой господствующих классов. Для них основным источником музыкального восприятия и предметом исполнения оставалась народная песня. В чистом своем виде народная песня бытовала лишь в крестьянстве. Попадая в городскую среду, она подвергалась ее воздействию. Народная песня, как уже отмечалось выше, нашла преломление в творчестве петербургских композиторов, все чаще вводивших в свои произведения элементы музыкального фольклора. Интерес к народной песне выражался также в многочисленных изданиях песен в самых разнообразных переложениях. Наибольшую известность приобрел сборник «Русские народные песни, собранные и изданные для пения с фортепиано Давидом Кашпиром» (1833).

* * *

Подобно тому как в литературе, театральном искусстве и музыке в 30—40-х годах XIX в. утверждалось реалистическое направление, подобно тому как эти отрасли культуры все более полно и глубоко выражали национальное самосознание народа, в изобразительное искусство этой поры все с большей силой проникали реалистические и национальные тенденции. Изобразительное искусство не могло остаться в стороне от тех изменений, которые происходили в общем развитии культуры и отражали изменения в социально-экономической и политической жизни страны. Правда, в изобразительном искусстве эти перемены происходили не столь ярко и отчетливо, как в литературе или музыке. Но все же они совершались, подготавливая близкий расцвет реалистического и национального искусства.

Так называемое академическое направление в живописи не только продолжало существовать, но даже развиваться — самые крупные произведения академической живописи были созданы во второй четверти XIX в.

Наиболее видным представителем академической живописи был Ф. А. Бруни. Его «Медный змий» и «Моление о чаше» представляют собой яркий образец академического искусства. Остальные работы Бруни — написанные на мифологические и религиозные сюжеты картины, многочисленные иконы, стенная живопись Исаакиевского собора — большого значения не имели. Мастерство композиции и рисунка в «Медном змие» не могут скрыть сухости, схематичности и мистицизма

картины. В. В. Стасов писал, что в «Медвом змие» не то что национальности, но простой, естественной правды очень немного. Не только в этой картине, но и в других своих произведениях Брюни оставался совершенно чужд национальному духу русского искусства. Национальных сюжетов он, за исключением альбома гравюр, иллюстрирующих «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, вовсе не касался. Брюни был убежденным защитником академических традиций в искусстве. Он требовал от своих учеников следования этим традициям, настаивая на выборе ими «академических» сюжетов и разработке их в полном соответствии с канонами академизма.

Одним из самых значительных явлений русского изобразительного искусства данного периода было творчество К. П. Брюллова. В 1822 г., через год после окончания Академии художеств, Брюллов уехал в Италию. Покидая Петербург, он увозил с собой воспитанные в нем традиции академической живописи, сказавшиеся в написанных им во время пребывания в Академии картинах. Эти картины были посвящены мифологическим и библейским сюжетам. В Италии Брюллов отступает от академических канонов и обращается к бытовому жанру. Поиски художественной правды заставляют его отстаивать право художника, по его собственным словам, отступить от условий красоты форм. Быт итальянского народа нашел отражение во многих картинах, написанных Брюлловым в первое время пребывания в Италии. Выдающееся место в итальянских картинах Брюллова занимают портреты. Наиболее замечательны среди них «Всадница» и «Вирсавия».

Обращение Брюллова к темам из народной жизни было знаменательно. Оно свидетельствовало о сдвигах, наметившихся в той части русских художников, которые начинали свою творческую жизнь, еще не совсем освободившись от академических традиций. Брюллов не мог преодолеть до конца некоторой театральности, присущей всем его произведениям, но его творческий путь лишний раз доказывает влияние новых идей на наиболее одаренных передовых представителей изобразительного искусства.

В Италии Брюллов написал много картин, из которых наибольшую славу приобрела «Последний день Помпеи». В ней изображается один из самых трагических моментов в жизни людей. Ужас толпы перед надвигающейся гибелью передан с максимальной правдивостью и выразительностью. Но ужас не уничтожил ни мужества, ни воли, ни достоинства людей. Эти качества во всей их благородной красоте сохранены людьми даже в минуту смертельной опасности. Освещение, рисунок, композиция картины свидетельствуют о громадном мастерстве художника, о его высокой живописной культуре. «Последний день Помпеи», впервые выставленный на Миланской выставке, сразу же сделался предметом всеобщего восхищения и принес автору картины мировую славу.

Возвращение Брюллова на родину в 1835 г. сопровождалось подлинным триумфом. В Одессе, Москве и Петербурге художника принимали восторженно,

картину его, незадолго до того привезенную в Петербург, считали самым выдающимся произведением искусства за последнее время. Но Брюллов, находясь в зените славы, не переставал развивать свой талант и искать новые пути. В Петербурге он написал множество портретов, в которых достиг высокого совершенства. Белинский говорил о портретах Брюллова, что в них «схвачено не одно внешнее сходство, но вся душа оригинала».¹ Наиболее замечательные портреты Брюллова — В. А. Жуковского, И. А. Крылова, гр. Ю. П. Самойлова с арапчонком, А. И. Струговщикова и др. Писал Брюллов и театральные декорации. Им были написаны декорации и костюмы к первой постановке «Руслана и Людмилы» Глинки, до нас не дошедшие. Занимался Брюллов росписью Исаакиевского собора, иллюстрировал литературные произведения, создавал и большие полотна. Много внимания он уделял педагогической деятельности. Среди учеников Брюллова — П. А. Федотов, Т. Г. Шевченко, Н. А. Степанов, основатель русской политической карикатуры.

Вернувшись из Италии в Петербург, Брюллов оказался в самом центре литературно-художественной жизни города. Занимая первое место среди петербургских художников, он пользовался в художественных кругах непрерываемым авторитетом. Широта интересов Брюллова не позволяла ему замыкаться в узком кругу художников. Он постоянно вращался среди петербургских литераторов, музыкантов, артистов. Он был знаком с Пушкиным, Жуковским, Белинским, Панаевым, Некрасовым, Глинкой и многими другими выдающимися людьми Петербурга.

Пушкин поклонялся таланту Брюллова, Жуковский проводил долгие часы в его мастерской, Гоголь в статье, посвященной знаменитой картине Брюллова, называл ее «одним из ярких явлений XIX века», «светлым воскресением живописи». Белинский признавал в Брюллове «гениального художника». Эти отзывы были несколько преувеличены. Брюллов не стал одним из основоположников реалистической живописи — академические традиции в нем были еще сильны, но своими картинами он подготовил утверждение реализма в творчестве великих художников последующего времени.

Исключительным явлением в изобразительном искусстве 30—40-х годов было творчество А. А. Иванова. Иванов родился в Петербурге и получил образование в Академии художеств. Но он в двадцатичетырехлетнем возрасте уехал в Рим и в Петербург вернулся только в год своей смерти. Самое замечательное его произведение, составившее эпоху в русской и мировой живописи, «Явление Христа народу» было написано в Риме. Хотя Иванов жил вдали от России, но связей с родиной не порывал. Он постоянно общался с русскими художниками и писателями, наезжавшими в Рим и подолгу жившими там. Особенно тесные дружеские отношения установились у Иванова с Гоголем, восхищавшимся

¹ К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М., 1952, стр. 197.

талантом художника и внимательно следившим за созданием его знаменитой картины («Явление Христа народу»). Иванов писал ее двадцать с лишком лет.

Иванов, находясь за границей, следил за развитием передовой общественно-политической мысли в России и отдавал ей все свои симпатии. Художник должен стоять в уровень с понятиями своего времени, говорил он. Искусство, в представлении Иванова, может успешно развиваться лишь при условии тесного соприкосновения с общественными идеями. Стремление отгородиться от влияния общественно-политической мысли приводит искусство к застою. Эти взгляды выработались в Иванове далеко не сразу, но придя к ним, он уже им не изменил. Насколько Иванов стал близок к передовым идеям своего времени, показывает его обращение к Герцену в 1857 г. Он говорил, что никто, кроме Герцена, не мог бы помочь ему в разрешении волновавших его вопросов. Он посетил Герцена в Лондоне. Герцен высоко оценил честность и душевную чистоту великого художника.

Картина Иванова была привезена в Петербург в 1858 г. Выставленная в Академии художеств, она привлекла к себе всеобщее внимание и вызвала страстные споры. Появление ее было расценено в передовых кругах как событие в истории искусства. В картине Иванова исчезают почти всякие следы академизма. Он ближе всех художников, принадлежавших к академической школе, подошел к реализму. Его люди полны жизненной правды и простоты. Реалистическое мироощущение Иванова, утверждавшееся в нем не без внутренней борьбы, привело к тому, что в картине осталась лишь религиозная оболочка.

Иванову не суждено было дождаться того близкого времени, когда реализм и народность в изобразительном искусстве утвердились прочно и окончательно. Современники, в том числе В. В. Стасов, ожидавшие от него новых, еще более замечательных созданий, восприняли его смерть как невознаградимую утрату.¹

Но ни Брюллов, ни даже Иванов не были призваны занять в изобразительном искусстве такое же положение, какое в других отраслях культуры заняли Гоголь, Белинский, Щенкин, Мартынов, Глинка. Родовым начальником реалистической национальной живописи стал П. А. Федотов — замечательнейший русский художник 30—40-х годов. Федотов открыл своими произведениями новую страницу в истории русского искусства. Последующее развитие русской живописи самым тесным образом связано с его именем.

Стасов писал, что творчество Федотова является «первым проблеском нового направления в искусстве», что Федотов намного опередил современных ему живописцев, что передовые слои русского общества, воспитанные на Пушкине, Гоголе и Белинском, требовали от искусства настоящей, а не условной правды и нашли ее в творчестве Федотова, что Федотов умер, «произведи на свет едва лишь маленькую крушинку из того богатства, каким одарена была его натура. Но эта кру-

¹ А. А. Иванов. Биографический очерк, составленный М. Боткиншиком. Берлин, 1880; В. В. Стасов. Александр Иванов, Полн. собр. соч., т. II.

пянка была чистое золото и принесла потом великие плоды».¹ Эта характеристика Стасова не теряет своего значения и до сегодняшнего дня. Прогрессивная часть русского общества горячо приветствовала произведения Федотова. А русские художники последующего поколения считали себя продолжателями федотовских традиций.

Федотов поселился в Петербурге в 1833 г. Окончив в этом году кадетский корпус в Москве, он поступил на службу в Финляндский полк. Будучи офицером, он начал посещать рисовальные классы Академии художеств. Рисовал он много и уже в ранних рисунках проявлял острое сатирическое дарование. Особенно интересны его рисунки, изображающие в чисто гоголевской манере жизнь чиновничества. С произведениями Федотова познакомился Брюллов и посоветовал ему начать серьезно работать над собой. Федотов вышел в отставку и стал профессиональным художником. Он очень много работал, стремясь овладеть живописным мастерством. В поисках патуры Федотов обращался к трудящимся слоям петербургского населения, наблюдая и изучая их жизнь. В изображение простых людей он вкладывал много искреннего сочувствия, укрепившегося в нем по мере того, как он сам все острее чувствовал горечь положения человека, вынужденного отчаянно бороться с нуждой. В 40-х годах Федотов сблизился с крутом «Современника», познакомился с Некрасовым, Панаевым. Некрасов предложил Федотову участвовать в качестве иллюстратора в подготавливавшемся им сборнике «Иллюстрированный альманах». Федотов с увлечением принялся за работу и быстро приготовил несколько рисунков. «Многому бы народ научилъ — записывал он в 1848 г. в дневник, — да цензура мешает».²

В 1847 г. Федотов окончил свои две большие картины — «Утро чиновника, получившего первый орден» и «Разборчивая невеста» — и послал их на суд Брюллова. Брюллов оценил их очень высоко и признал в Федотове громадный талант. Благодаря Брюллову обе картины появились на академической выставке. Они встретили хороший прием, и имя Федотова приобрело известность. Идея первой из этих картин исчерпывающим образом раскрыта Стасовым в следующих словах: «Злость, чванство, бездушие, боготворение ордена, как наивысшего и безапелляционного аргумента, вконец оплошавшаяся жизнь — все это присутствует в этом лице, в этой позе и фигуре закоренелого чиновника в халате и босиком, в напильотках и с орденом на груди».³ Когда в свет вышла литография с картины, цензура заставила убрать орден с груди чиновника и тем самым, по выражению Стасова, искалечила картину.

Успех обеих картин и поддержка Брюллова дали возможность Федотову закончить задуманную им картину «Свадьба майора». В 1849 г. картина была закончена и вместе с двумя прежними появилась на академической выставке.

¹ В. В. Стасов, Избр. соч. в трех томах, т. 2, М., 1952, стр. 397.

² Я. Ф. Лещинский, П. А. Федотов — художник и поэт. М.—Л., 1946, стр. 120.

³ В. В. Стасов, Избр. соч. в трех томах, т. 2, стр. 396.

Успех ее был громаден. Федотов получил звание академика и сразу стал знаменит. Сатирическое дарование художника развернулось в этой картине во всей широте. В изображении купеческого быта Федотов достиг такой же выразительности, с какой были написаны пьесы Островского. Успеху «Сватовства майора» способствовало то, что Федотов одновременно с картиной написал поэму «Поправка обстоятельств, или женитьба майора», в сотнях рукописей распространенная по всей России; эта поэма была словесным комментарием к картине. Кроме того, Федотов сочинил «Рацею», написанную раешным языком, с которой он обращался к зрителям, постоянно толпившимся около его картины. «Рацея» раскрывала смысл «Сватовства майора».

Если прогрессивная интеллигенция приветствовала Федотова и восторгалась его картинами, то этого никак нельзя сказать о привилегированных слоях общества и о реакционной критике. Реакционеры не желали признавать таланта Федотова. Богатые меценаты, ранее обещавшие Федотову поддержку, теперь отвернулись от него. Цензура не пропускала воспроизведений его картин. Федотов, на время воспрянувший духом, впал в тяжелое душевное состояние. Материальная нужда, выбиться из которой он так и не смог, в соединении с травлей, поднятой против него в самые мрачные годы николаевской реакции, губительным образом отозвались на нем. Физические и моральные силы его падали. Он заболел душевной болезнью. Помещенный в психиатрическую больницу и забытый всеми, за исключением нескольких самых преданных друзей, он в 1852 г. умер.

Хотя новые веяния в искусстве проникли, как показывал пример Брюллова, в академическую среду, все же в Академии художеств существовала сильная группа сторонников старого направления в искусстве. Главой ее был Бруни. Но молодые художники, представители прогрессивной интеллигенции, смотрели на Академию уже иными глазами. Воспитанные на идеях Белинского и Гоголя, они требовали от изобразительного искусства той правды и простоты, которую они находили в произведениях реалистической литературы. Федотов явился их идейным вождем и вдохновителем. В жизни Академии назревал кризис.

Во второй четверти XIX в., как и раньше, Академия принимала самое деятельное участие в художественных работах, осуществляемых правительством. В Петербурге в это время строился Исаакиевский собор. Работы по росписи собора, архитектурной и декоративной отделке его находились в центре внимания Академии. Другим крупным делом Академии были работы по возведению Александровской колонны на Дворцовой площади. Принятие Николаем I в 1829 г. Академию под свое покровительство создало новые для нее трудности. Царь без всякого основания считал себя знатоком искусства и на прaxes такового вмешивался в жизнь Академии. Это привело к тому, что режим в ней стал приближаться к режиму военно-учебного заведения, а направление ее художественной деятельности определялось вкусами «высочайшего» покровителя. Николай I считал возможным «поучать» художников и, в случае несогласия их с его мнениями, делать им

К. П. Брыллоу (1759—1852), Гравюра В. П. Пажалостана с автопортрета 1848 г.

Группа на Александровском мосту. Скульптор П. Ф. Клодт. 1811 г.

формальные выговоры. Едва ли не единственным положительным событием в жизни Академии 30—40-х годов была организация в ней мозаичного отделения, в котором началось возрождение почти совсем забытого искусства мозаики.

Но даже подчинение Академии надзору и руководству царя не могло остановить процесса развития искусства. Из числа ее воспитанников наибольшую славу в 30—40-х годах приобрели, помимо Бруни, Брюллова, Александра Иванова, такие выдающиеся художники, как И. К. Айвазовский, С. К. Заряко (автор множества портретов), знаменитый гравер, крепостной по происхождению — Н. И. Уткин и др. В последние десятилетия существования крепостного права в Академии обучалось немало крепостных художников. Среди них были такие одаренные люди, как академик В. А. Серебряков, миниатюрист И. К. Кондратьев, портретист Д. М. Янов и др. Находились в числе воспитанников Академии и солдатские дети, сыновья конюхов, сторожей, придворных певчих и т. п. Некоторые из них достигли значительной известности, например Семен Щедрин, академик Д. П. Мартынов, пейзажист Ф. Г. Солнцев и др.

В скульптуре во второй четверти XIX в. реалистические тенденции развивались медленно; в этой отрасли изобразительного искусства академические тенденции были очень сильны. Попытки ученика Б. Орловского, Н. А. Рамазанова, ввести в свои работы живую жизнь (например «Фавн с козленком») слишком робки и не позволяли говорить о новом слове в искусстве. Более значительными были работы П. К. Клодта. Из них прежде всего следует назвать фигуры коней на Анничковом мосту. Они динамичны и выразительно контрастируют со спокойными фигурами удерживающих их юношей. Большой удачей Клодта является памятник И. А. Крылову, поставленный в Летнем саду. Простота этого памятника хорошо гармонирует с творчеством Крылова.

Одними из первых скульптур на национальную русскую тему явились одновременно изваянные Н. С. Пименовым «Парень, играющий в бабки» и А. В. Логановским «Парень, играющий в свайку». Когда в 1836 г. обе скульптуры были выставлены, Пушкин написал на них известные четверостишия: «Юноша трижды шагнул...» и «Юноша полный красы...». Пушкин приветствовал в обеих скульптурах элементы жизненной правды, заключенные в них.

Деятельность одного из крупных скульпторов 30—40-х годов И. П. Витали протекала главным образом в Москве, украсившейся несколькими декоративными скульптурами его работы. В конце 30-х годов Витали переехал в Петербург. Здесь он принял участие в работах по скульптуре для Исаакиевского собора и изваял несколько бюстов.

В 30—40-х годах произошли значительные изменения в Эрмитаже. Николай I предпринял постройку нового здания этого музея. В 1852 г. здание нового Эрмитажа было закончено. Оно поражало всех размерами и роскошью отделки.

В новом здании были размещены коллекции, перенесенные из старого Эрмитажа, и значительное количество новых экспонатов. Было куплено за границей

и в России множество картин, часть которых принадлежала кисти мировых мастеров искусства. Среди археологических коллекций, которыми пополнялся Эрмитаж, особую ценность представляют «Древности Восточного Киммерийского», найденные на юге России в 30-х годах XIX в. Был создан и небольшой по размерам Отдел русской живописи, в собирании экспонатов для которого руководители Эрмитажа проявили очень слабую заинтересованность. Мысль о создании музея национального искусства людям, преклоняющимся перед всем, что шло из-за границы, казалась не стоящей внимания. Всем делом приобретения и размещения новых художественных сокровищ Эрмитажа руководил Николай I, поражая лиц, принимавших в организации музея близкое участие, своим невежеством, самоуверенностью и иной раз совершенно нелепыми распоряжениями.

После постройки нового Эрмитажа собранные в нем сокровища искусства впервые за всю историю Эрмитажа стали доступны обозрению не только лиц, близких ко двору. Эрмитаж был официально признан музеем. Но посетители допускались по билетам, выдаваемым Придворной конторой.

* * *

Основным итогом развития русской культуры в первой половине XIX в. явилось укрепление реалистических, глубоко национальных тенденций во всех областях искусства. Особенно ярко это сказалось в литературе. Творчество Пушкина и Гоголя было утверждением реализма в русской художественной литературе. Музыка Глинки определила реалистическое направление в дальнейшем развитии русского музыкального искусства. Щепкин и Мартынов указали путь развития реализма в сценическом искусстве. Творения такого художника, как Федотов, свидетельствовали об утверждении реализма в области изобразительного искусства. Развитие реалистического искусства являлось следствием влияния передовых демократических идей, получавших все большее распространение в среде передовой русской интеллигенции. В той области искусства — в архитектуре, которая продолжала оставаться под контролем и непосредственным влиянием самодержавного правительства, в конце первой половины XIX в. наблюдались другие явления: эклектизм, отказ от традиций русской классической архитектуры. Развитие передовой русской культуры складывалось в борьбе с интересами правящих классов самодержавной России. Оно питалось чаяниями и надеждами широких народных масс.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА В ПЕТЕРБУРГЕ ОТ КОНЦА XVIII в. ДО 1861 г.

Несмотря на гонения, которым подвергались лучшие представители русской культуры со стороны самодержавия, несмотря на цензурный террор, усиленное покровительство правительства старому отжившему искусству, к середине XIX в. в области литературы, и театра, и изобразительного искусства в основном утвердилось глубоко прогрессивное, отражавшее рост национального самосознания, реалистическое направление.

Та же борьба нового со старым, реакционным характеризовала развитие просвещения и науки. Школа, начиная с низшей и до высшего учебного заведения, находилась в руках правительства или особенно строго контролировалась им. Передовая и даже умеренно-либеральная общественная наука изгонялась из стен университетов и Академии Наук; передовые идеи в области общественных наук развивались главным образом за пределами научных учреждений страны. Поэтому в области просвещения и общественных наук правительство не без успеха могло насаждать реакционную идеологию, но и здесь оно не смогло до конца устранить прогрессивные явления. В области естественно-технических наук, несмотря на глубоко реакционную политику правительства, университеты и учреждения Академии Наук стали крупными центрами научного творчества. Экономическое развитие страны — рост парового транспорта, переход к машинной индустрии, — всеенные потребности страны толкали вперед развитие научно-технической мысли. Этому прогресса не могли остановить ни преследования

передовых материалистических идей, ни неверие правящих кругов в творческую мысль русских ученых и изобретателей.

Несмотря на некоторые колебания правительственной политики в отношении просвещения, которые наблюдались в первой половине XIX в., сущность ее оставалась одна и та же. Самодержавное правительство всегда стремилось использовать школу как средство упрочения дворянско-крепостнического строя, как средство борьбы против передовых революционных идей, носителями которых были дворянские революционеры на первом этапе и революционеры-разночинцы на втором этапе развития революционного движения в России. Другими словами, правительство стремилось использовать школу как средство укрепления крепостнического базиса общественной жизни, разлагавшегося в условиях развивавшихся буржуазных отношений. Однако, несмотря на реакционную политику царского правительства, несмотря на бдительный надзор за просвещением со стороны реакционных чиновников от просвещения, петербургские учебные заведения имели большое культурно-просветительное значение. Из их стен выходили крупные ученые, литераторы, педагоги, врачи, инженеры и другие специалисты. Прогрессивно мыслящие профессора высших учебных заведений, учителя средних и низших школ в тяжелых условиях постоянного надзора со стороны реакционного начальства умели доводить до учащихся подлинные научные знания, одухотворенные передовыми идеями.

В самом начале XIX в. общеобразовательные школы, находившиеся в ведомстве Министерства народного просвещения, учрежденного 8 сентября 1802 г., были устроены согласно школьному уставу 1786 г. В Петербурге в 1803 г. было 12 малых народных училищ, одно главное народное училище русское, другое главное народное училище немецкое (при церкви Петра). Кроме того, в столице насчитывалось 28 частных пансионов и училищ.¹ С изданием школьного устава 1804 г. школьное дело в России перестраивается — создается новая система взаимно связанных между собою образовательных школ: приходские училища в приходах с одногодичным сроком обучения, уездные училища в уездных городах с двухгодичным сроком обучения, гимназии в губернских городах со сроком обучения в 4 года и, наконец, университет — один на учебный округ. Учебные программы были построены так, что ученик, чтобы поступить в гимназию, а из нее в университет, должен был пройти сначала курс приходского и уездного училищ. Школа объявлялась всесословной. Провозглашенные уставом 1804 г. принципы единой школы имели чисто показной характер, были лишь игрой в либерализм. С самого начала они нарушались правительством. Так, вопреки лицемерно провозглашенному принципу всесословной школы, правительство запретило принимать в гимназии детей крепостных, а для детей свободных податных сословий (кунцов,

¹ А. В о р о н о в. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно, ч. I. СПб., 1849, стр. 53.

мещан, ремесленников) поступление в университет и гимназии затруднялось необходимостью представлять увольнительные свидетельства от общества, к которому они были приписаны. Фактически общеобразовательные учебные заведения в высшем и среднем звене оставались дворянскими. Кроме того, правительство создало большое число чисто сословных учебных заведений, предназначенных для дворянских детей. Многие из них находились в Петербурге.

В соответствии с уставом 1804 г. три малых народных училища Петербурга были реорганизованы в уездные училища, а остальные — в приходские. Царское правительство не заботилось о расширении сети низших школ, предназначенных для народа. Открытые позднее два уездных училища и пять приходских просуществовали недолго. К концу 1828 г. столица имела попрежнему три уездных училища и 10 приходских. В 1805 г. было реорганизовано также и петербургское Главное училище в четырехклассную Гимназию. При Гимназии был учрежден пансион, в котором основную группу воспитанников составили ученики упраздненной в 1805 г. академической Гимназии.

В первые же годы существования Гимназии правительство, в нарушение устава 1804 г., изменяет ее учебный план в худшую сторону. По инициативе попечителя Петербургского учебного округа Уварова из гимназического курса исключались политические и философские науки (кроме логики), а также эстетика и коммерческие науки. Вместе с тем было положено преподавать закон божий — предмет, не включенный совсем в гимназический курс уставом 1804 г., — и классические языки, причем преподавание классических языков признавалось одним из «главных способов образования». Огромную часть времени и сил учащихся должны были тратить на изучение мертвых языков — греческого и латинского — в ущерб другим наукам. Изменение учебного плана столичной гимназии показывает, как мало правительство считалось с широковежательными фразами устава 1804 г.; мертвые языки заменили общественные науки, опасные для крепостников тем, что они направляли внимание учащихся к вопросам современности. Этот учебный план позднее, в 1819 г., был распространен на все гимназии страны.

В угоду дворянству в петербургской Гимназии с 1817 г. вводится пятилетний курс обучения (1 год отводился на изучение права) с тем, чтобы выпускники Гимназии наравне с окончившими Университет могли поступать на государственную службу.

Последнее обстоятельство привело к значительному повышению числа учащихся, так как дворяне предпочитали Гимназию Университету. В 1822 г. в старших классах число учеников поднялось до 150 человек, тогда как в Университете в 1823 г. было 25 вольноприходящих студентов. С целью устранения такого несоответствия в 1823 г. Гимназия была вновь превращена в 4-годичную — в заведение, подготовительное к Университету. Вместе с тем на Гимназию возлагалась подготовка учителей для уездных и приходских училищ. Для этого при Гимназии содержалось 60 воспитанников на счет казны. Опытные педагоги — М. М. Тимашев,

А. Г. Сбодовский, Ф. И. Буссе, К. Ф. Свенске и др. — сумели поставить преподавание в Гимназии на высокий уровень. Из учеников Гимназии можно указать известных ученых: С. С. Куторгу, М. С. Куторгу, П. Д. Калмыкова, замечательного преподавателя латинского языка Г. И. Ланшина и многих других.

Стремясь к расширению сети специальных дворянских учебных заведений, правительство превращает в 1822 г. пансион, существовавший при Гимназии, в самостоятельное Высшее училище с 8-летним курсом обучения, имевшее целью подготовку чиновников для гражданской службы. Высшее училище было привилегированным сословным учебным заведением, приравненным к Университету, и в глазах дворянства пользовалось большим авторитетом. В отличие от Университета сюда принимались исключительно дворяне.

По мере преобразования низших и средних учебных заведений остро вставал вопрос о подготовке учителей.

Помимо Гимназии, учителей готовили и другие учебные заведения. Прекратившая в 1801 г. свое существование петербургская Учительская семинария в 1803 г. была возрождена под именем Учительской гимназии. Последняя в 1804 г. преобразуется в Педагогический институт. Круг преподаваемых предметов в Институте был чрезвычайно обширен. Студенты изучали математику, физику, химию, языки (латинский, немецкий, французский), всеобщую и русскую историю, политическую экономию, естественную историю, философские науки, сельское домоводство, а также рисование и черчение. Курс обучения длился 3 года. На последнем курсе преподавалась еще педагогика. Институт играл важную роль в подготовке педагогов для гимназий. С 1804 по 1816 г. число окончивших Институт достигло 300 человек. В 1808 г. 12 студентов Института были отправлены для продолжения образования на 3 года за границу. Среди них были А. И. Кунцын, А. И. Галич, И. К. Кайданов, Д. С. Чижов, М. Г. Плисов и другие, занявшие по возвращении места профессоров в Педагогическом институте, а позднее в Царскосельском лицее и в Университете.

В 1816 г. Педагогический институт был превращен в Главный педагогический институт. При Институте было учреждено более 20 кафедр. Число казенных студентов, набираемых большей частью из духовных семинарий, было установлено в 100 человек. Количество учащихся возросло с открытием в 1817 г. второго разряда Главного педагогического института, готовившего учителей для приходских и уездных училищ.

В 1817 г. при Институте открывается благородный пансион, курс обучения в котором соответствовал курсу Царскосельского лицея. Это было сословное дворянское учебное заведение. Окончившие его сыновья дворян получали равные права с выпускниками Университета. Среди окончивших пансион были гениальный русский композитор М. И. Глинка, литераторы А. Н. Струговщиков и И. И. Панаев. Некоторое время лекции по русской литературе в пансионе читал декабрист В. К. Кюхельбекер.

В 1819 г. произошло преобразование Главного педагогического института в Петербургский университет. Курс преподаваемых в Институте предметов был сохранен и в учебном плане Университета. Все профессора и студенты Института перешли в Университет. Сохранилось также и деление на 3 факультета: философско-юридический, физико-математический и историко-филологический. В отличие от Института срок обучения в Университете устанавливался в 3 года, а к слушанию лекций допускались и своекоштные студенты. На Университет возлагалось управление Петербургским учебным округом. Существовавший при Институте благородный пансион оставлен и при Университете, а второй разряд Главного педагогического института отделен от Университета как особый Учительский институт. Управление Университетом сосредоточивалось в руках директора (хозяйственная и административная часть) и «конференции» профессоров во главе с ректором¹ (учебная часть). Впоследствии «конференция» была заменена Советом Университета, который ведал как ученой, так и хозяйственной частью Университета и всего учебного округа.

Наиболее видными профессорами Университета были А. П. Куницын, который читал естественное право и общую теорию права, М. А. Балугьянский — энциклопедию политических и юридических наук и политическую экономию, Э. Раулах, преподававший древнюю историю, Т. О. Рогов, читавший курс всеобщей истории, К. И. Арсеньев — географию и статистику, Е. Ф. Зябловский — географию, Д. С. Чижов, занимавший кафедру чистой и прикладной математики. Все это были известные представители либеральной науки того времени. Но задвленная аракчеевским, а затем николаевским режимом передовая демократическая общественная наука не могла укрепиться в Университете.

Первоначально основную часть студентов Университета составляли учащиеся Главного педагогического института, т. е. казеннокоштные. Своёкоштных же студентов явилось к открытию первого курса (с ноября 1819 г.) не более 20 человек. Число их мало возросло и в последующие годы. Так, в 1822 г. своёкоштных студентов считалось на всех факультетах 27 человек. Такое малое число своёкоштных студентов можно объяснить тем, что петербургское дворянство и чиновничество не хотело обучать своих детей в «бессловном» Университете, а предпочитало привилегированные дворянские учебные заведения: благородные пансионы, Высшее училище, Царскоевский лицей и др.

Первые годы существования вновь основанного Университета совпали с временем крайней реакции в стране. Ярким проводником реакционного курса в области просвещения явился назначенный в 1816 г. министром народного просвещения обер-прокурор святейшего Синода, реакционер князь А. Н. Голицын. Преобразование Министерства народного просвещения в Министерство духовных дел и народного просвещения было внешним выражением проводимого курса.

¹ Первым ректором был избран М. А. Балугьянский.

Голицынский министр стремился изгнать из преподавания «гибельный материализм» и «философское вольномыслие» и предписывало в основу всех наук власть священное писание, а в основу естественных наук — библейское учение о сотворении мира богом в семь дней. Для установления «спасительного согласия между верою, ведением и властью» было введено в 1819 г. новое расписание учебных предметов для уездных и приходских училищ. Из курса уездных училищ исключались естественная история и начальные правила технологии и сокращались курсы географии и истории. Зато увеличивалось число часов, даваемое на изучение катехизиса. Программа приходских училищ не была изменена, однако было предписано, чтобы при обучении чтению употреблялись тексты из священного писания. Во всех школах каждое утро приказывалось уделять полчаса на чтение из Нового завета.

Изменения в учебных планах имели ярко выраженный реакционный характер. В 1819 г. было отменено также бесплатное обучение во всех школах, установленное уставом 1804 г. Правительство подавляло всякую общественную инициативу в деле просвещения.

В передовых кругах дворянства находили сочувствие так называемые школы взаимного обучения, в которых к преподаванию привлекались наиболее развитые и успевающие ученики. В частности, за организацию этих школ ратовали декабристы. Еще в 1818 г. члены Союза благоденствия Ф. П. Толстой и Ф. Н. Глинка основали Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения. Позднее в состав Общества вошли С. П. Трубедкой, И. Г. Бурцев, Н. М. Муравьев, В. К. Кюхельбекер и другие декабристы. Декабристы пытались включить школы взаимного обучения в общую систему своей пропаганды, использовать их как легальную возможность для разрешения ряда практических мероприятий тайного общества. Вольное общество, руководимое декабристами, проводило свою деятельность главным образом в Петербурге. В Общество вступило более 100 членов, оно собрало свыше 18 тыс. руб. В 1818 г. Общество открыло в Коломенской части Петербурга бесплатное училище на 250 человек, в котором за 4 года обучалось грамоте 815 детей.

К 1820 г. в Петербурге Вольное общество учредило уже три училища: первое — в Воспитательном доме на 100 мальчиков и девочек, второе — для сиротских детей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков на 70 человек, третье — при Гатчинском воспитательном доме на 180 мальчиков и 180 девочек. Помимо этих училищ для детей, Вольное общество в 1818 г. организовало центральную школу для обучения грамоте солдат гвардейского корпуса. Начальником этой школы стал член Союза благоденствия И. Г. Бурцев. Кроме того, школы были открыты в Преображенском, Московском, Кавалергардском и Егерском полках — в последнем школой заведовал декабрист А. Б. Семенов. Предполагалось открыть также школу в Семеновском полку. Школы взаимного обучения Общество пыталось использовать в целях пропаганды революционных идей. Посредством таблиц,

издаваемых Обществом, декабристы стремились дать новое содержание педагогическому процессу. В таблицы, которые применялись при обучении грамоте, были включены такие слова, как «свобода», «воля», «раба», «цепки», «ярмо», «гнев», «союз», «герой», «мятеж», «депутат», «бичевать», «гражданин», «крепостной», «свободо-мыслящие», «отвага» и т. п.

Такое направление деятельности школ взаимного обучения, учреждаемых Вольным обществом, не могло быть не замеченным со стороны правительства.

Осенью 1820 г. в связи с восстанием в Семеновском полку Александр I предлагал обратить особое внимание на Вольное общество и на тех солдат, которые обучались в его школах. Таким образом, правительство ставило в связь школы взаимного обучения со стихийным возмущением солдат одного из столичных полков. Специально созданный Комитет произвел расследование и пришел к выводу, что школы взаимного обучения утверждают учащихся «в привычках республиканских», так как в них «равные всегда управляются равными», следовательно, воспитание противоречит монархическому принципу. В январе 1821 г. Комитет вынес решение о закрытии Вольного общества. Тогда же были изъяты из употребления и таблицы, выпущенные Обществом. Отныне Вольному обществу запрещалось издавать учебные пособия для школ взаимного обучения. В 1822 г. Вольное общество прекратило свою деятельность; школы, основанные Обществом, были также вскоре закрыты. Попытки декабристов использовать школу для революционной пропаганды, внести в педагогический процесс новое содержание были опасны для существующего строя. Царизм подавил их в самом начале.

Применение метода взаимного обучения в обычных школах постепенно ограничивалось. В 1822 г. было разрешено применять его только в приходских училищах, а позднее лишь в тех классах, где было более 100 учеников.

В отношении высшей школы проводилась та же реакционная политика. Для противодействия опасному духу философских и политических наук в 1819 г. предписано было открыть в университетах кафедры богословия, причем эти уроки «богопознания» были обязательны для всех студентов.

По примеру М. Л. Магницкого, разгромившего Казанский университет, Д. П. Рунич, исправлявший должность попечителя С.-Петербургского учебного округа, повел наступление на Петербургский университет. В 1820 г. за «вольномыслие» из Университета был уволен профессор Куницын. В следующем году Рунич возбудил не менее позорное преследование против либеральных профессоров университета Гофмана, Арсеньева, Раушаха и Галича.

Позднее были уволены и те профессора, которые выступали против Д. П. Рунича: ректор Университета М. А. Балугьянский, профессора М. Г. Плисов, Деманж и Шармуа. Рунич добился также распространения действия инструкции Магницкого, составленной последним для Казанского университета, и на Петербургский университет. Учительский институт, работавший при Университете, был закрыт.

Увольнение группы профессоров нанесло тяжелый удар университетскому образованию. Число университетских преподавателей в 1824—1825 гг. не превышало 31, из которых только половина состояла из лиц, уцелевших от университетского разгрома. Количество студентов было ничтожно. За 6 выпусков (с 1823 по 1828 г.) из Университета вышло с учеными степенями кандидатов 38, а действительных студентов 36, всего 74 человека.

После подавления восстания декабристов реакционный курс правительства в области образования усилился. Правительство систематически стремилось ограничить распространение знаний в народе.

Рескриптом Николая I от 19 августа 1827 г. категорически запрещалось принимать крепостных в средние и высшие учебные заведения. Тем же рескриптом предписывалось, чтобы уровень образования, даваемого школой, соответствовал социальному состоянию учащегося, в котором «по обыкновенному течению дел ему суждено оставаться», как выражается царский рескрипт,¹ т. е. образование должно быть сословным. Определяя уровень образования для детей каждого сословия, самодержавие стремилось укрепить сословные различия, упрочить господство дворянства в стране.

Проводником этой откровенно феодально-сословной политики по отношению к школе явился николаевский министр народного просвещения адмирал А. С. Шишков. «Науки, — говорил он, — полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет... Обучать грамоте весь народ или несообразное числу оного количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы». Школу Шишков считал одним из средств «потушения того зла, которое хотя и не носит у нас имени карбонарства, но есть точно оно, и уже крепко разными средствами усилилось и распространилось»,² — иначе говоря, школа должна быть средством борьбы с революцией, средством упрочения самодержавно-крепостнического строя в России. Народное образование должно, по мнению Шихова, быть «национальным и православным». Эти положения нашли свое окончательное развитие в реакционной теории «официальной народности», основоположником которой был другой реакционный министр народного просвещения николаевского времени гр. С. С. Уваров. Охранительные начала «православия, самодержавия и народности», на которых, по мнению Уварова, должна была строиться вся система просвещения, основывались на тех же ложных утверждениях, что и положения Шихова о «национальном» и православном образовании, а именно, что русский народ по природе своей религиозен, всегда верен самодержавию и не протестует против крепостного права.

¹ ПСЗ, Собрание 2-е, т. II, № 1368.

² С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902, стр. 166—167.

Эти реакционные установки в области просвещения нашли свое отражение в школьном уставе 1828 г. В первом параграфе устава подчеркивается сословный характер школы. Учебные заведения — сказано здесь — должны «доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний».

В соответствии с этим каждая ступень общеобразовательной школы приурочивалась к определенному сословию: одногодичные приходские училища для людей «самых нижних состояний» — крестьян и бедных горожан, трехгодичные уездные — для «купцов, ремесленников и других городских обывателей», гимназии с семилетним курсом обучения — для «дворян и чиновников». Последовательность учебных планов всех трех ступеней, проведенная уставом 1804 г., в уставе 1828 г. уничтожалась. Для поступления в гимназию ученик теперь не обязан был проходить курс уездного училища. Каждая ступень давала законченный круг знаний, необходимый, по мнению правительства, для того сословия, для которого данная ступень предназначалась. Приходское училище давало лишь первоначальные знания. Здесь проходились закон божий, чтение, письмо и арифметика. Как мало стремилось правительство распространить просвещение в народе, показывает тот факт, что для содержания приходских училищ государство не отпускало никаких средств. Они существовали за счет городских и сельских обществ и частной благотворительности. Из числа предметов уездного училища, положенных уставом 1804 г., были исключены введенные еще Екатериной II чтения «должности человека и гражданина», а также предметы: физика, естественная история и технология; другие предметы оставлены в сокращенном виде. В учебном плане гимназии главное внимание уделялось изучению древних языков и математики. Много времени отводилось на преподавание закона божьего и священной истории. В учебных заведениях увеличивался штат надзирателей, вводились физические наказания.

Преобразование петербургских школ по уставу 1828 г. коснулось главным образом гимназий и уездных училищ. Число приходских училищ в столице за вторую четверть XIX в. не возросло — в начале 50-х годов их было попрежнему 10. Они находились в плачевном материальном состоянии, так как Городская дума, не проявлявшая никакого внимания к просвещению детей трудового народа, отпускала на их содержание ничтожные средства. О нормальном ходе обучения едва ли возможно говорить, так как в отдельных классах приходских училищ было свыше 100 учеников. Значительно больше внимания правительство уделяло уездным училищам, предназначенным для обучения детей купцов, промышленников и богатых мещан. В 1828 г. уездных училищ в Петербурге было 3, а к середине века — 7. Расширяя сеть уездных училищ в столице, правительство в известной мере шло навстречу интересам нарождающейся русской буржуазии.

Но основной заботой правительства было образование дворянства — господствующего класса крепостнического государства, — воспитание его в духе нерушимости устоев самодержавной власти. В Петербурге открывается значительное

число учебных заведений, где обучались главным образом дети дворян и чиновников. К таким заведениям принадлежали, прежде всего, гимназии.

В 1831 г. было произведено, согласно уставу 1828 г., преобразование Петербургской 4-классной гимназии в 7-классную. Она получила название 3-й гимназии, так как в том же 1831 г. было открыто еще две гимназии: первая — образованная из благородного пансиона при Университете, вторая — из Высшего училища. Но трех гимназий оказалось недостаточно. В 1836 г. в Васильевской части была открыта 4-я гимназия (Ларинская), а в 1845 г. — 5-я гимназия, находившаяся в Коломенской части. Число учащихся в гимназиях значительно возросло. В 1829 г. в гимназиях училось 312 учеников, а в 1853 г. — 1426.¹ Однако число учеников, оканчивающих гимназии, было невелико. С 1827 по 1852 г. из петербургских гимназий было выпущено только 919 человек.² Основная масса учащихся сосредоточивалась в младших классах гимназий. В целях облегчения образования дворянских детей при гимназиях открывались пансионы. Воспитанники пансионов обучались в гимназиях вместе с другими приходящими учениками, но жили не дома, а в пансионах и вне класса находились под наблюдением воспитателей. В пансионы при 1-й, 2-й и 3-й гимназиях принимались только дворяне и лишь в пансион при 4-й гимназии разрешалось принимать и детей купцов. При 5-й гимназии пансиона не было, здесь все ученики были приходящими. Общее число воспитанников гимназических пансионов составляло примерно половину всех учащихся в гимназиях.

В 40-х годах производятся дальнейшие изменения учебного плана гимназий в сторону усиления религиозного воспитания. Из плана гимназий исключены статистика, логика и сокращены математические науки, зато усилено преподавание закона божьего. В 1849 г. в связи с тем, что значительная часть дворян, оканчивающая гимназии, не хотела поступать в Университет, а шла на службу, гимназический курс был разделен на 2 отделения: 1-е готовило слушателей для Университета, 2-е — для службы гражданской и военной. Специальные предметы начинались с 4-го класса: для 1-го отделения латинский и греческий языки, для 2-го — русское законоведение. Такое распределение курса существовало недолго. В 1852 г. в четырех гимназиях Петербурга вместо греческого языка было введено преподавание законоведения и естественной истории. Греческий язык преподавался только в 3-й гимназии, на него отводился 41 процент учебного времени. Окончившие 3-ю гимназию считались подготовленными для поступления на филологический факультет Университета.

Не менее реакционная политика правительством Николая I проводилась и в отношении Университета. В 30—40-е годы Петербургский университет зна-

¹ А. В о р о н о в. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г., ч. II, СПб., 1854, стр. 116—117.

² Там же, стр. 119.

Нева и пристань у Академии художеств. Литография 40-х годов XIX в.

чительно расширился, количество студентов в 40-х годах достигало 500 и даже 700 человек. Однако николаевский полицейский надзор за университетским преподаванием, установление почти казарменного режима для студентов пагубно отражались на научной и учебной деятельности Университета. Уровень научной подготовки снизился. В 1833—1834 гг. было приостановлено преподавание философии права. В 1834 г. издана инструкция по надзору за студентами, вменявшая в обязанность инспектору производить внезапные посещения квартир студентов, делать у них обыски и т. д. В 1835 г. издан реакционный университетский устав, ограничивший права Университета. По этому уставу Университет превращался из учебно-научного учреждения только в учебное. Для усиления правительственного надзора Университет был подчинен непосредственно попечителю, к которому перешло также управление Учебным округом. Министр народного просвещения мог по новому уставу назначать профессоров по своему усмотрению. Курс обучения устанавливался в 4 года.

В соответствии с новым уставом устройство Петербургского университета было изменено. Вместо прежних трех факультетов образовано два: философский и юридический. Философский факультет делился на два отделения. На первом отделении преподавались: философские науки, словесность, литература, история, политическая экономия и др.; на втором — математика, химия, физика, ботаника,

зоология и др. На юридическом факультете вводилось изучение существующего законодательства с целью подготовки юристов-чиновников.

Независимо от факультета были учреждены кафедры богословия, церковной истории и церковного законодательства, причем эти предметы, как отмечалось выше, были обязательными для всех студентов. Этим правительством стремилось воздействовать на умы учащейся молодежи в нужном ему направлении. Общими для всех факультетов предметами были языки (немецкий, французский, английский и итальянский).

В начале 40-х годов отделения философского факультета были преобразованы в самостоятельные факультеты — в историко-филологический (разряд общей словесности и словесности восточной) и физико-математический (разряд математических наук и естественных). В 1854 г. выделяется восточный факультет, что явилось основой превращения Петербурга в крупнейший центр востоковедения. Но характер преподавания на восточном факультете определялся общими колониальными интересами российского самодержавия. Однако, несмотря на это, на восточном факультете был создан ряд ценных работ в области восточной филологии. Самым многочисленным был юридический факультет; в 1854 г. из общего числа 385 студентов на юридическом было 244, на физико-математическом 85, на историко-филологическом 55.¹ Дворяне и чиновники, готовясь к государственной службе, предпочитали юридический факультет, на остальных двух заметную прослойку составляли разночинцы.

В середине 40-х годов из 500 студентов 300 были дворяне,² а в 1858 г. из 385 студентов дворян и чиновников насчитывалось 306 человек.³ Правительство, повышая плату за обучение (в 1845 и 1848 гг.), стремилось оградить Университет от поступления детей несостоятельных родителей. Характерно, что освобождать от платы студентов не дворян строго запрещалось. Однако, несмотря на это, молодые люди, лишённые средств, иногда из далекой провинции тянулись в Петербург и поступали в Университет. Годы учения для них были годами полуголодного существования за счет случайного заработка. Многие не выдерживали борьбу и покидали Университет. Об этом говорит тот факт, что из 2794 человек, поступивших в Университет с 1837 по 1853 г., 1502 человека выбыло, не окончив университетского курса, т. е. оканчивало курс менее половины начавших учение.⁴

Среди профессорско-преподавательского состава Университета в 30—40-х годах работали ученые: юристы К. А. Неволлин и П. Д. Калмыков, историки М. С. Куторга и Н. Г. Устрялов, ориенталисты О. И. Сенковский и В. В. Григорьев, славист И. И. Срезневский, математики В. Я. Бувиновский и П. Л. Че-

¹ А. Воронов, *ун. соч.*, ч. II, стр. 109.

² Ленинградский Государственный университет, Л., 1925, стр. 7.

³ А. Воронов, *ун. соч.*, ч. II, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 50.

бышев, астроном А. Н. Савич, химик А. А. Воскресенский, зоолог С. С. Куторга, ботаник Л. С. Ценковский и др.

Напуганное революционными событиями 1848 г. правительство проводит еще ряд реакционных мероприятий в отношении университетов. Было установлено, что в каждом университете количество своекоштных студентов не должно превышать 300. При наличии большого числа студентов прием новых не разрешался. Совет университета лишался права избирать ректора, который теперь назначался правительством. Ограничены были права факультетов в избрании деканов. В конце 1849 г. в университете было приостановлено преподавание государственного права. Кафедра философии уничтожена, из философских наук оставались лишь логика и психология, преподавание которых поручалось профессорам богословия. Изданная в начале 1851 г. инструкция предписывала ректору и деканам «усилить надзор за университетским образованием». Все эти мероприятия имели следствием резкое сокращение числа студентов и снижение уровня научной деятельности университета.

Небольшое число петербургских казенных общеобразовательных школ всех разрядов — приходских, уездных и гимназий — было, безусловно, недостаточно для такого большого города, как Петербург, с сотнями тысяч населения. Это обстоятельство породило практику частных школ и пансионов. В 1808 г. частных учебных заведений в Петербурге было 28, в 1820 г. — 45, в 1828 г. — 62,¹ а в 1852 г. — уже 149 (4720 учащихся).² Количественно частные учебные заведения, а иногда и по числу учащихся превосходили казенные учебные заведения. Содержатели этих учебных заведений — чаще всего иностранцы — смотрели на открываемые ими школы, как на доходные предприятия. Зачастую они не обладали каким-либо педагогическим образованием и не могли, конечно, организовать правильный педагогический процесс.

Хотя Министерство народного просвещения и требовало, чтобы программы частных школ и пансионов соответствовали программам казенных учебных заведений, фактически это не выполнялось. Программы частных учебных заведений приспособлялись к вкусам и потребностям прежде всего дворянства и чиновничества. Так, в пансионах 1-го разряда много уделялось внимания поверхностному изучению западноевропейских языков (особенно французского и немецкого), обучению танцам, музыке, пению, фехтованию, рисованию и т. д. — все это шло в ущерб другим предметам. Увлечение западноевропейскими языками приводило к такому безобразному факту, что русские дети не могли читать русских книг — лишены были возможности приобщиться к великой русской культуре. Потребовалось издание особого закона (1811 г.), чтобы в частных пансионах преподавание велось на русском языке. Даже министр народного просвещения в докладе

¹ Там же, ч. I, стр. 153.

² Там же, ч. II, стр. 243—244.

парю писал о том, что в России «далеко простерло корни свои воспитание, иноземцами сообщаемое». Но «не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чуждой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из россиянина образуют иностранца». Воспитанники таких пансионов «и мыслят и говорят по-иноземному; между тем не могут несколько слов правильно сказать на языке отечественном».¹

Домашнее обучение детей чтению и письму на русском и иностранном языках и арифметике было обычным явлением в богатых дворянских и чиновничьих семьях. Домашние учителя по положению 1834 г. делились на домашних наставников (кончавших университет) и домашних учителей (сдавших спредельные испытания). Учителей этих двух категорий в Петербурге в 1853 г. было 171 человек.² Для установления надзора за образованием на дому правительство обязывало учителей в конце года отчитываться о своих занятиях. В это число не входило большое количество учителей, занимавшихся в частных домах первоначальным обучением.

Значительное число учащихся обучалось в школах при церквях иностранных вероисповеданий. В этих школах преподавание велось на немецком языке и господствовал дух заскорузлого немецкого национализма. Примерно четвертую часть учащихся там составляли русские.

Для обучения детей духовенства в Петербурге существовали два приходских училища — Спасо-Сениновское и Петропавловское с 2-годичным курсом обучения, и одно уездное — Александро-Невское с 4-годичным курсом, одна семинария и Духовная академия. Во всех ступенях духовной школы главное внимание уделялось богословским наукам, церковной истории, а в семинарии и Духовной академии также изучению древних языков: латинского, греческого и древнееврейского. Духовная школа сыграла известную роль в просвещении. Значительная часть семинаристов и студентов Духовной академии, не удовлетворенная богословскими науками, покидала эти учебные заведения и переходила в светские (в Педагогический институт, Университет, Медико-хирургическую академию), т. е. пополняла ряды разночинной интеллигенции.

Описанные общеобразовательные учебные заведения Петербурга всех разрядов, казенные и частные, предназначались главным образом для обучения детей состоятельных жителей города: дворян, чиновников, купцов, богатых мещан, зажиточных разночинцев и духовенства. Для городских трудящихся масс были доступны лишь приходские училища. Но их было явно недостаточно, чтобы охватить обучением всех детей многотысячного трудового населения столицы. Большая часть детей бедноты оставалась вне школы. Дети рабочих казенных за-

¹ ПСЗ, т. XXXI, № 24547.

² А. Воронков, ук. соч., ч. II, стр. 250.

водов и фабрик иногда обучались грамоте в школах, устраиваемых администрацией предприятий. Известны школы при кирпичных казенных заводах,¹ чугунолитейном заводе, при стеклянном и фарфоровом заводах, шпалерной мануфактуре, при мастеровом дворе Гофинтендантского управления, при почтамте и т. д. Обучение грамоте производилось на Александровской мануфактуре. Особые классы открывались при приютах, где дети-сироты обучались грамоте и ремеслам. Во всех этих школах курс обучения ограничивался начальными знаниями в чтении, письме и счете. Вопреки усилиям правительства всячески препятствовать просвещению народных масс, развитие производства выдвигало необходимость подготовки грамотного рабочего, способного управлять машинами.

Хотя николаевское правительство стремилось приурочить каждый разряд общеобразовательной школы к определенному сословию, однако строго провести этот принцип не удавалось. Даже гимназии по составу учащихся не были чисто дворянскими. Дворянские дети из менее состоятельных семей обучались также в приходских и уездных училищах, совсем для них не предназначенных. Например, в 1853 г. дворяне составляли в городских приходских училищах Петербургской губернии 9% общего числа учеников, в уездных 25%, в гимназиях 80%, а в частных пансионах Петербурга 50%.² Купцы, промышленники, богатые мещане, разночинцы, имевшие достаточно средств, чтобы оплатить обучение, не ограничивались уездными училищами, но отдавали своих детей также в гимназии и пансионы. В этом факте отражался процесс разложения сословий в связи с разложением крепостнической системы. Нарождающаяся русская буржуазия тянулась к образованию.

Самодержавное правительство, стремясь обеспечить господствующее положение дворянства в важнейших частях государственного управления и в армии, открывает в первой половине XIX в. ряд специальных, строго сословных дворянских учебных заведений, готовивших чиновников для важнейших правительственных учреждений и офицерский состав для армии и флота. Подготовка чиновничества и офицерства из дворян — классовой опоры царизма, была одним из средств укрепления самодержавно-крепостнического государства. В Петербурге строго сословными, дворянскими учебными заведениями были Лицей, Училище правоведения, кадетские корпуса, Инженерное училище и другие учебные заведения.

Царскосельский лицей, неразрывно связанный с именем А. С. Пушкина, был открыт 19 октября 1811 г. По уставу в Лицей принимались только дети дворян. Задачей Лицея, по определению устава, являлось «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». В соответствии с этим строился и учебный план, в котором особое внимание уделялось

¹ ЦГИАЛ, ф. 817, № 47.

² А. В о р о н о в, ук. соч., ч. II, стр. 226, 191, 285, 246.

политическим наукам, истории и языкам. Лицей не имел узко практической специальности — здесь давалось широкое общее гуманитарное образование, близкое к уровню филологического и юридического факультетов Университета. По правам и преимуществам Лицей уравнивался с Университетом, но был строго закрытым учебным заведением, воспитанники которого даже на летние каникулы не отпускались к родителям.

В качестве преподавателей во вновь открытый Лицей был приглашен ряд талантливых профессоров. Среди них особенно замечательным педагогом являлся А. П. Куницын. Его лекции имели огромное влияние на учащихся, что отмечено в одном из стихотворений Пушкина.

В первые годы своего существования Лицей много дал своим воспитанникам, оставив большой след в их жизни. Увлечение литературой было всеобщим. Расцветающий гений Пушкина придавал всей жизни Лицея пафос поэзии. Свободолюбивые традиции, связанные с именем великого поэта и декабристов Кюхельбекера и Пущина, долго жили в стенах Лицея и немало беспокоили правительство. Но реакционная политика в просвещении, проводимая Голицыным, коснулась и Лицея. В 1820 г. ушел Куницын. Министерство усилило надзор за преподаванием. Для искоренения всякого либерализма в 1822 г. Лицей был передан в ведомство военноучебных заведений, которым в 30-х годах управлял брат царя Михаил, ярый реакционер и солдафон. Казарменный дух полувоенного интерната сменил аристократическое приволье, домашний уют и комфорт пушкинского Лицея. Индивидуальные комнаты сменились общими дортуарами, ухудшилось питание, вводился мелочный надзор за ношением формы, выправкой и т. д. Внутреннее состояние Лицея не улучшилось и тогда, когда он в 1843 г. был передан в гражданское ведомство и переведен в Петербург. С 1844 г. Лицей помещался в здании Александровского сиротского дома на Петербургской стороне. Курс Лицея попрежнему был многопредметным, но видимость «широкого образования» создавалась за счет глубины знаний. В «Письмах к тетеньке» М. Е. Салтыков-Щедрин, говоря о лицейском обучении, отмечал, что «никакого фонда знаний не давалось. При одновременном обучении большому числу наук знания приходили коротенькие, бессвязные, почти бессмысленные, они не ассимилировались, а механически зазубривались».¹ Хорошие знания давались лишь по иностранным языкам. Лучшая часть воспитанников Лицея, конечно, не удовлетворялась этим. Они жадно ловили все новые веяния, проникавшие в литературу. «Журналы читались с жадностью, — вспоминает Салтыков-Щедрин, — но в особенности сильно было влияние „Отечественных записок“ и в них критики Белинского и повестей Панаева и Кудрявцева (псевдоним Герцена)».² У воспитанников развивалась любовь к литературе. Конечно, серьезными умственными интересами

¹ С. А. Макаши и Салтыков-Щедрин, т. 1. М., 1949, стр. 119.

² Там же, стр. 121.

жили далеко не все лицензисты. Среди них было немало представителей «золотой молодежи» — сынков аристократов, которые стремились только сделать карьеру.

Несмотря на все недостатки в постановке образования, Лицей был одним из лучших казенных заведений первой половины XIX в. Прогрессивным было уже то, что мертвенное классическое образование, насаждавшееся Уваровым, совсем не пришло здесь. Лицей сыграл важную роль в развитии русского просвещения. Из его стен вышли писатели Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг, Мей, Яхонтов, ученые Яков Грот, Н. Я. Данилевский, К. С. Веселовский. Великий сатирик революционер-демократ М. Е. Салтыков-Щедрин также был воспитанником Лицея. Здесь получил образование М. В. Петрашевский.

По типу Лицея в 1835 г. в Петербурге было открыто еще одно закрытое дворянское учебное заведение, готовившее чиновников «по судейской части», — Училище правоведения. Воспитательная система преследовала одну цель — подготовить чиновников, верных слуг самодержавия. Однако и в это Училище проникали передовые идеи. Лучшая часть учащихся, по словам В. В. Стасова, который учился в Училище правоведения с 1836 до 1843 г., читала с жадностью статьи Белинского.¹ В 1848 г. некоторые учащиеся выражали симпатии Петрашевскому и порицали жестокость царя. Правительство ответило репрессиями — виновные были отданы в солдаты. Для наведения порядка в Училище было положено набирать воспитателей только из военных.

Лицей и Училище правоведения были дворянскими учебными заведениями, готовившими чиновников гражданской службы. Для подготовки дворян к военной службе в столице существовали кадетские корпуса и другие военные училища. Офицерский состав русской армии в первой половине XIX в. был почти полностью дворянским. Соблюдение сословного принципа в подготовке офицерства было одним из средств обеспечения господствующего положения дворянства в стране.

Самым привилегированным училищем считался Пажеский корпус, основанный еще в XVIII в. Правом поступать в Пажеский корпус пользовались сыновья самых высших государственных чиновников и военных (первых четырех классов, а с 1837 г. — первых трех).

В начале XIX в. значительные изменения произошли в устройстве кадетских корпусов. Указом 10 марта 1800 г. Сухопутный шляхетский корпус в Петербурге был переименован в 1-й кадетский корпус, а Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус — во 2-й кадетский корпус. Оба корпуса являлись крупнейшими военно-учебными заведениями России. В 1807 г. в связи с войной при 2-м корпусе был сформирован Дворянский полк, позднее преобразованный в самостоятельное учебное заведение на 1000 человек с программой, соответствующей кадетским корпусам. В 1829 г. в Петербурге учреждается на базе военно-сирот-

¹ В. В. Стасов, Собр. соч., т. III, 1950, стр. 1881.

ского дома еще один кадетский корпус — Павловский — на 500 человек. Высшим военным учебным заведением была Военная академия, открытая в Петербурге в 1832 г.

Из специальных военноучебных заведений в Петербурге находились Главное инженерное училище (1819 г.), Артиллерийское училище (1820 г.) и Морской кадетский корпус, основанный еще в XVIII в. Морской корпус являлся единственным учебным заведением России, где готовились офицеры флота. Корпус давал хорошие знания в математике, в языках и в специальных морских науках. В 1838 г. в корпусе было 575 воспитанников.¹

В 1838 г. во всех военных учебных заведениях столицы обучалось 4854 человека, т. е. в пять раз больше, чем в петербургских гимназиях (904 человека).²

Образование кадет было поверхностным. «Умственное развитие кадет, — вспоминает один из воспитанников 2-го кадетского корпуса, — было весьма ограничено. Учились многому, но мало что вполне усваивали себе». Мертвящий дух николаевской казармы пронизал всю систему образования и воспитания в корпусах. Преданность самодержавной власти, автоматическое подчинение начальству — вот основные качества, которые воспитывались в учащихся.

Говоря об образовании детей господствующего класса, следует указать также на открытие в Петербурге ряда женских учебных заведений. Женское образование в России в первой половине XIX в. шло вне общей системы народного образования. Оно осуществлялось главным образом путем домашнего обучения, а также через частные пансионы. Вместе с тем для девушек-дворянок учреждаются институты благородных девиц, а для девушек недворянского сословия всевозможные приюты и закрытые училища. В Петербурге наряду со Смольным институтом в первой половине XIX в. существовали: училище ордена св. Екатерины (1796 г.) и Патриотический институт (1818 г.), предназначенные исключительно для дворянок, Павловский институт, образованный в 1836 г. из девичьего училища (на 2-е отделение Института принимались дочери мелких чиновников), Маринский и Повивальный институты. Последние два по составу обучающихся не были дворянскими. Сюда принимались мещане, дочери купцов, духовенства и т. д. Для обучения элементарной грамотности дочерей солдат полков лейб-гвардии в 20-х годах открыты были два училища. В 30-х годах в различных районах города существовало 11 низших школ для девочек, учрежденных «Женским патриотическим обществом». Однако число учащихся в них было совершенно ничтожно (в 1838 г. — 366 девиц).³ Умение читать и писать получали воспитанницы приютов, дома трудолюбия и других благотворительных учреждений.

Вся система женского образования была пронизана принципом сословности. В обучении дворянок на первое место выдвигалось знание французского языка.

¹ И. И. Пушкарев. Описание С.-Петербурга, ч. II, СПб., 1839, стр. 178.

² Та и другая цифры высчитаны по «Описанию С.-Петербурга» И. И. Пушкарева, ч. II.

³ И. И. Пушкарев, *уи. соч.*, стр. 299—302.

затем шли танцы и изучение хороших манер. Образование мещанок носило более профессиональный характер. Обучающиеся готовились к поступлению в дворянские дома в качестве прислуги, воспитательниц, учительниц и т. п. Разумеется, девочки из семей трудящегося городского населения лишь редко имели возможность посещать какие-либо школы. Безграмотность среди женщин Петербурга была подавляющей, еще более, чем у мужчин.

Развитие капиталистических отношений в стране выдвигало необходимость подготовки технической интеллигенции. С этой целью в Петербурге в первой половине XIX в. создается ряд новых технических учебных заведений, готовивших специалистов для промышленности, транспорта, строительства, лесного хозяйства и т. д.

Горное училище, основанное еще в XVIII в., в начале XIX в. было переименовано в Горный кадетский корпус. Наряду со специальными дисциплинами в корпусе проходились предметы гимназического курса. В 1833 г. Горный корпус был переименован в Горный институт, а в следующем году Институту была придана военная организация. Горный институт в Петербурге был единственным высшим учебным заведением в России, где готовились специалисты для горной промышленности.

Специалисты для лесного хозяйства обучались в Лесном институте, учрежденном в Петербурге в 1811 г. Курс обучения в Институте в 1829 г. был увеличен с 4 до 6 лет. Тогда же Институт был переведен в пригород — в Лесное. В 1837 г. по примеру других учебных заведений Институт получил военное устройство.

Институт инженеров путей сообщения, имевший целью готовить специалистов по устройству водных и сухопутных путей, был учрежден в 1810 г. В 1849 г. по устройству и распорядкам Институт был превращен в кадетский корпус. Значительное место в его программах занимали военные дисциплины.

Для подготовки специалистов по гражданскому строительству в Петербурге в 1830 г. было открыто Архитектурное училище и в 1832 г. Училище гражданских инженеров (с 4-летним курсом). В 1842 г. оба училища были соединены в одно учебное заведение, названное Строительным училищем. Окончившие курс выпускались архитекторскими помощниками. Позднее училище было переименовано в Институт гражданских инженеров.

Важное значение для развивающейся русской промышленности имел Технологический институт, открытый в 1831 г. Это было высшее техническое учебное заведение, готовившее опытных инженеров для промышленных предприятий. По штату полагалось 210 учащихся. Срок обучения был установлен в 6 лет. Главное внимание уделялось химии, физике, минералогии и технологии. В отличие от Горного института, Лесного института, Института инженеров путей сообщения, имевших военное устройство и по составу учащихся — дворянских, Технологический институт был гражданским учебным заведением, где основную массу учащихся составляли не дворяне. В казеннокоштные воспитанники могли быть

приняты даже дети мещан и купцов 3-й гильдии. Наряду с Технологическим институтом такие учебные заведения Петербурга, как Академия художеств, Медико-хирургическая академия и Педагогический институт, по составу учащихся также не были дворянскими. Сюда поступали главным образом воспитанники духовных семинарий, т. е. дети духовенства, а также дети купцов, мещан и других свободных состояний.

Медико-хирургическая академия, открытая в Петербурге в 1798 г., имела большое значение в развитии русского медицинского образования. По уставу 1835 г. Академия должна была готовить лекарей, аптекарских помощников и ветеринаров. Блестящий расцвет Академии начинается с конца 50-х годов и связывается с деятельностью крупнейших русских ученых — С. П. Боткина, И. М. Сеченова, Н. И. Пирогова, Ф. В. Овеляникова и др.

В 1828 г. был вновь открыт Главный педагогический институт почти в том же виде, в каком он существовал до 1819 г. Первоначально Институт готовил преподавателей только для средней школы, но в 1838 г. был открыт второй разряд Института, имевший целью готовить учителей для приходских и уездных училищ. Курс обучения в Главном педагогическом институте устанавливался тот же, который существовал до 1819 г., — 6 лет. По внутреннему устройству Главный педагогический институт имел сходство с другими закрытыми казенными учебными заведениями николаевского времени. Инспектор и комматные надзиратели неотступно следили за студентами, чтение книг контролировалось. В годы своего учения в Главном педагогическом институте (1853—1857 гг.) Н. А. Добролюбов вел упорную борьбу против сухого формализма институтской жизни и против вдоховителя таких порядков директора Давыдова.

Несмотря на реакционные порядки, Институт играл положительную роль в распространении просвещения. За первые 28 лет его существования отсюда было вынушено 575 преподавателей, из которых около 407 человек поступило на педагогическую работу в высшие учебные заведения.¹ В 1859 г. Институт был закрыт.

В Педагогическом институте разрабатывались новые методы обучения. Так, профессор Института Ф. И. Буссе (автор ряда учебников по математике для высших и средних школ) требовал, чтобы учитель добивался от учащихся не механического заучивания, а понимания математических явлений. Учебные руководства выдающегося русского педагога В. Ф. Одоевского знакомили детей с окружающей действительностью, развивали их умственные способности. В некоторых школах вводился аналитический звуковой метод обучения грамоте, наглядные пособия при обучении чтению и т. д. Однако новые передовые педагогические идеи глушились все пронюхающим чиновничьим надзором за школой. «Школы задавлены надзором и новями», — восклицал с негодованием А. И. Герцен. Политическим

¹ Н. Добролюбов, Собр. соч., т. 1, СПб., 1871, стр. 220—236.

задачам самодержавия наиболее отвечала школа «муштры и зубрежки», готовившая забытых и покорных верноподданных.

Против схоластики, сухости, формализма и мертвенности обучения в казенных учебных заведениях поднимали голос передовые люди того времени. Декабристы стремились к распространению грамотности среди сыдаг и трудящихся петербургского населения. Они пытались вдохнуть новое революционное содержание в преподавание, выдвигали новые методы обучения. Блестящие педагоги первой половины XIX в. — доктор И. И. Ястребцов, Е. О. Гугель, В. Ф. Одоевский — в своих работах высказывали передовые педагогические идеи и пытались провести их на практике.

Страстным поборником распространения просвещения в народе выступал В. Г. Белинский. Белинский выдвинул идеал воспитания всесторонне образованного человека, деятельного члена общества, патриота своей Родины, способного выступить на борьбу с общественным злом. Воспитание должно быть народным. В детях должна развиваться любовь к русской народной поэзии, к передовой русской литературе, к героическому прошлому русского народа. Обучение должно быть наглядным. Школа должна давать не только определенную сумму знаний, но и развивать самостоятельное мышление учащегося. Глубоко веря в творческие силы русского народа, Белинский гениально предсказал, что Россия станет центром просвещения, куда пойдет учиться Запад. Педагогические взгляды Белинского, проникнутые революционным демократизмом, оказали могучее влияние на развитие прогрессивной русской педагогики.

Важным фактором в истории просвещения было основание в Петербурге ряда библиотек открытого типа.

В 1814 г. была открыта старейшая в нашей стране Публичная библиотека (теперь имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). В 1838 г. в Публичной библиотеке

Торговец книгами и писатель. Гравюра из книги «Волшебный фонарь» (СПб., 1837).

хранилось 426 621 том книг и 17 236 рукописей.¹ Три дня в неделю библиотека открывалась для публики. (Однако посещали библиотеку немногие). В 1838 г. было выдано только 820 читательских билетов, а количество затребованных книг составило 7531.² В последующие годы число читателей возрастает. Постепенно Публичная библиотека стала одним из крупных очагов просвещения — она обслуживала передовые круги интеллигенции. Второй крупной библиотекой Петербурга был Румянцевский музей (1831—1861 гг.). Он помещался на Английской набережной. После 1861 г. Румянцевский музей был переведен в Москву. Открывались и частные библиотеки. В 1815 г. книготорговец и издатель В. А. Плавильщиков открыл для публики библиотеку в своем книжном магазине у Синего моста. Читальный зал был при магазине Смирдина на Невском. Таких частных библиотек в Петербурге в 1838 г. было 14. За пользование книгами с читателей взималась плата.

С 10-х годов XIX в. в Петербурге стала развиваться рыночная торговля книгами. Дешевые книги для народа продавали разносчики. С 40-х годов появились букинисты, которые скупали и продавали старые книги.

Огромное значение в распространении просвещения имели прогрессивные журналы, издававшиеся в Петербурге. Круг читающей публики, конечно, не был широким. Чтение научной литературы, книг и периодических изданий, было доступно только небольшому кругу интеллигенции и учащейся молодежи. Петербургский книгопродавец первой половины XIX в. Н. Г. Овсянников, говоря о покупателях книг, отмечает, что «зажиточное купечество ничего не читало, среднее сословие читало мало, а аристократия читала исключительно иностранные книги».³ Подавляющее большинство трудящегося населения столицы и не могло читать книг, так как было неграмотно. О числе неграмотных в Петербурге для первой половины XIX в. данных не сохранилось. Надо полагать, что крестьяне, приходившие в Петербург на заработки, были в главной массе неграмотными. То же можно сказать о дворовых, слугах, рабочих частных заводов и т. д. Выше уровень грамотности был в среде ремесленников. Так, например, из 963 резизских сказок, поданных русскими мастерами в 1834—1835 гг., 600 были подписаны самими хозяевами мастерских, а остальные подписывались другими лицами, так как хозяин грамоты не знал. Из этого видно, что $\frac{2}{3}$ ремесленников-хозяев были грамотными.⁴ Среди рабочих, приписанных к военным заводам Петербурга, число грамотных было довольно значительно благодаря тем фабричным школам, которые существовали при некоторых казенных заводах. Много неграмотных было среди купечества (особенно среди членов купеческих семей) и даже среди дворянства, господствующего класса России. Подобное явление можно объяснить

¹ И. И. П у ш к а р е в, *ун. соч.*, стр. 396.

² Там же, стр. 399.

³ Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879, стр. 4.

⁴ ГИАЛО, ф. 223, л. № 458, л. 15; л. № 459, св. 16; л. № 460, св. 17.

умственной ленью дворянства, проистекающей из паразитического характера дворянской жизни.

История петербургских учебных заведений за первую половину XIX в. показывает, что Петербург был важнейшим центром русского образования. Наряду с развитием общеобразовательной школы в Петербурге открываются высшие учебные заведения с профессиональным уклоном, которые готовили специалистов для русской промышленности и государственного аппарата. Царское правительство, выражавшее интересы дворянства, стремилось сохранить сословный характер школы. Среднее и высшее образование в полной мере было доступно лишь дворянству. Однако развитие в недрах крепостнической системы капиталистических отношений вынуждало дворянское правительство в области просвещения идти в известной мере навстречу интересам нарождающейся русской буржуазии. Число уездных училищ в столице, предназначенных для богатых горожан, увеличивается более чем в два раза, дети кушцов и промышленников принимаются в гимназии, в университет. В столице открывается Технологический институт, Медико-хирургическая академия, Педагогический институт, где значительная часть учащихся состояла из представителей разночинной интеллигенции. Для образования трудящегося населения столицы правительство почти ничего не делало. В городе с полумиллионным населением, каким был Петербург в середине XIX в., насчитывалось только 10 высших училищ, т. е. столько, сколько их было в начале века. Но и в эти школы городекая беднота, задавленная нуждой, не могла отдавать своих детей. Подавляющая часть детей петербургских трудящихся оставалась вне школы, безграмотной.

* * *

Как и в XVIII в., в первой половине XIX в. Петербург оставался крупным научным центром. Вместе с академическими учеными в развитии науки активное участие принимали профессора Университета, Главного педагогического и технических институтов.

Совершенно очевидно, однако, что ни Академия Наук, ни Университет, являвшиеся важнейшими центрами русского естествознания, в условиях крепостнического государства не могли играть руководящей роли в развитии передовой общественной науки. Освободительные идеи могли развиваться в то время только в непрерывной ожесточенной борьбе с дворянско-монархической идеологией, с религией и мистикой, которые насаждались официальными научными учреждениями и учебными заведениями.

Хотя в Академии Наук в 1841 г., помимо естественного, было образовано два новых отделения — отделение русского языка и словесности, преобразованное из Российской Академии, а также отделение истории и политических наук, — Академия Наук не была тогда ни единственным, ни наиболее авторитетным центром в области исторических и филологических наук. Славяноведение, например, не менее

успешно, чем в ее стенах, развивалось в Московском университете, а востоковедение — в Казанском. В Академии Наук главенствующее положение довольно прочно занимала кучка реакционно настроенных иностранцев. В интересах спокойствия и благополучия своей карьеры иные академики занимались узко специальными, часто надуманными, ничемными вопросами. Такие крупные ученые, как экономист К. И. Арсеньев, филологи А. Х. Востоков и И. И. Срезневский, были исключением. Немало стеснений и ограничений претерпевали преподаватели общественных наук и в Петербургском университете. После изгнания в 1821 г. Куницына и Арсеньева в Университете надолго установился тот казенно-патристический дух в преподавании, который насаждался Руничем, Шишковым, Уваровым. Принцип Николая I, выраженный им в словах «мне не нужно ученых голов, мне нужно верноподданных»,¹ нигде не сказывался с такой последовательностью, как в подборе преподавателей общественных дисциплин в столичном Университете.

Кафедры заполнялись отменно благонамеренными и вполне бесцветными людьми. Поощрялись и поддерживались только образцовые бездарности, стоявшие далеко в стороне от столбовой дороги русской общественной науки.

Нигде в русских университетах с такой силой не сказывался неотступный правительственный контроль, как в столичном. В провинциальных городах и даже в Москве бывали времена, когда при ослаблении надзора местных властей в университете начинал бить ролик живой мысли.

Так, в Харьковском университете в первых двух десятилетиях XIX в. почти беспрепятственно преподавали такие профессора, как близкий к поэтам-радищевцам просветитель И. С. Рижский, сторонник материалистической философии Т. Ф. Осиповский, страстный критик «норманской теории» Г. Успенский.

В Московском университете в 40-х годах оказалось возможным пребывание на кафедре такого передового ученого, резко отрицательно относившегося к крепостническому строю, каким был основатель русской медиевистики Т. Н. Грановский.

Не то было в столице.

Пожалуй, мало где в России общественная наука приобретала тот казенно-верноподданический облик, который она приобрела в Петербургском университете под присмотром Уварова.

Профессорам-чиновникам было строго предписано придерживаться полицейско-бюрократической теории «официальной народности», основным содержанием их трудов и лекций должно было стать прославление самодержавия, религии и крепостного права, основной целью — оправдание реакции, восхваление застоя и мракобесия. Преподавание общественных наук в Петербургском университете всецело служило интересам упрочения самодержавия и всего феодально-крепостнического строя.

¹ А. Э в а л ь д. Рассказы о Николае I. Исторический вестник, 1896, июль, стр. 55.

Даже несогласные с министерским обскурантизмом профессора были вынуждены приравниваться к правительственному курсу.

Так, например, после первого же года преподавания в Петербургском университете профессора всеобщей истории М. С. Куторги «источник его либерализма самым резким и наглядным образом неожиданно иссяк». Причину этого тогда видели в «начальническом замечании».¹

В последующие годы Куторга, по воспоминаниям одного из его слушателей, был уже гораздо осторожнее: «Читая философски политическую историю Европы в двух верстах от графа Орлова и генерала Дубельта и в одной от Петропавловской крепости, он, вероятно, часто оглядывался по сторонам, если не физически, то духовно: ведь два-три неосторожных слова могли привести в каземат, а то и под розги и потом в места весьма отдаленные».²

Неудивительно, что в этих условиях Университет оставался в стороне от магистральной линии развития передовой общественной науки.

Университетская философия в Петербурге первой половины XIX в. представляла совершенное ничтожество. О преподавании философии в 20—30-х годах даже официальный историк Петербургского университета дал крайне неутешительный отзыв. Трудно представить себе, писал он, что-либо «скучнее и шотворнее того, чем были схоластические лекции Пальмина».³

Преемник Пальмина Фишер был уже неприкрытым поборником «строгого подчинения мысли указаниям откровения»,⁴ т. е. библии.

К концу николаевского царствования даже эта рептильная схоластика стала внушать правительству подозрения. Признав, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» и что «закон божий есть единственное твердое основание всякому полезному учению»,⁵ правительство в 1850 г. упразднило кафедру философии, передав преподавание логики и психологии ... профессору богословия.

Несмотря на правительственный обскурантизм, бдительный надзор жандармов и цензоров, прогрессивная общественная наука в первой половине XIX в. в России и, в частности, в Петербурге вне стен Академии Наук и Университета добилась значительных успехов. Корни этих успехов лежали в той тесной связи, которая существовала между развитием передовой общественной мысли России и ростом революционной борьбы масс против самодержавия и крепостничества. Революционная борьба крестьян с помещиками обусловила значительный подъем

¹ А. Ч. Петербургский университет полвека тому назад. Русский архив, 1888, № 9, стр. 141.

² М. И. Венюков. Из воспоминаний, кн. I. Амстердам, 1895, стр. 145.

³ В. Григорьев. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 69.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902, стр. 226.

теоретической революционной мысли, являлась главной основой и источником воззрений революционных демократов.

Важной особенностью передовой общественной идеологии в России была неразрывная связь с задачами практической революционной борьбы. И декабристы и революционные демократы, будучи страстными борцами с ненавистным отживающим строем, всегда стремились к активному воздействию на общественную жизнь.

В первой половине XIX в. в развитии передовой русской научной мысли следует различать два этапа. Первый из них связан с движением дворянских революционеров-декабристов и Пушкиным, второй — с началом развития революционно-демократической идеологии, с именами Белинского, Герцена, а также петрашевцев.

История русской общественной науки в первой половине XIX в. есть, таким образом, история возникновения и становления наиболее передового в домарксистской науке революционно-демократического мировоззрения, наиболее прогрессивной системы социально-экономических, философских, исторических, эстетических, юридических и военных взглядов.

Большую роль в развитии прогрессивной и революционной идеологии играл Петербург — центр общественно-политической жизни страны и средоточие лучших духовных сил России. Петербург являлся важнейшим, но отнюдь не исключительным средоточием передовой общественной науки. В эпоху декабристов, например, Пестель, Крюков, братья Борисовы и другие члены Южного общества и Общества соединенных славян не уступали, а порою и превосходили в смелой и зрелой постановке теоретических и практических вопросов многих представителей Северного общества.

В период становления революционно-демократической идеологии только Белинский, и то лишь в 40-х годах, прочно был связан со столицей. Петрашевцы как революционный кружок действовали только три-четыре года. Герцен находился в Петербурге всего один год, но связи его с петербургскими журналами были более длительными. В чем Петербург занимал в первой половине века действительно ведущее положение — это, пожалуй, в журналистике. Московские журналы могли соперничать с петербургскими только каких-нибудь 15 лет, в период издания Н. Полевым «Московского телеграфа» и, особенно, участия Белинского в «Телескопе» и «Московском наблюдателе».

Несмотря на цензурные стеснения, в петербургских журналах начала 20-х годов — «Соревнователе просвещения» и «Сыне отечества», в альманахах «Популярная звезда» и «Русская старина» — был напечатан ряд видных статей декабристов, а в лучших журналах 40-х годов — «Современнике» и «Отечественных записках» — многие известные произведения Белинского и Герцена.

С начала 40-х годов петербургские журналы, в редакционной работе которых участвовал Белинский и в которых сотрудничали Герцен и некоторые петрашевцы,

несмотря на все правительственные гонения, постепенно приобретают общероссийское значение.

В наиболее острой форме борьба прогрессивного мировоззрения против религиозно-идеалистической и феодально-крепостнической идеологии помещиков, бюрократии и самодержавия сказывалась в области философии и политической экономии.

В борьбе философских течений отражалась классовая борьба в русском обществе. В то время как правительство и господствующие классы насаждали мистику, поповщину, идеализм, деятели русского революционного движения настойчиво разрабатывали материалистическую теорию.

Русская материалистическая философия вела в борьбе с враждебными ей религиозно-идеалистическими учениями. Классики русской философии середины XIX в. Герцен и Белинский дали решительный бой немецкой идеалистической философии.

Нельзя, однако, отрицать благотворного влияния на русскую философскую мысль передовых идей западноевропейской философии — диалектики Гегеля и, в особенности, материализма Фейербаха.

Знаменательно, что в поисках правильной революционной теории Белинский и петрашевцы уже обращались к первым произведениям Маркса и Энгельса.

В отличие от современных им немецких философов-идеалистов, изучавших процесс самосознания абсолютного духа или абстрактно выяснявших природу религии и морали человека, русские философы-материалисты главной своей задачей считали революционное преобразование феодально-крепостнического строя, что было невозможно, как они понимали, без глубокого изучения действительности, социально-экономических условий. Русский материализм опирался на достижения новейшего естествознания, на имевшиеся уже в России материалистические традиции Ломоносова—Радищева, наконец, на сложную критическую работу русских мыслителей по переработке всего ценного и нового, что давала иностранная философия. В силу этого философская мысль Белинского и Герцена носила вполне своеобразный и самостоятельный характер. Уже Чернышевский установил, что с того времени, как представители нашего умственного движения (он имел в виду прежде всего Белинского и Герцена) самостоятельно подвергли критике гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чуждому авторитету.¹

Большое значение для сохранения традиций радищевской философии имела пропаганда материалистических и атеистических взглядов И. Пинным и другими членами Вольного общества любителей словесности. Однако действительными преемниками и продолжателями дела Радищева явились декабристы.

¹ Н. Г. Чернышевский, *Избранные философские сочинения*, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 687.

Готовя политический переворот, деятели тайных обществ развернули борьбу со всеми проявлениями господствующей дворянской реакционно-монархической идеологии. Одновременно декабристы вели борьбу и с первыми проводниками немецкой идеалистической философии — Веневитиновым, Велланским и другими лицами, входившими в московский кружок «любомудров».

Известный поэт-декабрист А. И. Одоевский в письмах к своему родственнику В. Ф. Одоевскому осуждал созерцательное, далекое от жизни и борьбы мировоззрение русских шеллингианцев.

Философская борьба шла и внутри тайных обществ. В Северном обществе, так же как и в Южном и в Обществе соединенных славян, наиболее революционное крыло декабристов выработало твердые материалистические убеждения. Почти все революционеры являлись атеистами. Но были среди них и защитники религии и немецкого идеализма, как, например, Е. П. Оболенский, который защищал немецкую философию, тогда как его противник в спорах Александр Бестужев над нею смеялся, убежденный в правоте материализма.¹

Среди философских произведений декабристов заметно выделяется трактат члена Северного общества И. Д. Якушкина «Что такое человек», идеи которого разделялись некоторыми другими декабристами. В этом трактате, написанном в Сибири, по памяти о петербургских спорах автора с идеалистом П. Я. Чаадаевым, материалистически решаются основные проблемы философии, в частности устанавливается первичность материи и ее неотъемлемое свойство — движение, признается возможным познание человеком объективно существующего мира и т. д.

Материалисты в области объяснения явлений природы, декабристы, а также близко стоявший к ним Пушкин были идеалистами при объяснении общественных явлений, хотя порою они и пытались выйти за рамки идеализма, отмечая в отдельных случаях важное значение для хода истории географических условий, экономики и, наконец, творческой роли народа в борьбе классов.

Вслед за Радищевым декабрист Николай Бестужев на первый план в историческом сочинении выдвигал историю народа. «До сих пор, — писал он, — история писала только о царях и героях..., но о народе, его нуждах, о его счастье или бедствиях, мы ничего не ведали».²

Дальнейшее развитие материализма в России и его широкая пропаганда с начала 40-х годов связана уже с именами Белинского и Герцена.

В. Г. Белинский прошел сложный путь в своем философском развитии. В петербургский период своей жизни он твердо встал на материалистические позиции.

Преодолев влияние философии Гегеля, которой он увлекся в конце 30-х годов, Белинский с такой же резкостью и непримиримостью выступил против систем Шеллинга, Канта и других модных буржуазных философов. О русских

¹ Восстание декабристов, т. 1, М., 1925, стр. 443.

² Н. А. Бестужев. Статья и письма. М., 1933, стр. 93.

эпиграфах Гегеля и Шеллинга — Каткове, Шешыреве и других — он с уничтожающим презрением говорил: «Пыжмей все эти гегелята!».¹

Белинский отбросил ухищрения мистиков и дуалистов оторвать мышление от материи и поставить последнюю в полную зависимость от разума. Первичность природы, вторичность разума как порождения органической материи — эти принципы становятся краеугольным камнем его философских воззрений.

Другим замечательным философом первой половины XIX в. был А. И. Герцен. В знаменитых «Письмах об изучении природы», печатавшихся в 1844 г. в «Отечественных записках» и находивших живейший отклик в среде демократически настроенной разночинной интеллигенции, Герцен с бесстрашной последовательностью обосновывал материалистическое понимание природы, исследовал законы ее диалектического развития, всесторонне рассматривал материалистическую теорию познания. Хотя Белинский и Герцен не сумели, подобно всем материалистам домарковского периода, правильно оценить роль общественно-трудовой деятельности человека, они в теоретическом отношении сделали большой шаг вперед, перестав видеть в человеке абстрактное биологическое существо. Русский человек для них — это прежде всего крепостной крестьянин, забитый и ограбленный царизмом, помещиками, попами. В отличие от Фейербаха не к всеобщей примирительной любви звали революционные демократы, а к борьбе с самодержавием, религией, крепостничеством.

Белинский и Герцен не смогли дать своей социологии научного материалистического обоснования. Но попытки по-новому оценить социальные явления у них были. В их статьях есть гениальные догадки о значении для развития общества экономики, о роли личности и народных масс в истории. Быть может, под влиянием мысли Маркса, с первыми работами которого Белинский познакомился уже в середине 40-х годов, он довольно близко подходит к научному пониманию происхождения религии.

Белинский и Герцен оказали решающее влияние на умственное развитие передовой молодежи 40-х годов. Под непосредственным воздействием философских взглядов Белинского и Герцена складывалось материалистическое миропонимание Петрашевского, Спешнева и некоторых других петрашевцев.

Несмотря на то, что материализм Белинского все же в целом оставался ограниченным, не распространился на социологию, он представляет одну из самых высших форм материалистического мировоззрения, какие только были возможны до Маркса.

Не случайно В. И. Ленин, говоря о значении передовой революционной теории, вспоминал ее таких предшественников русской социал-демократии, как Герцен, Белинский...».²

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. II, СПб., 1914, стр. 349.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 342.

В. И. Ленин высоко оценил философское наследие Герцена. «Герцен, — по определению В. И. Ленина, — вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».¹ Эта ленинская оценка философского наследия Герцена с известным основанием может быть отнесена и к теоретическому наследию Белинского.

С именем Белинского и Герцена связано начало серьезного критического изучения истории философии с материалистической точки зрения. Историко-философские взгляды этих замечательных мыслителей сохраняют свою актуальность и по сей день.

В связи с развитием философского материализма в первой половине XIX в. успешно развивается и научная психология. Видными специалистами в этой области были Д. М. Велланский, В. Ф. Одоевский, А. И. Галич. Однако естественно-научное содержание их работ серьезно умаляется идеалистическим его истолкованием.

Значительный интерес к психологии проявляли представители революционного лагеря. Следуя радикальным традициям, декабристы П. А. Крюков (в Южном обществе) и И. Д. Якушкин (в Северном) искали корни психологических явлений в ощущениях, а основу последних видели в первых процессах.

Важный этап в развитии русской психологии связан с философскими взглядами Белинского и Герцена. Оба философа материалистически решали психо-физическую проблему. Первый из них писал: «Психология, не опирающаяся на физиологию, так же несостоятельна, как физиология, не знающая о существовании анатомии».² Белинский приближался также к марксистскому представлению о мысли, как о нематериальном продукте материального мозга. Герцен внес в психологию историческую точку зрения, он догадывался об эволюции сознания, подчеркивая обусловленность действий окружающей среды, правильно указывал на активный характер познания, связывал процесс познания с практикой.

Другой всегда тесно связанной с общественной борьбой наукой является политическая экономия. В первой половине XIX в. наблюдался повышенный интерес к экономической науке в различных общественных кругах русского общества, в частности и в Петербурге. Это было вызвано тем обстоятельством, что Россия стояла уже перед лицом начавшегося разложения крепостного хозяйства.

В первой четверти XIX в. изучение политической экономии стало в дворянском Петербурге модой, вспоминал Пушкин.³

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1914, стр. 406.

³ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VI, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 75.

Кафедра политической экономии в Петербургском университете появилась вскоре после его открытия в самом начале 20-х годов. Кафедра политэкономии в Академии Наук была открыта еще ранее — в 1803 г. Между тем в Лондонском университете такая кафедра возникла лишь в 1825 г., а в парижской Сорбонне ее не было и в начале 40-х годов. Но университетские и академические экономисты, находясь на службе дворянско-монархического государства, не могли создать и не создали ценных теоретических трудов. В области теории политической экономии они обычно не поднимались выше господствовавшей тогда на Западе вульгарной политической экономии с ее буржуазным прагматизмом и привычной апологией обогащения. Только немногие из них решались осуждать крепостное право. Но в первой четверти XIX в. в Академии Наук были созданы значительные труды по статистическому описанию России академиками А. К. Шторхом, К. Ф. Германом и К. И. Арсеньевым.

Особого внимания заслуживает «Начертание статистики Российского государства» К. И. Арсеньева. В этом труде, вышедшем в 1818 г., ученый выступал не только против крепостничества, но и против модного тогда на Западе мальтузианства.¹ Арсеньев в своей книге детально подсчитывал природные ресурсы России и сделал первую попытку обосновать экономическое районирование страны. Дворянство и духовенство он имел мужество объявить «непроизводными классами» и подчеркнул, что в России «9 производителей содержат одного потребителя».²

Правительство, разумеется, крайне неодобрительно относилось к подобным сочинениям. В том же 1818 г. было запрещено обсуждать в печати основной вопрос тогдашней русской экономики — вопрос о крепостном праве. Как уже говорилось, в 1821 г. Арсеньев был изгнан за свои взгляды из Университета.

Во второй четверти века Академия Наук перестала играть роль организующего центра в статистической науке. Серьезные работы по теории статистики создаются в 30—40-х годах вне академической кафедры профессором Университета В. С. Порошиным и профессором Военной академии Д. А. Милютиним.

Разработка политической экономии в демократическом духе велась в то время вне стен Академии Наук и Университета. Подлинно прогрессивную экономическую программу в первой четверти XIX в. выдвинули декабристы. Вместе с «Русской правдой» П. И. Пестеля экономические работы членов Северного общества — «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева, трактат «О свободе торговли и промышленности» Н. А. Бестужева и другие труды дворянских революционеров — были наиболее значительными экономическими произведениями своего времени.

Призывом к немедленной ликвидации крепостничества они существенно отличались от таких либеральных реформаторов, готовых на компромисс с крепостниками, как М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов.

¹ К. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, ч. I. СПб., 1818, стр. 47.

² Там же, стр. 64.

Наиболее радикальный аграрный проект был разработан в кругу Южного общества. Проект, составленный Пестелем, предусматривал наделение крестьян землей и конфискацию половины помещичьих земель. Неудивительно, что в правом крыле Северного общества предложения Пестеля встретили сильное сопротивление. Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев и другие, не сумев настоять на безземельном освобождении, сочли достаточным наделение крестьян мизерным участком в 2 десятины, но Николай Бестужев настаивал на передаче крестьянам всей земли, имея обрабатываемой.

Не было полного единодушия и по другим пунктам программы. Однако почти все декабристы в той или иной мере требовали развития в стране промышленности, торговли, сельского хозяйства. Программа дворянских революционеров неизбежно поставила бы Россию на рельсы капитализма. Но лучшие из декабристов были далеки от апологетики капитализма.

Наиболее радикальные деятели тайного общества вслед за Радищевым очень критически смотрели на достижения буржуазной экономики и буржуазной экономической мысли в Западной Европе. Декабристы первыми в России заинтересовались утопическим социализмом.

Близок к декабристам по своим экономическим взглядам был Пушкин. Он с восторгом и болью за страдающий народ обличал ужасы английской и американской капиталистической эксплуатации. «Прочтите жалобы английских фабричных работников, — писал он, — волосы встанут дыбом от ужаса».¹

Важнейшее место в истории русской экономической мысли первой половины XIX в. принадлежит Белинскому и Герцену.

Белинский и Герцен первыми в России начали пропаганду идей социализма и развернули широкую критику антинародной сущности буржуазной цивилизации и буржуазной политической экономии.

Особенное значение для русской политической экономии имела программа экономического прогресса России, выработанная Белинским. Эта программа ставит Белинского в первый ряд тогдашней мировой экономической мысли.

Ничего сравнимого с ней не могли создать помещичье-буржуазные либералы. В отличие от русских либералов и утопистов на Западе, Белинский, а под его влиянием и Герцен поняли, что путь к освобождению народа, к прогрессивному развитию русского государства лежит через борьбу масс с помещиками и самодержавием, через крестьянскую революцию, а не через благодеяния добрых правителей и капиталистов, как думали социалисты-утописты Запада Оуэн и Фурье. Белинский с гордой отвагой заявлял, что любит человечество «маратовски».² Великий гуманист проклинал «царство банкиров» в Западной Европе и Америке

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VIII, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 260.

² В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. I, М., 1948, стр. 582.

и верил, что тирания капитала над трудом рано или поздно будет народом низвергнута.

Не сумев дать научного определения классов, Белинский был склонен смешивать пролетариат с другими слоями трудящихся и не понял в силу этого исторической роли пролетариата как могильщика буржуазного общества. Но Белинский в отличие от Герцена всегда был далек от идеализации русской общины и не считал ее элементом социализма.

Большие заслуги в критике буржуазного строя и в ознакомлении передового общественного мнения России с идеями утопического социализма принадлежат также М. В. Буташевичу-Петрашевскому и его кружку, явившемуся зародышем русской социалистической интеллигенции.

Беспощадная критика лучшими людьми России буржуазных отношений и буржуазной политической экономии является замечательным примером зрелости и самостоятельности русской общественно-экономической мысли.

Та же непримиримость классовых противоречий проявлялась в разработке теории государства и права. На полный упадок дворянского законоведения справедливо в начале XIX в. жаловался М. М. Сперанский, крупнейший специалист-правовед того времени.

Под его руководством была выполнена огромная работа по составлению такого важного исторического источника, как «Полное собрание законов» в 46 томах (со времени Уложения 1649 г.). Сперанский руководил также подготовкой на основе этого «Собрания» действующего «Свода законов», имевшего уже не научное, а всецело практическое значение.

«Свод законов» был призван юридически укрепить господство помещиков и власть самодержавия в период начинавшегося кризиса феодального строя.

Руководства по действующему праву в первой четверти XIX в. обычно носили грубо эмпирический и компилятивный характер. Жалкое существование влачило и университетское правоведение. А. К. Куницын, который разработал оригинальный курс естественного права, носивший откровенно антикрепостнический характер, как указывалось выше, был изгнан из Университета. После него русское право и его историю долгое время в Петербургском университете читал незначительный чиновник, не имевший к тому же юридического образования.

На юридические кафедры университетов Уваров выдвигал только тех, кого он заставил прослушать в Германии курс лекций Савиньи, главы немецкой «исторической школы» права. Идеи этой реакционнейшей юридической школы надолго утвердились в русских университетах и прежде всего в Петербургском.

Развитие передовой теории государства и права было связано с именами представителей прогрессивной общественной мысли России. В «Опыте о просвещении относительно России» видный просветитель начала 1800-х годов И. Пани утверждал, что право — не естественный, а общественный институт. В соответствии

с этим он считал, что государство более должно заботиться о предупреждении преступлений, чем о наказании преступников.

Энергично выступали за гуманные реформы правосудия декабристы. В записках к правительству и в своих сочинениях Н. И. Тургенев, В. И. Штейнгель и другие требовали отмены телесных наказаний, пыток, клеймения и т. д.

Большое развитие в трудах декабристов получили идеи демократического государственного права.

Несмотря на то, что теоретические воззрения многих декабристов ярко отражали непоследовательность и ограниченность мировоззрения дворянских революционеров, несмотря на конституционно-монархические иллюзии ряда декабристов, непризнание ими права наций на самоопределение и т. д., их взгляды все же выражали принципы прогрессивного в то время буржуазно-демократического государства. Особое значение имела пропаганда Пестелем, а в Северном обществе Рылевым и братьями Н. и А. Бестужевыми республиканских взглядов. Эту пропаганду декабристами республиканских идей высоко оценил впоследствии В. И. Ленин.¹

Н. Бестужев, вдумчиво оценивая буржуазный строй, пришел к выводу об отсутствии реальной гарантии прав народа, афишируемых в буржуазных конституциях, убедился в том, что формальное равенство не избавляет народ от бесправия, нищеты и эксплуатации. «Если общество, — писал он, — назначая только буквою закона равенство прав, будет наказывать одни только явные грабежи и насилия, тогда закон представляет слабое обеспечение для граждан от притеснения монополий».²

Фальшь и лицемерие заатлантической демократии вскрывал, не обольщаясь пышными фразами о свободе и равенстве, и другой член Северного общества М. С. Лукин. «Прискорбный, но полезный пример этой истины представляют Американские Штаты, где рабство утверждено Законом, — писал он. — Признав торжественно равенство людей перед Законом как основное начало их Конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество».³

Демагогия американских личевателей не обманула и Пушкина. Ближе познакомившись с Соединенными Штатами, он увидел «демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве».⁴

Дальнейшее развитие прогрессивной русской науки о государстве и праве было связано с вступлением в борьбу Белинского и Герцена, их непримиримой позицией в отношении крепостного права и самодержавия, их разоблачением западной идеализации буржуазного парламентаризма, с их отвержением

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 163.

² Н. Бестужев. Статьи и письма. М., 1933, стр. 147, 161.

³ М. Лукин. Сочинения и письма. Пб., 1923, стр. 49.

⁴ А. Пушкин, Полн. собр. соч., т. VII, стр. 449.

славянофильских молений о возвращении патриархальных обычаев и земских соборов Московской Руси. Белинский и Герцен, а также петрашевцы давали новое демократическое истолкование теории государства и права.

Хотя революционные демократы не сумели правильно подойти к вопросу о происхождении государства и права, что в то время, в 40-х годах XIX в., уже сделали в своих трудах Маркс и Энгельс, но постановка Белинским и Герценом вопроса об уничтожении самодержавного строя и крепостного права, их понимание помещичьей сущности царской монархии и ее юридических институтов приближают русских мыслителей к той подлинно научной точке зрения на право и государство, которую начали выдвигать тогда корифеи марксизма.

Отрицая крепостничество, абсолютизм и сословные привилегии, провозглашая необходимость политической борьбы и революции, признавая необходимость республиканского устройства, равенства больших и малых наций, их прав на самоопределение, выдвигая право народа на труд, на свободу слова, печати и т. д., революционные демократы с негодованием разоблачали живую буржуазную демократию.

Белинский, внимательно изучив общественный строй Июльской монархии, пришел к заключению, что «вся власть, все влияние на государство сосредоточено в руках владельцев». Отсюда он сделал важный вывод, что право, вся система французского законодательства, устроенная буржуазией, служит только ей, что «конституционная мишура» только прикрывает господство чистогана и эксплуатацию народа.¹

Критика русскими революционерами и демократами капиталистического Запада показывает, как они подходили к пониманию того, что буржуазные революции, освобождая народ от цепей абсолютизма и крепостничества, налагают на него цепи буржуазной демократии и наемного труда.

Говоря о развитии общественных наук в Петербурге, нельзя обойти и развитие военной идеологии. Творцами русского военного и военно-морского искусства были, разумеется, не профессора созданной в 1832 г. Военной академии. Новые приемы военного и военно-морского искусства создавались и развивались в сражениях и боях далеко за пределами столицы рядовыми солдатами и офицерами, а также такими замечательными полководцами, как М. И. Кутузов и П. И. Багратион, такими выдающимися флотоводцами, как Д. Н. Сенявин, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов. Из наиболее видных военных писателей следует отметить А. И. Хатова, а также профессоров Военной академии Н. В. Медема и Д. А. Милютина. Первый из них указал в своих сочинениях на связь стратегии с политическими целями страны, а Милютин, впоследствии военный министр России, был автором серьезного труда об А. В. Суворове и первых работ по русской военной географии.

¹ В. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1907, стр. 472.

Отметим наиболее выдающиеся военные работы того времени.

Перед Отечественной войной 1812 г. в Петербурге впервые издается знаменитая суворовская «Наука побеждать». Триумф русского оружия в Отечественной войне 1812 г. вызвал немало посвященных ей сочинений. Официозная литература (А. И. Михайловский-Данилевский и др.) основывала при этом свои суждения на мнениях иностранных военных теоретиков Клаузевица и Жомини, она превозносила вслпчески заслуги дара и дворянства, видела причину побед русского оружия в неблагоприятных для Наполеона условиях русской природы. Независимый от такой литературы характер носило «Описание войны 1812 г.» Д. Ахшарумова (1819), «Опыт теории партизанских действий» Дениса Давыдова (1821) и некоторые другие.

С новаторскими идеями выступили на поприще военно-теоретической мысли декабристы. Активные участники войны 1812—1815 гг., они были наиболее отважными защитниками суворовско-кутузовских традиций в аракчеевское лихолетье. В военных трудах Н. М. Муравьева, в издававшемся в Петербурге «Военном журнале» и в других работах члены Северного общества, так же как и возглавляемые Пестелем «южане», выступали сторонниками всеобщей военной повинности, противниками палочной муштры и военных поселений, требовали обучения армии боевому опыту и ее постоянного перевооружения на основе новейших достижений техники.

Декабристы (Ф. Глинка, Н. Муравьев и др.) были вдумчивыми историками войны 1812 г. и на ее опыте выдвигали новые решения вопросов стратегии и тактики.

Еще в 1814 г. Н. И. Тургенев опровергал жалкую версию разбитых французов о морозах как единственной причине их поражения.¹

Декабристы и Пушкин, а затем Белинский и Герцен хорошо понимали, что не царю, не дворянству и не фатальным случайностям погоды, а простому народу, народной войне с захватчиками, военному искусству русских полководцев и прежде всего Кутузова была обязана в 1812 г. Россия своим освобождением. «Мы признаем одну только преграду завоевателям — дух народов», — писал Никита Муравьев.²

Значительное влияние на разработку военной теории несомненно оказал Белинский. Видный военный теоретик начала 50-х годов полковник А. И. Астафьев в своей книге «О современном военном искусстве», например, писал: «Пока еще не окончились философические прения — какой лучше образ исследования истины в науках... мы примем мысли Белинского, как человека со здравым умом и благородными стремлениями к добру, за истину и будем руководствоваться ими в создании идеала армии и в исследовании точного значения сущности Военной Науки».³

¹ Н. Тургенев в Дневнике, т. II. СПб., 1913, стр. 258.

² Н. Муравьев в Рассуждении о жизнеописании Суворова. Сын отечества, 1816, ч. 29, стр. 129.

³ А. И. Астафьев в О современном военном искусстве, ч. 2. СПб., 1861, стр. 61.

Нельзя не видеть в демократических идеях П. С. Нахимова влияние Белинского, статей которого не мог не читать живо интересовавшийся русской литературой и журналистикой адмирал. Нахимов не раз с поразительной для николаевского времени смелостью повторял своим офицерам: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми». Снова и снова он напоминал: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют».¹

Осуждая войны за выгоды торговли, за колонии, за грабеж чужих земель, декабристы и Пушкин приветствовали освободительные войны и революции в Греции, Италии, гордились подвигом русского народа в 1812 г. Военные проблемы разрабатывались декабристами не для новых захватнических войн царизма, а исключительно в интересах обороны родины. Деятели передовой общественной мысли в России всегда были убежденными сторонниками дружеских взаимоотношений народов. Они знали, что война «не удобряет нив, не наполняет житниц», что славны и справедливы только те войны, которые ведутся за независимость нации.²

Ни декабристы, ни мечтавший о вечном мире Пушкин не сумели скольконибудь глубоко проникнуть в социальную подоплеку войн, правильно оценить их классовый характер. Все же их представления о характере и природе войн были более прогрессивными, чем взгляды Клаузевица. Только Белинский начал догадываться, что корни и причины войн кроются в эксплуататорском обществе, что капиталистам выгодны войны, что ради прибыли капиталисты становятся «свирепее зверя, неумолимее смерти».

Как будто сказанные в наши дни, звучат вещие слова Белинского: «Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят».³

Дальнейшая разработка учения о природе войны была связана в русской общественной науке с именем Чернышевского.

Демократический, новаторский характер социологических взглядов позволил Белинскому и Герцену, так же как ранее Радищеву и декабристам, выработать новое направление в русской историографии.

Развитие исторической мысли в Петербурге так же, как и повсюду в России, проходило в острой борьбе передовых идей дворянских, а затем различных революционеров с реакционными взглядами дворянских историков.

В то время как дворянские историки и прежде всего Карамзин открыто встали в своих сочинениях на защиту самодержавия, православия и крепостничества, дворянские революционеры, а затем Белинский и Герцен находили

¹ Е. В. Т а р л е. Крымская война, т. I. М.—Л., 1950, стр. 374.

² Н. И. Т у р г е н е в. Дневники, т. III, Пгр., 1921, стр. 49, 396.

³ В. Г. Б е л и н с к и й, Избранные философские сочинения, т. II, 1948, стр. 547.

в истории примеры для опровержения этих «устоев», искале закономерностей исторического процесса, указаний о путях дальнейшего развития родины. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем», — писал Белинский.¹

Борьба между указанными течениями в историографии разгорелась еще при выходе в свет крупнейшего исторического труда первой половины XIX в. — «Истории государства Российского» Карамзина. Трехтысячный тираж восьми томов разошелся в 1818 г. в течение 25 дней. Но «История» не могла удовлетворить передовую молодежь. Труд Карамзина являлся сплошным гимном самодержавию, помещичьему строю и православной церкви.

По горькому разнеслась суровая эпиграмма на Карамзина и на его «Историю», которую молва приписывала Пушкину:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И предести кнута.²

Верноподданнические тенденции «Истории государства Российского» подверглись суровой критике в рукописной записке Никиты Муравьева,³ в письмах Михаила Орлова и некоторых других декабристов.

Научный авторитет Карамзина был серьезно подорван. Накануне восстания декабристов большая часть тиража X и XI томов уже около двух лет лежала на полках магазинов, а Карамзин в досаде даже говорил, что переставет писать историю.

С Академией Наук и Петербургским университетом были связаны известные успехи специальных исторических дисциплин. В начале 20-х годов появляются первые серьезные исследования в области славистики А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича. В 1835 г. в университетах были учреждены кафедры славяноведения, разрабатывались планы приглашения чешских ученых в Россию и т. д. Но начальные успехи славяноведения были еще очень незначительны. Кафедры славяноведения, в том числе в Петербурге, поручались только консервативным ученым. Неудивительно, что на кафедру русской истории в Академии Наук в 1844 г. был избран иностранец, к тому же не профессор, не знавший даже русского языка, — А. А. Кунин.

Черепашьими шагами двигалось и петербургское византиноведение. Оно было представлено в Академии Наук двумя иностранцами — Ф. И. Крutom и

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1914, стр. 398.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VIII, Изд. Акад. Наук СССР, 1949, стр. 522.

³ Записка Никиты Муравьева «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина». Литературное наследство, т. 59, М.—Л., 1953, стр. 569.

А. А. Кушником, которые многим современникам казались «символом ученого чудачества, мелочной, бесплодной и мертвенной академической науки».¹ Они были к тому же норманистами, и об одном из них так и говорили, что он всю жизнь занимается «столчением воды в скандинавской ступе».²

Несколько лучше обстояло дело с изучением всеобщей истории. Академик И. М. Мураньев-Анестоя выступил в 1818 г. с большой и очень ценной для своего времени работой «Взгляд на заговор Катирины». Если в 20-е годы в Университете серьезного изучения всеобщей истории не было, то в 1835 г. кафедру всеобщей истории занял М. С. Куторга, получивший подготовку в Дерптском университете. Либерал по своим общественным убеждениям, Куторга был едва ли не крупнейшим в то время в мире специалистом по экономической истории древней Греции.

Вопросы новейшей истории в первой половине XIX в., которые так занимали декабристов и Белинского, не разрабатывались ни в Академии, ни в Университете.

Значительных успехов в первой половине XIX в. достигли вспомогательные исторические дисциплины.

В 1848—1858 гг. по инициативе Н. И. Надеждина громадную работу по этнографии России начало открытое в 1845 г. Географическое общество. Обществу удалось собрать большой запас материалов по русской этнографии и издать несколько «Этнографических сборников».

Довольно плодотворно работали во второй четверти XIX в. археографы.

Если в первой четверти XIX в. поисками исторических документов занимался лишь небольшой московский кружок графа Н. П. Румянцева, то затем эту обязанность взяла на себя Академия Наук.

В 1829 г. Академия Наук одобрила инициативу историка П. М. Строева и поручила ему организацию археографической экспедиции. Экспедиция длилась 6 лет, за это время она объехала 14 северных губерний и собрала в монастырских библиотеках и церковных ризницах огромное количество древних актов и грамот.

Созданная в Петербурге в 1834 г. Археографическая комиссия вскоре приступила к изданию материалов экспедиции и к выпуску «Полного собрания русских летописей».

Вслед за работами основанного в 1804 г. в Москве Общества истории и древностей расширяются археологические изыскания петербургских ученых. Директор петербургской Публичной библиотеки А. Н. Оленин издает памятный в истории русской эпиграфики труд о Тмутораканском камне и посвящает несколько работ оружию и одежде древних греков и древних славян.

В начале 20-х годов исходил пешком почти всю Россию и составил подробнейшую карту курганов и городищ Зариян Доленга-Ходаковский. Он же продолжал

¹ В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, ч. I. Л., 1929, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

изучение исторической географии России, начатое В. Н. Татищевым. В 1846 г. в Петербурге было создано Русское археологическое общество.

Итоги развития университетской исторической науки в первой половине XIX в. сводились почти исключительно к накоплению довольно значительного количества фактического материала. Исследовательские, особенно обобщающие, труды носили на себе печать религиозно-монархической идеологии, писались в духе «официальной народности».

Благодаря своему революционному мировоззрению декабристы оказались гораздо выше официальной историографии. Многие из них самостоятельно изучали источники. Вследствие наличия в Петербурге архивов и библиотек, которых не было на юге, большинство специально исторических работ было написано именно в столице В. Д. Сухоруковым, Н. М. Муравьевым, Н. А. Бестужевым, М. С. Луниным, А. О. Корниловичем. Из них должен быть особо отмечен «Опыт истории русского флота» Николая Бестужева, не имевший себе равного в западноевропейской морской историографии. Декабристы внесли в изучение истории ряд новых плодотворных идей. Их попытки осмыслить закономерности отечественной истории, внимание к вечевому строю и сословно-представительным учреждениям древней Руси, их мысли о заслугах русского народа в борьбе с иноземными захватчиками — все это было незнакомо и чуждо дворянской историографии.

Особое значение имело выступление декабристов против антинаучной и уничижительной для достоинства русского народа «норманской теории», отрицающей самостоятельный характер происхождения русской культуры и государственности.

Братья А. и Н. Бестужевы указывали, что оседлые русские племена в IX в. находились на более высокой стадии развития, чем морские бродяги-викинги, которых дворянские историки объявили учителями и наставниками русского народа.¹

Особенно интересна критика норманизма другим членом Северного общества М. С. Луниным, который выдвинул верную догадку, что легенда о призвании варягов на Русь была нужна впоследствии князьям для придания законности своей власти.² Ссылные декабристы, особенно братья Н. и А. Бестужевы, сделали серьезный вклад и в этнографическое изучение Сибири и Кавказа. Враги шовинизма, декабристы по-братски относились к малым народностям окраин, содействовали укреплению их дружественных связей с русским народом и русской культурой.

В 30-х годах «древний землекаменный быт» в Тверской губернии открыл декабрист Ф. И. Глинка. За 10 лет до Буше де Перта, считающегося основателем

¹ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, стр. 169—170; А. Бестужев. Сочинения, т. IV, ч. XI, изд. 4-е, СПб., 1847, стр. 117.

² М. Лунин. Сочинения и письма. Пб., 1923, стр. 78—79.

современной науки о первобытном обществе, Глинка потребовал от историков не ограничиваться памятниками письменной истории.

Замечательным историком первой трети XIX в. был великий Пушкин. Исторические темы проходят через весь творческий путь поэта. Историзм характерен для всех его художественных произведений. Уже в начале 20-х годов он набрасывает близкие по своей идейной направленности декабристам «Заметки по русской истории XVIII в.». В середине 20-х годов в «Борисе Годунове» Пушкин с гениальной проницательностью угадывает силу народа. Его привлекали героические образы русской истории и прежде всего фигура Петра I, которому он посвятил большой, но, к сожалению, незаконченный труд «История Петра».

В центре исторических интересов Пушкина в 30-е годы становится также тема крестьянских движений. В «Истории Пугачева», «Истории села Горюхина», «Напитанской дочке» Пушкин показал неизбежность и закономерность крестьянских восстаний. Такое понимание крестьянских войн разрушало карамзинско-уваровскую легенду о патриархальной преданности крепостных крестьян своим помещикам, а самое оправдание крестьянских войн было необычно даже для декабристов. Стало очевидно, что наметился переход к новому этапу развития русской исторической мысли. Пушкин являлся его наиболее значительным предшественником.

В своих литературно-критических статьях и многочисленных рецензиях на исторические книги Белинский и Герцен в 40-е годы начали последовательно развивать революционно-демократические взгляды на историю, делали попытки понять исторический процесс с классовых позиций крепостного крестьянства.

Белинский и Герцен были убеждены, что исторический процесс строго обусловлен, и упорно искали его закономерностей. «Отвергать возможность истории как науки, значит — отвергать в развитии общественности неизменные законы и в судьбах человека ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая».¹ Основную закономерность исторического движения Белинский и Герцен видели в непрерывной смене старых форм общественной жизни новыми, более прогрессивными. Они понимали, что разрушение старого невозможно мирным путем.

Для них уже не было сомнений, что творцом истории является народ, что его борьба за свободу, народная революция — благородный и закономерный прогресс истории. Белинский и Герцен настойчиво проводили новую точку зрения на задачи исторической науки, требовали от историков глубокого изучения этнономики, культуры и т. д.

Сохраняя веру в конечную силу разума и просвещения в истории, они гораздо более глубоко, чем Радищев и декабристы, оценивали отдельные этапы русского исторического процесса. Они не идеализировали древнерусского веча, не умаляли заслуг Ивана Грозного и т. д.

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., т. XII, М.—Л., 1926, стр. 453.

Для исторических взглядов Белинского и его идейных сподвижников — петрашевцев — характерна глубокая вера в творческие способности русского народа, исторический оптимизм. Не всегда это можно было высказывать в печати открыто. Однако приученный цензурой читатель второго выпуска «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка», составленного Петрашевским и его друзьями, легко, например, догадывался о причинах обращения авторов к фактам о сопротивлении негров своим поработителям, легко догадывался о причинах восхищения авторов борьбой ирландского народа за свою независимость.

За обличением кровавых зверств и произвола западноевропейской буржуазии и дворянства русский читатель не мог не видеть также откровенного осуждения крепостного права в России, любви и уважения к русскому народу, страдающему под игом царя и помещиков.

Революционно-демократическое понимание истории рождалось в острой борьбе с крепостнической и либеральной идеологией.

Белинский развивал свои взгляды на исторические проблемы и в статьях, направленных против идеологов «официальной народности» в историографии М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Н. Г. Устрялова, и в работах, осуждающих взгляды теоретиков славянофильства А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и других, объяснявших ход русской истории религиозностью, смиренем и богоизбранностью русского народа. Не менее решительно в своих литературно-критических обзорах Белинский выступал против космополитов-западников, утверждавших, будто русский народ не имеет ничего своего, в том числе и истории.

Высоко оценивая заслуги русского народа в строительстве и обороне своего государства, Белинский знал, что придет час его избавления от всецелой тирании и радовался за потомство: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы к науке и искусству, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».¹

В первой половине XIX в. в Петербурге получила значительное развитие новая прогрессивная эстетика, новое передовое литературоведение. Разумеется, они складывались не в стенах Университета. В Петербургском университете в 20—30-х годах курс истории русской словесности останавливался на Державине. Вся последующая, живая, развивающаяся, современная литература замалчивалась. Анализ литературных произведений не выходил за пределы старинной пинтики и риторики. Тщательно вытраивалось и замалчивалось общественно-гражданское содержание русской литературы.

Развитие эстетики и литературоведения в реалистическом духе было связано с творчеством наиболее радикальных поэтов членов Вольного общества любителей словесности — И. П. Пнина, В. В. Понугаева и И. М. Борна, которые

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 224.

открыто призывали к воплощению в поэзии высоких гражданских чувств. Однако радищевскую борьбу за создание национальной литературы, за ее свободолобивые идеи и героические образы по-настоящему продолжали только декабристы. Лучшие люди из дворян, они были ненавистниками распространенного в дворянской литературе «космополитизма, убивающего всякое благородное чувство отечественности, народности».¹

Дело Радищева и декабристов продолжал Пушкин. Он был первым критиком-реалистом, сумевшим преодолеть некоторую напыщенность революционно-романтических взглядов своих друзей-декабристов. Именно Пушкин стал предтечей могучего направления в русской критике, возглавленного Белинским. Именно Пушкин провозгласил, что критика — наука.²

Основоположником русской классической эстетики, русской критики и литературоведения был Белинский, ставший идейным вождем и вдохновителем русской литературы 30—40-х годов. Только он впервые применял материалистическую теорию познания к области эстетики, только он выработал в борьбе с насаждавшейся либералами теорией «искусства для искусства» революционно-демократические критерии искусства и литературы. Отличительной чертой его эстетических взглядов был глубокий гуманизм и патриотизм. «Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени»³ — провозглашал он. Эстетические взгляды Белинского явились крупнейшей вехой в развитии русской эстетики. «Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого „чистого искусства“, „искусства для искусства“ и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения».⁴

Эстетические требования Белинского оказали громадное влияние на дальнейшее развитие русской классической литературы в духе критического реализма. Белинский впервые провозгласил положение о ведущем значении русской литературы в историко-литературном процессе XIX в.

Благодаря принципиальности своих демократических воззрений, восторженной любви к русской литературе Белинский умел безжалостно вывалывать литературные сорняки. Его уничтожающая для идеологии крепостников критика была созидательной и благотворной для новой русской литературы. Это он разрушил до дна фальшивую литературную славу Булгарина, Греча, Сенковского. Это ему обязана русская литература верной оценкой таких корифеев, как И. С. Тургенев, И. А. Гончаров и др. Эстетические принципы Белинского находили широкое признание современников. Опираясь на Белинского, Петрашевский защищал

¹ Письма А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым. Русский вестник, т. 32, 1861, стр. 296.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, Изд. Акад. Наук СССР, стр. 159.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, СПб., 1903, стр. 548.

⁴ А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1952, стр. 18.

от нападок Достоевского мысль о том, что литература должна быть проводником передовых социальных идей, идей коренного переустройства общества.

С начала XIX в. все более широкое развитие получает, несмотря на бюрократические препоны, языковедение.

В первые годы XIX в. адмирал А. С. Шишков все еще пытался выяснить, на каком языке говорил Ной. Но уже разворачивалась борьба за утверждение материалистического понимания происхождения языка. В 1810 г. в Петербурге появилось «Рассуждение о словесности вообще». Автор этой книги, учитель петербургской гимназии Н. Языцкий, объяснял возникновение речи естественными причинами, а ее эволюцию — «нуждой и временем».

В Университете и Академии Наук языковедение стало приобретать более заметное значение только со второй четверти века. В первой четверти XIX в. в этой области науки работали главным образом самоучки, дилетанты.

Немного сделала для языковедения и Российская Академия, которая, за исключением второго издания фундаментального академического словаря русского языка, ничего значительного в науку не внесла.

В Университете лекции по языковедению читались бездарными преподавателями с такими дикими экскурсами в область этимологии, что они тотчас передавались по городу в виде образчиков нелепости.

Цензурный террор также отзывался на языковедении. В начале 50-х годов даже для решения невинного вопроса, как должна произноситься греческая буква «эта», нужно было испрашивать «высочайшее повеление».

Известный в первой четверти XIX в. спор о древнем и новом слоге мало способствовал научному изучению языков. Откровенные обскуранты в лице Шихова пытались возродить невообразимый массам древнеславянский, книжно-церковный язык и искусственно вызывали к жизни такие нелепые термины, как «мокроступы» (галюши). Космополитически же настроенные поклонники Карамзина были готовы перестроить русский язык чуть ли не целиком на французский лад. Как и в XVIII в., русские аристократы кичились тем, что «они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом».¹ Ни «шишковисты», ни «карамзинисты» и не думали глубоко изучать современный им народный язык.

Интерес к народному языку серьезно возникал лишь в кругу поэтов-радищевцев (Борн и др.), а затем у декабристов, желавших видеть свободным «русский народ, первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного». Эта последняя мысль принадлежала такому видному знатоку славянских языков, каким был декабрист и друг Пушкина В. К. Кюхельбекер.² Внимание К. Ф. Рыльева, А. И. Одоевского, А. А. Бестужева к фольклору предвосхищало глубокое изучение народной поэ-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения. Госполитиздат, 1951, стр. 18.

² Восстание декабристов, т. II. М.—Л., 1926, стр. 166.

зии и народного языка Пушкиным и другими великими писателями-реалистами XIX в.

Именно Пушкин стал основателем современного русского литературного языка. Совершенно исключительным знанием русского языка обладали Лермонтов, Гоголь, Герцен и Белинский. Белинский настолько хорошо знал родной язык, что в 1837 г., еще будучи в Москве, выпустил учебник «Основания русской грамматики».

Богатейший язык русской классической литературы 20—40-х годов вызвал оживление интереса к русскому языку среди ученых-лингвистов. В 40-е годы появляются известные «Мысли об истории русского языка» академика И. И. Срезневского, исследования А. Х. Востокова и Н. И. Надеждина, ряд словарей Академии Наук.

Основателем русской научной славистики стал академик А. Х. Востоков, труд которого «Рассуждения о славянском языке» (1820) был справедливо назван знаменитым чешским ученым Кошитаром «зарей настоящей славянской филологии».¹

До вступления на кафедру Петербургского университета в конце 40-х годов И. И. Срезневского ведущую роль в русском славяноведении играли московские ученые К. Ф. Калайдович, О. М. Бодянский и др.

Довольно больших успехов в первой половине XIX в. добились в Петербурге востоковедение. В первые годы XIX в. переводчик Коллегии иностранных дел Г. С. Лебедев, опередив на несколько лет англичан, отлил для издания своих трудов о культуре Индии шрифт санскрита.

В 1818 г. в Петербурге возникает под руководством арабиста Х. Д. Френа Азватский музей, получивший большие коллекции восточных рукописей. В том же году в Главном педагогическом институте начинается преподавание арабского языка. В 1822 г. кафедру арабской словесности в столичном Университете занял большой знаток Переднего Востока О. И. Сеяковский, позднее отошедший от науки и запятнавший свое имя близостью с Булгариным. Попытки приглашения иностранных ориенталистов особого успеха не имели. В Петербурге постепенно складывается группа русских востоковедов: видный китаист И. Бичурин, египтолог И. А. Гурьянов, арабист В. В. Григорьев и др. Однако не менее видным центром русской ориенталистики, чем Петербург, до середины XIX в. была Казань.

Успехи общественных наук в России первой половины XIX в. нельзя не считать весьма значительными.

Эти успехи, однако, лишь отчасти были обусловлены деятельностью университетских и академических ученых, которые в казенно-официальной атмосфере своих учреждений нередко занимались лишь коллекционированием эмпирических фактов и знаний в далеко оторванных от запросов русской жизни областях науки.

¹ В. Буаескуд. Всеобщая история и ее представители в России, ч. I, стр. 25.

Представители революционной мысли, продолжая дело Радищева, вывели русские общественные науки на путь освободительного движения, придали им невиданные ранее действенность и авторитет.

Огромны заслуги передовых деятелей общественной мысли первой половины XIX в. в развитии русской классической философии, демократического направления в политэкономии, в теории государства и права, в создании демократической концепции истории, материалистической эстетики, в пропаганде общественно значимых задач искусства и литературы.

Заслуги русской общественной мысли первой половины XIX в. высоко оценивал Чернышевский, который указывал, что если лучшие люди России 60-х годов могут сделать шаг вперед, то «благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников».¹ Этими предшественниками он считал прежде всего Белинского и Герцена. Благодаря тому, что в столице, в гуще кипучей общественно-политической жизни долгие годы работали А. Н. Радищев, многие декабристы и Пушкин, великий революционный демократ Белинский, благодаря тому, что здесь издавались такие передовые журналы, как «Отечественные записки» и «Современник», Петербург играл большую роль в развитии общественных наук в России.

* * *

Если развитие общественных наук шло в первой половине XIX в. вне Академии и Университета, то роль этих научных центров, а также специальных высших учебных заведений, о которых говорилось выше, в развитии русского естествознания и техники была несомненно очень значительна.

Рост капиталистических отношений в России выдвигал новые проблемы в развитии отечественной науки и в первую очередь в развитии естественных наук, достижения которых находили непосредственное применение в производстве.

Материалистическая направленность русского естествознания первой половины XIX в. в значительной степени обуславливалась идейным влиянием на его представителей передовой общественной и философской мысли России и Запада.

Сделать достоянием масс новейшие достижения естествознания Герцен считал одной из главных потребностей эпохи. Только при помощи изучения природы, писал он, можно «воспитать действительно мощное умственное развитие»² молодежи, привить ей твердые материалистические убеждения, приучить к добросовестному труду, подготовить к восприятию революционного мировоззрения. Деятели передовой общественной мысли под влиянием глубокого изучения проблем естествознания и сложившегося в результате этого изучения материалистического

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, Пгр., 1918, стр. 538.

² А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. IV, Пгр., 1919, стр. 377.

мировоззрения повели ожесточенную борьбу с идеализмом, что немало способствовало в свою очередь дальнейшим успехам естественных наук.

Выступая против идеалистических представлений в науке, декабристы, а затем Белинский и Герцен являлись ревностными сторонниками прогрессивных идей в науке. Морик-декабрист Н. А. Бестужев успешно защищал учение Ломоносова об электричестве. Он решительно отвергал домыслы о незнанаваемости явлений электромагнетизма и высказывал весьма смелые догадки по вопросу о превращении и сохранении энергии, о природе атмосферных явлений. Его взгляды, впервые высказанные в 1819 г., сохраняли свое значение вплоть до 60-х годов XIX в.

Вслед за Ломоносовым и Радищевым декабрист И. Д. Якушкин в трактате «Что такое жизнь» отверг библейскую точку зрения на происхождение человечества, объявив, что человек имеет общее со всем животным миром происхождение. В своих представлениях о материи Якушкин отстаивал атомистическую теорию.

Громадное значение для утверждения материалистических взглядов русских ученых-естествоиспытателей имели статьи Белинского и Герцена и в особенности знаменитые работы последнего «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», опубликованные в Петербурге в середине 40-х годов.

Войнуствующий материалист Герцен направил острие своих статей против идеалистов всех мастей. Провозглашая торжество материализма, Герцен выступал против эмпиризма и схоластики, против узкой пеховщины и дилетантизма в науке, за установление тесной связи философии и естествознания. Без такой связи «философия погрязает в абстракциях, а положительные науки терпят в бездне фактов».¹

Произведения Герцена рушили старые антинаучные воззрения и естествознания, развивали необычайно смелые взгляды на важнейшие проблемы науки. Герцен был, в частности, активным сторонником идеи органической эволюции. «История мышления — продолжение истории природы»,² — писал он.

Высоко оценивал «Письма об изучении природы» В. И. Ленин, который о первом из них («Эмпирия и идеализм») писал, что оно «показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков...».³

Философские работы Герцена, не только обобщавшие новейшие данные науки, но и предлагавшие в высшей степени прогрессивное решение научных проблем, выдвинутых развитием всей мировой науки, имели огромное значение для укрепления материалистической традиции не только в передовой русской общественной мысли,

¹ А. И. Герцен, Избранные философские сочинения, т. 1, ОГИЗ, 1946, стр. 98.

² Там же, стр. 125.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 10.

но и в среде русских естествоиспытателей. Среди русских ученых-естественников было немало активных сторонников материализма. Они смело распространяли среди молодежи прогрессивные естественно-научные знания, которые подрывали устой помещичьего быта, поповщины, суеверия, освобождали народ от темноты и невежества.

Успехи русских и зарубежных естествоиспытателей первой половины XIX в. служили одной из основ для формирования материалистического мировоззрения декабристов и Герцена, Белинского и петрашевцев, Добролюбова и Чернышевского.

Передовые, наиболее выдающиеся ученые России первой половины XIX в. стремились ускорить прогрессивное развитие страны. Их патриотизм являлся одной из движущих сил в развитии русского естествознания.

Однако развитие естественных наук тормозилось царским правительством, реакционная политика которого серьезно мешала ходу хозяйственной и общественной жизни страны. Пренебрежительное отношение русского самодержавия в буржуазии к отечественной науке, их рабское преклошение перед иностранной наукой и техникой не могли не скалаться на развитии научной мысли в России. Чрезвычайно ограниченное количество средств, отпускаемых на научные исследования, не позволяло русским ученым создать широкую экспериментальную базу для работы, а многие крупнейшие открытия русских ученых первой половины XIX в. вследствие презрительного отношения царского правительства к отечественной науке оказались забытыми или присвоенными иностранными учеными.

Развитие передового материалистического естествознания в России происходило в ожесточенной борьбе с реакционной феодально-крепостнической идеологией, представители которой, выражая интересы отживающего самодержавно-крепостнического строя, стремились задержать поступательное движение страны, всячески старались тормозить прогрессивное развитие русской науки. Представители реакции, сторонники помещичье-крепостнического строя, были яростными врагами всего передового, прогрессивного, что способствовало развитию страны. Такие мракобесы и реакционеры, как Голицын, Шишков, Уваров и другие, насаждали в области науки мистику, заглушали все прогрессивное, стремились сделать просвещение и науку орудием, укрепляющим неизбежность феодально-крепостнических отношений и господство самодержавия. Реакция особенно усилилась после подавления восстания декабристов.

Правящие круги тогдашней России не без оснований видели в развитии естественных наук большую опасность для своего существования. Однако объективные закономерности хозяйственного прогресса страны неизбежно оказывались сильнее царской политики.

Экономические и культурные потребности требовали роста науки. Нельзя было отнять у русских ученых и их патриотического желания творить на благо родины. Свою деятельность, направленную на благо народа, на прославление

русской науки, они по праву рассматривали как свой гражданский долг, как свой патриотический подвиг. И несмотря на гонения и притеснения, ограничения и нападки, русская наука продолжала расти и в годы необузданного произвола Руничей и Магницких и в не менее мрачные годы правления Николая I.

Развитие естественных наук в первой половине XIX в. обуславливалось в известной степени ростом высших учебных заведений в стране. К началу века относится открытие ряда университетов: в 1803 г. в Вильно, в 1804 г. в Казани и в Харькове, в 1819 г. в Петербурге.

Научная и техническая мысль страны сосредоточивалась также в различных высших учебных заведениях и ученых обществах.

В столице растет сеть специальных высших учебных заведений, о которых говорилось выше. В этих учебных заведениях успешно разрабатывались новые проблемы в области естественных и технических наук.

В 1804 г. в Москве создается Физико-медицинское общество, в 1805 г. — Общество испытателей природы, продолжающее свою деятельность и в наши дни. При Харьковском университете возникает Общество наук, в Петербурге успешно продолжает свою деятельность Вольное экономическое общество, основанное еще в 1765 г., в 1817 г. создается Минералогическое общество, в 1845 г. основывается Русское географическое общество.

В связи с возникновением новых научных центров Академия Наук потеряла право считаться вместе с Московским университетом почти единственным средоточием науки в стране. Опекаемая вельможными гонителями просвещения Академия Наук была далека от решения многих насущных практических вопросов того времени, готовила мало новых научных кадров, почти не пыталась сделать научные знания достоянием народа. Недоверие отдельных академиков к новым идеям в науке привело к тому, что они с недоумением взирали на деятельность Н. И. Лобачевского и не допустили этого гениального математика в свою среду.

Научные общества страны сосредоточивали в себе лучшие силы тогдашней науки. Почти все они издавали свои журналы. Значительное число научных изданий выходило в Петербурге. В связи с подготовкой к войне с Наполеоном заметно оживляется военная печать: в 1807 г. начали выходить «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом», в 1808 г. — «Артиллерийский журнал», в 1810 г. — «Военный журнал» и т. д. Расширяется издание технических журналов. С 1804 г. стал выходить «Технологический журнал», а с 1825 г. издаются «Горный журнал» и «Журнал мануфактур и торговли», с 1826 г. — «Журнал путей сообщения», «Инженерные записки» и т. д.

Периодические печатные издания являлись трибуной, с которой русские ученые пропагандировали свои достижения, делали их доступными для научной мысли всего мира. В них выступали с сообщениями о своих открытиях и изобретениях и люди, еще не известные в науке.

В то время, когда в Казани знаменитый русский математик Н. И. Лобачевский создавал свою гениальную геометрическую теорию, в Петербурге складывался фундамент для создания большой научной школы, сыгравшей огромную роль в развитии математической науки в России. Возникнув в Петербурге, эта математическая школа получила название Петербургской. Отличительной ее особенностью было постоянное стремление тесно увязывать вопросы математической науки с проблемами естествознания и техники. В ней получили свое блестящее развитие математическая физика, теория чисел и теория вероятностей. Выдающимися представителями этой математической школы были В. Я. Буяковский, М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев.

Академик В. Я. Буяковский, занимаясь теорией вероятностей, применил ее положения к статистике народонаселения и тем самым явился родоначальником русской демографии. Ему принадлежит ряд работ по математическому анализу. Большой заслугой В. Я. Буяковского является созданный им прекрасный для своего времени учебник «Основания математической теории вероятностей».

Имя М. В. Остроградского связано не только с исследованием многих математических проблем, но и с разрешением первостепенных вопросов в области гидростатики, гидродинамики, баллистики, теории упругости и теории теплоты. Он первым установил один из основных законов механики — принцип наименьшего действия. Предметом исследования М. В. Остроградского были математическая физика, аналитическая и небесная механика и другие смежные области математики.

Большую научную работу М. В. Остроградский совмещал с широкой педагогической деятельностью. Читая различные курсы в Педагогическом институте, в Институте путей сообщения, в Морском корпусе, в Артиллерийской академии, М. В. Остроградский показал себя прекрасным педагогом, подготовившим немало высококвалифицированных специалистов. Его лекции основывались на последних достижениях математической и физической науки. Прогресс науки М. В. Остроградский неразрывно связывал с применением ее результатов к практике.

Одним из выдающихся деятелей русской математической мысли середины XIX в. был П. Л. Чебышев. От него ведут свое начало многие идеи и методы современной теории вероятностей, теории чисел и теории механизмов. Его исследования в этих областях принесли ему мировую славу. Результаты своих научных работ П. Л. Чебышев стремился поставить на службу производству. В статье «Черчение географических карт» он писал: «Сближение теории с практикой дает самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает; сами науки развиваются под влиянием ее: она открывает им новые предметы для исследования, или новые стороны в предметах давно известных». Руководящим принципом научной деятельности П. Л. Чебышева, как

и других математиков России, было желание принести наибольшую пользу родной стране.

Первая половина XIX в. является весьма знаменательным периодом в развитии астрономии. Успехи точных наук в XVIII в. и в первой половине XIX в. способствовали созданию наиболее совершенных и мощных оптических приборов. Сильный толчок в своем развитии русская астрономическая наука получила в связи с созданием Пулковской астрономической обсерватории, которая стала подлинным рассадником астрономических знаний в России. Пулковская обсерватория, оборудованная новейшими приборами и инструментами (например, телескоп-рефрактор, дававший увеличение в 2000 раз, был единственным в мире в течение значительного времени), воз-

главляемая выдающимся русским астрономом В. Я. Струве, стала основным центром не только русской астрономической науки, но и мировой. Астрономические наблюдения, проводимые Пулковской обсерваторией, получили мировое признание как самые точные и тщательные. Пулковские фундаментальные каталоги звезд до сих пор являются лучшими из всех существующих. Особо важное место в деятельности Пулковской обсерватории заняли геодезические работы. В 1843—1844 гг. была с большой точностью определена долгота Пулковской обсерватории относительно Гринвича. Пулковский меридиан стал исходным для определения координат русских городов и для определения долгот внутри страны относительно Пулкова. Эти работы стали прочной научной основой для всего последующего развития картографии в России. Следует указать на тесную связь Пулковской обсерватории с Русским географическим обществом. Обсерватория выделяла астрономов для географических экспедиций и производила обработку астрономических материалов экспедиций. В стенах Обсерватории высокую квалификацию полу-

*П. Л. Чебышев, математик (1821—1894).
Литография середины XIX в.*

чали многие русские астрономы, геодезисты, картографы и военные топографы.

В Петербурге в первой половине XIX в. была проведена большая работа по организации службы погоды в России. Для руководства метеорологическими и магнитными наблюдениями, проводившимися в стране в 1849 г., в Петербурге была создана Главная физическая обсерватория. Академиком А. Я. Купфером были организованы регулярные метеорологические наблюдения по всей России. Результаты этих наблюдений стали печататься в Петербурге под названием «Метеорологические обозрения».

В области развития физики Петербургу в первую половину XIX в. принадлежит одно из ведущих мест в мире. Несмотря на ограниченность средств со стороны правительства в деле развития отечественной науки, в начале XIX в. растет сеть физических лабораторий, многие из которых явились очагами развития физической науки.

Основателем Физического кабинета при Медико-хирургической академии был В. В. Петров, которому принадлежат огромные заслуги в области изучения электричества. Продолжатель бессмертных идей М. В. Ломоносова В. В. Петров явился основоположником новой науки — электротехники. В 1802 г., работая в Физической лаборатории Медико-хирургической академии, он впервые в мире получил электрическую дугу.

Большие заслуги принадлежат В. В. Петрову в деле изучения люминесценции — особого свечения тел, испускающих характерный для каждого из них свет. Открыв электрическую дугу, В. В. Петров впервые указал на возможность ее практического применения для освещения, электросварки и электроплавки. Его открытия послужили основанием для дальнейшей разработки этих проблем, которые превратились затем в самостоятельные отрасли техники.

В. В. Петров оставил светлую память в потомстве не только как выдающийся представитель русской науки, но и как талантливый педагог. Он был основателем нового направления в преподавании физической науки. Его увлекательные и содержательные лекции сопровождался показом новейших достижений физики и закреплялись практическими работами. Неустомимый борец за просвещение и науку, В. В. Петров был горячим патриотом своего народа, своей Родины. Его смелые и независимые суждения, его борьба за новое в науке встречали со стороны реакционно настроенной части ученых, привыкших почитать лишь завидноевропейские авторитеты, непреодолимые препятствия. Многие значительные открытия русского ученого остались не замеченными его современниками.

Только спустя много лет после смерти В. В. Петрова его труды стали известны, и его имя по праву заняло одно из почетных мест среди славной плеяды русских естествоиспытателей.

Большую роль в развитии русской физики сыграл Физический кабинет, существовавший при Академии Наук. В течение первой половины XIX в. в стенах

этой научной лаборатории были сделаны выдающиеся открытия в области физики. Многие из этих открытий принадлежали талантливому ученому Э. Х. Ленцу. Высокое экспериментальное искусство и постоянный уклон в сторону практического использования новейших данных науки делают Э. Х. Ленца прямым продолжателем научного наследия В. В. Петрова. Вслед за Петровым он продолжает исследования в области электричества. В 1833 г. Э. Х. Ленцем был открыт закон о направлении индуцированного тока, позже, в 40-х годах, им был открыт закон теплового действия тока. Большим достижением Э. Х. Ленца является разработка самых актуальных для того времени вопросов электромагнетизма на материалистической основе. Э. Х. Ленц по праву считается одним из творцов закона сохранения и превращения энергии.

Но научная деятельность Э. Х. Ленца не ограничивалась исследовательской работой в области электричества. Принимая участие в кругосветном плавании в 1823—1826 гг. под командованием О. Е. Коцебу и в экспедиции на Кавказ в 1829 г., Э. Х. Ленц провел большую научную работу в области физической географии и океанографии, принесшую ему широкую известность.

Э. Х. Ленц принимал активное участие в решении ряда научных и технических проблем, имевших большое практическое значение для страны. Он исследовал причины обмеления Азовского моря, организовал систематические наблюдения земного магнетизма, изучал новые системы отопления и вентиляции.

Педагогическая деятельность Э. Х. Ленца протекала в Петербургском университете и в Педагогическом институте. Им были написаны превосходные курсы по физике и физической географии и создана первая в России школа электрофизиков.

Всей своей деятельностью, научной и педагогической, выдающиеся русские физики первой половины XIX в. способствовали наступлению перелома в физической науке, который, однако, осуществился лишь в 60—70-х годах. Преобладающий интерес в исследованиях петербургских физиков получили вопросы, связанные с электричеством, так как именно этой отрасли физики, как они хорошо понимали, суждено было сыграть громадную роль в развитии производства и всего хозяйства страны.

Русская химическая наука, основанная М. В. Ломоносовым, далеко не сразу заняла подобающее ей место в мировой науке. Понадобились героические усилия многих выдающихся русских ученых, чтобы добиться ее всеобщего признания. В борьбе ученых-патриотов за развитие русской химической науки почетное место принадлежит исследователям, работавшим в Петербурге.

В первой половине XIX в. в Петербурге работала славная плеяда русских химиков, достойных продолжателей великого дела Ломоносова. К ним относятся В. М. Севергин, Г. И. Гессе, Н. Н. Зинин, А. А. Воскресенский и др.

В начале XIX в. в русскую химическую науку прочно вошла кислородная теория горения, окончательно вытеснив из естествознания антинаучную теорию флогистона. Кроме того, благодаря выдающимся открытиям русских физиков В. В. Петрова, Б. С. Якоби и других в области электричества, создаются новые отрасли химической науки — электрохимия, термехимия.

Большие заслуги в разработке вопросов технической химии принадлежат академику В. М. Севергину. По его инициативе в 1804 г. был создан «Технологический журнал», посвященный специально техническим проблемам. В. М. Севергин явился продолжателем создания русской химической терминологии, начатой М. В. Ломоносовым. Он много способствовал популяризации химической науки своими лекциями в Медико-хирургической академии, а также своими печатными трудами.

В Петербурге начал свою научную деятельность выдающийся русский химик и известный педагог А. А. Воскресенский. Он был одним из первых ученых России, начавших разработку вопросов органической химии. Им был получен хинин, имеющий большое значение в анилинокрасочном производстве, и теобромин, широко применяющийся ныне в химико-фармацевтической промышленности.

Особенно значительные заслуги принадлежат А. А. Воскресенскому как исследователю, установившему состав донецкого каменного угля. Он доказал, что уголь Донбасса не только по своим качествам не уступает заграничному, но и превосходит его. Эта работа А. А. Воскресенского послужила одним из толчков для развития каменноугольной промышленности Донбасса.

Нельзя не отметить и чрезвычайно плодотворную педагогическую деятельность А. А. Воскресенского. Он воспитал целую плеяду виднейших русских ученых, среди которых были Д. И. Менделеев, Н. Н. Бекетов, Н. А. Меншуткин и др. Деятельность А. А. Воскресенского получила высокую оценку великого русского химика Д. И. Менделеева, назвавшего своего учителя «дедушкой русских химиков».

С 1848 г. в Медико-хирургической петербургской академии протекала научная деятельность другого выдающегося представителя русской химической науки — Н. Н. Зинина. Еще преподавателем Казанского университета Н. Н. Зинин открыл реакцию превращения ароматических нитросоединений в аминосоединения. Этим открытием он снискал себе славу мирового ученого. Синтетическим получением анилина были заложены основы развития анило-красочной промышленности.

Н. Н. Зинин принимал активное участие в жизни химических научных кружков Петербурга.

Еще в Казани Н. Н. Зинин создал русскую химическую школу, воспитанниками которой были известные русские химики А. М. Бутлеров, В. В. Марковников, А. М. Зайцев и др.

Н. Н. Зинин и его современник А. А. Воскресенский явились основателями нового самостоятельного направления в русской химической науке. Однако

наиболее мощный подъем русской химической науки относится к 60—70-м годам XIX в. Он связан с бессмертными именами творца периодической системы элементов Д. И. Менделеева и создателя теории строения органических соединений А. М. Бутлерова.

Промышленные нужды страны требовали большого количества металла, топлива, строительных материалов. В связи с этим интенсивно развивается русская геологическая наука. С начала XIX в. в России началось планомерное геологическое обследование страны. Несмотря на недостаток средств, ведутся съемки, создаются геологические карты. К началу века относится создание ряда высших учебных заведений с кафедрами геологии и минералогии, где ведется подготовка русских геологов. Большое значение в воспитании первых русских специалистов-геологов имел Горный институт в Петербурге. При Горном институте был основан Горный музей — крупнейшее хранилище русских минералов и минералов всего мира.

Видную роль в развитии геологической науки в России сыграли Московское общество испытателей природы и Минералогическое общество в Петербурге, основанное в 1817 г. Труды Минералогического общества явились крупнейшим вкладом в русскую и мировую геолого-минералогическую науку. «Горный журнал», издаваемый в Петербурге с 1825 г., был лучшим геологическим печатным органом в стране.

Известным русским минералогом первой половины XIX в. был В. М. Севергин. Последователь и продолжатель лучших традиций русской науки, заложенной М. В. Ломоносовым, В. М. Севергин большое значение придавал использованию своих трудов в промышленности, старался поставить свои научные достижения на службу народу и стремился освободить страну от иностранного сырья. «Успехи ремесел и заводов в необходимой находятся связи с успехами наук», — писал В. М. Севергин.¹ В своих трудах Севергин неустанно проповедировал необходимость использования природных богатств России. «Пространное государство Российское, — писал В. М. Севергин, — столь изобилует различными природными произведениями, что требует токмо поощрения и рук трудолюбивых для доставления их в достаточном количестве в замену иностранным».² В. М. Севергин тщательно изучил и описал многие русские минералы. В 1809 г. им была составлена первая подробная сводка минералов России — «Опыт минералогического землеописания Российского государства».

В. М. Севергин занял видное место в науке как один из основоположников русской описательной минералогии и как создатель первых крупных сводок по минералам нашей страны.

¹ Д. П. Григорьев и И. И. Шафрановский. Выдающиеся русские минералогии. М.—Л., 1949, стр. 89.

² Там же, стр. 88.

Другим выдающимся ученым в области геологии и минералогии был профессор Петербургского университета и Горного института Д. И. Соколов. Сын бедного ремесленника Д. И. Соколов был воспитанником Горного института, после окончания которого был оставлен в качестве преподавателя горных наук. В своем образцовом для того времени учебнике «Руководство по минералогии» Д. И. Соколов проводит идею эволюционного развития как по отношению к неорганическому миру, так и по отношению к живой природе. Н. И. Кокшаров, работавший в Горном институте в середине XIX в., явился достойным продолжателем трудов русских геологов и минералогов В. М. Севергина и Д. И. Соколова. Кокшаров справедливо называется «отцом русской описательной минералогии и кристаллографии». Его многотомный труд «Материалы для минералогии в России» положил, по определению акад. В. И. Вернадского, «прочный фундамент навсегда, для всех обобщений в данной области».

В первой половине XIX в. большое развитие получила русская географическая наука. Русские кругосветные плавания составили целую эпоху в истории географической науки. Почти все кругосветные экспедиции снаряжались и отправлялись из Петербурга. Отсюда начали свои кругосветные плавания И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский в 1803 г., В. М. Головнин в 1807 г., О. Е. Коцебу в 1815 г. и в 1823 г., Ф. Ф. Беллинггаузен и М. П. Лазарев в 1819 г., Ф. П. Литке в 1821 г. и др. Инициатива в организации кругосветных путешествий принадлежала представителям передового морского офицерства и прогрессивным деятелям русской науки. Результатом русских кругосветных плаваний явилось открытие ряда островов в Тихом океане и в Антарктике, открытие Антарктиды. Значительные результаты были достигнуты в области океанографии, в области картографических исследований; важным достижением географической науки явилось создание новых атласов и практических руководств для плаваний.

Большие географические исследования велись на территории России и в омывающих ее морях. Изучаются северные моря, северо-восток Азии, Приамурье и т. п.

Широкую известность получили исследования русских биологов первой половины XIX в. Передовые русские биологи-эволюционисты, преодолевая религиозно-идеалистические представления о живой природе, успешно боролись и с метафизическими взглядами в науке, приходили к материалистическим воззрениям на природу. Эволюционное представление об органическом мире сыграло большую роль в развитии науки о природе. В 20—30-х годах видные петербургские ученые обосновали идею эволюционного развития организмов: К. М. Бэр — на материале эмбриологии и сравнительной анатомии, Х. Г. Пандер и Д. И. Соколов — на палеонтологическом материале, П. Ф. Горянинов и М. А. Максимович — на данных ботаники. В Москве распространению эволюционных взглядов много способствовал К. Ф. Рудь. Эволюционная теория русских биологов способствовала развитию материалистической философии в России. Благодаря трудам

русских биологов-эволюционистов теория Дарвина нашла в России подготовленную почву для своего распространения.

Развитию биологической науки способствовали и успехи точных наук. Прогресс оптики, совершенствование микроскопа позволили русским ученым успешно продолжить начатое в XVIII в. изучение не видимых невооруженным глазом объектов животного и растительного мира. Крупнейшим ученым-биологом первой половины XIX в. был К. М. Бэр. Бэр создал науку об эволюционном развитии животного организма, показал процесс развития как подлинно исторический процесс. С необычайной тщательностью им были прослежены все фазы развития цыпленка. «Начав с яйца, он показал человека человеку», — гласила надпись на медали, отлитой в честь 50-летия научной деятельности К. М. Бэра.

Известны труды К. М. Бэра в области антропологии, географии, этнографии. Его работы в области рыболовства и рыбной промышленности имели первостепенное практическое значение. Главной целью его научной деятельности было проследить возможности применения естественных наук к практической жизни.

Одиннадцатилетнее пребывание К. М. Бэра профессором анатомии и физиологии в Медико-хирургической академии имело важное значение для научной и организационной деятельности этой Академии.

К. М. Бэр был деятельным организатором новых научных обществ — Русского анатомического общества, Русского географического общества. Он выступал как популяризатор успехов отечественной науки.

Научные заслуги К. М. Бэра получили мировую известность. Имя Бэра Ф. Энгельс ставил рядом с именами Ламарка и Дарвина.

К числу отечественных ученых, развивавших эволюционную теорию в начале XIX в., относится Х. Г. Пандер, известный палеонтолог, эмбриолог и анатом. Еще в 20-х годах XIX в. он доказал, что животный мир развивается и что «изменение внешних условий вызывает в качестве необходимого следствия соответственные изменения в строении животного».¹ Этого замечательного ученого Дарвин считал в числе своих предшественников.

Из других разделов биологии значительное развитие получает анатомия. Огромную роль в развитии этой области биологии сыграли труды Н. И. Пирогова. Он разработал новый метод определения истинного положения органов человеческого тела и дал точное их описание. Анатомический атлас, созданный Н. И. Пироговым, был незаменимым учебным пособием для многих поколений русских врачей. Колоссальные заслуги принадлежат Н. И. Пирогову в развитии хирургической науки. Он явился основоположником военно-полевой хирургии и был первым профессором созданной им при Медико-хирургической академии специальной клиники. По его капитальным трудам по анатомии и хирургии учились тысячи врачей России и всего мира. В 1846 г. Н. И. Пироговым был

¹ Цитируется по книге: Б. Е. Райков. Русские биолога-эволюционисты до Дарвина, т. II. М.—Л., 1951, стр. 181.

основан в Петербурге, анатомический институт, сыгравший большую роль в развитии анатомии в России. Учениками Н. И. Пирогова считали себя все русские врачи. Находясь в период Крымской войны 1853—1855 гг. в действующей армии, Н. И. Пирогов впервые в истории война привлек для работы в полевых госпиталях женщин в качестве сестер милосердия, ввел в употребление при ранениях неподвижную гипсовую повязку, применил в боевых условиях эфирный наркоз для оперируемых больных.

Известна общественная и публицистическая деятельность Н. И. Пирогова. Ему принадлежит ряд прогрессивных статей, помещенных в различных русских журналах. Много сил отдал Н. И. Пирогов усовершенствованию медицинского образования в России, обращая основное внимание на практические занятия студентов. Многочисленные печатные труды Н. И. Пирогова явились прекрасным пособием для русских врачей и врачей всего мира.

Физиология была представлена в Петербурге работами академика П. А. Загорского, Д. М. Велланского и, в особенности, предшественника И. М. Сеченова в Медико-хирургической академии А. П. Загорского.

В 1824 г. при Академии Наук были созданы Ботанический сад и Ботанический музей, прославившиеся своими замечательными коллекциями. Сотрудники музея провели важную работу по описанию растительного мира России. Большое значение русскими ботаниками придавалось изучению лекарственных растений и использованию их для медицинских нужд.

Замечательную страницу в истории развития техники в первой половине XIX в. составляют достижения русских ученых-изобретателей и механиков-самоучек. Передовые русские люди гордились достижениями своих соотечественников в области науки и техники, в области мировой культуры. Декабрист Н. А. Бестужев с гордостью за свой народ писал: «Говоря о ходе просвещения, нельзя также не упомянуть... с некоторою гордостью, что по части физических применений мы, русские, во многих случаях опереживали других европейцев».¹

Но царское правительство, не веря в творческие способности русского народа, мало обращало внимания на простых безызвестных русских изобретателей. Лишь вынужденное идти навстречу требованиям владельцев кушеческих мануфактур, правительство Александра I издает в 1812 г. закон о привилегиях на технические изобретения. В 1833 г. этот закон был дополнен указом о привилегиях на технические усовершенствования. Эти законы в очень слабой степени стимулировали технический прогресс в стране, главным образом они охраняли интересы казны. По указу 1812 г. привилегии изобретателя охранялись государством в течение 3 лет при уплате пошлины в 300 руб., а в течение 5 лет — 500 руб.² и т. д. По

¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, 1951, стр. 440.

² ПСЗ, т. XXXII, № 25143.

тем временам это была громадная сумма. Только немногие изобретатели могли бы осуществить свои права и практически реализовать свои открытия.

Многие важные проблемы развития русской техники в первой половине XIX в. разрабатывались в Петербурге. Здесь был решен вопрос об использовании парового двигателя для водного транспорта. В 1815 г. в Петербурге был построен первый в России пароход «Елизавета». В 1820 г. между Петербургом и Кронштадтом курсировало 4 парохода.

Рост товарно-денежных отношений в стране заставил правительство приняться за строительство дорог, соединявших столицу со страной. В 1833 г. была закончена шоссейная дорога между Петербургом и Москвой.

Новая эпоха промышленного развития России наступает с возникновением железных дорог в стране. В 1837 г. была открыта железная дорога между столицей и Царским Селом (ныне г. Пушкин).

Еще в 30-х годах XIX столетия русскими крепостными механиками Е. А. и М. Е. Черепановыми на Урале была построена первая в России железная дорога с использованием паровоза. Но царское правительство выписало для Царско-сельской дороги паровоз из Англии, не оценив творческой инициативы отечественных изобретателей.

13 ноября 1851 г. началось регулярное железнодорожное сообщение между Петербургом и Москвой. Постройка железнодорожной магистрали Петербург—Москва производилась по проектам русских инженеров из отечественных материалов. Немалая заслуга в строительстве многочисленных мостов этой магистрали принадлежит воспитаннику Петербургского института путей сообщения талантливому русскому ученому Д. И. Журавскому. Впервые в мировой практике мостостроительства при конструировании 9-пролетного моста через овраг и речку Веребью Д. И. Журавский применил самостоятельную и оригинальную систему решетчатых ферм. Исследования Д. И. Журавского в области сопротивления материалов и конструкций являются огромным вкладом в строительную механику и мостостроение. На основе разработанной им методики расчета деревянных и металлических конструкций он построил ряд мостов на железной дороге Москва—Петербург. Ему же принадлежит создание металлических конструкций шпиль Петропавловского собора.

Ученые Петербурга обогатили страну и рядом других технических изобретений. Им принадлежит честь создания первого в мире электромагнитного телеграфного аппарата. В 1832 г. русский электротехник П. Л. Шиллинг изобрел первый практически пригодный электромагнитный телеграф и установил связь между Зимним дворцом и зданием Министерства путей сообщения. Это была первая в мире линия электрического телеграфа. Им же был разработан проект первой в мире подводной телеграфной линии, связывающей Петербург с Кронштадтом.

Непосредственным продолжателем открытий Шиллинга явился Б. С. Якоби. В 1839 г. им был изобретен первый пишущий электромагнитный телеграф.

В 1850 г., за 5 лет до американца Юза, Б. С. Якоби создает первый в мире буквопечатный телеграфный аппарат с бумажной лентой, на которой печатался телеграфный текст. При постройке железнодорожной магистрали между Петербургом и Москвой Б. С. Якоби был приглашен установить телеграфную связь между этими городами. Разработав ряд новых технических идей, но не успев их осуществить, он был устранен от работ и заменен иностранными concessionерами.

Б. С. Якоби принадлежит изобретение первого в мире электрического двигателя и первого в мире электрохода. В сентябре 1838 г. по Неве плавало судно, приводимое в движение электродвигателем Б. С. Якоби.

В 1838 г. благодаря трудам Б. С. Якоби Россия стала родиной гальванопластики. Чтобы закрепить за Россией свое изобретение, Б. С. Якоби передал в Академию Наук изготовленный им гальванопластическим способом барельеф и письмо, которое заканчивал следующими словами: «Свое изобретение принадлежит России и не может быть оспоримо никаким другим изобретением вне оной». ¹ Гальванопластика получила широкое практическое применение. В Петербурге, на Васильевском острове, в 1840 г. было создано крупное промышленное предприятие, где методом гальванопластики изготовлялись разнообразные барельефы и статуи для Зимнего дворца, Исаакиевского собора и Петропавловского собора.

Б. С. Якоби успешно применил электричество в электроминном деле. Подводное минное оружие было использовано в обороне Петербурга во время Крымской войны.

Однако талантливый русский ученый не смог воплотить в жизнь всех своих проектов; самодержавно-крепостническая действительность являлась огромной преградой для развития творческих способностей русских ученых. Б. С. Якоби в конце своей жизни писал, что обстоятельства не способствовали полнейшему осуществлению его «пламенного желания дать означенным научным работам такое развитие, чтобы Россия могла в этом отношении, не прибегая к помощи заграничной техники, сама стать научным и промышленным центром, к которому остальные народы и страны должны были бы обращаться как к источнику научных путей и практических применений». ²

Большие заслуги в развитии русской технической мысли принадлежат простым русским людям, которые воплотили в себе народную мудрость и сметку. Крепостные техники-новаторы, создавая чрезвычайное множество смелых изобретений в самых разнообразных вопросах промышленности, машиностроения, транспорта, связи, металлургии, сельского хозяйства и т. д., руководствовались горячим желанием облегчить труд крепостных крестьян и рабочих людей.

Творческий гений русского народа воплотился, в частности, в замечательном технике-изобретателе И. П. Кулибине, значительный период деятельности которого

¹ Цитируется по книге: Б. Г. Кузнецов. Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 77.

² Там же, стр. 76.

*И. П. Кулибин, механик Академии Наук (1735—1818). Портрет маслом работы неизвестного художника начала XIX в.
Музей М. В. Ломоносова Академии Наук СССР.*

протекал в Петербурге. Свыше 30 лет работал И. П. Кулибин в Академии Наук в качестве механика. Им был разработан ряд проектов в области мостостроения, которые опередили все известные ранее. Проект гигантского деревянного одноарочного моста через Неву длиной в 298 м, созданный И. П. Кулибиным, долгое время оставался непревзойденным по своей смелости. Это изобретение техника-новатора, как и другие его выдающиеся творения, не могли быть реализованы в условиях крепостнической России. Остался не воплощенным в жизнь изобретенный И. П. Кулибиным оптический телеграф. Незаслуженно были забыты разработанные им проекты самоходных судов.

Большой заслугой И. П. Кулибина является подготовка молодых специалистов в России. Много и плодотворно трудился И. П. Кулибин над производством оптических приборов.

Выдающиеся проекты разводных мостов через Неву были разработаны в начале века талантливым изобретателем, крепостным ярославского помещика, М. Г. Калашниковым. Ему же принадлежит создание машины, поднимающей воду на значительную высоту для орошения лугов. Но проекты М. Г. Калашникова, как и изобретения многих других русских техников, не были приняты. Правительство на многочисленные предложения изобретателя отвечало, что проектами «занимаются люди, выписанные из чужих краев и известные своей ученостью, и что это не мужицкое дело».

В Петербурге в 1804 г. поднялся первый воздушный шар с научными целями. Это первое воздушное путешествие было совершено академиком Я. Д. Захаровым, поднявшимся на высоту 3000 м. В первой же половине XIX в. делаются смелые предположения о возможности развития воздушного транспорта в России.

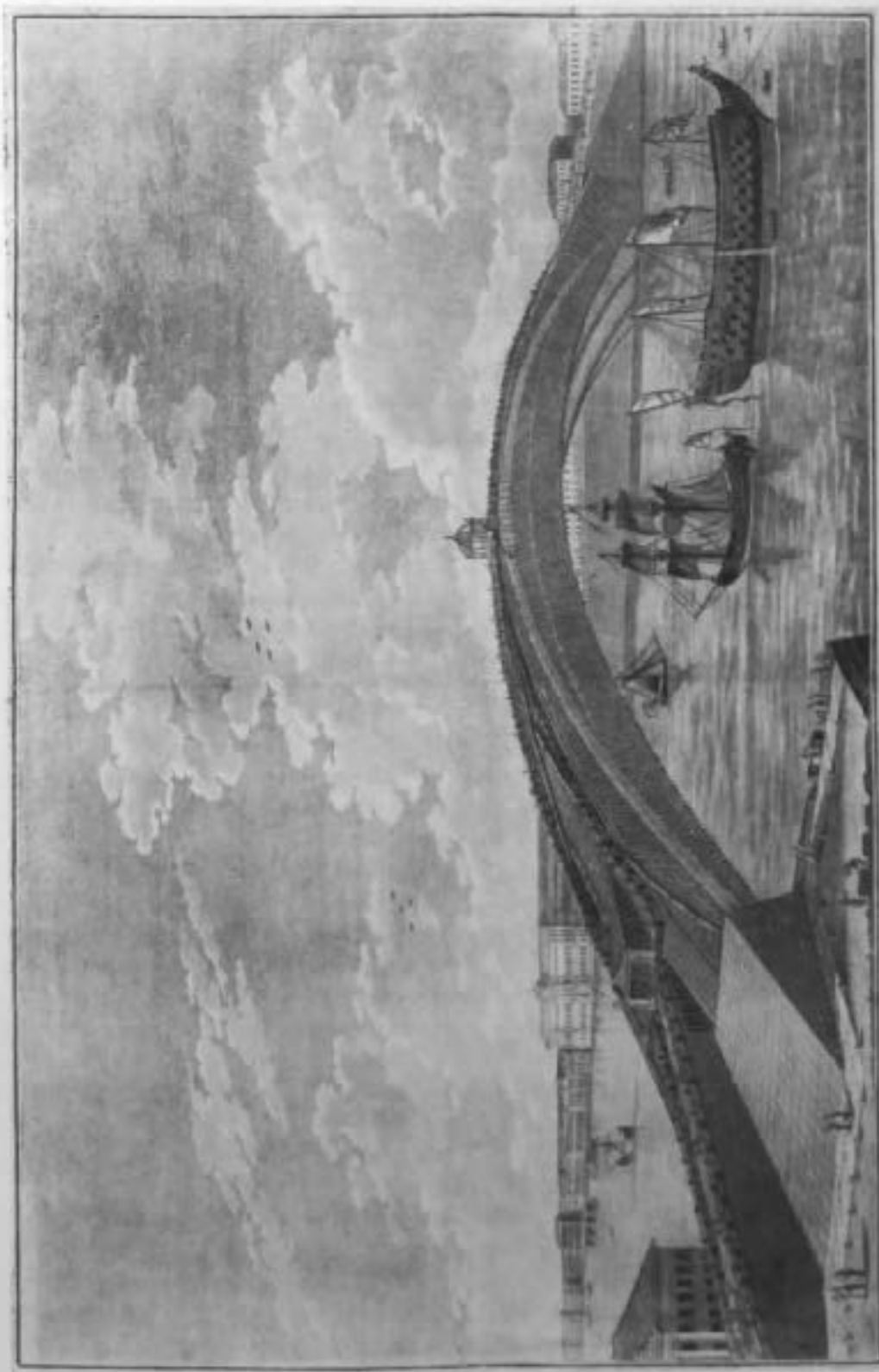
В середине XIX в. был разработан вопрос о производстве высококачественных сталей воспитанником Горного института П. П. Аносовым. Его труд «О булатах» был издан в Петербурге в 1841 г. Русская сталь становится одной из лучших в мире. Целевым открытием в 1848 г. было изобретение П. Р. Багратионом способа извлекать золото из руды путем цианирования. Способ, предложенный П. Р. Багратионом, сохранял свое значение и в современной металлургии золота.

В первой половине XIX в. успешно разрабатываются и вопросы военной техники. В области военно-инженерного искусства большую известность приобретает имя военного инженера А. З. Теляковского. Изучив историю русского военно-инженерного дела, Теляковский решительно отверг схематизм и шаблонность, присущие тогдашней фортификации. Он блестяще увязал вопросы инженерного оборудования местности с тактикой. Его работы «Фортификация полевая» и «Фортификация долговременная» получили высокую оценку прогрессивной общественности России. В. Г. Белинский в журнале «Отечественные записки» отметил выход в свет работ А. З. Теляковского как «знаменательное явление» в военно-инженерном деле.¹

Значительные результаты в середине века были достигнуты в разработке вопросов артиллерии. Русский инженер К. И. Константинов выступил зачинателем ракетного оружия. Позднее блестящее разрешение эта проблема получила в трудах другого русского ученого К. Э. Циолковского.

Несмотря на разгул реакции в области просвещения и науки, правящие круги самодержавной России не могли остановить поступательного движения русской науки, уничтожить в передовой интеллигенции патриотические стремления отдавать все силы делу служения своей Родине. Патриотизм русских естествоиспытателей выражался в их желании ускорить развитие страны, удовлетворить назревшие потребности русского общества.

¹ Отечественные записки, 1848, т. XLIX, ч. VI, стр. 29.

Однопролетный деревянный мост через Неву. Проект И. П. Кулибина 1776 г. Гравюра конца XVIII в.

Несмотря на тяжелые условия научной работы в первой половине XIX в., русские естествоиспытатели достигли выдающихся успехов в разработке многих вопросов естествознания и техники и тем самым внесли огромный вклад в развитие отечественной и мировой науки.

Отечественное естествознание развивалось в тесном взаимодействии с прогрессивной наукой Запада. Русские постоянно обменивались новыми идеями и результатами своих работ с передовыми учеными Англии, Франции, Германии. Знаменитые естествоиспытатели Лаплас, Кювье, Гумбольдт, Гаусс, Дэви, Фарадей были почетными членами петербургской Академии Наук. В свою очередь многие русские ученые являлись почетными членами лондонского Королевского общества, французской Академии Наук и т. д.

Передовые ученые Петербурга первой половины XIX в. вместе с прогрессивными учеными всей страны успешно развивали в своих трудах лучшие традиции, заложенные великим русским ученым М. В. Ломоносовым: тесную связь науки с нуждами страны, верное служение своему народу, своей Родине. Эти традиции были продолжены прогрессивными деятелями науки второй половины XIX в. Мощный подъем научной мысли в 60—70-х годах, подготовленный всем предыдущим ходом научного развития России, особенно достижениями науки в первую половину XIX в., был возглавлен такими выдающимися русскими учеными, как Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев и многие другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

 К началу 60-х годов XIX в., с которых открывается новая эпоха в развитии России — эпоха капитализма, Петербург стал одним из крупнейших промышленных, торговых и культурных центров страны.

Быстрый рост этого молодого русского города не был случайным. Петербург возник на исконно русской территории, в течение столетий игравшей огромную роль в экономическом развитии страны.

Устье Невы еще в древности являлось не только важнейшим стратегическим пунктом на северо-западных подступах к русским землям, но и служило наиболее удобным выходом на широкие морские пути. Естественно, что возникший первоначально как крепость Петербург с первых же лет стал превращаться в морской торговый порт, призванный обслуживать потребности всей страны. Значение Петербурга как крупного промышленного города также определялось его тесными хозяйственными связями с Москвой и основными областями Русского государства. Связи эти с каждым годом расширялись и крепились. Они обусловили развитие и других сторон жизни Петербурга.

Население города в XVIII в., равно как и в первой половине XIX в., росло почти исключительно за счет притока жителей из глубинных районов России.

Трудовой люд шел сюда, надеясь найти работу на строительных площадках или на промышленных предприятиях. Кушцов привлекал сюда первоклассный порт и широкий потребительский рынок. Дворяне ехали сюда в надежде попасть на

службу в гвардию, в многочисленные административные учреждения, сделать карьеру при дворе. Петербург как крупный культурный центр страны притягивал к себе поднимающиеся к науке и знаниям молодые силы, складывающуюся в стране интеллигенцию.

Структура населения столицы отражала структуру населения всей страны, но в Петербурге более отчетливо, чем в других местах, проявлялись новые тенденции в движении населения — рост числа лиц, живущих продажей своей рабочей силы, рост прослойки населения, которая предшествовала появлению в первой половине XIX в. промышленного пролетариата.

Высокому темпу роста населения отвечал быстрый рост застройки города.

Несмотря на то, что Петербург значительно отличался по своему облику от других русских городов благодаря применению самых передовых в XVIII в. принципов градостроительства, его планировка не исключила типичных черт, присущих другим русским городам.

И хотя по единому строгому плану прокладывались широкие прямые улицы, возникали просторные площади, но в центре возводились, как это было и в Москве, почти исключительно богатые особняки и дворцы-усады, а трудовое население вытеснялось в слободы на окраинах.

Архитектура Петербурга не копировала западноевропейских образцов, она была глубоко самобытной, национальной и сохраняла в XVIII в. немало особенностей, присущих русской архитектуре XVII в.

Плеяда талантливых русских зодчих — Баженов, Воронихин, Захаров, Кокорин, Растрелли, Росси, Стасов — создала в столице первоклассные творения. Архитектурные ансамбли Петербурга явились выдающимися творческими достижениями мировой архитектуры, высоко поднявшими славу русского зодчества.

Воспетая Пушкиным нельская столица стала одним из прекраснейших городов мира.

Но царизм и правящие классы заботились об украшении лишь центральных районов города, где жила вельможная знать, офицерство, купечество. В убогих лачугах на окраинах сидели рабочие люди, руками которых возводились роскошные дворцы. Развитие капитализма в России нашло яркое выражение и в облике столицы. Город опоясывается цепью фабрично-заводских предприятий. И без того жалкие окраины превращаются в городские трущобы.

Разительный контраст между нарядными проспектами и площадями центра и грязными трущобами окраин сохранился вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Тщетно было бы искать истоки культурной и общественно-политической жизни столицы только в специфически петербургских условиях. Эта жизнь определялась общественными интересами всей страны, в том числе и Петербурга. Прогрессивные общественные движения, которые происходили в столице, передовая

общественная мысль и культура, которые в ней развивались, были настолько же петербургскими, насколько общероссийскими. Значение Петербурга, как и Москвы, определялось тем, что именно здесь разворачивалась общественная борьба, создавались те культурные ценности и общественные теории, которые отражали наиболее прогрессивные тенденции в развитии русского народа.

Правящие классы царской России пытались превратить Петербург в главный оплот реакции, в рассадник обскурантизма и невежества, в трибуну национальной вражды и ненависти. Но мракобесие правительственных реакционеров не могло задержать мощных вехов русской демократической культуры как в Петербурге, так и во всей стране.

В Петербурге развивалась русская наука нового времени, которая выдвинула гениального Ломоносова и блестящую плеяду его учеников и последователей.

В произведениях Новикова и Фонвизина, Крылова и Державина, в полотнах Боровиковского и Левицкого, в актерской игре Волкова и Дмитревского еще в XVIII в. подготавливались принципы реализма, утвердившиеся в русском искусстве и литературе.

В Петербурге творил Пушкин — национальная гордость русского народа. Здесь расцветал гений Гоголя, здесь рождалась национальная опера Глинки, здесь писались прославленные полотна Кипренского, Брюллова, Федотова.

С Петербургом навеки связано творчество таких замечательных деятелей русской литературы и искусства, как Лермонтов, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Даргомыжский и многие другие.

В Петербурге к 50—60-м годам XIX в. сложился центр того революционно-демократического движения, которое стало смелым провозвестником освободительных и гуманистических идей русской демократической культуры.

Петербург с конца XVIII в. стал центром русского революционного движения. Здесь писал и печатал свою бессмертную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» великий демократ А. Н. Радищев. Здесь в 1825 г. на Сенатской площади подняли знамя восстания против самодержавия и крепостничества декабристы. Это был один из наиболее ярких виводов первого дворянского этапа русского революционного движения. Петербург явился центром и второго разночинского периода освободительной борьбы.

Начиная с 40-х годов XIX в. Петербург становится средоточием революционно-демократической пропаганды. Далеко по стране был слышен голос Белинского, гневно обличавшего пороки изживавшего себя реакционного самодержавно-крепостнического строя.

Здесь росли под благотворным влиянием идей Белинского и Герцена великие русские революционеры-демократы Чернышевский и Добролюбов, ставшие к концу 50-х годов признанными вождями освободительного движения.

Великое историческое значение деятельности двух поколений русских революционеров было обусловлено неразрывной связью их стремлений с чаяниями и

думами широких масс по всей России, с общественной борьбой, происходившей иной раз далеко за пределами столицы. Без подъема крестьянского движения не возникло бы в эпоху феодализма и революционной теории. В самом Петербурге трудящиеся массы столицы жили теми же стремлениями, что и трудовой люд всей страны. Правительство и правящие классы жили под постоянной угрозой подъема движения трудящихся столицы. Террор Тайной канцелярии, растущий аппарат полиции и в XIX в. жандармерия не могли ни подавить недовольства масс, ни предотвратить отдельных вспышек этого недовольства. Но рабочее движение проявлялось еще слабо. Кроме отдельных случаев брожения и стихийных выступлений, о рабочем движении в Петербурге до 60-х годов XIX в. почти ничего не известно. Рабочий класс еще не сложился и не мог осознать себя как класс. Но революционные теории, разрабатывавшиеся в Петербурге в первой половине XIX в., борьба дворянских революционеров, а после, с 50—60-х годов XIX в., революционных демократов не прошли бесследно. «Чествуя Герцена, — писал Ленин, — пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции».¹

Эти десятилетия были временем возникновения в стране, в том числе и в Петербурге, крупных капиталистически организованных фабрик и заводов. Условия труда и быта рабочих питали в их среде глубокое недовольство. В рабочем классе накапливались и зрели мощные революционные силы. Скоро пролетариат столицы встанет во главе революционного движения страны. Скоро идеи научного социализма проникнут в среду рабочих и позволят им осознать свое место в истории. Только немногие десятилетия отделяли возникновение второго, разночинского, периода в русском революционном движении от его третьего этапа — пролетарского, от времени соединения революционной теории с рабочим движением, времени зарождения русского социал-демократического движения. Скоро отдельные рабочие кружки сольются под руководством великого Ленина в Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Но все это произойдет уже в условиях капиталистической поры в жизни Петербурга.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 15.

У К А З А Т Е Л И

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Маркс К. 20, 22, 28, 225, 251, 592, 696, 813, 815, 821.
Энгельс Ф. 223, 382, 548, 592, 696, 813, 821, 843.
Ленин В. И. 5, 6, 189, 206, 207, 251, 253, 254, 326, 334, 409, 630, 687—689, 704, 711, 714, 747, 815, 816, 820, 833, 854.
Сталин И. В. 29, 49, 53, 80, 279, 328, 409.
- Аблесимов А. О. 434.
Август II 29.
Адагуров В. Е. 217, 218, 222, 232, 234, 419.
Айвазовский И. К. 785.
Акимов И. А. 441, 739.
Акулов Григорий 654.
Александр Невский 19, 20, 46, 47.
Александр I 404, 409, 472, 606, 634, 635, 640—648, 654, 655, 658, 662, 665, 666, 669, 670, 718, 726, 740, 744, 793, 844.
Алексеев Ф. Я. 443.
Алексеев 540.
Алексей Михайлович, царь 221, 237.
Алексей Петрович, царевич 48, 129, 184, 227.
Алфимович Федор 211.
Альбрехт К. Ф. 772.
Алябьев А. А. 735, 736.
Анастасия (Волкова) Мария 242.
Анастасия (Шумская) Ольга 242.
Англинский, герцог 643.
Андреев Алексей 258.
Андреев Василий 666.
- Андреев Евстафий 268.
Андрей Александрович, в. кн. 20.
Андреевна Е. И. 767.
Анна Ивановна, имп. 108, 110, 138, 142, 184, 190, 193, 194, 195, 197, 237, 238, 244.
Анна Леопольдовна, мать имп. Ивана Антоновича 197, 198.
Анна Петровна, царица 190, 275.
Анненков П. В. 687, 693, 694.
Анненкова 664.
Аносин П. П. 848.
Ангов-Ульрих Брауншвейг-Люнебургский, принц 197.
Антоволин П. Д. 697.
Антонов 453.
Антоновский М. И. 399.
Антропов А. П. 246, 247, 440.
Апраксин С. Ф. 204.
Апраксин Ф. М. 35, 74, 124, 126, 137, 150, 185, 210, 211, 227.
Апраксина 286, 543.
Арайн Франческо 238, 239.
Аракчеев А. А. 472, 576, 656, 668, 726, 740.
Аргунов Н. П. 246, 247.
Аргунов Ф. Л. 152, 153, 154.
Аркирайт Р. 254.
Арнаутов Иван 654.
Арсеньев К. И. 522, 657, 791, 793, 810, 817.
Асеникова В. Н. 764.
Астифьев А. И. 822.
Аткнлсон Д. 297, 313, 317.

- Аух 483.
 Афонясов 256.
 Афонин Т. 538.
 Ахлестин 527.
 Ахматов 701.
 Ахшарумов Д. Д. 696—698, 822.
- Баграмян П. И. 821.
 Баграмян П. Р. 848.
 Багрянский М. И. 403.
 Баженов В. И. 145, 321, 322, 326, 340, 345—
 347, 351, 358, 568, 577, 580, 852.
 Байер Г.-Э. 202, 203, 217, 219, 221.
 Байков Иван 740.
 Бакушин 674.
 Бакунины 351.
 Балакверев М. А. 774, 776.
 Балугьянский М. А. 791, 793.
 Батов Алексей 422.
 Барант 752.
 Баратынский Е. А. 737.
 Барцвай-де-Толли М. В. 743.
 Баршев 308.
 Барсов А. А. 417.
 Бартелов П. И. 685.
 Басин П. В. 593.
 Бассевич 244.
 Батенин 452.
 Батенков Г. С. 647, 678.
 Батищев Яков 69.
 Батищев 654.
 Батюшков К. Н. 636, 660, 719, 720, 721.
 Баур Ф. 341.
 Бахтурин К. А. 772.
 Беард-де-Лаббе 383.
 Бегров К. 127, 257, 575.
 Безбородко А. А. 408, 443.
 Бекетов Н. Н. 840.
 Беклария Ц. 384.
 Беленицкая (Кармалина) Л. И. 774, 778.
 Белинский В. Г. 8, 191, 202, 235, 338, 425, 684,
 687—695, 697—699, 702, 703, 713, 716, 718,
 747—749, 751—754, 756—758, 760, 761, 763,
 764, 766, 770, 781, 782, 784, 802, 803, 807,
 812—816, 818—824, 827—829, 831—834,
 848, 853.
 Беллинггаузен Ф. Ф. 842.
 Беллин В. 777.
 Белобородов Алексей 487.
- Белосельские-Белозерские 596, 597.
 Беляев А. П. 724.
 Белянин 475, 476.
 Беннгсен Л. Л. 644.
 Бенкендорф А. Х. 537, 679, 749, 752.
 Бенуа Н. Л. 599.
 Беранже П.-Ж. 736.
 Берд 265, 266, 451, 456, 457, 479, 695.
 Березовский М. С. 438.
 Берлюз Г. 778.
 Бернар М. И. 779.
 Бернулли Давид 221.
 Бестужев А. А. 652, 660, 661, 668, 674, 722, 723,
 724, 735, 814, 820, 826, 831.
 Бестужев А. Ф. 399, 633.
 Бестужев М. А. 670, 671, 674.
 Бестужев Н. А. 530, 660, 661, 668, 672, 674, 814,
 817, 818, 820, 826, 833, 844.
 Бестужев П. А. 653.
 Бестужевы 146, 669, 670, 724.
 Бестужев-Марлинский А. А. см. Бестужев А. А.
 Бестужев-Рюмин А. П. 143, 198, 204, 351.
 Бестужев-Рюмин М. П. 578.
 Бетаншур А. А. 574.
 Бетховен Л. 737, 738, 777.
 Бещой И. И. 333, 404, 412, 413.
 Бибинов А. И. 386, 387.
 Бибинов Д. Г. 704.
 Бибиновы 736.
 Бирон Э.-И. 112, 146, 194—198, 205, 221.
 Бичурин И. 831.
 Бишев 260.
 Влудов Д. Н. 525.
 Влюментрост Л. Л. 220, 221.
 Бобров С. С. 399.
 Богданович И. Ф. 423, 424.
 Богомолов 408.
 Бодянский О. М. 831.
 Болотов А. М. 576.
 Болотов А. Т. 177, 196, 205, 421.
 Болтин И. Н. 422.
 Бомарше П.-О. 431.
 Борель 433.
 Борин С. Г. 309.
 Борисов 341.
 Борисовы 812.
 Бори И. М. 636—639, 645, 717, 720, 828, 830.
 Боровиковский В. Л. 442, 853.
 Бородавщины 640.

- Бортовинский Д. С. 437—439.
 Боткин В. П. 754, 761.
 Боткин С. П. 806.
 Боттом 674.
 Бражников Аф. 18.
 Брайко Г. Л. 397.
 Браунштейн 137.
 Брежневский 640.
 Бренва В. Ф. 326, 345, 347, 356, 580.
 Браскорн 543.
 Броувер 300.
 Броун 125.
 Бруни Ф. А. 593, 779, 780, 784, 785.
 Брусиллов Н. П. 720.
 Брусницын 452.
 Брюдлов А. П. 576, 592, 596, 598.
 Брюдлов К. П. 8, 593, 715, 742, 750, 780, 781—785, 853.
 Брюс Р. В. 64, 122, 137, 227.
 Брюс 352.
 Брянский Н. Г. 728.
 Бубликов (Бубличенко) Тимофей 239.
 Бужинский Гавриил 36.
 Булгарин Ф. В. 682—684, 748, 750, 754, 758, 763, 772, 778, 829, 831.
 Бульвер-Литтон 765.
 Буныковский В. Н. 798, 836.
 Бурбоны 643.
 Бурцев Алексей 56, 57.
 Бурцев И. Г. 657, 662, 792.
 Буссе Ф. И. 789, 806.
 Буташевич-Петрашевский М. В. см. Петрашевский М. В.
 Бутлеров А. М. 840, 841.
 Бутурлян А. В. 51.
 Бутурлян Д. П. 700, 701.
 Бутурлян И. И. 30.
 Бутурляны 216.
 Бутц 457.
 Буше де Перт 828.
 Быков 257.
 Бар К. М. 842, 843.
 Валуйев 309.
 Вальд И. И. 408.
 Вараксин 457.
 Варенъ 740.
 Варламов А. Е. 776.
 Васильев Енграф 666.
 Васильев Матвей 274.
 Васильев Михайло 229.
 Васильев Федор 126, 132, 137.
 Васильев Я. 143.
 Васильчиков И. В. 665.
 Вебер Б.-А. 738.
 Велланский Д. М. 813, 816, 844.
 Веневитанов Д. В. 813.
 Венецианов А. Г. 739, 741.
 Вернадский В. И. 842.
 Верстовский А. Н. 735, 737, 777.
 Веселовский К. С. 803.
 Вилардо Марио 777.
 Вигель Ф. Ф. 644.
 Виги А. К. 564.
 Виельгорский М. Ю. 773, 776, 777.
 Вильберг 451.
 Вильбоа К. П. 776.
 Вилькин Питер 50.
 Вилкус Андрей 227.
 Виноградов Д. И. 275.
 Виноградов Е. В. 121, 193.
 Виноградов 694.
 Винценгероде Ф. Ф. 650.
 Виртан Ив. 452.
 Вист А. Ф. 326.
 Витали И. П. 564, 593, 785.
 Витберг К. 689.
 Витгенштейн П. Х. 647, 650.
 Вишняков Н. Я. 246, 247.
 Вихлев Иван 92.
 Внуков Е. 187.
 Волков Н. 275.
 Волков Г. Г. 242.
 Волков Михаил 189.
 Волков С. А. 152.
 Волков Ф. Г. 238, 240—242, 429, 853.
 Волков Ф. И. 323, 326, 336.
 Волков 459.
 Волкова М. см. Анастасия М.
 Волковская М. А. 590.
 Волковская 685.
 Волковский М. Н. 394.
 Волковский С. Г. 644.
 Володимиров 475.
 Волынский А. П. 141, 196, 197, 349.
 Вольтер Ф.-М. 203, 205, 383, 391, 400, 750.
 Вольф К. Ф. 419.
 Воинов Н. 491.

- Воробьев М. П. 335, 581, 651.
 Воробьев Я. С. 434.
 Воробьева (Петрова-Воробьева) А. Я. 735, 770, 772, 777, 778.
 Воронин 450.
 Воронихин А. И. 326, 350, 356, 550, 552, 556, 557, 564, 565, 568—573, 575, 577, 578, 587, 739, 852.
 Воронцов А. Р. 396, 401, 642, 643.
 Воронцов М. И. 146, 199, 204, 247, 275.
 Воронцов Р. И. 396.
 Воронцов С. Р. 264, 396, 401, 642.
 Воронцова Елизавета 205, 206.
 Воронцовы 198, 205, 349, 542, 584.
 Воскресенский А. А. 799, 840, 841.
 Востоков А. Х. 636, 645, 717, 810, 824, 831.
 Врангель Н. 590.
 Всеволожский Н. В. 664.
 Вяземский А. А. 352, 462.
 Вяземский П. А. 660, 681, 684, 750, 752, 773.
 Визмитилов С. К. 546.
 Гагарин Г. П. 396.
 Гайди И. 737, 738, 777.
 Галактионов С. Ф. 261.
 Галактионов С. 385.
 Галахов А. Д. 687.
 Галич А. И. 657, 790, 793, 816.
 Галупин Балтазар 436.
 Гадченков 693.
 Гальберг С. И. 586.
 Гальсене 452.
 Гарелин В. 268.
 Гаргунов 278.
 Гегель Г.-Ф. 692, 814.
 Гедонов А. М. 770.
 Генни Н. Е. 120.
 Генни В. И. 67.
 Георги И. Г. 280, 280, 297, 298, 318.
 Георги И. И. 419.
 Герард Н. К. 341.
 Герасимов Петр 393.
 Гербель Н. 171.
 Герман К. Ф. 657, 817.
 Герстенберг И. 459.
 Герстнер Ф.-А. 492.
 Гертнер И. 419.
 Гершен А. И. 8, 192, 642, 687—690, 692—694, 704, 713, 714, 747, 749, 763, 764, 782, 802, 806, 812—816, 818—823, 827, 831—834, 853, 854.
 Геслер 472.
 Гессе Г. И. 840.
 Гесте В. И. 577.
 Глаголевский С. В. см Серафим.
 Гладков И. В. 543.
 Глебов 349.
 Глинка В. А. 576, 586.
 Глинка М. И. 8, 562, 575, 716, 754, 735, 737, 769—778, 781, 782, 786, 790, 853.
 Глинка С. И. 645.
 Глинка Ф. И. 660, 663, 664, 722, 735, 792, 821, 826, 827.
 Глинков Родион 254.
 Глюк Х.-В. 777.
 Гмелин С. Г. 419.
 Гнедич Н. И. 660, 717, 718, 727.
 Гоголь Н. В. 8, 344, 545, 683, 684, 688, 693, 694, 697, 702, 716, 730, 742, 747, 749, 750, 752—756, 760, 762—764, 773, 781, 782, 784, 786, 831, 853.
 Гозенбах 457.
 Гольне В. А. 746.
 Голицыне 453.
 Голицын А. И. 656—658, 726, 791, 802, 834.
 Голицын Д. М. 183, 185, 188, 190.
 Голицын М. М. 63, 129.
 Голицыны 184, 188, 216, 443.
 Головин И. М. 56.
 Головин М. Е. 417, 419.
 Головин Н. И. 350.
 Головин Г. И. 129, 185, 188, 194, 246, 351.
 Головин В. М. 842.
 Гольбах П. 633.
 Гольберг Ф.-Л. 390.
 Гольдони К. 431.
 Гомзаго П. 357, 564, 570.
 Гомчаров И. А. 589, 692, 693, 747, 754, 756, 829.
 Горбунов К. А. 691.
 Гордеев Ф. Г. 357, 440, 443.
 Горлецкий Иван 221.
 Горностаев В. М. 600.
 Горюнов П. Ф. 842.
 Гот 484.
 Гофман Э. И. 793.
 Гошаков 540.
 Грабарь Н. Э. 340.
 Граббе П. Х. 707, 709.

- Грановский Т. Н. 810.
 Грейг С. К. 396.
 Гренвилль 536.
 Греч Н. И. 682, 683, 712, 748, 758, 829.
 Грибовский А. М. 400.
 Грибоедов А. С. 645, 660, 722, 724, 725, 729, 730, 735, 738, 750, 762—764, 774.
 Григорович В. И. 560.
 Григорович Д. В. 693, 756, 757.
 Григорьев В. В. 798, 831.
 Григорьев Н. П. 697, 698.
 Гримм Ф.-М. 416.
 Гроот Г. 246.
 Грот Я. К. 803.
 Гугель Е. О. 807.
 Гуин 211.
 Гулак-Артемовский С. С. 778.
 Гурьев А. Д. 740.
 Гурьев С. Е. 419.
 Гурьев 620.
 Гурынов И. А. 831.
 Густав-Адольф, шведский король 23.
 Густав Ваза, шведский король 22.
 Гущеваров 666.
 Гюго В. 775.
 Давыдов Д. В. 655, 718, 735, 742, 822.
 Давыдов Е. В. 742.
 Давыдов И. И. 702, 806.
 Давыдов С. И. 735.
 Даламбер Ж. 382.
 Дальстейн А. 106, 107, 113.
 Давидовский Н. Я. 803.
 Давылов Ф. 325.
 Давилова 731.
 Давильсон 547.
 Дантес Г.-К. 685.
 Дарвин Ч. 843.
 Даргомыжский А. С. 774—776, 778, 853.
 Дашков Д. В. 659, 720.
 Дашкова Е. Р. 206, 352, 400, 420.
 Дебу Н. М. 697.
 Дебу К. М. 697.
 Дегай 701.
 Дегтярев С. А. 736.
 Дей 472.
 Делавинь Н. 679.
 Деламог В. 326, 330, 332, 333, 340, 342, 343.
 Дельвинг А. А. 679, 683, 722, 750, 773, 803.
 Делягарди Я. 18, 24.
 Демажи Ж.-Ф. 793.
 Демерцов Ф. И. 261, 344.
 Демидовы 290.
 Демут-Малиновский В. И. 560, 564, 584—586, 600, 739.
 Демьянис Г. 268.
 Денсков А. Г. 521.
 Деннер 487.
 Державин Г. Р. 316, 323, 324, 340, 397, 399, 423, 425, 436, 440, 442, 720, 828, 853.
 Джефферис 63.
 Дибич И. И. 673.
 Дивнер А. М. 162, 163, 166, 167, 169, 170.
 Дивов П. С. 644.
 Дикло К.-Л. 731, 735, 767.
 Дидро Д. 382, 391, 442.
 Дикушин Г. 153.
 Дмитриев В. В. 636.
 Дмитриев Г. Д. 143.
 Дмитриев И. И. 439.
 Дмитриев-Мамонов И. И. 185.
 Дмитриев-Мамонов М. А. 602.
 Дмитриев-Свечин Н. Д. 778.
 Дмитриевская А. М., см. Муслина-Пушкина А. М.
 Дмитриевский Н. А. 242, 404, 429, 431, 437, 853.
 Добролюбов Н. А. 8, 642, 706, 711—713, 806, 834, 853.
 Доргов 394.
 Долговязов Пантелей 672, 676.
 Долгорукая Е. А. 188.
 Долгорукий А. Г. 188.
 Долгорукий И. А. 664, 726.
 Долгоруков А. А. 212.
 Долгоруков П. И. 736.
 Долгорукие 184, 188, 196.
 Доленга-Ходаковский Зоран (Адам Чарноцкий) 825.
 Дольчи Карло 744.
 Домашнев С. Г. 424.
 Довлас Р.-С. 708.
 Донипетти Г. 777.
 Достоевский Ф. М. 693, 697, 747, 757, 830.
 Доу Д. 746.
 Дружанин А. В. 693.
 Дружанин 265.

- Друри 476.
 Друшкой-Соколинский М. В. 704.
 Дубровин 739.
 Дубянский Ф. М. 439.
 Дуров С. Ф. 697.
 Дюр Н. О. 764.
- Евдонов 534.
 Евронус А. И. 698.
 Егоров А. Е. 739.
 Егоров П. Е. 329, 330.
 Егоров 484.
 Екатерина I 123, 127, 184—186, 190.
 Екатерина II 71, 113, 204, 206, 243, 275, 282,
 305, 309—311, 314, 315, 322, 325, 332, 333,
 339, 345, 352, 353, 360, 382, 369, 375, 377,
 378, 381—387, 390, 391, 393—398, 400—405,
 408, 409, 412, 415, 416, 418, 420, 423, 424,
 429—431, 433, 436—438, 590, 601, 629, 631,
 632, 634, 750, 795.
 Елагин И. П. 231, 350, 396.
 Елагин Н. В. 701.
 Елизавета Петровна, имп. 64, 71, 73, 110, 113,
 146, 148, 173, 178, 195, 196, 198—200, 204,
 205, 239—241, 243, 247, 275, 301, 349.
 Еляков И. 91.
 Ермеев П. А. 443.
 Ерошкин П. М. 136—141, 144, 156, 197.
 Ефимов Н. Е. 592, 595.
- Жако П. 576, 586.
 Жданов А. А. 769.
 Жеребцов Ф. И. 152.
 Жемтугова П. И. 436.
 Жилин А. Д. 736, 737.
 Жихарев С. П. 727, 728.
 Жюмлин Г. 822.
 Жуков А. 452.
 Жуков В. Г. 453, 476—478, 480, 483, 484, 487.
 Жуковский В. А. 660, 721, 722, 724, 750, 752,
 753, 773, 781.
 Журавский Д. И. 565, 845.
- Заваловский П. В. 416, 640, 642.
 Завалишин Д. И. 652.
 Загорский А. П. 844.
 Загорский П. А. 844.
 Зайцев А. М. 840.
- Зайцев 119.
 Зарудный Н. П. 119, 142, 246. **И**
 Заринко С. К. 785.
 Захаров А. Д. 326, 550, 552, 556—560, 562, 563,
 572, 575, 577, 587, 739, 852.
 Захаров А. 278.
 Захарев Д. И. 557.
 Захаров Я. Д. 419, 848.
 Зверков 452.
 Звитен фон 135.
 Зелеман Р. К. 595.
 Землюк М. Г. 119, 127, 128, 132, 134—138,
 141—144, 146, 152, 156.
 Зинин Н. Н. 716, 840, 841.
 Зиповьев Н. И. 361, 385.
 Захгейм И.-Б. 138.
 Злов П. В. 735, 737.
 Зола Э. 760.
 Зорина Елизавета 239.
 Зотев 408.
 Зубов А. Ф. 33, 39, 118, 125, 129, 130, 246.
 Зуев В. Ф. 219, 419, 421, 417.
 Заблоцкий Е. Ф. 791.
- Иван III 21.
 Иван IV Грозный 22, 827.
 Иван V 190.
 Иван Антонович, имп. 197, 382.
 Иванов А. А. 557, 716, 781, 782, 785.
 Иванов А. И. 739.
 Иванов Афанасий 68.
 Иванов Кузьма 488.
 Иванов М. М. 443.
 Иванов Трофим 119.
 Иванов, мастер 276.
 Иванов, крестьянин 487.
 Иванов, придворный камер 548.
 Ивлев П. 676.
 Имамйлов А. Е. 718.
 Имамйломы 352.
 Илис 457.
 Ильин И. И. 660.
 Ильин 453.
 Иноходцев П. Б. 419, 420.
 Исаев Иван 75, 92, 109, 163.
 Исаков, архитектурный ученик 141.
 Исаков, купец 527.
 Ислентев И. И. 419.
 Истомина Е. И. 731.

- Кавелин К. Д. 687.
 Кавос А. К. 576, 586, 767, 776.
 Кавос К. А. 734, 735, 770, 777.
 Казаков М. Ф. 358, 568, 576, 577.
 Кайданов Н. К. 790.
 Калвйдович К. Ф. 824, 831.
 Калашников М. Г. 848.
 Калмыков П. Д. 790, 798.
 Кальдерон С.-Э. 236.
 Камерон Ч. 326, 354—357, 570.
 Канкрин Е. Ф. 492, 504.
 Кантемир А. Д. 190—193, 196, 197, 234.
 Кантемир Дмитрий 191.
 Кашилет В. В. 397, 423, 428.
 Каразин В. Н. 635, 640, 660, 661.
 Карамзин Н. М. 646, 660, 720, 724, 741, 780, 823, 824.
 Каратыгин В. А. 764.
 Каратыгин П. А. 738, 768.
 Карафф А. Ш. 427.
 Каргопольский Иван 221.
 Карл XII 7, 29, 30.
 Карл-Петр-Ульрих, принц голштинский. см. Петр III.
 Карлович 29.
 Кармалина Л. И. см. Беленцова Л. И.
 Каталани А. 737.
 Катасанов 256, 265.
 Катенин П. А. 724, 727, 735.
 Катков М. Н. 814.
 Каховский П. Г. 655, 670, 674, 678.
 Качалов Г. 149.
 Кашин Д. Н. 736, 779.
 Кашкин Н. С. 697.
 Кашкаров Н. И. 665.
 Кварента Д. 326, 331, 332, 336, 340, 342, 348, 349, 351, 353, 354, 358, 434, 435, 552, 566—568, 573, 575, 577, 580.
 Квасов Алексей Васильевич 152, 327, 328.
 Квасов Андрей Васильевич 136, 152—154.
 Кенг 479, 483.
 Кербедз С. В. 618.
 Керн А. П. 773.
 Кессария 538.
 Кикин А. В. 126, 129, 211.
 Кипренский О. А. 739, 741, 742, 744, 853.
 Киреевский И. В. 828.
 Кириллов И. К. 63, 196, 225.
 Кириллов Н. 696.
 Клаузевиц К. 822, 823.
 Клейнмихель П. А. 471.
 Клементи М. 737.
 Клементьев 671.
 Кленге Л. 592.
 Клодт П. К. 593, 595, 618, 785.
 Клушин А. И. 398, 404.
 Кнорре Ф. 619.
 Княжнин Я. Б. 381, 397, 399, 423, 425, 428, 433, 434, 728.
 Кобыляков Иван 74.
 Кожевников 450.
 Козельский Я. П. 219, 381, 386, 390, 391.
 Козлицкий Г. В. 419.
 Козлов Никита 685.
 Козловский М. И. 334, 357, 443, 444, 564, 743, 744.
 Козловский О. А. 436, 439, 735, 736.
 Кокорин А. Ф. 141, 326, 334, 335, 343, 352, 442, 852.
 Кокушкин Евстафий 258.
 Кокшаров Н. И. 842.
 Колло М. 338, 339.
 Колосова А. М. 728.
 Колотошин А. И. 225.
 Колошин А. И. 660.
 Колычев 141.
 Кольцов А. В. 690.
 Кондратьев Егор 309.
 Кондратьев И. К. 785.
 Ковалов А. К. 414, 419.
 Константин Павлович, в. кн. 666, 669, 670.
 Константинов К. И. 848.
 Конт А. 814.
 Конитар В. 831.
 Копылов Григорий 538.
 Корнель П. 236.
 Корнилов В. А. 821.
 Корнилович А. О. 660, 661, 826.
 Корниловы 452.
 Коробов И. К. 138, 141, 142, 144, 152, 156, 334, 559.
 Коробьин Г. С. 381, 386.
 Корф М. А. 535, 701.
 Котельников С. К. 216, 219, 419.
 Коцебу А. 728.
 Коцебу О. Е. 839, 842.
 Кочет Иван 56, 60.
 Кочубей В. П. 642, 654, 740.

- Копьева А. Д. 767.
 Копелев Р. М. 125.
 Краевский А. А. 686, 687, 689, 690, 693, 752, 758.
 Крамской И. Н. 725.
 Краснояр 130.
 Красовский В. И. 636.
 Красовский 671.
 Крашенинников С. П. 203, 217, 222, 316, 414, 419.
 Крафт Г. 217, 225.
 Крафт Л. Ю. 419.
 Кречетов Ф. В. 403, 404, 414, 415.
 Критский В. И. 679.
 Критский М. И. 679.
 Критский П. И. 679.
 Криштин А. 466.
 Крон 547.
 Круг Ф. И. 824.
 Круаенштерн Н. Ф. 842.
 Крутяцкий А. М. 434.
 Крылов Н. А. 398, 404, 407, 423, 425, 433, 440, 645, 660, 718, 719, 721, 728, 729, 734, 742, 781, 785, 853.
 Крылов М. Г. 586.
 Крюк К. И. 123, 125.
 Крюков Н. А. 812, 816.
 Крюковский М. В. 727.
 Кудрявцев (псевдоним А. И. Герцева) см. Герцен А. И.
 Кузьмин П. А. 697.
 Кукольник Н. В. 682, 761.
 Кулибин И. П. 372, 419, 846, 847, 849.
 Кулик А. А. 824, 825.
 Куницын А. П. 656, 657, 790, 791, 793, 802, 810, 819.
 Куст Иоганн 235—237.
 Купер 481.
 Купфер А. Я. 838.
 Куракин 352.
 Курочкин А. 466.
 Кусовников 737.
 Куторга М. С. 790, 798, 811, 825.
 Куторга С. С. 790, 799.
 Кутузов М. И. 643, 647—651, 736, 743, 821, 822.
 Кутузов А. М. 407, 408.
 Кушелев-Безбородко 351.
 Кухельбекер В. К. 660, 674, 679, 724, 790, 792, 802, 803, 830.
 Лабзин А. Ф. 740.
 Лаврова 640.
 Лавуазье А. 224.
 Лазарев М. П. 821, 842.
 Ламарк Ж. 843.
 Ланде Ж.-Б. 238, 239.
 Ланской 309.
 Лалшин Г. И. 790.
 Ласковский И. Ф. 776, 778.
 Лебедев Г. С. 831.
 Лебедев К. Н. 709, 711.
 Лебедев 483.
 Леблон Ж.-Ф. 106, 132, 133, 136, 137, 168.
 Левашев В. В. 677.
 Левенвольд К.-Г. 198.
 Левицкий Д. Г. 337, 389, 442, 853.
 Лейхтембергский М. 457.
 Леман О. И. 453.
 Леман 626.
 Ленц Э. Х. 839.
 Леонсва Д. М. 774, 778.
 Леонтьев Иван 68.
 Леонтьев Илья 258.
 Леонтьев, корректор 278.
 Леонтьев, владелец фабрики 451.
 Левехин И. И. 217, 219, 316, 414, 419—421.
 Лепше И. 586.
 Лермонтов М. Ю. 8, 686, 690, 716, 724, 747, 748, 751, 752, 761, 764, 831, 853.
 Лесаж А.-Р. 241.
 Лесснер 452, 457, 479.
 Лесток И.-Г. 349.
 Лехлев 540.
 Лжедмитрий 196.
 Лидерс Иван 309.
 Люман 269.
 Ливзен 195.
 Лисенков 760.
 Лист Ф. 778.
 Лисяевский Ю. Ф. 842.
 Литве Ф. П. 716, 842.
 Литта К. В. 648.
 Лобановы-Ростовские 543, 594, 674.
 Лобачевский Н. И. 716, 835, 836.
 Ловин Г. М. 419.
 Логановский А. В. 353, 593, 785.
 Лодий А. П. 777, 778.
 Локателли Д. 242.
 Ломакин Г. А. 776.

- Ломоносов М. В. 8. 191, 201—204, 207, 216—
 219, 221—225, 230—235, 238—240, 247, 274,
 275, 316, 387, 414, 417—420, 426, 440, 443,
 813, 833, 838—841, 850, 853.
 Лопатин 692.
 Лосенко А. П. 441.
 Лубяновский Ф. П. 635.
 Лукин В. И. 428, 429.
 Лукин Иван 238.
 Лукин Тихон 56, 60.
 Лукшин И. Ф. 554, 556.
 Лузин М. С. 647, 663, 664, 667, 820, 826.
 Лудский 671, 674.
 Львов А. Ф. 776—778.
 Львов В. 756.
 Львов Н. А. 326, 337, 349, 352, 434, 438, 439.
 Львов П. Ю. 399.
 Львов Ф. Н. 697, 698.
 Людовик XVI 398, 400.
 Лютш 450.
 Люценко Е. П. 660.
 Лядов К. Н. 775.

 Мабли Г. 402.
 Магницкий Л. Ф. 231.
 Магницкий М. Л. 656, 793.
 Магнус, шведский король 21.
 Майков А. Н. 754.
 Майков В. Н. 754.
 Майков Л. Н. 754.
 Майков Н. А. 754.
 Макаров А. В. 31.
 Макаров Матвей 92.
 Макаров П. И. 720.
 Максимович М. А. 842.
 Маюферсон 452.
 Мальгин 486.
 Мальгов 333.
 Мальцев 471.
 Мамаев Иван 393.
 Мани 237.
 Марин Федоровна, имя. 582, 627.
 Марков Иван 71.
 Марковичков В. В. 840.
 Марселлус Х. 118, 124.
 Мартоэ И. П. 357, 443, 444, 564, 572, 739, 743.
 Мартынов А. Е. 716, 760, 765, 766, 782, 786.
 Мартынов Д. Н. 785.
 Мартынов И. И. 655.
 Мартынов Н. С. 752.
 Марфа Матвеевна, царица 135.
 Маслов Петр 189.
 Матарнови Г.-И. 134.
 Матвеев А. А. 211.
 Матвеев А. 246.
 Матвеев Иван 126, 132, 137.
 Матвеев Ф. М. 443.
 Матвеевский М. 433.
 Махаев М. И. 91, 121, 143, 149, 187, 246, 369.
 Медем Н. В. 821.
 Мей Л. А. 803.
 Мейер Ф. 439.
 Мейербер Ж. 777.
 Мелентьев Михаил 323.
 Меллсиза 240.
 Мельников А. И. 576, 593.
 Мельников Е. 274.
 Мевделеев Д. И. 840, 841, 850.
 Менелас А. А. 598, 600.
 Мешников А. Д. 30, 33, 34, 36, 116, 120, 134,
 136, 137, 161, 163, 168, 175, 183—186, 188,
 213, 228, 349, 362.
 Мешников Гавриил 56, 60, 61, 125.
 Мешугин Н. А. 840.
 Мешугин 306.
 Мериме П. 760.
 Мерлин Д. А. 385.
 Метлин Илья 536.
 Мезелин 701.
 Мешаков П. 660.
 Мецкерский В. М. 305.
 Меветти Никола 127, 128, 136, 137.
 Миллер Г.-Ф. 202, 203, 217, 221.
 Милон Иван 309.
 Милорадович М. А. 538, 674.
 Милотин Д. А. 817, 821.
 Милотин 75.
 Миних Б.-Х. 177, 194, 197, 198, 205.
 Мира Пьетро (Петралло) 244.
 Миронич В. Н. 382.
 Миронов А. Ф. 153.
 Митрохин А. Ф. 746.
 Матуар Б. Ш. 579.
 Михаил Николаевич, в. кн. 596.
 Михаил Павлович, в. кн. 584, 620, 674, 768,
 802.
 Михайлов А. А. 557, 574—576, 580, 593.
 Михайлов Николай 242.

- Михайлов 371.
 Михайловский-Данилевский А. И. 822.
 Мицкевич А. 750, 773.
 Модсли 226.
 Модюи 574.
 Моисеев Ф. П. 419.
 Моисеев Иван 71.
 Моллер Ф. А. 755.
 Молчанов 527.
 Мольер Ж.-Б. 241, 431, 432, 766.
 Моляр Анисим 56.
 Момбелли Н. А. 697—699.
 Монтегги Н. А. 599, 600.
 Монтескье Ш. Л. 201, 384.
 Монферран О. 144, 529—531, 547, 574, 576, 592—595, 674.
 Мордвинов С. И. 385.
 Мордвинов Н. С. 642, 817.
 Мордвиновы 352.
 Морозов 487.
 Мохнаткин 533.
 Моцарт В.-А. 737, 738, 777.
 Мочалов П. С. 716, 764.
 Муравьев А. Н. 662, 663.
 Муравьев М. Н. 662.
 Муравьев Н. М. 647, 659, 663, 664, 667, 668, 726, 792, 818, 822, 824, 826.
 Муравьев Н. Н. 635.
 Муравьев-Апостол И. М. 825.
 Муравьев-Апостол М. И. 663.
 Муравьев-Апостол С. И. 663, 675, 778.
 Муравьева М. Н. 767.
 Мушин-Пушкин М. Н. 702.
 Мушин-Пушкин П. П. 197.
 Мушина-Пушкина (Дмитриевская) А. М. 242.
 Муханов П. А. 735.
 Надеждин Н. И. 825, 831.
 Наполеон I, 638, 643—645, 647, 648, 650, 652, 721, 727, 736, 742, 822, 835.
 Нартов А. А. 231, 383, 384.
 Нартов А. Н. 225, 227, 260.
 Нарышкин А. Л. 436, 733.
 Нарышкин Л. А. 349.
 Наталья Алексеевна, царица 129, 236, 237.
 Натарова А. 768.
 Наумов Ф. П. 175.
 Нахимов П. С. 705, 821, 823.
 Неводни К. А. 798.
 Неелов В. И. 353, 354.
 Неелов Н. В. 353, 354.
 Неживцев К. 676.
 Некрасов Н. А. 192, 523, 690, 692, 747, 757—759, 764, 781, 783, 853.
 Непар Ч. 707, 708.
 Несмеяков Григорий 119.
 Неспроя Андрей 239.
 Нестеров 371.
 Нестерова 309.
 Неф Т. А. 593.
 Никитенко А. В. 880—882, 685, 686, 701, 762.
 Никитин А. А. 660.
 Никитин И. М. 246.
 Николай I 492, 514, 544, 582, 590, 591, 594, 595, 598, 620, 681, 669, 670, 673—680, 683—686, 693, 695, 700, 702, 704—708, 710—712, 749, 752, 768, 770, 784, 785, 786, 794, 796, 810, 835.
 Николай Николаевич, в. кн. 596.
 Николов Н. П. 428, 433.
 Никонов Г. 385.
 Никонов Ефим 57.
 Нобель Л. 452.
 Нобель Э. 452, 457.
 Новиков Н. И. 192, 242, 381, 388, 359, 391, 396, 399, 402—404, 411, 415, 420, 422, 423, 425, 428, 442, 853.
 Новосильцев В. Д. 669.
 Новосильцев Н. Н. 642, 644, 658.
 Новосильцевы 216.
 Ногнев 189.
 Ножевицкий Никита 215.
 Обер Д.-Ф. 777.
 Ободовский А. Г. 789.
 Оболенский Е. П. 657, 668, 670, 673, 724, 814.
 Обухов П. М. 848.
 Овсянников Н. Г. 808.
 Овсянников Ф. В. 806.
 Овсяник-Кушловский Н. Д. 737.
 Огарев Н. А. 471.
 Огарев Н. П. 692, 735, 736.
 Одоевский А. И. 679, 722, 724, 814, 830.
 Одоевский В. Ф. 684, 690, 735, 752, 770, 773, 779, 806, 807, 814, 816.
 Озерецковский Н. Я. 219, 419, 421.
 Озеров В. А. 428, 727, 735.

- Озеров П. А. 397.
 Озеров Тимофей 309.
 Олевин А. П. 740, 825.
 Олсуфьев А. В. 385.
 Олсуфьевы 216.
 Ольгин В. 278, 308, 372.
 Орлов А. Г. 296, 361, 385, 393.
 Орлов В. Г. 309.
 Орлов Г. Г. 206, 261, 333, 424.
 Орлов М. Ф. 659, 661, 662, 824.
 Орловы 361, 538, 542.
 Орловский А. О. 624, 741, 742.
 Орловский Б. И. 574, 739, 743, 785.
 Осипов Н. П. 408.
 Осипов 452.
 Осиповский Т. Ф. 810.
 Осокин 681.
 Оссовский 462.
 Остервальд Т. И. 240.
 Остерман А. И. 185, 188, 194, 197, 198.
 Островский А. Н. 749, 766, 767, 784.
 Остроградский М. В. 836.
 Оуэн Р. 818.
 Павел I 200, 256, 260, 314, 315, 325, 339, 345, 346, 351, 372, 373, 382, 403, 409, 437, 443, 604, 605, 631—635, 641.
 Пален П. А. 633.
 Палладио Андреа 141, 338.
 Паллас П. С. 419.
 Пальма А. И. 697, 698.
 Пальмин М. А. 811.
 Пальчиков 56, 125.
 Панаев Валерьян 768.
 Панаев И. И. 685, 686, 693, 757, 781, 783, 790, 802.
 Панаева А. Я. 692.
 Пандер X. Г. 842, 843.
 Панин Н. И. 200, 201, 206, 393, 394, 396.
 Панин Н. П. 633.
 Панин П. И. 394.
 Павов Н. А. 672.
 Парасковья Федоровна, партиза 134, 135, 229.
 Пасквич И. Ф. 655, 700.
 Пасков В. В. см. Пассек В. В.
 Пассек (Пасков) В. В. 404, 405.
 Пассек П. Б. 206.
 Пастухов П. И. 416.
 Патерсен В. 331, 511, 571, 612.
 Пашкевич В. А. 433.
 Паэзилло Джюванини 436.
 Перголези Д.-Б. 777.
 Перроне Н. 341.
 Перфильев Афанасий 393.
 Пестель П. И. 663, 664, 667, 668, 675, 678, 812, 817, 818, 820, 822.
 Петина М. 767.
 Петр I 28—34, 36, 38, 40, 42—51, 53—58, 60—64, 66, 68, 69, 73, 76, 79, 81, 82, 85, 86, 89, 94, 96, 97, 99, 102, 106, 108, 110, 111, 112, 115, 116, 118, 120, 122, 125, 126, 128—130, 132, 133, 135—138, 141, 145, 150, 153, 159, 160, 163—169, 172, 177, 182—186, 188—196, 198, 199, 201—204, 206, 208—214, 218, 219, 221—223, 225, 226, 229—232, 234—238, 243—247, 253, 258, 275, 304, 313, 338, 339, 340, 346, 351, 352, 360, 418, 443, 577, 672, 673, 750, 827.
 Петр II 40, 184—186, 188, 190, 216.
 Петр III 199, 205, 206, 247, 275.
 Петрашевский М. В. 696, 697, 699, 700, 803, 815, 819, 828, 829.
 Петрилло, см. Мира Пьетро.
 Петров В. В. 838—840.
 Петров В. П. 423, 424.
 Петров О. А. 735, 770, 775, 777, 778.
 Петрова-Воробьева см. Воробьева А. Я.
 Печерин В. С. 679.
 Пивоваров 476.
 Пинарт П. 35, 37, 38, 57, 117, 162.
 Пильман 137.
 Пименов Ефим 654.
 Пименов Н. С. 785.
 Пименов С. С. 353, 560, 564, 572, 584—586, 593.
 Пирогов Н. И. 709, 806, 843, 844.
 Плавильщиков В. А. 808.
 Плавильщиков П. А. 398, 404, 423, 428, 431—433.
 Плавов П. С. 586.
 Племянников И. 130.
 Плетнев П. А. 693, 753, 773.
 Плетнев А. Н. 697.
 Плевов М. Г. 790, 793.
 Плотников Дорофей 654.
 Пнин И. П. 399, 633, 636, 638—640, 717, 813, 819, 828.
 Поветкин Николай 671.
 Погайкин Козьма 309.

- Погодин М. П. 448, 682, 710, 711, 828.
 Подсдорф 527, 534.
 Полевой Н. А. 761, 812.
 Полежаев Т. 439.
 Полянов А. Я. 219.
 Полетяна И. А. 215.
 Подзунов И. И. 254.
 Полиняк Ж. 680.
 Поляков В. С. 746.
 Попов Алексей 242.
 Попов В. С. 408.
 Попов М. М. 673.
 Попов М. 433.
 Попов Н. И. 203, 419.
 Попов Фаддей 56.
 Поповский П. И. 219, 231, 233, 234.
 Попугаев В. В. 636, 637, 639, 645, 717, 828.
 Порошин В. С. 817.
 Порухин 648.
 Посешков И. Т. 45.
 Постников Тарасий 221.
 Потемкин Г. А. 264, 323—325, 349, 352, 393, 395, 408, 424, 436, 437, 443.
 Потемкин Я. А. 656, 662.
 Прач Иван 438, 439.
 Премашиц Л. О. 561.
 Прокопович Феофан 31, 38, 41, 45, 184, 190—192, 215, 216, 228, 234, 237.
 Пронофьев И. П. 357, 443, 564, 572.
 Протисов А. П. 216, 219, 419.
 Прохоров Ф. 654.
 Пугачев Е. И. 200, 360, 362, 380, 390—394, 429, 434, 443, 751, 827.
 Пузиков Петр 119.
 Пушкин А. С. 8, 192, 382, 383, 407, 420, 424, 425, 444, 543, 550, 562, 647, 655, 657, 664, 679, 680, 683—686, 693, 716, 718, 720—724, 726—733, 736, 742, 747, 748—753, 760, 763, 764, 770, 772—775, 781, 782, 785, 786, 801—803, 812, 814, 816, 818, 820, 822—824, 827, 829—832, 852, 853.
 Пушкин И. К. 122, 129.
 Пушин И. И. 662, 667, 802.
 Рагузинский С. И. 125.
 Радшев А. Н. 5, 8, 51, 192, 207, 214, 242, 284, 287, 294, 316, 381, 362, 397, 399, 402, 404—410, 420, 423, 426, 440, 631, 635, 637—642, 652, 813, 814, 818, 823, 827, 829, 832, 833, 853.
 Радшев Н. А. 636.
 Радшев П. А. 640.
 Разумовский А. Г. 142, 152.
 Разумовский К. Г. 206, 305, 312, 351.
 Разумовские 198, 535, 542.
 Ракогни Семен 694.
 Раль 450, 475.
 Рамазанов Н. А. 595, 785.
 Расторгуев М. 152.
 Растрелли В. В. 124, 128, 136, 145—148, 150, 151, 153—156, 238, 330, 335, 342, 344, 345, 349, 351, 355, 358, 568, 596, 852.
 Растрелли К.-Б. 145, 227, 246, 346.
 Рауха Э. 657, 791, 793.
 Раух Х. 596.
 Рахманинов И. Г. 397, 407.
 Рачинский Г. А. 737.
 Рей 648.
 Рейхель М. К. 714.
 Рембрант 744.
 Реннин Н. В. 635.
 Решным 184.
 Рижский И. С. 810.
 Ривальде А. 144, 326, 333, 334, 339, 343, 353, 355, 356.
 Ринг 276.
 Рихман Г.-В. 225.
 Рогов Т. О. 791.
 Роговинов С. Ф. 271, 287.
 Рокотов Ф. С. 441, 442.
 Роллан Роман 760.
 Ронкови Д. 777.
 Росси К. И. 326, 338, 356, 528, 550, 554, 556, 557, 562, 565, 574—576, 578—587, 590, 596, 745, 852.
 Россий Игнатий 326.
 Россини Д. 777.
 Ростовцев А. 161.
 Ростовцев Я. И. 673.
 Ростопчин Ф. В. 644, 645.
 Ротари П. 147, 246.
 Руа 221.
 Рубан В. Г. 424.
 Рубенс П.-П. 744.
 Рублин Д.-Б. 777.
 Рублиштейн А. Г. 778.
 Рулье К. Ф. 843.
 Румовский С. Я. 419—421.
 Румяшев Н. П. 825.

- Румянцев П. А. 340, 845.
 Рунич Д. П. 656, 657, 793, 810.
 Руска Л. И. 576, 577.
 Руссо Ж.-Ж. 241.
 Рылев К. Ф. 425, 647, 660, 661, 667—671, 677—679, 722—724, 820, 830.
 Рылев Н. И. 407.
 Рытов С. 676.
 Рычков П. И. 231.
 Рязанов 486.

 Саблуков Н. А. 534.
 Савиных Ф.-К. 819.
 Савич А. Н. 799.
 Сазонов В. К. 739.
 Сазонов Петр 309.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 192, 695, 747, 756, 802, 803, 853.
 Самойлов В. В. 765.
 Самойлов В. М. 735, 737.
 Самойлов Василий 309.
 Самойлова В. В. 765.
 Самойлова Н. В. 765.
 Сандуков С. Н. 432, 434.
 Сандукова Е. С. 434, 735, 737.
 Сартр Джузеппе 436.
 Сарычев 256.
 Свенске К. Ф. 789.
 Свиных В. Ф. 585.
 Свиных П. П. 689.
 Свистунов П. С. 240.
 Севастьянов А. Ф. 419.
 Севергин В. М. 383, 414, 419, 421, 840—842.
 Семеновичев 457.
 Семенов А. Б. 792.
 Семенов И. И. 778.
 Семенова Е. С. 727, 728, 732, 735.
 Семенова Е. А. 777.
 Семенова Н. С. 735.
 Сенковский О. И. 682, 748, 754, 758, 763, 798, 829, 831.
 Сепявин Д. Н. 821.
 Серафим (Глаголевский С. В.), митрополит 674.
 Сергеев 276.
 Сергеева Алсинья 239.
 Сердюнов Михаил 81.
 Серебряков В. А. 785.
 Серов А. С. 774, 778, 779.

 Сериков Л. А. 649.
 Сеченов И. М. 806, 844, 850.
 Сиверс 76, 241, 352.
 Сидоров Василий 309.
 Симеон 452.
 Симолин И.-М. 400.
 Симон Ж. 34.
 Сивякин У. А. 97, 122, 132.
 Сивякина 129, 137, 351.
 Славронские 352.
 Славян Федосей 55, 56, 60, 61.
 Сморников-Писарев Г. Г. 211.
 Смордумов Г. И. 302, 303.
 Скотти П. К. 584, 585.
 Скотти И. П. 357.
 Скотти К. П. 357.
 Скотти П. И. 584.
 Сленни И. В. 760.
 Смирлин А. Ф. 759, 808.
 Смирнов Семен 238.
 Смирнова Т. П. 767.
 Смотринский Мелетий 234.
 Собакин 351.
 Сойкин 453.
 Соймонов П. А. 265.
 Соймонов Ф. И. 197, 231.
 Соколов Д. И. 842.
 Соколов Е. Т. 323, 326, 342, 343.
 Соколов И. А. 179.
 Соколов Иван 242.
 Соколов Н. П. 419.
 Соколов П. И. 441.
 Соколов П. П. 744.
 Соколовский 434.
 Солнцев Ф. Г. 785.
 Соловьев Давид 672, 676.
 Соловьев 786.
 Сосницкий И. И. 729, 732, 762, 763.
 Софронев М. 419.
 Спранский М. М. 642, 646, 817, 819.
 Спешнев Н. А. 697—699, 815.
 Срезневский И. И. 798, 810, 831.
 Старов И. Е. 130, 152, 321, 322, 324, 326, 327, 336, 344, 345, 352, 358, 557, 580.
 Стасов В. В. 591, 774, 775, 778—780, 782, 783, 803.
 Стасов В. П. 550, 556, 557, 562, 565, 574—578, 580, 587, 588, 590, 592, 593, 598, 599, 745, 852.

- Стасов Д. В. 774.
 Степанов Н. А. 781.
 Степанова М. М. 777.
 Стефан Баторий, польский король 22.
 Стриганов Г. И. 731.
 Строганов А. С. 350, 568, 739.
 Строганов П. А. 642, 644.
 Строганов С. Г. 146, 148.
 Строганова 735.
 Строгановы 352, 535, 542.
 Строев П. М. 825.
 Струве В. Я. 837.
 Струговичников А. Н. 781, 790.
 Суворов А. В. 314, 323, 340, 444, 632, 633, 645, 649, 743, 821.
 Сукля А. Я. 677.
 Сумароков А. П. 200, 201, 214, 231, 235, 238—242, 244, 316, 383, 387, 412, 420, 428, 429, 432, 440, 728.
 Сумароков А. С. 281.
 Сунгуров Н. П. 679.
 Сур 486, 539.
 Суровникова М. С. 767.
 Сутгоф А. Н. 672, 677.
 Сутгоф 450.
 Сухоруков В. Д. 826.
 Сучков И. Г. 653.
 Сушкин Иван 309.
 Суханов 533, 534.
 Сухозанет И. О. 674.
 Сциборский Б. 713.

 Тальони М. 767.
 Тамбурина А. 777.
 Татишев В. Н. 190, 192, 196, 197, 231, 232, 826.
 Татишев Д. Н. 742.
 Телега Иван 119.
 Теликовский А. З. 848.
 Темных Иван 309.
 Теплов А. Г. 738.
 Теплов Г. Н. 244, 419.
 Тербенев А. И. 592, 599.
 Тербенев И. И. 559, 564, 638, 739, 742.
 Тямев М. М. 789.
 Тямряев К. А. 850.
 Тямолова 774.
 Тямофеев Ерофей 309.
 Титов А. Н. 737, 777.
 Титов Н. А. 737.
 Титов Н. С. 737.
 Тихобразов Н. И. 771.
 Токарев А. А. 664.
 Токарев Н. А. 586.
 Тока Л. 246.
 Толстой П. А. 74, 184—186.
 Толстой Ф. П. 740, 743, 744, 792.
 Толстой Я. Н. 664.
 Томов Т. 552, 554, 555, 570.
 Тон К. А. 591, 596.
 Топорков Афанасий 239.
 Торвтон 451, 463, 478, 479, 483.
 Траетта Томазо 436.
 Тредиаковский В. К. 222, 231—233, 235, 238, 244, 419.
 Трезини Д. 116—119, 120, 126—128, 130, 132, 133, 135, 137, 141, 161, 162, 187.
 Треловская Г. М. 242, 432.
 Тропинин В. А. 739, 742, 746.
 Трофимов Федор 672, 676.
 Трошинский Д. П. 642.
 Трубецкой С. П. 647, 663, 664, 667—670, 673, 792.
 Трутовский В. Ф. 438.
 Тургенев А. И. 659, 685, 726.
 Тургенев И. С. 192, 692, 693, 702, 703, 747, 756, 756, 829.
 Тургенев Н. И. 306, 657, 659, 661, 664, 665, 726, 817, 818, 820, 822, 823.
 Турьер 768.
 Тучков С. А. 399.
 Тыртов Иван 30.
 Тютчев Ф. И. 684, 708, 711.
 Тютчева А. Ф. 709.

 Уайпенс 471.
 Уатт Д. 254.
 Уваров С. С. 682, 684, 686, 701, 702, 789, 794, 803, 810, 819, 834.
 Угрюмов Г. И. 441, 739.
 Удило Ш.-Н. 650.
 Улыбышев А. Д. 664.
 Ульянов Н. 612.
 Усов Т. 136, 137, 141, 142.
 Успенский Г. И. 810.
 Устинов Иван 119, 132.
 Устрялов Н. Г. 702, 798, 828.
 Уткин Н. И. 739, 785.

- Ушанов А. И. 196, 300.
 Ушанов Ф. Ф. 633.
 Ухтомский Д. В. 141, 152, 322, 334, 358.
- Фальконе Э.-М.** 338, 339, 443.
 Фарварсон А. Д. 211, 231.
 Федоров Иван 268.
 Федорова Е. 768.
 Федотов П. А. 8, 716, 781—784, 786, 853.
 Федотов Трофим 672, 677.
 Федотов 540.
 Фейербах Л. 688, 813, 815.
 Фельтен Ю. М. 326, 329, 330, 332, 338, 343, 353.
 Феодосий, архимандрит 46.
 Феофан Прокопович, см. Прокопович Феофан.
 Фермор (Эссен-Степбок) 615.
 Феррари Н. И. 342.
 Филлипов П. Н. 698, 699.
 Фильд Д. 737.
 Фишер А. А. 811.
 Фомина Е. И. 434, 438.
 Фомина Иков 268.
 Фоминанн Д. И. 242, 381, 388, 391, 397, 398, 420, 423, 425—427, 429—431, 437, 853.
 Фонтана Д.-М. 134, 136.
 Фоссаго А.-Р. 238.
 Френ Х. Д. 831.
 Фридрих II 205.
 Фурье Ш. 698, 818.
 Фюрст Отто 236, 237.
- Хандошкин И. Е. 438, 439.
 Хашков А. В. 697.
 Хашков 530.
 Хатов А. И. 821.
 Хемнидер И. И. 397, 423.
 Херасков М. М. 214, 231.
 Хмельницкий Н. И. 729, 730.
 Хованская 664.
 Хомиков А. С. 828.
 Хрущев А. Ф. 197.
- Царевский 408.
 Ценковский Л. С. 799.
 Цаммерман И.-Г. 401.
 Цюлковский К. Э. 848.
- Чаадаев П. Я. 752, 814.
 Чайковский П. И. 773.
 Чарноцкий Адам см. Доленга-Ходановский.
 Чарторижский А.-Ю. 642, 644.
 Чебышев П. Л. 798, 799, 836, 837.
 Чеванский С. И. 128, 136, 141, 142, 144, 145, 153—156, 322, 335, 358.
 Челищев П. И. 407.
 Челомеев 260.
 Черепанов Е. А. 492, 845.
 Черепанов М. Е. 492, 845.
 Черкасский А. М. 96, 194.
 Чернов К. П. 669.
 Чернышев Г. П. 125.
 Чернышова 198, 340, 349, 543.
 Чернышевский Н. Г. 8, 192, 224, 642, 646, 688, 695, 696, 700, 701, 705, 706, 708, 711—714, 813, 823, 832, 834, 853.
 Чешер 450.
 Чижов Д. С. 790, 791.
 Чижов 527.
 Чирипанн Д.-Б. 141.
 Чиркин И. 287, 301, 308.
 Чичагов П. В. 396.
 Чичерин Н. И. 343, 352.
 Чобькин 533.
 Чулков М. Д. 423.
 Чуриков 450.
- Шальгреев Ж. 557.
 Шарлемань Носиф Иванович 576.
 Шарлемань Носиф Носифович 517, 553, 583, 597.
 Шарлемань Л. И. 576.
 Шармуа Ф. Ф. 793.
 Шафиров П. П. 29, 31, 74, 221, 227.
 Шаховской А. А. 724, 729, 730, 738, 774.
 Швальбе Адам 742.
 Шварц Ф. Е. 656, 665.
 Швертфегер 130.
 Шебуев В. К. 739.
 Шевченко Т. Г. 758, 781.
 Шешурев С. П. 682, 814, 828.
 Шедель Г. 134, 136.
 Шенспир В. 236, 760, 761, 764.
 Шелгунов Н. В. 522, 546, 711.
 Шелихова М. Ф. 777.
 Шеллинг Ф.-В. 814.
 Шемаев В. А. 735, 777.

- Шемаев И. А. 731.
 Шемаиновский М. И. 713.
 Шемберг 196.
 Шемикли 308.
 Шенрок Ф. 467.
 Шепелев Д. А. 125.
 Шереметев Б. П. 30.
 Шереметев Н. П. 309.
 Шереметев П. Б. 153, 414.
 Шереметевы 153, 154, 349, 535—538, 542, 543, 736, 767, 768, 776.
 Шеридан Р. 431.
 Шестанова Л. И. 774.
 Шетарди Ж.-И. 198.
 Шешковский С. И. 403, 408.
 Шибанов Михаил 443.
 Шидловский Михаил 215.
 Шиллер И.-Ф. 728, 760, 761, 764.
 Шиллинг П. Л. 845.
 Шимановская М. 750, 773.
 Шиндулин 540.
 Ширинский-Шихматов П. А. 701, 702, 756.
 Ширков В. Ф. 772.
 Шинисв А. С. 645, 658, 720, 794, 810, 830, 834.
 Шихин 527, 541.
 Шлагтер И. А. 71.
 Шлепер А.-Л. 202, 203.
 Шлютер А. 127, 128, 137.
 Шкурин Василий 300.
 Шоу Бернард 760.
 Штанекшнейдер А. И. 504—507, 509.
 Штауберт А. Е. 576, 586.
 Штейбельт Д. 736.
 Штейнгель В. И. 647, 820.
 Штелин Я. Я. 51, 217, 237, 243.
 Штвлиц 450, 703.
 Шторх А. К. 289, 817.
 Штриттер И. Г. 417.
 Шубин Ф. И. 316, 334, 440, 443, 444.
 Шувалов А. И. 212, 213, 239, 241.
 Шувалов И. И. 247, 334, 343, 428.
 Шувалов П. И. 200, 201, 275.
 Шуваловы 198, 436, 733.
 Шуман Клара 778.
 Шуман Р. 778.
 Шумахер И.-Д. 221.
 Шумлянский Иосиф 215.
 Шумская О., см. Анастасия О.
 Шумский С. В. 766.
 Шумский Н. Д. 242, 432.
 Щедрин А. Ф. 586.
 Щедрин С. Ф. 443, 741, 742, 785.
 Щедрин Ф. Ф. 443, 444, 559, 560, 562, 564.
 Щедровский И. С. 485, 489, 525, 533, 535.
 Щепки-Ростовский Д. А. 677.
 Щепкин М. С. 436, 716, 732, 760, 763, 765, 766, 782, 786.
 Щербатов М. М. 309, 312, 316, 395, 396, 412, 422.
 Щукин И. 385.
 Щукин С. С. 739.
 Эгерман 542.
 Эдлинг Р. С. 648.
 Эйлер Н. 419.
 Эйлер Леонард 216, 218, 221, 223, 224, 383, 419.
 Эльслер Фанни 767.
 Эмин Ф. А. 423.
 Энгельгардт В. П. 737, 750, 774, 777.
 Юз Д.-Э. 843.
 Юрий Данилович, в. кн. 20.
 Юсунов А. Б. 466.
 Юсуновы 349, 436, 542, 733, 787.
 Ягуинский П. И. 125, 185.
 Ягуинские 270, 300, 433.
 Языцкий Н. 830.
 Языков Н. М. 723.
 Яковл Б. С. 565, 707, 840, 845, 846.
 Яковлев А. С. 727, 728, 732.
 Яковлев М. Л. 773.
 Яковлев Савва 92, 109, 272, 287, 308, 309.
 Яковлев 529, 530, 534, 654.
 Якубович А. И. 664.
 Якушкин И. Д. 652, 655, 663, 814, 816, 833.
 Якович де Мирзеево Ф. И. 416, 417.
 Янов Д. М. 785. **Б-1**
 Ястребов И. И. 807. **Б**
 Яхонтов А. Н. 803.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЗДАНИЯ¹

- Адмиралтейские казармы 558.
Адмиралтейский генеральный госпиталь 215.
Адмиралтейство (Главное адмиралтейство) 35, 59, 97, 116—118, 122—124, 126, 131, 139, 141, 143, 149—151, 159, 160, 168, 214, 243, 258, 304, 338, 344, 370, 374, 526, 550, 554, 556—560, 582—584, 572, 588, 592, 594, 595, 623.
Академия Наук 121, 145, 179, 247, 334, 336, 341, 352, 560.
Академия наук типография 228, 229.
Академия Художеств 212, 240, 243, 282, 334—336, 341, 440, 442, 588, 617, 797.
Александровская больница 598.
Александровский театр 240, 241, 536, 550, 556, 564, 565, 582, 585, 750, 766, 768.
Александровский сиротский дом 802.
Александро-Невский монастырь (Лавра) 46, 47, 76, 117, 123, 129—131, 152, 174, 228, 275, 344, 352, 403, 617, 633, 775.
Александровской мануфактуры церковь 557.
Алексея царевича дом 129.
Аничков дворец 142, 143, 146, 152, 308, 343, 349, 556, 566, 580, 586.
Анненковой дом 664.
Апны св. церковь 343.
Апраксина дом 124, 126, 150, 211, 286.
Армянская церковь 343.
Артиллерийский двор 212.
Артиллерийско-арифметическая школа 47, 212, 213, 468.
Артиллерийско-инженерный корпус 314, 412.
«Астория», гостиница 594.
Вакунина дача 351.
Банк ассигнационный 264, 286, 348.
Бассевича дом 244.
Белосельских-Белозерских дворец 596, 597.
Бернара М. И. музыкальный магазин 778.
Бещого особняк 333, 404.
Бирни 42, 90—92, 331, 336, 340, 500, 501, 551—558, 565, 617.
Благовещенская церковь в Александро-Невском монастыре 129, 130, 152.
Благовещенская церковь на Васильевском острове 415.
Богдольня 349, 378.
Боговиленки церковь в Кронштадте 141.
Большой театр 434, 536, 552, 731, 732, 750, 767, 768, 778, 777.
Бриснори сенаторши дом (квартира А. С. Пушкина) — 543.
Броуна дом 125.
Брюсса Р. В. дом (на Петербургской стороне) 122.
Брюсса дом, на Петергофской дороге 352.
Варшавский вокзал 598.

¹ В этом разделе при наименовании учреждений приводятся лишь те страницы, где говорится о зданиях учреждений. См. также раздел Промышленные предприятия.

- Вдовый дом 349.
 Виельгорского М. Ю. дом 776.
 Водопроводная станции 598, 615.
 Водоходное училище 414.
 Военно-артиллерийское училище 349.
 Военное министерство, см. Лобанова-Ростовского дом.
 Вознесения церковь 341.
 Волконской дом (квартира А. С. Пушкина) 685.
 Вольнского А. дом 197.
 Вольный российский театр 431, 434.
 Воронцова М. И. дворец (на Садовой ул.) 146, 148, 349, 584.
 Воронцова дворец (на месте Военно-артиллерийского училища) 349.
 Воскресенская церковь 168.
 Воскресенский Новодевичий монастырь 281, 413.
 Воспитательный дом 349.
 Всенародный театр 429, 434.
 Вяземского дом с милой «Каприз» 352.
 Галченкова дом (последняя квартира В. Г. Белинского) 693.
 Генна Н. Е. дом 120.
 Германского посольства дом 594.
 Главный штаб 531, 556, 573, 580, 585.
 Глазная лечебница 628.
 Глебова дом 349.
 Головина Н. И. дача 350.
 Голыцина дом 129.
 Головкина дом 129, 240, 243, 440.
 Горный институт 414, 570, 572, 573, 578.
 Городская дума 286, 607, 611.
 Гостиный двор 42, 83, 84, 90, 91, 110, 120, 123, 132, 133, 139, 285, 287, 342, 374, 408, 502, 503, 624.
 Дашковой Е. Р. усадьба 352.
 Дворянское собрание 576, 777.
 Державина Г. Р. дом 349.
 Долгорукова А. дом 212.
 Дом № 12 по Кирочной ул. (квартира штрапента Спешнова) 699.
 Екатерингофский дворец 135.
 Екатерининский институт 566, 568.
 Екатерины св. церковь 343.
 Елагин дворец 580, 582, 584.
 Елагина Н. П. дом 350.
 Зимний дворец 73, 124, 125, 149, 150—152, 156, 168, 206, 301, 304, 329—332, 338, 375, 377, 394, 434, 435, 470, 530, 536, 554, 564, 580, 585, 598, 634, 642, 670, 672, 673, 675, 677, 733, 745, 746, 751, 773, 845, 846.
 Знаменская церковь 344.
 Имайловых дом 352.
 Инженерный (Михайловский) замок 145, 146, 246, 325, 339, 344—348, 352, 556, 580, 619, 633, 634, 744.
 Исаакиевский собор 59, 122, 142, 144, 338—340, 344, 526—531, 534, 538, 540, 546, 547, 560, 564, 565, 568, 592—594, 673, 674, 685, 779, 781, 784, 785, 846.
 Итальянский дворец 135, 142.
 Кабинет е. в. 566.
 Кадетский шляхетский корпус, см. Меншикова А. Д. дворец.
 Казанский собор 142, 206, 342, 526—528, 530—533, 538, 550, 552, 556, 564, 565, 570, 571, 648, 743.
 Каменноостровский дворец 322, 351.
 Каменноостровский театр 767.
 Канцелярия дворцового строения 129.
 «Карповская» школа Феофана Прокоповича 215, 216.
 Кикина каменные палаты 126, 129, 211, 212.
 Коллегии (на Городском острове) 120.
 Коллегии (Двенадцать коллегий) 133, 134, 341.
 Комиссия народных училищ 286.
 Конногвардейский манев 566.
 Контора Канцелярии от стрелков, см. Сивина У. А. дом.
 Кошотенная церковь 685.
 Кошотенный двор 142.
 Кошотни придворные 576, 577.
 Костел католический 343.
 Кочубей дом 654.
 Кошелева Р. М. дом 125.
 Краснова дом 130.
 Крылова типография 404.
 Крюйса дом (за углом Невского и Б. Морской) 123.
 Крюйса дом (на Дворцовой наб.) 125, 214.
 Ксенянский институт, см. Николай Николаевича, в. кн. дворец.
 Кувшнера 133, 134, 145, 178, 226, 341, 556.

- Куракина дача 352.
 Кусовникова дом (потом Энгельгардта) 737, 738, 759, 760.
 Кутузова М. И. дом 648.
 Кушелева-Безбородко дача 351.
 Лавровой дом (квартира А. Н. Радищева) 640.
 Лемана театр 626.
 Лесная академия 589.
 Лестова дом 349.
 Летний дворец Петра I 51, 126, 127, 131, 168, 226—228.
 «Летний гречий дворец» 146, 198, 344, 345.
 Лечебница для приходящих (Максимилиановская лечебница) 627.
 Ливзена дом 195.
 Лисенкова книжная лавка 760.
 Лобанова — Ростовского дом (Военное министерство) 543, 594, 674.
 Лопатина дом [(квартира В. Г. Белинского) 692.
 Львова Н. А. дача 352.
 Максимилиановская лечебница, см. Лечебница для приходящих.
 Малый театр (Казасси) 731, 732, 767.
 Малый (Михайловский) театр 576, 768.
 Мануфактурный двор 129.
 Маринская больница 566, 627, 628.
 Маринский дворец 340, 564, 584, 594, 595.
 Маринский театр 768.
 Марфы Матвеевны царицы дом 135.
 Медицинское училище 414.
 Меншикова А. Д. дворец (Кадетский шляхетский корпус) 77, 116, 134, 135, 213, 341, 349, 370, 371.
 Меншикова А. Д. дом («Посольский дворец») 120.
 Меншикова Г. дом 125.
 Мешуткин дом 306.
 Милотины ряды 537.
 Министерство государственных имуществ 595.
 Министерство иностранных дел 564.
 Министерство путей сообщения 845.
 Михаила Николаевича вел. кн. дворец 596.
 Михайловский дворец 556, 564, 565, 578, 580, 583—585, 620.
 Михайловский замок, см. Инженерный замок.
 Михайловский театр, см. Малый театр.
 Монастырь двор 70, 129, 263, 264.
 Мордвиновых дом 352.
 Морской госпиталь 130, 131, 140, 414, 558.
 Морской госпиталь в Кронштадте 144.
 Морской кадетский корпус 334, 336, 341, 412.
 Морской полковой двор 139, 141, 152.
 Мраморный дворец 333, 334, 340, 369, 371, 596, 598.
 Мытный двор 122.
 Нарышкина Л. А. дом 340.
 Наталья Алексеевны царицы дом 129.
 Невское подворье 123.
 Немецкий театр на Большой Морской ул. 240.
 Немецкий (Новый, Кушелевский) театр на Дворцовой площади 731.
 Николаевский вокзал 596.
 Николай Николаевича вел. кн. дворец (Ксенинский институт) 596.
 Никольский морской собор 144, 145.
 Новодевичий монастырь, см. Воскресенский новодевичий монастырь.
 Обуховская (Первая городская) больница 375, 376, 627, 628.
 «Озерки», загородный дом Потемкина за Невской лаврой 352.
 Особняк на Фонтанке, д. 44 564.
 Павловские казармы 550, 556, 576—578.
 Пажеский корпус 214.
 Пальчикова дом 125.
 Паптелеймона св. церковь 141, 306.
 Первая городская больница, см. Обуховская больница.
 Петра Великого дома 115, 116, 120, 229.
 «Петровское кружало», трактир 123.
 Петропавловская больница 627, 628.
 Петропавловская крепость 31, 32, 35, 42, 48, 49, 55, 66, 70, 71, 83, 115, 117—120, 122, 126, 130—132, 160, 184, 197, 212, 243, 263, 265, 336, 337, 404, 405, 408, 409, 511, 551, 566, 592, 598, 614, 650, 665, 669, 676—678, 699, 811.
 Петропавловский собор 118, 120, 142, 144, 168, 184, 185, 228, 246, 554, 565, 845, 846.
 Плавильщикова В. А. книжный магазин 808.
 Подзорный дворец 135.
 Посольский дворец, см. Меншикова А. Д. дом.

- Почтамт 337.
 Почтовый двор 126, 160.
 Прасковья Федоровна царицы дворец 134, 228, 229.
 Прасковья Федоровна царицы загородный дом 135.
 Предтечевская церковь 734, 768.
 Преображенский собор 576, 578.
 Прованские склады 558, 576.
 Публичная библиотека 342, 343, 556, 586.
 Пушечный двор 129.
 Пушкина И. К. дом 122, 129.
 Рагузинского С. И. дом 125.
 Разумовского К. дома (в Петербурге, Мурзинке и на Крестовском острове) 312.
 Рождества церкви 139, 142, 152, 342, 570.
 Российская Академия 419, 420, 577.
 Российский театр 240—243.
 Российско-американской компании дом 688.
 Румянцева музей 808.
 Сальвы буны 273, 552.
 Самсонова св. церковь 130.
 Санктпетербург, крепость, см. Петропавловская крепость.
 Сенат 120, 338, 556, 573, 582, 586, 673 674.
 Серебряные ряды 342.
 Севера дом 352.
 Симеонов и Анны церковь 142.
 Синод 338, 556, 573, 582, 586.
 Славянка У. А. дом (Ковтора наплалярни отстроенный) 122, 129.
 Славянка дача 351.
 Славровских дом 352.
 Сленка книжная лавка 760.
 Смирнова А. Ф. нижняя лавка 759, 808.
 Смольный дворец 129.
 Смольный институт 322, 349, 412, 413, 564, 566—568, 612, 617.
 Смольный монастырь 114, 117, 148, 150, 156, 349, 351, 352, 376, 378, 412.
 Смольный собор 344.
 Смоленский двор 117, 118, 129, 131.
 Собакина дача 351.
 Строганова А. С. дача 350, 568.
 Строганова С. Г. дворец (Строгановский дворец) 146, 148, 564, 568.
 Строганова дом на Петергофской дороге 352.
 Сухопутный генеральный госпиталь 215, 414.
 Сухопутный шляхетный корпус, см. Мещникова А. Д. дворец.
 Таврический дворец 323—326, 336, 349, 351, 352, 369, 395, 436, 598.
 Таможня 90, 92, 120, 494, 556.
 Театр публичный первый 236, 237.
 Театр на Фонтанке у Чернышева переулка (ныне Большой драматический) 767.
 Технологический институт 349.
 Тимоловой дом (квартира М. И. Глинки) 774.
 Троицкий собор на Измайловском пр. 576, 578.
 Троицкий собор в Александро-Невской лавре 344.
 Троицы св. собор на Троицкой пл. 50, 115, 120, 168.
 Троицкий собор в г. Кошкино 144.
 Увеселительный дом в Екатерингофе 321.
 Учительская семинария 417.
 Федоровская церковь 152.
 Финская церковь 343.
 «Хлебная биржа», трактир 501.
 Хованской дом 684.
 Чернышева Г. П. дом 125, 340, 543.
 Чернышевых дом 349.
 Чичерина Н. И. дом за Чернышевым переулком 343.
 Чичерина Н. И. дом на Петергофской дороге 352.
 Шафирова дом 221.
 Шепелева Д. А. дом 125.
 Шереметевых дом на Фонтанке 153, 154, 349, 535.
 Шереметевых дом на Миллионной ул. 535, 543.
 Шереметева П. Б. дома на В. О. 414.
 Штаб гвардейских войск, см. Энзерцаргауэ.
 Шувалова И. И. дворец 343, 344.
 Экзерцаргауэ (Штаб гвардейских войск) 592.
 Энгельгардта дом, см. Кусовникова дом.
 Эрмитаж Малый 330—332.
 Эрмитаж Новый 592, 744—746, 750, 785, 786.
 Эрмитаж Старый 331, 332.
 Эрмитажный театр 332, 434, 435.
 Этнографический музей 585.
 Юсуповых дом 349.
 Ягужинского П. И. дом 125.

КАНАЛЫ И РЕКИ

- Адмиралтейский канал 595.
 Болотный проток, см. Ждановка река.
 Глухая речка, см. Екатерининский канал.
 Грибоедова канал, см. Екатерининский канал.
 Екатерингофка, река 11, 462, 494.
 Екатерининский канал (Глухая речка, Кривуша, канал Грибоедова) 122, 123, 139, 176, 285, 329, 341, 342, 344, 363, 370, 372, 374, 570, 615, 617, 618.
 Ждановка (Петровка), река (Болотный проток) 122, 269.
 Зимняя канавка 125, 126, 330, 332, 341.
 Карповка, река 11, 115, 116, 176, 215, 348.
 Красный канал 126, 160.
 Кривуша, речка, см. Екатерининский канал.
 Крюков канал 11, 139, 160, 344, 595, 602, 611.
 Лобяжья канавка 126, 160, 330, 333.
 Лига, речка, см. Лиговский канал.
 Лиговский канал (Лига, речка) 114, 168, 344, 371.
 Мойка (Мья), река 11, 55, 83, 108, 116, 118, 122, 123, 126, 133, 138, 139, 144, 148, 152, 160, 166, 169, 174, 176—178, 237, 258, 327—329, 333, 339—346, 363, 372, 374, 436, 502, 542, 543, 568, 577, 584, 615, 617, 618, 672, 675, 685.
 Нева, река 7, 11—22, 24—26, 28—36, 39, 40—44, 46, 54—56, 62, 64, 72, 73, 82, 94, 96, 98, 106, 111, 114—118, 122—124, 126, 129—131, 135, 140, 144, 148, 150, 160, 161, 175—177, 193, 214, 230, 259, 268, 269, 276, 285, 296, 308, 323, 324, 327—330, 333, 334, 336, 337, 339, 340, 348, 350—352, 358, 363, 369, 372, 392, 437, 440, 461—463, 468, 469, 478, 479, 494, 502, 510, 511, 551, 552, 554, 556, 558, 572, 578, 586, 593, 595, 596, 602, 611, 615—618, 620, 627, 672—674, 733, 768, 797, 846—849, 851.
 Нева Большая 11, 105, 118, 122, 133, 134, 139, 336, 455, 620.
 Нева Малая 11, 14, 105, 133, 134, 494, 556, 620.
 Невка Большая 11, 115, 116, 130, 348, 620.
 Невка Малая 11, 273.
 Невка Средняя 11, 618.
 Нивольский канал 285, 341.
 Обводный канал 11, 114, 348, 455, 461—463, 566, 574, 587, 589, 612, 616, 622, 626, 734.
 Охта, река 11, 13, 18, 20, 24, 30, 68, 130, 140, 141, 262.
 Охта Малая, река 130, 450.
 Петра Великого канал 258.
 Петровка, река, см. Ждановка, река.
 Пряжка, река 11, 175, 176.
 Славянка, речка 72, 73, 269, 277.
 Смоленка, река 11.
 Стрельна, река 22, 72, 73.
 Таракановка, речка 352, 574.
 Фонтанка, река 11, 42, 56, 77, 108, 123, 126, 128, 133, 135, 138—140, 144, 160, 166, 168, 174—176, 178, 195, 256, 296, 327, 328—330, 334, 341—346, 348, 349, 351, 363, 364, 369, 372, 376, 394, 414, 436, 437, 461, 510, 535, 568, 586, 596, 602, 611, 618, 620, 672, 692, 724, 767.
 Чулуша, река 462.
 Черная речка (поводеревская) 130, 568, 685.
 Черная речка (у Невской дзвы) 11, 46, 73.

КЛАДБИЩА

- Вознесенское кладбище 178.
 Волково кладбище 178, 640, 694.
 Калининское кладбище 178.
 Смоленское кладбище 178.

МОСТЫ

- Авицков мост 108, 178, 341, 470, 618, 785.
 Антекарский мост 672.
 Банковский мост 618, 744.
 Благовещенский мост, см. Николаевский мост.
 Воскресенский мост 372, 615, 618.
 Дворцовый мост 494.

- Египетский мост 618.
 Зеленый мост, см. Полицейский мост.
 Исаакиевский мост 175, 176, 340, 372, 618, 621, 672, 673.
 Калинкин мост 273, 276, 341, 376, 706.
 Каменноостровский мост 618.
 Каменный мост 341.
 Кониошенин мост 174.
 Красный мост 618.
 Лебяжий мост 330.
 Литейный мост 215, 372, 618.
 Ломоносова мост, см. Чернышев мост.
 Народный мост, см. Полицейский мост.
 Николаевский (Благовещенский, лейт. Шмидта) мост 470, 494, 620.
 Никольский мост через Екатерининский канал 672.
 Никольский мост, см. Тучков мост.
 Обуховский мост 341.
 Пантелеймоновский (Цепной) мост 470, 618, 619.
 Певческий мост 685.
 Петербургский мост 618.
 Полицейский (Зеленый, Народный) мост 178, 612, 618.
 Попелуев мост 618.
 Прачешный мост 329, 330.
 Сампсониевский мост 176, 372.
 Семеновский мост 341, 349, 672.
 Симеоновский мост 341.
 Синий мост 470, 808.
 Тучков (Никольский) мост 176, 372, 618, 623.
 Цепной мост, см. Пантелеймоновский мост.
 Чернышев (Ломоносова) мост 341, 373, 590, 618.
 Шмидта лейт. мост, см. Николаевский мост.
 Эрмитажный мост 330.

ОСТРОВА

- Адмиралтейский остров 42, 43, 55, 97, 116, 117, 122, 123, 133, 138, 139, 141, 160, 166, 168, 171, 173, 174, 328, 602, 626.
 Антекарский остров 70, 166, 176, 228, 351, 372, 618.
 Березовый остров (будущая Петроградская сторона) 32, 35, 115.
 Вольный остров 494.
 Галерный остров 706.
 Голодай (Денабристов) остров 132, 461, 678.
 Городной остров, см. Петроградская сторона.
 Гутуевский остров 461, 494, 706.
 Денабристов остров, см. Голодай остров.
 Елагин остров 131, 350, 351, 582, 584, 620, 706.
 Каменный остров (Каменный нос) 146, 176, 351, 372, 566, 618, 767.
 Канонерский остров 461, 494.
 Котлин остров 20, 27, 33, 35, 41, 56, 72, 73.
 Крестовский остров 11, 68, 312, 351, 733, 768.
 Петербургский остров, см. Березовый остров.
 Петровский остров 77, 90, 139, 351, 384, 461, 706.
 Подзорный остров 135.

ПАМЯТНИКИ

- Александровская колонна 530, 574, 784.
 Барклаю де Толли М. В. памятник 743.
 Крылову И. А. памятник 785.
 Кутузову М. И. памятник 743.
 Московские триумфальные ворота 565, 576—578.
 Нарвские триумфальные ворота 573—575.
 Николаю I памятник 595.
 Петру I памятник («Медный всадник») 338, 339, 443.
 Петру I памятник (у Инженерного замка) 145.
 Ростральные колонны 554.
 Румянцева обелиск 340.
 Суворову А. В. памятник 340, 444.
 Триумфальная арка (на Невском пр. у Фонтана) 139, 140, 142, 152, 178.

ПРИГОРОДЫ

- Автово 2-е, поселок 588.
 Александровское, имение кн. Вяземского (на месте Обуховского завода) 462.
 Александровское, село 269, 624.
 Алексеевка деревня, см. Емельяновка деревня.
 Волкова деревня 98, 178.
 Гатчина 326, 345, 353, 355, 356, 437, 443, 493, 557, 679.
 Гостилицы, усадьба гр. А. Г. Разумовского 152.
 Дудергоф 276.
 Екатерингоф 74, 75, 135, 178, 321, 322, 614.
 Емельяновка (Алексеевка), деревня (поселок для рабочих) 588.
 Калининка деревни 107, 256.
 Колпино 144, 277.
 Колтуши 73.
 Красное Село 73, 76, 271, 276, 277, 318, 679.
 Кронштадт, крепость 37, 66, 68, 78, 136, 141, 144, 166, 188, 215, 256, 258, 260, 262, 272—274, 288, 308, 412, 451, 494, 495, 557, 647, 678, 706—708, 775, 845.
 Купчина, деревни 98.
 Лахта, деревня 304.
 Левашово, дачный поселок 589.
 Лесное, дачный поселок 589, 805.
 Ломоносов, гор., см. Оранienbaum.
 Матисова деревня 107.
 Мурзинка, деревня 312.
 Новая деревня 350, 685.
 Озерки, дачный поселок 589.
 Оранienbaum (Ломоносов гор.) 73, 136, 206, 274, 326, 353, 412, 655.
 Павловск 262, 326, 353, 356, 357, 437, 552, 568, 580, 777.
 Парголово, дачный поселок 589.
 Пелла 352.
 Петергоф (Петродворец) 77, 129, 136, 137, 146, 153—156, 206, 274, 276, 353, 443, 444, 598, 599, 624, 679.
 Покровское, село 462.
 Полюстрово, дачный поселок 589.
 Пудость, поселок 73.
 Путиново 121, 277, 552, 837.
 Пушкин гор., см. Царское Село.
 Разлив, поселок 14.
 Рошня 206.
 Сестрорецк 67, 69, 72, 261.
 Славянка, поселок 318.
 Смоленское, село 451.
 Спасское, село 117.
 Старая деревня 350.
 Стрельна 75, 136, 142, 353, 568.
 Тосова мыза 262.
 Удельная, дачный поселок 589.
 Усть-Рудница, поселок 274.
 Царское Село (Пушкин гор.) 144, 152, 153, 156, 260, 277, 326, 353—355, 443, 450, 492, 565, 576, 599, 600, 647, 845.
 Шувалово, дачный поселок 589.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

- Адмиралтейская верфь 54—67, 75, 79, 97, 116, 122, 123, 129, 131, 132, 255—258, 266, 284, 299, 457, 463, 465, 468, 475, 551, 558.
 Александровская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура 262, 269, 300, 457, 459, 462, 463, 465, 474, 475, 801.
 Александровский чугуно-литейный и механический завод (ныне «Пролетарий») 452, 456, 457, 462, 470, 472, 565, 585.
 Александро-Невской мануфактуры хлопчатобумажная фабрика (на Шансесальбургском шоссе) 450.
 Автонова табачная фабрика 453.
 Арсенал 66, 259, 261, 272, 468, 469, 472, 474.
 Артиллерийская лаборатория (на Выборгской стороне) 260.
 Ауха суконная фабрика 483.
 Балтийский завод 452, 457.
 Батенина фарфоровая фабрика 452.
 Батничева столярный завод 454.
 Берда металлообрабатывающий завод 265, 266, 451, 456, 457, 479, 565, 695.
 Броузера швейная фабрика 300.
 Брусиловы и сын т-ва кожевенный завод (в Василеостровской части) 452.

- Бумажная фабрика (в Красном селе) 277.
 Бумажная фабрика (на реке Славянке) 277.
 Бумажная фабрика Экспедиции изготовления государственных бумаг 481, 482.
 Варксина механический завод 457.
 Верфь на Охте 141.
 Вильберга шелковая фабрика (в Коломенской части) 451.
 Вяртана И. фарфоровая фабрика 452.
 Волнова бумагопрядильня 459.
 Володимилова сахарный завод 475.
 «Воронин, Люши и Чешер» акционерного об-ва хлопчатобумажная фабрика, 450.
 Газовый завод «Общества освещения газом С.-Петербурга» (на Обводном канале) 453, 623.
 Газовый завод «Общества столичного освещения» (в Александро-Невской части) 453.
 Галерная верфь, галерный двор (на Адмиралтейском острове) 55, 56, 58, 61—63, 65, 122, 131, 256, 257.
 Гозенбаха механический завод 457.
 Гонтовый завод (на Охте) 277.
 Городская верфь (на Выборгской стороне) 141, 258, 465.
 Гота канатная фабрика 484.
 Гутуевская суконная мануфактура 451.
 Друрн красильная фабрика 478.
 Дудергофская бумажная мануфактура 276.
 Дудоровская бумажная мануфактура, см. Красносельская бумажная мануфактура.
 Егорова кожевенный завод 484.
 Жукова А. мыловаренный завод (в Шлиссельбургской части) 452.
 Жукова табачная фабрика 453, 476—478, 480, 484.
 Замшевый завод (в Стрельне) 75.
 Зверкова кожевенный завод (за В. О.) 452.
 Изюрские заводы 72, 262, 457, 469.
 Илис и Бутц т-ва металлический завод 457.
 Каликинского т-ва пивоваренный завод 453.
 Канатный завод на Выборгской стороне 272.
 Кенига бумагопрядильня 483.
 Кенига сахарно-рафинадный завод 479.
 Кировский завод, см. Петербургский чугунолитейный завод.
 Кожевинкова ватоткацкая фабрика (в Александро-Невской части) 450.
 Коломянковская мануфактура (в Екатерингофе) 75.
 «Кооператор», см. Сан-Гали механический завод.
 Корниловых фарфоровая фабрика 452.
 «Красногвардеец» завод, см. Мастерская хирургических инструментов.
 Красносельская бумажная мануфактура 76, 276, 469.
 Красносельская ситцепечатная мануфактура 75, 268, 269.
 «Красный треугольник», см. Российско-Американского общества резиновая мануфактура.
 Крона и Данильсона пивоваренный завод 547.
 Кронштадтский чугунолитейный завод 259, 260, 469.
 «Лаферм» т-ва табачная фабрика (ныне 1-я Ленинградская табачная фабрика) 453.
 Лебедева льнопрядильня 483.
 Леонтьева белильно-красильная и ситценабивная фабрика (за Петербургской стороны) 451.
 Лесснера чугунолитейный и механический завод 452, 457, 479.
 Литейный двор 64—68, 97, 117, 128, 129, 131, 212, 259, 260, 299, 301, 468, 618.
 Ломоносова М. В. им. завод, см. Фарфоровый завод.
 Ломоносова М. В. мануфактура, см. Мозаичная фабрика в Усть-Рудице.
 Мануфактура по производству красок (близ Каликинского моста) 276.
 Мануфактура штофов, бархатов и шелковой парчи 74.
 Мануфактурный двор 129.
 Мастерская хирургических инструментов (на Антенарском острове, ныне завод «Красногвардеец») 70.
 Медно-чугунолитейный казенный завод (на Выборгской стороне) 456.
 Металлический завод (в Выборгской части) 452.
 Милюткина позументная мануфактура 75.
 Милюткина шелково-леточная мануфактура 75.
 Мозаичная фабрика (в Усть-Рудице, мануфактура М. В. Ломоносова) 247, 274, 275.
 Монетный двор 70, 71, 129, 263—266, 469.
 Нобели Л. механический завод 452.
 Нобели Э. механический завод 452, 457.
 Невский судостроительный и механический завод 452, 457.

- Невской компании бумагопрядильная фабрика, см. Невская бумагопрядильная мануфактура.
- Новая бумагопрядильная мануфактура (в Александрово-Невской части) 451, 455.
- Новая Голландия, верфь 131, 138, 141, 258.
- Ново-Сампсониевская бумагопрядильная мануфактура 451.
- Новое Адмиралтейство 256, 465.
- Оружейный двор (на Петроградской стороне) 66.
- «Осинов и К^о» товарищества кожевенный завод (на В. О.) 452.
- Охтенская хлопчатобумажная мануфактура (в Выборгской части) 451.
- Охтенские пороховые заводы 68, 69, 262, 263, 269, 277, 299, 301, 468, 472—474, 656.
- Павловский канатный завод 272.
- Партикулярная верфь 42, 43, 56, 57, 63, 75, 98, 117, 160, 176, 258, 373.
- Пергаментный двор 273.
- Петербургский металлический завод 457.
- Петербургский пороховой завод (на Петербургской стороне) 68, 262, 263, 463, 472.
- Петербургский чугунолитейный завод (позже Путиловский, ныне Кировский) 260, 452, 465, 466, 469—472, 479, 481, 482, 588, 653, 801.
- Петровская бумагопрядильная мануфактура 483.
- Петровских бумагопрядильных и ткацких фабрик компания (в селе Смоленском) 451.
- Пивоварня казенная (на Выборгской стороне) 274.
- Пивоварня казенная (в Кронштадте) 274.
- Пивоварня казенная (в Ораниенбауме) 274.
- Пивоварова сафьяновая фабрика 476.
- Полотняная мануфактура (на В. О.) 272.
- Полотняная мануфактура (на Петроградской стороне) 300, 301.
- «Пролетарий» завод, см. Александровский чугунолитейный и механический завод.
- Путиловский завод, см. Петербургский чугунолитейный завод.
- Рада бумажная фабрика (в Нарвской части) 475.
- Рада и Сутгофа суконная мануфактура (на Малой Охте) 450.
- Рига фанисовый завод 276.
- Роговинова С. Ф. папучья мануфактура (на Гагаринской ул.) 271.
- Рощинская бумажная фабрика 480, 481.
- Российская бумагопрядильная мануфактура (в Нарвской части) 450, 479, 483.
- Российско-Американского общества резиновая мануфактура (ныне «Красный треугольник») 453.
- Самойловой им. фабрика, см. Тюлевая фабрика.
- Сампсониевская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура 451, 455, 479.
- Сан-Гали механический завод (ныне «Кооператор») 452, 479.
- Сахарный завод (на 11-й линии В. О.) 273.
- Сахарный завод (на Выборгской стороне) 78, 273.
- Сахарный завод (за Калинкиным мостом) 273.
- Сахарный завод (в Каретно-кузвечной слободе) 273.
- Сахарный завод (на берегу Малой Невки) 273.
- Сестрорецкие заводы 66—68, 70—72, 260, 261, 266, 276.
- Сименс и Гальске механический завод (ныне «Электросила») 452.
- Славянская ситцевая мануфактура (на Петербургской стороне) 269.
- Софийская прядильно-канатная мануфактура 272.
- Спасская бумагопрядильная и ткацкая мануфактура 451.
- Стекольно-зеркальный завод (у Александрово-Невской лавры) 275, 299, 301, 465, 801.
- Суконный завод (около Красного Села) 271.
- Суконная мануфактура (на Петербургской стороне) 270—271.
- Суконная фабрика (на Охте) 271.
- Сумарокова А. С. полотняная мастерская 281.
- Торнтон суконная мануфактура (на правом берегу Невы) 451, 463, 478, 479, 483.
- Тюлевая фабрика (на Петербургской стороне, ныне им. Самойловой) 450.
- Ушакова полотняная фабрика 300.
- Фарфоровый завод (ныне завод им. М. В. Ломоносова) 77, 275, 462, 465, 466, 801.
- Фанисовая фабрика казенная (на правом берегу Невы) 276, 465, 466.
- Фанисовый завод (близ Красного Села) 276.

- Царскосельская бумажная мельница (мануфактура) 277, 482.
 Чекуши, верфь (на В. О.) 258.
 Черноречевский чугуноплавильный завод 67, 261.
 Чурикова клеенчатая фабрика 450.
 Шкурина фарфоровый завод 300.
 Шлессельбургская ситцевобивная мануфактура 268, 280.
 Шлифовально-гранитная фабрика (в Петергофе) 76, 276.
 Шпалерная мануфактура (первоначально в Екатерингофе, затем на Шпалерной ул.) 74, 271, 463, 465, 801.
 Штиглица Невская бумагопрядильная мануфактура (в Рождественской части) 450, 455, 483, 703.
 «Электросила», см. Сименс и Гальске механический завод.
 Ягужинского чулочно-трикотажная мануфактура (на В. О.) 270, 300.
 Яковлева Саввы кожевенная мануфактура (в Литейной части) 272, 273.

Р Ы Н К И

- Андреевский рынок 83, 374, 502.
 Апраксин рынок, двор 502, 540, 543.
 Круглый рынок 502.
 Кузнецкий рынок 502.
 Маринский рынок 502.
 Морской рынок 123.
 Никольский рынок 285, 374, 501.
 Обжорный рынок, см. Сытный рынок.
 Ростовские ряды 169.
 Сеаной рынок 374, 502.
 Сытный (Обжорный) рынок 83, 502.
 Щукин двор 417.
 Ямской рынок 502, 576.

С А Д Ы

- Александровский парк, см. Парк Ленина.
 Аптекарский огород, сад, см. Ботанический сад.
 Ботанический сад (Аптекарский огород, Аптекарский сад) 211, 228, 414, 419, 844.
 Зоологический сад 614.
 Итальянский сад 275.
 Буранова дача 352.
 Ленина (Александровский) парк 614.
 Летний сад 56, 117, 125—128, 131, 142, 160, 168, 329, 330, 340, 345, 346, 348, 374, 565, 618, 625, 627, 785.
 Михайловский сад 345, 584.
 Соловьевский сквер 598.
 Таврический сад 177, 326.

С Л О В О Д Ы

- Бочарная слобода 107.
 Гаванская слобода, см. Галерная слобода.
 Галерная (Гаванская, Матросская) слобода 107, 108, 258, 281, 296, 298, 348, 350, 627, 628.
 Госпитальная слобода 107.
 Измайловского полка слобода 114, 140, 312.
 Казачья слобода 107.
 Каретная слобода 108, 110.
 Каретно-кузнецкая слобода 273.
 Козова слобода 130.
 Коломна, слобода 108, 256, 315, 344, 345, 672.
 Компанейская слобода 107.
 Конного полка слобода 114, 312.
 Конторы строения домов и садов слобода 296.
 Кузнецкая слобода 122.
 Литейная слобода 129.
 Матросская слобода, см. Галерная слобода.
 Морская Большая слобода 122.
 Морская Малая слобода 122.
 Морская слобода 44, 116.
 Офицерская слобода 122.
 Охтенские слободы 63, 98, 107, 108, 256, 297, 298, 305, 359.

- Переведенские слободы 44, 171, 173.
 Преображенского полка слобода 114, 312.
 Прядильная слобода 122.
 Пушкарская слобода (в районе Литейного проспекта) 129.
 Пушкарская слобода (между речками Мойкой и Крикушей) 44, 122.]
- Сампсониевская слобода 130.
 Семеновского полка слобода 114, 140, 312, 316.
 Снявина батальона слобода 107.
 Шивеевские слободы 122.
 Ямская слобода 98, 107, 108, 298, 348, 350, 359, 695.

УЛИЦЫ, ПРОСПЕКТЫ, ПЕРЕУЛКИ, НАБЕРЕЖНЫЕ,
 ПЛОЩАДИ

- Адмиралтейская набережная 768.
 Адмиралтейская площадь 123, 517, 626, 673, 675.
 Адмиралтейский бульвар 673, 674, 734.
 Адмиралтейский проспект, см. Гороховая улица
 Английская (Красного флота) набережная 122, 340, 596, 623, 673, 808.
 Архиперейская (Льва Толстого) улица 215.
 Банковская линия 342.
 Бассейная (Некрасова) улица 168, 624.
 Благовещенская (Труда) площадь 558, 595, 596, 620.
 Блохина улица 122.
 Большой проспект Васильевского острова 44, 135, 296, 343, 348, 598.
 Бродского улица, см. Михайловская улица
 Бронницкая улица 114.
 Васкостровская (Университетская) набережная 336, 552, 556, 617.
 Верейская улица 114.
 Владимирская площадь 140, 348.
 Владимирский проспект 348, 623.
 Вознесенский (Майорова) проспект 44, 122, 123, 139, 144, 341, 342, 344, 349, 594, 598.
 Воинова улица, см. Шпалерная улица.
 Вольнский переулок 197.
 Воскресенская (Французская, Кутузова) набережная 334, 596, 648.
 Воскресенский (Чернышевского) проспект 348, 618.
 Восстания улица, см. Знаменская улица.
 Восстания площадь, см. Знаменская площадь.
 Вульфова Большая улица 120.
 Гагаринская улица 271, 285, 468.
 Газетный переулок 586.
 Галерная (Красная) улица 122, 463, 586, 672—675.
- Герцева улица, см. Морская Большая улица.
 Геслеровский проспект 472.
 Глинская улица 139, 618.
 Гоголя улица, см. Морская Малая улица.
 Гороховая улица (Адмиралтейский проспект, Дзержинского улица) 140, 341, 344, 349, 598, 618, 624, 672, 674, 688.
 Горсткая улица 501.
 Грязная (Марата) улица 348, 407.
 Гулярная улица 122.
 Дворцовая набережная 124, 211, 330, 332—334, 340, 551, 596.
 Дворцовая площадь 116, 124, 151, 338, 556, 580—582, 585, 592, 623, 647, 675, 706, 731, 784.
 Дворянская Большая (Куйбышева) улица 115, 116.
 Дворянская Малая (Мичурина) улица 116.
 Дегтарная улица 624.
 Декабристов площадь, см. Сенатская площадь.
 Дежидов переулок 629.
 Дзержинского улица, см. Гороховая улица.
 Добролюбова проспект 115.
 Екатерингофский (Римского-Корсакова) проспект 471, 664.
 Желябова улица, см. Конюшенная Большая улица.
 Жертв Революции площадь, см. Царицын луг.
 Жуковского улица 114.
 Загородный проспект 114, 140, 348, 349, 623.
 Захарьевская (Калыева) улица 468.
 Зверинская улица 122.
 Зеленая улица 68, 463.
 Знаменская (Восстания) площадь 372, 596, 623.
 Знаменская (Восстания) улица 615.

- Измайловский проспект 342, 349.
 Инженерная улица 584.
 Исаакиевская (Торговая) площадь 139, 340, 543, 584, 594, 596, 615, 623, 647, 733, 734, 768.
 Искусств площадь, см. Михайловская площадь.
 Итальянская (Ракова) улица 343, 615.
 Казенская (Плеханова) улица 171, 180, 570.
 Калашниковская набережная 501.
 Калыева улица, см. Захарьевская улица.
 Каменноостровский (Кировский) проспект 120, 348, 377, 566, 620, 622.
 Кировский проспект, см. Каменноостровский проспект.
 Кирочная (Салтыкова-Щедрина) улица 114, 699.
 Кирпичный переулок 122, 123.
 Кленовая аллея 348.
 Клинский проспект 348.
 Колтовская Большая улица 112, 265.
 Колтовская Малая улица 112.
 Колтовская набережная 112.
 Колтовская Средняя улица 112.
 «Коннетабль», площадь 345, 346.
 Конногвардейский (Профсоюзов) бульвар 160, 595, 596, 614.
 Конюшенная Большая (Желябова) улица 197, 237, 343, 530.
 Красная улица, см. Галерная улица.
 Красноармейская 1-я улица 348.
 Красноармейская 9-я улица 348.
 Красного флота набережная, см. Английская набережная.
 Куйбышева улица, см. Дворянская Большая улица.
 Кутузова набережная, см. Воскресенская набережная.
 Лаговская улица (Сталинградский проспект) 168, 348, 463, 479, 588, 693, 734.
 Линая Съездовская В. О. 134.
 Линия 1-ая В. О. 135, 577.
 Линия 6-ая В. О. 417.
 Линия 7-ая В. О. 229, 306, 440.
 Линия 9-ая В. О. 272, 374.
 Линия 11-ая В. О. 273.
 Линия 13-ая В. О. 374.
 Линия 16-ая В. О. 296, 348, 668.
 Линия 17-ая В. О. 348.
 Линия 21-ая В. О. 282, 414.
 Линия 22-ая В. О. 348, 414.
 Линия 23-я В. О. 270, 300.
 Линия 26-ая В. О. 135.
 Литейный проспект (Литейная перспектива) 64, 114, 117, 129, 140, 181, 212, 259, 260, 334, 348, 468, 566, 611, 618, 623.
 Ломоносова улица, см. Чернышев переулок.
 Льва Толстого улица, см. Архврейская улица.
 Майорова проспект, см. Вознесенский проспект.
 Макарова адм. набережная, см. Тучкова набережная.
 Малый проспект В. О. 107, 135.
 Манежная площадь 345, 346.
 Марата улица, см. Грязная улица.
 Марсово поле, см. Царицын луг.
 Маяковского улица, см. Надеждинская улица.
 Мещанские улицы 180.
 Миллионная (Халтурина) улица 123—126, 151, 330, 333, 369, 502, 535, 543, 578, 592, 623, 627, 672, 675.
 Михайловская (Искусств) площадь 556, 576, 584, 620, 768, 776.
 Михайловская (Бродского) улица 556, 576, 584.
 Можайская улица 114, 640.
 Монетная (Скороходова) улица 71, 116, 120.
 Морская Большая (Герцена) улица 122, 123, 138, 240, 338, 343, 585, 623, 688, 779.
 Морская Малая (Гоголя) улица 122, 123, 429, 623.
 Московское шоссе (проспект им. Н. В. Сталина) 120, 349, 578, 588.
 Моховая улица 628.
 Мраморный переулок 333.
 Мытищинская набережная 122.
 Надеждинская (Шестилавочная, Маяковского) улица 596.
 Невский проспект (Невская перспектива, дорога) 44, 83, 84, 123, 129, 131, 139, 140, 142, 143, 148, 149, 152, 159, 168, 174, 175, 177, 178, 285—287, 334, 341—344, 349, 364, 370, 372, 503, 537, 546, 556, 558, 562, 568, 570, 571, 584, 585, 596, 607, 614, 618, 620, 623, 636, 675, 692, 731, 738, 759, 760, 779, 808.
 Некрасова улица, см. Бассейная улица.
 Никольская площадь 502.
 Обуховская площадь 341.
 Огородникова проспект 348.
 Островского площадь, см. Театральная площадь.
 Офицерская улица — 615.

- Петергофская дорога, шоссе 260, 352, 451, 573, 588.
- Петра Лаврова улица, см. Фурштадтская улица.
- Петровская набережная 180.
- Петровская площадь, см. Севастская площадь.
- Плеханова улица, см. Казанская улица.
- Подольская улица 114.
- Покровская (Тургенева) площадь 139, 345, 624, 696.
- Посадская улица 116.
- Почтамтская (Союза Связи) улица 340.
- Профсоюзный бульвар, см. Конногвардейский бульвар.
- Пушкарская улица 116.
- Пушкинская улица 596.
- Пять углов, площадь 590.
- Разъезжая улица 285, 626.
- Ракова улица, см. Итальянская улица.
- Революции площадь, см. Троицкая площадь.
- Римского-Корсакова проспект, см. Екатерингофский проспект.
- Росси улица 585, 586.
- Ружейная улица 116.
- Рузская улица 114.
- Садовая улица 84, 110, 139, 146, 264, 285, 342—344, 346, 348, 349, 503, 556, 578, 584, 586, 760.
- Садовая Малая улица 343.
- Салтыкова-Щедрина улица, см. Кирочная улица.
- Свечной переулок 626.
- Семеновская площадь 341.
- Семеновский плац 598, 609.
- Сенатская (Петровская, Декабристов) площадь 110, 122, 304, 338, 340, 494, 556, 561, 582, 592, 659, 669, 670, 672, 673, 853.
- Сенная площадь 110, 139, 501, 502, 681.
- Сергиевская (Чайковского) улица 236, 468, 615.
- Серпуховская улица 114.
- Симбирская улица 456, 469.
- Скороходова улица, см. Монетная улица.
- Советские улицы 364.
- Союза Связи улица, см. Почтамтская улица.
- Сталина проспект, см. Московское шоссе и Царскосельский проспект.
- Сталинградский проспект, см. Лиговская улица.
- Селькивская улица 122.
- Таврическая улица 329.
- Таможенный переулок 90.
- Театральная площадь 434, 525, 664, 731.
- Театральная (Островского) площадь 556, 731.
- Театральная улица 556.
- Технологическая площадь 348.
- Тимофеевская улица 130.
- Торговая площадь, см. Исаакьевская площадь.
- Троицкая (Революции) площадь 76, 82, 83, 90, 92, 114, 116, 120, 133, 168, 169.
- Труда площадь, см. Благовещенская площадь.
- Тургенева площадь, см. Покровская площадь.
- Тучкова (Макарова адм.) набережная 556.
- Университетская набережная, см. Василеостровская набережная.
- Французская набережная, см. Воскресенская набережная.
- Фризов переулок 130.
- Фурштадтская (Петра Лаврова) улица 343, 468.
- Халтурина улица, см. Мидлтонная улица.
- Царицын луг (Марсово поле, Жерты Революции площадь) 126, 160, 228, 333, 340, 404, 431, 434, 444, 556, 576, 578, 580, 584, 679, 706, 733.
- Царскосельский (им. Сталина) проспект 139, 341, 588, 603.
- Чайковского улица, см. Сергиевская улица.
- Чернышев переулок (Ломоносова улица) 349, 586, 590, 767.
- Чернышева площадь 556.
- Чернышевского проспект, см. Воскресенский проспект.
- Чехова улица, см. Эртелев переулок.
- Шестилавочная улица, см. Надеждинская улица.
- Шлиссельбургское шоссе, тракт 450, 452, 461, 462, 470, 478.
- Шмидта лейтенанта набережная 336.
- Шпалерная (Войнова) улица 74, 463, 468.
- Эртелев переулок (Чехова улица) 774.
- Ямская улица 734, 768.

ЧАСТИ, РАЙОНЫ

- Адмиралтейская сторона 83, 84, 257, 285, 286, 316.
- Адмиралтейская часть 116, 138, 139, 142, 174, 256, 286, 625.
- Адмиралтейская 1-я часть 296, 350, 363, 371, 464, 488, 502, 510, 547, 614, 622.
- Адмиралтейская 2-я часть 296, 350, 363, 416, 463, 488, 510, 547, 622, 703.
- Адмиралтейская 3-я часть 296, 350, 363, 463, 488, 510, 541, 547, 614.
- Адмиралтейская 4-я часть 464, 476, 488, 602.
- Алексадро-Невская часть 450—453.
- Васильевская часть 174, 296, 363, 452, 510, 796.
- Васильевский остров 24, 42—44, 62, 63, 83, 90—92, 99, 107, 112, 116, 131—134, 138, 159, 160, 166, 168, 169, 174—178, 189, 212, 213, 226—229, 257, 270, 272—274, 281, 282, 286, 300, 308, 314, 316, 328, 331, 334, 336, 340, 343, 348, 363, 370, 371, 374, 414—417, 440, 450, 452, 453, 461—463, 494, 495, 500, 502, 551, 552, 554—556, 572, 577, 596, 614, 617, 627, 628, 668, 672, 675, 706, 846.
- Выборгская сторона 56, 75, 77, 78, 83, 90, 112, 117, 131, 138, 166, 174, 176, 178, 215, 228, 258, 260, 269, 272—274, 348, 363, 370, 372, 452, 456, 461—463, 558, 589, 605, 612, 622.
- Выборгская часть 140, 174, 297, 350, 363, 374, 375, 416, 451, 452, 476, 510, 622.
- Галерная гавань (порт) 83, 107, 131, 135, 141, 296, 305, 314, 348, 558.
- Калайская часть 488.
- Каретная часть 296, 349, 364, 374, 463, 475, 510, 626.
- Коломенская часть 451, 453, 792, 796.
- Литейная часть 138, 174, 180, 272, 274, 286, 296, 364, 375, 414, 416, 453, 464, 510, 615, 626.
- Московская сторона 42, 43, 106, 107, 117, 166, 177, 212.
- Московская часть 138, 174, 273, 274, 296, 349, 364, 371, 414, 416, 453, 463, 502, 588, 589, 603, 615, 626.
- Нарвская часть 349, 450, 453, 463, 475, 588, 603, 626.
- Охта 14, 89, 107, 130, 174, 259, 262, 271, 277, 281, 301, 350, 352, 461, 463, 472, 612, 622, 733, 768.
- Охтенская часть 603.
- Пески 281.
- Петербургская (Петроградская) сторона (Городской остров, Петербургский остров, Березовый остров) 11, 14, 32, 35, 43, 62, 66, 68, 69, 83, 84, 90, 99, 108, 112, 115—118, 120, 122, 129, 131, 133, 138, 158, 160, 166, 169, 174, 176, 180, 213, 215, 221, 229, 262, 263, 265, 269, 271, 286, 300, 316, 328, 340, 348, 363, 370, 377, 412, 416, 450, 451, 461—463, 472, 502, 565, 568, 605, 612, 614, 618, 624, 672, 802.
- Петербургская часть 174, 274, 297, 350, 363, 510, 622.
- Петербургский остров, см. Петербургская сторона.
- Петроградская сторона, см. Петербургская сторона.
- Рождественская часть 285, 296, 349, 364, 374, 450, 626.
- Шлиссельбургская часть 451.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции
Арх. ИИ — Архив Института истории
АН СССР — Академия Наук СССР
ГИАЛО — Государственный Исторический архив Ленинградской области
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
МВД — Министерство внутренних дел
ПСЗ — Полное собрание законов
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
Св. зак. — Свод законов
Филиал ЦГВИА — Филиал Центрального Государственного военно-исторического архива в Ленинграде
ЦГА ВМФ — Центральный Государственный архив Военно-морского флота
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Медаль на взятие Ниеншанца 1 мая 1703 г. Бронза	31
Петр I (1672—1725). Мозаика работы М. В. Ломоносова 1754 г.	32—33
Медаль на основание Петербурга 16 мая 1703 г. Бронза	32
Первый лист «Ведомостей» 1711 г. с гравюрой А. Зубова	33
А. Д. Меншиков (1670—1729). Гравюра Ж. Симона 1717 г.	34
Кроншлот. Гравюра П. Пикарта начала XVIII в. с чертежа 1704 г.	35
Русский военный флот у Кронштадта. Гравюра П. Пикарта 1715 г.	37
Петербург в 1704 г. Гравюра П. Пикарта начала XVIII в.	38
Ввод в Петербург шведских военных судов, взятых в бою при Гренгаме 27 июля 1720 г. Гравюра А. Зубова 1721 г.	39
Феофан Прокопович (1681—1736). Гравюра середины XVIII в.	45
Корабль «Полтава», построенный в петербургском Адмиралтействе в 1712 г. Гравюра П. Пикарта 1718 г.	57
Адмиралтейство и церковь Исаакия. Гравюра первой половины XVIII в.	59
Биржа и Гостиный двор на Васильевском острове. Гравюра И. Елякова 1753 г. с рисунка М. Махзена	91
Петербург. Бронзовый барельеф 20-х годов XVIII в.	101
Плотник. Офорт А. Дальстейна 40-х годов XVIII в.	106
Матрос. Офорт А. Дальстейна 40-х годов XVIII в.	107
Солдат. Офорт А. Дальстейна 40-х годов XVIII в.	113
Петербург. Гравюра П. Пикарта 1716 г.	117
Петровские ворота Петропавловской крепости. Построены в 1718 г. Архитектор Д. Трезини	119
Академия Наук (слева). Деталь гравюры Е. Виноградова 1753 г. с рисунка М. Махзена. .	121
Дворцовая набережная. Гравюра первой половины XVIII в.	124
Летний сад. Гравюра А. Зубова 1716 г.	125
Дворец в Летнем саду. Построен в 1710—1714 гг. Архитекторы Д. Трезини и А. Шлю- тер. Ашварель К. Бегрова первой половины XIX в.	127
Аничков дворец (построен в 1741—1750 гг. Архитекторы М. Г. Земцов и Г. Д. Дмитриев) и Невский проспект в сторону Адмиралтейства. Гравюра Я. Васильева 1753 г. с рисунка М. Махзена	143
Николаевский собор. Построен в 1758—1762 гг. Архитектор С. И. Чевакинский. Литография 40-х годов XIX в.	145
Архитектор В. В. Растрелли (1700—1771). Портрет маслом работы П. Ротари около 1760 г.	147

	Стр.
Адмиралтейство и Зимний дворец со стороны Невского проспекта. Гравюра Г. Качалова 1753 г. с рисунка М. Махаева	149
Зимний дворец. Построен в 1754—1762 гг. Архитектор В. В. Растрелли. (Ныне Государственный Эрмитаж)	151
Дом Шереметевых на Фонтанке. Построен в 1750—1759 гг. Архитекторы С. И. Чевачинский и Ф. Л. Аргунов. (Ныне Арктический научно-исследовательский институт)	154
Большой дворец в Петергофе. Построен в 1747—1752 гг. Архитектор В. В. Растрелли. (Ныне Петродворец)	155
Образец фасада двухэтажного дома на набережной Невы. Проект архитектора Д. Трезини. Гравюра А. Ростопцева начала XVIII в.	161
Фасад образцового дома для Петербурга. Гравюра П. Пинкарта начала XVIII в. с чертежа архитектора Д. Трезини	163
Петербург. Панорама, гравированная А. Зубовым в 1716 г.	176—177
Деталь плана, гравированного в Академии Наук под руководством И. Соколова в 1753 г. Государственные коллегии. Построены в 1722—1742 гг. Архитектор Д. Трезини. Гравюра Е. Вилкова 1753 г. с рисунка М. Махаева. (Ныне Университет им. А. А. Жданова)	179
Антюх Кантемир, дипломат, писатель-сатирик (1709—1738). Гравюра Е. В. Виноградова 1762 г.	187
С. П. Крашенинников, ученый-натуралист (1713—1755)	193
М. В. Ломоносов (1711—1765). Портрет маслом работы неизвестного художника второй половины XVIII в.	217
В. К. Тредиаковский (1703—1769). Портрет маслом неизвестного художника середины XVIII в.	224—225
Ф. Г. Волков, первый русский актер (1729—1763). Портрет маслом работы А. П. Лосенко 1763 г.	233
Автопортрет живописца А. П. Антропова (с сыном у портрета жены). Масло. 1776 г.	240—241
Адмиралтейская верфь. Литография К. Бетрова 1823 г.	244—245
Новый арсенал 1808 г. (слева). Архитектор Ф. И. Демерцов. Литография С. Ф. Галактионова 20-х годов XIX в.	257
Наделья казенного петербургского Фарфорового завода XVIII в. (Государственный Русский музей)	261
Шпалера «Лебедь» работы петербургской Шпалерной мануфактуры 80-х годов XVIII в. (Государственный Эрмитаж)	272—273
Гостинный двор и Невский проспект. Литография середины XIX в.	280—281
Матросы. Гравюра Д. Аткинсона 1803 г.	287
Постройка гранитной набережной. Фрагменты гравюры Г. И. Скородумова 80-х годов XVIII в.	297
Постройка гранитной набережной. Фрагменты гравюры Г. И. Скородумова 80-х годов XVIII в.	302
Дворник. Гравюра Д. Аткинсона 1803 г.	303
Качели и балаганы. Гравюра Д. Аткинсона 1803 г.	313
Вид Петербурга вверх по Неве. Направо Академия Наук, налево Зимний дворец. Картина маслом работы неизвестного художника второй половины XVIII в. по рисунку М. Махаева	317
Таурический дворец. Построен в 1783—1789 гг. Архитектор И. Е. Старов. Литография 20-х годов XIX в.	320—321
	324

	Стр.
Купольный зал Таврического дворца. Акварель Ф. Данилова 90-х годов XVIII в.	325
Иорданская лестница Зимнего дворца. Построена архитектором В. В. Растрелли в 1762 г. и восстановлена архитектором В. П. Стасовым в 1838 г.	328—329
Решетка Летнего сада. Построена в 1770—1784 гг. Архитекторы Ю. Фельтен и П. Егоров. Чертеж XVIII в.	329
Вид на Зимний дворец и Эрмитаж со стрелки Васильевского острова. Справа строящаяся по проекту Д. Кваренги Биржа. Гравюра В. Патерсена 1799 г.	331
Мраморный дворец (справа — построен в 1768—1785 гг. архитектором А. Ринальди) и Миллионная улица. Гравюра Мальтона конца XVIII в.	333
Здание Академии художеств. Построено в 1764—1788 гг. Архитектор А. Ф. Кокоринов. Рисунок М. Н. Воробьева 1813 г.	335
Н. А. Львов. Портрет маслом работы Д. Г. Левицкого 1789 г.	337
Памятник Петру I 1782 г. Скульпторы Э. Фальконе и М. Козлоу.	339
Михайловский замок. Построен в 1797—1800 гг. Архитекторы В. И. Баженов и В. Ф. Бренна. Акварель начала XIX в.	347
Александровский дворец в г. Пушкине. Построен в 1792—1796 гг. Архитектор Д. Кваренги.	354
Камеронова галерея в г. Пушкине. Построена в 1783—1786 гг. Архитектор Ч. Камерон	355
Гатчинский дворец. Построен в 1766—1781 гг. Архитектор А. Ринальди	356
Дворец в Павловске. Построен в 1782—1786 гг. Архитектор Ч. Камерон. Литография середины XIX в.	357
Миллионная улица. Рисунок М. И. Махаева около 1760 г.	369
Чернышев мост. Построен в 1785—1787 гг.	373
Н. И. Новиков (1744—1818). Портрет маслом мастерской Д. Г. Левицкого. 80-е годы XVIII в.	389
Титульный лист первого издания «Путешествия на Петербурга в Москву» 1790 г. (с экземпляра, принадлежавшего А. С. Пушкину)	407
А. Н. Радищев (1749—1802). Портрет маслом (копия с оригинала неизвестного мастера конца XVIII в. в Саратовском художественном музее им. А. Н. Радищева)	408—409
Н. Я. Озерецковский, ученый-географ (1750—1827). Литография 30-х годов XIX в.	421
Д. И. Фонвизин (1745—1792). Портрет маслом работы А. Ш. Караффа 1784 г.	427
П. А. Плавильщиков, актер и драматург (1781—1812). Литография Борелли с портрета XVIII в.	433
Эрмитажный театр. Построен в 1783—1787 гг. Архитектор Д. Кваренги	435
Спуск корабля в Петербурге. Акварель Ф. Шейрека 1819 г.	467
Бондари. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.	485
Столярная мастерская. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.	489
Длинные Петербург—Москва. Литография Н. Воиноватова середины XIX в.	491
Царскосельская железная дорога. Литография 1838 г.	493
Пароход на линии Петербург—Кронштадт. Литография 20-х годов XIX в.	495
Вид на Неву от Петропавловской крепости. Гравюра В. Патерсена начала XIX в.	511
Катальные горы и балаганы на Адмиралтейской площади. Литография с рисунка И. И. Шарасмана. 50-е годы XIX в.	517
Матрос у сапожника. Картина маслом А. Г. Денисова 1832 г.	521
Столяры, маляр и плотники. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.	525

	Стр.
Установка колоны южного портала Исаакиевского собора. Акварель О. Монферрана 1829 г.	529
На постройке Исаакиевского собора. Литография с рисунка О. Монферрана 20-х годов XIX в.	531
Плотники и каменщики. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.	533
Дворники и почтальон. Литография И. С. Щедровского из альбома «Вот наши». 40-е годы XIX в.	535
Почтальон в будочник. Гравюра из книги «Волшебный фонарь» (СПб., 1817)	545
Панорама Петербурга с птичьего полета. Литография с рисунка И. И. Шарлемани середины XIX в.	553
Проект Биржи и оформления стрелки Васильевского острова. Чертеж Т. Томона 1803 г.	554
Вид стрелки Васильевского острова. В центре — здание Биржи. Построено в 1803—1810 гг. Архитектор Т. Томон. Литография 40-х годов XIX в.	555
Адмиралтейство. Построено в 1806—1823 гг. Архитектор А. Д. Захаров. Акварель середины XIX в.	559
Сенатская площадь. Рисунок Л. О. Премации 40-х годов XIX в.	561
Главная лестница Адмиралтейства. Построена в 1811—1815 гг. Архитектор А. Д. Захаров	563
Смольный институт. Построен в 1805—1809 гг. Архитектор Д. Кваренги. (Ныне Областной и Городской комитеты КПСС)	567
А. Н. Воронихин (1760—1814). Автопортрет. Масло. Около 1813 г.	569
Казацкий собор. Построен в 1801—1811 гг. Архитектор А. Н. Воронихин. Гравюра В. Патерсена начала XIX в.	571
Горный институт. Построен в 1806—1811 гг. Архитектор А. Н. Воронихин	573
Нарвские ворота. Построены в 1814 г. Архитектор Д. Кваренги. Литография К. Бегрова 1823 г.	575
Панорама Петербурга (с башни Купцовомеры) работы Товелли. Акварель 1817—1820 гг. 576—577	576—577
Архитектор К. И. Росси (1775—1849). Портрет маслом работы Б. Ш. Митурара. 30-е годы XIX в.	579
Вид Дворцовой площади до перестройки К. И. Росси. Акварель М. Н. Воробьева, около 1814 г.	581
Елагин дворец. Построен в 1818—1822 гг. Архитектор К. И. Росси. Литография 20-х годов XIX в.	582
Михайловский дворец (ныне Государственный Русский музей). Построен в 1819—1825 гг. Архитектор К. И. Росси. Акварель И. И. Шарлемани середины XIX в.	583
Эрмитаж (1839—1852). Архитектор Л. Кленце. Акварель Л. О. Премации 1860 г.	592—593
Маринский дворец. Построен в 1839—1844 гг. Архитектор А. И. Штакенишнейдер. (Ныне Исполнительный комитет Городского Совета депутатов трудящихся)	595
Дворец Белосельских-Белозерских. (Ныне Куйбышевский районный комитет КПСС). Построен в 1846—1849 гг. Архитектор А. И. Штакенишнейдер. Литография с рисунка И. И. Шарлемани середины XIX в.	597
Фонтан «Самсон» в Петергофе (ныне Петродворец) по модели скульптора М. И. Козовского. 1801 г.	598—599
Съезжая (Адмиралтейская часть). Литография 40-х годов XIX в.	603
Невский проспект у Городской думы. Литография 1825 г.	607

	Стр.
Зеленый мост. Гравюра В. Патерсона начала XIX в. (Ныне Народный мост)	612
Весной на окраине Петербурга. Акварель Н. Ульянова середины XIX в.	613
Павтелеймоновский ценной мост и Михайловский замок. Литография Ф. Кюорра 1824 г.	619
Постройка берегового устоя для Исаакиевского моста. Литография 20-х годов XIX в.	621
Извозчики. Литография А. О. Орловского 1825 г.	624
Выезд пожарных (Адмиралтейская часть). Литография 30-х годов XIX в.	625
М. И. Кутузов у портрета А. В. Суворова. Гравюра Л. А. Серикова с портрета 1813 г.	649
Прибытие останков М. И. Кутузова в Петербург 11 июня 1813 г. Гравюра М. Н. Воробьева 1814 г.	651
К. Ф. Рылеев (1795—1826). Гравюра с портрета неизвестного художника 20-х годов XIX в.	671
На Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Акварель К. И. Кольмина 1825 г.	672—673
Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Место заключения декабристов. (Ныне филиал Музея Революции)	677
Титульный лист «Современника» 1836 г.	683
А. И. Герцен (1812—1870). Рисунок К. Вихберга 30-х годов XIX в.	689
В. Г. Белинский (1810—1848). Литография К. А. Горбунова 40-х годов XIX в.	691
Н. Г. Чернышевский (1828—1889). С фотографии 1859 г.	701
И. А. Крылов (1768—1844). Литография 20-х годов XIX в.	719
Титульный лист «Полярной звезды» 1823 г.	723
А. С. Грибоедов (1795—1829). Портрет работы Н. Н. Крамского 1875 г.	725
О. А. Кипренский (1783—1836). Автопортрет, карандаш, 1828 г.	741
Памятник А. В. Суворову 1801 г. Скульптор М. И. Козловский	743
Львы Банковского моста (чугун) по модели скульптора П. П. Соколова 1825 г.	744
Галерея 1812 года в Зимнем дворце (ныне Государственный Эрмитаж). Архитекторы К. И. Росси (1826 г.) и В. П. Стасов (1838 г.)	745
А. С. Пушкин (1799—1837). С портрета маслом О. А. Кипренского 1827 г., копия пастелью работы Н. Н. Ге	748—749
М. Ю. Лермонтов (1814—1841). Литография с акварели К. А. Горбунова 1841 г.	752—753
Н. В. Гоголь (1809—1852). Литография с портрета работы Ф. А. Моллера 1841 г.	755
Н. А. Некрасов (1821—1877). Литография середины XIX в.	759
А. Е. Мартынов, актер (1816—1860). Литография середины XIX в.	765
М. И. Глинка (1804—1857). Литография с рисунка Н. И. Тихобразова 1843 г.	771
К. П. Брюллов (1799—1852). Гравюра И. П. Пожалостана с автопортрета 1848 г.	784—785
Группа на Аничковом мосту. Скульптор П. К. Клодт, 1841 г.	784—785
Нева и пристань у Академии художеств. Литография 40-х годов XIX в.	797
Торговец книгами и писатель. Гравюра из книги «Волшебный фонарь» (СПб., 1817 г.)	807
П. Л. Чебышев, математик (1821—1894). Литография середины XIX в.	837
И. П. Кулибин, механик Академии Наук (1735—1818). Портрет маслом работы неизвестного художника начала XIX в.	847
Однопролетный деревянный мост через Неву. Проект И. П. Кулибина 1776 г. Гравюра конца XVIII в.	849

КАРТЫ

	Стр.
Старинная русская карта XVII в. с обозначением русских и шведских городов в районах, прилегающих к Финскому заливу	15—17
План Невской дельты 1698 г. с показанием в ней шведских укреплений. Снят со старого шведского чертежа	25
План Невской дельты 1705 г., изданный Военно-топографическим депо в 1846 г.	41
План Петербурга 1717 г., изданный в Нюрнберге И. Б. Хоманом	128—129
План Петербурга 1737 г., изданный Академией Наук в 1741 г.	144—145
Центр Петербурга. Деталь плана, гравированного в Академии Наук под руководством И. Соколова в 1753 г.	179
План Петербурга 1792 г.	320—321
План Петербурга 1840 г., изданный Военно-топографическим депо в 1846 г.	580—581

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 5
Часть первая	
ПЕТЕРБУРГ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА	
(до середины 60-х годов XVIII в.)	
Глава первая. Историко-географический очерк района Петербурга до основания города (<i>К. Н. Сербина</i>)	11
Глава вторая. Основание Петербурга. Политическая и общественная жизнь города в 1703—1725 гг. (<i>А. В. Предтеченский</i>)	28
Глава третья. Экономическая жизнь Петербурга до 60-х годов XVIII в. (<i>А. Е. Сукиновалов</i>)	52
Глава четвертая. Население Петербурга до 60-х годов XVIII в. (<i>Г. Е. Кочин</i>)	94
Глава пятая. Архитектура и планировка Петербурга до 60-х годов XVIII в. (<i>А. И. Гегелло и В. Ф. Шилков</i>)	115
Глава шестая. Городское управление и городское хозяйство Петербурга до 60-х годов XVIII в. (<i>С. П. Луппов</i>)	158
Глава седьмая. Общественная и политическая жизнь Петербурга с 1725 г. до 60-х годов XVIII в. (<i>В. В. Мавродин</i>)	183
Глава восьмая. Культурная жизнь Петербурга до 60-х годов XVIII в. Просвещение и наука (<i>В. Н. Бернадский и И. И. Любименко</i>). Литература (<i>В. Н. Бернадский и И. И. Любименко</i>). Театр (<i>А. В. Предтеченский и М. П. Троянский</i>). Музыка (<i>Ю. В. Келдыш</i>). Изобразительное искусство (<i>А. Л. Каганович</i>)	208

Часть вторая

ПЕТЕРБУРГ В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА
(60—90-е годы XVIII в.)

	Стр.
Глава девятая. Экономическая жизнь Петербурга 60—90-х годов XVIII в. (<i>В. И. Макаров</i>)	251
Глава десятая. Население Петербурга в 60—90-х годах XVIII в. (<i>Г. Е. Кочин</i>)	294
Глава одиннадцатая. Архитектура Петербурга 60—90-х годов XVIII в. (<i>А. И. Гегелло</i> и <i>В. И. Пилявский</i>)	320
Глава двенадцатая. Городское управление и городское хозяйство Петербурга в 60—90-х годах XVIII в. (<i>С. П. Луппов</i>)	360
Глава тринадцатая. Общественная и политическая жизнь Петербурга в 60—90-х годах XVIII в. (<i>А. В. Предтеченский</i>)	380
Глава четырнадцатая. Культурная жизнь Петербурга в 60—90-х годах XVIII в. Просвещение и наука (<i>В. Н. Бернадский</i> и <i>И. И. Любименко</i>). Литература (<i>В. Н. Бернадский</i> и <i>И. И. Любименко</i>). Театр (<i>А. В. Предтеченский</i> и <i>М. П. Троицкий</i>). Музыка (<i>Ю. В. Келдыш</i>). Изобразительное искусство (<i>А. Л. Казанович</i>).	410

Часть третья

ПЕТЕРБУРГ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(от конца XVIII в. до 1861 г.)

Глава пятнадцатая. Экономическая жизнь Петербурга в период разложения и кризиса крепостничества (<i>М. П. Вяткин</i>)	447
Глава шестнадцатая. Население Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. (<i>А. И. Коланос</i>)	506
Глава семнадцатая. Архитектура Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. (<i>А. И. Гегелло</i> и <i>В. И. Пилявский</i>)	550
Глава восемнадцатая. Городское управление и городское хозяйство Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. (<i>С. П. Луппов</i> и <i>И. И. Петров</i>)	601
Глава девятнадцатая. Общественная жизнь Петербурга в первой четверти XIX в. Восстание декабристов (<i>А. В. Предтеченский</i>)	630
Глава двадцатая. Политическая и общественная жизнь Петербурга 30—50-х годов XIX в. (<i>А. В. Предтеченский</i>)	676

	Стр.
Глава двадцать первая. Литературная и художественная жизнь Петербурга от конца XVIII в. до 1861 г. (<i>А. В. Предтеченский</i>)	715
Глава двадцать вторая. Просвещение и наука в Петербурге от конца XVIII в. до 1861 г. Просвещение (<i>А. И. Копанев</i>). Общественные науки (<i>С. С. Волк</i>). Естествознание и техника (<i>А. А. Елисеев</i> и <i>Г. Е. Павлова</i>).	787
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	851
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	857
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	873
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	887
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	888

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии Наук СССР*

Редактор издательства *М. В. Медведев*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *И. В. Матишева* и *Е. Е. Соловьева*

РИСО АН СССР № 11—69В, М-48417. Подписано в печать 12. IX. 1955 г. Бумага 84 × 108/16. Пум. л. 28. Печ. л. 94,83. Уч.-изд. 64,77+27 изд. (4,92 уч. л.). Тираж 10000. Заказ № 1881. Цена 45 р. 65 к.

Министерство культуры СССР.

Главное управление полиграфической промышленности, 2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Исправление	Должно быть
40	10 сверху	чернит	черн-от
345	1 снизу	ЦГАВМФф.	ЦГАВМФ, ф.
448	7 снизу	1855 гг.	1856 гг.
497	Таблица, 3-я графа, 2 снизу	18 000 т. пул.	18 000 пул.
497	Таблица, 4-я графа, 2 снизу	28 000 т. пул.	28 000 пул.
860	Левый столбец, 13 снизу	Генни Н. Е.	Генни В. И.
860	Левый столбец, 12 снизу	Генни В. И. 67.	Генни В. И. 67, 120.
862	Правый столбец, 2 снизу	Ислентев	Исленьев
865	Правый столбец, 17 снизу	Микетти	Микетти
866	Правый столбец, 8 снизу	Овсению- Куликовский	Овсению- Куликовский
869	Левый столбец, 23 сверху	Сандуков	Сандунов
869	Левый столбец, 24 сверху	Сандукова	Сандунова

1957